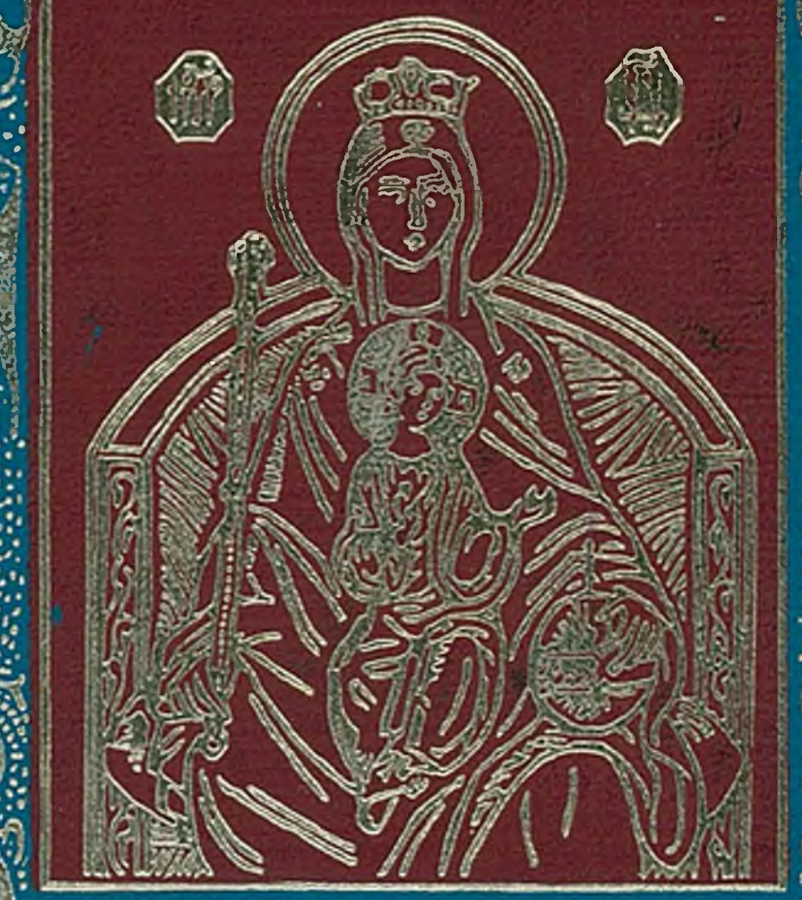
ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Отъ возстановленія Патріаршества до нашихъ дней.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Новый Патріаршій Періодъ

ТОМЪ 1

1917-1970

Утверждена грамота Великого Московского собора

Всяк Гдь Бг҃ъ Дх҃ъ Свои
Стыи в сердца всѣх
православных христіан, яко
единыма усты вопіяхом, что
быти на Владимірском и Московском
всѣх Россійских
и Великих
Государствах
и половцах.
Заведено, чтобы Избранный Божій, Царь
и Самодержецъ Комендовал всѣ
Родственныя Державы
Россійскаго Государства
и Русь
не рода в рода, и междоусобіи
в своих дѣлех пред Единым Небесным Царем.

И кто же пойдет противу сего
Соборнаго постановленія: Царь ли,
Патріархъ ли, и всякъ человѣкъ, да
проклянется таковый в сем вѣцѣ и
в будущем, ѿлученъ бо будет ѿ
Стыя Троицы.

Труды Русской Православной Академіи
Богословскихъ Наукъ и Научно-Богословскихъ Изслѣдованій
Томъ 1

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Отъ Восстановленія Патріаршества до нашихъ дней

Томъ I

1917 - 1970

ВОСКРЕСЕНІЕ

Санктъ-Петербургъ

1997

АВТОРСКІЙ КОЛЛЕКТИВЪ:

Данилушкинъ Міхаилъ Бориславичъ;
Никольская Татьяна Кирилловна;
Шкаровскій Міхаилъ Вітальевичъ,
докторъ историческихъ наукъ;
священникъ Владиміръ Дмитріевъ;
Кутузовъ Борисъ Павловичъ

подъ общей редакціей Данилушкина М.Б.

Данная книга является фундаментальнымъ изслѣдованіемъ исторіи РПЦ XX столѣтія, въ которой съ православныхъ историко-богословскихъ позицій излагается церковная исторія Новѣйшаго времени и даётся анализъ важнѣйшихъ явленій и процессовъ. Со-бытія церковной жизни и ея актуальныя проблемы рассматриваются въ контекстѣ общегражданской исторіи съ широкимъ привлеченіемъ документальныхъ матеріаловъ (въ томъ числѣ неопубликованныхъ), что создаётъ глубокую цѣлостную концепцію духовнаго пути Православнаго Русскаго народа. Одной изъ цѣлей книги является попытка проанализировать духовныя причины той катастрофы, которая произошла съ нашей страной послѣ 1917 года.

Книга написана для студентовъ Духовныхъ Академій и Семинарій. Будущимъ пастырямъ и богословамъ особенно важно знать прошлое родной Церкви, чтобы въ будущемъ устремить свои усилія на преодоленіе ошибокъ прошлаго и достиженіе единства Русского Православія.

Книга одобрена къ напечатанію Учебнымъ Комитетомъ при Священномъ Синодѣ Русской Православной Церкви (рецензія за № 1784 отъ 12 Декабря 1996 года).

Лицензія ЛР № 063336 отъ 7(20) Апреля 1994 г.
ISBN 5-88335-019-4

© Издательство «Воскресеніе»

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ

«Воспитать живую веру –
сегодня главная задача
православнаго пастыря».

Протоіерей Василій Ермаковъ
(Санктъ-Петербургъ, 1997 годъ)

Видимо, лишь теперь настало въ мѣру благодатное время для изученія исторіи Русской Православной Церкви послѣднихъ десятилѣтій. Не только цензурные барьеры, сокрытіе многихъ фактовъ и документовъ мѣшали сдѣлать это преждѣ. Трагическій періодъ долженъ былъ завершиться, должны были произойти какія-то серьёзныя, качественныя перемѣны въ политическомъ и духовномъ состояніи общества, чтобы мы могли оглянуться назадъ и объективно оцѣнить пройденный Русскимъ народомъ и Русской Церковью путь. Послѣдній его отрѣзокъ мы и сами успѣли застать въ своёмъ дѣтствѣ и юности. На фонѣ офиціальной помпезности и самоувѣреннаго коммунистическаго энтузіазма въ сердцахъ людей возникала иллюзія, что совѣтскому царству безъ Бога несть конца, что оно вѣчно и твѣрдо, и всякій протестъ противъ него прошелеститъ, аки шёпотъ, ничѣмъ не нарушивъ грома бравурныхъ маршевъ. Этотъ соблазнъ губилъ сильныхъ и малодушныхъ, толкалъ на предательства и безполезные компромиссы. Тяжелѣйшимъ испытаніямъ подверглась въ тѣ годы Православная Церковь. Закрытые храмы, разрушенные монастыри, немногочисленныя дѣйствующія церкви, посѣщаемые, въ основномъ, старушками; человѣку ненаблюдательному казалось, что только это и осталось отъ Православной Руси. Но страшнѣе внѣшнихъ разрушеній было разрушеніе внутреннѣе. Не довольствуясь своимъ политическимъ превосходствомъ, угрозами и преслѣдованіями, совѣтская власть пыталась уничтожить Православіе расколами, насажденіемъ ересей, подкупала и подчиняла служителей, искала открытыхъ и тайныхъ измѣнниковъ среди мірянъ...

Но мы бы ошиблись, если бы ограничили церковную исторію лишь тёмными страницами отступничества и компромиссовъ. Это было время великихъ духовныхъ подвиговъ. Пожалуй, съ первыхъ вѣковъ Христіанства не появлялось за такой короткій періодъ столько мучениковъ за вѣру, столько безстрашныхъ исповѣдниковъ, для которыхъ *«жизнь – Христосъ, и смерть – пріобрѣтеніе»* (Фил. 1:21). И, хотя не нашлось въ этотъ рѣшающій моментъ духовнаго вождя,

способнаго, подобно святому Патріарху Гермогену въ XVII столѣтіи, собрать и объединить Русскій народъ на борьбу съ демонической властью, тѣмъ не менѣе большинство христіанъ избрали путь вѣрности Богу – путь, обѣщавшій страданія, нерѣдко – гибѣль. Извѣстныхъ и безымянныхъ, ихъ всѣхъ соединилъ подвигъ великаго духовнаго противостоянія. Тѣ, кто привыкъ снисходительно взирать на молящихся въ храмахъ старушекъ, такихъ простыхъ и немощныхъ, должны задуматься, что именно слабыя и немощныя отстояли свою духовную свободу во времена, когда молчали вліятельные и знаменитые. Отстояли въ конечномъ итогѣ не только для себя. Передъ могучей внутренней силой этихъ простыхъ людей содрогнулась и отступила грандіозная политическая система, наводившая ужасъ на весь міръ.

Вниманіе современниковъ къ исторіи Новаго Патріаршаго періода было бы слишкомъ сухо и невѣрно назвать просто интересомъ. Это восхищеніе и гнѣвъ, осмыслѣніе прошлаго и задачи для будущаго. Поэтому мы счастливы, что нашему Издательству «Воскресеніе» выпала честь выпустить въ свѣтъ одно изъ первыхъ объективных изслѣдованій по исторіи Русской Православной Церкви XX столѣтія.

Работа охватываетъ періодъ съ 1917 по 1997 гг. съ освѣщеніемъ предысторіи созыва Помѣстнаго Собора 1917–1918 гг. Особо интересные и представительные по объёму документы, иллюстрирующіе основной текстъ, объединены редакціей въ *Приложеніи.*

Книга эта предназначена какъ для спеціалистовъ, такъ и для широкаго круга читателей, интересующихся Православіемъ и отечественной исторіей. Мы хотимъ, чтобы она не только помогла узнать и лучшѣ понять прошлое, но и послужила рѣшенію важной задачи будущаго – возрожденію духовнаго единства Русскаго народа, трагически раздѣлённаго расколомъ XVII вѣка, а также новѣйшими расколами. Ибо единство націи всегда служитъ надёжнымъ обезпечѣніем устойчиваго поступательнаго духовно-нравственнаго развитія, а, стало быть, и прочаго благосостоянія народа и процвѣтанія Государства.

ВВЕДЕНІЕ

Если разсматривать совѣтскій періодъ въ отрывѣ отъ дореволюціонной исторіи, то трудно понять и осмыслить непостижимую лёгкость, почти «мгновенность» побѣды воинствующаго атеизма надъ народомъ, болѣе тысячелѣтія исповѣдующимъ Православіе; надъ страной, гдѣ на протяженіи всей ея признанной исторіи оно являлось господствующей и государственной религіей, опредѣляя и направляя на самомъ дѣлѣ всѣ стороны жизни Русскаго общества – отъ международныхъ отношеній до семейныхъ обычаевъ и домашняго быта. Между тѣмъ, сложный и неоднозначный процессъ распространенія въ Россіи атеизма, ослабленія Русской Православной Церкви и низведенія Её до уровня безъиниціативной іерархической структуры – безправной, затравленной и привыкшей подчиняться свѣтской власти – начался задолго до трагедіи 1917 года.

Послѣ паденія Константинополя въ 1453 году Московская Русь на долгіе вѣка оставалась единственнымъ въ мірѣ Православнымъ государствомъ. Въ этой связи появившійся тогда извѣстный идеологическій тезисъ «Москва – третій Римъ», выраженный старцемъ Трёхсвятительскаго Псковскаго Елеазарова монастыря Филофеемъ, пріобреталъ не только государственно-политическое, но преждѣ всего религіозное значеніе. Въ своёмъ знаменитомъ «Посланіи Мисюрю Мунехину на звѣздочетцевъ» (ок. 1523 г.) Филофей писалъ: «...вся христіанскія царства пріидоша въ конецъ и снидошася во

едино царство нашаго Государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Росейское царство: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти»*. Москва, какъ духовная преемница Рима (раннее Христіанство) и Византіи (Восточное Христіанство), олицетворяла неизмѣнность и незыблемость Православія въ его торжествѣ и силѣ.

Средневѣковыя Богословскія воззрѣнія, такія, какъ «Москва – третій Римъ» или «Русь – новый Іерусалимъ» вмѣстѣ составляли понятіе Святая Русь, которое сохранилось до нашихъ дней въ образѣ ностальгическаго напоминанія о временахъ, когда Русская Православная Церковь занимала главенствующее положеніе въ сердцѣ народа и свѣтской власти.Не будучи святой въ смыслѣ праведности, полной безгрѣшностн (что, естественно, являлось утопіей), Русь на протяженіи вѣковъ сумѣла развить въ себѣ и укрѣпить стойкую убѣждённость въ пріоритетѣ вѣчныхъ Христіанскихъ законовъ надъ временными мірскими. Исходя изъ этихъ взглядовъ, чисто свѣтская для Запада идея повиновенія подданыхъ своему правителю на основѣ граждапскаго долга и соблюденія взаимныхъ интересовъ преобразилась на Руси въ религіозную идею послушанія Царю, какъ Помазаннику Божію. Схіархимандритъ Варсонофій (Плиханковъ) Оптинскій слѣдующимъ образомъ объяснялъ эти настроенія: «Преданность Православнаго Русскаго народа Царямъ своимъ совсемъ не то, что преданность западныхъ народовъ къ ихъ государямъ... Нашъ Царь есть представитель воли Божіей, а не народной. Его воля священна для насъ, какъ воля Помазанника Божія; мы любимъ его потому, что любимъ Бога. Славу же и благоденствіе даруетъ намъ Царь, мы принимаемъ это отъ него какъ Милость Божію. Постигаетъ ли насъ безславіе и бѣдствіе, мы переносимъ ихъ съ кротостію и смиреніемъ, какъ казнь небесную за

**Возможно, желая сокрушить этотъ символъ и противопоставить ему собственные планы и намѣренія, императоръ Пётръ I рѣшилъ назвать новый городъ, заложенный въ началѣ XVIII столѣтія въ устьѣ рѣки Невы, Санктъ-Петербургомъ — градомъ святаго Петра, коимъ католическій міръ считалъ Римъ. Самимъ названіемъ самодержецъ какъ бы провозглашалъ своимъ современникамъ и потомкамъ, что четвёртому Риму «быти» — и этимъ Римомъ станетъ новая столица Россійской Имперіи, которая послужитъ «окномъ въ Европу» и затмитъ невиданнымъ блѣскомъ «третій Римъ» — Москву. Не случайно строительство новаго города, казалось бы, не имѣвшее отношенія къ религіозной жизни Русскаго народа, многіе современники восприняли именно съ религіозной точки зрѣнія, какъ очередной вызовъ и даже святотатство.*

наши беззаконія, и никогда не измѣнимъ въ любвѣ и преданности Царю, пока онѣ будутъ проистекать изъ нашихъ православно-религіозныхъ убѣжденій, изъ нашей любви и преданности Богу»[2].

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и подчинѣніе монарху не было непреложнымъ въ случаѣ, если долгъ подданнаго вступалъ въ противорѣчіе съ долгомъ передъ Церковью (впослѣдствіи пониманіе такого взаимоотношенія развилъ въ своёмъ ученіи свпреп. Іосифъ Волоцкій). Понятіе «Святая Русь» напоминало средневѣковому человѣку о своёмъ религіозномъ назначеніи, более важномъ и долговременномъ, нежели актуальные политическіе интересы. Святая Русь – значитъ, освящённая, избранная Богомъ къ исполнѣнію особой миссіи – быть драгоцѣннымъ сосудомъ, въ которомъ сохранится для міра и всѣхъ народовъ, нынѣ отпавшихъ, чистота и незыблемость Православія.

Интересно, что идея избранности Россіи продолжала жить и тогда, когда померкла ея религіозная направленность. Вѣра въ мессіанское назначеніе Русскаго народа изъ вѣка въ вѣкъ вольно или невольно пронизывала всѣ идеологіи, иногда вопреки желаніямъ ихъ выразителей. Можно по-разному къ этому относиться, но до сихъ поръ ни одно поколѣніе не смогло полностью «забраковать» или обойти идею избранности Россіи или наличія у неё особыхъ законовъ развитія. Не только консерваторы, но и лѣвые радикалы нерѣдко смыкались, хотя и по разнымъ причинамъ, въ данномъ вопросѣ. На вѣрѣ въ особый путь Россіи строили свою тактику бакунисты и народники. Даже марксисты – наиболее западническое крыло революціоннаго лагеря, – придя къ власти, вынуждены были признать наличіе національной специфики и особыхъ національныхъ условій, съ которыми слѣдуетъ считаться. Въ бурныхъ дискуссіяхъ 1920-хъ годовъ коммунисты пытались проанализировать со своихъ позицій особенности дальнѣйшаго развитія подсовѣтской Россіи въ условіяхъ международной изоляціи. Въ годы Великой Отечественной войны православныя, національно-патріотическія и мессіанскія идеи (Русскій народъ – освободитель человѣчества отъ германскаго фашизма) активно использовались совѣтской коммунистической пропагандой взамѣнъ прежнихъ абстрактно-интернаціональныхъ лозунговъ, такъ и не сумѣвшихъ привиться на русской почвѣ.

Народъ средневѣковой Руси не разбирался въ идеологіяхъ, и тѣ мысли, которыя впослѣдствіи такъ подробно разрабатывали славянофилы, консерваторы, монархисты, націоналисты и даже ихъ противники, исповѣдывалъ стихійно, подсознательно, какъ истины совершенно непреложныя и не нуждающіяся въ поясненіяхъ и подробныхъ доказательствахъ. Основныхъ идей было несколько. Русь – это особенная, единственная страна, сохранившая вѣрность Православію, и Русскій человѣкъ долженъ поэтому съ особой бѣрежностью хранить, уважать и тщательно соблюдать свои православныя традиціи. Въ общеніи съ иноземцами онъ долженъ, не избѣгая дипломатическихъ, торговыхъ и другихъ полезныхъ дѣловыхъ отношеній, чётко помнить своё отличіе отъ нихъ и не преклоняться, а тѣмъ болѣе – не перенимать ихъ образъ жизни, нравы и обычаи. Русскій Православный Царь является Божіимъ Помазанникомъ, Которому слѣдуетъ безропотно подчиняться; однако, и Онъ долженъ помнить о Высшемъ судѣ и о томъ, что за его личные грѣхи гнѣвъ Божій можетъ пасть на всю Русскую землю.

Иностранные наблюдатели, отмѣчавшіе необыкновенную покорность Русскихъ людей своему монарху, одновременно удивлялись ихъ религіозному безстрашію. Жестокій всесильный Царь не могъ покарать нищаго юродиваго за его дерзкія разоблаченія, опасаясь не только Божія наказанія, но и гнѣва толпы, которая почла бы это святотатствомъ. Юродство Христа ради пользовалось на Руси большимъ почётомъ и уваженіемъ. «Юродивый, блаженный, отрѣшался отъ всѣхъ благъ житейскихъ, не только отъ тѣлесныхъ, но и отъ духовныхъ удобствъ и приманокъ, отъ почестей, славы, уваженія и привязанности со стороны ближнихъ. Мало того, онъ дѣлалъ боевой вызовъ этимъ благамъ и приманкамъ: нищій и безпріютный, ходя по улицамъ босикомъ, въ лохмотьяхъ, поступая не по-людски, по-уродски, говоря неподобныя рѣчи, презирая общепринятыя приличія, онъ старался стать посмѣшищемъ для неразумныхъ и какъ бы издѣвался надъ благами, которыя люди любятъ и цѣнятъ, и надъ самими людьми, которые ихъ любятъ и цѣнятъ. Въ такомъ смиреніи до самоуничиженія Древняя Русь видела практическую разработку высокой заповѣди о блаженствѣ нищихъ духомъ, которымъ принадлежитъ Царство Божіе. Эта ду-

ховная нищета въ лицѣ юродиваго являлась ходячей мірской совѣстью, «лицевымъ» въ живомъ образѣ обличеніемъ людскихъ страстей и пороковъ, и пользовалась въ обществѣ большими правами, полной свободой слова: сильные міра сего, вельможи и цари, самъ Грозный, терпеливо выслушивали смѣлыя, насмѣшливыя или бранливыя рѣчи блаженнаго уличнаго бродяги, не смѣя дотронуться до него и нальцемъ»[3].

Голландскій торговецъ Исаакъ Масса, проживший на Руси восемь лѣтъ и оставивший о томъ яркое, полное интересныхъ подробностей, сочиненіе, удивлённо писалъ, что Царь Борисъ Годуновъ покорно и со смирѣннымъ страхомъ выслушалъ юродивую пророчицу Елену, предрѣкшую конецъ его царствованію[4]. По мнѣнію И.Массы, Царь долженъ былъ наказать распространительницу опасныхъ слуховъ, но для самаго Годунова событіе выглядело иначе... Онъ верилъ въ произнесенный приговоръ, какъ верилъ и въ мистическую связь между Царемъ и народомъ. когда Богъ караетъ Царя отступничествомъ народа, а народъ – потерей Царя и безвластіемъ. Дальнейшіе событія, которыхъ Годуновъ уже не увиделъ, словно подтверждали эту убежденность. Своей яркостью и странной, почти математически выстроенной мистической предопредѣленностью онѣ поражали умы многихъ историковъ, писателей и философовъ, размышлявшихъ о таинственныхъ свойствахъ монархической власти и ея взаимоотношеніяхъ съ народомъ.

Обычно довольно равнодушные къ политической борьбѣ Русскіе люди умѣли сдѣлать политическій выборъ и проявить гражданскую активность въ случаѣ, если затрагивались интересы Православія. Несоблюдѣніе, а иногда и демонстративное пренебреженіе православными обычаями и обрядами въ контрастѣ съ подчёркнутымъ уваженіемъ къ католицизму быстро·оттолкнули народъ отъ Лжедмитрія, который поначалу былъ принятъ въ Москвѣ съ ликованіемъ, какъ сынъ Іоанна Грознаго и законный наслѣдникъ престола. Горожане убили Самозванца, ещё не будучи убѣжденными въ его нецарскомъ происхождѣніи и тѣмъ болѣе не зная о его тайныхъ переговорахъ съ іезуитами, но инстиктивно почувствовавъ въ нёмъ человѣка чуждаго какъ для Русскаго престола, такъ и для Православной Церкви. Никакія личныя достоинства Лжедмитрія

– его умъ, простота, незлобивость – не смогли реабилитировать въ глазахъ народа его католическія симпатіи и оправдать пренебреженіе Православной вѣрой.

Найденные позднѣе документы подтвердили, что ходившія по Москвѣ подозрѣнія и слухи, навѣянные вызывающимъ поведѣніемъ молодаго Царя, имѣли реальныя основанія. Не довѣряя чрезмѣрной пылкости своего протеже и сомнѣваясь въ его политической разчётливости, іезуиты тайно инструктировали Самозванца о мѣрахъ по введенію на Руси католичества. Объ этомъ же онъ, ещё будучи претендентомъ на тронъ, началъ секретную переписку съ Римомъ. Послѣ гибели перваго Лжедмитрія іезуиты не оставили попытокъ возвѣсти на Русскій престолъ своего ставленника – на этотъ разъ для болѣе осторожнаго и осмотрительнаго введенія Флорентійской уніи. Церковный историкъ XIX вѣка митрополитъ Макарій (Булгаковъ) въ своей 13-томной работѣ «Исторія Русской Церкви» приводитъ сохранившуюся инструкцію второму Лжедмитрію, тезисы изъ которой дали основаніе некоторымъ изслѣдователямъ Старообрядчества заподозрить въ Никоновской реформѣ результатъ дѣятельности тѣхъ же іезуитовъ:

> «д) самому Государю заговаривать объ уніи рѣдко и осторожно, чтобъ не отъ него началось дѣло, а пусть сами Русскіе первые предложатъ (поднять вопрос) о некоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ преобразования, и тѣмъ положатъ путь къ уніи;
> е) издать законъ, чтобы въ Церкви Русской всё подведено было подъ правила соборовъ и отцовъ Греческихъ и поручить исполненіе закона людямъ благонадёжнымъ, приверженцамъ уніи: возникнутъ споры, дойдутъ до Государя; онъ назначитъ соборъ, а тамъ, съ Божьей помощью, можно будетъ приступить и къ уніи;
> з) намѣкнуть чёрному духовенству о льготахъ, бѣлому о наградахъ, народу о свободѣ, всѣмъ – о рабствѣ грековъ;
> и) учредить семинаріи, для чего призвать изъ-за границы людей учёныхъ, хотя свѣтскихъ»[5].

Побѣда въ 1612 году Русскаго Народнаго Ополченія (чёрныхъ сотенъ) надъ Поляками и вставшей на ихъ сторону частью Казачества, созывъ Всероссійскаго Земскаго Собора и воцареніе династіи Романовыхъ положили конецъ не только Смутному времени, но и

всякимъ реальнымъ планамъ открытой католической экспансіи. Въ эти трудные годы Русская Православная Церковь вмѣстѣ съ народомъ дѣлила его бѣдствія и, компенсируя политическое безвластіе, ярко проявила Свою объединительную силу и традиціонный для Неё патріотизмъ. Мощнымъ духовнымъ импульсомъ къ созданію Ополченія послужили грамоты святаго Патріарха Гермогена съ призывомъ собраться землѣ Русской и вооружаться для борьбы съ Поляками и казаками, ставшими «врагами ещё болѣе горшими для Русской земли, чѣмъ поляки»[6].

Внѣшняя побѣда надъ иноземцами, однако, не вернула Русь на уровень прежнихъ отношеній съ Западомъ, при которыхъ отсутствовала потребность въ нравственномъ подчиненіи и признаніи окружающихъ культуръ болѣе высшими по сравненію съ собственной. Именно къ XVII вѣку такіе историки, как В.О. Ключевскій, относятъ начало иноземнаго вліянія постѣпенно захватывавшаго всѣ стороны русской жизни и объективно подготовившаго какъ Никоновскія, такъ и Петровскія реформы. Анализируя этотъ процессъ, В.О. Ключевскій писалъ: «Западное вліяніе, проникая въ Россію, встрѣтилось здѣсь съ другимъ господствовавшимъ въ ней дотолѣ вліяніемъ – восточнымъ, греческимъ, или византійскимъ... Греческое вліяніе было принесено и проводилось Церковью и направлялось къ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ... Оно руководило лишь религіозно-нравственнымъ бытомъ народа... Напротивъ, западное вліяніе постѣпенно проникало во всѣ сферы жизни, измѣняя понятія и отношенія, напирая одинаково сильно на государственный порядокъ, на общественный и будничный бытъ, внося новыя политическія идеи, гражданскія требованія, формы общежитія, новыя области знанія, передѣлывая костюмъ, нравы, привычки и вѣрованія, перелицовывая наружный видъ и перестраивая духовный складъ Русскаго человѣка»[7].

Одновременно въ тѣ же годы начался противоположный процессъ, который въ дальнѣйшемъ нашёлъ яркое выраженіе въ Расколѣ и сопротивленіи петровскимъ реформамъ – движеніе противъ иноземнаго вліянія и опасности духовнаго порабощенія Русскаго народа. Показателемъ такихъ настроеній стало слѣдственное дѣло, производившѣеся въ 1650 году. Маленькая группа московской уча-

щейся молодёжи – Лукіанъ Голосовъ, Иванъ Засѣцкій и Константинъ Ивановъ агитировали товарищей не изучать Латинскій языкъ и другія науки, такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, приводитъ къ духовнымъ соблазнамъ и уклоненіямъ въ ересь[8]. Боязнь ересей и духовной зависимости отъ Запада была распространена не только среди образованныхъ людей, но ещё болѣе широко въ народныхъ низахъ, особенно большихъ городовъ. Когда въ 1648 году молодой Царь Алексѣй Міхайловичъ собирался жениться, по Москвѣ распространились слухи, что скоро настанетъ конецъ древлему благочестію и будутъ введены новые иноземные обычаи. Къ этому времени относится и появленіе извѣстной «Книги о вѣрѣ», гдѣ предсказывалось близкое пришествіе антихриста. Казалось, тревожное состояніе общества наименѣе подходило для начала какихъ-либо нововведеній, затрагивающихъ Православную Церковь, но вмѣстѣ съ тѣмъ именно оно усиливало въ народѣ нервное ожиданіе и чувство неизбѣжности духовныхъ потрясеній. Страшная драма раскола Русской Православной Церкви и всего Русскаго Православнаго общества, раскола, не преодолённаго до сихъ поръ, разразилась въ серединѣ XVII вѣка, послѣ того, какъ почившаго патріарха Іосифа смѣнилъ 47-лѣтній митрополитъ Новгородскій Никонъ.

Съ самого начала патріаршей дѣятельности Никонъ показалъ себя ярымъ поклонникомъ Греческой церкви, измѣнивъ прежнему настороженному отношенію къ «падшему Риму». Чувство религіознаго превосходства надъ Византіей было характерно для русіянъ со времёнъ ея крушенія. Вѣдь причиной завоеванія Византіи турками Русскіе люди считали ея отступленіе отъ Православія, когда вмѣсто упованія на милость Божію, Греческая іерархія предпочла пойти на политическую, а, стало быть и на религіозную зависимость отъ Рима, заключивъ въ 1439 году Флорентійскую унію. Съ тѣхъ поръ Русскій народъ уже не видѣлъ въ Византіи древней хранительницы Православія и естественнымъ образомъ перенялъ эту миссію на себя. Въ образованныхъ слояхъ общества эти чувства выражала идея духовнаго возвышенія Москвы, какъ Третьяго Рима, изложенная древнерусскими мыслителями, а въ простомъ народѣ – многочисленныя преданія о чудесныхъ перемѣщеніяхъ святынь съ Право-

славнаго Востока на Русь – такихъ, какъ, напримѣръ, чудотворная Тихвинская икона Божіей Матери.

Между тѣмъ, сами Грѣческіе іерархи продолжали сохранять сознаніе собственнаго пріоритета и, пріѣзжая въ Москву, неоднократно съ осужденіемъ указывали Русскимъ церковнымъ пастырямъ на существующія между ними обрядовыя различія. Незадолго до вступленія Никона на патріаршую каѳедру монахи всѣхъ аѳонскихъ Греческихъ монастырей, составивъ соборъ, признали ересью двоеперстіе, сожгли Московскія Богослужебныя книги и хотѣли сжечь самаго старца, хранившаго эти книги. Именно на православномъ Востокѣ Никонъ рѣшилъ искать опору своимъ начинаніямъ. На Церковномъ Соборѣ въ 1655 году онъ объявилъ, что хотя и является Русскимъ по крови*, но его вѣра и убѣжденія – Греческія. Въ томъ же году послѣ торжественнаго Богослуженія въ Успенскомъ соборѣ онъ на глазахъ всѣго молившагося народа снялъ съ себя Русскій клобукъ и надѣлъ Греческій, что было воспринято собравшимися какъ вызовъ.

Несомненно, причины никоновскихъ начинаній были глубжѣ, чѣмъ просто его личное желаніе перенять Греческіе образцы Православія и убѣждённость въ ихъ истинности. Вотъ уже болѣе трёхъ вѣковъ церковные и свѣтскіе историки, священнослужители, міряне спорятъ о томъ, насколько необходимы были эти преобразованія, принёсшія долговременный расколъ Русскаго Православнаго общества, свыше 11 тысячъ жертвъ только въ результатѣ самосожженій, не считая ещё болѣе огромнаго числа репрессированныхъ, массовое варварское уничтоженіе старинныхъ иконъ съ двоеперстіемъ, книгъ и другихъ памятниковъ церковной культуры... Даже далёкіе отъ религіи совѣтскіе историки не могли не признать колоссальный духовный, человѣческій, матеріальный и культурный уронъ, нанесённый Расколомъ. Некоторые историки и мыслители считаютъ Расколъ второй изъ трёхъ катастрофъ, подготовившихъ трагедію 1917 года. Первой такой катастрофой, произведшей расколъ въ національномъ самосознаніи Русскаго народа и раздѣлив-

---

* *Въ дѣйствительности Никонъ происходилъ изъ Мордвиновъ, а протопопъ Аввакумъ за разоръ, учинённый имъ въ Церкви, называлъ его «Татариномъ».*

шей страну на два враждебныхъ лагеря, было насильственное, отнёмъ и мѣчёмъ, введеніе Христіанства*. Вопреки завѣтамъ своей бабки – равноапостольной княгини Ольги, князь Владиміръ отказался отъ мирнаго, естественнаго распространенія свѣта Божественной истины и предпочёлъ дѣйствовать жестокими варварскими методами – безпрецедентными для исторіи Христіанства. Третьимъ событіемъ, повлекшимъ за собой послѣдствія, трагическія для Церкви и всѣго народа, явились реформы Петра I.

Существуетъ либеральная точка зрѣнія на исторію Раскола, считающая, что жертвы не были бы столь велики, если бы не косность и религіозная инертность Русскаго народа, который принялъ мелкія, незначительныя обрядовыя поправки за покушеніе на основы Православія. Между тѣмъ, не всё было такъ однозначно. Народъ увиделъ въ новшествахъ не очищеніе отъ ошибокъ, а самочинное, ни у кого не спрошенное и варварски исполненное перекроеніе всего духовнаго и культурнаго опыта, накопленнаго на Руси за предыдущіе вѣка развитія. И если массовое истребленіе старинныхъ книгъ и иконъ возмущало даже совѣтскаго учёного-атеиста (официальная концепція не одобряла «перегибы» Никоновской реформы), надо ли говорить, насколько возмущало это варварство тѣхъ, для кого книги и иконы были не просто памятниками культуры, а драгоцѣнными святынями. Современному политически освобождённому человѣку должна быть понятна психологія человѣка XVII столѣтия, у котораго въ одночасьѣ, единовластнымъ волевымъ рѣшеніемъ было отнято право на религіозную свободу. То, что противники Старообрядчества расцѣнивали какъ тупой фанатизмъ, являлось выраженіемъ протеста противъ духовнаго произвола и варварскаго уничтоженія національной культуры. «У отобранныхъ иконъ выкалывали глаза и въ такомъ видѣ носили ихъ по городу, объявляя указъ, который грозилъ строгимъ наказаніемъ всѣмъ, кто будетъ писать такія иконы. Вскорѣ послѣ того въ Москвѣ настала моровая язва и случилось солнечное затмѣніе. Москвичи пришли въ

---

* *См. Лѣтопись перваго Новгородскаго епископа (Грека) Іоакима, переданную въ 4-й главѣ «Исторіи россійской» В.Н. Татищева; митрополита Макарія (Булгакова) «Исторію Русской Церкви», кн.2; также «Велесову Книгу» б.III., и проч.*

сильное волненіе, собирали сходки и бранили Патріарха, говоря, что моръ и затмѣніе – кара Божія за нечестіе Никона, ругающагося надъ иконами, собирались даже убить иконоборца. Въ 1655 году въ недѣлю Православія Патріархъ совершалъ въ Успенскомъ соборѣ торжественное Богослуженіе въ присутствіи двухъ Восточныхъ патріарховъ: Антіохійскаго и Сербскаго, случившихся тогда въ Москвѣ. После литургіи Никонъ, прочитавъ бесѣду о поклоненіи иконамъ, произнёсъ сильную рѣчь противъ новой Русской иконописи и предалъ церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя новыя иконы*. При этомъ ему подносили отобранныя иконы, и онъ, показывая каждую народу, бросалъ её на желѣзный полъ съ такой силою, что икона разбивалась. Наконецъ, онъ приказалъ сжечь «неисправныя» иконы. Царь Алексѣй, всё время смиренно слушавшій Патріарха, подошёлъ къ нему и тихо сказалъ: «Нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а прикажи лучше зарыть въ землю»[9].

Не менѣе безцеремонно производились и исправленія Богослужебныхъ текстовъ, вносимыя зачастую безъ всякой нужды и единой логики, то осовременивая, то утяжеляя, а иногда и искажая старые тексты молитвъ. Сравнивая старопечатныя и новопечатныя книги, мы обнаруживаемъ цѣлый рядъ ошибокъ и искаженій, сдѣланныхъ въ результатѣ этой прото-обновленческой реформы: «Старый текстъ молитвы изъ чина крещенія: «*Запрещаетъ ти діаволе, Господь нашъ Исусъ Христосъ, пришедый въ міръ и вселивыйся въ человѣцехъ*». Новый текстъ: «*Запрещаетъ тебѣ Господь, діаволе, пришедый въ міръ и вселивыйся въ человѣцахъ.*» На искаженіе текста неоднократно указывали старообрядцы, вопросъ обсуждался болѣе двухъ вѣковъ, и лишь въ Требникѣ, изданномъ Московскимъ Патріархатомъ въ 1979 году окончательно вернулись къ дониконовскому варіанту.

Старый текстъ изъ чина Крещенія: «*молимся Тебѣ, Господи, нижде да снидетъ со крещающимся духъ лукавъ*». Новый текстъ: «*нижде да снидетъ со крещающимся, молимся тебе, духъ лукавый*».

И въ этой кощунственной порчѣ сторонники стараго обряда постоянно обличали новообрядцевъ, но послѣдніе – подчёркивается

---

* *Имѣются въ виду иконы, написанныя по древнимъ канонамъ ужъ въ никоновское время.*

въ современномъ изслѣдованіи, посвящённомъ этому вопросу, – вернулись къ дониконовскому варіанту также спустя столѣтія. Такимъ образомъ, эта ошибка работала на расколъ: «духу лукавому молятся», – говорили старообрядцы...

...Врядъ ли столь серіозныя ошибки въ текстѣ основополагающаго таинства были сдѣланы по причинѣ недостаточнаго профессіонализма правщиковъ[10].

Послѣдующіе три вѣка Русской исторіи показали, насколько болезненнымъ и противоестественнымъ является существованіе на одной землѣ двухъ церквей, одинаково называющихъ себя Православными, но раздѣлённыхъ стѣною враждебности и непониманія. Противостояніе не могло быть полѣзнымъ ни для той, ни для другой стороны, и ужѣ въ XVIII вѣкѣ зачинателями единовѣрчества были сдѣланы попытки ненасильственнаго преодоленія Раскола. Актуальность проблемы выразилась особенно явственно къ началу XX вѣка, когда Старообрядцы путёмъ упорной борьбы и стойкости сумѣли не только доказать своё право на существованіе, но и стать замѣтной вліятельной силой въ Рускомъ государствѣ, вынудивъ Правительство отказаться отъ прежнихъ гоненій и пойти на серьёзныя политическія и правовыя уступки. Естественный процессъ преодоленія Раскола сильно замедлился Октябрьскимъ переворотомъ 1917 года, хотя и въ совѣтское время Русская Православная Церковь неоднократно возвращалась къ пересмотру реформированныхъ въ XVII вѣкѣ Богослужебныхъ книгъ. Въ рядѣ случаевъ признавался правильнымъ дониконовскій варіантъ текста.

Напримѣръ, въ 13-мъ Сборникѣ «Богословкихъ Трудовъ» (издаваемыхъ Московскимъ Патріархатомъ), цѣликомъ посвящённомъ этому вопросу, на преимущества старообрядческихъ книгъ указывалъ нынѣ покойный профессоръ Санктъ-Петербуржской Духовной Академіи Н.Д. Успенскій въ своей работѣ «Коллизія двухъ Богословій».

Въ настоящее время всё больше клириковъ и мірянъ оцѣниваютъ старообрядцевъ не какъ упорствующихъ фанатиковъ, а какъ старшихъ братьевъ по Вѣрѣ, ревнителей древляго благочестія. Однако, окончательная ликвидація Раскола ещё впереди, для чего

необходимы совмѣстные церковные соборы и другія активныя дѣйствія, направленныя на воссоединеніе Русской Церкви.

Спорныя по содержанію и варварскія по исполненію реформы привели къ многолѣтнему массовому сопротивленію – непримиримому и безпощадному, что, разумѣется, не могло способствовать стабильности и процвѣтанію Рускаго государства. Бѣгство въ лѣса и эпидеміи самосожженій, спровоцированныя правительственными мѣрами по преслѣдованію «раскольниковъ», достигли своего апогея въ началѣ царствованія Петра I и возобновились съ новой силой во времена его активныхъ реформъ, какъ отчаянный протестъ противъ «царя-антихриста»(какъ тутъ не вспомнить св.преп. Іосифа Волоцкаго с его ученіемъ о низверженіи правителя-Богоборца). Впрочѣмъ, самовластный Императоръ понималъ, что наряду съ гонимыми старообрядцами новое духовенство также не одобряетъ его нововведеній, которыя сопровождались не только жестокими карами ослушникамъ, но и коцунственными издѣвательствами надъ старыми Русскими обычаями и ихъ послѣдователями. Въ тѣченіи всего своего царствованія Пётръ I старался освободиться отъ любой, хотя бы чисто формальной духовно-нравственной церковной опеки и тяготился мыслью даже о послушномъ маріонеточномъ Патріархѣ. Подготовительными шагами къ упраздненію Патріаршества и подчиненію Церкви Правительственному аппарату стали многочисленные царскіе указы, реформирующіе управленіе церковно-монастырскими владѣніями и устройство монашескаго быта. Монастыри лишались многихъ имущественныхъ правъ: въ нихъ регламентировалось число обслуживающаго персонала, сужался кругъ лицъ, которыя могли принимать монашескій постригъ. Монахи обязывались не выходить самочинно изъ обители, ограничивалось общеніе монашествующихъ съ мірянами. Для пресеченія недовольства усиливались мѣры Правительственнаго надзора за выполненіемъ указовъ и наказанія ослушниковъ.

Политика созданія «Четвёртаго Рима» по Западно-Европейскому свѣтскому образцу (символомъ котораго долженъ былъ стать Санктъ-Петербургъ), не могла не нанести ударъ по Православной Церкви, и безъ того ослабленной предыдущими десятилѣтіями Раскола. Властолюбивый и недовѣрчивый, первый Россійскій Им-

ператоръ не желалъ ни уступать, ни дѣлиться своей безграничной властью. «По учрежденіи Сунода духовенство поднесло Петру просьбу о назначеніи Патріарха. Тогда-то (по свидѣтельству современниковъ – графа Бестужева и барона Черкасова) Пётръ, ударивъ себя въ грудь и обнаживъ кортикъ, сказалъ: «Вотъ вамъ патріархъ»[11].

Упраздненіе Патріаршества и учреждѣніе Сунода во главѣ съ оберъ-прокуроромъ – не имѣвшимъ сана свѣтскимъ чиновникомъ – ставили Русскую Православную Церковь въ положеніе, хотя и привилегированное, но подчинённое Государству и лишённое самостоятельнаго авторитета. Соборы, какъ выразители голоса Церкви, долженствующіе «собиратися на всякое лѣто, ради совопрошанія и истязанія о церковныхъ вещехъ и о разрѣшеніи недоумѣнныхъ и неудоборазумныхъ винъ»[12] не созывались на Руси съ петровскаго времени безъ малаго 200 лѣтъ. Такая ненормальная картина была яснымъ отображеніемъ того искажённаго положенія, въ которомъ находилось Руское церковное управленіе послѣ Петровскихъ реформъ. Однако, отступленіе Петромъ I и его преемниками отъ принциповъ государственно-церковной сумфоніи, превращеніе внѣшней церковной структуры въ часть государственнаго аппарата, лишеніе Церкви ряда Ея историческихъ правъ всё же не могло никоимъ образомъ измѣнить въ Ней, какъ въ Богочеловѣческомъ организмѣ, Главою и Крайнимъ Судіёю Котораго является Самъ Ея Божественный Основатель, существеннаго – Ея спасительной миссіи. Церковь продолжала оставаться «величайшей святыней огромнаго большинства Русскаго народа»[13], освящающей его жизнь. Православная вѣра продолжала быть основополагающей частью сознанія многихъ и многихъ чадъ Церкви во всѣхъ слояхъ Рускаго общества. Она по-прежнему являлась важнѣйшей созидательной силой въ его духовной и культурной жизни. Въ дни испытаній для страны она оставалась ведущимъ двигателемъ сплоченія народнаго духа. Примѣромъ тому могутъ служить Отечественная война 1812 года, или освобожденіе Балканъ въ 70-е годы XIX вѣка. Внѣшнимъ проявленіемъ этой дѣйствительности было строительство огромнаго числа храмовъ и открытіе многихъ новыхъ монастырей, богадѣленъ, церковно-приходскихъ школъ и больницъ, большей частью по иниціативѣ и на средства самихъ вѣрующихъ. Внутреннимъ же Ея

проявленіемъ служитъ пріумноженіе въ этотъ періодъ славныхъ традицій Русскаго подвижничества и святости, развитіе новыхъ формъ традиціоннаго благочестія, примѣрами чего являются ростъ вліянія на жизнь вѣрующихъ – въ томъ числѣ и изъ образованныхъ слоёвъ общества – монастырскаго старчества, или успѣхи церковно-общественныхъ движеній, такихъ, какъ общества трезвости и другихъ. Наконецъ, это расцвѣтъ религіозно-философской и Богословской мысли, обозначившійся ещё въ первой половинѣ XIX вѣка и получивший мощное развитіе на рубежѣ столѣтій, будившій ясность церковнаго сознанія у лучшихъ представителей духовенства и образованной части церковнаго общества. Всё это выявляло явное противорѣчіе между задачами Церкви, Ея дѣйствительной миссіей и привнесёнными въ Ея историческое бытіе человѣческими факторами, чуждыми Ея природѣ и мѣшающими выполненію Ея задачъ.

Уже въ петровскія времена наиболѣе дальновидные люди понимали опасность превращенія Церкви въ государственно-идеологическую структуру. Въ годы царствованія Петра II архіепископъ Ростовскій Георгій Дашковъ поднялъ вопросъ о возстановленіи Патріаршества. Нѣкоторое время спустя, въ 1742 г. два члена Синода – митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Арсеній Мацеевичъ и Новгородскій архіепископъ Амвросій – сдѣлали открытое офиціальное заявленіе о необходимости отмѣны Синодальнаго Управленія. Однако, эти отдѣльныя выступленія не нашли поддержки ни у государственной власти, уже привыкшей къ своему пріоритету надъ Церковью, ни въ самомъ Синодѣ. За выступленія въ защиту правъ духовенства Арсеній Мацеевичъ былъ лишёнъ сана и сосланъ въ Николо-Карельскій монастырь, а позднѣе – заточёнъ въ Ревельскую крѣпость. Репрессіямъ и наказаніямъ подвергались и другіе служители и іерархи Русской Православной Церкви, вынужденные ради своихъ убѣжденій идти наперекоръ свѣтской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общественныя и религіозныя броженія убѣждали Правительство въ необходимости укрѣпить положеніе духовенства и разширить его возможности для духовно-нравственнаго вліянія на Русское общество. Народные бунты и мятежи, многократно вспыхивавшіе на протяженіи XVIII столѣтія, сотрясали отдѣльные горо-

да и цѣлые регіоны страны, порой смѣтая всѣ прежніе общественныя и нравственныя устои, установленные Церковью и вѣковыми обычаями народной жизни. Какъ естественное послѣдствіе Раскола, росли и множились различныя секты, куда вовлекались вѣрующіе всѣхъ сословій. Среди дворянъ получало разпространеніе масонство, а вмѣстѣ съ нимъ – западныя антицерковныя и матеріалистическія воззрѣнія. Въ это тревожное время только Церковь могла стабилизировать духовное состояніе общества; и пониманіе этаго факта, конечно, повліяло на смягченіе правительственнаго курса. Во второй половинѣ XVIII столѣтія православное духовенство получило рядъ правовыхъ и имущественныхъ привилегій, увеличивался отпускъ средствъ на духовныя учебныя заведенія. Указами Правительства священники освобождались отъ тѣлеснаго наказанія; по спеціальному представленію Синода Правительствующій Сенатъ подтвердилъ: «чтобы свѣтскіе люди обидъ духовнымъ не дѣлали»[14].

Всѣ эти мѣры находили положительный откликъ среди духовенства, которое, однако, продолжало поднимать голосъ противъ обмірщенія Церкви и сліянія Её со свѣтскими структурами власти. Такъ, напримѣръ, наставникъ Павла I митрополитъ Московскій Платонъ (Левшинъ) возражалъ противъ начатой Императоромъ раздачи орденовъ высшему духовенству, смущаясь тѣмъ, какое впечатлѣніе на народъ произведётъ эта демонстрація единства духовныхъ и свѣтскихъ государственныхъ чиновъ. Павелъ I, правда, не внялъ совѣтамъ митрополита. Для бѣлаго, то есть немонашествующаго духовенства были введены спеціальные знаки отличія: крестъ на цѣпи, фіолетовыя бархатныя камилавки и митры, которыя раньше носили лишь архимандриты. Эти «отличныя почести», согласно указу Павла I, разрѣшалось давать лишь по волѣ или утвержденію Монарха[15].

Особое высочайшее покровительство, награжденія и отличія священнослужителей оказывали двойственное вліяніе на авторитетъ Церкви. Съ одной стороны, это ещё болѣе возвышало духовенство, укрѣпляло его положеніе, какъ привилегированнаго сословія, но съ другой – отдаляло отъ многомилліонной паствы, ея нуждъ и проблемъ, выдѣляло въ духовномъ сословіи особо привилегиро-

ванный слой, оторванный отъ основной массы священнослужителей, ограничивало Церковь въ рѣшеніи Ея исконной задачи быть духовнымъ Пастыремъ народа. Поэтому, несмотря на внѣшній блѣскъ и благополучіе, въ XIX вѣкѣ мысль о возстановленіи Патріаршества продолжали повторять многіе священнослужители и образованные міряне. Ещё въ 1811 году выдающійся государственный дѣятель, историкъ и писатель Н.М. Карамзинъ писалъ в своей извѣстной «Запискѣ о древней и новой Россіи»: «Церковь Россійская искони имѣла главу сперва въ Митрополитѣ, наконецъ въ Патріархѣ. Пётръ объявилъ себя Главою Церкви, уничтоживъ Патріаршество, какъ опасное для Самодержавія неограниченнаго... Со времёнъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши ужѣ только были угодниками Царей и на каѳедрахъ языкомъ Библейскимъ произносили имъ слова похвальныя... Если Государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники Церкви; если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный; усердіе къ Ней слабеетъ, а съ нимъ и вѣра...»[16]

Дальнѣйшая исторія XIX вѣка подтвердила правоту и прозорливость Н.М. Карамзина. Всѣго несколько десятилѣтій спустя результаты государственной статистики чётко прослѣживаютъ ослабленіе религіознаго усердія православныхъ мірянъ. «Даже по даннымъ официальныхъ отчётовъ оберъ-прокурора процентъ не бывшихъ у исповѣди «по нерадѣнію» за десятилѣтіе съ 1842 по 1852 годы изъ года въ годъ возрасталъ. Если въ 1842 году 8,2 % православнаго мужескаго населенія и 7 % женскаго не исповѣдывалось «по нерадѣнію», то ужѣ въ 1852 году – соотвѣтственно 9,1 % и 8 % . Другими словами, примѣрно 2–3 милліона человѣкъ демонстрировали своё безразличіе къ выполненію важной обязанности вѣрующаго»[17].

Внутреннія проблемы Церкви особенно усиливались постоянной необходимостью раздвигать пространство своей дѣятельности по мѣрѣ расширенія государственной территоріи. Въ XVIII–XIX вѣкахъ произходитъ окончательное образованіе Русскаго государства какъ огромной многонаціональной Имперіи – созданія искусственнаго и неизбѣжно обречённаго существовать подъ дамокло-

вымъ мѣчомъ развала и внутреннихъ противорѣчій. Сама идея имперіи, какъ неестественнаго соединенія народовъ, различныхъ по общественному развитію, укладу, религіи, культурѣ и національному характеру, подъ эгидой централизованной власти, правящей отъ имени первенствующаго народа, была гибельной по сути и въ конечномъ итогѣ оборачивалась не только противъ этой власти, но и противъ народа, отъ имени котораго она дѣйствовала. Но если прочія Имперіи владѣли колоніями, расположенными вдалекѣ отъ основной территоріи, то Россійская Имперія, благодаря своей географической особѣнности, постоянно находилась подъ угрозой внутренняго взрыва. Поскольку имперская національная политика требовала уравновѣшиванія интересовъ, принципіально несоединимыхъ, то всѣ попытки Правительства оттянуть катастрофу методами «кнута и пряника» приводили лишь къ временнымъ успѣхамъ или къ результатамъ обратнымъ, какъ и компромиссы съ радикалами – фактическими врагами Престола. Искусственно окружая себя врагами, верховная Власть работала на самоуничтоженіе, вовлекая въ этотъ гибельный кругъ и Православную Церковь, Которая являлась частью государственнаго аппарата и его идейнымъ символомъ. Разумѣется, всё это также не замедлило отразиться на духовномъ состояніи страны.

Въ XIX столѣтіи одновременно съ ростомъ пассивнаго охлажденія къ Церкви, религіознаго равнодушія въ Русскомъ обществѣ появилось и стало быстро распространяться въ различныхъ формахъ активное непріятіе Христіанства. Вторая половина XIX столѣтія, знаменитая граидіозными реформами, научно-техническими и экономическими достиженіями, появленіемъ блѣстящей плеяды писателей, философовъ, учёныхъ, художниковъ и музыкантовъ, охарактеризовалась весьма грознымъ явленіемъ, повлекшимъ за собой многія трагическія событія. Въ 1850–60-е годы въ образованныхъ и полуобразованныхъ слояхъ общества произошёлъ рѣзкій сдвигъ міровоззрѣнческихъ цѣнностей въ сторону матеріализма, доходившаго у части молодёжи до нигилизма, то есть полнаго отрицанія духовныхъ цѣнностей. Ревизіи подвергались практически всѣ области умственной и духовной жизни націи – образованіе, наука, литература, философія, экономика, прогнозы на будущее

Россіи и такъ далѣе. Но если подчёркнутый культъ медицины, естественныхъ наукъ, «реальнаго» образованія всё же носилъ созидательный характеръ и требовалъ отъ своихъ послѣдователей некоторой образованности, усидчивости и трудолюбія, то культъ политическаго и религіознаго отрицанія соблазнялъ безотвѣтственнымъ популизмомъ и общедоступностью. Лѣвъ Тихомировъ, видный дѣятель революціонной организаціи «Народная воля», ставшій впослѣдствіи монархистомъ, писалъ о своёмъ поколѣніи: «Молодёжь того времени, вообще, отличалась весьма невысокимъ уровнемъ развитія. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она, несомненно, страдала огромной душевной пустотою. За исключеніемъ слоя, который, вѣроятно, цѣликомъ скоро пошёлъ въ революцію... я совершенно не помню въ кругу товарищей своихъ никакихъ горячихъ, душу захватывающихъ споровъ, никакихъ идеальныхъ интересовъ»[18].

Духовная апаѳія, нравственный цинизмъ, равнодушіе или отвращеніе къ созидательному труду, захватившія наиболѣе образованную часть молодёжи, которой, казалось бы, предназначалось стать элитой поколѣнія, разумѣется, имѣли свои опредѣлённыя причины. Одной изъ нихъ слѣдуетъ назвать несоотвѣтствіе между возможностями умственнаго и духовнаго развитія человѣка того времѣни. Въ годы царствованія Александра II бурный ростъ промышленности, городскаго и дорожнаго строительства, торговыхъ и финансовыхъ отношеній, совершенствованіе сельскохозяйственныхъ меѳодовъ, требовали всё большаго числа грамотныхъ и образованныхъ людей, для чего активно расширялась сѣть учебныхъ заведеній различныхъ уровней, куда хлынули юные представители всѣхъ сословій. Особое вниманіе стало удѣляться крестьянскому и инородческому обученію, созданію низшихъ школъ и училищъ. Значительно упростился доступъ въ высшія учебныя заведенія – какъ Русскія, такъ и зарубежныя. Пріобретало популярность женское образованіе. Стало поощряться обученіе въ Русскихъ гимназіяхъ и университетахъ еврейской молодёжи изъ зажиточныхъ семей. Всѣ эти мѣры способствовали рѣзкому, почти революціонному, расширенію грамотнаго слоя общества. Но если въ области знаній новое поколѣніе далеко обогнало предыдущія, то эти же

самые успѣхи обнажили недостатки и ущербность духовно-нравственнаго воспитанія. Ни Государство, ни Церковь оказались не готовы удовлетворить повышенныя амбиціи своихъ гражданъ и прихожанъ. Причёмъ, если послѣдняя предпринимала въ этой области некоторыя попытки, то тяжеловѣсная государственно-бюрократическая машина, болѣе всего боявшаяся иниціативы и самостоятельности, подавляла любую, по ея мнѣнію, чрезмѣрную активность. Казенные уроки Закона Божія зачастую способные лишь отбить интересъ къ Православію, требованія обязательныхъ коллективныхъ посѣщеній храмовъ подъ присмотромъ наставниковъ, пріоритетъ дисциплины надъ искренней преданностью – приводили къ обратнымъ результатамъ, развивая у подростковъ вмѣсто честности лицемѣріе, вмѣсто пытливости – апаѳію и вмѣсто духовныхъ интересовъ – приземлённо-матеріальные. Одинъ изъ современниковъ вспоминалъ о тогдашнемъ состояніи школьнаго дѣла: «Законъ Божій былъ официально главнымъ учебнымъ предмѣтомъ. Дѣйствовало правило, по которому учащійся, аттестованный по Закону Божію неудовлетворительнымъ балломъ, автоматически получалъ пониженный баллъ за поведеніе. Наименьшій удовлетворительный баллъ 3, по пятибальной системѣ, поставленный въ выпускномъ аттестатѣ по Закону Божію, являлся какъ бы удостовѣреніемъ политической неблагонадёжности. Между тѣмъ преподаваніе Закона Божія сводилось въ сущности къ пустой и весьма нудной формальности*. Большинство законоучителей относилось къ дѣлу формально и преподавали главнымъ образомъ догматическую часть»[19]. Такіе педагоги, равнодушные къ результатамъ своихъ трудовъ, отрицательно воспринимали всё, что нарушало ихъ спокойное существованіе: будь это пытливые вопросы учениковъ или популярность талантливыхъ, неординарныхъ коллегъ. Тѣ преподаватели, которые умѣли увлечь и заинтересовать дѣтей, въ глазахъ окружающихъ выбивались изъ общаго фона и зачастую служили не образцомъ для подражателей, а мишенью для

---

* *Объ этомъ повѣствуютъ и знаменитые «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловскаго, впервые опубликованные въ 1862-63 годы въ журналахъ «Время и «Современникъ».*

завистниковъ и чрезмѣрно осторожныхъ формалистовъ. Всё это тоже оказывало отрицательное вліяніе на впечатлительныхъ, духовно неокрѣпшихъ подростковъ, ещё не способныхъ отдѣлить частное отъ общаго. Въ итогѣ почти любой протестъ противъ казёнщины, сухаго формализма или случаевъ несправедливости направлялся въ умѣ школьника противъ Церкви, какъ части этой казенной системы.

Другимъ существеннымъ промахомъ въ религіозномъ воспитаніи стало раздѣленіе внутри семьи, когда школьники и ихъ родители посѣщали различные приходы и жили раздѣльной церковной жизнью. Въ XIX – нач. XX вв. каждое государственное учебное заведѣніе имѣло собственный храмъ или закрѣплялось за опредѣлённымъ приходомъ, принадлежность къ которому была обязательна для всѣхъ педагоговъ и учащихся. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ некоторымъ дѣтямъ предоставлялась льгота посѣщать домашній приходъ, общій съ родителями. Философъ и публицистъ В.В. Розановъ считалъ такой порядокъ одной изъ причинъ ранней отстранённости отъ Церкви современной ему молодежи: «У этаго мальчика нетъ своего мѣстнаго священника, который былъ бы также и священникомъ его сестры и матери, котораго онъ привыкъ бы видеть у себя на дому съ образомъ – служащимъ молебенъ или всенощную въ памятные семейные дни. Мало–помалу семья, раздвоенная препровождѣніемъ времени, имѣя разные приходы, не сливается тѣсно ни съ однимъ и отвыкаетъ отъ Церкви... Такъ образуется невѣрующее общество наше – сказать это, значило бы грубо ошибиться, но общество страшно уединённое отъ Церкви и, если не считать полузабытыхъ книжекъ, вполнѣ Её не вѣдающее. Въ свою очередь, Церковь, оставленная высшимъ обществомъ, имѣя живую и постоянную связь лишь съ мало обученнымъ людомъ, становится робка, неувѣренна въ своихъ дѣйствіяхъ и хоть съ болью, но тамъ и здѣсь поступается для ея должнымъ»[20]. О кризисѣ религіознаго образованія и воспитанія во второй половинѣ XIX – началѣ XX столѣтій ясно указываетъ и тотъ фактъ, что многіе будущіе дѣятели революціоннаго движенія, прославившіеся фанатичнымъ атеизмомъ, имѣли хорошія оцѣнки по Закону Божію, а нѣкоторые даже не безъ успѣха обучались въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но если въ начальныхъ и среднихъ школахъ учащіеся получали хотя бы ограниченное православное воспитаніе, то дальнѣйшее продолженіе образованія чаще всего заглушало даже эти слабые ростки религіозности. Идеями матеріализма были пронизаны университетскія лекціи, газетныя и журнальныя статьи. Матеріализмъ активно проповѣдывался въ нелегальной литературѣ, въ то время уже имѣвшей довольно широкій кругъ читателей, особенно среди учащейся молодёжи. Общество съ жаднымъ наслажденіемъ и любопытствомъ поглощало всякую «новую» или запрещённую идею, нерѣдко опредѣляя ея привлекательность для себя степенью отклоненія отъ официальной идеологіи. Такъ, напримѣръ, консервативная газета «Московскія вѣдомости», несмотря на публицистическій талантъ и незаурядность ея редактора М.Н. Каткова, не пользовалась авторитетомъ среди интеллигенціи, именно благодаря своей репутаціи официоза.

Правительство и Церковь, для Которой матеріализмъ самъ по себѣ являлся духовнымъ антиподомъ, предвидели послѣдствія распространенія матеріалистическихъ воззрѣній, тѣмъ болѣе, что онѣ, какъ правило, шли рука объ руку съ соціалистическими и революціонными идеями. Одни лишь карательные и запретительные меоды оказывались безсильны, способствуя созданію вокругъ политическихъ отщепенцевъ притягательнаго ореола мучениковъ.

Для борьбы противъ соціализма и атеизма свѣтская власть нуждалась въ помощи Церкви, что позднѣе послужило причиной для обвиненія послѣдней въ консерватизмѣ и «контрреволюціонности». Однако политическій выборъ православнаго духовенства былъ закономѣренъ и диктовался не только традиціями и самой сущностью ученія о Божественномъ произхожденіи Царской власти, но и откровенной враждебностью большинства революціонеровъ къ Православной Церкви, въ Которой они видѣли часть ненавистнаго себѣ государственнаго аппарата.

Уже въ первые годы царствованія Александра II проблема духовнаго вліянія на Русское общество привлекла особое вниманіе свѣтскихъ и церковныхъ властей. Въ Августѣ 1858 г. состоялось спеціальное засѣданіе Государственнаго Совѣта, посвящённое разсмотрѣнію вопроса «о современныхъ идеяхъ, проводимыхъ въ

журналахъ и газетахъ». По поводу этой проблемы съ особымъ мнѣніемъ выступилъ митрополитъ Московскій Филаретъ (Дроздовъ). Онъ подчеркнулъ: «Многія недоразумѣнія нынѣшняго времени произходятъ отъ того, что частное превращаютъ въ общее... Воюютъ противъ современныхъ идей. Да разве идеи Православія и нравственности уже не суть современныя? Разве онѣ остались только въ прошедшихъ временахъ?.. Не время виновато, а мысли неправославныя и безнравственныя, распространяемыя некоторыми людьми. Итакъ, надобно воевать противъ мыслей неправославныхъ и безнравственныхъ, а не противъ современныхъ»[21].

Между тѣмъ, война противъ «мыслей», если она становилась самоцѣлью, не приносила побѣды, потому что не раскрывала колеблющимся созидательныхъ возможностей Православія и его притягательной силы. Достоинства требовалось осмыслить, прочувствовать, тогда какъ недостатки сразу бросались въ глаза, способствуя возникновенію противоположной крайности. Болезненно реагируя на показную ханжескую религіозность, столь часто наблюдаемую ими въ дѣтствѣ, молодые разночинцы 1850–60-хъ годовъ начали демонстративно противопоставлять ей собственные идеалы вселенскаго отрицанія. Своеобразный нигилистскій стиль жизни включалъ въ себя всѣ стороны поведенія – начиная отъ небреженія къ внѣшнему виду и кончая пренебреженіемъ нравственными нормами. Какъ это обычно бываетъ съ идеями, возникшими безъ созидательныхъ цѣлей, почти исключительно ради протеста, нигилизмъ не отличался ни глубиной, ни длительными историческими перспективами. Однако, объективно правы были тѣ, кто видѣлъ въ нёмъ явленіе болѣе глубокое, чѣмъ молодёжная мода. Нигилизмъ не только уводилъ своихъ сторонниковъ въ тупикъ духовной опустошённости, безплоднаго и замкнутаго политическаго сектантства, но и въ конечномъ итогѣ подготовлялъ общество для воспріятія болѣе страшныхъ идей.

Конечно, съ высоты исторического опыта мы многое теперь можемъ оцѣнить иначе. Напримѣръ, что ещё за 10 лѣтъ до появленія «Бѣсовъ» Ѳ.М. Достоевскаго журналъ «Современникъ» опубликовалъ романъ, который имѣлъ шансы, вопрѣки волѣ автора, стать однимъ изъ сильныхъ разоблачительныхъ произведеній. Уродливая нигилистическая среда, надуманныя идеи, непріемлемыя даже

для ихъ ярыхъ приверженцев, изувѣрскій фанатизмъ «новыхъ людей», сознательное вытравливаніе ими изъ себя всѣхъ сколько-нибудь человѣческихъ чертъ и слабостей подробно и красочно описаны въ знамѣнитомъ романѣ писателя-соціалиста Н.Г. Чернышевскаго «Что дѣлать?» Казалось бы, потрясенные читатели, испуганные непріемлемыми идеями и ещё болѣе непріемлемыми методами, должны были разъ и навсегда исцѣлиться отъ идеализаціи соціализма. Однако, этаго не произошло. Общество не ужаснулось и не разсмѣялось – оно подняло книгу на щитъ и сдѣлало её на несколько поколѣній революціонной библіей. Вліяніе романа на радикальную молодёжь было столь велико, что террористъ Дмитрій Каракозовъ, 4 Апреля 1866 г. совершившій покушеніе на Императора Александра II, выбралъ для цареубійства день, когда одинъ из персонажей, согласно сюжету, долженъ былъ вѣрнуться въ Россію.

«Матеріалистъ одинокій не былъ бы такъ смѣлъ, – писалъ о Чернышевскомъ митрополитъ Филаретъ. – Такъ поступить могъ только надеющійся встрѣтить многихъ сочувствующихъ и во многихъ произвести сочувствіе вновь»[22]. Въ самомъ дѣлѣ, смѣлость отдѣльныхъ фанатиковъ нерѣдко подогревало и провоцировало очевидное сочувствіе общества – разумѣется, безъ желанія раздѣлить съ ними участь или нравственную отвѣтственность. Лучшіе писатели посвящали имъ свои произведенія, журналисты описывали каждый ихъ шагъ. Преклоненіе учащейся молодёжи доходило до такой степени, что всякій инакомыслящій объявлялся «бѣлоподкладочникомъ» и изгоемъ студенческаго коллектива. Въ рѣзультатѣ многіе молодые люди придерживались «передовыхъ» взглядовъ и даже участвовали въ подпольной дѣятельности только ради того, чтобы «быть какъ всѣ»*. Болѣе сдержанно, но тоже не безъ

**Политическій процессъ «Втораго перваго Марта» 1887 года показалъ масштабы идейнаго легкомыслія и круговой поруки среди студентовъ, когда выяснилось, что многіе подсудимые поддерживали цареубійцъ вопрѣки собственнымъ взглядамъ, просто «изъ солидарности». Напримѣръ, студентъ университитета Б.И. Пилсудскій объяснилъ свою связь съ цареубійцами слѣдующимъ образомъ: «Не имѣя ещё никакихъ убѣжденій и не будучи знакомъ съ дѣйствительною жизнью,я могъ увлекаться разными идеями, даже революціоннаго характера, безъ всякаго наблюденія надъ собою, но я террористомъ никогда не былъ. Я былъ противникомъ не только террора и насилія противъ жизни Государя Императора, но и вообщѣ противъ жизни всякаго человѣка... Если я и приложилъ свою руку къ этому дѣлу, то только благодаря своему слабому характеру; я не могъ никому отказать изъ своихъ товарищей» (Первое Марта 1887 г., М.-Л., 1927, С.118).*

внутренняго удовольствія присоединялись къ молодёжи люди старшаго поколѣнія, если хотѣли создать себѣ репутацію вольнодумцевъ.

Падкое на тайны, преступленія и другія сенсаціи, общество окружило особымъ ореоломъ избранности и духовной исключительности революціонеровъ-подпольщиковъ, членовъ антиправительственныхъ организацій и группъ. Только сами нелегалы могли воочію почувствовать, сколь сокрушительно воздѣйствуетъ ихъ борьба на ихъ же собственную личность. «Вліяніе самаго образа жизни террориста-заговорщика чрезвычайно отупляюще, – писалъ Л.А. Тихомировъ. – Это жизнь травленнаго волка»[23]. Но готовность общества симпатизировать любой оппозиціонной силѣ была столь велика, что ни свидѣтельства разочарованныхъ нелегаловъ, ни страшное Нечаевское дѣло не могли подорвать его пассивный политическій идеализмъ. Русская интеллигенція продолжала вѣрить въ привлекательную «красивость» революціи до тѣхъ поръ, пока та не выплѣснулась изъ подполья, смѣтая правыхъ и виноватыхъ. Это было время, когда духовная борьба шла, въ основномъ, въ верхнихъ и среднихъ слояхъ Русскаго общества, но отъ ея исхода зависело внутреннее здоровье всей страны. Въ противовѣсъ «ветшавшему», по «всѣобщему» мнѣнію, Православію энергично создавалась новая «религія», своеобразное неоязычество съ собственнымъ «катехизисомъ революціонера», нравственными понятіями, обрядами, традиціями, іерархіей мучениковъ, системой наказанія отступниковъ и отлученія еретиковъ, земнымъ «раемъ» и безсмертіемъ въ памяти потомковъ. Послѣднее особенно щедро обѣщалось демократическими писателями и поэтами, поскольку обѣщать это было нетрудно и модно. Несмотря на кажущуюся примитивность, а, быть можетъ, и благодаря ей, матеріалистическое неоязычество набирало силу.

Современники этаго явленія подчасъ объясняли его особой религіозностью Русскаго человѣка, склоннаго обожествлять даже соціализмъ: «На Русской почвѣ соціализмъ выросъ въ религію. Потребность обожествленія, врождённая религіозность Русской души сотворили у насъ изъ соціализма культъ.

Отвергнувъ Бога, Русская молодёжь и Русскій рабочій поклонились Марксу. На расшатанномъ грунтѣ нравственныхъ, религіозныхъ и матеріальныхъ основъ, вырастаетъ храмина невиданныхъ размѣровъ, невиданной архитектуры, посвящённая невѣдомому богу. Уже готова каста жрецов-изувѣровъ, уже отточены ножи и поставлены орудія пытки, – атрибуты новаго молитвословія...»[24]

Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду и психологическія причины, усугубившія явленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы ошибочно приписывать именно Россіи инициативу созданія матеріалистическихъ и антихристіанскихъ культовъ и считать ихъ типично Русскимъ явленіемъ. Извѣстно, что традиція эта возникла на Западѣ. Ещё во времена Великой Французской революціи ея вожди дѣлали безуспѣшныя попытки противопоставить католицизму искусственный революціонный культъ. Въ XIX столѣтіи кризисъ протестантизма подтолкнулъ Европу къ судорожному поиску новыхъ идей и міровоззрѣнческихъ суррогатовъ, способныхъ замѣнить Христіанство, выхолощенное и опрѣснённое приземлённымъ богословіемъ. Немецкій философъ Фридрихъ Ницше писалъ съ гнѣвной обличительностью: «Объявляю войну инстинкту ѳеолога: слѣдъ его обнаруживаю повсюду. У кого въ жилахъ течётъ Богословская кровь, тотъ ни на что не способенъ смотреть прямо и честно. На такой почвѣ развивается паѳосъ, именуемый вѣрой: разъ и навсегда зажмурилъ глаза, не видишь себя и уже не смущаешься своей неизлечимой лживостью. Изъ дефектовъ зрѣнія выводятъ мораль, добродѣтель, святость; чистую совѣсть ставятъ въ зависимость отъ ложнаго видѣнія, требуютъ, чтобы никакой иной способъ видѣнія не признавался, – свой же собственный назвали «искупленіемъ», «вѣчностью», «Богомъ» и объявили священнымъ... Протестантскій пасторъ – прадѣдъ Немецкой философіи, самъ протестантизмъ – ея *первородный грехъ*. Вотъ опредѣленіе протестантизма – это односторонній параличъ Христіанства и разума...»[25]

Отрицаніе Христіанскихъ цѣнностей, начатое столь дѣловито Карломъ Марксомъ и столь пламенно Фридрихомъ Ницше, сдѣлалось къ концу XIX столѣтія едва ли не самой модной и привлекательной идеей Западнаго міра. («Сегодня неприлично быть Христіаниномъ»[26]). За культомъ отрицанія послѣдовали (уже въ XX

столѣтіи) декадентскіе культы эстетическаго любованія дохристіанскими культурами и, наконецъ, прямыя попытки возрожденія древнихъ культовъ, предпринятыя въ Германіи, а также популярный во многихъ странахъ матеріалистическій культъ обожествленія политическихъ вождей*.

Образованные Русіяне были хорошо знакомы со всѣми философскими, научными и политическими идеями современаго міра. Безусловно, освѣдомлённость эта сама по себѣ сыграла бы лишь положительную роль, если бы осмыслѣніе иностраннаго опыта происходило съ болѣе независимыхъ, критическихъ позицій. Но благодаря царившей въ Русскомъ обществѣ предубѣждённости противъ самихъ себя, любая иностранная идея имѣла престижъ и считалась достояніемъ образованнаго человѣка, тогда какъ «домашнее» Православіе снисходительно отдавалось въ удѣлъ простому народу. Духовная болезнь, поразившая общество, была особо опасна своей незамѣтностью, поскольку люди, фактически уже отступившіе отъ вѣры, формально оставались Православными. Многіе современники въ той или иной степени видѣли это бѣдствіе, но никто не могъ, не имѣлъ возможности опредѣлить его масштабовъ. Святитель Ѳеофанъ Затворникъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Встрѣчаю людей, числящихся Православными, кои по духу вольтеріане, натуралисты, лютеране и всякаго рода вольнодумцы. Они прошли всѣ науки въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ. И не глупы и не злы, но относительно къ вѣрѣ и къ Церкви никуда негожи. Отцы ихъ и матери были благочестивы; порча вошла въ періодъ образованія внѣ родительскаго дома. Память о дѣтствѣ и духѣ родителей ещё держитъ ихъ въ некоторыхъ предѣлахъ. Каковы будутъ ихъ собственные дѣти? И что тѣхъ будетъ держать въ должныхъ предѣлахъ? Заключаю отсюда, что черезъ поколѣніе, много черезъ два, изсякнетъ наше Православіе»[27].

Конечно, далеко не всѣ интеллигенты склонялись къ религіозному безразличію или полному невѣрію. Въ эти же самые годы яркимъ свѣтомъ возсіяло въ Россіи старчество. Къ знаменитымъ

**В.И. Ленинъ (Ульяновъ-Бланкъ) и І.В. Сталинъ (Джугашвили) въ СССР, А. Гитлеръ въ Германіи, Б. Муссолини въ Италіи, Мао Цзе-Дунъ въ Китаѣ, Кимъ Иръ Сенъ въ Сѣверной Кореѣ и т.д.*

старцамъ Оптиной Пустыни ездили за утѣшеніемъ и духовной помощью міряне всѣхъ сословій, находя въ благочестивыхъ бесѣдахъ не только практическіе житейскіе совѣты, но и избавленіе отъ колебаній, маловѣрія, міровоззрѣнческой путаницы. Въ годы царствованія Александра III началось стихійное Православное движеніе молодёжи, пытавшейся воздѣйствовать на своихъ сверстниковъ какъ личнымъ примѣромъ, такъ и публицистическими выступленіями*. Однако, парадоксъ заключался въ томъ, что не монархисты и Православные представляли «общественное мнѣніе» въ монархической Православной странѣ. Извѣстный Русскій философъ В.В. Розановъ писалъ: «Въ тѣ дни онъ (либерализмъ – *авт.*) былъ всесиленъ, и рѣшительно каждый нелибералъ былъ «какъ бы изгой безъ княжества»: ни умъ, ни талантъ, ни богатое сердце не давало того, что всякій тупица имѣлъ въ жизни, въ печати, если во лбу его свѣтилась мѣдная бляха съ надписью «я либералъ». Вотъ эта-то несправедливость, такъ сказать, міровая, что люди расцѣнивались не «по душамъ», а прямо по «кастовымъ признакамъ» такихъ-то убѣжденій, подняла и на много лѣтъ подняла всю силу моего негодованія противъ неё...»[28]

Во второй половинѣ XIX столѣтія многіе Русскіе писатели, публицисты и философы съ тревогой и болью замѣчали, что Православіе теряетъ притягательную силу для интеллигенціи, что въ такъ называемомъ «обществѣ» крѣпнѣтъ и распространяется собственная революціонная религія либо стойкое безразличіе къ любого рода религіямъ. Писатель и философъ К.Н. Леонтьевъ съ горечью признавалъ: «...Честные, добросовѣстные, понимающіе истинный духъ Христіанства, лучшіе наши представители Православія ... ужъ слишкомъ мягки, слишкомъ честны, такъ сказать, слишкомъ думаютъ только о спасеніи души своей и развѣ, развѣ о спасеніи знакомыхъ имъ людей, но не идутъ вліять на общество, не ведутъ упорной горячей пропаганды въ средѣ Русскаго общества. А умная, дѣятельная пропаганда въ высшихъ слояхъ Русскаго общества

Напримѣръ, въ Москвѣ вокругъ К.Н. Леонтьева сложился кружокъ Православной студенческой молодёжи. Позднѣе, уже живя въ Оптиной Пустыни, писатель продолжалъ съ отрадой писать о «современномъ религіозномъ движеніи въ образованномъ Русскомъ обществѣ». (А.Александровъ. Памяти К.Н. Леонтьева. Сергіевъ Посадъ. 1915. С.89)

нужнѣе была бы чѣмъ проповѣдь алеутамъ и борьба со старовѣрами, представляющими для Россіи очень полѣзный тормозъ...»[29]

Однако, попытки самого Леонтьева и некоторыхъ его соратниковъ модернизировать Православіе, построить на его основѣ философскую систему, привлекательную для интеллигенціи, словомъ, создать своеобразное «Православіе для образованныхъ» неизбѣжно кончались проваломъ. Отрѣшаясь отъ авторитета Церкви, пытаясь стать отдѣльнымъ внецерковнымъ авторитетомъ, они рано или поздно въ той или иной степѣни отступали отъ Православія – въ лучшемъ случаѣ, только сами, въ худшемъ – уводили за собой почитателей. Трагедія Константина Леонтьева заключалась въ томъ, что онъ всю жизнь какъ бы черезъ силу пытался приблизиться къ Православію, честно признаваясь въ отсутствіи чистой простодушной вѣры, наблюдаемой среди простыхъ людей. «Чужая мысль поразила нашъ умъ своею истиной, – дѣлился онъ съ іеромонахомъ Оптиной Пустыни Климентомъ (Зедергольмомъ) – Что же за диво принять её? Ей подчиняешься невольно и только удивляешься, какъ она самому не пришла на умъ раньше. Но, вѣруя въ духовный авторитетъ, подчиняться ему противъ своего разума и вкусовъ воспитанныхъ долгими годами иной жизни, подчинять себя произвольно и насильственно, вопрѣки цѣлой бурѣ внутреннихъ протестовъ, мне кажется, это есть настоящая вѣра»[30].

Идея прихода къ истинной вѣрѣ черезъ насиліе надъ собой, своими вкусами, воспитаніемъ, либеральными привычками, а главное – поэтизація, наслаждѣніемъ этимъ духовнымъ насиліемъ могли показаться близкими не только Леонтьеву, но и многимъ его современникамъ, потерявшимъ естественную связь съ Церковью и лишь въ зрѣлые годы осознавшимъ ея необходимость. Однако, даже такого, ограниченнаго вліянія на Русскую интеллигенцію Леонтьевъ оказать не смогъ. Люди, раздѣлявшіе его идеи, просто подчинялись имъ на практикѣ, растворяясь въ Православіи и не нуждаясь въ постороннихъ авторитетахъ. Тѣ же, кто не раздѣлялъ, легко подмѣчали недостатки Леонтьева: подчёркнутое вниманіе къ смиренію и покорности и почти полное игнорированіе Христіанской любви, болѣе близкія исламу и, наконецъ, личная непослѣдовательность. «Это была вымученная религія, далёкая отъ дѣтской яснос-

ти и сердечной простоты», – писалъ о Леонтьевѣ философъ Сергѣй Булгаковъ[31]. Его постоянныя духовныя метанія завершились въ Оптиной Пустыни, гдѣ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти принялъ тайное постриженіе съ именемъ Климента. Своему ученику, молодому писателю Анатолію Александрову К.Н. Леонтьевъ писалъ о жизненныхъ духовныхъ итогахъ: «Какіе же это могутъ быть новые пути? Для меня никакихъ нетъ, кромѣ догматическаго и аскетическаго Православія, устоявшаго противъ науки и прогресса»[32].

Философскимъ антиподомъ К.Н. Леонтьева и его болѣе удачливымъ соперникомъ во вліяніи на Русское общество сталъ писатель Л.Н. Толстой, который, напротивъ, замѣчалъ и подчёркивалъ въ Христіанствѣ гуманистическія идеи, игнорируя идеи смиренія и послушанія въ Церкви. Опираясь въ объясненіяхъ Евангелія на своё единоличное пониманіе, онъ въ рѣзультатѣ оказался духовнымъ основателемъ новой секты «толстовцевъ» и былъ въ 1901 г. отлучёнъ отъ Православной Церкви. Его критика имѣвшихся въ Церкви недостатковъ находила откликъ среди разочарованной молодёжи, но сами идеи не отличались глубиной, а ихъ ханжеское, каждый разъ громко провозглашаемое исполненіе раздражало даже некоторыхъ поклонниковъ писателя. «Не надо его, наглаго старика, баловать, – рѣзко писалъ К.Н. Леонтьевъ В.В. Розанову. – Геній романиста самъ по себѣ, свинство человѣка и проповѣдника сами по себѣ»[33].

Благодаря литературной популярности Л.Н. Толстаго, его философскія сочиненія также привлекали вниманіе самой широкой аудиторіи, хотя цѣнились ниже художественныхъ произведеній. Такъ, напримѣръ, неудачей закончился его громкій призывъ къ учащейся молодёжи отказаться отъ традиціонныхъ празднованій Татьянина дня. Не оказывая большаго вліянія на религіозно-индифферентную часть общества, писатель-проповѣдникъ сумѣлъ заинтересовать вѣрующихъ, занятыхъ духовнымъ поискомъ людей. Его попытки соединить Христіанство съ новѣйшими общественными идеями были поддержаны единомышленниками. Въ разныхъ городахъ и краяхъ Россіи возникали «толстовскія» общины, чаще всего малочисленныя, но привлекавшія общественное вниманіе своей новизной и использованіемъ имени извѣстного писателя.

Секта «свободныхъ христіанъ» – толстовцевъ, возглавляемая И.М. Трегубовымъ, существовала и въ С.-Петербургѣ[34]. Формально оставаясь въ Православіи, писатель расходился съ нимъ въ рядѣ существенныхъ вопросовъ и активно пропагандировалъ свои взгляды въ статьяхъ и художественныхъ произведеніяхъ, что послѣ долгихъ увещеваній повлекло за собой и закономѣрное отлученіе.

Несмотря на разность личныхъ и литературныхъ судебъ конецъ Л.Н. Толстаго напоминаетъ итогъ духовныхъ исканій К.Н. Леонтьева. Въ свой смертный часъ всемірно извѣстный литераторъ и пламѣнный обличитель Православія направился не къ поклонникамъ и ученикамъ, а въ Оптину пустынь – туда, гдѣ искали успокоенія и избавленія отъ мучительныхъ вопросовъ многіе поколѣнія Православныхъ. Коммуны «толстовцевъ» продолжали существовать и послѣ смерти писателя, активно дѣйствовали въ первые годы совѣтской власти, прѣкративъ своё существованіе въ періодъ государственнаго наступленія на секты.

Какимъ же было въ пореформѣнную эпоху духовное состояніе простаго народа, весьма отдалённо знавшаго или не знавшаго вовсѣ безчисленныхъ ученій, захватившихъ интеллигенцію? Разумѣется, само понятіе «простой народъ» имѣетъ весьма размытыя грани, поскольку простолюдинами были и дѣти вчерашнихъ крѣпостныхъ, и выходцы изъ городскихъ низовъ, обильно пополнявшія ряды студенчества. О нихъ уже говорилось вышѣ. Тѣ же, кто подобно родителямъ, продолжалъ крестьянствовать, трудиться на предпріятіяхъ или заниматься ремесломъ, не просто оказались мало затронутыми «новыми вѣяніями», но воспринимали ихъ чащѣ всего со стойкимъ убѣждённымъ консерватизмомъ. Для основной массы Русскаго народа – городскихъ низовъ и тѣмъ болѣе крестьянства атеизмъ и религіозное безразличіе оставались непонятнымъ, чуждымъ и враждебнымъ образомъ мысли. Это довольно быстро поняли народники – наиболѣе активные агитаторы и своеобразные «миссіонеры» соціализма. Въ 1860–80-е годы всѣ ихъ попытки пропагандистской работы среди крестьянъ и рабочихъ неизмѣнно наталкивались на непроницаемую стѣну безразличія и враждебности. Соглашаясь съ критикой чиновничьяго произвола и другихъ несправедливостей окружающей жизни, простые люди

не могли ни понять, ни раздѣлять ненависть къ Царю – Божію Помазаннику, равно какъ отрицаніе православныхъ традицій и цѣнностей. Наконецъ, они просто не могли повѣрить въ принціпіальную необходимость измѣненія установленнаго Богомъ государственнаго строя. Провалъ «хожденія въ народъ» 1874 года, мизерное число и ненадёжность даже распропагандированныхъ простолюдиновъ побудили народниковъ полностью пересмотреть свою тактику и снова, какъ во времена Нечаева, вѣрнуться къ методамъ заговоровъ и террора.

Настроенія и симпатіи основной массы простаго народа наглядно отразились въ поведеніи толпы, собравшейся 3 Апреля 1881 года на казнь убійцъ Императора Александра II. Офицеръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка Л.А. Плансонъ свидѣтельствовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Что толпа была враждебно настроена къ цареубійцамъ, я заключаю изъ бывшихъ на моихъ глазахъ... случаевъ, когда она звѣрски хотѣла расправиться самосудомъ съ двумя какими-то женщинами, которыя были повинны лишь въ томъ, что слишкомъ явно выразили свои симпатіи къ цареубійцамъ...

Итакъ, подойдя къ углу Надеждинской и Спасской, мы замѣтили стоявшую на тумбѣ возлѣ фонаря какую-то уже немолодую женщину, скромно одѣтую, но въ шляпѣ и интеллигентнаго вида.

Когда платформы съ цареубійцами поравнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она стояла, и даже немного миновали его, такъ что преступники могли видеть эту женщину, она вынула бѣлый платокъ и раза два–три успѣла махнуть имъ въ воздухѣ.

Нужно было видеть, съ какимъ дикимъ остервененіемъ толпа сорвала моментально несчастную женщину съ ея возвышенія, сразу смяла её, сбила съ головы ея шляпу, разорвала пальто и даже, кажется, раскровенила ей лицо. Если бы не немедленно подскочившіе полицейскіе и кто-то изъ насъ, офицеровъ, отъ неосторожной поклонницы цареубійцъ не осталось бы ничего, кромѣ истерзаннаго трупа...

Второй, совершенно аналогичный, случай произошёлъ уже недалеко отъ мѣста казни... Точно такъ же какая-то молоденькая на этотъ разъ женщина, стоя на тумбѣ и держась одной рукой о столбъ у подъѣзда, вздумала свободной рукой замахать въ видѣ при-

вѣтствія проезжавшихъ цареубійцъ. Также въ мгновеніе ока она очутилась въ рукахъ толпы, безъ шляпки, съ растрёпанными волосами, съ расстёгнутымъ пальто, съ глазами, наполненными безумнымъ ужасомъ...»[35] Сами приговорённые были настолько потрясены поведѣніемъ народа, отъ котораго ждали сочувствія, что не рѣшились на какія-либо вызывающія дѣйствія, а, быть можетъ, уже были на нихъ не способны. Всѣ пятеро, стоя на эшафотѣ, поцѣловали крестъ у священниковъ, хотя наканунѣ трое изъ нихъ отказались исповѣдываться и пріобщиться Святыхъ Таинъ и, судя по всему, собирались быть послѣдовательными до конца.

Наблюдаемую агрессивность, однако, нельзя объяснить лишь обычнымъ бездумнымъ экстазомъ толпы, предвкушавшей кровожадное зрѣлище. Собравшіеся люди имѣли своё особое религіозно-политическое воззрѣніе на произходящее, которое руководило ихъ эмоціями. Они безоговорочно осуждали цареубійцъ. Но когда надъ однимъ изъ приговорённыхъ – Тимофеемъ Михайловымъ – оборвалась верёвка, что по Русскимъ вѣрованіямъ означало Божіе велѣніе о помилованіи, эта же самая толпа забурлила и рѣшительно потребовала отмѣны казни Михайлова. Возникшій эксцессъ столь взволновалъ народъ и напугалъ Правительство, что оно отказалось впредь отъ проведенія публичныхъ казней.

Консерватизмъ основной массы Русскаго народа въ тотъ періодъ былъ очевиденъ, но власти совершали большую ошибку, воспринимая народную лояльность, какъ вещь совершенно несомнѣнную, которая дана на вѣчныя времѣна, дѣйствуетъ автоматически и не нуждается ни въ обновленіи, ни въ подкрѣпленіи. Парадоксально, но въ монархической самодержавной странѣ революціонный лагерь дѣйствовалъ значительно свободнѣе своихъ противниковъ и могъ предложить единомышленникамъ гораздо больше возможностей для дѣйствій. Революціонеры имѣли собственную разработанную идеологію, программу, свои организаціи, финансовые фонды, печатныя изданія. Иначе обстояло дѣло у монархистовъ. Въ условіяхъ полной задавленности государственно-бюрократической машиной Русскій человѣкъ могъ выразить свою вѣрность Православію и Монархіи лишь доносами на крамольниковъ или самовольными расправами, вродѣ вышеописанныхъ. Всякія цивилизованныя фор-

мы патріотическаго народнаго движенія, равно какъ и дерзкія иниціативы одиночекъ строго запрещались и пресекались Правительствомъ. Сложное положеніе М.Н. Каткова – одного изъ ведущихъ консервативныхъ идеологовъ второй половины XIX столѣтія, редактора и издателя газеты «Московскія вѣдомости», неоднократныя предупрежденія этой газетѣ за черезчуръ, по мнѣнію властей, смѣлую защиту Самодержавія, изгнаніе изъ Россіи извѣстнаго физіолога и публициста И.Ф. Ціона за рѣзкую критику министровъ И.А. Вышнеградскаго и С.Ю. Витте, а позднѣе – отставка полковника С.В. Зубатова – вотъ лишь несколько наиболѣе яркихъ примѣровъ открытыхъ столкновеній «еретиковъ» съ тѣмъ самымъ Правительствомъ, которое они самоотвѣрженно защищали. Вплоть до 1905 года монархическія организаціи были запрещены въ Россіи наравнѣ съ революціонными и либеральными. Аналогичное подавленіе иниціативы и самостоятельности ощущали на себѣ и церковныя структуры, подчиненныя тому же Правительству. Бывшій Управляющій Канцеляріей Московской Cvнодальной Конторы А.А. Нейдгартъ*, хорошо освѣдомлённый о закулисной жизни высшихъ сферъ власти, указывалъ на негласные запреты и ограниченія, дѣйствовавшіе въ ту пору: «Для лицъ, непосвященныхъ въ церковныя дѣла, мнѣніе это могло бы показаться мало основаннымъ... Дѣйствительно, по-видимому всё обстояло благополучно: торжественныя служенія не только не нарушались, но на нихъ въ извѣстные дни присутствовали не только всѣ крупныя должностныя лица, но и самъ дворъ; Іерархіи оказывалось наружное почитаніе по требованію Государственной власти; Архіереи получали рескрипты и въ торжественныхъ случаяхъ приглашались къ Высочайшему столу; по правительственному распоряженію даже служащіе обязывались начальствомъ представлять свидѣтельство о ежегодномъ говѣніи; изъ государственнаго казначейства отпускались суммы, хотя и не обильныя, на разнообразныя церковныя нужды. Вся эта наружная обстановка могла держать въ заблужденіи лицъ, не знакомыхъ съ тайными пружинами церковнаго управленія и возбуждать въ нихъ удивленіе по-поводу обвиненія власти въ гоненіи Церкви. Однако,

---

* *См. письмо А.А. Нейдгарта въ Приложеніи.*

на дѣлѣ оно существовало, но, боясь осужденія, тщательно скрывалось за Правительственными кулисами, тѣмъ не менѣе втихомолку разъѣдая тѣло Церкви»[36].

Правительственными мѣрами было подавлено въ 1860-хъ годахъ народное трезвенническое движеніе, стихійно возникшее, какъ протестъ противъ акцизной системы продажи питей, когда безчисленное множество новыхъ кабаковъ распахнули двери только что освобождённому народу. Угроза повальнаго пьянства, массоваго разоренія и алкоголизма вполнѣ реально повисла надъ Русской деревней. «Тотчасъ Церковь, какъ и всегда, откликнулась на народную нужду, – продолжалъ А.А. Нейдгартъ. – Повсѣмѣстно съ церковнаго амвона стала раздаваться проповѣдь противъ пьянства, чуть ли не каждый день по начинанію приходскихъ священниковъ возникали общества трезвости, члены которыхъ добровольно давали клятву бросить развращающій и разоряющій ихъ порокъ, отовсюду полѣтели въ С.-Петербургъ прошенія о закрытіи кабаковъ, только что возникшее земство дружно поддержало Церковь и народъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ повсѣмѣстныя постановленія его на собраніяхъ того времени. Словомъ, подъёмъ былъ полный, Церковь, исполняя завѣты Спасителя, спасала Свою паству изъ когтей сатаны. Но Государство поморщилось, министръ Рейтернъ потребовалъ прекращенія проповѣди духовенства... Какъ быть? Положеніе было деликатное, – не могла же Русская Держава вслухъ міру связать Церковь въ такомъ святомъ дѣлѣ? Но вицмундиръ тотчасъ нашёлся и придумалъ кулису. По Высочайшему повѣленію, безъ сомнѣнія лукаво изпрошенному, были изданы изъ Cvнода тайныя указанія о прекращеніи проповѣди, мѣшавшей Рейтерну... Публикѣ эти указы были не извѣстны, и она недоумевала предъ воцарившимся молчаніемъ»[37].

Въ иныхъ случаяхъ, однако, Cvнодальное руководство проявляло нетактичную ретивость, не задумываясь, какъ некоторыя иниціативы могутъ быть восприняты обществомъ. Такъ, напримѣръ, послѣ выстрѣла Д. Каракозова, когда по всей странѣ начался сборъ пожертвованій на строительство часовни въ память спасенія Императора, Cvнодъ предложилъ учредить ежегодный крестный ходъ по случаю 4 Апреля 1866 года. Противъ этой идеи рѣшительно воз-

ражалъ нынѣ канонизированный московскій митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), который писалъ обер-прокурору Cvнода: «Надобно ли каждый годъ торжественно напоминать народу, что возможно возстаніе противъ Царя, которое онъ преждѣ почиталъ невозможнымъ?»[38] Далѣе Филаретъ напоминалъ, что Николай I ежегодно 14 Декабря совершалъ благодарственное молебствіе въ своей придворной церкви, но не учредилъ всенароднаго церковнаго торжества по случаю подавленія возстанія декабристовъ. Однако, письмо митрополита опоздало: ещё 14 Апреля Императоръ высочайше утвердилъ учрежденіе ежегоднаго повсѣмѣстнаго совершенія крестнаго хода въ день покушенія.

Недовѣріе къ народу, который могъ бы стать самымъ преданнымъ защитникомъ государственныхъ и церковныхъ интересовъ и устоевъ, боязнь иниціативы и самостоятельности, подавленіе патріотически настроенныхъ энтузіастовъ, казённая организація «всенародныхъ ликованій» безъ совѣта не только съ простыми міряна-ми, но даже съ вліятельными церковными іерархами привела къ тому, что Правительство постепенно выпускало изъ-подъ своего контроля подлинныя настроенія народа, успокаиваясь внѣшнимъ благополучіемъ и не замѣчая глубинныхъ процессовъ, – а народъ либо пріобреталъ угодную властямъ инертность, лишённый возможностей набирать политическій и гражданскій опытъ, либо занималъ сторону противоположнаго лагеря. Слишкомъ надѣясь на мощь своего аппарата, власти лишь въ 1905 году, послѣ многихъ событій и потрясеній, вынуждены были признать безсиліе этаго аппарата передъ охватившими страну массовыми движеніями и согласились на существованіе стихійно возникшаго монархическаго (черносотеннаго) движенія. Однако, время уже было упущено, и побѣда надъ Первой «русской» революціей лишь на 10 лѣтъ отдалила окончательную катастрофу.

Другой актуальной проблемой Русской Православной Церкви въ XIX столѣтіи была борьба за сохраненіе религіознаго единства Русскаго народа, которое ослабляли распространявшіеся инославныя конфессіи и секты. Согласно законамъ, вѣрующему запрещался выходъ изъ Православія подъ угрозой наказанія, однако, на практикѣ переходъ въ другую вѣру могъ совѣршаться тайно, въ обходъ

государственныхъ постановленій. Въ началѣ XIX столѣтія въ кругахъ высшей аристократіи, особенно среди женщинъ, считалось моднымъ и престижнымъ принятіе католичества. Свѣтскія дамы, воспитанныя въ преклоненіи передъ Европой, находили Православныхъ батюшекъ, простыхъ въ обращеніи и не знавшихъ иностранныхъ языковъ, слишкомъ «домашними» и примитивными для себя. Лишь Отечественная война 1812 года и вызванный ею всенародный патріотическій подъёмъ несколько ослабили повальную французоманію Русской аристократіи. Другимъ религіознымъ увлеченіемъ было чтеніе мистическихъ книгъ и принятіе мистическихъ ученій при внѣшнемъ сохраненіи Православія. Среди непривилегированныхъ сословій находили распространеніе многочисленные старообрядческіе толки и другіе Русскіе секты, а съ конца XIX столѣтія – западныя протестантскія вѣроученія.

Русская исторія не знала реформаціи европейскаго типа, но наряду съ Православіемъ въ Россіи существовали секты и религіозныя ереси, расходившіеся съ господствующей Церковью. Ещё въ средніе вѣка активно дѣйствовали, находя немало сторонниковъ, жидовствующая, стригольническая и другія ереси. Однако, расцвѣтъ безчисленныхъ Русскихъ сектъ начался въ XVII столѣтіи, послѣ Раскола, какъ естественный его результатъ и продолженіе.

Въ первые годы Раскола передъ лицомъ репрессій и въ ожиданіи близкаго прихода Антихриста сторонники стараго обряда сохраняли единство, не задумываясь надъ тѣмъ, смогутъ ли они продержаться вѣка – безъ церковнаго руководства, безъ пастырей и безъ таинствъ. Пока были живы священники, рукоположенные до Никона, этихъ вопросовъ передъ старообрядцами не стояло. Но проходили годы, десятилѣтія, прежніе священники постепенно «перевелись», и старовѣры вынуждены были выбирать одно изъ двухъ: или остаться безъ священниковъ и предоставить право учить и священнодѣйствовать лицамъ непосвящённымъ, или принимать къ себѣ бѣглыхъ священниковъ, рукоположенныхъ епископами Православной господствующей церкви. Результатомъ этаго выбора стало первое раздѣленіе старообрядчества на два основныхъ толка – поповцевъ и безпоповцевъ. Впослѣдствіи дробленіе на секты и толки продолжалось: появились ѳеодосѣевцы, филипповцы, самокрещен-

цы, бѣгуны, сторонники аристова, пастухова, спасова согласій и другія.

Ненормальное сосуществованіе въ одной странѣ двухъ Православныхъ церквей – старой и «новой» вѣры, опасность безконечныхъ раздѣленій и массоваго уклоненія въ ереси тревожили какъ офиціальную Церковь, такъ и старообрядцевъ. Необходимость поиска компромиссовъ побудила къ дѣйствіямъ ту и другую стороны. «...Некто Никодимъ изъ Стародубья, человѣкъ довольно учёный, бывшій однимъ изъ представителей діаконовщины на Соборѣ 1765 года рѣшился возстановить старообрядческую іерархію, заимствовавъ её изъ Православія. Ему было въ то время (1781 г.) только 36 лѣтъ отъ роду, но онъ пользовался ужѣ громаднымъ вліяніемъ... Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ, и поповскаго, и безпоповскаго согласій, во едино стадо подъ паствою единаго Пастыря. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человѣкъ для достиженія своей цѣли: семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ её, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другія поповщинскія общины и сближая ихъ въ некоторомъ отношеніи съ Православною Церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубьѣ, гдѣ на земляхъ посада Злынскаго построилъ Троицкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой...»[39]

Въ началѣ 1782 года Никодимъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и былъ представленъ княземъ Г.А. Потёмкинымъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ Православной Церкви. Послѣ смерти Никодима въ 1784 году его старанія продолжили іеромонахи Іоасафъ, Герасимъ, монахъ Яковъ Бѣляевъ, казначей Виталій. Итогомъ компромисса стало подчиненіе единовѣрцевъ іерархіи Русской Православной Церкви, взамѣнъ чего имъ разрѣшалось сохранять старые обряды: Богослуженіе могло совершаться по старопечатнымъ книгамъ, имя «Іисусъ» произносилось «Исусъ», позволялось двоеніе аллилуйя, хожденіе по Солнцу, двуперстное сложеніе и другія особенности. Появленіе единовѣрчества смягчало противостояніе и давало возможность вѣрующимъ переходить въ лоно Православной Церкви, не отказываясь отъ привычныхъ обрядовъ. Въ 1864 году въ Нижегородской,

Пермской, Вятской и другихъ епархіяхъ Россіи насчитывалось 223 единовѣрческихъ церкви. Уменьшилась численность старообрядцевъ за счётъ перехода въ единовѣріе: по офиціальнымъ даннымъ, въ 1840–60-хъ годахъ къ единовѣрію присоединилось 107670 человѣкъ[40].

Однако, большинство старообрядцевъ отнеслись негативно къ новой Церкви, такъ что попытка компромисса не уничтожала Расколъ, какъ таковой. Въ отношеніи же упорствующихъ религіозныхъ диссидентовъ власти больше довѣряли карательнымъ и запретительнымъ мѣрамъ. До 1905 года Старовѣры, являясь серьёзной силой въ обществѣ, особенно въ коммерческихъ кругахъ, продолжали оставаться ущемлёнными въ своихъ правахъ сравнительно съ Православными. Разгромъ скитовъ, запретъ строить алтарныя церкви – только молельни и часовни, – не достигая желаемыхъ результатовъ, лишь порождали искусственное противостояніе вѣрующихъ и Русскихъ властей. Въ дальнейшемъ событія 1905 года показали, что когда Правительство отказалось отъ притѣсненій старообрядцевъ, тѣ немедленно выступили на сторонѣ этаго самаго Правительства*.

Какъ уже упоминалось, помимо старообрядческихъ толковъ, въ Россіи существовали многочисленныя секты: скопцы, хлысты, духоборы, молокане и многія другія. Каждая изъ сектъ въ свою очередь дѣлилась на мелкія, нередко другъ съ другомъ враждующія группы. Въ основномъ, секты находили распространеніе среди крестьянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей (послѣдніе давали сектамъ довольно устойчивую матеріальную базу), но увле-

---

* *Конечно, политической дифференціаціи не избѣжала и старообрядческая срѣда. Однако въ цѣломъ старообрядцы поддержали «новыя вѣянія» лишь въ области расширенія своихъ религіозныхъ правъ. Депутатъ Государственной Думы М.К. Ермолаевъ отмѣчалъ, что «тамъ, гдѣ въ большинствѣ обывателями являлись старообрядцы, тамъ, гдѣ мы были и въ мѣньшинствѣ, отнеслись къ анархіи и попыткамъ измѣненія государственнаго строя отрицательно, въ этихъ весяхъ не было аграрныхъ безпорядковъ».* (*«Петербуржскій листокъ» Нумеръ 54, 1908*) *На старообрядческомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ Декабрѣ 1905 года архіепископъ Іоаннъ Картушинъ призвалъ, чтобы его паства не только не участвовала въ ограниченіи Верховной власти но, наоборотъ, «всячески противодѣйствовала всякому попранію и ограниченію Богоучреждённой и Богопоставленной власти»* (*«Русскія Вѣдомости» Нумеръ 31. 1906*).

кали и неудовлетворённыхъ офиціальной Церковью дворянъ – особенно таинственныя экстатическія секты типа хлыстовъ.

Во второй половинѣ XIX столѣтія, наряду съ сектами Русскаго происхожденія, стали распространяться западныя протестантскія вѣроученія. Тайные кружки пополнялись какъ разочарованными Православными, такъ и выходцами изъ традиціонныхъ сохранявшихся на Руси сектъ – молоканъ, духоборовъ и другихъ*. Поскольку бывшіе сектанты, болѣе подготовленные къ воспріятію протестантизма, на первыхъ порахъ составляли большинство новыхъ общинъ, регіонъ распространенія штундо-баптизма и другихъ тѣченій въ цѣломъ совпадалъ съ раіонами распространенія Русскихъ сектъ – Кавказъ, югъ Россіи, Малороссіи. Но и въ обеихъ столицахъ протестанты набирали силу.

Хотя въ Россіи миссіонерскую практику имѣли десятки протестантскихъ направленій, успѣхъ обретали тѣ ученія, которыя содержали элементы, уже знакомыя Русскимъ сектантамъ. Напримѣръ, адвентисты имѣли сходство съ субботниками, баптисты – съ молоканами, пятидесятники – съ хлыстами и такъ далѣе. По ряду историческихъ причинъ Русскій протестантизмъ развивался въ дальнѣйшемъ отстранённо отъ западнаго и пріобрёлъ собственныя особенности и обычаи, строго опредѣлявшія бытъ и стиль поведѣнія вѣрующихъ.

Свѣтская и духовная власти, являясь естественными союзниками въ борьбѣ съ ширившимся сектантствомъ, на практикѣ дѣйствовали принципіально различными меѳодами. Если Правительство использовало административныя и репрессивныя мѣры, то передъ Православной Церковью стояла задача внутренняго миссіонерства, то есть православно-просвѣтительской работы среди Русскихъ сектантовъ, а также колеблющихся изъ числа собственной паствы. Въ годы царствованія Императора Александра III внутреннему миссіонерству стало удѣляться особое вниманіе, поскольку власти уже понимали безперспективность использованія исключительно карательныхъ и запретительныхъ пріёмовъ. Миссіонерская работа съ Русскими сектантами требовала большей

---

* *Напримѣръ, основатель Всероссійскаго союза евангельскихъ христіанъ И.С. Прохановъ (1869-1933) происходилъ изъ молоканской семьи.*

самостоятельности Православной Церкви и возможности для общественной инициативы. Въ 1887 году въ Москвѣ былъ проведёнъ первый всероссійскій Православный миссіонерскій съѣздъ. Въ его программу входили выработка общихъ организаціонныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ сектантствомъ и, къ сожалѣнію, Старообрядчествомъ, а также обмѣнъ опытомъ уже имѣющейся миссіонерской работы. Четыре года спустя, въ 1891 году, состоялся Второй миссіонерскій съѣздъ, участники котораго поставили передъ собой задачу разобраться въ сущности ученій отдѣльныхъ сектъ и опредѣлить степень ихъ вредности для Церкви, Государства и человѣческой нравственности; обосновать ошибочность сектантскихъ доводовъ, чтобы болѣе аргумѣнтированно защищать пріоритетъ Православія. Выступившій съ этой программой управляющій канцѣляріей Сунода В.К. Саблеръ (будущій оберъ-прокуроръ Сунода) отмѣтилъ: «Враги Церкви стараются наступать на насъ сплочённой ратью; необходимо для ратоборцевъ Православія единство мыслей и дѣйствій – нужны техника дѣла, плотная связь между собой и въ общемъ трудѣ»[41]. В.К. Саблеръ доказывалъ, что Церкви грозитъ опасность не столько отъ Старообрядцевъ, сколько отъ такъ называемыхъ «раціоналистическихъ» сектантскихъ ученій (штундизмъ, адвентизмъ, баптизмъ, духоборчество и другихъ). Съѣздъ предложилъ ускорить изданіе Библіи и Евангелія съ подстрочнымъ толкованіемъ текста, подборомъ полѣмическихъ матеріаловъ по разоблаченію сектъ и принялъ рядъ другихъ постановленій.

Существенную роль въ развитіи антисектантской дѣятельности сыгралъ Третій всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, происходившій въ Казани въ 1897 году и бывшій особенно представительнымъ. На съѣздѣ присутствовало 196 делегатовъ отъ различныхъ миссіонерскихъ и церковныхъ организацій, въ томъ числѣ отъ духовныхъ учебныхъ заведеній и монастырей. Делегаты обсудили задачи и методы внутренняго миссіонерства въ условіяхъ оживленія общественной жизни и особо отмѣтили антигосударственную и соціалистическую направленность нѣкоторыхъ ученій.

Съѣзды являлись лишь направляющими мѣропріятіями миссіонерской дѣятельности, координирующими повсѣдневную работу Церкви въ этомъ направленіи. Ещё въ 1888 году, Сунодъ, при-

знавъ связь между политической и религіозной стабильностью общества, разработалъ «правила объ устройствѣ миссій и способахъ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ». Въ епархіяхъ учреждались должности епархіальныхъ миссіонеровъ, освобожденныхъ отъ обязанностей приходскихъ священниковъ. Съ 1896 года началъ выпускаться журналъ «Миссіонерское обозрѣніе» подъ рѣдакціей чиновника особыхъ порученій Священнаго Cунода В.К. Скворцова, посвященный сектовѣденію и внутреннему миссіонерству. Интенсивно создавались многочисленныя православныя братства и общества, особое вниманіе удѣлялось трезвенническому движенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, активизація миссіонерской работы съ Православной паствой и сектантами ужѣ могла лишь задержать, но не остановить распространеніе инославныхъ ученій. Подобно тому, какъ пріученные къ инерціи монархисты оказались въ невыгодныхъ условіяхъ по сравненію съ энергичнымъ, успѣвшимъ набраться политическаго опыта революціоннымъ лагерем, такъ и Православная Церковь, долгое время лишенная иниціативы, пользовалась этой иниціативой значительно хуже своихъ соперниковъ, для которыхъ въ тѣченіи многихъ лѣтъ выживаніе было возможно только при условіи активной проповѣднической работы, организаціонной спаянности и фанатичной вѣрности своимъ идеямъ.

Съ тревогой и предчувствіемъ колоссальныхъ перемѣнъ вступала Россія въ XX вѣкъ. Рѣдакторъ консервативной газеты «Московскія Вѣдомости», будущій основатель Русской Монархической Партіи В.А. Грингмутъ писалъ, подводя итоги завершавшагося столѣтія: «Девятнадцатый вѣкъ, – вѣкъ парламентаризма, – приходитъ къ концу, наступаетъ новый вѣкъ – вѣкъ соціализма»[42]. Для однихъ это политическое пророчество являлось сокровенной мечтой и жизненной цѣлью, для другихъ – предчувствіемъ страшнаго Божія наказанія за грѣхи, маловѣріе, безвѣріе и непостоянство. Наступленіе атеизма не только не заглушило, а наоборотъ обострило интересъ народа къ знаменіямъ, чудесамъ и пророчествамъ. Ещё знаменитый монахъ Авель, жившій во второй половинѣ XVIII – первой четверти XIX столѣтій, прославился многими сбывшимися пророчествами о знаменательныхъ событіяхъ своего времени. Въ

1801 году о. Авель сдѣлалъ Имератору Павлу I предсказаніе о судьбѣ династіи, вплоть до его правнука, коимъ являлся Николай II. Написанное на бумагѣ, оно было вложено въ конвертъ съ наложеніемъ личной печати Павла I и его собственноручной подписью: «Вскрыть потомку нашему въ столѣтній день моей кончины». Ровно сто лѣтъ докумѣнтъ, никѣмъ изъ послѣдующихъ Императоровъ не потревоженный, хранился въ особой комнатѣ Гатчинскаго дворца. М.Ѳ. Герингеръ, оберъ-камеръ-фрау Императрицы Александры Ѳеодоровны, вспоминала: «Въ Гатчинскомъ дворцѣ, постоянномъ мѣстопребываніи Императора Павла I, когда Онъ былъ Наслѣдникомъ, въ анѳиладѣ залъ была одна небольшая зала, и въ ней посерединѣ на пьедесталѣ стоялъ довольно большой узорчатый ларецъ съ затѣйливыми украшеніями. Ларецъ былъ запѣртъ на ключъ и опечатанъ. Вокругъ ларца на четырёхъ столбикахъ, на кольцахъ, былъ протянутъ толстый красный шелковый шнуръ, преграждавшій къ нему доступъ зрителю. Было извѣстно, что въ этомъ ларцѣ хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Маріей Ѳеодоровной, и что Ею было завѣщано открыть ларецъ и вынуть въ нёмъ хранящееся только тогда, когда исполнится сто лѣтъ со дня кончины Императора Павла I, и притомъ только тому, кто въ тотъ годъ будетъ занимать Царскій Престолъ въ Россіи. Павелъ Петровичъ скончался въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпалъ, такимъ образомъ, жребій вскрыть таинственный ларецъ и узнать, что въ нёмъ столь тщательно и таинственно охранялось отъ всякихъ, не исключая и царственныхъ, взоровъ.

Въ утро 12 Марта 1901 года... и Государь и Государыня были очень оживлены и веселы, собираясь изъ Царскосельскаго Александровскаго дворца ехать въ Гатчину вскрывать вѣковую тайну. Къ этой поѣздкѣ они готовились какъ къ праздничной интересной прогулкѣ, обѣщавшей имъ доставить незаурядное развлеченіе. Поѣхали они веселые, но возвратились задумчивые и печальные, и о томъ, что обрели они въ этомъ ларцѣ, никому... ничего не сказали. Послѣ этой поѣздки... Государь сталъ поминать о 1918 годѣ, какъ о роковомъ и для него лично, и для Династіи»[43].

Не только пророчества, какъ подлинныя, такъ и мнимыя, ходившія во всѣхъ слояхъ общества на уровнѣ слуховъ и толковъ, вселяли тревогу и предчувствіе политическихъ потрясеній. Во второй половинѣ XIX столѣтія уже не требовалось особыхъ мистическихъ озареній, чтобы понять, какими чудовищными могутъ оказаться послѣдствія политическаго и религіознаго легкомыслія. Въ частности, святитель Ѳеофанъ Затворникъ (Вышенскій) проводилъ слѣдующую аналогію: «Какъ шла Французская революція? Сначала распространились матеріалистическія воззрѣнія. Онѣ пошатнули и Христіанскія, и общерелигіозныя убѣжденія. Пошло повальное невѣріе: Бога нетъ, человѣкъ – комъ грязи; можно было всѣмъ топтать, у нихъ выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требованія – инде разумныя, далѣе полуумныя, тамъ безумныя. И пошло всё вверхъ дномъ.

Что у насъ? У насъ матеріалистическія воззрѣнія всё болѣе и болѣе пріобѣтаютъ вѣсъ и обобщаются. Силы ещё не взяли, а берутъ. Невѣріе и безнравственность тоже расширяются. Требованіе свободы и самоуправства – выражается свободно. И вотъ выходитъ, что и мы на пути къ революціи!»[44]

Предупреждая о революціи, святитель Ѳеофанъ ещё не зналъ, что масштабы и послѣдствія ея будутъ неизмѣримо значительней событій Великой французской революціи, а число жертвъ превыситъ всѣ предыдущія міровыя политическія катастрофы. Но ужѣ тогда онъ понималъ ея ярко выраженную антирелигіозную направленность. Во Франціи, несмотря на попытки созданія искусственныхъ культовъ и репрессіи противъ католическаго духовенства, революціонные лидеры сознавали безперспективность принципіальной борьбы съ религіей. Въ своёмъ антикатолицизмѣ они были непослѣдовательны и непостоянны. Даже Дантонъ, идя на уступки своей невѣстѣ Луизѣ Жели, согласился на тайное вѣнчаніе съ ней*.

Русскій революціонный лагерь былъ принципіально инымъ. Какъ ужѣ говорилось выше, онъ готовилъ собственную матеріалистическую религію не въ тѣченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ Робеспьеръ, а на протяженіи многихъ десятилѣтій. И хотя матеріалистическіе

---

* *Подробнѣе объ этомъ см. А. Левандовскій. Дантонъ. М. 1964. Сс.304–307; Ц.Фриландъ. Дантонъ. М., 1965. С.157.*

взгляды ещё не считались обязательными для членовъ соціалистическихъ партій и тѣмъ болѣе безпартійныхъ энтузіастовъ, сама революціонная среда, съ ея циничнымъ пренебреженіемъ ко всему «непередовому», сосредоточенностью на чисто практической сторонѣ жизни, погруженностью въ суету, забиравшую силы и требовавшую постояннаго напряженія, не располагала къ духовной сосредоточенности и обычно заглушала даже тѣ остатки религіозности, которыя ещё сохранялись въ душахъ некоторыхъ «муравьёвъ революціи». Наконецъ, пестрота національнаго состава, создававшая неизбѣжныя при этомъ проблемы консолидаціи, требовала даже отъ заинтересованныхъ людей религіознаго равнодушія и намѣреннаго обхожденія всѣхъ наиболѣе болезненныхъ для самолюбія и неактуальныхъ для подпольной практики вопросовъ. Такъ что вѣрующихъ среди революціонеровъ встрѣчалось немного – въ основномъ, рядовые или неискушенные новички. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ привлеченія народа и обезпеченія легальности собраній политическія выступлѣнія иногда совмѣщались съ религіозными церемоніями, примѣрами чего можно назвать Казанскую демонстрацію 6 Декабря 1876 года или панихиду по Н.А. Добролюбову 17 Ноября 1886 года.

Въ началѣ XX столѣтія среди революціонныхъ лидеровъ, особенно соціалъ-демократовъ, признакомъ хорошаго тона ужѣ считалось подчёркнуто враждебное отношеніе къ Православію или къ собственной религіи. XIX вѣкъ, не успѣвавшій вырабатывать слой профессіональныхъ революціонеровъ (продолжительность подпольной жизни была крайне недолгой – отъ нѣсколькихъ дней или недѣль до двух–трёхъ лѣтъ), не успѣлъ создать и чёткихъ правилъ на этотъ счётъ. Поэтому атеизмъ въ народнической средѣ хотя и поощрялся, но ещё не являлся непреложнымъ и въ конечномъ итогѣ оставлялся на усмотрѣніе самаго человѣка, о чёмъ свидѣтельствовало и поведѣніе на эшафотѣ А.Желябова и его товарищей. Въ XX столѣтіи было уже немыслимо, чтобы руководитель революціонной партіи поцѣловалъ крестъ передъ казнью. Но эти отдѣльныя уступки народнымъ настроеніямъ, какъ и міровоззрѣнческая нетребовательность къ товарищамъ, способные ввести въ заблужденіе неискушённыхъ, не могли обмануть тѣхъ, кто хорошо зналъ эту

среду изнутри. Ужѣ тогда, въ сравнительно либеральный и идеалистическій періодъ революціонной исторіи, посвящённые люди не питали иллюзій относительно совмѣстимости религіи и революціи. Возвратъ къ религіи (въ частности къ Православію) былъ для нихъ равносиленъ полному разрыву съ радикальнымъ движеніемъ и переходу на монархическія позиціи, какъ это произошло, напримѣръ, съ Львомъ Тихомировымъ. Въ отличіи отъ Западныхъ революцій, не ставившихъ цѣлью уничтоженіе Церкви и религіи, «Русская» революція изначально готовилась сокрушить всѣ безъ исключенія области «стараго міра». Ниже мы ещѣ коснёмся популярныхъ въ началѣ XX столѣтія попытокъ соединить Христіанство и соціализмъ, но онѣ исходили отъ либераловъ или искренне заблуждавшихся мечтателей, а не отъ тѣхъ, кто всерьёзъ расчищалъ дорогу для будущаго прихода къ власти. Православная Церковь не питала иллюзій на сей счетъ и, ясно понимая Свою участь при соціализме, твёрдо и убѣжденно держалась за Монархію.

Общая направленность Церкви не исключала, однако, ни появленія уже въ началѣ XX столѣтія, задолго до 1917 года, «красныхъ батюшекъ» (на чёмъ мы ещё остановимся ниже), ни пассивной отрѣшённости отъ духовныхъ проблемъ общества и сосредоточенности на собственныхъ интересахъ, что было особенно распространено среди высшаго привилегированнаго духовенства. О страшныхъ послѣдствіяхъ безотвѣтственности и равнодушія пастырей къ своему духовному стаду предупреждалъ извѣстный на всю страну самоотверженнымъ служеніемъ Богу и людямъ, горячо любимый народомъ, нынѣ канонизированный, протоіерей святой Іоаннъ Кронштадтскій. Въ книгѣ «Моя жинь во Христѣ Бозѣ» онъ съ горѣчью писалъ: «Правители пастыри, что вы сдѣлали изъ своего стада? стадо волковъ хищныхъ, а не стадо кроткихъ, смирѣнныхъ и незлобивыхъ овецъ. Взыщетъ Господь овецъ своихъ отъ рукъ вашихъ!»[46]

Итакъ, въ концѣ XIX – началѣ XX столѣтій внѣшнее состояніе Русской Православной Церкви казалось процвѣтающимъ и непоколебимымъ. По даннымъ первой всеобщей переписи населенія 1897 года численность Православныхъ составляла 87,3 милліона человѣкъ или 69,5% населенія Имперіи. Православная Церковь являлась въ Россіи пріоритетной и объединяла вѣрующихъ всѣхъ

сословій и состояній многихъ національностей. Число Православныхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ какъ за счётъ естественнаго прироста, такъ и въ рѣзультатѣ миссіонерской дѣятельности по обращенію иновѣрцевъ, особенно на окраинахъ Государства. Въ 1905 году въ Россіи дѣйствовало 48.375 Православныхъ храмовъ. Численность бѣлаго духовенства (включая нижній клиръ) составляла 103.437 человѣкъ. Въ томъ же году въ Россіи насчитывалось 267 мужскихъ Православныхъ монастырей и пустынь, 208 женскихъ монастырей и общинъ. Численность чёрнаго духовенства составляла 20.199 человѣкъ.

Въ системѣ вѣдомства православнаго исповѣданія дѣйствовали четыре Духовныхъ Академіи (Петербуржская, Московская, Кіевская и Казанская), 57 семинарій, насчитывавшихъ 19.348 учащихся, 184 мужскихъ духовныхъ училища[47]. Кромѣ того, вѣдомство Сунода располагало сѣтью массовыхъ начальныхъ народныхъ школъ, куда входили школы грамоты, церковно-приходскія и учительскія школы.

Русская Православная Церковь имѣла собственныя періодическія изданія: офиціальный органъ Сунода еженедѣльникъ «Церковныя вѣдомости», мѣстныя «епархіальныя вѣдомости» въ каждой изъ 66 епархій, другія газеты и журналы. Массовыми тиражами выходила разнообразная Православная литература.

Однако внѣшнее благополучіе напоминало затишье передъ бурей. Дѣйствительное положеніе Церкви было принципіально инымъ, чѣмъ во времена «Святой Руси». Реформы патріарха Никона внесли въ религіозное сознаніе Русскаго народа грандіозный расколъ, мало съ чѣмъ сравнимый по своимъ масштабамъ. На протяженіи XVII–XIX столѣтій Россія постепенно утрачивала черты «Святой Руси», свойственные ей въ средневѣковье. Главенство Церкви надъ мірской властью закончилось единовластнымъ упраздненіемъ Патріаршества и учрежденіемъ Сунода, которое произвёлъ императоръ Пётръ I. Безоговорочная вѣрность Православнымъ традиціямъ смѣнилась насильно навязываемой «церковной казёнщиной», что въ свою очередь порождало протестъ и отвращало отъ Церкви наиболѣе образованную часть общества. Покорность Монарху, какъ Божію Помазаннику, слабела по мѣрѣ распростране-

нія соціалистическихъ и революціонныхъ ученій. Православная Церковь, тѣснимая со всѣхъ сторонъ какъ матеріалистами, такъ и сектантами, и не имѣвшая единства внутри, ужѣ не въ состояніи была удерживать прежними усиліями Своё господствующее положеніе. Подъ оболочкой внѣшняго процвѣтанія и стабильности, въ Церкви, какъ и во всёмъ обществѣ, назревалъ тяжелѣйшій кризисъ, который разразился въ началѣ XX столѣтія и, будучи не преодолённымъ до конца, способствовалъ ещё болѣе страшнымъ потрясеніямъ. Возвращаясь къ вопросу антирусской революціи 1917 года нельзя обойти самую главную причину. Теперь, с высоты нашего времени, издалека (ведь со стороны всегда виднее) мы можем отчетливо видеть, что на протяжении всей истории в глазах православного патриота идея Русской имперской государственности, олицетворявшаяся Церковью и Самодержцем, подменялась и затмевала собою главный смысл человеческой жизни – смысл любви к Богу. Ибо государство и Церковь ставились уже на место Бога. И трудно не увидеть причину разрушения этих, на деле земных ценностей: когда Господь, будучи Богом Ревнителем (Исх.20:5), ради нашего очищения, показывая нам истинную ценность нашего призвания, сокрушил земного кумира.

Примѣчанія

1. Памятники литературы Древней Руси. Конецъ XV – первая половина XVI вв. М. 1984. С.452.
2. Россія передъ Вторымъ Пришествіемъ. Изд. Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. 1993. С.с.95–96.
3. *Ключевскій В.О.* Сочиненія въ девяти томахъ. М. 1988. Т.Ш. С.18.
4. Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи. СПб. 1874. С.114.
5. *Митр. Макарій (Булгаковъ).* Исторія Русской Церкви. СПб. 1881. Т.10. С.с.136–137.
6. *Платоновъ С.Ѳ.* 1611–1613 гг. Савва Ефимьевъ, протопопъ Спасо-Преображенскаго собора въ Нижнемъ Новгородѣ. Н.Новгородъ. 1909. С.9.
7. *Ключевскій В.О.* Указ.соч. С.с. 243–244.
8. *Соловьёвъ С.М.* Сочиненія въ восемнадцати книгахъ. М. 1990. Кн.5. С.472.
9. *Ключевскій В.О.* Указ. Соч. С.288.

10. *Кутузовъ Б.П.* Трагическая ошибка или диверсія? – «Церковь» №1. 1992. С.50.
11. *Пушкинъ А.С.* Полное собраніе сочиненій въ десяти томахъ. 4 изд. Л. 1979. Т.9. С.287.
12. Апост. пр. 36; 1 Всел. Собора пр. 5; VI Всел. Собора пр. 8; VII Всел. Собора пр. 6; Антіох. собора пр. 20.
13. Священный Соборъ Православной Россійской Церкви 1917–1918. Собраніе опредѣленій и постановленій. Вып.2. Пг. 1918. С.6.
14. Русское Православіе: вехи исторіи. М. 1989. С.299.
15. Тамъ же С.С.299–300.
16. *Карамзинъ Н.М.* Записка о Древней и Новой Россіи. СПб. 1914. С.С.29–30.
17. Русское Православіе... С.33.
18. Воспоминанія Льва Тихомирова. М.–Л. 1927. С.38.
19. Жизнеописаніе Московского старца отца Алексѣя Мечева. Б.г. С.с.39–40.
20. Цит. по: *Архимандритъ Константинъ.* Памяти послѣдняго Царя. Нью-Йоркъ. 1968. С.8.
21. Русское Православіе... С.476.
22. Тамъ же. С.478.
23. *Тихомировъ Л.Н.* Почему я пересталъ быть революціонеромъ. М. 1896. С.46.
24. «Ярославскіе отголоски» №29. 6 Февраля 1907.
25. Сумерки боговъ. Сборникъ. М. 1989. С.с.24–25.
26. Тамъ же. С.55.
27. Провозвѣстникъ кары Божіей Русскому народу. Нью-Йоркъ. 1964. С.с.17–18.
28. Русскій вѣстникъ. 1903. Кн. 4. С.635.
29. Русскій вѣстникъ. 1879. №12. С.с.541–542.
30. Русскій вѣстникъ. 1879. №12. С.537.
31. Булгаковъ Сергей. Тихія думы. М. 1918. С.116.
32. *Александровъ А.* Памяти К.Н. Леонтьева. Письма К.Н. Леонтьева. Сергіевъ Посадъ. 1915. С.83.
33. Русскій вѣстникъ. 1903. Кн. 5. С.177.
34. Русское Православіе... С.389.
35. 1 Марта 1881 года. Л. 1991. С.360–361.
36. Россійскій государственный историческій архивъ (въ дальнейшемъ – РГИА). Ф. 834. Оп. 4. Д. 1199.
37. Тамъ же.
38. Русское Православіе... С.353.
39. Историческій очеркъ единовѣрія. СПб. 1867. С.8.
40. Тамъ же. С.194.
41. *Скворцовъ В.* Второй миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ. М. 1891. С.5.
42. Собраніе трудовъ В.А. Грингмута. М. 1908–1910. Т.I. С.160.
43. Россія передъ Вторымъ Пришествіемъ. Изд. Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. 1993. С.с.114–115.
44. Тамъ же. С.37.
45. Подробнее объ этомъ см.: *Фриландъ И.* Дантонъ. М.1965. С.157; *Алевандовскій.* Дантонъ. М. 1964. С.с.304–307.
46. Цит. по: *Д.И. Добролюбовъ.* О такъ называемыхъ іоаннитахъ въ Русскомъ народе. СПб. 1909. С.с.5–6.
47. Русское Православіе... С.с.380–381.

Глава 1

Проблемы Русской Православной Церкви в начале XX столетия

Начало XX века многие православные современники расценивали как Последнее Время или, во всяком случае, как время, предшествующее тяжёлым потрясениям, которые будут попущены Богом ради духовного обновления страны. В проповеди на новый 1907 год протоиерей Иоанн Кронштадтский говорил: «Посмотрите, как мір близится к концу; смотрите, что творится в міре: всюду безверие... повсюду хула на Создателя... повсюду в міре вооружения и угрозы войною... Смотрите и сами судите: мір окончательно растлел и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемірный потоп»[1].

Ощущение приближающегося конца столь явственно носилось в воздухе, что среди народа ширилось движение ухода из міра, чтобы в посте, молитвах и бдениях ожидать Страшного Суда. В разных концах страны простые люди, никем не призываемые и не поощряемые, оставляли работу, дом, продавали имущество и целыми семьями перебирались поближе к какой-нибудь известной обители, где создавали «скиты» – трудовые общины наподобие монашеских. Таким было, например, движение так называемых «иоаннитов» – не по разуму ревностных почитателей о.Иоанна Кронштадтского. Только из одной Владимірской губернии в Кронштадт, продав всё имущество, переехали десятки семейств, чтобы поселиться близ своего пастыря вместе с другими спасающимися. Хотя иоанниты были твёрдыми приверженцами Православной Церкви и противниками всякого сектантства, их самих молва вскоре причислила к новой таинственной секте, наподобие хлыстовской. Их необычайная религиозная убеждённость, фанатическая любовь к о.Иоанну Кронштадтскому, замкнутая жизнь скитов

вызывали интерес у любителей сенсаций и порождали всевозможные слухи об обожествлении личности о.Иоанна и о практикующихся в общинах кощунственных или изуверских обрядах. Помимо различных толков, передававшихся устно и продиктованных естественным любопытством, неприязнь к иоаннитам поддерживала пресса, особенно левого и либерального направления, видевшая в них убежденных консерваторов и защитников монархии. Сами иоанниты также не скрывали своего враждебного отношения к новым веяниям общественной жизни. Подобно старообрядцам, бежавшим от «антихристовых» нововведений в глухие леса и создававшим там собственные, обособленные поселения, иоанниты также стремились к созданию подобных островков «старой веры» среди бушующего моря новых учений и безверия. Но в отличии от старообрядческих, иоаннитские скиты возникали не в лесах, вдали от людей, а в столице и близ неё – в самой гуще духовного и политического противостояния. Насельники этих общежитий проводили дни в работе и молитвах. Сам о.Иоанн Кронштадтский одобрял религиозное рвение своих почитателей, но вместе с тем негативно относился ко всякого рода крайностям, особенно к чрезмерному возвышению его собственной личности, что не только искажало сущность Православного учения, но и приводило к недоразумениям и компрометирующим сплетням вокруг имени кронштадтского пастыря. По поводу своих неразумных поклонников он говорил: «Своевольничают. И вздор разносят про меня по России. Я их – обожателей разных – в глаза не видывал. Издалека же всех прошу лишь об одном: будьте покорны Матери-Церкви. Не высокомудрствуйте. Но теперь народ пошёл непокорный, своевольный...»[2]

Растерянные в міре прежде привычном, а теперь становящемся всё более незнакомым и чуждым, сознающие безсилие перед приближающимся хаосом, верующие люди в поисках спасения нередко попадались на удочку лжеучителей или даже элементарных мошенников, умело наживавших капитал на апокалиптических настроениях. Появилось множество «христов» и «богородиц», чьё материальное преуспеяние обеспечивали рядовые члены общин, жертвуя имущество или почти безвозмездно работая в общинных артелях. В других случаях агитация религиозных авантюристов приводила не только к разорению, но и к гибели людей. Так, например, зимой 1912–1913 гг. трагически закончилось мас-

совое переселение на север бессарабских крестьян – почитателей иеромонаха Балтского Феодосиевского монастыря Иннокентия*. Считая себя посланником Божиим, он приобрёл необычайную популярность «изгнаниями бесов» и другими впечатлявшими народ деяниями. За создание собственного культа, доходившего до «чудотворных реликвий» – его портретов и вещиц – Иннокентий был перемещён из Молдавии в Муромский общежительный мужской монастырь Олонецкой епархии. Предрекая близость Второго Пришествия, точную дату которого якобы знает он один, опальный иеромонах призвал почитателей ехать к нему. Бросая или продавая за безценок имущество, тысячи молдаван целыми семьями двинулись на север. Дорога была долгой и тяжёлой. Среди женщин и детей начались болезни, голод. Наступление холодов усугубило и без того трудное положение фанатичных переселенцев. Непривычные к северному климату, лишённые тёплой одежды, жилья, люди начали гибнуть, не желая, однако, остановить своё изнурительное путешествие. О результатах паломничества журнал «Миссионерское обозрение» писал: «Город Каргополь, Олонецкой епархии, целую почти неделю ожидал прихода молдаван – «бессарабцев», последователей запрещённого иеромонаха... Иннокентия. Простодушные люди поверили самообольщённому монаху и целыми семьями до 1000 человек приехали из далёкой Бессарабии в Муромский монастырь,... распродав всё своё имущество и покинув насиженные родные места.

15 Февраля, около 2 час(ов) дня, прибыли в Каргополь передовые партии около 200 человек, с малолетними детьми и больными, которые не в состоянии были идти пешком по снежным северным дорогам и при холодах, доходивших до 25 градусов... Простецы эти, измученные голодом, прозябшие до костей, многие с отмороженными ногами и руками, так как приехали без всякой почти тёплой одежды, – с плачем и стоном молили Господа и добрых людей о помощи, целуя образки и крестики, взятые с собой. А несчастные дети, посиневшие от холода, с отмороженными носами, пальцами, – прямо стонали, как в предсмертной агонии. (Один ребёнок тут же на глазах посетителей умер)».

---

* *Ныне Иннокентий Балтский почитается святым в т.н. «церкви Пресвятой Богородицы» (См. «Красная Патриархия». М. Богородичный Центр. 1993. С.28)*

Властям и обывателям Каргополя пришлось принимать меры по спасению паломников и снаряжению их в обратный путь. Опасаясь ещё больших жертв, которые были неизбежны в случае достижения переселенцами безлюдных местностей Крайнего Севера, власти вынуждены были вмешаться в «исход» и задерживать новые группы бессарабцев для возвращения их на родину[4].

Как действительный знак Последнего Времени, подобные вспышки религиозного фанатизма вроде массового бегства «от міра» или случаев самоубийств на почве страха перед грядущим Антихристом причудливо сочетались с ещё более массовым безверием и общим падением нравственности. Повальное пьянство в рабочих кварталах, половая распущенность, проституция, гомосексуализм, преступность и наркомания во всех слоях общества, эпидемии самоубийств, растление малолетних – всё это приняло невиданные ранее масштабы. Теперь от Церкви требовалось стократ больше усилий, труда и самопожертвования, чем прежде, чтобы, оставаясь духовным пастырем русіян, собирать заблудших, обращать прельщённых, уберегать верных.

Особенно остро стояла проблема религиозно-нравственного, культурного и школьного просвещения среди фабрично-заводских рабочих. Этот стремительно растущий класс постоянно пополнялся выходцами из деревень. Оторванные от привычного уклада, не успевшие вписаться в городскую жизнь, но уже прельщённые ея соблазнами, жившие в своеобразных рабочих «гетто», они легко поддавались искушению примитивных развлечений. Пьянки, драки, азартные игры были обычным видом отдыха на заводских окраинах. Перед трезвыми, грамотными рабочими, стремившимися к культуре и знаниям, вставали другие соблазны. Вечернее и воскресное обучение взрослых лишь начинало своё развитие и не могло охватить всех желающих. Под видом образовательных и просветительских кружков в фабрично-заводской среде процветали полулегальные и нелегальные группы и кружки по изучению марксизма и других революционных учений. После соответствующей подготовки наиболее активные из распропагандированных учеников пополняли ряды подпольных партий. Другие, хотя и воздерживались от политической деятельности, нередко выходили из таких кружков убеждёнными материалистами, порывая духовную связь с Церковью. Не хватало талантливых дешёвых книг для народа, и любители чтения могли довольствоваться, в основном,

либо низкопробными «бульварными» романами, либо обильно распространявшейся на заводах и фабриках нелегальной литературой.

Хорошо понимая проблемы рабочих и тонкую связь между решением этих проблем и общей стабильностью в Российской Империи, молодой жандармский полковник Сергей Васильевич Зубатов в начале XX века пытался создать объединения рабочих, «советы», которые, сохраняя верность Православию и монархии, стремились бы к повышению маатериального и культурного уровня городского пролетариата и защите его прав мирными легальными средствами. Жандармский генерал А.И. Спиридович писал о Зубатове: «Он решил не отдавать московские рабочие массы в руки социалистов, а дать им направление полезное и для них, и для государства. Следствием этого явилась легализация рабочего движения, прозванная «зубатовщиной». Зубатов занялся делом, которое не входило в круг его обязанностей, что лежало на Витте* и его агентах, но не выполнялось ими.

Основная идея Зубатова была та, что при Русском Самодержавии, когда Царь надпартиен и не заинтересован по преимуществу ни в одном сословии, рабочие могут получить всё, что им нужно, через Царя и Его Правительство. Освобождение крестьян – лучшее тому доказательство»[5].

Мирное движение находило горячий отклик в рабочих массах и быстро разрасталось. Рабочие начинали сторониться революционных агитаторов. В течении 1901–1903 годов «зубатовские» организации были созданы в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Минске, – причём, в последнем городе Зубатов сделал попытку с помощью бывшей деятельницы Бунда М.В. Вильбушевич создать лояльную Правительству еврейскую организацию.

22 Февраля 1902 г. московские организации провели грандиозную манифестацию в Кремле, которая произвела сильное впечатление на свидетелей события. «До 45.000 рабочих собралось к памятнику Царя-Освободителя. Полиция отсутствовала. Порядок поддерживался самими рабочими. Была отслужена панихида по Александру II и возложен венок. На панихиде присутствовал великий князь Сергий Александрович... Впечатление от про-

---

* *С.Ю. Витте – российский государственный деятель, в 1892–1903 гг. возглавлял Министерство Финансов, куда входила и фабричная инспекция.*

исходящего было большое. Манифестация рабочих происходила всего лишь несколько дней спустя после студенческих безпорядков.

В тот же день рабочие отправили в Санкт-Петербург депутацию, которая возложила серебряный венок на гробницу Царя-Освободителя в усыпальнице Петропавловской крепости»[6].

Однако, несмотря на успехи начинания, смелый энтузиаст вызвал недовольство правительственных верхов, которые даже перед лицом надвигавшейся революции продолжали опасаться собственных защитников, если те действовали свободно и самостоятельно. С другой стороны, в легальные рабочие организации стали проникать революционные пропагандисты – отчасти по своей привычке использовать любые пути воздействия на «гегемона революции», отчасти из желания скомпрометировать идею Зубатова. Знакомые с аналогичными начинаниями на Западе, они видели дальше своих противников. Действительно, опыт зарубежных стран показал, что деятельность подобных рабочих объединений способствовала падению престижа леворадикальных партий и низведению их на уровень малочисленных и невлиятельных политических сект.

Поводом к отставке С.В. Зубатова послужила вспыхнувшая летом 1903 года в Одессе всеобщая забастовка, в которой приняли участие и рабочие «зубатовских» организаций. По нелепому обвинению в покровительстве и чуть ли не в руководстве забастовщиками Зубатов был уволен.*

Несмотря на самоубийственное стремление официальных верхов удержать народ в рамках узкого официального консерватизма, им всё труднее удавалось сдерживать народную активность. Даже наиболее осторожные политики понимали, что наступает пора массовых движений – правых и левых, революционных и монархических. Видя в этом лишь негативную сторону, власти не сумели воспользоваться нежданной помощью снизу. Тем не менее, политика запретов на инициативу постепенно смягчалась. К примеру, если в прежние времена трезвенническое движение

**Несправедливая отставка и клевета не изменили политических взглядов С. В. Зубатова и его преданности монархии. В Марте 1917 г., в то самое время, когда многие из обласканных Императором высших сановников с лёгкостью отрекались от своего Государя, этот опальный монархист молча выслушал весть о революции, вышел в соседнюю комнату и застрелился.*

было возможно погасить одним негласным указанием, то теперь его неизбежность диктовала сама жизнь.

Выше уже упоминалось, что проблема пьянства, алкоголизма и его последствий наиболее остро стояла в рабочей среде. Священнослужители и міряне, особенно из окраинных приходов, понимали необходимость совместного объединения для срочных и интенсивных мер по борьбе с этим массовым пороком. Появлялись энтузиасты, делавшие борьбу с пьянством своей главной задачей. В Санкт-Петербурге трезвенническое движение возглавил священник Александр Рождественский (1872–1905). Сын сельского священника, он вырос в большом рабочем селе Орехово-Зуеве, Владимірской губернии, где с детства наблюдал ужасные картины повального пьянства. По окончании Владимірской семинарии и Санкт-Петербуржской Духовной Академии он поступил священником в Воскресенскую церковь «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». Здесь, при храме, отец Александр создал «Александро-Невское общество трезвости». Талантливые яркие проповеди, крестные ходы в Александро-Невскую лавру и Сергиеву пустынь в короткий срок оживили жизнь прихода, возвращая к церковной жизни как бывших пьяниц, так и их измученных, потерявших надежды на лучшее членов семейств.

Отец Александр понимал, что трезвость – это не самоцель, а лишь средство для возвращения к нормальной христианской жизни и духовному возрастанию. Пьяница должен был не просто бросить пить, но заполнить свою жизнь иным смыслом, который защищал бы его от рецидивов старого порока. Видя нехватку дешёвых, написанных простым живым языком религиозно-нравственных книжек для народа, он решил сам заняться издательской деятельностью. В 1901 г. о. А.Рождественский основал духовный ежемесячный журнал «Отдых христианина» (с безплатным приложением книжек), вслед за которым начал издавать другие журналы – «Трезвая жизнь», «Воскресный благовест» и «Известия по Санкт-Петербуржской епархии». Помимо периодических изданий он выпустил в свет около 100 книг и брошюр, причём, популярность таких книжек, как «Семья православного христианина», «Азбука трезвости», «Памятная книжка трезвенника», «Пить до дна, не видать добра» и др. потребовала их переиздания. Народ валом валил на устраиваемые отцом Александром бесе-

ды, чтения со световыми картинами, ездил в паломничества. В 1905 г. «Александро-Невское общество трезвости» насчитывало 75 тысяч членов и продолжало увеличиваться, несмотря на преждевременную смерть своего основателя[7].

Успех в народе всякой доброй инициативы, проявленной священнослужителями, показывал, насколько высок в народных низах авторитет Православной Церкви, вопреки всем шатаниям и ударам извне. Однако, в самом духовенстве, как и во всём обществе, уже намечалось политическое расслоение. Первую крупную попытку заигрывания с революцией, которая закончилась трагически как для жертв 9 Января 1905 г., так и для него самого, предпринял священник Георгий Гапон. А.И. Спиридович характеризовал его следующим образом: «Нервный, экспансивный, честолюбивый, с горящими чёрными глазами аскета, Гапон был безпокойная мятущаяся натура. Он любил Царя безотчётно и считал, что через Него можно достигнуть всего, что нужно народу. Романтик в душе, он очень интересовался обездоленными и бедными и носился с разными проектами, как улучшить их положение»[8].

Выходец из Полтавской губернии, Г.А. Гапон по окончании Санкт-Петербуржской Духовной Академии начал служить в организациях Зубатова, которые после отставки полковника возглавил сам. «К концу 1904 года созданное им движение по рабочим кварталам Санкт-Петербурга приняло невиданные размеры. Число организованных рабочих доходило до двадцати тысяч. Ничего подобного в Санкт-Петербурге ещё не бывало. Настроение их повсюду было настолько верноподданническое, что при открытии Коломенского отдела, на котором присутствовал и градоначальник Фуллон, многие рабочие, приложившись после молебна к кресту, целовали затем руку градоначальника и просили его сняться с ними на общей фотографии»[9].

Однако, постоянная кипучая деятельность в фабрично-заводской среде и неизбежные при этом контакты с распропагандированными рабочими, а потом и с их руководителями привели к обратным результатам: уже не Гапон воздействовал на свою паству, удерживая её от увлечения социализмом и революцией, а социалисты и революционеры начинали влиять на него. Особенно это проявилось в период подготовки петиции Императору Николаю II, когда Гапон сблизился с инженером П.М. Рутенбергом (товарищем и будущим своим убийцей) и другими революционными

лидерами, которые не скупились на лесть, призывая его стать духовным вождём Русского народа. Вскоре политические иллюзии священника стали известны церковным властям. 7 Января 1905 г. Гапон был вызван Санкт-Петербуржским митрополитом для беседы и увещевания, но приглашение проигнорировал.

Как известно, 9 Января 1905 г. власти предприняли именно то, что ожидали от них революционеры, которые присоединились к мирному монархическому шествию, сознательно разсчитывая на кровавое столкновение толпы с полицией и войсками, для чего и использовали идею Гапона. Находясь в своей загородной резиденции в Царском Селе и имея искажённые сведения о назревавших в Санкт-Петербурге событиях, Император Николай II слишком поздно узнал их истинную подоплёку. 9 Января, получив трагические известия, он записал в своем дневнике: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьезные безпорядки вследствии желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»[10] Тяжесть трагедии усугублялась ещё и тем, что она не стала последней, а положила начало Первой Русской революции, продолжавшейся почти два с половиной года и принесшей неизчислимые жертвы.

Долгое время в официальной историографии считалось, что Император оставил без последствий разстрел мирного шествия. Однако, это неверно. Уже на следующий день Николай II уволил Санкт-Петербуржского градоначальника генерала И.А. Фуллона. Немедленную отставку получили также Министр Внутренних Дел князь П.Д. Святополк-Мирский и ряд других правительственных чиновников. 19 Января 1905 г. Император принял депутацию Санкт-Петербуржских рабочих. Но провокация уже сыграла свою роль, и никакие меры не могли остановить вспыхнувшее в стране массовое возмущение.

После событий 9 Января разыскиваемый властями и лишённый сана Г.А. Гапон с помощью революционеров бежал за границу, где около года наслаждался славой и лестным вниманием к себе прессы и революционных кругов, как к «герою 9 Января». Постепенно внимание это слабело. Вышедшие из подполья социалистические партии больше не нуждались в легальной «крыше», чем, собственно, и был для них Гапон с самого начала. Ближе познакомившись с революционной средой, ея жестокостью и

цинизмом, священник тяжело переживал горькое запоздавшее прозрение. Пытаясь исправить содеянное, он обратился к Русским рабочим в листовке: «Стой, пролетариат, впереди засада!» Этим он навлёк на себя гнев революционных вождей и вскоре был убит своими бывшими соратниками.

Печальный опыт самого знаменитого из «красных батюшек» Первой Русской революции, однако, не удержал духовное сословие от участия в революционных событиях. Массовые безпорядки в духовных учебных заведениях, участие духовных лиц в политических митингах и манифестациях, их выступления в либеральной и даже радикальной прессе свидетельствовали о значительном полевении части священнослужителей и тех, кто готовился ими стать.

Наряду с политической дифференциацией духовенства и всего общества, события 1905 г. обнажили проблемы религиозного разделения Русского народа. Ещё в конце XIX века год от года увеличивалось число прошений в Cvнод о разрешении выхода из Православия – в основном, от жителей западных губерний, желавших принять католичество. Численность же переходивших в другие вероисповедания «явочным порядком» уже не поддавалась никакому учёту. Если раньше секты не проникали в толщу народной жизни, маскируясь ложной покорностью Православию или существуя отдельными замкнутыми мірками, то теперь они делались в России заметной и влиятельной силой. Двойственным было и положение старообрядцев: с одной стороны, причины объективные (зажиточность, развитое предпринимательство) и субъективные (внутренний консерватизм) делали их решительными противниками революции. В то же время, ограниченность прав и неудовлетворенность своим положением толкали их в оппозицию, где они выдвигали собственные требования. Ограничительные и запретительные законы приводили к многочисленным злоупотреблениям местного руководства, компрометировавшим власть и углублявшим массовое недовольство ею. В результате, движение против существовавших религиозных законов постоянно пополнялось не только революционерами, но и верноподданными религиозными диссидентами, считавшими, что если откровенные враги самодержавия надеются склонить Правительство к политическим уступкам, то они тем более могут добиться улучшения своего положения. Надпартийное требование «свободы со-

вести» стало одним из самых популярных лозунгов начавшейся революции. Среди старообрядческой молодёжи, с детства ощущавшей своё неравноправие, также росли антиправительственные настроения.*

Опасность промедления и неизбежность уступок в области веротерпимости понимали как сам Император Николай II, так и Его наиболее дальновидные советники. Ещё в 1903 г. появился Высочайший Манифест от 26 Февраля «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где, в частности, говорилось следующее:

> *«Требуя от всех исполнителей Нашей воли, как высших, так и низших, твёрдого противодействия всякому нарушению правильного течения народной жизни и уповая на честное исполнение всеми и каждым их служебного и общественного долга, Мы с непреклонною решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным, признали за благо:*
>
> *Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и Богослужения по обрядам оной»*[11].

12 Декабря 1904 г. последовал Высочайший Именной указ, данный Сенату, «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», пункт 6-й которого содержал определённые обещания готовящихся перемен в вопросе веротерпимости:

> *«Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 Февраля 1903 года... неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповедани-*

---

* *Например, известный эсер Егор Созонов (1879–1910), исполнитель теракта против Министра Внутренних Дел В. К. Плеве, происходил из старообрядческой семьи.*

ям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения»[12].

Из этих документов видно, что законодательное расширение прав подданных неправославного исповедания планировалось Правительством ещё до начала революционных безпорядков. Однако, жизнь внесла свои коррективы. Подготовка основополагающего документа затянулась на несколько месяцев, так что Именной Высочайший указ и Высочайше утверждённое положение Комитета Министров «Об укреплении начал веротерпимости» появились только 17 Апреля 1905 г. – в самый разгар массовых революционных выступлений.

Указы содержали важные пункты, принципиально меняющие прежнее отношение Государства к инославным и иноверным исповеданиям. В частности, в них утверждалось «признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причём отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признаётся принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»[13].

В отношении Старообрядчества и сектантства все исповедания делились на три группы: старообрядческие согласия, секты и изуверные учения, запрещённые законом. В отношении двух первых групп новый закон предусматривал значительное расширение прав. Религиозным обществам старообрядцев и сектантов присваивалось название «общин», за ними признавалось право на владение движимым и недвижимым имуществом. Старообрядцам и сектантам разрешалось устройство скитов и обителей с согласия Министра Внутренних Дел, создание школ, особых кладбищ для погребений, отменялся ряд прежних ограничительных законов. Указ определял условия, при которых допускался переход и в нехристианские исповедания.

Дальнейшие события показали, что момент для столь решительной реформы был крайне неподходящим. Растущее массовое леворадикальное движение восприняло новый закон не как самостоятельно разработанную государственную инициативу,

а как первое крупное завоевание революции – уступку, достигнутую силовым нажимом. Убеждённые теперь, что на Правительство можно оказывать давление, революционеры перешли к более решительным требованиям. С другой стороны, для консервативной части общества Указы стали настоящим потрясением. У многих православных людей пошатнулась вера в Правительство, которое, спасая собственные интересы, пожертвовало интересами Церкви, лишив Её покровительства в тот самый момент, когда Она более всего нуждалась в защите. Вместе с тем, Православная Церковь по-прежнему, как и двести лет назад, не имела структурной самостоятельности и возможности избрать Патриарха. Из всех существовавших в России вероисповеданий она единственная пострадала от нового закона, оказавшись в худшем положении, чем до 17 Апреля 1905 г.

Последствия Указов «Об укреплении начал веротерпимости» были впечатляющими. «В западных губерниях бывшие униаты... стали тысячами переходить в Католичество. Всего за 1905–1907 гг. из Православия в Католичество перешло свыше 170 тыс(яч) человек. Кроме того, 36 тыс(яч) ... крещёных татар и башкир вернулось в ислам, около 10 тыс(яч) человек перешло в протестантство. Участились переходы в старообрядчество и сектантство»[14]. В массовом количестве распечатывались закрытые ранее в судебном и административном порядке молитвенные дома, началась энергичная миссионерская деятельность сектантов и старообрядцев, проводимая как непосредственно, так и через появившиеся периодические издания. С 1905 г. у старообрядцев стали выходить в Москве две еженедельные газеты «Слово правды» и «Вестник Старообрядчества», а также ежемесячный журнал «Старообрядец», издававшийся в Нижнем Новгороде. Евангелисты имели в Санкт-Петербурге журнал «Христианин», адвентисты седьмого дня распространяли привозимый из-за рубежа журнал «Маслина». Два журнала – «Духовный Христианин» и «Молоканский вестник» издавали молокане[15]. Открывались протестантские богословские курсы, проводились съезды и конференции. По личному ходатайству С.Ю. Витте Министр Внутренних Дел выпустил циркулярное письмо об освобождении всех, кто находился в заключении или ссылке по религиозным мотивам[16].

Крах политики государственной опеки Церкви, вызванный революционными событиями, ставил Православную Церковь в прин-

ципиально иные, чем раньше, условия. Следует отметить, что либерально настроенные деятели Государственной Думы пытались пойти ещё дальше, внося законопроекты о признании равноправия перед лицом закона всех вероисповеданий, в том числе и нехристианских, то-есть речь шла о лишении Православной Церкви Ея положения в Российском Государстве, как господствующей[17]. Возникла ситуация, когда в глазах многих современников Церковь не только теряла привилегированное положение, но оказывалась более безправной, чем инославные исповедания, в чьи внутренние дела Государство не вмешивалось. Политический кризис в стране показал шаткость и изменчивость государственной структуры, подчеркнув противоестественность сосуществования с ней неизменной в своей миссии Церкви, неодолимой адовыми вратами (Мф. 16:18). Отступая под натиском революции, светская власть фактически отказалась от политического покровительства Православию. Теперь, перед лицом роста неверия, сектантства, нравственного разложения, в период разгула насилия и вседозволенности, Церковь Сама должна была изыскивать пути для более успешного свидетельства хранимой Ею Истины[18]. Несомненно, что здесь важное значение имел вопрос о восстановлении традиционно-канонического церковного управления, не переставший волновать умы многих деятельных членов Церкви.

Так, ещё зимой 1905 г. члены Святейшего Синода во главе с выдающимся Русским Богословом митрополитом Санкт-Петербуржским Антонием Вадковским († 2 Ноября 1912 г.) встретились с Императором Николаем II, Который, со слов очевидца, сказал:

> *«Мне стало известно, что теперь и между вами в Синоде, и в обществе много толкуют о восстановлении Патриаршества в России. Вопрос этот нашёл отклик и в Моём сердце и крайне заинтересовал Меня. Я много о нём думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей Патриаршества на Руси и его значения во дни великой смуты междуцарствия и пришёл к заключению, что время назрело, и что для России, переживающей новые смутные дни, Патриарх и для Церкви, и для Государства необходим. Думается Мне, что и вы в Синоде не менее Моего были заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?*

Мы, конечно, поспешили ответить Государю, что наше мнение вполне совпадает со всем тем, что Он только что перед нами высказал. – А если так, – продолжил Государь, – то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в Патриархи наметили?
Мы замялись и на вопрос Государя ответили молчанием.
Подождав ответа и видя наше замешательство, Он сказал:
– А что, если Я, как вижу, вы кандидата ещё не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, что если Я Сам его вам предложу – что вы на это скажете?
– Кто же он? – спросили мы Государя.
– Кандидат этот, – ответил Он, – Я! По соглашению с Императрицей Я оставляю Престол Моему Сыну и учреждаю при нём регентство из Государыни Императрицы и брата Моего Михаила, а Сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в Патриархи. Угоден ли Я вам, и что вы на это скажете?
Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предположений, что мы не нашлись, что ответить и... промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом, встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было бы ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого Им для спасения России подвига, а мы... промолчали!»[19]

В результате размышлений после неудавшейся встречи и обнажившихся в церковной среде разногласий, на докладе Cvнода 31 Марта 1905 г. Николай II написал следующую резолюцию:

«Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для

канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»[20].

Вопрос повис в воздухе. Однако, ситуация, когда Правительство, наделив правами религиозные меньшинства, по-прежнему лишало господствующую Церковь возможности вернуться к своему исторически и канонически сложившемуся устройству, казалась слишком нелепой и почти вызывающе несправедливой. Уже 27 Декабря 1905 г. Император обратился с рескриптом к митрополиту Антонию:

«Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви... Предлагаю вам определить время созвания этого собора»[21].

6 Марта 1906 г. приступил к работе созданный при Святейшем Cvноде постоянно действующий орган – Предсоборное присутствие. В его задачи входили выработка порядка и программы предстоящего Собора, а также Богословская разработка вопросов, подлежавших его обсуждению. К его работе были привлечены практически все епархиальные архиереи, чьи мнения о преобразованиях в церковной жизни начали собираться ещё раньше. В своей аналитической, творческой и обобщающей работе оно объединило лучшие силы тогдашней Русской Богословской и канонической мысли. В вопросе о преобразовании Высшего Церковного управления суждения Предсоборного присутствия сводились к следующему:

1. Высшее управление Русской Церкви принадлежит созываемому периодически Поместному Собору епископов, под председательством Патриарха.
2. Состав Поместных Соборов Русской Церкви должен быть такой же, как предложенный состав первого чрезвычайного Собора, т.е. из епископов, клириков и мірян, и с теми же правами (при которых клирики и міряне участвуют в обсуждении всех соборных дел и вопросов, но соборные определения и постановления составляются и подписываются одними епископами), кроме случаев, когда по каноническим правилам не только решение, но обсуждение дел в Соборах может принадлежать одним епископам.
3. Поместному Собору Русской Церкви принадлежит власть – законодательная, руководственная, ревизионная и высшая судебная.
4. Постоянным органом церковного управления должен быть Cvнод с председателем во главе.

5. В состав Cvнода должны входить только епископы, в числе двенадцати, не считая председателя, из коих одна треть постоянных членов и две трети сменяющихся.
6. Постоянными членами Cvнода, кроме председателя – митрополита Петербуржского, должны быть иерархи: Московский, Киевский, Казанский и Литовский.
7. Сменяющиеся члены Cvнода – епископы – вызываются для присутствия в Cvноде по очереди.
8. Первый епископ есть председатель Cvнода с известными правами и вместе с тем – первоиерарх Русской Церкви, с особыми, лично ему принадлежащими правами.
9. Председатель Cvнода и первоиерарх Русской Церкви именуется Патриархом[22].

Однако, несмотря на большую работу, проделанную Предсоборным присутствием в 1906–1907 гг. по подготовке Собора, многочисленные внутрицерковные разногласия, частая сменяемость членов Правительства, наличие в нём собственных противоречий и общая нестабильность в обществе затянули созыв Собора. Впрочем, сам вопрос о нём не снимался и продолжал волновать умы церковных деятелей, о чём свидетельствуют многочисленные выступления в печати и на общественных съездах этого времени, посвящённые вопросам соборности и преобразований различных сторон Русской церковной жизни от приходского устройства и быта духовенства до высшего церковного управления включительно. Но ещё до того, как возобновилась работа по подготовке Собора, произошло множество политических и общественных событий, на которых следует остановиться подробнее.

В течении всего 1905 г. революционные безпорядки набирали силу. Православной Церкви тем сложнее было духовно противодействовать им, удерживая народ от эксцессов, поскольку многие участники и лидеры антиправительственного движения даже номинально не принадлежали к Православию и по причине полной отстранённости от Церкви не могли считать Её авторитетом для себя. Почувствовав ослабление Российской Империи, на национальных окраинах приобретали популярность националистические и сепаратистские настроения, характерной особенностью которых было отождествление Православной Церкви с верховной светской властью, вследствии чего политическая ненависть подкреплялась религиозной. В российском леворадикальном движении также возрастала роль революционеров, номиналь-

но принадлежавших к другим исповеданиям, причём, особенно бурно процесс политической активизации протекал у иудеев. Поскольку отношение радикальных Евреев к Православию оказало влияние на общую позицию революционного лагеря в этом вопросе, а роль Евреев в российской общественной жизни приобретала влиятельное значение, возникает необходимость затронуть эту тему более обстоятельно.

В начале XX века российское Еврейство переживало кризис и ломку прежних общинных связей с их обособленностью, круговой порукой и жёстким остракизмом отступников. При новых капиталистических отношениях и становившихся всё более определёнными эмансипационных чаяниях общинная зависимость начинала тяготить как зажиточную и образованную Еврейскую «элиту», так и недовольную, разочарованную в традиционных религиозных ожиданиях плебейскую молодёжь. Три идеи – политическая эмансипация, ассимиляция и сионизм, способные, по мнению их сторонников, окончательно разрешить «Еврейский вопрос», всё более распространялись среди Евреев всех сословий, подталкивая одних к подчёркнутому обособлению и сосредоточенности на внутренних проблемах, а других – к активному включению в жизнь российского общества: экономическую, культурную и общественно-политическую.

Ассимиляционный процесс у российских Евреев начался ещё в эпоху реформ Александра II, благодаря специальным мерам Правительства, направленным на поощрение Еврейского образования и сближения с Русским обществом. Поскольку меры эти носили чисто светский, внецерковный характер, то такие же особенности приобрела и Еврейская ассимиляция, для которой приобщение к Русской культуре совсем не означало приобщение к Русской Церкви. Известный сионистский деятель Владимір (Зеев) Жаботинский оценивал этот процесс следующим образом:

«Было время, когда Еврейская молодёжь не только не рвалась к просвещению так усердно, как теперь, но когда отдельным лицам приходилось напрягать все усилия, чтобы приучить Еврейскую массу к просвещению. Эта масса боялась просвещения и выставляла против него фанатический предрассудок преувеличенной самобытности – отчасти религиозной, отчасти национальной. Ясно, что людям, желавшим спасти массу от невежества, пришлось напасть и на предрассудок. И они это исполнили... Эта

проповедь менее, чем в полвека, произвела в Еврейской массе коренную перемену, совершила огромный переворот: насколько Евреи прежде боялись гуманитарного просвещения, настолько они теперь жаждут его... Мы, Евреи нынешнего переходного времени, вырастаем как бы на границе двух міров. По сю сторону – Еврейство, по ту – Русская культура. Именно Русская культура, а не Русский народ: народа мы почти не видим, почти не прикасаемся...»[23]

Подобная ограниченная ассимиляция порождала растущий с каждым годом слой людей, которые вливались в Русское общество, но не делались да и не решались делаться его частью. Случаи перехода Евреев в Православие по-прежнему были довольно редки и обычно диктовались соображениями, далёкими от религии.

В те времена, когда российское Еврейство существовало отдельной замкнутой жизнью, власти хотя и поощряли православных выкрестов различными льготами, однако не заботились об их дальнейшей адаптации в христианской среде, что нередко приводило к возвращению в иудаизм. Во времена царствования Императора Александра II ассимиляционный процесс, ускоренный поощрением Русского образования среди Евреев, сблизил христианскую и иудейскую среду и пробудил некоторый интерес к Христианству у Еврейской интеллигенции, разочарованной в прежних религиозных чаяниях и увлечённой эмансипационными надеждами. Как отражение этих новых веяний внутри российского Еврейства, представляет интерес всеподданнейшая просьба крещёного еврея Якова Брафмана, поднесённая Императору Александру II в 1858 г., где он предлагал открыть в России Православное Миссионерское общество для работы среди Евреев.* В частности, Я.Брафман писал:

> «Следуя мыслию за всеми мерами, какие только были принимаемы в России под мудрым скипетром Благочестивых Государей, чтобы просветить ослепленных и ожесточенных всегда противу христиан евреев, я с болезнию души заметил, что меры сии остались не действительными; и со стороны евреев признаются только притеснением и угнете-

---

**Письмо было преподнесено Я.Брафманом лично Государю Императору, находившемуся тогда проездом в Минске. Вскоре Я.А. Брафман получил назначение на миссионерскую службу в Западном крае; приобрёл известность, как автор нашумевшей «Книги Кагала» и ряда других сочинений, разоблачающих иудаизм; является дедом поэта-акмеиста В.Ходасевича. Полностью письмо приводится в Приложении.*

нием, потому что народ, считающий себя временно-плененным, из всех молитв признаёт единственною и святою только ту, которая состоит из самых ложных и гибельных мыслей: о скорейшем низпровержении существующего на Земле порядка и о порабощении всех народов восстановлением скипетра Давида (что даже упоминается и в молитве, составленной о благоденствии царя); такой народ не способен наслаждаться благодетельными узаконениями христианского Правительства, никогда не может слиться с массою коренных жителей, заботиться о благе общем и быть полезным Государству. Что же остаётся с ними делать? Оставить ли их на произвол судьбы, в ухищрённых силогизмах ими проповедываемой? Нет! Я боюсь искушать Бога моего, сложив руки, сомкнув уста довольствоваться только своим счастием».[24]

В последующие годы единичные случаи крещения Евреев стали происходить чаще, не отражая, однако, общего отношения иудеев к Христианству. Оно по-прежнему было настолько отрицательным, что в многотомной Еврейской Энциклопедии, изданной в начале XX века, полностью отсутствует Еврейской истории, описанный в Новом Завете. Главными стимулами перехода в Православие оставались гражданские привилегии или возможность вступить в смешанный брак. Но какими бы мотивами не руководствовался выкрест, он не мог рассчитывать на сохранение связей с прежней средой, хотя остракизм уже не был столь безусловным как раньше*.

Обстановка двойной изоляции – безразличие Русских властей и враждебность Еврейской среды – определяли робкую половинчатость и заведомую обречённость христианских исканий Еврейской интеллигенции. В начале 1880-х гг. на юге Малороссии были предприняты первые попытки религиозных реформ в направлении Христианства. Эти идеи пропагандировали «Духовно-Библейское братство» (Елисаветград, Одесса) и община «Новый Израиль» (Одесса, затем Кишинев). От прежних опытов христианизации Евреев новые попытки отличались, во-первых, тем, что не были миссионерским предприятием, а возникли внутри Еврейства самостоятельно, хотя и под влиянием протестантизма. Во-вторых, члены «Духовно-Библейского братства» и общины «Новый Израиль» не собирались порывать с иудейской средой, ориенти-

---

**Например, известный банкир Л.С. Поляков сделал своим секретарем экономиста М.Я. Герценштейна, принявшего Православие и женившегося на русской девушке.*

руясь на миссионерскую работу. Эти стремления встретили, в основном, отрицательный отклик, хотя основатель «Духовно-Библейского братства» Яков Гордин старался не затрагивать наиболее «больного» вопроса – принятия Христа, выделив из Христианства чисто нравственные принципы.

Более значительного религиозного радикализма достигла община «Новый Израиль», руководимая адвокатом Иосифом Рабиновичем. Уверовав в Христа после посещения Иерусалима, он занялся у себя на родине созданием Еврейской христианской Церкви. Ему удалось найти единомышленников и открыть в Кишиневе молельный дом «Вифлеем». И.Д. Рабинович переписывался с русским философом Владиміром Соловьевым, который с живой симпатией наблюдал за деятельностью общины, увидев в ней начало «окончательного решения Еврейского вопроса», т. е. обращения Евреев ко Христу[25].

Жизнь показала иллюзорность его мечтаний – впрочем, понятную с самого начала. Главная ошибка прозелитов состояла в том, что они пытались создать собственную секту вместо того, чтобы смиренно присоединиться к уже существующей Церкви. Изолировав себя от христианского населения и лишившись поддержки Русских властей, когда вопреки ожиданиям обер-прокурора Св.Сунода К.П. Победоносцева приняли не Православие, а Протестантство, «новозаветные израильтяне» оказались в духовном и психологическом одиночестве. После смерти Иосифа Рабиновича община распалась.

Жадное поглощение Русской светской культуры при равнодушии или враждебности к ея духовным богатствам и наоборот – незыблемая верность традиционному исповеданию при развитых ассимиляционных настроениях – приводили к тому, что молодое поколение Евреев в целом впитывало в себя атеизм быстрее и глубже, чем их православные сверстники аналогичных сословий. Собственная религия ассоциировалась у них с малопривлекательными местечковыми впечатлениями детства и юности, с личными обидами и комплексами, а малознакомое Православие – с государственной властью и, в конечном итоге, с теми же обидами и комплексами. В результате возник тот обострённый антирелигиозный максимализм – неприятие любых религий с подчёркнутым пренебрежением к собственной и ненавистью к господствующей, – который в начале XX века распространился в революционной

среде, окончательно делая невозможными прежние компромиссы. Следует отметить, что среди Православных процесс распространения атеизма начался ещё раньше, но происходил не так бурно и реже доходил до болезненных крайностей, чем у Евреев. В начале XX века два аналогичных процесса соединились в один, взаимно дополняя друг друга: первый – своими развитыми традициями материалистической религии, а второй – своей страстностью и крайним максимализмом. Разумеется, поляризация здесь условна, и если мы вспомним Западную Европу, то там основоположником коммунизма, трансформировавшегося в религию, был еврей Карл Маркс, а страстным антихристианином – Фридрих Ницше (сын лютеранского пастора). В России особенности исторического развития порождали и свои духовные болезни. Выше уже говорилось, что стремительный процесс массового просвещения при недостаточном уровне духовного воспитания и подавлении созидательных инициатив отрицательно воздействовал и на Русскую молодёжь. Евреи же не получали христианского воспитания вовсе, а запретительные и ограничительные государственные меры, появившиеся при Александре III, уже не достигая прямых результатов (они обходились всеми правдами и неправдами), приносили дополнительное озлобление против Правительства и господствующей Церкви. Все эти причины ускоряли процесс политической радикализации нового поколения Евреев, их массового разочарования и враждебности к религии. В конце XIX – начале XX столетий Еврейская молодежь сотнями и тысячами пополняла ряды нелегальных социалистических партий, где наиболее способные занимали вскоре лидирующее положение.

Эмоциональные, склонные к вызывающим демонстративным поступкам, Еврейские революционеры производили заметное впечатление на окружающих. В.И. Ленин отмечал, что «процент Евреев в демократических и пролетарских движениях эпохи везде выше процента Евреев в населении вообще»[26]. Для людей же из монархического лагеря Евреи ассоциировались с революционным и антирелигиозным движением ещё более прочно, что обусловило и характер черносотенного движения начала века.

Весной 1905 г. идея создания Православно-монархической партии в противовес революционным уже носилась в воздухе. Многие монархисты искренне недоумевали, почему они не могут создать собственное объединение, если это уже открыто и легаль-

но делают враги Престола. Вместе с тем, традиционная вера в государственный аппарат и мнение, что создание партии явится невольной уступкой демократизму, удерживали сторонников Самодержавия от решительных заявлений. Но кто-то всё-равно должен был высказаться первым, и им стал редактор газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмут. В статье «Организация монархической партии», появившейся в начале Марта 1905 г., он писал: «Бороться с такою уже окрепшею и, к сожалению, уже одержавшею несомненные победы организацией может лишь столь же крепко организованная партия Монархическая»[27]. Эту мысль продолжали развивать в газете и другие публицисты. «Высочайший манифест 18 Февраля*... налагал на Русских людей всех званий и состояний священный долг – объединить свои силы для ревностной работы на духовной ниве Русского национального самосознания. На этой ниве дела так много, а семья делателей так раздроблена среди бушующих, всё более разъяряющихся волн крамольного космополитизма», – писал публицист Н.Знаменский в статье «Почему нам нужна монархическая партия»[28].

И всё же, несмотря на подготовку общественного мнения, следующий поступок Грингмута вызвал противоречивую реакцию. В то время, как «классическим» монархистам сама мысль о создании монархической партии в самодержавной стране казалась абсурдной, он не просто предложил создать настоящую политическую партию – с центральным бюро и партийной программой, с филиалами в различных городах и собственным органом печати. 28 Апреля 1905 г. Грингмут объявил, что такая партия уже существует и даже имеет своё издание – «Московские ведомости»: «Никакие общие собрания до законного утверждения устава монархической партии созываться не будут, так как деятельность партии всегда будет происходить на строго законном основании. Когда на то последует правительственное разрешение, общее собрание монархической партии будет созвано в Москве.

Отдельные оттиски программы монархической партии высылаются всем желающим из центрального бюро, которое высылает также более подробные разъяснения по вопросу об организации партии, а также принимает для напечатания в органе партии

** 18 Февраля 1905 г. появились Высочайший Манифест, Именной Указ правительствующему Сенату и рескрипт на имя Министра Внутренних Дел А.Г. Булыгина, положившие начало так называемой «булыгинской думе».*

статьи, служащие развитием как общей идеи монархической партии, так и отдельных ея сторон»[29].

Сообщение поначалу встретило ироническое или отрицательное отношение даже в монархическом лагере. Издатель популярного журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский с возмущением замечал: «Я бы понял партию монархистов, если бы в России не было Монарха, но создавать или даже помышлять создавать партию монархистов в России, когда Царь Самодержавный, слава Богу, здравствует, только потому, что есть кружки антимонархистов, – это значит наносить оскорбление Монарху и народу! Чтобы стать во главе монархической партии, надо забыть, что ея глава – Русский Царь»[30].

Но поскольку антимонархисты имели уже не «кружки», а безчисленные массы сторонников, многие защитники Самодержавия увидели в идее монархической партии хотя и противоречащий прежним традициям, но неизбежный и единственно возможный в условиях ослабления власти путь объединения сил для борьбы с крамолой. Постепенно деятельность В.А. Грингмута стала приносить плоды. В Москве вокруг него сложился кружок единомышленников, среди которых – будущий издатель «Московских ведомостей» Б.В. Назаревский, будущий лидер Союза Русского Народа князь М.Н. Волконский и другие. В редакцию приходили письма со всех концов России от желающих создать филиалы партии. Русская Монархическая Партия стала предтечей Союза Русского Народа, Союза Михаила Архангела и других массовых черносотенных (монархических) организаций. В течении 1905–1907 годов состоялось в разных городах четыре съезда Русских людей, появлялись новые правые издания – «Русское знамя», «Почаевские известия», «Земщина» и многие другие. Знамя Союза Русского Народа освятил сам знаменитый протоиерей о.Иоанн Кронштадтский. Черносотенные демонстрации времён революции производили сильное впечатление на окружающих своей многочисленностью и организованностью. В сельской местности крестьяне целыми деревнями записывались в Союз Русского Народа.

Вместе с тем, вызванное объективными причинами черносотенное движение по тем же объективным причинам носило необузданный противоречивый характер. Не имевшая политического опыта, долгое время стесняемая самими же властями народная

стихия невольно приобретала черты своих противников. Декларативная преданность неограниченной монархии причудливо сочеталась с самыми резкими нападками на Царские указы и манифесты, что дало обществу повод заговорить о феномене «правой оппозиции», а погромы осени 1905 г., вызванные ненавистью к революционерам, но обрушившиеся также и на мирных Еврейских обывателей, скомпрометировали даже название «черные сотни», имевшее поначалу совершенно нейтральный смысл.

Это название следует объяснить подробнее, поскольку его происхождение вызывает споры. В Русском средневековом городе незнатное население делилось на сотни. В гостинные и суконные сотни входило привилегированное купечество. Мелкие торговцы и ремесленники составляли чёрные сотни. В сотне не обязательно было ровно сто человек: их могло быть и сто пятьдесят, и семьдесят – восемьдесят. Каждую сотню возглавлял староста или сотский.

Средневековые чёрные сотни, т. е. городские низы, отличались особой активностью и восприимчивостью, и в Смутное Время начала XVII столетия ревностно пополняли ряды Нижегородского Народного ополчения, организованного Козьмой Мининым. В начале XX века черносотенное движение также делало основную опору на простых горожан и, проводя аналогии с прошлым, В.А. Грингмут с гордостью писал в опубликованном 3 Июня 1906 г. «Руководстве черносотенца-монархиста»:

> *«Чёрная сотня» – это тысячи, миллионы, это – весь Православный Русский народ, остающийся верным присяге неограниченному Самодержавному Царю. Почётно ли это название «чёрная сотня»? Да, очень почётное. Нижегородская чёрная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от Поляков и Русских изменников, и к этой славной чёрной сотне присоединился и князь Пожарский с верными царю Русскими боярами»*[31].

Лидерами черносотенного движения были, в основном, міряне – журналист В.А. Грингмут, детский врач А.И. Дубровин, юрист П.Ф. Булацель и др. Перед православными священнослужителями стоял нелёгкий выбор: с одной стороны, нападки революционного лагеря на Церковь становились всё более невыносимыми и вызывающими, с другой – духовный сан и миролюбие удержи-

вали большинство из них от участия в общественной жизни. Этими мотивами, видимо, руководствовался митрополит Петербуржский Антоний (Вадковский), когда отказался освятить знамя Союза Русского Народа. Даже епископ Волынский Антоний (Храповицкий), морально поддерживая черносотенцев, указывал на невозможность примкнуть к движению в организационном порядке[32]. Вместе с тем, сохранение нейтральности в обществе, которое бурлило политическими страстями, было также задачей невыполнимой. Практически, как и во всех сословиях, в духовенстве выделились левое и правое активное крыло. Одним из лидеров Конституционно-демократической (кадетской) партии и популярным депутатом Государственной Думы стал священник Григорий Петров, позднее лишённый сана за свою политическую деятельность. Другие священнослужители, хотя и не состояли в партиях, охотно участвовали в революционных собраниях и массовых левых манифестациях. Подобная картина наблюдалась и в правом лагере, где духовенство, потеряв надежду на защиту со стороны Правительства, переходило к самостоятельным действиям. «В Октябрьские дни 1905 г., когда Победоносцев* растерялся, а Cynod фактически бездействовал, многие представители высшего и рядового духовенства действовали на свой страх и риск. Во время Октябрьской забастовки в Москве произошло совместное выступление духовных и светских черносотенцев. «Союз Русских Людей» призвал создать приходские «комитеты порядка»... В некоторых приходах такие комитеты были избраны, в других – священники запротестовали. Тогда митрополит Владимір и его помощник Серпуховской епископ Никон разослали по церквам «поучение», которое предписывалось прочесть во время литургии 16 Октября. «Поучение» было направлено против забастовщиков и революционеров, которые именовались «извергами рода человеческого». Прихожане призывались «очнуться, проснуться» и быть готовыми «умереть за Царя и за Русь»[33].

После образования черносотенных монархических организаций многие священнослужители, возмущённые революционными событиями, стали участвовать в их деятельности. В числе известных лидеров Союза Русского Народа был московский протоиерей Иоанн Восторгов – популярный проповедник и миссионер, впос-

---

*К.Н.Победоносцев – обер-прокурор Св. Синода в 1880–1905 г.г.

ледствии расстрелянный большевиками в дни Красного террора осени 1918г. Другой священнослужитель игумен Арсентий на заседании Лефортовского отдела Русской Монархической Партии (Москва) в Ноябре 1906 г. следующим образом объяснил политическую позицию большинства Православных клириков: «Монархическая партия подчиняется Богу, стоит за религию, за Христианскую святую религию; другие же партии не признают религии, – по крайней мере, в их программах нет девиза: «За Веру Православную!», а всё только говорится о земном, о мамоне... Заботясь только о мамоне, они подпали под власть дьявола, следовательно, подчиняются только дьяволу. Царь принят от Бога, – ибо Он Помазанник Божий, почему Престол Царя находится под особым покровительством, под покровом Бога. Из рода наших Русских Царей со времён равноапостольных святой Княгини Ольги и святого Князя Владиміра вышло много святых мучеников и угодников Божиих, мощи которых ясно доказывают, что благодать Божия почиет на роде наших Царей»[34].

Однако, преобладание консервативных настроений в Православной Церкви не означало безоговорочного одобрения любых методов в деле подавления крамолы. Признавая необходимость борьбы с революционными безпорядками, священнослужители стремились удержать свою паству от самосудов и расправ над мирными обывателями.

Хотя Православные пастыри отрицательно относились к безсмысленной жестокости и озлобленности – независимо от того, слева или справа она исходила, – после 1917 г. Церковь была объявлена идейной вдохновительницей погромов, что также во многом и определило Ея дальнейшую участь. Будучи заметным явлением в годы Первой Русской революции, черносотенное движение, однако, не успело окончательно оформиться.

После подавления мятежа Правительство поставило в 1909 году вопрос о закрытии Союза Русского Народа. Уже упомянутый М.Н. Волконский с горечью писал: «Видите ли, меня, Мавра, не гнали, когда я «делал дело», то есть когда я был нужен, когда эти циники, гонящие меня теперь, нуждались во мне»[35]. Впоследствии черносотенные организации уже не играли в Русском обществе прежней роли, а в 1917 г. были распущены. Процесс формирования Русских консервативных партий, которые могли бы спасти Россию от революции, остался незавершённым.

В годы временного затухания политических страстей перед Православной Церковью с новой остротой встала проблема внутреннего миссионерства. Разочарованность в социальных идеях не только возвращала в Православие, но, напротив, уводила людей в мистику, спиритизм, сектантство. Законы, направленные на развитие веротерпимости, позволили сектантам открыто вести собственную миссионерскую работу, которая развернулась с невиданной ранее силой. В 1910 г. газета «Московские ведомости» писала: «Нигде так не страдает Православная Церковь, как в Ростове-на-Дону. Здесь Православные буквально семьями переходят в баптизм. Но это в городе, а что делается в деревне, так это невероятно! Говорят, есть сёла, где храмы Божии заколочены, так как целые приходы перешли к баптистам»[36].

Подобные результаты не вызывают особого удивления, если учесть, что протестанты занимались миссионерством с гораздо большим усердием, чем Православные пастыри. Основатель Всероссийского союза евангельских христиан И.С. Проханов писал об это периоде:

> «С самого начала нашей организационной работы я провозгласил лозунг: «От города к городу, от посёлка к посёлку, от деревни к деревне, от человека к человеку». Я обычно говорил нашим труженикам: «Вы должны иметь хорошую географическую карту вашей местности. Во-первых, для того, чтобы отмечать места, где имеются группы Евангельских христиан. Затем вы должны сказать себе как говорят воины перед сражением: «Мы должны добыть для Христа все селения губернии, в которых Евангелие ещё не было проповедуемо». Прежде всего вы должны начать работу во всех городах своего уезда и затем начать проповедь Евангелия в деревнях, но обращая главное внимание на города, в которых должен быть центр духовной работы» [37].

Отметим здесь, кстати, что ставка делалась на городской люд, оторванный от своих корней...

Энтузиазм миссионеров, подкреплённый истинно протестантской практичностью и помощью зарубежных единоверцев, способствовал быстрому росту нетрадиционных общин. Уже в 1910 г. по воскресным дням в разных частях Санкт-Петербурга проходило 28 одних только баптистских собраний. «При этом из этого общего числа 8 собраний ведутся на иностранных языках и наречиях: 2 на Немецком, 2 на Эстонском и по одному на Шведском, Финском, Английском... и Латышском. Три собрания специально предназначены для «молодых людей» обоего пола»[38].

В южных губерниях, особенно в Киевской и Херсонской, широко распространялось учение адвентистов седьмого дня. Появились в России и неизвестные ранее зарубежные секты, например, «Общество исследователей Библии», ныне существующее под названием «свидетели Иеговы». Одновременно росла популярность сект Русского происхождения – как традиционных, так и возникших недавно – например, секты «толстовцев», «чуриковцев» и других. В обстановке самого широкого религиозного разномыслия обществу уже не казались неправдоподобными слухи о проникновении хлыстовства даже в дворцовые круги якобы через Григория Распутина*.

Чтобы противостоять сектантской деятельности, Православная Церковь должна была также активизировать свою миссионерскую работу. 5–22 Августа 1907 г. в Нижнем Новгороде собрался очередной Миссионерский съезд, на котором присутствовали представители более 20 епархий. «При обсуждении миссионерами на одном из первых заседаний вопроса о мерах и способах борьбы с врагами Православия и Церкви Христовой, одним из членов съезда – о. И.Восторговым внимание деятелей миссии было обращено, прежде всего, на желательное объединение всех миссионеров и пастырей Церкви в один пастырский братский союз для защиты Церкви Христовой. Такое объединение в братский союз, как говорил о. И.Восторгов, особенно потребно теперь, когда враги Церкви стараются в борьбе с Нею объединиться и сорганизоваться. О. И.Восторговым было также указано, что мысль образовать такой Союз или Братство впервые явилась у духовенства г. Москвы, которое предполагает это Братство сделать всероссийским, присвоив ему название Церковно-патриотического пастырского миссионерского Братства имени Патр(иарха) Гермогена. Для подробного ознакомления членов съезда с задачами и целями этого Братства, о. И.Восторговым был доложен съезду и проект Устава Братства. Из этого проекта видно, что главная общая цель учреждения пастырского Братства имени святейшего Патр(иарха) Гермогена – «защита и возвышение авторитета Правосл(авной) Церкви в Русском Государстве и укрепление в народе любви к освящаемому Ею нашему Отечеству – Святой Руси»[39].

---

* *В действительности Г.Е. Распутин-Новый строго держался Православия. Об этом см., например:* О.А. Платонов. *«Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине» С-Пб. «Воскресеніе», 1996 г.*

Съезд признал полезным открытие такого Братства, и проект Устава был передан для дальнейшей разработки в особую комиссию. Естественно, что среди других постановлений съезда был план подключения к миссионерской работе членов черносотенных организаций: «При образовании народных кружков ревнителей миссии и для распространения миссионерской литературы съезд рекомендует пользоваться политическими монархическими организациями, их чайными, библиотеками и собраниями, ибо не подлежит сомнению, что эта политическая партия глубоко церковна по своему характеру и охрану Православия открыто выставляет, как основной девиз своей программы»[40].

Вследствии оживления внутрицерковной жизни вновь встал на повестке дня вопрос о созыве Поместного Собора и восстановлении Патриаршества. Плодом этого было учреждение 28 Февраля 1912 г. при Святейшем Cvноде Предсоборного совещания в более ограниченном составе, чем в 1906–1907 годах: 7 человек, в том числе 3 архиерея – архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) и епископ Холмский Евлогий (Георгиевский). Совещание имело своей задачей подвергнуть «разсмотрению и согласованию» предложения различных отделов Присутствия в связи «с изменившимися условиями церковной и гражданской жизни», а также «дополнение докладов Присутствия» и для подготовительного обсуждения вопросов, «подлежащих разрешению Собора, но не бывших на разсмотрении Присутствия и вообще всякого рода подготовительных к Собору работ, в коих может оказаться необходимость»[41]. Однако, пока проводились подготовительные к Собору работы, началась I-я Міровая война...

В результате этих промедлений и отсрочек, вопрос о созыве Поместного Собора, многократно ставившийся на протяжении всего Cvнодального периода и который мог бы быть решён в более спокойное время, решился, наконец, в бурном и трагическом 1917 году.

Примечания

1. *Боголюбов Д.И.* О так называемых иоаннитах в Русском народе. СПб. 1909. С.15.
2. Там же. Сс.26–27.
3. «Миссионерское обозрение». 1913. № 3. С.494.
4. См. подробнее об этом: *Кирика Ф.* О так называемом «Балтском движении в Бессарабии, известном под именем «иннокентьевщины» – «Миссионерское обозрение». 1913. №4. С.561–576.
5. *Спиридович А.* Записки жандарма. М. 1991. С.98.
6. Там же. С.101.
7. Известия по Санкт-Петербуржской епархии. № 12. 16 Июля 1905. Сс.1–7.
8. *Спиридович А.* Указ.соч. С.166.
9. Там же. С.169.
10. Дневники Императора Николая II. М. 1991. С.246.
11. Полное собрание законов Российской Империи. С.-Пб. 1905. Т.XXIII. С.114.
12. Там же. Т.XXIV. С.1197.
13. Там же. Т.XXV. Сс.258–259.
14. Русское Православие: вехи истории. М. 1989. Сс.397–398.
15. *Остроумов Н. И.* Миссионерский съезд в Нижнем Новгороде в 1907 г. Рязань. 1908. С.10.
16. В котле России. Автобиография *И.С. Проханова*. США. 1992. С.134.
17. См. об этом: Государственная Дума. Третий Созыв. Сессия вторая. 1908–1910 гг. Речи и доклады. Вопросы: приходской, старообрядческий и вероисповедный. С.-Пб. 1910. С.134 ; *Евлогий, митроп.* Путь моей жизни. Париж. 1947. С.202.
18. См. об этом: выдержка из выступления ректора Петербуржской Духовной Академии епископа Ямбуржского Сергия (Страгородского) 17 Февраля 1905 г. – в кн. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. Изд. Московской Патриархии. 1947. Сс.29–30.
19. Россия перед Вторым Пришествием. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1993. Сс.31–32.
20. Там же. С.32–33.
21. Там же. С.33.
22. Цит. по: *Осецкий А.А.* Поместный Собор. Пг. 1917. Сс.9–10.
23. *Владимір (Зеев) Жаботинский.* Избранное. Израиль. 1978. Сс.25,28.
24. РГИА. Ф. 821. Оп.8. Д.184. С.2–3.
25. *Марцинковский В.Ф.* В.С. Соловьев и Евангелие. Изд. «Свет на Востоке». Б.Г. С.39.
26 *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.24. Сс.122–123.
27. Собрание трудов Грингмута В.А. М. 1908–1910. Т.37. С.159.
28. «Московские ведомости». № 125. 9(22) Мая 1905.
29. Цит. по: «Новое время». № 10471. 29 Апреля 1905.
30. Цит. по: «Новое время». № 10475. 3(16) Мая 1905.
31. «Московские ведомости». № 141. 3(16) Июня 1906.
32. Русское Православие... С.413.
33. Там же. С.412.
34. «Московские ведомости». 21 Ноября 1906.
35. «Земщина». № 81. 6 Сентября 1909.
36. «Московские ведомости». № 234. 13 Октября 1910.
37. В котле России. Автобиография И.С. *Проханова*. США. 1992. С.152.
38. «Земщина». 14 Октября 1910.
39. *Остроумов Н.И.* Миссионерский съезд в Нижнем Новгороде в 1907 г. Рязань. 1908. С.7.
40. Там же. С.18.
41. *Осецкий А.А.* Указ.соч. Сс.6–7.

Глава 2

Русская Православная Церковь и отречение Государя Императора

Приближался 1917 год. Шёл третий год изнурительной войны с Германией, в которую Россия вступила при поддержке народных масс, когда уже в первые дни Балканского кризиса многочисленные толпы скандировали перед Зимним Дворцом патриотические лозунги, требуя от Правительства решительных действий. В связи с мощным патриотическим подъемом населения Государь даже издал Указ о переименовании столицы Российской Империи, носившей немецкое название Санкт-Петербург (переводившееся на русский язык, как Свято-Петроград, то есть город Первоверховного Святого Апостола Петра), в Петроград. Таким образом, наименование города оказалось связанным с именем не небесного покровителя, а земного основателя – императора Петра I. Положение на фронтах (хотя и резко улучшившееся после принятия Государем на себя поста Верховного Главнокомандующего, что выразилось в непрекращавшемся с 1915 года наступлении) осложнялось нестабильностью тыла и откровенной антиправительственной пропагандой, приводившей к локальным волнениям и стачкам. В городах искусственно провоцировалась нехватка продовольствия. Не было единства и в правительственных сферах. Из постоянно сменявшихся министров не находилось ни одного, кто был бы способен, подобно П.А. Столыпину, вывести страну из кризиса. Распри, интриги, взаимные обвинения преобладали над взвешенными трезвыми решениями. Приближение катастрофы видели практически все, ожидая её кто с ужасом, а кто со злорадным нетерпением. Особую ненависть как консервативных, так и либеральных кругов вызывал Г.Е. Распутин-Новый, пользовавшийся особым доверием Царской Семьи. В обществе ходили тёмные слухи о его необычайном влиянии на якобы со-

вершенно безвольного Императора. Толки политического характера подкреплялись «живописными подробностями», компрометировавшими всю Императорскую Семью. Для многих убеждённых монархистов Распутин стал олицетворением зла и главным виновником политического кризиса. В конце 1916 г. против него составился заговор, в котором приняли участие известный черносотенный деятель В.М. Пуришкевич, один из инициаторов раскола Союза Русского Народа, и несколько вдохновлённых им молодых людей из высшего общества. В ночь с 16 на 17 Декабря 1916 г. Распутин был убит в особняке князя Ф.Ф. Юсупова, куда его заманили заговорщики.

«Уверовав в распутинскую легенду, участники убийства полагали, что они устраняют источник зла и спасают Россию и династию, – писал профессор С.С. Ольденбург в свой работе «Царствование Императора Николая II» – На самом деле, они только припечатали распутинскую легенду кровавым клеймом, укрепили и увеличили ея значение в глазах широких масс... Если бы Распутин имел то значение, которое ему приписывалось, его убийство должно было успокоить страсти; произошло обратное; всем вдруг стало ясно, что дело вовсе не в «старце», и борьба разгорелась с новой силой. Именно с этого дня начали множиться слухи о заговорах среди высших представителей общества, среди офицеров гвардии. Движение теперь направлялось против Императорской четы: маска была сброшена»[1].

Кризис в правительственных сферах был тесно взаимосвязан с общим тяжёлым положением в стране. Влиятельная буржуазная элита, почувствовав возможность прихода к власти, с одной стороны, всячески срывала военные поставки и обезпечение тыла, с другой стороны, стремилась дискредитировать Самодержавие через представлявшие её интересы органы печати и партии (наиболее крупными из них были Союз 17-го Октября и партия Народной Свободы). В армии без устали действовали революционные агитаторы, призывавшие солдат не подчиняться офицерам, дезертировать с фронта или «брататься» с противниками. Среди гражданского населения ширилось недовольство ухудшающимся экономическим положением. В Феврале 1917 г. в Петрограде начались демонстрации против нехватки продовольствия, вслед за которыми взбунтовались войска, в большом количестве, без всякой объективной надобности скопленные в столице. Бездействие и тесный контакт с опытными революционными про-

пагандистами, обещавшими за участие в мятеже избавление от фронта, вскоре принесли свои плоды[2].

В этих условиях Император Николай II, возвращавшийся из своей Могилёвской ставки в Петроград по причине возникших беспорядков в столице, вынужден был в интересах, как Он считал, сохранения единства нации подписать 2(15) Марта в Пскове Акт об отказе от Престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича[3]. Обер-прокурор Святейшего Cvнода Н.П. Раев обратился к Cvноду с просьбой разослать воззвания к народу поддержать монархию. Cvнод ответил отказом и, напротив, приветствовал решение Великого Князя Міхаила отказаться от Престола. Из зала заседаний членами Святейшего Cvнода был торжественно вынесен Царский Трон. И никто из высших церковных иерархов не воспротивился этому...[4]

3(16) Марта в Петрограде Великий Князь Міхаил отказался от восприятия Верховной власти в пользу Временного правительства, с тем, чтобы вопрос о дальнейшем образе устройства и правления Российского Государства передать на рассмотрение Учредительного Собрания, предполагавшегося созваться в кратчайшие сроки на основе всеобщего, прямого и тайного голосования для «выражения им воли народа»[5]. В связи с тем, что Православные граждане России были связаны церковной присягой перед Государем Императором, Святейший Cvнод 9(23) Марта выступил с Обращением ко всем верным чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения Императора Николая II и отказа Великого Князя Михаила восприять власть до решения Учредительного Собрания.

> *«Свершилась воля Божия, – гласило послание, уже этой первой фразой удивив и возмутив многих верных монархии Православных людей – Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ея новом пути.*
> *Возлюбленные чада святой Православной Церкви!*
> *Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг ещё стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением.*

Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради безчисленных денежных средств, затраченных Родиною на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший Сунод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ея устроения»[6].

Обращение подписали: митрополит Киевский Владимір, митрополит Московский Макарий, архиепископ Финляндский Сергий, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким, архиепископ Черниговский Василий, протопресвитер Александр Дернов.

Этот документ, появившийся в дни, когда вся Православная Россия с волнением ожидала, что скажет Церковь по поводу происшедших в стране событий, не внёс никакой ясности в церковное сознание народа. Сунод не произнес ни слова об аресте Императора и даже Его ни в чём не повинных Детей, о кровавых солдатских самосудах над офицерами и безпорядках, приведших к гибели людей, не дал религиозно-нравственной оценки революционных эксцессов, не осудил их виновников. Наконец, Обращение полностью опустило вопрос, как следует относиться к низвержению и аресту Помазанника Божия, как строить церковное Богослужение без важной молитвы о благополучии Императорского Дома. Неопределенность в этом вопросе вносила ещё большую путаницу в церковную жизнь России, и без того нарушенную возникшим хаосом.

Французский посол Морис Палеолог писал в своих известных мемуарах о впечатлениях от посещения нескольких православных храмов в первое после Февральской революции воскресенье:

«Мне интересно видеть, как держат себя верующие во время воскресной обедни с тех пор, как имя Императора упразднено в общественных молитвах. В православной литургии безпрерывно призывали благословение Божие на Императора, Императрицу, Цесаревича и всю Императорскую фамилию; молитва эта повторялась поминутно, как припев. По распоряжению святейшего Сунода молитва за Царя упразднена и ничем не заменена. Я вхожу в Преображенский собор, в церковь святого Симеона, в церковь святого Пантелеймона. Везде одна и та же картина: публика серьезная, сосредоточенная, обменивается изумленными и грустными взглядами. У некоторых мужиков вид растерянный, удручённый, у многих на глазах слёзы. Однако даже среди наиболее взволнованных я не вижу ни одного, который не был бы украшен красным бантом или красной повязкой. Они все поработали для революции, они все ей преданы, и все-таки они оплакивают своего «Батюшку-Царя»[7].

Конечно, следует учитывать, что Французский посол посетил только несколько близлежащих храмов, расположенных в центре Петрограда. Но русіяне, которые не украсились красными бантами по случаю отречения Императора, тем более пребывали в растерянности. В эти дни в адрес Сунода из разных городов и губерний страны направлялись сотни писем от клириков и мірян, вопрошавшие: что делать, как вести себя в обстановке полного крушения всего прежнего порядка*. Сунод, которому нечего было сказать православным людям, оставлял письма без ответа. Уже упомянутое Обращение вместо ясной церковной оценки происходящего и конкретных ответов на актуальные вопросы, ограничилось абстрактным призывом сохранять верность Временному правительству и союзникам. К сожалению, когда церковные иерархи заняли более определенные общественно-нравственные позиции, время было упущено!

Россия становилась перед лицом новых испытаний. В истории Русской Церкви также открывалась во всем её противоречии

---

* *См. письма русских людей в Сунод в Приложениях.*

новая страница Её бытия. Отречение Государя и ликвидация прежних правительственных структур освобождали от необходимости ждать властных распоряжений. Ситуация предоставляла Церкви возможность начать созыв долгожданного Поместного Собора. События церковной жизни в «предсоборный» период, последовавший после Февральской революции, характеризуются несколькими противоречивыми моментами. С одной стороны, демократические преобразования способствовали активизации церковной общественности в борьбе за ясность церковного сознания, усилия по переустройству церковной жизни на основе древней традиции, канонических начал и соборности. С другой стороны, этому процессу препятствовало вмешательство Временного правительства в лице обер-прокурора Cvнода В.Н. Львова в течение церковной жизни, большей частью грубое и неоправданное. Наконец, в-третьих, политическая свобода подняла на поверхность русской общественной жизни накипь открытой и безконтрольной пропаганды безверия, активизировала миссионерскую деятельность различных сект и учений, а также околоцерковную некомпетентную и самоуверенную самодеятельность.

6(20) Марта Cvнод по требованию Временного правительства уволил на покой четырех, а в дальнейшем ещё восемь архиереев за якобы имевшее место влияние Распутина в связи с их назначениями на кафедры. Так, среди уволенных оказались, например, прославленный алтайский миссионер митрополит Московский Макарий и горячо любимый своей паствой, известный подвижник архиепископ Тобольский Варнава[8].

15(29) Марта по требованию священнослужителей – членов Государственной Думы обер-прокурор Cvнода Львов отдал распоряжение об опубликовании с последующей рассылкой «всем причтам епархий» исследования А.А. Осецкого «Поместный Собор. Свободный опыт организации», как «необходимого для духовенства в виду настоятельной необходимости созыва Российского Поместного Собора в ближайший срок». Указанный труд является интересным экклезиологическим исследованием: рассматривая природу соборности Церкви, он также содержит критический анализ деятельности Предсоборных присутствия и совещания. В то же время оценка автором современной церковной жизни, его суждения в отношении реорганизации церковного управления и рекомендации по соборной деятельности представлялись достаточно спорными. Не случайно поэтому книга вышла без бла-

гословения Cvнода, а ходатайство об её издании не было поддержано членами Государственной Думы – епископами[9].

26 Марта (8 Апреля) Временное правительство выпустило постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений[10].

14(28) Апреля Временным правительством, несмотря на протесты Cvнода, был издан указ о практически полной смене его членов для предстоящей сессии[11].

29 Апреля (13 Мая) Cvнод принял Обращение к Церкви о восстановлении принципа выборности епископата, о подготовке к Собору и учреждении Предсоборного Совета[12]. В соответствии с этим решением в дальнейшем Cvнод разработал постановления о назначении «избранных свободным голосованием клира и мірян» соответствующих епархий на оказавшиеся вакантными кафедры следующих архиереев:

Московская – архиепископ Литовский Тихон,

Петроградская – епископ Гдовский Вениамин,

Владимірская – архиепископ Финляндский Сергий,

Харьковская – архиепископ Антоний (Храповицкий), пребывавший на покое, и др.

Следует отметить, что церковно-общественная жизнь в «предсоборный» период летом 1917 года была весьма бурной. На смену распущенному Временным правительством Союзу Русского Народа и другим черносотенным организациям приходили новые религиозно-общественные объединения.

Созывались епархиальные съезды, на которых решались вопросы текущей церковной жизни, а также вырабатывались наказы предстоящему Собору. Появлялись всё новые союзы и организации духовенства и мірян, которые наряду с уже существовавшими устраивали съезды и собрания как во всероссийском, так и в епархиальном масштабах. Начали выходить в свет новые православные периодические издания. Все эти мероприятия привлекали к себе широкие круги русского духовенства и многих активных мірян. Наиболее крупным из них следует назвать Всероссийский съезд духовенства и мірян, проходивший в Москве 1–7 Июня 1917 года и собравший до 800 делегатов почти со всех епархий. На нём были подняты многие вопросы церковно-общественной жизни, ставшие впоследствии предметом обсуждения на Поместном Соборе[13].

20 Июня (4 Июля) Cvнод утвердил Временное положение о православном приходе, имевшее целью большее вовлечение прихожан к участию в церковной жизни[14]. В дальнейшем Поместный Собор детально разработал подробный Приходской Устав.

Тогда же Временное правительство приняло постановление об объединении всех учебных заведений, включая церковно-приходские школы, которых было около 37 тысяч, в ведение Министерства Народного Просвещения[15]. Это вызвало решительные протесты всех без исключения церковных кругов[16]. Церковь лишалась важного средства духовного воспитания своих юных чад. Постановление объективно подготовило дальнейшие шаги сначала Временного, а затем советского правительства по усилению безконтрольного вмешательства властей в дела Церкви.

В связи с усилением политических разногласий и назревающего раскола в армии, а также вызванной этим опасностью Гражданской войны, Cvнод 22 Июля (5 Августа) выпустил Послание к чадам Церкви и гражданам России «О чрезвычайных обстоятельствах переживаемого времени», выдержанное в духе традиционного христианского миротворчества[17].

25 Июля (8 Августа) Временное правительство назначило обер-прокурором Святейшего Cvнода А.В. Карташева (магистр Богословия, впоследствии видный историк Русской Церкви), назначенного вскоре (10/24 Августа), в связи с ликвидацией должности обер-прокурора, министром исповеданий в новоучрежденном министерстве[18].

Таковы были основные события в жизни Русской Церкви в период Её продвижения к центральному событию Её новейшей истории – Поместному Собору, открывшемуся 15/28 Августа 1917 года в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Московского Кремля. Торжественная литургия совершалась митрополитом Киевским Владиміром в сослужении митрополитов Петроградского Вениамина и Тифлисского Платона.

После пения Символа Веры члены Собора поклонились мощам Московских святителей и в преднесении кремлевских святынь вышли на Красную площадь, куда уже шли крестные ходы со всей Москвы. На площади был совершён молебен.

По произволению Божию долгожданный Собор, о котором мечтали многие поколения православных, открылся в тяжелую годину испытаний, когда многие его постановления оказались запоздалыми и остались существовать только на бумаге.

В короткий период правления Временного правительства ярко проявилось очевидное противоборство двух типов власти: арийской, свободной, когда народ сам выбирает вождя и с жертвенной любовью подчиняется ему (именно по этому типу была построена Древняя Христианская Церковь и к этому же вернулась Русская Церковь на Поместном Соборе 1917–1918 гг., когда пастыря, в том числе епископов и Патриарха выбрал сам народ) и восточной, деспотической, которая и победила в Церкви и всей России в годы большевистского правления. Раболепная привычка к пассивному восприятию политических событий в собственной стране явилась закономерным следствием 200-летнего Cvнодального периода.

Примечания

1. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. С.-Пб. 1993. Сс.613–614.
2. О положении в России в период, предшествовавший Февральской революции подробнее см.: *Яковлев Н.* 1 Августа 1914 года. М. «Москвитянин». 1993. Россия гибнет сегодня. М. 1991.
3. Церковные Ведомости (далее ЦВ). 1917. №№ 9–15. Сс.55–56.
4. *Кашеваров А.Н.* Государство и Церковь. С-Пб. 1995. С.17.
5. ЦВ. Там же.
6. ЦВ, 1917. № 9–15. С.57.
7. *М.Палеолог.* Царская Россия накануне революции. М. 1991. С.262–263.
8. ЦВ. 1917. №№ 9–15. Сс.69–70. Вопрос о влиянии Г.Е. Распутина, игравшего важную роль в личной жизни Царской Семьи, на государственные дела, как установлено, является явным преувеличением пропаганды того времени с целью дискредитации Николая II и Его Правительства. См., например: *Яковлев Н.* Указ. соч. С.164 и далее; *О.А.Платонов*. Указ.соч., целиком посвящённое этому вопросу.
9. *Осецкий А.А.* Поместный Собор. Опыт свободной организации. Пг. 1917. С.125.
10. ЦВ. 1917.№ 9–15. Сс. 64–66.
11. ЦВ. 1917. № 16–17. С.83.
12. ЦВ. 1917. № 18–19. Сс.117, 110–111, 114–116.
13. ЦВ. 1917. № 28. С.199; ЦВ. 1917. № 34. С.282 и др.
14. ЦВ. 1917. № 28. Сс.193–199.
15. Там же; также Опред. и пост. Вып. 2. М. 1918. Сс.16–20.
16. ЦВ. 1917. № 28. С.191.
17. ЦВ. 1917. № 30. Сс.231–233.
18. ЦВ. 1917. № 34. С.280.

Глава 3

Деятельность Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

Порядок представительства, права членов Собора и его состав.

Относительно порядка представительства и прав членов Поместного Собора высказывались различные точки зрения. Кроме уже упомянутого положения, выработанного ещё Предсоборным присутствием, существовала точка зрения, что Поместный Собор должен быть Собором исключительно епископов. Так считал, например, архиепископ Антоний (Храповицкий). В противовес ей существовала другая позиция. Собор должен быть трехсоставным (епископы, клирики, міряне), причём все члены Собора обладают одинаковыми правами, в т.ч. решающим голосом по всем вопросам (Осецкий). Интересно отметить, что выразитель этой точки зрения вообще исключил из числа участников Собора представителей монашествующих, а также викарных епископов[1].

С учётом работы предыдущих предсоборных учреждений, а также имевшихся на данный момент мнений, высказывавшихся на различных церковных съездах и собраниях, Святейший Синод, по наставлению Предсоборного Совета, 5(18) Июля 1917 года вынес по этому вопросу следующее решение:

> Собор состоит из епископов, клириков и мірян. Епархиальные епископы состоят по должности членами Собора, епископы же викарные и пребывающие на покое могут участвовать на Соборе в качестве его членов лишь по приглашению самого Собора. В состав Собора входят члены по выборам, по должностям и по приглашению Святейшего Синода. Каждая епархия, кроме правящего епископа, представляется на Соборе пятью членами (2 клирика, из которых один обязательно пре-

свитер, и 3 мірянами), избранными в епархиальном избирательном собрании[2]. Кроме того в состав членов Собора входят 10 представителей от монашествующих, избранных на съезде представителей мужских монастырей, намеченном на 16–23 Июля 1917 г. и 10 представителей от единоверцев. Военное и морское духовенство представляется на Соборе 10 членами (из них не менее 5 – в сане пресвитера), избранными на своем съезде 1/14 июля 1917 г.

Этому же съезду предлагалось изыскать и осуществить способ избрания 15 представителей от действующей армии. Также предлагалось избрать по 3 члена Собора от каждой из четырех Духовных Академий и по одному члену из лиц православного исповедания от Академии Наук и каждого из одиннадцати российских университетов. 15 мест предоставлялось православным членам Государственной Думы и Государственного Совета. Представителям восточных патриархатов и православных автокефальных церквей предоставлялось право участия в работе Собора в качестве его полноправных членов. Членами Собора по должности, кроме того, являлись: наместники лавр и настоятели ставропигиальных монастырей, а также настоятели Саровской и Оптиной пустыней, протопресвитеры Московского Успенского Собора,– военного и морского духовенства, а также члены Предсоборного Совета в составе 62 человек[3].

Все члены Собора наделялись правом решающего голоса по всем вопросам, подлежащим его разрешению. Правда, в рамках Собора действовало особое Совещание епископов, которому вменялось обсуждать каждое принятое Собором правилодательное и основоположное постановление с точки зрения его соответствия Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви. Если Соборное постановление или часть его отвергались Совещанием, то оно вносилось вновь на соборное обсуждение. Если же и после этого оно отвергалось большинством в три четверти от числа епископов, то уже теряло силу соборного определения[4].

Собор состоял из 564 членов: 80 епископов, 129 пресвитеров, 10 диаконов из белого духовенства, 26 псаломщиков, 20 монахов (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мірян. На Соборе было образовано 22 отдела и 3 совещания при Соборном Совете[5]. Согласно ст. 52 Устава Собора «для соображения общих вопросов внутреннего распорядка и объединения всей деятельнос-

ти Собора» был учрежден Соборный Совет в составе Председателя Собора, шести его товарищей (заместителей), секретаря Собора и его помощников и трех членов (епископ, клирик, мірянин) по избранию Собора[6]. В деятельности Собора участвовали также епископ Румынской Православной Церкви Никодим и архимандрит Сербской Православной Церкви Михаил. Следует особо остановиться на том моменте, что более половины членов Поместного Собора были мірянами. Такое положение было не случайным. Собору предстояло выработать и принять решения, имеющие принципиальное значение для будущего Русской Церкви, ответственность за которые должна была лечь на всех Её верных чад. Поэтому Поместный Собор был призван явиться выразителем воли всей Русской Церкви, всех слоев Русского церковного общества. Это было тем более замечательно, что таким образом осуществлялся возврат к истокам апостольской традиции, когда сама Церковь, как единый организм, являясь в совокупности своих членов хранителем Вселенской истины, принимала решения по вопросам своего повседневного бытия, являвшиеся не только общеобязательными, но и близкими сердцу каждого Её верного члена. Примером этому служит Апостольский Собор в Иерусалиме (Деян. 15:4–29). Да, в Церкви установлены различные служения (1 Кор.12:5), «и иных Бог поставил Апостолами» (1 Кор.12:28), от которых и ныне по преемству имеет Она Свое Богоучрежденное иерархическое устроение. Но именно по молитвам всей Церкви – царственного священства и рода избранного (1 Петр. 2:9), те, кому Богом вручено предстоятельство в Ней, совершают свое служение к спасительному освящению каждого Её члена. И находясь под водительством Апостольских преемников, каждый член Церкви призван к несению в Ней своего служения по мере дарования, в сознании своей причастности к хранимой Ею Вселенской истине и исповеданию её. В этом открывается природа соборности Церкви, о чем неоднократно свидетельствовала история. И как Церковь есть единое Тело Христово, в котором «не может глаз сказать руке: ты мне не нужна» (1 Кор. 12:21), так и благосостояние каждого поместного церковного общества возможно лишь в случае общего рассуждения, общего делания и общей ответственности. Поэтому привлечение к решению вопросов повседневного церковного бытия не только иерархов, но и представителей клира и мірян, с учетом того, что многие из данных вопросов имели широкое обсуждение на церков-

ных собраниях разного уровня – явилось делом вполне естественным и полностью соответствующим как церковному преданию, так и историческому опыту Русской Церкви, когда представляющие разные слои населения и духовенство Земские Соборы выносили определения также и по вопросам церковной жизни. И, обращаясь к соборным документам, мы видим, что многомиллионная всероссийская паства была представлена на Соборе достойным образом. Среди членов Собора – мірян мы встретим цвет тогдашней Русской Богословской мысли – профессоров Духовных Академий, многих видных общественных деятелей и деятелей науки, доблестных защитников Отечества и представителей Русской интеллигенции. Среди членов Собора мы увидим князя и хлебопашца, коммерсанта и мастерового. Достаточно широко среди выборных лиц на Соборе было представлено Русское крестьянство (35 членов), составлявшее тогда большинство населения нашей страны[7].

Этапы деятельности Собора

Поместный Собор Православной Российской Церкви, открывшийся торжественным Богослужением в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Успенском Соборе Московского Кремля 15/29 Августа 1917 года, продолжал свою деятельность немногим более года с некоторыми перерывами между тремя его сессиями. Особо важные и торжественные заседания Собора происходили в величественном храме Христа-Спасителя, рабочие заседания (дважды в неделю) проводились в Соборной палате Московского епархиального дома, а заседания соборных отделов (каждый отдел собирался также дважды в неделю) в помещениях Московской духовной семинарии на Божедомке.

Собор проходил в переломное время не только для нашей Церкви, но и для всей страны, поэтому, решая вопросы церковного устройства, он должен был так или иначе откликаться, выражая церковное мнение, на события общественной жизни, имевшие важное значение для чад Церкви, для всего населения.

Первая сессия Собора продолжалась фактически до конца 1917 го́да. За это время обсуждались, и после продолжительных и всесторонних дискуссий были приняты следующие Соборные определения принципиального характера, а также имели место следующие события[8].

30 Октября (12 Ноября) – Собор принимает решение о восстановлении Патриаршества и о порядке избрания Патриарха.

31 Октября (13 Ноября) – Определение после двух туров голосования трех кандидатов в Патриархи (архиепископ, с 23 Ноября 1917 г. митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий) – 159 голосов, архиепископ, с 23 Ноября 1917 г. митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) – 148 голосов, митрополит Московский Тихон (Беллавин) – 125 голосов).

5 (18) Ноября – принято Общее положение о высшем управлении Православной Российской Церкви.

6 (19) Ноября – избрание по жребию митрополита Тихона Патриархом Московским и всея России.

21 Ноября (4 Декабря) – Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – торжественная интронизация Патриарха Тихона в Успенском соборе Кремля.

В дальнейшем на первой сессии Собора были приняты следующие документы:

2 (15) Декабря – Определение о правовом положении Православной Российской Церкви*.

4 (17) Декабря – Определение о церковном проповедничестве. Этим определением духовенству вменялась всяческая активизация проповеднической и духовно-просветительской деятельности, предписывалось регулярное проведение в храме духовных бесед во внебогослужебное время, а также вводился институт благовестников из числа мірян, занимавшихся по благословению епископа проповеднической деятельностью.

7 (21) Декабря – Определение о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете.

8 (22) Декабря – Определение о правах и обязанностях Патриарха и Определение о круге дел, подлежащих ведению высшего церковного управления.

Перед Собором также стояла проблема противостояния усилившимся внутри Церкви национально-сепаратистским настроениям. Ещё 12 Марта 1917 года Грузинская Церковь, вопреки канонам, в одностороннем порядке, без соборного обсуждения с Русской Церковью, в состав Которой она до того входила в течении

---

* *Подробнее об этом см. в разделе «Отношения Священного Собора к политическим и общественным событиям в России».*

более чем столетия, объявила о своей автокефалии. В связи с этим 29 Декабря (12 Января 1918 г.) Патриарх Тихон от имени Матери-Церкви обратился к Грузинским иерархам с посланием, в котором в частности, писал:

> *«Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной Поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными и не имеющими канонической силы... Если это требование не соблюдается, Церкви угрожает схизма...*
> *Умоляем вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа: да не будет между нами разделений и да будем мы все соединены в одном духе и в одних мыслях. Станем на путь мира и взаимной любви и совместно обсудим создавшееся положение...»*[9].

Кроме того, вследствие обозначившегося в этот период раскола в русском обществе, грозившего гражданской войной, Собор, исполняя миротворческое служение Церкви, выступал с многочисленными обращениями, посланиями и постановлениями, имевшими целью предотвратить народное бедствие[10].

25 Октября (7 Ноября) в Петрограде произошёл государственный переворот. Временное правительство было свергнуто, власть перешла к Совету «Народных» Комиссаров во главе с В.И. Лениным (Ульяновым-Бланком). В это время в Москве сложилось очень тяжёлое положение. Часть города находилась в руках Военно-революционного комитета, другая его часть, включая центральные районы и Кремль, под контролем войск Московского гарнизона. Не вмешиваясь в вопрос о форме государственного устройства, Собор 2(15) Ноября обратился с призывом к обеим воюющим сторонам «о прекращении кровопролития, недопущении расправы с побежденными и сохранении святынь Кремля». Уже после овладения отрядами РВК Кремлём и установления ими полного своего контроля в городе Собор 11(25) Ноября принял решение об отпевании погибших с обеих сражавшихся сторон. Был также принят ещё ряд соборных воззваний, с попыткой национального примирения.

Для характеристики настроений, царивших на Соборе в это время, интересно обратиться к воспоминаниям его непосредственного участника и очевидца митрополита Евлогия (Георгиевско-

го). Отмечая, что первое время после интронизации Патриарх Тихон на Соборе не появлялся, и Собор заседал под председательством митрополита Новгородского Арсения, он далее писал:

> *«Но вот, как-то раз, словно ясное солнышко, появился на Соборе Патриарх... С каким благоговейным трепетом все его встречали! Все – не исключая «левых» профессоров, которые ещё недавно так убедительно высказывались против патриаршества... Когда, при пении тропаря и преднесении патриаршего креста Патриарх вошел, – все опустились на колени. Патриарх проследовал прямо в алтарь, вышел в мантии, приветствовал Собор и после молебна, благословив всех, – отбыл.*
>
> *Это посещение – высшая точка, которую духовно достиг Собор за первую сессию своего существования. В эти минуты уже не было прежних несогласных между собою и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеянные Духом Святым, готовые исполнить Его веления... И некоторые из нас в тот день поняли, что в реальности значат слова «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...»*[11]

Следует добавить, что хроника деятельности первой сессии Собора служит неплохой иллюстрацией к словам Преосвященного Евлогия. Если первые два месяца были временем дискуссий, то затем наступило время совместных решений и действий, в общей ответственности пред Богом и всей Церковью. Остается отметить, что группа т.н. реформаторов из числа либерально-настроенного духовенства и интеллигенции, некоторые из которых явились впоследствии деятелями «обновленчества» (например, проф. – прот. Н.Г. Попов, проф. Б.В. Титлинов, бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов), оказалась на Соборе в явном меньшинстве и, проявляя активность в дискуссиях, всё же не смогла влиять на соборные решения.

Вторая сессия Собора открылась 20 Января (здесь и далее все даты по новому стилю) и закончилась 7 Апреля 1918 года. Началось время коренной перестройки всего общественно-политического и экономического уклада Русского общества. Эта перестройка самым непосредственным образом коснулась и Церкви, отразившись на Её внешнем положении в условиях нового социалистического государства. 23 Января 1918 года Совет Народных

Комиссаров обнародовал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви[12]. Отныне отношения государства и церкви должны были строиться на новых, невиданных до того в истории нашей страны условиях. Православная Церковь не только окончательно утрачивала Свое положение господствующей в Российском Государстве, но и вообще вместе с другими исповеданиями лишалась права юридического лица. Отныне Она не только не получала никакой материальной поддержки со стороны государства, но и всё Её имущество становилось «общенародным достоянием». Религия объявлялась частным делом граждан, религиозная присяга изымалась из государственного употребления, церковный брак утрачивал юридическую силу. Из школ устранялось преподавание Закона Божия. Впрочем, за религиозными обществами оставалось право иметь на свои средства специальные учебные заведения, а верующим обучаться и обучать детей духовным дисциплинам частным путем[13]. Одновременно в стране была развёрнута широкая антирелигиозная и антицерковная кампания[14]. Поскольку в действиях, направленных на похуление Православныя веры, осквернение святынь и вообще нанесение вреда Церкви, а также в сопровождавших порой эти действия расправах на невинными гражданами участвовали люди, формально считавшиеся ещё чадами церковными, но своими взглядами и действиями фактически отпадшие от Нея, то Церковь, в соответствии со Своими канонами и традицией, обязана была вынести о них Своё суждение. В связи с этим 19 Января 1918 года Патриарх Тухон выступил с посланием, отлучавшим подобных лиц от Церкви. Описывая в послании гонения на Церковь и жестокие расправы над верующими, попиравшие всякое право и законность, Патриарх обращался к руководителям советской власти («безбожным властелинам тьмы века сего»):

> *«Всё сие преисполняет сердце Наше глубоко болезненною скорбью и вынуждает Нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело; это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной. Властью данною нам от Бога запрещаем вам приступать к Тайнам Христо-*

вым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злаго от вас самих» (1 Кор. V:13). Враги Церкви захватывают власть над Нею и Её достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, зовём вас на эти страдания вместе с собою»[15].

Это был голос, созвучный первым христианам, мученикам за Веру Христову, голос Святого Патриарха Гермогена. Это был голос Церкви Христовой. Однако, народ наш голоса этого не услышал, – а если и услышал, то не внял...

В свою очередь собравшийся на свою вторую сессию Поместный Собор 22 Января принял постановление с его одобрением[16]. 27 Января Собор обратился с Воззванием к Православному народу, призывая к сохранению веры христианской и верности Матери-Церкви. Верующие горячо откликнулись на призыв Собора. Повсеместно стали возникать братства защиты Православной веры, а вскоре был создан Всероссийский союз объединенных приходов. Но сила гражданского сопротивления была всё же недостаточной, чтобы укреплявшиеся у власти большевики почувствовали себя в изоляции. В ряде мест многим церковным деятелям пришлось пасть жертвами произвола. Так, 25 Января 1918 года в Киеве, большевистскими злоумышленниками был зверски убит замечательный русский иерарх митрополит Киевский и Галицкий Владимір (Богоявленский). Когда известие о его мученической кончине дошло до Москвы, Собор 15 Февраля в полном составе собрался на торжественное заседание, посвященное его памяти. Позднее, когда стали известны имена других «скончавших жизнь свою исповедников», Собор 18 Апреля принял специальное определение, устанавливающее 25 Января днем их молитвенного поминовения*.

**Подробнее об этом см. в разделе «Отношение Священного Собора к политическим и общественным событиям в России».*

В этих условиях Собору пришлось продолжать свою деятельность по устроению церковной жизни.

Среди определений, касающихся устройства церковных дел, были приняты следующие:

25 Января – о местоблюстителе Патриаршего Престола «на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей».

1–9 Февраля – обсуждалось и было принято Определение об епархиальном управлении.

7 Марта – о единоверии.

5 Апреля – деяние о прославлении Святителя Софрония, епископа Иркутского.

6 Апреля – о мерах по прекращению нестроений и церковной жизни.

16 Февраля состоялось открытие заседаний новых органов высшего церковного управления – Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Откликаясь на печальные события общественной жизни, в связи с началом гражданской войны, Патриарх Тихон 2 Марта выпустил послание с призывом «к прекращению междуусобной брани». А 5 Апреля Собор принял определение « о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» с призывом к молитвенному поминовению всех за веру пострадавших и единению всех верных чад Церкви в их исповедническом подвиге.

Третья, заключительная сессия Собора продолжалась со 2 Июля до середины Сентября. Она проходила в условиях усиления антицерковной кампании. Были закрыты все специальные духовные учебные заведения и прекращено преподавание закона Божия в школе на частные средства. По местам продолжали происходить случаи глумления над святынями. Немало священнослужителей оказалось среди жертв начавшегося красного террора[17].

В это время Собор принимает ряд определений, имевших, как увидим ниже, принципиальное значение для всего дальнейшего хода церковной жизни.

8 Августа – об учреждении новых епархий и викариатств.

10 Августа – о местоблюстителе Патриаршего Престола (общее положение в отличие от чрезвычайного постановления от 25 Января 1918 г.).

13 Августа – о порядке избрания Святейшего Патриарха.

15 Августа – о возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по церковному суду.

Вместе с этим было принято определение о признании недействительным лишение сана по политическим мотивам, с применением этого определения в отношении митрополита Ростовского Арсения (Мациевича) и священника Григория Петрова.

26 Августа – о восстановлении дня памяти всех святых земли Российской.

3 Сентября – о порядке прославления святых к местному почитанию.

6 Сентября – о церковном имуществе и хозяйстве.

12 Сентября – об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания.

13 сентября – о монастырях и монашествующих.

Пришедшее в 1918 году к власти в Киеве правительство Центральной Рады объявило о независимости Украины (Украинской Державы). В связи с этим возникал вопрос об устройстве церковных дел на Украине. Раздавались даже голоса об украинской «автокефалии». Однако проходивший в Киеве Собор Украинской Церкви, сознавая ненормальность подобной возможности, в положении о временном высшем церковном управлении на Украине, принятом 9 Июля 1918 г., указал на каноническую связь Православной Церкви на Украине с Патриархом Всероссийским. Этим же Собором было также принято специальное постановление, которым «все постановления Всероссийского Церковного Собора и Святейшего Патриарха должны быть безусловно обязательны для всех епархий Украины»[18]. В свою очередь Всероссийский Поместный Собор 20 Сентября 1918 г. принял определение с утверждением Положения о церковном управлении на Украине, принятого ранее на Соборе в Киеве, и таким образом придающее ему каноническую силу.

В этот же день Собор принял Определение о созыве очередного Поместного Собора Русской Церкви весною 1921 года. Тогда же было принято Определение о привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения. Этим Определением сверх предоставленного Собором права женщинам участвовать в приходских собраниях и Советах, занимать

должности церковных старост, им также предоставлялось право участия в благочиннических и епархиальных собраниях, занимать должности во всех епархиальных просветительных, благотворительных, миссионерских и хозяйственных учреждениях. В исключительных случаях женщин разрешалось допускать к исполнению должности псаломщика.

Следует отметить, что в отделах Предсоборного Совета были также выработаны положения по следующим вопросам для включения в программу Собора:

– о клятвах Патриарха Антиохийского Макария и Московского Собора 1666–67 гг.[19]

– об иерархии Белокриницкой и Старокатолической.

– об упорядочении Богослужения.

– о Богослужебном языке

и т.д.

Таковы вкратце основные этапы Поместного Собора Русской Церкви 1917–18 гг. и тот исторический фон, который отразился на его деятельности. Теперь перейдем к рассмотрению его основных решений.

Примечания

1. *Осецкий А.А.* Поместный Собор. Пг. 1917. Сс.84–92.
2. Выборы членов Собора от епархий проходили следующим образом: на приходских собраниях тайным голосованием прихожанами избирались выборщики, участвовавшие затем в благочинническом избирательном собрании, где также закрытым голосованием из числа штатных клириков и выбранных мірян избирались члены епархиального собрания, из числа которых и избирались, опять-таки тайным голосованием, члены Собора в указанном выше составе. Таким образом, к участию в соборной деятельности были привлечены практически все преданные чада Церкви.
Для епархий Американской и Японской был определен состав представительства из трех человек: епископ, пресвитер и мірянин, такой же состав был определен для епархий и некоторых викариатств Закавказья.
3. Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви. ЦВ. 1917. № 29. Сс.211–217; Дн. Кн.1. Вып.1. М. 1918. Сс.12–18
4. Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви принят Св. Синодом 10–11 Августа 1917 г. № 4969. Глл.III, X–XII. Дн. Кн.1. М. 1918. Сс.39–41, 47–51; и гл.IV. Сс.66–67.
5. Для лучшего представления о вопросах, подлежавших решению Собора, приводим список Соборных отделов: 1. Уставный. 2. Высшее церковное уп-

равление. 3. Епархиальное управление. 4. Церковный суд (председ. архиеп. Сергий (Страгородский). 5. Благоустроение прихода. 6. Правовое положение Церкви в Государстве (председ. архиеп. Арсений (Стадницкий). 7. Богослужение, проповедничество и храмы (председ. архиеп. Евлогий (Георгиевский). 8. Церковная дисциплина (председ. митр. Киевский Владимір). 9. Внешняя и внутренняя миссия. 10. Единоверие и Старообрядчество (председ. архиеп. Антоний (Храповицкий). 11. Монастыри и монашество. 12. Духовные Академии. 13. Духовно-учебные заведения. 14. Церковно-приходские школы. 15. Преподавание Закона Божия (председ. архиеп. Кирилл (Смирнов). 16, Церковное имущество и хозяйство (председ. архиеп. Анастасий (Грибановский). 17. Правовое и имущественное положение духовенства. 18. Устройство Православной Церкви в Закавказье в связи с объявленной Грузинами автокефалии своей Церкви. 19. Библейский. 20. Издательский. 21. Личный состав. 22. Редакционный. 23. Совещания при Соборном Совете: I. Религиозно-просветительское (председ. архиеп. Анастасий (Грибановский). II. Хозяйственно-распорядительное. III. Юридическое. Дн. Кн.I. Вып.I. М. 1918. Сс.134–138.

6. Устав... Гл.V. Дн. Кн.I. Вып.I. С.42.

7. См. Список членов Священного Собора (по основаниям полномочий). Дн. Кн.I. Вып.I. Сс.97–133.

8. Здесь и далее хроника деятельности Собора приводится по «Церковным Ведомостям» за Август 1917 – Май 1918 гг. и Деяния... Кнн.I–X. Собр. опред. и пост. Выпп. 1–4. М. 1918.

9. ЦВ. 1918. №№ 3–4. Сс.13–18.

10. Например, см. Постановление Собора «По поводу угрожающей Родине братоубийственной войны». ЦВ. 1917. № 40–41. С.359–360.

11. *Евлогий, митроп.* «Путь моей жизни». Париж. 1947. С.212.

12. «Известия». 1918. № 16. 21 Января 1918.

13. См. Декрет СНК РСФСР об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. «Известия». 1918. №16. 21 Января; в сборнике «Государство и религия». Политиздат. М. 1975.

14. Характерные выступления в газ. «Известия» в этот период: «Воинствующая Церковь» (30 Января 1918); *В.Славский* «Мобилизация Церкви» (2 Февраля 1918); *С.Данилов* «Черное воинство» (6 Февраля 1918); *Р.Иванов* «Великий гнев или великое кощунство» (7 Февраля 1918).

Кроме того, начиная с 12 Января 1918 г. в «Известиях» (статья *М. Рейслер*) и др. советских газетах появлялись статьи в связи с готовящимся Декретом, выдержанные в резко антицерковном духе.

15. Новые мученики Российские. 1949. Ч.1. Сс.94–95.

16.ЦВ. 1918. № 3–4. С.20–22.

17. По неполным данным только за период с Июня 1918 – Января 1919 гг. было убито 469 представителей православного духовенства. Тобольск. епарх. вед. 1919. № 8,9. Сс.15–19.

18. Опред. и пост. Вып. 4. М. 1918. Сс.15–19.

19. Решение по этому вопросу было окончательно принято лишь на Поместном Соборе Русской Церкви 1971 года, отменившем клятвы Московского Собора 1666–67 гг. на старые обряды и держащихся их. Немалая работа в этом отношении была предпринята покойным митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом.

Глава 4

Основные определения Собора

Вопросы, касавшиеся структуры церковного управления, исследовались Собором, как отмечалось, долго и тщательно. Причём наиболее важные решения по этому вопросу были приняты уже на первой сессии. Своими решениями соборные деятели стремились способствовать развитию в Русской Церкви духа соборности, законодательно закрепить соборные начала церковного управления. Вместе с тем ещё в материалах Предсоборного присутствия четко был сформулирован вопрос о необходимости восстановления Патриаршества как традиционной для Русской Церкви формы церковного предстоятельства. Хотя эта идея разделялась большинством церковных деятелей, всё же раздавались голоса, выступавшие против неё[1]. Так, например, говорили, что Древняя Церковь не знала подобной формы управления. Однако оппоненты не учитывали того, что с численным и территориальным ростом Церкви епископам разных областей стало просто необходимо знать первого между собою[2], для поддержания той же соборности и единства. Также неоправданным было опасение, что наличие Патриарха будет сковывать инициативу епархиальных архиереев в деле церковного строительства в своих епархиях. Во всяком случае возрождаемое Патриаршество должно было избежать крайности авторитаризма (Патриарх в соответствии с древней церковной традицией и духом Евангелия (Мф.20:26; Лк.22:26) должен был быть лишь первым среди равных собратьев епископов), и в то же время, как выражение единства и соборности Церкви, оно должно было противостоять внешним давлениям на Ея внутреннюю жизнь и внесению в неё чуждых Ей элементов.

Соборные начала также должны были внедряться и в структуру управления епархиального. Сохраняя в неприкосновеннос-

ти богоустановленные права епископа, соборные решения предполагали более широкое вовлечение клира и прихожан в дело церковного строительства. В своей деятельности епископ теперь более опирался на епархиальные съезды, состоящие из клириков и мірян, епархиальные, благочинные и приходские советы. В целях достижения большей близости епископата с клиром и народом было решено расширять внутри крупных епархий сеть викариатств с предоставлением им прав полусамостоятельных епархий. Кроме того был подтвержден древнецерковный принцип выборности духовенства, как клира, так и епископата. Оценивая соборные определения по вопросам церковного управления, следует отметить их точное соответствие церковным канонам, духу и традиции Православия. В то же время Собор творчески подошёл к решению вопросов, вызванных спецификой условий русской церковной жизни данного периода. Так, вопреки сложившимся каноническим нормам Собор принял определение о т.н. чрезвычайном Местоблюстителе Патриаршего Престола, приблизившись при этом к практике Древней Церкви, когда в силу чрезвычайных обстоятельств епископы часто назначали себе преемников.

В целом основные определения, касавшиеся церковного управления, были сформулированы Собором следующим образом:

Высшее церковное управление

1. В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мірян.
2. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.
3. Патриарх является первым между равными ему епископами.
4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору[3].

Постоянными органами высшего церковного управления в период между созывами Поместного Собора становились Священный Синод и Высший Церковный Совет. Синоду принадлежала высшая судебная и исполнительная власть. Высший Церковный Совет образовался как совещательный орган при Синоде с правом выработки

и внесения в Cvнод своих рекомендаций, а также для общего руководства и координации церковно-общественной жизни[4].

Священный Cvнод состоит из Председателя – Патриарха и двенадцати членов: Киевского Митрополита как постоянного члена Cvнода, шести иерархов, избираемых Поместным Всероссийским Собором на три года, и пяти иерархов, вызываемых по очереди на один год[5].

Высший Церковный Совет. В его состав входят: Патриарх-Председатель и пятнадцать членов: три иерарха из состава Священного Cvнода, по его избранию, и по избранию Всероссийского Поместного Собора: один монах из монастырских иноков, пять клириков и шесть мірян. (Члены ВСЦ от клириков могут быть избираемы из пресвитеров, диаконов и псаломщиков)[6]. Дела в Священном Cvноде и Высшем Церковном Совете решаются общим согласием всех участвующих в заседании членов, или большинством голосов. При равенстве голосов голос Председателя дает перевес, при этом никто из присутствующих не может воздерживаться от голосования[7]. Священный Cvнод и Высший Церковный Совет, каждый в отдельности или совместно, по принадлежности, разрешают все недоразумения и вопросы, порожденные неясностью или неполнотою соборных определений[8]. Иными словами, им принадлежит право их толкования.

Права и обязанности Патриарха

Патриарх: а) имеет попечение о внутреннем и внешнем благосостоянии Российской Церкви, в потребных случаях предлагает о надлежащих для того мероприятиях Священному Cvноду или Высшему Церковному Совету и является представителем Церкви пред государственною властью;

б) созывает Поместные Соборы, согласно положению о них и председательствует на Соборах;

в) председательствует в Священном Cvноде, Высшем Церковном Совете и соединенном присутствии обоих учреждений;

г) представляет Собору отчеты о состоянии Российской Церкви за междусоборное время;

д) сносится с автокефальными Православными Церквями по вопросам церковной жизни во исполнение постановлений Всероссийского Церковного Собора или Священного Cvнода, а равно и от своего имени;

е) имеет долг печалования пред государственною властью;

з) обращается ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями;
и) преподает нарочитое благословение духовным и светским лицам за их полезную для Церкви деятельность;
к) имеет попечение о своевременном замещении епархиальных архиерейских кафедр;
л) имеет попечение о своевременном изготовлении и освящении св. мура для потребностей Российской Церкви. Примечание: за Киевским митрополитом сохраняется древнее право освящения св. мура.
м) разрешает отпуски архиереям из их епархий внутри и вне государства на срок более 14 дней и не свыше месяца;
н) дает архиереям братские советы как относительно личной их жизни, так и относительно исполнения ими архипастырского долга; в случае же невнимания к его советам, предлагает о том Священному Синоду;
о) пользуется правом посещения в потребных случаях всех епархий Российской Церкви (Апост.пр.34, Антиохийск.9);
п) принимает жалобы на архиереев и дат им надлежащий ход...
3. Имя Патриарха (взамен упоминания о Синоде) возносится за богослужением во всех храмах Российской Церкви[9].
5. Патриарх состоит епархиальным архиереем Патриаршей области.
9. Жалобы на Патриарха подаются в Священный Синод через старейшего из присутствующих в Синоде иерархов.
10. В случае нарушения Патриархом прав или обязанностей его служения вопрос о признании в его действиях наличности поводов, могущих повлечь за собою его ответственность, разрешаются соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Самое же предание его суду и суд над ним совершается Всероссийским Собором епископов с приглашением, по возможности, других Патриархов и предстоятелей автокефальных Церквей, причём как для предания суду, так и для обвинительного приговора требуется не менее 2/3 наличных голосов...[10]

В дополнение к приводимому выше определению, учитывая возможность различных внешних нестроений, уже на второй своей сессии, в закрытом заседании 7 Февраля 1918 года Собор постановил:

«на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей, предложить ему избрать нескольких блюстителей Патриаршего Престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему»[11]. Как мы потом увидим это соборное постановление о «чрезвычайном местоблюстительстве» сыграло решающую роль в деле устроения церковного во время предстоятельства митрополитов Петра, а затем Сергия.

Вместе с тем, на третьей сессии Собора было принято Определение о Местоблюстителе Патриаршего Престола (общее положение, в отличии от чрезвычайного постановления от 25.1 (7.II) 1918 г.).

Основные положения этого определения сводятся к следующему:

По освобождении Патриаршего Престола, под председательством старейшего члена Священного Синода в соединенном присутствии собирается Синод и Высший Церковный Совет для выборов тайным голосованием Местоблюстителя из числа присутствующих членов Синода. Местоблюститель созывает Собор для избрания Патриарха и председательствует на нём. В период междупатриаршества во всех храмах Российской Церкви возносится моление о Местоблюстителе и о Синоде[12].

Порядок избрания Святейшего Патриарха

Основные положения Соборного Определения о порядке избрания Святейшего Патриарха сводятся к следующему:

В трёхмесячный срок по освобождении Патриаршего Престола Местоблюститель созывает Собор, состоящий из епископов, клириков и мірян. Постановление о Соборе принимается на совместном заседании Синода и Высшего Церковного Совета, под председательством Местоблюстителя Патриаршего Престола. На Соборе тайным голосованием всех членов Собора в два этапа определяются три кандидата в Патриархи, после чего избрание совершается жребием. В случае единогласного избрания кандидата на Патриаршество избрание двух других кандидатов не производится. Кандидатами на Патриарший Престол могут быть каждый состоящий в иноческом чине архиерей и лица священного сана, удовлетворяющие каноническим требованиям, причём избранное в Патриархи лицо в священном сане, не состоящее в иночестве, обязывается прежде поставления в Патриархи принять иноческое пострижение[13].

Епархиальное управление

Некоторые пункты определения.

15. Епархиальный архиерей, по преемству власти святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мірян. 16. Предусматривает правила избрания епархиального архиерея клиром и мірянами епархии. В список кандидатов, кроме лиц, указанных Священным Cvнодом, также включаются и канонически им одобренные кандидаты, указанные епархией.

Примечание I к ст. 16 . В исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага Церковного, допускается назначение и перемещение архиереев высшею церковною властию.

17. Кандидаты в епархиальные архиереи из лиц, не имеющих епископского сана, избираются в возрасте не моложе 35 лет из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мірян, причём для тех и других обязательно облечение и рясофор, если они не принимают пострижения в монашество. Избираемый кандидат должен соответствовать высокому званию епископа по образованию, Богословским знаниям и нравственным качествам.

18. Архиерей пребывает на кафедре пожизненно и оставляет её только по церковному суду или по постановлению высшей церковной власти, в случаях, указанных выше в примеч. к ст. 16.

19. Архиерей пользуется, по Божественному полномочию, всею полнотою иерархической власти в делах веро- и -нравоучения, священнодействия и пастырского душепопечения.

22. Епархиальному архиерею принадлежит право канонического одобрения кандидатов на священно-церковно-служительские места – их избрание и назначение.

23. Без согласия епархиального архиерея ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь.

31. Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является Епархиальное собрание.

33. Епархиальные собрания созываются правящим архиереем: очередные – в срок, указанный предшествующим Епархиальным собранием, чрезвычайные – по усмотрению правящего архиерея или на основании заявления не менее одной трети благочинных округов епархии.

34. Епархиальные собрания состоят из представителей клира и мірян в равном числе избираемых на три года. Представители на Епархиальные собрания избираются окружными собраниями, состоящими из всех членов клира округа и такого же числа мірян, избираемых приходскими собраниями.
35. Членами Епархиального собрания не могут быть лица:
1) не исполнившие в течение года христианского долга исповеди и св. Причастия и 2) опороченные по суду церковному. Прослуживший свой срок депутат может быть избираем вновь. Не менее половины клириков должны быть в пресвитерском сане.
36. В Епархиальное собрание входят представители монашества и духовно-учебных заведений...
37. Епархиальное собрание а) избирает членов Епархиального Совета, членов Епархиального Суда и других должностных лиц и кандидатов к ним тех епархиальных учреждений, в уставах и положениях коих не имеется на сей предмет особых указаний; б) составляет правила и инструкции в развитие и применение общих правил и постановлений Православной Российской Церкви; в) рассматривает жалобы на все подчиненные Собранию епархиальные учреждения; г) наблюдает за течением епархиальной жизни; д) ревизует деятельность епархиальных учреждений.
47. Епархиальный Совет есть постоянно непрерывно действующее административно-исполнительное учреждение, состоящее из выборных членов, при содействии которого епархиальным архиереем производится управление епархией.
67. В каждом благочинническом округе действуют окружные Благочиннические собрания, которые являются в общем строе епархиальной жизни следующими после Епархиальных собраний административно-распорядительными органами.
68. Окружные Благочиннические собрания бывают: а) пастырские и б) общие.
77. Исполнительным органом Благочиннического собрания является Благочинный с состоящим при нем Благочинническим Советом.
78. Благочиннический Совет состоит из председателя – Благочинного, двух членов клира, из коих один должен быть в сане пресвитерском (он же и заместитель Благочинного), и двух мірян.

79. Избрание благочинного и членов Благочиннического Совета происходит на общем Благочинническом собрании закрытою баллотировкою... Благочинный избирается на пять лет, а члены Совета – на три года. Избранные утверждаются епархиальным архиереем.
84. На Благочиннический Совет возлагается:
а) общее руководство и наблюдение за порядком и правильным течением религиозной жизни и пастырской деятельности в приходах округа;
б) составление отчета о религиозно-нравственном состоянии приходов округа за истекший год;
г) составление финансовой сметы по всем учреждениям Благочиннического округа;
д) разрешение местных церковных расходов, кои, по приходскому уставу, требуют одобрения Благочиннического Совета;
и) рассмотрение жалоб и недоумений между причтами и прихожанами;
л) утверждение в должности церковных старост в бесспорных случаях и определения на место просфорен;
м) составление и поддержание благочиннических библиотек...[14]

Приход

Значительную часть времени перед закрытием зимней (второй) сессии Собор посвятил рассмотрению доклада о благоустроении прихода. Это был один из самых обширных докладов, какие приходилось рассматривать Собору, а вместе с тем один из самых важных. Поскольку применение принятого Cvнодом ещё в Июле 1917 г. Временного положения о приходе приводило в значительном ряде случаев к нестроениям в отношениях между приходскими Советами и причтами храмов в связи с предусмотренной Положением практикой выборности членов причта, то Собор своим Определением о мерах по прекращению нестроений в церковной жизни упорядочил эту практику, предоставив право избрания и назначения на священно-церковнослужительские места епархиальным архиереям, однако предписав последним принимать во внимание и тех кандидатов, о которых ходатайствует приход. Управление приходскими делами согласно Определению совершается под руководством епархиального епископа, настоятелем прихода совместно с другими членами причта, церковным старостою и при содействии прихожан. Совместное участие клира и содействие прихожан в управлении

приходскими делами осуществляется через приходское собрание и приходской совет. Членами приходского собрания могут быть члены причта и прихожане обоего пола, достигшие 25-летнего возраста. Приходские собрания предусматривается проводить не реже одного раза в полгода. Для ведения церковно-приходских дел и заведывания церковным имуществом собрание избирает приходской совет, куда по должности входят члены причта, староста, а также выборные из прихожан в количестве не меньшем числа членов причта, со сроком полномочий – три года. Председателем приходского совета является настоятель храма, заместителем председателя может быть избран и мірянин. Определение предусматривает меры к повышению религиозной активности прихожан, их вовлечению в общественно полезные мероприятия прихода[15].

Далее следует остановиться на некоторых решениях Поместного Собора, касающихся самих начал церковной жизни. Так, 15 Августа 1918 года Собор принял Определение о возможности восстановления в священном сане лиц, лишённых сана по суду. «Приговоры суда о лишении священного сана, призванные Высшим Церковным Судом неправильными по существу или по форме, – записано в Определении – подлежат пересмотру и могут быть отменены за признанием их недействительными». Далее лицам, лишенным сана до времени открытия Собора, предлагалось возбудить ходатайство о пересмотре состоявшихся о них приговоров[16]. Отметим, что под это определение подпадали дореволюционные дела по лишению сана не за собственно церковные преступления, когда эта мера предусматривается священными канонами, а по политическим мотивам, вследствие нарушения осужденными общеобязательной в то время церковной политики. Так это Определение было применено, например, в отношении митрополита Ростовского Арсения (Мациевича), незаконно, таким образом, лишённого сана и монашества ещё при Екатерине II за энергичный протест против отторжения монастырских земель и других действий тогдашнего Правительства, служивших подрыву Православной Церкви. Этим канонически закреплялась ликвидация тяжёлого наследия синодального периода. Отныне ни один церковный деятель или группа деятелей не могли заниматься той или иной политической деятельностью от имени Церкви, но лишь от своего собственного имени, избавляя, таким образом, Церковь от ответ-

ственности за ту или иную политику. Впрочем, на практике большевики всё-равно широко использовали принцип круговой поруки в расправах над верующими. Политическая нейтральность Церкви, уместная в Христианском Православном государстве, теперь обернулась идейной обезоруженностью и неспособностью клира защитить ни самих себя, ни паству. Следует, к сожалению, отметить, что ещё ранее (весной 1918 г.) Патриарх Тихон категорически отказался благословить Белое движение, а его выступления в защиту Церкви никогда не затрагивали советской власти как таковой формы государственного устройства. Но это не спасло Церковь от гонений.

Следует также особо отметить мероприятия Собора по активизации религиозной жизни прихожан. Так, Собор предпринимает шаги к новым прославлениям угодников Божиих, восстанавливает празднование памяти всех святых земли Российской, выступает с поддержкой народной инициативы на местах по прославлению святых к местному почитанию[17]. Церковь земная таинственно-неразрывно связана с небесной Церковью святых, эта связь – выражение Ея неизменного упования, она является важным фактором веры и благочестия Ея чад.

Отношение Священного Собора к политическим и общественным событиям в России

Деятельность Священного Собора совершалась в переломные месяцы истории России, определившие её путь на долгие десятилетия. Многие актуальные и насущные постановления Собора так и не были воплощены в жизнь, поскольку коренным образом расходились с целями и интересами большевистской власти, которая не останавливалась ни перед какими даже самыми жестокими и циничными методами в намерении прибрать под свой контроль все стороны жизни Русского народа.

Уже первые декреты советского правительства свидетельствовали о стремлении новой власти коренным образом изменить положение религии и Церкви в Российском государстве. «...26 Октября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов в Декрете о земле объявил о национализации церковных и монастырских земель... 2 Ноября 1917 года была опубликована «Декларация прав народов России», в которой объявлялось об отмене всех национально-религиозных привилегий и ограниче-

ний. 12 Ноября согласно декрету «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» духовенство потеряло все свои сословные преимущества. 11 Декабря 1917 года постановлением Совета Народных Комиссаров Республики из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению были переданы все учебные заведения, а затем специальным постановлением Наркомпроса во всех учебных заведениях отменялось преподавание церковных дисциплин и упразднялись должности законоучителей»[18].

16 Декабря 1917 года советским правительством был принят декрет «О расторжении брака», а два дня спустя появился декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Таким образом ещё за месяц до появления знаменитого декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» почти все его основные положения большевики уже объявили законом и начали энергично воплощать в жизнь. Они словно испытывали почву, до какой степени могут допустить радикальность своих решений относительно Церкви и религии. В те смутные дни конца 1917 года почти никто не принимал их всерьёз и не подозревал, что дерзкие фантазии самозванных властителей в самом деле станут законами, которые более семидесяти лет будут определять духовные права народов огромной страны.

Наших современников, анализирующих революционную эпоху с высоты исторического опыта и собственных знаний о последующих событиях, могут поразить политическая наивность участников Поместного Собора, продолжавших в обстановке большевистского хаоса и назревавшей Гражданской войны разрабатывать определение «О правовом положении Российской Православной Церкви», словно не замечая, что новая власть намерена уничтожить все права Церкви. Конечно, при большевиках не могло быть и речи о приоритетном положении в государстве Православной Церкви или любой другой религии, кроме марксизма. Но участники Собора и не признавали большевиков законной властью, ожидая созыва и решений Учредительного Собрания. Трагическая ошибка, совершенная всеми, кто «не замечал» большевиков в тот момент, когда они более всего нуждались в передышке, помогла последним укрепиться и перейти в дальнейшее наступление. Эти обстоятельства стали очевидными лишь впоследствии, после циничного разгона Учредительного Собрания,

расстрела мирной демонстрации в Петрограде и других событий. В конце же 1917 года коммунисты ещё не проявили себя в полной мере и выглядели «калифами на час». Участники Собора, вынося определения, рассчитывали на массовую поддержку Православных верующих, их преданность Православию и, следовательно, бойкот большевистскому законодательству. Уже несколько месяцев спустя Собор вынужден был с горечью признать, что атеистическая власть сильна не только убеждёнными безбожниками из «правящей партии», зачастую даже номинально не принадлежавшими к Православию, но и массовым отступничеством внутри Самой Церкви*.

Но вернемся в Декабрь 1917 года. Соборное определение «О правовом положении Православной Российской Церкви» было разработано в рамках Высочайшего Манифеста и Именного Высочайшего указа от 17 Апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», а также последующих законодательных актов царского времени, определявших правовое положение Православной Церкви сравнительно с другими существовавшими в стране религиями. В известной степени он был даже консервативнее императорских указов, что объясняется особенностями исторического момента, когда поляризация сил уже не оставляла места для компромиссных решений.

Как уже упоминалось, ни один из пунктов определения не был воплощён в жизнь, поскольку оно разрабатывалось совсем для иной власти. Тем не менее, большевики, видимо, познакомились и неплохо изучили этот документ. Опубликованный 23 Января 1918 года знаменитый декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» последовательно опровергал практически каждый пункт соборного определения, которое в иной ситуации могло бы сыграть важную роль в истории Русской Православной Церкви и всей России. Сравнение этих двух документов показывает не только определяющие особенности каждого из них, но и принципы составления декрета. Новая власть, формально пока не препятствуя деятельности Собора, дала понять, что не позволит воплотиться в жизнь ни одному из его глобальных решений.

Итак, сравним определения Собора и Декрета Совета Народных комиссаров.

** См. в Приложении определение Священного Собора «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни от 6(19) апреля 1918 г.*

Из определений Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви	Из Декрета Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства и школы от Церкви
1. Православная Российская Церковь... занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение.	1. Церковь отделяется от государства.
7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными.	3. Прим. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.
8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь.	2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы... устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.
11. Свобода исповедания..., равно и свобода православного богослужения ограждаются государственною властью.	5. Свободное исполнение религиозных обрядов обезпечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка...
12. Добровольный выход из Православия допускается не ранее достижения возраста, установленного для вступления в брак.	3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.
15. Церковное венчание по православному чину признается законною формой заключения брака. 17. Церковные метрические книги ведутся согласно государственным законам и имеют значение актов гражданского состояния.	8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений..
19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви.	9. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.
21. Священнослужители, монашествующие и штатные псаломщики свободны от воинской и других личных натуральных повинностей.	6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации или отобранию, а самые установления не могут быть упраздняемы без согласия церковной власти.	12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.
24. Православная Церковь получает из средств государственного казначейства по особой смете... ежегодные ассигнования в пределах её потребностей...	10. Все церковные и религиозные общества... не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» подвёл первые итоги большевистского законодательства в этой области и на все последующие годы существования советской власти определил позицию государства в отношении религии. В дальнейшем и этот закон показался советскому правительству слишком либеральным: из последующих постановлений были изъяты право «обучать и обучаться религии частным образом», и даже ограниченная судом возможность «замены одной гражданской обязанности другою». Надо ли говорить, что первыми нарушителями декрета стали его авторы. Хотя закон провозглашал свободу совести и равенство прав всех граждан, независимо от вероисповѣдания, в первые же месяцы его существования тысячи верующих подвергались жестоким гонениям. Как уже упоминалось, 25 Января 1918 года в Киево-Печерской Лавре был расстрелян митрополит Киевский и Галицкий Владимір. Жестокое и циничное убийство престарелого владыки, мирного, далёкого от политики человека, который меньше трёх месяцев назад в храме Христа Спасителя в Москве объявил об избрании митрополита Московского Тvхона Святейшим Патриархом, потрясло всех участников Собора. Собор решительно осудил произвол безбожной власти, приняв 5 (18) Апреля 1918 г. Определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь»*. Документ предусматривал молитвенные поминовения новомученников, ходатайство и помощь заключённым за религиозные убеждения, создание обществ и братств, союзов и содружеств для защиты интересов Церкви. Клирики и міряне поддержали решение Собора – к сожалению, не едино-

*Текст Определений приводится в Приложениях.

душно. Определение «О мероприятиях к прекращению нестроений церковной жизни» от 6 (19) Апреля 1918 г. свидетельствует, что безбожники находили вольную или невольную поддержку в самой Церкви. В документе упоминается «осквернение святых храмов прихожанами оных», «насильственное отобрание окрестными селениями имущества монастырей», «учинения... насилия над епархиальным епископом», самочинная смена монастырского начальства самими же монашествующими и другие невиданные деяния[19]. Против них Собор пытался бороться методами церковных взысканий, отлучения от сана и другими решительными способами морального воздействия. К сожалению, некоторые части Определения были объективно выгодны большевикам: например, пункт о коллективном наказании приходов, в которых провинилась «значительная группа прихожан». Теперь закрытие храма могло совершаться не только по решениям советской, но и церковной власти: достаточно было «значительной группе прихожан» заявить о своём неповиновении Церкви, устроить безчинство в храме или выступить инициаторами отобрания церковных владений. Вместе с тем, несмотря на столь ярко выраженную антирелигиозную политику Совнаркома, после переезда коммунистических главарей в Москву Церковное руководство попыталось вступить с ними в непосредственное общение.Так, 27 Марта в СНК пришла Соборная делегация, выразившая своё несогласие с Январским декретом. В ходе переговоров ей дали понять, что Совнарком не настаивает на толковании этого закона в худшую сторону, и последний может быть дополнен новым, более мягким декретом. Во втором заявлении Церковной стороны отмечались уже лишь наиболее неприемлемые пункты, вроде национализации всех Церковных имуществ. Управляющий делами СНК В.Д.Бонч-Бруевич дал обещание привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над законах о культах, но оно так и не было выполнено. Постепенно переговоры прекратились, не приведя к каким-либо положительным результатам[20]. А уже с Мая–Июня 1918 года были предприняты дальнейшие антицерковные шаги.

В Июле 1918 г. участников Собора поразило трагическое известие о расстреле низвергнутого Императора Николая II. Поскольку большевики не решились сообщить народу, что вместе с бывшим монархом была убита вся Его Семья, в том числе и

несовершеннолетние Дети, Их участь оставалась неизвестной. Среди обывателей ходили противоречивые слухи о спасении Семьи или одного из Её членов.

«Когда получилась горькая весть об убийстве Царской Семьи (5/18 Июля 1918 г.), то Патриарх тотчас же на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную, обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику Государя, Его убийство, после того, как Он отрёкся и не делал малейшей попытки вернуться к власти, является ничем неоправданным преступлением, а те, кто его совершили, должны быть заклеймены, как палачи. «Недостаточно только думать это, – добавил Патриарх – не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии не угрожали вам»[21].

В течении своей деятельности Собор отзывался на все существенные события общественной и политической жизни России. Вместе с тем, следует с сожалением отметить, что Определения Собора уже мало влияли на ход событий и преобладающее «общественное мнение». Было явно, что одними теоретическими указаниями Церковь не в состоянии защитить свои интересы и оградить паству от нашествия безбожников. Время дискуссий заканчивалось. Наступила пора открытого противостояния двух сил – эпоха гражданской войны.

Историческое значение Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. сыграл глобальную роль, как событие, завершившее и подведшее итог всему более чем 200-летнему Cунодальному периоду. Главным его решением стало восстановление Патриаршества и утверждение связанных с ним документов.

Несмотря на большую проделанную работу, результатом которой явилось принятие ряда определений по вопросам организации церковной жизни, имеющих для нашей Церкви принципиальное и непреходящее значение (их обзору и был посвящён настоящий раздел), Собор не мог пока решить одного из важных вопросов, касавшегося положения Церкви в условиях именно советского государства. Такое положение объясняется вполне объективными причинами. Во-первых, приступая ещё до Октябрь-

ского переворота к рассмотрению вопроса о правовом положении Православной Церкви в Российском государстве члены Собора, говоря о необходимости юридического закрепления Ея внутренней независимости в сфере религиозной деятельности и канонического устройства, исходили, однако, из опыта Ея почти двухтысячелетняго исторического бытия в России, в связи с чем рассматривая Её, «как великую историческую силу, создавшую Российское Государство»,[22] никак не могли предположить полного её отделения от последнего, имея в виду лишение с его стороны правовой защиты ряда её установлений и материальной поддержки её учреждений.

Во-вторых, уже советское законодательство о религиозных культах не было тогда ещё достаточно разработано, а применение Декрета об отделении Церкви от государства принимало на практике ещё более радикальный характер, чем в теории[23]. Но в дальнейшем, когда положение вещей начало проясняться, уже с 1923 года Русская Церковь стала всячески прилагать свои соборные усилия именно для разрешения вопроса о своём положении. Необходимо также отметить, что процесс подлинного обновления Русскаго Православия оказался прерванным в самом начале. Продлись Собор в 1919 году, Церковь бы несомненно продвинулась дальше по пути оздоровления собственного организма. Социальная же революция, в корне прервав процесс возрождения Церкви, постепенно ликвидировав процесс нормализации Ея жизни и дискредитировав саму идею реформаторства путём внедрения в 1920-е годы обновленчества, по сути стала своеобразной религиозной «контрреволюцией». Однако, даже то, что Собор успел совершить, является несомненным успехом Русской Церкви.

Примечания

1. См. *Осецкий А.А.* Поместный Собор. Пг. 1917. Сс.75–82.
2. Апост. пр. 34.
3. Определение по общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви (от 4/17 Ноября 1917 г.).
4. См. Определение о круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления. (8/21 Декабря 1917 г.). Опред. и Пост. Вып.1. М. 1918. Сс.12–16.
5. См. Определение о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете 7/20 Декабря 1917 г./ ст. 4–6. Опред. и пост. Вып.1. М. 1918. Сс.7-8.
6. См. Указ. опред. С.7.
7. См. Указ. опред. Сс.15–16.
8. См. Определение о круге дел... Раздел Г. Опред. и пост. вып.1. М. 1918, С.16.
9. Таковой порядок является особенностью Русской Церкви. В других Поместных Православных Церквах имя предстоятеля возносится за Богослужением лишь в епархии, правящим архиереем которой он состоит. В остальных епархиях возносится имя её правящего архиерея, и только сам архиерей во время великого входа за Литургией поминает имя предстоятеля всей Поместной Церкви.
10. Определение о правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России. 8/21 Декабря 1917 г. Опред. и пост. вып.1. М. 1918. Сс.4–6.
11. ЦВ. 1918. №№3–4. С.160.
12. См. Определение о Местоблюстителе Патриаршего Престола. (28 Июля/10 Августа 1918 г.). Опред. и пост. Вып. 4. М. 1918. Сс.7–8.
13. См. Определение о порядке избрания Святейшего Патриарха (31 Июля/23 Августа 1918 г.) Опред. и пост. Вып. 4. М. 1918, Сс.3–6.
14. Определение об епархиальном управлении (1/14/, 7/20/, 9/22/ Февраля 1918 г.). Опред. и пост. Вып.1. М. 1918. Сс.17–33.
15. По публ. в Орловск. епарх. вед. 1918. №10, Сс.232–235.
16. Определение о возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по суду. (2/15 Августа 1918 г.). Опред. и пост. Вып. 4. М., 1918. С.45.
17. См. Опред. и пост. Вып. 4. М. 1918. С.25–27.
18. *Р.Ю. Плаксин.* Тихоновщина и ея крах. Л. 1987. С.58.
19. Богословский вестник. 1993. Номер первый. Выпуск второй. Сс.216–218.
20. РГИА. Ф.833. Оп.1. Д.56. Лл.23–25.
21. Новые мученики Российские. Ч.1.1949. С.96.
22. Опред. о правовом положении Православной Российской Церкви в Российском Государстве (7/20 Декабря 1917 г.). ст. 2. Опред. и пост. Вып. 2. М. 1918. С.6.
23. Советский исследователь В.Ф. Зыбковец указывает, например, по этому поводу: «Отсутствие единой инструкции о проведении в жизнь Декрета от 20 Января 1918 года создавало условия для административной самодеятельности на местах». В действительности большевики и не стремились к упорядочению собственного произвола, считая выгодной для себя политику безконтрольных репрессий и запугивания верующих. *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). Изд. «Наука». М. 1975. С.55.

Глава 5

Патриарх Московский и всея Руси Тихон и эпоха Гражданской войны

1. Сведения о жизни Патриарха Тихона до 1917 года.

По произволению Божию, восстановление Патриаршества произошло не в период расцвета Российской Империи, когда Патриарший Престол для многих символизировал власть, почести, высокое положение в обществе. К Церкви вернулось Ея исконное право во времена, когда цинично и безпощадно попирались любые права, когда прежде завидный удел Патриарха теперь означал путь мученичества, страданий, горького безсилия перед невиданным произволом, боли за отпавших и безконечной ответственности за свою измученную, раздираемую Гражданской войной, погибающую Родину. Эту горькую чашу и пришлось пригубить Российскому Патриарху Тихону.

Патриарх Тихон (в міру Василий Иванович Беллавин) родился 19(31) Января 1865 года в городе Торопце (тогда Псковской губернии, ныне Тверской области), где отец его всю жизнь прослужил священником. «Город этот тем замечателен, что похож на Москву необычайным обилием Церквей; в маленьком городке Церкви на каждом шагу, все старинные и довольно красивые. Есть в нём и местная святыня, древняя Корсунская икона Божией Матери, известная в русских летописях с самых первых времён христианства на Руси. Жизнь там была крайне патриархальная, со многими чертами старинного русского быта: ведь ближайшая железная дорога была тогда верстах в 200 от Торопца»[1]. Василий Беллавин прошёл путь обычный для детей тогдашнего духовенства. Сначала он поступил в Торопецкое духовное училище, затем – в Псковскую Духовную Семинарию. Интересно отметить, что за молчаливый и кроткий нрав

семинарские товарищи прозвали юного Василия «Патриархом»[2]. Он отличался спокойной, не демонстративной религиозностью и, будучи одним из лучших учеников, охотно помогал всем, кто обращался к нему с просьбами проверить письменную работу или объяснить непонятный урок. Окончив семинарию в числе первых, Василий Беллавин поступает в Санкт-Петербуржскую Духовную Академию, которую заканчивает в 1888 году со степенью кандидата Богословия.

«И в Академии, как и в Семинарии студент Беллавин был всеобщим любимцем. Это особенно сказалось, когда ректор Академии епископ Антоний, впоследствии митрополит Петербуржский, сменил за неблагонадежность выбранного студентами библиотекаря. Студенты запротестовали и никого не хотели избирать, кроме уволенного начальством. А библиотека была студенческая, содержавшаяся на средства, добываемые студентами, и должность библиотекаря – выборная. Тогда ректор Академии назначил своей властью библиотекарем В.И. Беллавина. Популярность его среди студентов была так велика, что никто не стал протестовать против нарушения студенческих прав»[3].

По окончании Академии Беллавин получил назначение в родную ему Псковскую Семинарию, где преподавал сначала французский язык, а затем также догматическое, нравственное и основное Богословие. В 1891 году молодой преподаватель подал Архиерею прошение о принятии монашества и в Ноябре принял постриг с именем Тихон в честь святителя Тихона Задонского, епископа Воронежского. 22 Декабря того же года он был рукоположен во иеромонаха. В Марте 1892 года иеромонаха Тихона назначили инспектором Холмской Духовной Семинарии (Варшавская епархия), а в том же году в Июле он был переведен в Казань на должность ректора Семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1894 г. снова последовал перевод в Холм на должность ректора Семинарии. Одновременно его назначили благочинным монастырей Варшавской епархии. 14 Октября 1897 года последовала хиротония Тихона во епископа Люблинского. В 1898 году он был назначен епископом Алеутским и Аляскинским (с 1900 г. – Алеутский и Североамериканский).

На новое служение в далёких краях молодой архиерей уезжал вместе со своим младшим братом, болезненным юношей, прожившим в Америке недолго. Его тело перевезено и захоронено на Родине – в родном Торопце.

В Америке преосвященный Тихон нёс миссионерское служение 8 лет.

> «Новая епархия представляла собой суровый дикий край, ещё недавно бывший частью Российской Империи. На много вёрст друг от друга стояли в этой ледяной пустыне глухие селения, добраться до которых уже было равнозначно подвигу. Но в Кадьяке, Кенае, Уналашке алеуты, креолы, кенарцы, даже не зная русского языка, прекрасно пели воскресные стихиры, песнопения Божественной литургии, содержали в чистоте свои бедные храмы и неизменно спрашивали приезжих, хоть уже три десятилетия числились гражданами США: «Как поживает наша Москва? Не холодно там сейчас?»[4]

При вступлении на Алеутско-Аляскинскую кафедру новый епископ Тихон сказал:

> «Доселе мы были чужды друг другу и не ведали один другого. Отныне самим Господом мы становимся в тесную связь, на взаимные отношения Епископа к пастве и паствы к Епископу. В святоотеческих писаниях отношения эти приравниваются к брачным и Епископ считается женихом, а паства – невестою его. И как муж любит свою жену до того, что оставляет отца своего и матерь и прилепляется к жене, сродняется и сживается с нею, так и Епископ должен возлюбить свою паству; и как жена повинуется мужу, так и паства должна повиноваться своему Епископу. Понимая так отношения Епископа к пасомым и будучи обручён алеутской пастве, я покинул любезную Родину, свою престарелую мать, близких и знаемых мне, милых сердцу моему и отправился в страну далекую к вам, людям мне неведомым, для того, чтобы вы отныне стали моим народом и моими возлюбленными»[5].

Сказанное Епископом Тихоном не было пустыми словами. С первых дней служения в новой епархии он самоотверженно трудился, стремясь не только удовлетворять духовные нужды своей паствы, но и преумножить её, распространяя Православие среди коренных и пришлых народов Америки. Это было непросто, учитывая отдалённость епархии, трудные климатические условия и другие обстоятельства, в том числе и неизбежность «соперничества» с протестантскими миссионерами, которые, будучи «хозяевами» в Соединенных Штатах Америки (этой, главным образом, протестантской

стране) имели преимущества перед Православными пастырями. Однако, это не смутило Епископа Тихона, и он активно занялся насущными преобразованиями в своей епархии. Так, для активизации религиозной жизни Епископ Тихон перенес свою кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк – крупнейший культурный и религиозный центр Северной Америки, куда в те времена стекалась основная масса многочисленных переселенцев из Европы и Ближнего Востока, среди которых было немало и Православных. Там его стараниями был выстроен великолепный кафедральный Свято-Николаевский собор. Кроме того, он постоянно заботился о распространении Православия среди Американцев, и с этой целью предпринял труды по переводу Божественной литургии и других Богослужебных последований на английский язык. В разных уголках Соединённых Штатов и Канады им были открыты десятки новых храмов. Для укрепления Православия и подготовки пастырей из числа американских граждан им были созданы духовное училище в Кливленде и Духовная Семинария в Миннеаполисе (впоследствии получившая имя Св. Владиміра и с 1938 г. находящаяся в Нью-Йорке), которая в настоящее время является одной из ведущих Православных высших духовных школ. В г.Скрэнтоне (штат Пенсильвания) им был основан Свято-Тихонов-
ский монастырь, при котором устроена школа-приют для сирот. Неся своё архипастырское попечение, Преосвященный Тихон изъездил вдоль и поперек почти всю Северную Америку. Ему были близки духовные запросы не только переселенцев из России и давних чад Русской Церкви – алеутов, но и галичан, буковинцев, румын, болгар, сербов, греков и православных арабов, переселенцев из Сирии и Ливана. Для последних в 1904 году им было открыто специальное викариатство, насчитывавшее несколько десятков приходов. Благодаря его заботам многие карпаторусы (переселенцы из Галиции и Закарпатья) вернулись из униатства в лоно Православной Церкви. Нужно признать, что трудами Преосвященного Тихона американское Православие получило мощный толчок для своего дальнейшего развития; Тихоном же были во многом определены и его последующие пути, выражением чего явился Первый собор Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке (так стала на нём именоваться Алеутская и Северо-Американская епархия) в г. Майфилде в Январе 1907 года. По словам видного историка Русской Церкви митрополита Мануила

(Лемешевского), «в его (Тихона) правление Православной Церковью в Америке все (имеются в виду православные переселенцы из разных стран – *авт.*) были объединены общностью положений, интересов, чувств, мыслей; по всей миссии господствовало блаженство мира, согласия, любви и дружбы. Был один архипастырь и одно стадо»[6]. Следует также отметить известность и уважение, которыми пользовался Преосвященный Тихон в кругах американской религиозной общественности. За понесённые архипастырские труды, и учитывая численный рост Американской епархии, имевшей к тому времени, кроме правящего архиерея двух викарных епископов, более сотни приходов, 113 приходских школ и более 400 тысяч верующих, издававшей 4 журнала, Преосвященный Тихон 5 Мая 1905 года был возведен в сан архиепископа.

В начале 1907 года последовал его перевод в Россию на древнюю кафедру Ярославскую и Ростовскую.

Прощаясь со своей паствой в кафедральном Свято-Николаевском соборе, владыка сказал:

> «...Простите отцы и братие святого храма сего, близкие мне не только по духу, но и по совместным нашим молитвам, трудам и жительству! Прости и ты, остальная моя паства, разбросанная по обширному лицу земли сея! Простите все вы, в пустынях скитающиеся и в горах, и в пропастях земных работающие, и на островах сущие в море далече!
> Прости и ты, храм мой кафедральный. Дорог и близок ты мне. Во время моего святительствования ты был создан, при мне же благоукрашен и при мне сделан кафедральным. Быть может, для иных, видавших великолепные и обширные храмы в России, ты и кажешься малым и бедным и не блещешь золотом и серебром и камнями самоцветными, как те храмы. Но для Русских Православных людей, долгое время страдавших здесь без храма, ты являешься драгоценным сокровищем, и радуются они, что имеют тебя, как радовались евреи, возвратившиеся из плена Вавилонского, при построении второго храма, хотя он и был беднее Соломонова.
> ...Прости и ты, страна сия! Для одних из нас ты являешься Отечеством, Родиною, для других ты дала приют, работу и достаток, иные на твоей вольной земле получили свободу исповедывать правую веру. Бог говорил в древности через пророка: «Заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и

молитесь за него, ибо при благосостоянии его и вам будет мир» (Иер. 29,7).
Так и мы молимся Господу, чтобы Он послал стране сей изобилие плодов земных, благорастворение воздухов, дожди и ветры благовременны и сохранил её от труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников и междуусобной брани.
Да будут же благословлены страна сия, и град сей, и храм, и на всех вас да почиет благословение Господне благодатию и человеколюбием всегда, и ныне и присно и во веки веков. Аминь»[7].

Благословляя оставляемую Американскую землю, архиепископ Тихон не мог знать, что пройдет всего 10–15 лет – и тысячи русских православных беженцев, нашедших приют в США, заполнят построенные им храмы, вознося молитвы о своей страдающей Родине, гонимой безбожниками Церкви и её Патриархе.

В Ярославле, так же как и в Америке, Преосвященный Тихон был близок к духовенству и пастве, платившим ему горячей любовью.

Характеризуя архипастырское служение архиепископа Тихона в Ярославле исследователь современной истории Русской Церкви А.В. Ведёрников писал: «Хорошо известно, что Преосвященный Тихон рассматривал свою епархию не как объект для архиерейского администрирования, а как свою духовную семью, о которой он должен иметь отеческое попечение. С этой целью он очень часто объезжал приходы Ярославской епархии (коих тогда было 841, всего же вместе с монастырскими, военными и домовыми церквей в Ярославской епархии было – 1086 – *авт.*) и за семь лет посетил их все до одного, притом многие не однажды.

При объездах он лично знакомился с приходским духовенством, с его деятельностью и поведением, узнавал семейное и материальное положение каждого причта, входил во все подробности приходской жизни и через то уяснял себе характер и наклонности каждого пастыря и церковнослужителя.

Прибывая в тот или иной приход, Преосвященный Тихон запросто останавливался у настоятеля, посещал семьи других членов причта и, можно сказать, входил в самую гущу их повседневной жизни. Рассказывали, что он всегда интересовался семейными альбомами, потому что фотографии родных и знакомых хозяина часто раскрывали его внутренний мір с самой неожиданной стороны.

Так каждый священник и церковнослужитель епархии, в окружении своих семейных и близких людей, входили в богатую память Преосвященного Тихона и становились предметом его отеческой любви и заботы. Через то он знал церковную жизнь епархии в таких подробностях, которые позволяли ему принимать в нужных случаях самые целесообразные и полезные решения.

Известно, например, его обращение к ярославской пастве с таким предложением:

> 1) анонимных писем-доносов ему не присылать, ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут читаться им;
> 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, но не состоят кавалерами оных);
> 3) при представлениях не делать ему земных поклонов (ЦВ. 1907. №28).

Во время поездок по епархии Преосвященный Тихон однажды усмотрел, что в некоторых церквах проскомидийные деньги кладутся прямо на жертвенник. Чтобы в дальнейшем избежать такого неблагоговейного отношения к священному месту, он предписал завести по церквам епархии особые кружки, специально предназначенные для проскомидийных денег (ЦВ. 1907. №30).

Ещё более показательным для архипастырского духа Преосвященного Тихона явилось его распоряжение о ставленниках, приезжавших в Ярославль для рукоположения. Он предписал им не привозить с собой жён и останавливаться либо в Спасском монастыре, либо у родных и близких знакомых, но не в гостиницах, где обстановка не способствует духовной сосредоточенности и молитвенному настроению, столь необходимым при рукоположении (ЦВ. 1907. №35).

Все свои распоряжения и воспитательные мероприятия Преосвященный Тихон проводил с необыкновенным тактом, не допускавшим никаких резких выпадов против виновных. Однако отношение к ним не являлось выражением излишней мягкости. Напротив, он был твёрд и неподкупно справедлив, но свою твёрдость он осуществлял в отеческом терпении и благожелательности к подчинённым.

Всеобщая любовь к архиепископу Тихону увеличивалась из-за его безпримерной доступности и для духовенства и для мірян. Он не уставал оказывать самое трогательное внимание каждой просьбе и всякой нужде, пленяя сердца своей исключительной добротой и

учтивостью. Его внимание к подчиненным простиралось даже до того, что он записывал себе на память даты их именин, чтобы затем аккуратно высылать им письменные поздравления»[8].

Незабываемым событием для жителей Ярославской земли стало торжественное празднование 300-летия Дома Романовых в Мае 1913 года, когда Императорская чета с Детьми – Наследником Цесаревичем Алексеем и Великими Княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией – посетили Ярославль и Ростов. 21 Мая 1913 г. в Успенском соборе Ярославля Архиепископ Тихон обратился к Императору России Николаю II с приветственным словом:

«Благочестивейший Государь.
Не смолкли ещё радостные пасхальные песни и «празднует вся тварь восстание Христово», а у нас «приспе день нарочитаго светлаго торжества», и град Ярославль радуется и ликует: «Се грядет в онь Царь Праведный, – кроткий и спасающий» (Зах. 9.9), грядет в знаменательные дни, когда вся Россия празднует трехсотлетие воцарения Дома Романовых.
Триста лет тому назад Промысел Божий судил граду Ярославлю иметь важное благодетельное значение в судьбах нашего Отечества. В смутное время здесь окончательно сформировалось и отсюда двинулось для освобождения Москвы от Поляков знаменитое ополчение Минина и Пожарского. В Ярославле действовало тогдашнее Временное Правительство. Сюда же направился из Костромы и Царь Михаил Феодорович, по избрании своём на Царство, и пробыл здесь в древней обители Боголепного Преображения Господня двадцать шесть дней. Отсюда были отправлены Его первые царские грамоты и отдавались Им первые распоряжения по государственным делам. Здесь, в тиши настоятельских келий, зарождались в душе юного Царя планы и думы о счастии и благоденствии Русского Народа и в благодатной атмосфере монастырского строя полагалось начало благоплодному союзу Церкви Православной и Царей из Дома Романовых.
Понятно, как велика была радость ярославцев при встрече юного Царя, положившего конец тогдашнему «безгосударственному времени». Летописец свидетельствует, что при встрече Царя Михаила Феодоровича ярославцы «от радости не можаху промолвити в сле-

зах». И эти чистые слёзы любви и преданности Царскому Дому Романовых ярославцы передавали своим потомкам из рода в род до наших дней. Подобно предкам нашим и мы со слезами радости встречаем Тебя днесь, Благочестивейший Самодержавный Государь, с Августейшею Твоею Семьею и от всей души молим Господа, да исполнит Он и Твоё сердце радостью Отца о нас – чадах Твоих – веселящегося, да умножит дни живота Твоего и во всяком благоспешествии да сохранит вхождение Твое и исхождение во грады и веси ярославской земли.
Благословен Грядый во имя Господне!»[9]

Когда всего лишь четыре года спустя он подписывал приветствие Временному правительству, выражая радость по поводу свержения Самодержавия, или на Руси в страшные дни Красного террора лета 1918 года, когда с далёкого Урала в Москву долетела весть о расстреле Императора, вспоминал ли Патриарх тот солнечный майский день, празднично одетых горожан, с ликованием приветствовавших Царскую Семью, и думал ли, где сейчас эти люди, и почему Государь, имевший в дни юбилейных торжеств миллионы подданных, в Свой смертный час остался практически один, почему только несколько человек из всей огромной Империи сохранили Ему верность до конца?

В Декабре 1913 года из-за трений с ярославским губернатором архиепископ Тихон был переведен в Вильно на кафедру архиепископов Литовских. Здесь застала его Первая Міровая война. В связи с перемещением линии фронта на восток и последовавшей затем немецкой оккупацией Литвы и эвакуацией Русского населения, Синод предписывает архиепископу Тихону переехать в Петроград, где на Ярославском подворье он и жил с начала 1915 года. Тогда же им был предпринят перевод Виленских святынь, в том числе мощей святых мучеников Виленских, в Москву. В 1916 году он награждается бриллиантовым крестом для ношения на клобуке[10].

В первые дни Февральской революции архиепископ Тихон оказался в числе иерархов, подписавший известное обращение Св. Синода, где одобрялось свержение Императора. 19 Июня 1917 года на съезде духовенства и мірян Московской епархии архиепископ Литовский Тихон был избран митрополитом Московским и Коломенским.

2. *Личность Патриарха Тихона*

Фигура в целом положительная, он, однако, как и большинство современных ему собратьев, не относился к числу патриотических приверженцев Царского Престола, что, собственно, и выразилось не только в приветствии Февральской революции, но и в дальнейшей политической непоследовательности, отрицательно сказавшейся в его высоком Патриаршем служении. Вместе с тем, в воспоминаниях современников Святитель Тихон Патриарх Московский и всея России остался прежде всего как пастырь, горячо любивший свое стадо, преданный ему, знавший «своих овец по имени» (Ин. 10.3). Таким он был и являясь наставником в духовных школах, и на епископском служении в Америке и в Ярославле, и на Всероссийском Патриаршем Престоле. Уже избранный Патриархом, он оставался доступным и близким к собратьям – и епископам, и клирикам, и простым верующим. В отношениях с людьми, какое бы положение они не занимали, его отличали простота и сердечность. Ему были свойственны неизменный мягкий юмор, бодрость духа и христианский оптимизм, не покидавшие его даже в самые тяжёлые для него моменты, и которые он умел вселять в окружающих. Он не был известен как ученый Богослов или церковный публицист, однако в своей жизни и служении он сумел воплотить высокие евангельские примеры и апостольские наставления, проявляя при этом широту Богословского мышления. И потому его живое свидетельство веры заняло достойное место в сокровищнице русской духовности. А его простое и сердечное слово всегда доходило до глубин человеческой души. Поднимаясь по иерархическим ступеням, он неизменно оставался верен духу соборности, при каждом своём действии внимательно прислушиваясь к голосу Церкви. Любому человеку, тем более находящемуся на ответственном служении, практически невозможно избежать ошибок. Случались они и у Патриарха Тихона. Однако, оценивая свои поступки сознанием церковным, он находил смирение и мужество признавать их и исправлять ошибки. Последнее ещё более увеличивало его авторитет Первосвятителя. Так было в 1923 году, когда он отменил не принятый Церковью переход церковного календаря на новый стиль, действовавший лишь в течение немногим более двух месяцев. Так было и в 1924 году, когда он, следуя общецерковному мнению, отказался от всяких, начатых под давлением ОГПУ, переговоров с искавшими с ним при-

мирения обновленцами – «живоцерковниками». Святитель Тихон особенно любил совершать Богослужения. Будучи Патриархом, он старался служить как можно чаще в разных московских приходах. Его службы отличались особым молитвенным подъемом и собирали множество богомольцев. Вокруг Патриарха Тихона всегда было много молодежи, которая неизменно находила в нем заботливого наставника. В его внешнем облике удивительно сочетались простота и величественность. Несмотря на почти семь десятилетий замалчивания и клеветы, в народной памяти он сохранился как один из любимейших русских первосвятителей.

3. Первые годы Патриаршества (1917–1920 гг.)

Ноябрь 1917 года. Россия находилась на переломе. Произошёл перелом и в деятельности Поместного Собора. Время дискуссий кончилось, надо было принимать решения. Перед лицом предстоящих испытаний происходило сплочение церковных рядов. Соборные деятели, поначалу разбившиеся на спорящие группы, ныне единомысленно соединялись в общей ответственности за устроение церковных дел. Выражением этого единения явилось восстановление Патриаршества. Независимо от своих взглядов, все особенно ясно стали сознавать необходимость в Патриархе – первом среди равных епископе страны, хранителе единства Церкви и выразителе Ея соборного сознания.

5/19 Ноября 1917 года состоялись выборы Патриарха. Очевидцы вспоминают, с каким трепетом и волнением ожидали члены Собора и несметные толпы верующего народа, собравшиеся в этот день в храме Христа Спасителя, вести об избрании предстоятеля Церкви Российской. И вот в глубокой тишине, по совершении молитвы, старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексий вынимает из ковчежца жребий – записку с именем Московского митрополита Тихона. Так Промысел Божий судил этому ревностному пастырю и смиренному деятелю на ниве Христовой быть первосвятителем Русской Церкви в один из самых сложных для Неё периодов. Когда депутация Собора во главе с митрополитом Петроградским Вениамином явилась на Троицкое подворье (резиденция Московских митрополитов) к митрополиту Тихону с сообщением о его избрании на Всероссийское Патриаршество, то, отвечая на её приветствие, он сравнил принесённый ему акт об избрании со свитком. данным пророку Иезекиилю, на ко-

тором было написано: «Плач, и стон, и горе» (Иез.2:10). И далее, сравнивая своё предстоящее служение со служением пророков древнего Израиля, он указал как на сложность переживаемого Церковью момента, так и на непосильность предстоявшего ему подвига для одного человека[11].

21 Ноября 1917 года в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация Патриарха Тихона. По окончании Божественной литургии два первенствующие митрополита при пении «аксиос» («достоин») трижды возвели Первоиерарха Русской Церкви на Патриарший трон и облачили его в мантию и белый клобук Патриарха Никона. Здесь следует обратить внимание, что не смотря на то, что к 1917 году целый ряд выдающихся церковных учёных уже успели публично выступить с фундаментальными трудами, показывавшими всю гибельность, авантюрность и практическую несостоятельность реформ низложенного в 1666-м году Патриарха Никона, всё же на Поместном Соборе РПЦ предполагался к рассмотрению вопрос о его канонизации.

Итак, когда митрополит Владимір вручил ему с приветственным словом жезл Святителя Петра, митрополита Московского, Патриарх обратился ко всем собравшимся с трогательной речью:

«Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей соборный Патриарший храм Пречистыя Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе (Отроковицу) в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божию наущению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на Патриаршее место, после того как оно свыше двухсот лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мір не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостоинство, писал:

«Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по

отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многаго для сего мне недостаёт. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвёл и отличил меня?... Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. «Горохищное обрет овча, архипастырь подъемлет е на рамена своя». Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих – слышится тихое веяние словес Твоих. Ещё семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному (3 Цар. 19,14,18). И Господь как бы говорит мне так: «Иди разыщи тех, ради коих ещё стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец поистине жалких. Паси их и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятые Богородицы и Святителей Московских. Бог да благословит нас благодатию Своею. Аминь»[12].

Со смирением приняв тяжесть предстоящего служения и в дальнейшем, по прежнему полагаясь во всём на волю Божию, Патриарх Тихон старался не предпринимать действий, не посоветовавшись с собратьями епископами и всегда сохранял близость с клириками и рядовыми верующими. Его выступления воспринимались всеми как голос самой Церкви. В то же время русское церковное общество неизменно видело в нем своего

обще-признанного и любимого вождя. В обстановке политической смуты, шатаний, гражданского разделения православные люди остро нуждались в духовно сильной личности, способной сплотить нацию, и ждали от Патриарха больше, чем он мог дать.

Первый год Патриаршества Святейшего Тихона почти совпал с продолжением работ Поместного Собора. Здесь следует остановиться лишь на одном их аспекте – взаимоотношениях Патриарха и Собора. В связи с этим интересно отметить, что в первое время после интронизации, когда Собору предстояло принять ряд важных определений о высшем церковном управлении, Патриарх почти не появлялся на его заседаниях. Они проходили под председательством митрополита Новгородского Арсения[13]. Таким образом, давая Собору свободно сформулировать свое мнение по этим вопросам, Патриарх Тихон рассеял прежние опасения авторитаризма, который, якобы, может внести Патриаршество в деятельность Собора и во всё церковное управление. В то же время – те действия и выступления, которые Святейший Тихон должен был предпринимать как Предстоятель Церкви, неизменно находили единодушную поддержку Собора. В них видели самоотверженные усилия Патриарха, направленные к благу всей Церкви, они служили выражением церковной совести.

В служении Святейшего Тихона в первый год его Патриаршества следует отметить ещё один момент. Он использовал любую возможность, чтобы совершать Богослужения в московских храмах. Особенно часто в 1918 году ему пришлось служить в приходах Пресни – рабочего района Москвы, куда он выезжал по просьбам прихожан[14]. В этом же году ему довелось совершить посещение других городов: Петрограда, Ярославля, Ростова Великого и Иваново-Вознесенска, где местное население и духовенство неизменно оказывали ему самый горячий приём[15].

В Январе 1918 года, протестуя против большевистских безчинств, арестов и расстрелов ни в чем не повинных людей – священнослужителей и мірян, глумления над святынями, по всей стране с благословения Патриарха двинулись крестные ходы. Мирные выступления, сам вид многотысячных толп, в которые войска отказывались стрелять и которые было невозможно остановить или запретить, испугали новую власть больше, чем военное сопротивление – в то время ещё довольно слабое. Казалось бы, сами обстоятельства направляли Святейшего Патриарха к повторению подвига своего святого собрата Патриарха Гермогена. Однако,

Патриарх Тихон не воспользовался ситуацией для более решительных действий.

Е.М. Писарева, проживавшая в Тюмени в конце 1917 – начале 1918 гг. вместе с бывшим главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, писала в своём дневнике:

> «30.1 Сегодня Г(еоргий) прочёл в газетах от 23.1 про грандиозную демонстрацию в Петрограде по поводу разгрома большевиками Алек(сандро)-Нев(ской) Лавры. Крестный ход из Лавры направился к Казанскому собору, к нему примыкали крест(ные) ходы из других Церквей. Весь Невский от Лавры до Казанского собора был заполнен народом, было около 300 тысяч человек, в толпе были рабочие и замечались и солдаты. Когда крестный ход и толпа остановилась около собора, из толпы кто-то крикнул: «Христос Воскресе», толпа подхватила и в каком-то восторженном порыве запела воскресный канон, было громадное воодушевление. Наряду с этим, в той же газете, напечатан декрет об отделении Церкви от государства и о том, что церкви принадлежат народу. Этим широко открывают двери церквей для кощунственных грабежей и захвата святынь... Большевики испугались такой демонстрации и уже на следующий день появились разные заметки в газетах, в которых они стараются смягчить и объяснить происшедшее в Лавре»[16].

Действительно, в ходе столкновения вернаго народа с красногвардейцами 19 Января и общегородского крестного хода 21 Января, намеченныя к реквизиции жилыя помещения Лавры удалось отстоять[17]. Но это была, пожалуй, единственная безусловная победа Патриархии над Совнаркомом.

Крестные ходы прошли не только в революционном Петрограде. Например, в Сибири епископ Тобольский Гермоген «благословил на крестный ход и Тобольск. Накануне Владыке пришли приказать, чтобы никакого крестного хода не было или Владыку арестуют. Все знали, что крестный ход запрещён. Но загудели колокола, и Владыка с духовенством, под хоругвями и крестами, вышел из собора. Крестный ход совершился. Громадные толпы народа потекли вдоль стены, вокруг Тобольского Кремля, с пением «Спаси Господи люди Твоя».

Тобольский Кремль возвышается над городом, дом Государя и Царской Семьи ниже Кремля. Со стены были хорошо видны окна Тобольского дома и за окнами узники: Государь, Государыня, Царевны, Цесаревич.

Владыка остановил крестный ход на том месте стены, откуда был виден Тобольский дом. Запели молебен. Потом Владыка один подошел к краю стены. Один стоял он над Тобольском, с деревянным крестом. Он высоко поднял крест и благословил Царскую Семью»[18].

28 Января 1918 года крестный ход прошел в Москве. Свидетель этого события религиозный писатель В.Ф. Марцинковский вспоминал:

> «Стоя недалеко от Лобного места, я видел, как с различных улиц вытекали на площадь безконечные потоки московского люда, возглавляемого духовенством с крестами, иконами и хоругвями, сверкающими золотом. Говорили, что в процессе участвовали сотни тысяч человек. Пели пасхальный тропарь: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» По-видимому, народ чувствовал уже приближение суровой борьбы с религией и хотел выразить свое сочувствие Церкви»[19].

19 Января 1918 г. Патриарх Тихон подписал своё знаменитое послание, которое могло стать решающим программным документом для всех православных христиан России. В нём Патриарх прямо и недвусмысленно призвал к активному сопротивлению большевикам, как богоборческой, преступной власти.

> «Опомнитесь, безумцы, – обращался он к большевикам и их сторонникам – прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию в жизни настоящей – земной.
> Властию, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если вы только носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.
> Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «Измите злаго от вас самех»(1 Кор. 5,13).
> ... Зовём всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.
>
> Враги Церкви захватывают власть над Нею и Её достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного все-

народного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной»[20].

Хотя большевики и советская власть непосредственно Патриархом не упоминались, всё же документ этот был безусловно направлен против них, и оказался воспринят именно так. Послание выражало чёткую позицию Церкви в отношении богоборческой власти и намечало программу действий для клириков и мірян: отказ от сотрудничества с большевиками, работы в их учреждениях, активное и пассивное сопротивление, создание антисоветских организаций и союзов. Однако, в этом обращении отсутствовало указание на конечную цель противостояния – восстановление прежней законной Самодержавной власти в соответствии с Утверждённой Грамотой Великого Московского Собора от 21 Февраля 1613 года, указывавшей, что:

«кто же пойдетъ противъ сего Соборнаго постановленія – Царь ли, Патріархъ ли и всякъ человѣкъ, да проклянется таковой въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, отлученъ бо будетъ онъ отъ Святыя Троицы.

...А кто убо не похощетъ послушати сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благослови, и начнетъ глаголати ино, и молву въ людехъ чинити, то таковой, аще отъ священныхъ чину, и отъ бояръ, царскихъ сунклитъ и воинскихъ, или инъ кто отъ простыхъ людій, и въ каковомъ чину не буди; по священнымъ правиламъ Святыхъ Апостолъ и Вселенскихъ седми Соборовъ – Святыхъ Отецъ, и Помѣстныхъ, и по Соборному Уложенію всего изверженъ будетъ, и отъ Церкви Божіей отлученъ, и Святыхъ Христовыхъ Тайнъ пріобщенія, яко раскольникъ Церкви Божией и всего православнаго Христіанства, мятежникъ и разоритель Закону Божию, а по Царскимъ Законамъ месть воспріиметъ, и нашего смиренія и всего освященнаго Собора, не буди на немъ благословѣнія отъ нынѣ и до вѣка. Да будетъ твердо и неразрушимо въ будущая лѣта, въ роды и не прейдетъ ни едина черта отъ написанныхъ въ ней»[21].

Соборное Уложение 1613 г. возлагало на русских граждан почётную ответственность за судьбу страны и будущее династии. И в этом смысле вина русских революционеров и тех русіян, кто их поддерживал, была глубже, чем вина Троцкого и тех большевистских лидеров, кто не принадлежал ни к Православной Церкви, ни к русскому народу.

Решительное и последовательное исполнение программы, указанной в Послании Патриарха Тихона, стало бы для советской власти гибельным. В одной из бесед со своими соратниками Ленин высказал опасение, как бы Патриарх Тихон не стал вторым Гермогеном. Учитывая исторический опыт своих по сути предшественников, большевики сделали всё возможное, чтобы этого не случилось и вышли из борьбы победителями – в отличие от польских захватчиков и сторонников внутренней смуты начала XVII столетия.

В первый момент послание вызвало растерянность во враждебном лагере. Документ распространялся верными патриотами по всей России, печатался в виде листовок, переписывался от руки, публиковался в независимых изданиях. Однако, были случаи, когда пастыри скрывали документ от мірян «страха ради иудейска» (Ин. 19:38).

Анафематствование Патриархом Тихоном гонителей Церкви, а, стало быть, и непосредственно советской власти в послании от 19 Января 1918 года заставило заговорить о нём, как о деятеле не только церковном, но и политическом – первом деятеле столь высокого ранга, который открыто призвал народ к борьбе с большевиками. Впоследствии те много раз обвиняли его в измене миролюбивым христианским принципам, в подстрекательстве к гражданской войне. Однако, нельзя забывать, что в Январе 1918 года Гражданской войны могло бы ещё и не быть, если бы народ внял Обращению и единодушно отказался подчиниться новой власти, которая в этом случае оказалась бы в самоизоляции. Здесь сказалась ошибочность взглядов, сложившихся в послепетровский Синодальный период о том, что Церковь не должна вмешиваться в дела Государства, тогда как последнее может безцеремонно вмешиваться во внутренние дела Церкви. Ведь очевидно, что Евангелие является руководством не только к церковной, но и к гражданской жизни, поскольку оно должно воздействовать на все сферы жизни, и было бы абсурдно утверждать иначе. Невозможность существования Церкви вне политики и, тем более, когда последняя пронизала все области человеческого бытия, в том числе церковного, проявилась и в поступках самого Патриарха, когда он выступил с воззванием, содержащим практически безусловную политическую программу, которую, естественно, её следовало довести до логического конца. (Этого, однако, не было сделано Патриархом, в чём и состояла его

серьёзная ошибка, стоившая неслыханных жертв для народа и страны в целом.)

Таким было, например, открыто политическое послание по поводу Брест-Литовского мира от 5(18) Марта 1918 г. В нём Патриарх писал:

> «Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный город Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской; мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимые потери. А между тем у нас продолжается та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междуусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается... Взываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны мои и дщери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей и разрушения, с призывом к міру, тишине, к труду, любви и единению»[22].

Существует несколько версий, благословил ли Патриарх Тихон Белое движение и если нет, то почему он так поступил. Архиепископ Аверкий Троицкий и Сиракузский высказал на этот счёт следующее предположение: «Есть люди, до сих пор продолжающие смущаться и соблазняться тем, будто Святейший Патриарх Тихон не дал благословения кому-то, кто просил его благословить борьбу Белой Армии против большевиков. Но ведь мы не знаем, как всё это доподлинно было, при каких обстоятельствах и в какой обстановке это происходило. А кроме того, к прискорбию нашему приходится признавать, что и в Белой Армии не всё было духовно благополучно. Нередки были случаи, когда белые воины, с таким подъемом певшие «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую!»..., о Святой Руси по-настоящему и не помышляли и вели себя нисколько не лучше, чем самые отъявленные большевики»[23].

Однако, существуют свидетельства, что Патриарх не во всех случаях держался внешнего нейтралитета. Так, по некоторым сообщениям, он прислал в конце 1918 года через епископа Нестора (Камчатского) графу Келлеру шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию. В Омске на Богослужении 1 Сентября 1919 года тот же епископ

Нестор передал народу призыв Патриарха Тихона: «Скажи народу, что если они не объединятся и не возьмут Москву опять с оружием, то мы погибнем и Святая Русь вместе с нами»[24].

В наше время уже нет необходимости «обелять» образ Патриарха тем, что он отказал в благословении армии, которая, при всех своих недостатках, единственная имела силы свергнуть большевиков. Безусловно, не всё было столь однозначно, хотя можно понять и боль Патриарха, поскольку ему пришлось бы благословить русскую армию в борьбе против русских же, хотя и предателей. Вероятно, документы и свидетельства проливающие свет на этот вопрос ещё не найдены.

Но правы и те, кто указывал, что и Белое движение не всегда было достойно целей, за которые оно боролось. Произвол контрразведки, насилия, идейный разлад и распри – все это отвратило от белых даже тех, кто готов был сражаться с красными. «Дело в том, что наблюдались уже признаки развала... множество офицеров бездельничало, уклоняясь от отправки на фронт, замечалась расхлябанность дисциплины... И одновременно среди этой разрухи столько было проявлено жертвенности, патриотического воодушевления некоторыми юными добровольцами, мальчиками-подростками, учениками средних школ!» (Митропол. Евлогий. Путь моей жизни. М. 1994. С.320).

Появление так называемого «зеленого» движения вызвано именно разочарованием народа в белых и красных вождях. Не случайно после разгрома Армии А.В. Колчака большевики потратили ещё три года на борьбу с крестьянским движением в Сибири. Если бы неправильными политическими действиями белые не оттолкнули от себя миллионы русских мужиков – исход Гражданской войны мог бы стать иным.

Однако, главной причиной поражения Белого движения было отсутствие идейного единства в его собственных рядах. В отличие от большевиков, которые ясно понимали необходимость сплоченности и на время отложили все внутренние распри*, их противники постоянно конфликтовали между собой. В результате даже сами участники Белого движения не всегда представля-

---

**В годы гражданской войны большевики не провели ни одной дискуссии. В речах и сочинениях лидеров РКП(б) той поры отсутствуют явная борьба за власть и столкновения самолюбий, которые ярко проявились впоследствии.*

ли, какой же будет грядущая Святая Русь: самодержавной, конституционно-монархической, деспотической или парламентской.

Между тем, положение в стране становилось всё серьезнее. Фронты Гражданской войны разделили её территорию. Число жертв продолжало расти, народное хозяйство приходило в упадок. В этих условиях Патриарху и Священному Синоду пришлось в полной мере выступать в качестве фактора единства Церкви и выразителя её сознания.

Лето 1918 года стало одним из критических моментов в истории Гражданской войны. Хотя большевистский террор уже начался, он ещё не принял таких грандиозных масштабов, как несколько месяцев спустя. Отчасти новая власть ещё сама не знала, до какой степени она может простирать собственный произвол. Например, когда в Июне 1918 года большевиками был расстрелян командующий Балтийским флотом, капитан 1-го ранга А.М. Щастный, это вызвало в Петрограде целую бурю. Заволновались моряки, забастовали предприятия, по городу прошли демонстрации протеста, подавленные силой. События свидетельствуют не только о том, что большевиков ещё не очень боялись, но и что расстрелы пока не стали будничным явлением. Народ не успел и не желал к ним привыкать. Местные коммунистические руководители боялись оппозиционных выступлений и не всегда спешили форсировать события. Среди лидеров партии и даже в самой чека велась скрытая борьба между сторонниками «революционной законности», пытавшимися сдержать произвол «в рамках необходимости», и энтузиастами неограниченного террора. Поэтому когда после странного убийства наркома печати М.М. Володарского В.И. Ленин потребовал от Петрограда «массовитости» террора, его не послушался даже Г.Е. Зиновьев, известный своей жестокостью.

В тревожной и напряженной для обеих сторон обстановке сгущались тучи на теми, кто и будучи свергнутыми, преданными, лишенными всех прав, находясь под арестом, представляли опасность для узурпаторов. В ночь с 16 на 17 Июня 1918 года по санкционированному Москвой постановлению Уральского Совета в г.Екатеринбурге, в подвале дома отставного инженер-капитана Н.Н. Ипатьева были расстреляны бывший Император Николай II Александрович, Его Супруга Императрица Александра Федоровна и Их Дети 13-летний Наследник Цесаревич Алексей, и Великие Княжны 22-летняя Ольга, 21-летняя Татьяна, 19-летняя Ма-

рия и 16-летняя Анастасия. Вместе с ними погибли доктор Е.Боткин и трое слуг, оставшиеся до конца верными своему Государю и Его Семье. Сутки спустя под Алапаевском большевики расстреляли Великую Княгиню Елизавету Феодоровну, Великих Князей Сергея Михайловича, Ивана Константиновича, Константина Константиновича и князя Владиміра Павловича Палей (внука Императора Александра II).

Событие было настолько безпрецедентным даже для красного произвола, что большевики не решились сообщить о расстреле всей Императорской Семьи. В опубликованной информации указывалось только на казнь Императора с туманным добавлением, что семья переправлена в другое место. Сообщение породило множество слухов и способствовало появлению позднее в России и за границей целой плеяды самозванцев.

Правду, хотя и неполную, народ смог узнать только после освобождения Екатеринбурга Белой армией. Расследования, проведённые судебным следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым и генерал-лейтенантом М.К. Дитериксом, открыли страшные картины злодеяния.

Патриарх Тихон немедленно и публично осудил расстрел бывшего Императора. «Узнав, как и другие москвичи, из газет о случившемся, он тотчас созвал совещание Соборного Совета, на котором порешили совершить публичную панихиду по убиенному... В протоколе совещания есть собственноручная приписка Святейшего: «Благословляю архипастырей и пастырей молиться о сем на местах».

В праздник Явления Казанской Божией Матери Патриарх отправился в Казанский собор, находившийся по соседству с Кремлем, занятым ВЦИКом, и в переполненном народом храме произнес проповедь, ставшую исторической:

> «Счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо поняли наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признаётся грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший

Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – Исполнительный комитет – одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, осудит это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: безпристрастный суд над ним подлежит истории, а он теперь предстоит перед нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы, после отречения, найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно подчинился судьбе... И вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела – одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, путь нас расстреливают. Мы готовы всё это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие е!»[25].

30 Августа 1918 года произошли два известных события, трагически повлиявшие на дальнейший ход Гражданской войны и судьбы тысяч людей. В Петрограде студент Л.Каннегисер убил председателя местной ЧК М.С. Урицкого. Несколько часов спустя в Москве произошло покушение на В.И. Ленина. Большевики воспользовались этими терактами, словно нарочно подгаданными под выгодный момент*, чтобы объявить о начале Красного террора, т.е. массового уничтожения «враждебных классов». Только в первые дни в Петрограде было расстреляно 512 заложников.

---

* *Существуют основания полагать, что теракты были провокацией большевиков.*

По обеим столицам прокатилась волна облав, результатами которых стали новые казни ни в чем не повинных людей.

Жестокие репрессии обрушились и на духовенство. В Москве в Сентябрьские дни Красного террора в числе других священнослужителей был расстрелян известный миссионер протоиерей Иоанн Восторгов. Очевидец событий писал: «И этот человек перед смертью проявил редкое величие духа. Он предложил всем желающим исповедаться у него. И много людей потянулось к нему за исповедью. В одну кучу смешались всесильные министры, спекулянты, офицеры и просто мирные обыватели, захваченные большевиками. И у этого человека, который сам должен был умереть через несколько часов, для каждого нашлось слово утешения. А вот другой служитель Христа, Макарий Гневушев, тоже предназначенный к расстрелу, предложил чрезвычайке раскрыть все тайны высшего русского духовенства, при условии, если ему будет сохранена жизнь... Так разно поступили эти два человека...»[26]. В Петрограде вместе со своими сыновьями был расстрелян настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский. Его не спасло даже заступничество А.В. Луначарского. В Сентябре 1918 года были ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство ещё сохранившихся церковных органов печати и так далее[27].

В осенние дни Красного террора 1918 г. большевики не решились расправиться с Патриархом, но они предоставили ему изощренную пытку быть свидетелем гибели многих своих пасомых. С болью и гневом видел он, как огонь безсмысленного произвола истреблял тысячи ни в чем не повинных людей – по преимуществу православных – священнослужителей, монашествующих, мірян. Он не мог помешать злодеяниям: для большевистских лидеров, давно отрекшихся от Православия или никогда к нему не принадлежавших, авторитет Патриарха ничего не значил. Таким образом, жертвы, которых хотел избежать Патриарх Тихон, не решаясь последовать славному примеру своего предшественника – святейшего Патриарха Гермогена, находившегося практически в аналогичной ситуации и послужившего освобождению Отечества даже своею гибелью в польском заточении, – лишь возрастали и возрастали. За годы же богоборческой власти число их превысило количество жертв тирании за всю историю человечества. А четыре поколения Русского народа, воспитанные в атеизме, без надежды на спасение души, лишенные преемст-

венности национальных традиций, практически окончательно погубили то, что пыталась сберечь Православная Церковь в лице Патриарха Тихона в нашей стране.

В годовщину Октябрьской революции Патриарх обратился к Совету Народных Комиссаров с известным обличением, где осудил преступления новой власти.

> «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. – гласило Обращение – Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мiровой революции.
> Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертию часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже пред вами заведомо ни в чем ни виноваты, а взяты лишь в качестве «заложников»; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто же вашими сторонниками или близкими вам по убеждениям. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем неповинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контрреволюции. Безчеловечная казнь отягчается для Православных лишением последнего предсмертного утешения – напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.
> ...Соблазнив тёмный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нём сознание греха; но какими бы деяниями ни прикрывались бы злодеяния. – убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.
> Вы обещали свободу.
> ...Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвине-

ние в контрреволюции? Где свобода слова и печати? Где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровию мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко-большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и Её служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген Долганов) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – прихода, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные и просветительные учреждения, разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для Православного воспитания духовной пищи.

... Не Наше дело судить о земной власти; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшна не для добрых дел, а для злых» (Рим.13:3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междуусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк.11:50), и от меча погибните сами вы, взявшие меч (Мф.26:52).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.
25 Октября (7 Ноября) 1918 года»[28].

Как теперь известно, поднявшие меч действительно погибли от меча. Почти все вожди «ленинской гвардии» умерли страшной смертью, униженные и уничтоженные собственными соратниками и последователями. Но пророчество не сбылось в том смысле, какой вкладывал сам Патриарх, имея в виду скорое свержение советской власти. В наступившее новое смутное время в России не нашлось влиятельного вождя, который бы, подобно Патриарху Гермогену, призвал русский народ на борьбу с узурпаторами. Таким духовным лидером мог бы стать Патриарх Тихон. К сожалению, вынужденная непоследовательность проявилась и в письме в Совнарком, где смелый обличительный пафос под конец сменялся наивной надеждой на диалог. Власть, чью безнравственность св. Тихон отчетливо понимал, не могла и не хотела заняться устроением «порядка и законности», ибо для этого ей пришлось бы отдать под суд почти всех своих вершителей. В конце осени 1918 г. советские лидеры не только не собирались смягчить диктатуру, но напротив – ожесточили её. Опьяненные победами в России и начавшейся революцией в Германии, которую они считали вторым актом моровой революции, большевики чувствовали себя сильнее, чем когда-либо, и менее, чем когда-либо желали идти на уступки. Даже либеральные возражения отдельных соратников, в ком ещё теплилась совесть, уже ничего не значили для победившего радикального (ленинского) крыла большевизма. Мало считаясь с мнением собственных товарищей, В.И. Ленин и его единомышленники вовсе игнорировали мнение «служителя культа». Победить их злую безпощадную силу могла только другая сила – решительная и мощная своим идейным единством. Хотя большевики многократно использовали данный документ против Патриарха и Церкви, как свидетельство их контрреволюционности, он мог быть истолкован и как поиск компромисса, что, безусловно, не добавляло ясности в позиции Церкви относительно советской власти.

Вскоре после выпуска Послания – 24 Ноября – Патриарх после произведённого в его покоях чекистами обыска впервые оказался подвергнут домашнему аресту. 6 Декабря 1918 года он направил в Совнарком заявление, в котором указывал, что никаких воззваний, направленных против советской власти не подписывал, никаких подобных действий не предпринимал и предпринимать не собирался: «В качестве Патриарха Всероссийского я, как видно из письма моего в Совет Народных Комиссаров и к председателю

Совета В.И. Ленину открыто призываю всех к миру и прекращению братоубийственной вражды... Многим мероприятиям правительства я не сочувствую. но не наше дело судить земныя власти, а тем более предпринимать действия, направленныя к ея низвержению»[29]. Неоднократные ходатайства и поручительства членов Священного Сунода помогли добиться в Январе следующего года освобождения Первоиерерха.

Дальнейшее разрастание Гражданской войны сопровождалось в начале 1919 года новым ужесточением антирелигиозной политики РКП(б). Ставка делалась на полное и скорое отмирание Церкви и религии, определявшейся не более, как «предрассудки». Считалось, что их можно достаточно скоро преодолеть при помощи «целенаправленной системы воспитания» и «революционного воздействия», в том числе и насильственными мерами. Позднее, в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получил название «бури и натиска». Подобные взгляды получили отражение в принятой в Марте 1919 года на VII-м съезде РКП(б) Программы партии. По существу в ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем «полном отмирании религиозных предразсудков»[30].

Период 1919–1920 гг. ознаменовался для Русской Церкви целым рядом неблагоприятных для Ея внешнего бытия свершений. С начала года во всё расширяющемся масштабе власти стали активно закрывать монастыри. Основанием для этого послужило положение Декрета СНК об отделении Церкви от государства, согласно которому все монастырское имущество подлежало безусловной национализации. В связи с этим местными органами власти принимались решения о передаче монастырских помещений, в т.ч. Богослужебных и жилых заинтересованным советским учреждениям[31]. Так, Президиум Московского Совета принял в Январе 1919 года постановление о передаче монастырских помещений Отделу народного просвещения. При этом монашествующие из большинства монастырей были выселены. Постепенно стали закрываться монастыри в Калуге, Тамбове, Курске, Воронеже, Новгороде, Ярославле и др. городах и соответствующих губерниях[32].

Затем, 1 Февраля 1919 года Народный комиссариат юстиции принял постановление об организованном вскрытии мощей[33]. Этой кампании, по замыслам организаторов, отводилось важное

место в деле подрыва Православной веры в народе. Газеты и журналы того времени пестрели сообщениями с так называемыми разоблачениями обмана церковников в связи со вскрытием «нетленных» мощей. Так, согласно данным советской печати, до осени 1920 года было вскрыто 63 раки со св. мощами[34]. Сам подобный подход к почитаемой Церковью святыни, являющейся для Неё предметом особого благоговения, не мог иначе классифицироваться церковным сознанием, как глумление. В связи с этим Патриарх Тихон уже 17 Февраля 1919 года выпустил указ епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей. Там он, в частности, давал следующее обоснование почитания св. мощей, его форм и того, что понимается Церковью под мощами:

> «Господу было угодно прославить некоторых святых Своих нетлением их тела; честные мощи таковых угодников Божиих открыто почивают в храмах в драгоценных раках гробницах, сооруженных любовию верующих... Благочестивое усердие верующих, окружая их останки благоговением, соорудило и для таковых честных мощей драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей»[35].

В связи с тем, что начавшаяся кампания по вскрытию св. мощей стала принимать всё более широкие масштабы, Патриарх Тихон 20 Марта 1919 года обратился с решительным протестом в Совнарком, выступая «в защиту поруганной святыни»[36]. Так, защищая Церковь, он и всех верующих призывал к этому, воздерживаясь, однако, от эксцессов в отношении рядовых исполнителей запланированной центральной властью кощунственной акции. 21 Июня 1919 года Патриарх обратился со специальным посланием ко всем чадам Православной Российской Церкви с призывом отказаться от всех актов мести в отношении участников антицерковных кампаний. В этом послании, выдержанном в духе апостольской проповеди, он писал:

> «Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших

врагов, или тех, кто нам кажется источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром. (Рим.12:21)»[37].

В этом послании Патриарх Тихон невольно поставил перед своей паствой неслыханную в Православном мире задачу практически отдать святыни на поругание псам (Мф.7:6) и быть пассивными свидетелями надругательства над переданным отцами духовным наследием, отказавшись от защиты его. Что же, и чашу со Святыми Дарами надо было отдать на поругание? Естественно, что Православный народ, привыкший благоговейно относиться к святыням, был неготов к подобной постановке вопроса и остался в недоуменной растерянности, без чёткого руководства. Таким образом, страна осталась без традиционно-патриотического духовного водительства.

И всё же, даже в этих тяжелейших условиях некоторым архиереям удавалось отстоять святыни. Так, митрополит Петроградский Вениамин в Сентябре 1919 года добился отмены уже намеченного вскрытия мощей св.Александра Невскаго[38].

В это время на территориях, контролируемых Белой Армией, многие архипастыри и клирики включились в политическую деятельность или пассивно поддерживали Белое движение, что также могло быть расценено, как антисоветская деятельность. Поскольку большевики уже не раз применяли к своим противникам принцип коллективной ответственности, Патриарх Тихон обратился 25 Сентября 1919 года с посланием к архипастырям с призывом о невмешательстве в политическую борьбу. Этим он стремился снять с Церкви обвинения в «скрытой контрреволюции». Он писал:

«Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения в чисто политической деятельности (в скрытой контрреволюции – *авт.*) несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления (ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Далее отвечая на обвинение, что якобы Церковь готова благословить иностранную интервенцию, он пишет:

«Обвинение голословное и неосновательное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасёт Россию от нестроения и раз-

рухи, пока Правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Ефес.4:24).

«Памятуйте же, отцы и братие, – обращается он к духовенству – и канонические правила и запрет св. Апостола «блюдите себя от творящих распри и раздоры», «повинуйтесь всякому человеческому начальству» в делах мірских (1 Петр.2:13), уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях...

Посвящайте все свои силы на проповедь Слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову, и Бог мира и любви да будет со всеми вами. Аминь (2 Кор.13:11)»[39].

В связи с войной, изменением границ у многих епархий частично или же полностью была нарушена связь с каноническим центром Русской Церкви в лице Cvнода и Патриарха. Чрезвычайные условия налагали особую ответственность на каждого епископа, как на предстоятеля Поместной Церкви – епархии. В связи с этим, с учётом сложившихся обстоятельств, Священный Cvнод под председательством Патриарха 5 Мая 1920 года принял постановление о предоставлении епархиальным архиереям решать на местах все церковные дела (даже те, которые ранее входили в компетенцию Cvнода – *авт.*) в случае прекращения связи с высшим церковным управлением[40]. В связи с тем, что подобное положение стало принимать хронический характер (требования правительств Польши и Финляндии о прекращении местными православными епархиями сношений с Московской Патриархией, эмиграция миллионов верующих и духовенства в условиях блокады Советского государства), а перспективы самого высшего церковного управления (например, в случае кончины Патриарха и невозможности созыва Собора, а также вступления в должность Местоблюстителя и т.д.) оставались неясными, Священный Cvнод и Высший Церковный Совет на совместном заседании под председательством Патриарха Tvхона 20 Ноября 1920 года приняли безпрецедентное в истории Русской Церкви постановление о самоуправлении епархий в случае отсутствия канонического высшего церковного управления или невозможности связи с ним. Основные его положения сводились к следующему:

2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление почему-либо прекратили свою деятельность, Епархиальный Архиерей немедленно входит в сношения с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или Митрополичьего округа или ещё иначе.
4. В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти, Епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему церковными канонами.
5. В случае, если положение вещей, указанное в параграфах 2 и 4 примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий...» Однако подобное положение в целом не представлялось как окончательная норма, в связи с чем 10-й пункт Постановления гласил: «Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям мероприятия, впоследствии, в случае восстановления Центральной Церковной Власти, должны быть представлены на утверждение последней» (то есть Поместного Собора всей Русской Церкви – *авт.*)[41].

Впоследствии этот знаменитый Патриарший Указ № 362 послужил основанием для отделения Зарубежной и Катакомбной Церквей, по сей день не имеющих канонического общения с Московской Патриархией.

Между тем, кампания по закрытию монастырей и «ликвидации» св. мощей приобретала все более угрожающий характер. К концу 1920 года большевики разогнали уже 673 монастыря[42]. В Сентябре того же года была закрыта Свято-Троице-Сергиева Лавра, а ещё ранее из неё, согласно циркуляру Наркомата юстиции (НКЮ) от 25 Августа 1920 года, в один из московских музеев были увезены мощи Преподобного Сергия[43]. Ещё ранее, 10 Мая, когда стало известно о готовящихся изъятии св. мощей и закрытии Лавры, Патриарх Тихон, как ея священноархимандрит, направил в Совнарком жалобу, где, в частности, писал: «Мы прибегли к

письменному обращению и заявили, что закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи самым существенным образом затрагивает нашу религиозную совесть и является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верования Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий и с разъяснениями, что нет никакого общего распоряжения об изъятии из храмов предметов культа...»[44] А когда Лавра все же была закрыта, он обратился с посланием к чадам Церкви, где выражая скорбь по случаю утраты этой великой святыни[45].

В соответствии с циркуляром Наркомата юстиции от 18 Мая 1920 года в РСФСР была проведена ликвидация почти всех епархиальных советов. Осенью завершилась национализация церковнаго имущества. Согласно отчёту VIII отдела Наркомата юстиции, к этому времени было изъято 7150 миллионов рублей, 828 десятин монастырской земли, 1112 доходных домов и так далее[46]. К лету 1920 года по стране в целом произвели 58 вскрытий святых мощей, и правительство решило полностью завершить эту «кампанию». 29 Июля Совнарком утвердил предложения Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе» Однако, сохранившийся значительный авторитет Церкви, активное сопротивление верующих помешали полному осуществлению задуманного плана. Через восемь месяцев в секретном циркуляре Наркомъюста от 1 Апреля 1921 года фактически признавалось поражение в этом вопросе:

> «1.Не производить ликвидацию мощей в таких условиях, когда создаётся впечатление, что орган местной власти, совершенно не поддерживаемый сколь-либо солидной частью трудящихся и при полном несочувствии всего населения, а только опираясь на силу своего служебного положения, производит эту операцию, как бы повинуясь лишь предписанию из центра...
> 2. Часто наблюдается, что органы власти, без подготовки и твёрдо продуманного плана приступившие к ликвидации и встретив неожиданное для них сопротивление и агитацию церковников, кулаков, обывателей, малодушно пасуют и не доводят дело до конца предпринятой операции. В результате таких непродуманных действий оказывается: мощи разворочены, лежат там же, где и были, то есть в церкви (из которой их вывезти Советы не решаются), раздражая своим видом страсти обывателей, и являются явным до-

казательством безсилия и безрукости местных органов...»[47]

Дальнейшие события продолжали показывать, что большевики не намерены были соблюдать даже собственные установления, что куцый, ущемляющий права верующих декрет об отделении Церкви от государства служил правовой ширмой для безоговорочного наступления на религию. С окончанием Гражданской войны крестный путь Патриарха Тихона и миллионов православных верующих продолжался.

Но ни подрыв материальной базы, ни жесточайшие административные гонения, ни прямые репрессии не приблизили для коммунистов поставленных целей: Первый период антирелигиозного наступления явно не принёс тех результатов, на которые расчитывали некоторые теоретики большевизма (например, Н.И. Бухарин). Большинство населения страны, несмотря ни на какие сатанинские методы по отлучению людей от Церкви, продолжали оставаться Ея частью. Патриархия также вышла из Гражданской войны несокрушённой в своей основе.

Примечания

1. Новые мученики Российские. Ч.1. 1949. С.84.
2. *А.М.* (Мануил, архиепископ, впоследствии митрополит), Каталог русских архиереев за последние 60 лет 1897–1957. Ч.VI. Чебоксары. 1958 (машинопись). С.206.
3. Новые мученики Российские. Ч.1. С.85.
4. *М.Вострышев* «Божий избранник». М.1990. С.12.
5. Там же. С.12–13.
6. *А.М.* Указ.Соч., Ч.VI. С.208.
7. *М.Вострышев.* Указ.Соч. С.18–19.
8. *Ведерников А.* Ревнитель церковного единства. ЖМП. 1950. №5. С.66.
9. *М.Вострышев.* Указ. Соч. С.29–30.
10. Данные для биографии Патриарха Тихона взяты из: *А.М.* Указ.Соч. ч.VI. С.206–210; Состав Святейшего Синода и иерархии Правосл. Росс. Церкви на 1917 год. Пг. 1917; *Казем-Бек А.* Святейший Патриарх Тихон. ЖМП. 1965. №4. С.16; *Иванов А.* Православие в Америке. ЖМП. 1965. №3. С.69–71; Новые мученики Российские. Ч.1. 1949. С.84–124; *М.Вострышев.* Божий избранник. М.1990.
11. Церковно-общественный вестник. 1917. №148.
12. *М.Вострышев.* Указ.Соч. С.55–57.
13. Деяния. Кн.II. Вып. 2. М. 1918, а также *Евлогий, митр.* Путь моей жизни. Париж. 1947. С.211.

14. Список служений Святейшего Патриарха Тихона 1917–1925. Сост. Раковой Е.С. И. 1917–1925. Рукопись.
15. Там же.
16. «Не могу прийти в себя от ужаса» – «Источник». №1. 1994. С.23.
17. ЦГА С.-Пб. Ф.143. Оп.1. Д.84. Л.31; Церковныя Вѣдомости (Прибавленія). 1918. №1. Сс.23–27; №2, Сс.82–83.
18. Новые мученики Российские. Ч.1. С.66.
19. *М.Вострышев*. Указ. Соч. С.64.
20. Новые мученики Российские. Ч.1. С.95.
21. См. *Приложение*. Документ №1.
22. Акты Святейшего Патріарха Тихона и позднейшіе документы о преемствe Высшей Церковной Власти 1917–1943 годы. Составитель Губонин М.Е. М. 1994. Сс.107–108.
23. Россия перед Вторым Пришествием. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1993. С.113–114.
24. Там же. С.113.
25. *М.Вострышев*. Указ.Соч. С.67–69.
26. Архив русской революции. Т.7. М. 1991. С.275.
27. ЦГА С.-Пб. Ф.143. Оп.1. Д.82. Лл.60–61; Д.83. Л.7.
28. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. М.1994. С.149–151.
29. РГИА. Ф.831. Д.293. Лл.1,2,5,6.
30. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М. Политиздат. 1970. С.49.
31. Подробнее об этом см. *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1918–1921). М.1975. С.205.
32. *Зыбковец В.Ф.* Указ.Соч. С.35–49.
33. Революция и Церковь (издание 5-го ликвидационного отдела Наркомпроста). 1919. №1.
34. Революция и Церковь. 1920. №9–12.
35. Акты Святейшего Тихона... С.158.
36. Революция и Церковь. 1919. №6–7.
37. Акты Святейшего Тихона... С.161.
38.ЦГА С.-Пб. Ф.1000. Оп.79. Д.24. Лл.14–15.
39. Распоряжение Высшей Церковной власти. Вятка. 1919. С.21–22.
40. ЦВ. 1922. №1; ЖМП. 1931. №1.
41. Текст производится по: *Троицкий С.В.*, проф. Размежевание или раскол. Париж. 1932. С.46–49.
42. Революция и Церковь. 1923. №1–3; Согласно *Зыбковец В.Ф.* Указ. Соч. С.110. К концу 1921 г. национализировано 722 монастыря из 1253-х. В дальнейшем этот процесс продолжался до полного закрытия монастырей на территории СССР к концу 20-х годов.
43. Революция и Церковь. 1920. №6–9.
44. Акты Святейшего Тихона... С.168.
45. Там же.
46. ЦГА С.-Пб. Ф.1000. Оп.4. Д.73. Лл.83–84; *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг. 1924. С.157; *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М. 1968. С.88.
47. ЦГА С.-Пб. Ф.1000. Оп.5. Д.230. Л.384–384об.

Глава 6

Земский Собор 1922 года в Приамурье и его роль в развитии идеи Русской Государственности

Долгие десятилетия среди большинства исследователей принято было считать, что Русская монархия и сама идея Православного Царского Самодержавия исчерпали себя к началу 1917 г. Этой версии придерживались как официальная советская историография, так и большинство иностранных историков. На первый взгляд кажется, что все факты свидетельствуют в пользу этой теории: старый режим не нашёл сил сопротивляться Февральским событиям, большинство царских сановников и даже отдельные члены Дома Романовых присягнули Временному правительству, монархические организации безропотно позволили распустить себя, а высшие церковные иерархи в Обращении Синода от 9 Марта 1917 года назвали свержение Самодержавия «волей Божией». Императорская Семья была арестована, а затем расстреляна, не вызвав – вопреки опасениям большевиков – сколько-нибудь серьёзного возмущения. Среди русских эмигрантов бытовало мнение, что даже адмирал А.В. Колчак, уступая своему политически разношерстному окружению, «не смог во всеуслышание объявить о злодейском убиении в Екатеринбурге Царя, Царицы и Августейших Детей, что неопровержимо доказало следствие, проводившееся Н.А. Соколовым по его приказу»[1].

Между тем, большинство перечисленных фактов нуждается в комментариях. Один из парадоксов истории заключается в том, что к концу правления Николая II не только враги монархии, но и пламенные ея защитники оказались причастными к подрыванию престижа Династии Романовых. Все выступления черносотенных лидеров против Г.Е. Распутина, преувеличение ими его роли в государственной политике были косвенно направлены и против Царской Семьи, приблизившей к себе этого человека. Февраль-

скую революцию монархический лагерь встретил раздираемый противоречиями, неготовый к решительной защите Императора, Которого так долго и единодушно компрометировали все политические партии – от монархистов до большевиков. Для решения дальнейшей судьбы Династии и политического пути всей России необходима была передышка, время для созыва представительного органа, где депутаты всех сословий могли бы решить определяющие насущные вопросы будущего страны. Этим объясняется внешнее спокойствие миллионов русіян, ожидавших, что Учредительное Собрание восстановит монархию и веривших, что Временное правительство исполнит свою миссию (подготовка к созыву Учредительного Собрания) в кратчайшие сроки.

Но несмотря на тяжёлое положение России, катастрофическую ситуацию на фронте и постоянные внутриправительственные кризисы, Временное правительство не спешило с предвыборной кампанией, всеми силами оттягивая конец своей власти. Политический эгоизм членов правительства, этих «калифов на час», пытавшихся любой ценой продлить время своего мнимого торжества, привел к тому, что активная деятельность по созыву Учредительного Собрания практически началась только после Октябрьского переворота. Состав его депутатов был уже качественно иным, чем мог быть несколько месяцев назад: большевики, меньшевики, левые и правые эсеры, составлявшие большинство, не собирались даже выносить вопрос о восстановлении низвергнутого ими Самодержавия. Однако, и этот просоциалистический учредительный орган показался большевикам слишком «правым». Учредительное Собрание было распущено, а стихийные демонстрации протеста разогнаны силой.

Именно с этого времени, когда у народа рухнула последняя надежда на мирное и законное восстановление прежнего порядка, в стране резко возросли антибольшевитские настроения. Страх, что даже лишённый власти, арестованный, увезённый в далёкую ссылку, бывший Император может стать идейным знаменем для миллионов русских людей, побудил В.И. Ленина отдать через Я.М. Свердлова распоряжение о расстреле Николая II и Его Семьи. К этому моменту стало уже очевидным, что никто из зарубежных родственников или лидеров ведущих держав не намерен заступаться за свергнутого Императора и Его Семью и сделать хотя бы слабую попытку спасти их. Между тем, возможности для это-

го были, поскольку 21 статья Брестского договора гласила: «*Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территорий противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властями этой стороны право на возвращение на родину, из которой происходят они или предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора*». Она вполне могла относиться к Царице Александре Феодоровне (немке по происхождению), а, возможно, и к Ея Детям»[2]. Но Германия не воспользовалась условиями Брестского договора и не выдвинула категорических требований выдачи Императорской Семьи, на которые большевики тогда ещё могли согласиться. Позднее, несмотря на начавшуюся интервенцию, советские лидеры больше опасались собственного «освобожденного народа», чем мірового общественного мнения. Чтобы ослабить возмущение против злодейского убийства, большевики сообщили в газетах только о расстреле Николая II, умолчав о гибели Его Семьи. В отличие от политически разношёрстных лидеров и участников Белого движения, зачастую иронически относившихся к идее реставрации монархии, красные наркомы довольно трезво рассматривали политическую опасность для себя с этой стороны. Так, например, ближайший соратник В.И. Ленина, председатель Революционного Военного Совета Л.Д. Троцкий считал, что белые могли бы одержать победу в гражданской войне, если бы выдвинули из своих рядов «*Крестьянского царя*». Но Белое воинство не сумело сплотиться вокруг одной идеи и одного вождя. Ещё не одержав победы, многие из них спешили делить между собой лавры «освободителей России» и определять ея будущее по своему вкусу. Собственно, отсутствие объединяющей позитивной идеи и стало, как уже отмечалось, главной причиной поражения Белого движения.

Официальная советская историография исчисляла время окончания Гражданской войны осенью 1920 г., когда армией М.В. Фрунзе и И.П. Уборевича были разгромлены войска генерала барона П.Н. Врангеля в Крыму*. Практически Гражданская война продолжалась ещё три года. Три года в разных частях страны вспыхивали народные восстания, целые районы на короткое время освобождались от власти Советов. Активные военные дейст-

---

* *Эта дата является весьма условной.*

вия продолжались в Сибири и на национальных окраинах. Отдельно от большевиков существовала Дальневосточная республика. Это было время жестокого разочарования многих простых людей, поначалу поверивших большевикам, время подъема монархических настроений в антисоветском лагере.

«Во Владивостоке – необъявленной столице Дальнего Востока – к лету двадцать первого года собралось много промонархически настроенных людей и просто неприемлющих новую сатанинскую власть. Они не испытывали никаких иллюзий на счёт того, что за режим несут коммунисты-изуверы на своих штыках...

В сжатые сроки власти проделывают обратную по сравнению с 17-м годом эволюцию: от властной чехарды и пробольшевистского правительства до Приамурского Земского Края; от инстинктивного отрицания, неприятия советской власти до высокой, духоподъёмной идеи Самодержавной Монархии»[3].

20 Марта и 16 Июня 1921 г. во Владивостоке состоялись два съезда Представителей Несоциалистического населения Дальнего Востока, ставшие подготовительными этапами к созыву Приамурского Земского Собора. Это не было случайной инициативой жителей одной-единственной местности, а явилось частью общего процесса усиления монархических настроений в Белом движении. «Буквально в эти же дни (16–24 Мая ст.ст.) на другом конце евразийского континента в Рейхенгалле (Бавария) проходит Съезд Хозяйственного Восстановления России... Постановления Съезда становятся подспорьем для созидательных действий дальневосточных монархистов:

> «Признавая, что хозяйственное возрождение России невозможно без политического её оздоровления и возвращения к законному, исторически сложившемуся строю, Съезд Хозяйственного Восстановления России единогласно принял следующие постановления.
>
> 1. Съезд признает, что единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России – есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых, согласно Основным законам Российской Империи.
>
> 2. Приветствуя объединение различных течений Монархической мысли и не считая себя в праве за рубежом России предопределять будущие формы государственного устройства Империи, Российский Съезд полагает, что вернейший залог благоденствия, силы и

самого бытия России заключается в действенном единении Царя со своим народом в лице избранников широких слоев населения для участи в великом деле устроения государственной жизни Российской Империи.

3. Съезд полагает, что религиозно-нравственное возрождение Родины в духе исконной веры Православной есть тот камень, на основе которого только и возможно восстановление Российского Царского Престола...»[4]

Участники Съезда – бывшие русские граждане, искренне болевшие за будущее России, тем не менее не считали себя правомочными определять судьбу Родины, находясь за ея пределами. Они понимали, что политический выбор должен сделать Русский народ – тот самый народ, которого несколько лет назад узурпаторы власти фактически лишили права голоса. Как это уже было на Руси в трудные времена смут, в конце Гражданской войны назрела необходимость созыва Земского Собора, чтобы Русские граждане всех сословий могли обсудить актуальные вопросы настоящего и определить будущий путь России. В 1922 г. единственной Русской территорией, не подчинившейся большевикам, был Дальний Восток. Именно там, а не в эмиграции, Русские монархисты начали подготовку Земского Собора. «Указом Приамурского Временного Правительства №149 от 6-го Июня 1922 года объявлялось о созыве Земского Собора, ключевую роль в котором предстояло сыграть Генерал-Лейтенанту царского производства М.К. Дитерихсу, приехавшему по первому зову во Владивосток из Харбина и сумевшему, по словам очевидцев и участников событий, скоро прекратить распри между представителями различных политических течений»[5].

«В Июне–Июле подготовка к Собору шла полным ходом на основании разработанного Положения о Приамурском Земском Соборе. Исходя из него, Собор должен был выслушать доклад о деятельности Временного Приамурского правительства и избрать новый орган Верховной власти в крае.

В состав Земского Собора по Положению входили: Временное Приамурское Правительство и представители – от духовенства, от армии и флота, от гражданских ведомств, от несоциалистических организаций, от горожан-домовладельцев, от сельского населения, от городских самоуправлений, от земства, от торгово-промышленного сословия, от местного казачьего населе-

ния и пришлых казачьих войсковых правительств, от православных приходов, от общества ревнителей Православия, от старообрядческого духовенства и общины, от высших учебных заведений, от областных несоциалистических организаций, от русского населения полосы отчуждения КВЖД и от поселковых управлений. Таким образом сохранялся древний принцип выборов на Земской Собор – сословность вместо никудышной партийности, мнимой независимости и классовости.

Было в положении и важное примечание: коммунисты и примыкающие к ним, а также социалисты-интернационалисты участия в Земском Соборе принимать не могут»[6].

Последняя поправка может показаться «недемократичной», способной исказить спектр политических настроений русского народа. Однако, целью Собора должны были стать не безплодные дискуссии, а серьёзное обсуждение современных проблем России и её дальнейшего пути. Выбор участников в полной мере отвечает традициям Земских Соборов. Никому из потомков не кажется несправедливым тот факт, что в Соборе 1613 года не участвовали атаман Заруцкий и другие казаки, сеявшие смуту и помогавшие Полякам. Наоборот – участие прямых врагов Руси в обсуждении её будущего воспринималось бы, как историческая нелепость. Точно так же инициаторы Земского Собора 1922 г. не желали допускать к участию в нем людей, которые могли использовать его трибуну только в провокационных целях.

Приамурский Земской Собор открылся в день празднования Коневской иконы Божией Матери 10/23 Июля 1922 г. во Владивостоке и длился до 28 Июля/10 Августа. Он начался с торжественного молебна в Кафедральном соборе, свершённого Архиепископом Владивостокским и Приморским Михаилом. Все заседания начинались и заканчивались молитвами и песнопениями «Царю Небесный», «Испола эти деспота», «Достойно есть» и другими.

Первые два заседания были посвящены приветственным речам и деловым организационным вопросам. Председателем Приамурского Земского Собора участники избрали профессора Никандра Миролюбова, почетными заместителями – Архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия и Епископа Казанского Филарета; заместителями – атамана Забайкальского казачьего войска Алексея Бакшеева и городского голову Никольск-Уссурийского Василия Толока.

С первых дней работы Собора стала очевидной монархическая ориентация его участников. Так, на заседании 3 Августа 1922 г. были приняты три основных тезиса, определивших политические настроения собравшихся и направленность дальнейшей деятельности Собора:

1. Приамурский Земский Собор признаёт, что права на осуществление Верховной власти в России принадлежат династии ДОМА РОМАНОВЫХ. (207 голосов – «за» и 23 «против»).

2. В связи с этим, Земский Собор считает необходимым и соответствующим желанию населения возглавление национальной Государственности Приамурья Верховным Правителем из членов династии ДОМА РОМАНОВЫХ, династией для сего указанным. (175 – «за», 55 – «против»).

3. По сим соображениям Земский Собор почитает необходимым доложить о вышеизложенном Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ и Его Императорскому Высочеству Великому Князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ, высказывает свое пожелание, чтобы правительство вступило в переговоры с династией ДОМА РОМАНОВЫХ на предмет приглашения одного из членов династии на пост Верховного Правителя»[7].

В наши задачи не входит подробное освещение всех поднятых на Соборе вопросов – тем более, что этому посвящена изданная в 1993 году интересная книга А.Хвалина «Восстановление монархии в России», к которой могут обратиться желающие. Но говоря о крестном пути русского православного народа, мы не можем обойти вниманием это событие исторического значения. Долгие годы оно игнорировалось властями и официальными идеологами именно потому, что подрывало правдивость утверждений о добровольном отказе русского народа от монархии. Результаты Приамурского Земского Собора показали, что ещё в 1922 г. авторитет Самодержавия среди Русіян различных сословий был очень велик. Даже учитывая местный характер Собора, большое количество в Приамурье беженцев, настроенных резко антисоветски, мы можем по его итогам утверждать, что идея восстановления монархии не устарела и не утратила исторических перспектив. К концу Гражданской войны уже стала очевидной иллюзорность идеи «третьего пути», которую пытались воплотить эсеро-меньшевистские лидеры. Их попытки поднять антисовет-

ские восстания в разных городах России неизменно кончались крахом из-за всеобщего недоверия к этим «либеральным социалистам». От стихийного недовольства, выразившегося в «зелёном» движении, уставший от беспорядков народ возвращался к обновлённой идее Самодержавной Монархии. Историческое значение Приамурского Земского Собора состоит в том, что он отодвинул завесу лжи и подтасованной статистики и показал подлинные чаяния Русского народа.

Почему же они не воплотились тогда в жизнь? Видимо, потому, что по Божию произволению нам ещё предстояло пройти многолетние испытания, чтобы искупить грех отступничества – хотя бы и временного – и заново научиться ценить свои святыни и свою государственность. Легко сломать дерево, но даже после раскаяния в проступке нужны годы, даже десятилетия, чтобы вырастить новое. Скорбные и терпеливые молитвы православных людей о восстановлении в России монархии, некогда произносившиеся шёпотом, ныне звучат открыто и громко – и в этом тоже заслуга тех, кто в тяжкую годину смут не поддался разрушительному безумию и сохранил для потомков великую идею Русской Государственности.

Примечания

1. *А.Хвалин.* Восстановление монархии в России. М. 1993.С.41.
2. *Алексеев В.В.* Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя – Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1994. №1. С.65.
3. *А.Хвалин.* Указ.Соч. С.42.
4. Там же. С.46.
5. Там же. С.52.
6. Там же. С.58.
7. Там же. С.65–66.

Глава 7

Деятельность Патриарха Тихона в 1921 – 25 гг.

Летом 1921 года на нашу страну вновь обрушилось страшное бедствие.

Дело в том, что средоточием советской религиозной политики в годы НЭПа были периодически повторяющиеся попытки подчинить Православную Церковь, поставить Её под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата. Для достижения этой цели применяли любые средства, не останавливаясь и перед грубым насильственным вмешательством во внутрицерковную жизнь. Недавно рассекреченные документы Архива Президента Российской Федерации наглядно свидетельствуют о характере подобных акций. Это отчасти обусловливалось назревавшим установлением дипломатических отношений со странами Запада, требовавших смягчения положения вокруг «религиозного вопроса». И в начале 1922 года в результате дискуссий ЦК РКП(б) и СНК пришли к решению, чтобы руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки взяло бы в свои руки духовенство, абсолютно преданное советской власти и правительству. А уже с этим духовенством и предполагалось на время нормализовать отношения.

21 Марта в докладной записке ГПУ в Политбюро весьма откровенно говорилось о необходимости произвести своеобразный «переворот»: «ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные... иереи стоят в оппозиции реакционной группе Синода и что они в силу канонических правил и других причин, не могут резко выступить против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов Синода им предоставляется возможность устроить церковный собор, на котором они могут избрать на Патриарший Престол и в Синод лиц, настроенных более лояльно к советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов Синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточ-

но. ГПУ находит, что: 1) арест Cунода и Патриарха сейчас своевременны; 2) допущение духовного собора на предмет избрания нового Cунода и Патриарха сейчас также возможно...»[1]. Предложения карательных органов попали на благоприятную почву, хотя «операция» по тактическим соображениям оказалась отсрочена на полтора месяца.

В недавно рассекреченной докладной записке Л.Д. Троцкого от 30 Марта, без возражения утверждённой Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного аппарата по отношению к обновленческому духовенству, проведению раскола в Русской Церкви: «Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло Церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее Церкви в Ея нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление Церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально... Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция... Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри Церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Думаю, что следует разрешить им и даже внушить им необходимость собственного органа, скажем, еженедельника для подготовки собора в определённый срок. Мы получим, таким образом, неоценимый агитационный материал. Может быть, даже удастся поставить несколько таких изданий в разных концах страны... Попутно расправляемся вечекистскими способами с контрреволюционными попами... К моменту созыва Собора нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновлённой Церкви. Просто перескочить через буржуазную реформацию Церкви не удастся. надо, стало быть, превратить её в выкидыш...»[2]. Таким образом, власти изначально планировали ис-

пользовать обновленцев в своих целях, явно переоценивая их возможности, а затем «выбросить», как «отработанный материал». Правда, на практике сопротивление сторонников Патриарха Тихона оказалось гораздо сильнее, чем предполагалось, поэтому в обновленцах продолжали нуждаться и, соответственно, поддерживать их ещё несколько лет.

Последствия Гражданской войны и экономическая разруха, отсутствие чёткой системы работы транспорта и усиление коммунистического произвола, незаинтересованность крестьянства, нещадно ограбляемаго новой властью, наряду с невиданной засухой, явились причиной сильного голода, охватившего области Среднего и Нижнего Поволжья. К концу 1921 года голодало 23,2 млн. человек[3].

Власти могли заранее предвидеть трагические результаты своей политики... В политбюро ЦК РКП(б) некоторое время шла борьба по вопросу об отношении к духовенству. А.Рыков, Л.Каменев и М.Калинин выступали против «решительных мер» к священнослужителям, на чём настаивали Л.Троцкий (он был ответственным от политбюро за проведение кампании по изъятию ценностей), Г.Зиновьев, Н.Бухарин и некоторые другие. В.Ленин первоначально колебался. Однако, первые спровоцированные столкновения при конфискации ценностей дали повод перейти в наступление на «церковных мракобесов» и изменили расстановку сил. В.Ленин активно поддержал Троцкого и его сторонников[4]. В своём письме В.М. Молотову для членов Политбюро 19 Марта 1922 года он писал: «...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю шансами из 100 на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и безпощадной энергией и, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»[5].

Л.Троцкий ещё осенью 1920 года опасался, что возвращающиеся с фронтов мужики, возмущённые «продразвёрсткой», мало отличимой от грабежа, защищая попранные права, повернут своё оружие против «красных комиссаров». В связи с этим, он предлагал даже смягчить политику «военного коммунизма», но и эта ограниченная мера, продиктованная боязнью потерять власть, не была одобрена В.Лениным и большинством его сторонников.

Результатом такого пренебрежения нуждами «трудового народа», которому на словах большевики клялись в верности, стали грандиозные крестьянские восстания, стихийно вспыхнувшие весной 1921 года в разных частях страны. На короткое время повстанцы овладевали целыми районами, свергнув там обманувшую их «народную» власть. Но ещё больше испугало большевиков восстание Кронштадтского гарнизона, начавшееся в конце Февраля 1921 года. И хотя все выступления были жестоко подавлены, факт, что против них поднялись не «враждебные классы», не интервенты, а сам народ – крестьяне, матросы, солдаты, ещё недавно воевавшие на стороне «красных», – этот факт побудил большевистских руководителей спешно перейти к Новой экономической политике (НЭП).

Уже несколько месяцев спустя стало ясно, что и при более разумном построении экономики четыре года грабежей и разорения, сознательного подрыва крестьянского хозяйства не могли пройти безследно даже для такой богатой страны, как Россия. (Конечно, большевики могли бы использовать для помощи голодающим старые запасы продовольствия, но ещё в 1918 году они щедро отправляли за границу целые эшелоны с хлебом и другими продуктами «в помощь германскому пролетариату». В. Ленин не скрывал, что намерен от имени Русского народа приносить «величайшие жертвы» на алтарь міровой революции. Так, например, 4 Октября 1918 года в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано письмо В.И. Ленина объединённому заседанию ВЦИК и Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, где он писал: «Российский пролетариат поймёт, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма.

(...) Постановим, что в каждом крупном элеваторе создаётся запас хлеба для помощи немецким рабочим...»[6]

Верная своим традициям, Русская Церковь не могла оставаться в стороне от участия в помощи терпящим бедствие. Тогда же, в Августе 1921 года, по поводу голода в Поволжье Патриарх Тихон обратился с воззванием «К народам міра и православному человеку». В нём он, в частности, писал:

«К тебе, Православная Русь, первое моё слово: Во имя и ради Христа зовёт тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем полным любви и желания спасти гибнущего брата. Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святынь исторгайте прощения Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию... Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к святому делу спасения погибающих.
Паства родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём святыя незабвенныя деяния благочестивых предков твоих, в годины тягчайших бед, собирающих своею беззаветной верою и самоотверженной любовию во имя Христово духовную Русскую мощь и ею оживотворявших умирающую Русскую землю и жизнь...
К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой: Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесёт голос мой болезненный стон миллионов людей, обречённых на голодную смерть, и возложим его на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь! Во имя Христово исходим на делание свое: Господи, благослови»[7].

Отдельные экземпляры этого воззвания были направлены Патриархом Тихоном предстоятелям поместных Православных Церквей, Папе Римскому, архиепископу Кентерберийскому и архиепископу Йоркскому. Тогда же по инициативе Патриарха был создан Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим. Во всех храмах начался активный сбор средств для помощи голодающим. Все собранные суммы по указанию советского правительства направлялись в специально учреждённый им так называемый «Помгол» (Комитет помощи голодающим).

Наличие особого Церковного комитета для этой цели правительство сочло нецелесообразным, поскольку желало самолично распоряжаться стекавшимися со всей страны материальными средствами. Стремясь сделать невозможным любой контроль над собою не только со стороны Церкви, но и со стороны просо-

ветски настроенной общественности. власти ещё в 1921 году распустили общественную организацию помощи голодающим «Всерпомгол» при ВЦИКе и арестовали ея членов. В Декабре 1921 года Русской Церкви было предложено продолжать сбор пожертвований и вносить их в отделение Помгола при посредстве органов Церковного управления: Cvнода, Высшего Церковного Совета, епархиальных, благочиннических и приходских советов. По этому поводу имелась переписка между Патриархом Тvхоном и Председателем ВЦИК М.И. Калининым. Кроме специальных сборов денег и продовольствия на нужды голодающих, приходские советы также регулярно производили в Помгол отчисления с Церковных доходов*, которые, учитывая религиозную активность населения в те годы и ещё достаточно большое количество храмов, были довольно высокими. Таким образом, помощь Церкви в деле спасения голодающих могла представляться довольно эффективной и без тех кощунственных мер, что предприняла советская власть в следующем 1922 году. В Помгол был командирован представитель Русской Церкви – московский протоиерей Н.В. Цветков, имевший опыт организационной работы по помощи жертвам засухи в Поволжье. 19 Февраля 1922 года Патриарх Тvхон вновь обратился с воззванием к чадам Русской Церкви, в котором, «желая усилить возможную помощь вымирающему населению Поволжья», благословил церковно-приходские советы жертвовать для этой цели драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления[8].

Однако, власти не устраивало мирное разрешение вопроса. 23 Февраля 1922 года, после резких выпадов в газетах против Церковного руководства, ВЦИК издал постановление об изъятии всех без исключения ценностей в пользу голодающих, мотивируя своё решение тем, что Запад соглашался поставлять хлеб только в обмен на культурные, исторические и религиозные ценности[9]. Объяснение было отчасти не лишено убедительности, поскольку интерес к Русской «сенсации» и сочувствие голодающим не мешали зарубежным предпринимателям делать бизнес на всенародном бедствии. Многие шедевры церковного и светского

**Об этом, в частности, сообщает советский исследователь А.А Шишкин, ссылаясь, между прочим, на выступления обновленческого лидера В.Красницкого, назвавшего эти сборы и отчисления «обычными» (Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в Русской Православной Церкви. Казань. 1970. С.85).*

искусства, проданные тогда за безценок, оказались за границей. Вместе с тем, нетрудно было угадать вторую – и главную – цель большевистского распоряжения: под предлогом благородной помощи голодающим лишить Православные храмы их святынь, в массовом порядке изъять из храмов священные предметы, без которых важнейшие Богослужения становились невозможными. Эту вторую главную цель большевики невольно выдавали тем, что изымали даже такие священные предметы, которые не представляли большой ценности с материальной точки зрения, в результате чего бедный, обычный храм подвергался такому же безжалостному разграблению, как и всемірно известные соборы, владевшие множеством безценных святынь. В связи с этим, 28 Февраля Патриарх Тихон опять выступил с посланием по поводу помощи голодающим, в котором коснулся вопроса об изъятии церковных ценностей. Подтвердив свой призыв жертвовать драгоценные церковные украшения для голодающих, он отметил, однако, что в соответствии с Церковными канонами (Ап.пр.73, Двукр. Соб.пр.10) он не может одобрить изъятия, даже и через добровольные пожертвования, священных предметов (евхаристические сосуды), употребление которых не для богослужебных целей запрещено[10]. «С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад Наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не священных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим», – писал Патриарх в своём послании[11]. В то же время, с благословения Патриарха, многие архиереи и приходские советы входили с ходатайствами в местные органы власти о компенсации соответствующими драгоценными металлами и другими ценностями, собранными верующими, стоимости богослужебных предметов, дабы они оставались в храмах. На это ряд Преосвященных указывали в посланиях верующим своих епархий[12].

Но такие мирные компромиссы были редкостью. В большинстве мест власти не соглашались на переговоры с «попами».

Изъятие Церковных ценностей проводилось грубо и цинично, с оскорблением религиозных чувств верующих. В ряде городов (например, в Иваново-Вознесенске, Шуе и др.) сопротивление прихожан против насильственных изъятий приняло форму открытых столкновений с представителями властей, повлекших за собой человеческие жертвы и ставших причиной целой волны политических процессов. «28 Февраля (13 Марта), в понедельник, в Шуйский соборный храм после Богослужения прибыла уездная комиссия по изъятию ценностей и потребовала немедленно сдать для помощи голодающим все украшения из золота, серебра и драгоценных камней. Толпа прихожан ответила комиссии укорами и криками... Страсти накалялись, и комиссия подобру-поздорову убралась, когда почувствовала, что ей сейчас намнут бока. В среду же она появилась вновь, но уже с отрядом конной милиции.

С колокольни ударили в набат. Рабочие и крестьяне окрестных деревень побросали дела и поспешили на соборную площадь. Угрозами, камнями и поленьями толпа отогнала конную милицию от храма. Тогда городские власти вызвали роту 146-го пехотного полка. Солдаты рассыпчатым строем, с винтовками на изготовку двинулись на толпу, а толпа с поленьями и кольями полезла на штыки. Рота дрогнула, четырех красноармейцев избили и отняли у них винтовки. Но тут прибыли два автомобиля с пулемётами и дали очередь по взбунтовавшемуся народу. Четырёх убили, десятерых тяжело ранили, и толпа рассеялась. К вечеру были произведены аресты прихожан, наиболее громко заступавшихся за свой храм. Одновременно комиссия по изъятию церковных ценностей набрала в храме священных сосудов, риз, паникадил, подсвечников на три с половиной пуда серебром»[13].

В Марте 1922 года бурные трагические события произошли в Старой Руссе. Узнав о решении уездного Совета приступить к изъятию церковных ценностей в местных храмах и монастырях – решении категоричном и безцеремонном, без учёта мнений клира и мірян, – город заволновался. Уже вечером 15 Марта, после окончания Богослужения, огромная толпа собралась в ограде Спасо-Преображенского монастыря, с которого власти намеревались начать изъятия. В тесноте, в нервном ожидании рождались догадки и слухи, накалялись страсти. Появление в монастыре помощника

коменданта Старой Руссы взорвало толпу. Незваный гость был избит». Но волнения на этом не закончились. Уже с утра 16 Марта город напоминал бурлящий котёл. Народ кинулся защищать свои ценности и святыни... Староруссцы собрались возле своего кафедрального собора. Вся соборная площадь и ближайшие к ней улицы были заполнены людьми»[14]. В такой обстановке сверхнервного напряжения достаточно было небольшого толчка, чтобы вызвать безпорядки. Власти ничего не предприняли, чтобы успокоить разгорячённых людей. В результате трагической случайности, а, быть может, провокации, гнев толпы вылился на трёх старообрядцев, которые вошли в церковь, не перекрестясь, и были приняты за советских работников. Прибывшие к месту событий представители власти также оказались избитыми, и только спешно вызванный ими конный отряд сумел разогнать народ.

Власти воспользовались этими неблагоприятными для себя событиями, чтобы начать репрессии не только против непосредственных участников волнений, но и против «провокаторов в рясах» и главного из них – Патриарха Тихона, как автора воззвания от 15 (28) Февраля 1922 года, в котором осуждалось изъятие из храмов священных предметов. Над церковным руководством вновь нависло обвинение в контрреволюции. Весной 1922 года начались судебные процессы по делам об изъятии церковных ценностей. Только до Июля месяца было организовано 55 трибуналов и привлечено к ответственности 732 человека[15].

Политические дела, связанные с открытым сопротивлением изъятию храмовых ценностей, разбирались в трибуналах: Тульском, Витебском, Московском, Череповецком, Новгородском, Чувашской области, Рыбинском, Донском, Костромском, Астраханском, Гомельском, Ярославском, Екатеринбуржском и других[16]. 26 Апреля аналогичный судебный процесс начался в Москве. 5 Мая на него в качестве свидетеля был вызван Патриарх Тихон. Он вновь подтвердил то, что им было написано в воззваниях о помощи голодающим, взяв на себя полную за них ответственность. Процесс закончился 9 Мая, причём 11 человек были приговорены к расстрелу: священники Заозёрский, Добролюбов, Надеждин, Вишняков, Орлов, Фрязинов, Соколов, иеромонах Макарий (Телегин) и міряне Тихомиров, Роханов, Брусилова (племянница известного генерала)[17]. Одновременно было принято решение о привлечении к уголовной ответственности и самого Патриарха Тихона, а 19 Мая он под охра-

ной был перевезён с Троицкого подворья в Донской монастырь, где находился под домашним арестом вплоть до середины Июня 1923 года.

Но самый крупный политический процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей состоялся летом 1922 года в Петрограде, где также произошли массовые волнения. «В церкви Путиловского завода рабочие не позволили изъятия. В других приходах при появлении советской комиссии ударяли в набат, созывая верующих оказать сопротивление»[18]. Власти обвинили в подстрекательстве безпорядков или прямом участии в них любимца петроградской паствы митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского), председателя Правления православных приходов профессора Ю.П. Новицкого и десятки других клириков и мірян – всего 89 человек. На скамье подсудимых оказались рядом и цвет петроградского клира, и подростки, защищавшие Путиловскую церковь, и профессора, и простолюдины – прихожане из рабочих кварталов. Обвинения против некоторых подсудимых были настолько шаткими, что суд вынужден был оправдать 25 человек.

Но главное внимание на процессе, как обвинителей, так и публики, было приковано к митрополиту Вениамину. Многие понимали, что он уже заведомо обречён, что прежде всего ради расправы с ним власти затеяли столь грандиозное судилище. Конечно, важнее физического уничтожения для них был другой итог: уничтожение нравственное. «Митрополит, раскаявшийся, приведённый к повиновению, униженный, морально развенчанный и «милостиво» пощажённый – такой результат был бы гораздо заманчивее»[19].

Зная, какое тяжёлое впечатление производит обычно в подобных случаях вероломство товарищей, власти выдвинули главным обвинителем ещё недавно приближенного к себе митрополитом священника А. Введенского – будущего лидера обновленчества. (Уже в Марте 1922 года в «Петроградской правде» появилось письмо 12-ти священников – А.Введенского, В.Красницкого и других будущих «столпов» «живой церкви», где они, отмежёвываясь от остального духовенства, обвиняли его в контрреволюционности, в политических спекуляциях на народном голоде.) Власти воспользовались вероломством «реформаторов», которые нанесли удар в тот момент, когда над митрополитом Вениамином и другими петроградскими священнослужителями уже и без того сгущались тучи.

Но на суде А. Введенский выступить не смог. «На второй же день процесса, при выходе из зала заседания на улицу, какая-то пожилая женщина швырнула во Введенского камнем, чем причинила ему поранение головы. Была ли эта рана действительно серьёзной, или же Введенский использовал этот случай, чтобы уклониться от дачи в трибунале свидетельского показания – решить трудно. Во всяком случае, Введенский, «по болезни» больше в трибунал не являлся»[20]. Вместо него на суде выступил В. Красницкий, чьё вероломное поведение потрясло присутствующих в зале*.

Но обвинителям и требовалась демонстрация вероломства. Они хотели показать митрополиту Вениамину и другим клирикам, что Сама Церковь от них отвернулась, Сама Церковь, а не только мірская власть выносит им приговор. Однако, речь В.Красницкого оказалась на процессе единственной в своём роде. Даже священник Боярский, подписавший известное «письмо 12-ти», в своих свидетельских показаниях встал на сторону митрополита, приведя факты, разоблачившие лживость обвинений. На процессе и в последних речах главные подсудимые, от которых обвинители надеялись услышать слова раскаяния, держались с достоинством, не прося пощады для себя, но пытаясь защищать других. Особенно сильное впечатление на публику и даже на судей произвела речь митрополита Вениамина. Он сказал, «что из всего, что он услышал о себе на суде, на него наиболее удручающе подействовало то, что обвинители называют его «врагом народа». – «Я верный сын своего народа, я люблю и всегда любил его. Я жизнь ему отдал свою, и я счастлив тем, что народ – вернее, простой народ – платил мне тою же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я занимаю в Православной Церкви». Это было всё, что митрополит сказал о себе в своём «последнем слове». Остальное, довольно продолжительное, время своей речи он посвятил исключительно соображениям и объяснениям в защиту некоторых подсудимых, ссылаясь на документы и иные данные и обнаружив при этом большую память, последовательность и невозмутимое спокойствие.

«...Среди наступившей за заключительными словами митрополита благоговейной тишины раздался голос председателя – голос, в котором, как будто, прозвучала какая-то доселе ему не

Подробнее о выступлении Красницкого см. в гл. 9.

свойственная мягкая нота: «Вы всё говорили о других; трибуналу желательно знать, что же Вы скажете о самом себе». Митрополит, который уже сел, вновь приподнялся и, с некоторым недоумением посмотрев на председателя, тихо, но отчётливо сказал: «О себе. Что же я могу о себе ещё сказать? Разве лишь одно... Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре – жизнь или смерть, – но, что бы вы в нём не провозгласили, – я с одинаковым благоговением обращу свои очи горѣ, возложу на себя крестное знамение (при этом Митрополит широко перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за всё»[21].

Трибунал приговорил митрополита Вениамина (Казанского), епископа Кронштадтского Венедикта (Плотникова), архимандрита Сергия (Шеина), протоиереев Н.К. Чукова, Л.К. Богоявленского, М.П. Чельцова, профессоров Ю.П. Новицкого, Н.Ф. Огнева, И.М. Ковшарова и Н.А. Елачича к разстрелу. Остальные подсудимые получили различные сроки заключения. 25 человек суд оправдал.

10 Августа 1922 года «Известия» опубликовали сообщение о помиловании шести приговорённых к смертной казни. В ночь с 12 на 13 Августа остальные четверо – митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, профессор Ю.П. Новицкий и И.М. Ковшаров были разстреляны. Подводя итоги кампании по изъятию церковных ценностей, следует отметить, что надежды руководителей РКП(б) на лёгкое обогащение не оправдались и в малой степени. Все расчёты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В.Ленин, оказались мифом. Несмотря на непрерывное подстёгивание местных властей Л.Троцким, лично заинтересованным в этой акции, так как определённая часть добытых сумм должна была пойти на нужды возглавляемой им Красной армии, во многих регионах операции проводились очень неохотно. Так, 4 Мая руководящий орган партии с горечью постановил: «Заслушав сообщение о ходе кампании по изъятию ценностей, политбюро констатирует крайнюю медлительность и вялость ея проведения и ставит это на вид всем ея участникам»[22]. Всего же, согласно ведомости ЦК Последгола от 1 Ноября 1922 года оказалось собрано, помимо 964 антикварных вещей, церковных драгоценностей на 4 651 тысячу золотых рублей. Причём, более четверти из них осталось на местах, поскольку губернские власти также желали иметь «на чёрный

день» свой резервный фонд[23]. Таким образом, в центр поступило лишь около трёх с половиной миллионов золотых рублей, из которых действительно на нужды голодающих едва ли пошла небольшая часть.

Но если первая цель антицерковной кампании в значительной степени достигнута не была, то вторая первоначально увенчалась большим успехом. 12 Мая, в день вскрытия в Петрограде останков св.Александра Невского, началась «революция» в Церкви, породившая раскол внутри Неё и посеявшая смуту среди духовенства и верующих. По признанию «отца» обновленчества А.И. Введенского, к расколу были непосредственно причастны Г.Е. Зиновьев и уполномоченный ГПУ по делам религий Е.А. Тучков.

Сохранилось немало доказательств активного вмешательства государства во внутрицерковные дела, Одним из них является письмо Л.Д. Троцкого членам политбюро ЦК РКП(б) от 14 Мая 1922 года, полностью одобренное Лениным: «Сейчас, однако, главная политическая задача состоит в том, чтобы сменовеховское духовенство не оказалось терроризированным старой церковной иерархией. Отделение Церкви от государства, нами раз навсегда проведённое, вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в Церкви как в материально-общественной организации...»[24]. Наиболее активно властями использовалась группа так называемого «прогрессивного» духовенства Петрограда, «прославившаяся» предательским поведением в деле митрополита Вениамина. Позднѣе у них нашлись единомышленники в Москве и других городах.. В 1922 году, когда в связи с процессами об изъятии ценностей, структуре Церковного управления был нанесён серьёзный удар (многие архиереи и члены епархиальных советов находились под следствием, да и над самими органами Церковной власти нависла угроза закрытия), эти деятели решили, что наступил их «звёздный час». В нарушение канонов «инициативная группа»петроградского духовенства из четырёх человек (протоиерей А.Введенский, священники А.Боярский и Е.Белков и псаломщик С.Стадник) без благословения своего правящего архиерея отправилась в Москву, где 12 Мая, посетив Патриарха Тихона, потребовала от него устранения от Церковного управления. Патриарх Тихон ответил им, что вопрос об его устранении может решить только Поместный Собор, а пока «ввиду крайней затруднительности» для него осущест-

влять своё первосвятительское служение в связи с привлечением его к гражданскому суду, он, в соответствии с определением Собора 1917–1918 гг., передаёт свои полномочия впредь до Собора или разрешения его дела одному из назначенных им чрезвычайных Местоблюстителей – митрополиту Ярославскому Агафангелу или митрополиту Петроградскому Вениамину. Об этом в тот же день Патриарх письменно известил и председателя ВЦИК М.И. Калинина. Сразу же было послано извещение к митрополиту Агафангелу, которого Патриарх просил без промедления прибыть в Москву[25].

Однако, события развернулись следующим образом. 14 Мая в «Известиях» появилось воззвание (декларация) обновленцев, во главе которых встал находившийся на покое епископ Антонин (Грановский) и к которым присоединились ещё несколько священнослужителей из Москвы и Саратова. В этой декларации они во всех бедах винили Патриарха Тихона и верное ему духовенство, заявляя об их контрреволюционности и отказе помочь голодающим, чем, якобы, и вызваны церковные нестроения[26]. 16 Мая обновленческая группа «прогрессивного духовенства» направила М.И. Калинину сообщение о создании ими т.н. Высшего Церковного Управления (ВЦУ) «ввиду, – как они утверждали, – устранения Патриархом Тихоном себя от власти». Между тем, 18 Мая они снова посетили Патриарха и, идя на явный обман, стали просить его передать им Патриаршую канцелярию и Синодские дела (на что было испрошено разрешение властей) для передачи их Патриаршему Заместителю по его прибытию в Москву и для ведения текущих дел с привлечением к этому «находящихся на свободе в Москве святителей». На это прошение Патриарх наложил резолюцию, в которой лишь поручал этим лицам передать митрополиту Агафангелу синодские дела при непременном участии своего викария епископа Клинского Иннокентия и секретаря Синода Нумерова[27]. Но митрополиту Агафангелу, хотя и принявшему на себя обязанности Патриаршего Заместителя, не было разрешено властями выехать в Москву. Та же участь постигла позднѣе и митрополита Вениамина, против которого 29 Мая началось следствие «в связи с изъятием церковных ценностей». Между тем 19 Мая обновленцы обманным путём захватили Троицкое подворье, где разместилось теперь их самочинное ВЦУ, во главе которого ими был поставлен проживавший на покое в Москве

епископ (бывший Владикавказский) Антонин (Грановский). С 1921 года находившийся под запрещением от Патриарха и Синода за недопустимые нововведения в Богослужение, он был пока единственный архиерей, поддержавший платформу обновленцев. И дальше обновленцы стали действовать обманом, объявляя, что они являются полномочными членами ВЦУ, согласно резолюции Патриарха. Однако, когда 25 Мая лидер обновленцев протоиерей Александр Введенский явился в Петроград, то его и других петроградских клириков, последовавших за ним, митрополит Петроградский Вениамин отлучил впредь до раскаяния от Церковного общения за отпадение от своего епископа и учинённый в Церкви раскол. Об этом он и известил петроградскую паству своим посланием от 28 Мая. Но на следующий день митрополит Вениамин был арестован. Центральное, да и многие местные епархиальные управления ввиду арестов архиереев были дезорганизованы. В свою очередь ВЦУ, узурпировав центральную власть, всячески вводя в заблуждение Церковную общественность, пыталось придать себе видимость законности. 4 Июня вступивший в управление Петроградской Епархией епископ Ямбургский Алексий (Симанский, будущий Патриарх РПЦ) снимает с обновленцев запрещение и признаёт ВЦУ. А 16 Июня три авторитетных иерарха – митрополит Владимірский Сергий (Страгородский), архиепископ Нижегородский Евдоким (Мещерский) и архиепископ Костромской Серафим (Мещеряков) выпустили воззвание, в котором признали каноничность ВЦУ и призвали чад Церкви последовать их примеру[28].

В связи с этим митрополит Мануил в своей заметке «Митрополит Сергий и Обновленческий раскол» пишет: «Мы не имеем права скрывать от истории тех печальных потрясающих отпадений от единства Русской Церкви, которые имели место в массовом масштабе после опубликования в журнале «Живая Церковь» письма – воззвания трёх известных архиереев. Многие из архиереев и духовенства рассуждали наивно и правдиво так: «Если же мудрый Сергий признал возможным подчиниться ВЦУ, то ясно, что и мы должны последовать его примеру»[29].

Но уже 18 Июня законный Патриарший Заместитель митрополит Агафангел обратился с посланием к Церкви, в котором указывал на неканоничность ВЦУ и призывал архиереев, «лишённых на время высшего руководства», к самостоятельному управ-

лению своими епархиями в соответствии с соборными и синодальными постановлениями, «сообразуясь с Писанием, Церковными канонами,... по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной власти», т.е. до освобождения Патриарха или же возможности его Заместителю прибыть в Москву и созвать Собор[30]. Следует отметить, что значительная часть архиереев и клириков всё же сохранили в этих условиях верность канонической Церковной власти в лице Патриарха Тихона. Известно, что когда 28 Мая 1922 года члены ВЦУ встретились с духовенством Хамовнического благочиния г. Москвы, то последние ответили решительным отказом на призыв поддержать его и «обновленческое движение». Впрочем, вскоре и многие из тех Епископов и священнослужителей, которые вначале из опасения лишиться «центра», поддержали ВЦУ, отошли от него, увидев явно подрывной для Церкви характер обновленчества (профанация «в духе времени» вероучения, введение женатого епископата и второбрачия духовенства, совершение Богослужений на гражданском языке и т.п.). Забегая вперёд, отметим, что и внутри самого обновленчества потом возникли расколы. Решительное сопротивление обновленцам оказал верующий народ. Захваченные ими храмы во время служб оставались пустыми. Что же касается Поместного Собора, о котором они сначала так ратовали, то, создав своё ВЦУ, они не спешили с его созывом. Им было важно не созвать Собор, а подобрать его из своих сторонников. В отношении Церкви они поступали, по общему мнению, предательски: сначала обвиняли своих собратьев перед властями в «контрреволюции», а затем лили «крокодиловы слёзы», ходатайствуя о помиловании осуждённых при помощи их наветов.

6 Апреля 1923 года в «Известиях» появилось сообщение, что процесс над Патриархом Тихоном должен начаться 11 Апреля, что совпадало со средой Светлой седмицы[31]. Однако по личному ходатайству епископа Антонина начало процесса было перенесено на 24 Апреля, «чтобы не омрачать православным Пасху», что, впрочем, вызвало немалое возмущение ряда ведущих обновленцев. В печати развернулась кампания с резкими нападками на Патриарха. Большое усердие проявили в этом и обновленцы. Так, 15 Апреля в «Известиях» появилась статья обновленческого «митрополита всея Сибири» Петра Блинова с обвинениями Патриарха и ряда епископов, названных там «черносотенными архие-

реями» в «организации кровавых эксцессов»[32]. А 20 Апреля там же была помещена подборка: «Обновленческая Церковь в процессе Тихона», в которой были помещены выступления Антонина, Введенского и Красницкого с осуждением «контрреволюционной деятельности Тихона»[33].

Но процесс над Патриархом так и не начался. Этому в немалой степени способствовало международное общественное мнение, которое хотя и было, за исключением Русских эмигрантов, равнодушно к бедам Православия, тем не менее, из неприязни к большевикам стремилось поддержать их противников. Советскому правительству, находившемуся в тот период в «полосе признания» со стороны западных держав, в довершение к неблагоприятным впечатлениям от предыдущих процессов по делам духовенства, суд над Патриархом Тихоном оказался бы политически невыгодным. Между тем, 29 Апреля 1923 года в Москве и в храме Христа-Спасителя, наконец, открылся созванный обновленцами «Поместный собор». 3 Мая им было принято определение о лишении Святейшего Тихона «сана и звания Патриарха», а также о лишении его монашества. Из 72-х бывших на этом «соборе» епископов упомянутое определение подписали только 54, причём лишь 16 из них имели правильное, т.е. не обновленческое постановление[34]. Когда же на следующий день делегация обновленцев во главе с Петром Блиновым явилась к Патриарху в Донской монастырь вручить ему данное постановление, то Святейшим Тихоном была наложена на него следующая резолюция: *«Прочёл. Собор меня не вызвал, его компетенции не знаю и потому законным его решения признать не могу. Патриарх Тихон (Василий Беллавин). 22 Апреля/4 Мая 1923 года»*[35].

Становилось ясно, что обновленческое движение приобретает всё более одиозный характер, что ни верующие в СССР, ни мiровое общественное мнение (несмотря на признание обновленческого движения Восточными Патриархами) не воспринимают его как Русскую Церковь, а лишь как группировки раскольников и узурпаторов. Между тем настоящая Церковь – «Тихоновская» – как Её тогда называли, продолжала объединять десятки миллионов людей, сохранивших Ей верность во все эти годы исторических потрясений, и несмотря на значительный ущерб, нанесённый Ея внешней структуре, всё же оставалась фактором, с которым большевикам приходилось считаться. В то же время и Церковь стояла перед суровой проблемой, чтобы, сохраняя преданность Пра-

вой Вере, Своим священным традициям и каноническому устроению, иметь вместе с тем и нормальные отношения с новообразовавшейся властью, построенные на закреплённом в советской Конституции принципе отделения Церкви от государства и их взаимном невмешательстве во внутренние дела друг друга, дабы в условиях нового социального строя продолжать нести свою спасительную миссию. Об этом Патриарх Тихон в течении последних 38 дней своего заключения имел регулярные беседы в ГПУ, куда его перевели в это время, с начальником «церковного отдела» Е.А. Тучковым. Чувствуя, что в момент тяжёлых для Церкви испытаний и внутреннего раскола он не может позволить себе устраняться от ответственности за Неё и довольствоваться демонстрацией собственного героизма, 16 Июня 1923 года Патриарх подал заявление в Верховный Суд РСФСР, в котором выразил сожаление по поводу антисоветского характера, усмотренного в некоторых его прежних действиях и выступлениях, а также попросил снисхождения к себе советской власти и освобождения из-под стражи[36]. 25 Июня Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приняла решение «об изменении меры пресечения в отношении гражданина Беллавина и освобождении его из-под стражи»[37]. В этот же день Патриарх вернулся в Донской монастырь, ставший отныне его резиденцией до конца земной жизни, чтобы, опираясь на поддержку верных иерархов, клириков и мірян, вновь с полной отдачей приняться за устроение Церковной жизни. Впрочем, как сообщает М.И. Вострышев в своей книге «Божий Избранник»: «Незадолго до кончины в беседе с тюремным врачом Жижиленко, будущим епископом, Патриарх говорил о своих мучительных сомнениях в пользе дальнейших уступок Советской власти. Делая эти уступки, Божий избранник с ужасом убеждается, что предел требований Советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви и что, по-видимому, единственная возможность для Церкви сохранить Свою верность Христу – это уйти в катакомбы, как первые христиане.

Но понимал Тихон и иное – скрыться Архипастырю недозволительно, он должен нести свой Крест до конца»[38].

Тяжёлое положение, в котором оказалась Русская Церковь ко времени ареста Патриарха Тихона усугублялось ещё и тем, что в глазах властей Она несла политическую ответственность за деятельность Русских иерархов, оказавшихся в эмиграции.

16 Октября 1920 года в Симферополе было создано Русское Временное Церковное Управление, во главе которого стал митрополит бывший Киевский Антоний (Храповицкий). Связавшее свою судьбу с Русской эмиграцией, оно уже к концу месяца оказалось в Константинополе, а оттуда вскоре перебралось в Сремски Карловцы, что в Югославии, где по благословению Сербского Патриарха Димитрия ему были предоставлены условия для работы. В его состав первоначально вошли архиереи и клирики, связанные с освободительным Белым движением, как, например, его председатель – митрополит Антоний, затем в него также вошли епископы, епархии которых находились за пределами России (Америка, Китай и др.) или же чьи епархии вошли в состав других государств и смещённые со своих кафедр их правительствами, как, например, архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский). Постановление Cунода и Высшего Церковного Совета от 20 Ноября 1920 года давало им право самоопределения. В юрисдикцию РВЦУ вошли также создаваемые для Русских эмигрантов приходы на Балканах и в Азии. К этому времени уже имелось большое число Русских приходов в Западной Европе, большинство из которых появилось ещё до революции. Раньше они управлялись митрополитом Петроградским, однако в связи с невозможностью теперь поддерживать связь с Петроградом, РВЦУ назначило к управлению ими на правах епархиального архиерея (с 30.01.1922 г.) митрополита Волынского Евлогия (Георгиевского). Это назначение было подтверждено указом Патриарха и Cунода от 8 Апреля 1921 года, где говорилось, что оно остаётся в силе «до восстановления нормальных отношений с Петроградом»[39].

По инициативе РВЦУ в Карловцах был созван 1 Русский Всезаграничный Собор, начавший свою работу 5 Декабря 1921 года. В первый же день на нём произошло разделение среди его участников по поводу основного документа «Обращения к Православным Русским беженцам за границей». К сожалению, $^1/_3$ членов Собора (34 чел.) во главе с архиепископом Евлогием, резко протестовала против монархического характера обращения. Эта часть членов Собора приняла резолюцию о невозможности Церковному Собору предписывать политические заявления. Остальные участники Собора не разделили этого мнения, справедливо считая Самодержавие не политической идеей, а частью Церковного сознания[40].

Когда сведения о Карловацком соборе и его деятельности дошли до Москвы, он стал предметом обсуждения в Церковных кругах. Надо ли говорить, что московские клирики могли довольствоваться лишь искажённой, противоречивой информацией, из которой было трудно сделать объективные выводы. К тому же они не желали разделять навязанный им советской властью принцип круговой поруки. В предложенном 10 Апреля 1922 года Cvноду и Высшему Церковному Совету проекте указа на имя митрополита Евлогия от имени Патриарха Тvхона писалось:

> «1. Я признаю Карловацкий Собор заграничного духовенства и мірян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающим официального голоса Русской Церкви.
>
> 2. Ввиду того, что заграничное Русское Церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны заграничные русские приходы уже поручены попечению Вашего Преосвященства, Высшее Церковное Управление за границей упразднить.
>
> 3. Священному Cvноду иметь суждения о Церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления»[41].
>
> Этот указ был утверждён Cvнодом и Высшим Церковным Советом 5 Мая 1922 года.

В недавно вышедшем исследовании известного историка РПЦ Д.В.Поспеловскаго «Русская Православная Церковь в XX столетии» (С.126 и далѣе) достаточно подробно разбирается вопрос о подлинности этого документа, в котором отражается одна из главных побед большевиков над Церковью – Ея якобы добровольный поворот к аполитичности, отказ от духовнаго водительства и благотворнаго воздействия на все стороны жизни паствы и государства в целом. Таким образом, большевики сделали всё, чтобы превратить Церковь из учреждения Богоустановленнаго (Глава Которому Христос: Еф. 5:23; Кол. 1:18) в учреждение практически человеческое, сведя всю Ея деятельность к исполнению обрядов, да и то в стенах храма.

Здесь необходимо отметить, что на территориях, свободных от большевитского влияния, направлять политических деятелей на правый спасительный путь (что является одним из безусловных призваний Церкви) не мешало ничто[42]. Ведь и сам Патриарх

в начале своего пути не считал для Церкви возможным быть в стороне от «политики», осудив убийство Императора и Императорской Семьи и сняв тем самым с Русскаго народа обвинение в причастности к этому злодеянию; осудив Брестский мир и неоднократно призывая опомниться политических преступников, вероломно захвативших власть в Империи и ставших новыми «вершителями судеб человечества». А не является ли политическим актом анафематствование Святейшим от имени Церкви диктатуры большевиков? Да и называть вещи своими именами – то есть друзей друзьями, а врагов врагами – не есть ли уже политика?

Однако, даже недостаточно знавшие советскую действительность зарубежные клирики поняли, что если документ и подписан Патриархом, то не иначе, как под нажимом и угрозами – быть может, не только в свой адрес. Подозрение подтверждалось и тем, что сразу после подписания указа Патриарх Тихон был арестован.

И всё же, даже если согласиться с мнениями тех исследователей, которые считают этот указ, как и подобные ему иные, подложным, тем не менее нельзя не усмотреть в действиях святейшаго Патриарха аналогию с действиями пророка Иеремии в Священной истории Ветхаго Завета, когда пророк призывал не к вооружённой борьбе с Навуходоносором, но к покаянию, в котором и было единственное спасение от пленения Вавилонскаго, продолжавшагося, кстати, те же семьдесят лет...

Итак, имеются основания полагать, что Патриарх вовсе не подписывал распоряжения об упразднении ВЦУ. В Мае 1926 года известный церковный деятель протоиерей Владимір Востоков выступил с докладом «Когда Желябовы смеются – Россия плачет», впоследствии изданном отдельной брошюрой, где он давал следующие объяснения событий: «В Марте (имеется в виду старый стиль – *авт.*) 1922 года был добыт указ, якобы от Патриарха Тихона, но Патриархом не подписанный; указ велит за политиканство упразднить В.Ц. Управление и грозит Церковным судом некоторым духовным лицам. В чём именно выражалось «политиканство» Собора 1921 года, В.Ц. Управления и подлежащих суду каких-то таинственных духовных лиц, указ не пояснял. Указ отвлечённый, голословный, по мнению самих же иерархов, с явными признаками большевистской в нём руки, на заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета 19 Августа

1922 года было решено большинством 9 против 2 (мирополитов Евлогия и Вениамина) не исполнять, впредь до проверки его происхождения. Но на другой же день, 20 Августа, одними иерархами, без членов В.Ц. Совета, по настоянию митрополита Евлогия, указ безо всякой проверки был исполнен... В.Ц. Управление заменено до сих пор Архиерейским Синодом и не по законам царского времени, когда при Синоде полагался обер-прокурор, – око Государево, и не по постановлениям Всероссийского Церковного Собора (1917–1918 гг.), требующим рядом со Священным Синодом также и В.Ц. Совета. Церковно-патриотическому деланию Русских изгнанников нанесён жестокий удар»[43].

Вероятно, Патриарх, не имея возможностей для откровенного диалога, надеялся, что зарубежные клирики поймут его положение и придут именно к тому решению, которое, собственно, и приняли первоначально. Но получилось так, что зарубежные иерархи невольно пошли на поводу у большевиков, хотя, казалось бы от них – живших в свободном міре и лишь понаслышке знавших о творящемся в «совдепии» – можно было ожидать независимого решения.

Среди мероприятий, которые пришлось проводить после выхода из заключения Патриарху Тихону и его соратникам для устроения церковного мира, в первую очередь, следует назвать неоднократные подтверждения мира гражданского, того, что дело Церкви – «сеять учение Христа о мире всего мира, о братстве, о всепобеждающей любви. Взбаламученное страстями человеческое море особенно теперь в этом нуждается»[44]. К моменту освобождения Патриарха из заключения Гражданская война была уже окончательно выиграна большевиками, а отдельные партизанские выступления заведомо обречены на поражение. Страну захлестывала преступность. Тысячи беспризорных детей нуждались в опеке. Теперь Православная Церковь должна была решать принципиально иные задачи, чем несколько лет назад. Военно-политическое противостояние отходило на второй план перед масштабами всенародного горя, голода, разрухи, сиротства... В своём стремлении начать созидательную, воспитательную и благотворительную деятельность Патриарх и другие священнослужители ещё надеялись, что власти позволят им это, увидев их миролюбие. Однако, компромисс не принёс желанных результатов. Хотя Православная Церковь могла бы открыть приюты для де-

сятков тысяч сирот, стариков, вдов и инвалидов, большевики категорически запрещали ей заниматься благотворительностью. Но, глядя порой сквозь пальцы на помощь старикам, власти особенно опасались влияния Церкви на молодое поколение. Все детские воспитательные учреждения были национализированы. Небольшие приюты закрывались, а их питомцы распределялись по другим детским домам. Царивший там безпорядок хорошо известен по мемуарам и литературным произведениям того времени (Например, «Республика Шкид» Г.Белых и Л.Пантелеева – художественное произведение, основанное на личных воспоминаниях авторов). Массовое бегство из ненавистных детдомов превратилось в очередную проблему. Но и признаваясь в безсилии контролировать ситуацию на «детском фронте», большевики не желали делится со «служителями культа» присвоенной монополией на воспитание нового поколения. В результате детская беспризорность была ликвидирована лишь к середине 1930-х годов, т.е. через 15 лет после окончания Гражданской войны. За это время тысячи детей получили «путевку в жизнь» уголовников, проституток, никому не нужных бродяг.

Другой важной задачей Патриарха было разоблачение раскольнической деятельности обновленцев и шаги по преодолению внесённой ими смуты. С этой проблемой связывались и устремления к созыву Поместного Собора для выработки положения о деятельности Русской Церкви в условиях советского государства, выборов в органы высшего церковного управления и решения текущих вопросов церковной жизни.

Уже 4 Июля 1923 года в «Правде» было опубликовано заявление Патриарха Тихона, в котором он счёл бессмысленным «всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно не происходило». В то же время Патриарх указал в нём на неправомочность обновленческого «собора» и его решений[45]. Тогда же им было составлено и другое, более пространное послание, в котором была подробно проанализирована вина перед Церковью обновленцев. Впоследствии с подобного рода заявлениями Патриарх и его соратники выступали неоднократно[46].

К середине 1923 года движение обновленцев пошло на спад. Поняв пагубность их нововведений и в то же время оценив мудрую позицию Патриарха Тихона, сотни клириков стали возвращаться с покаянием к своему первосвятителю. Число обновлен-

ческих приходов начало резко сокращаться. Выдающуюся роль в этом сыграл ближайший помощник Патриарха в это время епископ (впосл. архиепископ) Верейский Иларион (Троицкий). Став активным проводником позиции Святейшего Тихона, он сразу по освобождении последнего переговорил с сотнями священников, монахов и мірян. Он договорился с приходами о чине их присоединения к Патриарху, разработал чин покаяния для бывших обновленцев, принял тут же десятки из них, пришедших к Патриарху с покаянием. Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня. Кроме того, он делил заботы Патриарха по переговорам по церковным делам с Тучковым и другими советскими работниками.

В Петрограде большую деятельность по преодолению последствий раскола проделал временно управляющий епархией епископ Лужский Мануил (Лемешевский). Лишь за 9 месяцев 1923–24 гг. в результате его усилий из 115 обновленческих приходов 83 были возвращены в ведение Патриархии[47].

15 Июля 1923 года Патриарх выступил с посланием к Церкви, где самым решительным образом свидетельствовал, что утверждения обновленцев о передаче им своих прав их ВЦУ – есть ложь. Далее, перечислив их беззакония, он писал: «они отделили себя от единства Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в наше отсутствие, недействительны и ничтожны! И все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехах...»[48]. Впоследствии, вплоть до полной их самоликвидации в 1946 году, Высшая Церковная власть в Русской Церкви неуклонно следовала этому решению Патриарха Тихона в отношении обновленцев, вынужденного принять его единолично в связи с чрезвычайностью обстоятельств и в соответствии с усвоенными ему соборными определениями в таких случаях правами[49].

Некоторые епископы, введённые в заблуждение обновленцами, но затем осознавшие пагубность их движения для Церкви и

отошедшие от него, стали прибывать в Москву для принесения покаяния перед Патриархом. В Августе 1923 года в столицу удалось приехать из Нижнего Новгорода и митрополиту Сергию (Страгородскому), отошедшему от самозванного ВЦУ ещё ранее, в Октябре 1922 года[50]. В Малом соборе Донского монастыря состоялось его публичное покаяние в грехе против Церкви и Её предстоятеля, а затем он принял участие в сослужении Патриарху Божественной литургии. Так произошло его примирение со Святейшим Тихоном, активным сотрудником которого он теперь являлся, выступая за организацию подлинного Собора Русской Церкви.

Каким путем пойдет дальше церковная жизнь? Этот вопрос волновал тогда многих. Дело осложнялось тем, что Патриаршая Церковь и органы Её управления не имели тогда официального признания со стороны властей. Официально в качестве Русской Православной Церкви советское государство признавало лишь обновленцев. В официальной печати того времени, когда речь заходила о Патриархе, неизменно, согласно обновленческой терминологии, ставился предикат «бывший». Несмотря на то, что 21 Марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о прекращении дела Патриарха Тихона и ещё ряда привлечённых с ним к суду иерархов, всё же оставался в силе циркуляр НКЮ №254 от 8.12.1923 г., запрещавший публичное возношение за Богослужениями имени Патриарха, что рассматривалось «как деяние, носящее характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти». В разъяснении НКЮ по этому поводу говорилось, что «постановление ЦИК СССР по делу гр.Беллавина основано на праве частной амнистии, а не на отсутствии состава преступления в действиях гр.Беллавина вообще, а потому нет никакого основания считать, чтобы циркуляр №254 утратил силу»[51]. Между тем, как в некоторых обновленческих, так и в советских кругах становилась очевидной бесперспективность обновленческого движения в целом.

Большевики, формально оказывая покровительство обновленцам, с пренебрежением относились к обновленческому движению и открыто заявляли, что в советском государстве у него нет и не может быть будущего. Л.Д. Троцкий в своей известной книге «Литература и революция» писал о «живоцерковниках»: «Обновленческое, сменовеховское направление в церкви есть

запоздалая попытка бюрократизированной заранее буржуазной реформации под покровом приспособления к советскому государству... Реформация церкви открылась лишь через четыре года после пролетарского переворота. Если «живая церковь» освящает социальную революцию, то это только в поисках покровительственной окраски. Пролетарской церкви не может быть»[52].

Наиболее дальновидные обновленческие деятели понимали, что покровительство властей зыбко и ненадёжно, тогда как гонимые тухоновцы для подавляющего большинства народа по прежнему представляют истинную Церковь.

Ещё в Сентябре 1923 г. обновленческий «Синод» сделал попытку найти соглашение с подлинной Русской Церковью. Суть предлагаемого обновленцами компромисса сводилась к следующему. После соответствующих приготовлений открывается «общий» собор «обновленцев» и «староцерковников» под председательством Патриарха Тихона. Сразу же после открытия предполагаемого собора Патриарх сам просит об увольнении его на покой. Собор удовлетворяет эту просьбу и при этом «восстанавливает его в сущем сане»(?). Затем собор приступает к устроению церковных дел.

Когда вступившие с благословения Патриарха в переговоры с председателем обновленческого «Синода» Евдокимом Мещерским архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский) и Иларион (Троицкий) доложили первосвятителю Русской Церкви об этих условиях обновленцев, то последний вынес их на соборное обсуждение. Следует отметить, что среди православных епископов тогда наметилось как бы два течения. Так, упомянутые преосвященные Серафим и Иларион полагали, что в сложившейся ситуации дальнейшие переговоры с обновленцами возможны, разумеется, без нарушений при этом канонического строя Церкви. Другие епископы, идейным вождём которых оказался проживавший тогда в Даниловом монастыре в Москве бывший ректор Московской Академии архиепископ Феодор (Поздеевский), отвергали какую бы то ни было возможность переговоров с раскольниками, требуя от последних безоговорочного покаяния. По их мнению, даже о постановке вопроса по поводу возможной «отставки» Патриарха не могло быть и речи.

Когда же в Донском монастыре под председательством Святейшего Тихона состоялось совещание православных епископов,

в котором приняли участие 27 оказавшихся тогда в Москве святителей, то путём тайного голосования обновленческие предложения оказались начисто отвергнутыми подавляющим большинством голосов*.

Неизбежность поиска компромисса с Патриархом и вверенной ему Церковью понял и лидер самой крупной в тот период обновленческой группировки «Живая Церковь» В.Красницкий. 1 Июня 1924 г. он подал Патриарху прошение, в котором просил принять его и его последователей в молитвенно-каноническое общение, покрыв любовию их «прежние прегрешения», «чтобы потрудиться на восстановление церковного мира и по подготовке очередного Поместного Собора» в организующемся при Патриархе церковном управлении[53]. Перед Святейшим стояла нелегкая задача. С одной стороны, принятие в состав вновь организуемого церковного управления (Синод и Высший Церковный Совет) Красницкого и некоторых других живоцерковников обеспечило бы его официальное признание и открывало бы возможность созыва столь необходимого Собора. Кроме того, со стороны властей ему давались заверения, что будут освобождены находившиеся в ссылке архиереи и станет возможно наладить епархиальное управление на местах. Но, с другой стороны, наличие на руководящей роли в церковном управлении людей, столь скомпроментировавших себя перед Церковью и, по всей видимости, не отказавшихся от своих опасных замыслов, могло принести лишь новые беды. Повсеместно духовенство и верующие выражали недовольство переговорами Патриарха с Красницким. И Патриарх решил последовать мнению Церкви. Большую роль сыграл в этом митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Возвращаясь летом 1924 года из ссылки, он при встрече со Святейшим выразил ему отрицательное отношение ссыльных епископов к возможному союзу с Красницким, чем и окончательно был решён исход дела. 9 Июля на адресе Елисаветградского духовенства Патриархом Тихоном была наложена следующая резолюция: «Благодарю за выраженные чувства верности. Прошу верить, что

** Сведения об этом: «Вестник Священного Синода Правосл. Российской Церкви» (обновленческий) (ВСС)1927. №4(17). С.23; Шишкин А.А. Указ. соч. С.249–250. Кроме того, имеются личные свидетельства епископов – участников совещания в Донском монастыре. Ясно, каким важным фактором единства и соборности Русской Церкви является институт Патриаршества, представляемый Святейшим Тихоном.*

я не пойду на соглашения и уступки, которые могли бы угрожать целостности Православия. Если же переговоры с о.Красницким вместо радости вызывают тревогу и опасения, особенно в газетной передаче о.Красницкого, о чём свидетельствуют многочисленные заявления архипастырей, пастырей и мірян, то нахожу благовременным совершенно прекратить переговоры с о.Красницким о примирении и подписи на журнале от 8(21) Мая 1924 г. считать недействительными». А на следующий день он заявил об этом в беседе с корреспондентом «Известий»[54]. Однако Патриарх Тихон и его ближайшие сотрудники этого времени митрополиты Сергий, Кирилл, Петр Крутицкий, Серафим Тверской, Тихон Уральский и ещё многие и многие архипастыри, пастыри и церковно-общественные деятели продолжали прилагать усилия к открытию возможности созвать Собор и образовать церковное управление, имеющее признание со стороны гражданской власти, заверяя последнюю, что нормальное в духе Церковных канонов течение церковной жизни никоим образом не имеет цели нанесения какого-либо ущерба существующему государственному строю.

Следует заметить, что негативную роль в церковной смуте 20-х годов сыграл Вселенский Патриархат, а также поддержавшие его Александрийский и Иерусалимский Патриархи. В Мае 1924 г. Вселенский Патриарх Григорий VII, руководствуясь весьма далекими от поиска истины побочными соображениями, выпустил постановление о признании обновленческого Синода[55]. Тогда же им была направлена в Москву делегация для расследования церковных дел. В данной ей инструкции указывалось на желательность удаления на покой Патриарха Тихона, «ради единения расколовшихся»[56]. В связи с этим Патриарх Тихон справедливо указывал в письме Вселенскому Патриарху: «Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви...»[57]. Между тем и далее, вплоть до конца 30-х годов Константинопольский и Александрийский Патриархи продолжали контакты с обновленцами, а их представители в Москве присутствовали на разного рода соборах, съездах и совещаниях. Именно обновленцам от-

ведена была роль представлять Русскую Церковь на так и не состоявшемся Всеправославном Соборе в Иерусалиме, намеченном на Пятидесятницу 1925 года.

Но в Русской Церкви в это время появились и другие нестроения. В 1921 г. для упорядочения церковной жизни на Украине Синод принял решение о создании Украинского экзархата. Поскольку законноизбранный митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) вынужденно оставил кафедру и оказался в эмиграции, то в силу чрезвычайных обстоятельств на неё был назначен Патриаршим указом архиепископ (впоследствии митрополит) Михаил (Ермаков), становившийся одновременно Патриаршим экзархом Украины. В дальнейшем положение Церкви на Украине оказалось достаточно сложным. В Октябре 1921 г. там появился раскол т.н. самосвятов (липковщина), зашедших в своём «реформаторстве» ещё дальше, чем впоследствии обновленцы, которые (гл. образом группа «Живая Церковь») также активно развернули там свою деятельность, причем ими опять был поднят вопрос об Украинской автокефалии. А весной 1924 г., воспользовавшись временным отсутствием находившегося в ссылке экзарха митрополита Михаила, часть украинских епископов во главе с архиепископом бывшим Харьковским Иоанникием (Соколовским), отделившись от Патриарха, решила организовать самостоятельную Украинскую Церковь. Этот раскол (Лубянский) частично охватил Харьковскую, Полтавскую, Киевскую и некоторые другие епархии. Сознавая, сколь пагубным может оказаться такое разделение, Патриарх Тихон 6 Апреля 1924 года принял на себя временное управление всеми церквами на Украине, о чём известил епископат, клир и мірян специальным посланием.

Тяжелым оставалось и внешнее положение Русской Церкви. Выше уже указывалось на политические последствия Карловацкого Собора 1921 года. Желая поддержать Патриарха, зарубежные священнослужители невольно вызвали против него гнев большевистских властей. Тяжёлым оказалось и положение Православных в Польше. Их в то время проживало там 5 млн. человек – население Волыни, Гроднинщины и Холмщины. Польские власти стали проводить политику притеснения Православных, многие их храмы закрывались и переоборудовались под католические костелы. В то же время правительство требовало, чтобы Православная Церковь в Польше полностью не зависела от Мос-

ковского Патриарха. Ради блага церковного Патриархом Тихоном и Синодом 27 Сентября 1921 г. Православной Церкви в Польше была предоставлена автономия[58]. Тогда же экзархом Польши был назначен возведённый в сан митрополита архиепископ Георгий (Ярошевский), ввиду невозможности приезда епископа Варшавского Серафима (Чичагова). Однако, на прошении митрополита Георгия о предоставлении его Церкви автокефалии Патриарх наложил резолюцию с отказом, на основании того, что среди его паствы нет почти ни одного поляка, что по языку и обычаям она является единородной со всей остальной Русской Церковью; кроме того, большинство оказавшихся на польской территории епархий исторически рассматривались, как неотъемлемая часть Русской Церкви. Для устроения церковных дел в Прибалтике 21 Июня 1921 года Определением Синода и Высшего Церковного Совета была предоставлена автономия Латвийской Православной Церкви. На Рижскую кафедру был назначен латыш по национальности – архиепископ Иоанн (Поммэр)[59]. Такая же автономия была предоставлена и Эстонской Церкви, среди верующих которой насчитывался немалый процент природных эстонцев. Несколько сложнее оказалось положение Православной Церкви в Финляндии, где власти в начале 1924 года потребовали устранения от управления русского по национальности архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова) и замены его финном. Ещё ранее, в 1922–23 гг. некоторые круги в церковном управлении в Финляндии, поддержанные гражданской властью, приложили усилия к прекращению даже номинальной юрисдикционной зависимости от Московского Патриархата, приняв 6 Июня 1923 г. автономию от Священного Синода Константинопольской Церкви. Следует заметить, что делегация Финляндской Православной Церкви просила Вселенского Патриарха Мелетия об автокефалии, в чём ей было отказано «вследствие отсутствия оснований». Между тем автономия 11 Февраля 1921 года была предоставлена Финляндской Церкви грамотой Патриарха Тихона[60]. В Январе 1924 г. произошёл разрыв между Северо-Американской митрополией и Московской Патриархией. 15 Января было опубликовано постановление Патриарха Тихона, подписанное ещё несколькими находившимися в Москве иерархами об увольнении с Северо-Американской кафедры митрополита Платона (Рождественского) за политическую деятельность, «пагубно отражающуюся на

Православной Церкви». Митрополиту Платону было предложено прибыть в распоряжение Патриарха[61]. Однако последний ответил на это решительным отказом, объявив о «временном самоуправлении» своего церковного округа. Этот конфликт был разрешён только в 1970 году предоставлением Священным Синодом Русской Церкви автокефалии Русской Православной Церкви в Америке.

В последние годы земной жизни Патриарх Тихон почти ежедневно совершал Богослужения в московских храмах, имея с вверенными ему клириками и паствой самое тесное и живое общение в Св. Евхаристии. Все поражались работоспособности этого изнуренного многими скорбями и болезнями человека. Окружавшие его не понимали, когда же он спал. Днём он служил в храмах или принимал в своей небольшой келье в Донском монастыре многочисленных посетителей. А ночью его неизменно находили за письменным столом, то ли за подготовкой очередной проповеди, то ли за написанием писем или же проектов посланий и определений. Однако земной путь Патриарха Тихона подходил к концу. В начале 1925 г., в связи с участившимися приступами стенокардии, он переехал в клинику доктора Бакунина на Остоженке, откуда продолжал при помощи своих сподвижников, и прежде всего митрополита Крутицкого Петра, управление Церковью, а также, когда позволяло состояние здоровья, выезжать для совершения Богослужений в храмах Москвы и возглавления архиерейских хиротоний. Так, неся попечение о благоустроении церковной жизни, он в Феврале того же года обратился с ходатайством в НКВД о регистрации Священного Синода при Патриархе из числа приглашенных иерархов «впредь до созыва, на что будет испрошено разрешение Советской власти, Всероссийского Собора и до избрания на последнем как исполнительного органа, так и членов онаго»... Это ходатайство не было удовлетворено, в частности, потому, что соответствующими гражданскими узаконениями не предусматривалась временная регистрация исполнительного органа религиозного общества до съезда (собора) этого общества[62].

Будучи человеком прямым и искренним, Патриарх Тихон ожидал такой же прямоты и искренности обещаний от своих противников. Однако, те не собирались давать послаблений Церкви, согласившейся на политическую лояльность. Новая власть вела

жесткую идейную борьбу за молодое поколение, стараясь вытравить из юных душ даже невинный интерес к религии, опошлить и высмеять всё святое, что могли узнать дети от старших. В этом смысле показательна заметка пионерки 42 отряда имени Н.И. Бухарина «И в школе поповская отрыжка!», опубликованная в ленинградской газете «Ленинские искры» в Октябре 1924 г. «У нас в 13 труд<овой> сов<етской> школе 16 Октября все пришли в школу как полагается и вдруг на уроке рисования разыгралась целая сценка.

– Я задаю вам свободную тему, – сказала, входя в класс, учительница. Все принялись за работу. Один ученик нарисовал карикатуру на попа. Увидев это, учительница строго спросила: – что это значит?

Ученик встал и ответил: – поп!

– Поп? Что значит поп? Во-первых, не поп, а священник! Как ты, хулиган, можешь надсмехаться над святыми. На шапке ты нарисовал крест. Это святыня, которой люди поклоняются, а ты насмехаешься над этим, хулиган!

Те, кто поют песни про попов, не хулиганы.

Не пора ли учителям забыть старинку?»[63].

Гордые своими политическими и военными победами, большевики надеялись, что легко, в течение одного поколения, справятся и с «религиозным дурманом». Однако, этого не удалось ни им, ни их преемникам. Прошло менее пятнадцати лет, – и подросшие юные циники, воспитанные в отрядах имени Бухарина, Зиновьева и других «вождей революции», стали рисовать карикатуры и глумиться над своими бывшими кумирами. За отрицанием христианской морали неизбежно следовало низвержение всех нравственных ценностей, последствия чего мы ощущаем до сих пор.

Завершая эту главу, можно сказать, что определённая противоречивость пути Патриарха Тихона – решительное осуждение большевиков и в то же время поиски компромиссов с ними вплоть до полной капитуляции перед ними и по сей день вызывает споры и недоумение историков, богословов, церковных деятелей и мірян. Эта странная эволюция, к ликованию тёмных сил, носителями которых были тогда большевики, завершилась 7 Апреля 1925 года посланием, известным как «Предсмертное завещание Патриарха Тихона», где он, в частности, писал: «Призывая на

архипастырей, пастырей и верных Нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова Апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога (поистине, если не от Бога, то не власть, но насилие – *авт.*), – существующие же власти от Бога установлены» (Рим.13:1)[64]. «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим.13:2). Большевики в первый момент навлекли на себя осуждение Церкви, однако в дальнейшем Ея позиция, которую им удалось сломить, оказалась непоследовательной. Прежде всего, естественным образом возникал вопрос, почему Патриарх, не сняв анаѳемы с советской власти, в 1925 году призвал служить ей не за страх, а за совесть. Куда же было деваться православному христианину, какого послания «слушати»? (Ведь в той же 13-й главе Послания к Римлянам далее говорится, что не напрасно дан меч начальствующему, – но Царское Правительство этим мечом пользовалось непоследовательно, периодически карая рядовых исполнителей, и недооценивая главных идеологов политических преступлений. А, между тем, на необходимость карать безбожных политических хулиганов указывали такие видные деятели Церкви, как св.Иоанн Кронштадтский!)

К тому же, вызывает немалое удивление, что в этом послании удивительным образом игнорировался тот факт, что к власти пришли именно те самые мятежники против установленного Богом Самодержавия. И в силу этого признать законной такую «власть» не было просто никакой логической возможности.

Однако, следует особо подчеркнуть, что всё-таки все документальные данные говорят далеко не в пользу подлинности последняго, завещательного распоряжения св.Патриарха[65].

Вместе с тем, слабость позиции Патриарха Тихона сказывается и в ряде его указов, идущих со всею безусловной очевидностью в ущерб Церкви. Примером чего может служить печально известный указ № 440, на основании которого Патриарх практически ликвидировал деятельность находящегося при Нём Синода: «Ввиду того, что Священный при Мне Синод, а равно и вызываемые Мною для участия в его работах Преосвященные архипастыри не зарегистрированы гражданской властью, нахожу бла-

говременным. вплоть до Моего особого распоряжения, работу Священного при Мне Cvнода прекратить»[66]. Немалое смущение, несомненно, у Церкви вызывали и его слова «наше правительство» по отношению к советской власти, кои он применял практически во всех обращениях начиная с 1918-го года.

Во Вторник 25 Марта (7 Апреля) 1925 г. Патриарх Тvхон должен был служить Литургию у Богоявления в Елохове. «Вследствии болезни зубов у Святейшего была произведена операция, но не всё было благополучно, так как появилась опухоль и Святейший чувствовал себя не в состоянии служить...

Святейший всё время находился в лечебнице Бакуниной, на Остоженке, откуда довольно часто выезжал служить.

Одни говорили, что 25 Марта (7 Апреля) днём Святейший чувствовал себя лучше и даже занимался делами, читал письма и бумаги и писал резолюции; другие, наоборот, утверждали, что Святейший уже с воскресенья не мог не только писать, но и читать и почти без сознания лежал в постели.

Как бы то ни было, часов около 10 вечера Святейший потребовал умыться и, с необычайной для него строгостью, «серьёзным тоном», к которому я не привык, – рассказывал его келейник (Константин Пашкевич), – сказал: «Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, тёмная-тёмная»[67]. Да, ночь для Церкви наступила тёмная-тёмная... И длинная...

Около полуночи Патриарх Тvхон скончался.

В среду, 26 Марта (8 Апреля) в пять часов утра в карете скорой помощи тело почившего было привезено в Донской монастырь в сопровождении Высокопреосвященнейшего Митрополита Петра (Полянского) и епископа Бориса (Рукина).

30 Марта (12 Апреля) 1925 года Патриарх Тvхон был торжественно погребён в Донском монастыре. Его похороны вылились в мощное выражение единства верующих со своим Первосвятителем, со своей Церковью. Пять дней нескончаемым потоком шли люди в Донской монастырь проститься с Патриархом. В стену над могилой был вделан большой дубовый крест с надписью по Церковно-славянски: «Тvхонъ, Святѣйшій Патріархъ Московскій и всея Россіи»

С его кончиной Церковнаго мира так и не установилось. Она послужила лишь ещё одним поводом к новым Церковным нестроениям и безчисленным компромиссам с властью, логически вытекавшим из его «предсмертнаго послания».

Историкам ещё предстоит выяснить подлинность этаго послания, на основании котораго построил свою дальнейшую церковную политику Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Сергий, но всё же нельзя не признать, что дальнейшую судьбу Русской Православной Церкви определило именно оно...

История постоянно учит нас, что подлинную свободу даёт не политический строй, не демократические права, а внутренняя сила духа и верность Божественной Истине, отступление от которых делает человека несвободным даже в самом свободном государстве.

И всё-таки, несмотря на громкие победы, воинствующим атеистам не удалось сокрушить Церковь. Менялись десятилетия, рушились политические идеалы, но даже в самые тяжкие годы репрессий не иссякали ручейки верующих в храмы. Каждому поколению Православных христиан приходилось заново отстаивать свой духовный выбор. И сейчас, возвращаясь к событиям далёких 20-х годов, мы уже не сомневаемся, на чьей стороне была правда. И Святитель Тихон, Патриарх Всероссийский, ныне канонизованный Русской Православной Церковью, и безымянная учительница, осудившая глумление над Крестом, и тысячи других верных исповедников Православия – все вместе они отстояли первый натиск безбожного государства, вынудив его перейти от хвастливого «штурма небес» к долгой унизительной «осаде». И в этом христианском подвиге заключается главное величие эпохи Патриарха Тихона.

Примечания

1. Архив Президента Российской Федерации. Ф.3. Оп.60. Д.63. Л.29.
2. Там же. Лл.73–74.
3. «Известия».1922. 15 Марта
4. *Алексеев В.А.* Был ли Патриарх Тихон «вождём церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. С.96
5. Новые документы В.И. Ленина (1920–1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.191.
6. *В.И. Ленин.* ПСС. 5-е изд. Т.37. Сс.98–99.

7. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. Сс.176–177.
8. Обо всех этих шагах, предпринятых Русской Церковью для помощи голодающим, Патриарх Тихон указал в своём послании от 28 Февраля 1922 г., а также в письмах М.И. Калинину. См. Акты Святейшего Патриарха... Сс.188, 190.
9. «Известия». 1922. 26 Февраля.
10. Акты Святейшего Патриарха... С.190.
11. Там же.
12. См., напр., «Послание митрополита Владимірского и Шуйского Сергия пастырям и мірянам Владимірской епархии». Н.Новг. 21 Марта 1922 г.
13. *Вострышев М.* Указ. Соч. С.105–106.
14. *Савинова И.* Трагедия в Старой Руссе. «София». №1. 1994. С.10.
15. *Кандидов Б.* Голод 1921 и Церковь. М. 1932. С.63.
16. Акты Святейшего Патриарха... С. 254.
17. «Известия». 1922. 9 Мая.
18. «Дело» митрополита Вениамина. М. 1991. С.7.
19. Новые мученики Российские. Ч.1. 1949. С.41.
20. Там же. С.43.
21. Там же. Сс.54–55.
22. Архив Президента Российской Федерации. Ф.3. Оп.60. Д.63. Л.62.
23. Там же. Лл.76–77.
24. Новые документы В.И.Ленина (1920–1924 гг.).
25. На это укажет митрополит Агафангел в своём послании Церкви от 5/18 Июня 1922 года. ЦВ. 1922. №10–11.
26.»Известия». 1922. 14 Мая.
27. Вестник Св.Синода 1927 г. №1. С.9 (Обновленческий орган).
28. «Живая Церковь». 1922. №4–5. С.1.
29. *А.М.* Митрополит Сергий и обновленческий раскол в Каталоге Русских архиереев... Чебоксары. 1958. Ч.6. С.118.
30. ЦВ. 1922. №10–11.
31. «Известия». 1922. 6 Апреля.
32. «Известия». 1922. 15 Апреля.
33. «Известия». 1922. 20 Апреля.
34. Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. М. 1923. С.8–10 (обновленческий).
35. Цит. по: *Сергий (Ларин), еп.*: Обновленческий раскол. Т.1. Астрахань–Москва. 1958–1959. Машинопись. С.286.
36. Заявление в Верховный суд РСФСР Патриарха Тихона (гр. Беллавина В.И.). М. 16.06.1923.
37. «Известия». 1923. №141. 27 Мая.
38. *Вострышев М.И.* Божий Избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московскаго и всея Руси. М. Современник. 1990. С.145.
39. ЦВ. 1922. №1.
40. *Евлогий, митр.* Путь моей жизни. Париж. 1947. С.386–387.
41. ЦВ. 1922. №2, также *Евлогий, митр.* Указ. соч. Сс.402–403.
42. См. например: *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.340.
43. *Прот. В.Восторгов.* Когда Желябовы смеются – Россия плачет. СПб. 1994. С.13.

44. История Русской Православной церкви. М. 1994. С.60.
45. «Правда». 1923. №147. 4 Июля.
46. См. Послание Патриарха Московского и Всея России Тихона от 1 Июля 1923 г.; Заявление Патриарха Тихона. Известия. 1923. №153; Послание Патриарха Тихона от 15 Мая 1923 г. (против «Живой Церкви»); Воззвание Патриарха Тихона и группы иерархов (архиеп.Тверской Серафим, архиеп.Уральский Тихон, архиеп. Верейский Иларион). «Известия». 1923. №162 и др.
47. По данным журнала «Революция и Церковь». 1924. №1-2.
48. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С.190.
49. См. ст.1 п.а. Определения Священного Собора о правах и обязанностях Патриарха предусматривает попечение последнего «о внутреннем и внешнем благосостоянии Российской Церкви». В соответствии с этим, учитывая чрезвычайность сложившихся обстоятельств, имея обязанность указанного попечения, Патриарх Тихон единолично наложил на обновленцев соответствующие прещения, о чём, в соотв. со ст.1 п.3 упомянутого Определения, довёл до сведения всей Церкви, что и было с удовлетворением воспринято всем церковным обществом. В дальнейшем, при первой возможности, в соответствии с тем же Определением (ст.1, п.а.) он «предложил о надлежащих... мероприятиях Священному Синоду», прилавшему мерам Патриарха силу своего определения. (Опред. Св. Синода от 15 Января 1924 г.). Но даже независимо от формальной стороны дела, это решение Патриарха всегда воспринималось Церковью как правомерное, поскольку являлось выражением Её соборного сознания.
50. *А.М.* (архиеп.Мануил) Каталог русских архиереев... Ч.VI. Чебоксары. 1958. С.119; *Сергий,* еп. Обновленческий раскол. Астрахань-Москва. 1953-1959 (машинопись). С.214-215.
51. «Советская юстиция». 1934. №16.
52. *Троцкий Л.* Литература и революция. М.1991. С.43.
53. «Известия». 1924. №147.
54. «Известия». 1924. №155.
55. «Известия». 1924. 1 июня.
56. Там же.
57. ЦВ. 1925. № 7-8.
58. ЖМП. 1950. №8. С.41.
59. *А.М.* Каталог русских архиереев... Ч.III. С.281.
60. *Скурат К.Е.*, проф. Финляндская Православная Церковь. ЖМП. 1979. №8. С.54-55.
61. ЖМП. 1950. №8. С.54-55.
62. Инструкция ВЦИК от 10.08.1922 г. (СУ. 1922. №4. С.623); Инструкция НКЮ и НКВД от 27.04.1923. §9.
63. «Ленинские искры». 1924. 26 октября.
64. Акты... С.363.
65. Там же. С.757–758.
66. Там же. С.325.
67. Там же. С.368–369.

Глава 8

Сподвижники Патриарха Тихона

Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Пётр

12 Апреля 1925 года в день погребения Патриарха Тихона стало известно содержание его завещания, составленного им ещё в 1918 году по поручению Поместного Собора с внесённым туда распоряжением от 7 Января 1925 года, где указывались имена его Местоблюстителей на случай чрезвычайных обстоятельств, в частности, кончины Патриарха, при невозможности своевременно созвать Собор.

В завещании значились три имени: митрополиты Кирилл (с самого начала 1920-х годов почти безпрестанно пребывал в ссылке, в отдалённых районах Крайняго Севера – см. «Акты...». С.822) и Агафангел (в ответ на письмо митрополита Петра от 27 Мая/9 Июня митрополит Ярославский Агафангел письменно уведомил его от 30 Мая/12 Июня 1926 года: «...принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршаго Престола не могу, ввиду преклонности лет и крайне разстроеннаго здоровья» – «Акты...», С.624), а также Пётр (Полянский), бывший к этому времени уже митрополитом Крутицким. Ввиду того, что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел не имели в это время возможности принять церковное управление, обязанности Патриаршего Местоблюстителя были возложены на митрополита Петра. Заключение об этом было подписано 60-ю православными архиереями, находившимися в Москве или имевшими возможность прибыть на погребение Патриарха. В тот же день митрополит Пётр обратился к Церкви с посланием, извещавшим о принятии им на себя Патриарших прав и обязанностей, «в соответствии с распоряжением Патриарха Тихона и согласуясь с пониманием его веления архипастырями Русской Церкви»[1].

Митрополит Пётр – в міру Пётр Ѳеодорович Полянский, родился в 1863 году в Воронежской губернии. Обучался он в Воронежской Семинарии, затем в Московской Духовной Академии, которую окончил в 1892 году со званием кандидата богословия – магистранта. Одарённый выпускник был оставлен при Академии. Вскоре он защитил магистерскую диссертацию, посвящённую пастырским посланиям св. Апостола Павла. Некоторое время он трудился в должности смотрителя Жировицкого Духовного училища (Гродненская епархия), а затем был приглашён в Учебный комитет при Святейшем Cvноде в качестве делопроизводителя. Уже через год его назначили членом Комитета: сначала сверхштатным, а немного спустя – штатным. В последней должности он пробыл вплоть до революции, исполняя обязанности ревизора Духовных учебных заведений. Разъезжая по служебным обязанностям по всей России, Петр Ѳеодорович имел обширные знакомства в кругах духовенства и профессуры.

Он был членом Поместного собора 1917–1918 гг. Избранный Собором Патриарх Tvхон привлекает его в качестве одного из ближайших своих сотрудников. Полагают, что, выполняя определение Собора, Патриарх еще в 1918 году, составляя завещание о своих местоблюстителях на чрезвычайный случай, среди других указал и имя П.Ѳ. Полянского, тогда ещё мірянина. Будучи безбрачным в начале 1920 года Пётр Ѳеодорович принял иноческий постриг от митрополита Владимірского Сергія, в то время также ближайшего сотрудника Патриарха, который затем посвятил его в две первые священные степени. А уже 25 Апреля того же 1920 года Патриарх Tvхон с сонмом иерархов совершил его хиротонию во епископа Подольского, викария Московской епархии. С 1923 года он становится архиепископом Крутицким, а в 1924 году Преосвященный Пётр возводится в сан митрополита.

Митрополит Пётр был высокого роста, широкоплечий, с густой седеющей бородой и волевым взглядом. Видевшим его впервые он казался грозным и властным, что, впрочем, не мешало ему быть весьма обходительным и деликатным человеком.

После ссылки архиепископа Илариона на Соловки в Ноябре 1923 года Преосвященный Пётр становится самым близким сотрудником Патриарха Tvхона. Он участвует в составлении Патриарших посланий, предпринимает энергичные усилия по налаживанию церковной жизни. Патриарх советуется с ним по всем вопросам церковного устройства. Последняя встреча двух иерархов состоялась за

2 часа до кончины Святейшего Тихона, когда митрополит Пётр уехал от него, имея подписанное им Воззвание к пастве[2].

Первым шагом митрополита Петра на посту Патриаршего Местоблюстителя было распространение предсмертного воззвания Патриарха, в котором излагалась позиция Церкви по вопросу отношений с государством, а также ея взгляд на перспективы церковного строительства. Для этого вместе с митрополитом Уральским Тихоном он 14 Апреля 1925 года наносит визит в газету «Известия», прося принять воззвание к публикации.

На следующий день обновленческий Синод выступил с обращением по поводу кончины Патриарха Тихона, где призывал верную ему Церковь объединиться с ними на их соборе, намеченном на осень 1925 года[3]. Становилось ясно, что с кончиной Патриарха обновленцы усиливают попытки подчинить Церковь своему влиянию. Тогда же митрополит Пётр и находившиеся в Москве «Тихоновские» архиереи отвечают категорическим отказом на предложения обновленцев о переговорах. Об этом он ещё раз со всей определённостью заявляет в своём послании Церкви от 28 Июля 1925 года, в котором предостерегает Православных от каких бы то ни было переговоров с обновленцами. Не о соединении с Православной Церковью должны говорить т.н. обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях, – такова основная мысль послания[4].

Однако, к Ноябрю 1925 года над митрополитом Петром стали сгущаться тучи. Его переговоры с Е.А. Тучковым об условиях легализации Церкви и органов Ея управления заходили в тупик. Патриарший Местоблюститель счёл неприемлемым для Церкви предложенный ему порядок, согласно которому община, священнослужитель и епископ подлежали обязательной регистрации в органах власти, что, по его мнению, явилось бы недопустимым вмешательством в Ея внутренние дела. К этому времени против митрополита Петра начались выступления в советской печати[5].

5 Декабря 1925 года митрополит Пётр составил завещание, где в случае кончины передавал Местоблюстительство митрополиту Кириллу или митрополиту Агафангелу, а при невозможности для кого-то из них воспринять полномочия, – митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) или же митрополиту Нижегородскому (с 1923 г.) Сергию (Страгородскому). А на следующий день он написал распоряжение, согласно которому на случай своего ареста в

качестве временных заместителей он указал митрополита Сергия, митрополита Киевского Михаила или же архиепископа Ростовского Иосифа (Петровых) – тогда временного управляющего Новгородской епархией, с сохранением обязательного возношения за богослужениями имени митрополита Петра[6].

10 Декабря 1925 года митрополит Пётр был арестован. Тогда же подверглись аресту и близкие к нему иерархи, проживавшие в Москве. 14 Декабря в Москве было получено письмо из Нижнего Новгорода от митрополита Сергия о восприятии им полномочий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Дальнейшая судьба Местоблюстителя Петра сложилась крайне трагично. 9 Июля 1927 года он приговаривается к ссылке за Полярный круг в посёлок Хэ, затем – в 1930 году последовало одиночное заключение в Тобольске и Екатеринбурге без права передач и свиданий. Весной 1931 года полномочный представитель по Уралу Е.А. Тучков делает ему предложение о сотрудничестве с гражданскими властями в роли осведомителя в обмен на свободу. Жуткие условия концлагеря, о которых мы косвенно узнаём из его писем-прошений к земным вершителям его судьбы (цинга, голод, отсутствие прогулок, ухода и элементарных бытовых условий, необходимых для жизни человека) не сломили Святителя. Позднее в одном из своих прошений он так упоминал об этом: «Разстроенное здоровье и преклонный возраст не позволили бы мне со всею серьёзностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую мне предлагал тов.Е.А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре». Непокорному иерарху безконечно продлевались сроки заключения, а 29 Августа /11 Сентября 1936 года в печати появилось официальное сообщение о кончине в ссылке Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. В связи с этим составляется Акт от 14/27 Декабря 1936 года о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшему Сергию (этот титул был присвоен ему Циркулярным указом Московской Патриархии от 27.04./10.05.1934 г.). 2 Октября 1937 года тройка НКВД Челябинской области приговаривает уже просто митрополита (по которому, ещё живому, было совершено и отпевание, и панихиды...) Петра к разстрелу, и 10 дня того же месяца приговор был приведён в исполнение...[7]

В 1926 году архиепископ Екатеринбуржский Григорий (Яцковский) и его сторонники (Григорианский раскол), пользуясь неосведомлённостью митрополита Петра о положении церковных дел, пытались склонить его к действиям против своего Заместителя. Впрочем, узнав к концу года подлинные факты церковной жизни, он осудил раскольников и выразил поддержку своему Заместителю – митрополиту Сергию, скорбя в дальнейшем о сложившихся в Русской Церкви нестроениях. митрополит Мануил в своём Каталоге русских архиереев отмечает, что во время ссылки (с.Абалацкое, близ Тобольска; зимовье Хэ на Обской губе, в 200 км. от Обдорска – *сост.*) митрополитом Петром были составлены чины молебного пения о страждущем міре и краткого освящения воды с особой молитвой[8].

Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий)

Жизненный путь владыки Илариона был во многом типичен для его поколения русского духовенства. Сын сельского священника (родился 13 Сентября 1886 года в с.Липицы Каширского уезда Тульской губернии), он последовательно проходит обучение в духовном училище и Семинарии[9]. Но уже в эти юные годы для Владиміра Алексѣевича Троицкого (так звали владыку в міру) ясно вырисовывался его будущий жизненный путь, определённый его горячей любовью ко Христу-Спасителю и Его Церкви. Став доцентом Духовной Академии, он скажет в своей первой лекции: «Не ради нас даны нам силы душевные и способности различные, а ради Церкви, и не себе должны мы угождать своей деятельностью, а Церкви. При свете Нового Завета должны мы сознавать всю свою деятельность и возложить её на свои плечи не иначе как церковное послушание. Церковное послушание беру на себя и я, восходя на эту каѳедру. Ведь только Церковь даёт смысл и цену земному бытию; только служение Церкви, по моему верованию и убеждению, даёт смысл и цену нашей земной деятельности... Если не служить Церкви – нет никакого смысла во всякой деятельности и незачем жить на Божием свѣтѣ»[10].

Способный юноша поступает в Московскую Духовную Академию, которую успешно заканчивает в 1910 году, с оставлением его профессорским стипендиатом. С Сентября 1912 года он исполняет в МДА должность доцента по каѳедре Священного Писания Но-

вого Завета. А в Декабре того же года удостоивается учёной степени магистра богословия за обширное исследование «Очерки из истории догмата о Церкви» (Сергиев Посад, 1912)[11], внёсшего значительный вклад в православную экклезиологию. Однако, работа богослова и наставника юношества не мыслилась ему в отрыве от постоянного молитвенного подвига и пастырского служения, требующих отдачи всего себя. 28 Марта 1913 г. в Зосимовой пустыни Троице-Сергиевой Лавры ректор Академии епископ Волоколамский Ѳеодор совершает его монашеский постриг с именем Иларион, в честь преподобного Илариона Нового, игумена Пелекитского († ок. 754)[12]. 11 Апреля того же года епископ Ѳеодор рукополагает его во иеродиакона, а уже 30 Мая следует указ Святейшего Cvнода о назначении его инспектором Московской Духовной Академии. 2 Июня митрополит Московский и Коломенский Макарий совершает его иерейскую хиротонию, а 5 Июля 1913 года он возводится в сан архимандрита[13]. 3 Декабря того же года он утверждён в звании экстраординарного профессора по каѳедре Священного Писания Нового Завета[14].

Годы учёбы и работы в Академии отца Илариона пришлись на период высшего расцвета как русского Богословия, так и Московской Духовной школы в частности. Его учителями были такие профессора, как М.Д. Муретов, А.А. Спасский, М.М. Тареев, А.П. Голубцов, Н.Ѳ. Каптерев, А.И. Введенский, С.С. Глаголев. Вместе с епископом Ѳеодором Поздеевским, священником Павлом Флоренским, А.М. Туберовским, Н.Л. Туницким и др. он составил новую плеяду русских богословов, которым вместе со старшим поколением пришлось самым деятельным образом принять участие в решении стоявших перед Православной богословской мыслью задач.

Цель своих трудов в свете этих задач отец Иларион видел, с одной стороны, в «освободительной войне» против проникших в XVIII–XIX вв. в русское Богословие схоластических тенденций, за возвращение его к чистым истокам святоотеческой традиции, а с другой стороны – в продолжении этой традиции в живом свидетельстве Истины о спасении, открывшейся людям в воплощении Единородного Сына Божия и создании Им Своей Церкви. И об этой истине он свидетельствует искренне, горячо, плодотворно и в историко-догматических исследованиях и статьях для популярных церковных журналов, на лекциях, в проповедях и выступлениях на публичных собраниях.

Какова цель воплощения превечнаго Слова Божия, выраженная ещё древними отцами? «*Для того Слово Божие сделалось человеком и Сын Божий – Сыном Человеческим, чтобы человек, соединившись с Сыном Божиим и получив усыновление, сделался сыном Божиим*»[15] – находит своё осуществление в богочеловеческом организме Христовой Церкви – хранительницы и раздаятельницы данной Ей от Господа возрождающей благодати Святаго Духа. Вот почему вопрос о Церкви в период отхода от Неё части русского общества и острой межконфессиональной полемики, возникшей в связи с распространением сектантства, оказывается в центре его богословских интересов, научного анализа современной ему протестантской критики, его пламенной проповеди.

Без благодатного освящения, явившегося через воплощенное Божие Слово, невозможно восстановление падшего Адама, воссоединение человека с Богом, обретение богосыновства и следование по пути спасения и жизни вечной. Это чудо возрождения людей происходит именно в Церкви силою благодати Святаго Духа, данной Ей по обетованию Спасителя (Ин. 20:22–23), в Церкви, Которую Он стяжал Кровию Своею (Дн. 20:28) и с Которой пребывает до скончания века (Мф.28:2). Миссия Христа состоит не только в том, чтобы указать людям как жить, но прежде всего в том, чтобы спасти людей, дать им жизнь. И потому Христианство невозможно без Церкви и вне Церкви. Эту тему Иларион развил в письме к Роберту Гардинеру, секретарю комиссии для устройства Всемірной Христианской конференции, выразив в нём Православный подход к экуменическим проблемам уже на самой заре этого всемірного движения[16].

В Марте 1917 года архимандрит Иларион назначается ректором Московской Духовной Академии. Он становится во главе Духовной школы вскоре после Февральской революции, когда многие волновавшие его вопросы церковного устройства требовали своего скорейшего практического разрешения. Отец Иларион явился одним из активных деятелей, подготовивших богословскую разработку решения выдающегося события в нашей церковной истории – Поместного собора Руской Православной Церкви 1917–1918 гг. В это время авторитет архимандрита Илариона как богослова и практика особенно возрос. В церковных кругах его с доброй иронией стали именовать «великим»[17]. Он становится одним из ближайших сподвижников Патриарха Тухона в его трудах по устроению церковной жизни в новых социальных условиях.

Уже в самом начале работы Собора архимандрит Иларион проявил себя как горячий сторонник восстановления Патриаршества. В своей ставшей впоследствии знаменитой речи он говорил по этому поводу со свойственной ему образностью выражений:

> «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьётся русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьётся, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орёл петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью снова поставил Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдёт Святейший Патриарх на своё историческое священное место в Успенском соборе – тогда будет великая радость на земле и на небе»[18].

12 Мая 1920 года состоялась его хиротония во епископа Верейского, викария Московской епархии[19]. В этот период перестройки уклада жизни нашего общества Владыка Иларион выступает как горячий апологет Церкви Христовой, Ея несравненной миссии, имеющей вечное спасение всякого человека. Но в 1920-м году он был арестован, четыре месяца содержался в Бутырской тюрьме, а затем в 1921–1922 годы находился в ссылке в Архангельске. После возвращения в Москву, как иерарх и богослов, он многое делает для уврачевания церковных недугов, вызванных так называемым «обновленческим» расколом. Его труды находят общее церковное признание, и 6 Июня 1923 года Патриарх Тихон возводит его в сан архиепископа.

Однако никогда множество церковно-административных забот не заслоняли для владыки Илариона главного – его пастырского служения. Он часто совершает Богослужения в московских храмах, много проповедует, успешно участвует в диспутах с обновленцами и атеистами, принимает многочисленных посетителей. Сохранить безценное сокровище веры в Христа-Спасителя и верность Его Церкви – этот призыв архипастыря горячо отозвался в сердцах чад церковных – старых и юных.

Старшее поколение верующих москвичей ещё помнит владыку – его чисто русскую внешность, богатырскую фигуру, его глубокое человеческое обаяние, смиренный и вместе с тем весёлый нрав, его пламенную пастырскую ревность, близость к своим пасомым, особенно к молодёжи. Но эти же самыя достоинства и возстановили против него советскую власть. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 20 Декабря 1923 года он был осуждён на 3 года заключения. 1 Января 1924 года он прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове близ Кеми, а в Июне отправлен в Соловецкий лагерь. Работал там сетевязом, лесничим, сторожем. На Соловках пользовался авторитетом среди плененного духовенства, был выбран старшим архиереем[20]. В конце лета 1925 года вывезен в Ярославский политизолятор, где через несколько месяцев ОГПУ пыталось склонить его к присоединению к новому Григорианскому расколу. Весной 1926 года он был вновь отправлен на Соловки. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 19 Ноября 1926 года владыка получил новый срок – 3 года за «разглашение государственной тайны» (рассказывал о вербовке его в Ярославском политизоляторе)[21]. Известно, что в 1927 году он поддержал знаменитую Декларацию митрополита Сергия. Он также с пониманием относился к действиям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, вызванным чрезвычайностью обстоятельств (переводы епископов), вразумляя в своих письмах отделившихся от него архиереев[22].

Скончался архиепископ Иларион 13/28 Декабря 1929 года в Ленинграде вследствии брюшного тифа во время пересылки из Соловков в Алма-Ату. Он похоронен на Новодевичьем кладбище, что возле Московского проспекта, на территории Новодевичьего монастыря.

Православное Богословие нашего времени испытало сильное влияние его трудов, что не раз отмечалось как в отечественной, так и в зарубежной церковной литературе[23]. Он был богословом не только способствовавшим возрождению патриотических традиций, но и в своей научной, публицистической и церковно-практической деятельности оказался на высоте уровня Богословия святоотеческого. Его выдающееся место в современном Православном Богословии безспорно. Затронутые в его трудах вопросы должны получить свою дальнейшую богословскую разработку.

Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл

Митрополит Кирилл, в міру Константин Иларионович Смирнов, родился 26 Апреля 1863 года в С.-Петербурге в семье псаломщика.

В 1887 году он окончил С.-Петербуржскую Духовную Академию кандидатом Богословия. 21 Ноября того же года был рукоположен во пресвитера. Местом его первого служения стала Петербуржская Воскресенская церковь Общества трезвости (у Варшавского вокзала). В дальнейшем жизненный путь будущего митрополита складывался следующим образом:

1894 г. – законоучитель 2–ой С.-Пб. гимназии.
1900 г. – настоятель Кронштадтской Троицкой Церкви.
1902 г. – овдовел. 10 Мая пострижен в монашество с именем Кирилл в честь Учителя Словенского. Архимандрит. Начальник духовной миссии в Урмие.
1904 г. – 6 Августа хиротонисан во епископа Гдовского, викария С.Петербуржской епархии. Ввёл всенародное пение в Александро-Невской Лавре. Отец Иоанн Кронштадтский перед кончиной просил, чтобы его отпевал епископ Кирилл.
1910 г. – епископ Тамбовский и Шацкий.
1913 г. – 6 Мая, архиепископ.
1914 г. – проявил инициативу в прославлении св. Питирима Тамбовского[24].

Очевидцы вспоминали, что его вдохновенное служение и живое слово привлекали на совершаемые им Богослужения множество народа, несмотря на их большую, чем обычно было принято, продолжительность. Характеризуя независимость Преосвященного Кирилла, рассказывали, как совершая однажды Крещенское богослужение в присутствии Императорской Фамилии, он отказался выполнить требование министра двора и освятить кипячёную воду. Вода, как принято, была освящена речная. Став правящим архиереем, он большую часть времени проводил в объездах своей епархии, появляясь, как правило, внезапно, когда его не ждали. К духовенству он был требователен: стоило ему заметить, что, например, два диакона разговаривают во время Богослужения – их имена сразу появлялись в приказе по епархии в «Тамбовских епархиальных ведомостях». Человек живой, практичный, чуждый рутине, Преосвященный Кирилл не боялся нововведений, идя навстречу духовной жажде своей паствы. Узнав, что несколько тя-

жело больных прихожан не могут посещать собор, он установил у них на квартирах и в соборе телефоны, чтобы они могли слушать службу.

Как один из деятельных членов Поместного Собора 1917–1918 гг. он был избран на Соборе членом Синода.

1918 г. – митрополит Казанский и Свияжский.

1922 г. – арест и ссылка в Красноярский край.

1924 г. – Июнь–Июль – встреча в Москве с Патриархом Тихоном, которого убеждает отказаться от возможной попытки примирения с В.Красницким и так называемой «Живой Церковью».

Хотя имя митрополита Кирилла указывалось первым в Патриаршем распоряжении (завещании) о чрезвычайном местоблюстительстве, он так и не смог воспринять полномочия по причине пребывания в ссылке, куда снова был отправлен после свидания с Патриархом Тихоном летом 1924 года.

Необходимо отметить, что как стойкий борец за Православие, ревностный пастырь и человек высокой духовной жизни, Преосвященный Кирилл имел огромный авторитет среди тогдашнего православного епископата и церковного общества. В 1926 году в связи с усилиями на получение возможности созыва Собора, русский епископат практически единодушно высказался за митрополита Кирилла как возможного будущего Патриарха. Однако ни созыв Собора, ни ожидаемое возвращение из ссылки митрополита Кирилла так и не состоялись.

Известно, что в 1928 году митрополит Кирилл оказался в оппозиции к митрополиту Сергию. Такое своё отношение к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя он мотивировал тем, что последний превысил свои права, предполагавшие, как он утверждал, лишь ведение текущих дел в отсутствие Местоблюстителя по его указаниям. Вместо этого образовался коллегиальный орган высшего церковного управления (Временный Патриарший Синод) из приглашённых лиц, от имени которого стали приниматься решения, имевшие принципиальное значение для церковной жизни (перемещения архиереев без согласия последних и епархий и суд над неподчинившимися административным решениям этого Синода)[25]. Между иерархами велась переписка, в итоге которой позиция митрополита Кирилла осталась неизменной[26]. 15 Февраля 1930 года вступило в силу постановление митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода об отстра-

нении его от управления Казанской епархией, но с сохранением за ним права священнослужения, при условии поминовения епархиального архиерея[27]. Следует сказать, что свой административный разрыв с митрополитом Сергием Преосвященный Кирилл однако не почитал за разрыв с предводительствуемой им Церковью.

Очевидцы свидетельствуют, что в 1934 году митрополит Кирилл проживал в г. Гжатске, Смоленской области. Известно, что в это время к нему дважды приезжал епископ Ржевский Палладий (Шерстенников; впоследствии митрополит Орловский и Брянский, † 1976) для переговоров о примирении с митрополитом Сергием. Впрочем, и на это раз он был непреклонен[28]. Нужно сказать, что в этот период митрополит Кирилл неоднократно отклонял предложения противников митрополита Сергия объявить себя, ссылаясь на Патриаршее завещание, Местоблюстителем. Во-первых, он считал это грубым попранием канонов, так как был ещё жив законный Местоблюститель митрополит Крутицкий Пётр. Во-вторых, это могло бы вызвать крайне вредный для церковного общества раскол. Однако им предпринимались шаги с целью духовной консолидации так называемых «непоминающих», т.е. самоуправляющихся общин, не признававших каноничности административных распоряжений митрополита Сергия. В своих беседах он говорил в это время: «Филадельфийская церковь – это не мы, это те, которые придут после нас». Конкретно свою позицию митрополит Кирилл выразил в письме от 02.1934 года следующим образом:

> «Сдаётся мне, что и Вы сами и Ваш корреспондент не разграничиваете тех действий митрополита Сергия и его единомышленников, кои совершаются ими по надлежащему чину в силу благодатных прав, полученных через таинство священства, от таких деяний, кои совершаются с превышением своих сакраментальных прав по человеческим ухищрениям в ограждение и поддержание своих самоизмышленных прав в Церкви. Таковы деяния епископа Захарии (Лобова) и священника Потапова, о коих Вы упоминаете. Это только по форме тайнодействия, а по существу узурпация тайнодействий, а потому кощунственны, безблагодатны, нецерковны, но таинства, совершаемые сергианами, правильно рукоположенными во священнослужении, не запрещёнными, являются, несомненно, таинствами спасительными для тех, кои

приемлют их с верою, в простоте, без разсуждений и сомнения в их действенности и даже не подозревающих чего-либо неладного в сергианском устроении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим непротивлением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви. Вот почему православному Епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мірян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни.»(«Акты...». С. 702)[29].

Что касается сообщений о примирении митрополита Кирилла перед своей кончиной с митрополитом Сергием (Страгородским), то они, по всей видимости, лишены каких бы то ни было оснований[29].

20 Ноября 1937 года митрополит Кирилл был расстрелян в Алма-Ате вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) и Епископом Евгением (Кобрановым)[30].

Говоря об эпохе Патриарха Тихона, мы до сих пор обращали внимание лишь на деятельность русских иерархов того времени. Между тем необходимо было бы сказать также о многих пастырях и мірянах – замечательных делателей этой эпохи на ниве церковной.

В отношении пастырского служения, исторические потрясения того времени ясно выявили, кто являлся истинным пастырем, а кто был лишь наёмником в ограде церковной. Ниже мы будем говорить о тех, которые возлюбя более «похоть міра сего» (1Ин.2:15–17) отпали в так называемое «обновленчество». Кроме того имели место – хотя и немногочисленные, но весьма прискорбные случаи отречения от священного сана и Христовой веры. Но чаще бывало, что священнослужитель просто отходил от активной церковной деятельности, переходя на гражданскую работу (например, бухгалтером или преподавателем в школе, порой стараясь скрыть своё прошлое). Но всё же многие десятки тысяч русских пастырей остались верными Пастыреначаль-

нику – Христу и Его Церкви, снискав горячую любовь верующего народа. В то же время в этот период было отмечено немало харизматических призваний. Лучшие сыны Церкви в это трудное время решили посвятить себя пастырскому подвигу.

Касаясь сторон духовной жизни того времени, нужно заметить, что такое ея проявление как духовничество, имевшее до революции распространение, главным образом, в монастырях, теперь заняло своё место в приходской практике.

Большой любовью верующей Москвы пользовался замечательный духовный старец ***протоиерей Алексей Мечев.*** Его храм, находившийся в самом центре города на Маросейке, являлся в 20-е годы подлинным духовным центром. Из воспитанной им общины выросла замечательная плеяда церковных делателей – пастырей и активных мірян. Великое множество православных москвичей пришло в Июне 1923 г. проводить о.Алексия в последний путь. Только что выпущенный из тюрьмы ГПУ Патриарх Тихон первым делом отправился на Лазаревское кладбище предать земле тело всеми любимого старца-протоиерея.

Немало духовных чад было у известного тогда в Москве священника Ипатьевского храма на Антиохийском подворье ***о.Стефана Элипсона*** († 1925). Внешне скромно совершая своё пастырское делание, он умел зажигать в сердцах своих пасомых, среди которых было много молодёжи, огонь Христовой любви.

Большим авторитетом в Москве, особенно среди интеллигенции, пользовался в это время замечательный проповедник и духовный просветитель ***епископ бывший Дмитровский Трифон*** (Туркестанов, скончался в 1934 г. в сане митрополита).

Пользовались любовью москвичей духовные беседы, проводившиеся в храме Василия Неокесарийского видным религиозным мыслителем ***священником Валентином Свенцицким.*** Особый интерес в плане осмысления Предания представляют относящиеся к 1925–1926 гг. его беседы о таинстве покаяния и исповедальной практике Древней Церкви.

Церковной жизнь в Петрограде в 1923–1924 гг. отмечена драматическими событиями. Под руководством ***епископа Лужского Мануила (Лемешевского)*** православные преодолевали тяжкие последствия обновленческого разорения. Очевидцы вспоминают это время как период великого религиозного народного движения, когда вдохновляемые своими пастырями люди свидетельствовали свою верность Христу и Его Церкви.

Особенно следует отметить пастырские труды, пользовавшегося большой любовью верующих петроградцев настоятеля Преображенского собора ***протоиерея Сергия Тихомирова***. Во время расцвета обновленческого разгула в 1922–1923 гг. его приход вместе с ещё четырьмя храмами оставался подлинным оплотом Православия в городе.

Большой любовью верующего народа пользовался Троицкий храм в Петергофе, где настоятельствовал энергичный ***протоиерей Константин Быстреевскій***. Вокруг него также образовался большой круг духовных чад. Многих привлекали его вдохновенное служение, горячее пастырское слово и отеческое внимание к пасомым. Его авторитету среди паствы в немалой степени способствовала стойкость и преданность Господу, проявленные в дни испытаний.

Следует отметить, что в это период в России не прекращалась также и работа Богословской мысли. Прежние Духовные Академии фактически прекратили своё существование к лету 1918 года. Однако предпринимались попытки продолжить в новых условиях дело богословского образования. Так, в Апреле 1920 года в Петрограде заботами специального епархиального комитета был открыт Православный Богословский Институт. Его ректором стал настоятель Казанского собора ***профессор-протоиерей Н.К. Чуков*** (впоследствии митрополит Ленинградский Григорий, † 1955). Среди наставников Института можно было встретить такие замечательные имена, как ***профессор-протоиерей Михаил Чельцов, профессор А.А. Дмитриевский, С.С. Безобразов*** (впоследствии епископ Кассиан, ректор Православного Богословского Института в Париже) и ряд других. Однако, вследствии обновленческой смуты в Мае 1923 г. Институт вынужден был прекратить своё существование. Профессора и студенты решили расстаться с любимой ***alma mater***, но не переходить в ведение врагов Церкви – обновленцев.

Впрочем, в 1925 г., благодаря непрестанным усилиям отца Николая Чукова и благодатной воодушевлённости его соратников, в Ленинграде удалось организовать Высшие Богословские курсы, просуществовавшие до 1928 года, в которых многие бывшие питомцы Института смогли завершить своё образование.

Не прекращали в это время работу и некоторые видные представители русской Богословской науки.

Так, ***профессор-священник Павел Александрович Флоренский*** (1882–1937), выдающийся философ и религиозный мыслитель, автор знаменитой книги «Столп и утверждение истины» (Сергиев Посад, 1914), явившейся глубокой разработкой христианской гносеологии, после закрытия Московской Духовной Академии сосредоточил свои Богословские интересы на вопросах церковного искусства. В 1918–1920 гг. вместе с известным московским священником о.Сергием Шиком († 1938) он трудился в Троице-Сергиевой Лавре в составе Комиссии по охране памятников истории и культуры. Тогда же им был составлен ряд описаний находящихся там образцов церковного искусства. В то же время он энергично выступал за необходимость сохранения Лавры в качестве действующего монастыря.

В 1920–27 гг. он работал во ВХУТЕМАСе (Высшее художественное училище в Москве, бывш. Строгановское), где читает лекции по теории перспективы. Где бы ни трудился о.Павел, он везде в первую очередь оставался священником. Даже на лекции вопреки неудовольствию начальства он всегда являлся в рясе и с крестом. Впрочем, с таким научным авторитетом, как он, власти вынуждены были считаться. Как философ, он тогда трудился над прокладыванием путей к будущему цельному міровоззрению, которое он сам назвал конкретной метафизикой.

> *«Как всегда, полагал я, – писал он в 1927 г., – что міровоззрение должно иметь конкретные жизненные корни и завершаться жизненным же воплощением...»*[32]

Эти корни он усматривал в созидающем начале Божественного Логоса, противостоящего міровому хаосу. Творческие замыслы о.Павла в это время были очень велики; судя по наброскам, собрание его сочинений должно было составить около 20 томов. Это жизненное воплощение Божественных начал он переживает прежде всего в литургическом опыте Церкви. Открывавшаяся в нём тайна жизни Церковной запечатлелась у о.Павла в заметках, которые по своему характеру являются необычайно тонкими интуициями, записанными во свидетельство. Частично они легли в основу его лекций, прочитанных в Академии в 1918 году, частично же были записаны в 1919–22 гг., как, например, «Философия культа» и знаменитый «Иконостас», задуманный как ея раздел. Что касается критической оценки Богословского наследия этого крупного мыслителя, то она ещё ждёт своих исследователей.

К сожалению, по-видимому, не всё Богословское и философское наследие о.Павла дошло до нас, не всё задуманное он успел воплотить. 26 Февраля 1933 г. он подверся аресту. В 1934–1937 годы находился в Соловецком лагере, а 8 Декабря 1937 года был разстрелян[33]. В 1956 г. состоялась реабилитация о.Павла Флоренского. В настоящее время его имя известно во всём міре и интерес к его творениям постоянно растёт.

Другим виднейшим представителем русской Богословской и научной мысли, продолжавшим в это время в нашей стране свои труды, является ***Иван Васильевич Попов*** (1867–1938).

Крупнейший русский специалист по святоотеческому Богословию, тонкий знаток древних языков, ординарный профессор Московской Духовной Академии, он состоял членом Поместного Собора 1917–1918 гг., принимая деятельное участие в разработке соборных документов.

Ещё до революции появилось немало его работ, посвящённых творчеству разных отцов и учителей Церкви. Крупнейшие из них: «Религиозный идеал Святого Афанасия Александрийского» (Сергиев Посад, 1904), «Мистическое оправдание аскетизма в творениях преподобного Макария Египетского» (Сергиев Посад, 1905), «Личность и учение Блаженного Августина» (Сергиев Посад, 1917) стали классическими.

В 1918 г. он задумал обширный труд по истории Древней Церкви, всесторонне освещающий жизнь и труды каждого из святых отцов. Он много успел сделать, но, к сожалению, сохранились материалы только двух работ, посвящённых святому Иларию Пиктавийскому и святому Амфилохию Иконийскому[34].

Иван Васильевич был близок Святейшему Патриарху Тихону, который высоко ценил личность и деятельность маститого профессора. Когда в 1924 году в связи с обновленческой смутой Вселенский Патриарх Григорий VII задумал неудачно вмешаться в дела Русской Церкви, И.В.Попов был приглашён участвовать в составлении ответных посланий Патриарха Тихона предстоятелю Константинопольской Церкви, где ясно обосновал каноническую правоту позиции Московского Патриаршего Престола в этом вопросе.

В 1925 году И.В. Попов оказался в лагере на Соловецких островах. Среди многочисленных русских иерархов и духовенства, находившихся там, его авторитет был весьма высок. Именно он явился в 1927 г. автором документа, ставшего выражением голоса

Церкви по вопросу Ея взаимоотношений с государством и получившего известность как Обращение соловецких епископов к Правительству СССР. С Апреля 1928 года И.В. Попов находился в ссылке на Оби, в 1931 году переведён под Тобольск.

После возвращения в 1936 году в Москву из ссылки, Иван Васильевич некоторое время трудился в научных учреждениях, занимаясь изучением древних литературных памятников. Однако, в 1936 году он вновь был арестован и погиб в заключении в 1938 году[35].

Здесь мы коснулись лишь некоторых сторон церковной жизни и познакомились лишь с некоторыми церковными деятелями незабываемого времени. Но и это, пусть отчасти, поможет нам лучше понять значение эпохи Патриарха Тихона в нашей церковной истории.

Примечания

1. Послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра. М. 12 Апреля 1925 г.
2. Данные по биографии митрополита Петра приводятся по сведениям из Каталога русских архиереев... Ч.V, а также по свидетельствам лиц, знавших его. См. также: «Акты Святейшаго Патриарха Тихона», М. Свято-Тихоновский Богословский Институт; Братство во имя Всемилостиваго Спаса. 1994. С. 814–815. Что касается упомянутаго здесь «Воззвания к пастве». См. также: *Д.В.Поспеловский*. «Русская Православная Церковь в XX веке». М. Республика. 1995. С.77 и далее.
3. «Известия». 1925. №86; Вестник Всероссийского Синода. 1925. №2.
4. Послание Патриаршего Местоблюстителя. М. 28 Июля 1925 г.
5. См., например, статью *Теляковского* в «Известиях» за 1925 г., 15 Ноября.
6. ЖМП. 1931. №37.
7. Акты Святейшаго Патриарха Тихона. С.с.704, 705, 879–886.
8. *А.М.* Каталог русских архиереев... Ч.V. Чебоксары. 1958. С.299.
9. Богословский вестник. 1913. Т.1. Апрель. С.880.
10. *Троицкий В.* О церковности духовной школы и богословской науки.// Богословский вестник. 1912. Т.3. Ноябрь. С.491.
11. Богословский вестник. 1913. Т.1. Апрель. С.880.

12. Там же.
13. Богословский вестник. 1913. Т.3. Декабрь. С.756.
14. Богословский вестник. 1914. Т.1. Февраль. С.321.
15. *Святой Ириней Лионский.* Против ересей.III. 19.1. Соч. в переводе прот. П Преображенского. С.-Пб. 1900. С.292–293.
16. Единство Церкви и Всемірная конференция христианства. Письмо Гардинеру. Сергиев Посад. 1917; см. также Богословский вестник. 1917. Т.1. Февраль.
17. *А.М.* – сост. Указ. соч. Ч.III. С.301.
18. Деяния Собора. Вып.1. Приложение 31.
19. *А.М.* – сост. Указ. соч. Ч.III. С.301.
20. *Резникова И.* Православие на Соловках. Материалы по истории Соловецкого лагеря. С.-Пб. 1994. С.146.
21. Там же. Сс.146–147.
22. В этом отношении интересны замечания архиепископа Брюссельского Василия, хотя они, к сожалению, основаны на рассмотрении лишь одного выступления Архиеп. Илариона, вследствие чего несколько односторонни. См. Символические тексты в Православной Церкви. Богословские труды. Вып.4. М. 1968. С.28.
23. *Иоанн (Снычев) архим.* Церковные расколы в Русской Церкви 20–30 годов XX столетия. Их особенности и история. 1965 (машинопись). С.152–153. Автор ссылается на свидетельства участника совещания соловецких епископов митрополита Куйбышевского Мануила († 1969).
24. *А.М.* Каталог русских архиереев... Ч.4. С.118.
25. *Иоанн, архим.* Указ. соч. С.299–302.
26. Там же. С.306.
27. Там же. С.308.
28. Этот факт отмечает и архим. Иоанн. См. указ. соч. С.309.
29. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С.702.
30. *А.М.* Указ. соч. С.123; *архим. Иоанн.* Указ. соч. С.309.
31. Московский церковный вестник. 1993. №4.
32. Богословские труды. Вып.9. М. С.80.
33. Архив научно-информационного центра «Мемориал» (С.-Пб.). Ф.1. Оп.1.
34. Эти материалы были опубликованы в 4, 5 и 9 выпусках «Богословских трудов», издаваемых Московским Патриархатом.
35. *Резникова И.* Указ.соч. С.87.

Глава 9

История обновленческого раскола

1. Истоки обновленчества

В предыдущих главах мы упомянули о расколе обновленцев. При упрощённом и поверхностном подходе к проблеме может создаться впечатление, что этот раскол является прямым историческим продолжением движения за Церковное обновление, получившим распространение в начале нашего века[1]. Действительно, ряд участников этого движения стали в 20-е годы «обновленцами», а платформы некоторых его течений превратились в программы раскольников. Однако в целом такой взгляд на истоки «обновленчества» будет неточным. Следует иметь в виду, что начало 20-го столетия было временем активизации Церковного сознания, временем критической оценки многими церковными деятелями себя самих и своей деятельности. Поэтому само обновление как церковно-историческое явление возникло не на пустом месте. Оно явилось вполне закономерной реакцией на те нездоровые явления внутрицерковной жизни, избавиться от которых, поднять резко падающий авторитет Церкви, Ея благотворное воспитательное и спасительное воздействие на паству в целом, собственно, и было его первоначальной целью. Однако, при советской власти руководящую роль в движении заняли люди, более заботившиеся о своём честолюбии, нежели о церковном благе или решении церковных трудностей и извратившие первоначальные идеи, дискредитировав их в самой основе. Поэтому, если с первого взгляда обновленчество могло показаться явлением закономерным, как реакция здорового организма на болезнь тела, и даже как бы выражающим национальные чаяния, на самом деле обновленцы ограничивали эти чаяния стремлением к пути «врата-

ми широкими». Обновленцы захватили власть в Церкви в первую очередь благодаря действиям государственных административных и карательных органов и, кроме того, активно прибегая к обману, введя в заблуждение и заставив поверить себе добрую половину иерархов. Отвергнув законное церковное единоначалие, обновленцы в дальнейшем не смогли найти согласия и между собой, в результате чего группировки, входившие в движение, дробились и множились. Удивительно, до какого абсурда они могли дойти, увидев в разрушении, которое чинила богоборческая власть, созидание и воплощение христианских идеалов. К сожалению, часть видного духовенства и немалая часть мірян, имея искренние стремления к оздоровлению застоявшейся церковной жизни, поддалась соблазну самочинных нововведений, но вкусив горькие плоды этой деятельности, естественным образом разочаровалась в ней и воссоединилась с Матерью-Церковью. «*Чтобы быть действительно обновителями христианского общества на началах правды и истины Христовой,* – писал в 1907 г. видный Русский богослов священник (впоследствии профессор-протоиерей) Михаил Чельцов, – *самим, вставшим под знамя Церковного обновления, следует на самих себе показать действие начал, за которые они встали*»[2]. Предостерегая иных своих легкомысленных собратьев, он продолжал далее: «Нужны только реформы, а не реформация – это гром, буря и молния; она грозит не только обломать ветви и погнуть самый ствол у дерева Церкви, но и с корнем его вырвать из Русской Православной почвы»[3]. Ещё ранее в 1905 году аналогичные мысли высказывал митрополит Антоний (Вадковский) в ответ на обращение 32-х петербуржских священников, составивших затем ядро «Союза Церковного обновления».

И хотя так или иначе вопрос об обновлении Церковной жизни на основах апостольского предания, внутреннего очищения и необходимой перестройки Церковной жизни на канонических началах волновал и многих иерархов, болевших душою за будущее Русской Церкви, и пастырей, и монашествующих, и церковных мыслителей и общественных деятелей из числа мірян, тем не менее, ущербность упомянутого движения, точнее вышепоименованного Союза заключалась как раз именно в его идеологической вседозволенности и пренебрежении святоотеческой традицией Церкви. Дело в том, что обновленцы пытались полностью уничтожить Охранительную функцию Церкви, которой так крепко держались все

Вселенские Соборы. Потеря же этой функции ведёт непосредственно к ереси[4]. Ещё об одном мотиве движения упомянутый о.М.Чельцов писал: «Церковным обновлением мнит себя бранящий иногда даже по личным счётам своего архиерея и восстающий против епархиальной бюрократии»[5]. Именно из этой части белого духовенства происходили те, кем двигали своекорыстие и карьеристские расчёты, прикрываемые демагогическими рассуждениями, те, в ком исторические потрясения обнаружили оскудение веры (так что иные из них стали впоследствии открытыми безбожниками) и пленение «похотью міра» настолько, что ради ея удовлетворения они оказались готовыми не считаться со средствами, какими бы гнусными последние ни оказались. Они составили впоследствии костяк т.н. «обновленчества».

Кстати, «личные счёты» достаточно прозрачно просматривались дореволюционным Церковным обществом и в выступлениях новоявленного «протестанта» – охтинского (район в Санкт-Петербурге) протоиерея Христофора Белкова (отца видного обновленца Е. Белкова), выливавшего ушаты грязи в издаваемом им журнале «Звонарь» на неугодивших ему или его друзьям архиереев, и в иных программах, потрясавших основы существующего Церковного устроения – в конечном счёте лишь ради того, чтобы дать возможность появиться женатому епископату, допустить второбрачие клириков и разрешить батюшкам ношение светского платья и посещение театров, синематографов и других увеселительных заведений. Кстати, было бы несправедливым, однако, не отметить тот факт, что в последующий период многое из этого накрепко вошло в церковную практику...

Но следует учитывать при рассмотрении истоков обновленческого раскола и другой момент. Многие видные и активные деятели «обновленчества» двадцатых годов до революции были вполне, а порой даже чересчур благонадёжными батюшками, как, например, «протопресвитер всея Руси» В.Красницкий. Причины последующего ухода в «обновленчество» можно искать не только в одержимом честолюбием и самолюбием горе-реформаторстве, но и в обычном конформизме, что также наглядно было показано историей.

К сожалению, появление «обновленчества» имело и объективные причины. В переломный исторический момент на Церкви болезненно отразилась нерешённость застарелых проблем, вызванных двухвековой зависимостью от светской власти, социаль-

ными потрясениями и ослаблением духовного единства Русского народа в предреволюционные десятилетия. Только в этих условиях, когда трагические результаты яростных нападок извне и внутренних противоречий отразились на участи миллионов Православных верующих, у карьеристов появилась объективная возможность широко спекулировать на Церковных проблемах, искать виновников этих проблем и создавать себе репутацию «радетелей за Православие». Следует также указать, что советская власть, подавляя любые попытки истинного Церковного обновления, преследуя Патриарха Тихона и других верных Православию иерархов, лишив Церковь юридических прав, запретив религиозное воспитание детей и т.д., одновременно всячески поощряла раскольников, предоставляя им сравнительно широкие права и возможности и оказывая явное покровительство. Надо ли говорить, что делалось это небезкорыстно: «обновленцам» предоставлялась роль расшатать и ослабить Патриаршую Церковь, после чего им, следует полагать, готовилась такая же участь, как и их жертвам.

Ослабленная внутренними противоречиями, лишь недавно обретшая Патриарха, Церковь не смогла сохранить непреклонное единство в тяжелый период общественной смуты и наступления воинствующего атеизма. Но в отличие от расколов прошлого, «обновленческое» движение затронуло, в основном, иерархию. Простой народ остался верен Патриаршей Церкви, безошибочно распознав за красивыми разсуждениями о необходимости реформ сиюминутные меркантильные соображения. Твёрдая позиция мірян сделала обновленческих лидеров генералами без армии, что и обусловило историческую безперспективность «обновленчества».

> «Теперь понятно, – указывает бывший видный обновленец архиепископ Сергий (Ларин), – что Церковное обновление и обновленческий раскол не одно и то же. Если Церковное обновление являлось идеей времени и идейно оправдывалось стремлением к лучшей организации Церковного общества, – конечно, в строгих рамках святого Православия, то обновленческий раскол представлял из себя организованное сборище разнородных элементов, лишённых не только идеального чувства, но и чести, и совести, и ворвавшихся в ограду Церкви ради Ея разрушения. Вот почему, в частности, обновленческий раскол не составил самостоятельной эпохи и, может быть потому не представляет исторического интереса. Новое поколение церковных

людей будет знать о нём не больше, как о разбойном нападении на Церковь...»[6]

Но давая всё же историческую оценку «обновленчества» на фоне других расколов, известных в Церковной истории, он пишет:

«На пути своего триумфального шествия Церковь Христова омрачалась ересями, лжеучениями и расколами. История запечатлела на своих страницах критические моменты в жизни Церкви, вызванные оппозицией отдельных лиц или групп.

Однако, такие расколы лишь подчёркивали, что в обществе в данный исторический момент имеются другие, быть может, высшие нравственные интересы, вызвавшие на усиленную интеллектуальную деятельность Саму Церковь. Пусть эти репетиции лживы или иллюзорны, но они прокламировались с искренностью и уверенностью в их истине и пользе для общества.

Но обновленческий раскол 20-го века ни с чем в сравнение не идёт. Он стоит особняком, потому что утилитаризм, под стягом которого новоявленные реформаторы соревновались в добывании власти, жён и денег, лишил его права встать в один ряд с историческими деятелями расколов прошедших веков.

История ничего не забывает. На ея суде обновленчество займёт место рядом с безславными событиями, остающимися в сознании потомков как огорчительные факты»[7].

Оставим на совести процитированного автора некоторую идеализацию нравственных позиций предшествующих расколов и ересей, однако, в чём он безусловно прав, так это в оценке «обновленчества», как явления Церковной истории, ни с чем не сравнимое в своём утилитаризме. Но именно в нём уже при самом зарождении «обновленчества» закладывался быстрый и неминуемый нравственный и практический крах последнего, как движения в целом, так и отдельных его течений и деятелей. И не только в историческом, но и в духовно-нравственном аспекте оно преподаёт будущим деятелям на ниве Христовой серьёзный урок того, к какой духовной катастрофе приходят пастыри, которые в слепом самоугождении забывают Бога и Его стадо и «пасут себя самих» (Иер.34:2).

2. Предпосылки появления обновленчества.

Возникновение в 1922 году Обновленческого раскола не явилось чем-то появившимся стихийно и неожиданно. На самом деле он имел предпосылки практического, идеологического и организационного характера.

Так, попытка внести смуты в Церковную жизнь по причине индивидуалистических устремлений и под прикрытием безпардонной демагогии имела место и ранее.

Весной 1917 года архиепископ Пензенский *Владимір (Путята)* за свой образ жизни был отстранён Cvнодом от управления епархией с определением места для покаяния во Флорищевой пустыни. Однако он отказался подчиниться этому определению и продолжал самочинно управлять епархией. Положение вещей тогда было уже таково, что принудительно сослать Владиміра в монастырь оказалось невозможно. Поручив управление Пензенской епархией викарному епископу Григорию, Cvнод предал Владиміра соборному суду епископов. Дважды был вызываем он на суд Собора, но оба раза не явился, почему и был судим заочно. В декабре 1917 года Совещанием епископов в составе 50 человек он был запрещён в священнослужении. Однако и этим соборным определением он пренебрёг, продолжая совершать Богослужения и, более того, объявив о создании им «Свободной народной церкви». В считанные месяцы монархист, свой человек в придворных сферах, преобразился в социалиста. При помощи своих сторонников, которые у него появились как среди безпринципной части духовенства, так и среди малоразборчивой публики, падкой на «смелые» нововведения и сенсации, Владимір захватил силою в Пензе четыре храма, в том числе кафедральный собор. Много при этом досаждал он и служителям, назначенным Cvнодом на Пензенскую кафедру (выборы в епархии провести оказалось невозможно) епископу Феодору (скончался вскоре по прибытии в Пензу в 1918 г.) и епископу Иоанну (Поммеру – с 1921 г. архиепископу Рижскому). Налицо была явная попытка внесения в Церковь раскола. Терпение Церковной власти достигло предела. В июне 1918 года Собором епископов Владимір был извержен из сана. Впрочем, пользуясь обстоятельствами, он продолжал творить безчиние, немало прибавив к своим беззакониям[8]. Очевидцы событий отмечают, что для Владиміра, авантюриста по натуре, важно было любыми средствами удержать-

ся на кафедре. Так, в 1921 году он пытался, хотя и тщетно, испросить возвращение себе сана у Патриарха Тихона. А когда в 1922 году на свет появилось самозванное Высшее Церковное Управление, он, учуяв духовное родство с обновленцами, одним из первых поспешил в Москву объявить им о своём признании, в надежде получить от них «каноническое» назначение на кафедру. Однако последние всё же решили отказаться от поддержки несомненно близкой им по духу, но слишком уж одиозной фигуры Путяты. Собственно, начавшее свою захватническую деятельность «обновленчество» и послужило трансформации путятинского брожения, переманив его «деятелей» под свои знамёна.

Что же касается деятелей самого «обновленчества», то некоторые из них проявили «социальную» активность ещё до Октябрьской революции. Причём, что примечательно, лозунги социально-экономического порядка неизменно приспосабливались к текущим обстоятельствам, или, как тогда любили говорить, «злобе дня». Общественная безпринципность большинства обновленческих лидеров несомненно свидетельствует о конъюнктурности «движения». Так, в период после Февральской революции в Петрограде образовались «Союз прогрессивного петроградского духовенства», «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мірян». Среди их деятелей мы находим А.Введенского, А.Боярского, И.Егорова, а также тогдашнего обер-прокурора Синода В.Львова, чьи имена мы не раз встретим позже в связи с Обновленческим расколом. В Августе 1917 года священник А.Введенский был назначен членом организованного Временным правительством Республиканского совета (предпарламента). В то время он стоял на позициях христианского социализма эсеров, но по мере изменения ситуации в стране позиция Введенского становилась всё «левее». В 1918 году он выпустил брошюру «Социализм и религия», где попытался прощупать почву для дальнейшей социальной адаптации. Не отставали от него и некоторые другие вожди последующего раскола. Так, в 1919 году петроградский священник И.Егоров организовал союз «Религия в сочетании с жизнью», а московский «прогрессивный» батюшка С.Калиновский (впоследствии снявший сан) ещё ранее попытался создать *«Рабоче-крестьянскую христианско-социалистическую партию»*[9], что, впрочем, впоследствии его критики из числа обновленцев вменяли ему в антисоветскую деятельность[10]. Не

избежал в этот период социальной демагогии и епископ Антонин (Грановский), впоследствии «калиф на час» Обновленческого раскола[11].

Нужно заметить, что общеобязательная Церковная политика была тогда уже отменена, и традиционный принцип церковной свободы позволял указанным деятелям держаться невозбранно их социальных воззрений, имевших немного последователей: время духовных иллюзий подходило к концу. Не требуя от священнослужителей обязательной определённости политических взглядов, Церковь готова была противостоять любым извращениям православного вероучения или расколам. Но эти намерения тогда ещё маскировались будущими «обновленцами». Впрочем, упомянутый епископ Антонин, живший на покое в Москве, был в 1921 году запрещён в священнослужении за недопустимые самовольные нововведения в Богослужение. А.Введенский в изданной в 1922 году книге «Церковь и государство» писал, что в Январе 1918 года он имел беседу с протопресвитером Г.Щавельским, во время которой обсуждалась проблема разрыва с Патриархом[12]. Правда, его собеседник, также оставивший целую книгу воспоминаний[13], ничего об этом не сообщает.

Наступил 1922 год. 23 Февраля под предлогом борьбы с голодом советское правительство выпустило декрет об изъятии Церковных ценностей. В Марте сделалась очевидной угроза, нависшая над организационной структурой Русской Церкви. В это время протоиерей А.Введенский, а также ряд других сторонников «реформ», ориентируясь, что называется, «по ветру», образовали фракционную группу, к которой присоединились последующие лидеры обновленчества: протоиереи И.Альбинский, А.Боярский, П.Раевский, священники В.Красницкий, Е.Белков и ряд других. 25 Марта в «Красной газете» эта группа нарочито самостоятельно, без благословения епархиального начальства, опубликовала послание о помощи голодающим, сыгравшее впоследствии роль политического доноса. Это так называемое «письмо двенадцати священников» обвиняло Православное духовенство в политических играх и равнодушии к страданиям жертв засухи. Единственными радетелями о голодающих Поволжья авторы письма представляли себя, отмежевавшись от остальных священнослужителей. Несколько месяцев спустя на процессе по делу митрополита Петроградского Вениамина обвинители определяли сте-

пень «контрреволюционности» ряда подсудимых в зависимости от их отношения к «письму двенадцати священников» и его авторам.

3. Течения обновленчества

С самого начала «обновленчество» выступило не как единое общество, а как ряд группировок, противоборствующих между собою, единых лишь в своих антицерковных усилиях. Касаясь событий Мая 1922 года архиепископ Сергий пишет: «В то время было трудно разобрать, кто и с какой программой идёт разрушать Церковь: разрушители сошлись на одном – сначала вырвать власть из рук титана, а уж после «разделять и властвовать». Тем не менее у каждой группировки была своя собственная мысль. Именно поэтому ВЦУ представляло из себя коалиционное начало, хотя и с очевидным и подавляющим преимуществом группы «Живая Церковь»[14]. Первая самая крупная группировка называлась «Живая Церковь». Она была преобладающей в раскольническом движении. Верующие люди именно с нею отождествляли «обновленчество» вообще, а раскольников именовали «живоцерковниками» или, в простонародье, «живцами».

29 Мая 1922 года состоялось учредительное собрание «Живой Церкви», на котором захватившие Патриаршую канцелярию священники, а также приглашённые ими епископы Антонин и Леонид (Скобеев) были провозглашены сами же собою Высшим Церковным Управлением (ВЦУ). Тогда же начал издаваться журнал «Живая Церковь».

С выходом обновленчества на арену борьбы весной–летом 1922 года к нему примкнули и иные из видных Русских церковных «реформаторов». Так, уже в первом номере журнала «Живая Церковь» – центральном органе одноимённой группы, появилась пространнейшая статья бывшего обер-прокурора Cvнода В.Н. Львова, где он разсуждал «о соборных началах», о «демократизации» Церковной жизни и т.д. При этом данное, практически безпредметное выступление в духе «старого реформаторства» выглядело довольно одиноко среди откровенно утилитарных категорических предписаний В.Красницкого и других «красных батюшек». Трудно сказать, на что надеялся в своих мечтах бывший обер-прокурор Cvнода, во всяком случае понятно, что авторитет

этого и других старых «реформаторов» был нужен на первых порах «обновленцам» для привлечения на свою сторону «левой» части Русской Церковной общественности. Впрочем, преуспели в этом они довольно слабо. Всё честное, что было в Церковном обществе, даже из фрондирующих, отшатнулось от них по мере обнаружения непорядочности деятелей «обновленчества». Нездоровое стремление «реформаторов» сделать себе карьеру ценой травли и доносов, добыть себе льготы и привилегии в обстановке всеобщей беды не вызывало особых симпатий даже у их хозяев. Например, деятельность уже упомянутого пензенского архиепископа Владимiра (Путяты) местная газета «Красное знамя» объясняла соображениями «уязвлённого самолюбия, заставившего его порвать с Патриархом и Патриаршим двором»[15]. Позднее видный идеолог научного атеизма И.И. Скворцов-Степанов с удовлетворением отметил: «Для движения масс христианско-социалистические идеи излишни, могут только спутывать и связывать его. Они нужны не массам, а самому духовенству, нужны для того, чтобы замедлить полный и окончательный отрыв масс от всякого духовенства, от всякой Церкви, от всякой религии»[16]. Большевики использовали «обновленцев», но не дорожили ими и не уважали, а когда стало ясно, что раскол не достиг желаемой цели, окончательно потеряли интерес к «красноцерковникам». В 1930-х годах их также не миновали гонения и репрессии. Среди раскольников оказался видный «левый» церковный деятель, бывший профессор истории Русской Церкви Петроградской Духовной Академии Б.Н. Титлинов. Позднее он даже будет претендовать на роль идеолога раскола, выпуская в печати пространные разсуждения о значении «обновленческого движения в истории». Впрочем, его сочинения содержат ряд откровений, являющихся неплохим источником по истории раскола. Так, в 1923 г. в одном из своих сочинений он признал, что «задачи идейного характера заслонялись задачей использования сегодняшней победы и даже жаждой отмщения. Мы поставили целью освобождение Церковной жизни из-под влияния епископата»[17].

Внёс свою лепту в «революционные завоевания» раскольников ещё один учёный муж – член Поместного собора 1917–1918 гг. профессор-протоиерей Н.Г. Попов, который в своём докладе на незаконном соборе 1923 г. «канонически» обосновывал практику двоебрачия духовенства. Для осуществления своих практи-

ческих намерений на местах живоцерковники ввели институт уполномоченных ВЦУ при епархиальных управлениях.

> «Для этих целей, – указывает архиепископ Сергий, – ВЦУ выделило некоторых из своих единомышленников с широкими полномочиями участвовать во всех решениях епархиальных дел, опротестовывать постановления Епархиальных управлений и даже отменять решения епархиальных архиереев. Таких «уполномоченных» было разослано по епархиям 56 человек с диктаторской властью, располагающей некоторой поддержкой гражданских учреждений, иногда и очень реальной. Эти маленькие обер-прокуроры в рясах основали во всех епархиях из признающих ВЦУ епископов и священников Епархиальные управления и начали ожесточённую борьбу с противниками «Живой Церкви». Как и само ВЦУ, так и уполномоченные действовали ложью. Они везде и всюду объявляли, что Церковную власть ВЦУ передал Сам Патриарх Тихон по собственной инициативе, а потому они и являются представителями законной Церковной власти: а так как Сам Патриарх и его Заместитель лишены были возможности опровергать успешно эту ложь, то в большинстве случаев она им удавалась. Таким образом, они склонили к признанию ВЦУ не только священников, но и многих епископов. К числу поддавшихся обману принадлежал и митрополит Владимірский Сергий (Страгородский), впоследствии Патриарх. Когда же обман не удавался и мудрое первосвятительское послание митрополита Агафангела достигало глаз и ушей иерархов, и обманщики были разоблачены, то тогда применялись угрозы и насилия»[18].

Следует, однако, отметить, что в личном отношении деятелей обновленчества нельзя оценивать однозначно отрицательно. Тем трагичнее, что пагубный путь отрицания и раскола увлёк несомненно честных, одарённых служителей, кто мог бы принести действительную пользу Церкви. Это были дети своего времени, поддавшиеся иллюзорному пониманию духовной свободы, общественного служения и отношений с государством.

4 Июня 1922 года в помещении Троицкого подворья (бывшая Патриаршая резиденция) состоялось организационное собрание группы «Живая Церковь», на котором был избран ЦК группы и принят устав, состоящий из 14 пунктов. Тогда же созданный орган руководства – Центральный комитет разослал «прогрессивному»

руководству всех епархий следующий циркуляр: «Организуйте немедленно местные группы «Живая Церковь» на основе признания справедливости социальной революции и международного объединения трудящихся. Лозунги: белый епископат, пресвитериальное управление и единая церковная касса. Первый организационный Всероссийский съезд группы «Живая Церковь» переносится на 3 Августа. Выбирать на съезд по три представителя от прогрессивного духовенства каждой епархии»[19]. Из этого послания налицо видны кастовая ограниченность и явный меркантилизм живоцерковной программы. Чего стоит один лозунг об «единой церковной кассе», т.е. находящейся в руках только клириков и их органов. Подобные претензии оправдывались клеветой на канонический строй Церковной жизни и примитивной демагогией. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на декларацию ЦК «Живой Церкви», появившуюся вскоре после организационного: «С чего начать дело Церковного преобразования». Так, желая склонить духовенство к поддержке лозунга об «единой церковной кассе» живоцерковники писали: «... Сообщайте Центральному Комитету и своим епархиальным комитетам, какие вам нужны постановления, какие вам нужны указы, чтобы отобрать у ваших приходских буржуев церковные суммы и вместе с этими суммами – власть в ваших руках. Кто держит церковные деньги – свечной, тарелочный сбор, – тот командует всем. Церковные буржуи крепко ухватились за церковные суммы, закрепили за собой право приходским уставом и монашеским епископатом. Укажите, какие вам нужны законы, какие вам нужны правила, какой вам нужен устав, чтобы вы могли жить свободно и чтобы вы могли свободно говорить о Церкви, что вы находите нужным, чтобы вы распоряжались делами в своём приходе по голосу вашей совести, по сознанию вашего пастырского долга»[20]. Понятно, что эти меркантильные устремления «прогрессивных» батюшек или «красных попов», как их называли в народе, не могли встретить поддержки в Церковном обществе. Более дальновидные обновленцы стали сознавать безперспективность такой откровенной программы. В движении обозначилась трещина, которая стала явной во время упомянутого съезда «Живой Церкви». На первое место в движении раскольников выдвинулся тогда В.Красницкий. Формально считавшийся заместителем председателя ВЦУ (председатель – епископ Антонин), он и в дальнейшем оставался лидером группы «Живая Церковь».

3 Августа 1922 года в Храме Христа-Спасителя в Москве, который живоцерковники объявили своим «Всероссийским молитвенным центром», открылся съезд группы белого духовенства «Живая Церковь». На этот раз был принят устав из 33 пунктов, содержащий прежнюю программу. Этот же съезд, не дожидаясь предстоящего «собора», обещанного обновленцами, принял резолюцию, допускающую женатых пресвитеров вплоть до епископского сана, второбрачия клириков, отмену некоторых канонических ограничений для вступления в брак, в частности духовного родства. Тогда же съезд принял антиканоничное решение – избрать Антонина на Московскую кафедру, с последующим возведением в сан «митрополита Московского и всея России». Между тем был жив и сохранял свои права законный Патриарх Московский и всея Руси, хотя и не имевший временно возможности управлять Церковью. Московская кафедра была занята. И передача её другому являлась вызывающим нарушением Церковных канонов. Впрочем, живоцерковников это мало безпокоило. «Не надо стесняться канонами, они устарели, многое надо отменить», – заявил Красницкий на возражение Антонина против женатого епископата[21]. Съезд постарался «ограничить» не только епископов, но и практически совсем исключить из активной церковной деятельности мірян, которые лишались каких-либо прав в решении вопросов приходской жизни. Лишь «особенно выдающимся своей деятельностью» в пользу живоцерковников «красные» батюшки могли соблаговолить предоставить право решающего голоса в местной организации «Живой Церкви».

«Между прочим, – указывал известный обновленческий деятель, профессор Б.Н. Титлинов, – съезд постановил немедленно распустить приходские советы, стоящие против обновленческого движения, и собрать вместо них новые из лиц, рекомендуемых настоятелями под их ответственность. Противникам этого постановления съезд угрожал церковными наказаниями, до отлучения от Церкви включительно»[22]. Впрочем, недовольны остались съездом и многие клирики, указывавшие, что на местах «обновление» шло под лозунгом: «Немедленный созыв Поместного собора». Между тем, вожди движения обещали его проведение не ранее Февраля следующего 1923 года. Причины оттягивания понять нетрудно. Руководителям «Живой Церкви» важно было не собрать Собор, а подобрать и соответственно «подготовить» его, чтобы на нём без лишних обсуждений прошли устраивающие их решения.

«В оценке бытописателей того времени, – указывает архиепископ Сергий, – съезд явился крупным проигрышем живоцерковников. Принятые съездом решения сожгли мост, соединявший «Живую Церковь» с теми, кто ещё вынашивал надежды на реальность ея идеологической платформы. Сейчас же у реальных церковных политиков исчезли последние иллюзии на благодетельность реформ, потому что в воинствующем направлении руководства «Живой Церкви» обнаружилась страшная ломка Русского Православия»[23].

Пока налицо был конфликт между «митрополитом» Антонином и группой Красницкого. «Митрополит Антонин видел, конечно, что за люди попадают в состав иерархии ВЦУ, и по несдержанности своей натуры иногда грубо и резко реагировал на выдвижение в архиереи разных безответственных и невежественных лиц группой «Живая Церковь». Но, конечно, реально воспрепятствовать этому не мог: ведь он был лишь председателем ВЦУ и никакими «юридическими» правами или каноническими преимуществами не пользовался. ВЦУ состояло в подавляющем большинстве из белого духовенства и двух-трёх мірян, а «нравственный авторитет» архиереев нужен был ВЦУ и живоцерковникам в начале своей деятельности, а не теперь»[24].

Сохраняя до времени пост председателя ВЦУ, Антонин тогда же в Августе 1922 г. отошёл от «Живой Церкви» и занялся созданием собственной группы «Союз Церковного возрождения», который 12 Сентября собрался на свой первый съезд в помещении захваченного Антонином Заиконоспасского монастыря. Среди его участников было 400 человек духовенства и 1500 мірян. Свою реформаторскую деятельность Антонин проводил, главным образом, в литургической области. «Задача Союза Церковного возрождения – было записано в §1 – определённо реформаторская». Не обошлось здесь и без камешков в огород живоцерковников. «Главная задача СЦВ – гласил §2 – борьба с духовной буржуазностью, с утончённым кулачеством, со жречеством, как своекорыстным приспособлением культа к интересам сословия жрецов (попов) для легчайшего кормления за счёт убаюкивания, легковерия и невежества народа». Интересно, как этот устав сам же оценивал, так сказать, исторические перспективы Союза в §34: «Союз прекращает свою деятельность или по распоряжению органов власти, или по постановлению Общего Собрания Союза...»[25]

В Петрограде также открылось отделение «Союза Церковного возрождения». Номинальным его главой стал обновленческий архиепископ Петроградский Николай Соболев, но фактически всеми делами там заправлял А.Введенский вкупе с членами бывшего Петроградского комитета «Живой Церкви». «Возрождение» пыталось распространить своё влияние и далее в провинцию. В конце Сентября 1922 года оно уже имело своё отделение в Ярославле, где его члены вошли в «коалиционное епархиальное управление»[25]. В 12 епархиях (Тамбовская, Пензенская и др.) большинство обновленческого духовенства заявило о выходе из «Живой Церкви» и вступлении в СЦВ. Приблизительно в течении месяца-полутора к этой группировке перешло идейное лидерство в обновленчестве.

Однако, такое положение сохранялось недолго. После споров с Антонином, Введенский порывает с ним и объявляет о независимости Петроградского комитета СЦВ. К нему присоединяются многие «возрожденцы» из Москвы и провинции. Они вступают и захватывают в свои руки так называемый «Союз общин Древле-Апостольской Церкви (СОДАЦ), – возникшую летом 1922 года в Москве и влачившую жалкое существование группу интеллигентов, задумавших организовать христианские трудовые коммуны, по опыту мастерских Веры Павловны, героини романа Н.Чернышевского «Что делать?». Союз начинает быстро расти. Вслед за Введенским в него вступает петроградская обновленческая организация во главе с А.Боярским. К концу года СЦВ уже имел отделения во всех епархиях, издавал несколько журналов и по числу членов даже превосходил «Живую Церковь»[27].

В это же время в Петрограде возникает «Союз религиозно-трудовых общин» во главе с Е.Белковым, недавним ближайшим сторонником Введенского.

Отрицая авторитет Церкви и Ея каноническое устройство, основанное на послушании Патриарху и высшим иерархам, сторонники «реформации» уже не могли остановить ими самими начатый и теперь обернувшийся против них процесс безпрерывного дробления обновленческих организаций. В результате единого «обновленческого» движения так и не сложилось. Отвержение церковной дисциплины, порочный принцип, согласно которому практически каждый священнослужитель или даже мірянин мог объявить себя «митрополитом», «епископом» или основателем новой

«Церкви», приводили к тому, что малейшее разногласие или столкновение самолюбий становились поводом к очередному расколу. Другие «реформаторы» изначально не желали подчиняться кому бы то ни было и создавали собственные «независимые» группировки.

Так, в 1922 г. появилось ещё несколько обновленческих группировок разных оттенков, например: «Пуританская партия революционного духовенства и мірян», «Свободная трудовая Церковь». Последняя являла собой довольно любопытную картину. Она возникла в Москве в конце 1922 года. Ея основателем был поэт-анархист Алексей Святогор. Сын священника, он ещё семинаристом вступил в подпольную анархическую организацию, принимал участие в ограблениях («экспроприациях»), неоднократно сидел в тюрьме. После революции А.Святогор примкнул к более умеренной партии анархистов-бионасмистов, которые считали главным путём к созданию анархического общества просветительную работу. Святогор написал радикальную программу, провозгласив главной целью новой церкви «примирение религии и науки, борьбу с суевериями и предрассудками, примирение религии с социализмом». Он считал, что колокольни должны быть превращены в обсерватории. В его «церкви» все, кто желал, выходили на кафедру: поэты-футуристы, сектанты, рабочие, анархисты, актёры. Затем Святогор выступал с речью, читал свои стихи[28].

Последующий, до весны 1923 года, «предсоборный» период прошёл у обновленцев во фракционной борьбе, что явилось естественным результатом извращённого понимания духовной свободы. На второй сессии ВЦУ «Живая Церковь» оказалась в меньшинстве, сохранив в указанном органе лишь треть мест. «Но и будучи в оппозиции, группа удержала революционное направление церковной жизни», – хвастался весной 1923 года В.Красницкий[29].

Действительно, происшедший затем обновленческий «собор» имел во многом «живоцерковную» программу. Впрочем, и его противник А.Введенский своими «реформаторскими тезисами» немногим отличался от Красницкого. В своей антицерковности и умении улавливать «дух времени» или попросту приспосабливаться к внешним условиям они вполне сходились. Это обеспечило им доверие начальника Церковного отдела ГПУ Е.А. Тучкова и соответственно, как увидим, успех в проведении на «соборе» «революционной программы».

4. Видные деятели обновленчества.

А.И. Введенский

Среди обновленческих лидеров в первую очередь необходимо выделить Александра Ивановича Введенского (1889–1946). И дело здесь не только в том, что он находился у истоков «обновленчества» и может считаться родоначальником раскола. Пожалуй, он единственный из первоначальных вождей, кто дожил до самого конца движения, оставаясь в нём. Точнее было бы сказать, что с кончиной Введенского умерло и само «обновленчество» как организация.

В 1912 году молодой студент-литератор А.Введенский решает стать священником. Впоследствии он часто говорил, что шёл в Церковь, имея намерение стать Ея реформатором, «взорвать Её изнутри». Окончив в 1913 году университет, он стал обивать архиерейские пороги, но везде встречал недоверие. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы не встреча с протопресвитером военного и морского духовенства Г.Щавельским. Последний, сам слывший сторонником реформ, быстро оценил способного молодого человека и решил привлечь его в своё ведомство. В Июле 1914 года Введенский достиг своей цели и был рукоположен. Будучи артистической натурой, склонной к экзальтации, он свою первую литургию служил на манер чтения декадентских стихов с характерными завываниями[30]. И впоследствии он продолжил свои литургические «изыскания». Этому посвящена его специальная статья «Божественная литургия. Иоанн Кронштадтский», появившаяся в 1918 году, в которой он рассуждал об эпилептических судорогах как о форме проявления молитвенного экстаза священнослужителя[31]. Автор находил тогда немало поклонников, что было естественно в эпоху декаденства, повышенного интереса общества ко всякого рода нездоровым явлениям.

Так начиналась карьера о.Александра в период, предшествовавший его раскольнической деятельности. Тогда же он сблизился с митрополитом Петроградским Вениамином, в судьбе которого, как и многих других верных Православию церковных деятелей, он сыграл роковую роль. Вот что писал близко знавший события того времени в Петрограде митрополит Мануил:

> «Митрополит Вениамин, не распознав обновленческих домыслов Введенского, в начале его священнослужения искренне его полюбил, всюду выдвигал, возил с собой

и во время своего служения поручал ему проповедь. Вскоре для нецерковного слуха и неправославного взора эффектная фигура обновленческого протоиерея заслонила собою облик смиренного истинно-христианского архипастыря, а красивая несколько истерическая проповедь его заглушила задушевное, краткое, простое слово скромного митрополита.

Но всё освещающее время скоро выявило смертельный яд обновленческого міросозерцания Введенского и открыло непроходимую пропасть, образовавшуюся между этими двумя противоположными церковными деятелями, подобно пропасти, лежащей между Лазарем и богатым. Церковная история навечно сохранит оба этих облика, как сохранило Евангельское повествование яркие образы из последних дней земной жизни Спасителя – образы Иосифа Аримафейского, Никодима, первосвященников, фарисеев, Пилата, Ирода и Иуды...»[32]

Дальнейшее поведение А. Введенского в отношении митрополита Вениамина характеризует его не лучшим образом. Вскоре после появления «письма двенадцати священников» Введенский, вернувшись из Москвы, заявил митрополиту о церковном перевороте, аресте Патриарха Тихона как саботажника, образовании нового Церковного управления и о назначении его, Введенского, депутатом от этого управления по Петроградской епархии.

«митрополит Вениамин отказался благословить раскол. На следующий день появилось постановление Владыки, объявлявшее Введенского находящимся «вне Православной Церкви». Большевистские газеты выдали участие властей в раскольных действиях живоцерковников: они обрушились с угрозами на митрополита Вениамина, призывая карающий «меч пролетариата» на его голову.

[...] Вскоре Введенский, как депутат «революционного епархиального управления», явился к митрополиту и предъявил ему ультиматум: отменить постановление об отлучении его, Введенского, от Православной Церкви, а в противном случае митрополит и его духовные сподвижники будут преданы суду как противящиеся изъятию церковных ценностей и погибнут.

[...] Владыка ответил Введенскому категорическим отказом. Затем он надел на руку красные четки, какие надевал на Богослужения Пасхи и в праздники святых мучеников, отдал необходимые распоряжения по епархии, попрощался с близкими людьми»[33].

Позорная причастность к процессу, который закончился трагически для четырёх новомучеников, не смутила А.Введенского, продолжавшего свою неутомимую «реформаторскую» деятельность.

На «соборе» 1923 года он был избран «архиепископом Крутицким», а вскоре его возвели в «митрополиты». С этого времени его дальнейшая деятельность протекала в Москве. Сначала его кафедрой являлся Храм Христа-Спасителя, взорванный в 1928 году. Затем некоторое время «молитвенный центр» московских обновленцев находился в храме Петра и Павла на Басманной улице, и уже последним пристанищем Введенского был Пименовский храм на Новослободской улице.

На пленуме созданного на «соборе» 1923 года Высшего Церковного Совета (ВЦС) (Август 1923 г.) он «подчинился» своему же предложению распустить группы и объединить их членов в единую «Российскую Православную Церковь» (Красницкий и Антонин отказались это сделать). Этим он обезпечил себе и в дальнейшем ведущее положение в обновленчестве, будучи членом раскольничьего «Синода» вплоть до его конца и практически заправляя его делами. В это время он обезпечил себе некоторую популярность у обывателей своими диспутами в Политехническом музее с А.В. Луначарским. Впрочем, сам уровень этих диспутов оказался невысоким[34]. В 1930 году он становится «доктором богословия» и «доктором философии».

С самого начала не пользовавшееся поддержкой Церковного народа движение «обновленцев» в «послесоборный» период стало и подавно неудержимо слабеть. Привыкший к переполненным петроградским соборам, где посетители с жадностью ловили каждое его слово, Введенский (сам он был настоятелем Захарьино-Елизаветинской церкви) служил теперь в почти пустом храме, куда приходила лишь небольшая группа его почитательниц, да заглядывали любопытные. Он не носил бороды, во внебогослужебной обстановке одним из первых начал носить светское платье, причём, старался одеваться при этом с максимально возможной элегантностью. Высокий, худощавый, с крупными чертами лица, он обладал обходительными манерами и умел располагать к себе людей,– особенно представительниц слабого пола, порой оказываясь для них интересным собеседником.

В предвоенный период, когда с внешней стороны казалось, что Церковная жизнь замерла, он мог ещё утешать себя мыслью,

что его положение не так уж плохо. Но оживление Церковной деятельности в начале войны подчеркнуло близость катастрофической развязки как для него, так и для всего «обновленчества». Поклонников не стало. Бывшие соратники один за другим приносили покаяние митрополиту, затем Патриарху Сергию. Для уже немолодого, болезненно самолюбивого человека наступило время тяжёлых раздумий и колебаний. К Пасхе 1944 года Патриарх Сергий как «представитель большинства в Русском Православии», получил от Введенского приветствие, при этом себя автор наименовал «представителем меньшинства»[35]. Однако, диалога (первая попытка была ещё летом 1925 г.) и на этот раз не получилось. Обновленческий «первоиерарх» практически остался в одиночестве. Было ясно, что ни митрополитом, ни даже простым священником Патриархия его взять не сможет. Трудно сейчас сказать, что пережил он в последние месяцы жизни, наблюдая малоутешительные для себя итоги многолетней деятельности, чувствуя духовное одиночество и близость конца – как собственного, так и своего детища. Скончался А.Введенский в Мае 1946 года на 57-м году жизни. Его похороны в Пименовском храме, сразу же перешедшем затем в ведение Патриархии, явились и похоронами «обновленчества».

В.Д. Красницкий

Ничем выдающимся деятельность Владиміра Дмитриевича Красницкого до революции не отличалась. Будучи священником в Петрограде, он состоял в «Русском собрании» (правая партия), на митингах которого иногда произносил патриотические речи. В 1917 году в «Епархиальных ведомостях» появлялись его статьи против большевиков. В годы Гражданской войны, наряду со службой в Князь-Владимірском соборе, он работал в районных органах власти «северной столицы». Кроме освещения деятельности Красницкого как фактического главы ВЦУ и лидера «Живой Церкви» в 1922–1923 гг. небезъинтересно привести некоторые данные, характеризующие его личные особенности.

Как известно, свои действия по осуществлению «Церковного управления» он исполнял властно, безапелляционно, не столько как человек, сознающий свою правоту и ответственность, сколько как чувствующий свою силу, опирающуюся на властную поддержку извне. Если явившийся 25 Мая 1922 года в Петроград А.Введенский прибегал к угрозам в адрес митрополита Вениамина,

когда тот проявил мужество и отказался признать самочинное ВЦУ, отлучив раскольников от Церковного общения, то месяцем позже Красницкий, уже как власть имущий, потребовал «именем ВЦУ» от управляющего Петроградской епархией епископа Ямбуржского Алексия вступить в должность председателя Епархиального управления (для придания видимости каноничности последнему), в котором всем должны были заправлять «живоцерковники». Но особенно неприглядно Красницкий показал себя во время процесса над петроградскими церковными деятелями во главе с митрополитом Вениамином, где ему была отведена роль «свидетеля» обвинения.

Очевидцы вспоминают, как этот высокий, худой, лысый с бледным лицом и тонкими безкровными губами, ещё не старый человек (лет 40–45) в священнической рясе с наперсным крестом, решительными шагами, с вызывающим видом подошёл к своему месту и начал своё «показание». И с каждым словом, с каждым звуком его мерного, спокойного, резко-металлического голоса над головами подсудимых всё более сгущалась смертная тьма. Ложь, сплетни, безответственные, но ядовитые характеристики, обвинения в контрреволюции – всё было пущено в ход столпом «Живой Церкви». Перед собравшимися предстало какое-то перевоплощение Иуды, от которого душно и жутко становилось в зале. Все – до трибунала и обвинителей включительно, опустили головы. Всем было не по себе. Наконец, эта своего рода пытка закончилась. Красницкий сказал всё, что считал нужным. Ни трибунал, ни обвинители – редкий случай, не поставили ему ни одного вопроса.

О деятельности Красницкого на «Поместном соборе» 1923 года, где он «по смирению» отказался от кафедры «архиепископа Петроградского» и был провозглашён «протопресвитером всея Руси», мы узнаем из следующего раздела. Уже в Августе 1923 года он начинает видеть всю безперспективность «обновленчества», которое после освобождения Патриарха Тихона стало сдавать одну позицию за другой. На требование обновленческого ВЦС он отказался распустить свою «революционную группу». По замыслу, получившему одобрение Е.А. Тучкова, весной 1924 года он попытался установить контакты с Патриархом и проникнуть, с наименее оскандалившимися своими сторонниками в новый Высший Церковный Совет (с перспективой созыва Собора), ко-

торый Святейшему Тихону обещали разрешить создать в случае включения в него живоцерковников во главе с Красницким. Для соблюдения внешнего приличия он написал Патриарху прошение с просьбой «благословить потрудиться на возстановление Церковного мира..., покрыв архипастырской любовью всё, чем прегрешил в период церковно-обновленческого движения»[36]. Однако, Патриарх Тихон, державшийся необходимого в решении церковных дел принципа гласности, об этом «поведал Церкви». Последняя же единодушно и самым решительным образом отвергла идею принятия в Своё управление такого троянского коня обновленчества.

Так, усевшись между двумя стульями, Красницкий оказался политическим трупом, на который нельзя уже было делать ставки.

Обновленческий епископ А.А. Грановский (Антонин)

Ещё одна «яркая фигура» Обновленческого раскола – епископ Антонин (в міру Александр Андреевич Грановский) родился в 1865 году в семье сельского дьячка в Полтавской губернии. Его дальнейшая жизнь складывалась довольно типично для духовенства его поколения. Сначала духовное училище, затем семинария. Способный молодой человек поступает в Киевскую Духовную Академию, которую со степенью кандидата оканчивает в 1891 году. Служебный путь духовенства в Синодальный период внешне напоминал прохождение служебного пути чиновником или офицером в армии; особенно это относилось к так называемому учёному монашеству. Пострижение, рукоположение, назначения, перемещения, повышения, взыскания, поощрения и т.д. Всё это прошёл и Антонин[37]. Был он и помощником инспектора в Академии, и смотрителем Духовных училищ в Москве и Киеве, и, наконец, ректором Семинарии в Благовещенске на Амуре в сане архимандрита. Тогда же и проявилась неуживчивость его характера. Будучи старшим среди духовенства епархии (архиерейская кафедра была тогда вакантной) он крупно поскандалил с генерал-губернатором края, так что их тяжбу разбирали в столице. Дело состояло в следующем. Архимандрит Антонин, сознавая свой высокий сан, отказался вместе с другими чиновниками принести губернатору пасхальные поздравления, которые тот принимал не на дому, а в Благородном собрании. В свою очередь, когда губернатор решил похристосоваться с Антонином в храме после службы, тот стал отчи-

тывать его за «неуважение к Церкви». Впрочем, для Антонина эта история кончилась довольно благополучно: его перевели в Петербург в Комитет Духовной цензуры. Тогда же он попробовал себя и как учёный-библеист. За труд «Книга пророка Варуха. Репродукция» он в 1902 году Советом Киевской Духовной Академии был удостоен степени магистра богословия. В дальнейшем он продолжил научные труды. В 1913 году в Петербурге вышло его трёхтомное исследование Книги Притчей Соломоновых с Русским переводом по критическим изданиям еврейского и греческого текстов.

В Марте 1903 года он становится епископом Нарвским, 3-м викарием Петербуржской епархии. Однако в 1908 году по требованию обер-прокурора Cvнода С.М. Лукьянова его увольняют на покой «согласно прошению по болезненному состоянию». Поводом к этому, как он сам говорил, послужил достаточно характерный для Антонина шаг. В своей богослужебной практике от отменил поминовение Императора «Самодержавнейшим», по собственному объяснению, в связи с установлением «конституционного строя». Шесть лет «передовой епископ» провёл в Сергиевой пустыни под Петербургом, окружённый вниманием почитателей, главным образом «свободолюбивой» интеллигенцией. Ему посвящают стихи, с него пишут портреты... Наконец, в 1914 году его назначают на Владикавказскую кафедру. Впрочем, через три года он, как и некоторые его коллеги-архиереи, ея лишается. В этот же период у него впервые происходит обострение болезни, впоследствии сведшей его в могилу.

С 1917 года он живёт в Богоявленском монастыре в самом центре Москвы. В первые послереволюционные годы религиозная жизнь в Москве была довольно оживлённой. Епископа Антонина часто приглашают для совершения Богослужений в храмы города и епархии. Тогда же стали известны его «чудотворения», выражавшиеся в произвольном и часто недопустимом изменении Богослужебного чина, введении гражданского языка и т.д. Это стало вызывать нарекания, и Патриарх с Cvнодом вынуждены были в 1921 году наложить на него запрещение, впредь до раскаяния. Проповедь его также отличалась некоторой экстравагантностью. Так, ещё в 1918 году он утверждал, что Христианство «как носитель лучших культурных достижений человечества, должно идти впереди народно-революционного движения»[38]. Поэтому когда в Мае 1922 года перед Введенским, Красницким, Калинов-

ским и К° – встала проблема архиерейского возглавления их мероприятия для придания ему «авторитетности», то более подходящего кандидата на эту роль, чем Антонин им найти было трудно. Последний сразу же принял их приглашение, в чём немалую роль сыграло его озлобление на существующее церковное руководство. Свои чувства он год спустя излил в статье «Человеческие документы», помещённой в газете «Известия»[39].

Епископ Антонин становится председателем Обновленческого ВЦУ, а в Августе 1922 года «Живая Церковь» провозглашает его «митрополитом всея России». Однако, ему не захотелось ограничиваться ролью «генерала» на брачном пире живоцерковников. Всё яснее для него было видно, что он лишь номинальный монарх в государстве, фактическими правителями которого оказались Красницкий с Введенским. Особенно его задевали монахофобские устремления живоцерковников. И Антонин возстал. Какие-либо «канонические» меры против зарвавшихся «живцов» ему предпринять было практически невозможно, поэтому он, не найдя никакого решения, ограничивался личными конфликтами.

«Между нами нет Христа», – сказал он Красницкому во время совместного служения литургии, когда ему, как предстоятелю, следовало говорить: «Христос посреди нас». А вручая жезл новохиротонисанному «белому епископу» он провозгласил во всеуслышание: «Попы лезут в архиереи, чтобы пить и курить», доведя этим новоявленного «владыку» до обморока[40]. Впрочем, ВЦУ, будучи по самой своей природе скандальным учреждением, вынуждено было пока терпеть Антонина.

В Сентябре 1922 года он порывает с «Живой Церковью», организовав свой «Союз Церковного возрождения», к которому присоединяется Введенский. Однако, последний через месяц разрывает с ним, видя, что Антонин не желает уступить ему место лидера. При этом Введенский уводит за собой в «Союз общин Древле-Апостольской Церкви» большинство «возрожденцев», оставив Антонина с небольшой группой последователей, имеющих по общине в Москве, Петрограде и ещё нескольких местах. В результате на «соборе» 1923 года СЦВ был представлен только 10 членами. Самому же «митрополиту Московскому» была отведена роль на нём «почётного председателя», т.к., по словам Введенского, «к деловой работе из-за нервного переутомления он был уже не способен»[41].

С Антонином обновленцы поступили в соответствии с поговоркой: «Мавр сделал своё дело, мавр может уйти». И 25 Июня 1923 года «революционные» батюшки из ВЦС указом № 1125 уволили своего председателя «митрополита всея России» от всех должностей. Позднее, за отказ распустить сохранявшую ему верность группу «Возрождение» он был запрещён обновленческим Cvнодом в священнослужении, как «опасный реформатор».

Между тем Антонин продолжал свою «реформаторскую деятельность» в захваченном им ещё в 1922 году Заиконоспасском монастыре в Москве. Для совершения литургии он выносил престол на середину храма, а саму службу правил на гражданском языке по им же самим составленному чину, «на основе древних литургий». В своих проповедях он продолжал резкие нападки на «контрреволюционера» Tvхона, доставалось и его бывшим сподвижникам по ВЦУ.

Он был огромного роста, широкоплечий, с низким громоподобным голосом. Посетивший в 1925 году Москву директор Восточного института в Риме М.Д. Ербиньи добавляет следующие детали к описанию его внешности: «лицо его тоже лиловатое (пишется после упоминания о мантии), в особенности нос, который у него громадный. Неправильная очень седая борода дополняет грубый характер его физиономии. Обычная суровость, которая озаряется иногда улыбкой, но и тогда неизвестно, чего в ней больше – добродушия или презрения»[42].

Внутренняя жизнь кучки «возрожденцев» протекала бурно. Проводились съезды и пленумы, издавались труды. Сам Антонин, снявший белый клобук и вновь именовавший себя епископом, ездил по стране для чтения лекций и участия в диспутах. Так, в 1925 г., он доехал даже до Иркутска, а в Декабре того же года диспутировал в Ленинграде с профессором Гредескулом на тему «Был ли Христос?»[43].

Но старая болезнь (при вскрытии у Антонина было обнаружено 11 камней в мочевом пузыре) продолжала прогрессировать. Почти весь 1926 год он провёл в больницах. Когда в Декабре положение стало критическим, он, наконец, согласился на операцию, но было уже поздно. 14 Января 1927 г. Антонин скончался.

Обновленцы, забыв былые обиды, устроили ему торжественные похороны, сняв с него, мёртвого, былые «прещения». После его кончины «Союз Церковного возрождения», во главе которого

теперь стоял «епископ» Василий, окончательно захирел, пока вскоре не был вынужден совсем прекратить своё бытие.

5. Этапы движения «обновленцев» (1922 – 1946)

В предыдущих разделах мы уже касались событий первого года обновленческого раскола, когда его деятели, похитив церковную власть, увольняли от должности, а иногда «лишали» сана верных своему долгу архипастырей и пастырей, когда они «друг от друга принимали славу» (Ин. 8:44), возводя друг друга на кафедры, осыпая титулами и наградами, наконец, когда затеяли взаимную ссору из-за дальнейших путей «церковного обновления».

Теперь мы подходим к кульминационной точке движения раскольников – «Поместному собору» 1923 года. С открытием его «обновленцы», как уже указывалось, затянули. Им нужно было его не собрать, а подобрать, чем и занимались на местах уполномоченные ВЦУ. Следует отметить, что особенное усердие проявили сторонники Красницкого, хотя в это время они составляли только треть членов ВЦУ. В итоге состав «собора» был следующий: «Живая Церковь» – 200 чел., СОДАЦ – 116 чел., СЦВ – 10 чел., безпартийные – 69 чел.. Было представлено 72 из 74 епархий. Членами «собора» по должности были обновленческие архиереи (только 16 из них имели правильное, т.е. не обновленческое поставление), уполномоченные ВЦУ и представители центральных комитетов групп, всего 139 человек.

Е.А. Тучков, да и сами обновленческие вожди возлагали на это мероприятие большие надежды. Оно было призвано «в Европу прорубить окно», – т.е. способствовать изменению того политически невыгодного впечатления, которое произвели на Западе арест Патриарха Тихона и процессы над Церковными деятелями. Однако эффект от него получился совершенно обратный. Никто из приглашённых, кроме представителя американских методистов Э.Блейка, не приехал. Не было на нём даже проживавших тогда в Москве представителей Константинопольского и Александрийского Патриархатов, которые присутствовали на съезде «Живой Церкви» и в дальнейшем поддерживали обновленцев.

«Собор» начался 29 Апреля торжественной службой в Храме Христа Спасителя. Заседания его проходили в 3-м доме Со-

ветов (бывшая Московская Семинария), предоставленном советскими властями. Закрылся «собор» 9 Мая. Таким образом, для принятия «эпохальных» решений ему понадобилась неделя с небольшим, а его «деяния», или как их называли – бюллетени, заняли всего лишь 24 страницы среднего формата[44].

Как уже говорилось, Антонину на «соборе» отвели роль «почётного председателя» и кроме приветствия, речи с похулением Патриарха Тихона и доклада о мощах, ему больше ничего сказать не дали. Рабочим же председателем был выбран «митрополит» всея Сибири» Пётр Блинов. Без долгих обсуждений были приняты «резолюции» по следующим вопросам:

1. «О православной церкви, Социальной Революции, Советской Власти (*так в тексте – сост.*) и Патриархе Тихоне».
2. «О белом женатом епископате».
3. «О второбрачии духовенства».
4. «О мощах».
5. «О монастырях и монашестве».
6. «О реформе календаря».
7. «О духовной эмиграции».
8. «О реформах церкви».
9. «Об управлении Русской Православной Церкви».

Собственно центральным вопросом, ради которого и был организован этот «собор» стоял первый вопрос. Докладчиками по нему были Введенский и Красницкий. В прениях дали выступить лишь Антонину, известному своей ненавистью к Патриарху. И хотя некоторым участникам этого «собора» была ясна вся неканоничность предлагаемого решения о лишении Патриарха сана и монашества, им, что называется, не дали и рта раскрыть. Большинством голосов присутствовавших на заседании против одного при 5 воздержавшихся была принята следующая резолюция. Приведём наиболее характерные выдержки из неё: «Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина [...] так как Патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввёл в заблуждение широкие церковные массы, то Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви на основании церковных канонов (?!), сим объявляет его лишённым сана и монашества и возвращением в первобытное мирское положение.

Отныне Патриарх Тихон – мірянин Василий Беллавин...

... каждый верующий Церковник... должен... всемерно бороться вместе с Советской властью за осуществление на земле идеалов Царства Божия»[45].

Как видим, кроме безпринципного угодничества, здесь налицо и крайний цинизм. Независимо от юридических аргументов (которых здесь, кстати, не было – соборные «отцы» не привели ни одного конкретного канона, хотя и ссылались не некие «церковные каноны»), «извержение» из сана арестованного Патриарха было глубоко безнравственным актом, столь же безнравственным как и «лишение» год назад сана приговорённого к смертной казни митрополита Вениамина. Мір с отвращением и ужасом отвернулся от обновленческого «собора». «Есть зрелища нестерпимые, – писала одна из зарубежных газет, отклик которой был приведён в «Известиях» 11 Мая 1923 года – есть сочетания слов поистине сатанинские, в соблазне своём непереносимые, – служитель Христов, домогающийся убийства с ним единому Богу сослужащего – это предел земного падения, бездна, разверзающаяся в пустоту всяческого отрицания. Не нужно быть церковно-верующим, не нужно быть вообще верующим – нужно быть только существом, не утратившим образ человеческий, чтобы осудить этих потомков Иуды Искариотского».

Точно также обновленцами были «лишены» сана и «отлучены» от Церкви участники Карловацкого собора, причём различий ни для кого из них не делалось. Интересно в связи с этим отметить, что в своей приспособленческой ревности обновленцы «лишили сана» даже тех Русских зарубежных иерархов, которые не имели к Карловацкому собору отношения и не участвовали в нём – как, например, митрополита Северо-Американского Платона или Преосвященного Дионисия (Валединского), впоследствии митрополита Варшавского. При этом раскольников не смущало, что отделившись сами от Патриаршей Церкви, они потеряли всякое право выносить решения о тех, кто остался ей верен. Поскольку зарубежные священнослужители вовсе не претендовали на принадлежность к «обновленческому» движению, которое единодушно назвали еретическим, речь могла идти исключительно об отлучении самих раскольников.

Эта резолюция была принята единогласно. Решения по большинству остальных вопросов ещё до «собора» были проведены

в жизнь. Так, монастыри в городах было решено закрыть и лишь допустить монашеские трудовые общины в сельской местности. Был введён грегорианский календарь, вопреки решениям Всероссийского Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.*

Реформа календаря являлась одним из требований «обновленцев», в чём поддерживала их и советская власть, недовольная тем, что Церковь остаётся верной прежнему юлианскому летоисчислению, являя собой как бы альтернативу всему навязанному народу безбожному укладу жизни. Каноническое следование традиционному календарю в условиях советской действительности приобрело характер вопроса также и политического, вопроса, определяющего положение Церкви в новом обществе, решающего: быть или не быть духовному компромиссу с большевистской властью. Не случайно большинство честных православных клириков – как в России, так и за границей – быстро разглядели подлинные причины стараний «новостильников». Так, например, ещё в 1920 году архиепископ Пекинский Иннокентий разослал «Открытое письмо всем верным чадам Церкви Христовой», в котором писал: «Не грегорианский календарь важно им ввести, а отменить наш Православный календарь и ввести этим разлад и смуту в среду верующих, произвести раскол и угасить братскую любовь. Они подняли пяту свою на все наши обычаи церковные, Отцами преданные, стариной освящённые, ибо хорошо знают слуги князя міра сего, что именно обычаями и крепка наша Православная Церковь. Отлично знают они, что святы и премудры Божественные каноны и что необоримой стеной ограждают они Святую Церковь от тленного духа міра сего, от тех, кто принял печать антихриста, поэтому и прилагают они все усилия, чтобы отменить каноны, ибо после этого Святая Церковь останется без кормила и сделается игралищем ветров міра сего»[46].

Твёрдость позиций большинства отечественного и зарубежного Православного духовенства, единодушно поддержанная мірянами, превращала резолюции «обновленцев», затрагивающие глобальные принципы Церковной жизни, из эпохальных решений (на что они, собственно, и претендовали) в личное мнение кучки

---

* *Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 г. (Бюллетени). М. 1923. С.12. См. Приложения.*

отлучённых от Церкви экс-иерархов. Ещё в послании от 14–17 Ноября 1921 года Патриарх Тихон выразил общее отношение Православных людей к сомнительным нововведениям:

> «Божественная красота нашего истинно назидательного в своём содержании и благодатно действенного Церковного Богослужения, как оно создано веками Апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковию в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраняться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее Ея достижение»[47].

Время подтвердило, на чьей стороне была правота. Старания обновленцев практически не оставили следа в Церковном сознании Русского народа, но зато, несмотря на гонения и многолетнее замалчивание, верующие бережно хранили память о Православных новомучениках, которые в тяжёлую годину страданий защищали чистоту Православия, отражая нападки безбожной власти и собственных предателей.

Двусмысленна резолюция «собора» о мощах. Хотя за последними и признавалась «нравственная ценность», всё же Антонин назвал их вскрытия в 1918–1920 гг. «актом исторической необходимости» и «позитивным подходом современности к нравственным вопросам». Из пяти пунктов этой резолюции практическое значение имел лишь один: «Во избежание могущей быть и впредь фальсификации мощей – предавать их земле»[48]. Таково было благоговение «отцов собора». В отношении же введённого ранее и одобренного «собором» женатого епископата и второбрачия клириков, интересно привести высказывание Антонина: «Распоясавшееся поповство нахрапом и наглостью формировало себе новое клубничное право, не считаясь ни с крепостью норм по этому предмету Соборной Апостольской Церкви, ни с нравственным сознанием паствы»[49]. Обновленческий «собор» окончательно развеял иллюзии тех, кто ещё возлагал на него какие-то надежды.

С самого начала Русская Церковь не признавала действительными обновленческих рукоположений, как совершённых группой лиц, отпавших от Вселенской Церкви. Это было выражено не только специальным посланием Патриарха с последовавшим затем постановлением Священного Синода, но и общим сознанием церковных людей, не признававших обновленческое духо-

венство за священнослужителей, а совершаемые ими таинства за таковые.

Между тем в Июне 1923 года вышел из заключения Патриарх Тихон. Несмотря на большие трудности, церковная жизнь всё же налаживалась, а у обновленцев «отнималось и что имели». Патриарх и православные архиереи только и успевали принимать покаяния у возвращающихся из раскола. Обновленцам нужно было принимать срочные меры по спасению положения. В Августе созданный на «соборе» ВЦС предложил группам самоликвидироваться для объединения в «Российскую Православную Церковь». Красницкий и Антонин не подчинились этому решению. Первый позднее затеял новую авантюру с возвращением к Патриарху, второй же вступил на путь сектантства. Несколько позже, в Сентябре, ВЦС обновленцев был преобразован в Священный Синод, во главе которого был поставлен бывший Нижегородский архиепископ Евдоким (Мещерский) с титулом «митрополита Одесского». Хотя в это время у обновленцев было 192 епископа, 15 тыс. храмов, в том числе кафедральные соборы и лучшие церкви почти во всех городах, Богословская академия в Москве, институт в Петрограде, высшая школа в Киеве, не считая многочисленных пастырских курсов, издавался журнал и имелись возможности для внешней деятельности, – становилось ясно, что катастрофа обновленческой «церкви» неизбежна. У неё почти не было верующих – людей, составляющих тело Церковное. Постепенно начинали прозревать многие священнослужители, на первых порах увлёкшиеся «реформаторством» или проявившие малодушие, наблюдая временные успехи обновленцев. В Петрограде, где они были особенно сильны, их поражению в значительной степени содействовал епископ Лужский Мануил, назначенный на эту должность в Сентябре 1923 года.

«К моменту приезда епископа Мануила в Петроград среди духовенства и причта верными Патриарху Тихону оставались всего только 93 человека, а из 123 приходов 115 находились в обновленчестве и только 8 – в Православии (Спасо-Преображенский собор, Спасская церковь, Никифоровское и Киевское подворья, Мало-Охтенский храм, домовый храм при музее артистки Савиной, Вознесенский храм и храм в Стрельне)»[50].

Положение было безрадостное. Но епископ Мануил не поддался страху и колебаниям. 4 Октября 1923 года он обратился к

петроградской пастве с посланием, в котором ободрял верных Православию и смиренно убеждал отклонившихся вернуться в лоно Патриаршей Церкви: *«Братие и чада, тот, кто ещё не откликнулся на голос Святейшего Патриарха, всех зовущего к единству. К вам простираем мы руки наши, исполненные любви и прощения. Умоляем вас, внемлите нашему призыву и обратитесь на покаяние. Поймите, что с отпадением вашим от Церкви Православной покинула вас Божия Благодать. Откиньте гордость, которая мешает вам поглубже заглянуть себе в душу и сознать свои ошибки и погрешности. Торопитесь, пока есть ещё время для милости и всепрощения. Не испытывайте милосердие Божие... Спешите на покаяние»*[51]. В течении 125 дней епископ Мануил своими проникновенными Богослужениями, проповедями, всей своей деятельностью помогал заблудшим осознать свой грех и прийти к истинному покаянию. Ему было важно не внешнее подчинение силе – подчинение лицемерное и нетвёрдое, а искренняя убеждённость в правоте Православия, решительный и безповоротный отказ от заблуждений.

Вскоре деятельность епископа Мануила стала приносить плоды. «Обновленцы» – клирики и міряне, подчас целыми приходами, начали возвращаться в Православие. «Большей частью покаяние принималось за всенощным бдением, когда в храмах было много молящихся. Покаяние совершалось так: за вечерним Богослужением, перед пением «Хвалите Имя Господа», через Царские Врата на солею выходил епископ и становился лицом к народу. В это время южными и северными дверями выводили священнослужителей также на солею и устанавливали в ряд лицом к народу. Затем каждый из них произносил покаянное слово перед верующими, клал по три земных поклона на три стороны, прося у верных прощения за своё заблуждение и, поклонившись епископу и получив от него благословение, уходил в алтарь.

Такая форма покаяния вполне соответствовала моменту и времени. Нельзя было применять по отношению к обновленцам слишком мягкие меры в деле их покаяния, поскольку их заблуждение имело прямое отношение к народу. Вот почему и покаяние их должно было совершаться и совершалось перед народом. Правда, некоторые из покаявшихся маститых протоиереев выражали недовольство против такой формы покаяния, но это недовольство вытекало у них, главным образом, из ущемлённого самолюбия. Им было стыдно сознаться в том, что они, будучи почтенными

протоиереями, вдруг оказались ниже простых верующих по твёрдости своих убеждений и отступили от чистоты Православия. Стыд за свои ошибки внушал им желание тайного покаяния вдали от народа. Но это только отдельные личности, а большинство одобряло подобную форму покаяния»[52].

В середине 1920-х годов стало очевидно, что «реформаторство» переживает серьёзный кризис. Покаяние многих священнослужителей и стойкий бойкот большинства православных из народа создавали вокруг обновленцев идейный и психологический вакуум, в результате чего «движение», несмотря на внешнюю активность и кажущиеся успехи, приобретало характер замкнутой в себе и обречённой на вымирание секты. Между тем обновленчество продолжало наносить серьёзный урон Русской Церкви. Архиепископ Сергий описывает, как это происходило.

> «Обновленческое духовенство, храм которого абсолютно пустовал, обращалось в местные государственные органы с просьбой передать ему другой облюбованный ими храм, принадлежавший староцерковной ориентации. Такие просьбы обновленцев обычно удовлетворялись. Они занимали храм, верующие уходили и больше не возвращались в него. Ещё вчера переполненный молящимися, ныне опустевший храм кое-как жил осиротевшей жизнью, а потом закрывался и передавался государству «за ненадобностью». Но обновленцы уже отбирали очередной храм, чтобы его опустошить, а затем ликвидировать подобным же образом. Верующие знали, что «где ступит конь Аттилы, там не расти траве», они понимали, что теряют храмы безвозвратно, но даже страшная цена таких жертв не останавливала церковных людей от высокого понимания своей преданности святому Православию. В слезах покидали они навсегда свои родные храмы, но к обновленцам не шли. Впрочем, не следует думать, что верующие уступали храмы без сопротивления. Обновленцы овладевали храмом «с боя» или при помощи милиции»[53].

Так, монахиня Пюхтицкого монастыря м.Сергия (Клименко) вспоминала, что, когда обновленческий крестный ход приблизился к древней обители на горе Бештау (возле г. Пятигорска), старец обители вышел к воротам с чемоданчиком в руках, чтобы, в случае входа обновленцев в обитель, удалиться в горы. Приблизившись к воротам, обновленческий епископ, возглавлявший сей

крестный ход, театрально воскликнул: «О, древняя обитель, дай мне облобызать твои святыни!», – на что ему один из прихожан по фамилии Кохно смело ответил: «Иудо, лобзанием ли предаеши Церковь Христову?» и далее громко продолжал обличать новоявленного «владыку». Постепенно во время его речи ряды толпы, окружавшей самозванного «архиерея», начали редеть, и в конце концов он остался один с небольшим числом поклонников. Большая же часть перешла на сторону насельников обители. Так и не войдя туда, самозванцам пришлось с позором удалиться[54].

В первое время, в случаях, когда прельстившееся на посулы обновленцев духовенство возвращалось в лоно Церковное, порой удавалось вернуть Церкви и храм, но к концу 20-х годов это сделалось невозможным. Обновленческие лидеры не могли не понимать явно покровительственного отношения к ним богоборческих властей, нисколько не скрывавших, что в будущем намерены уничтожить все формы религии.

В 1925 году число обновленческих приходов сократилось до 9089, а в 1926 году их было уже 6245 [55]. Этот процесс продолжался и далее, вполне, кстати, устраивая государственные органы. Во время войны остатки обновленческих общин смогли вновь вернуться в ведение Московской Патриархии, а в 1946 году со смертью Введенского эта участь постигла и последний обновленческий храм – церковь Преподобного Пимена Великого в Москве.

С кончиной Патриарха Тихона обновленцы предприняли было попытку «возсоединения» Церкви в надежде спасти своё положение. Для этой цели ими в Октябре 1925 года был созван «Поместный собор Православной Церкви в СССР», приглашения на который вместе с его программой были направлены также всем Православным архиереям («Тихоновцам» – как их тогда называли). Обновленцы ради достижения компромисса готовы были даже принести в жертву иные из своих «революционных завоеваний». Этому был посвящён Августовский (1925 г.) пленум их Синода. «Прежняя прямолинейная тактика – говорил «протопресвитер» П.Красотин – была неприменима к практике более осторожной, считаясь с психологией церковной массы, недоверчиво смотревшей на всякие, хотя бы самые законные «новшества». Пришлось внести практические коррективы к постановлениям собора 1923 года и, главным образом, по вопросу о брачном епископате, второбрачном клире и новом стиле»[56].

Однако и это не помогло. Церковное сознание ясно понимало, что даже очищенное от «перегибов» обновленчество остаётся миной замедленного действия по своей сути. 18 Июня 1925 года Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Пётр (Полянский, † 1937) выступил с посланием, в котором выразил категорический отказ Церкви от переговоров с обновленцами и от участия в их «соборе».

Последний происходил 1–10 Октября 1925 года. Его состав был скромнее предыдущего. На нём было 106 архиереев, более 100 клириков и более 100 мірян[57]. Ничего особенного на нём не происходило, если не считать провокационных инсинуаций Введенского во вступительном докладе против митрополита Петра. Много внимания соборные деятели уделяли намеченному на праздник Троицы 1926 года Вселенскому Собору на Афоне, так и не состоявшемуся, где они собирались «представлять» Русскую Церковь.

В предыдущих главах уже отмечалось о той непоследовательной позиции, которую заняли Константинопольский, Александрийский и Иерусалимский Патриархаты по Русскому Церковному вопросу, почти вплоть до начала войны признававшие раскольников законными представителями Русской Церкви и требовавшие от Московской Патриархии уступок самозванцам. Свою роль здесь сыграло и то, что обновленческие лидеры обещали Вселенскому Патриархату, оказавшемуся в весьма стеснённом положении во время режима Ататюрка в Турции, выхлопотать заступничество Советского правительства. Были, видимо, и другие посулы.

Ещё в Феврале 1925 года в лагере обновленцев произошла «смена лидера». На очередном пленуме «Cvнода» с поста его председателя был смещён Евдоким (Мещерский), отошедщий затем совсем от церковной деятельности. Его место занял «митрополит Ленинградский» Вениамин (Муратовский – бывший архиепископ Рязанский). В Мае 1930 года его сменил «митрополит» Виталий (Введенский, бывший епископ Епифанский, впоследствии принёсший покаяние. Скончался в 1950 г. архиепископом Дмитровским). С 1935 года, в связи с ликвидацией «cvнодальной» системы, он стал «первоиерархом», сменённым, наконец, на этом посту А.И. Введенским.

Тактика компромисса с Православными, т.е. с Патриаршей Церковью себя не оправдала. Церковь на них не пошла и сторонников обновленчеству не прибавила. Это дало повод «реформа-

торам» вновь вернуться к полюбившейся практике женатого епископата и второбрачного клира.

В своё время среди обновленцев раздавались голоса «пересмотреть догматику», однако, вожди движения, будучи людьми равнодушными к вопросам Православного вероучения, не стали сосредоточивать на этом внимание, готовые «увязывать» его с чем угодно, что отвечало «злобе дня». Интересно в связи с этим коснуться «экуменической» деятельности обновленцев, имевшей место ещё в самом начале раскола. Так, в Сентябре 1922 года Введенский и Боярский вступили в переговоры с И.А. Чуриковым, основателем секты «трезвенников», отлучённым в своё время от Церкви за похуление таинства св.Евхаристии (он запрещал своим сторонникам, среди имелись бывшие алкоголики, причащение Св.Таин из опасения рецидива). Через некоторое время Введенскому удалось вернуть чуриковцев, имевших общину под Петроградом, в «лоно церкви», пойдя на явную профанацию, – совершив у них литургию... на воде. Впрочем, он проявил при этом «литургическое творчество» – произнеся импровизированную молитву о «претворении» воды в вино[58]. Тогда же, осенью 1922 года, была предпринята попытка сближения с евангелистами, значительно расширившими в начале 20-х годов свою организацию. В результате встреч с А.Боярским их лидер И.Проханов в 1922 году выпустил в Петрограде брошюру «Евангельский клич – Послание Высшему Церковному Управлению Православной Церкви и группе «Живая Церковь» от Свободной народной Евангелической Церкви (Всероссийского союза евангельских христиан)». Воззвание, однако, не давало основы для сближения из-за гегемонистских тенденций Проханова, который по существу предложил полностью принять вероучение и практику евангелистов[59].

В Мае 1927 года обновленческий Cvнод намечал было провести пятилетний юбилей движения, который мыслился его организаторам, как большой церковный праздник, а в 1928 году созвать «Поместный собор». Но реализовать замыслы уже не удалось. «Cvнод» продолжал собираться на свои пленумы. Произносились речи о «практическом выявлении в современной форме Церковной жизни» и «творческом характере их (обновленцев) упования»[60], но уже ничем нельзя было предотвратить грядущего краха. Правда, в дальнейшем сильно обмелевшее течение обнов-

ленчества порой оживлялось схватками «реформаторов» из женатых «владык» со своими собратьями-консерваторами прежнего поставления. Так, по представлению «радикала» Николая Платонова в 1934 году был уволен на покой «митрополит Ленинградский» Серафим (Руженцев, бывший епископ Михайловский, † 1936). Сам же Платонов был назначен на его место. Следует заметить, что в 30-е годы Ленинград был, пожалуй, единственным местом, где обновленцы имели более-менее активную приходскую жизнь в нескольких оставшихся у них общинах. Сам Платонов, обладал привлекательной внешностью и, будучи хорошим оратором, имел насчитывавшую 2–3 сотни человек группу почитателей, собиравшихся в Андреевском соборе на Васильевском острове. Кроме того, в «кафедральном» храме Спаса на Сенной он любил устраивать музыкальные вечера, на которых выступал с лекциями, чем привлекал немало любопытной публики. Однако, в 1938 году Платонов подписал отречение от веры и стал сотрудником Антирелигиозного музея. Подобные случаи были в обновленчестве нередки: отступниками стали и такие столпы раскола, как Калиновский и Егоров.

Отпадение от веры для тех, кто её хоть в какой-то степени имел, – это всегда трагедия. Говоря об отступниках, прежних и новых, мы порой выпускаем из виду именно этот момент. По свидетельствам близко знавших его людей, Н.Ф. Платонов (скончался в 1942 г. во время блокады) – в прошлом популярный и любимый прихожанами петроградский священник, переживал ситуацию, в которой он оказался, именно как глубокую личную трагедию.

Началась Великая Отечественная война. Внешнее положение Русской Православной Церкви в это время значительно изменилось, и остаткам обновленцев становилось ясно – кому принадлежит будущее. Возвращение раскольников в лоно Матери Церкви приобретает повсеместный и практически всеобщий характер. Чин покаяния обновленцев иногда обставлялся православными иерархами с торжественностью, при большом стечении богомольцев. Руководство Московского Патриархата проявляло небывалое снисхождение к недавним врагам Церкви. Они не только допускались до церковного общения, но и при отсутствии других препятствий (второбрачие или брачное состояние для епископа) после правильного рукоположения назначались на Церковные должности. Например, упоминавшийся Преосв.Сергий (Ла-

рин), бывший обновленческий епископ и викарий Введенского, был после возвращения из раскола удостоен архиерейской хиротонии и занимал затем целый ряд кафедр в Русской Церкви (скончался в 1967 г. архиепископом Ярославским и Ростовским). Последний обновленческий епископ в Ленинграде Сергий Румянцев после раскаяния был удостоен пресвитерского сана (как состоящий в браке) и долгое время († 1975) служил настоятелем Преображенского собора. Подобные случаи можно было бы ещё приводить во множестве. Те же обновленцы, которые уклонились в раскол, будучи епископами или клириками, принимались в том сане и звании, которое имели до раскола. Например, председатель обновленческого Синода, с 1935 г. «первоиерарх» «митрополит» Виталий (Введенский) был принят в общение епископом. Но и после прощения для искренне покаявшихся людей годы заблуждения оставались трагедией, временем тяжёлых духовных потерь – несмотря на, быть может, имевшееся внешнее процветание.

«Страшнее смерти предательство, покинутость и измена, предательство ученика, бегство Апостолов, отречение первого из них», – писал из Парижа знаменитый философ о.Сергий Булгаков, с горечью и гневом наблюдая за действиями раскольников.– И прежде палачей тела пришли к Нему духовные палачи... подосланные и послушные своим повелителям...»[61] Даже современные последователи «обновленцев» не считают почётным для себя вспоминать о духовном единстве с теми, кто попытался расколоть Церковь в момент, когда Она более всего нуждалась в единстве, кто ради этой губительной цели шёл на предательство, доносы, злорадную травлю мучеников.

Заканчивая краткий очерк истории обновленческого раскола, мы должны обратиться к тому нравственному уроку, который следует вынести будущему пастырю Церкви Христовой, взирая на бездну духовного падения его деятелей и его историческую судьбу, ибо воистину никто не возможет разрушить дело, которое от Бога, и всегда разрушается предприятие, если *«это дело от человеков»* (Дн.5:38–39).

Примечания

1. См., например, исследования канд. философских наук *Гаркавенко Ф.И.*: «Внутрицерковная и межцерковная борьба в православный период социалистической революции». Сборник трудов «Религия и идеологическая борьба». Изд. Моск. гос. пед. ин-та им.Ленина. М. 1974. С.78. Аналогичное мнение можно встретить и в работах других советских авторов. См.: *Гордиенко Н.С.* Современное Православие. М. 1968; *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого раскола в Русской Православной Церкви». Казань. 1970; *Курочкин П.К.* Эволюция современного Русского православия. М. 1971, а также *Красников*. Обновленцы. Статья в Большой Советской Энциклопедии. Т. 18. Изд. 3-е. М. 1974. С.199–200. В настоящее время исследователи получили возможность для более глубокого и объективного изучения истории «обновленчества».
2. *Чельцов М.*, свящ. «Сущность Церковного обновления». С.-Пб. 1907. С.3.
3. Там же. С.7.
4. См. *Е.А.Л.*(Екатерина Александровна Лебедева): «Развивается ли в догматическом смысле Церковь?» // Странник. 1889. № 5. С.32; *Данилушкина М.Б.* «Заметки о Русском богослове Е.А. Лебедевой» // Московский журнал. 1993. № 2/3. С.74.
5. *Чельцов М.*, свящ. Указ. соч. С.4.
6. *Сергий еп.* Обновленческий раскол. Т.1. Астрахань–Москва. 1953–1959 (машинопись). С.6.
7. Там же. С.2–3.
8. Подробнее о Владиміре Путяте см.: *Введенский В.* История путятинского брожения в г. Пензе в период 1915–1822 гг. Саратов, 1956 (машинопись). Б-ка ЛДА инв. № Р-1314.
9. Эти данные также приводятся в исследовании *Гаркавенко Ф.И.* См. сборник «Религия и идеологическая борьба». М. 1974. С.78–80.
10. *Сергий, еп.* Указ. соч. С.133.
11. См. воспоминания об Антонине *Черносвитова И.В.* «По его пути – до свежей могилы». М. 1927 (машинопись). Здесь, на с.14 приводится пример одной из его проповедей-докладов на тему «О христианстве и революции и об основателе христианства Богочеловеке Иисусе».
12. *Введенский А.* Церковь и государство. М. 1973. С.5.
13. *Щавельский Г., протопр.* Воспоминания последнего протосвитера Русской армии и флота, в 2-х тт. Нью-Йорк. Изд. Чехова.
14. *Сергий, еп.* Указ. соч. С.228.
15. Цит. по *Плаксин Р.Ю.* Тухоновщина и ея крах. Л. 1987. С.189–190.
16. Там же С.197.
17. *Титлинов Б.В., проф.* Новая Церковь. П.-М. 1923. С.12–13.
18. *Сергий, еп.* Указ.соч. С.137–138.
19. Там же. С.188–189.
20. Там же. С.192.
21. Там же. С.201.
22. *Титлинов Б.В., проф.* Смысл обновленческого движения в истории. Самара. 1926. С.21.
23. *Сергий, еп.* Указ.соч. С.200.
24. Там же. С.210.
25. Там же. С.239–247.
26. Там же. С.237.
27. *Гаркавенко Ф.Н.* Указ.соч. С.86.
28. Там же.

29. Поместный собор Российской Православной Церкви, 1923 г. (Бюллетени). Издание протопресвитера В.Д. Красницкого. М. 1923. С.3.
30. *Гаркавенко Ф.Н.* Указ. соч.
31. В журнале «Божья нива». 1918. №3–5. С.37.
32. *А.М.* Составитель. «Каталог Русских архиереев» за последние 60 лет (1897–1957)». Ч.1. Чебоксары. 1958. (Машинопись). С.310.
33. «Дело» митрополита Вениамина. М. 1991. С.6–7.
34. Частично эти диспуты воспроизведены в сборнике *Луначарского А.В.* Избранные атеистические произведения. М. 1967.
35. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. С.228.
36. «Известия». 1924. №147.
37. Сведения по биографии епископа Антонина даются по Каталогу Русских архиереев митр. Мануила (ч.1); анонимному очерку «Епископ Антонин Грановский» (машинопись). Б/г. Б/м; и воспоминаниям *Черносвитова И.В.* «По его пути – до свежей могилы». М. 1927. (Машинопись), а также материалам, обнаруженным составителями в библиотеке С.-ПбДА.
38. *Черносвитов И.В.* Указ.соч. С.14.
39. «Известия». 1923. 11 Августа.
40. *Сергий, еп.* Указ. соч. С.211–212.
41. Вестник Священного Cvнода (ВСС) (обновленческий). 1923. №5.
42. «Епископ Антонин Грановский» – анонимный очерк. С.7.
43. «Красная газета». 1925. 22 декабря.
44. Поместный собор Российской Православной Церкви (Бюллетени). Издание протопр. В.Д. Красницкого. М. 1923. С.24.
45. Поместный собор. С.11–12.
46. Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношение её к новому стилю. СПб. 1990. С.52.
47. Там же. С37.
48. Поместный собор. С.17.
49. *Сергий еп.* Указ. соч. С.262.
50. *Митр. Иоанн.* Митр. Мануил (Лемешевский). СПб. 1993. С.73.
51. Там же. С.74.
52. Там же. С.77.
53. *Сергий еп.* Указ.соч. С.249.
54. Записано по устным воспоминаниям *монахини Сергии (Клименко).*
55. ВСС. 1926. №6; 1927. №2. С.9. Советский исследователь *Шишкин А.А.* указывает, ссылаясь на данные самих же обновленцев (ВСС. 1927. №2 (15)), что если на 1 Января 1923 г. в их руках оказалось до 70% всех православных приходов в СССР, то к 1927 году это количество упало до 16.6%. Используя материалы, находящиеся в Центральном государственном архиве Татарстана, он наглядно показывает динамику «катастрофического падения числа синодальных (т.е. обновленческих – *сосm.*) приходов» на примере Казанской епархии. «Так, к 1925 г., – указывает Шишкин, в епархии было обновленческих приходов около 300, к 1926 г. – около 200, к 1928 г. – уже 150, в Июле же 1932 г. их стало всего 72. В 1937 г. в Казани закрылся последний обновленческий храм – Петропавловский собор. Епархиальное управление закрылось. Его дела были сданы в архив». См. *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви». Казань. 1970. С.287, 355.
56. ВСС. 1926. №6. С.14.
57. Там же. С.2.
58. *Сергий еп.* Указ. соч. С.253–256.
59. *Гаркавенко Ф.И.* Указ. соч. С.88.
60. ВСС. 1928. №10. С.7.
61. *Вострышев М.* Божий избранник. М.1990. С.119.

Глава 10

Развитие атеистической пропаганды в советской России

Смерть Патриарха Тихона застала верующих в трудный для Церкви момент, когда активизировали свою деятельность все противники Православия – от атеистов до «живоцерковников» и других лжереформаторов. Если в годы Гражданской войны и первое время после неё большевики обвиняли православных служителей и мірян в контрреволюции, то теперь, когда открытое сопротивление было сломлено и в стране уже не оставалось серьёзной организованной силы, способной противостоять советской власти, прежние обвинения явно устарели. Ещё раньше, декретом от 12 Июня 1922 года советское руководство ввело в действие принцип регистрации всех религиозных обществ, ставя их тем самым вне закона, если оне не получали соответствующего разрешения от советской власти. В декрете указывалось, что в регистрации «должно быть отказано, если утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречат конституции РСФСР и её законам». Это открывало возможность полного произвола властей в отношении регистрации, поскольку обвинение в антисоветских «целях» и тем более «методах» могло быть, как показывала юридическая и административная практика тех лет, применено к любой религиозной организации. Таким образом, сама принадлежность к Церкви, к одной из Ея общин становилась преступлением, а регистрация, снимавшая это обвинение, выдавалась при выполнении практически произвольных требований власти[1]. Большевики понимали, что сами по себе гонения, хотя и ослабляют Церковь, не могут Её уничтожить и лишь придают жертвам ореол му-

ченичества. От преследований отдельных личностей и даже целого класса – духовенства – они намеревались вскоре перейти к развёрнутому наступлению на религию. Во второй половине 1920-х годов резко усилилась антирелигиозная пропаганда, с помощью которой власти расчитывали развенчать Церковь в глазах народа и особенно – изолировать Её от молодого поколения.

Ещё в годы Гражданской войны большевики всячески поощряли хулиганские выступления подростков в храмах, совершаемые в день какого-либо великаго православного праздника. Называя свои безчинства «красная Пасха» или «красное Рождество», молодёжь глумливо пародировала Богослужения, совершала надругательства над иконами, срывала крестные ходы. Эти «развлечения» – более сатанинские, чем атеистические – выглядели слишком отталкивающе, да и верующие нередко давали отпор хулиганам. Большевики быстро поняли необходимость подчинить себе разнузданную молодёжную стихию, ограничить её рамками дисциплинированной, послушной властям юношеской организации. Такая организация – Российский коммунистический союз молодёжи – была создана в 1918 г. из объединённых молодёжных «партий» и групп коммунистической и социалистической ориентации. Основной задачей комсомола стало воспитание юношества в духе советской идеологии. Новая организация не имела политической программы т.к. полностью подчинялась решениям коммунистической партии. Главными организаторами и первыми руководителями комсомола были Оскар Рывкин и Ефим Цетлин (впоследствии репрессированные).

Теперь вместо разрозненных, никому не подчинённых групп юных бунтарей появилась огромная организация с чёткой централизацией и дисциплиной, стремящаяся охватить коммунистической и атеистической идеологией всю молодёжь страны. На это были направлены усилия бюрократического аппарата всех уровней наряду с десятками периодических изданий, выходивших на разных языках народов России. В 1922 г. появилась уже и детская коммунистическая организация юных пионеров, также ориентированная на коммунистическое и антирелигиозное воспитание.

Одновременно с усилением коммунистической агитации и пропаганды в России появились организации и периодические издания, направленные исключительно на борьбу с религией. В конце 1921 г. в Москве стала выходить газета «Безбожник», вокруг ко-

торой объединился кружок активистов, названный «Общество друзей газеты «Безбожник». Несколько лет спустя оно насчитывало уже большое число членов. В Апреле 1925 г. его активисты собрались в Москве на свой первый съезд. Итогом съезда стало преобразование «Общества друзей газеты «Безбожник» в известный Союз воинствующих безбожников (1925–1947).

Новая организация имела чёткую иерархию согласно принципам «демократического централизма». В 1920-40-е гг. филиалы и ячейки СВБ имелись во всех республиках, краях и областях СССР, на многих предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, колхозах и совхозах. Во главе Союза воинствующих безбожников стоял Центральный совет, которым много лет бессменно руководил Емельян Ярославский (Миней Губельман), отличавшийся особым цинизмом и вероломным отношением даже к собственным товарищам по партии. Известен случай, когда после самоубийства в 1927 г. советского дипломата А.А.Иоффе Е. Ярославский опубликовал в журнале «Большевик» статью, где злорадно издевался над содержанием предсмертного письма погибшего. Если таковым было отношение к товарищам, то стократ циничнее и кощунственнее были его издевательства над идейными противниками. Перу Е. Ярославского принадлежат многие антирелигиозные пасквили 1920–30 годов, в том числе и переиздававшаяся десятки раз «Библия для верующих и неверующих».

Выбор главы «антицерковного фронта» был не случайным. Времена публичных диспутов, когда священнослужители имели возможность отстаивать свои взгляды, отходили в прошлое. Критика религии становилась всё более односторонней. Открытое идейное противоборство сменялось кощунственной травлей, и инициатор знаменитых антирелигиозных диспутов А.В. Луначарский, стремившийся придать атеизму лоск респектабельности и научности, уже не годился для новой эпохи.

В 1929 г., на 2-м съезде Союза воинствующих безбожников делегатами был принят устав организации. Юридически она вела свою деятельность в соответствии со статьей 124 Конституции СССР, согласно которой каждый советский гражданин имел право вести антирелигиозную пропаганду или отправлять религиозные культы. Напомним, что первоначально большевики не запрещали религиозное воспитание и просвещение. Впоследствии же, по мере ук-

репления у власти, их перестали устраивать и собственные законы.

Однако, было бы ошибочно утверждать, что атеизм насаждался исключительно под нажимом властей. Уже к 1917 г. Православная Церковь формально включала в себя тысячи номинальных христиан. Теперь их духовная лень или прикрытая либерализмом нравственная апатия всячески подогревалась мощной государственной пропагандой, что окончательно отдалило этих людей от веры и Церкви. В начале 1926 г. тираж газеты «Безбожник» достиг 200.000 экз., а число членов Союза воинствующих безбожников – свыше 114 тыс. человек.

Одновременно в стране выходили другие, менее популярные антирелигиозные издания на Русском, Украинском, Татарском, Еврейском, Узбекском, Грузинском и других языках народов СССР. Среди них наибольшей известностью пользовались журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Деревенский безбожник» и др.

В 1924 г. произошёл международный скандал из-за распространявшегося за границей журнала «Безбожник у станка». Выходивший с Декабря 1923 г. тиражём 70 тыс. экз., этот орган Московского комитета ВКП(б) частично вывозился в зарубежные страны наряду с другими коммунистическими изданиями*. В 1924 г. в Англии на заседании палаты лордов Архиепископ Кентерберийский выступил с протестом против распространения журнала «Безбожник у станка» в Англии, подчеркнув, что большевики «посягают на высшее достижение человеческой культуры» – религию. С весны 1925 г. журнал в Англии был запрещён[2].

Но если на международной арене советские идеологи, как правило, терпели поражение, то их пропаганде и агитации внутри страны никто не мог препятствовать. Самоуверенность большевиков достигла такого апогея, что они решили бросить вызов самому Небу и начали разработку проекта Башни Коминтерна невероятной величины, дерзко заявляя, что если Вавилонская Башня разобщила народы, то Башня Коминтерна соединит их вновь. Из замысла, однако, ничего не получилось. Башня так и не была по-

---

** Ожидая скорой «міровой революции» большевики в начале 1920-х г.г. много внимания уделяли насаждению коммунистической идеологии в других странах. Для этой цели использовались радиостанции, вещавшие на Запад с советской территории, а также вывозимая за границу литература и периодические издания.*

строена, а председатель Коминтерна Г.Е. Зиновьев 10 лет спустя погиб мучительной и позорной смертью.

Таким было положение в России, когда 7 Апреля 1925 года скончался Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон. «В течение двух полных лет, с весны 1925 г. до весны 1927 г. Местоблюститель Митрополит Пётр и его заместители – Митрополит Сергий, в этот первый период его управления, и Архиепископ Серафим Угличский держали непримиримо твёрдый курс. Со смертью Патриарха Тихона опыт компромиссов кончился. Никаким обещаниям большевиков больше не верят, суда над своими или заграничными епископами и клириками сами не обещают, всякие попытки вторжения безбожников в управление Церковью категорически отвергают, несмотря на усиливающееся гонение. Опыты Патриарха были достаточны и они были необходимы, чтобы придти к такому заключению после него. Эти опыты должны были обнаружить систематические обманы большевиков, безполезность каких-либо союзов с ними и надежд на улучшение положения Церкви в безбожном государстве...»[3] Если бы не было этого печального опыта, но служители продолжали бы обличение большевиков, благословляли бы только на страдание и смерть в борьбе с ними, то многим членам Церкви могло бы казаться, что Церковь Сама виновата в Своих страданиях, когда отвергала предложенные Ей властью условия свободы, когда власть «уступала» несколько свои позиции и требовала только лояльности к себе. Церковь в лице Патриарха отошла от политики, Она сделала всё, что можно, для примирения с властью. Она сделала максимум: дальше отступать было невозможно, чтобы не отдать кесарю не только кесарево, но и Божие.

Под натиском репрессий и мощной атеистической пропаганды Православие утратило статус государственной идеологии. Отчасти это сыграло положительную роль: помогло духовно-нравственному оздоровлению церковного общества. Притеснения сделали Церковь малопривлекательной для стяжателей и карьеристов. От Неё отошёл слой номинальных христиан, но верные сплотились и духовно окрепли. К Церкви потянулись рабочие, интеллигенты, разочарованные в социалистических идеях, патриотически настроенная молодёжь. Даже некоторые комсомольцы и коммунисты тайно посещали храмы, участвовали в обрядах, не препятствовали крещению детей.

По прежнему очень высокой оставалась религиозность сельского населения, чему способствовали размеренный уклад крестьянской жизни, отдалённость от городских соблазнов и веяний. Редких заезжих агитаторов крестьяне встречали настороженно, безбоязненно спорили с ними, отстаивая свои взгляды. Укрепившиеся в городах большевики пока не находили сил ни распропагандировать, ни запугать русскую деревню. Поистине это была «неподнятая целина». Лишь в начале 30-х годов массовое раскулачивание и коллективизация изменили облик деревни, но и тогда процент верующих оставался там значительно выше, чем в городах.

Лидерам партии становилось ясно, что война с религией приобретает затяжной характер. Не прекращая прямых репрессий, они начали подготовку акций, которая бы идейно обезоружила Церковь и полностью подчинила Её советской власти. В этом свете, повидимому, ещё недостаточно изучена история возвышения митрополита Сергия (Страгородского), с чьим именем связано новое «просоветское» направление церковного курса. Эта личность, трагическая и противоречивая, до сих пор вызывает споры и различные толкования.

Примечания

1. *Кашеваров А.Н.* Государство и Церковь. С.-Пб. 1995. С.104
2. Сведения об антирелигиозных организациях и изданиях взяты из БСЭ, 1–2 изд.
3. Новые мученики российские. 1949. Ч.1. С.110–111.

Глава 11

Русская Православная Церковь после Декларации митрополита Сергия

Патриарх Сергий (в міру Иван Николаевич Страгородский) родился́ 11 Января 1867 года в г.Арзамасе в семье священника Алексѣевского женского монастыря. Он рано лишился матери, скончавшейся от чахотки вскоре после рождения сына. Вместе с сестрой, бывшей на год старше его, он рос в монастыре на попечении бабушки. На восьмом году жизни Иван Николаевич Страгородский был отдан в приходское училище, а затем переведён в Арзамасское духовное училище. Потом, как это было обычно для детей духовенства, последовала учёба в Нижегородской Духовной Семинарии (которую он окончил в 1886 году по первому разряду). Дальше предстояло делать выбор, и юноша, решивший посвятить свою жизнь служению Богу и Его Церкви, уже по собственной воле отправился в Петербуржскую Духовную Академию. В списке принятых он оказался на шестом месте. Дальше начались годы учёбы. Он был неизменным посетителем ежедневных Богослужений в академическом храме и, обладая приятным басом, принимал в них непосредственное участие. Большое влияние на всю его будущую жизнь оказала поездка в Валаамский монастырь, где вместе с товарищем по Академии он провёл каникулы при переходе на четвёртый курс. Живя по монастырскому уставу, неся послушание, он окончательно решил всецело посвятить себя служению Богу в иноческом чине, хотя разговоры об этом в кругу друзей он вёл и ранее. 30 Января 1890 года в день памяти Трёх Святителей Иван Страгородский был пострижен в монашество с именем Сергий в честь преподобного Сергия Валаамского. Вскоре последовало рукоположение в две первые степени священства. В этом же году иеромонах Сергий окончил Академию первым по списку со степенью кандидата

Богословия за сочинение «Православное учение о вере и добрых делах», которое он писал под руководством профессора А.Л. Катанского. В этой ранней своей работе молодой богослов, полемизируя с католическим учением о «сверхдолжных» заслугах святых и протестантским об оправдании одной только верою, предпринял попытку выявить основанное на святоотеческой традиции Православное учение о спасении. Этому же будет посвящена и его магистерская диссертация, успешно защищённая им пять лет спустя в 1895 году и выдвинувшая его в ряд выдающихся Православных богословов нового времени.

Летом 1890 года иеромонах Сергий подал на имя Ректора Академии прошение, где выразил желание послужить в составе Японской Православной миссии. В Октябре того же года он был уже в Токио, где вскоре стал одним из ближайших помощников выдающегося Православного миссионера и просветителя Японии архиепископа Николая, который сам по себе составил целую эпоху в истории Православной Церкви*.

Святитель Николай строил Японскую Церковь, строжайше соблюдая принцип Соборности, являющийся одним из основных краеугольных камней Православного домостроительства. В этом отношении Японская Церковь в начале XX века являла редкий образец первохристианской древней общины, совершенно удивительный в это, уже равнодушное к вопросам веры, время. Безусловно, служение в такой Церкви составило добрый пастырский опыт для отца Сергия. Наряду с этим, лингвистические способности и редкое трудолюбие позволили ему в достаточно скором времени освоить японский язык. В Январе 1891 года Святитель Николай направил своего помощника в г.Киото, где имелась церковь и катехизатор, а осенью о.Сергий уже приступил к преподаванию догматического Богословия в Токийской Семинарии. С Декабря 1891 г. до весны 1892 г. о.Сергий был командирован на русский крейсер «Память Азова» вместо заболевшего судового священника. Зиму он провёл на корабле в Гонгконге, где ознакомился с организацией инославной миссии на Дальнем Востоке. Затем в течении года он вновь исполнял свои пастырские обя-

---

* *Святитель Николай Японский был причислен к лику святых Русской Православной Церковью в 1970 году в самом высшем чине — равноапостольном.*

занности в Киото, продолжая оглашать и крестить новых чад Церкви. Весной 1893 года он получил указ о переводе в Россию. Сначала его назначили исполняющим обязанности доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета в С.-Петербуржской Духовной Академии, а в Декабре того же года перевели на должность инспектора Московской Духовной Академии. Но уже в Сентябре 1894 года последовало его назначение настоятелем Русской посольской Церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита. Два с лишним года провёл он в Греции, а затем его вновь направили в Японию, на сей раз уже помощником начальника Японской Православной миссии, где он прослужил до 1899 года. Потом последовало назначение на должность ректора С.- Петербуржской Духовной Семинарии, а с Октября того же года он становится инспектором С.-Петербуржской Духовной Академии. В Январе 1901 года указом Cvнода архимандрит Сергий был назначен ректором Академии. Тогда же последовало утверждение cvнодального доклада о возведении его во епископа Ямбуржского, третьего викария С.-Петербуржской епархии. 25 Февраля 1901 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялось его епископское посвящение. Чин хиротонии возглавил митрополит Петербуржский Антоний (Вадковский). В своей речи при наречении, которая может служить своеобразным эпиграфом ко всему его последующему служению, будущий Патриарх, в частности, сказал:

«Внешняя обстановка епископского служения может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почёте и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном безправии, в нищете и даже в гонении. Всё это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения Христианства, от народных и общественных обычаев и тому подобного. С изменением этих внешних причин может изменяться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остаётся одним и тем же Апостольским служением – совершается ли оно в великом Царьграде или в ничтожном Сасиме. Оно есть «служение примирения», служение пастырское. Быть же пастырем – значит жить болезнью Церкви, нести Ея немощи с единственной целью; по-

служить спасению паствы, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своём «полагает душу свою за овцы своя», отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада»[1].

«Деятельность епископа Сергия в течении шести лет пребывания его в Академии (с 6 Октября 1899 по 6 Октября 1905 года) была не только административною, но и научно-академической. Преподавая в Академии историю и разбор западных исповеданий, он, помимо лекций, не оставлял и своей научной работы, опубликовав в академических журналах ряд научных статей и давая свои отзывы о бывших на его рассмотрении учёных работах. Немало трудов положил о.Сергий и на улучшение учебной и научной работы Академии. В период его ректорства оживлённо работала Комиссия по описанию академических рукописей, поставлены были на должную высоту занятия по психологии и Русской литературе, улучшилась система каталогов академической библиотеки, упорядочилось хранение академического архива. Как знаток языков древних и новых, Преосвященный Сергий внёс много труда в исполнение учёных поручений Св. Cvнода, а в последние годы ректорства состоял председателем учреждённой Cvнодом Комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросам». Таким образом, Преосвященный Сергий был одним из тех, кто оказался у истоков экуменического движения, полагая начало продолжающимся доныне Православно-старокатолическому и Православно-англиканскому диалогам. Впрочем, экуменическая направленность в то время представлялась в несколько ином, нежели ныне, свете. «Он принимал деятельное участие в различных учёных, просветительских и благотворительных обществах. Особенно следует отметить участие владыки Сергия в «Религиозно-философских собраниях», где он много способствовал сближению Православного духовенства со светской интеллигенцией»[2].

«По отзывам и воспоминаниям лиц, знавших епископа Сергия по Академии и как инспектора, и как ректора, он был добрым и справедливым начальником. Студенты встречали с его стороны чисто отеческое отношение. Всегда ровный, чуждый вспышек гнева или раздражения, своею ободряющею простотой и ласко-

вым приветливым словом он благотворно действовал на студенческую молодёжь.

По субботам после ужина в его покоях собирались студенты и в домашней обстановке слушали очередной реферат кого-либо из своих товарищей. Темами для рефератов служили вопросы религиозно-философского характера, а также какие-либо новые явления в области современной художественной литературы. Такие рефераты обычно сопровождались прениями и обменом мнений. Эти собрания привлекали молодёжь всех курсов и имели большое образовательное и воспитательное значение. Чтобы не оказывать давления на ход обсуждения и высказывания своих гостей, о.Сергий не брал на себя роли председателя или руководителя собрания, выступая только в роли гостеприимного и приветливого хозяина.

Таким же обходительным, ласковым и доступным для студентов оставался епископ Сергий и будучи уже ректором Академии. Он воспитывал студенческую молодёжь не только словом, но и личным примером. В академическом храме ежедневно по вечерам совершались вечерня и утреня. Самым усердным участником этих Богослужений, – вспоминает В.Соловьёв, – неизменным чтецом и певцом на клиросе являлся о.Сергий в течении всего времени своего инспекторства и ректорства»[3]. Известно также, что будучи руководителем Духовной школы Преосвященный Сергий положил немало усилий, чтобы стилем своей жизни она соответствовала своему высокому предназначению. Поэтому первым делом он поспешил искоренить в Академии всякое кляузничество и наушничество, нередко бытовавшие и бытующее и поныне в учебных заведениях.

6 Октября 1905 года Императорским рескриптом был утверждён доклад Святейшего Cvнода «быти Преосвященному Ямбуржскому Сергию архиепископом Финляндским и Выборжским». На новом поприще Преосв. Сергий вновь проявил себя как деятельный миссионер и администратор. Он созывает епархиальные съезды, организует при Выборжском соборе Православную миссию, учреждает братство св. Георгия Победоносца, имевшего задачу укрепления Православия и противодействия панфинской протестантской пропаганде среди беломорских корел. Немало трудов было положено им для улучшения приходской жизни. По его инициативе в 1907 году при Cvноде было создано особое совещание для выработки обще-

го проекта организации приходов, председателем которого он же и был назначен. В своих архипастырских трудах он неизменно опирался на духовенство своей епархии, с которым всегда имел самые тёплые отношения. Также много внимания архиепископ Сергий уделял школьному делу в Православных приходах, непременно посещая школы при объездах епархии.

Много внимания уделял Преосвященный Сергий и общецерковным вопросам, будучи неизменным членом Предсоборных присутствия и совещания, возглавляя отделы, занимавшиеся выработкой программы соборных заседаний.

«По его мысли Собор должен заниматься принципиальными и главными вопросами, не входя в детали и в мелочи, для которых созыв Собора не обязателен. Кардинальными вопросами, которыми должен был, по мысли архиепископа Сергия, заняться Поместный Собор, являются: организация центрального управления, устройство приходской жизни. Архиепископ Сергий подробнее останавливается на вопросе о Священном Синоде, который правит Русской Церковью не сам от себя, а лишь по полномочию Самой Церкви. Поэтому компетенция Синода в делах законодательных не простирается дальше издания лишь разъяснительных постановлений к существующим Церковным законам. Синод не имеет права решать по своей инициативе вопросы канонические и вероучительные, которые подлежат ведению Собора, в пределах компетенции Поместных Соборов». Архиепископ Сергий выступил как сторонник восстановления Патриаршества. «Председатель Собора по его мысли носит титул: «Архиепископ Московский и всея России Патриарх». «Патриарх наш, – писал архиепископ Сергий, – не будет ни папою, ни даже Патриархом в византийском смысле этого слова: он будет лишь председателем Синода. По отношению к другим епископам он будет лишь первым между равными и поэтому пользуется обычными нравственными правами старшего брата: правом братских советов, предостережений или увещеваний, если найдёт это необходимым. Он привлекает виновного епископа к суду Священного Синода»[4]. Труды Предсоборного присутствия составили четыре тома «Журналов и протоколов заседаний Предсоборного присутствия» (общих собраний и шести его отделов) (С.-Пб. 1907).

Указом от 6 Мая 1911 года архиепископу Сергию было повелено быть членом Св. Синода с сохранением за ним Финляндской

кафедры. В Августе 1911 года архиепископ Сергий стал председателем учреждённого при Cvноде особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии. Кроме того он являлся председателем совещания по исправлению церковно-богослужебных книг. В 1912 году при Св. Cvноде составлено было постоянное проедсоборное совещание, председателем которого был избран архиепископ Финляндский Сергий.

За свои труды, особенно по ограждению православного населения Финляндии от внешних, чуждых Православию влияний и выполнение ответственных поручений Св. Cvнода, архиепископ Сергий был награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. 9 Ноября 1913 года архиепископа Сергия назначили председателем учебного комитета при Св. Cvноде, а вскоре же он стал и председателем миссионерского совета при Св. Cvноде. 6 Мая архиепископ Сергий был награждён орденом Св. Александра Невского[5]. Такова была бурная и головокружительная карьера Владыки Сергия Страгородскаго...

Когда Временное правительство 14 Апреля 1917 года распустило дореволюционный состав Cvнода, то единственным его прежним членом, оставшимся на летнюю сессию, оказался архиепископ Сергий, вопреки прежним своим торжественным заверениям в том, что никогда не будет сотрудничать с новым составом Cvнода[6]. Это вызвало упрёки со стороны некоторых его собратьев архиереев в отсутствии солидарности, однако, преосвященный Сергий полагал, что в переломный для Русской Церкви момент он должен своими знаниями, опытом и энергией послужить Ея созиданию.

29 Апреля он подписывает послание Cvнода к Церкви о мероприятиях в связи с предстоящим созывом Всероссийского Поместного Собора. В дальнейшем он принял участие в работе Предсоборного совета, занимавшегося непосредственной подготовкой Собора.

Когда же по епархиям начались выборы правящих архиереев, то на Владимірскую кафедру «свободным голосованием клира и мірян» был избран Архиепископ Сергий. Cvнодальный указ о его назначении Архиепископом Владимірским и Шуйским последовал 10 Августа[7].

На Поместном Соборе 1917–1918 гг. Преосвященный Сергий принимал деятельное участие в обсуждении его решений. Кроме

того, он руководил работой отдела «Церковный суд» в качестве его председателя. 28 Ноября 1917 года Преосвященный Сергий был возведён в сан митрополита, а вскоре избран постоянным членом Священного Синода. В 1918–1921 гг. он являлся одним из ближайших сотрудников Патриарха Тихона. В этот период митрополит Сергий часто бывал в Москве, где занимался подготовкой дел, подлежавших рассмотрению органами Высшего управления Русской Церкви.

Владимірская епархия, одна из древних и высоких в Русской Церкви, была в то время обширной по территории и многочисленной по количеству верующих. Кроме Владиміра в неё входили такие крупные промышленные города как Иваново-Вознесенск, Шуя, Ковров, Переяславль-Залесский, Александров и др. Поэтому для более успешного управления епархией митрополит Сергий разделил её на митрополичий округ и пять викариатств с правами полусамостоятельных епархий. В течении пяти лет управлял митрополит Сергий Владимірской епархией. Это были годы перестройки всего уклада жизни в нашей стране. По долгу своей пастырской совести он стремился всячески возгревать в народе веру Христову и преданность св.Церкви. В своих окружных письмах Епархиальному Совету, викариям и благочинным он неоднократно обращал внимание на необходимость усиления проповеднической и просветительской деятельности приходского духовенства, в частности, на организацию при храмах преподавания Закона Божия детям, что допускалось Декретом Совнаркома об отделении Церкви от государства и школы от Церкви[8]. Хотя деятельность митрополита Владимірского формально не противоречила советским законам, большевиков не устраивала активная церковная жизнь епархии.

В начале 1922 года митрополит Сергий оказался высланным в Нижний Новгород. Но и оттуда он продолжал следить за положением дел в своей епархии. Начавшаяся кампания по изъятию церковных ценностей в ряде мест епархии проходила особенно болезненно. В крупных рабочих центрах – Иваново-Вознесенске и Шуе кощунственные действия при изъятии священных предметов приводили к безпорядкам. В связи со сложившейся ситуацией находившийся в Нижнем Новгороде митрополит Сергий обратился 21 Марта 1922 года к клиру и пастве Владимірской епархии с воззванием. Ещё ранее Патриарх Тихон в своём посла-

нии имел целью «выяснить взгляд Церкви» на ту позицию, которую заняли власти в отношении сбора средств и жертвования приходами драгоценных церковных украшений в связи с голодом в Поволжье. Теперь митрополит Сергий своим воззванием к пастве стремился найти выход уже в сложившемся положении, когда приведение в действие Декрета об изъятии церковных ценностей развернулось в полной мере по всей стране и привело к трагическим событиям и многочисленным политическим процессам над верующими. Упоминая в духе Патриаршего послания о необходимости сохранения благоговения перед святыней, митрополит Сергий в то же время писал верующим епархии о недопустимости насильственных мер к их защите, как несоответствующих духу Евангелия: «Всякое действие, совершаемое со враждою, с раздражением, – вызывает и против себя раздражение. А где обе стороны раздражены, там трудно от них ожидать взаимной уступчивости и умеренности в требованиях. Не случилось бы и с нами, что и те церковные вещи, которые, при ином нашем поведении, можно было бы сохранить для нашего храма, теперь, при взаимном раздражении, будут от нас взяты...» Далее он призвал приходские советы искать соглашения с органами власти о возможности замены священных предметов (главным образом, евхаристических сосудов), подлежащих изъятию, соответствующими металлами и драгоценностями, собранными верующими через добровольные пожертвования своих личных вещей. В то же время митрополит Сергий продолжал в данном воззвании призывать верующих к широкой благотворительности и щедрой жертве на голодающих[9]. Следует заметить, что и в других епархиях, в том числе в Москве, приходские советы и собрания с благословения епархиальных архиереев пытались действовать подобным образом, однако, даже и при более спокойном проведении кампании по изъятию церковных ценностей на местах достигнуть указанного соглашения удавалось далеко не всегда.

Но вскоре митрополит Сергий совершил серьёзную ошибку. Узнав об аресте Патриарха Тихона и передаче им полномочий своему временному Заместителю, он 16 Июня 1922 года одним из первых признал самочинное Высшее Церковное Управление (т.н. «меморандум трёх»). Такую позицию, занятую Преосвященным Сергием, можно пытаться до некоторой степени объяснить боязнью утраты «центра», что, как он, вероятно, полагал, может плохо

сказаться на Церковной организации в столь критической для Неё ситуации. Правда, постановление Высшей Церковной власти от 20 Ноября 1920 г. (№362), так же как последовавшее через два дня после «меморандума трёх» послание Заместителя Патриарха митрополита Ярославского Агафангела предполагали другую перспективу выживания – административную децентрализацию при сохранении свободного соборного сознания Церкви. Впрочем, нужно заметить, что обновленцы действовали обманом, говоря о передаче им власти «резолюцией Святейшего Патриарха», чем первоначально увлекли и некоторое число честных представителей духовенства. Что же касается митрополита Сергия, то как полагает Преосвященный Мануил, он своими действиями стремился оградить Владимірскую епархию от различных внешних треволнений. Во всяком случае, он оставался на строго Православных позициях в отношениях вероучения и норм Церковной жизни, и обновленческих беззаконий в своей епархии старался не допускать[10]. Правда, совершенно противоположные сообщения мы встречаем в напечатанной отдельно брошюре митрополита Донского Митрофана (Симашкевича) «Правда о Временном Высшем Церковном Совете и Нижегородском митрополите Сергии (Страгородском)»[11]. Во Владимирской епархии плевелы обновленчества стали давать свои всходы. Очень скоро митрополиту Сергию пришлось убедиться в ошибочности своего поступка. Прибыв 23 Октября 1922 года на пленарное заседание ВЦУ, он сделал следующее заявление: «Я решительно протестую против тех постановлений съезда «Живой Церкви», которые приняты в отмену основных требований Церковной дисциплины, а тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно; некоторые – превышающими компетенцию нашего Поместного Собора; а некоторые – неприемлемыми для этого Собора.

К первому разряду отношу снятие отлучения с графа Льва Толстого (другими словами с толстовства), отрицавшего Божество Иисуса Христа, Его рождение от Девы, воскресение плоти и др. Всё это содержится в Символе Веры...» Далее он перечислил каноны вселенской Церкви, попранные обновленцами, введшими второбрачие клира, допущение вступать в брак епископам и священникам после рукоположения, а также постановление женатых епископов. «Так как нарушение указанных правил, – писал он далее, – влечёт за собой безусловное запрещение и даже

извержение из сана, а сознательно участвующий в священнослужении с запрещенными или изверженными, или разрешающий такое священнослужение подпадает тому же, то:

1) Нарушителям не могу и не буду давать разрешение священнодействовать в пределах моей епархии.

2) Женатые епископы, впредь до решения дела на предстоящем Соборе, не будут мною признаваться в их сане, а равно и рукоположенные ими.

3) Сам я вынужден буду прекратить Церковное общение как с нарушителями этих правил, так и с теми, кто будет разрешать такие нарушения»[12].

Последнее означало фактический разрыв с обновленцами. Оценивая это действие митрополита Сергия, архиепископ Сергий (Ларин) пишет: «Шаг этот для тех времен (имеется в виду политическая поддержка, которой пользовались обновленцы, и репрессирование их противников – состт.), безусловно, исповеднический, свидетельствующий о мужестве, возбуждённом твёрдою верою в незыблемость святого Православия»[13].

В «соборе», созванном обновленцами в Апреле–Мае 1923 г., митрополит Сергий участия не принял, поскольку находился в заключении[14]. И как только представилась возможность, 27 Августа того же года он принёс в Донском монастыре в Москве перед лицом Церкви покаяние Патриарху Тихону. Тогда же он получил назначение на Нижегородскую кафедру вместо оставшегося в обновленчестве архиепископа Евдокима (Мещерского). Он включился в активную деятельность по изысканию возможности созыва Поместного Собора для неотложного решения вопросов церковной жизни и устройства в новых условиях. Им составляются проекты соборной программы, он ведет деятельную переписку с другими архиереями. Как видный учёный-богослов и церковно-общественный деятель он продолжает пользоваться авторитетом среди собратьев епископов, клириков и верующего народа. В Апреле 1925 г. митрополит Сергий в числе других 60-ти архиереев участвует в погребении Патриарха Тихона. В произнесённом им тогда слове он особенно подчеркнул добродетели почившего – его доброту и снисхождение к ближним.

Вступивший в управление Русской Церковью митрополит Крутицкий Пётр в своём завещании от 5 Декабря 1925 г. на случай кончины среди возможных своих преемников назвал и его имя.

2. Митрополит Сергий и его оппозиция

6 Декабря 1925 г. митрополит Пётр написал распоряжение о своих временных заместителях на случай ареста. Первым среди них стояло имя митрополита Сергия[15]. 10 Декабря Патриарший Местоблюститель был арестован, а 14 Декабря на имя викария Московской епархии епископа Гавриила пришло письмо из Нижнего Новгорода, в котором митрополит Сергий просил уведомить архиереев о его вступлении в исполнение обязанностей Местоблюстителя по поручению митрополита Петра.

Однако положение в Русской Церкви в это время ещё более осложнилось. Власти не дали митрополиту Сергию разрешения на выезд в Москву. Между тем, по плану, разработанному ОГПУ, группа из 9 архиереев (впоследствии к ним присоединилось ещё несколько человек) во главе с архиепископом Екатеринбуржским Григорием (Яцковским), в их числе был также взявший на себя управление Московской епархией епископ Можайский Борис (Рукин), без воли Патриаршего Местоблюстителя, его Заместителя и остальных епископов образовала 22 Декабря т.н. Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который вскоре получил официальное признание со стороны государственных органов[16]. Таким образом, в Русской Церкви появилась опасность нового раскола. Митрополит Сергий, не имея возможности в это время приехать в Москву, приступил к исполнению своих обязанностей из Нижнего Новгорода.

14 Января 1926 г. он отправил послание на имя архиепископа Григория с протестом против создания самочинного ВВЦС и угрозой предать его участников Церковному суду. В ответном письме архиепископ Григорий пытался предложить митрополиту Сергию компромисс, утверждая, что «коллективная ответственность» за Церковь лучше единоличной и предлагая последнему принять участие в ВВЦС. Однако, сознавая пагубность для Церковного общества такого компромисса, митрополит Сергий ответил категорическим отказом, и 29 Января известил архиепископа Григория и единомысленных с ним епископов о предании их Церковному суду.

Но григориане решили не сдаваться. С разрешения властей они 1 Февраля посетили в тюрьме митрополита Петра и, введя в заблуждение последнего, добились резолюции об отстранении митрополита Сергия от заместительства якобы «ввиду невозмож-

ности управлять Церковью». Временное же управление передавалось коллегии из архиепископов Владимірского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбуржского Григория[17]. При этом необходимо отметить, что григориане вновь пошли на подлог, скрыв от Местоблюстителя факт действительной невозможности для первых двух иерархов приступить к своим обязанностям. Впрочем, митрополит Сергий отказался подчиниться этой резолюции, сославшись на ея условность и на неосведомлённость митрополита Петра о состоянии текущих Церковных дел.

Между тем иерархи и клирики, а также Церковные общины начали выражать митрополиту Сергию свою поддержку в его борьбе с григорианами. Некоторые из деятелей ВВЦС также стали осознавать ошибочность своей позиции и приносить покаяние Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Первым ещё в Феврале 1926 г. это сделал епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский), оказавшийся фактическим преемником митрополита Сергия по управлению Владимірской епархией. Этот процесс продолжался и далее. Григориане делали попытки склонить к сотрудничеству с ними иерархов, пользовавшихся авторитетом в церковном обществе. Так, в Апреле 1926 г. архиепископ Иларион (Троицкий) был переведён из Соловков в ярославскую тюрьму, где сотрудники ГПУ пытались склонить его к признанию ВВЦС, однако эти усилия оказались тщетными, и Преосвященный Иларион был вновь отправлен на Соловки[18].

ВВЦС не получил сколько-нибудь широкого церковного признания. Григориане оказались перед лицом полного провала. Пытаясь спасти своё положение, они на совещании, проходившем в занятом ими помещении в Донском монастыре 11–13 Мая 1927 г. (в это время как раз подготавливалась легализация Церковного управления, возглавляемого митрополитом Сергием), приняли программу своего второго съезда, намеченного на Ноябрь, и разослали во все епархии приглашения принять Епископам–«староцерковникам» с представителями от клира и мірян участие в этом мероприятии, которому они надеялись придать авторитет Поместного Собора. На этот призыв Церковь ответила молчанием. А в некоторых епархиях архиереи выступили с обращением к пастве не поддаваться посулам похитителей церковной власти. Съезд получился довольно малочисленный. С 1928 г. их движение резко сошло на нет и, продолжая агонизи-

ровать ещё около десятилетия, практически не оказывало влияния на ход Церковной жизни[19].

В Апреле 1926 г. из пермской тюрьмы был выпущен митрополит Агафангел, который обратился 5/18 Апреля с посланием о вступлении в права Местоблюстителя на основании Патриаршего завещания[20]. Митрополит Пётр, находясь под следствием, письмами к главному претенденту на Местоблюстительство митрополиту Агафангелу от 7/20 и 10/23 снял с себя обязанности первоиерарха:

> «Я, Пётр, митрополит Московский, находясь в заключении передаю этим документом права Патриаршего Местоблюстительства Вашему Высокопреосвященству, а от митрополита Сергия права ... я отнимаю,. с тем, чтобы он, митрополит Сергий, выдал немедленно советской власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя. Для сей цели прошу советскую власть предъявить митрополиту Сергию все стенографические документы о передаче митрополиту Сергию мною прав Патриаршего Местоблюстителя только на определённое время, а не навсегда.
> Прошу Ваше Высокопреосвященство милостивого государя приехать в Москву и занять мою квартиру в Сокольниках»[21].

9/22 Мая 1926 года митрополит Пётр письменно приветствовал вступление митрополита Агафангела в должность Патриаршего Местоблюстителя:

> «(...) С любовию и благожелательностью приветствую это Ваше вступление. (...) О настоящем моём решении благоволите сообщить митрополиту Сергию. С разрешения властей я сообщил своему келейнику Григорию Лихоманову о предоставлении Вашему Высокопреосвященству в моей квартире нижнего этажа, верхние же две комнаты я оставляю за собой.
> Вашего Высокопреосвященства милостивого Архипастыря и Государя покорнейший слуга – Патриарший Местоблюститель ***митрополит Пётр***. 22 Мая 1926 г. г.Москва».

Митрополит Сергий сообщил митрополиту Агафангелу, что он обменялся письмами с митрополитом Петром, и, по его словам, сообщённым позднее прибывшему в Москву митрополиту Елевферию[22], получил от митрополита Петра ответ, что лично с него, митрополита Сергия, митрополит Пётр должности своего

заместительства как (теперь уже) одного из претендентов на Местоблюстительство, не снимает[23]. На этом основании между митрополитами Агафангелом и Сергием завязалась переписка, в которой митрополит Агафангел, в частности писал митрополиту Сергию:

> «5/18 Мая после всестороннего обсуждения вопроса о моих правах Вы при свидетелях определённо изъявили согласие передать мне права, дела, управление, обещаясь известить иерархов об этой передаче; всё это зафиксировано стенограммой; результаты мною сообщены многим; сделаны некоторые предварительные распоряжения. Теперь Вы, к удивлению моему, отказываетесь от передачи и тем готовите новую смуту. Вынужден буду сделать решительный шаг, опубликовав через особое послание результаты нашего соглашения и Ваш последующий отказ. Всякую ответственность за последствия с себя снимаю. Митрополит Агафангел»[24].

После этого послания митрополит Сергий всячески уклонялся от личных встреч и бесед с митрополитом Агафангелом. Затем, 31 Мая (13 Июня) 1926 года митрополит Сергий (Страгородский) направил письмо митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), где назвал незаконным и неканоничным его право на Местоблюстительство Патриаршего Престола. Хотя кандидатура Агафангела была избрана покойным Патриархом Тихоном как первенствующая по отношению к Петру и Кириллу и по выходе из заключения он списался с митрополитом Петром и с его благословения принял его преемство, Сергий представил дело так, будто претензии митрополита Ярославского являются делом его собственных интриг и стремления к власти. «Вы объявили себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, то есть совершили деяние, влекущее за собою даже лишение сана..., – писал Сергий, – ... Я испрашивал мнения архиереев, – можно ли в случае Вашего неподчинения ограничить подсудную меру только временным устранением Вас от управления епархией или необходимо запретить в священнослужении». Письмо заканчивалось откровенно лицемерными словами: «В надежде на скорый и утешительный Ваш ответ, остаюсь с братскою о Христе любовию и совершенным почтением Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою и богомольцем. За Патриаршего Местоблюстителя Сергий, митрополит Нижегород-

ский»[25]. Видя, что подобная борьба послужит дальнейшему ослаблению Церкви, митрополит Агафангел отказался от своих прав «ради мира Церковного»[26].

Тогда же митрополит Сергий смог направить митрополиту Петру письмо с разъяснением своих действий против ВВЦС. В ответном письме последний поддержал действия своего Заместителя и аннулировал ВВЦС[27].

10 Июня митрополит Сергий подаёт заявление в НКВД с просьбой о легализации церковного управления с приложением проекта обращения к всероссийской пастве[28]. В этом проекте, наряду с заверением в лояльности Церковного управления и подведомственного ему духовенства советскому правительству в гражданской области, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя отметил следующий момент, являющийся ясным отражением Церковного сознания: «Мы не можем обойти молчанием противоречия, существующие между нами, Православными, и коммунистами, управляющими Союзом. Их целью является борьба против Бога и Его Царствия в сердце народа, в то время как мы усматриваем смысл и цель нашего существования в исповедании веры в Бога и в распространении и укреплении этой веры в сердцах людей. Не обещая примирения того, что непримиримо, и не пытаясь приспособить нашу веру к коммунизму, мы с религиозной точки зрения остаёмся теми, кем мы являемся: членами традиционной Церкви. Прогресс Церкви мы понимаем не приспособлении Её к «современным требованиям», не в ампутации Ея идеалов, не в изменении Ея правил и учения, но в успехе наших действий, стремящихся вновь зажечь и сохранить в чистоте в сердцах наших верующих при нынешних условиях жизни Церкви и при нынешних обстоятельствах тот же огонь веры и любви Божией, а также научить верующих и в зените материального прогресса верно понимать смысл жизни, несмотря на обстоятельства»[29].

Тогда эта просьба не была удовлетворена. А 30 Ноября 1926 года митрополит Сергий был арестован и переправлен в Москву. В это время его последовательно замещали: митрополит Иосиф (Петровых), назначенный в Августе 1926 г. по просьбам верующих на Ленинградскую кафедру (указан как один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Петром в его распоряжении от 9 Декабря 1925 г.), а затем архиепископ Угли-

ческий Серафим (Самойлович) – от 29 Декабря 1926 г. по 11 Мая 1927 г.[30]

Выше уже отмечалось, что в Сентябре 1926 г. митрополит Сергий обратился к Русским зарубежным иерархам с советом войти со своими общинами в состав Поместных Православных Церквей или же, если таковых не было, образовать самоуправляющиеся епархии. Безусловно, для беженцев из России, для людей, не сомневавшихся, что их бегство по сути есть лишь временное отступление для накопления сил и для нового, более решительнаго и победного удара по захватившим страну врагам, то есть большевикам, подобный призыв был лишь в лучшем случае поводом для горькой улыбки. Но с одной стороны, политические выступления некоторых Русских зарубежных Церковных деятелей болезненно отражались на Церковном управлении, находившемся в СССР, и было сочтено целесообразным оградить себя от «неожиданностей из-за границы». А с другой стороны, уроки недавнего прошлого также не прошли даром; между тем перспективы канонического Церковного управления, действовавшего на советской территории, были ещё неясны. «...Такое отдельное существование, – указывал митрополит Сергий, – скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старание удержать и подчинить всех искусственно созданному центру»[31]. Любопытно, что высокопреосвященный Сергий, высказываясь здесь о вреде централизма, вместе с тем пытался подчинить Зарубежную Церковь своему же центру, находящемуся и того далее...

Но в конце Марта 1927 г. митрополит Сергий был, наконец, выпущен из заключения. Через месяц он получил возможность принять от архиепископа Серафима Церковное управление.

3. Легализация Церковного управления. Временный Патриарший Cунод и декларация митрополита Сергия.

13 Мая 1927 г. в Москве митрополит Сергий собрал совещание, на котором присутствовало ещё 6 приглашённых им архиереев, чьё участие в Церковном управлении представлялось ему «возможным и полезным». Из них был образован Cунод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя, полномочия которого проистекали из полномочий последнего[32]. К работе в Cуноде был также приглашён и находившийся тогда в Ташкенте митро-

полит Новгородский Арсений, который, впрочем, в Москву не прибыл. В дальнейшем митрополит Сергий старался привлекать к работе в Cvноде большое число иерархов. Во всяком случае, как видно из «Журнала Московской Патриархии», издававшегося в 1931–35 гг. Cvнод состоял из 12 архиереев, являвшихся его членами путём приглашения, т.е. числа достаточного, в соответствии с Церковными канонами (Апост.74; Карф.12), для произведения Церковного суда над одним епископом.

20 Мая митрополитом Сергием была получена справка Административного отдела НКВД с разрешением деятельности организованного при нем Cvнода «впредь до утверждения» последнего. А 27 Мая им был разослан епархиальным Архиереям указ Cvнода о необходимости подать заявления в местные органы власти о регистрации их самих и состоящих при них епархиальных советов, кои им предписывалось образовать «временно путём приглашения».

Наконец 29 Июля 1927 г. митрополит Сергий и Временный при нём Cvнод предприняли ответственный шаг, опубликовав Послание к пастырям и пастве, в котором с наибольшей решительностью заявляли о своей лояльности предержащей власти. В отличии от прошлогоднего проекта, в настоящем послании уже не подчёркивался непримиримый идеологический антагонизм между Церковью и правящей коммунистической партией. Правда, в нём отмечалось, «что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом...» Это послание явилось для митрополита Сергия программным документом в его трудах по нормализации отношения государства к Церкви, с тем, чтобы Она получила нормальные внешние условия для осуществления Своей миссии. Оно же на долгие десятилетия стало камнем преткновения для тысяч Православных верующих, нанеся Церкви рану тяжёлую, едва ли не смертельную...

Вопрос о ***modus vivendi*** Церкви при советском режиме серьёзно волновал тогда Русское Церковное общество. Его голос также нашёл своё выражение в обращении Православных епископов, находившихся в ссылке на Соловецких островах (их число превышало тогда два десятка), к Правительству СССР, составлен-

ном за два месяца до декларации митрополита Сергия. В этом обращении Русские епископы (нужно заметить, что в его составлении и обсуждении принимали также участие клирики и міряне), среди которых был уже известный нам Преосвященный Иларион, со всею ясностью заявили свои принципы. На основании их Русская Церковь надеялась получить право легального существования в СССР в соответствии с Декретом Совнаркома об отделении Церкви от государства.

«Несмотря на основной закон Советской Конституции, обезпечивающий верующим свободу совести, религиозных объединений и проповеди, – гласила Памятная записка Соловецких епископов, представленная на усмотрение правительства – Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления, не может перенести свою деятельность в ее исторический центр – Москву. Ея епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждаемы отказаться от выполнения самых существенных обязанностей своего служения – проповеди в Церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего Престола и около половины Православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя Православный епископат и клир в контр-революционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка...

...При создавшемся положении Церковь желала бы полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства.

К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своём законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь, на которую её вероучением воз-

лагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-ти летнего возраста, между тем в школах и организациях молодежи, детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон даёт гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишающим религиозное общество права Юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующего исключительно по своему религиозному значению. В целях пропаганды противорелигиозной, по силе этого закона, у Церкви отобраны и помещены в музеи почитаемые Ею останки святых.

В порядке управления Правительство принимает все меры к подавлению религии: оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, не смотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограничительная свобода, которой Церковь ещё пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство Русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Её положение отягчается ещё тем обстоятельством, что отколовшаяся от неё часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой Советская власть, вопреки ею же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте Правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признаёт обновленческий синод...

...Православная Церковь не может, по примеру обновленцев, засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только их лицемерием, или сервилизмом или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, по всей справедливости Она должна заявить, что не может признать справедливым и приветствовать ни законов, ограничивающих Её в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб Ей обновленческому расколу. Своё собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, Она никого не призывает к оружию и политической борьбе, Она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но Она желает сохранить в полной мере Свою духовную свободу и независимость, предоставленные Ей Конституцией и не может стать слугою государства...

...Представляя настоящую памятную записку на усмотрение Правительства, Российская Церковь ещё раз считает возможным отметить, что Она с совершенною искренностью изложила перед Советской властью как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной справедливости, Она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что Она может обещать Советской власти, в чём не может отступить от своих принципов и чего Она ожидает от Правительства СССР»[33].

Послание Соловецких епископов было отправлено митрополиту Сергию в Нижний Новгород через священника, получившего тогда освобождение. Несколько дней спустя оно было изъято у митрополита Сергия при обыске. На допросе он показал, что ещё не успел достаточно ознакомиться с посланием.

Обращение Соловецких епископов также содержало указание на лояльность Церкви к советскому государству, но тон этих заверений был принципиально иным, чем в Декларации митрополита Сергия. Признавая необходимость, а главное – неизбежность гражданского подчинения властям, они решительно протестовали против безцеремонного вмешательства властей во внутренние дела Церкви, запрета на миссионерскую деятельность и религиозное воспитание детей, твердо выражая свою позицию, что в этой области компромиссов со стороны Церкви быть не может. Декларация митрополита Сергия, хотя и признавала религиозные гонения в СССР, призывала к миру не государство, а верующих. В этом содержится принципиальное различие между двумя документами и кроется причина, почему похожие по содержанию обращения воспринимались современниками и продолжают восприниматься до сих пор, как документы почти антагонистические.

Текст знаменитой Декларации гласит следующее:

ПОСЛАНИЕ ПАСТЫРЯМ И ПАСТВЕ (29 Июля 1927 г.)

Божиею милостию Смиренный Сергий, митрополит Нижегородский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя и временный патриарший Священный Cynod – преосвященным архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви «о Господе радоваться».

Одною из забот почившего Святейшего отца нашего Патриарха Тихона перед его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить ещё годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом выступления зарубежных врагов Советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая справедливое недоверие Правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий увенчанными успехами.

Ныне жребий быть временным заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело почившего и всемерно стремиться к мирному строению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и Православными архипастырями, как будто не остаются безплодными: с учреждением при мне временного патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона. Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления наших зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас у всех на глазах. Всё это нарушает мирное течение жизни, созидая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги Её интересы, кто желает вывести Её на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством.

Засвидетельствовать то и является первой целью настоящего (моего и синодального) послания. Затем извещаем вас, что в Мае текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался временный при заместителе патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют преосвященный Новгородский митрополит Арсений, ещё не прибывший, и Костромской архиепископ Севастиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом.

Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноничество, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление, а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким обра-

зом в положении нашей Православной Церкви, её духовенства, всех церковных деятелей и учреждений...
Вознесём же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о Святой нашей Церкви.
Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам Православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.
Приступив, с благословения Божия, к нашей сvнодальной работе, мы ясно сознаём всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому*, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь Православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас апостол (Рим. XIII, 5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при нашем общем содействии и поддержке эта задача будет нами разрешена.
Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это – недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Учреждение советской власти многим представлялось недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет, и что в совершившемся у нас, как везде и всегда,

---

** Имеется в виду убийство русским гимназистом Борисом Ковердой советского посла в Польше П.Л. Войкова – бывшего члена президиума Екатеринбургского совета, вынесшего постановление о расстреле Императорской семьи.*

действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах и в делах и навлекавшее подозрение советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. Недаром ведь апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинуясь законной власти (1 Тим.II,2)., или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь, со всей Её организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и безповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры, или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и Православная жизнь остаются незыблемы.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между Правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Cvнод (5 Мая – 23 Апреля 1922 года). Но Cvнод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное Церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из

состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обезпечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной.

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего второго Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех «похитителях власти» церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и прочие подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наши твёрдые убеждения, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней Церковной жизни, в то же время своим соборным разумом и голосом даст окончательное одобрение и предпринятому нами делу установления правильных отношений Церкви к Советскому правительству.

В заключение усердно просим вас всех, преосвященные архипастыри, пастыри, братие и сестры, помогите нам каждый в своём чину вашим сочувствием к делу Божию, вашей преданностью и послушанием к делу Божию, вашей преданностью и послушанием Святой Церкви, в особенности же вашими за нас молитвами ко Господу, да даст Он нам успешно и богоугодно совершить возложенное на нас дело к славе Его Святого Имени, к пользе Святой Нашей Православной Церкви и к нашему общему спасению.

Благодать Господа Нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь.

За Патриаршего Местоблюстителя – СЕРГИЙ,
митрополит Нижегородский.

Члены Временного Патриаршего Священного Синода:

СЕРАФИМ, митрополит Тверской;
СИЛЬВЕСТР, архиепископ Вологодский;
АЛЕКСИЙ, архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской епархией,
АНАТОЛИЙ, архиепископ Самарский;

ПАВЕЛ, архиепископ Вятский;
ФИЛИПП, архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией;
КОНСТАНТИН, епископ Сумский, управляющий Харьковской епархией;
М.П. СЕРГИЙ, епископ Серпуховской, управляющий делами.

16/29 Июля 1927 года. Москва[34].

Пожалуй, в XX веке ни один документ Русской Православной Церкви не сыграл столь роковую и противоречивую роль в истории Церкви и всей России. И поныне Декларация митрополита Сергия вызывает многочисленные споры и резко противоположные суждения. Причина этой полемики понятна и выходит за рамки чисто научных интересов: раскол, происшедший почти 70 лет назад, не преодолён до сих пор, хотя и исчезла причина, вызвавшая его. В 1927 г. Русская Православная Церковь разделилась на три ветви: ***Церковь Московской Патриархии, Зарубежную и Катакомбную*** (не считая более мелких расколов). Первая из них признала советскую власть и ея право вмешиваться во внутренние дела Церкви, две другие сделать это отказались. Но если для Русской эмиграции выбор этот был закономерен и фактически совершён задолго до появления Декларации, то верующим, жившим в СССР, заявление митрополита Сергия открывало эпоху новых тяжелейших испытаний. Безусловно, подлинные инициаторы выступления намеренно придали ему оттенок провокации. Отныне никто из верующих уже не мог пассивно выражать своё неприятие советской власти. Теперь от каждого требовалось чёткое действие: либо капитулировать перед гонителями Церкви, либо отказаться подчиниться Декларации, что означало открытое выступление против коммунистов. Между тем, заявление призывало не просто к гражданской лояльности (что дословно переводится как «верноподданность», в отличии от «толерантности», то есть «терпимости»), но к отождествлению интересов Церкви и государства. Особенно много протестов вызвала фраза о том, что радости и успехи Советского Союза – «наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Хотя позднѣе митрополит Сергий и объяснял, что он подразумевал называя «советский союз» «нашей гражданской родиной», всё же народ в основной своей массе не понял подобной уловки, тем более что Декларация была написана в просоветском духе. Поскольку одной из

задач советской власти было уничтожение Церкви и вообще религии, слова об общих радостях звучали абсурдно. Разумеется, верующие не могли радоваться циничным кощунствам, массовому закрытию храмов, истреблению священнослужителей и мірян, истреблению крестьянства и носителей культуры, истреблению цвета нации... Но особенная трагичность Декларации митрополита Сергия заключается в принципиальном отказе от подвига мученичества и исповедничества, без которых немыслимо свидетельствование истины. Тем самым митрополит Сергий взял за основу не упование на Божие провидение, а чисто человеческий подход к решению церковных проблем.

Многие из известных и авторитетных архиереев, ради единства Церковнаго, несмотря на очевидный подрыв Церкви изнутри, подрыв, идущий на пользу богоборческой власти и явно ущемляющий жизненные интересы Церкви, тем не менее всё-таки призывали к посещению храмов, находящихся в ведении официального церковнаго управления – так называемых «сергианцев». Ярким примером «обоснованности» такой позиции является послание от 9/22 Мая 1955 года достойнейшего пастыря – преосвященного Афанасия (Сахарова), епископа Ковровскаго, где он, стремясь к примирению, пишет следующее: «Сам Христос Спаситель с 12-летняго возраста и до последняго года жизни в великие праздники приходил в храм Иерусалимский, а в прочие праздники посещал синагоги иудейские, ибо и в храме и в синагоге возносились молитвы Богу истинному. И святые Апостолы в течении многих десятилетий после дня Святой Пятидесятницы, когда завершено было устроение Церкви Христовой, с новым Христианским Богослужением, с новой Христианской жертвой Тела и Крови Христовых, продолжали участвовать в ветхозаветном богослужении, совершавшемся ветхозаветными священниками»[35]. Что ж, действительно, Апостолы и в самом деле посещали по субботам синагоги Но, сожалению, владыка Афанасий упустил из виду тот факт, что и храм, и синагоги после раздрания завесы в Святая Святых, символизировавшего прекращение и отмену Ветхого Завета вместе с отвержением иудейской религии и народа еврейскаго как народа Богоизбранного, – окончательно и навсегда, – посещали не для Богослужений (на это во всём Евангелии нет ни одного указания), но именно для проповеди о Христе Спасителе, чтобы обратить к Истине бывших единовер-

цев, но никак не для участия в их богослужениях, которые в истинном смысле этого слова уже никак не могли называться Богослужениями...

Таким образом, вопрос о каноничности получившей преобладание сергианской Церкви оставался весьма и весьма открытым. Другое дело, что Господь весьма милосерд к немощам человеческим и даёт нам благодать, не взирая даже и на еретические заблуждения. В связи с этим мы можем вспомнить всем нам известную историю из жития некоего странника во времена Древней Церкви,– когда службы велись ещё не по установленному чину и тексту, но импровизировались предстоящим священником,– когда он, придя в некий храм, увидел, что священнику во время Литургии сослужит Ангел Господень. Молясь на этом Богослужении, странник неожиданно услышал очевидную ересь в молитвах, возглашаемых иереем. И, когда после Литургии странник вопросил Ангела, которого ему дано было лицезреть воочию: «Как же ты можешь сослужить ему, еретичествующу?», то Ангел ответил: «Исправлять ереси дело человеческое, а я сослужу ему потому, что он искренне творит службу и совершает таинство Божие».

В Августе 1927 года высшее церковное управление в лице митрополита Сергия и Временного Патриаршего Cvнода при нём, в изъятие из существовавших тогда узаконений, получило окончательное утверждение властей[36]. (Согласно Инструкции ВЦИК от 28.07.1922 г. (Известия, 1922, 3 Августа), Церковное управление могло быть зарегистрировано лишь как исполнительный орган Всероссийского съезда религиозного общества. На этом основании в 1924 году получило отказ в официальном признании временное Церковное управление (Cvнод), бывшее под председательством Патриарха Tvхона и имевшее целью созыв Собора. После очередного компромисса соборные устремления Русской Церкви так и не нашли своего осуществления. Между тем, Церковный организм поджидали новые болезни...

4. Оппозиция Митрополиту Сергию

31 Августа 1927 года Временный Патриарший Cvнод принял постановление о переводе митрополита Ленинградского Иосифа на Одесскую кафедру[37]. (Позднѣе, отвечая профессору-протоие-

рею В.Верюжскому, митрополит Сергий писал, что противоречащие канонам перемещения епископов даже без согласия на то епархии и самих перемещаемых есть явление временное, вызванное обстоятельствами внешнего порядка. «... Принимая во внимание чрезвычайность положения, – писал он далее, – и те усилия многих разорвать Церковное тело* тем или иным путем, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного»[38].

Однако митрополит Иосиф, которому властями так и не было разрешено вернуться в Ленинград из Ростова Великого, куда он выехал для передачи дел и прощания с прежней паствой ещё в Сентябре 1926 года, отказался подчиниться этому решению, объявляя его неканоничным, принятым под влиянием посторонних факторов, а потому пагубно сказавшимся на церковной организации. Большинство Ленинградской епархии поддержало тогда своего правящего архиерея. 12 Декабря 1927 года группа ленинградцев во главе с видными профессорами Богословия и епископом Гдовским Димитрием составила делегацию в защиту митрополита Иосифа и встретилась с митрополитом Сергием. Митрополит Сергий, пытаясь защитить свою позицию, от одних вопросов уклонялся, на другие отвечал невпопад. В итоге из его уст вырвалась совершенно недопустимая для иерарха и авторитетного Богослова – каким считался митрополит Сергий – фраза о том, что он действует так потому, что «спасает Церковь». На это члены делегации вполне резонно ответили, что никто, в том числе и высший иерарх не спасает Церковь, ибо Она не нуждается в спасении – но сам через Неё спасается. Митрополит Сергий с поправкой согласился, однако, позиций своих не уступил ни в чём. Разбирая уже в 1995 году это событие в своей книге «Стояние в Вере»[39], митрополит Иоанн (Снычев), приводя этот факт, тем не менее в неграмотности и поверхностности обвиняет именно авторов Обращения к митрополиту Сергию. Дело представляется неверным, и вот почему: митрополит Иоанн считает, что в силу Божественности иерархии священноначалие не может идти в разрез с учением Христа. Пожалуй, точка зрения действительно полемична... Однако, митрополит Иоанн считал точку зрения митрополита Иосифа «узко-национальным пониманием христи-

---

** «Церковь» переводится с греческого как «тело» (в отличии от «экклесиа» – собрание).*

анства»[40], тогда как речь идёт о конкретной стране, которую должна окормлять конкретная Церковь – в Іерусалиме – Іерусалимская, в Греции – Греческая, на Руси – Русская. При всём глубоком уважении к трудам покойного владыки в деле возрождения национального самосознания России, необходимо указать, что недоговорённость и непоследовательность суждений автора в попытке защитить официальную позицию церковной иерархии и искусственно устранить проблемы, к сожалению, не достигают желанных результатов, зачастую оставляя читателя с недоуменными вопросами. Так, в книге митрополита Иоанна на с.102 автор вновь повторяет суждение о том, что долг архипастыря спасти Церковь от уничтожения, а на с.103 он заявляет о прочном основании законности советской власти... Далее, если в послании соловецких иерархов мы читаем: «...мы не можем принять и одобрить послания в его целом...», то на с.106 мы самым неожиданным образом узнаём, что, оказывается, на самом-то деле «соловецкий епископат» согласился с его общей политикой «в принципе». О сложности ситуации того времени в наш век приходится только догадываться. По воспоминаниям очевидицы того времени монахини Сергии (Клименко, 1893–1994), подвизавшейся в последние годы в Пюхтицком женском монастыре, в те дни она спросила о происходившем на ея глазах церковном расколе своего духовника: надо ли подчиняться сергианской церкви. Старец, после долгого и напряжённого молчания – от силы душевного напряжения в его руках порвались чётки – сказал: «Да, нужно,– не следует идти в раскол»*. Это был правильный и положительный ответ – но чётки оказались порваны...

Между тем недовольство линией митрополита Сергия не ограничилось одним Ленинградом. Так, в Октябре 1927 г. выразил недовольство Декларацией от 29 Июля и другими действиями митрополита Сергия и отделился от него, введя самоуправление в Воткинской и частично в Вятской епархии, епископ Глазовский Виктор (Островидов)[41]. В Декабре акт об отделении от митрополита Сергия подписали викарии Ленинградской епархии: епископ Гдовский Димитрий (Любимов) и епископ Нарвский Сергий (Дружинин). Ещё ранее в ряде ленинградских приходов имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя перестало поминаться за

** Записано Данилушкиным М.Б. по воспоминаниям бесед с матушкой Сергией.*

богослужениями[42]. В некоторых церковных кругах создалось впечатление, что своими действиями, в частности, принятием принципа регистрации Церковных управлений, общин и отдельных священнослужителей в государственных органах, перемещением архиереев и т.д. Митрополит Сергий и Cvнод при нём нарушили важнейшие определения Собора 1917–18 г.г. и превысили свои полномочия, принимая принципиальные решения по вопросам Церковной жизни без соборного на этот счет соизволения, а потому образуемый ими церковный центр лишился своей каноничности. Тут кое кто вспомнил о Патриаршем постановлении от 1920 г. о самостоятельном управлении церковных округов и епархий в случае отсутствия канонического церковного центра, что и привело к ряду отделений от митрополита Сергия. В Январе 1928 года отделился управляющий Воронежской епархией епископ Козловский Алексей (Буй) с паствою, затем епископ Серпуховской Алексий (Готовцев)[43]. 6 Февраля о своём отделении от митрополита Сергия с отказом признания за возглавляемым им Cvнодом прав высшего Церковного управления объявила Ярославская епархия в лице митрополита Агафангела и четырех его викариев. К ним же присоединился и митрополит Иосиф. В дальнейшем у них нашлись сторонники и в других местах, как среди епископов, так и среди приходского духовенства и мірян. Позднее в оппозицию к митрополиту Сергию и его Cvноду встал митрополит Казанский Кирилл. Особенно смущали Преосвященного Кирилла прещения, налагаемые на отошедших от митрополита Сергия иерархов и клириков, которые, как он утверждал, не могли приспособиться к новому курсу церковного управления вопреки своей совести. Выход из положения он видел в отказе от этих мер и в поиске решения церковных проблем путем нахождения общего согласия при сохранении внутренней свободы Русской Церкви. В связи с этим в 1929 – 1930 гг. у него была переписка с митрополитом Сергием. В результате, в 1930 г. насчитывалось до 37 архиереев*, отказавшихся от административного подчинения митрополиту Сергию[44]. Правда, следует заметить, что некоторые из них находились в это время на покое или в ссылке и непосредственного отношения к Церковному управлению не имели. Дру-

---

**См. об этом Иоанн, архим. Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х годов XX столетия. С. 297–309.*

гие, хотя и немногие, в дальнейшем принесли покаяние и принимали назначения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

В отношении отделившихся митрополит Сергий и Cунод при нём принимали как меры увещания (послание Cунода к единению от 31 Декабря 1927 г., а также многочисленные письма к отделившимся епископам), так и меры прещения в случае ослушания, выражавшиеся в увольнении на покой в № 76 от 11.04.1928 г. «О нестроениях в Ленинградской, Ярославской, Вятской и Воронежской епархиях» и др.).

Следует, однако, отметить, что большинство иерархов (в т.ч. и многие ссыльные) в этот трудный для Русской Церкви период всё же поддержало митрополита Сергия, полагая, что размежевания могут пагубно отразиться на Церковной жизни.

5. Церковная жизнь. Конец 20–30-х годов.

С внешней стороны Русская Церковная жизнь в указанный период характеризуется следующими моментами. Как только возглавляемое митрополитом Сергием Церковное управление получило в Августе 1927 года официальную регистрацию в органах власти, оно стало получать признание со стороны восточных Патриархов. Впрочем, Константинопольский и Иерусалимский Патриархаты продолжали поддерживать отношения с обновленцами, призывая митрополита Сергия к примирению с последними. Он же, естественно, посчитал такое отношение к Русской Церкви неприемлемым. Поэтому он счел невозможным участие Её в работе Всеправославного предсоборного совещания, намеченного на лето 1932 года на Афоне. В письме представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию Димопуло он писал по этому поводу: «Нашу Церковь Его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную Церковную массу, не имеющую канонического возглавления... В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем – даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас приемлемым...»[45] Поспешность греков в диалоге с англиканами в связи с вопросом о возможном воссоединении также вызвала возражение с его стороны, что обусловило отказ Московской Патриархии от участия в Догматической комиссии, собравшейся в Лондоне в том же году[46].

Осложнялось положение с Русскими зарубежными епархиями. Ещё в Сентябре 1926 г. митрополит Сергий советовал зарубежным иерархиям войти в состав Поместных Православных Церквей или образовать самоуправляющиеся общины-епархии. Когда же возглавляемый им Cvнод получил официальное признание, то 1 Июля 1927 года он принял Постановление № 95 с требованием зарубежному Русскому духовенству прислать в Патриархию письменное обязательство в лояльности Советскому государству, что означало отказ от политической деятельности, направленной против него. Те, кто к 15 Сентября того же года не подаст такое заявление или впоследствии нарушит данное обещание, должны считаться уволенными из клира, подведомственного Московской Патриархии с лишением права выполнять свои функции[47]. Такую подписку прислали и тем самым сохранили административные отношения с Патриархией: управляющий приходами в Западной Европе митрополит Евлогий (член масонской ложи – см. «Луч света». Джорданвилль. 1970. С.335), архиепископ Литовский Елевферий, архиепископ Японский Сергий и находящийся в Китае епископ (быв. Камчатский) Нестор[48].

Однако, во время Великого поста 1930 г. митрополит Евлогий по приглашению архиепископа Кентерберийского прибыл на неделю в Лондон, где принял участие в экуменической молитве о Русской Церкви. Хотя по его собственному признанию, он нигде не выступал с политическими речами, а само мероприятие носило лишь духовно-нравственный характер, его поездка была расценена в Москве как политическая демонстрация. 10 Июня того же года Cvнод принял постановление об его увольнении от управления русскими приходами в Западной Европе[49]. Впрочем, митрополит Евлогий ещё в 1927 году предусматривал возможность для своей епархии автономного бытия или же вхождения в состав другой Поместной Церкви в случае признания Cvнодом в Москве неудовлетворительности формы и содержания его обещания[50]. Он отказался по известным причинам подчиниться постановлению Cvнода и, сославшись на Патриаршее постановление от 20 Ноября 1920 года, прервал административные отношения с Патриархией[51]. Как и при размежевании с Русской Православной Церковью (зарубежной), так и теперь подавляющее большинство его клира и паствы (русские приходы во Франции, Чехословакии, частично Германии, Брюсселе, Нидерландах) под-

держали своего митрополита. Собственно Церковное сознание епархии во многом и определило поведение Преосвященного Евлогия. В Феврале 1931 года он вошёл в юрисдикцию Вселенского Патриарха в качестве его экзарха для русских приходов в Западной Европе с сохранением за ними внутреннего самоуправления. Это привело к новому обострению отношений между митрополитом Сергием и Константинопольским Патриархатом. Тогда же Cvнод в Москве принял меры прещения против митрополита Евлогия и преданного ему духовенства[52], которые, впрочем, уже не достигали цели.

Меры прещения со стороны митрополита Сергия и Временного Cvнода были в дальнейшем предприняты и в отношении других Русских церковных групп за рубежом. 16 Августа 1933 года было принято постановление об окончательном упразднении автономии Северо-Американской епархии с запрещением митрополита Платона и подведомственного ему духовенства. В качестве временного экзарха Московской Патриархии в Марте 1933 г. в Америку был командирован находившийся в Париже архиепископ Вениамин (Федченков)[53]. Этот конфликт нашел своё разрешение лишь в 1970 году с дарованием Московской Патриархией автокефалии Русскому митрополичьему округу в Америке.

В 1933 году митрополит Сергий вступил в переписку с Сербским Патриархом Варнавой с целью посредничества последнего в конфликте РПЦ (з) с Московской Патриархией. Русским эмигрантам предлагалось войти в состав Поместных Церквей (Сербской, Болгарской и др.), поскольку их центр и многие приходы находились на территории, входящей в их юрисдикцию[54]. Однако отклика на этот призыв не последовало. Тогда 22 Июня 1934 года митрополитом Сергием и Cvнодом при нём были запрещены в священнослужении с последующим преданием соборному суду епископы и клирики, образовавшие Русскую Православную Церковь за границей (карловчане)[55]. Так был спровоцирован раскол Русской Православной Церкви на зарубежную Церковь и на находящуюся в подсоветской России.

Само же положение Церковного управления в пределах СССР было таково, что в период до 1937 года митрополит Сергий мог регулярно проводить сессии Cvнода, принимавшего решения по вопросам текущей Церковной жизни. С 1931 и до середины 1935 года ему удавалось издавать «Журнал Московской Патриархии»,

где публиковались протоколы заседаний Cvнода, его постановления, послания Заместителя Местоблюстителя.

Следует отметить, что хотя до Декабря 1936 года во всех Русских храмах возносилось имя Патриаршего Местоблюстителя митр.Петра, однако с 1930 г. митр. Сергий, из-за пребывания Владыки Петра в отдалённой ссылке, в контактах с ним не состоял. Даже о Декларации митр. Сергия Преосвященный Пётр узнал из газет. Из двух последних писем, отправленных им митр. Сергию в конце 1929 г. и в начале 1930 г. становится ясна его позиция по отношению к церковной политике митрополита Сергия. Митр. Пётр, также как и почти все старейшие иерархи Русской Церкви, считал, что созданием Временного Cvнода митр. Сергий перешёл границы доверенной ему церковной власти, так как он поставлен «быть охранителем только текущего порядка». «Каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял», – пишет ему Владыка Пётр. Более того, в планы осуществления столь ответственного шага, он даже не потрудился посвятить своего непосредственного главу, каким являлся для него митрополит Пётр, вовсе не отказывавшийся от Местоблюстительства. Кстати, в ссылке ему разрешено было иметь переписку, но Владыка Сергий даже письменно не известил его о намерении создать Cvнод: «Очень скорблю – пишет ему митр. Пётр, – что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью... Раз поступают письма от других, то несомненно дошло бы и Ваше». (Акты... С.681, 692)

Сам же митр. Сергий объяснял свои действия следующим образом: «По документальным нашим данным, Заместитель облечён патриаршей властью в том же объёме, как и заменяемый им Местоблюститель. <...> За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в коей мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к ещё большему расстройству Церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за своё правление перед Поместным Собором. Конечно, порядок вещей, когда Церковь управляется Заместителем, нельзя признать нормальным. Такой порядок может быть терпим лишь в качестве меры временной и переходной. То же самое можно сказать и об управлении при Местоблюстительстве... Наш архипастырский долг думать о скорейшем созвании Помест-

ного собора, который... привел бы управление нашей Церковью в нормальный порядок»[56].

27 Апреля 1934 г. Патриарший Cvнод при поддержке некоторых других архиереев (всего 21 чел.), учитывая, что митрополит Сергий является фактически первоиерархом Русской Церкви, присвоил ему титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского с правом ношения двух панагий[57]. А 27 Декабря 1936 г. в связи с официальным объявлением о кончине митрополита Петра (11.09.1936 г.) Cvнодом был принят акт о передаче прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию. В действительности митрополит Пётр был расстрелян 10 Октября 1937 г. в Верхнеуральской тюрьме*, о чём сохранилась справка: «Постановление тройки УНКВД по Челябинской области от 2 Октября 1937 г. о расстреле Полянского Петра Фёдоровича, он же митрополит Крутицкий, приведено в исполнение 10 Октября 1937 г. в 16 часов. Начальник 3 отд. УГБ НКВД по 4/о, лейтенант государственной безопасности Подобедов»[58]. В звании Местоблюстителя Патриаршего престола Блаженнейший Сергий оставался до Сентября 1943 г.

Что же касается самого течения Церковной жизни в нашей стране в данное время, то 8 Марта 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление о религиозных объединениях, которое с некоторыми изменениями несколько десятилетий являлось основной составной частью Советского законодательства о культах. Вскоре аналогичные постановления были приняты и в других союзных республиках.

Согласно данным, изложенным митрополитом Сергием в интервью иностранным корреспондентам и опубликованным в газете «Известия» (1930, № 49), к началу 1930 г. в каноническом подчинении Патриархии было около 30 тыс. приходов со значительно большим числом священнослужителей и 163 епископа, не считая пребывающих на покое. Это интервью вызвало определенное смущение как у нас в стране, так и за рубежом в связи с отрицанием митрополитом Сергием – вопреки очевидным фактам – дискриминации в отношении Церкви в СССР, а также преследова-

---

** Священномученик Пётр (Полянский), митрополит Крутицкий причислен к лику святых на Архиерейским Соборе 1997 г.*

ния Ея представителей. Эти действия, по-видимому, мыслились митрополитом Сергием как компромисс Московской Патриархии во имя нормализации отношений государства и Церкви. На следующий день после указанного интервью (19 Февраля 1930 г.) митрополит Сергий направил председателю Культкомиссии ВЦИК П.Г. Смидовичу Памятную записку о нуждах Православной патриаршей Церкви в СССР, состоявшую из 21 пункта и содержавшую требования создания условий со стороны государства для нормализации Церковной жизни, положения духовенства и приходских общин[59].

Несмотря на то, что управление Русской Православной Церкви получило официальное признание, подведомственное ему духовенство, включая иерархию и клир, продолжало ещё многие годы оставаться ограниченным в своих гражданских правах. Будучи т.н. «лишенцами», оно не только не имело избирательных прав или, например, права пользоваться государственными библиотеками, но и было лишено также продовольственных карточек, по которым в нашей стране тогда распределялись продукты питания.

Антирелигиозная кампания в это время не ослабевала, а наоборот – обретала ещё больший размах. Если по данным «Известий» (от 22 Марта 1929 г.) в 1928 г. было закрыто 433 Православных храма, то в дальнейшем их число постоянно увеличивалось. Период т.н. « культа личности» тяжко сказался на Русской Церкви. Так, в течение 1927–1937 гг. было арестовано подавляющее большинство представителей епископата и клира. К началу Великой Отечественной войны многие из них оказались расстрелянными или скончались в местах заключения. Немало было репрессировано и активных мірян, главным образом членов приходских советов. К 1939 г. в стране осталось лишь 4 правящих епископа и несколько сотен приходов, порой 2–3 на целую область, а то и ни одного. Управление ими тогда централизовалось в Московской Патриархии. Некоторое число епископов числилось на покое или же в должности настоятелей храмов. Для характеристики духовного состояния верующего народа в нашей стране в данный период обратимся к советской печати того времени. Вот что писал в 1938 году журнал «Антирелигиозник» (№ 7): «Верующие трудящиеся исполняют время от времени те или иные религиозные обряды, удовлетворяют свои религиозные потребности. Они не

принимают непосредственного участия в так называемой «церковной жизни». С такими верующими мы совместно идем к одной общей цели, боремся за одно и то же – за полное торжество коммунизма... Другое дело – церковники, члены двадцаток. Они не только выполняют обряды, но частенько нарушают советские законы, ведут религиозную пропаганду, организуют незаконные сборы на Церковь». Конечно, оценка весьма тенденциозна, но и она наглядно показывает, что «вырвать Бога из сердца народа» всё же не удалось. Это особенно ярко подтвердилось результатами переписи 1937 года, включавшей вопрос о вероисповедании. Из ответивших на него 45,1% заявили о своей вере в Бога[60]. Очень многие в обстановке террора, когда людей порой арестовывали за одно лишь хранение Библии, уклонились от ответа.

Начавшаяся Вторая Мировая война изменила карту Европы. В 1939 г. произошло включение в состав СССР Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1940 году – Прибалтики. На всей этой территории проживало несколько миллионов только Православного населения и имелось множество приходов и десятки монастырей. К концу 1940 г. митрополит Сергий приступил к устройству церковных дел в этих областях. В Бессарабию был отправлен с назначением на Кишинёвскую кафедру епископ Алексей (Сергеев). Временным экзархом Западной Украины и Белоруссии был назначен архиепископ Николай (Ярошевич). В это время в Вильнюсе скончался митрополит Литовский Елевферий (31.12.1940). На его кафедру был назначен архиепископ Сергий (Воскресенский), ещё ранее командированный экзархом в Прибалтику. В его задачу входила ликвидация Латвийской и Эстонской «схизмы». К началу 1941 г. соглашения были достигнуты, и Латвийская, а позже Эстонская Православные Церкви вошли в административно-каноническое подчинение Московской Патриархии на правах епархий.

1930-е годы оказались самыми тяжелыми и безысходными в истории Русской Православной Церкви XX столетия. Казалось, не будет конца разгулу циничного безбожия, никогда не придет возмездие жестоким гонителям. «Безбожные пятилетки», объявленные с конца 1920-х годов, имели целью полностью покончить с религией в СССР, что достигалось, как прямыми репрессиями, так и навязываемой всеми средствами атеистической пропаганды. К 1940 г. число членов Союза воинствующих безбожников до-

стигло 3 миллионов человек, число ячеек – 96 тысяч. Тяжелый духовный гнёт ощущали не только верующие, но и все, кто не желал слепо следовать новой «коммунистической религии». Об этом свидетельствует анонимное письмо советских писателей, опубликованное за рубежом в конце 1920-х годов:

ПИСАТЕЛЯМ МІРА

К вам, писатели міра, обращены наши слова.
Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, проходите мимо нас, Русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удушение великой литературы в её зрелых плодах и её зародышах? Или вы не знаете о нашей тюрьме для слова – о коммунистической цензуре во вторую четверть XX века, о цензуре «социалистического» государства? Боимся, что это так. Но почему же писатели, посетившие Россию – господа Дюгамель, Дюртен и другие – почему они, вернувшись домой, ничего не сообщили о ней? Или их не интересовало положение печати в России. Или они смотрели и не видели, видели и не поняли? Нам больно от мысли, что звон казенных бокалов с казенным шампанским, которым угощали в России иностранных писателей, заглушил лязг цепей, надетых на нашу литературу и весь Русский народ!
Послушайте, узнайте!
Идеализм, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изъемлются из всех общедоступных библиотек. Их участь разделяют работы историков и философов, отвергавших материалистические взгляды. Набегами особых инструкторов из общих библиотек и книжных магазинов конфискуются вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведения. Сами они, как враги и разрушители современного общественного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка.

Это первая стена тюрьмы, за которую засажено свободное слово. За ней идёт вторая.
Всякая рукопись, идущая в типографию, должна быть предварительно представлена в двух экземплярах в цензуру. Окончательно отпечатанная, она идет туда снова – для второго чтения и проверки. Бывали случаи, когда отдельные фразы, одно слово и даже одна буква в слове (заглавная буква в слове «Бог»), пропущенные цензором, автором, издателем и корректором, вели при второй цензуре к безжалостной конфискации всего издания...
... Мы знаем: кроме сочувствия, кроме моральной поддержки принципам и деталям свободы, кроме морального осуждения жесточайшей из деспотии, Вы ничем не можете помочь ни нам, ни нашему народу. Большего, однако, мы и не ждём. С тем большим напряжением мы хотим от вас возможного: с энергией, всюду, всегда срывайте перед общественным сознанием міра истинную лицемерную маску с того страшного лика, который являет коммунистическая власть в России. Мы сами безсильны сделать это: единственное наше оружие – перо – выбито из наших рук, воздух, которым мы дышим – литература – отнят от нас, мы сами – в тюрьме.
Ваш голос нужен не только нам и России. Подумайте и о самих себе: с дьявольской энергией, во всей своей величине, видимой только нами, ваши народы толкаются на тот же путь ужасов и крови, на который в роковую минуту своей истории 10 лет тому назад был столкнут наш народ, надорванный войной и политикой дореволюционной власти. Мы познали этот путь на Голгофу народов и предупреждаем вас о нём...»[61]

Казалось, гонениям не будет конца, но не успела завершиться «безбожная пятилетка», как великие потрясения и связанные с ними события Церковной жизни показали недавним воинствующим атеистам, что «Бог поругаем не бывает». Собственно говоря, интересы большевиков в отношении Церкви, ярко выраженные в приведённой выше Декларации митрополита Сергия, вряд ли могли быть осуществлены, если бы не нашлось их пособников внутри Самой Церкви, у которых черты властолюбия взяли верх над соображениями нравственности. Интриги внутрицерковные соединились с внешними, политическими. «Среди против-

ников митрополита Сергия было множество замечательных мучеников и исповедников, епископов, монахов, священников, таких как митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), митрополит Крутицкий Пётр (Полянский), митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) с братией Данилова монастыря, архиепископ Воронежский Пётр (Зверев), архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик), епископ Серпуховский Арсений (Жадановский), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), старец Оптиной пустыни иеросхимонах Нектарий, Зосимовский старец иеросхимонах Алексий-Затворник, тянувший жребий на Патриаршество св.Патриарху Тихону, священники Сергий Мечев, Владимир Амбарцумов, Михаил Шик, Сергий Никитин (будущий епископ Стефан) и многие-многие другие. Большинство из них погибло в ссылках, лагерях или были расстреляны. В том же духе стояния за Истину до смерти подвизались многие мученики и исповедники, не отделившиеся от митрополита Сергия. Митрополит Серафим (Чичагов)*, митрополит Анатолий (Грисюк), знаменитый архиепископ Иларион (Троицкий), архиепископ Ювеналий (Масловский), исповедник архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) и множество монахов, священников, отдавших свои жизни за Христову Церковь. Несомненно, что тех и других соединил их мученический подвиг. «Канонические» же прещения митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода никем всерьёз не воспринимались ни в то, ни в последующее время в силу неканоничности положения самого митрополита Сергия, церковная власть которого, в связи с экстремальными обстоятельствами времени, опиралась не на канонические определения, а на фактическое принятие его достаточно большой частью РПЦ. Характерно, что Святейший Патриарх Алексий I-й не усумнился совершить панихиду на могиле митрополита Антония (Храповицкого), запрещённого митрополитом Сергием, принять в евхаристическое общение без требования покаяния епископа Афанасия (Сахарова), бывшего в оппозиции к митрополиту Сергию. Подобно этому принимались потом в

** Священномученик Серафим (Чичагов), Митрополит Санкт-Петербургский причислен к лику святых на Архиерейском Соборе 1997 г. Вопрос о канонизации других мучеников находится на рассмотрении Синода.*

общение многие отошедшие от митрополита Сергия, также признавались совершённые ими в разделении таинства. Немногие оставшиеся в живых «непоминающие» священники в послевоенное время обычно доживали свой век в безвестности, совершая тайно литургию и окормляя втайне своих немногих чад. Они не устраивали организованную оппозицию, не вели раскольнической деятельности. В послевоенное время они, как правило, благословляли своих духовных чад посещать Патриаршие храмы и причащаться в них. Целый ряд таких старцев в недрах церковных стали известны благодатными дарами и святым устроением души. Исторический опыт однозначно свидетельствует, что со временем Церковь умеет воздать должное мученичеству и исповедничеству своих подвижников веры, покрыть любовию многие неизбежные споры и разделения, а иногда и ошибки»[62].

Примечания

1. Цит. по книге: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. С.53–54.
2. Краткая биография Святейшего Патриарха Сергия. Очерк доктора истор. наук *Савича А.А.* в книге: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. С.24–25.
3. *Савич А.А.* Указ. соч. С.23–24.
4. Там же. С.33–34.
5. Там же. С.34–35.
6. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С.488.
7. ЦВ 1917. №34. С.282.
8. Послание Владимірскому Епархиальному Совету (№1439А). Владимір. 21 Ноября 1919.
9. Воззвание митрополита Сергия (№93а). Н.Новгород. 21 Марта 1922г.
10. *А.М.* – сост. Каталог русских архиереев... Ч.VI. С.18.
11. Акты... С.487.
12. Цит. по: Сергий, епископ. Обновленческий раскол... С.214–15.
13. *Сергий, еп.* Указ. соч. С.216.
14. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С.70.
15. ЖМП. 1931. №3.
16. «Известия». 1926. 7 Января.
17. «Известия». 1926. 9 Января.
18. Архимандрит (впоследствии митрополит) Иоанн (Снычев) описы-

вает эти события несколько иначе. Согласно его версии, архиепископ Иларион был доставлен в Москву в тюрьму ГПУ, где в присутствии советских работников его уговаривал к сотрудничеству сам архиепископ Григорий. (Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х гг. XX столетия. Куйбышев. 1966 (машинопись). С.76–77.
19. Подробнее об истории григорианского раскола можно узнать по: *Иоанн (Снычев),* архим. Указ. соч. С.16–96; *Митрополит Иоанн.* Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х годов XX столетия. С.15–81.
20. Акты... С.451–453.
21. Там же. С.463–464.
22. *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии. Париж. 1933.
23. Акты... С.457.
24. Там же. С.462.
25. Там же. С.479–480.
26. *Иоанн, архим.* Указ. соч. С.116–121.
27. *Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. Париж. 1933. С.22; *Иоанн, архим.* Указ. соч.. С.63.
28. *Иоанн. архим.* Указ. соч. С.11–12. *Троицкий С.В.,* проф. Размежевание или раскол. Париж. 1932. С.33. Замечания и материалы по истории Русской Православной Церкви в Западной Европе. С.11.
29. Цит. по: Замеч. и матер. С.99–100.
30. *Иоанн, архим.* Указ. соч. С.126–127; *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви. Казань. 1970. С.302.
31. *Троицкий С.В.,* проф. О неправде карловацкого раскола. С.69.
32. ЖМП. 1932. №11–12.
33. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Кн.1. М. 1995. С.260–267.
34. Текст послания приводится по книге: Патриарх Сергий и его духовное наследство. С.59–63.
35. Акты...С.789.
36. *Шишкин А.А.* Указ. соч. С.303.
37. *Иоанн, архим.* Указ. соч. С.176.
38. Там же. С.197.
39. Иоанн (Снычев), митроп. Стояние в вере. С-Пб. 1995. С.127–132.
40. Там же. С.132.
41. Иоанн, архим. Указ.соч. С.235–236; *Гаркавенко Ф.И.* Внутрицерковная и межцерковная борьба в Православии в период социалистической революции, в сборнике «Религия и идеологическая борьба». М. 1974. С.105.
42. *Иоанн, архим.* Указ. соч. С.232–235.
43. Там же. С.236–238.
44. По данным: *Иоанн, архим.* Указ. соч.; Каталог русских архиереев митр. Мануила (чч.I–VI); см. также *Гаркавенко Ф.И.* Указ. соч., С.104–106. Автор перечисляет имена некоторых иерархов и видных Церковных деятелей, поддержавших митрополита Иосифа, однако совершенно неверно отождествляет их с григорианами.
45. ЖМП. 1932. №9–10.
46. ЖМП. 1932. №7–8.

47. См. Послание к пастырям и пастве от 1927 г. (С.285); а также *Троицкий С.В.*, проф. О неправде карловацкого раскола. Париж. 1960; подробнее об этом в Замечаниях и материалах по истории Русской Православной Церкви в Западной Европе. Изд. Экзархата Моск. Патриархата в Зап. Европе. Париж. 1972. Пер. с франц.
48. «Известия». 1930. №49
49. ЖМП. 1931. №2, №6.
50. Письмо митрополита Евлогия митрополиту Сергию (№1823) от 12.9.1927. Церк. вестн. 1927. №3; Замеч. и матер. С.96–99.
51. ЖМП. 1931. №6–8, а также Замечания и материалы...
52. Там же.
53. ЖМП. 1933. №№14–15, 16–17, 18–19.
54. Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия Патриарху Сербскому Варнаве от 23.03.1933 г. (№3377) текст в Замеч. и матер. Сс.75–89.
55. ЖМП. 1934. №22.
56. ЖМП. 1931, №1.
57. ЖМП, 1934, №20–21.
58. Акты... С.880.
59. Замеч. и матер., С.20–21.
60. *Жиромский В.* «Православный христианин» и «гражданин Российской державы» // Наука и религия, 1993, №9, С.16.
61. Цит. по: *Н.Д. Жевахов.* Воспоминания. Т.2. Королевство С.Х.С. 1927. С.7-0-87 – 7-0-90.
62. Акты... С.809–810.

Глава 12

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война

Русская Православная Церковь в 1941–43 годы.

О нападении фашистской Германии на Советский Союз 9/22 Июня 1941 г. митрополит Сергий узнал, вернувшись в свою резиденцию из Богоявленского собора, где он отслужил воскресную литургию. Московский первосвятитель ясно сознавал, что в этот роковой для нашей страны час испытаний Русская Церковь, верная Своим традициям, должна быть вместе с народом, чтобы благословить мужественных, поддержать растерянных и упавших духом, вразумить тех, кто надеялся на близкий конец коммунистической власти, не разобравшись, что война началась не с коммунистами, а с Россией. Митрополит ушёл к себе в кабинет, и вскоре близкие к нему услышали удары пишущей машинки: он уже писал послание к Церкви по случаю начала войны. «Невзирая на свои физические недостатки – глухоту и малоподвижность, – вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), – митрополит Сергий оказался на редкость чутким и энергичным: своё послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам нашей необъятной Родины в первый же день войны»[1].

Послание гласило:

ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мір, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая договора и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную

землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится Русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и по вере.

...Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы, искусства.

Вспомним святых вождей Русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи православных воинов, безвестные имена которых Русский народ увековечил в своей легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви никто же имать да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не одобрить, огорченного не утешить,

колеблющемуся не напомнить о долге и воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его неприкасательство к переживаемому паствой объяснится ещё и лукавыми соображениями на счет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский...

Церковь Христова благословляет всех на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший Местоблюститель Смиренный Сергий, митрополит Московский и Коломенский. Москва, 22 Июня 1941 года»[2].

Выбор митрополита Сергия, как и каждого православного верующего в те дни, не был простым и однозначным. Призывая народ к защите своего Отечества, он невольно должен был призвать и к защите советской власти, которая почти четверть века гнала и преследовала христиан. Они были изгоями на своей родине, за верность Христу их расстреливали и ссылали в лагеря, возводили обвинения и клевету. В глазах атеистических фанатиков они были чуть ли не «пятой колонной империализма», готовой в случае войны нанести удар в спину. И вот теперь, когда грянула беда, когда немецкие дивизии победно двигались вглубь России, легко смяв сопротивление на границах, когда никто не мог ответить, что будет завтра, а всезнающий «великий вождь» товарищ Сталин в растерянности молчал, первым призывал народ на борьбу с фашизмом не глава коммунистов, а глава Церкви.

Не все верующие разделили этот выбор. Слишком тяжелы были годы репрессий, полулегального приниженного существования, чтобы разом простить их или – во всяком случае – отстраниться от собственной боли. Именно поэтому нападение Германии на СССР многие и восприняли как кару Господню, как возмездие, которое наконец-то настигло советскую власть за гонения на верующих. Иллюзии, будто фашисты намерены уничтожить коммунизм, но не желают препятствовать возрождению Русской государственности и традиций, подкреплялись доходившими через беженцев слухами об открытии православных храмов на оккупированных территориях, покровительственном отношении немцев к ве-

рующим мірянам и клирикам – особенно к тем, кто пострадал от советской власти. Германское военное и политическое руководство понимало, что укрепление позиций в такой огромной стране невозможно без хотя бы временной опоры на местное население, и быстро нащупало слабое звено советской пропаганды, которая, охватывая все стороны жизни Русского народа, искоренить присущей ему религиозности так и не сумела.

Это уязвимое место подмечали и многие коммунисты. В отличии от энтузиастов немедленного уничтожения религии, более зрелые и тонкие политики считали, что в духовной области форсированные темпы не приемлемы. В то же время, напряжённое предчувствие близкой войны выставляло открытым вопрос: чью сторону займут в ней миллионы подсоветских верующих и не лучше ли уже теперь искать с ними союза? Являясь такими же противниками религии, как и их оппоненты, эти политики готовы были занять более мягкие позиции по отношению к верующим и пойти на некоторые послабления. В предвоенные годы в публицистике, художественных произведениях всё смелее звучала мысль о том, что вера в Бога не мешает быть полноценным гражданином СССР и не противоречит верности советской власти и идеям коммунизма*.

Лев Троцкий, внимательно следивший из-за границы за процессами, происходившими в СССР, ещё в 1936 г. истолковал эти новые ростки, как ещё один признак «термидора». В своей работе «Преданная революция» он писал: «Отрицание бога, его помощников и его чудес являлось наиболее острым клином из всех, какие революционная власть вгоняла между детьми и отцами. Обгоняя рост культуры, серьёзной пропаганды и научного воспитания, борьба с церковью, под руководством людей типа Ярославского, вырождалась нередко в бутафорию и в озорство. Ныне штурм небес... приостановлен. Озабоченная репутацией своей солидности бюрократия приказала молодым безбожникам сдать боевые доспехи и засесть за книжки. По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап»[3].

Однако, если в предвоенные годы власти могли себе позволить эволюционное изменение курса, то теперь логика событий требовала от советского руководства немедленных и решительных дейст-

---

* *Например, в популярном предвоенном фильме «Большая жизнь» верующим является один из положительных героев – старый шахтёр-передовик.*

вий. Первые же месяцы войны наглядно показали несостоятельность абстрактного интернационального патриотизма, мало для кого понятного и привлекательного. Перед опасностью полного поражения И.В. Сталин и его приближенные вынуждены были ухватиться за недавно ещё опальную идею Русского патриотизма. В тяжкие месяцы фашистского наступления летом и осенью 1941 года советская пропаганда пламенно взывала к национальным чувствам Русского народа, приводя в пример героические события прошлого и задвигая на задний план «ценности социализма». «Родина – это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создаёт своими руками для себя и своих поколений, – писал известный «советский граф» литератор А.Н. Толстой в статье «Родина», опубликованной в газете «Правда» 7 Ноября 1941 г. – Это – вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле... Фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой. Всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить, стереть самую память о ней. По существу фашизм – космополитичен в худшем смысле этого понятия. Его пангерманская идея: «Весь мір – для немцев» – лишь ловкий приём большой финансовой игры, где страны, города и люди – лишь особый вид безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну»[4]. Таким образом, если за два года до начала войны всякая критика фашизма в СССР была официально запрещена, а идеи фашистского движения встречали симпатию (что можно видеть как из официальной прессы, так и из советской беллетристики предвоенного периода), то теперь необходимо было развенчать созданный самим же правительством образ дружественного союзника.

Одновременно новый идеологический курс отодвигал на задний план атеистическую пропаганду. Уже первые слова обращения И.В. Сталина к народу 3 Июля 1941 года: «Дорогие соотечественники! Братья и сёстры!» были подсказаны далеко не марксистско-ленинской идеологией. По свидетельству советского исследователя Э.И. Лисавцева, первая краткая встреча председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем состоялась в Июле 1941 года, и оба остались ею довольны[5].Действительность

заставляла И.В. Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе против Германии.

Правда, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию и Николаю не препятствовали в распространении своих патриотических воззваний к пастве, хотя это и являлось нарушением советских законов. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свёрнута деятельность «Союза воинствующих безбожников». Впрочем, официально никто его не распускал. И.В. Сталин через своего секретаря А.Н. Поскребышева «порекомендовал» «главному безбожнику» Е.Ярославскому (Губельману) публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 Сентября подготовил для печати статью ***«Почему религиозные люди против Гитлера»***. Новый идеолог религиозного патриотизма подписался под статьёй не без ёрничества: Каций Адамиани. В статье, первоначально рассчитанной сугубо на зарубежных читателей, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской Патриархии, а также некоторых других Церквей СССР[6]. А в 1942 году вышла другая статья Е.Ярославского о православном христианском писателе и Русском националисте Ф.М. Достоевском[7].

Метаморфоза «главного гонителя» Церкви в 1920–1930-х годах особенно показательна. К Октябрю 1941 года были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма, журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся Русских исторических деятелях, великом Русском народе, героизме советских солдат и тому подобном, – а в 1944-м году и вовсе прекратил своё существование.

В Июле–Августе 1941 года ещё нередки были аресты священнослужителей, но с осени они почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к Сентябрю 1943 года шесть архиепископов и пять епископов. Появились первые, пока ещё редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Так, последний Свято-Троицкий храм Нижнего Новгорода (г.Горького) перестал действовать 10 Декабря 1940 года, а вновь был открыт с 10 Августа 1941 года[8]. Религиозные центры СССР правительство признало ***de facto***, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными организациями.

Поскольку за Русским народом отныне открыто признавалось право на духовную культуру, это требовалось подтвердить на практике, предоставив Русской Православной Церкви больше свободы для деятельности. Уже 7 Ноября 1941 г., сразу после знаменитого парада на Красной площади, там состоялся молебен – случай безпрецедентный для советской истории. Но ещё прежде, нежели власти предприняли в сторону религиозной либерализации какие-либо шаги, Церковь первая показала всему міру, что Она неотделима от того самого народа, от которого Её долгое время пытались отделить.

В последующее время митрополит Сергий выпустил до 23-х различных посланий по разным случаям. Все они сводились к одной общей теме: к твёрдой надежде на то, что Господь дарует Русскому народу конечную победу. По инициативе Блаженнейшего Сергия, Православная Русская Церковь широко развила свою благотворительную деятельность. Церковные общины и отдельные представители православного духовенства стали вносить в фонд государственной обороны значительные денежные суммы. Неоднократно можно было наблюдать, что вносимые средства были не жертвой каких-нибудь богатых людей, от своего достатка уделявших только нечто на нужды войны, а лептой простых людей, движимых чувством патриотизма, отдавших на святое дело последние свои сбережения. По инициативе Блаженнейшего митрополита церковные общины стали собирать деньги на устройство танковой колонны имени Димитрия Донского. На танки было собрано, не считая золотых и серебряных вещей, больше 8 миллионов рублей. Собирались средства на сооружения самолётов, на содержание раненых, на детей-сирот, потерявших на войне родителей, на тёплые вещи для бойцов (из доклада митрополита Сергия на Соборе 8 Сентября 1943 г.).

Между тем шёл пятый месяц войны. Германские войска, не встречая достаточного сопротивления со стороны бойцов, не желавших умирать за антинародную коммунистическую власть и видевших в немцах освободителей от антинародного ига, находились на подступах к Москве. На сторону Германии порой переходили целые формирования. И если бы немецкое командование не относилось к Славянам, особенно к Русским, с настороженностью и недоверием, многие из этих пленных немедленно включились бы в войну на стороне Германии. Тыл так же работал «для

фронта и для победы»: бойцы, получая ящики с боеприпасами, обнаруживали в них самое неожиданное содержимое: повидло, печенье, конфеты... Мирные жители городов и сёл не испытывали особенной неприязни к вступавшим на их территорию германским войскам: они получали долгожданную свободу и в известной степени самоуправление. Новыми властями приветствовалось свободное предпринимательство и национальное развитие – именно на этих принципах и строилась политика на подвластных Германии территориях. В новообразованные немецкие административные и полицейские учреждения приходили сотни добровольцев с предложением службы и со списками ненавистных им коммунистов, комсомольских и общественных активистов. Любопытно, что и многие евреи отказывались от эвакуации, памятуя о тактичном и корректном поведении немцев в годы 1-й Міровой войны, и ждали прихода германских войск тоже не без некоторых надежд (об этом см. роман А.Рыбакова «Тяжёлый песок», повесть Ю.Кузнецова «Бабий Яр» и др.). Между тем, остальное население, несмотря на отсутствие подобной информации в печати, как-то стихийно догадалось об антисемитском характере германской политики. В Литве расправы над евреями, в основном, советскими активистами, начались сразу после ухода советских войск, ещё до прихода немцев и до появления соответствующих распоряжений. Об этом в своё время писала издаваемая Литовским движением «Саюдис» газета «Возрождение». На советских оккупированных территориях местное население предоставляло немцам списки партийных и комсомольских активистов. Всё это объяснялось накопившейся за годы советской власти и долго сдерживаемой ожесточённостью против ея инициаторов.

В сёлах и деревнях земельные вопросы решались комендантами и бургомистрами в считанные часы – в отличии от так и не состоявшихся обещаний большевиков. Урожаи у крестьян той поры достигали сказочных размеров. Общее настроение первых месяцев оккупации было таково, что немцев воспринимали как внешних освободителей от внутреннего врага: а с врагом внешним и вполне конкретным всегда справиться в дальнейшем будет легче, нежели с внутренним, замаскированным. В свете вышесказанного становится понятным преследование после 1945 года большевиками мирных жителей, находившихся на оккупированных территориях. В самой Москве некоторые смельчаки не скрывали ликования и де-

монстративно выбрасывали из своих окон десятки томов «основоположников и классиков марксизма-ленинизма». Власти молча вынуждены были проглатывать эту горькую пилюлю. Однако, народ быстро разочаровался в своих надеждах, столкнувшись с жестокостью захватчиков, и не замедлил перейти к стихийному и мощному развёрнутому сопротивлению. Оставшееся в тылу мужское население уходило в леса и присоединялось к организованным советскими властями партизанским движениям, а не встретив таковых, создавало собственные. 1/14 Октября в день Покрова Пресвятыя Богородицы митрополит Сергий обратился к «православной и боголюбивой пастве московской» со своим вторым, по счёту, посланием по случаю войны.

> «Вторгшийся в наши пределы коварной и жестокий враг, по-видимому, напрягает все свои силы»...
> «С Божиею помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет по-прежнему постоять за себя и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина.
> Такая надежда, как железная броня, да оградит нас от всякого малодушия перед нашествием врага. Каждый на своей страже, на своем посту будет бодро стоять, содействуя обороне отечества нашего и ревниво храня драгоценные заветы нашей святой Православной веры»[9].

По мере того, как обострялась ситуация в стране, менялось и духовное состояние общества. Ужас смерти, страх потерять близких, лишения и жажда обрести духовную опору в этих нечеловеческих испытаниях приводили в Церковь тысячи новых прихожан. В обстановке небывалой войны, когда проверке на прочность подвергалось всё подлинное и мнимое, стало ясно, что атеистическая пропаганда затронула лишь поверхность народного сознания, не проникая вглубь и не меняя основную систему ценностей. На всех службах храмы были переполнены верующими, молящимися за спасение близких, за упокоение душ погибших. Когда немцы приблизились к Москве, то несмотря на охватившую город панику, многие верующие оставались спокойными, уповая, что заступничество Сергия Радонежского спасёт от падения Москву и Сергиев Посад. Доверие Богу и вера в Его Милость помогали христианам сохранять твёрдость духа в обстановке всеобщей растерянности. Атеизм никому не помог в эти дни: кругом царили паника, страх, уныние. Никто не знал, что делать, откуда ждать помощи, если даже руководство страны не имеет чёткого плана действий.

В это время из Москвы в срочном порядке эвакуировались правительственные и гражданские учреждения. В отношении Патриархии Исполнительный Комитет Московского Городского Совета 7 Октября 1941 г. за № 3/331 постановил предложить последней временно покинуть Москву, тем более, что масса верующих словесно и письменно умоляла митрополита Сергия поберечь себя и других работников Патриархии[10].

С 19 Октября 1941 г. до лета 1943 года митрополит Сергий с рядом сотрудников Патриархии находился в г. Ульяновске (Симбирске), продолжая оттуда осуществлять церковное руководство. Как уже упоминалось выше, в сложившейся обстановке отношение к Церкви менялось. Появилась возможность открывать закрытые прежде храмы, восстанавливать епископские кафедры. В Ульяновск за назначениями приезжали бывшие до того на покое или в ссылке епископы, а нередко вдовые представители белого духовенства (основной тогдашний резерв архиерейских кадров). Здесь же получали монашеский постриг и епископскую хиротонию. Так, например, в 1942 году были хиротонисаны предварительно постриженные в монахи вдовые протоиереи Сергий Городцев (в монашестве и епископстве Варфоломей), Владимір Градусов (в монашестве Дмитрий), Николай Чуков (в монашестве и епископстве Григорий)[11].

Но не всегда подвергшиеся репрессиям священнослужители соглашались принять назначение от «советского» первоиерарха. Многие из них по-прежнему считали митрополита Сергия ставленником большевиков и изменником истинному Православию. Такой позиции твёрдо держался, например, бывший епископ Кинешемский Василий, который провёл в заключении и ссылках около 17 лет. «В 1942 году святитель получил от Ярославского архиерея предложение занять кафедру.

– Я Сергия за православного не признаю, – писал ему святитель. – И прошу вас более не предлагать мне кафедры, потому что я стар и слишком устал от ссылок»[12].

Несомненно, митрополит Сергий знал о подобных случаях, знал, что даже патриотические заслуги военных лет не реабилитировали его в глазах тысяч верующих – клириков и мірян, упорно продолжавших стоять в оппозиции «официальной» Церкви, невзирая на жестокие репрессии и лишения. Видимо, митрополит воспринимал эту враждебность, как часть своего креста, неизбежную

расплату за совершённые компромиссы. Из Ульяновска по всей стране разлетались ободряющие послания митрополита. Особенно трогательными и жизнеутверждающими из них были Рождественские и Пасхальные.

«По мере освобождения нашей Родины от вражеской оккупации, – писал протоиерей А.Смирнов, – Блаженнейший митрополит проявил огромную заботу об устроении церковной жизни в освобождённых от врага епархиях. Он посылал туда с особыми полномочиями иерархов или заслуженных протоиереев, давал им соответствующие инструкции и препровождал с ними нарочитые послания.

В результате таких миссий был собран огромный материал о разрушительных действиях наших врагов, вошедший частично в книгу «Правда о религии в России» (изд. Моск. Патриархии. М. 1942) и частично также переданной в Чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний врагов и причинённых ими убытков. Кроме этого через особо посылаемых представителей Московской Патриархии был обследован в отношении верности церковным канонам ряд епархий, откуда на имя митрополита Сергия были присланы с многочисленными подписями трогательные заявления от духовенства и верующих о преданности ему как главе Русской Православной Церкви»[13].

В это время руководство Московской епархией осуществлял митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), человек неукротимой энергии, блестящий проповедник, общий любимец паствы. В тяжёлые дни обороны Москвы он совершал Богослужения в московских храмах, пламенными речами поддерживая дух верующих. В Ноябре 1942 г. его назначили членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Кроме того он представлял Русскую Церковь в созданном тогда Всеславянском комитете.

В осаждённом Ленинграде свои архипастырские труды нёс митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), большую часть блокады проведший со своей многострадальной паствой, деля с ней скорби и лишения того времени.

«В начале войны в Ленинграде оставалось 5 действующих православных храмов: Никольский Морской собор, Князь-Владимірский и Преображенский соборы и две кладбищенские церкви. (Было ещё два обновленческих храма и один иосифлянский).

Храмы города были переполнены молящимися и причастниками. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и о упокоении. Температура в храмах опускалась часто ниже нуля. Певчие пели в пальто, в валенках, от голода едва держались на ногах. Из-за несмолкаемого обстрела, от взрывов бомб окна в храмах нередко бывали выбиты воздушной волной, и по церквям гулял морозный ветер. Митрополит Алексий жил при Никольском соборе и служил в нём каждое воскресенье, часто без диакона.

Своими проповедями и посланиями он вливал в души исстрадавшихся ленинградцев мужество и надежду. В вербное воскресенье в храмах было прочитано его архипастырское обращение, в котором он призвал верующих самоотверженно помогать воинам честной работой в тылу: «Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъема и могучей веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, «спасающего» нас «от малодушия и от бури» (Пс. 54,8). И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живёт теперь весь Русский народ»[14].

Митрополит Алексий постоянно совершал Богослужения не только в Никольском соборе, но и в других храмах города, обставляя особой трогательностью заупокойные службы о почивших защитниках города и жертвах блокады. Имевшую глубокое духовно-нравственное значение деятельность духовенства в дни блокады вынуждено было признать и советское правительство. Многие священнослужители во главе с митрополитом Алексием были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

Советские историки и идеологи так и не сумели убедительно объяснить с материалистических позиций, почему вымирающий от голода, бомбёжек и артобстрела город все-таки выстоял, почему измождённые женщины, старики, подростки, получавшие паёк, который по всем законам природы не должен был их спасти, тем не менее выжили и даже сумели поддерживать фронт, работая на военных заводах по 12–14 часов в сутки. Сами захватчики зачастую не представляли подлинной ситуации в осаждённом городе. Это было похоже на таинство, когда в истощённых, измученных до последней крайности людях вдруг приоткрылась им самим до конца не понятная духовная сила, перед которой отступили и мощь гер-

манского оружия, и даже материальные законы природы. На грани катастрофы, там, где кончались человеческие возможности, осаждённый город показывал, что существуют ещё другие таинственные возможности, недоступные для материалистического понимания. Но то, что казалось загадкой советским идеологам, было открыто Православным верующим всего міра – и высоким иерархам, и простым мірянам. Для них не представляло и не представляет сомнения, что спасение Свято-Петрограда и всей России было чудом Божиим. Историки и мемуаристы описали все битвы на полях сражений Второй Міровой войны, но никто не в силах описать битвы духовные, совершаемые великими и безымянными молитвенниками в эти годы.

Факты повествуемой ниже истории частично подтверждаются архивными материалами, хранящимися, например, в ЦГА С.-Петербурга – в частности, о пребывании митрополита гор Ливанских Илии (Салиба) в России и о сообщённом им видении. Событие это в последние годы широко освещалось в печати, и хотя данный рассказ скорее всего не лишён некоторых преувеличений (например, о крестном ходе вокруг Ленинграда), авторы сочли возможным привести его в первоначальном варианте.

«Когда началась Великая Отечественная война, Патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего міра о молитвенной и материальной помощи России. Очень немного истинных друзей оставалось тогда у нашей страны. Были великие молитвенники и на Руси, такие, как иеросхимонах Серафим Вырицкий. Тысячу дней и ночей стоял он на молитве о спасении страны и народа России в тяжелейшие годы, когда страну терзали враги. Но как и в 1612 г. Промыслом Божиим для изъявления воли Божией и определения страны и народа России был избран друг и молитвенник за неё из братской Церкви – митрополит гор Ливанских Илия (Антиохийский Патриархат). Он знал, что значит Россия для міра; знал, и поэтому всегда молился о спасении страны Российской, о просветлении народа. После обращения Александра III митрополит Илия стал ещё горячее всем сердцем молиться за спасение России от погибели, от нашествия вражеского. Он решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего,

кроме иконы Божией Матери. Владыка затворился там, не вкушая пищи, не пил, не спал, а только, стоя на коленях, молился перед иконой Божией Матери с лампадой. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошёл враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. Если всё, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

«Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, Духовные Академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Пусть вынесут, – сказала Она, – чудотворную Казанскую икону Божией Матери и обнесут её крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершать молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им всё, что было определено. И теперь хранятся в архивах письма и телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить всё, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение. Всё произошло так, как и было предсказано. Не было сил, чтобы удержать врага. Был страшный голод, ежедневно умирали тысячи людей. Из Владимірского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с ней крестным ходом вокруг Ленинграда – город был спасён... Снова подтвердились слова, сказанные святителем Митрофаном (Воронежским) Петру I о том, что город святого Апостола Петра избран Самой Божией Матерью, и пока Казанская Её икона в городе, и есть молящиеся, враг не может войти в город. Вот почему петербуржцы так почитают Казанскую

икону Божией Матери. Она всё время, от основания города была Заступницей его, да и всей России. Интересно и то, что блокада была прорвана в день празднования святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. После этого Казанская икона начала своё шествие по России. Да и Москва была спасена чудом. Разгром немцев под Москвой – это истинное чудо, явленное молитвами и заступничеством Божией Матери. Немцы в панике бежали, гонимые ужасом, по дороге валялась брошенная техника и никто из немецких и наших генералов не мог понять, как и почему это произошло. Волоколамское шоссе было свободно и ничто не мешало немцам войти в Москву. Затем Казанскую икону перевезли в Царицын (Сталинград). Там перед ней шла непрестанно служба – молебны и поминовения погибших воинов. Икона стояла среди наших войск на правом берегу Волги, и немцы не смогли перейти реку, сколько усилий ни прилагали...

Знаменитая Сталинградская битва началась с молебна перед этой иконой и только после этого был дан сигнал к наступлению. Икону привозили на самые трудные участки фронта, где были критические положения, в места, где готовились наступления. Священство служило молебны, солдат кропили святой водой. Как умиленно и радостно многие принимали всё это!»[15]

Как на чудо можно указать, например, неудавшийся захват Ленинграда летом 1941 года, когда немцы, не встречая сопротивления, практически вошли в город, достигнув трамвайных линий, но внезапно, при отсутствии всяких видимых причин, отступили назад. Коренной же перелом в войне начался тогда, когда свершился перелом в человеческих душах и даже – отчасти – в душах тех, кто четверть века руководил «уничтожением религии».

В 1947 г. состоялся долгожданный приезд в нашу страну митрополита гор Ливанских Илии, который на протяжении всей войны горячо молился за Россию и явился ходатаем перед советским правительством за её Церковное возрождение.

Перед приездом гостя Сталин вызвал владыку Алексия... и спросил: «Чем может отблагодарить митрополита Илию Русская Церковь?» Святейший предложил подарить митрополиту Ливанскому Казанскую икону Божией Матери, крест с драгоценностями и панагию, украшенную драгоценными каменьями из всех областей страны, чтобы вся Россия участвовала в этом подарке.

По распоряжению Сталина самые искусные ювелиры изготовили панагию и крест.

Митрополит Илия прибыл в Москву, встретили его торжественно. На церемонии-встрече ему преподнесли икону, крест и панагию. Как он был растроган! Он говорил, что всю войну день и ночь молился о спасении России. «Я счастлив, – сказал владыка Илия, – что мне довелось стать свидетелем возрождения Православной Веры на Святой Руси и увидеть, что Господь и Божия Матерь не оставили вашу страну, а напротив – почтили её особым Благоволением. С великой благодарностью принимаю эти дары от всей земли Русской, как память о любимой мною стране и её народе. Желаю вам, дорогие мои, и надеюсь, что по словам великого святого земли Российской – преподобного Серафима Саровского – вы посреди лета запоёте «Христос Воскресе!» Вот радость-то будет на всей земли великой».

Тогда же правительство наградило его Сталинской премией за помощь нашей стране во время Великой Отечественной войны. От премии владыка отказался, сказав, что монаху деньги не нужны: «Пусть они пойдут на нужды вашей страны. Мы сами решили передать вашей стране 200 000 долларов для помощи детям-сиротам, у которых родители погибли на войне», – сказал митрополит Илия...

Из Москвы митрополит Ливанский поехал в Ленинград (это было в первых числах Ноября 1947 г.). Дальнейший рассказ ведётся от лица одного, как утверждается, из очевидцев:

> «Перед самым приездом митрополита Илии в Ленинград мне явился во сне какой-то священник и сказал: «Через три дня ты узнаешь как была спасена Россия. Не забудь об этом и поведай другим». И вот по делам службы через три дня я оказался рано утром на Московском вокзале (отправлял контейнеры). Вдруг вижу идёт начальник МВД города, с ним множество милиции, солдат, почётный караул, никого не пускают. Все говорят: «Наверно, Сталин приехал...» Подхожу к оцеплению и вижу: идёт Косыгин (его, наверно, как ленинградца направили сопровождать владыку Илию), с ним митрополит Ленинградский Григорий, а между ними митрополит в восточном клобуке. Тогда я вспомнил про сон и подумал: «Что-то сегодня будет в соборе?» Утром 9 Ноября митрополит

Илия служил Литургию в кафедральном Никольском соборе, тогда же он преподнёс храму частичку мощей Святителя Николая перед солеёй слева у главного престола. На следующий день я пришёл к знакомому, а он говорит: «Поехали во Владимірский собор, там будет сегодня великое торжество, весь город об этом говорит!» «Зачем так рано? Ведь ещё три часа до службы»,– говорю я. – «Да иначе не попадём, столько народа соберётся!» И вот пошли во Владимірский собор. Что-то необыкновенное в городе творится: все прилежащие улицы заполнены народом. Около двухсот тысяч человек стояло у храма, весь транспорт остановился, проходы загорожены, еле пробрались к нему. Стоим около храма, а внутрь не попасть: солдаты стоят в оцеплении и никого не пускают. Вдруг из боковой двери выбегает староста (наш знакомый), увидел нас и зовёт: «Пошли! Я вас дожидался!» Он провел нас в храм и мы оказались у самой солеи! Слева от солеи было отгорожено место и там стояли члены Правительства. Мы насчитали – 42 человека. И вот появились – митрополит Илия, митрополит Григорий и священство. Началась служба. Отслужили малую вечерню, после чего состоялось возложение драгоценного венца – дара владыки Илии на Казанскую икону Божией Матери. По возложении венца он произнёс проповедь. Он рассказал всё: как явилась ему Божия Матерь, что Она поведала ему. – «Я молился за ваш прекрасный город, и так благодарен Господу, что Он удостоил меня побывать здесь, молиться вместе с вами! Я увидел, что Матерь Божия не оставила чад Своих. Мне преподнесли крест с камнями со всей земли Русской, панагию и Казанскую икону Божией Матери. Крест этот я положу на престол нашего кафедрального собора в Ливане и обещаю вам, дорогие, что крест из России всегда будет лежать на престоле, пока я буду жить на земле. Я завещаю, чтобы и после моей кончины крест остался на престоле. Казанская икона Божией Матери будет находиться в алтаре и всегда будет напоминать мне во время Богослужений о России. Простите, дорогие мои, что не могу благословить и обнять каждого из вас! Посылаю Благословение Господне на всех вас, и всегда, пока я жив, буду молиться о вас!»

Конечно, говорил он через переводчика, но почти все в храме плакали. Это незабываемо! Какое счастье тому, кто мог быть в этот день во Владимірском соборе, какая радость на всю жизнь! Это был такой духов-

ный подъём, такая могучая общая молитва! Все чувствовали себя братьями и самыми дорогими друг другу людьми.
И вот – все запели: «Заступнице усердная...» Невозможно передать, какое чувство было во время пения! Казалось, что пел весь храм и весь народ поднялся на воздух. Когда вышли из храма, тропарь Казанской иконе Божией Матери запели все стоящие на площади, на прилегающих улицах, у стадиона – десятки, все пели: «Заступнице усердная...» Люди плакали и молились истинной Заступнице и Спасительнице России.
На следующий день, 11 Ноября, митрополита Илию торжественно встречали в Духовной Академии; епископ Симеон (ректор Академии) сказал прекрасное трогательное слово: «Когда вы, дорогой Владыко, будете совершать крестное знамение, то при призывании имени Господа нашего Иисуса Христа вы всегда будете касаться тремя перстами панагии и сразу вспомните нашу страну и помолитесь нашей Заступнице о России, – Божией Матери, потому что в панагии – изображение Владычицы нашей с Господом в окружении всей Российской земли. Это великий символ; издревле Русь называется Домом Божией Матери – и здесь, в панагии вашей – изображение Божией Матери в окружении всей Российской земли! Ибо нет земли в России, которая не дала бы частички своей для этой панагии!»[16]

Церковь на оккупированных территориях.

Вследствие нападения фашистской Германии на Советский Союз в Июне 1941 года, в течение нескольких месяцев огромная территория от Карелии на севере до предгорий Кавказа на юге оказалась отрезанной. От нескольких недель и месяцев до двух с половиной – трёх лет оказались в зоне фашистской оккупации Беларусия, Украина, Прибалтика, многие западные, центральные и южные области России.

Период оккупации ознаменовался сильным религиозным подъёмом на территориях Русских областей, Украины и Беларуси. Православную Церковь, вследствии Ея важной роли в Русской истории, фашисты решили использовать в своих целях. Разрешая открытие некогда закрытых храмов и допуская оживление религиозной жизни, оккупационные власти, с одной стороны,

надеялись заручиться симпатиями населения, а, с другой стороны, использовать некоторые стороны тогдашнего церковного быта как фактор сеяния национальной розни и сепаратизма. Так, в соответствии с их предписаниями религиозные группы должны были разделиться по национальным признакам; этот признак особенно строго должен был соблюдаться при подборе руководителей этих групп. В территориальном отношении каждое религиозное объединение не должно было выходить за пределы генерал-бацирка, т.е. приблизительно одной епархии[17].

В Прибалтике митрополиту Виленскому Сергию (Воскресенскому), благодаря его настойчивым усилиям было разрешено даже оставаться в качестве экзарха Московской Патриархии и сохранить, оказавшееся, правда, теперь номинальным, подчинение последней. (При этом владыка Сергий указывал, что большевикам Церковь лишь вынуждена подчиняться, и во всяком случае он своею властью может призвать народ православный к восстанию против деспотии «товарищей»[18]. К сожалению, горячий и деятельный христианин, подлинный добрый пастырь Христовой Церкви, воодушевлённый любовию ко Христу и народу Русскому, живший и трудившийся ради его спасения и освобождения, верный борец за идею, он оказался неприемлемым ни для большевиков, ни для немцев. Последовавшее 28 Апреля 1944 года его убийство с равной вероятностью можно приписать как тем, так и другим. В основном, подчинение Московской Патриархии выражалось лишь в возношении имени Местоблюстителя при Богослужениях. Этот факт немцы в случае победы надеялись, видимо, использовать как предлог для выселения Русских из Прибалтики в рейхскоммисариат Москвы.

В свою очередь, находившемуся на покое в Жировицком монастыре архиепископу Пантелеимону (Рожновскому) было предложено возглавить Беларускую Церковь, соблюдая определённые условия церковной организации в Беларуси. Церковь в Беларуси должна быть «автокефальной» без всяких сношений с Московской Патриархией, или с Варшавской митрополией, или с Карловацким Cунодом, или ещё с кем бы то ни было. Беларуская автокефальная Церковь включала 5 епархий – Минскую, Витебскую, Смоленскую, Могилёвскую и Полоцкую. Назначения епископов должны производиться с ведома оккупационных властей, а управление, проповедь и обучение Закону Божию вестись

на беларуском языке. При этом немцы привезли с собой эмигрантов-сепаратистов, с которыми беларуским епископам пришлось вступить в борьбу, поскольку антиканоничность и вредность для Церкви такой «автокефалии» была очевидной. Митрополит Пантелеимон вскоре скончался. После его смерти Беларускую автокефальную митрополию возглавил Филофей (Нарко).

Ещё более сложным оказалось положение Церкви на Украине. Как только на ея территории установился оккупационный режим, епископ Владиміро-Волынский Поликарп (Сикорский) поспешил учинить раскол, объявив о создании «Украинской автокефальной церкви», митрополитом которой он сам и стал.

В то же время большинство населения Украины (не менее 55%), как свидетельствуют очевидцы, стало принадлежать к основанной на определениях Московского Собора 1917–18 гг. Украинской автономной церкви, предводительствуемой митрополитом Алексием (Громадским). Немцы явно поддерживали Сикорского и его сторонников. Многие священнослужители автономной церкви оказались жертвами агентов гестапо из числа т.н. «самостийников». В 1943 г. от пуль убийц скончались митрополит Алексий и епископ Владиміро-Волынский Мануил (Тарновский).

Но сколь противоречивой ни была германская религиозная политика, следует признать, что она способствовала возвышению Церкви как в зоне оккупации, так и на всей территории СССР. Только под эгидой Псковской Православной миссии, входившей в состав Прибалтийского экзархата, и Беларуской автокефальной церкви было открыто свыше 370 приходов и несколько детских духовных школ-приютов[19]. Постепенно возрождались монашеские обители. Когда летом 1941 г. немцы заняли территорию Сумской области, бывший настоятель Глинской пустыни о.Нектарий (в міру – Николай Нуждин) с воодушевлением занялся устроением этого некогда знаменитого монастыря.

«При первой же возможности архимандрит Нектарий приехал в обитель с целью ея восстановления, но уже тогда предсказал, что впоследствии Глинская пустынь опять будет закрыта. За двадцать прошедших лет монастырь был разорён, и в нём царило запустение. Если при закрытии обители в 1922 году на ея территории, кроме... храмов и колокольни, было более тридцати зданий, то к 1942 году в ней сохранилось лишь шесть полуразрушенных стро-

ений. Колокольня была взорвана сразу же после закрытия обители, храмы несколько позже...

К 1942 году сохранилась лишь больница с домовой церковью во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня (построенная в 1896 г.), двухэтажный, бывший «архиерейский» корпус и четыре братских корпуса, нуждающиеся в капитальном ремонте. В некоторых частях этих зданий жили колхозники села Сосновка. При архимандрите Нектарии в ведении монастыря находились только два здания: больница с храмом и архиерейский корпус, переданные обители Глуховским лесничеством по ходатайству сварковской религиозной общины.

Имущества никакого в пустыни не было, кроме того, что удалось сохранить архимандриту Нектарию. Монастырь содержался тогда на добровольные пожертвования прихожан. Также и члены братии при поступлении в монастырь приносили всё, что у них было (хлеб и другие продукты), привели три коровы, одну лошадь. В монастыре не хватало одежды, обуви (литургии совершали в лаптях). По нескольку дней братия на трапезе вместо хлеба получала лишь вареную свеклу, а то и совсем голодала. Не было муки для просфор, вина для совершения литургии. Но иноки того времени, как истинные подвижники, всё безропотно терпели, благодарили Бога и Матерь Божию только за возможность жить в святой обители. Ведь Глинская пустынь была единственным монастырём, открывшимся в России в то время»[20].

В Чернигове старец Лаврентий (в міру – Лука Проскура), ещё при советской власти основавший тайную женскую обитель, «своими усилиями собрал своих монашествующих чад и устроил женский Троицкий монастырь, где раньше был мужской, а потом и Домницкий монастырь. В Троицком было вначале человек 70 сестёр, а в Домницком – человек 35»[21]. Им тоже пришлось пережить немало лишений: не хватало продуктов, строительных материалов для ремонта, возникали конфликты и недоразумения сначала с германскими, а затем и с советскими властями. Эти обители также продолжали существовать некоторое время после войны.

В эти годы тысячи верующих получили возможность освятить венчанием свой брак, окрестить детей, отпеть умерших родных, впервые за долгие годы причаститься Святых Тайн. Религиозный подъём был настолько велик, что после отступления немцев власти не решились снова закрыть храмы и монастыри, открытые во время оккупации. Так, например, остался действу-

ющим знаменитый Псковский Свято-Троицкий собор и многие другие храмы.

Однако, нельзя приписывать непосредственно немецкой армии заслугу духовного возрождения России. Для человека верующего вообще политические причины отступают на задний план там, где ясно видна Воля Божия. События Великой Отечественной войны показали всю тщетность компромиссов прошлых лет. В считанные месяцы к Церкви стало возвращаться то, что было отнято много лет назад и что не удавалось отстоять никакими уступками и заявлениями о лояльности. Перед Русской Православной Церковью открывался новый период истории, обещавший великие перемены.

Русская Православная Церковь после перелома в Великой Отечественной войне.

1943 год ознаменовался победами советских войск в решающих битвах под Сталинградом и на Курской дуге, определивших исход Великой Отечественной войны. Закономерность, с которой военные успехи Советской армии увеличивались по мере ослабления государственного гнёта на Церковь, всё больше убеждала людей в том, что за внешними событиями эпохи стоит Воля неземная и что Сам Бог сокрушает врагов России, склонившейся перед Ним в покаянии.

31 Августа 1943 г. митрополит Сергий вернулся из Ульяновска (Симбирска) в Москву. Вскоре туда прибыли и два других уцелевших от репрессий митрополита – митрополит Ленинградский Алексий и митрополит Киевский Николай. 5 Сентября 1943 г. в газете «Известия» появилось следующее сообщение:

«4 Сентября с.г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. И.В. Сталина состоялся приём, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергий довёл до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Глава правительства т. И.В. Сталин сочувственно отнёсся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий. При беседе присутствовал Заместитель Председателя Совнаркома СССР т. В.М. Молотов»[22].

Умолчание о подробностях встречи, ея таинственность сразу породили немало слухов о причинах и содержании «кремлёвской вечери». В наше время протокол беседы, сделанный полковником НКГБ Г.Г. Карповым, доступен исследователям, хотя мы уже никогда не узнаем закулисную сторону событий, не отраженую в документах и стенограммах. Строгий запрет кремлёвским руководителям писать мемуары окутывал вечной тайной жизнь партийных «верхов». Однако, встреча И.В. Сталина с православными митрополитами не являлась событием неожиданным, а подводила итог более чем 2-годичного процесса, отражённого во многих документах и публикациях.

«Сталин, как и подобает хозяину, был непринуждённо любезен и доброжелателен. После его искренней благодарности за помощь Русской Православной Церкви фронту митрополит Сергий сразу же осмелился высказать заветную просьбу о возможности созыва архиерейского собора для избрания Священного Сунода и Патриарха... Глава правительства одобрительно ожи-
вился, но услышав от митрополитов, что созвать собор можно не ранее, чем через месяц, недовольно бросил: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?»

...Уже не слушая владыку Сергия, Сталин распорядился через Карпова организовать доставку архиереев в Москву самолётами, выделив на это три-четыре дня. Следом было вынесено и решение о созыве Собора епископов – 8 Сентября 1943 года.

Почувствовав действительную заинтересованность Сталина в церковных делах, митрополиты разговорились. Просьбы шли одна за другой.

Сергий захлопотал об открытии богословских курсов... Сталин предложил сразу открыть Духовные семинарии и Академии. Однако, встретив деликатное, но безспорное возражение Сергия («у молодёжи не сформіровано нужное міровоззрение для такого образования»), недовольно произнёс: «Ну, как хотите, это дело ваше, если хотите богословские курсы – начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия Семинарий и Академий».

На следующий вопрос Сергия, можно ли возобновить издание «Журнала Московской Патриархии» с публикацией в нём церковной хроники и богословских проповедей, Сталин согласно кивнул: «Журнал можно и следует выпускать».

Очередная просьба Патриаршего Местоблюстителя касалась открытия храмов: «Их мало – много лет не открывались. Нельзя ли дать право епархиальным архиереям входить в переговоры об этом с гражданской властью?»... «По этому вопросу никаких препятствий со стороны Правительства не будет».

Была у митрополитов и просьба, которая волновала более других, но высказать её Сталину они побаивались. Наконец, не выдержал Алексий. Бог миловал его однажды в блокадном Ленинграде, когда в окно митрополичьего кабинета ворвался град снарядных осколков. Вероятно, уповая ещё раз на Божию милость, он спросил у Сталина о возможности освобождения из ссылок, лагерей, и тюрем архиереев. К тому времени в заточении и на высылке находилось не менее 17 епископов, с которыми иерархи Церкви связывали надежды на возрождение. Попытка освобождения собратьев из неволи была и долгом духовной совести митрополитов. На просьбу Сталин ответил без малейшего раздражения: «Представьте такой список, его рассмотрим».

Владыка Сергий дополнил Алексия прошением о предоставлении права свободного проживания и передвижения по стране, а также права исполнять церковные службы для священнослужителей, отбывших по суду сроки заключения. Сталин поручил Карпову «изучить возможность решения и этого вопроса»[23].

Столь же охотно всемогущий диктатор согласился рассмотреть и менее значительные проблемы. Митрополиты покинули Кремль, ободрённые обещанием поддержки советского правительства, – того самого, которое в течении четверти века гнало и преследовало Православную Церковь.

Подобная двусмысленная ситуация и поныне вызывает нарекания противников «советской церкви». В книге «Красная патриархия», изданной т.н. «Богородичным центром», встреча И.В. Сталина с митрополитами комментируется следующим образом: «Ответ Сергия потрясает прямолинейностью:

– У Церкви одна проблема – отсутствие патриарха. «Нельзя считать нормальной ситуацию, когда престол Церкви пустует в продолжении 18 лет». Сердце сжимается от подобных слов. Ока-

зывается иных проблем у церкви нет и не существует ни кровавого ГУЛАГовского болота, ни сотни миллионов жертв невинных... Боль тысяч жертв – ничто! Одна проблема Церкви – Сергий ещё не Патриарх»[24].

Сугубо эмоциональный подход к историческому событию неверен не только потому, что в действительности митрополиты поднимали вопрос о репрессированных священнослужителях. Кремлёвская встреча отличалась от прежних отношений Церкви и государства: если раньше уступки делала исключительно Церковь, то теперь на компромиссы вынуждено было согласиться государство. Вновь, как когда-то при Патриархе Тихоне, наступала пора надежд на положительные результаты переговоров с советским правительством. Основания для таких надежд имелись, во-первых, потому, что изменилась историческая ситуация; во-вторых, иным был состав правительства, где практические не осталось ни одного человека из «ленинской гвардии», четверть века назад начавшей форсированный «штурм небес». «Сталинская гвардия», более хладнокровная и дипломатичная, была способна более здраво оценить практическую невозможность да и ненужность насильственного уничтожения вековых традиций многомиллионного народа.

8 Сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор. В нём приняло участие всего лишь 19 архиереев: митрополиты Сергий, Алексий и Николай, архиепископы – Горьковский Сергий (Гришин), Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), Рязанский Алексий (Сергеев), Казанский Андрей (Комаров), Ярославский Иоанн (Соколов), Уфимский Стефан (Проценко), Саратовский Григорий (Чуков), Куйбышевский Алексий (Голицын), Можайский Варфоломей (Городцев), Калининский Василий (Ратмиров), Сарагульский Иоанн (Братолюбов), епископы Калужский Питирим (Свиридов), Кировский Вениамин (Тихоницкий), Ростовский Елевферий (Воронцов), Молотовский Александр (Толстопятов) и Ульяновский Димитрий (Градов). Некоторые из них были только что освобождены из лагерей и ссылок.

Главной первоочердной задачей Собора являлось избрание Патриарха. По предложению митрополита Алексия, главой Русской Православной Церкви был избран Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий. Кроме того, Собор избрал Священный Синод Русской Православной Церкви, куда вошли митрополиты Ленинградский Алексий и Киевский Николай, архиепископы Куйбышев-

ский Алексий, Горьковский Сергий, Красноярский Лука, Ярославский Иоанн.

19 Сентября состоялась интронизация Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе.

Архиерейский Собор 1943 г. по своему составу и представительству существенно отличался от Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 г.г., избравшего Патриархом митрополита Московского Тихона. На этот раз кандидат в Патриархи был всего один. Избирали его только 19 уцелевших от репрессий архиереев, а не многочисленный Собор. Время уже было другое, и потерянное, разрушенное не могло восстановиться в одночасье.

В Сентябре 1943 г. возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии». Редактором стал Патриарх Сергий, а в редакционную комиссию вошли митрополиты Московский Алексий, Киевский Николай и архиепископ Горьковский Сергий (Гришин).

Между тем, война продолжалась, и ея исход становился всё более очевидным. Можно по-разному относиться к многочисленным свидетельствам, к сожалению, не собранным в своё время и ныне дошедшим до нас в качестве полулегенд о Божией помощи советским войскам во время сражений. Свидетельств этих было столь много и они распространялись столь широко, что сверхъестественные явления в конце-концов были вынуждены признать и советские ученые, списав их, правда, на инопланетян. В 1970–80-е г.г. в лекциях и статьях об НЛО, публиковавшихся в советских изданиях, приводились рассказы очевидцев-фронтовиков о странных случаях, когда противник по непонятным причинам оказывался буквально парализованным. Надо ли говорить, что верующие объясняли эти явления иначе, чем уфологи.

Один из советских офицеров, участник битвы за Кенигсберг в 1944 г., вспоминал:

> «Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были всё ещё сильны, потери были огромны и чаша весов колебалась, мы могли там потерпеть страшное поражение. Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священники с иконой. Многие стали шутить: «Вот попов привезли, сейчас они нам помогут...» Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост? Их

же всех перебьют! От немцев была такая стрельба – огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны одновременно прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал – и наши войска начали общий штурм Кенигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен! Как потом в один голос рассказывали пленные: перед самым русским штурмом «в небе появилась Мадонна» (так они называют Богородицу), Которая была видна всей немецкой армии, и у всех абсолютно отказало оружие – они не смогли сделать ни одного выстрела. Тогда-то наши войска, преодолев заграждения, легко сломили (рукопашное) сопротивление и взяли город, который до этого был неприступен и мы несли такие потери! Во время этого явления немцы падали на колени, и очень многие поняли, в чём здесь дело и Кто помогает Русским!»[25]

Война продолжалась , но в тылу уже восстанавливались храмы, открывались новые приходы, куда назначались недавно рукоположенные священнослужители. Патриарх Сергий деятельно руководил налаживанием церковной жизни, которая возрождалась вопреки всем былым прогнозам о «затухании религии». Но его патриаршество длилось недолго. «14 Мая 1944 года Патриарх Сергий совершил в Ризоположенском храме хиротонию во епископа Можайского архимандрита Макария (Даева). Вечером он обсуждал с управляющим делами Патриархии протоиереем Н.Ф. Колчицким вопросы, связанные с предстоящим заседанием Сунода. Святейший проснулся 15 Мая в 6 часов. Но когда в 6 часов 50 минут его келейник архимандрит Иоанн (Разумов, впоследствии митрополит) вошёл в спальню, он застал Святейшего бездыханным. Врач определил смерть от кровоизлияния в мозг.

18 Мая 1944 года Патриарх Сергий был погребён в Никольском приделе Богоявленского патриаршего собора. На отпевание Первосвятителя к собору стеклись многотысячные толпы православного народа. Храм был заполнен молящимися и оплакивающими почившего Патриарха. Народ запрудил всё пространство, примыкающее к собору. Чин погребения возглавил митрополит Московский Алексий. Ему сослужили митрополиты Николай, Иоанн, 8 архиепископов и епископов и сонм пресвитеров»[26].

В завещании Патриарха Сергия, составленном ещё в Октябре 1941 г., было написано: «В случае моей смерти или невозможности исполнять должности Патриаршего Местоблюстителя, эта должность во всём объёме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к Преосвященному митрополиту Алексию (Симанскому)». Священный Cvнод на своём экстренном заседании постановил, что «ввиду смерти Святейшего Патриарха Сергия, согласно завещанию его, в должность Патриаршего Местоблюстителя вступает митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, имя которого должно возноситься за Богослужениями во всех храмах Русской Православной Церкви»[27].

21 Мая митрополит Алексий совершил первую литургию в Богоявленском соборе в качестве Патриаршего Местоблюстителя.

Примечания

1. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. С.79.
2. Цит. по: *Раина П.* За Веру и Отечество. Л. 1990. С.11—12.
3. *Троцкий Л.* Преданная революция. М. 1991. С.129.
4. *Толстой А.* Новый материк. М. 1982. С.204.
5. См. доклад *Лисавцева Э.И.* на международной Конференции «Исторический путь Православия в России после 1917 года», состоявшийся 2 Июня 1993 года в РГИА (С.-Пб).
6. *Алексеев В.А.* «Штурм Небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. 1992. С.184.
7. *Ярославский Е.* Фёдор Михайлович Достоевский против немцев.// Большевик. 1942. №16. С.38.
8. *Васильева О.Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.,1990, С.131; Крестный путь Патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). Публикация *М.И.Одинцова.*// Отечественные архивы. 1994. №2. С.71.
9. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Собрание Документов Московской Патриархии. М. 1943. С.6—7.
10. Патриарх Сергий и его духовное наследство. С.237.

11. История Русской Православной Церкви. М. 1994. С.120.
12. Святитель Василий Кинешемский. Монреаль. 1988. С.27–28.
13. Патриарх Сергий и его духовное наследство. С.243.
14. История Русской Православной Церкви. С.114–115.
15. Цит. по: Россия накануне Второго Пришествия. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1993. С.239–241.
16. Цит. по: История Русской Православной Церкви. С.117.
17. Патриархи смутных времен. Библиотека «К Свету». №13. 1994. С.74.
18. *Поспеловский Д.В.* РПЦ в XX столетии. С.207.
19. Патриархи смутных времён... С.74.
20. *Схиархимандрит Иоанн (Маслов).* Глинская пустынь. М.1992 С.63–64.
21. Поучения, пророчества старца Лаврентия Черниговского и его жизнеописание. М. 1994. С.12.
22. Цит. по: Патриархи смутных времен... С.70.
23. Там же. С.72.
24. Красная Патриархия. М. 1993. С.127–128.
25. Россия накануне Второго Пришествия... С. 241–242.
26. История Русской Православной Церкви. С.125.
27. ЖМП. 1944. №6.

Глава 13

Жизнь, деятельность и личность Патриарха Алексия

Личность третьего после Святейшего Тихона Патриарха Русской Православной Церкви до сих пор не может получить однозначной оценки. Что же это был за человек и какова его действительная роль? Попробуем дать ответ на этот вопрос[1].

Сергей Владимірович Симанский, будущий Патриарх Алексий, по отцу происходил из старинного дворянского рода. Он родился 27 Октября 1877 г. в Москве. Дед его был сенатором, а отец имел придворное звание камергера. Семья Симанских отличалась религиозностью. В детстве он часто прислуживал в алтаре, участвовал в чтении и пении. Желание посвятить себя служению в Церкви появилось в нём рано и по мере его возрастания становилось всё сильнее. Сергей Владимірович получил прекрасное светское образование. В 1888 г. он поступил в первый гимназический класс Лазаревского института восточных языков, а затем перешёл в Николаевский лицей, который окончил с серебряной медалью. Далее он намеревался идти в Духовную Академию, но, следуя просьбам родителей, поступил сначала в Императорский Московский университет. Он окончил юридический факультет в 1899 году со степенью кандидата за сочинение «Комбатанты и некомбатанты во время войны», написанное им по кафедре международного права. Некоторое время после этого он находился на службе в Самонийском гренадёрском полку. И вот, наконец, исполняется его заветное желание: осенью 1900 г. Сергей Владимірович Симанский становится студентом I курса Московской Духовной Академии. Там юноша с увлечением слушал лекции известных учёных: В.Ключевского и других. Занятия в Академии укрепили его желание полностью посвятить жизнь Богу. 9 Февраля 1902 г., будучи студентом II курса, он принял

монашеский постриг с именем Алексий. В том же году его рукоположили в сан иеродиакона, а в следующем – в сан иеромонаха. В 1904 г. иеромонах Алексий закончил Академию со степенью кандидата богословия за сочинение «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета (Дроздова)». Сначала его направили инспектором в Псковскую семинарию (1904–1906), затем уже в сане архимандрита он служил ректором сначала Тульской (1906–1911), а затем Новгородской (1911–1913) семинарий. 28 Апреля (11 Мая) 1913 г. в древнем Софийском соборе Новгорода находившийся тогда в России Антиохийский Патриарх Григорий IV с сонмом Русских иерархов совершил его хиротонию во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. До 1921 г. Преосвященный Алексий занимал Тихвинскую кафедру. Большую роль в жизни будущего Патриарха сыграл митрополит Новгородский (с 1932 г. – Ташкентский, † 1936) Арсений (Стадницкий). Когда Сергей Симанский учился в Московской Духовной Академии, епископ Арсений был ея ректором. Он сумел оказать серьёзное влияние на духовное и богословское формирование молодого человека. В 1902 г. он совершил его монашеский постриг с именем Алексий, в честь Святителя Московского Алексия, которого особенно чтили в семье Симанских. Преосвященный Арсений был одним из авторитетнейших иерархов своего времени. Глубокий богослов и церковный историк, яркий публицист, прекрасный администратор и ревностный пастырь, он неизменно оказывался на передних рубежах церковной жизни, будучи в дальнейшем постоянным членом Cvнода, а в 1917 году одним из трёх кандидатов на Патриарший Престол и председателем многих заседаний Поместного Собора Русской Церкви. И после окончания Академии о. Алексий не прекращал с ним связей, став – спустя несколько лет – ректором семинарии в его кафедральном городе и настоятелем Антониева монастыря, а затем и его викарием. Членство в Cvноде требовало от архиепископа Арсения продолжительного пребывания в Петербурге. В это время епископ Алексий часто замещал его в управлении епархией. В дальнейшем в 1926–32 гг. во время ссылки митрополита Арсения в Ташкент он также замещал его, будучи управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Хутынского. Активная деятельность Преосвященнаго на этой каѳедре не раз вызывала неудовольствие

местных советских властей. Впервые он ненадолго арестовывался въ 1918 году, а в конце 1920 года был арестован вновь и 12 Февраля 1921 года приговорён Новгородским революционным трибуналом за действия, нарушающие декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», с применением амнистии ВЦИК от 6 Ноября 1920 года, к трём годам лишения свободы условно[2]. 21 Февраля 1921 г. Патриарх и Cунод утвердили Преосвященного Алексия первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбуржского. В Июне 1922г., в связи с арестом митрополита Вениамина, епископ Алексий вступил в управление Петроградской епархией. Это было время тяжёлых потрясений для Русской Церкви. Епископу Алексию пришлось взять на себя управление епархией в самом начале обновленческой смуты в ея первоначальном центре – Петрограде. 4 Июня он обратился с воззванием к пастве с призывом о сохранении мира в Церкви[3]. Тогда же, временно присоединившись к обновленческому ВЦУ, он снял с А.Введенского и других его петроградских сторонников запрещение, наложенное митрополитом Вениамином, в связи с якобы доказанным ими наличием Патриаршего благословения на их деятельность в ВЦУ[4]. Однако вскоре, уже 24 Июня, обнаружив явно антицерковный характер деятельности обновленцев, в ответ на требование В.Красницкого, он отказался возглавить Епархиальное управление, составленное из похитителей Церковной власти, вследствие чего вынужден был оставить управление епархией. С этого времени Преосвященный Алексий занимал непримиримую позицию в отношении обновленцев, возглавив «Петроградскую автокефалию», не признававшую их и боровшуюся с ними[5]. 21 Октября 1922 года епископ Алексий был арестован вновь и впоследствии провёл три года в ссылке в Семипалатинске и Каркаралинске[6]. 25 Марта 1926 года ему разрешено было вернуться в город на Неве, и с Июня по Август он управлял Петроградской епархией. В Августе 1926 года Преосвященный Алексий, уже архиепископ Хутынский, стал управляющим Новгородской епархии. Клир и паства встретились вновь со знакомым архипастырем, с которым их и ранее связывали добрые отношения.

В Апреле 1927 г. архиепископ Алексий оказался среди архиереев, участие которых в образуемом Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Нижегородским Сергием Вре-

менном Патриаршем Cvноде представилось последнему «возможным и полезным». С тех пор Преосвященный Алексий неизменно оставался постоянным членом этого Cvнода, будучи одним из ближайших сотрудников митрополита, затем Патриарха Сергия до самой его кончины. В предвоенные годы, практически все стороны церковной жизни находились в поле зрения Временного Cvнода. Среди обсуждаемых им дел были как вопросы церковного устроения, имеющие историческое значение, так и частные недоумения из приходской практики, по которым требовалось авторитетное святительское суждение. В обсуждении всех этих вопросов Преосвященный Алексий принимал всегда живое участие.

18 Мая 1932 г. в ознаменование пятилетия Временного Патриаршего Cvнода Заместитель Патриаршего Местоблюстителя возвёл трёх его членов, состоявших в нём с самого основания – архиепископов Хутынского Алексия, Одесского Анатолия и Ярославского Павла в сан митрополита. При этом Преосвященному Алексию был присвоен титул «Старорусский»[7]. Вскоре, в связи с кончиной митрополита Ташкентского Никандра (Феноменова), уже почти десять лет проживавший в Ташкенте митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) принял назначение на его кафедру. А 11 Августа митрополиту Алексию был присвоен титул «Новгородского» по названию его фактической кафедры. Но через год его ожидало новое назначение. В связи с увольнением на покой митрополита Серафима (Чичагова) митрополит Новгородский Алексий 20 Октября 1933 года получил назначение на Ленинградскую кафедру. Однако, назначение это не всеми было воспринято однозначно. По словам епископа Мануила (Лемешевскаго), «цель назначения митрополитом Ленинградским Алексия Симанского – опустошить душу народа. – Этот человек, – говорил святитель, – официальный, ...он будет далее от народа и более недоступен, чем митрополит Серафим Чичагов»[8]. Первое время митрополит Алексий служил в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Но вскоре этот храм был закрыт, как и многие другие православные храмы города на Неве. В 1935 г. отошёл к обновленцам Преображенский собор, который очень любил и сам митрополит и его многочисленные прихожане. В результате, к началу войны в Ленинграде осталось лишь пять Православных храмов (с южными и северными пригородами – десять). Ха-

рактеризуя этот период служения митрополита Алексия, преподаватель Ленинградской Духовной Академии М.Добрынин писал:

> «Ставя в центр духовной жизни паствы церковную молитву, митрополит Алексий всё своё свободное от общецерковной работы в Москве время посвящал Богослужениям в храмах города. Служить владыка Алексий очень любил. Часто можно было видеть, как в небольшие церковные праздники митрополит Ленинградский скромно служил по священническому чину в боковом приделе храма. И как любили такие служения владыки верующие!
>
> В праздничные дни митрополичьи службы были высокоторжественными и проходили с большим духовным подъёмом, который всегда умел создать митрополит Алексий, несмотря на то, что служил просто, молитвенно, без какой бы то ни было внешней эффектности. Подлинным благолепием отличались его Богослужения. А самое главное, владыка Алексий всегда был близок к пастве, постоянно проповедуя ей слово Божие и преподавая свое архипастырское благословение. Единение пастыря с пасомыми в Ленинграде было самое тесное»[9].

Преосвященный Алексий особое внимание уделял церковному пению. Так, в 1940 г. он разослал настоятелям ленинградских храмов распоряжение, чтобы богослужебное пение соответствовало церковной традиции, без привнесения в него чуждых эффектов светской музыки. Обращал он внимание и на проповедничество, указывая, чтобы поучения составлялись в духе святоотеческой традиции и были доступны слушателям по языку. Тяжесть положения Ленинградской епархии в те годы до некоторой степени была связана с сохранявшим там ещё определённое влияние обновленчеством. «Обновленческий «митрополит» Платонов, лидер ленинградских обновленцев с 1934 г., – как указывал М. Добрынин, – неоднократно выступал с резкими личными выпадами против митрополита Алексия, стремясь вызвать его на полемику. Но последний проявил удивительную выдержку и не ответил ни на один из его личных выпадов. Все старания обновленцев скомпрометировать митрополита Алексия оказались тщетными. Однако, управлять митрополией в окружении обновленчества владыке Алексию было нелегко, – ему приходилось проявлять максимум такта и выдержки»[10]. Однако, данная книга не была бы объективной,

если бы мы не обратили внимание наших читателей на то, что дифирамбы эти возносились здравствовавшему тогда Патриарху, а голоса безпристрастных ревнителей благочестия в официальной печати не публиковались. В 1930–1940-е годы в граде святаго Петра оставалась ещё группа Православного духовенства с последовавшей за ней паствой, которые с осени 1927 г. продолжали не признавать административных распоряжений митрополита Сергия и Временного Cvнода при нём. Их называли «непоминающие» или «иосифляне» – по имени возглавившего их тогда митрополита Иосифа (Петровых). В Ноябре 1943 года был закрыт их последний – легальный – приход на территории епархии – храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Лесном[11].

Военные годы

22 Июня 1941 г. в Неделю всех святых, в земле Российстей просиявших, митрополит совершал Божественную литургию в Князь-Владимірском соборе. Лишь вернувшись днём домой, он узнал о начале войны. 26 Июля он обратился к верующим митрополии с посланием: «Церковь зовёт к защите Родины». А 10 Августа за Богослужением в Богоявленском соборе в Москве произнёс горячее слово на эту же тему.

> *«Мы верим, – говорил он, – что и теперь великий предстатель за землю Русскую Преподобный Сергий простирает свою помощь и своё благословение Русским воинам. И эта вера даёт нам неиссякаемыя силы для упорной и неустанной борьбы. И какие бы ужасы ни постигли нас в этой борьбе, мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу правды над злом, в окончательную победу над врагом...»*[12]

Через несколько дней митрополит Алексий вернулся в «Ленинград», к которому уже рвались Германские соединения. 8 Сентября вокруг города сомкнулось кольцо блокады. Архипастырь остался в осаждённом городе. Ему довелось разделить с паствой ужасы блокадных дней. Между тем, 12 Октября 1941 года престарелый митрополит Сергий написал завещательное распоряжение, которым назначил владыку Алексия своим преемником. «Нет слов, – пишет М.Добрынин, – чтобы описать ужасы, которые переживали ленинградцы в дни жестокой блокады своего города. Непрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод

и отсутствие воды, лютые морозы и кромешная тьма, погибавшие голодной смертью люди – всё это трудно представить тем, кто не пережил этого. Митрополит Алексий сам испытал все эти бедствия и проявил героическую бодрость духа и огромное самообладание, он постоянно совершал Богослужения, ободрял и утешал верующих. И несмотря на голод и бомбёжки, обезсиленные люди с опухшими лицами, едва держась на ногах, ежедневно наполняли храм, где служил архипастырь, и во множестве лично у него приобщались Св.Тайн. В дни блокады владыка Алексий служил литургию один, без диакона, сам читал помянники и каждый вечер служил молебен Святителю Николаю, а оставшись один в храме, в котором в то время и жил, обходил храм (Николо-Богоявленский собор – *авт.*) с иконой великого Угодника Божия, моля его о сохранении храма и града от вражеского разрушения»[13].

В дни праздников, а также и по другим случаям митрополит Алексий обращался к своей пастве с посланиями духовно-утешительного и патриотического содержания. К Пасхе 1942 г. Патриарший Местоблюститель наградил его правом ношения второй панагии, а в Июне 1943 г. во внимание к его архипастырским трудам, понесенным в дни блокады – правом служить с предносным Патриаршим крестом. Лишь 11 Июля 1943 г. он впервые покинул осаждённый город и прибыл самолётом в Ульяновск по вызову Блаженнейшего митрополита Сергия. Около двух недель провел он в городе на Волге, обсуждая с предстоятелем Русской Церкви вопросы дальнейшей церковной жизни и имея небольшой отдых от понесенных трудов. Затем митрополит Алексий возвратился в Ленинград, а в начале Сентября он был вызван в Москву, куда вернулся Патриарший Местоблюститель.

4 Сентября 1943 г. вместе с Блаженнейшим митрополитом Сергием и митрополитом Николаем он участвовал в приёме И.В. Сталина, а 8 Сентября – на Архиерейском Соборе, состоявшемся в новом здании Патриархии в Чистом переулке, где собравшиеся по указанию Сталина девятнадцать уцелевших от репрессий епископов вынесли решение об усвоении Блаженнейшему Сергию Патриаршего достоинства. На Соборе архиереев митрополитом Алексием был сделан доклад «Долг христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны»[14]. На состоявшейся 12 Сентября интронизации он вручил новому Патриар-

ху жезл и произнёс речь. Отныне митрополит Алексий – постоянный член Священного Синода, член редколлегии издающегося вновь «Журнала Московской Патриархии», участник мероприятий, долженствующих показать мiровому общественному мнению религиозную жизнь тогдашней России. Так, 19–23 Сентября 1943 г. он участвовал в приёме делегации Англиканской Церкви Англии во главе с архиепископом Йоркским С.Ф. Гарбеттом[15]. С Ноября 1943 г. Преосвященный Алексий стал объединять под своим омофором также и верующих Новгородской епархии и получил титул «Ленинградский и Новгородский»[16]. Не оставлял в это время митрополит Алексий и своей паствы. Январь 1944 г. ознаменовался прорывом блокады Ленинграда. Как правящий епископ, Преосвященный Алексий уделял много внимания организации церковной жизни на освобожденных от фашистов территориях Ленинградской и Новгородской епархий. Отступая, фашисты произвели большие разрушения. Митрополит Алексий командировал представителей духовенства своей митрополии в Комиссию по расследованию военных преступлений. 9 Января 1944 г. митрополит Алексий принял в общение с Православной Церковью ранее бывшую в обновленческом расколе общину Преображенского собора – последнюю в городе на Неве[17]. В подчинённых ему храмах, также как и в дни блокады, не прекращался сбор средств на оборону, на помощь раненым и сиротам. Всего же было собрано в 1941–44 гг. более 13 млн.рублей[18]. За организацию патриотической деятельности в храмах города в период блокады митрополит Алексий с группой духовенства был удостоен правительственной награды – медали «За оборону Ленинграда». 15 Мая 1944 года скончался Патриарх Сергий. В соответствии с завещанием почившего и решением Священного Синода, митрополит Алексий вступил в обязанности Патриаршего Местоблюстителя. Управление Ленинградской и Новгородской епархий поручается в это время архиепископу Псковскому Григорию (Чукову).

21 Мая митрополит Алексий совершил первую литургию в Богоявленском соборе в Москве в качестве Патриаршего Местоблюстителя. С этого времени жизнь Преосвященного Алексия вновь связана с Москвой. 14 Июня в бывшем Новодевичьем монастыре он открывает Московский Православный богословский институт и пастырские курсы (ныне Московские Духовные Академия и семина-

рия)[19]. А 22 Июня 1944 г. митрополит Алексий обратился с посланием к Церкви по случаю третьей годовщины со дня начала войны[20]. 25 Августа 1944 г. Патриарший Местоблюститель выпустил обращение к духовенству и верующим Румынского народа, где приветствовал выход Румынии из войны на стороне фашисткой Германии[21]. А месяцем позже он обратился с приветствием к экзарху Болгарскому Стефану по случаю вступления Болгарии в антигитлеровскую коалицию[22]. 24 Октября 1944 г. в «Известиях» было помещено письмо митрополита Алексия И.В. Сталину, где говорилось о патриотической и благотворительной деятельности Русской Церкви в период войны. Так, например, только денежные сборы верующих на нужды обороны и помощь жертвам войны в 1941–44 гг. составили свыше 150 млн. рублей. Патриарший Местоблюститель заверил советского руководителя, что и дальше эта деятельность будет неослабно продолжаться[23]. Вместе со своими соратниками в контакте с «Советом по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР», координировавшим все действия православных иерархов по созыву Собора, митрополит Алексий проводил большую работу по подготовке Поместного Собора. 21–23 Ноября 1944 года в Москве состоялся Собор епископов Московского Патриархата, на котором были приняты проекты соборных документов. Управделами Патриархии протоиерей Н.Ф. Колчицкий доложил о новом порядке избрания Патриарха – через открытое голосование (в нарушение § 13 определения Поместного Собора 1917–1918 гг. от 31 Июля (13 Августа) 1918 г.) всех правящих архиереев и уполномоченных от епархий. 24 Ноября все участники Собора епископов были приняты Г.Г. Карповым, который выступил пред ними, разъясняя политику Советского государства в отношении Русской Церкви[24].

На состоявшемся 31 Января – 2 Февраля 1945 г. Поместном Соборе Русской Православной Церкви митрополит Ленинградский и Новгородский был единогласно избран Патриархом Московским и всея Руси. Обращаясь к новоизбранному Патриарху старейший по хиротонии архиерей – архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий) сказал:

> «Отныне ты будешь носить высокое наименование: «Святейший отец». В нём сосредотачиваются самые светлые, самые прекрасные, самые великие идеалы, чаяния и ожидания Православного Русского народа.

> Отныне сердца всех сынов Церкви Русской с верой будут устремлены к тебе как к носителю истины Христовой, правды церковной, совести христианской. Если какой из народов и любит правду, то это именно Русский народ, который алчет и жаждет правды, тоскует по правде, чает того «нового неба и той новой земли, где правда живёт». Твоё имя будет навеки благословенно, когда этот народ-правдолюбец будет всегда видеть в тебе твёрдого и неколебимого поборника правды Христовой.
>
> Скажешь: это подвиг. Да, ныне это – великий подвиг. Но разве не поспешат к тебе с небесной помощью те навеки незабвенные первосвятители московские, на престол которых ты вступаешь ныне, и особенно Филипп, Ермоген и Никон, которым правда Христова была дороже жизни?»[25]

Первый год Патриаршества Святейшего Алексия явился годом надежд и активной деятельности руководства Московской Патриархии.

10 Апреля 1945 г. у председателя Совнаркома СССР И.В. Сталина состоялась беседа по делам Православной Церкви с Патриархом Московским и всея Руси Алексием в присутствии митрополита Крутицкого Николая и протопресвитера Николая Колчицкого. В беседе принимал участие заместитель председателя Совнаркома СССР В.Н. Молотов[26]. Патриарх Алексий выразил благодарность главе правительства за возможность созвать Поместный Собор и содействие в его проведении. Митрополит Николай так излагает содержание беседы: «Иосиф Виссарионович спрашивал у нас о нашей церковной жизни, наших начинаниях, планах. Мы говорили о том, что увеличиваем сеть наших духовно-учебных заведений, открывая в ближайшее время ещё восемь богословско-пастырских курсов в различных городах СССР. Сказали о предстоящем расширении церковно-издательского дела и благодарили за предоставляемую Правительством для нужд Церкви особую типографию. Сообщили о нашем желании соорудить в Москве специальное здание или комплекс зданий для размещения в них всех учреждений Патриархии, обеих московских духовных школ – Богословского института и Богословско-пастырских курсов, типографии Московского епархиального управления и пр. Шла речь о предстоящей в Мае поездке Патриарха Алексия в Палестину с целью паломничества к Св.Гробу

Господню и в другие страны Ближнего Востока с ответными визитами восточным патриархам. Беседовали мы и о некоторых других церковных начинаниях.

Ко всем нашим нуждам и планам Иосиф Виссарионович отнёсся в высшей степени сочувственно и сердечно и обещал поддержку нам и в дальнейшем»[27]. Правда, целый ряд обещаний так и не был выполнен. Московские власти не утрудили себя выделением участка для постройки здания Патриархии. Не было выделено и самого здания. А полиграфическое оборудование, шрифты на четырёх языках, приобретённые Патриархией в Мае 1945 года для того, чтобы с осени начать выпуск Священнаго Писания, Богословских трудов, церковных календарей и богослужебных книг, так и осталось лежать на территории Новодевичьяго монастыря, пока его благополучно не списали[28].

День Победы, 9 Мая 1945 г. совпал со светлыми днями Пасхи Христовой. Во всех храмах России служились благодарственные молитвы и панихиды о воинах на поле брани живот свой положивших. Особенное торжество было в Богоявленском Патриаршем соборе, переполненном в этот день молящимися. Патриарх Алексий с сонмом иерархов и множеством духовенства совершил Божественную литургию, а затем торжественный молебен, на котором обратился к собравшимся с прочувствованным словом[29].

22 Августа 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановления о предоставлении церковным органам – Патриархии, епархиальным, приходским общинам и монастырям – юридических прав на приобретение транспортных средств, производство церковной утвари, продажу её общинам верующих, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР в областях, краях и республиках. Этим же постановлением местным советским органам предлагалось не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон в городах и сёлах[30]. Совнаркомам республик обл(край)исполкомам предлагалось при планировании предусматривать, в пределах возможного, необходимость снабжения строительными материалами приходских общин для ремонта церковных зданий[31].

Тем временем, в стране продолжали открываться храмы и восстанавливаться архиерейские кафедры. Каждый номер «Жур-

нала Московской Патриархии» за победный 1945 год содержал по нескольку сообщений о новых хиротониях, назначениях и перемещениях архиереев.

28 Мая – 26 Июня 1945 г. Патриарх Алексий в сопровождении митрополита Николая, архиепископа Тульского Виталия (Введенского), протопресвитера Н.Ф. Колчицкого, иеромонаха Ювеналия, священника М.Зернова (впоследствии архиепископ Киприан) и протодиакона С.Гурикова совершил путешествие по Ближнему Востоку. Русская церковная делегация посетила Иерусалим и Палестину, Египет, Ливан, Сирию; при этом имели место встречи с предстоятелями Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской Церквей. Патриарха Московского везде принимали с большой честью – как ангела Церкви Русской. Помимо братских контактов с предстоятелями Поместных Церквей Святейший Алексий имел встречи с Королём Египта, президентами Сирии и Ливана[32]. Кроме того, в Апреле 1945 г. Русская церковная делегация во главе с архиепископом Псковским Григорием (Чуковым) посетила Болгарию, приветствуя от имени Русской Церкви экзарха Болгарского Стефана со снятием с Болгарской Церкви схизмы, положенной Вселенским Патриархатом в 1872 г. Делегацию Московской Патриархии приветствовали церковные и гражданские руководители Болгарии, а также советские военные власти[33]. Тогда же делегация во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) посетила Югославию, где её тепло принимали югославские церковные и гражданские руководители, в том числе маршал И.Б. Тито[34]. В Мае Русская церковная делегация во главе с епископом Кишинёвским Иеронимом (Захаровым) посетила Румынию, где её принимали Румынский Патриарх Никодим, а также румынские государственные и советские военные деятели[35]. 10 Июня из Кипра в Лондон вылетели митрополит Николай, протопресвитер Н.Колчицкий и иеромонах Ювеналий, где в их лице король Англии Георг, архиепископы Кентерберийский и Йоркский, представители британской общественности приветствовали Русскую Церковь[36].

В 1945 г. произошло восстановление административно-канонических связей с Московской Патриархией ряда Русских епархий и приходов за рубежом. С этой целью делегации Московской Патриархии посетили Францию, Германию, Чехословакию и Австрию, Китай, Финляндию. В Марте 1945 г. архиепископом Псков-

ским Григорием была ликвидирована т.н. Эстонская схизма. Эстонская Православная Церковь вновь стала епархией в составе Московского Патриархата[37]. Ещё в Декабре 1944 г. Москву посетила церковная делегация Закарпатской Руси, а 22 Октября 1945 г. иерарх Сербской Церкви епископ Мукачевский Владимір по поручению Священного Синода своей Церкви передал свою епархию в каноническое вѣдение Московской Патриархии, на которую был назначен епископ Уманский Нестор (Сидорук)[38]. Интересно заметить, что некоторые из оставшихся тогда в живых иерархов и клириков, бывших в оппозиции к Патриарху Сергию, сочли возможным признать Святейшего Алексия каноническим предстоятелем Русской Церкви и вступили с ним в молитвенное общение. Это объясняется тем, что с именем митрополита Алексия стали связывать позитивные перемены, происходившие в церковной жизни страны в середине 1940–х гг. 25 лет Патриарх Алексий занимал кафедру Российских Первосвятителей. Это время было насыщено событиями, касавшимися различных сторон церковной жизни. Как первоиерарху, ему приходилось иметь к ним близкое отношение. Деятельность Патриарха Алексия была отмечена многими церковными и светскими наградами.

В 1946 г. Патриарх Алексий был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», кроме того четырежды (в 1946, 1952, 1962 и 1967 гг.) награждался орденом Трудового Красного Знамени. Он был удостоен высших наград многих государств, и орденов всех Православных поместных Церквей. Скончался Патриарх Алексий на 93-м году жизни в своей загородной резиденции – Троицком подворье в Переделкине под Москвой 17 Апреля 1970 г.[39] Торжественное отпевание и погребение почившего первоиерарха состоялось 21 Апреля в Троице-Сергиевой Лавре, священноархимандритом которой он являлся со времени ея возвращения в 1946 г. Характеризуя личность Патриарха Алексия, анонимный автор посвящённой ему статьи в сборнике «Патриарх Сергий и его духовное наследство» (М., 1947), пишет:

> «При глубокой культуре ума, воспитанного в лучших традициях светской и духовной образованности, глава Церкви соединяет в себе строгость церковного міровоззрения с широкой терпимостью к иномыслию, цельность натуры с разнообразием интересов, простоту сердца с проницательностью духовно опытного человека. Сильно развитое чувство формы в сочетании

с тонким эстетическим вкусом является душой того порядка, который окружает Патриарха в домашнем и церковном быту. Его мудрая осторожность в действиях каким-то образом соединяется с прямолинейностью характера, мало склонного преувеличивать добродетели окружающих»[40].

По роду своей деятельности Святейшему Алексию приходилось опираться на штат сотрудников, среди которых были не только иерархи, но и священнослужители и міряне. Среди его ближайших сотрудников следует особо отметить его многолетнего личного секретаря Даниила Андреевича Остапова, человека большой энергии и замечательных деловых качеств, пользовавшегося особым доверием Патриарха.

Сподвижники Патриарха Алексия

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) (1892–1961 гг.)[41].

Митрополит Николай, в міру Борис Дорофеевич Ярушевич родился 31 Декабря 1891 г. (13 Января 1892 г. по новому стилю) в г.Ковно (нынешний Каунас) в семье протоиерея – настоятеля Ковенского Александро-Невского собора. Семья была большая – шесть человек детей. Борис был средним. Учился он в гимназии в Ковно, а затем в С.-Петербурге, когда отца перевели туда настоятелем церкви Ксеньинского института. Столичное духовенство считало тогда зазорным отдавать своих сыновей в семинарию, состоявшую в основном из детей псаломщиков да деревенских батюшек. Гимназию в С.-Петербурге Борис окончил с золотой медалью. Уже в эти годы он определил своё намерение посвятить себя духовной деятельности. Биографы митрополита Николая отмечают, что такому решению значительно способствовало влияние матери. Однако, блестящие способности сына к математике побуждали родителей настаивать сначала на светском образовании. Борис Ярушевич поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербуржского университета.

Но его по-прежнему влекла Духовная Академия. Влекла настолько неудержимо, что родители видя такое горячее стремление молодого человека благословили его на этот путь.

За три месяца Борис подготовился к экзаменам за курс Духовной семинарии и в Августе 1910 г. первым по конкурсу был за-

числен в С.-Петербуржскую Духовную Академию. Учился он превосходно: как начал с первого курса, так и прошёл первым до выпуска. Ещё ранее у Бориса Ярушевича имелось намерение послужить Церкви в иноческом чине. По мере обучения в Академии оно всё более крепло. Летние каникулы в 1911 и 1912 гг. юный студент провёл на Валааме, где по благословению игумена знаменитой обители нёс послушание – ухаживал за схимниками в отдалённом скиту острова. Там произошло его опытное знакомство с красотой и радостью подвига тех, кто презрел суету міра. Но родители советовали сыну повременить с принятием окончательного решения относительно монашества до более зрелого возраста.

Большую роль в жизни будущего митрополита, как он сам отмечал, сыграл епископ Ямбургский Анастасий (Александров, † 1918), бывший с 1913 г. ректором С.-ПбДА. Крупный учёный славист, в прошлом ректор Казанского университета, доктор философии и церковной истории, он был истинным христианином и прекрасным педагогом, горячим проповедником и внимательным пастырем. Его авторитет в церковных и научных кругах был достаточно высок. В 1917 г. он был одним из предполагаемых кандидатов на Московскую митрополичью кафедру. «Часто по утрам, – пишет биограф митрополита Николая А.Шеповалова, – епископ Анастасий будил своих молодых учеников, среди которых был и Борис Ярушевич, и шёл с ними в ночлежки, в трущобы проповедывать слово Христа. Они приходили туда рано, когда люди только просыпались, и начинали свою беседу. Не всегда их встречали благожелательно, иногда оскорбляли и угрожали, но чаще всётаки доброе слово производило своё действие. И если люди не всегда обретали спасительную веру, то всегда находили утешение и душевный мир среди жизненных тягот». Впоследствии студенты стали ходить в эти трущобы одни, уже без епископа Анастасия. В 1914 г., 22 лет от роду, Борис Дорофеевич Ярушевич закончил курс Духовной Академии по двум отделениям – историческому и миссионерскому. Как первый по списку, он был оставлен при кафедре церковного права профессорским стипендиатом. Степень кандидата он получил за курсовое сочинение о византийских и древнерусских источниках церковного права.

23 Октября 1914 г. состоялся его монашеский постриг с именем Николай. 24 Октября он стал иеродиаконом, а 25-го – иеро-

монахом. Через несколько дней иеромонах Николай получил распоряжение выехать на фронт вначале сопровождающим санитарный поезд, а затем священником лейб-гвардии Финляндского полка. Но пребывание на фронте было недолгим, всего два с половиной месяца. Отец Николай получил тяжелую простуду и долго хворал. С тех пор сильный ревматизм до конца дней не оставлял его. После болезни он снова вернулся в Академию к прерванной научной работе. С 1915 г. иеромонах Николай преподавал в Петроградской семинарии, где вел курсы литургии, гомилетики, практического руководства для пастырей, церковной археологии и Немецкого языка. В Декабре 1916 года он был причислен к храму святителя Николая при Николаевской детской больнице.

В 1917 г. 25 лет от роду – случай почти безпрецедентный – за свой труд «Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексия Міхайловича (1649)» (Пг., 1917, С.666) он был удостоен степени магистра богословия. Это ценное историко-каноническое исследование посвящено вселенским и местным началам и их взаимоотношениям в древнерусском церковном суде. Обилие использованных источников и пособий, как печатных, так и рукописных, как Русских, так и иностранных, свидетельствовали об огромной эрудиции автора и тщательной переработке изученного материала. В этот период о.Николай зарекомендовал себя и как яркий публицист. В 1913–1918 гг. в журналах «Вера и разум», «Вера и жизнь», «Церковные ведомости» и др. регулярно печатались его богословские и историко-канонические статьи, проповеди и стихи. Одновременно, он приобретал известность в городе, как проповедник. Оставаясь преподавателем семинарии, а затем Богословско-пастырского училища в Петрограде, он состоял одновременно священником в детской больнице. Каждый день, после обхода врача, он совершал пастырский обход палат. Бывали случаи, отмечает биограф митрополита, когда он сталкивался с суровым, изнуряющим душу атеизмом юношей. Сражённые тяжёлой болезнью, они приближались к смерти с проклятием и ненавистью. Нужны были долгие беседы, убедительные и проникновенные слова, чтобы душа их нашла примирение. В Декабре 1918 года о.Николай стал настоятелем Петропавловского собора в Петергофе. Весной 1919 г. он был возведён в сан архимандрита. В церковных кругах Петрограда высоко це-

нили способного и деятельного пастыря. 14 Декабря 1919 года архимандрит Николай на 28-м году жизни стал наместником Александро-Невской Лавры. Таким образом, он являлся одним из ближайших помощников митрополита Петроградского Вениамина. Условия церковной жизни той эпохи требовали от церковных руководителей особого пастырского горения. Под руководством о.Николая Лавра стала центром просветительской работы: здесь проводились беседы, читались лекции, организовывались выступления на разнообразные богословские темы.

7 Апреля 1922 г. состоялась хиротония архимандрита Николая во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. Начало архипастырского служения епископа Николая совпало с возникновением обновленческого раскола. 1 Июня 1922 года Преосвященный был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, – правда, уже 7-го Июня его освободили. Вместе с епископом Алексием (Симанским) владыка Николай встал во главе «Петроградской автокефалии», боровшейся, как уже было отмечено выше, с обновленчеством. 10 Февраля 1923 года его арестовали вновь, на сей раз предъявляя обвинение в «организации помощи международной буржуазии». Решением Комиссии НКВД по административным высылкам от 30 Марта 1923 года епископ Николай был выслан на три года в Коми-Зырянскую область[42]. Ссылку свою он отбывал в Усть-Куломе и оказался освобождён лишь в Марте 1926 года. С Апреля 1927 года по Февраль 1928 года владыка временно управлял Петроградской митрополией. Когда в Сентябре 1927 г. в епархии возникли волнения в связи с переводом митрополита Иосифа в Одессу, епископ Николай, занявший сторону Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, приложил немало сил к их преодолению. В дальнейшем он являлся ближайшим сотрудником митрополитов Серафима (Чичагова – по 1933 г.) и Алексия (Симанского).

В 1935 г. Преосвященный Николай возводится в сан архиепископа, его управлению поручаются Новгородская и Псковская епархии. Как религиозный мыслитель, Преосвященный Николай продолжал трудиться над сочинением «О безсмертии души». В связи с этим он читал массу литературы и не только богословской и философской, но и медицинской. К сожалению, этот богословско-антропологический труд вместе с прекрасной библи-

отекой архипастыря погиб во время блокады. В воспоминаниях знавших его людей Преосвященный Николай предстаёт человеком большой эрудиции и общей культуры. Будучи по натуре весьма общительным, он имел сравнительно широкий круг друзей. Желая быть в курсе современной ему интеллектуальной жизни, он просил друзей студентов приносить ему из библиотеки новинки литературы. Сам как священнослужитель, будучи «лишенцем», он никогда не мог пользоваться общественными библиотеками. Вскоре после того, как в 1939 г. в состав СССР были включены западные области Украины и Беларуси, указом Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Николай был назначен их экзархом с титулом архиепископа Волынского и Луцкого, а 9 Марта 1941 г. возведён в сан митрополита.

С началом Германского вторжения митрополит Николай на первых порах оставался в прифронтовой полосе. Он объезжал приходы своей епархии, совершая Богослужения и произнося проповеди. 15 Июля 1941 г. последовало его назначение на Киевскую кафедру.

Однако, вскоре, в связи с уходом советских войск из Киева и началом немецкой оккупации Украины митрополит Николай оказывается в Москве. С Февраля 1942 г. до Сентября 1943 г. он состоял заместителем митрополита Сергия по управлению Московской епархией и одновременно управляющим делами Московской Патриархии. Таким образом, во время эвакуации Патриаршего Местоблюстителя в Ульяновске (Симбирске) митрополит Николай руководил церковной жизнью в Москве. Он постоянно служил в храмах, неизменно произнося пламенные проповеди, вёл приём многочисленных посетителей, стараясь никого не обойти вниманием и помощью.

Потепление отношения государства к Русской Церкви встретило у него самый горячий отклик. В это время он энергично включился в общественную деятельность, стремясь способствовать развитию благоприятных внешних условий для церковного быта.

2 Ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР митрополит Киевский и Галицкий Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В связи с этим ему пришлось посетить немало городов и сёл, подвергшихся оккупации. Частично впе-

чатления от этих поездок нашли отражение в его заметках, помещённых в «Журнале Московской Патриархии» в 1943–45 гг. В 1942 г. он редактирует и издаёт книгу «Правда о религии в России», а в 1943 г. – «Русская Православная Церковь и Отечественная война. Сборник документов». Его голос был слышен не только с церковного амвона. Он выступал на митингах Всеславянского комитета и произносил речь перед красноармейцами при передаче танковой колонны имени Димитрия Донского, построенной на средства, собранные Московской Патриархией. С начала выхода Журнала Московской Патриархии в 1943 г. он являлся членом его редколлегии, а затем сделался председателем Издательского комитета Патриархии, возглавляя ея печатный орган вплоть до 1960 г. С Сентября 1943 г. он стал постоянным членом Священного Синода. Ещё в 1942 г.митрополит был награждён правом ношения второй панагии, а в 1944 г. – предносным крестом при Богослужении. 28 Января 1944 г. последовало его назначение на Крутицкую кафедру с поручением ему управления Московской епархией. Тогда же он получил правительственые награды – медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Ещё более широкой стала деятельность митрополита Николая после войны. В многочисленных посвящённых ему публикациях панегирического характера, появлявшихся тогда в нашей церковной печати, его называют «правой рукой Патриарха» и даже его «заместителем». Действительно, до 1960 г. наряду со Святейшим Алексием и протопресвитером Н.Колчицким митрополит Николай являлся ведущей фигурой в Московской Патриархии. Он становится во главе образованного в 1946 году Отдела Внешних Церковных сношений, определив характер деятельности этого нового учреждения, призванного руководить учреждениями Московского Патриархата за рубежом, а также осуществлять контакты с поместными Православными и инославными Церквами, зарубежными религиозными объединениями и организациями. С 1945 г. митрополит часто выезжает за рубеж. По окончании паломничества Патриаршей делегации в Святую землю в Июне 1945 г. он направляется в Лондон с ответным визитом Церкви Англии. Король Георг обращается к нему с речью, приветствуя в его лице Русскую Церковь, «так глубоко выражающую дух великого народа России»[43]. А в Августе того же года он

уже в Париже. Его встречают как доброго вестника Церкви-Матери. Пламенные речи и беседы митрополита Николая немало способствовали тогда росту патриотических настроений среди Русских эмигрантов во Франции. Из многочисленных зарубежных поездок митрополита Николая следует особо отметить одну – в Июне 1956 г. в Утрехт для встречи с представителями Всемірного Совета Церквей. Именно тогда полагалось начало нынешнему участию Московской Патриархии в экуменическом движении.

Начиная с 1949 г. митрополит Николай деятельно участвовал в работе Советского комитета защиты мира и Всемірного Совета Мира. Голос представителя Патриархии неизменно звучал на заседаниях и формулах этих организаций*.

Так или иначе каждая сторона внешней деятельности Московской Патриархии в конце 40-х – 50-е годы, ея цели и задачи были связаны с именем митрополита Николая.

5 Февраля 1949 г. Совет Московской Духовной Академии за книгу «Слова и речи», выпущенную в 1947 г., присвоил ему степень доктора богословия. В дальнейшем ряд Православных и инославных богословских факультетов присвоили ему свои докторские степени *honoris causa*. 6 Августа 1955 г. за многолетнюю патриотическую деятельность и активное участие в борьбе за мир Указом Президиума Верховного Совета СССР митрополит Николай был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Имел он также немало иностранных правительственных и церковных наград. Конец 50-х годов ознаменовался в нашей стране государственным наступлением на религию вообще и в особенности на Русскую Православную Церковь. Стали вновь закрываться храмы, монастыри и духовные школы. Начались гонения против представителей духовенства и активных прихожан. Митрополит Николай увидел, что тот *modus vivendi* Церкви в государстве, к достижению которого он приложил так много сил, находится под угрозой. Поэтому, продолжая в прежнем духе и направлении свою деятельность, он всё же в ряде выступлений пытался указать на позитивное значение деятельности Русской Церкви как в отечественной истории, так и для современного миротворчества. Иног-

---

**Подробнее о международной деятельности митрополита Николая см. в главе 16 «Церковная жизнь в послевоенный период», а также Душенов К. Противостояние. С-Пб. 1996. С. 41–56.*

да он указывал и на неложное упование Церкви на Своего Божественного Основателя и на Ея необоримость адовыми вратами. Его выступления и проповеди этого периода имели целью не только сохранение имевшегося до того положения, но и способствование росту авторитета Русской Церкви в глазах общественности, а также укреплению веры у Её чад. Это стало вызывать неудовольствие властей. В итоге, в Июне 1960 г. митрополит Николай был вынужден подать прошение об освобождении его от должности председателя Отдела Внешних Церковных сношений Московской Патриархии, а 15 Сентября того же года об освобождении его от управления епархией[44]. Ещё ранее он был освобождён от руководства Издательским комитетом.

Скончался митрополит Николай 13 Декабря 1961 г. в 6 часов утра в Боткинской больнице в Москве, куда он оказался помещён с инфарктом миокарда. Впрочем, многие верные были убеждены, что владыку попросту убили по заданию КГБ – в архивах сохранились письма в адрес Верховного Совета и правительства СССР с требованием расследовать это «несомненное убийство»[45]. Нужно отметить, что последними своими выступлениями на международных встречах в защиту Церкви владыка действительно стал неугоден советской власти. Привилегированный до сих пор митрополит впал в глубокую опалу – одним из явных проявлений которой стал запрет на подготовленный в том же году к выпуску четвёртый том его «Статей и Речей» – чудом не уничтоженный и лишь в 1994 году извлечённый к распространению. Погребение митрополита Николая состоялось 15 Декабря в Троице-Сергиевой Лавре. Чин отпевания совершил Патриарх Алексий с сонмом иерархов, Лаврского, Академического и московского духовенства. Из Москвы и других уголков страны проститься с почившим прибыли его многочисленные почитатели. Погребен митрополит Николай в склепе Смоленского храма Троице-Сергиевой Лавры.

Проповеднические труды митрополита Николая, снискавшие ему широкую известность составили 5-томное издание «Слова и речи». Почти в каждом номере «Журнала Московской Патриархии» с 1945 г. до лета 1960 г. неизменно помещались его проповеди. Кроме того, с самого первого номера органа Московской Патриархии, начавшего выходить в Сентябре 1943 года, там регулярно помещались различные выступления митрополита Николая по церковным и общественным вопросам.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) (1870–1955)

Говоря о предреволюционных годах жизни митрополита Григория, хорошо его знавший профессор Ленинградской Духовной Академии Н.Д. Успенский писал: «Митрополит Григорий (в міру Николай Кириллович Чуков) родился в городе Петрозаводске 1 Февраля (ст.ст.) 1870 г. в семье крестьянина, «переписавшегося» в класс мещан города Петрозаводска. О своих родителях Митрополит Григорий писал: «Отец был человек предприимчивый, с инициативой, но увлекающийся. Мать являлась сдерживающим началом. Тем не менее широкая натура отца брала верх, и при безусловной честности и благородстве, они не всегда сводили концы с концами». Восприняв от отца его светлый ум, кипучую энергию и широкую общительность, а от матери исключительное трудолюбие и удивительную тактичность в обращении, будущий митрополит многое получил и от своего деда, талантливого сказителя былин, который научил его любить свою Родину и вызывал в нем интерес к истории своего народа. Что касается религиозного воспитания мальчика, то оно осуществлялось в том же плане, как это делается во всяком Русском благочестивом семействе. Но его родители не имели в виду подготовки сына к духовной службе, и, когда ему исполнилось 8 $^{1}/_{2}$ лет, определили его в гимназию.

Годы гимназического обучения Николая Чукова протекали во всех отношениях благополучно. Он хорошо учился и, без сомнения, по окончании гимназии, как все даровитые гимназисты, поступил бы в университет, но Промысел Божий судил иначе. 10 Марта 1882 г. в Петрозаводск прибыл новый епископ вместо умершего, Преосвященный Павел (Доброхотов), который своим одухотворенным обликом и благоговейным служением произвел неотразимое впечатление на мальчика, исполнявшего при Церкви обязанности пономаря. Это и решило его судьбу: в 1884 г. он оставил гимназию и перешёл в Духовную семинарию.

В Июне 1889 г. окончивший семинарский курс он получил назначение на должность надзирателя и эконома Петрозаводского духовного училища. В этих должностях Н.К. Чуков проработал два учебных года, которые дали ему многое в смысле приобретения педагогических и административно-хозяйственных навыков; вместе с тем условия работы привели его к мысли о необ-

ходимости повышения своего образования. И хотя материальная база, на которую он мог бы рассчитывать в прошлом, теперь отсутствовала (отец умер в 1889 г., мать осталась без средств), энергичный веривший в помощь Божию молодой человек, с согласия матери, поступил в Петербургскую Духовную Академию. Быстро прошли годы обучения в Академии. Весной 1895 г. Н.К. Чуков окончил Духовную Академию и, вернувшись в родной город Петрозаводск, благодаря деятельному участию упомянутого выше Преосвященного Павла, занял должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ. Это была должность весьма почетная, но зато и многотрудная в особенности в такой епархии, как Олонецкая, где церковные приходы охватывали территорию на 50–60 км от окружности. Трудно было пересказать все, что было сделано для народного просвещения энергичным наблюдателем за 15 лет его деятельности. Живой, темпераментный деятель, противник бюрократизма, он хотел видеть всю действительность своими глазами и деятельно улучшать дело народного просвещения. Летом на пароходах и лодках, а зимой в кибитках и на санях, а где не было пути, а были лишь лесные тропы, там верхом на коне, а то и пешком, зимой в овчинном тулупе и в валенках, а летом в Русских сапогах Н.К. Чуков, а с Апреля 1897 г. уже священник о.Николай Чуков, исколесил «Олонию» вдоль и поперек. В результате его деятельности количество школ, а следовательно, и учащихся увеличилось в два раза, в 2 $^{1}/_{2}$ раза увеличился контингент учителей, а средства на содержание школ – в 6 раз. По «медвежьим уголкам» губернии, благодаря энергии о.Николая, было открыто 308 библиотек с общим количество книг более 55.000 томов. Для взрослого населения при школах были введены «воскресные чтения». Для учителей о.Николай организовывал конференцию, съезды, экскурсии и курсы усовершенствования.

Помимо плодотворной деятельности по должности епархиального наблюдателя приходских школ, о.Николай Чуков принимал активное участие в различных общественных благотворительных и просветительных организациях. Эта широкая деятельность о.Николая, возведенного в 1907 г. в сан протоиерея, создавала ему большую популярность и глубокое уважение, так что когда в 1911 г. в Петрозаводске освободилось место ректора Духовной семинарии, то эта должность была предоставлена ему.

Новый ректор с живым интересом вникал во все стороны учебной воспитательной и хозяйственной жизни вверенной его руководству семинарии. Быт воспитанников, их запросы и нужды – все это было предметом постоянной заботы о.Николая Чукова. Особое значение в деле формирования личности будущих священнослужителей о.ректор придавал живому примеру. В высшей степени деликатный в обращении с сослуживцами и обслуживающим персоналом семинарии и гуманный по отношению к воспитанникам, он стремился своим собственным примером воздействовать на всех обитателей семинарии»[46]. В 1918 году её закрыли, а о.Николай был арестован за руководство чрезвычайным епархиальным собранием духовенства и мірян. 29 Июня его выслали из Олонецкой губернии с правом выбора места жительства[47]. Он переехал в Петроград и в 1918–1921 годах служил настоятелем университетского храма. В 1921 г. о.Николай Чуков сделался настоятелем Казанского собора в Петрограде. Во главе этого, едва ли не самого посещаемого в городе храма встал прекрасный администратор, замечательный проповедник и чуткий пастырь. Но уже 30 Мая 1922 года он был арестован и 5 Июля 1922 г. вместе с митрополитом Вениамином он в числе 10 петроградских церковных деятелей был приговорен к расстрелу в связи с процессом по поводу изъятия церковных ценностей. Впрочем, смертный приговор ему, как и ещё пяти осуждённым, был заменён ВЦИКом в ответ на ходатайство защиты пятью годами лишения свободы. 24 Ноября 1923 года Президиум ВЦИК постановил считать оставшийся срок наказания условным, и 30 Ноября о.Николай был освобождён[48]. Касаясь деятельности протоиерея Николая Чукова в Петрограде в послереволюционное время, проф. Успенский писал: «Но не только пастырством и заботами об укрощении церковных расколов жил в это время прот. Н.К. Чуков. Его кипучей энергии хватило ещё на одно великое и историческое дело. С отделением Церкви от Государства в 1918 г. и последовавшей отсюда ликвидацией системы духовных учебных заведений, субсидируемых из государственной казны, перед Русской Православной Церковью встал вопрос об организации богословского учебного заведения, которое готовило бы кадры священнослужителей и богословски просвещенных деятелей Церкви. Дело было новое и трудное. Нужно было выработать устав, который определял бы деятельность такого учебного за-

ведения, его учебный план, программы; нужно было обеспечить его профессурой, библиотекой, учебными помещениями и инвентарем; наконец нужно было изыскать на все это средства.

Весь этот труд взял на себя настоятель Казанского собора протоиерей Н.К. Чуков. Благодаря своему богатому административно-педагогическому опыту и таланту, он создал в Петрограде Богословский институт, которым и руководил ряд лет в качестве его ректора. Когда в 1923 г. Богословский институт, во избежание подчинения раскольникам, вынужден был придти к самоликвидации, протоиерей Н.К. Чуков вновь организует дело высшего богословского образования. Он становится во главе районных богословских курсов, функционировавших при одном из благочинных округов, вводит в состав корпорации этих курсов профессоров бывшего Богословского института и открывает новое высшее богословское учебное заведение – Высшие Богословские курсы, являющиеся прямым продолжением Петроградского института. Отдавая много сил организации и руководству высшей Богословской школы, протоиерей Н.К. Чуков находил время для научно-исследовательской работы и в 1926 г. успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Мессианские представления иудеев по Таргуму Ионафана, сына Узиилова»[49]. Весной 1925 г., после кончины Патриарха Тихона, обновленцы выступили с инициативой организации «общего собора с участием» «тихоновцев». Ради спасения своего положения, они, как известно, готовы были пожертвовать даже рядом своих «реформ». В связи с этим, в Ленинграде выделилась группа Православного духовенства и богословов, во главе которой оказался о.Н.Чуков. Она полагала, что ради «мира Церковного» следует пойти на компромисс с обновленцами и в соответствии с «требованиями экономии» принять участие в предстоящем соборе. В обновленческих кругах стали даже возлагать некоторые надежды на «левых тихоновцев».

Однако среди Православных выработалось резко отрицательное отношение к новым ухищрениям врагов Церкви. Управлявший тогда Петроградской епархией епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) категорически запретил о.Николаю и его сторонникам какие-либо сношения с обновленцами во избежание большой церковной беды»[50]. Протоиерей Н.К.Чуков подчинился этому указанию архипастыря, стоявшего на страже чистоты церковного строя. Во время волнений в Ленинградской епархии в связи с

перемещением митрополита Иосифа на Одесскую кафедру осенью 1927 г., о.Николай занял позицию Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. К митрополиту Сергию протоиерей Н.Чуков ещё в предреволюционный период испытывал чувство самого искреннего уважения и преданности. Их связь переросла в дальнейшем в глубокую и крепкую дружбу. Когда же 11 Июня 1930 года о.Николай был арестован ОГПУ по очередному обвинению в контрреволюционной деятельности в составе подпольной монархической организации «Всенародный Союз Борьбы за Возрождение России», то личное заступничество митрополита Сергия спасло его и через месяц – 11 Июля он был освобождён[51]. В 1924–1925 годы о.Николай служил настоятелем Николо-Богоявленского каѳедрального собора, однако в Марте 1935 года его выслали из северной столицы. «Великая Отечественная война, – пишет далее профессор Успенский, – застала Н.К. Чукова в городе Саратове, где он был настоятелем каѳедрального собора. Незадолго перед этим он овдовел; во время же блокады Ленинграда умерли остававшиеся в последнем два сына и дочь о.Николая. Тогдашний Патриарший Местоблюститель, Блаженнейший митрополит Сергий, усмотрев в постигшем несчастье Промысел Божий, склонил его принять монашество и взять на себя новый подвиг епископского служения. 13 Октября 1942 г., в день памяти священномученника Григория, просветителя Армении, в гор.Ульяновске состоялось пострижение о.Николая в монашество с наречением ему имени Григория. 14 Октября он был хиротонисан во епископа, а 15 Октября возведён в сан архиепископа Саратовского.

В 1944 г. архиепископ Саратовский Григорий был перемещён на Псковскую архиерейскую каѳедру с титулом архиепископа Псковского и Порховского, и возложением на него также временного управления Ленинградской, Новгородской и Олонецкой епархиями, а 7 Сентября 1945 г. он получил указ Святейшего Патриарха о назначении его митрополитом Ленинградским и Новгородским»[52].

По поручению Патриархии, ещё в бытность архиепископом Псковским и Порховским, Преосвященный Григорий совершил в Марте 1945 г. поездку в Таллин, где возглавил чин воссоединения Эстонской Православной Церкви с Московской Патриархией. Как уже упоминалось, во время войны Православная Церковь в

Эстонии частично вновь стала управляться самостоятельно. Говоря о трудах митрополита Григория в послевоенный период проф.Н.Д. Успенский указывает: «К заботам о нуждах церковных приходов приложилась забота о богословском просвещении и подготовке кадров священно-церковнослужителей. Ещё в 1943 г. Святейший Патриарх Сергий поручил архиепископу Саратовскому Григорию разработку проекта учреждения богословских школ в Русской Православной Церкви. А в 1946 г. Святейший Патриарх Алексий возложил на митрополита Григория руководство Учебным комитетом при Священном Cvноде. Таким образом, на плечи 75-летнего старца-митрополита легло ответственное дело подготовки пастырей и богословов не для одной митрополии или ряда епархий, а для всей Русской Православной Церкви. За великий созидательный труд в области богословского просвещения в послевоенный период митрополит Григорий был удостоен высшей ученой степени – доктора Богословия *(honoris causa)*. Помимо управления обширной митрополией и руководства делом духовного образования всей Русской Церкви, митрополит Григорий, по поручению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, выполнял ряд ответственных поручений, имевших общецерковный характер. Так, в Апреле 1945 г. он ездил в Болгарию для восстановления канонического общения с Болгарской Церковью. В Сентябре того же года он посетил Финляндию, где содействовал умиротворению приходов Православной Церкви в Финляндии, в течение ряда лет находившихся в каноническом разобщении между собой. В Августе 1946 г. ему пришлось поехать в Париж в качестве представителя Русской Церкви на погребение Экзарха Московской Патриархии в Западной Европе митрополита Евлогия. В Ноябре – Декабре 1946 г. митрополит Григорий посетил Ближний Восток и имел встречи с представителями Александрийской, Иерусалимской и Антиохийской Церквей. В Мае – Июне 1947 г. он сопровождал Святейшего Патриарха Алексия в Румынию, а конец лета и осень того же года находился в Америке. В 1950 г. Митрополит Григорий вторично посетил Дамаск, а в 1953 г. ездил в Болгарию для участия в интронизации первого болгарского Патриарха. Выражением глубокого уважения митрополиту Григорию и признательности зарубежных Церквей было награждение его иностранными орденами и медалями (Антиохийский орден свв. апостолов Петра и Павла

1-й степени, Александрийский орден св. Апостола Марка 1-й степени, юбилейные медали Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, орден Ливанского Кедра 1-й степени, Болгарский орден «За гражданские заслуги» 1-й степени)»[53]. «Говоря о личных достижениях митрополита Григория, – заканчивает Н.Д. Успенский свои заметки, – о его глубоком уме, исключительной энергии, выдающихся административных способностях, сделавших его имя широко известным не только у нас на Родине, но и за ея пределами, нельзя не упомянуть ещё об одном качестве его души, которым приобрёл любовь и благоговение верующих людей. Не было дня, в который не обращались бы к нему верующие люди: кто за словом утешения, кто за материальной поддержкой. В его приёмной часто можно было встретить проштрафившихся клириков, провинившихся семинаристов. Эти люди, никем не побуждаемые, сами приходили к митрополиту с покаянной, и он каждого из них внимательно выслушивал и, памятуя слова Спасителя: *«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные»* (Лк. 75:31), своим духовным опытом и состраданием к несчастным приводил последних к исправлению».

За ревностное служение Церкви Божией Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий удостоил митрополита Григория в 1948 г. «Патриаршеской чести» – права предношения за Богослужением Св. Креста, а в 1950 г. по случаю исполнившегося его восьмидесятилетия и усердного служения Церкви Божией – ношения за Богослужением двух панагий. Когда летом 1954 года власти СССР после смерти И.В. Сталина предприняли попытку в очередной раз перейти в наступление на Русскую Церковь, владыка развернул самую активную борьбу. Организуя сопротивление противоцерковным акциям, он выступал с острой открытой критикой действий властей даже перед студентами и воспитанниками Духовных Академии и семинарии. И эти меры оказали немалое воздействие[54]. В Октябре 1955 г. митрополит Григорий ездил в Румынию, где участвовал в канонизации святых, в Румынской Церкви просиявших. Это была последняя его поездка. Возвратившись в Москву 28 Октября, он почувствовал себя нехорошо и был уложен в постель. Благодаря принятым мерам состояние больного будто стало улучшаться, но в ночь на 31 Октября у него неожиданно парализовалась правая рука и нарушилась речь. Болезнь стала прогрессировать. 3 и 4 Ноября

митрополит Григорий был приобщён Святых Тайн, а 5 Ноября, в субботу, в 2 часа 30 минут дня он отдал дух свой Богу»[55].

К сожалению, время Патриарха Алексия характерно не только смягчением государственной политики в отношении Церкви, открытием новых храмов и другими положительными сдвигами. За фасадом радостных перемен по сей день хранятся мрачные нераскрытые тайны. Признав невозможным насильственное уничтожение религии, но не отказавшись от него в принципе, советское правительство перешло на иезуитские методы подкупа и растления священнослужителей. Гонения на Церковь были уже не столь суровыми, но тем больше появилось соблазнов, ведущих к духовному порабощению. Если раньше священнослужители компромиссами спасали жизнь, то теперь покорность сулила материальные блага, почести, зарубежные поездки... В такой обстановке было не менее трудно, чем во времена массовых жестоких гонений, сохранить истинную веру, честность, порядочность. При всех внешних послаблениях, крест, который несла Русская Православная Церковь начиная с 1917 года, не стал более лёгким.

Примечания

1. Данные к биографии Патриарха Алексия взяты из доклада проф.-прот. *Ружицкого К.* «Святейший Патрирах Алексий». ЖМП. 1963. №1. С.62–63; *Остапов А.* проф.-прот. «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. ЖМП. 1970. №2; *Добрынин М.* 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия. ЖМП. 1963. № 5–7; а также по другим документам и воспоминаниям знавших его лиц.
2. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга ЦГА. С.-Пб. Ф.892. Оп.42. Д.12. Лл.45–46.
3. Обращение к петроградской пастве управляющего Петроградской епархии епископа Ямбуржского Алексия. Петроград. 23 Мая/4 Июня 1922 г.
4. Там же.

5. *Сергий еп.* Обновленческий раскол. Т.1. С.151.
6. *Троицкий С.В.*, проф. О неправде Карловацкого раскола. Париж. 1960. С.90.
7. *Добрынин М.* Указ. соч. ЖМП. 1963. №5. С.62.
8. *Митрополит Иоанн Снычев.* «Митрополит Мануил Лемешевский. С.-Пб. 1993. С. 177–178
9. *Добрынин М.* Указ. соч. ЖМП. 1963. №5. С.63.
10. Там же. С.64.
11. ЦГА С.-Пб. Ф.7384. Оп.33. Д.126. Лл.214–215.
12. *Добрынин М.* Указ. соч. ЖМП. 1963. №5. С.65.
13. Там же. С.66.
14. ЖМП. 1943. №1.
15. ЖМП. 1943. №2.
16. ЖМП. 1943. №4; *Добрынин М.* Указ. соч. ЖМП. 1963. №5. С.69.
17. ЖМП. 1944. №2.
18. ЦГА С.-Пб. Ф.9324. Оп.1. Д.22. Лл.10,22,24; *Григорий,* архиеп.: Ленинград в дни Великой Отечественной войны. ЖМП. 1944. №10. С.16
19. ЖМП. 1944. №7.
20. ЖМП. 1944. №7.
21. ЖМП. 1944. №9.
22. *Добрынин М.* Указ. соч.. ЖМП. 1963. №5. С.74.
23. ЖМП. 1944. №10.
24. ЖМП. 1944. №12.
25. ЖМП. 1945. №2. С.52.
26. ЖМП. 1945. №5.
27. *Николай митрополит.* На приеме у И.В. Сталина. ЖМП. 1945. №5. С.25–27.
28. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6991. Оп.1. Д.29. Лл.167,172–173.
29. ЖМП. 1945. №6.
30. ЖМП. 1945. №10 (Журнал №20 заседания Свящ. Cvнода от 4.09. 1945 г.).
31. Там же.
32. ЖМП. 1945. №№8–9.
33. ЖМП. 1945. №5.
34. ЖМП. 1945. №6.
35. ЖМП. 1945. №6.
36. ЖМП. 1945. №8.
37. ЖМП. 1945. №4.
38. ЖМП. 1945. №№1 и 11.
39. О последних днях жизни Патриарха Алексия см.: *Остапов Д.А.* Последняя весна Патриарха Алексия. ЖМП. 1970. №6. С.5–12.
40. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. С.403.
41. Данные к биографии митрополита Николая взяты из посвященных ему статей *Шаповаловой А.* (ЖМП. 1945. №4) и *А.В.Ведерникова* (ЖМП. 1962. №1), а также воспоминаний знавших его лиц и архивных документов.

42. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области. Фонд архивно-следственных дел. Д.п.–10202.
43. ЖМП. 1945. №7. С.4.
44. ЖМП. 1960. №7. С. 10.
45. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.529. Лл.28–31.
46. *Успенский Н.Д.* проф. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий. ЖМП. 1955. №12. С.13–16.
47. Церковь отделяется от государства. Исторический архив. 1994. №1. С.137.
48. ЦГА С.-Пб. Ф.7384 Оп.2 Д.39. Л.6; Оп.33. Д.238. Л.243.
49. *Успенский Н.Д.* проф. Указ. соч. С.16.
50. См. об этом в труде митрополита Мануила «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы» статью «Епископ Венедикт (Плотников)». (ч.II).
51. Архив УФСБ РФ по С.Пб. и ЛО. Ф.арх.-след.дел. Д.П–49829.
52. *Успенский Н.Д.* проф. Указ. соч. С.16–18.
53. Там же.
54. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф.5. Оп.16. Д.669. Лл.84, 150, 178, 179.
55. *Успенский Н.Д.* Указ.соч. С.17–18; сравнить: *Осипов А.* Мои Архиереи. «Наука и религия». 1969. №№ 2–4.

Глава 14

Церковные Соборы 1940–х годов

Поместный Собор 1945 года

Рассматриваемый Собор, созванный по решению Собора епископов от 23 Ноября 1944 г., проходил в Москве в храме Воскресения в Сокольниках 31 Января – 2 Февраля 1945 г.[1] На этом Соборе было 204 участника, из них членов Собора 171 человек от 89 епархий, почётных гостей – 33 человека. Среди членов Собора было 46 архиереев (4 митрополита, 13 архиепископов и 29 епископов), 87 клириков (3 архимандрита, 2 игумена, 68 протоиереев, 8 иереев, 3 иеромонаха, 2 диакона и 1 иеродиакон) и 38 мірян. Из зарубежных епархий и приходов Московского Патриархата был представлен только экзархат в Америке – митрополитом Алеутским и Северо-Американским Вениамином (Федченковым).

Присутствию на Соборе почётных гостей – предстоятелей и представителей Поместных Православных Церквей уделялось особое внимание. Власти стремились показать міровому общественному мнению наличие религиозной свободы в СССР и не препятствовали приглашениям. Содействовать росту авторитета Московской Патриархии было также в интересах советского правительства, поскольку это ослабляло враждебную коммунизму Русскую Зарубежную Церковь. Она переживала суровые времена. Советская армия, победоносно шагавшая по Европе, несла не только освобождение другим народам, но и репрессии своему собственному народу. В Восточной зоне оккупации происходили массовые аресты Русских эмигрантов, не успевших уйти на Запад – мірян и клириков. Как правило, впереди их ожидал расстрел или многолетнее лагерное заключение. Многие беженцы, укрыв-

шиеся в Западной зоне, были выданы Англо-Американскими союзниками властям СССР. В Югославии, Чехословакии и других странах закрывались храмы, подчинённые Зарубежной Церкви. Теперь физические репрессии требовалось усугубить моральной изоляцией как «зарубежников», так и подсоветских верующих, по-прежнему не признававших Декларацию 1927 года. И.В. Сталин, умевший извлечь политическую выгоду даже из своих уступок и компромиссов, видимо, рассчитывал, что широкая демонстрация признания зарубежными Православными Церквями Московского Патриархата будет способствовать этому. Вот почему власти, прежде не особо поощрявшие международные церковные связи, на сей раз проявили заинтересованность в широком зарубежном представительстве на Соборе.

Так, делегацию Александрийской Церкви на Соборе (5 человек) возглавлял Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки Христофор, Антиохийской (4 человека) – Патриарх Антиохии и всего Востока Александр, Грузинской (5 человек) – Католикос Каллистрат.

Вселенский Патриархат представлял экзарх Западной Европы, митрополит Фиатирский Германос, Иерусалимский – архиепископ Севастийский Афинагор. Самой многочисленной была делегация Сербской Церкви – 13 человек, во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом, заместителем Патриарха Сербского. Пять делегатов во главе с епископом Аржешским Иосифом представляли Румынскую Церковь.

Кроме того, к открытию Собора, а затем и в связи с интронизацией Патриарха Алексия в Патриархат поступило 22 приветствия из-за рубежа от различных религиозных кругов.

Новому Патриарху Московскому прислали приветственные телеграммы митрополит Сергий (Тихомиров) из Токио, архиепископ Филадельфийский и Карпато-Руский Адам из Нью-Йорка, епископ Антоний из Монреаля, а также некоторые Патриаршие приходы в Америке, благочинный Патриарших приходов во Франции игумен Стефан (Светозаров) и братство св.Фотия, солидаризуясь таким образом с Поместным собором в Москве.

Прислал телеграмму из Львова и митрополит Греко-католической Церкви Иосиф, благодаривший Патриарха Алексия за радушный приём его делегации и переданное ему приветствие[2]. Значительную трудность в тех условиях представляло уже само раз-

мещение и обезпечение всем необходимым 204-х участников. Этот Собор вообще стал единственным, исключая военных, правительственным совещанием такого масштаба в годы войны. Присутствовавшие на нём главы и представители 8-ми автокефальных Православных Церквей не только заявили о своей признательности советскому правительству, но и, фактически, дали согласие на совместную борьбу с Ватиканом, в котором советское руководство справедливо усматривало основного противника в новой международной религиозной политике. В ответ гостям Собора было подарено 80 музейных экспонатов драгоценной церковной утвари[3]. Щедрая материальная поддержка Восточным Патриархам, как средство воздействия на них, деятельно применялась и в дальнейшем.

Собор имел два заседания 31 Января и 2 Февраля. Первое заседание открылось торжественным молебном, после которого председатель Собора Патриарший Местоблюститель митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий обратился с приветственной речью к его членам и почётным гостям. Затем от имени советского правительства Собор приветствовал председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР Г.Г. Карпов.

«Правительство Союза Советских Социалистических Республик, – сказал он, – уполномочило меня передать настоящему Высокому Собранию от имени Правительства приветствие и наилучшие пожелания успешной и плодотворной работы по устройству высшего церковного управления...

Настоящий Поместный Собор, созванный для выборов Патриарха Московского и всея Руси и для принятия Положения по управлению Православной Церковью, является выдающимся событием в жизни Православной Русской Церкви.

Я глубоко уверен, что решения Поместного Собора послужат делу укрепления Церкви и явятся важным отправным моментом в дальнейшем развитии деятельности Церкви, направленной на помощь советскому народу в достижении стоящих перед ним исторических задач...» Далее Г.Г. Карпов указал историческую роль, которую играла Православная Церковь в годы испытаний для Русского народа и дал высокую оценку Ея деятельности во время Великой Отечественной войны. Остановившись в конце своего выступления на задачах возглавляемого им Совета он

сказал: «Созданный по решению Правительства Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров Союза ССР осуществляет связь между Правительством и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам, требующим разрешения Правительства... Правильные взаимоотношения, установившиеся между Советом и Патриархией (так в тексте – *авт.*), несомненно, способствовали организационному укреплению Церкви, и в будущем со стороны Совета будут приниматься все меры к тому, чтобы устранять всякого рода препятствия на пути осуществления советскими гражданами свободы совести, провозглашённой Конституцией.

Ещё раз выражаю членам Собора искреннее пожелание успеха в предстоящих трудах»[4].

В ответном слове митрополит Алексий выразил благодарность Собора правительству СССР за внимание к нуждам Русской Церкви и призвал Божие благословение на страну, ея правительство, воинство и верховного вождя.

Затем был избран секретариат Собора из трёх лиц: епископа Курского и Белгородского Питирима, управляющего делами Патриархии о.Николая Колчинского и мірянина А.А. Леонидова.

Собор – единодушно – принял Обращение к правительству СССР[5].

Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн выступил от имени Собора с приветствием почётным гостям. Затем приветствия Собору по очереди произнесли главы делегаций Поместных Церквей. После этого Председатель Собора митрополит Алексий выступил с докладом «О патриотической деятельности Церкви за период войны», который был встречен с одобрением. Архиепископ Псковский Григорий зачитал проект Положения об управлении Русской Православной Церковью, в прениях по которому выступили епископ Кировоградский Сергий (Ларин), протоиерей Н.Кацевич (член Собора 1917–1918 гг.), ректор Богословского института профессор-протоиерей Тихон Попов, профессор Г.И. Георгиевский и епископ Воронежский и Острожский Иона, давшие проекту положительную оценку как в целом, так и в отдельных разделах. Ректор Богословского института протоиерей Т.Д. Попов (в недавнем прошлом обновленческий «митрополит»), например, заканчивая своё пространное выступление, в частности, сказал: «Большое значение имеет переход от прихода к общине. Здесь изменяется самая жизнь мірян. Не сек-

рет, что за последнее время господствовало такое мнение, что алтарь – дело священнослужителя, а ящик церковный – дело старосты. Теперь священнослужитель выступает на арену всей жизни церковной, в его ведение переходит и ящик»[6]. После этих выступлений прения и было решено прекратить, а проект Положения поставили на голосование и единогласно приняли в целом. На этом закончилось первое заседание Собора.

Второе и последнее заседание Собора состоялось 2 Февраля. Оно началось с доклада члена мандатной комиссии доцента А.И. Георгиевского, подробно рассказывавшего о численном составе Собора и полномочиях его членов. Затем по предложению председателя Собора протоиерей Н.Колчицкий зачитал приветственную телеграмму от Вселенского Патриарха Вениамина: «Радостно приветствуем начало деяний Священного Избирательного Собора. Великая Церковь Христова благословляет, желает полного успеха. Да совершит Господь Богосвятое дело Собора для блага и славы сестры – Российской Церкви. Патриарх Вениамин»[7]. С приветствием от членов Поместного собора 1917–1918 гг. выступил московский протоиерей А.К. Станиславский. После него протоиерей Г.Д. Попов выступил с докладом о духовных учебных заведениях.

Наконец, Собор приступил к выборам Патриарха. Управляющий по делам Патриархата протоиерей Н.Ф. Колчицкий напомнил присутствующим о принятом Собором епископов в Ноябре 1944 г. порядке открытого голосования, в котором принимают участие все правящие епископы Московского Патриархата, называющие от своего имени, а также от имени клира и паствы своих епархий имя избираемого ими кандидата. Следует отметить, что на Ноябрьском Соборе епископов при обсуждении порядка избрания Патриарха единогласия не было. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) напомнил определение Поместного Собора 1917–1918 годов о том, что Первосвятителя должно избирать тайным голосованием из нескольких кандидатов. Предложение это поддержки не встретило. В итоге был выдвинут единственный кандидат – митрополит Алексий[8]. (Это дало основание оппозиции заявлять о неканоничности и, стало быть, недействительности избрания.) Все преосвященные облачились в мантии и по совершении молитвы «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» каждый, начиная с младшего по хиротонии на вопрос протоиерея Н.Колчиц-

кого об их избраннике единогласно ответили: «Я, клир и паства вверенной мне епархии избираем Патриархом Московским и всея Руси Высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского». Когда осталось последнее для голосования имя митрополита Алексия, митрополит Крутицкий Николай предложил, ввиду единодушия всех преосвященных, освободить его от личного голосования, а затем объявил об избрании Патриаршего Местоблюстителя Патриархом Московским и всея Руси. Новоизбранному Патриарху была вручена грамота об его избрании, в которую протоиерей Н.Колчицкий в присутствии всего Собора вписал его имя. Патриарх Алексий ответил: «Избрание меня Поместным Священным Собором Православной Церкви в благодарении приемлю и нимало вопреки глаголю». Новому Патриарху Московскому было провозглашено многолетие, затем от лица русского епископата к нему с прочувствованным словом обратился старейший по хиротонии иерарх – архиепископ Астраханский Филипп, выразивший надежды, которые возлагает на своего нового предстоятеля Русская Церковь: «Теперь по древнерусскому православному обычаю приими от нас, дорогой избранник, наш земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Христову Церковь, нести великий и ответственный подвиг свой бодро, мужественно, с верой в воздаяние...»* [9]

Затем Собор принял Послание клиру и пастве Русской Православной Церкви и обращение к христианам всего міра. В последнем осуждался германский фашизм и прославлялись победы антигитлеровской коалиции. С подобным же обращением к народам всего міра выступили присутствовавшие на Соборе Патриархи и главы делегаций Поместных Церквей. Это обращение было опубликовано в «Известиях» (№34, 7 Февраля 1945 г.).

В заключение к собравшимся обратился Патриарх Алексий, отметивший тяжесть предстоящего ему подвига и просивший молитв собравшихся.

Следует отметить, что оба соборных заседания были открытыми, и свободное место в храме Воскресения было отведено для богомольцев и публики, во множестве наполнившей как храм, так и территорию вокруг него. Многие верующие искренне пере-

---

**Текст речи архиепископа Филиппа см.: ЖМП, 1945. №2. С.51–53.*

живали происходившие события как торжество Русской Церкви, как духовное возрождение своей страны.

В московских храмах в эти дни при великом множестве богомольцев совершались торжественные службы, в которых участвовали гости и члены Собора. Кульминацией торжеств явилась интронизация Патриарха Алексия в Богоявленском соборе в Москве 4 Февраля 1945 г. Ещё с ночи многие богомольцы собрались у дверей собора, ожидая открытия храма и начала литургии. Пожалуй, с 1925 г., с похорон Патриарха Тихона, Москва не видела такой торжественной службы, в которой участвовал столь большой сонм иерархов, в том числе четыре предстоятеля Поместных Церквей. Во время интронизации было произнесено много речей. С особым вниманием собравшиеся прослушали обмен приветствиями между представителем советского правительства и Патриархом, после которого Г.Г. Карпов и Святейший Патриарх Алексий троекратно облобызались. Несмотря на очевидность компромиссов с властями, Собор 1945 г. свидетельствовал о существенной, хотя и не окончательной победе Церкви над идеологией воинствующего атеизма. Если раньше правившая коммунистическая партия рассчитывала уничтожить религию в течении одного поколения и потому не считала нужным разрешить избрание хотя бы номинального Патриарха, то теперь она вынуждена была признать Русскую Православную Церковь серьёзной силой, перед которой открываются широкие исторические перспективы и с которой необходимо весьма и весьма считаться. В Феврале 1947 г. был упразднён Союз воинствующих безбожников, ещё ранее – прекратили существование многие антирелигиозные издания[10]. Атеистическая пропаганда сделалась значительно более сдержанной и корректной. Всё это давало основания для надежд на духовное возрождение страны.

Во Русских церковных кругах того времени многим православным хотелось смотреть на будущее с оптимизмом. Это нашло своё выражение и в том, что ряд видных «непоминающих» (епископ Афанасий (Сахаров), профессор-протоиерей В.Верюжский и др.), а также многие представители эмигрантского духовенства и паствы признали Патриарха Алексия как канонического предстоятеля Русской Церкви. А что же тогда говорить о миллионах православных в СССР, со всею искренностью принявших в своё сердце нового Московского Первосвятителя?

Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором 1945 г.

Документ, устанавливающий устройство церковного управления в пределах Московского Патриархата, невелик по объёму и представляет собой брошюру малого формата на 8 страницах[11]. Положение состоит из преамбулы и четырёх разделов (Патриарх, Священный Синод, Епархии, Приходы) и содержит 48 статей.

«В Русской Православной Церкви, – записано в преамбуле, – высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, административная, судебная (в Определениях Собора 1917–1918 гг. указано также – «и контролирующая» – *авт.*) – принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому (в Определениях Собора 1917–1918 гг. обозначено «в определённые сроки созываемому» – *авт.*), в составе епископов, клириков и мірян». О периодичности Поместных Соборов конкретно не говорится, лишь в п.7 указывается, что Архиерейские Соборы созываются Патриархом с разрешения Правительства «для решения назревших важных церковных вопросов». Что же касается Поместных соборов, то они созываются Патриархом, «когда требуется выслушать голос клира и мірян и имеется внешняя к (их) созыву причина». Надо ли уточнять, что на практике Поместные Соборы могли собираться лишь с согласия властей.

«В соответствии с пр. 34 св. Апостолов, – гласит пункт 1, – Русская Православная Церковь возглавляется Святейшим Патриархом Московским и всея Руси и управляется им совместно со Священным Синодом». Таким образом был определён постоянный орган высшего церковного управления в лице Священного Синода во главе с Патриархом.

Пункт 2, повторяя соответствующее определение Собора 1917–1918 гг., устанавливает обязательное поминовение имени Патриарха за Богослужениями во всех храмах Русской Православной Церкви. Пункты 3–7 устанавливают права и обязанности Патриарха: право обращаться с пастырскими посланиями по всей Русской Церкви; ведение сношений по церковным делам с предстоятелями других автокефальных Православных Церквей; преподание братских советов и указаний (в редакции 1917 г. речь идёт только о братских советах и о предложении Синоду в случае невнимания к ним – *авт.*); право награждения архиереев

титулами и установленными отличиями; созыв и председательство на Соборах Архиерейских и Поместных. В отличии от Определений Поместного Собора 1917–1918 гг. здесь не указываются некоторые другие права и обязанности Патриарха, которые естественно вытекают из характера его служения, например: право посещения в потребных случаях всех епархий Российской Церкви (Ап. пр. 34, Антиох. 9) или же приём и дача надлежащего хода жалобам на архиереев. В новом Положении нет указаний на подотчётность Патриарха вместе со Священным Синодом Собору. Не говорится в нём и об ответственности Патриарха в случае нарушения им своих прав и обязанностей и порядка наступления этой ответственности.

Пункт 8-й также как и соответствующие определения Собора 1917–1918 гг. и в соответствии с древней традицией устанавливает, что Патриарх состоит епархиальным архиереем Московской епархии, а 9-й – содержит положение о Патриаршем наместнике по управлении ею, по указаниям Патриарха, с правами епархиального архиерея и титулом митрополита Крутицкого. В 10-м пункте говорится, что в ближайшем ведении Патриарха состоит Богословский институт в Москве, 11-й пункт устанавливает, что «по вопросам, требующим разрешения правительства Союза ССР, Патриарх сносится с Советом по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР».

Пункты 12–13 касаются местоблюстительства Патриаршего Престола в случае кончины Патриарха или иной причины, делающей невозможным исполнение им своих обязанностей. Отныне Местоблюститель не избирался Синодом из среды своих членов и не назначался заранее Патриархом. Согласно п.12 нового Положения им становился старейший по хиротонии из постоянных членов Священного Синода.

Пункт 14 предусматривает срок созыва Собора для выборов нового Патриарха не позднее шести месяцев со времени освобождения Патриаршего Престола. Председателем Собора, созванном для выборов Патриарха, является Местоблюститель (п.15).

Второй раздел Положения (пп. 17–22) касается Священного Синода. Не определяя конкретную компетенцию и ответственность Синода (в п.1 лишь сказано, что Русская Церковь «управляется (Патриархом) совместно со Священным Синодом»), а также порядок рассмотрения им текущих дел и принятия по ним

решения, Положение предусматривает лишь состав Cvнода, периодичность его работы, а также порядок вызова архиереев на его сессии. Состав Священного Cvнода определялся теперь только из шести членов при председателе Патриархе. Три члена Cvнода становились постоянными (митрополиты Киевский, Ленинградский и Крутицкий), а трое приглашались из числа правящих архиереев на заседании Cvнода в течении одной сессии (зимней или летней), срок которой определялся в полгода (Март–Август и Сентябрь–Февраль). Для приглашения «присутствующих» в Cvноде архиереев епархии Московского Патриархата делились на три группы. Последовательность приглашения по одному Преосвященному от каждой группы определялась старшинством хиротонии.

Пункт 22 предусматривал для заведывания отдельными отраслями управления Патриархии образование при Священном Cvноде особых отделов (учебного, издательского, хозяйственного и др.). В соответствии с этим пунктом год спустя был создан Отдел Внешних Церковных сношений Московского Патриархата. Был также образован Пенсионный комитет. Создание указанных отделов при Cvноде означало их подотчётность последнему, а также ответственность Cvнода за деятельность указанных отделов. Таким образом, определялась структура высшего церковного управления, в основных своих чертах сохраняющаяся в Московском Патриархате до сих пор.

Третий раздел Положения посвящён ***епархиальному управлению.***

В отличии от Определения Собора 1917–1918 гг., настоящее Положение предусматривало обязательное совпадение пределов епархии с гражданскими границами – областными, краевыми, республиканскими (п. 23).

Само же управление епархией новое Положение представило следующим образом.

Епархиальный Архиерей.

п. 24. Во главе епархии стоит Епархиальный Архиерей, назначаемый Указом Святейшего Патриарха и носящий титул по своему каѳедральному городу.

п. 25. По мере надобности в помощь Епархиальным Архиереям назначаются викарные епископы с кругом обязанностей по усмотрению Епархиального Архиерея.

Таким образом, существовавший к этому времени порядок замещения архиерейских каѳедр приобрёл теперь стабильный характер.

п. 28. Епархиальному Архиерею принадлежит право обращаться с архипастырскими посланиями в пределах епархии.

п. 31. Епархиальные Архиереи представляют Патриарху ежегодно отчёт по установленной форме по вверенным им епархиям.

Осуществление Епархиальным Архиереем управления епархией предполагалось таким образом:

п. 26. Епархиальный Архиерей является ответственным главою вверенной ему Епархии, которою управляет или единолично (по местным условиям) или при содействии Епархиального Совета, пользуясь своим должностным штампом и печатью, зарегистрированными подлежащей гражданской властью. При Архиерее состоит канцелярия Епархиального Архиерея.

п. 27. Епархиальный Совет, где таковой будет Архиереем образован, состоит из трёх – пяти лиц в пресвитерском сане. Задача Епархиального Совета – подготавливать к архиерейскому решению дела, направляемые в Епархиальный Совет для сей цели Епархиальным Архиереем.

Как видим, в отличии от Определений Собора 1917–1918 гг. настоящее Положение не оговаривает порядка избрания и назначения членов Епархиальных Советов.

В круг деятельности епархиального управления, кроме общего руководства приходами, новое Положение включило подготовку кадров священнослужителей, а также организацию производства необходимой церковной утвари.

п. 32. По епархии, где есть возможность, с разрешения подлежащих органов власти, учреждаются Богословско-пастырские курсы для приготовления кандидатов священства по программам, утверждаемым Патриархом.

п. 33. В целях обеспечения храмов епархии необходимыми принадлежностями Богослужения – церковные свечи, ладан и пр., в епархии, с разрешения местной гражданской власти, может быть учреждён свечной завод, равно как и изготовление венчиков, крестиков, разрешительных молитв и подобных предметов.

Как прежде, епархия сохранила деление на благочиннические округа. Однако, руководство ими осуществлялось теперь иначе, сосредоточиваясь исключительно в руках благочинного, назначаемого епархиальным архиереем (п. 29).

п. 30. Благочинные наблюдают за деятельностью и поведением приходского духовенства округа, посещая приходы не менее двух раз в год; объявляют подведомым им причтам распоряжения Епархиального Архиерея; в случае нужды делают братские указания приходским настоятелям и другим членам причта, заботятся об удовлетворении религиозных потребностей верующих в приходах, не имеющих временно священнослужителей; ходатайствуют пред Архиереем о награждении заслуживающих поощрения и представляют о своей деятельности и о состоянии вверенных округов отчёт Епархиальному Архиерею в конце каждого полугодия, а об особо важных случаях доносят безотлагательно, а также наблюдают за правильностью хозяйственной стороны приходов.

Монастырям и монашеству настоящее Положение уделило всего лишь две строки:

п. 34. Имеющиеся в епархии монастыри руководятся уставом, утверждённым Патриархом.

Наиболее пространным в Положении оказался раздел, посвящённый ***организации приходов***. В редакции 1945 г. он выглядел следующим образом:

п. 35. Во главе каждой приходской общины верующих стоит настоятель храма, назначенный Епархиальным Архиереем для духовного руководства верующих и управления причтом и приходом.

п. 36. Настоятель храма является ответственным перед Епархиальным Архиереем за исправное, согласно с церковным уставом, совершение Богослужения и за точное выполнение указаний Епархиального Архиерея в отношении духовного руководства причтом и приходской общиной. Настоятели храма, в частности, обязаны следить за тем, чтобы уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей, например: в сельских местностях, в период полевых работ, Богослужение должно совершаться только в часы, свободные от сельскохозяйственных работ и т.п.

п. 37. Приходская община может быть организована по добровольному согласию верующих по регистрации местной гражданской власти, на основании поданного ими заявления.

Предоставление храма или молитвенного дома приходской общине верующих происходит в ответ на заявление верующих

подлежащими органами государственной власти по соглашению с Епархиальным Архиереем, который наблюдает за целесообразным распределением храмов и приходов на территории епархии.

п. 39. Православная приходская община, в лице группы верующих (не менее 20 человек), получает в безплатное пользование предоставляемый ей храм и церковную утварь от местной гражданской власти по особому договору и поручают наблюдение и хранение получаемого церковного имущества избранному ею из своей среды Исполнительному органу в составе 3 человек и настоятеля храма, которые и отвечают вместе с подписавшими договор за целость имущества перед гражданской властью.

п. 40. Настоятель храма является по своей должности непременным членом приходской общины и председателем исполнительного ея органа (церковного совета), который состоит из 4 членов: помимо настоятеля по должности, – из церковного старосты, его помощника и казначея (все трое избираются общим приходским собранием или – если приходская община организуется вновь – группой верующих, получающих в безплатное пользование храм, из своей среды).

п. 41. Исполнительный орган приходской общины верующих, под непосредственным руководством и наблюдением настоятеля храма и при ответственности перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма, ведёт церковное хозяйство, заботится о содержании, отоплении, освещении и ремонте храма и утвари, о снабжении храма всем необходимым для совершения Богослужения, как-то: ризница, богослужебные книги, ладан, погребальные венчики, разрешительные молитвы, нательные крестики и пр.; вносит необходимые суммы на приобретение веществ для Св.Мура через Епархиального Архиерея в Патриархию; является ответственным распорядителем денежных средств прихода, следит за правильным учётом и расходованием этих средств; делает взносы и отчисления из приходских средств на церковные и патриотические нужды, на содержание притча, если по договору причт получает в вознаграждение за свои труды определённое жалованье от храма; вносит потребные суммы на содержание Епархиального Архиерея и его Управления, на Епархиальные Богословско-пастырские курсы, также на общецерковные нужды: на Патриаршее управление, на содержание духовных учебных заведений при Патриархате.

п. 42. Общее приходское собрание избирает Ревизионную комиссию в составе 3 лиц. Ревизионная комиссия приходской общины имеет постоянное наблюдение за состоянием церковного имущества и за движением церковных сумм и раз в квартал производит документальную ревизию наличия церковного имущества и денежных сумм, а также правильности произведённых расходов, и свои выводы и предложения вносит на рассмотрение общего собрания прихожан или групп верующих, получивших в безплатное пользование храм. При наличии злоупотреблений, недостачи имущества или денежных средств Ревизионная комиссия составляет акт, который препровождает в местные Горсовет или Сельсовет.

п. 43. Церковные суммы составляются: из добровольных взносов верующих при тарелочном сборе за Богослужениями, таких же взносов на просфоры, свечи и пр., из пожертвований вообще на нужды храма.

п. 44. Церковные суммы вносятся на хранение в банк или сберкассу на имя данного храма и получаются по чекам за подписью настоятеля и казначея прихода. Приходские средства учитываются путём ведения приходно-расходных книг.

п. 45. Ведомость о приходе и расходе церковных сумм по полугодиям настоятель храма представляет Епархиальному Архиерею.

п. 46. В случае незакономерных действий исполнительного органа в целом или отдельных членов его настоятель храма доносит об этом Епархиальному Архиерею, который, по расследовании непосредственно или чрез благочинного и по сношении с Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, предлагает общине заменить неисправных членов исполнительного органа новыми лицами.

п. 47. В случае смерти настоятеля или перевода его к другому храму исполнительный орган составляет акт о проверке церковного имущества, согласно которому новый настоятель входит в совместное с исполнительным органом заведывание этим имуществом.

п. 48. Настоятель храма имеет свою печать и штамп, зарегистрированные гражданской властью.

На основании приведённого выше Положения необходимо отметить следующие особенности организации церковной жизни на местах в тот период.

1) Сообразность деятельности церковных общин с гражданскими узаконениями и особенностями местного гражданского

быта (Положение указывает только на регистрацию общины местной гражданской властью на основании поданного ея членами заявления, на ответственность общины перед гражданской властью за вверенное ей церковное имущество, и на необходимость проведения Богослужений в сельской местности во время свободное от сельскохозяйственных работ).

2) Наличие контакта церковной иерархии с подлежащими органами государственной власти по вопросу открытия новых приходов. Таким образом, вопрос о предоставлении общине верующих храма зависел не только от ея инициативы и разрешения гражданской власти, но и от епархиального архиерея, призванного наблюдать за целесообразным распределением храмов по епархии, с которым соответствующие органы власти вступали в соглашение по данному вопросу (п. 38).

3) Особую роль в жизни прихода играл настоятель, который:

– назначался, а также мог быть перемещён епархиальным архиереем, под руководством которого исполнял свои обязанности и которому был подотчётен (пп. 35, 45, 47).

– осуществлял духовное руководство верующими и управление причтом и приходом (п. 35);

– являлся по своей должности непременным членом приходской общины и председателем ея исполнительного органа (п. 40);

– являлся вместе с казначеем распорядителем денежных сумм прихода (п. 44).

– вместе с исполнительным органом и членами общины, подписавшими договор с гражданской властью, был ответственен перед последней за сохранность здания и имущества храма (п. 41);

– осуществлял контроль за действиями членов исполнительного органа и в случае их незакономерности докладывал об этом епархиальному архиерею для принятия в отношении неисправных надлежащих канонических мер (п. 46). При этом, правда, ничего не говорится о канонической ответственности настоятеля в случае допущенных им нарушений, обнаруженных членами причта или прихожанами. Видимо, меры контроля за его деятельностью со стороны архиерея и благочинного представлялись составителям Положения достаточно эффективными.

4) Исполнительный орган общины в составе трёх человек (староста, его помощник и казначей) избирался общим приход-

ским собранием и был ему подотчётен. (пп. 41, 42). Председателем исполнительного органа по должности являлся настоятель. (Согласно Определению Собора 1917–18 гг. членами Приходского совета являлся весь причт храма и выбранные прихожане в количестве не меньшем чем причт, при председателе – настоятеле храма). Положение регламентирует также обязанности исполнительного органа, ограничивая их хозяйственными заботами (п. 41). Кроме того, контроль за хозяйственными делами в приходе должна была осуществлять ревизионная комиссия из трёх человек, избранных приходским собранием. Проверку наличного имущества и денежных сумм, а также правильности расходов она должна была производить раз в квартал, а свои выводы и предложения выносить на рассмотрение общего собрания прихожан (п. 42). Таким образом, хоть и косвенно устанавливалась периодичность проведения приходских собраний, впрочем, вследствии разных причин нигде с точностью не соблюдавшаяся. Интересно отметить, что в случае обнаружения хозяйственных злоупотреблений ревизионная комиссия составляет акт, который согласно п.43, должен препроводить местный гор- или сельсовет. Таким образом устанавливалась форма материальной ответственности прихода перед гражданской властью.

Положения эти, в действительности, естественно, существенно расходились с имевшейся ранее практикой, – например, строгим разграничением обязанностей в приходе: Богослужебные для священнослужителей, «хозяйственно-финансовые для мірян, и санкция на его принятие была значительной уступкой со стороны советских властей.

Оценивая в целом четвёртый раздел Положения об управлении Русской Православной Церковью, следует сказать, что несмотря на свои формальные дефекты, выразившиеся в недостаточной разработанности его как целиком, так и в отдельных положениях, несмотря также на фактическое закрепление в нём некоторых моментов, чуждых церковной традиции (например, перевода клириков с прихода на приход без согласия последних и прихода), он всё же имел положительное значение, поскольку способствовал единению духовенства и мірян в общем церковном делании и в общей ответственности[12].

Примечания

1. Материалы о деятельности Поместного собора 1945 г., а также ряд соборных документов опубликованы в Журнале Московской Патриархии (ЖМП). 1945. № 2.
2. ЖМП. 1945. № 2. С.24.
3. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.407. Л.21.
4. «Известия». 1945. № 29. (4 Февраля); ЖМП. 1945. № 2. С.8–10.
5. «Известия». 1945. № 29. (4 Февраля); ЖМП. 1945. № 2. С.11.
6. ЖМП. 1945. № 2. С.45.
7. Там же. С.47.
8. *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Paris. Ymka-Press. 1979. С.397–398.
9. Цит. по: История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М. 1946. С.138.
10. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.407. Л.88–89.
11. Положение об управлении Русской Православной Церкви. Издание Московской Патриархии. М. 1945. С.8.
12. Русская Православная Церковь. Устройство. Положение. Деятельность. Издание Московской Патриархии. 1958. С.3–244.

Глава 15

Ликвидация унии на Западной Украине

Известно, сколь болезненным был процесс установления Римом церковной унии в западно-русских землях. Здесь было и сильное давление Польских властей, использовавших во вред Православным свою возможность влиять на наречение на высшие церковные должности, и индивидуалистические устремления ряда епископов, не посчитавшихся с пользой Церкви и сознанием своих собратий, клира и паствы. Известна также и борьба Православных, которую они вели в последующее время с западной экспансией. В дальнейшем и те, кто оказались в унии, использовали благоприятную внешнюю возможность для возвращения в лоно Русской Церкви. Мощным было народное движение за возвращение из унии в 60-е гг. XVIII века в малоруских землях, входивших тогда в Речь Посполитую (Польша). Так было и в конце XVIII в., после третьего раздела Польши, когда все западно-русские земли, кроме Галиции, оказались под властью Русского монарха. Указ Екатерины II, выпущенный в 1784 г. разрешал присоединение униатов к Православной Русской Церкви, с запрещением только «принудительных мер к оному». Результатом этого явилось воссоединение (только в первые два года после обнародования указа) более 2-х миллионов человек, главным образом, составлявших население западных областей Малорусии.

Сложнее было положение в Беларуси. Настроения в пользу возвращения из унии имели место и здесь. Немало потрудился для этого замечательный ревнитель и защитник Православия архиепископ Георгий Конисский. Однако, окончательный переход к России Литвы, Гроднинщины, Холмщины и других земель с Православным и униатским населением почти совпал с кончиной архиепископа, последовавшей в 1795 г. Процесс воссоединения растя-

нулся здесь более чем на сорок, а в Холмской Руси даже на восемьдесят лет[1]. Важную роль в деле удержания в унии части белорусов и малорусов (украинцев) играл католический монашеский орден базилиан, державший в своих руках подготовку духовенства и народное просвещение униатов. Негативным фактором в деле воссоединения являлись порой волюнтаристские действия Русских светских и духовных властей; впрочем оне носили лишь эпизодический характер и не встречали одобрения в С.-Петербурге. В дальнейшем прогрессу в достижении указанной цели способствовали три момента:

1) Стремление ряда униатских иерархов (митрополит Ираклий Лисовский, епископ Иоанн Красовский и др.) к очищению богослужебной практики униатов от латинских наслоений и, вообще, ограничению влияния католиков на их церковную жизнь. В результате этих усилий в 1805 г. в С.-Петербурге в ведомстве инославных исповеданий из католической коллегии был выделен особый униатский департамент, председателем которого и стал Ираклий Лисовский. Наконец, в 1823 г. была учреждена особая греко-католическая коллегия;
2) Смещение с кафедр Русским Правительством после польского восстания 1830 г. некоторых пропольски настроенных епископов и закрытие базилианских монастырей с передачей их Православным;
3) Назначение на митрополичью кафедру и председательство в униатской коллегии после кончины в 1838 г. сторонника унии Иосафата Булгака, деятельного сторонника воссоединения с Русской Православной Церковью Литовского епископа Иосифа Семашко, у которого имелись сторонники среди епископата и духовенства. Итогом довольно длительного процесса стало то, что 12 Февраля 1839 г. в Софийском соборе в Полоцке епископами и начальствующим духовенством был подписан «соборный акт» о воссоединении церкви Униатской с Православной и составлено временное прошение об этом на имя Императора. Впрочем, среди приходского духовенства белорусских епархий (духовенство в Литве было, как правило, за воссоединение) действия Семашко и его сторонников встретили оппозицию. И следует признать, что меры воздействия на неё далеко не всегда были выдержаны в духе церковности. Применение митрополитом Иосифом наказаний в отношении несогласных с ним встретило неодобрение ряда Русских Православных иерархов.

В 1875 г. воссоединились с Православной Церковью остатки униатов в Холмской епархии. Русская государственность всё более укреплялась в Западном крае, что способствовало и росту авторитета Православия в этом регионе.

Иначе сложилось положение униатского населения Галиции и Карпатской Руси. В конце XVIII столетия эти территории оказались под властью Австро-Венгерской короны. Начиная с этого времени стала проводиться политика ещё большего окатоличивания местного населения этих земель. В дальнейшем, особенно на рубеже XIX–XX столетий, стали замечаться всплески православного самосознания среди некоторых представителей местного духовенства, интеллигенции и небольшой части населения. Однако, они подавлялись австрийскими властями, что, в частности, нашло выражение в Мармарош-Сигетском процессе в 1913–14 гг. Вместе с тем, когда представлялась благоприятная возможность, там имели место случаи перехода униатов в лоно Православной Церкви. Например, в самом начале нашего столетия несколько тысяч карпаторусов, переселенцев в Северную Америку, перешли под омофор Православного епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона и воссоединились, таким образом, с Православной Русской Церковью (в настоящее время в США и Канаде имеется Карпаторуский Православный округ, находящийся в юрисдикции экзарха Вселенского Патриарха).

Были отмечены случаи воссоединения Галицких униатов с Православной Церковью в период 1914–1915 гг., когда в связи с событиями Первой Мiровой войны в результате своего наступления Русские войска некоторое время находились в Галиции. Можно также указать и на Православное движение на Ленковщине в 1925–1939 годы.

Каково же было положение Греко-католической (униатской) церкви в период, предшествовавший ликвидации унии на Западной Украине?

С 1900 г. предстоятелем украинских греко-католиков был Львовский митрополит Андрей Шептицкий. Происходивший из знатного дворянского рода, деятельный архипастырь и талантливый администратор, он немало сделал для укрепления униатской церкви в сложный для неё период 20–30-х гг., когда Галиция входила в состав Польской Республики. Следует отметить, что его авторитет среди духовенства и населения был весьма велик. При

нём же произошло включение западно-украинских земель в состав Советского Союза, затем продолжавшаяся три с половиной года германская оккупация, и наконец – вступление Красной армии и восстановление советской власти на Западной Украине.

В Июле 1944 года во Львов вошли советские войска. Отношение новых властей к униатам первоначально оказалось вполне терпимым. Митрополит Андрей в конце Августа направил в Москву письмо с заявлением о лояльности и просьбой принять его делегацию для окончательного урегулирования отношений. Смерть Шептицкого, последовавшая 1-го Ноября 1944 года, и избрание нового главы – митрополита Иосифа (Слипаго) задержали приезд делегации до Декабря 1944 года. Ея члены выразили «приветствие и благодарность советской власти, Красной армии и ея главнокомандующему товарищу Сталину» и заявили о стремлении участвовать в «устроении мирной жизни» на освобождённой территории Украины. Руководство Совета по делам религиозных культов по согласованию с В.Молотовым и Н.Хрущёвым в свою очередь указало, что все просьбы униатов, не расходящиеся с законом, будут удовлетворены. От делегации приняли 100 тысяч рублей в фонд Красного Креста[2]. Председатель Совета И.В. Полянский, встречаясь в начале Января 1945 года с американским журналистом Д.Фишером подчеркнул, что некий компромисс с Католической и Униатской Церквами достигнут и что эти Церкви «живут»[3]. Но уже вскоре обстоятельства изменились. Советскому руководству не удалось нормализовать свои отношения с Ватиканом Папы Пия XII, хотя в 1944 года такие попытки предпринимались. В Январе 1945 года было принято решение перейти к деятельной борьбе с Римским престолом. Это не замедлило сказаться и на отношении к униатам. Кроме того, наличие в Западной Украине, на этой небольшой, густонаселённой (до 5 млн. чел.) территории хорошо слаженной церковной структуры, сохраняющей достаточную внутреннюю независимость вследствии административно-канонического подчинения церковному центру, находящемуся вне пределов СССР и к тому же отрицательно относящемуся ко многим аспектам его политики, явно не устраивало советскую администрацию. В Апреле 1945 были арестованы митрополит Иосиф Слипый, епископы Чернецкий, Бутка, Хомышин, Лятышевский, а также ряд священнослужителей. Им было предъявлено стандартное обвинение в «актив-

ной предательской и пособнической деятельности в период немецко-фашистской оккупации»[4].

Действительно, многие клирики и міряне униатской церкви поддерживали гитлеровский режим, логично считая его единственным щитом против большевизма. Но ещё более значительную силу представляли сторонники Стефана Бендеры – украинские националисты, в равной степени ненавидевшие как германскую оккупацию, так и советскую власть. После освобождения Украины от немецких захватчиков в ея западных областях вплоть до середины 1950-х гг. продолжалась негласная война со скрывавшимися в лесах «бендеровцами». Поскольку многие из них были униатами, то аресты униатского духовенства стали целенаправленными ударами по военным и политическим противникам большевистской власти на Украине.

По сути дела, репрессии и решили вопрос о дальнейшей ликвидации унии. Греко-католическая церковь на Западной Украине лишилась епископата, через который поддерживалась каноническая связь с Ватиканом, а поставить других епископов, утверждённых Папой, уже не представлялось возможным.

В Мае 1945 г. во Львове была создана инициативная группа по созыву Собора для ликвидации унии. В неё вошли настоятель Преображенской церкви Львова протопресвитер Гавриил Костальник, генеральный викарий Перемышленской епархии о.Михаил Мельник и декан (благочинный) Гусятинского деканата Станиславской епархии о.Антоний Пельвецкий[5]. Православной Церкви предлагалось выступить против униатства не путём постепенной миссионерской работы, а «явочным порядком», насильственными – скорее большевистскими, нежели церковными методами. Сознание того, что ликвидация унии совершится под нажимом властей омрачало события, которые в ином случае стали бы торжеством Православия на Западной Украине.

В настоящее время стали доступны документы, освещающие закулисную сторону подготовки ликвидации унии. Так, в Июне 1945г. Н.С. Хрущёв отправил в Москву следующее письмо:

> *«От т.Хрущёва. ЦК ВКП(б), товарищу Сталину И.В.*
> Будучи в Москве, я Вас информировал о проведённой работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в Православную церковь.
> В результате проведённой работы из числа униатского духовенства образовалась «инициативная группа».

Эта группа прислала в адрес Совнаркома следующие документы.

1. Письмо в Совет Народных Комиссаров о положении Греко-католической церкви в Западной Украине.
2. Письмо «инициативной группы» ко всему духовенству Греко-католической церкви. Этот документ они разошлют духовенству после того, как мы разрешим существование «инициативной группы».

При вручении документов работнику НКВД, который назвался референтом по делам вероисповеданий при СНК УССР – Даниленко, – они просили, при положительном решении вопроса, «Письмо в Совет Народных Комиссаров» не публиковать, пока они второй документ не разошлют всему духовенству по епархиям. Все документы составлены самими церковниками, в редактировании их наши люди никакого участия не принимали.

Посылаю Вам текст нашего ответа. Считаю, что следует согласиться с их просьбой, предоставить им возможность разослать письмо духовенству Греко-католической церкви, после этого опубликовать эти документы в газетах западных областей Украины...»[6]

В середине Июня Совнарком УССР сообщил инициативной группе, что она «санкционирована», «как единственный временный церковно-административный орган, которому даётся право руководить в полном объёме существующими греко-католическими парафиями в западных областях Украины и проводить дело воссоединения указанных парафий с Русской Православной Церковью»[7].

К осуществлению замыслов И.В. Сталина привлекли и Московскую Патриархию. Так, 15 Марта 1945 года председатель совета по делам РПЦ Г.Карпов писал «вождю», что Православная Церковь «может и должна сыграть значительную роль в деле борьбы против Римо-католической церкви... Совет предлагает: а) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы...»[8]

Для привлечения Патриархии правительство пошло на значительные уступки в западных областях СССР. Например, 28 Августа 1945 года Совет утвердил представленный Патриархом проект типового устава Православных духовных братств, подлежащих организации во Львове, Минске, Вильнюсе и других городах. Согласно уставу, братствам разрешалось не только издание листков, брошюр, молитвословов, но и благотворительная деятель-

ность. Подобные уступки вызвали заинтересованность части иерархов.

12 Декабря 1945 г. с посланием к пастырям и верующим Греко-католической церкви, проживающим в западных областях УССР, обратился Патриарший экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, где, в частности писал: «... наша Православная Церковь торжествует и радуется тому, что когда-то насильно отторгнутые земли Галичины, Закарпатской Украины – опять воссоединены с Советской Украиной и через то насельники их получили возможность свободного исповедания своей прадедовской веры, а не навязанной Ватиканом унии...»[9]

Ещё в Апреле 1945 г. во Львове была открыта Православная архиерейская кафедра, на которую был хиротонисан профессор протоиерей Михаил Оксиюк, принявший при пострижении имя Макарий. В его ведение вошли тогда Православные приходы, находящиеся на территории, главным образом, Тернопольской епархии. Большей частью это были приходы, исторически входившие в Волынскую епархию, но по-новому административно-территориальному делению оказавшиеся в Тернопольской области; там же оказалась и знаменитая Почаевская Лавра – духовный центр Волыни.

19 Января 1946 г. в праздник Богоявления (по ст.стилю) во Львове состоялось совместное освящение воды (Иордань) униатами и Православными. Торжественные процессии из собора св.Юра и из русского храма направились при пении праздничных песнопений на украинском и церковно-славянском языках к одному месту, где протопресвитер Костельник и епископ Макарий обменялись приветствиями. Автор корреспонденции, опубликованной в «Журнале Московской Патриархии» отмечал, что процессия прошла мирно и с обеих сторон (имелись ввиду рядовые верующие) никаких выпадов друг против друга не было.[10]

20 Февраля 1946 г. в Киеве в Печерской Лавре произошёл чин воссоединения с Православной Церковью первой группы униатских священников (12 человек) во главе с о.о.Костельником, Мельником и Пельвецким. Спустя несколько дней там же в Лавре двое последних, как не связанные узами брака были пострижены в монашество, а затем в кафедральном Владимірском соборе хиротонисаны – о.Антоний Пельвицкий во епископа Станиславского, а о.Міхаил Мельник во епископа Самборско-Дрогобычского[11]. Таким образом,

в Западно-украинских землях появились епископы теперь уже Православные, хотя во главе движения за воссоединение по-прежнему продолжал оставаться протопресвитер Костельник. Одновременно был намечен созыв Собора. Подготовка к нему происходила в обстановке страха, вызванного арестом в течении 1945 г. ряда деятелей Греко-католической церкви. Всем было ясно, какая участь ожидает неподчинившихся заведомо известному решению Собора. Однако, по признанию о.Г.Костельника, ко дню его открытия во Львове только 997 из 1270 священников (78%) пожелали выйти из унии[12]. В своём интервью корреспонденту ТАСС он указал: «Центральная инициативная группа пригласила также на Собор и представителей от противников воссоединения..., но из них на Собор никто не явился, ибо знали, что подавляющее большинство духовенства является сторонниками воссоединения...»[13]. Однако, учитывая политический контекст той эпохи, не трудно догадаться о подлинных причинах неявки сторонников унии.

Собор греко-униатских священников проходил во Львове в соборе Св.Юра 8–9 Марта 1946 г. нового стиля. В нём участвовало 216 священнослужителей и 19 мірян в качестве гостей[14]. Кроме того, гостями Собора были Православные епископы – Львовский Макарий и Мукачево-Ужгородский Нестор, а также секретарь Киевского митрополита протоиерей К.Ружецкий[15].

Первым с докладом выступил епископ Антоний. Затем произнёс речь протопресвитер Г.Костельник, рассуждавший о «запуганной совести» сторонников унии. После него последовал доклад о.Мироновича и выступления ещё 6 священников и двух стариков-мірян. Наконец, прения было решено прекратить, и участники Собора приняли следующие постановления:

1. Ликвидировать Унию 1598 г.
2. Оторваться от Рима.
3. Вернуться к прадедовской Православной вере.
4. Воссоединиться с Русской Православной Церковью[16].

На следующий день 9 Марта происходил чин соединения. Двенадцать ранее воссоединённых священников приняли у остальных исповедь и отречение от «римских заблуждений». Началась литургия. После Херувимской песни четыре епископа прочитали над присоединяемыми разрешительную молитву.

Воссоединение было ознаменовано совместным участием в Евхаристии. Таким образом, приходы Греко-католической церкви Западной Украины официально переходили в ведение Московского Патриархата. В соответствии с этим было принято постановление об изменении церковно-административной, брачной и Богослужебной практики.

Тогда же, 9 Марта, к 2 часам дня в собор св. Юра прибыл экзарх Украины митрополит Иоанн, которого приветствовали о.о.Г.Костельник и Е.Юрик (впоследствии митрополит Львовский и Тернопольский Николай – *авт.*). Затем Преосвященный Иоанн выступил перед собравшимися с речью. Было решено направить обращения Львовского Собора Патриарху Алексию, Вселенскому Патриарху Максиму, духовенству и верующим западных областей Украины, а также И.В. Сталину и председателю Совнаркома УССР Н.С. Хрущёву[17].

4 Апреля 1946 г. делегация Львовского Собора во главе с протопресвитером Г.Костельником (в ея состав входили также епископы Антоний и Міхаил, священники Е.Юрик и Е.Леточинский) прибыла в Москву, где провела неделю. Здесь она была радушно принята Патриархом Алексием I и председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР Г.Г. Карповым[18]. 9 Апреля о.Костельник и Преосвященные Антоний и Міхаил дали интервью корреспонденту ТАСС, имевшее целью рассеять сложившееся у мірового общественного мнения впечатление о произошедших событиях как о насилии над совестью населения Западной Украины[19].

Нужно отметить, что теперь уже бывшие греко-католики, как отмечают очевидцы, в большей своей части достаточно индифферентно отнеслись к происшедшим переменам в их церковной жизни. Причину этого следует видеть, с одной стороны, в том, что строй их приходской жизни претерпел всё же не слишком значительные перемены, а, с другой стороны, определённую роль сыграло и внешнее давление. Однако, полностью ликвидировать униатскую церковь властям не удалось. Не поддающееся точному определению число стойких сторонников унии из числа клириков и мірян ушло в подполье, где организовало тайные общины, существовавшие вплоть до Перестройки, когда они смогли вновь легализоваться. Впрочем, оппозиция сложившемуся положению иногда выходила наружу, принимая порой крайние фор-

мы. Так, 20 Сентября 1948 г. двумя выстрелами в затылок был убит протопресвитер Костельник, шедший из своего храма после совершения литургии домой. Его убийца, видя безуспешность попыток скрыться, там же покончил с собой[20].

Ещё во время войны и особенно в послевоенный период Московская Патриархия занимала резко негативную позицию в отношении Ватикана и вообще Римской церкви, что нашло своё выражение в ряде публикаций[21], а также в выступлениях ея представителей на межправославной встрече в Москве в 1948 г. и т.д. Убийство д–ра Костельника также было использовано в этой антикатолической кампании. Например, «Журнал Московской Патриархии» прямо писал, что оно было совершено «по указанию Ватикана» «агентом Ватикана» и т.д.[22], что, конечно, представляло явную натяжку.

Хотя в Галиции с легальной унией было покончено ещё в 1946 г., всё же униатские приходы и монастыри продолжали оставаться в Закарпатской области, где часть населения говорила на венгерском языке, вследствии исторических связей этой территории с Венгрией. До войны эта область входила в состав Чехословакии. Там имелась Православная епархия, входившая в состав Сербской Церкви. Священноначалие последней передало её в 1945 г. в ведение Московского Патриархата. На Мукачевско-Ужгородскую кафедру (первоначально в неё входила и Пряшевская епархия в Словакии) был назначен епископ Уманский Нестор (Сидорук), которого в 1948 г. сменил сохранявший за собою управление Львовско-Тернопольской епархией архиепископ Макарий.

Автор заметок в ЖМП (1949. №10. С.5–6) о воссоединении закарпатских униатов священник Н.Павлосюк упоминает «шестимесячные труды» Преосвященного Макария по подготовке соответствующего настроения среди униатского духовенства области. Само воссоединение было намечено на праздник Успения Божией Матери, которое отмечается в Закарпатье с особым торжеством. В этот день архиепископ Макарий в сослужении епископов Антония и Міхаила, а также другого духовенства совершил литургию в часовне близ униатского Николаевского монастыря в Мукачеве, причём, Богослужение, благодаря использованию мегафонов было слышно далеко вокруг. Затем, уже в самом монастыре произошло подписание акта о воссоединении закарпатских униатов с Право-

славной Церковью. Так уния в Закарпатье была ликвидирована. Здесь процесс воссоединения протекал более спокойно, чем в Галиции. Видимо, не случайно в прошлом часть населения именно этого края более других тяготела к Православию. Всего в СССР из 590 униатских священников и монахов отказавшихся от перехода в Православие, было арестовано 344. Около 3,000 приходов влилось в Русскую Церковь, 230 не воссоединившихся были сняты с регистрации, закрыли и 48 греко-католических монастырей[23].

В те годы ликвидация унии с Римом имела место не только в СССР. Так, в Октябре 1948 г. воссоединились с Румынской Церковью униаты Трансильвании (Трансильванская уния 1700 г.)[24]. Позднее (28 Апреля 1950 г.) произошёл переход в юрисдикцию Московского Патриархата около 200 тыс. униатов в Чехословакии. (Ужгородская уния 1646 и 1649 гг.)[25]. Ликвидация греко-католических приходов была проведена практически во всех странах «социалистического содружества». Лишь небольшая часть их сохранилась в Болгарии, Венгрии, Югославии, Польше.

Дальнейшая история в очередной раз доказала тщетность и безперспективность любого духовного насилия. Униатская церковь продолжала существовать нелегально, а ея клирики и міряне десятилетиями накапливали затаённую предубежденность, что Православная Церковь является главной виновницей их трагедии. Политические потрясения второй половины 1980-х – начала 1990-х годов, ослабление, а затем и падение советской власти позволили униатам не только легализоваться, но и вновь стать влиятельной силой на Западной Украине. Обострение тогда же религиозно-национальных отношений, вылившихся в открытые столкновения между Православными и униатами, стало горькой расплатой за совершённый некогда политический и нравственный компромисс. Преждевременная насильственная ликвидация унии на долгие годы отдалила подлинную победу Православия в этом крае.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Уния – статья в Энцикл. словаре Брокгауз и Ефрон. Т.68. С.818–833; *Завитневич В.* «Иосиф Семашко». Статья в Правосл. Богосл. энциклопедии. Т.7. СПб. 1906. С.472–480; проф. *Шабашин И.Н.* Из истории воссоединения белорусских униатов. ЖМП. 1949. № 8; *Дмитрук К.Е.* Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. М. 1988.
2. Униаты и советская власть (встреча в Москве. Декабрь 1944 г.). Публикация *Одинцова М.Н.*// Отечественные архивы. 1994. №3. С.56–71.
3. *Одинцов М.Н.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы «Круглого стола», посвящённые 50-летию Победы 13 Апреля 1995 г. М. РА гос.службы при Президенте РФ. 1995. С.37.
4. Об этих арестах сообщили 9 Апреля 1946 г. в своём интервью корреспонденту ТАСС протопресвитер Г.Костельник и епископы Станиславский Антоний и Драгобычский Міхаил; см. ЖМП. 1946. № 4. С.35–37; также: «Львовская правда». 1946. 1 Марта.
Митрополит Иосиф Слипый находился в заключении до 1963 г., пока не был выслан из СССР. Впоследствии проживал в Риме, где продолжал осуществлять духовное руководство греко-католиками украинского происхождения. С 1965 г. – кардинал. Умер в 1984 г.
5. ЖМП. 1946. № 4. С.35.
6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.29–30.
7. Там же. Л.48.
8. *Одинцов М.Н.* Хождения по мукам. 1939–1954 годы. // Наука и религия. 1990. №8. С.21.
9. ЖМП. 1946. № 1. Библиотека «К свету». № 13. 1994. Патриархи смутных времён. С.76.
10. ЖМП. 1946. № 3. Корреспонденция М.М. Чемеринского.
11. *Ружицкий К., прот.* Киево-Львовские торжества Православия. ЖМП. 1946. № 46. С. 5–12.
12. ЖМП. 1946. № 4. С.35–37.
13. Там же.
14. Там же.
15. ЖМП. 1946. № 4. С. 5–12.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. ЖМП. 1946. № 4. С. 35–37.
20. ЖМП. 1948. № 10.
21. См., например, *Николай, еп.* Воинствующий католицизм. ЖМП. 1945. № 4; *Попов Т.Д.*, проф.-прот. Лжегуманизм Ватикана. ЖМП. 1945. № 7; *Гермоген, архиеп.* К вопросу об интригах Ватикана... ЖМП. 1948. № 8; *Его же.* Восточная церковная политика Римских пап Бенедикта XV – Пия XI – Пия XII. ЖМП. 1949. № 4; *Его же.* Характеристика деятельности Ватикана за последние 20 лет. ЖМП. 1949. № 9; *Садовский Е., прот.* Чуют правду. ЖМП. 1948. № 11 и ряд др.

22. ЖМП. 1948. № 10. С. 9, 10, 15, 16, 22
23. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф.5. Оп.33. Д.53. Л.1; РЦХДНИ. Ф.17. Оп.138. Д.111. Л.47.
24. ЖМП. 1949. № 8. С.56–57.
25. *Ведерников А.* Прекращение унии в Чехословакии. ЖМП. 1950. №7. С.40–53. Интересно отметить, что сторонников унии автор статьи обвиняет как «врагов народно-демократического строя, шпионов и пособников поджигателей войны» (С.49). По архивным данным Православными стали 230 приходов – ЦХСД. Ф.5. Оп.16. Д.669. Л.18. Впрочем, униатская церковь в Чехословакии и в дальнейшем продолжала сохранять своё легальное существование. В 1968 году, во время известных событий, в ея лоно возвратились десятки тысяч человек, входивших до того в Православную Церковь в Чехословакии. Всё это говорит о полной несостоятельности грубых силовых методов решения подобных вопросов.

Глава 16

Церковная жизнь в послевоенный период (1945 – 1958 годы).

С окончанием войны перед Московской Патриархией вставали новые задачи, связанные с дальнейшим упорядочением ея жизни при использовании расширившихся возможностей. 10 Апреля 1945 года состоялась ещё одна беседа Сталина с руководством Русской Православной Церкви – Патриархом Алексием, митрополитом Николаем, протопресвитером Н.Колчицким. На ней речь шла прежде всего о задачах Патриархии в области международных отношений. В свою очередь председатель Совнаркома обещал поддержку планам церковного руководства. И вскоре правительство постановлением от 22 Августа 1945 года предоставило Патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам – вопреки ленинскому декрету 1918 года – ограниченное право юридического лица. Им разрешалось открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Интересно, что до середины 1950-х годов купленные представителями других конфессий здания считались национализированными и передавались лишь в пользование, а приобретённые Православными общинами становились их собственностью.

Была получена возможность снова пользоваться колокольным звоном, достигнута договорённость об организации в Москве церковной типографии. Весной 1945 года Патриархия приобрела полиграфическое оборудование, шрифты на 4 языках и с осени планировала начать выпуск Священного Писания, богословских трудов, церковных календарей. Правда, вскоре эта уступка показалась властям чрезмерной. Здания для типографии

выделено не было, и оборудование много лет лежало на территории Новодевичьего монастыря. Не оправдались и расчёты на открытие всех 4 дореволюционных Духовных Академий, семинарий чуть ли не в половине епархий. В то же время удалось юридически оформить существование монастырей, поскольку к концу 1930-х годов все они были уничтожены. Но за годы войны на занятой противником территории возникло около 40 обителей, кроме того ещё 64 традиционно существовали в западных районах страны. В 1944–45 годах местные власти стали вытеснять монахов, конфисковывать их земельные угодья. Эта практика была прекращена постановлением Совета Министров *«О Православных монастырях»* от 29 Мая 1946 года. В нём предлагалось возвратить последним изъятые земли, вывести с территории монастырей государственные учреждения и предприятия, мешавшие их деятельности. В 1946 году Церкви были также переданы часть помещений и храмов Троице-Сергиевой Лавры, мощи преподобного Сергия Радонежского и некоторых других святых угодников.

Приток в клир нового поколения требовал от их руководства заботы об их богословской и практической подготовке. Нужно было найти приемлемый порядок обучения, разработать учебные программы. Определённая работа в этом направлении была проделана ещё в 1943–44 годах Патриархом Сергием и его сотрудниками, усилиями которых в Москве был открыт Богословский институт и пастырские курсы. В дальнейшем работа по возрождению Духовной школы в нашей стране проводилась под руководством видного специалиста в области богословского образования митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), возглавлявшего с 1945 года Учебный комитет Московской Патриархии. К этому времени Духовные школы (Академии и семинарии) обрели ту учебно-воспитательную и управленческую организацию, которая сохраняется в ней и до сих пор. Мы не будем сейчас вдаваться в ея критическую оценку. По-видимому, попытка использовать опыт дореволюционной школы применительно к условиям того времени могла представляться достаточно оптимальной. Однако, существующее развитие богословской и научной мысли, развитие педагогической методики в современном міре, наряду с изменениями в образовательном и духовно-нравственном уровне учащих и учащихся, требуют большой и постоянной работы по совершенст-

вованию нашей Духовной школы в соответствии с теми насущными требованиями, которые ставит перед нею Церковь.

Духовным школам на начальном этапе своего возрождённого бытия приходилось действовать в достаточно трудных условиях. Не хватало помещений, литературы, преподавателей. Десятки клириков вынуждены были обучаться заочно или сдавать экзамены за классы семинарии экстерном. При этом, вследствии указанных выше причин условия их подготовки были весьма не из лёгких.

Состав учащих формировался из преподавателей и выпускников прежних Духовных школ, а в дальнейшем восполнялся способными питомцами новой школы. В возрождаемую Духовную школу порой приходили маститые деятели дореволюционной церковной науки. Так, в корпорацию возрождённой в 1946 году Ленинградской Духовной Академии вошли профессора бывшей Петроградской Академии протоиерей В.М. Верюжский, А.И. Сагарда, В.В. Четыркин.

Впрочем, новым нашим Академиям ни тогда, ни позднее так и не удалось приблизиться к уровню своих славных предшественниц ни в количественном, ни в качественном отношении. Уровень большинства курсовых работ, писавшихся в те времена был весьма невысок, а серьёзных научных трудов создавалось сравнительно немного. Нередко власти намеренно закрывали путь в Духовные учебные заведения одарённым людям: негласные политические просеивания абитуриентов практиковались в советских вузах повсеместно. Принимая на учёбу будущих пастырей, экзаменаторы должны были учитывать возможность провокации: появления в студенческой среде тайных доносчиков или ренегатов. Акты публичного отречения от веры, особенно часто практиковавшиеся во времена Н.С. Хрущёва, негласно подготавливались задолго до этого. Из честных служителей властям были наиболее предпочтительны послушные и заурядные личности, готовые ограничиться исполнением обрядов. Собственно, ориентация на заурядность была характерна для всех советских вузов гуманитарного направления, но на Духовных школах эта пагубная «кадровая политика» отразилась наиболее болезненно. Всё же тогда выдвинулся, хотя и небольшой ряд видных учёных – богословов. Среди них следует назвать ученика знаменитого профессора Дмитриевского, крупнейшего Православного учёного совре-

менности, литургиста, заслуженного профессора Ленинградской Духовной Академии Николая Дмитриевича Успенского († 1986)[1], византолога, автора ряда работ, посвящённых богословскому наследию Максима Грека, профессора Алексея Ивановича Иванова († 1976)[2] и патролога, священника Михаила Чуба (хиротонисанного вскоре в архиепископа Тамбовского, почившего в 1988 году). Гордостью Академии являются такие выдающиеся и талантливые учёные, как профессор протоиерей, серьёзный исследователь Догматики о.Ливерий Воронов, равно как и авторитетный историк РПЦ профессор протоиерей Иоанн Белевцев. По благословению и инициативе митрополита Никодима был предпринят труд по новому переводу Священного Писания на современный гражданский язык. Основную деятельность выполнял профессор протоиерей Владимір Сорокин. Отчасти плоды этого появились в выпусках «Богословских Трудов», однако, отсутствие достаточных учёных сил не позволило продолжить данный труд.

К характеристике приходской жизни того времени, кроме упомянутых объективных трудностей, которые впоследствии лишь усугублялись, следует добавить, что верующие люди весьма горячо откликались на призывы пастырей, стоявших во главе приходов и активно участвовали в сборе средств, а также в работах по ремонту и благоукрашению храмов. Порой велось и храмостроительство. Главным образом, это было возведение небольших деревянных молитвенных сооружений в сельских местностях. Правда, в начале 50-х годов в Ташкенте удалось воздвигнуть и каѳедра́льный собор. Немало трудов для этого было приложено архимандритом, а с 1953 год епископом Ташкентским и Среднеазиатским Ермогеном (Голубевым).

Говоря об уровне благосостояния духовенства в указанный период можно сделать заключение, что несмотря на большие налоги, он благодаря огромному количеству треб, был в подавляющем большинстве епархий сравнительно высоким. Хотя с началом войны массовые аресты духовенства и прекратились, всё же сохранилась характерная для последних лет периода так называемого культа личности система доносительства, главным образом, касавшаяся священнослужителей оказавшихся во время войны на оккупированных территориях и части униатского духовенства. Некоторые рядовые священнослужители также становились жертвами ложных доносов.

Говоря о церковно-общественной жизни в данный период нужно указать, что она проходила в основном на уровне внешнего представительства. Официальные поездки за рубеж Православных иерархов с неизменными интервью о положении верующих в СССР и, разумеется, нисколько это положение не освещавшими, стали в те годы неотъемлемой частью советской дипломатии.

Впрочем, имели место и события, вызывавшие самый горячий отклик у чад Церкви. В первые послевоенные годы по распоряжению советского правительства Русской Православной Церкви были переданы некоторые из сохранившихся и находившихся в музеях и других хранилищах мощей святых угодников Божиих. Так, в 1946 году вместе с храмами и некоторыми другими постройками Троице-Сергиевой Лавры Московская Патриархия получила также мощи великого печальника земли Русской – преподобного Сергия, игумена Радонежского. С этого времени обитель Преподобного является местом стечения огромного числа богомольцев со всех уголков нашей страны, особенно в дни памяти ея основателя. Немало трудов по восстановлению Лавры и приведению ея ансамбля в нынешнее благолепие было положено архимандритом Иоанном (Разумовым, впоследствии митрополит Псковский и Порховский), бывшим в 1946–1953 годах ея наместником. В своих заботах о.Иоанн всегда находил надёжных помощников среди разраставшейся братии Лавры и многих верующих.

Тогда же воссияла святыми останками многочисленных праведников Матерь Русского иночества – Киево-Печерская Лавра, также ставшая одним из ведущих духовных центров того времени.

Великую радость испытали верующие москвичи, когда в 1947 году в связи с 800-летием Москвы по распоряжению И.В. Сталина из Кремля в Патриарший Богоявленский собор были перевезены мощи Святителя Московского Алексия.

Другим событием того времени стало посещение Патриархом Алексием I-м ряда городов нашей страны. Радостно встречали Первосвятителя в 1946 году верующие Ленинграда, а в 1948 году ряд городов Украины – Харькова, Полтавы, Киева и Чернигова. В 1949 году Святейший Алексий отдыхал, совершая поездку по Волге на теплоходе. Духовенство и верующие приволжских городов во множестве приходили на пристань, приветствуя Предстоятеля Церкви Российской. В свою очередь, Патриарх Алексий

посещал соборные храмы в этих городах, обращался к верующим и имел беседы с архиереями и духовенством. Особенно трогательно прошли эти встречи в Ульяновске, Саратове и Астрахани.

Из других городов нашей страны, которые посетил Патриарх Алексий следует указать Кишинёв и Одессу, в последней он каждое лето отдыхал в своей резиденции в Успенском монастыре.

Из руководящих деятелей Московской Патриархии 1945–1950-х годов, кроме упомянутых выше Патриарха Алексия, митрополитов Николая и Григория, следует назвать управляющего делами, а с 1955 г. и председателя Учебного Комитета, протопресвитера Николая Ѳеодоровича Колчинского († 12.I.1961), имевшего в эти годы весьма большое влияние на течение церковной жизни в нашей стране.

Из иерархов в это время известностью и авторитетом пользовались митрополиты Нестор (Анисимов, † 4.XI.1962), ещё до революции занимавший Камчатскую каѳедру (последним местом его служения была Кировоградская и Николаевская епархия), и Варфоломей (Городцов, † 1.VI.1956), 13 лет находившийся на Новосибирской каѳедре. Широко известно было имя архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого, † 11.VI.1961). Известный хирург, профессор, ставший священником, он в 1923 году был хиротонисан во епископа Ташкентского, но оказался сосланным в Красноярск. Здесь во время войны он трудился заведующим эвакогоспиталем. Благодаря его операциям, к которым он никогда не приступал без молитвы, немалому числу раненных воинов были возвращены жизнь и здоровье. В 1943 году последовало назначение Преосвященного Луки на Красноярскую каѳедру. С 1944 года он был епископом Тамбовским и Мичуринским и в том же году возведён в сан архиепископа. А с 1946 по 1961 годы он занимал Симферопольскую каѳедру. Находясь в Тамбове и Симферополе, он совмещал архипастырское служение с профессорской деятельностью в местных медицинских институтах, а до 1956 года, когда он почти совсем ослеп, также и с врачебной и консультативной практикой. Его авторитет в медицинских кругах был весьма велик. В 1946 года за капитальный труд «Очерки гнойной хирургии» ему была присуждена Сталинская премия 1-й степени, большую часть которой он пожертвовал на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов». Архиепископа Луку любили и собратья архиереи, и духовенство

с многочисленными верующими, а также коллеги – медики, студенты и пациенты. У нас в стране и за рубежом по сей день пользуется известностью его апологетическое сочинение «Дух, душа, тело».

Среди церковных деятелей того времени пользовался любовью клириков и верующих Москвы и области архиепископ Можайский Макарий (Даев, † 13.I.1960). Будучи настоятелем Ризоположенского храма в Москве, протоиерей Сергий Даев был в Мае 1944 года пострижен в монашество с именем Макарий и сонмом иерархов во главе с Патриархом Сергием хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. Церковь Ризоположения, что на Донской улице, стала теперь его каѳедральным храмом. Кроме того, с 1948 года на его непосредственном попечении стал находиться вновь открытый Малый собор б.Донского монастыря, где находится могила Патриарха Тихона, а также начало совершаться мироварение. В обязанности Преосвященного Макария входила помощь митрополиту Крутицкому Николаю по управлению Московской епархией и руководство Хозяйственным управлением и Пенсионным комитетом, председателем которых он являлся.

Все уступки Церкви в значительной степени объяснялись заинтересованностью государства в тех или иных международных акциях Московской Патриархии и зачастую предшествовали им. Заинтересованность эта в рассматриваемый период являлась сильной и достаточно многообразной. В последний период войны «тёплые» государственно-церковные отношения в СССР должны были обезпечить благоприятное воздействие на союзников. Московской Патриархии отводилась существенная роль в налаживании контактов с патриотическими движениями, религиозными кругами на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, установлении связей с влиятельными течениями в Англии, США, Канаде, способными оказать воздействие на правительства. Не случайно Поместный Собор в Москве состоялся как раз перед встречей глав правительств стран антигитлеровской коалиции в Крыму в Феврале 1945 года.

С другой стороны, уже в 1943 году Сталина стал безпокоить вопрос о будущем разделе сфер влияния в Европе. Он понимал, что преодолеть идеологический барьер с ея народами будет неизмеримо легче, если прибегнуть к религии, обезпечить передачу

своих идей по церковным каналам. Прежде всего предполагалось использовать Православные Церкви Восточной Европы. С Московской Патриархией были связаны и более глобальные утверждения ея первенства в Православном міре, превращение в своего рода «Московский Ватикан». Определённое значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской Церкви. Советскому руководству представлялось возможным распространить своё влияние таким образом на добрую половину міра. На Апрельской 1945 года встрече Сталина с Патриархом Алексием речь шла даже о сооружении в Москве специального Православного центра с дворцом, типографией, Духовными учебными заведениями и тому подобным.

Активная международная деятельность Московской Патриархии началась уже в Сентябре 1943 года. Конечно, нельзя её оценивать исключительно с политических позиций. Русская Православная Церковь имела традиционные многовековые связи с различными религиозными конфессиями. И поэтому было естественным, как только оказались сняты запреты, восстановление их. Эти контакты касались и сугубо Церковных вопросов. Однако внешние связи Патриархии являлись областью, в которой зависимость Церкви от государства ощущалась более всего. Некоторые иерархи были заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с Ея дореволюционным международным влиянием. Сочувствовали они и идее «великой Руси». Правда, активность руководящих деятелей Патриархии в выполнении чисто политических акций, тяготивших их, оказалась весьма далека от расчётов сталинского окружения. К 1945 году Русской Церкви удалось возобновить многие международные связи. Большой резонанс имели антифашистские обращения Патриарха Алексия к Православным румынам и болгарам. Завязалась активная переписка с Восточными Патриархами. Теснимые другими религиозными течениями, они ожидали получить от сильной и богатой Русской Церкви разнообразную помощь. Ярким примером роста авторитета нашей Церкви явилось обращение в Ноябре 1944 года через штаб 4-го Украинского фронта представителей Мукачевско-Пряшевской епархии о принятии её в юрисдикцию Московской Патриархии. 8 Декабря делегация посетила митрополита Алексия, а 11 Декабря – Карпова, через которого передала письмо Сталину о желании, не только Церкви, но и всей Карпатской Руси (входившей

до войны в состав Чехословакии) воссоединиться с великой Россией.

На Январском 1945 года Поместном Соборе присутствовали главы и председатели 8 автокефальных Православных Церквей, не только заявившие о своей признательности правительству СССР, но и фактически давшие согласие на совместную борьбу с Ватиканом, который представлялся советскому руководству основным противником в новой религиозной международной политике. Установившиеся связи были закреплены поездкой Патриарха Алексия в Мае–Июне 1945 года с официальным визитом к Иерусалимскому, Антиохийскому и Александрийскому Патриархам, опиравшейся на традицию паломничества к святым местам. В начале 1946 года Карпов предлагал Сталину «усилить влияние на восточные Патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в Православном міре, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов». Согласие было получено, и в Ноябре–Декабре 1946 года митрополит Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане, Египте, одаривая местных иерархов крупными суммами валюты, и везде получал от них заверения, что «возглавляемые ими Патриархаты и Церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах»[3]. Наибольшую озабоченность вызывала позиция Константинопольского Патриарха Максима V. Ему в 1946 году передали 50 тыс. долларов. Это принесло свои плоды. Например, Вселенский владыка, несмотря на давление Турецкого правительства, отказался осудить греческих коммунистов, развернувших вооружённую борьбу в своей стране.

Ещё больший успех был достигнут в Восточной Европе. В Январе 1945 года Патриарх Алексий активно содействовал снятию Константинопольской Патриархией схизмы с Болгарской Православной Церкви. В Апреле глава последней митрополит Стефан заявил Московской делегации: «Православная Русская Церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов, как старшая и передовая среди Православных Церквей»[4]. Правда, взаимоотношения Болгарского экзархата с новым правительством страны нормализовались далеко не сразу. Посетившие в Апреле–Мае 1945 года Югославию и Румынию делегации Московской Патриархии были торжественно приняты руководителями этих

государств. В Октябре 1946 года Румынский Патриарх Никодим, всю войну занимавший крайне недоброжелательную позицию к СССР, нанёс ответный визит в Москву. После возвращения он принялся оказывать помощь демократическому фронту в подготовке к выборам. Особенно тесными стали связи Русской и Румынской Православных Церквей после смерти Никодима и избрания в Мае 1948 года нового Патриарха Юстиниана. Сербский Патриарх Гавриил, заключённый в фашистский концлагерь на территории Германии, после освобождения долгое время не желал возвращаться в свою страну. И только переговоры осенью 1946 года с представителями Московской Патриархии заставили его изменить решение. После возвращения он занял лояльную позицию к гражданским властям Югославии и вплоть до своей смерти в 1950 году, несмотря на разрыв И.Сталина и И.Б. Тито, оставался верным другом Русской Церкви.

В Чехословакии после расстрела фашистами в 1942 году единственного епископа Горазда и значительной части священников встал вопрос о самом существовании Православной Церкви в стране. Позволила ей возродиться и многократно вырасти прежде всего помощь из СССР. Приехавший в Октябре 1945 года архиепископ Орловский и Брянский Фотий провёл переговоры с представителями верующих о принятии Чехословацкой Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии. Этот вопрос был решён в Январе 1946 года, а в Апреле главой учреждённого экзархата архиепископом Пражским и Чешским оказался назначен бывший епископ Ростовский Елевферий. В 1947 году первый чехословацкий студент стал учиться в Ленинградской Духовной школе, а 14 Ноября 1948 года удалось открыть Православную семинарию в Карловых Варах. В Апреле 1948 года глава делегации Московской Патриархии в Албании епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор участвовал в хиротонии во епископа бывшего партизана архимандрита Паисия (Водица). Последний в 1949 году возглавил Албанскую Православную Церковь, целиком ориентируясь на Москву. Более сложная ситуация существовала в Польше. Местная Православная Церковь в 1920-е годы объявила себя автокефальной, независимой от Российской, за что подверглась запрещению. После окончания войны «антисоветски настроенный» митрополит Дионисий был отстранён от управления, и Патриарх Алексий настаивал на вхож-

дении Польской Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии. Однако, Польское правительство заняло в этом вопросе резко отрицательную позицию. В Ноябре 1946 года в беседе с Карповым министр юстиции Г.Свентковский заявил о необходимости автокефалии, одновременно подчеркнув, что о руководителе Польской Церкви «должен позаботиться ваш Патриарх Алексий, на которого мы смотрим как на главу всех славянских Церквей»[5]. 22 Июня 1948 года Cvнод Московской Патриархии согласился с самостоятельностью Польского Православия, а в 1951 году на каѳедру митрополита Варшавского и всея Польши был поставлен недавний архиепископ Львовский и Тернопольский Макарий. Постепенно сложился крепкий союз восточно-европейских Православных Церквей под эгидой Московской Патриархии.

Успешно, на первых порах, проходило и воссоединение Русских эмигрантских приходов. Этому способствовало массовое патриотическое движение в эмигрантской среде в годы войны, появление чувства гордости за свою великую, победившую фашистские державы Родину, связь с которой для большей части была возможна лишь через церковные каналы. «Атмосфера, существовавшая во Франции к концу войны и в период сразу после войны, была исключительно благоприятной как для Советского Союза, так и для Московской Патриархии... Сильная волна советского патриотизма захватила этот важнейший район русской эмиграции»[6]. Уже вскоре после освобождения Парижа, в Ноябре 1944 года глава Западно-Европейской Русской епархии митрополит Евлогий написал Патриарху Алексию о желании пересмотреть свой статус и восстановить связи с Москвой. Воссоединение состоялось в Сентябре 1945 года во время поездки во Францию митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича). Из епархии был образован экзархат Московской Патриархии. В Сентябре 1945 года воссоединился с ней глава Западно-Европейской епархии заграничного архиерейского Cvнода митрополит Серафим (Лукьянов). Подобные процессы охватили Русские приходы в Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Великобритании и многих других странах Европы, Америки, Африки и Азии. Так, сразу же после избрания Патриарха Алексия архиереи Дальневосточных епархий Заграничной Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием стали возносить на Богослужениях его имя, несмотря на угрозы и репрессии Японских властей. В Октябре

1945 года они были приняты в юрисдикцию Московской Патриархии, как Русская Духовная миссия в Китае.

В Финляндии монахи Валаамского монастыря ещё в Ноябре 1944 года ходатайствовали о воссоединении. В Октябре 1945 года в эту страну приехал митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, принял в каноническое общение Коневецкий и Валаамский монастыри, 2 прихода в Хельсинки и взял письменные обязательства архиереев Финляндской Православной Церкви о скором возвращении их из Константинопольской Патриархии в Московскую. В 1946 году и правительство Финляндии, судя по заверениям ея посла в СССР, было согласно с этим актом, намеченным на Декабрь. Но запланированный приезд Финской делегации в Москву не состоялся. Видя, что разработанный план сорвался, в Совете по делам РПЦ решили изменить тактику и другим способом завоевать нового союзника. В Мае 1948 года Патриарх Алексий известил архиепископа Германа о своём решении даровать возглавляемой им Финляндской Православной Церкви полную автокефалию при условии предварительного возвращения в юрисдикцию Московской Патриархии. 16 Ноября Патриарх даже составил соответствующее постановление Cунода, однако Собор Финляндской Церкви был перенесён с осени 1948 года на 1950 год, причём и тогда отложил решение этого вопроса до 1955 года. Таким образом, в Финляндии воссоединились с Московской Патриархией 4 указанных монастыря и прихода.

Возвращению Русских эмигрантских приходов в юрисдикцию Московской Патриархии первоначально способствовал острый кризис Зарубежной Русской Православной Церкви. Ея высший орган – Архиерейский Cунод в 1944 году по разным причинам сократился до 3 членов и фактически больше года активно не функционировал. Советская пропаганда распространяла утверждение о том, что он перестал существовать. Важной задачей Совета по делам РПЦ была окончательная ликвидация влиятельной в своей сфере Зарубежной Русской Церкви. 10 Августа 1945 года Патриарх Алексий написал обращение «К архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации», призывая их принести покаяние. Однако ожидаемого результата оно не принесло. Зарубежная Церковь пополнилась оставившими в годы войны Родину десятками тысяч верующих из Украины, Белоруссии, России и постепенно восстановила многие свои позиции. Вес-

ной 1946 года в ней насчитывалось уже 26 иерархов. 10 Мая Архиерейский Собор в Мюнхене принял заявление по поводу обращения Патриарха: «Мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью, и пока вся Русская Церковь лишена присущей Ей по Ея Божественной природе истинной свободы»[7]. На настроениях Русских эмигрантов сильнейшим образом неблагоприятно сказывались политические акции, которые предпринимала Московская Патриархия под давлением государственных органов. Если бы не эта явная компрометирующая зависимость, воссоединение эмигрантских приходов шло бы значительно успешнее. Сыграло свою роль и открытое давление властей ряда западных государств, прежде всего США. Так, например, священники Русских приходов Египта и Южной Кореи, вернувшиеся в юрисдикцию Московской Патриархии, были арестованы и после тюремного заключения высланы из этих стран. В 1946 году Православные японцы обратились к Патриарху Алексию с просьбой прислать им епископа, но Американские военные власти не пропустили его и вскоре спровоцировали раскол, способствовав приезду в Японию епископа из США и передав ему все храмы и помещение Русской Духовной миссии. Ощутимую неудачу потерпела Московская Патриархия после смерти в Августе 1946 года возглавлявшего Западно-Европейский экзархат митрополита Евлогия. 17 Октября епархиальное собрание клира и мірян высказалось за своё пребывание в качестве автономного экзархата в лоне Константинопольской Патриархии. Верными Патриарху Алексию остались лишь около 20 приходов[8].

Упорная борьба развернулась в Северной Америке. Ряд Православных архиереев и священнослужителей перешли там в юрисдикцию Московской Патриархии в 1944–45 годы. Автономная Северо-Американская митрополия, в 1935 году восстановившая связь с Заграничным Архиерейским Синодом, с Октября 1943 года кроме его главы митрополита Анастасия стала возносить за Богослужениями и имя Патриарха Сергия. В Феврале 1945 года делегация митрополии посетила Москву с ходатайством о предоставлении автономии в составе Патриархии. Однако, она получила указ с требованием, чтобы Американская Церковь соборно объявила распоряжение по всем приходам об отказе от политических выступлений против советской власти. Именно это далёкое

от Церковных канонов условие стало главным препятствием и вызвало категорическое несогласие с переходом в юрисдикцию Московской Патриархии Собора епископов митрополии в Мае 1945 года. В дальнейшем оно было заменено требованием прекращения всякого общения с Заграничным Cунодом. После этого состоявшийся 26-29 Ноября 1946 года Всеамериканский Собор клира и мірян подавляющим большинством голосов постановил просить Московского Патриарха принять их в лоно своей Церкви при условии сохранения полной автономии, с прекращением какого-либо подчинения Заграничному Cуноду. Глава Американской Церкви митрополит Феофил в Феврале 1947 года послал телеграмму с согласием на приезд делегации Патриархии для окончательного урегулирования вопроса, но вскоре не без воздействия внешних сил изменил свою позицию. Он отказался от встречи с находившимся в Июле–Октябре 1947 года в США митрополитом Григорием (Чуковым). Последнему передали проект автономии Русской Православной Церкви в Северной Америке, фактически предусматривающий полную внутреннюю самостоятельность, вплоть до необязательности постановлений Патриарха и Поместных Соборов. Проект шёл в разрез с объединительной тенденцией Московской Патриархии на началах централизма. Соглашение не состоялось, и Американская Церковь по-прежнему осталась независимой[9].

Русских эмигрантов отпугивала и открытая борьба Московской Патриархии с Ватиканом, инспирированная кремлёвскими стратегами. Она была ещё одной важнейшей составляющей сталинского плана создания мірового религиозного центра в Москве. Стратегия закрепления в Восточно-европейских странах включала и преодоление влияния в них Римского папы, занимавшего после войны резко антикоммунистические позиции. Антикатолические планы стали созревать у Сталина в конце 1944 года и впервые были опробованы на Поместном Соборе 1945 года. Уже вскоре они самым трагическим образом сказались на судьбе униатской Церкви в СССР. В Декабре 1944 года делегация украинских греко-католиков была принята в Совете по делам религиозных культов. Его руководство по согласованию с В.Молотовым и Н.Хрущёвым указало, что все ея просьбы, не расходящиеся с законом, будут удовлетворены. Совет принял от делегации 100 тыс. рублей, собранных униатами в фонд Красного Креста. Но через 2–3 месяца отношение стало

меняться. Наличие в СССР нескольких миллионов верующих, объединённых в особую Церковь, связанную с Ватиканом, виделось И.В. Сталину крайне нежелательным.

15 Марта 1945 года Г.Карпов писал Сталину, что Православная Церковь «может и должна сыграть значительную роль в борьбе против Римо-католической Церкви...; а) организовать в городе Львове Православную епархию...; б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы...; е) организовать внутри униатской Церкви инициативную группу, которая должна будет заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в Православие»[10]. Для привлечения Патриархии правительство пошло на значительные уступки в западных областях СССР. Они вызвали заинтересованность части иерархов. Первоначально униатскому епископату предложили «самоликвидироваться». Некоторое время глава Церкви митрополит Иосиф (Слипый) вёл переговоры с Московской Патриархией. Когда же определённо выяснилось, что все 5 униатских архиереев не желают переходить в Православие, в Апреле 1945 года их арестовали. Через месяц появилась «инициативная группа» по воссоединению во главе с протопресвитером Г.Костельником, которая развернула широкую агитацию. Следует отметить, что движение полностью инспирировано не было. Среди верующих Западной Украины традиционно существовало сильная тяга к Православию. Значительная часть униатов стала бы Православными добровольными, и вмешательство государственных органов, кровавые репрессии только дискредитировали естественный ход этого процесса.

К весне 1946 года 997 из 1270 униатских священников Западной Украины подписали заявления о присоединении к «инициативной группе». 8–10 Марта на Львовском Соборе Греко-католического духовенства и мірян было принято решение о воссоединении с Православной Церковью и упразднение Брестской унии 1596 года. Как видно из документов ЦК ВКП(б), осуществление акции контролировал 1-й секретарь компартии Украины Н.С. Хрущёв, который по всем значительным деталям запрашивал санкции Сталина. Львовский собор нанёс ощутимый удар по Ватикану. Но это оказалось только началом. 14 Февраля 1947 года Карпов представил на утверждение новую программу борьбы с центром католицизма: «а) окончательно ликвидировать униат-

скую церковь в СССР; б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей...; д) создать альянс христианских Церквей в виде международного движения во главе с Русской Православной Церковью для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нём все другие вероисповедания»[11].

Часть этого плана была выполнена. В Августе 1949 года в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские греко-католики приняли решение о ликвидации Ужгородской унии 1649 года. Два их епископа попали в лагеря ГУЛАГа. Всего из 590 униатских священников и монахов СССР, отказавшихся от перехода в Православие, арестовали 344. Около 3000 приходов влились в Русскую Церковь, 203 не воссоединившихся было ликвидировано. Закрыли и 48 греко-католических монастырей[12]. Кроме того, в 1948 году перестала существовать униатская Церковь в Румынии, в 1950 года в Чехословакии и так далее.

Одно время казалось, что планы создания «Вселенского первенства Русской Православной Церкви» близки к осуществлению. В Сентябрьском 1946 года номере «Журнала Московской Патриархии» говорилось «об исключительном оживлении в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва – Третий Рим, а четвёртому не быти»[13]. Ещё в Марте 1946 года митрополит Николай (Ярушевич) писал в Совет по делам РПЦ о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Эта идея была полностью одобрена И.Сталиным, возлагавшим на её осуществление большие надежды. Первоначальный замысел отличался немалым размахом. 13 Января 1947 года Патриарх Алексий писал Карпову о предполагаемом проведении 1–10 Октября в Москве Собора всех существовавших тогда в міре автокефальных Православных Церквей, причём они должны были представляться своими главами. Планировалось и участие делегаций Сиро-Халкидонской, Армяно-григорианской, Коптской Церквей в связи с обсуждением вопроса об их соединении с Православием. 23 Января начала работать подготовительная комиссия Патриархии. В программу Собора намечалось включить 9 вопросов, главные из которых носили «политический» характер – отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению. Для создания заинтересованности у будущих участников в начале 1947 года гото-

вилась передача подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской, Александрийской Патриархиям в Москве, Киеве и Ленинграде; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской, Сербской Церквей. В свою очередь и Московской Патриархии пообещали передать все здания Троице-Сергиевой Лавры, собор в Новодевичьем монастыре и так далее. В середине Февраля планы были откорректированы: в Сентябре 1947 года намечалось проведение предсоборного совещания, основной целью которого провозглашалась подготовка созыва в 1948 году Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской».

Однако, все эти замыслы сразу стали рушиться. В Январе 1947 года тяжело заболел и полностью отошёл от дел лояльный к СССР Константинопольский Патриарх Максим. Его окружение, почувствовав в Московской Патриархии соперника по вопросу лидерства в Православном міре, заняло гораздо более жесткую позицию. На Константинополь всецело ориентировалась Греческая и Кипрская Церкви. Так, от главы последней архиепископа Леонтия 29 Июня 1947 года в Москву пришла телеграмма: «К сожалению не принимаем приглашения на всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская»[14]. Сыграла свою роль и широкая кампания в западной прессе по компрометации Русской Церкви. В борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан, роль которого в міре явно недооценили. На Восточных Патриархов оказывалось разностороннее давление. Представители различных американских организаций подкупали их разными суммами валюты. Например, руководитель международного общества по охране свободы религии Ж.Нусбаум даже в Софии и Праге убеждал Православных иерархов отказаться от поездки в Москву, обещая значительную материальную помощь.

В результате, срыв первоначальных планов стал очевиден. Советское руководство решило ограничиться более скромной задачей – проведением в Москве летом 1948 года совещания глав Православных Церквей под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. Поскольку на приезд значительной части Восточных Патриархов надежды уже не было, на совещании намечалось окончательно оформить европейский Православ-

ный блок. В связи с этим в Сентябре 1947 года в Сочи готовилась ещё одна встреча Патриарха Алексия со Сталиным, но из-за нездоровья Первосвятителя и по ряду других причин она не состоялась.

В конечном итоге совещание оказалось даже более представительным, чем ожидалось. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13-ти. Иерусалимский Патриарх прислал телеграмму с извинениями, что только война в Палестине и осада Иерусалима помешали его представителям прибыть в СССР, и впоследствии одобрил все решения совещания. Лишь Кипрская Церковь не изменила Своей безкомпромиссной позиции. Сербский же Патриарх Гавриил мужественно приехал, несмотря на запрещение и прямые угрозы репрессий со стороны своего правительства. А ведь в Югославии в это время действительно проводились массовые аресты православных священников. В беседах с Карповым владыка говорил о своей верности России, поддержке Москвы в ея конфликте с И.Б. Тито и желательности иметь во главе правительства не хорвата, а серба. Две делегации – Константинопольская и Греческая (Элладская) прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь воздействием на некоторых глав Церквей сорвать принятие ряда решений.

Празднества и заседания проходили в Москве почти всю первую половину Мая. Об их ходе Г. Карпов чуть ли не ежедневно писал доклады секретарям ЦК ВКП(б) – сначала А.Жданову, а затем Г.Маленкову. Их копии передавались Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства. Так, отдел пропаганды и агитации ЦК 6 Июля высказал мнение: «В проекте резолюции «Ватикан и Православная Церковь» желательно было бы сказать сильнее о реакционном, антинародном характере деятельности Ватикана и папизма. В особенности необходимо указать на поддержку папофашизма и на организацию им борьбы против СССР»[15]. Пожелания были учтены.

В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Колебался Болгарский митрополит Стефан. Его поведение определила только телеграмма министра иностранных дел о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление Патриаршества. Единогласно были приняты постановле-

ния «Ватикан и Православная Церковь», направленные против Римского папы и гнезда протестантизма Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего міра». В резолюции «Об Англиканской иерархии» – хотя и в мягкой форме – ей фактически отказывали в признании действительности. Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи. Англиканская церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство. Между тем на совещании решались и вопросы, которые вполне могли бы ставиться на Вселенском Соборе. Изданные деяния его содержат большой и интересный материал по многим и теперь злободневным богословским вопросам. К сожалению, это был кратковременный прорыв Православной мысли, возможно «по недосмотру» контролирующих государственных органов.

С точки зрения советского руководства, как видно из итогового отчёта Карпова, совещание прошло успешно. Задача минимум – сплочение Восточно-Европейских Церквей под руководством Московской Патриархии была выполнена, намеченные постановления приняты. В Совете Министров приступили к подготовке так и не состоявшихся решений об организации новых встреч глав Православных Церквей, увеличении денежной помощи Восточным Патриархам, усиление деятельности Русской Церкви за границей. Но международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали существенным образом меняться. Чувствовалось, что некоторое «благоволение» Сталина к Московской Патриархии заканчивается.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились уже в 1947 году, по мере выявления ограниченности возможностей использования Патриархии на международной арене и соответствующего падения интереса к ней. Вдвое по сравнению с 1946 годом снизилось количество официально открытых храмов. Вплоть до начала 1947 года Церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-патриотические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды – помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и тому подобное. Многие выплаты имели конкретные адреса – детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через «собесы». Эта практика, поднимавшая авторитет Церкви, вызывала озабоченность властей, и

в Феврале 1947 года, согласно указанию из Совета Министров, Патриарх предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, а также усилением налогового бремени. Так, в Марте 1947 года митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий оказался вынужден отправить Патриарху телеграмму: «Налоговое обложение сильно завышенное, совершенно не соответствующее фактической доходности – ставит причты ленинградских храмов в полную невозможность оплаты... Необходимо неотложное вмешательство центра»[16].

Появились первые помехи на пути поступательного роста Духовных школ. С 10 до 8 сократилось число семинарий. Не удалось добиться запланированного Патриархией открытия Новосибирской семинарии. Правда, недостаток семинарий в 1947–48 годах удавалось отчасти компенсировать большим количеством краткосрочных Богословско-пастырских и Церковно-певческих курсов. Постепенно, несмотря на жёсткие нормы, росло количество учащихся в Духовных школах. Самым большим достижением было получение в 1948 году, под предлогом подготовки Православных пастырей в западных областях страны, разрешения на открытие заочного сектора обучения в Ленинградских Академии и семинарии. Попытки же митрополита Григория добиться почти двойного увеличения дозволенных норм приёма на первые курсы Духовных школ закончились неудачей.

В 1947 году в верхах вновь появилось стремление оживить практически свёрнутую атеистическую пропаганду. До И.Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая часть критикует «забвение ВКП(б) необходимости решительной антирелигиозной борьбы». «Вождь» не мог полностью игнорировать такие настроения. Выдвинув в 1947 году на пост секретаря ЦК М.А. Суслова, он посоветовал ему «не забывать об атеистической пропаганде среди народа», в то же время отметив, что этот вопрос сейчас не самый главный. В Июле 1947 года было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний» – естественно, на основе материализма. Секретариат ЦК ВКП(б) в Октябре на закрытом заседании обсудил состояние отношений правительства с Церковью и пришёл к выводу, что их надо развивать, не

переоценивая перспективы последней и без излишне настойчивой опеки Её[17].

Эти симптомы предвещали скорое изменение всего положения Московской Патриархии. В 1948 году в количественном отношении она достигла пика своего развития за послевоенное время. На 1 Января в стране насчитывалось 14329 Православных храмов, из которых 1270 было открыто с разрешения Совета по делам РПЦ в 1945–47 годы. На регистрации у Совета числилось 13104 священника и диакона, 70 архиереев, причём 46% из них ранее арестовывались. В двух Духовных Академиях и 8 семинариях обучалось 562 человека. Количество монастырей за 1946–47 годы сократилось с 104 до 85, в которых имелось 4632 насельника. Небольшой рост продолжался до 1949 года. В Марте 1948 года было получено разрешение на открытие ещё 27 храмов. Кроме того в Православие продолжали переходить униатские приходы. Таким образом, к 1 Января 1949 года число храмов достигло 14477, а количество духовенства к 1 Июля – 13483. Цифры, которые сообщались міровой общественности, с 1944 года значительно завышались – до 22 или даже до 26 тыс. приходов. Однако, по иронии судьбы они возможно фактически не слишком отличались от реальных. По данным Г.Карпова, только в Рязанской и Горьковской областях на 1 Января 1949 года действовало 211 нелегальных православных молельных домов[18].

Перелом в государственно-церковных отношениях, произошедший во второй половине 1948 года, был вызван целым комплексом различных причин. Прежде всего повлияло резкое падение заинтересованности советского руководства в международных акциях Русской Церкви. Потерпели крах все «средиземноморские» планы Сталина в Греции, Турции, Израиле и соответственно не так нужны стали Восточные иерархи. А 1 Ноября 1948 года новым Константинопольским Патриархом был избран «американский ставленник» архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. В основном завершилось выполнение Московской Патриархией своей «миссии» в Восточно-Европейских странах, где утверждались режимы «народной демократии». Явной неудачей закончились планы создания Православного Вселенского Патриархата в Москве. Кроме Римского папы у Московской Патриархии появились новые сильные конкуренты – Константинопольский владыка и Всемірный Совет Церквей, со-

зданный на проходившей в Августе–Сентябре 1948 года Ассамблее экуменического движения в Амстердаме. Несмотря на всё противодействие СССР, в организации ВСЦ участвовали и 3 автокефальных Православных Церкви.

Существовала и другая группа факторов: переключение внимания И.Сталина на новый виток внутриполитической борьбы, чисток и репрессий; уже отмечавшиеся его уступки части партийного аппарата, не одобрявшей послаблений по отношению к Церкви; некоторые кадровые перестановки и тому подобное. Вновь полным ходом заработала «машина устрашения». Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личностного самосознания, религиозного жизнеощущения. Политика ограничения свободы совести не могла не коснуться Церкви, Которую, несмотря на все стремления, не удалось полностью превратить в элемент тоталитарной системы. Раздражение чиновников государственного аппарата вызывало и постоянное настойчивое стремление руководящих деятелей Патриархии расширить свою сферу влияния, в их представлении явно переходящее рамки дозволенного.

Первые существенные ограничения деятельности Церкви последовали уже в конце лета 1948 года. 25 Августа под давлением Совета Cvнод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне Богослужений, печатания в епархиях без разрешения Cvнода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, запрещении всяких молебствий на полях и т.д. А вскоре состоялась безпрецедентная акция, показавшая всю мстительность И.Сталина. 10 Августа 1948 года распоряжением Совета Министров, подписанным в качестве заместителя председателя К.Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов. Однако 28 Октября Совет Министров постановил отменить распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано председателем И.В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. Этот факт и последовавшее за ним насильственное закрытие только что открытых церквей вызывало резкое изменение в отношении к ходатайствам верующих как в центре, так и на местах. Напрасно Совет по делам РПЦ посылал 4 и 11 Декабря 1948 года, 24 Ноября 1949 года представления

К.Ворошилову о необходимости открытия 28, а затем хотя бы 4 храмов – они даже не ставились на рассмотрение[19].

Вплоть до смерти И.Сталина ни одного разрешения на открытие новых православных храмов официально дано не было. Более того, для конца 1940-х – начала 1950-х годов характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. Активно выявлялись и ликвидировались нелегальные молельные дома. 16 Ноября 1948 года Cунод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки закона Божия для детей. Новые ограничения вызывали сопротивление как мірян, духовенства, так и некоторых архиереев. Например, 15 Августа 1949 года Г.Карпов сообщал М.Суслову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в Январе –Июне уполномоченные Совета сняли с регистрации 12 священников. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука написал Патриарху письмо с протестом против «абсолютного» запрещения обучения детей основам христианской религии. Примечательно, что с ответным посланием Святейшаго владыки Алексия от 18 Января 1949 года было ознакомлено 15 высших партийных и государственных руководителей. К этому времени архиепископ Лука закончил своё знаменитое исследование «Дух, душа, тело», которое стало одним из первых образцов церковного «самиздата».

Удар по Патриархии готовился сильный. Уже в Сентябре 1948 года под руководством М.Суслова был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако, с ходу он не прошёл. Тогда часть аппарата, вдохновлённая откровенно недружественным к Церкви Октябрьским жестом вождя, фактически организовала крупную провокацию, причём одновременно и против Церкви, и против Совета по делам РПЦ. 6 Декабря Карпов – вряд ли самовольно – разослал уполномоченным инструктивное письмо, предлагая принять меры к тому, чтобы на местах не чинились препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебнов и «крещенских водосвятий». Естественно, многолюдные крестные ходы состоялись во многих городах и сёлах. Повод для нагнетания антицерковных настроений был найден скоро. 5 Февраля 1949 года министр госбезопасности СССР В.Абакумов написал Г.Маленкову, что в Саратове в молебне «водосвятия» на Волге участвовало

30 тыс. жителей и свыше 500 из них купалось в специально оборудованной проруби, предлагая разобраться с виновными. Тут же в «Правде» появилась разгромная статья «Саратовская купель».

Непрошедший Сентябрьский проект постановления ЦК был назван – «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний» и переработан с учётом «саратовского козыря». Серьёзные обвинения выдвигались теперь и против Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого якобы «стали видеть своё главное назначение в оказании содействия церковным организациям». В разработанном проекте нового положения о Совете по существу эта организация должна была подвергнуться разгрому. Все должности уполномоченных ликвидировались, а сами они, вероятно, большей частью оказались бы в лагерях. Но Сталина не устроил и второй вариант. Тогда в Апреле заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Д.Т. Шепилов представил на рассмотрение «вождя» новый, ещё более скромный проект постановления под названием «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника «крещение» в городе Саратове». Пытаясь скомпрометировать в глазах И.Сталина Г.Карпова, в сопроводительной записке Шепилов подчёркивал, что тот регулярно одаривал и сам принимал подарки от руководства Патриархии. В приложенном переработанном проекте положения о Совете ликвидировалась лишь треть должностей уполномоченных, его права сужались в меньшей степени, чем раньше. Однако и третий вариант 13 Мая был отправлен в архив с пометкой: «Решения не принималось. Вопрос тов.Маленковым был доложен тов. Сталину»[20].

Интересно, что в Апреле отдел пропаганды и агитации уже разослал на места материалы для очередных семинаров секретарей райкомов ВКП(б) по 6 темам, в том числе «Научно-атеистическая пропаганда», во многом составленные в привычных традициях 1930-х годов. А через 3 недели специально созданная комиссия во главе с Д.Шепиловым была вынуждена заново отредактировать и разослать их, убрав всякую критику Совета по делам РПЦ, фразы о «воинствующем пролетарском атеизме», «непримиримой» борьбе и т.п.[21] В 1949 году очередная антирелигиозная война всё-таки не захлестнула Церковь. Продемонстрировав партийным кадрам верность заветам классиков марксизма, И.Сталин не желал кардинально менять избранный курс

в религиозном вопросе. Церковь была ещё нужна. «Вождь» учитывал фактор усталости населения СССР от коммунистической пропаганды и тот эффект, который могло принести использование выступлений священнослужителей в своих целях. Кроме того, Церковь вновь приобрела такой вес, что война с ней могла принести слишком большие издержки. Появился и новый фактор заинтересованности в международных акциях Патриархии – ея миротворческая деятельность.

Многомиллионное движение за мир, охватившее весь земной шар в конце 1940-х годов, отнюдь не было «целиком и полностью» инспирировано СССР, однако активно использовалось советским руководством в пропагандистских целях. С первых шагов движения в его работу включилась Московская Патриархия. «Проблема мира, как таковая, во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между Церковью и государством потому, что здесь существовала большая возможность оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства»[22]. Подобная деятельность также позволяла Патриархии укреплять свой международный авторитет, оказывать влияние на верующих и священников, выражая их желание предотвратить новую войну. Мирная политика вообще заложена в самом существе Церкви, тогда как у государства она может быть преходящим этапом.

Движение сторонников мира оформилось в Апреле 1949 года на конгрессе в Париже, положившем начало работе Всемірного Совета Мира (ВСМ). Представлявший Московскую Патриархию митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) выступал на одном из заседаний конгресса и оказался избран в состав постоянного комитета ВСМ. Делегаты от Русской Православной Церкви участвовали в Августе 1949 года в деятельности I-й Всесоюзной конференции сторонников мира, а также и всех последующих, были представлены в «Советском комитете защиты мира». Постепенно иерархи и священники включились в работу республиканских и областных комитетов защиты мира. Епископат и духовенство стали систематически выступать с проповедями на миротворческие темы. С Мая 1949 года в «Журнале Московской Патриархии» появился постоянный раздел «В защиту мира». Большой вклад Церковь внесла в 1950 году в сбор подписей под Стокгольмским воззванием постоянного

комитета ВСМ о запрещении ядерного оружия. В аналогичных кампаниях Патриархия сразу заняла руководящее положение в отношении всех других конфессий в СССР. Так, в Мае 1952 года в Троице-Сергиевой Лавре состоялась «Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира». Не оставались в стороне и дружественные Православные Церкви других стран. В Июле 1954 года собравшиеся на праздновании памяти преподобного Сергия Радонежского главы 4 Патриархий и Болгарский митрополит приняли «Обращение к христианам всего міра» с призывом умножить усилия в деле защиты мира. Естественно, подобная деятельность носила во многом односторонний, выгодный СССР характер. Роль «поджигателей войны» предназначалась исключительно западным державам. Не случайно Патриарх Алексий в Ноябре 1952 года, как и в 1946 году, был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Кроме того, Московская Патриархия своим авторитетом поддерживала разнообразные меры советского правительства или осуждала действия его противников. После начала войны в Корее Патриарх и Священный Cynod 21 Августа 1950 года послали обращение в Совет Безопасности ООН, настаивая на прекращении американских бомбардировок и выводе иностранных войск из страны. Протестовали они против вооруженной борьбы с греческими коммунистами и тому подобного. Исходившие от духовенства заявления оказывали гораздо более сильное воздействие на христиан капиталистических стран, чем обычная советская пропаганда.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов блок Восточно-Европейских Православных Церквей в основном сохранялся, хотя интерес к нему со стороны правительства СССР значительно снизился. Выделяемые государством валютные ассигнования на международную деятельность Московской Патриархии резко упали. В Ноябре 1951 года ею официально была предоставлена автокефалия окрепшей Чехословацкой Православной Церкви, но главой ея остался прежний экзарх митрополит Елевферий. Удавалось удерживать в сфере влияния Москвы Антиохийскую, Александрийскую и Иерусалимскую Патриархии. Последние две даже прервали каноническое общение с Зарубежной Русской Церковью. Представительных же международных совещаний, подобных состоявшемуся в 1948 году, не проводилось. Постепен-

но стала затухать борьба с Ватиканом. В 1949 году Римский папа опубликовал акт об отлучении от Церкви католиков-коммунистов и сочувствовавших им. Конечно, Патриарх Алексий выступил с осуждением его. Но это была одна из последних подобных акций. Без мощного давления советского государства конфронтация православных и католических иерархов заметно ослабевала. Поддерживались контакты Московской Патриархии с христианскими конфессиями западных стран. В 1951–1953 годы СССР неоднократно посещали представительные делегации Англиканской и Германской Евангелическо-лютеранской Церквей.

В последние годы жизни И.Сталина снизилась активность деятельности Патриархии не только за рубежом, но и внутри страны. Государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения Ея влияния при сохранении внешне ровных отношений. Антирелигиозная пропагандистская кампания, начавшая было разворачиваться в 1949–50 годах, вскоре оказалась свёрнутой. На XIX съезде партии в Октябре 1952 года эта тема практически вообще не поднималась. Но уже в Марте 1949 года Г.Карпов указал святейшему владыке Алексию, что «Cvноду и Патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность Церкви храмом и приходом»[23]. Неоднократные попытки первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. С угасанием интереса «вождя» к религиозным проблемам, значительно выросла роль Совета по делам РПЦ. Его центральный аппарат к Маю 1952 года с первоначальных 9 увеличился до 44 сотрудников. Совет всё больше сосредотачивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы Церкви указы и постановления. Начиная с 1949 года, постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы кроме Пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населённым пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали ещё активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. Так, бюро Ивановского обкома ВКП(б) по этой причине исключило из партии в 1949 года 105, а в I квартале 1950 года 44 человека. В 1950 году по рекомендации Совета был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в

армию учащихся Духовных школ, не имевших сана. Усилилось бремя налогов. В 1951 году не только стали облагать ими причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и в принудительном порядке заставили уплатить соответствующие суммы за 1949–1950 годы. В том же году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном. Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев. Например, в Сентябре 1948 года был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), а в 1949 году осудили на 10 лет Красноярского епископа только за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «преподнести от имени пионеров» торт приехавшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею. Причём ЦК ВКП(б) утвердило решение краевого комитета о снятии с должности «за пособничество церковникам» Красноярского уполномоченного, несмотря на активную защиту его Карповым[24].

Нарастание ограничений в конце-концов привело к острому конфликту даже с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, наиболее часто используемым властями в различных внешнеполитических акциях. В Августе 1952 года из отдела пропаганды и агитации ЦК к Г.Маленкову поступила записка о том, что «Николай публикует в «ЖМП» свои богословские проповеди, которые сеют среди верующих пессимизм, мракобесие, не содержат призывов к бодрости, к самоотверженному труду на пользу Родине и на укрепление мира». В своей беседе с митрополитом Карпов поднял этот вопрос. Реакция владыки оказалась крайне резкой. В его письменном ответе в Совет заявлялось, что произведённое внушение «недалеко от замысла сделать меня врагом своего народа, ... лишить меня свободы церковного слова». В знак протеста митрополит Николай ликвидировал в журнале отдел проповедей, хотя продолжал ежедневно произносить их в храмах Москвы. Видимо, тяготясь некоторыми своими функциями, он неоднократно ставил вопрос об освобождении от участия в работе Всемірного Совета Мира. В свою очередь и отдел пропаганды рекомендовал подобрать «более соответствующую» целям советской политики кандидатуру, но в тот период найти её не удалось[25].

В целом к 1953 году – концу второго этапа своей послевоенной истории – Патриаршая Церковь заметно сократилась количественно. На 1 Января 1952 года в стране насчитывалось 13786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Количество священников и диаконов уменьшилось до 12254, монастырей до 62 с 4639 насельниками. Только в 1951 году было закрыто 8 обителей. Уже распались братства, ранее существовавшие на Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Не лучшие времена переживали Духовные школы. Количество учащихся на дневном отделении по сравнению с 1948 годом почти не увеличилось, составив 633 человека. В полтора раза сократилось число подававших заявления о приёме на первый курс Академии или семинарии. Совет энергично отсеивал абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составляло заочное отделение в Ленинграде. Численность его учащихся бурно росла, достигнув к Июлю 1952 года 216 человек. Это особенно беспокоило власти, и намеченное на Сентябрь открытие подобного отделения в Московских Духовных школах так и не состоялось[26].

На территории СССР имелось 63 правящих архиерея. В Июньском информационном докладе тайного осведомителя властей профессора протоиерея А.Осипова содержится хотя и тенденциозная, но не лишённая интереса их характеристика. Костяк составляла группа иерархов с многолетним стажем, «большей частью побывавших в заключении..., внешне подчёркнуто лояльных, но внутренне старых монархических тенденций». К ним примыкали 3 других категории. Бывшие обновленцы «Патриархией держатся на подозрении. В них видят часто агентов КГБ, людей неустойчивых». Вернувшихся эмигрантов «очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места..., остатки старой гвардии Cvнодской Церкви старой России». Основную массу уже составляли архиереи нового поставления из вдовых протоиереев, монахов, архимандритов. «Здесь производится строгий выбор и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики. Правда, с точки зрения образованности – это всё люди невысокого полёта. Но для укрепления костяка Церкви – подбора нового, фанатически преданного Церкви духовенства, эти архиереи делают очень много». Иерархи делились на две основные партии – григорьевцев, сторонников митрополита Ленинградского Григория и николаевцев

– по имени митрополита Крутицкого, «между которыми лавировал Патриарх». Причём Алексий доверял «едва ли не больше всех других» владыке Григорию. Основным настроением в церковном центре было якобы желание продержаться ещё несколько лет, «а там история покажет»[27].

Смерть Сталина вызвала среди иерархов Патриархии противоречивые отклики. С одной стороны проснулись надежды на будущее религиозное возрождение, с другой – возникли опасения, что без сдерживающего влияния «вождя» целый ряд лиц из его окружения постарается свести старые счёты с Церковью. И серьёзные основания для таких опасений были. Уже вскоре появились первые тревожные симптомы. Из подготовленного четвёртого номера «Журнала Московской Патриархии» оказалась изъята статья «Вместе с народом», в которой говорилось о приёмах И.Сталиным церковных делегаций. Было запрещено издание в 1953 году третьего тома статей и речей митрополита Николая. Г.Карпову вернули посланную им 7 Мая 1952 года в Совет Министров очередную записку об открытии 8 храмов, пролежавшую там без рассмотрения около года. 29 Апреля 1953 года в ЦК на имя Н.С. Хрущёва поступила докладная записка с предложением разработать план «ликвидации и локализации» «святых» источников, к которым осуществляется массовое паломничество, и создать для этой цели специальную комиссию. Правда, отдел пропаганды и агитации в своём отзыве порекомендовал ограничиться мерами местных партийных организаций.

В Июне 1953 года в ЦК ВКП(б) с пространным заявлением обратился Г.Карпов. Он желал выяснить, «какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы» теперь. Председатель Совета по делам РПЦ предлагал значительно расширить его права, в том числе позволить самостоятельно, не входя в правительство, открывать храмы – «не более 25 в год»; решать вопросы, связанные с издательской деятельностью Патриархии, работой ея мастерских; обращаться в обкомы партии по фактам администрирования. Учитывая просьбу Патриарха, Карпов рекомендовал взимать налоги с духовенства как с лиц свободной профессии, и таким образом несколько облегчить финансовое бремя Церкви и так далее. В заключении председатель Совета указывал, что он «чувствует неправильное отношение и явное недоверие к нему со стороны соответствующих органов, где он работал раньше», то

есть МГБ. Практически все предложения Карпова были отклонены согласно отзыву отдела пропаганды. В частности подчёркивалось, что расширение прав Совета «может привести к значительному укреплению Церкви и росту Ея влияния на население»[28].

19 Апреля 1954 года Г.Карпов повторил свои предложения, приведя дополнительные аргументы. Настаивая на необходимости официально разрешить деятельность нескольких десятков храмов, он указывал, что в Казахстане и ряде других мест происходят массовые собрания в молитвенных домах, открытых явочным порядком. В письме содержалась критика грубых антицерковных акций местных властей, особенно в Курской области и Карело-Финской ССР. Карпов считал возможным удовлетворить просьбы Патриарха о встрече с председателем Совета Министра Г.Маленковым, высказанные Владыкой 4, 28 Ноября 1953 г. и 1 Января 1954 г. Однако и второе письмо постигла та же участь.

Начинавшееся оживление религиозной жизни, которое Карпов считал аргументом для шагов навстречу Патриархии, как раз и вызывало сильную тревогу у многих партийных функционеров. 27 Марта заведующие отделами пропаганды и науки ЦК представили Хрущёву совместную докладную записку «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде», где, намеренно сгущая краски, писали о быстром росте Церкви (в 1949 году – 200 посвящений в сан, в 1953 году – 344 и так далее) и развале атеистической работы. Впрочем, убеждать возглавившего ЦК ВКП(б) Н.Хрущёва особенно и не требовалось. Сформировавшись как политический деятель в 1930-е годы, он приложил немало сил к уничтожению храмов в Москве и на Украине. Кроме того, являясь своеобразным «революционным романтиком», новый лидер партии, похоже, искренне верил в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно быть места для религиозных представлений. Как только Хрущёв со своими единомышленниками устранил Л.П. Берию, провёл ряд первоочередных мер по развитию экономики, он обратил свой взор на область идеологической работы. И одним из первых крупных решений коммунистической партии здесь было постановление ЦК КПСС от 7 Июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по её улучшению». В его

подготовке активно участвовали Д.Т. Шепилов, А.Н. Шелепин, М.А. Суслов. В этом документе фактически пересматривалась и даже осуждалась как «примиренческая» прежняя политика в «церковном вопросе». Предлагалось по сути вернуться на довоенный путь «наступления на религиозные пережитки». Содержались призывы к активной борьбе с ними, к разоблачению «реакционной сущности и вреда религии». Перед принятием постановления В.Молотов предупреждал Хрущёва, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесёт массу ошибок». На это лидер партии заявил: «Будут ошибки – исправим». В возобновлении атак на Церковь определённую роль сыграла и «старая гвардия воинствующих безбожников» – Ф.Н. Олещук, В.Д. Бонч-Бруевич и другие[29]. Наступление достигло своего пика летом 1954 года – захватывались храмы, разгонялись и преследовались прихожане. Всё это вызвало сильнейшую негативную реакцию духовенства и верующих. Уже 23 Марта архиепископ Лука писал Патриарху о необходимости созвать Собор епископов для обсуждения тяжёлого положения Церкви. На постановление ЦК он откликнулся яркой проповедью: «Не бойся малое стадо». И если в конце Июля Г.Карпов готовил в соответствии с новыми директивами ориентировку уполномоченным Совета о тщетном желании церковников «как-то оттянуть неизбежный конец своего существования», то через месяц принялся усиленно писать в ЦК о массовом недовольстве и попытках организовать сопротивление антирелигиозным акциям. Так, активную борьбу начал митрополит Ленинградский Григорий. На уговоры не отправлять резкое письмо в Совет из-за возможности репрессий он ответил: «Ну что же – придется сломать голову, а я всё-таки напишу доклад». С острой публичной критикой действий властей владыка выступал перед учащимися Духовной Академии. Согласно сообщениям Карпова, большое значение посланиям митрополита Григория придавал Патриарх. С призывами к «мученичеству» выступал Ростовский владыка Вениамин. Негодующие письма шли от отдыхавшего в Сухуми митрополита Николая: «Духовенство и верующие Грузии по-прежнему переживают панику в связи с антирелигиозной пропагандой, ждут чисто физических репрессий, хотят прекращать архиерейские служения, прекратили звон, проповеди и так далее». Для подобных опасений имелись основания и у самого митрополита Николая. В эти же месяцы лектор Московского горкома КПСС Владимірцев в своих выступлениях

называл его «первым врагом народа», заявлял, что «он пока ещё нужен нам для заграницы, а в своё время мы его обезвредим»[30].

В ЦК КПСС, правительство стала поступать информация не только о случаях недовольства и сопротивления новой религиозной политике, но и о значительном росте в стране, в связи со слухами о скором закрытии храмов, числа церковных обрядов, массовом крещении детей и скупке религиозных предметов. Часть членов Президиума ЦК – Г.Маленков, К.Ворошилов, В.Молотов, участвовавшие в сталинской политике интегрирования Церкви в структуру государственной системы, стали проявлять безпокойство по поводу очередной антирелигиозной войны, утверждая, что это приведёт к нежелательным последствиям внутри страны и за рубежом. Как-раз в Сентябре в СССР с большим почётом принимали Антиохийского Патриарха, которому в 1954 году подарили 220 тысяч рублей, 35 тысяч долларов, различные драгоценности. У советского руководства вновь пробудился усиленный интерес к Ближнему Востоку. Но желанный гость, с которым обсуждались пути привлечения на сторону Московской Патриархии других Православных иерархов, настойчиво просил прекратить «перегибы в отношении Церкви, так как это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими Церквами и народами»[31]. Уже в Сентябре Хрущёв со своими сторонниками были вынуждены отступить. Началась подготовка принятого 10 Ноября 1954 года постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По ряду пунктов оно было прямо противоположно Июльскому: осуждало произвол, наклеивание ярлыков, оскорбление верующих, и вызвало волну благодарственных телеграмм от духовенства и мірян различных епархий.

Всего через месяц – 11 Декабря – Патриарха Алексия официально принял Г.Маленков. Владыка говорил о необходимости облегчения налогов с духовенства, передачи Церкви всех помещений Троице-Сергиевой Лавры, объединения Советов по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов. Патриарху обещали учесть его просьбы. Митрополита Николая, желавшего поставить вопросы о созыве Поместного Собора, расширении сети Духовных школ, проповеднической деятельности, на встречу не пригласили. Правда, вскоре Маленков оказался снятым с поста председателя Совета Министров, и даже часть обещанного им Патриарху не была выполнена.

Но всё же 1955–57 годы стали наиболее благоприятными для Церкви с 1947 года. Одной из важных причин этого опять явилось желание руководства страны активно использовать Московскую Патриархию в своих внешнеполитических акциях. Вновь резко увеличились валютные ассигнования Церкви, которые Она, правда, с лихвой компенсировала многочисленными рублёвыми взносами в государственный бюджет. В результате Патриархия активизировала миротворческую деятельность. Так, в Июле 1955 года собравшиеся в Москве на торжества преподобного Сергия Радонежского делегации 8 Православных Церквей приняли послание «К христианам всего міра» с призывом поддержать мирные чаяния человечества. Особое внимание на торжествах уделялось Александрийскому Патриарху Христофору. 9 Мая Совет Министров принял решение выделить ему 5 тысяч египетских фунтов и передать храм в качестве подворья в Одессе с тем, чтобы ежегодные доходы в пользу Патриарха составляли 10–15 тысяч долларов. Руководство СССР стремилось всячески упрочить связи с новым правительством Египта. Не случайно после окончания интервенции войск Великобритании, Франции и Израиля против этой страны, Московская Патриархия выделила ещё 3,5 тысячи фунтов для помощи пострадавшим Александрийской и Коптской Церквам. Интересно, что приезжавший в Августе 1954 года в СССР глава Эфиопско-Коптской Церкви архиепископ Мир-Лукос просил о присоединении Её к Русскому Православию. Ему порекомендовали обратиться к Александрийскому Патриарху и заверили в своей поддержке.

К середине 1950-х годов Московская Патриархия постепенно отказывалась от централизаторских устремлений. Она передала свои приходы и монастыри, расположенные в Болгарии, Румынии и Югославии местным Церквам. В Ноябре 1955 года сложил с себя полномочия главы Чехословацкой Церкви митрополит Елевферий. Его преемник уже не являлся гражданином СССР. В 1957 году была предоставлена автономия Китайской Православной Церкви, восстановлено молитвенно-каноническое общение с Финляндской Церковью, с признанием Ея автономного статуса в составе Константинопольской Патриархии и передачей Валаамского монастыря. Подобная тактика приносила некоторый успех. В Февральской 1956 года справке Совета по делам РПЦ для ЦК КПСС указывалось, что из 14 автокефальных Православных Церквей 11 в той или иной мере

поддерживают Московскую Патриархию и лишь с тремя – Константинопольской, Греческой и Кипрской она имеет только формальную связь. Происходило улаживание спорных вопросов и со Вселенским Престолом.

Большую роль руководство СССР отводило Русской Церкви в налаживании советско-югославских контактов, прерванных в конце 1940-х годов. Уже в начале 1955 года Сербский Патриарх Викентий демонстративно отслужил молебен в Русском храме Белграда. Начал готовиться его приезд в Москву, состоявшийся в Октябре 1956 года. А ровно через год ответный визит в Югославию нанёс Патриарх Алексий, причём обоих владык принимали высшие руководители страны. Значительный вклад в осуществление международных акций Русской Церкви продолжал вносить митрополит Николай – не случайно в Августе 1955 года он был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Новые мотивы зазвучали и в отношениях Московской Патриархии с Ватиканом, экуменическим движением, протестантскими организациями. Окончательно прекратилась прямая конфронтация. Произошёл обмен делегациями богословов с Англиканской и Западногерманской Евангелической Церквами. После Эванстонской ассамблеи Всемірного Совета Церквей 1954 года Патриархия фактически стала принимать эпизодическое участие в экуменической работе. В Марте 1956 года состоялся приезд в СССР многочисленной делегации «Национального Совета Церквей Христа» США. В ходе переговоров столкнулись две разные точки зрения на способы охраны мира на Земле. Более успешно протекал ответный Июньский визит представителей христианских Церквей СССР. На этот раз совещание закончилось опубликованием общего компромиссного «коммюнике». Предполагалось продолжить обмен мнениями. Однако 8 Ноября 1956 года президент «НСЦХ» Е.Блейк, в связи с Венгерским кризисом, письменно попросил Московскую Патриархию сделать «представление властям Вашей страны о том, чтобы венгерскому народу было предоставлено право самому определить свою судьбу». Патриарх ограничился в конце Ноября заявлением об участии в посылке материальной помощи пострадавшим в Венгрии. Это в свою очередь вызвало негодование властей. 15 Декабря член Совета по делам РПЦ И.И. Иванов с возмущением писал в ЦК КПСС: «До сего времени ни Патриарх, ни митрополит Николай... не сказали ни слова против реакции»[32]. В результате,

встречи с американскими христианами прервались на несколько лет.

Неприятный инцидент, связанный с Венгерской революцией, был несколько сглажен активным участием Московской Патриархии в подготовке и работе VI Всемірного фестиваля молодёжи и студентов. Мероприятия фестиваля состоялись в Июле–Августе 1957 года в Москве и включали несколько встреч, собеседований, диспутов молодых христиан западных стран и СССР, которые должны были убедить иностранцев в существовании свободы совести в советском государстве. Всё намеченное прошло достаточно успешно.

С 1955 года стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приёмах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства. Так, в Июне 1955 года на приёме председателем Совета Министров Н.А. Булганиным президента Индии Д.Неру Патриарх Алексий заявил советскому премьер-министру о желательности их официальной встречи, и Булганин ответил согласием. В 1955 году подобной встречи не состоялось, но Церкви были сделаны серьёзные уступки. 17 Февраля Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». В нём Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как это было раньше. В результате, количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 году было зарегистрировано 37 неофициально действовавших храмов и открыто 4 новых. Практически впервые за всю советскую историю Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие. В 1956 году они вышли общим тиражом 50 тысяч экземпляров.

Развернувшийся в середине 1950–х годов процесс либерализации, развенчания сталинизма, расширения возможностей Духовной жизни не мог не сказаться благотворно и на положении Церкви. Началось освобождение выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей. Так, уже в конце 1955 года получили свободу

архиепископ Мануил и бывший «карловчанин» митрополит Нестор. В то же время с прекращением репрессий и возвращением к «ленинской законности» значительно выросла потребность в информаторах внутри Церкви. 8 Декабря 1955 года появилось циркулярное письмо Совета по делам РПЦ своим уполномоченным, впервые определявшее задачи специальной работы по выделению групп лояльного духовенства на местах с целью получения от них различной информации. А через 3 месяца председатель Совета рекомендовал ЦК «для использования Патриархии в международных делах ещё кое в чём» пойти ей навстречу: передать Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде, все помещения Троице-Сергиевой Лавры, часть старых церковных книг, 50–60 облачений, несколько сот икон из музеев. Карпов указывал на необходимость открыть 25–40 новых храмов, так как отклонять «все просьбы и не считаться с интересами верующей части населения по существу будет беззаконием»[33]. Фразы о беззаконии «из уст» сталинского генерала госбезопасности могли прозвучать только в связи с разоблачениями XX съезда.

Сразу же после съезда у руководства Патриархии появились сомнения, не затронет ли избавление страны от сталинизма и их: в частных беседах с Н.Хрущёвым иерархов неоднократно обвиняли в «низкопоклонстве» перед Сталиным. Патриарх предпринял новые усилия для встречи с лидерами государства. Хрущёв от переговоров отказался, а Булганин 26 Марта 1956 года встретился с православными архиереями. Он успокоил их, заявив, что ни о каком наступлении на религию не может быть и речи. Больше того, после осуждения сталинских беззаконий должна появиться возможность дальнейшего развития демократических начал в обществе. Воспользовавшись этим, иерархи сразу подняли вопрос о необходимости освобождения из ссылок и лагерей духовенства. В ответ было заявлено, что невиновные священники скоро выйдут на свободу. И с весны 1956 года резко усилился процесс освобождения духовенства и пострадавших за веру мірян. В том же году 293 выпущенных из лагерей священнослужителя вновь стали служить в храмах. После встречи с Булганиным многим представлялось, что церковно-государственные отношения развиваются успешно.

В Августе 1956 года Совет Министров РСФСР наконец-то принял давно обещанное решение «О передаче Московской Патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в городе Загорске». Через год был освящён возвращенный Церкви Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде. На рабочих и служащих храмов распространили трудовое законодательство, разрешили перезахоронить останки митрополита Макария. В 1957 году Патриархия уже ставила вопросы о возвращении ей Ново-Девичьяго или Донскаго монастыря, организации церковной типографии, причём при поддержке Совета по делам РПЦ они оказались близки к разрешению.

К 1 Января 1957 года количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13478, численность духовенства достигла 12288 человек. Состав архиереев, по мнению властей, изменился к худшему. Из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобождённые из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Контролировать многих из них было крайне сложно. Так, в Мае 1957 года на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад митрополит Ленинградский Григорий «не терпел никаких советов уполномоченного и, если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то как правило, делал всё наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного».

Успешно развивалось духовное образование. Осенью 1956 года по сравнению с 1951 годом удвоилось число абитуриентов в Академиях и семинариях. Количество учащихся дневного отделения увеличилось до 1094 человек, а заочного превысило 400. В 57 монастырях и 7 скитах проживал 4661 насельник. В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестилось, а умерших отпевалось. Стремительно росли доходы Церкви. Если в 1948 году они составляли 180 миллионов рублей, то в 1955 – 347, а в 1957 – 667 миллионов рублей. В целом за 1949–57 годы только Патриархат израсходовал на содержание Духовных учебных заведений 99 миллионов рублей, выплату пенсий духовенству и помощь верующим – 75,2 миллиона, на внешнеполитическую деятельность – 21,8 миллиона, на восстановление и ремонт храмов, пособия епархиям – 82,4 миллиона, приобретение облигаций государственных займов – 5,4 миллиона и так далее[34].

Но относительное благополучие Церкви было очень непрочным. В КПСС имелись влиятельные силы, готовые при любом благоприятном моменте возобновить антирелигиозное наступление. Да и сам I-й секретарь Н.С. Хрущёв, например, в Сентябре 1955 года заявил в беседе с делегацией Французских парламентариев: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который ещё существует, большую часть народа»[35]. После XX съезда в партийных документах всё явственнее стали проступать антицерковные установки. С началом КПСС новой «всенародной кампании» по строительству коммунистического общества в очередной раз о себе заявили настроения в пользу атаки на религию – «мораль рабов». Хотя единства по этому вопросу в ЦК не было.

Некоторое время борьба шла и в Совете по делам РПЦ. 15 Декабря 1956 года заведующий его инспекторским отделом И.Иванов написал в ЦК КПСС письмо о серьёзных разногласиях в организации, появлении после XX съезда различных мнений и предлагал свой план новой тактики Совета по ограничению влияния Церкви. Критиковал Иванов и внешнеполитическую деятельность Патриархии, рекомендуя для лучшего проникновения на Ближний Восток переориентироваться с православных владык на мусульманское духовенство; главный же упор сделать на связи с инославными Церквами капиталистических стран. Через 3 дня в ЦК направил письмо заместитель Иванова В.Спиридонов, резко критикуя своего начальника за планы нанести удар по церковному центру, «перетряхнуть епископов»: «Совет не должен превращаться в штаб политической войны с религией и не делать ничего такого, что нарушило бы нормальные отношения между Церковью и государством... В этом главное, а не в том, чтобы изобретать какие-то стратегические и тактические действия в войне с религией». В другом своём письме Спиридонов даже доказывал необходимость «отменить законы и постановления, противоречащие духу конституции», свободе совести[36].

К сожалению, подобных терпимо настроенных руководителей в КПСС было немного. Ровную линию в государственно-церковных отношениях отстаивали в основном бывшие ближайшие соратники Сталина. Первые предвестники новой антирелигиозной кампании почти совпали с крупной победой Хрущёва над сталинистами в 1957 году. Иерархи Патриархии сразу после Июньского пленума

поняли, что расстановка политических сил в стране сложилась не в пользу Церкви. В газетах появились статьи отрёкшихся от Бога бывших священников. Выросла антицерковная пропаганда: если в 1956 году в СССР было прочитано 1875 тысяч атеистических лекций, то в 1957 году – 3875 тыс. Начал издаваться ежегодник Ленинградского музея истории религии и атеизма. Подготовительные шаги к будущему широкомасштабному наступлению были сделаны на «сугубо камерной» конференции 350 теоретиков атеизма в Москве в Августе 1957 года[37]. Начиналось проведение антирелигиозных мер и по административной линии. 2 Декабря 1957 года Совет по делам РПЦ, уступив давлению, разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 года с учёта зарегистрированных, но фактически не действующих по разным причинам храмов. Русская Православная Церковь оказалась на пороге нового периода тяжелейших испытаний, гонений и репрессий.

Ещё раз останавливаясь на Церковной жизни тех лет нужно сказать, что несмотря на известные объективные трудности, Православная Церковь играла важную роль в жизни многих миллионов людей в нашей стране. Получили продолжение традиционные формы Русского благочестия. Многие верующие обрели себе духовное руководство у довольно многочисленной плеяды чутких и ревностных пастырей, выдвинувшихся в те годы. Важное значение в духовной жизни народа вновь приобрели монастыри, в особенности Православные Лавры – Киево-Печерская, Троице-Сергиева и Почаевская, а также Псково-Печерский монастырь, Глинская пустынь и ряд других, куда за наставлением, утешением, а в трудные послевоенные годы, порой и вспомоществованием, потянулись тысячи богомольцев.

События как предвоенного, так и послевоенного периода показали, что организм Русской Церкви (впрочем, только не церковной администрации) в основе своей оказался способен не только выжить, несмотря на всевозможные трудности, но и сохранить потенциал к росту и укреплению.

Примечания

1. Список научных трудов проф. *Успенского Н.Д.* имется в сборнике «Богословские труды» (далее БТ), вып.13. М. 1975, посвящённом 75-летию учёного. См. также *Григорович В.* Вклад проф. Н.Д. Успенского в Православную литературу. ЖМП. 1980. №3. С.13–14.
2. Перу проф. *А.И. Иванова* принадлежит около ста научных работ, опубликованных в Журнале Московской Патриархии, Богословских Трудах, Византийском временнике, Трудах отдела древнерусской литературы и др. изданиях. Наиболее крупные из них: «История Византийской Церкви» Ч.1 и 2. Л. 1960 (машинопись); критические издания греческого Нового Завета и общепринятой Православной Церковью текст» БТ вып.1. М. 1960; «Литературное наследие Максима Грека», изд. Наука, Л. 1969; «Максим Грек и Саваонарола». БТ. вып. 12. Максим Грек как учёный на фоне современной ему русской образованности. БТ. вып. 16.
3. *Васильева О.* Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу Римского // Новое время. 1993. №30. С.39.
4. Журнал Московской Патриархии. 1945. №5. С.19.
5. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.10. Л.39.
6. *Kolazz W.* Religion in the Soviet Union. London. 1961. P.59.
7. *Польский М.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль. 1948. С.120.
8. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.9324. Оп.2. Д.75. Лл.94–95.
9. *Епископ Григорий (Граббе).* К истории русских церковных разделений за границей; *Поспеловский Д.* «The Russian Church under the Soviet Regime 1917 – 1982». Джорданвилль. 1992. С.49–56.
10. *Одинцов М.* Хождение по мукам 1939 – 1954 годы – Наука и религия. 1990. №8. С.21.
11. *Васильева О.* Указ. соч. С.40.
12. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Л.1.
13. Журнал Московской Патриархии. 1946. №9. С.56.
14. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.16. Л.57.
15. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.132. Д.8. Л.25.
16. ЦГА СПб. Ф.9324. Оп.2. Д.11. Л.37.
17. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. 1992. С.200–202.
18. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.132. Д.7. Лл.2–28; Д.109. Л.70.
19. ЦХСД. Ф.5. Оп.16. Д.669. Лл.8–9.
20. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.132. Д.10. Л.20; Д.110. Л.26.
21. Там же. Д.10. Л.15–18.
22. *Fletchev W.* A portrait of the Most Praised and vilified of Modern Churchmen-Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church – and of the

dilemma he faced as religious leader in a militantly secular soviety Nikolai. N.-Y. 1968. P.109.
23. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.132. Д.109. Л.47.
24. Там же. Д.285. Л.131.
25. ЦХСД. Ф.5. Оп.16. Д.542. Лл.9–14.
26. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.132. Д.569. Лл.50–84.
27. ЦГА СПб. Ф.9342. Оп.2. Д.37. Лл.71–73.
28. ЦХСД. Ф.5. Оп.16. Д.542. Лл.124–126,
29. *Алексеев В.А.* Указ. соч. С.211, 213; *Grossman J.* Khrushchev's antireligious policy and the campaign of 1954 – soviet studies. 1973. Vol. 24. №3. P.377–379.
30. ЦХСД. Ф.5. Оп.16. Д.669. Лл.84, 150, 178–179.
31. Там же. Л.154.
32. *Боголепов А.А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен. 1958. С.73, 74; ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.53. Л.36.
33. Там же. Оп.16. Д.542. Лл.166–167.
34. Там же. Оп.33. Д.53. Лл.21–28, 66; ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.201. Л.74; Д.263. Лл.30–43, 48–52; Д.254. Лл.33–87.
35. О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни русского народа. Доклад Архиерейскому Собору 1959 года епископа Лос-Анжелесского Антония. Джорданвилль. 1960. С.12.
36. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.53. Лл.34–42.
37. *Struve N.* Christians in contemporary Russia. London. 1967. P.293.

Глава 17

Русская Православная Церковь в 1958 – 1970 годах

Конец 1950-х – начало 1960-х годов вошли в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить «религиозную проблему» в стране. Времена «оттепели» периода правления Н.С. Хрущёва обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом. Но сильнейший удар был нанесён по Русской Православной Церкви, как самой влиятельной и многочисленной в стране.

К 1958 году сравнительно ровные государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали постепенно обостряться. Новый существенный поворот курса государственной религиозной политики в СССР был вызван целым комплексом причин. В партийных верхах всё более зрели убеждения в возможности построения в СССР в скором будущем коммунистического общества. Значительная часть советского руководства, вполне добросовестно заблуждаясь, полагала, что отрешившись от негативных черт «сталинизма», можно, наконец-то, воплотить в действительность «светлое будущее всего человечества». Считалось, что коммунистическая идеология жизнеспособна, ещё далеко не исчерпала своих возможностей и теперь, очистившись от сталинского наследия, проявит их. А раз она несомненно победит, то в каких-либо альтернативах, в том числе религиозной, ей необходимости нет.

Эти иллюзии частично разделяли и довольно значительные слои населения, среди них многие представители демократически настроенной интеллигенции – так называемые «шестидесятники». Они полагали, что можно построить в СССР справедливо устроенное, социально ориентированное государство. Христианская идеология, как лишняя, ими отвергалась. Одним из необходимых усло-

вий длительных широкомасштабных религиозных гонений является безразличие к ним существенной части населения страны. И это условие в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в СССР было. Конечно, оппозиционно настроенные «шестидесятники» шли дальше властей: они хотели построить демократический, а не «либеральный» социализм. Но в сущности они также разделяли необходимость последнего «романтического» натиска коммунистической идеологии.

Сыграли свою роль значительные кадровые изменения в партийном руководстве. В своей борьбе 1957 года со «сталинистским» большинством в Президиуме ЦК Н.С. Хрущёв в значительной степени опирался на группу «идеологов» – М.А. Суслова, Е.А. Фурцеву, П.Н. Поспелова, Л.Ф. Ильичёва, давно выражавших неодобрение существовавшей практикой работы с Церковью. Искал поддержку 1-й секретарь и у руководителей ВЛКСМ – А.Н. Шелепина, В.Е. Семичастного, С.П. Павлова, А.И. Аджубея, доверяя многим их советам и предложениям. Поэтому группа «комсомольских вождей», желавшая начать «решительную борьбу с религией», в некоторых вопросах оказывала давление на деятелей ЦК КПСС. Спокойные отношения с Церковью преподносились как «сталинское наследие», которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные организации особенно пострадали от репрессивных кампаний «вождя народов». Кроме того и у Хрущёва всё больше крепло желание объявить о начале перехода СССР в период «предкоммунистических отношений», где, по его словам, не должно быть места пережиткам капитализма. Например, 29 Ноября 1957 г. в беседе с газетным магнатом В.Г. Херстом 1-й секретарь поделился своими «заветными мыслями», что «народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в Бога»[1]. Таким образом, нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х годов в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной новую «войну» с религией. И если в свете сталинской практики создания национальной империи, борьбы с космополитизмом, замкнутости границ Русская Церковь не расценивалась как прямо враждебная сила, то с обращением к идее «интернациональной сущности» коммунизма ситуация коренным образом изменилась. Произошло в определённой степени «возвращение к истокам» – государственной досталинской политики и соответст-

венно воспроизводство некоторых элементов тактики «бури и натиска» на религиозные организации 1918 – начала 1920-х годов.

Важнейшим побудительным мотивом смены курса государственной церковной политики явилась острая тревога в верхних эшелонах власти в связи с начинавшимся Русским религиозным возрождением. Этот постепенный, часто болезненный процесс поиска людьми своих национально-религиозных корней начал вновь разворачиваться в СССР примерно в середине 1950-х годов. Связанное с критикой сталинизма частичное развенчание прежних идеалов, подрыв авторитета КПСС породил у определённой части населения страны, не поддавшейся иллюзиям «социализма с человеческим лицом», желание определить свою собственную веру и свой подход к жизни. Некоторое расширение границ духовной свободы позволило заняться поисками альтернативных культур.

Самой близкой, доступной из альтернатив была Православная Церковь. «Когда мыслящие люди в СССР старались обрести и восстановить культуру прошлого в её чистой, противостоящей идеологическим искажениям форме, они встречались с Православием в любой области – в искусстве, архитектуре, музыке, литературе, поэзии»[2]. Начавшееся в России после смерти Сталина постепенное обретение исторической памяти, самосознания, национального лица большей частью вело к Православию. Следует отметить, что в конце 1950-х годов в СССР впервые пробудился интерес и к восточным религиям, йоге и прочим, но и через них многие впоследствии приходили в лоно Христианской Церкви. В результате, постепенно развернулось движение к церковности у представителей молодёжи и среднего поколения из религиозно-индифферентных семей, основой которого явился феномен индивидуального обращения.

Следует учесть также значительную религиозность выпущенных на свободу сотен тысяч заключённых ГУЛАГа. Изживание страхов сталинской эпохи способствовало резкой активизации и широких слоёв традиционно верующих. Так, если в 1955 году к уполномоченным Совета по делам РПЦ поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей об открытии храмов, то в 1956 г. уже соответственно 2265 и 2299. Почти все данные статистики второй половины 1950-х годов свидетельствуют о подъёме Православия. Быстро росли финансовые доходы Патриархии и число желавших посту-

пать в Духовные учебные заведения, появлялись десятки незарегистрированных, но фактически действовавших общин (в 1956 году более 100). Если в РСФСР, согласно данным Совета по делам РПЦ, была крещена треть всех родившихся младенцев, то на Украине, в Беларуси этот показатель оказался ещё выше. Например, в 1957 году в Волынской области было крещено 62% новорождённых, в Сумской – 60% и т.п. Традиционно более высокую религиозность имели Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия. Точную цифру людей, связанных с религиозными организациями, а также участвовавших в обрядах, привести невозможно. Однако, есть основания согласиться с мнением некоторых учёных, что в начале 1960-х годов их было до 120 миллионов, то есть более половины населения страны. Американский историк У.Флетчер вполне справедливо писал о религии в СССР, что «когда условия становились благоприятными (годы войны или период «оттепели» 50-х) она быстро развивалась»[3].

Власти попытались компенсировать вынужденные потери нанесением мощного удара по одному из важнейших центров духовной жизни – Церкви. Они были убеждены, что в преддверии создания коммунистического общества не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на Ея фактический рост мог быть только один – подавление. Государственных чиновников также сильно раздражали всё более настойчивые требования руководства Московской Патриархии. В 1957 году Патриарх Алексий неоднократно ставил вопрос о передаче Церкви одного из московских монастырей, открытии новых храмов, создании собственной типографии. А в Январе 1958 года митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в беседе с председателем Совета по делам РПЦ Г.Карповым впервые официально заявил о необходимости избрания духовенства в представительные органы власти, порекомендовал наградить кого-нибудь из руководства Патриархии международной Ленинской (!) премией мира. Подобные претензии вызвали негодование в ЦК КПСС.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были экономические расчёты властей. В конце 1950-х годов они активно искали источники пополнения «прохудившейся» государственной казны – путём продажи колхозам техники МТС, сокращения оборонных расходов и т.п. Не смогло руководство страны, как когда-то в 1922 году, удержаться и от искушения «запустить руку в церковную казну». Первые крупномасштабные антицерковные ак-

ции в Октябре 1958 года начались именно с постановлений о фактическом экономическом ограблении Церкви.

Наконец, важную роль сыграли внешнеполитические обстоятельства. Власти были неудовлетворены неэффективным проникновением Московской Патриархии на Ближний Восток. Интерес к этому региону у советского руководства постоянно рос с середины 1950-х годов. После поражения тройственной интервенции в Египет 1956 года, в СССР поняли, что позиции Запада там не так уж и сильны. Постепенно созревало решение переориентироваться с Восточных Православных Церквей на мусульманство, как гораздо более влиятельное. Кроме того, власти не устраивала слабая, как им представлялось, роль Московской Патриархии во всемірном Православии, недостаточность ея миротворческих усилий. Хрущёв заявлял своему окружению, что поскольку надежды на международную деятельность Православной Церкви не оправдались, стоит ли ей уделять внимание дальше. Особенно стала ясна ограниченность в тот период функций Московской Патриархии как инструмента советской внешней политики в первой половине 1958 года.

В конце 1957 года, впервые после Московского совещания глав и представителей Православных Церквей 1948 года, было принято решение провести крупнейшую подобную акцию. Задача сводилась к тому, чтобы все Патриархи осудили проведение ядерных испытаний, а также изготовление и накопление ядерного оружия, к чему призывал міровые державы СССР. Эта инициатива неоднократно высказывалась по разным поводам Хрущёвым и стала важным предметом советской пропаганды. Руководству страны показалось крайне необходимым и выгодным подключить к данной кампании религиозные организации. Патриарх и Святейший Cvнод ответили согласием, рассчитывая добиться ответных уступок и прежде всего долгожданного приема у Хрущёва, чтобы лично донести до него озабоченность намечавшимся ухудшением церковно-государственных отношений.

Было решено провести в Мае 1958 года в Москве, используя празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Церкви, международную межправославную встречу. Первоначально в ЦК считали целесообразным помимо глав всех автокефальных Православных Церквей пригласить и представителей других конфессий, но Патриарх Алексий эту идею не поддержал.

18 Апреля в Совете по делам РПЦ были окончательно согласованы план мероприятий и проекты резолюций. Митрополит Николай заявил о возможной отрицательной реакции на них Греков и Сербов, но подчеркнул готовность бороться за то, чтобы документы «подписали по возможности» главы всех Церквей. Ему посоветовали отодвинуть намеченную дату подписания для удлинения срока «соответствующей работы с делегациями». Патриархии рекомендовали также «использовать все каналы для популяризации вопроса о запрещении атомного и водородного оружия»[4].

В результате на Московские торжества, открывшиеся 11 Мая, приехали делегации 12 из 14 автокефальных Православных Церквей: отсутствовали посланцы Кипра и Иерусалима. К тому же влиятельные Сербская, Элладская и Константинопольская Церкви не были представлены своими главами. Правда, Сербский Патриарх Викентий хотел отправиться в Москву, но Иосип Броз Тито, лично утверждавший список выезжавших, вычеркнул его. Сразу же после начала встречи стали происходить конфликты. Выяснилось, что Константинопольская и Элладская делегации не хотят обсуждать и подписывать каких-либо документов, касающихся вопроса защиты мира, ссылаясь на отсутствие у них полномочий.

Указанные неблагоприятные обстоятельства отразились на ходе состоявшейся всё же 17 Мая первой и последней официальной встрече Н.Хрущёва в качестве главы государства с руководством Московской Патриархии. Патриарх и митрополит Николай информировали его о переговорах с приехавшими делегациями. Председателю Совета Министров сообщили о просьбах Александрийского Патриарха выплатить ему единовременно 40 тыс. долларов вместо полагавшихся 20 тыс. ежегодно, Болгарского Патриарха – выдать ему 300 тыс. левов, а также и о желательности увеличения валютных расходов на зарубежные поездки Московской Патриархии. Хрущёв попросил прислать письменную заявку, которую он обещал рассмотреть. В отношении просьб поддержать Православных Греков на острове Кипр и разрешить послать монахов в Русские монастыри на священной горе Афон в Греции глава правительства обещал поручить рассмотрение этих проблем министру иностранных дел А.А. Громыко. Самым острым был вопрос о принятии итогового коммюнике московской межправославной встречи. Патриарх указывал, что Греки, а воз-

можно и Сербы не подпишут приготовленное заявление о запрещении ядерного оружия и поэтому не стоит вносить раздор, а лучше подписать другой «маленький документ, составленный им, а не Советом». Н.Хрущёв был вынужден согласиться с принятием данного документа. Затем владыки высказали целый ряд просьб относительно внутреннего положения Русской Церкви: об открытии новых храмов, учреждении церковных орденов и медалей, создании Патриаршей типографии, ускорении передачи всех помещений Троице-Сергиевой Лавры, прекращении появившихся в последнее время выпадов против Церкви, оскорблений чувств верующих в газетах и радиопередачах, подтверждении относительно либерального постановления ЦК КПСС от 10 Ноября 1954 г. На эти заявления Н.Хрущёв отвечал уклончивым согласием, обещая рассмотреть, помочь и т.п.[5] Однако, в дальнейшем почти все просьбы так и не были выполнены.

Московская межправославная встреча закончилась относительной неудачей. Воззвание к христианам всего міра с призывом не ослаблять борьбы за мир и способствовать прекращению ядерных испытаний подписали главы 9 делегаций. Представители Сербской, Элладской и Константинопольской Церквей это сделать отказались. Другой документ – акт, выражавший стремление к единству Православия и миру между народами, 20 Мая подписали все делегации, кроме Константинопольской, которая, оказавшись в одиночестве, заявила, что запросит санкции своего Патриарха и тот известит телеграммой владыку Алексия. Отсутствие глав 5 автокефальных Православных Церквей на Московской встрече дало возможность противникам ея заявлять, что собравшиеся говорили не от имени мірового Православия и поэтому их обращения не столь уж авторитетны. Соответствующие комментарии появились в западной прессе, что породило негативную реакцию советского руководства, разочарованного слабой эффективностью международных акций Московской Патриархии. После этого дорога к наступлению на Церковь была окончательно открыта.

Подготовка мощной антирелигиозной кампании началась ещё в конце 1957 года. Во 2-й половине Ноября все республиканские ЦК и председатели Советов по делам РПЦ и религиозных культов представили, согласно запросу заведующего сектора агитации К.У. Черненко, справки об активизации религиозных организаций и состоя-

нии научно-атеистической пропаганды. 7 Декабря на имя председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова поступила тенденциозная «Информация о письмах граждан по религиозным вопросам» от заведующего отдела писем А.Шмакова, с которой были ознакомлены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. В этом документе говорилось о настоящем потоке ходатайств об открытии, регистрации церквей и делался устрашающий вывод о массовой самовольной организации религиозных общин, ослаблении атеистической пропаганды и т.п. Все поступившие материалы были использованы отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам для подготовки докладной записки о необходимости усиления антирелигиозной работы. 19 Апреля 1958 г. записка была доложена секретарю ЦК Е.А. Фурцевой, курировавшей церковные проблемы. Существенную роль сыграло и Апрельское письмо секретарю ЦК М.А. Суслову от корреспондентки «Литературной газеты» В.Шапошниковой о повсеместном наступлении Церкви, на которое было обращено самое серьёзное внимание. В связи с ним в начале Мая состоялось совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, госполитиздата, ЦК ВЛКСМ и так далее. На нём говорилось о необходимости приступить к выполнению открыто антирелигиозного постановления ЦК КПСС от 7 Июля 1954 г., в том числе начать издание массового научно-популярного журнала «Наука и религия», звучала критика деятельности Совета по делам РПЦ.

Прежнее, слишком «примиренческое к Церкви» руководство этой организации было в значительной степени заменено в Январе 1958 г. После знакомства с 3 новыми членами Совета 17 Января Патриарх встревоженно заявил управляющему делами Патриархии протопресвитеру Н.Ф. Колчицкому: «Я думаю, что это подготовка к уходу Карпова с должности председателя – это крайне нежелательно... Новым товарищам вероятно будет трудно работать, так как они наверное были активны в антирелигиозной работе»[6]. Интересно, что в Мае пребывавший на лечении в санатории Г.Карпов несколько раз просил ЦК разрешить ему присутствовать на встрече Хрущёва с Патриархом, но получил отказ. 13 Февраля митрополит Николай впервые спросил у председателя Совета: не наступили ли изменения в отношении Русской Церкви «свыше», отметив, что посольства социалистических стран перестали

приглашать представителей духовенства на дипломатические приёмы. Вскоре смета валютных расходов Московской Патриархии на 1958 г. была сокращена с 2560 тыс. до 1800 тыс. инвалютных рублей, в том числе по Ближнему Востоку на 644 тыс. В Августе Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным несколько инструктивных писем: о противодействии активизации церковников, «не допуская администрирования»; улучшении информирования; пресечении торжественного празднования юбилейных церковных дат. Московские власти закрыли доступ к почитаемому верующими Глинковскому источнику вблизи Троице-Сергиевой Лавры. Но это было только началом. 26 Августа комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла решение подготовить проекты постановлений Совета Министров о новом порядке налогообложения церковных предприятий, а также о Православных монастырях. Через несколько дней проекты были готовы. 10 Сентября Карпов вылетел к отдыхавшему в Одессе Патриарху для зондирования возможной реакции владыки на готовящиеся акции. Председатель Совета выразил негативное отношение к «излишествам» архиереев, притоку молодёжи в церкви, низким налогам на свечи, слишком обильному рукоположению новых священников. Заговорил он и о положении Киево-Печерской Лавры. Правильно поняв намёк, встревоженный Патриарх категорически отверг возможность закрытия известных монастырей, заявив о возможном уходе на покой в знак протеста. О том же, какие «драконовские» решения правительства вскоре увидят свет, руководство Церкви оставалось в неведении.

Важнейшим звеном начала атаки на религию оказалось секретное постановление ЦК КПСС от 4 Октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В нём всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на «религиозные пережитки» советских людей. По тотальности намечаемых мер эта акция не имела прецедента. В соответствии с указаниями ЦК и лично Хрущёва 16 Октября Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В первом

из них монастырям запрещалось применять наёмный труд, предусматривалось значительное уменьшение земельных наделов, а также сокращения самого количества обителей. Кроме того, вновь вводились отменённые в 1945 году налог со строений и земельная рента, резко повышались ставки налога с земельных участков[7].

Антирелигиозная кампания не случайно началась с гонений на монастыри. Их духовная роль всегда являлась чрезвычайно важной в России. Они были и оставались местами паломничества, где можно исповедаться и получить духовный совет старца, центрами духовной поддержки верующих, национальными источниками веры. И во второй половине XX столетия Православные монастыри сохраняли свою привлекательность. Например, только одна Почаевская Лавра в Тернопольской области за 1957–58 годы получила от верующих 11024 посылки и более 16 тысяч денежных переводов на сумму 3,4 млн. рублей. Среди поступивших в конце 1950-х годов в Закарпатские обители 84,6% составляли люди моложе 30 лет.[8] Кроме того, монастыри не имели «двадцаток» из мірян для своего правового представления перед властями. Таким образом, стремясь к их ликвидации, советское руководство пыталось поразить слабое в правовом отношении звено Церкви и лишить массы верующих важной части их духовного окормления.

Поход на монастыри быстро набирал темпы. Уже 24 Октября в ЦК КПСС поступила докладная записка секретаря компартии Украины Н.Подгорного, предлагавшего в ближайшее время закрыть 13 из 40 украинских монастырей и скитов, а также передать территорию нижней части Киево-Печерской Лавры с ближними пещерами музею-заповеднику. Записка встретила полное одобрение заведующего отделом пропаганды ЦК Л.Ильичева. Постановлением Совета Министров УССР от 1 Ноября из 357 га их земли украинским монастырям было оставлено лишь 60, причём Мукачевской обители отказали даже в 2 гектарах огорода и сада. В Январе 1959 года без согласия и уведомления Совета по делам РПЦ были выселены 32 монаха из Киево-Печерской Лавры. Молдавские власти пошли ещё дальше, предлагая за несколько месяцев закрыть 12 из 14 монастырей республики. В РСФСР Псково-Печерскому монастырю из 26,5 гектар земли оставили только 4,4 внутри двора, да и за ту установили такой

высокий налог (40 руб. с сотки), что впору было от нее отказаться. Областной партийный актив решил добиваться ликвидации обители. С большим трудом Совет несколько упорядочил этот процесс, утвердив план закрытия в 1959–1960 годах 28 из 63 монастырей и скитов Русской Церкви, в том числе 7 в Молдавии и 17 на Украине. Кроме того, он добился от Патриарха согласия не давать никаких дотаций обителям без санкции Совета, а также запрещения приёма в монастыри лиц моложе 30 лет[9].

Другой тяжёлый удар был нанесён по экономической основе Патриархии, подорвав ея материальную основу. Повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода. По принятому постановлению мастерские были вынуждены отпускать свечи по 200 руб. за килограмм, и в то же время запрещалось повышать значительно более низкие цены на них в храмах. Чтобы найти средства, во многих приходах начали распускать платные хоры, уменьшились доходы священников. Духовенство буквально разорялось. По московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033%. В целом для Патриархии он начал обходиться в 12 млн.рублей в месяц, тогда как на содержание духовных учреждений и выплату пенсий вместе тратилось 2,75 млн.рублей. Важную роль играло и то, что постановление, сообщённое Церкви 28 Октября, вступало в силу с 1 Октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы, не имевшие в запасе денежных средств, оказались в крайне затруднительном положении. Патриархат захлестнула волна отчаянных просьб архиереев о помощи. Так, Ивановской епархии необходимо было заплатить налог за 4 квартал 1958 года в 3088 тысяч рублей, а в епархиальной кассе было лишь 100 тысяч, у Ярославской епархии соответственно 586 и 37 тысяч и т.д.

Руководство Патриархии отреагировало крайне болезненно. Уже 29 Октября Совет по делам РПЦ посетила группа работников хозяйственного управления во главе с его председателем архиепископом Макарием и горячо убеждала в необходимости отменить акты, подрывавшие всю экономическую жизнь Церкви. Однако, последовал твёрдый отказ. Ходатаи в сердцах заявили, что «правительство изыскивает таким способом необходимые средства на нужды государства». 4 Ноября Совет информировал ЦК о резко негативной реакции работников Патриархии. Замес-

титель председателя хо-зяйственного управления личный секретарь владыки Алексия Д.А. Остапов в знак протеста даже предлагал отказаться от внешнеполитической деятельности, не принимать иностранные церковные организации и не давать им денег на подарки. Вскоре Остапов был привлечён к уголовной ответственности за «незаконное» печатание в мастерской Патриархии религиозной литературы – «венчиков» и «разрешительных молитв». Сверх дозволенных 200 тысяч экземпляров было изготовлено ещё 1 млн. и 900 тыс. их уже продано. Но затем следственное дело прекратили, поскольку всю ответственность Патриарх взял на себя. Первосвятитель также был возмущён постановлением от 16 Октября. 17 Ноября он писал в Совет: «Это мероприятие... явилось для Патриархии безпрецедентным и совершенно неожиданным, как предпринятое без всякой консультации с заинтересованной стороной». В частных беседах Святейший заявлял о необходимости порекомендовать церковным организациям закупать свечи в государственной торговле, а также наладить их нелегальное производство. В Ноябре руководство Патриархии просило власти хотя бы отсрочить введение новых налогов до 1 Января 1959 года, но и в этом им было отказано[10].

Вскоре последовали новые удары. В Ноябре–Декабре 1958 года прошла массовая чистка церковных библиотек: многие книги оказались изъяты, вся иностранная литература поставлена под цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа». 28 Ноября ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»». Сроки ставились жёсткие, через полгода местные партийные организации должны были отчитаться о проделанной «работе». Чтобы прекратить доступ верующих к 700 учтённым властями по СССР священным местам, применялись любые методы. Территория вокруг источника в Коренной пустыни под Курском была огорожена, выставлена милицейская охрана, планировалось изменение русла реки. В Ульяновской области к священному месту у посёлка Сурское паломничество нескольких тысяч людей пресечь не удалось, но в наказание арестовали и привлекли к судебной ответственности 4-х организаторов. На Украине несколько почитаемых источников засыпали и, видимо, вспомнив кампании 20-х годов, выпустили кинофильм «Правда о мощах». Намеренно оскорбляя

чувства верующих, на месте священного источника в селе Вязовое Тамбовской области устроили летний лагерь для свиней и тому подобное.

Вновь возобновилось закрытие храмов. В 1958 году была снята с регистрации 91 церковная община. И здесь порой происходили нарушения всяких норм законности. Так, в Приморском крае Сучанский горисполком пытался насильственным путём, с арестом священника закрыть кладбищенский храм, чем вызвал открытую вспышку недовольства населения. Антирелигиозная волна нарастала: Ростовский облисполком потребовал запретить колокольный звон в городских храмах, у архиереев снимали телефоны, храмы отключали от водопроводной сети, запрещали в них текущий ремонт и т.д.

Одновременно с мерами репрессивного характера власти стремились к психологической и общественной изоляции верующих. Для этого было резко усилено антирелигиозное давление на сознание народа. Лавиной хлынул поток соответствующей литературы, правда большей частью так и остававшийся на прилавках магазинов. Появились десятки антирелигиозных кинолент. Радио, телевидение, пресса стали уделять много места антирелигиозным передачам и публикациям. Говоря о теоретической основе этой пропагандистской кампании, следует признать, что она оказывалась довольно слабой и фактически рассчитанной на исторически сложившуюся неосведомлённость многих слоёв населения в затрагиваемых ею вопросах. Впрочем, особой компетенцией не отличались и антирелигиозные пропагандисты, которые, в отличие от своих предшественников, не имели даже слабых, оставшихся от детства, знаний о содержании Библии. Так, едва ли не каждая публикация, посвящённая «критике» христианства, опиралась в качестве своего исторического базиса на никогда серьёзно не воспринимавшиеся наукой выводы так называемой мифологической школы ещё середины XIX века. У иных читателей возникла иллюзия, что христианство подорвано в своей исторической основе. Впрочем, большинство антирелигиозных выступлений того времени имели расчёт не на разум и тем более эрудицию объектов своего воздействия, а на эмоции. Не случайно поэтому значительный удельный вес в их общем количестве заняли прямые нападки на Церковь и Её служителей, доставалось порой и рядовым верующим. В исторической рет-

роспективе Церкви приписывалась некая «реакционность»: она объявлялась «душительницей просвещения», «подстрекательницей к погромам» и т.д. С целью же подрыва доверия к современной церковной организации объектами для нападок избирались отдельные её служители, мнимые или действительные пороки которых преподносились как норма церковного быта. Достаточно характерным явлением были носившие порой даже кощунственный характер карикатуры и стихи в журнале «Крокодил» и других изданиях.

Все эти акции вдохновлялись высшим партийным руководством. На XXI съезде КПСС в Январе–Феврале 1959 года активно звучала тема о необходимости разработки программы быстрого перехода советского общества к коммунизму. Н.Хрущёв в своём докладе заявил, что одна из главных задач предстоящей семилетки – преодоление пережитков капитализма в сознании масс. Об этом же говорили на съезде официальные советские идеологи – М.Суслов, Е.Фурцева, П.Поспелов. Ряд зарубежных историков – Д.Поспеловский и некоторые другие[11] даже считают, что могло существовать секретное постановление XXI съезда по уничтожению религиозных организаций в стране в ходе выполнения принятого семилетнего плана. Однако, какие-либо сведения об этом в рассекреченных архивных документах ЦК КПСС отсутствуют. В этом вопросе советологи ошибаются.

В Январе 1959 года состоялось закрытое собрание коммунистов Совета по делам РПЦ и всесоюзное совещание его уполномоченных по обсуждению новых задач в свете постановления ЦК от 4 Октября 1958 года. На них подверглась резкой критике вся прошлая деятельность организации за «примиренчество и пособничество церковникам». Подчёркивалось, что Совет поддерживал ходатайства об открытии и ограничивал ликвидацию храмов, дважды добивался более льготного обложения духовенства, принимал инструкции, способствовавшие распространению религиозной идеологии. В докладе одного из новых членов Совета И.И. Сивенкова в качестве главного виновника «ошибок и извращений» указывался отсутствовавший по болезни Г.Карпов, который будто бы не в состоянии их исправить из-за нежелания признавать и критически оценивать.

И Карпов, возглавлявший Совет с момента его возникновения в 1943 году, действительно решил не сдаваться. 6 Марта он направил Е.Фурцевой заявление с просьбой принять его, а 14 Марта передал её помощнику обстоятельное письмо, причём просил не знако-

мить с его текстом до намеченной встречи аппарат отдела пропаганды ЦК. В письме Карпов сообщал о серьёзных недоразумениях в его деле, которые могут привести к неблагоприятным последствиям. Он подчёркивал несколько приниципиальных возражений против доклада Сивенкова: нормализация отношений государства с Церковью является одной из главных задач Совета, а не политической ошибкой; необходимо сохранять патриотическую позицию Церкви, а не разоблачать «стремление духовенства выдавать себя за активных помощников советской власти» и т.д. Отмечая недопустимость сознательного ухудшения церковно-государственных отношений, Карпов ссылался на важность использования религиозных организаций в государственных интересах СССР за границей: «Из 14 автокефальных Православных Церквей міра 9 Церквей целиком поддерживают начинания Московской Патриархии... Сейчас предполагается подготовить и провести в течение 1–2 лет Вселенский Собор или совещание всех Православных Церквей міра... Как же можно проводить эту работу..., если мы будем... поощрять грубое администрирование по отношению к Церкви и не реагировать на извращения в научно-атеистической пропаганде... Я считаю недопустимым такие действия, как взрыв церковных зданий». Председатель Совета приводил многочисленные вопиющие факты администрирования, ссылался на массовое недовольство духовенства, размышления Патриарха об отставке и даже предлагал сделать некоторые уступки Церкви, например, разрешить построить здание для Киевской семинарии[12].

В результате Карпов ещё почти на год сохранил свою должность. Наметился временный отход от некоторых крайних форм антирелигиозного наступления. Важную роль здесь сыграло сопротивление самой Православной Церкви. Так, 18 Февраля руководство Совета приняло митрополита Крутицкого Николая по его просьбе. Согласно записи беседы, «в раздражённом тоне, нервничая и возмущаясь, Николай заявил, что с осени 1958 года началось наступление на Церковь равнозначное походу на Церковь до войны 1941–1945 гг.». Владыка указал, что в этой обстановке он не может посещать дипломатические приёмы и уже 2 раза не являлся на них; кроме того, Патриархия намерена отказаться от издания журнала, так как публикуемые там материалы используются для борьбы с религией. 20 Февраля по тому же вопросу на приём в Совет пришёл Патриарх. Он настаивал на снижении налогов, открытии

новых храмов и заявил о желании добиваться встречи с Хрущёвым. А 31 Мая первосвятитель и митрополит Николай обратились к 1-му секретарю ЦК с письмом: «Мы вынуждены просить Вас, глубокоуважаемый Никита Сергеевич, каким-нибудь актом подтвердить действенность постановления партии от 10 Ноября 1954 года. За последние месяцы имеют место многие факты оскорбления религиозных чувств, а также отдельных ничем не опороченных священнослужителей и печатание в прессе заведомой неправды о некоторых явлениях нашей церковной жизни...» Далее приводились многочисленные примеры газетной клеветы или грубого администрирования местных властей[13].

Определённый результат это письмо принесло. В редакционной статье «Правды» от 21 Августа «Против религиозных предрассудков» критиковались отдельные органы печати, обращалось внимание партийных организаций на недопустимость «искривления» линии партии в религиозном вопросе. Кроме того, отдел пропаганды ЦК указал редакциям ряда газет на необходимость исключить в дальнейшем оскорбления чувств верующих. Рекомендовалось также не упоминать в атеистических статьях руководителей Патриархии и почитаемые святыни. Правда, данные указания выполнялись не слишком долго.

Своё значение имело и сохранение заинтересованности правительства в международной деятельности Московской Патриархии. Например, в Январе–Феврале 1959 г. ея делегация посетила Эфиопию с целью установления контактов с Коптской Церковью, выяснения причин двухкратного отказа (в 1956 году и 1957 годах) главы последней архиепископа Базилоса посетить СССР и изыскания возможностей вновь пригласить его. Совет по делам РПЦ информировал ЦК КПСС, что Коптская Церковь в Эфиопии, являясь государственной, имеет большое влияние на правительство и на двор Императора. Миссия была успешно выполнена: посланцев Патриархии принимал Сам Император, вручивший им золотые памятные медали. И уже в Июле 1959 года Хайле Селассие I приехал в СССР, причём посетил святейшаго Алексия, наградив его орденом, а в Августе в Москве побывала делегация Эфиопской Церкви. Так эта важная в стратегическом отношении страна Африки начала попадать в сферу советского влияния.

Для Московской Патриархии планировались и гораздо более масштабные международные акции. Стало известно о том, что

в 1961–1962 годах должны состояться 2 крупнейших для всех христиан планеты события – Вселенский Католический Собор и Генеральная ассамблея Всемірного Совета Церквей (ВСЦ). В ЦК КПСС решили найти для них достойную альтернативу. 2 Апреля 1959 года – вскоре после своей встречи с Е.Фурцевой – Г.Карпов обсудил эти проблемы с руководством Патриархии. Правда, на вопрос – могут ли они выступить инициаторами созыва Вселенского Собора Православных Церквей, иерархи ответили отказом, заявив, что право созывать такие соборы, конференции или совещания есть только у Константинопольского Патриарха. Председатель Совета всё же настойчиво указывал им на необходимость проведения подобного совещания в 1960–61 годах, приурочив к какому-либо празднику. По поводу Вселенского Католического Собора Патриарх Алексий отметил, что Русские иерархи участвовать в нём не могут и хотят принять меры по преуменьшению его значения. Отношения СССР с Ватиканом в тот период оставались довольно напряжёнными. Влиятельные католические круги даже хотели отлучить от Церкви всех борцов за мир, как проводников коммунистического влияния, и Карпов полностью одобрил мнение Патриарха. Совет начал проводить политику неучастия всех Православных Церквей в намеченном Соборе. 21 Июня 1959 года в «Известиях» было напечатано резкое опровержение статьи в итальянском журнале «Темпо» о возможном появлении на нём Русских представителей. Наконец, на Апрельской встрече решили осуществлять активные контакты с экуменическим движением, не вступая в члены ВСЦ.

Эти контакты были нужны в значительной степени для вовлечения Всемірного Совета Церквей в зародившееся просоветское «Христианское движение в защиту мира». Первая Христианская мирная конференция (ХМК), на которой присутствовало лишь 37 делегатов почти исключительно из социалистических стран состоялась в Праге в Июне 1958 года. На вторую Пражскую конференцию в Апреле 1959 года приехало уже 90 человек, в том числе около трети из капиталистических государств. Казалось, что у движения большое будущее. II конференция обсудила вопросы о введении всемірного «дня покаяния», приурочив его к дате атомной бомбардировки Хиросимы, об организации в 1961 году Вселенского Христианского мирного Собора, переименовав его затем во Всемірный конгресс. Как видно из заявления главы Русской делегации на кон-

ференции митрополита Минского и Беларуского Питирима, важнейшей задачей было приглашение на конгресс ВСЦ, объединявшего в основном протестантов и последователей Англиканской Церкви. На католиков с самого начала особых надежд не возлагалось[14].

Всемірный Совет Церквей привлекал повышенное внимание ЦК КПСС и КГБ, рассчитывавших использовать эту влиятельную организацию в своих целях, ещё с середины 1950-х годов. 27 Октября 1956 года Президиум ЦК принял постановление о разрешении Московской Патриархии послать делегацию для встречи и обсуждения с руководством ВСЦ вопроса об участии Русских представителей в работе данной организации. Уже была достигнута договорённость о том, что встреча должна состояться в Январе 1957 года в Париже. Однако, действия советских войск в Венгрии сорвали ея проведение. Первые официальные переговоры об установлении контактов довольно успешно прошли 7–9 Августа 1958 года в Утрехте. Было принято совместное коммюнике и обсуждён план взаимоотношений – присутствие наблюдателей Патриархии на заседаниях ЦК ВСЦ и приглашение его генерального секретаря в СССР. Между тем, руководство Русской Церкви в тот период отказывалось вступить в члены ВСЦ, придерживаясь тезиса, что именно Православие есть продолжение неразделённого Христианства. 22 Августа митрополит Николай заявил Г.Карпову, что речь может идти только о представительстве наблюдателей. Впрочем, и председатель Совета придерживался того же мнения. В Августе – начале Сентября 1959 года представители Московской Патриархии впервые присутствовали на ежегодной сессии ЦК Всемірного Совета Церквей. 24 Сентября замещавший болевшего Карпова В.Васильев писал в ЦК КПСС, подводя ея итоги сессии о том, что ВСЦ, «желая заполучить» Русскую Церковь, изменяет позицию: принято решение по вопросу прекращения ядерных испытаний и запрещения ядерного оружия. Поэтому «становится более очевидным, что Московской Патриархии целесообразно продолжать развитие контактов с ВСЦ с тем, чтобы влиять на его деятельность в вопросах защиты мира, а также в определённой степени и борьбы с политикой Ватикана»[15].

К изменившейся тактике Московской Патриархии подключались и другие Православные Церкви. Так, в Июле – начале Августа 1959 года в СССР приезжал новый Антиохийский Патриарх Феодосий VI.

Он был принят председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым, получил солидную материальную помощь. В итоге владыка договорился с Московской Патриархией, что не будет участвовать в католическом соборе, направит наблюдателей на Августовскую сессию ЦК ВСЦ, поддержит решения Пражской конференции о созыве Всемірного Христианского конгресса в защиту мира и пошлёт на него своих представителей. Интересно, что когда Патриарх Алексий обратился 23 Ноября 1959 года к главам Православных Церквей с призывом поддержать предложение правительства о всеобщем и полном разоружении, Феодосий VI тут же энергично откликнулся на это обращение. Уже 13 Декабря в «Известиях» был опубликован «Призыв Антиохийского Патриарха о разоружении и всеобщем мире». В Октябре 1959 г., к 10-летию движения сторонников мира, Патриарху Алексию и митрополиту Николаю с санкции ЦК КПСС вручили юбилейные медали Всемірного совета мира.

Однако, очень скоро оценка международной деятельности Патриархии вновь изменилась. В Декабре 1959 года состоялся долгожданный визит в СССР руководства ВСЦ во главе с генеральным секретарем В.А. Виссерт Хуфтом, желавшим договориться о вступлении Русской Церкви в экуменическое движение. Существовала предварительная договоренность о принятии совместного коммюнике о единстве Церквей в борьбе за мир, разоружение, запрещение ядерного оружия. И всё же задуманные планы выполнены не были. Совет рекомендовал Патриархии принять некоторые предложения приехавшей делегации – обмен литературой, участие в различных экуменических конференциях, но вопрос о вступлении в члены ВСЦ не обсуждать. В результате гости категорически отказались подписывать какое-либо коммюнике. 3 Января 1960 года Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что причиной отказа стало несогласие с оценкой международной обстановки, а митрополит Николай не проявил должной настойчивости. В дальнейшем же, подчёркивал далее Карпов, необходимо продолжать контакты, влиять на политику ВСЦ, «однако, имея в виду» его «идеологические задачи», вступать в члены «нецелесообразно»[16]. Неудача была тяжёлой. Возникали очень большие сомнения в участии ВСЦ в задуманном Всемірном Христианском конгрессе. К тому времени стало окончательно ясно, что и с Всеправославным совещанием в Москве ничего не получится.

Многие Поместные Церкви считали, что цели ВСЦ не отвечают сущности вероучения и полноте его и неодобрительно отнеслись к контактам Московской Патриархии с экуменистами. К тому же, продолжавшиеся антирелигиозные акции в СССР дали основания заявить ряду первоиерархов, что на роль Православного лидера Русская Церковь претендовать не может, так как не свободна в собственной стране.

Действительно, наступление на религию в 1959 году не прекратилось, лишь на время несколько сбавив темпы. 22 Апреля Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным инструктивное письмо «О введении регистрации членов исполнительных органов и ревизионных комиссий приходских церквей». Отменённая в Октябре 1955 года, она имела целью ограничение единовластия настоятелей, ослабление материального положения Церкви и принижение авторитета духовенства. В подобном письме от 12 Июня требовалось прекратить продолжавшуюся в широких размерах благотворительную деятельность религиозных организаций, а также принять меры к полному прекращению ходатайств об открытии храмов. 29 Августа последовал указ об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих и так далее.

К Ноябрю 1959 году оказалось закрыто 13 православных монастырей; на конец года и в 1960 году была намечена ликвидация ещё 17-ти. Вопреки предварительной договорённости Патриарха с Советом по делам РПЦ, некоторые обители закрыли не постепенно, а в ускоренном порядке – иногда в 24 часа. Из 1013 насельников лишь 266 перевели в другие монастыри, 26 трудоустроили, 7 отправили в больницы и дома престарелых. Остальные были предоставлены самим себе. Не обошлось без эксцессов, особенно при ликвидации Кремецкого и Речульского монастырей. 150–200 инокинь последнего и многочисленные верующие пытались воспрепятствовать закрытию, заняли храм. 1 Июля при их изгнании работники милиции открыли стрельбу, застрелив одного богомольца. А 8 Октября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на территории Троице-Сергиевой Лавры милиционеры задерживали верующих и не выпускали их из-под ареста несколько суток, требуя расписок, что они никогда больше не придут в Лавру.

Местные власти всё меньше считались с Советом по делам РПЦ, уполномоченные которого порой были вынуждены подчи-

няться решениям областного или республиканского руководства, а не своего непосредственного начальства. 17 Сентября Патриарх, возлагая надежды только на помощь лично Г.Карпова, писал ему по поводу рапорта архиепископа Ростовского Иннокентия: «Он просит меня дать ему указаний... Но каких я ему могу дать указаний, когда по ряду пунктов я могу только сказать, что требования уполномоченного по меньшей мере незаконны? Как, например, сочетать требование его о недопущении в храм лиц до 18-летнего возраста с пунктом конституции о признании свободы отправления религиозных культов за всеми гражданами?.. Как оценить его требование священникам «отказаться от Бога» и т.д.?»[17].

Однако и сам Карпов постепенно терял возможность принимать самостоятельные решения. Например, отправляясь 22 Сентября в Одессу на переговоры с Патриархом о необходимости увольнения Крымского, Львовского, Ташкентского и Чебоксарского архиепископов за их «нездоровые акции», председатель Совета впервые запрашивал санкции на подобную поездку у ЦК КПСС. Первосвятитель пытался отстоять многих намеченных к устранению архиереев, и в некоторых случаях это удавалось. Так, архиепископа Луку Совет неоднократно настойчиво рекомендовал отправить на покой ещё с Июня 1959 г., но Патриарх отклонял все «пожелания» вплоть до смерти владыки в 1961 г. Встретившись с сопротивлением Первосвятителя, Карпов в Декабрьской беседе с уполномоченным по Узбекистану Н.Ф. Вороничевым пытался смягчить конфликт вокруг Ташкентского архиепископа: «...взамен Ермогена к Вам будет назначен другой епископ, а другой Вы думаете лучше будет? Всё равно, – сказал товарищ Вороничев, – Ермогена дальше держать в Ташкенте невозможно». Уполномоченный подчеркнул, что на него оказывает сильное давление руководство Узбекистана, так как архиепископ под видом ремонта фактически построил несколько новых храмов, развернул широкую благотворительную деятельность. Председатель Совета ответил, что поговорит об этом с Патриархом снова только после его возможной встречи с Хрущёвым[18].

Новый импульс активизации антицерковной политики в конце 1959 – начале 1960 годов придал ряд руководящих республиканских и областных партийных работников. Свою «лепту» внёс и Комитет государственной безопасности. После объявления «войны религии» работники его специальных подразделений вос-

пряли духом, почувствовав свою необходимость и резко усилили деятельность по сбору данных о «подрывных актах церковников». Так, 18 Апреля 1959 года председатель КГБ А.Шелепин писал в ЦК КПСС об участии некоторых научных работников, профессоров, артистов в церковной жизни и предлагал через администрацию учреждений принять «соответствующие меры воздействия» на них. В начале Декабря работники КГБ приказали давно связанному с ними профессору Ленинградской Духовной Академии А.А. Осипову заявить о своём разрыве с Церковью и Богом. Через полторы недели они отправили в отдел пропаганды ЦК 2 аналитических обзора Осипова «Об общем положении Православия в СССР» и «Об антирелигиозной работе», написанных им по заданию КГБ. Всего путём различных мер шантажа, подкупа и угроз, в конце 1950-х – начале 60-х годов удалось склонить около 200(!) православных священнослужителей к отречению от сана... Конечно же, единичные случаи душевного кризиса, когда вследствии греховных пристрастий у человека может даже колебаться вера, бывали во все времена. Более того, эти индивидуальные устремления, склоняясь к безбожию или же к ереси, могли иногда проецироваться на некоторые общественные слои, как, например, это нашло своё выражение во Французском материализме XVIII в. или в толстовстве. Однако, эти выступления были вызваны, хотя и ложной по своей сути, но всё же внутренней потребностью души и не имели внешнего поощрения. Если же мы обратимся к выступлениям, указанным выше, то обнаружим совсем иную картину. Конечно же, в ограде Церковной могли оказаться люди чуждые Церкви по духу, настроениям и устремлениям, что в относительно спокойной обстановке церковного быта чаще всего не помешало бы им участвовать в деятельности той или иной церковной структуры, получая свою плату наёмника. И так продолжалось бы до тех пор, пока под воздействием внешних факторов их настроение и устремления не обнаружили своей сути. Это показал опыт нашей Церкви в 20–30-е годы, когда имели место уклонения в «обновленчество» и прямые отпадения, это стало очевидно и на рубеже 50–60-х годов.

Анализируя участие церковных ренегатов в кампании заведомой клеветы на Церковь и хранимое Ею вероучение, весьма затруднительно говорить о чисто идейных его мотивах. Перед нами налицо явное попрание общечеловеческих норм порядоч-

ности. Именно так и расценивались эти выступления церковной и мыслящей частью секуляризованного общества. Это находило, в частности, своё выражение в вопросах, которые задавались А.Осипову, А.Черткову, Е.Дулуману, П.Дармаисову и им подобным отступникам во время их публичных выступлений.

Действия этих лиц, кроме церковно-общественной нашли также и свою каноническую оценку. Так, на заседании от 30 Декабря 1959 года Священный Cynod под председательством Патриарха Алексия принял следующее постановление: «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской Духовной Академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского. бывшего священника Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших Имя Божие считать извергнутыми из священного сана и лишёнными всякого Церковного общения – «они вышли от нас, но не были наши» (1 Ин.2,9). Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мірян, публично похуливших Имя Божие отлучить от Церкви»[19].

Хотя многих из отступников затем использовали в агитационных целях, сколько-нибудь существенного воздействия на верующих эта акция не оказала. Ренегаты вызывали лишь презрение и впоследствии от подобной практики властям пришлось отказаться. Архивные документы свидетельствуют, что многие из отрекшихся от сана уже к середине 1960-х годов спились, покончили с собой. Некоторые просили своих архиереев о прощении.

Руководство Патриархии пыталось остановить нарастание новой антирелигиозной волны. 24 Ноября митрополит Николай в разговоре с Карповым жёстко поставил вопрос о «фактах физического уничтожения Православной Церкви». По словам владыки, и «Патриарх считает, что в настоящее время ведётся явная линия на уничтожение Церкви и религии вообще и более глубоко и широко, чем это было в 20-х годах». Начиная с 11 номера «Журнала Московской Патриархии», митрополит запретил печатать свои проповеди. Первосвятитель же, не желая быть ликвидатором Церкви, вновь заявлял о своей возможной отставке[20]. Вскоре Патриарх написал Г.Карпову письмо о 10 самых больных вопросах, которые он хотел бы обсудить с Н.Хрущёвым. Но все попытки организовать встречу с 1-м секретарем ЦК КПСС закончились неудачей.

9 Января 1960 года было принято постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в котором с неудовольствием отмечалось, что руководители некоторых партийных организаций занимают пассивную позицию по отношению к враждебной марксизму-ленинизму религиозной идеологии. Ещё более жёстко прозвучало постановление ЦК КПСС от 13 Января «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Антирелигиозная война поднималась на новую ступень. Речь шла уже об изменении самих основ деятельности Русской Православной Церкви. В постановлении указывалось, что «вопреки советскому законодательству о культах, предоставлявшему право управления религиозными общинами, органам, выбранным из числа самих верующих, церковнослужители сосредоточили всё руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии». Сильное негодование и тревогу партийного руководства вызывал тот факт, что несмотря на все антицерковные акции и атеистическую пропаганду религиозная активность в СССР не снижалась. Так, в Апреле 1960 г. Совет по делам РПЦ извещал ЦК КПСС, что по всей стране на Пасхальных службах верующих присутствовало в целом больше, чем в прошлом году. В Москве, в частности, «на Богослужениях было много мужчин и женщин, особенно молодёжи – значительно больше, чем в «Пасху» 1959 года. Все храмы города были переполнены народом. Кроме того, десятки тысяч людей находились в ограде храмов, на прилегающих улицах и многие из них – с горящими свечами в руках»[21]. Ставка была сделана на дальнейшее усиление антирелигиозного натиска.

Г.Карпов не слишком подходил на роль церковного гонителя, хотя в соответствии с новыми требованиями он и пытался перестроиться. 22 Января председатель Совета повёл беседу с митрополитом Николаем в небывалом прежде жёстком тоне, заявив, что вскоре с ним и Патриархом состоится большой разговор о невыполнении Русской Церковью советского законодательства о культах и очевидно произойдут некоторые изменения в Положении о Церкви. Г.Карпов резко поставил вопрос о проповедях владыки в московских храмах против массированной атеистической пропаганды и указал, что она будет вестись и впредь, а всякие попытки сопротивления этому найдут «соответствующее

реагирование». Но 16 Февраля 1960 года последовало публичное выступление Патриарха с речью на конференции советской общественности за разоружение. Начав с перечисления заслуг Православной Церкви за тысячелетнюю историю Русского народа, первосвятитель достаточно ясно заявил и о нынешних гонениях:

> «Церковь Христова, полагающая Своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет Свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных Ея членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против Христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адова не одолеют Церкви Его»[22].

После такого провала карьера Г.Карпова закончилась окончательно. 21 Февраля он был отправлен на пенсию, а председателем Совета по делам РПЦ назначен партийный функционер, в прошлом идеологический работник, зарекомендовавший себя старательным исполнителем указаний начальства В.А. Куроедов.

Хотя в дальнейшем отношение Куроедова к Церкви претерпело определенную эволюцию, начало оказалось очень жёстким. 11 Марта, впервые встретившись с руководством Патриархии, новый председатель Совета заверил, что курса на уничтожение Церкви не существует, но органы власти будут значительно строже, чем раньше контролировать выполнение духовенством законодательства о культах. Фактически это означало волну дополнительных запретов и стеснений. В Апреле на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета В.Куроедов заявил: «Давайте, товарищи, будем откровенно говорить, у нас в ряде республик и областей имеется слишком густая сеть церковных учреждений, не вызываемая никакой практической необходимостью». И после такого вступления предложил перейти к плановому сокращению храмов, монастырей, Духовных учебных заведений и духовенства, епархий и епархиальных центров[23].

Для осуществления намеченного плана необходимо было преодолеть сопротивление ряда открыто враждебных новой религиозной политике властей иерархов и прежде всего самого активного и влиятельного из них – митрополита Крутицкого и

Коломенского Николая. Это был сложный и противоречивый деятель. Многие его личные качества не вызывали симпатии, но в тот трагический для Церкви период он порой проявлял незаурядное мужество. Власти не без оснований опасались, что владыка станет знаменем, лидером всех недовольных в Патриархии и может сплотить некую внутрицерковную оппозицию, что усложнит ситуацию в стране. Кроме того, их не устраивала и внешнеполитическая позиция митрополита Николая. В начале Июня 1960 года КГБ и Совет по делам РПЦ вошли в ЦК КПСС с предложением отстранить его от активной церковной деятельности и участия в работе общественных организаций, так как митрополит неоднократно высказывал «крайне реакционные настроения», фактически отказался руководить отделом внешних церковных сношений (ОВЦС), допускал двурушничество и так далее. ЦК полностью одобрил их предложения.

15 Июня состоялась соответствующая беседа В.Куроедова с первосвятителем. Председатель Совета заявил, что внешняя работа Церкви «поставлена совершенно неудовлетворительно... Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению Православных Церквей вокруг Русской Православной Церкви..., мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом... Совет рекомендовал митрополиту Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако, митрополит Николай не выполнил эту просьбу...». Указав также, что владыка по существу не согласен с «оценкой агрессивных действий США», данной Н.С. Хрущёвым на Парижском совещании и кроме того распространяет слухи об изменении государственной политики по отношению к Церкви, Которую, якобы, ждёт физическое уничтожение, Куроедов предложил снять митрополита Николая с занимаемого поста. Некоторые сомнения Патриарха были быстро преодолены[24]. Нужно отметить, что руководство Совета, не гнушаясь и клеветой, всячески множило и подогревало разногласия первого и второго лиц в церковной иерархии. В итоге 21 Июня на посту председателя Отдела Внешних церковных сношений (ОВЦС) митрополита Николая сменил его заместитель – сторонник экуменического

сближения архимандрит Никодим (Ротов), возведённый в сан епископа, а затем и митрополита*.

Но митрополит Крутицкий не отказался от избранного пути. Он разрешил передачу по Би-Би-Си своей проповеди в Голландии об антицерковных гонениях в СССР. В Июле приехавшему в Москву епископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) владыка заявил, что его уволили за борьбу с безбожием и привёл многочисленные факты надругательств над чувствами верующих: «... по всей России на Пасху прокатилась волна грубейших и безобразных антирелигиозных демонстраций. Мне даже неловко описывать их.... В одном из городов на Украине во время службы в храм ворвалась толпа молодых людей, они несли на руках обнаженную девушку, направились к алтарю и пытались через Царские врата войти в него и положить девку на престол. Конечно, это им не удалось, верующие вмешались и помешали, произошла общая драка и свалка... милиция в подобных случаях просто исчезает и появляется только по окончании бесчинств». Действительно, пытаясь сорвать Пасхальные Богослужения, в 1960 году хулиганствующая молодёжь врывалась в каѳедральные соборы Киева, Таллина, Риги, во многих храмах били стёкла, стреляли в окна из ружей. Причём, чувствовалось явное попустительство, а то и содействие властей. На вопрос епископа Василия, нужно ли сделать за границей известным рассказанное ему, митрополит Николай заявил: «Можно и даже полезно»[25]. Подобные же сведения владыка пытался распространять в Августе через председателя Христианских мирных конференций чехословацкого профессора богослова И.Громадку, главу американского экзархата митрополита Бориса и других. Опальный митрополит явно стремился привлечь внимание мiровой общественности к положению Церкви в СССР, рассчитывая с ея помощью остановить нарастание антирелигиозной кампании в стране. К сожалению, находясь под впечатлением хрущевской «оттепели» после сталинских «лютых холодов», влиятельные зарубежные политики и общественные деятели далеко не сразу стали прислушиваться к свидетельствам о трагедии Русской Церкви.

Вскоре митрополит Николай, которого изолировали от общения с иностранцами, подвергся новым преследованиям. В конце

---

* *Подробне о личности митрополита Никодима см. Душенов К. Противостояние. С-Пб. 1996. С.57–72.*

Августа В.Куроедов поставил вопрос об устранении его от руководства Московской епархии. Патриарх предложил перевести владыку на Ленинградскую каѳедру. Митрополит Николай ответил категорическим отказом. 9 Сентября он послал письмо Н.Хрущёву: «Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для Великой Родины, верным сыном и патриотом которой я был и буду до моего издыхания». Ответа не последовало. 15 Сентября Патриарх, известив Куроедова об отказе митрополита Николая, который «видимо решил идти ва-банк», предложил в связи с поступлением заграничных материалов о гонениях на него не принимать сейчас решения об освобождении владыки, а предоставить ему полугодовой отпуск. Однако, в очередной раз оклеветав митрополита Николая, В.Куроедов настоял на немедленном полном отстранении его от руководящей работы в Патриархии. Через 4 дня Священный Cynод принял решение освободить владыку Николая от поста митрополита Крутицкого и Коломенского с увольнением на покой. А 13 Декабря 1961 года владыка умер в больнице при странных обстоятельствах. По свидетельству очевидцев близкие потребовали медицинского свидетельства о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего якобы объясняется «переменой климата». У морга собралась большая толпа верующих, кричавшая людям, приехавшим за телом: «Убийцы!». Сохранились анонимные письма в адрес Верховного Совета и правительства СССР с требованием расследовать это «несомненное убийство». Все они передавались для выявления авторов в КГБ[26]. Кроме того, вскоре был снесён дом, где жил митрополит Николай и закрыт храм, в котором он служил.

Репрессии коснулись и других неугодных иерархов. 31 Мая 1960 года был перемещён в Оренбуржскую каѳедру архиепископ Львовский Палладий. 15 Сентября освобождён с предоставлением отпуска архиепископ Ермоген. «Отпуск» затянулся на 1,5 года, и владыке пришлось писать лично Хрущёву, чтобы Совет перестал противиться его назначению на новую каѳедру. С целью запугать архиереев, боровшихся с наступлением на Церковь, в 1960 году был арестован и осуждён на 3 года архиепископ Казанский Иов. Его обвинили в неуплате налогов с расходов на представительства, которые ранее не облагались. Таким образом, все иерархи предупреждались, что они могут быть осуждены на основе аналогичного обвинения, если окажутся неугодны. В 1961

году арестовали архиепископа Иркутского Вениамина, который через 2 года скончался в заключении. Отстранялись от служения и наиболее активные священники. Так, только уполномоченный по Минской области в 1960 году снял с регистрации «в порядке наказания» 6 священнослужителей.

На время ослабив Церковное сопротивление, власти приступили к осуществлению намеченных планов. К Ноябрю 1960 года по заданию ЦК КПСС была разработана «Инструкция по применению законодательства о культах», утверждённая в Марте 1961 года. Она запрещала религиозным центрам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничества, благотворительность, санаторную и лечебную помощь, экскурсии, библиотеки, использовать средства для возрождения затухающих храмов и монастырей, принудительно взыскивать сборы, применять к верующим меры принуждения и наказания (в первом варианте даже препятствовать антирелигиозной пропаганде). Запрещение благотворительности дошло до того, что с 1960 года власти стали оказывать давление на священников и церковные советы, вынуждая их изгонять нищих из храмов. Во многих городах начали препятствовать проведению крестных ходов даже в церковной ограде. В Ноябре В.Куроедов впервые внёс в ЦК КПСС предложение о запрещении колокольного звона. Значительно выросло количество закрываемых храмов: если в 1959 году власти сняли с регистрации 364 православные общины, то в 1960 – 1398.

Сильный удар был нанесён по Духовным учебным заведениям. К 1958 году они достигли пика своего развития за всё послевоенное время. В 8 семинариях и 2 Академиях обучалось свыше 1200 человек на дневном отделении и более 500 заочников. Но с этого времени государство начало прилагать усилия к тому, чтобы сократить количество учащихся Духовных школ. С юношами, подавшими прошения в семинарии о приёме на учёбу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Кроме того, оказывалось давление на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятым отказывали в прописке. С 1959 года отсрочка от призыва в армию перестала даваться даже учащимся выпускных курсов.

В семинарии стали приниматься только отбывшие воинскую службу. Время подачи заявлений абитуриентам было ограничено 1 Августа. За месяц, остававшийся до вступительных экзаменов, списки их пересылались в Совет по делам РПЦ, а оттуда заинтересованным уполномоченным на места для обработки юношей. В начале 1960-х годов эти акции переросли в настоящую охоту за каждым желающим поступить в семинарию или Академию. Особые усилия направлялись на то, чтобы не допустить в них лиц с высшим образованием. В результате принятых мер, количество учащихся Духовных школ стало уменьшаться. Например, в Октябре 1962 года Совет по делам РПЦ с удовлетворением сообщал ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961–62 годах заявления о приёме в семинарии, 490 в результате «индивидуальной работы» их забрали.

Таким образом, оказалась подготовлена почва для ликвидации Духовных учебных заведений, перекрытия канала «воспроизводства» кадров духовенства. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1940–50-е годы, также были окончательно запрещены. 17 Июля 1959 г. под нажимом Совета учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном закрытии единственного существовавшего заочного сектора Ленинградских Духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных Академий и семинарий. 4 Мая 1960 года Патриарх был вынужден согласиться с предложением В.Куроедова закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую Духовные семинарии. На ликвидацию же Минской и Волынской согласия руководства Патриархии не было получено, и они прекратили своё функционирование исключительно в результате принятых административных мер. Минская семинария из-за открытого противодействия местных властей не смогла в 1959 году произвести набор воспитанников, и поэтому после выпуска в 1963 году последних 5 учащихся фактически перестала функционировать. Подобным же способом, в соответствии с постановлением ЦК Компартии Украины должна была в 1963 году прекратить существование и Волынская семинария. Но все усилия республиканского руководства оказались тщетны. Полностью сорвать набор новых учащихся не удалось. Тогда горисполком изъял у семинарии второй этаж здания, снял номерные знаки с её автомашины и тому подобное. В 1964 году, утратив возмож-

ность нормально функционировать, она была вынуждена прекратить свою деятельность.

В 1961 г. встал вопрос уже о существовании Ленинградских Духовных Академии и семинарии. Местная молодёжная газета «Смена» целый номер посвятила «гнезду контрреволюции» в городе трёх революций. В Академию перестали пускать посетителей, верующим запретили посещать её храм. Казалось, что крупнейший центр Духовного образования обречён. Но он не сдавался и в Декабре 1962 года даже ходатайствовал о возобновлении приёма на заочный сектор. Помог Академии выстоять назначенный в Октябре 1963 года главой Ленинградской епархии митрополит Никодим (Ротов). Как председатель Отдела Внешних церковных сношений он энергично стал включать Академию в международную деятельность. Туда зачастили иностранные делегации, профессора начали значительно активнее посещать различные богословские конгрессы. Зная о ярко выраженных симпатиях Н.Хрущёва к развивающимся африканским странам, митрополит смог пригласить на учебу 7 африканцев из Уганды и Кении. К сожалению, у этого внешнего процветания имелись и свои отрицательные стороны. Митрополит Никодим, активно осуществляя просоветскую политику, стремился сделать Ленинградскую Духовную Академию «кузницей кадров» для расширения экуменической деятельности – что, впрочем, и спасло её от намеченного в то время закрытия. «Я искренне рад, – сказал он, принимая участников сессии Исполкома ВСЦ в Ленинграде, – что могу сегодня горячо приветствовать вас как епископ того города, где находится крупнейшая лаборатория экуменической мысли – наша Духовная Академия. Здесь систематически и неустанно трудятся над проблемами христианского сближения и единства...»[27]

Немало представителей государств «третьего міра» обучалось и в Московской Духовной Академии. В 1964 году под предлогом необходимости иметь подготовленные кадры для международной деятельности Патриархии удалось открыть там небольшой заочный сектор и аспирантуру.

В целом же к осени 1964 года количество учащихся Духовных школ по сравнению с 1958 годом сократилось более чем вдвое – в 3 семинариях и 2 Академиях числилось 411 человек на дневном отделении и 334 заочника. В результате с каждым годом в Церкви всё острее стала ощущаться нехватка священно-

служителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. Кроме того, в целом ряде областей местные уполномоченные «рекомендовали» епархиальным архиереям не ставить священников к осиротевшим приходам, большею частию находившимся в сёлах или небольших посёлках. В тех же случаях, когда епископ, следуя своему архипастырскому долгу, предпринимал меры к заполнению имеющейся вакансии, рукополагая кандидатов в священники, ему начинали чинить препятствия. Новопосвящённым священнослужителям отказывали в регистрации под предлогом того, что они не имеют семинарского образования или же имеют высшее светское образование. Соответствующие меры принуждения делались и в отношении епископов. В ряде областей уполномоченные запрещали архиереям рукополагать новых священнослужителей без их (уполномоченных) согласия, таким образом, вмешиваясь во внутреннюю жизнь Церкви. Несмотря на это, епископы, оказавшиеся в такой ситуации, продолжали предпринимать усилия к подбору, воспитанию и распределению кадров духовенства, добиваясь необходимых результатов. Но случалось, что иной епископ не проявлял должной ревности в решении этой проблемы, более заботясь о своём спокойном пребывании на каѳедре, что иногда приводило эту епархию на грань развала. Храмы по нескольку лет оказывались без священника. Богослужение в них либо совсем не совершалось, либо изредка совершалось специально командированным священником из соседнего прихода при наличии согласия уполномоченного. Если приходская община, лишённая пастыря, оказывалась дружной и сильно преданной Церкви, ей удавалось в течении этого времени поддерживать храм в надлежащем состоянии, нести расходы по ремонту, аренде и страховке. Но главное, заботами активных прихожан, часто простых деревенских женщин, иногда удавалось отстоять храм от закрытия под предлогом его бездействия. Множество ходоков по всей стране наполняли тогда приёмные епархиальных управлений и кабинеты уполномоченных. Нередкими посетителями были они в высоких церковных и правительственных учреждениях Москвы и Киева.

Впрочем, соответствующему давлению извне были подвержены не только приход или епархиальное управление. Ещё в большей степени ему подвергалось высшее Церковное руководство.

Если от епархиального архиерея требовали не ставить священника на вакантный приход, то от Патриарха и Cунода порой требовали не назначать епископа на оказавшуюся свободной каѳедру. В результате к 1963 году в СССР при 73 епархиях. входящих в Московский Патриархат, оказалось только 63 правящих епископа[28]. При этом ряд соседних епархий сливались в одну. Так, Великолукская епархия вошла в состав Псковской, а Дрогобычская в состав Львовской. Правда, это было вызвано объединением указанных областей. Однако, слияние Гродненской, Пинской и Минской епархий, а также Красноярской с Новосибирской и Семипалатинской с Алма-Атинской этими соображениями уже не диктовались. Кроме того, такие епархии как Днепропетровская, Ижевская, Луганская, Олонецкая, Сумская, Хабаровская, Хмельницкая и Челябинская хотя и сохранили своё самостоятельное бытие, однако так и остались не замещёнными собственными епископами, продолжая неопределённый срок «временно» управляться архиереями соседних епархий.

К худшему изменилась ситуация и в уцелевших Духовных школах. Не сумев до конца их ликвидировать, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Уходила из жизни старая профессура, новым же талантливым преподавателям ставились всяческие препятствия. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения Богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей. Именно с конца 1950-х годов начала осуществляться целенаправленная кадровая политика по качественному изменению состава духовенства.

В 1961 году наступление на Церковь продолжалось. 16 Марта Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», подписанное Н.Хрущёвым. Теперь к обезпечению «контроля» в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах начали создаваться комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь. Важным пунктом принятого постановления было разрешение закрывать молитвенные здания по решениям не Советов Министров союзных республик, а областных (краевых) исполко-

мов, при условии согласования с Советами по делам РПЦ и религиозных культов. Это ускорило и облегчило процедуру ликвидации храмов. В результате в 1961 году было снято с регистрации 1390 православных обществ, а в 1962 году ещё 1585. Согласно постановлению от 16 Марта, все священнослужители и церковнослужители, а не только приходское духовенство, как ранее, облагались подоходным налогом по статье 19 соответствующего указа Верховного Совета. Кроме того, предусматривалось ограничение колокольного звона, «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением». Подобная формулировка заставила на несколько десятилетий замолчать колокола большинства храмов в стране.

Довольно скоро ощутив последствия Мартовского постановления правительства, многочисленные представители духовенства начали обращаться к Патриарху, чтобы он добился отмены или хотя бы смягчения отдельных пунктов. В Апреле–Мае 1961 года первосвятитель направил в Совет и правительство несколько писем с просьбой пересмотреть религиозную политику государства, одёрнуть представителей власти на местах, «увлёкшихся» закрытием храмов, открыто притеснявших духовенство и мірян. Однако, эти письма, как и многочисленные ходатайства Патриарха Алексия об организации его встречи с Н.Хрущёвым остались без внимания. Более того, святейшему владыке пришлось пойти даже на изменения «Положения об управлении Русской Православной Церкви».

31 Марта В.Куроедов заявил руководству Патриархии о необходимости проведения «церковной реформы». Суть ея заключалась в отстранении священнослужителей от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу – приходскому совету, которому передавалась вся финансово-хозяйственная деятельность. «Реформа» во многом разрушала традиционное управление Церкви. Ея организация юридически расчленялась. Священнослужители отделялись от приходской жизни и должны были наниматься общиной по договору для «исполнения религиозных потребностей». Духовенство не допускалось на собрание, избиравшее церковный совет, куда власти, имевшие право отвода его членов, постепенно вводили своих людей.

Выступая на открытии Собора епископов 18 Июля 1961 года, о котором речь пойдёт ниже, Патриарх Алексий сказал: «В Апреле этого года Совет по делам Русской Православной Церкви извес-

тил нас о том, что Совет Министров СССР вновь обратил внимание на многочисленные случаи нарушений со стороны духовенства советского законодательства о культах и указал на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов, и именно в вопросе восстановления правоисполнительных органов церковных общин в части финансово-хозяйственной деятельности, в соответствии с законодательством о культах...

18 Апреля сего года состоялось Постановление Священного Cynода, в котором разграничивались обязанности клира приходского, в частности, настоятелей, и исполнительных органов, причём настоятелям вменялось в обязанность всецело сосредоточить свои заботы на духовном руководстве приходом, и на Богослужебной стороне, с освобождением их от хозяйственно-финансовой деятельности общины, каковая деятельность возлагалось только на исполнительный орган мірян, несущий по закону ответственность перед Гражданской властью за сохранность здания и имущества храма»[29].

Такое казалось бы антиканоническое, находящееся в полном противоречии с многовековой традицией Вселенской Церкви[30] решение, кроме прямого внешнего давления на Патриархию, было отчасти также вызвано и тем, что власти на местах изыскивали возможность принятия административных, а порой и уголовных мер к неугодным им священнослужителям, а иногда даже и епископам, под предлогом якобы совершения ими финансово-хозяйственных нарушений. Впрочем, желая рассеять опасения преосвященных, Патриарх Алексий сказал в своём выступлении: «Умный настоятель, благоговейный совершитель Богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен»[31]... Действительно, в тех районах страны, где ещё сохранялось достаточное число храмов и приходская жизнь оказывалась налаженной (Прибалтика, Западная Украина), или же во многих сельских приходах, имеющих небольшой состав общины и слабый доход, фактически сохранялся правильный строй Церковной жизни, при которой настоятель, опираясь на прихожан и их исполнительный орган, продолжал осуществлять руководство всеми сторонами приходской жизни, хотя формально всё вроде бы соответствовало изменившимся требованиям. Но в больших городах или населённых пунк-

тах, где один храм удовлетворял духовные нужды большого количества населения, порой разбросанного на значительной территории, «реформа» 1961 г. неблагоприятно отразилась на и без того мало налаженной приходской жизни. Так, местными властями стала проводиться соответствующая обработка церковных старост, которым, в частности, внушалось, что настоятель и другие члены притча отныне всего лишь работающие по найму служители культа, что власть в приходе теперь принадлежит им – старостам. И нередко случалось, что иные малоцерковные люди, развращённые властью и возможностью лёгкой наживы, лишённые надлежащего контроля со стороны церковного руководства, порой следуя «рекомендациям» уполномоченных, а порой и по своему произволу третировали духовенство, игнорировали интересы прихожан и нужды прихода, заботясь только о сохранении собственного положения. Последнее достигалось нетрудно. Если староста устраивал местную власть, то двадцатка – члены-учредители общины, не получали разрешения на проведение приходского собрания для переизбрания исполнительного органа. Кроме того, сказывались и изъяны в воспитании церковного сознания верующего народа, когда сотни, а то и тысячи людей считали себя прихожанами какого-либо храма, при этом не сознавая за собой ответственности за состояние в нём церковной жизни, полагая, что это забота владыки, батюшки, старосты – вообще узкого круга выделенных лиц. Между тем, переложение ответственности за Церковь, имеющей многомиллионный состав на всех уровнях Своей организационной структуры, на ограниченный круг лиц, практически безответственных перед общецерковным сознанием, чревато весьма серьёзными опасностями, что в достаточной мере показали события 60-х годов...

Теперь рассмотрим, если его так можно назвать, «юридическое» основание «Церковной реформы» 1961 года. Кажется странным, что в течении пятнадцати лет никто не замечал «противоречия» между Положением об управлении Русской Православной Церковью и советским законодательством. Данное «противоречие» выводилось лишь из того, что естественное положение, когда священнослужитель является обязательно членом общины, как это закреплялось в § 40 Положения об управлении РПЦ, подменялось понятием «служитель культа, исполняющий свои обязанности, относящиеся к отправлению культа, по договору, заключённому с исполнительным органом религиозного общества». Таким образом,

пастырь, всегда рассматриваемый Церковью как Ея непременный член и предстоятель, низводился теперь до уровня наемника, заботой которого становилось лишь «исправное, в соответствии с уставом совершение Богослужений». Заметим попутно, что в таких религиозных обществах, легально существовавших в СССР, как например, старообрядцы поморского согласия или евангельские христиане – баптисты и некоторые другие, избираемый местной общиной председатель ея исполнительного органа является в полной мере и ея же духовным руководителем. Он исполняет предстоятельские функции, которые применительно к каноническому строю Православного прихода усвоены настоятелю в сане пресвитера. Это устройство упомянутых обществ вполне укладывалось в рамки советского законодательства о культах, а иной строй в них просто немыслим. Поэтому его никто не смог и изменить. Между тем, положение о приходе 1945 года было явно несовершенно именно выделением прав настоятеля и пренебрежением к участию других членов общины в приходском управлении. Однако, вместо необходимого сбалансирования данного вопроса в соответствии с традицией Церкви и священными канонами, в частности, в вопросе назначения настоятеля в форме избрания приходом и канонического утверждения епископом (что лишило бы всякого смысла разговоры о противоречии строя приходской жизни с советским законодательством о культах), была допущена другая гораздо худшая крайность, когда духовный руководитель общины оказался отстранённым от одной из важных сторон ея жизни, а юридически даже перестав быть и ея членом. Впрочем, в исправленном впоследствии тексте Положения об управлении РПЦ настоятелю всё же вменяли «духовное руководство приходом», также как и за епископом сохранялось духовное окормление епархии. Но спрашивается, о каком духовном руководстве могла идти речь, если Высшее Церковное Управление санкционировало своим постановлением фактическую безответственность мірян, входящих в исполнительный орган религиозного общества, в своей церковно-практической деятельности перед лицом пастырей, – как священника, так и епископа.

Так выглядели разные аспекты этого Cvнодального постановления, которое должно было получить одобрение Архиерейского Собора с тем, чтобы быть окончательно утверждённым на Поместном Соборе[32].

Разрешение правительства СССР на созыв такого Архиерейского Собора было получено, и он состоялся 18 Июля 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре в день празднования прославления преподобного Сергия Радонежского[33]. К указанному дню в Лавре собрались почти все правящие епископы Московского Патриархата. Среди архиереев, участвовавших в этом Соборе, были и такие маститые иерархи, как митрополит Кировоградский Нестор (Анисимов) и архиепископ Куйбышевский Мануил (Лемешевский).

Вниманию собравшихся была предложена следующая программа:

1) Об увеличении числа постоянных членов Священного Синода;

2) Об изменениях в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», касающихся раздела IV – «О приходах»;

3) О вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей;

4) Об участии Русской Православной Церкви во Всемирном Общехристианском Конгрессе в защиту мира, имевшем место в Праге 13 – 18 Июня 1961 года.

По первому пункту предполагалось утверждение Синодального определения от 16 Марта 1961 года о введении в состав постоянных членов Синода управляющего делами Московской Патриархии и представителя Отдела Внешних церковных сношений, должности которых впредь должны замещаться только лицами в епископском сане. С докладом по этому вопросу выступил митрополит Крутицкий и Коломенский Питирим, а в его обсуждении принял участие митрополит Ленинградский и Ладожский Гурий. Последний, в частности, сказал: «Такое пополнение состава Священного Синода необходимо: в настоящее время нередко возникают в деле руководства Русской Церковью также такие вопросы и дела, которые полезнее обсудить, разработать, а иногда и решить спешно, не откладывая, а члены Священного Синода по большей части находятся в отдалённых от Москвы епархиях и для созыва требуется немалое время. К тому же некоторые из членов Синода могут быть нездоровы ко дню назначенного заседания Синода.

Принимая всё это во внимание, члены Cvнода приветствовали предложение Святейшего Патриарха о пополнении состава Священного Cvнода двумя постоянными членами»[34].

По этому вопросу было принято определение об утверждении Cvнодального постановления от 16 Марта 1961 г. и внесении соответствующих изменений в §§ 18 и 19 Положения об управлении Русской Православной Церковью. Таким образом, создавалось положение, когда иное срочное решение Cvнод мог принять уже в составе 3 – 4 членов, с тем что в дальнейшем оно подписывалось остальными.

По второму вопросу докладчиком был управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Тульский и Белевский Пимен, а в его обсуждении приняли участие 5 архиереев.

Ещё открывая Собор, Патриарх Алексий сказал, что он получил отрицательные отзывы от трёх архиереев на Cvнодальное постановление от 18 Апреля 1961 года о приходском управлении[35]. И хотя большинство епископов было внутренне несогласно с вводимой приходской «реформой», Собор вынужден был одобрить практически полное изменение раздела IV «Приход» в Положении об управлении Русской Православной Церковью, следуя такому доводу Патриарха, как указание правительства «на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов»[36].

В новой редакции раздел IV Положения состоит из 12 параграфов (См. ЖМП. 1961. №8. Сс.15–17). Стоит обратить внимание на три из них:

> «...б) Приходская община является частью Русской Православной Церкви, а вместе и Вселенской Христовой Церкви, и имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами.
>
> в) Для управления делами прихода организуется, в соответствии с общецерковным началом соборного управления, два органа: церковно-приходское собрание, как орган распорядительный (собрание членов – учредителей двадцатки), и церковно-приходской совет, как орган исполнительный, в составе 3 человек – старосты, помощника старосты и казначея, избираемых общиной из прихожан правоспособных и доброй христианской нравственности...
>
> к) Настоятель храма, помятуя слова Апостола: «А мы постоянно прибудем в молитве и служении слова» (Деян. 6,2–4), осуществляет духовное руководство при-

хожанами, наблюдает, чтобы Богослужения совершались в храме истово, благолепно, в соответствии с требованиями Церковного Устава, и чтобы все религиозные нужды прихожан удовлетворялись своевременно и тщательно...»

Не были обойдены соборным решением и епископы. Так, его пятый пункт гласит: «В разделе III («Епархии») «Положения об управлении Русской Православной Церковью», в § 30 исключить фразу, начинающуюся после последней запятой («а также наблюдает за правильностью хозяйственной стороны приходов»)».

Совершенно очевидна полная каноническая несостоятельность внесённых изменений. Действительно, о какой принадлежности к Поместной Церкви приходской общины может идти речь в случае полной «автокефалии» части входящих в неё мірян в такой немаловажной практической сфере, каковой является церковное хозяйство? Ведь если рассматривать Церковь на любом Ея уровне как живой организм, предполагающий известную цельность, то нелепо выделять из него какую-либо составляющую его часть и отчуждать её из компетенции целого. Далее, о каком «общецерковном начале соборного управления» может идти речь, если из него исключаются епископ и пресвитер, которым, по Божественному полномочию, дано быть хранителями и выразителями этого начала (Деян. 15,1–29). Наконец, кто как не пастырь вместе с Церковью может засвидетельствовать добрую нравственность христианина, выдвигаемого на Церковное делание, и кому как не епископу принадлежит право их канонического одобрения (Деян. 6,5). Последнее показывает всю нелепость ссылки нового положения о приходе на Священное Писание (Деян. 6,2–4), ибо, рукополагая, то есть возводя в степень священства, избранных Церковью служителей в качестве своих помощников, Апостолы вовсе не отстранялись от наблюдения за всеми сторонам Церковной жизни (1 Тим. 3). В связи с этим, в непримиримом противоречии со вселенскими Церковными правилами (Апост. пр.38 и 41, Анкир. 15-е пр. и др.) находится исключение из ведения епископа наблюдения за правильностью хозяйственной стороны прихода.

Подходя к оценке сложившегося в послевоенный период положения на приходах, необходимо отметить, что имеющиеся и по сей день нестроения в этой области Церковной жизни вызваны, по-

мимо объективных причин, теми крайностями, которые нашли своё отражение в редакциях Положения об управлении Русской Церковью как 1945-го, так и 1961 годов.

Ясно, что ни клир в отрыве от участия мірян, имеющих свой голос в приходском управлении, ни міряне в отрыве от иерархического руководства не могут быть полноценными созидателями Церковной жизни, находящейся в соответствии с духом Евангелия и вселенской традиции. В связи с этим становится понятным, какое важное значение в дальнейшей созидательной деятельности Русской Церкви приобретает каноническая основа соответствующих Соборных определений 1917 – 1918 годов.

По третьему и четвёртому пункту соборной программы доклады сделали соответственно председатель Отдела Внешних церковных сношений архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим и епископ Среднеевропейский Иоанн. По ним также были приняты определения, одобряющие вступление Русской Православной Церкви во Всемірный Совет Церквей и участие Ея представителей в Христианской мирной конференции. Напомним, что ранее Церковь отказывалась вступать во Всемірный Совет Церквей – экуменическую организацию, созданную в 1947 году. Осуждая экуменизм как ересь, Русская Православная Церковь вступала лишь в ограниченные контакты с экуменистами, связанные с борьбой за мир и другой общественной деятельностью.

Об этом свидетельствует интервью митрополита Крутицкого Николая, которое он дал в Берлине 26 Мая 1954 года представителям Христианско-демократического союза ГДР:

> «*Вопрос*: В этом году, как и в 1948-м, состоится Всемірная Экуменическая Конференция Церквей. Можете ли вы сказать, Ваше Высокопреосвященство, как оценивает Русская Православная Церковь эту конференцию и считает ли Она, что эта Конференция может оказать влияние на уменьшение международной напряжённости?
>
> *Ответ:* Мне кажется, что протестом против атомного оружия, против войны в Индо-Китае Всемірная Экуменическая Конференция Церквей может оказать влияние на уменьшение международной напряжённости. Она не может пройти мимо требований миллионов человечества против войны и угрозы войн, что противоречит христианскому учению о мире и любви»[37].

Уклончивый ответ митрополита Николая, осветивший, собственно, только вторую часть вопроса, свидетельствует о том, что отношение Русской Православной Церкви к христианскому модернизму и 7 лет спустя после основания ВСЦ оставалось настороженным. Из этого следует, что признание экуменизма и вступление во Всемірный Совет Церквей в 1961 году было продиктовано не столько личным выбором и «веянием времени», сколько нажимом советского правительства.

Последствия «церковной реформы» проявились быстро. Уже в Июле в Ленинградской епархии власти попытались провести тотальную «чистку» духовенства, сократив его почти на 40% и изгнав наиболее безкомпромиссных. Митрополит Гурий не стал в этом участвовать и не издал ни одного указа, но через церковные советы удалось уволить 29 из 60 намеченных священнослужителей. Это было вопиющим нарушением канонического права. Ситуация в Ленинграде оказалась очень тяжёлой. Митрополит не мог служить без особого, испрашиваемого каждый раз, разрешения уполномоченного. Духовенство не имело права проповедывать без предварительного просмотра текста проповедей. Для того, чтобы якобы не отвлекать людей от работы, запретили ранние литургии в будние дни. В Июле 1961 года здание епархиального управления в Александро-Невской Лавре было передано вечерней школе, уникальную библиотеку его вытащили во двор и частично уничтожили. Состав управления сократили в несколько раз, а 25 Августа из его бывшего здания перезахоронили в склеп под Троицким собором прах Ленинградских митрополитов Григория и Елевферия с указанием «в него никого не допускать»[38].

Во многих других епархиях было не легче. Духовенство лишили права выезжать в соседние населённые пункты, отправлять требы в домах граждан, запрещали посещать квартиры мірян под каким-либо предлогом, кроме тяжёлой болезни. С 1961 года относительно широкое распространение получила «индивидуальная работа» с верующими, напомнив практику конца 1930-х годов. Комсомольские, партийные, профсоюзные организации, отделения общества «Знание» назначали своих членов персональными проводниками атеизма к известным им верующим. Если методы убеждения не помогали, они привлекали внимание своих коллективов, и эти факты «религиозной отсталости» обсуждались на собраниях. В случае неудачи далее следовали администра-

тивные санкции, часто означавшие понижение в должности или исключение из института. Нередко встречались и физические наказания верующих учеников их учителями[39].

Продолжалась ликвидация монастырей. Вся Русская Церковь «оплакивала» потерю Киево-Печерской Лавры – колыбели Христианства на Руси. Власти же расценили ея закрытие как важную победу. Отличившийся в этой акции местный партийный работник И.И. Бражник за «особую лихость» был вскоре взят в отдел пропаганды ЦК КПСС на должность инструктора, курировавшего религиозные вопросы. К ликвидации монастырей готовились как к серьёзной военной операции. Например, для выполнения постановления Совета Министров УССР от 16 Июня 1961 года о закрытии Глинской пустыни выделили 250 милиционеров, дружинников, сотрудников КГБ, партийных активистов, 23 автомашины. Помимо этого специальные группы полностью изолировали усадьбу монастыря. Дополнительные посты с задачей не пропускать посторонних были выставлены на всех прилегающих дорогах. Но даже в этих условиях подавления верующих, монахам иногда удавалось отстоять обители. С 1961 года развернулось настоящее сражение за Почаевскую Лавру.

С самого начала власти избрали административные методы. Монахов запугивали, вызывая в милицию и КГБ, лишали прописки и угрожали отдать под суд за нарушение паспортного режима. Здоровых иноков согласно медицинскому «освидетельствованию», отправляли в психиатрические больницы. 28 Февраля 1962 года Тернопольский обком КПСС докладывал секретарю ЦК Л.Ф. Ильичеву, что за год количество монахов удалось сократить со 130 до 75, в Лавре ликвидировано производство утвари, свечей, уволены наёмные работники, отобрана вся земля, сад, часть жилых помещений, транспорт. Казалось, победа была близка, однако обитель не сдавалась. Тогда власти взяли на вооружение тактику насильственных выселений. Было совершено несколько варварских нападений, с разгоном помогающих монахам мірян пожарной водой. Каждый верующий житель Почаева состоял в государственных органах на специальном учёте. В Октябре 1962 года даже Совет по делам РПЦ писал в ЦК, что «Лавра превратилась в очаг разного рода беззаконий». Вместо «умелой работы» сотрудники МВД и КГБ принудительно вывозили монахов за пределы области. Но в результате в Лавру «резко увеличил-

ся приток верующих». Если 10 Сентября 1961 года в праздник преподобного Иова было 2 тысячи паломников, то через год – 5 тысяч. Доводы Совета не подействовали, прежняя тактика продолжалась и в первой половине 1963 года. 19 Июня милиционеры устроили избиение паломников, отобрали у них паспорта. Монахов сажали в тюрьму, в том числе настоятеля архимандрита Севастиана. Одного послушника замучили насмерть, но десятки иноков проявляли невероятное упорство. Так, иеромонах Аркадий (Копылов) 26 Июля 1963 года писал Патриарху: «Пусть что хотят, то и делают, я с Лавры не пойду и под видом расстрела». Первосвятитель не давал согласия на закрытие обители, но и реально помочь ничем не смог. Определённую роль сыграли заявления защитников Лавры руководителям страны и прежде всего в различные международные организации. На Западе стали известны их обращения к Н.С. Хрущёву и Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко: «В Лавре за всё время не было ни одного такого агитатора, который смог бы научно доказать, что Бога нет, а только доказывают угрозами, насилиями, высылкой и тюремным заключением. Известно всем, что десять монахов за веру Христову сидели в тюрьме, один даже вторично сидит»; «Власти... с дубинами в руках разрушают нашу духовную культуру, разрушают и оскверняют наши храмы, святые места... Унижения до невозможности. Вернулась история гонения на Христианство первых веков». Оборона монастыря стала приобретать международную известность. В Ноябре 1963 года председатель КГБ В.Семичастный извещал ЦК КПСС, что во Всемірный Совет Церквей и ООН поступила жалоба монахов Почаевской Лавры на гонения органов власти с требованием обсудить этот вопрос перед міровой общественностью[40]. И гонителям пришлось отступить, – Лавра выстояла. Удалось сохранить и намеченные было к закрытию Псково-Печерский и Пюхтицкий монастыри.

Нарастающее антирелигиозное наступление и падающее с каждым годом после отставки митрополита Николая сопротивление Патриарха вызвали определённый кризис внутри Православной Церкви. До начала 1960-х годов Ея члены, не согласные с политикой руководства Патриархии, не проявляли себя открыто. В.Куроедов и другие деятели Совета, парализовав своей ретивостью в исполнении антицерковной кампании волю первосвятителя и его окружения, способствовали появлению в Церкви свя-

щеннослужителей и мірян, которые, не дождавшись соответствующей реакции иерархов на действия властей, стали пытаться самостоятельно бороться с новой волной «государственного атеизма». 9 Июня 1961 года Патриарх Алексий говорил членам Совета по делам РПЦ, «что на него плохо смотрят верующие и духовенство, считают, что Патриарх потерял своим бездействием авторитет в глазах верующих и духовенства и не пользуется уважением в глазах советских властей, правительства, которое не хочет его принять». Интересно, что через месяц святейшему владыке было отправлено письмо с призывом поднять голос протеста, подписанное «Инициативной группой верующих по спасению Русской Православной Церкви от Ея физического истребления». В послании подчёркивалось: «Мы собрали многочисленный материал об уже закрытых храмах, монастырях и Духовных школах. Нами зафиксированы все фактические подробности и мельчайшие данные о «механизме» этих насильственных закрытий... и если Вы, Святейший Владыко, безсильны оградить Церковь нашу от уничтожения, то мы вынуждены будем передать все эти фактические данные... на форум в ООН»[41]. Так постепенно появилась группа лиц, получивших название «церковных диссидентов» – священники С.Желудков, Д.Дудко, Г.Якунин, Н.Эшлиман, міряне Б.Талантов, Л.Регельсон, А.Левитин, В.Шавров и другие. На первом этапе «религиозного диссиденства» – примерно до 1967 г. они действовали ещё в основном в рамках Московской Патриархии.

Состоявшийся в Октябре 1961 года XXII съезд партии расширил антирелигиозное наступление, подняв его на новую ступень большей интенсивности и нетерпимости принятием Программы КПСС, провозгласившей построение коммунизма в основном за 20 лет. Во всех своих докладах и выступлениях на съезде Н.С. Хрущёв чрезвычайно актуализировал задачи борьбы с религией. Лидер партии настаивал на организации атеистической работы среди всего населения страны, в том числе и среди верующих, даже помимо их воли. Съезд внёс в Устав КПСС категоричную формулировку, обязывавшую члена партии «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками». Естественно, что в казавшееся таким близким коммунистическое общество Церковь никак не вписывалась. Известно печально «знаменитое» обещание Хрущёва как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа». Здесь явно сказалось

свойственное 1-му секретарю нежелание считаться с действительностью, хотя особенной ненависти к Церкви он, возможно, и не испытывал. Некоторые другие руководители партии отличались большей нетерпимостью. Особенное неистовство в борьбе с религией проявлял секретарь ЦК Л.Ильичев. Хрущёв впоследствии отмечал, что тому был нужен «пропуск в Политбюро», поэтому он и старался со всякого рода шумными пропагандистскими кампаниями[42]. Так, в Декабре 1961 года на Всесоюзном совещании по идеологическим вопросам Ильичёв утверждал, что формирование научного міровозрения и коммунистической морали немыслимо без борьбы с религиозной идеологией.

Но несмотря на все усилия по «совершенствованию общественного сознания», данные статистики свидетельствовали об отсутствии сколько-нибудь значительного сокращения «религиозных пережитков». Так как применение широкомасштабного террора подобного сталинскому было уже невозможно, власти пошли по пути усиления административного нажима, добавив локальные репрессивные акции. В 1961–1964 годах было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагеря, ссылки, на поселения. Крупная административная акция в соответствии с постановлением Совета Министров была проведена по всей стране в конце 1961 года – «единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций». Учет проводился с целью получить всестороннюю и точную информацию о Церкви, в том числе «самовольно» приобретённом имуществе, незарегистрированных группах верующих, всех постоянно или временно прислуживавших в храмах для дальнейших мер по ослаблению Патриархии. В справке об итогах учёта, составленной Советом по делам РПЦ, уполномоченным предлагалось не выдавать религиозным обществам разрешений на строительство или приобретение каких-либо строений и транспортных средств. В последующие несколько месяцев у приходов и епархиальных управлений была изъята большая часть машин, хозяйственных построек и жилых домов, причём священники нередко выселялись прямо на улицу. Весной 1962 года всё православное духовенство в стране, несмотря на упорное сопротивление, перевели на твёрдые оклады. Получавших материальную поддержку непосредственно от верующих десятками снимали с регистра-

ции. С Июля была также введена регистрация 5379 учтённых в СССР штатных псаломщиков. Приходские советы всеми мерами «очищались» от членов клира, молодёжи, «религиозных фанатиков». В соответствии с постановлением комиссии по текущим делам Президиума Совета Министров СССР от 3 Июня ВЦСПС пересмотрел и значительно сократил круг лиц, работавших в религиозных организациях, на которых распространялись трудовое законодательство и права членов профсоюзов. Была введена рабочая неделя со скользящим выходным днем, лишившая верующих возможности присутствовать на воскресных Богослужениях. В 1962 году выходной день с Пасхального воскресенья 29 Апреля перенесли на понедельник и тому подобное.

Особенно сильный удар по Церкви был нанесён введением к лету 1962 года жёсткого контроля над совершением треб – крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. Для крещения ребенка требовалось обязательное присутствие обоих родителей, а кое-где и письменные заявления, выдавались квитанции. В некоторых областях пытались ввести регистрацию проскомидийных записок, причащений и т.п. Эта акция преследовала сразу несколько целей. Резко усилился налоговый контроль. Деньги за требы стали поступать исполнительным органам, которые сдавали «излишки» их в фонд Мира. Информация об участии в церковных обрядах нередко передавалась советским официальным лицам и могла служить причиной преследований по месту работы или учёбы. Так, в Июне 1963 года на Всесоюзном совещании в Совете по делам РПЦ уполномоченный по Ростовской области в своём докладе подчёркивал: «При проверке данных о лицах, совершающих обряды, есть возможность точно определить, кто именно совершал их. Так, Батайский горисполком в 1963 году выявил, что своих детей окрестили 11 коммунистов. 7 из них обком КПСС исключил из рядов КПСС. Характерно, что 4 человека вначале отрицали, что они давали согласие на крещение, но были уличены подписями на заявлениях, сохранившихся в делах в храме»[43]. Таким образом, религию пытались уничтожить руками Самой Церкви, чтобы Она при этом Сама Себя ещё и компрометировала. Именно введение обязательной регистрации ряда обрядов вызвало снижение их количества в некоторых районах страны, в первую очередь в крупных

городах. Многие врачи, инженеры, студенты были вынуждены прекратить посещение храмов. Люди старались договориться со знакомым священником, которому доверяли и который не стал бы регистрировать их обращения. Но теперь появилась возможность выявлять таких «нелояльных к властям» представителей духовенства и изгонять их с приходов.

6 Июля 1962 года появились 2 постановления ЦК КПСС, адресованных руководству Минского и Куйбышевского обкомов с призывом их к ответу за недостаточно активную антицерковную работу. Основной акцент был сделан на прекращении распространения религиозных идей среди детей и молодёжи. На XIV съезде ВЛКСМ (Апрель 1962 года) заявлялось, что «свобода совести не распространяется на детей и ни один родитель не имеет права калечить своё дитя духовно». Вскоре главный печатный орган юристов СССР «Советское право» подвёл законные основания: родители могут быть лишены прав на своих детей государством, так как они государством и дарованы[44]. Матерей начали вызывать в школу или милицию и предлагать им под угрозой принудительной передачи детей в интернат, прекратить посещение храма. Практически повсеместно были предприняты попытки не пускать в храмы, в том числе с помощью дружинников, милиции, детей и подростков от 4 до 18 лет. Некоторых архиереев, например, Минского митрополита, удалось «убедить» издать соответствующие указы духовенству. Естественно, что верующие ответили массовым сопротивлением.

Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в Феврале 1962 года на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих». 25 Августа 1962 года соответствующее решение приняло бюро ЦК КПСС по РСФСР. Фактически это означало возрождение среди советских атеистов замаскированных идей богостроительства 1920-х годов. В печати начали появляться предложения введения псевдорелигиозных ритуалов, которые бы при помощи определённых символов устанавливали мистическую связь людей с обещанным коммунистическим обществом будущего. Заявлялось, что будут построены специальные храмы с символическими украшениями, прославляющими коммунизм как высшее достижение человеческого ума. Ещё с конца 1950-х годов вводи-

лись торжественные ритуалы бракосочетания, регистрации рождения ребёнка, вручения паспортов подросткам, «гражданские панихиды». Однако, они не получили распространения по всей России. В тех же городах, где советские обряды становились относительно массовыми, их постигала участь многих других «общественных начинаний» – превращение в серые, казённые, скучные мероприятия[45].

К осени 1962 года столкновения местных властей с духовенством и верующими достигли особенного ожесточения. 13 Октября Совет по делам РПЦ, извещая ЦК КПСС о том, что с Января 1960 года «сеть» храмов сократилась более чем на 30%, а монастырей почти в 2,5 раза, подчёркивал заметный рост письменных заявлений по фактам грубого администрирования. В 1961 году таких протестов было 1540, а за 9 месяцев 1962 года 2660, кроме того уполномоченных Совета лично посетило 2162 жалобщика. Во многих местах дело дошло до «боевых действий». Так, в городе Клинцы Брянской области тысячная толпа помешала снять кресты с недавно закрытого храма. Для «усмирения» её пришлось вызвать наряд милиции, 200 дружинников, «а затем и подразделения воинской части, вооружённой автоматами». В селе Ново-Збурьевка Херсонской области верующие выставили пикеты и более года не допускали к закрытому в приказном порядке храму представителей властей. Даже в Киеве прихожане одного храма 2 недели «держали оборону», не позволяя вывезти церковное имущество. Совет отмечал, что в последнее время Патриарх, отдельные епископы, священники обращались с заявлениями о грубом произволе и предлагал обратить внимание местных властей на недопустимость администрирования[46]. В начале 1963 года последовали другие аналогичные обращения Совета в ЦК, и в Апреле особенно вопиющие случаи уже обсуждались на зональных идеологических совещаниях. К этому времени самостоятельная роль Совета по делам РПЦ значительно выросла. С конца 1950-х годов он стал постепенно всё более выходить из-под влияния КГБ, изменился и кадровый состав уполномоченных: теперь лишь единицы их являлись офицерами госбезопасности. В.Куроедов, имея тесную связь с членом Президиума ЦК А.П. Кириленко, нередко заставлял считаться с собой и местных партийных работников. В Совете понимали, что постоянное нагнетание антицерковных кампаний серьёзно вредит появившимся широким меж-

дународным планам. Начинали понимать это и некоторые члены партийного руководства.

С конца 1962 года антирелигиозная волна временно пошла на спад. Одним из первых симптомов стало появление 8 Ноября указа Президиума Верховного Совета о награждении Патриарха Алексия к 85-летию четвёртым орденом Трудового Красного Знамени. Вручён он был, конечно, за внешнеполитическую деятельность Патриархии. Ещё в начале Июля 1960 года, через несколько месяцев после своего прихода в Совет по делам РПЦ, В.Куроедов докладывал партийному руководству о необходимости значительного расширения работы по привлечению Патриархии к внешнеполитической деятельности. 25 Июля было принято соответствующее решение ЦК КПСС. Через несколько недель в более обстоятельной записке Куроедов предлагал ЦК обратить внимание на влиятельный Всемірный Совет Церквей, отмечая необходимость вступления Московской Патриархии в члены ВСЦ, «чтобы через него более эффективно воздействовать на христианское общественное мнение за рубежом; способствовать ослаблению позиций Ватикана за счёт усиления антиватиканской коалиции протестанских и Православных Церквей, входящих в ВСЦ; парализовать стремление Константинопольского Патриарха представлять в ВСЦ Православные Церкви міра; подорвать позиции белоэмигрантских церковных центров». Идеологический отдел ЦК в целом одобрил предложенный план: «Как видно из представленных документов, внешняя деятельность религиозных организаций в СССР инспирируется государственными организациями и является одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, действенным средством борьбы за мир». Однако отдел отмечал и серьёзные минусы прежней деятельности: недостаточно обширные связи Патриархии, особенно с Церквями Азии и Африки, отставание Совета от важнейших событий в міре, отсутствие плановой работы, одобрение участия Патриархии в международных богословских конференциях, которое лишь укрепляет идеологию и позицию Церкви. Подчёркивалось, что дополнительных указаний по борьбе с Ватиканом не требуется, так как ЦК КПСС уже принял постановление по данному вопросу. Совету впервые предлагалось представить на утверждение план внешнеполитической работы на 1961 год и финансовый валютный отчёт[47].

В широком участии Русской Церкви в экуменическом движении был сильно заинтересован и КГБ. Он получал немалую выгоду от активизации Московской Патриархии на международной арене, проводя через ея структуры свои интересы, людей и так далее. Да и в целом многие внешнеполитические, контрпропагандистские акции было удобнее вести руками Церкви. Так, старая борьба с Ватиканом при использовании Патриархии приобретала характер межцерковных разногласий. Выполняя задания ЦК КПСС и КГБ, Куроедов стал оказывать сильнейшее давление на первосвятителя Алексия, чтобы склонить Патриархию к широкому и активному участию в экуменическом движении, против чего возражали многие влиятельные архиереи. 15 Сентября 1960 года председатель Совета в упор спросил Патриарха, долго ли церковное руководство, «избавившись» от митрополита Николая, будет тянуть со вступлением в ВСЦ. Владыка, поколебавшись, согласился, что «уже время». 30 Марта 1961 года Священный Cvнод одобрил вхождение Московской Патриархии в ВСЦ, а 18 Июля Архиерейский Собор утвердил это решение.

В Ноябре–Декабре 1961 года многочисленная делегация Русской Церкви участвовала в работе III Генеральной ассамблеи ВСЦ в Нью-Дели. На одном из первых заседаний Московская Патриархия почти единогласно (142 Церкви за, 4 воздержались и 3 против) была принята в члены организации, 5 ея представителей включили в состав ЦК. В итоговом отчёте Совета по делам РПЦ говорилось, что ассамблея в целом приняла выгодные СССР решения – осудила колониализм, призвала все правительства и народы к разоружению, прекращению испытаний ядерного оружия, отклонила осуждение коммунистического атеизма. Однако, считая, что упорная борьба ещё впереди, Совет предлагал ввести в ВСЦ другие христианские Церкви СССР, а также согласовать действия делегаций из социалистических стран. Для достижения такой согласованности в Феврале 1962 года в Будапеште было проведено совещание руководителей ведомств по делам религиозных культов Восточно-Европейских государств. 19 Марта Священный Cvнод решил учредить постоянное представительство Русской Церкви при ВСЦ в Женеве. Следует отметить, что Московская Патриархия в экуменическом движении не только проводила интересы СССР, но и сделала много важного и полезного в борьбе с расовой, этнической и национальной дискриминацией, неграмотностью, голодом и тому подобным.

Энергичные усилия предпринимались для развития Пражского Христианского движения в защиту мира. Правда, успехи здесь были довольно скромными. В Июне 1961 года в Праге удалось провести I Всемірный общехристианский конгресс, на который съехались 628 участников из 42 стран. Н.С.Хрущёв послал ему телеграмму с пожеланием успехов. На заключительном пленарном заседании было принято «Послание к Христианам всего міра». В нём, помимо прочего, впервые «христиане всех континентов» подчёркивали опасность для человечества политической линии Ватикана, ставшего опорой наступательного фронта против восточной половины света. И всё же конкурировать с Генеральной ассамблеей ВСЦ или готовившимся Вселенским Католическим Собором конгресс ни в коей степени не мог. Влиятельные западные организации его игнорировали. Стремясь расширить рамки Пражских христианских мирных конференций, Совет по делам РПЦ 30 Декабря 1961 года предлагал ЦК КПСС провести совместно с исполкомом движения в следующем году в одной из африканских стран региональную конференцию «Церкви Африки в борьбе за независимость своих народов». В Феврале 1962 года архиепископ Никодим с профессором И.Громадкой ездили к Императору Эфиопии по вопросу организации подобной конференции. В Марте в Женеве состоялась встреча представителей ВСЦ и пражских ХМК, ограничившихся обсуждением различных вопросов. С Ноября стал выходить журнал «Христианская мирная конференция». Сохранялась надежда, что II Всемірный конгресс, намеченный на 1964 год, действительно станет, наконец, «общехристианским».

В начале 1960-х годов улучшились отношения Русской Церкви с Константинопольским Патриархом Афинагором. В Ноябре–Декабре 1960 года первосвятитель Алексий посетил целый ряд стран Ближнего Востока, встретился с главами 7 Православных и монофизитских Церквей. Патриархам Антиохийскому, Александрийскому, Иерусалимскому было присвоено звание почётных членов Московской Духовной Академии, вручены ордена Св.Владиміра и драгоценные подарки. Состоялась и личная встреча Московского Патриарха с Константинопольским, подвергавшимся в тот период преследованиям Турецких властей. Многолетняя борьба за лидерство двух основных сил в Православии была приостановлена достигнутым компромиссом. С 1952 года Патриарх Афиногор безрезуль-

татно пытался созвать Всеправославное совещание на выгодных для него условиях. Московская Патриархия, желая обезпечить большинство голосов для себя, обуславливала своё участие предварительным урегулированием спорных вопросов, в первую очередь признанием в качестве равноправных участников Болгарской, Чехословацкой, Польской и Албанской Церквей. Во время Стамбульской встречи Патриарх Афиногор согласился удовлетворить почти все требования Русской Церкви и обещал в следующем году посетить СССР. После этого владыка Алексий примирился с проведением Всеправославного совещания на острове Родос в Греции. Оно состоялось в Сентябре–Октябре 1961 года. На совещании шла упорная борьба. Попытка провести выборы его председателя не удалась. Им стал глава Константинопольской делегации, но во всех 6 комиссиях представители Московской Патриархии добились проведения намеченной линии. Из подготовленного проекта дня было снято несколько вопросов, в том числе о борьбе с атеизмом, добавлены пункты об участии Православных Церквей в борьбе за мир, против расовой дискриминации и колониализма. Кроме того, по предложению Русской делегации совещание в конце работы приняло послание, в котором подчёркивалось согласование повестки дня будущего предсобора, внутреннее единство всех Православных Церквей и содержался призыв к сохранению мира. Не прошло только предложение создать комитет для подготовки предсобора с равным участием автокефальных Церквей. Константинопольская Патриархия категорически настаивала лишь на своём праве созывать соборы и совещания[48]. На I Родоском совещании Московская Патриархия проводила антиватиканскую линию, но уже на II подобном форуме в Сентябре–Октябре 1963 года ея позиция в этом вопросе была прямо противоположна. Под давлением Русской и Константинопольской делегаций совещание постановило начать диалог с Римо-Католической Церковью на равных условиях и разрешить каждой Православной Церкви по Своему желанию посылать наблюдателей на II Ватиканский Собор.

Такое радикальное изменение позиции Московской Патриархии было связано с переменой в 1962 году отношения к папе Римскому руководства СССР. Экономическая и внутриполитическая обстановка в стране сильно ухудшилась. Катастрофически не хватало продовольствия. У Н.Хрущёва появились планы попра-

вить положение путём улучшения отношений с богатыми государствами Запада и получением от них долгосрочных кредитов, помощи продуктами питания и т.п. В качестве «платы» он был готов пойти на значительное разоружение. Связующим звеном с руководящими деятелями западных стран, многие из которых являлись ревностными католиками, как бы гарантом серьёзности намерений Хрущёва был избран папа Римский. Через него Западу намеревались внушить, что советское общество (несмотря на «Берлинский» и «Карибский» кризисы) является миролюбивым. Советские дипломаты и спецслужбы начали наводить мосты для контактов с Ватиканом, глава которого в тот период – «красный папа» Иоанн XXIII также старался наращивать мирные усилия. Ответная реакция была положительной. Посланец папы падре Морлссон имел прямое отношение к подготовке аудиенции, данной в Риме Иоанном XXIII в начале 1963 года зятю Хрущёва А.И. Аджубею. А 13 Декабря 1962 года состоялись примечательные переговоры в Кремле самого 1-го секретаря с тайным миссионером Н.Казенсом. Хрущёв ответил согласием на предложение посланца папы установить неофициальные отношения с Ватиканом. Зашёл разговор о печальном положении Московской Патриархии. И тут недавний «гонитель» заявил, что «у нас» больше нет трудностей с Церковью, и «мы» могли бы поддерживать Её, если Она будет держаться подальше от политики. Сказал Хрущёв и о недавней встрече с Патриархом Алексием. Какие-либо другие сведения о ней отсутствуют и, скорее всего, Никита Сергеевич просто сочинил её с понятными целями. Всю первую половину 1963 года шла оживлённая переписка лидера КПСС с папой Римским. И когда в начале Июня Иоанну XXIII на смертном одре доложили о получении телеграммы от Хрущёва с пожеланиями скорейшего выздоровления, «папа попросил её прочитать, затем улыбнулся и сказал три раза по-русски: «Господи, помилуй!» Столь приятен был ему этот жест внимания»[49].

По рекомендации властей начала нормализовывать свои отношения с Ватиканом и Московская Патриархия. Во время конфиденциальной встречи в Августе 1962 года в Париже секретаря комиссии по содействию Христианскому единству монсеньёра И.Виллебрандса с митрополитом Никодимом выяснилось: «Кремль мог бы согласиться на присутствие наблюдателей Русской Церкви на II Ватиканском Соборе, если бы Ватикан смог га-

рантировать, что этот Собор не станет антисоветским форумом»[50]. 27 Сентября – 2 Октября Виллебрандс уже официально посетил Москву, и 10 Октября Священный Cynod, рассмотрев приглашение прислать наблюдателей на Собор, постановил принять его. Через 2 дня представители Русской Церкви неожиданно для многих прибыли в Рим на открывшуюся 1-ю сессию Собора.

Ещё одним обстоятельством, несколько улучшившим отношение части советского руководства в конце 1962 года к Московской Патриархии стали ея активные действия в период «Карибского кризиса». Патриарх Алексий в срочном порядке направил главам Православных Церквей, генеральному секретарю ООН телеграммы с призывом сделать всё возможное для недопущения военной катастрофы в результате крайне опасных для дела мира действий правительства США. В Московской Патриархии появилась группа архиереев, прежде всего митрополит Никодим, которые стремились всемерно расширять ея международные связи с целью спасения Церкви от уничтожения внутри страны. И эта тактика действительно приносила результаты. За какие-то 2–3 года Русская Церковь получила широкую известность в міре. Ея судьба начала интересовать всемірное христианство. А значит ликвидировать, заявить, что она самораспалась, в то время как митрополит Никодим за рубежом постоянно говорил о десятках миллионов верующих в СССР, переполняющих храмы, – стало крайне сложно. Впрочем, положительное значение политических компромиссов не следует преувеличивать, ибо не люди спасают Церковь, а Она Сама несёт спасение Своим членам. Отрицательные же последствия поворота к экуменизму общеизвестны.

Во второй половине 1963 года ряд неблагоприятных международных факторов негативно повлияли на положение Московской Патриархии. «Защитный экран» ея внешнеполитической деятельности оказался «пробит» в нескольких местах. 4 Июня умер папа Иоанн XXIII. Избранный новым главой Ватикана Павел VI постепенно всё больше начал отходить от курса своего предшественника, хотя сначала руководство СССР также возлагало на него определённые надежды. В Июле 1963 года на приёме в Совете по делам РПЦ делегаций, приехавших на празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Алексия, представителям Вати-

кана после тёплых слов о политике Иоанна XXIII было сказано, что советское правительство поддержит любые мирные шаги папы Павла VI. 15 Сентября в Риме состоялись переговоры главы Ватикана с митрополитом Никодимом. Согласно информации Совета в ЦК КПСС, папа заверял, что курс Иоанна XXIII, устраивавший Русскую Церковь, будет продолжен и 2-я сессия Собора пройдёт в этом отношении не хуже 1-й. Он также просил передать благодарность правительству СССР за освобождение и разрешение выехать из страны униатского митрополита Иосифа (Слипого)[51]. В результате представители Московской Патриархии присутствовали и на 2-й сессии Ватиканского Собора, проходившей 29 Сентября – 4 Декабря 1963 года.

Итоги сессии были восприняты руководством СССР скорее негативно. Группа корреспондентов ряда советских газет, журналов, АПН, присутствовавшая на ней, в докладной записке секретарям ЦК КПСС Л.Ильичеву и Б.Пономареву писала о некоторых антикоммунистических выступлениях, продолжении идеологической борьбы с социализмом и предлагала развернуть в печати «приниципиальную критику» идеологии и политики Ватикана, а также довести до его руководства, что всякая попытка в какой-либо форме осудить коммунизм на следующих сессиях Собора «вызовет крайне отрицательную реакцию со стороны социалистических государств и ... невыгодные для Католической Церкви последствия». Идеологический отдел ЦК поддержал предложения журналистов и тут же созвал совещание работников, имевших отношение к этим вопросам. Позиция КГБ была ещё более нетерпимой. В справке заместителя председателя Комитета госбезопасности С.Банникова о Вселенском Католическом Соборе отмечалось, что Ватикан намерен проводить политику сближения с протестантами и другими Церквями с целью создания единого фронта, направленного против социалистических стран и коммунистического движения. По сведениям агентуры КГБ, руководство Римо-Католической Церкви становилось на более жёсткую позицию в вопросе отношений с государствами советского блока. Ватикан признавал целесообразность некоторой нормализации отношений с ними, но лишь добиваясь максимальных уступок. В смысле борьбы «либералов» и «консерваторов» 2-я сессия характеризовалась топтанием на месте, однако, подрывные католические центры в СССР активизировались. Папа Павел VI официально принял делегацию украинских униатов и

обратился к ним с приветственной речью, чего Иоанн XXIII никогда не делал[52].

В той же записке Банникова, составленной по просьбе идеологического отдела ЦК, содержался и уничижительный отзыв о Пражских Христианских мирных конференциях. Отмечалось, что религиозная общественность Запада не проявляет большого интереса и желания сотрудничать с ХМК. Их небольшие региональные комитеты в ряде капиталистических стран контролируются государством и полицией. В комиссиях движения участвуют одни и те же лица, причём, их число постепенно сокращается. Неоднократные попытки вовлечь в ХМК Церкви стран Азии и Африки были парализованы ВСЦ, который оказывал им материальную помощь и препятствовал вступлению в Пражское движение. В целом ХМК не смогли стать серьёзным противником ВСЦ. Не стали они и «авангардом движения за мир»: из-за боязни оттолкнуть представителей Запада, документы принимались в «обтекаемой и слишком общей форме». Мешали и идеологические колебания Чешского руководства ХМК, неумелая организационная работа их президента – «буржуазного интеллигента» И.Громадки. Движение «напоминает дом отдыха, куда люди приезжают питаться, беседовать, наблюдать, узнавать новости», а принятые резолюции считаются чем-то формальным и ими не думают руководствоваться. КГБ предлагал для укрепления ХМК заменить центральный аппарат, чётче координировать действия Церквей социалистических стран и так далее[53].

Более успешно развивалась деятельность Московской Патриархии во Всемірном Совете Церквей. В Феврале 1964 года даже удалось провести сессию исполкома ВСЦ на территории СССР в Одессе. Совет по делам РПЦ составил детальный план ея проведения, в котором говорилось:

> «1. Обезпечить, чтобы представители Московской Патриархии добивались решений исполкома по международным вопросам, соответствующих основным принципам воззвания Варшавской сессии Всемірного Совета мира...
>
> 2. Проведение сессии исполкома... использовать... для разоблачения утверждений буржуазной пропаганды об отсутствии свободы совести и якобы гонений на религию и Церковь в СССР».
>
> Заранее намечалась и тактика действия. При решении кадровых вопросов:

«а) стараться не допустить немца на пост директора научного отдела, б) Вольфа (директора экуменического института) оставить на третий срок в Боссе, в) продумать другие кандидатуры из нейтральных кругов» и так далее.

Почти всё из намеченного было выполнено. Сессия приняла с учётом поправок Русской делегации заявление «Проблемы и возможности разоружения в настоящее время», которое было направлено правительствам ведущих государств міра[54].

И всё же подобных успехов оказалось недостаточно, чтобы предотвратить последнее, но вероятно, самое ожесточённое наступление на Церковь в СССР. Намеченный срок построения коммунизма приближался, а заметного прогресса с преодолением «религиозных пережитков» в сознании людей не наблюдалось. В Июне 1963 года состоялся пленум ЦК КПСС, целиком посвящённый задачам идеологической работы партии. С докладом выступал Л.Ильичев, претендовавший на пост «главного идеолога». Располагая поддержкой Н.Хрущёва, он намеревался, сместив М.Суслова, занять в Президиуме ЦК его место. Секретарь ЦК заявлял, что «религиозный опиум» – одна из крайних форм буржуазной идеологии, главный противник научного міровоззрения, поэтому необходимо нанести удар по «пережиткам прошлого». Пленум обязал все партийные и советские организации добиваться быстрейшего освобождения советских людей от них. Внутриполитическое положение в стране в тот период было сложным, и возможно часть руководства КПСС решило переключить внимание партии и народа на борьбу с «враждебными элементами».

Понемногу в антицерковную кампанию вновь стали включаться и государственные органы. Так, 31 Июля 1963 года Совет Министров РСФСР издал распоряжение о переоценке страховой стоимости церковных зданий, что вызвало резкий рост суммы платежей. Проверки Министерства Финансов установили, что сотни священников, переведённых на твёрдые оклады, получали вознаграждения от верующих. Последовали репрессии, был усилен контроль. Если за первые 8,5 месяцев 1963 года оказалось снято с регистрации 310 Православных общин, то есть почти в 4 раза меньше уровня предыдущего года, то с Октября Совет по делам РПЦ выражал готовность усилить данную «работу».

Но этого казалось мало. 10 Ноября 1963 года председатель КГБ В.Семичастный представил в ЦК КПСС обширную справку

о негативной деятельности церковников и сектантов, которые «оказывают серьёзное реакционное, а в ряде случаев враждебное влияние на определённую часть населения, мешают делу идеологического воспитания трудящихся»[55]. Через пару недель факты из неё уже использовались как главные аргументы в докладе Л.Ильичева на расширенном заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС. По указанию Н.Хрущёва комиссией были приняты грандиозные «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Оформленные 2 Января 1964 года как постановление ЦК, эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Документ имел характер тотального наступления на Церковь. В своей программной статье в Январском номере журнала «Коммунист» Л.Ильичев ещё более усилил зловещий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12–17 лет, в соответствии с Программой КПСС, полностью освободить сознание людей от религиозных предрассудков. Секретарь ЦК «предал анафеме» 1943–53 годы относительной терпимости, считал это неправильным пониманием со стороны И.Сталина «ленинской законности», так что растущие преследования были представлены как возвращение к советской «законности».

Антирелигиозная волна захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены «Основы научного атеизма», значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ. В Академии общественных наук при ЦК КПСС появился институт научного атеизма. В центральном доме литераторов 18 Марта провели встречу писателей с учёными на тему «Наука, литература и искусство – против религии», и уже 25 Августа секретарь правления Союза писателей К.Воронков докладывал в ЦК, что в ближайшие месяцы выйдет более 40 литературно-художественных атеистических произведений. Как обычно в первых рядах безбожников шёл комсомол. В Июле ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству «запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков», установив за неё уголовную ответственность. Государственный исторический музей пытался лишить Патриархию права аренды у него части Ново-Девичьего монастыря. Во главе этой кампании стоял идеологический отдел

ЦК КПСС, и у некоторых его работников появилась идея создать сектор по делам атеизма и религии, то есть специальный партийный орган, который бы преследовал Церковь.

Подобный ожесточённый «штурм небес» вызывал неодобрение даже в некоторых государственных организациях, несогласных с его явными «перегибами». Одним из первых дал негативный анализ последней антирелигиозной кампании в своей Февральской докладной записке начальник 5-го управления КГБ полковник Ф.Д. Бобков. 14 Мая ЦК компартии Украины принял специальное постановление «О фактах грубого администрирования некоторых местных органов власти по отношению к верующим», в которых критиковались участившиеся случаи разгона молитвенных собраний, избиений прихожан и тому подобное. В Июле Совет по делам религиозных культов провёл совещание своих уполномоченных, посвящённое вопросу ликвидации административных перегибов.

Естественно, что новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства и мірян. 19 Марта Совет по делам РПЦ докладывал в ЦК КПСС о почти всеобщей негативной реакции священников и архиереев на заявление Ильичёва, в том числе митрополитов Никодима (Ротова) и Иоанна (Вендланда). Лейтмотивом высказываний было утверждение, что руководство партии и правительства сейчас «осуществляют фундаментальный пересмотр политики по отношению к религии и религиозным организациям» и отныне борьба с ними «будет носить и государственный характер». Известный московский протоиерей В.Шпиллер писал в Совет: «Что же останется от религии – частного дела по отношению к государству, раз в активной борьбе с ней должна участвовать советская общественность, все общественные и государственные учреждения до министров включительно!» Ленинградский протоиерей А.Медведский заявлял: «Растёт антирелигиозный фанатизм, требующий как можно скорее и не стесняясь в средствах, покончить с религией. Слышатся призывы закрыть все храмы, отбирать детей у верующих матерей, уничтожить духовенство как класс, одним словом, требуют насилия над человеческой совестью». Совет отмечал, что у части духовенства появилось стремление к активному сопротивлению, вплоть до объединения с Ватиканом: «Лучше подчиниться папе, чем безбожной власти»[56].

Активизировались и «церковные диссиденты», которые стали резко и значительно более масштабно протестовать против новых гонений. Значительное распространение получил разного рода «религиозный самиздат» – перепечатанные на машинке листовки, статьи, брошюры, тексты передач западных радиостанций. В 1964 году в Ленинграде возникла нелегальная организация, руководители которой были сторонниками значительной роли Русского Православия в обществе – «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». Церковные диссиденты, верующие многократно обращались за поддержкой к мiровой общественности. Так, в Феврале 1964 года анонимная группа мiрян смогла передать заседавшему в Одессе Исполкому ВСЦ «Обращение к Всемiрному Совету Церквей Христиан России, Украины и Белорусии». Оно заканчивалось просьбой ознакомить с его содержанием ООН, Восточных Патриархов, папу Римского и передать обращение по радио, чтобы христиане всего мiра могли молиться о верующих в СССР. Авторы объясняли анонимность страхом перед КГБ: «Если они поймают нас, они смешают с грязью, уничтожат»[57].

В целом западное общественное мнение реагировало на преследования Церкви в СССР значительно слабее, чем в 1920–30-е годы. Но постепенно и за границей начало всё более усиливаться осуждение антирелигиозной политики советского руководства. Много в этом плане сделала Зарубежная Русская Православная Церковь. Ещё в 1959 году архиепископ Иоанн (Максимович) создал братство «Православное дело» для защиты прав верующих Советского Союза. В Октябре 1962 года в Нью-Йорке Архиерейский Собор устроил всецерковное моление «За страждующую и гонимую Церковь в СССР» и выпустил специальное послание. События 1964 года наконец всколыхнули и западную общественность. Сказалось и то, что тяжесть противостояния двух мiров всё больше перемещалась в идеологическую область. В начале Марта в Париже состоялся трёхтысячный митинг, на котором выдающийся Французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ф.Мориак заявил; «Когда Христа распинают в Москве – мы в Париже слышим Его стоны на кресте». После митинга был отправлен протест Н.Хрущёву, а 4 Марта создан международный «Комитет информации об антирелигиозном положении в СССР», куда вошли писатели О.Клеман, П.Эммануэль, Ж.Мадоль, Доменак и другие[58]. В различных городах Европы и США прошли подобные акции.

В этой обстановке и ряд известных представителей компартий капиталистических стран сочли необходимым высказать аналогичное мнение. Морис Торез в своём заявлении Канадскому телеграфному агенству 19 Апреля 1964 года выразил осуждение гонений на религию, имевших место в СССР. О том же заявлял Роже Гароди, письмо с протестом в ЦК КПСС отправили итальянские коммунисты. Всё это начинало сильно сказываться на международной репутации СССР, отрезвляюще действовать на советское правительство, болезненно воспринимавшее міровое общественное мнение.

Антирелигиозная политика партийного и государственного руководства Советского Союза у большинства мірян и духовенства персонифицировалась с Н.Хрущёвым. Авторитет 1-го секретаря и его ближайшего окружения в народе стремительно падал, в том числе и из-за авантюрной антицерковной деятельности. Поэтому, когда 14 Октября 1964 года на Пленуме ЦК КПСС Н.Хрущёв был снят со всех своих постов, миллионы верующих не без оснований стали надеяться на скорую смену курса в государственной религиозной политике. По свидетельству Ленинградского уполномоченного, после получения известия об уходе Хрущёва в городских храмах самочинно прекращали жёсткий контроль за совершением обрядов, резко выросло количество треб. Так, если за всё первое полугодие 1964 года в Свято-Троицком храме «Кулич и пасха» крестилось 575 человек, то за один день 18-го Октября – 53 человека. Подобное происходило и в других областях.

И действительно, падению Н.Хрущёва сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападок. Опасаясь социального взрыва, новое руководство страны предприняло ряд мер по снятию общественного напряжения вокруг религиозной проблемы. По свидетельству инспектора ЦК КПСС Э.И. Лисавцева, курировавшего религиозные вопросы, возобладало мнение, что люди и так обозлены и незачем их ещё дополнительно провоцировать в этом вопросе. 21 Ноября председатель Совета по делам религиозных культов А.Пузин уже с гневным негодованием писал в ЦК, что за последние три с половиной года к уголовной ответственности привлекли более 700 верующих и кроме того многих сослали по указу Президиума Верховного Совета РСФСР о тунеядцах. Он подчёркивал, что как тунеядцев «судят стариков, получающих пенсию, рабочих и колхозников, добросовестно ра-

ботающих на предприятиях и в колхозах». А.Пузин просил ЦК: дать указания местным партийным организациям и редакциям газет пресечь нарушения законности в отношении верующих, поручить Генеральному прокурору и Верховному суду исправить ошибки и наказать виновных; подготовить для публикации официальное толкование статей Уголовного кодекса, касающихся религиозных культов; разрешить зарегистрировать фактически действовавшие религиозные общества и группы. Характерна резолюция на этой докладной Л.Ильичева: «Видимо, надо найти способ, чтобы не допускать произвола»[59]. Вскоре «главный гонитель» был с большим понижением перемещён в МИД СССР на должность заместителя министра.

В Декабре в Верховном суде СССР с участием КГБ прошло специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих. Председателям Верховных судов союзных республик было поручено изучить все соответствующие уголовные дела 1962–64 годов. А в Январе 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Много осуждённых мірян и священнослужителей было освобождено и реабилитировано. Тогда же прекратили существование 2 академические антирелигиозные серии: «Ежегодник музея истории религии и атеизма» и «Проблемы истории религии и атеизма». В справке идеологического отдела ЦК от 10 Февраля 1965 года отмечалось, что так как некоторые местные работники препятствуют устранению ошибок в борьбе с религией, факты администрирования будет позволено критиковать в журналах «Партийная жизнь» и «Социалистическая законность».

Советское руководство постаралось и публично продемонстрировать смену курса религиозной политики. 19 Октября 1964 г. митрополиты Никодим и Питирим были приглашены на правительственный прием в честь космического полета корабля-спутника «Восток». 15 Января 1965 г. председатель Президиума Верховного Совета А.Микоян торжественно принял в Кремле представителей Пражского движения, вручивших ему «Обращение ко всем правительствам, парламентам и видным деятелям міра» II Всемірного общехристианского конгресса в защиту мира. Он состоялся ещё 28 Июня – 3 Июля прошлого года. Следует отметить, что конгресс в целом прошел удачнее, чем думали в начале 1964 года в КГБ и ЦК КПСС. Всей его подготовительной работой и

ходом заседания руководили представители Московской Патриархии, отодвинувшие на второй план Чешских организаторов движения. В итоге на конгресс приехали делегации 10 из 14 автокефальных Православных Церквей, 147 посланцев стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые полностью поддерживали Русские предложения. Из подчёркнутых знаков внимания советского руководства можно также отметить поздравительную телеграмму в Феврале 1965 года нового председателя Совета Министров А.Косыгина в связи с 20-летием избрания Алексия Патриархом.

Правда, все эти изменения были в основном внешнего порядка. Глубинных перемен в отношении партийных «вождей» к религии не произошло, да и не могло произойти. Антицерковная политика была продолжена, изменились только ея формы и методы. За осуществлением курса атеистической работы КПСС строго следил «ветеран» борьбы с религией М.А. Суслов. Но при этом он предпочитал руководствоваться советами, данными ему ещё в 1948 году И.Сталиным – «не выпячивать» данный вопрос, осуществлять подрыв влияния Церкви «полуконспиративно», не обнародуя широко соответствующие решения ЦК КПСС, чтобы не провоцировать кампании протеста на Западе и внутри страны.

И всё же руководство СССР фактически было вынуждено признать своё поражение. Откровенные гонения на Церковь не принесли желаемых результатов. Хрущёвская кампания явно провалилась. Она непримиримо противопоставляла верных христиан и советскую систему, загнала религиозную жизнь в подполье, что было для режима опаснее, чем открытая религиозность; привлекла симпатии к страданиям верующих многих безразличных и неверующих людей, пробудила интерес мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе. Конечно, Московская Патриархия понесла тяжёлый урон. На 1 Января 1958 года она имела 13414 храмов, 12169 священнослужителей, 56 монастырей и 7 скитов, а на 1 Января 1966 года всего 7523 храма, 19 монастырей. Численность зарегистрированного духовенства к 1967 году снизилась до 7410 человек. Однако религиозность населения в целом не уменьшилась, а в ряде регионов страны даже выросла. Так, в Молдавии к середине 1960-х годов число Православных приходов было снижено на 60%, а количество крещений новорожденных возросло с 46 до 57%. В РСФСР церковная об-

рядность осталась примерно на прежнем уровне. В 1962 году в республике отпевали 33% умерших и крестили 30% новорожденных. А в Чувашии, Тамбовской, Рязанской, Ульяновской, Кемеровской областях в начале 1960-х годов наблюдался заметный рост. Даже в Москве за 1963–64 годы количество венчаний, крещений и отпеваний увеличилось с 45914 до 54916. Прекращение же открытых преследований верующих вызвало в 1964–67 годы рост церковной обрядности уже по всей стране. За один 1965 год доходы Московской Патриархии выросли на 5 миллионов и достигли 90 млн. рублей в год (в новых ценах). Опрос 1966 года в сёлах Пензенской области выявил, что 47% населения составляли верующие или колеблющиеся, от 63 до 97% семей держали в домах иконы. На Украине с 1964 по 1967 год число крещений выросло с 48 до 51%[60]. Русская Православная Церковь выстояла и на этот раз. Лицезреть «последнего советского попа» міру не пришлось.

Во второй половине 1960-х годов дальнейшее развитие получило движение церковных диссидентов. Существовавшие тогда тенденции к пересмотру ошибок недавнего прошлого не обошли стороной и Православное общество, в недрах которого всё активнее стали пробуждаться признаки Церковного самосознания.

В частности, это нашло выражение в обращении двух московских священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина, которое они в Ноябре 1965 года направили Патриарху Алексию, а также в высшие советские и государственные органы (*см. Приложение II*). Позднее копии своего обращения они направили также всем епархиальным архиереям Московского Патриархата. Документ широко распространялся в списках и среди рядовых прихожан. В нём названные священнослужители указывали на нарушение социалистической законности в отношении Русской Православной Церкви в период волюнтаризма и призывали к их скорейшему исправлению. Они также призывали Патриарха и других епископов к созыву представительного Поместного Собора для уврачевания внутрицерковных нестроений, связанных с событиями недавнего прошлого, и наведении должного канонического порядка в Церковной жизни. Инициатива московских священников нашла поддержку со стороны такого авторитетного иерарха, как архиепископ Калужский и Боровский Ермоген (Голубев)[61]. Последний также обратился с письмом к Патриарху с ука-

занием на необходимость Собора для упорядочения положения в Церкви[62]. Ещё ранее, летом 1965 года он вместе с другими епископами подал Патриарху докладную записку, содержащую критику постановлений Собора епископов 1961 года.

Следует отметить, что у архиепископа Ермогена и двух московских священников нашлось немало сочувствующих среди Церковного общества из тех, кому было известно о предпринятых ими акциях. Однако, эта инициатива не только не получила поддержки высшего Церковного руководства, но даже навлекла на указанных лиц меры прещения. Так, архиепископ Ермоген был Cvнодальным постановлением уволен от управления Калужской епархии, с определением ему места пребывания в Жировицком монастыре, а о.о.Н.Эшлиман и Г.Якунин запрещены Патриархом в священнослужении. Позднее дважды, в Октябре 1966 года и в Июле 1968 года Преосвященный Ермоген вызывался в Московскую Патриархию, где с ним проводились длительные беседы членами Cvнода (в последний раз для этого были вызваны члены летней и зимней сессий). В результате деятельность архиепископа Ермогена была признана Cvнодом «неполезной для Церкви» и осуждена особым определением[63].

Создавалось положение, когда даже достаточно умеренные выступления церковных деятелей в защиту признаваемых советским законодательством прав Церкви воспринимались как чуть ли не уголовная деятельность[64].

Между тем, в эти годы произошли некоторые перемены в области государственного регулирования религиозной жизни в стране. В 1966 году произошло слияние Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов в единый общесоюзный орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Его главой был назначен В.А. Куроедов. Последний 30 Августа 1966 года дал интервью газете «Известия», в котором указал на необходимость соблюдения советского законодательства о культах как верующими, так и государственными органами. При этом положение Православной Церкви в СССР и взаимоотношения Совета с Московской Патриархией были признаны им как вполне удовлетворительные[65].

Следует отметить, что в это время в стране обозначился заметный рост общин евангельских христиан-баптистов. Причиной такого подъёма послужили следующие события. В Декабре 1959 года пленум ВСЕХБ под жёстким давлением властей вынужден

был принять «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». В этих документах ущемлялись и без того скудные права верующих, однозначно запрещались все формы благотворительности, религиозное воспитание детей, крещение подростков до 18 лет, «нездоровые миссионерские проявления». Задачей Церкви объявлялось только удовлетворение религиозных нужд верующих; действия по привлечению в общину новых членов, особенно молодёжи, осуждались.

Дойдя до рядовых баптистов, эти документы вызвали настоящую бурю возмущения. В середине 1961 г. одиннадцать несогласных пресвитеров – Г.Крючков, А.Прокофьев, И.Афонин и др. создали Инициативную группу по созыву чрезвычайного всесоюзного съезда для обсуждения возникшей ситуации. Однако, руководство ВСЕХБ сочло их предложение нереальным, провоцирующим усиление гонения. Конфликт привёл к взаимным отлучениям от Церкви и расколу. Члены Инициативной группы и тысячи их сторонников (получившие название «инициативники») вышли из официальной баптистской организации, создав альтернативный Совет Церквей ЕХБ.

«Катакомбные» баптисты активно вели миссионерскую деятельность, крестили верующих подростков, нелегально распространяли духовную литературу. Обрушившиеся на них репрессии они воспринимали, как желанное мученичество за Христа. В дальнейшем случилось то, чего более всего опасались власти: в «гонимое братство» хлынула задыхавшаяся от духовного гнёта, романтически настроенная молодёжь.

Сопротивление верующих, вызвавшее резонанс во всем міре, вынудило советское правительство сделать некоторые послабления. Репрессируя активистов-инициативников, власти всё же дали согласие на проведение съезда «лояльных» баптистов. Те немедленно показали, что их лояльность простирается до определённых границ. Собравшийся в 1963 г. Всесоюзный съезд ЕХБ отменил одиозные документы, а их авторы 3 года спустя принесли публичное покаяние.

Раскол, однако, преодолён не был, и каждая баптистская организация с тех пор шла своим путём*.

**Подробнее об этом см.: История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. 1989; Вестник Истины. № 3–4. 1986.*

Большинство баптистов стремилось к обезпечению своего легального существования. Впрочем, местные власти, как правило, не спешили идти им навстречу, либо отказывая, либо затягивая в поддержке их ходатайства и регистрации. Однако, сплочённость и настойчивость верующих с одной стороны и опасность расширения религиозной оппозиции с другой, побудили Совет Министров РСФСР принять в 1968 г. постановление о внесении надлежащего порядка в вопросе рассмотрения заявлений граждан о регистрации религиозных обществ[66]. Настоящий правительственный документ отмечает случаи ущемления прав верующих, необоснованные отказы и проволочки в рассмотрении их заявлений о регистрации религиозных обществ, в связи с чем в правительственные органы поступили многочисленные жалобы. Данным постановлением правительство РСФСР обязало районные и областные исполкомы Советов депутатов трудящихся внести надлежащий порядок по указанному вопросу, строго придерживаться установленных законом сроков рассмотрения заявлений граждан, а также разобраться по существу заявлений и в тех случаях, когда религиозное общество отвечает требованиям советского законодательства, удовлетворить их, направив соответствующее представление в Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

В завершение следует сказать несколько слов о состоянии Богословской мысли в указанный период. Так, «с целью содействия Богословскому творчеству в Русской Церкви» Московская Патриархия в 1960 г. стала выпускать ежегодник «Богословские труды». В период 1960 – 1970 гг. было издано пять выпусков. В дальнейшем сборник стал выходить более регулярно. Особую популярность этому изданию придали в дальнейшем публикации, относящиеся к Русскому Богословскому наследию, в особенности работы таких авторов как о.Павел Флоренский, проф. И.В. Попов, В.Н. Лосский, епископ Григорий (Лебедев) и ряд других. Определённая активизация Богословской мысли в этот период была связана с участием представителей Московского Патриархата в мероприятиях по подготовке Всеправославного Собора, экуменическом движении и межконфессиональных диалогах. В это время выдвинулась целый ряд Богословов, среди которых необходимо назвать: профессора-протоиерея Ливерия Воронова, профессора В.Д. Сарычева, профессора-протоиерея Иоанна Белевцева и других, которые внесли вклад на страницах «Богословских

трудов» и ЖМП. Авторитетом среди учёных-патрологов пользовался находящийся в юрисдикции Московского Патриархата архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин), автор ряда исследований, посвящённых творчеству преподобного Симеона Нового Богослова, крупный знаток святоотеческого Богословия, участие многих межправославных и экуменических встреч.

Касаясь состояния Богослужения в обозреваемый период, нужно сказать, что такие отступления от устава и Церковной традиции как так называемая общая исповедь, «заказные» ектеньи, заочные отпевания, произвольные сокращения Богослужебных чинов особенно при совершении треб и так далее, что ещё ранее отчасти было вызвано внешними обстоятельствами, в указанное время, к сожалению, прочно укоренилось в практике многих – особенно городских приходов.

Говоря о других сторонах Церковного благочестия можно отметить, что к концу указанного периода состоялась канонизация высшей Церковной властью Московского Патриархата в лице Священного Cvнода двух новоявленных святых – прав. Иоанна Русского в 1962 году и равноапостольного Николая, архиепископа Японского в 1970 году. И хотя эти деяния были совершены в рамках внешнецерковной деятельности Московского Патриархата, всё же для жизни всей Русской Церкви они имели важное значение. Кроме того, определениями Cvнода были введены для употребления некоторые новые Богослужебные последования (Службы прав.Тавифе, Служба собору Ростовско-Ярославских святых и некоторые другие), явившиеся плодами гимнографического творчества митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима.

Останавливаясь на практических сторонах Богослужебной практики в данный период, точнее в его конце, можно сказать об определениях Cvнода от 28 Ноября 1968 г. допускавшем восстановления древнего обычая совершения литургии Преждеосвященных Даров в вечернее время[67]. К этому времени в ряде епархий стало практиковаться чтение некоторых Богослужебных текстов (Евангелия, Апостола, Шестопсалмия, Кафизм, канона прп. Андрея Критского) на Русском языке. Последнее явилось следствием Богословского подхода митрополита Никодима к явлениям Церковной жизни и его глубокого влияния на некоторых близких ему епископов. Впрочем, подобные нововведения не имели популярности в Церковном обществе.

Кроме того, следуя духу христианского братства и находясь на почве традиции и канонов Православной Церкви, Священный Cvнод своим определением, принятым на заседании 16 Декабря 1969 г., в порядке разъяснения уточнил, что не возбраняется совершение таинств над старообрядцами и католиками, когда они обращаются для этого к Православной Церкви[68]. Этот шаг, направленный на укрепление духовного единства Русского Общества, не был новшеством в Православии. Ещё до революции широко практиковались венчания Православных с инославными с условием, что дети от этого брака будут воспитаны в Православной вере. Для инославных был также упрощён переход в Православие. Постепенное возрождение дореволюционных традиций также свидетельствовало о том, что гонения начала 1960-х годов не достигли своих результатов. Церковная жизнь продолжалась, хотя в предутренних сумерках рассвет казался ещё очень далёким.

Примечания

1. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. С.221.
2. *Эллис Д.* Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон. 1990. С.8.
3. *Флетчер У.* Советские верующие // Социологические исследования. 1987. №4. С.34.
4. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.227. Лл.16–18.
5. Там же. Лл.28–30.
6. Там же. Л.25.
7. Законодательство о религиозных культах. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». Нью-Йорк. 1981. С.35–36.
8. *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Совестском Союзе. Часть II. Джорданвилль–Нью-Йорк. 1987. С.186.
9. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.91. Лл.115; Д.126. Л.53.
10. Там же. Д.91. Лл.136–137, 140, 145; ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.227. Лл.90–91.

11. *Stroyen W.* Communist Russia and the Russian Orthodox Church 1943–1962. Wash. 1967. P.89–93; Powell D. Antireligious propaganda in the Soviet Union: Study of mass persuasion Cambridge. 1975. P.39–40.
12. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.126. Лл.35–36, 43–53.
13. Там же. Л.152.
14. ЦГА СПб. Ф.9342. Оп.2. Д.71. Лл.110, 209, 218.
15. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.126. Л.226.
16. Там же. Д.162. Лл.1–4.
17. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.176. Л.48.
18. Там же. Д.255. Л.138.
19. ЖМП. 1960, № 2. С.27.
20. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.255. Лл.100–101.
21. Там же. Д.254. Лл.86. 105.
22. ЖМП. 1960. №3. С.34–35.
23. *Одинцов М.* Хождение по мукам 1954–1960 годы – Наука и религия. 1991. №7. С.3.
24. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.284. Лл.20–23.
25. *Архиепископ Василий (Кривошеин).* Последние встречи с митрополитом Николаем (Ярушевичем) (бывшим Крутицким и Коломенским) – Вестник русского христианского движения. Париж. 1976. №7. С.210, 213, 215.
26. *Душенов К.* Противостояние. Спб. 1996. С.65.
27. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.162. Лл.177, 180; *Самарин В.* Торжествующий Каин. Очерк крестного пути Русской Церкви – Православный путь. Джорданвилль. 1971. С.155; ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.529. Лл.28–31.
28. *Гаркавенко Ф.И.* Идеологическая борьба в современном Православии. Сб.: Религия и идеологическая борьба. М. 1974. С.138.
29. ЖМП. 1961. №8. С.6.
30. См. Апост. пр. 38-е и 41-е; Апкир. 15-е; и особенно Натр. 7-е и 8-е.
31. ЖМП. 1961. №8. С.6.
32. Там же.
33. Материалы и определения Собора епископов 1961 г. опубликованы в ЖМП. 1961. №8.
34. ЖМП. 1961. №8. С.9.
35. ЖМП. 1961. №8. С.6.
36. Там же.
37. *Митрополит Николай.* Слова и речи. Т.IV. М. 1957. С.223.
38. ЦГА СПб. Ф.9342. Оп.2. Д.79. Лл.12. 34–36.
39. *Lowrie D. Fletcher W.* Khrushcehv's Religious policy 1959–1964. – Aspects of Religion in the Soviet Unoin 1917–1967. Chicago, 1971. P.141–143
40. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.215. Лл.17, 169. оп.55. Д.10. Л.231; *Девитин А.Э.* Защита веры в СССР. Рукопись привезённая из Советской России. Париж. 1966. С.72, 86; Православный вестник в Канаде. 1964. №8. С.5.
41. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.309. Лл.10–11.
42. *Никита Сергеевич Хрущёв.* Материалы к биографии. М. 1989. С.349.
43. ЦГА СПб. Ф.9324. Оп.2. Д.91. Л.135.
44. *Lowrie D. Fletcher W.* Op. cit. P.143, 145.
45. *Powell D.* Op. cit. P.69; Новые советские обряды и ритуалы – Бюллетень: Радио «Свобода». Мюнхен. 1974. 16 Августа. №258/74; *Ушинин Д.*

Новые веяния в атеистической пропаганде СССР. Грани. 1960. №60. С.198–222.
46. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.215. Лл.166–170.
47. Там же. Д.162. Лл.32, 42, 172.
48. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.426. Лл.1–5,24.
49. *Алексеев В.А.* Илюзии и догмы. М. 1991. С.369–370.
50. *Степанов (Русак) В.* Указ. соч. Часть III. 1988. С.17.
51. ЦХСД. Ф.5. Оп.55. Д.10. Лл.177, 192.
52. Там же. Д.72. Лл.28–31, 68–75.
53. Там же. Лл.61–67.
54. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.534. Лл.119, 122.
55. ЦХСД. Ф.5. Оп.55. Д.10. Лл.205.
56. Там же. Д.72. Лл.49–60.
57. *Эллис Д.* Указ. соч. С.15.
58. Православный вестник в Канаде. 1965. №3. С.7.
59. ЦХСД. Ф.5. Оп.55. Д.72. Лл.141–149.
60. Там же. Оп.33. Д.91. Лл.21; ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.529. Лл.3–4; *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется?. С.233, 244; К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризаци в условиях социалистического общества). М. 1970. С.61.
61. Биографические данные об архиепископе Ермогене (Голубеве) см.: *А.М.* составитель. Каталог Русских архиереев. Ч.II. Чебоксары. 1957 (машинопись). ЖМП. 1978. №12.
62. *Гаркавенко Ф.И.* Указ. соч. С.139.
63. ЖМП. 1969. №4. С.2–3.
64. Характерные признания по этому поводу имеются в указанной статье статье Ф.И. Гаркавенко. См. сборник «Религия и идеологическая борьба». М. 1974. Сс.139–140.
65. «Несколько вопросов о религии и о Церкви». «Известия». 1966. №204. 30 Августа.
66. Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах. Постановление СМ РСФСР от 24.07.1960. №494. В сборнике «Законодательство о религиозных культах». Изд. Юридич. литература. М. 1969.
67. ЖМП. 1970. №1. С.5.
68. ЖМП. 1969. №1. С.3.

Глава 18

Русская Катакомбная Церковь

Несмотря на обилие публикаций по истории Русской Православной Церкви XX столетия, как научно-исследовательского, так и популярного характера, появлявшихся в последние годы в различных изданиях, история Катакомбной Церкви остаётся самой загадочной и малоисследованной страницей этого периода. Причина кроется не только в недостаточном количестве и малодоступности источников (многие документы хранятся в закрытых архивных фондах, возможность доступа к которым мы получили совсем недавно), но также и в малом сроке, недостаточном для появления серьёзных объективных работ. Проблему усугубляет и настороженное отношение самих «катакомбников», которые очень неохотно делятся сведениями о себе с «сергианами» (как называют они служителей и паству Московской Патриархии), не говоря уже о светских историках. По этим причинам публикации о Катакомбной Церкви нередко расплывчаты, противоречивы и имеют тенденциозный характер. Почти полное отсутствие доступных источников крайне затруднило возможность для нас проверить утверждения авторов публикаций. У Церкви, окутанной загадками, появляются преемники – подчас откровенно сектантского толка, чуждого Православию, как, например, «Церковь Пресвятой Богородицы» (или «Богородичный Центр»), позднее получившая название «Церковь Божией Матери Преображающейся», объявившая себя духовной преемницей Катакомбной Церкви. Современный канадский исследователь проф. Д.В. Поспеловский, автор ряда работ по истории РПЦ, написанных, правда, с экуменических и обновленческих позиций, предпринимает попытку уточнить различия между течениями «катакомбников»: «В советской атеистической литературе так и не был решён вопрос, являются ли «Истинно православная Церковь» и «Истинно православные христиане» двумя

течениями или одним (к рассмотрению этого вопроса мы вернёмся позднее – *авт.*). Наиболее убедительно мнение, что это одно движение, но наименование «Истинно православные христиане» употребляется по отношению к тем общинам, которые не имеют священников. Поскольку же очень редко удавалось заменить арестованного или ликвидированного священника, всё большее число катакомбных церквей превращалось в группы мірян, «истинно православных христиан»... Не следует, однако, примешивать сюда «Истинно православных христиан странствующих» (ИПХС), которые представляют катакомбную ветвь старообрядцев, во всём параллельную ИПХ»[1]. В настоящее время внутри Катакомбной Церкви насчитывается по меньшей мере 8 известных группировок, имеющих иерархическое возглавление, а также некоторое, не поддающееся подсчётам, число священников и мірян, лишённых канонического общения с церковной организацией[2]. К сожалению, крушение коммунистической власти в 1991 г. не устранило проблем, вызванных расколом 1927 года, поскольку причины разногласий очевидно глубже, нежели отношение к Декларации митрополита Сергия. Необходимо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на относительную малочисленность, Катакомбная Церковь остаётся заметным явлением церковной жизни России, напоминая о нерешённых проблемах трагического разделения, к которым за годы конфонтации прибавилась и борьба самолюбий и другие острые разногласия: например, отношение к экуменизму и пребыванию Русской Православной Церкви во Всемірном Совете Церквей. Прошлое этой таинственной Церкви тесно связано с настоящим временем. Изучение истории катакомбного движения должно способствовать преодолению давнего раскола.

Полемическая актуальность некоторых вопросов и разногласий – нередко мнимых – не омрачает, однако, благодарного чувства перед теми, кто хранил Православную веру во мраке подземелий, в лагерях и ссылках, кого не удовлетворяло компромиссное сотрудничество с богоборческой властью, кто из повышенной требовательности к себе считал невозможным даже пассивное признание «коммунистических идеалов». Мужество «катакомбников», твёрдость их веры несомненны, и наш долг – хранить память тех, чьи имена, наверное, узнаем только в вечности.

Истории уже известны примеры существования в государстве, наряду с официальной, признанной властями, нелегальной христи-

анской Церкви. Церковный раскол произошёл и во Франции во времена Великой Французской революции, когда часть католических клириков отказалась принести присягу Конвенту и признать революционную власть. За это на непокорных верующих обрушились жестокие репрессии. Впрочем, в своём намерении сокрушить Христианство и заменить его новым революционным культом французские якобинцы оказались не столь последовательны, как наши. Например, уже упоминалось, что Дантон, по требованию своей невесты, тайно обвенчался с ней у «катакомбного» священника, не присягнувшего Конвенту. Позднее французские «катакомбники» не признали легитимность Наполеона I и его конкордат с Ватиканом и отказались от канонического общения с официальной Церковью[3].

Во второй трети XX столетия тайные христианские Церкви появились в Германии, а также практически во всех социалистических странах. На Западе, в государствах, не знавших гонений на религию, дух несогласия с официальными деноминациями выразился в движении так называемого Библейского сепаратизма. Его отличительные черты – отрицательное отношение к экуменизму, признание кризиса официального протестантизма, выражающегося в чисто номинальной принадлежности к Церкви, отказ от молитвенного обще ния и сотрудничества с деноминациями, отступившими, по их мнению, от чистоты Евангелия и заразившимися мірским духом. Американский пастор Эрнст Пикеринг, в программной книге «Библейский сепаратизм» указывал, что неизбежным требованием чистоты веры является личное и организационное отделение от всех отступников: «Святость Божия требует от нас не только святости в нашей личной жизни, но также и святости наших общин... Этот принцип применим не только по отношению к членству в поместных Церквах, но также и к соучастию в общении между Церквами. Как может отдельная поместная Церковь надеяться, что она идёт по пути освящения и живёт стремлением угодить Богу, когда она продолжает оставаться неотъемлемой частью такого союза или объединения Церквей, где в большинстве случаев на руководящих постах стоят явные лжеучителя? Наша святость оскверняется подобного рода нечестивой связью...»[4]. На практике, однако, для библейского сепаратизма более характерны самовозношение и безконечное дробление сект, чем святость.

Таким образом, тот факт, что Катакомбная Церковь продолжает существовать и после падения комунистической власти, а также наличие аналогичных течений в других странах свидетельствует о более глубоких причинах раскола, чем отношение к Декларации митрополита Сергия к советскому режиму. Вместе с тем, какими бы ни были общие причины явления, которые необходимо проанализировать в будущем не только историкам, но и богословам, главная причина состоит в нарушении нормальной церковной жизни после 1917 года.

Первые тайные Православные общины появились в советской республике уже вскоре после Октябрьского переворота – в 1918 году, вслед за выходом Январского воззвания Патриарха Тихона, предавшего анафеме гонителей Церкви. Ярко проявившее себя в годы гражданской войны крестьянское повстанчество в России возникло во многом на религиозной почве. Советские исследователи даже полагали, что следствием Январского 1918 года воззвания Патриарха явились 1414 восстаний и выступлений верующих[5]. Вероятно, эта цифра сильно завышена. Однако подобная связь была. Так, очевидец крестьянского восстания в Тамбовской губернии, эмигрировавший впоследствии историк К.Криптон в своих работах привёл много доказательств его религиозного характера[6]. И в Центральном Черноземье России тайные общины верующих появились именно в период восстаний «Союза Трудового Крестьянства», деятельности отрядов А.С. Антонова и Н.Колесникова 1918 – 1922 годов, впервые в Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах[7].

Закрывая храмы, разгоняя целые монастырские общины, большевики не задавались вопросом, куда денутся эти люди, многие из которых уже дали обет служения Богу, где и как они будут удовлетворять свои духовные нужды – практически всех их большевики предполагали либо «перевоспитать», либо уничтожить, однако это им оказалось не под силу. Можно сказать, что Катакомбная Церковь стихийно начала своё существование с первых месяцев советской власти, когда многие верующие оказались вынуждены вести двойную, тайную жизнь. Конфронтация верующих с советской властью усилилась в 1922 году, во время насильственного изъятия церковных святынь. Не все священнослужители вольно или невольно подчинились распоряжениям большевиков. Многие пытались укрыть церковное имущество,

понимая, что забота о голодающих только повод для расправы над Церковью. Укрывание святынь нередко становилось первым шагом к уходу в «катакомбы». Так, например, настоятель храма в селе Трифон Костромской епархии протоиерей Леонид Никольский с помощи своих прихожан спрятал в потайные места иконы и церковную утварь. Арестованный по подозрению в укрытии ценностей, Л.А. Никольский показал на допросе, что не может отвечать за сохранность церковного имущества, когда храмы повсеместно подвергаются ограблениям. Л.А. Никольский был освобождён за недостатком улик, что является одним из немногих случаев, когда чекисты старались уважать хотя бы собственные законы. В дальнейшем о.Леонид Никольский почти 20 лет хранил спрятанные святыни и пользовался ими для совершения тайных Богослужений и треб. Когда в начале Великой Отечественной войны вновь открылся храм в селе Трифон, имущество было возвращено по принадлежности, а о.Леонид остаток жизни служил там священником[8].

Современники первых лет советской власти были свидетелями трагического процесса, когда Церковь под ударами безбожников отступала в катакомбы. Неизбежность этого стала очевидна к исходу гражданской войны, когда рухнули надежды на свержение советской власти военной силой. Сильные монархические настроения в православной среде при невозможности их открытого выражения порождали обстановку нервного ожидания, благоприятную для политического авантюризма. В разных концах страны появлялись самозванцы, называвшие себя дочерьми Государя или сыном Его Цесаревичем Алексием, вокруг которых группировались единомышленники. В Сибири, на Алтае в 1926 году была раскрыта целая сеть тайных православных общин, члены которых верили в спасение Детей Императора Николая II и скорую реставрацию монархии. Встревоженные слухами о пребывании на Алтае «Цесаревича Алексия» и «Цесаревен» Марии и Анастасии, чекисты начали следствие. 29 Августа 1927 г. коллегия ОГПУ приговорила 34 человека к разным срокам заключения в концлагере или ссылки. Восемь осуждённых, в том числе бывший комсомолец Алексей Шитов, называвшийся сыном Николая II, были расстреляны[9]. В отличии от зарубежных самозванцев, отечественных «Алексиев» и «Анастасий» ожидала не слава, а арест и гибель. Но на смену им появлялись новые, словно

и в самом деле казнённые Дети не оставляли в покое своих палачей. Тревогу властей усугублял тот факт, что и сами большевики зачастую не были уверены в гибели Царской Семьи и иногда подозревали в царском происхождении юношей и девушек, внешне похожих на Детей Императора. Так, например, будущую монахиню Пюхтицкого монастыря Татьяну Клименко (в постриге монахиня Сергия) в 1920-е годы местные крестьяне принимали за Цесаревну Татьяну и при встрече низко кланялись ей и оказывали почтение. Опасаясь доноса чекистам, девушка показывала свидетельство об образовании и спрашивала: «Разве Дочери Николая II учились в Донском Университете?»[10].

Тайные общины и православно-монархические организации ещё не были, собственно, Катакомбной Церковью. Их члены продолжали оставаться чадами «Тихоновской» Церкви. Здесь необходимо дать следующее пояснение. Дело в том, что Патриарх Тихон предусмотрел две формы управления Русской Православной Церковью. Первая из них была выражена в известном Завещании от 25 Декабря/7 Января 1925 года, обнародованном сразу после смерти Патриарха Тихона. Понимая, что большевики, рассчитывая на скорое уничтожение религии, не позволят собраться Поместному Собору для выборов нового Патриарха и тем лишат Церковь возглавления, св.Патриарх Тихон, в соответствии с решением Поместного Собора 1917–1918 годов о Местоблюстительстве, назначил Местоблюстителями Патриаршего Престола последовательно митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) и митрополита Крутицкого Петра (Полянского). В Завещании оговаривалась также последовательность восприятия Местоблюстительства: если митрополит Кирилл будет лишён возможности вступить в свои права, то их должен принять митрополит Агафангел; если же оба они не смогут этого сделать, то тогда восприемником верховной власти станет митрополит Пётр. Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел к этому времени уже находились в ссылке и не могли приступить к управлению Русской Церковью, в сложившейся ситуации единственным кандидатом оставался митрополит Пётр. Св.Патриарх Тихон назначил также и заместителей Местоблюстителя Патриаршего Престола. Основной задачей Местоблюстителей и их заместителей было при первой же возможности созвать Поместный Собор для выборов

нового Патриарха и восстановить, таким образом, законную власть в Русской Православной Церкви[11]. Вторая форма церковной власти была предусмотрена св.Патриархом Тихоном в Постановлении за № 362 от 7/20 Ноября 1920 года, на которое, собственно, ссылаются катакомбники, объясняя каноничность своих действий. В Постановлении говорится, что в случае прекращения деятельности Высшего Церковного Управления и отсутствия архиереев, с которыми можно вступить в общение, епархиальный архиерей берёт на себя всю полноту власти в своей епархии до образования свободного церковного управления. Пункт 9-й этого документа предусматривает не только организационную автономию, но также и возможность нелегального, во всяком случае, полулегального существования общин и епархий: «В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестанут признавать власть епархиального архиерея, последний... не слагает с себя своих иерархических полномочий, но организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов – благочиния и епархии, представляя, где нужно, совершать Богослужения и даже в частных домах и других приспособленных к тому помещениях и прервав церковное общение с непослушными»[12]. Таким образом, данное Завещание послужило основой для в равной мере каноническаго существования как Катакомбной, то есть тайной Церкви, так и Церкви, возглавляемой Московской Патриархией. Вот почему Постановление № 362 до сего дня является для последователей Катакомбной Церкви принципиальным документом, с которого ведётся начало «катакомбного» движения. Современный «Вестник ИПЦ (Истинно-Православной Церкви)» оценивает его следующим образом: «Жизнь подтвердила мудрость этого Указа. Высшее Церковное Управление, созданное заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополитом Сергием (Страгородским) предало Церковь Христову во власть богоборцев и потому было отвергнуто почти всеми верными, в том числе и двумя кандидатами в Местоблюстители – митрополитами Кириллом и Агафангелом, а также и самим Местоблюстителем – находившимся тогда в заключении митрополитом Петром. В большинстве своём епископат Русской Православной Церкви остался пребывать на Указе № 362 и не вступал в общение с Церковным Управлением митрополита Сергия. До сих пор в России не существует свободно-

го Высшего Церковного Управления и, соответственно, сохраняет силу Указ № 362. Он является той основой, на которой зиждется каноническое здание нашей части Русской Православной Церкви, и должен быть известен всем верным чадам Церкви Христовой»[13]. Но если до 1927 года подпольные общины и другие православные организации на территории СССР существовали в лоне Патриаршей Церкви, канонически подчиняясь сначала св.Патриарху Тихону, а затем митрополиту Крутицкому Петру, то послание митрополита Сергия от 16/29 Июля 1927 года поставило каждого верующего – от мірянина до епископа – перед принципиальным выбором: или полное – как внешнее, так и внутреннее – подчинение большевикам или уход в подполье. В Москве, Ленинграде, других городах и сёлах стали создаваться подпольные общины, не желавшие участвовать в действиях митрополита Сергия. «Так началась история «Ленинградской автокефалии» с митрополитом Иосифом во главе... Временная автокефалия того же толка была и в Ярославской епархии под руководством митрополита Агафангела. Затем подобные автокефалии возникали и существовали некоторое время на Урале, Нижней и Средней Волге, в Горьком, Иванове, Курске, Барнауле, Иркутске и в других епархиях. Все эти самовозглашённые автокефалии основывались на послании Патриарха Тихона от 20 Ноября 1920 г.»[14]

Возникновение весной 1922 г. обновленчества, как господствующего течения, стало основной причиной появления тайных церквей, где службы проходили тайно, уже в значительной части районов страны. Ушли в «катакомбы» также выступавшие против изъятия церковных ценностей и ревнители Православия, вошедшие в конфликт с Патриархом Тихоном и митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), которые соглашались на заключение явных компромиссов с безбожной властью. Переход на тайное служение благословил известный Оптинский старец монах Нектарий (Тихонов). А практическим создателем сети тайных приходов и монастырей выступила влиятельная даниловская группа архиереев (наименование по нахождению в Свято-Даниловом московском монастыре), возглавляемая архиепископом Волоколамским Ѳеодором (Поздеевским). Эта группа стала оппозицией не только обновленцам, но и пошедшему на компромиссы Патриарху и создала в 1923 году так называемый «параллельный» Синод ввиду «недостаточной эффективности Патри-

аршего Cvнода»[15]. С даниловцами был связан и сыгравший чрезвычайно важную роль в создании Катакомбной Церкви архиепископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), который совершил в 1920-е годы хиротонии (вместе с другими архиереями) более 10 тайных епископов[16].

На Северо-Западе России Катакомбную Церковь возглавил епископ Стефан (Бех) и схиепископ Макарий (Васильев), поставленный в 1923 году архиепископом Андреем (Ухтомским). Владыка Макарий являлся настоятелем Воскресенского монастыря (Макарьевской пустыни) в Новгородской губернии, в определённой степени игравшего роль и авторитетного общероссийского центра Истинно-Православных христиан. В 1925 году указанные архиереи не признали избрание Патриаршим Местоблюстителем митрополита Петра (Полянского), продолжая своё основное служение тайно.

И всё же до 1927 года катакомбных общин было неизмеримо меньше, чем законно действующих приходов Русской Церкви. Значительную часть их составляли враждебно настроенные по отношению к советской власти полусектантские группы верующих. Особенное распространение они получили в Центральном Черноземье. Этому способствовал ряд социально-экономических факторов: особенно высокий процент сельского населения (90,5% в 1927 году); сильное снижение жизненного уровня и падение урожаев после гражданской войны; глубокие традиции свободы и независимости, связанные с меньшим, чем в большинстве других районов Европейской России, распространением крепостного права; длительное вооружённое сопротивление советской власти местного населения; полный провал агитации обновленцев[17].

В середине 1920-х годов в Центральном Черноземье уже действовали группы фёдоровцев, самарян, еноховцев и др. По их представлениям, Бог есть Дух, способный проявляться в людях. У фёдоровцев он, как они считали, действовал через монаха Ѳеодора (Рыбалкина), у чердашников – через Николая Хакилева, у николаевцев – Николая II, у иоаннитов Иоанна Кронштадтского, у міхайловцев – Міхаила Ершова и т.д. Большая часть советских атеистических авторов называла эти группы сектами. Однако, как справедливо писал А.Н. Демьянов, нельзя Православных, не успевших ещё в 1920-е годы выделиться из Церкви,

зачислять в разряд сектантов по одному лишь признаку враждебной «социалистическому строительству» деятельности и названиям (которые часто давали им сами же атеисты)[18]. Действительно, у указанных групп не существовало никаких догматических отличий от Патриаршей Церкви, и в 1920-е гг. члены их посещали законно действовавшие храмы.

Одной из первых в 1921 году в Никитовском уезде (ныне Белгородской области) возникла основанная мірянином Поддубным группа «Правильный путь ко спасению», насчитывавшая около 300 человек. Наибольшее распространение в южных районах Центрального Черноземья получило движение фёдоровцев, созданное к середине 1920-х годов монахами Ново-Донского монастыря. Его сторонники предсказывали возвращение Белой Армии и неизбежное падение советской власти. В 1926 году, в связи с проведением переписи населения, в различных катакомбных группах вновь возобновились проповеди о конце света. Фёдоровцы считали, что антихрист пришёл в мір в 1917 году, но царствовал только до 1922 года, когда свершилось Второе пришествие Христа на землю и началось 1000-летнее Царство. Движение было в основном разгромлено в 1928 году, его руководители предстали на судебном процессе. Но полностью оно не исчезло, действуя в подполье до 1970-х годов[19].

Помимо Центрального Черноземья в первой половине 1920-х годов возникли группы «истинных» в Татарской и Мордовской АССР, евлампиевцев в Брянской области, ерофеевцев в Вологодской, скрытников и васильевцев в Иваново-Вознесенской. В период коллективизации, церковных расколов конца 1920-х годов все они значительно расширили свою деятельность. Часть подобных групп Центрально-Черноземной области России – имяславцы, иоанниты, стефановцы, «ревнители Церкви» влились в возникшее Иосифлянское «буевское» движение. Но некоторые остались самостоятельными, не согласившись с рядом пунктов «программы» иосифлян. Так, например, широкую пропаганду своих взглядов вели чердашники. Одетые в длинные чёрные одежды, они ходили от села к селу и агитировали против колхозов за торжество «царства Бога на земле». В 1930 году ОГПУ на юге России раскрыло подпольную религиозную организацию, имевшую связи с Северным Кавказом, Кубанью и Украиной, куда, как говорили, входили «чудесно спасшиеся» члены Царской Семьи[20].

Эти группы в конечном итоге вошли в движение Истинно-Православных христиан (термин, как уже отмечалось, был введён в употребление архиепископом Уфимским Андреем) в 1927–1928 гг. Вскоре после опубликования Декларации митрополита Сергия по всей стране развернулся переход на тайное положение сотен приходов и монастырей. Возникшее в 1927 году движение «непоминающих» (гражданские власти и митрополита Сергия) было достаточно широко распространено по стране. Всего первоначально насчитывалось около 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Однако большинство из них не были связаны между собой. Центральное место занимала наиболее сильная и сплочённая иосифлянская группа, получившая своё название по имени руководителя – митрополита Петроградского Иосифа (Петровых). Именно владыка Иосиф ввёл термин *Истинно-Православная Церковь*, употребив его в 1928 году в одном из своих писем.

Недовольство Декларацией митрополита Сергия в одной из ведущих епархий страны – Ленинградской появилось уже в Августе 1927 года. В Ноябре оно резко усилилось вследствии постановления заместителя Местоблюстителя и Cунода о переводе митрополита Петроградского Иосифа, отбывавшего ссылку в Моденском монастыре, на Одесскую каѳедру. Ситуацию в Северной столице очень обострил и указ митрополита Сергия от 21 Октября о поминовении во всех храмах за Богослужением «предержащей власти» и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. В Ноябре в городе появились приходы, не поминавшие заместителя Патриаршего Местоблюстителя [21].

Желая предотвратить надвигавшееся разделение, группа духовенства и мірян города на Неве решила предупредить об этом митрополита Сергия и, если возможно, заставить изменить намеченный им курс. Их основные требования были изложены в специальном обращении, написанном в начале Декабря профессором протоиереем В.Верюжским:

> «1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству.
> 2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов.

3. Поставить Временный Патриарший Cунод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя.
4. Удалить из состава Cунода пререкаемых лиц (в том числе епископа Алексия Симанского).
5. При организации Епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–18 годов и авторитет епископата.
6. Возвратить на Ленинградскую каѳедру митрополита Иосифа (Петровых).
7. Отменить возношения имени Заместителя.
8. Отменить распоряжение об устранении из Богослужений молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть»[22].

Ещё до получения ответа значительная часть высшего и низшего духовенства, а также мірян Северной столицы направила своих представителей к митрополиту Сергию. 12 Декабря они передали ему три соответствующих послания, одно из которых подписали шесть из восьми Ленинградских архиереев. Однако, переговоры закончились безрезультатно. 14 Декабря заместитель Патриаршего Местоблюстителя вручил одному из членов делегации свой ответ на обращение, составленное Верюжским, где практически во всех требованиях было отказано. «Митрополит Сергий убеждал пришедшего к нему представителя согласиться с ним, и почти прыгая по комнате, говорил: «Ну, нас гонят, а мы отступаем! Но зато мы сохраняем единство Церкви!» Представитель пришёл к убеждению, что сговориться с ним невозможно»[23]. Делегация вернулась в Ленинград с твёрдым намерением порвать молитвенное общение с митрополитом Сергием.

26 Декабря епископ Гдовский Димитрий (Любимов) и епископ Нарвский Сергий (Дружинин), взяв на себя инициативу руководства, подписали акт отхода:

«Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившаго свои права и внесшаго великое смущение... Почему, оставаясь, по милости Божией, во всём послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя Апостольское преемство через Патриаршаго Местоблюстителя Петра, митрополита

Крутицкого, и имея благословение нашаго законнаго епархиальнаго митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет; и впредь до суда «совершенного собора местности», то есть с участием всех Православных епископов, или до открытого полного покаяния перед Святой Церковью самого митрополита Сергия...»[24].

Действительно, митрополит Иосиф одобрил готовившийся отход, Патриарший же Местоблюститель, митрополит Пётр (Полянский), который упоминается в этом документе, с 1925 года находился в тюрьмах и ссылках и участвовать в церковной жизни не мог (он был расстрелян 10 Октября 1937 года в Магнитогорской тюрьме).

Акт об отделении был зачитан в каѳедральном соборе Воскресения Христова, ставшем центром иосифлянского движения в Ленинграде. В дальнейшем епископ Димитрий объявил митрополита Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним. В ответ заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Синод 30 Декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших Ленинградских епископов и их сторонников. Разрыв стал фактом.

Иосифлянам удалось довольно быстро – к лету 1928 года распространить своё влияние далеко за пределы Ленинградской области – в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Витебскую епархии. В Великоустюжской епархии часть приходов увлёк за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник), в Архангельской – епископ Каргопольский Василий (Дохтуров), которые вскоре, естественно, установили связи с Ленинградскими иосифлянами. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. В Мае 1928 года сюда был назначен иосифлянского поставления епископ Максим (Жижиленко)[25]. 78 храмов находилось в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах. К ним присоединился живший в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиков) и епископ Бахумский и Донецкий Иоасаф (Попов) из г. Новомосковска[26]. В Центрально-Черноземной области России и на «буевских» приходах Церковь возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епар-

хией Алексий (Буй). Его представителем на Северном Кавказе стал епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арзамасе, Смоленске. Параллельно с Ленинградским в Декабре 1927 года возникло самостоятельное разделение во главе с тремя епископами в Вятской и Вотской (на территории Удмуртии) епархиях. Оно получило название «вікторианское движение» и быстро объединилось с Иосифлянским. В целом же волна отхода от митрополита Сергия охватила меньшую часть территории страны. Согласно данным государственных органов регистрации, за заместителем Патриаршего Местоблюстителя последовало до 70% приходов (в 1928 году; 8-9% приходов отпали в автокефалию – иосифлянство, вікторианство и тому подобное, около 5% подчинялось григорианскому церковному совету и около 16% – обновленческому Cvноду)[27]. Так, в конце 1927 года в стране имелось примерно 30 тысяч действующих Православных храмов – иосифлянскими по этим, вероятно несколько заниженным данным, являлось 2400–2700 или до 11,5% приходов Патриаршей Церкви. Численность иосифлянского духовенства как белого, так и чёрного, составляла, по подсчётам авторов, как минимум 2,5 тысячи человек.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску. Не без оснований некоторые исследователи считают, что «ядро идеологии иосифлянского раскола – отрицательное отношение к советской действительности»[28]. В трагические годы «великого перелома станового хребта Русскаго народа» движение имело немалую оппозиционную властям социальную базу. Очевидцы вспоминали: «В Спасском храме Воскресения-на-крови тогда было очень много народу... Сюда хлынули массы раскулаченных... Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем»[29]. Не случайно одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 Августа 1918 года о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Однако участников движения нельзя считать раскольниками. Они не претендовали, подобно обновленцам и григорианам, на создание нового центра Церковной власти. Митрополиту Иосифу, архимандриту Димитрию и в голову не приходило устанавливать самостоятельную параллельную Церковь, тем более катакомбную. Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата и, в конечном счёте, обращение к Христианской совести Высшего Церковного Управления в существующей Патриаршей Церкви. Поэтому Ленинградские архиереи обращались с архиерейскими посланиями в различные города, рукополагали священников и совершали хиротонии епископов для других епархий. Пока была возможность, иосифляне старались удержаться в рамках законности. Отличало их от Истинно-Православных христиан и признание главой Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). В условиях тоталитарного режима 1930-х годов движение являлось, возможно, единственной формой полузаконной оппозиционной организации в завоёванной стране. Однако, подобная тактика принесла лишь временные результаты. Уже с 1929 года часть иосифлянских общин в результате репрессий со стороны властей была вынуждена уходить в подполье. В 1930-е годы этот процесс резко усилился.

Помимо иосифлянского, в СССР возникли даниловский, мечевский и украинский уклоны «непоминающих». Уже упоминавшаяся даниловская группа включала в себя более 10 архиереев. Мечевцы получили своё название по фамилии влиятельного московского протоиерея Сергия Мечева. К ним относились епископ Серпуховской Арсений (Жадановский), епископ Димитровский Серафим (Звездинский), епископ Кировский Афанасий (Сахаров) и ещё 34 архиерея. В украинскую группу входили, в основном, иерархи, проживавшие в Киевской и ближайших епархиях (56 человек). Возглавлял их схиархиепископ Таврический Антоний (Абашидзе). Кроме того, существовали отдельные «непоминающие» архиереи, стоявшие вне этих уклонов. Так, значительное число священнослужителей являлось андреевцами или кириловцами, то есть шло за архиепископом Андреем (Ухтомским) и митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым)[30].

Большинство «непоминающих», не порывая молитвенного общения, старалось обособиться от митрополита Сергия и находиться в стороне от церковной жизни, оставаясь в рамках законнос-

ти. Эти архиереи, уходя от заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в сущности уходили за штат. В архивах почти нет сведений, чтобы они рукополагали других священников или епископов.

Иную тактику выбирали значительная часть даниловцев и андреевцы. Весной-летом 1928 года они провели тайный «Кочующий Собор», который в итоговом определении объявил сторонников митрополита Сергия еретиками, безблагодатными и предал их анафеме. «Сергианство» наряду с обновленчеством было признано тяжелейшей экклезиологической ересью, разрушающей всё догматическое понимание Церкви Христовой[31]. Вот таким образом завершилось идеологическое оформление движения Истинно-Православных христиан.

Основной идеологемой Истинно-Православных христиан было разоблачение коммунистического обмана, что, естественно, принимало безусловно религиозный характер. «С самого начала на всех уровнях: от епископов до малограмотных старух... утвердился взгляд на сов.власть как на власть антихриста, а на Ленина, как на сущего антихриста». Красная пятиконечная звезда была известна как физическая печать антихриста. Невозможность участия катакомбников в любых советских общественных организациях также объяснялась желанием не поклоняться антихристу. Отказ от регистрации, советского паспорта, участия в выборах диктовались теми же соображениями. Важными пунктами в идеологии Истинно-Православных христиан было неприятие членства в колхозах, службы в советской армии и нежелательность любой государственной службы. Колхозы трактовались как «антихристовы учреждения», образующие новую форму жизни крестьян, поклонившихся дьяволу. Многие деревенские катакомбники, не желая участвовать в «грехах безбожников», отказывались даже от радио и электричества. Иосифляне до такого, как правило, не доходили и, как это ни выглядит странным, лишь часть из них являлась монархистами. Среди Истинно-Православных христиан монархизм доминировал, хотя он и заключался «преимущественно в оплакивании рухнувшего дореволюционного порядка и опасении в появлении «лже-царей»[32].

Ещё одним из краеугольных камней идеологии катакомб являлось абсолютное отрицание Московской Патриархии и всех с ней каким-либо образом сообщавшихся. В мистическом видении она трактовалась как «вавилонская блудница, сидящая на красном звере», а Катакомбная Церковь как «жена, бегущая в пусты-

ню от дракона». С 1928 года в этой Церкви установилась форма возгласа «О еже избавлении люди своя от горькия мучительства безбожныя власти»[33].

Уже в 1930–1933 годах по всему СССР была проведена кампания ликвидации широко распространившихся общин Истинно-Православных христиан. Так, в Феврале 1932 года оказалась раскрыта Макарьевская пустынь, всех её монахов арестовали. Был арестован и приговорён к трём годам лагерей и схиепископ Макарий. Осенью 1932 года провокатор выдал весь клир служившего в Ленинграде епископа Стефана (Беха). Сам владыка, арестованный ещё в 1929 году, 26 Апреля 1933 года скончался в заключении. Сильный удар нанесла и проводившаяся в 1933 году паспортизация. Именно в это время в «катакомбах» возникло движение «безпаспортников». Многие служившие тайно архиереи благословили советские паспорта не брать, так как при оформлении документов выявлялись «бывшие», подлежащие репрессиям. Одновременно отказ от паспорта трактовался, как отрицание печати антихриста и объявление себя негражданином СССР. В 1932 году был арестован и выслан, а в 1934 году заключён в политизолятор архиепископ Андрей (Ухтомский). 4 Ноября 1937 года он принял мученическую кончину – был разстрелян[34].

Второй удар по Истинно-Православным христианам пришёлся на 1937–1938 годы, когда выявились скрывавшиеся в подполье священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения руководители Православного подполья. Но несмотря на все гонения, деятельность Истинно-Православных христиан продолжалась. Освобождённый в 1935 году из лагеря схиепископ Макарий (Васильев) вновь возглавил катакомбные общины Северо-Запада России. «По его собственным словам, в течении более 10 лет он не ночевал подряд двух ночей в одной и той же квартире. С большими предосторожностями и постоянной опаской и оглядкой, он скитался из селения в селение, из одного города в другой, работал у крестьян в колхозах в качестве пастуха. Он имел многочисленных духовных чад – мірских, тайных монахов и тайных священников. Шутя говорил, что у него была своя Духовная семинария и Академия, он тайно готовил людей к принятию священнического сана»[35]. Действительно, почти до начала Великой Отечественной войны владыка курировал своеобразную тайную семинарию, в которую приезжали слушать лекции и

из очень отдалённых мест. Преподавали в ней, по данным архивов Катакомбной Церкви, периодически даже такие известные профессора, как И.Андреевский, философы С.Аскольдов и А.Мейер[36]. Одна из подобных подпольных семинарий была раскрыта и разгромлена НКВД в 1938 году в Москве.

Непокорные священнослужители лишались приходов и епархий, подвергались арестам и ссылкам, но и оттуда продолжали руководить своим духовенством и пасомыми. Оставшиеся на свободе перешли на нелегальное положение и совершали тайные Богослужения в частных домах. «Так возникло явление, получившее впоследствии название Катакомбная Церковь.

В Московской области к ней принадлежали архимандрит Серафим (Батюков), о.Пётр Шипков, бывший в прошлом секретарём Патриарха Тихона, иеромонах Иераксе (Бочаров), священники Владимір Богданов, Владимір Криволуцкий, Константин Всехсвятский, Алексий Габрияник, Димитрий Крючков и другие. Большинство из них архиереем своим считали епископа Афанасия (Сахарова)»[37].

По воспоминаниям В.Я. Василевской и ея двоюродной сестры Е.С. Мень, катакомбный священник о.Серафим (Батюков) тайно крестил их обеих, а также старшего сына Е.С. Мень Александра – впоследствии известного своей проповеднической деятельностью священника[38], пользовавшегося большим влиянием среди еврейского населения нашей страны и занимавшегося миссионерством среди них, привлекая их в Русскую Православную Церковь. Впрочем, ради усиления притока евреев он неоднократно поднимал вопрос о деканонизации тех святых, которые приняли мученическую кончину от рук иудейских изуверов и были за это причислены к лику святых – например, св.Гавриила Белостокскаго, св.Евстафия Виленскаго.

В 1930-е годы произошло очень сильное изменение состава катакомбников. Если в конце 1920-х годов в подполье находились по преимуществу Истинно-Православные христиане и часть иосифлян, то теперь они стали составлять меньшинство. Катакомбность Церкви не обязательно означает её непримiримость. Этот термин охватывает всякую неофициальную и поэтому не контролируемую государством Церковную деятельность. В 1930-е гг., в результате закрытия почти всех Православных храмов, самую многочисленную часть катакомбников составляли верующие, никогда не порывавшие с митрополитом Сергием. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных об-

рядов оказалось невозможным, и когда положение изменилось (после 1943 года), восстановили с избранным Патриархом Сергием каноническую связь и литургическое общение.

Годы Великой Отечественной войны стали переломными для Катакомбной Церкви. Её начало было положительно воспринято значительной частью Истинно-Православных христиан. Истинно-Православные являлись не пацифистами, а сторонниками всяких, в том числе вооруженных форм сопротивления. Отношение их с оккупационными германскими властями складывалось по разному. На Северо-Западе России катакомбники предпочитали оставаться в подполье. Дело в том, что существовавшая в 1941–1943 гг. с разрешения командования группы армий «Север» «Псковская Православная миссия», принадлежавшая в каноническом отношении к Московской Патриархии, пыталась выявлять тайные общины. Поселившийся в конце 1941 года в Псково-Печерском монастыре схиепископ Макарий предсказывал неудачное окончание войны для Германии. Вместе с тайным епископом Псковским Иоанном (Ложковым) он попытался связаться с митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде), принадлежавшим к Русской Православной Церкви заграницей. Однако посланный ими иеромонах Никифор (фон Рихтер-Меллин) был ссажен в Кенигсберге с поезда и отправлен обратно[39].

Известный американский историк Катакомбной Церкви И.Андреев (Андреевский) писал, что несмотря на настойчивые требования экзарха Прибалтики, Истинно-Православные священники, начавшие служить в некоторых из открывшихся храмов, отказывались поминать Патриаршего Местоблюстителя. Так, например, в гор.Сольцы Новгородской епархии митрофорный протоиерей о.В., бывший благочинный церкви города Минска, а затем ставший катакомбным священником, вопреки строжайшему приказу благочинного Новгородского района о.Василия Рушанова... категорически отказался поминать митрополита Сергия. Это было в 1942 году. А в 1943 и в 1944 гг. о.В. стал тайно поминать митрополита Анастасия (главу Зарубежной Русской Церкви)[40].

То, что большая часть общин Истинно-Православных христиан Ленинградской области в период оккупации осталась в подполье, позволило им продолжить свою деятельность и после окончания войны, несмотря на смерть основных руководителей. В ночь на 1 Апреля 1944 года схиепископ Макарий был убит ос-

колком бомбы, сброшенной с советского самолёта при бомбардировке гор.Печоры, епископ Иоанн (Ложков) скончался 3 Декабря 1945 года.

В ряде других районов страны германское командование более благосклонно относилось к катакомбникам : в Брянской, Орловской, Воронежской областях, а также в Беларуси, Крыму и на Дону. Там они зачастую выходили из подполья. В г.Мозырь Гомельской области начал служить и открыто рукополагать во священники вышедший из подполья архиерей. В Житоміре вскоре после прихода немцев организовал приход катакомбник архимандрит Леонтий (Филиппович). Вскоре он был посвящен во епископы и вошёл в иерархию автономной Украинской Церкви. Часть наиболее непріміримо настроенных к Московской Патриархии катакомбников сотрудничала с оккупационной администрацией. А в Центральном Черноземье и Брянской области были созданы антисоветские вооружённые формирования во главе с Истинно-Православными – Каминским, Воскобойниковым и другими. После отступления Вермахта немалая часть Истинно-Православных христиан ушла на Запад, в том числе и вступившие в известную бригаду Каминского (сам он был в конце концов растрелян фашистами)[41].

Советские власти с началом войны заняли по отношению к находившимся в подполье общинам верующих и священнослужителям жесткую позицию. Активно преследовались иосифляне в блокадном Ленинграде. Документы органов госбезопасности по Костромской области также свидетельствуют о подобных акциях. Так, 25 Декабря 1941 года был арестован священник с.Сидоровское А.Богословский, в 1935 году порвавший с митрополитом Сергием. Он обвинялся в том, что «привлекал» в тайную моленную на своей квартире верующих, которых «обрабатывал в антисоветском духе», «восхвалял фашизм» и т.п. На допросе о.Александр отвечал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, так как среди приходящих ко мне лиц пораженческой агитации я не вёл, поскольку я не сторонник немцев, и объяснял присутствующим, что немцы нам не братья по крови и по духу... В разговоре о поддержании защиты отечества в настоящей войне я присутствующим у себя на квартире высказывал свои чувства, что хотя для меня отечество является злой мачехой,... всё же считаю своим христианским долгом своё отечест-

во защищать». Однако Богословского приговорили к высшей мере наказания и 14 Мая 1942 года расстреляли[42]. 28 Августа 1942 года в г.Нерехта арестовали активного члена тайной монашеской общины, духовную дочь «непоминающего» архиепископа Варлаама (Ряшенцева) М.Чернову. Ей предъявили обвинение в «антисоветской агитации среди церковников», но 25 Ноября дело прекратили за отсутствием состава преступления и Чернову освободили. В 1943 году был арестован тайный «бродячий» священник Ф.Смирнов, по показаниям свидетелей «активный церковник до фанатизма». Военный трибунал войск НКВД Ярославского гарнизона приговорил его к 8 годам лишения свободы.[43] Сам архиепископ Варлаам, арестованный в 1941 году и приговорённый к 10 годам заключения, скончался 20 Февраля 1942 года в тюрьме № 1 г.Вологда.

В Подмосковье к 1941 году действовало не менее 10 катакомбных священнослужителей. Часть из них – протоиерей Пётр Шипков, архимандрит Иеракс (Бочаров) и Серафим (Батюков) признавали духовный авторитет епископа Афанасия (Сахарова). С началом войны они заняли в целом патриотическую позицию. Одна из прихожанок архимандрита Серафима, тайно служившего в Загорске, вспоминала: «На вопрос: «Кто победит?», который задавали ему все, он отвечал: «Победит Матерь Божья». Многие задавали вопрос – как молиться об исходе войны. Батюшка отвечал: «Молитесь: да будет воля Твоя!» ... «Ни один христианин такого креста не примет», – сказал батюшка и начертал в воздухе знак свастики»[44]. Архимандрит умер 19 Февраля 1942 года. А остальных священнослужителей этой группы выследили и арестовали 6 Ноября 1943 года. Через день 7 Ноября в г.Ишиме был арестован находившийся в безсрочной ссылке в Омской области епископ Афанасий. Все они обвинялись в групповой контрреволюционной деятельности в составе общесоюзной организации «Антисоветское Церковное подполье». По этому сфабрикованному делу кроме владыки Афанасия, протоиерея П.Шипкова, архимандрита Иеракса проходили также монахиня Ксения (Гришанова) и Н.В. Тропани, оставившая подробные воспоминания. 14 Июля 1944 года их приговорили к заключению и отправили в Мариинские лагеря (Кемеровская область)[45].

Преследование тайных священнослужителей особенно усилилось с осени 1943 года. Советские власти наряду с радикаль-

ным улучшением отношения к Московской Патриархии попытались произвести в 1943-46 гг. разгром в «катакомбах», что им во многом удалось. В 1944 году большинство выявленных Истинно-Православных на неоккупированной Европейской части СССР было департировано или заключено в лагеря. В последующие два года происходило жесткое преследование их на бывших оккупированных территориях. В «особой папке» И.Сталина, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, содержится документ о депортации Истинно-Православных христиан в 1944 году. Л.Берия 7 Июля в своём секретном письме «вождю» отмечал, что на территории Воронежской, Орловской, Рязанской областей было выявлено несколько организаций Истинно-Православных христиан, но арест активных участников не оказал должного воздействия на других членов и поэтому целесообразно провести массовое выселение этих людей в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край. И 15 Июля 1673 человека одновременно из 87 населённых пунктов насильственно пересилили на восток[46].

Это был вероятно единственный пример массовой депортации русского населения в этот период. Он свидетельствует о том, что деятельность Истинно-Православных христиан серьёзно беспокоила высшее руководство страны. К нему стекались неутешительные сведения о значительном росте влияния Катакомбной Церкви в первые годы войны. Так, в Июньском 1943 года спецсообщении начальника Управления НКГБ по Пензенской области говорилось о деятельности более 20 тайных и полузаконных групп, устраивавших моления на частных квартирах[47]. В некоторых регионах таких групп насчитывалось сотни. В докладной записке председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова В.Молотову от 5 Октября 1944 года подчёркивалось: «В областях с незначительным количеством действующих церквей и в районах, где нет церквей, отмечается массовое распространение групповых Богослужений в домах верующих и под открытым небом... В своей значительной части актив таких церковных незарегистрированных групп и духовенство, в них состоящее, опозиционно настроено по отношению к законной Патриаршей Православной Церкви, осуждая последнего за лояльное отношение к советской власти и за патриотические позиции в своей деятельности. Большое количество верующих фанатиков, находясь под влиянием этих

групп..., в своих настроениях резко отличаются от групп верующих, находящихся под влиянием патриотически настроенного духовенства законной Церкви. Это же положение влечёт за собой всякого рода «рецидивы» значительного оживления религиозных настроений в виде так называемого «обновления» икон, распространения «святых» писем,... а также агитации о гонении в СССР на религию и Церковь»[48].

Но уже в скором времени ситуация изменилась. Появившиеся возможности законно совершать религиозные обряды, открывать храмы способствовали постепенному возвращению в окрепшую Московскую Патриархию её паствы, вынужденно ушедшей в 1930-е гг. в подполье. Власти подстёгивали этот процесс. Согласно свидетельству историка И.Андреева, после интронизации Патриарха Алексия в Феврале 1945 года духовенство, находившееся в лагерях прошло специальную «перерегистрацию», во время которой спрашивали: признают ли заключённые нового Патриарха. Непризнавшие получили новые сроки наказания, а иногда и расстреливались. Признавшие нередко досрочно освобождались и назначались на приходы[49]. Данный факт частично подтверждается документами архивов госбезопасности. В 1944–1945 гг. в лагерях была сфабрикована целая серия дел о контрреволюционных церковных организациях, по которым многие священнослужители приговаривались к увеличению срока наказания или расстрелу.

Перед нелёгким выбором оказались различные группы «непоминающих» и Истинно-Православных. Со смертью Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского) и избранием Патриарха Алексия отпадало прежнее каноническое основание для самостоятельного управления – «узурпация» первосвятительской власти митрополитом Сергием, но в то же время прежняя практика отношения с государством была продолжена новым первоиерархом. В итоге значительная часть иосифлян вернулась в лоно Московской Патриархии. Другая часть представителей иосифлянского движения, до конца оставшаяся непримиримой, полностью слилась с катакомбниками, составив в их среде особую традицию. Произошло окончательное разделение «левого» и «правого» крыла иосифлян. К числу непримиримых относилось большинство бывших «буевцев». Центральное Черноземье России – второй по значению регион деятельности иосифлян, стало основ-

ной «базой» Катакомбной Церкви. Это признавали и советские исследователи. Крупнейший религиовед 1960–1970-х гг. А.И. Клибанов писал, что «здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений (ИПЦ и Истинно-Православных христиан), распространявшихся и далеко за пределы Черноземного Центра» (прежде всего Тамбовской, Воронежской, Липецкой, Рязанской областей)[50]. На примере Центрального Черноземья трансформация части иосифлян (представителей Истинно-Православной Церкви) в одно из течений Катакомбной Церкви видны особенно наглядно. Деятельность нескольких десятков, а возможно и сотен бывших иосифлянских общин, влившихся в Катакомбную Церковь под названием ИПЦ прослеживается до 1970-х гг. Причём нередко она выходила за границы прежнего арсенала распространения, в основном в восточном и южном направлении (перемещаясь в места ссылок, депортаций и т.п.). Так, в Февральской 1961 года докладной записке Управления КГБ по Карагандинской области в ЦК КПСС обращалось внимание на активизацию ИПЦ с середины 1950-х гг. В Августе–Ноябре 1956 года в г.Темиртау и трёх районах Караганды были организованы общественные суды над 41-м «активистом», в том числе 6-ю руководителями групп. Более половины были приговорены к к выселению из области на 5 лет. Некоторые члены общин были лишены родительских прав. Алма-Атинская киностудия сняла специальный агитационный фильм «Душа из мрака». Однако и в начале 1960-х гг. деятельность тайных групп ИПЦ в 5-ти рабочих посёлках и в г.Темиртау общей численностью более 250 человек продолжалось. Возглавлял их отбывший срок заключения известный «буевец» архимандрит Александр (Филиппенко). Несмотря на репрессии, существовали тайные монашеские женские общины, молитвенные дома. Довольно крупный подпольный монастырь имелся на станции Металлургической. Истинно-Православные уклонились от переписи 1959 года, отказывались от получения советских документов, службы в армии, участия в общественной жизни. Они имели связи с подпольем ИПЦ в Тамбовской, Харьковской и Горьковской областях. В Ноябре 1960 года по карагандинским общинам органами госбезопасности был нанесён сильнейший удар – практически все их руководители оказались арестованы[51].

В советской, а затем и в зарубежной историографии в последние десятилетия, прежде всего под влиянием исследований

А.И. Демьянова, утвердилась точка зрения, что Истинно-Православные христиане и ИПЦ – это не самостоятельные течения, а одно общее, и двух «параллельных организаций» в Истинном Православии никогда не существовало. А наименование Истинно-Православные христиане употреблялось по отношению к тем общинам, которые не имели священников. Поскольку очень редко удавалось заменить арестованного священнослужителя, всё большее число катакомбных церквей превращалось в группы мірян Истинно-Православных Христиан[52]. Однако, когда А.И. Демьянов в 1970-х – начале 1980-х гг. проводил свои исследования в Центральном Черноземье, различия между ИПЦ и Истинно-Православными Христианами уже практически стёрлись. Но и он был вынужден отметить, что в некоторых районах «всё ещё сохранилось ничем не обоснованное деление» на эти течения, существовали и существуют Истинно-Православные, именуемые себя последователями ИПЦ[53].

В период религиоведческо-социологических экспедиций Института истории Академии Наук СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. граница между Истинно-Православными христианами и ИПЦ ещё была более чёткой, и участники экспедиций без колебаний считали их отдельными движениями, в то же время подчёркивая идеологическую и генетическую связь. Они полагали, что группы Истинно-Православных Христиан появились впервые только в годы Великой Отечественной войны – сначала в Рязанской, Воронежской, Липецкой, а с 1947 года и в Тамбовской областях в среде крестьян-единоличников. А.И. Клибанов писал, что «на позднем этапе существования ИПЦ из неё выделилось течение Истинно-Православных христиан, и оно в религиозном наследии ликвидированного класса кулачества почерпнуло больше, нежели в идеологии Тухоновщины-буевщины»[54]. То есть отмечалось, что у истоков будто бы возникшего нового движения стоят помимо ИПЦ и катакомбные группы 1930-х гг. Указывалось также на параллельное существование Истинно-Православных христиан и ИПЦ в 1940–1960-е гг.[55]

А.Клибанов, З.Никольская и Л.Митрохин сделали свои выводы только на материале одного своеобразного локального региона и поэтому в них вкрались ошибки. Дело в том, что в Центральном Черноземье в конце 1920-х–1930-х гг. среди Истинно-Православных полностью доминировали иосифляне-«буевцы». Группы же

Истинно-Православных христиан в этот период были немногочисленны и имели очень ограниченное количество священнослужителей. Когда же в 1940-е гг. начался значительный рост этих групп, в том числе и за счёт бывших «буевцев», то у части советских исследований сложилось неверное представление, что родилось новое движение. В других регионах – например, на Урале, в Башкирии, где влияние иосифлян почти не ощущалось, и большая часть катакомбного духовенства ещё в 1930-е гг. принадлежала к Истинно-Православным христианам, существовала другая ситуация. На материале большинства республик и областей СССР сделать вывод о рождении в период Великой Отечественной войны внецерковного Православного движения было бы невозможно.

Иосифлянские общины, после окончания войны окончательно влившиеся в Катакомбную Церковь, существовавшую до того уже более двух десятилетий, постепенно всё более теряли свою обособленность. Все былые разногласия со временем сглаживались, исчезали. Ещё в 1937 году был расстрелян в Магнитогорской тюрьме Патриарший Местоблюститель митрополит Пётр (Полянский), и вопрос о признании его главой Церкви стал абстрактным. Ушли из жизни в 1930-е гг. основные руководители иосифлян. Законная деятельность стала полностью невозможной и соответственно ужесточилась и позиция последователей ИПЦ по отношению к выполнению государственных законов, к Московской Патриархии, храмы которой стали называть «капищами антихриста». Хотя бывшие иосифляне никогда не доходили до таких крайностей, как значительная часть Истинно-Православных христиан: «молчальничество», принятие обета безбрачия, отказ от употребления в пищу еды, изготовленной после 1959 года и т.п.

В Патриаршую Церковь после окончания Великой Отечественной войны вернулась не только часть иосифлян, но и большинство «непоминающих». Существенную роль здесь сыграла позиция имевшего значительный авторитет среди катакомбников епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). В 1955 году в письме к духовной дочери он так вспоминал события десятилетней давности: «... когда в 1945 году, будучи в заключении (в Мариинских лагерях), я и бывшие со мною иереи, непоминавшие митр. Сергия, узнали об избрании и настоловании Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что так

как кроме Патриарха Алексия, признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного первоиерарха Русской Поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя Патриарха Алексия как Патриарха нашего, что я и делаю неопустительно с того дня»[56]. Эта группа священнослужителей послала первоиерарху поздравительное письмо с просьбой принять их в общение. Епископ Афанасий написал также окружное послание в катакомбные общины и скиты с призывом «вернуться в лоно» Патриаршей Церкви. Кроме того в Марте 1945 года владыка обратился к Патриарху с прошением возбудить ходатайство перед правительственными органами о замене ему пребывания в лагере заключением в одну из московских тюрем с предоставлением возможности работать там с Богослужебными книгами. Правда, ответа он не получил, 30 Августа 1946 года он был вновь арестован в лагере и отправлен отбывать срок в Мордовию. Вышел епископ Афанасий на свободу только 18 Мая 1954 года[57].

Во второй половине 1940-х гг. в «катакомбах» остались в основном Истинно-Православные христиане и часть ИПЦ. Хотя имелось и относительно небольшое количество тех, кто стал возносить молитвы за Патриарха Алексия, продолжая находиться на тайном положении. Один из таких архиереев – епископ Пётр основал к концу войны тайный монастырь с 300 насельниками на Тянь-Шане. В 1951 году монастырь был обнаружен с вертолёта и все его обитатели арестованы[58]. В целом же численность катакомбников существенно уменьшилась. Уже 14 Февраля 1947 года Г.Карпов в итоговом отчёте ЦК ВКП(б) за 1946 год с удовлетворением писал, что внутренняя работа «способствовала сокращению роста церковного подполья в стране»[59].

Однако в первые послевоенные годы в ряде районов страны деятельность подпольных общин продолжала оставаться заметным явлением. Об этом можно судить по официальной церковной печати. Так, в Январском 1948 года номере «Журнала Московской Патриархии» отмечалось, что в Краснодарской епархии Православные скорбят « под натиском агитации баптистов и всяких подпольных антипатриарших агитаторов: иовцев, соляновцев (выродившихся из секты имяславцев) и других сектантов»[60]. А в речи 1948 года епископа Тамбовского и Мичуринского Иоасафа говорилось: «Радость моя омрачена тем, что среди вас есть люди, которые называют себя христианами, на деле не являют-

ся ими. Эти люди – сектанты и так называемые самосвяты, они отрицают храм Божий, не признают его и даже глумятся над этой святыней... Только себя они считают Православными христианами»[61]. Представители Московской Патриархии сознательно смешивали деятельность сектантов и катакомбников, чтобы подчеркнуть «каноническую независимость» своих противников.

Эмигрантские историки того времени сообщали самые противоречивые сведения о тайной церковной жизни в СССР. В.И. Алексеев, например, писал, что в Катакомбной Церкви по одним сведениям 30 епископов, а по другим даже 100[62]. Это чистая фантазия. Гораздо более близок к истине И.Андреев. Он указывал, что до Зарубежья дошли сведения о деятельности свыше 10 тайных епископов. Священников же явно не хватало. Их недостаток восполнялся главным образом многими тайными монахинями и мірянами, «совершающими чтение акафистов или общие групповые моления, именуемые «собрания на свещу». Таких мірян называли «подпасками». «Из-за недостатка пастырей, эти «подпаски», которые имеются повсюду, являются стержнем церковного народа Катакомбной Церкви. «Подпаски» же большей частью хранят на домах и Св.Дары, получаемые с большим трудом и величайшей осторожностью при редких общениях с тайными пастырями»[63]. Крупнейший же эмигрантский церковный историк 1950–1960-х гг. Д.В. Константинов пришёл к следующему выводу: «... Военный период, вернее период после поворота политики власти, характерен сокращением явлений в духе Катакомбной Церкви и всех вообще форм тайной церковной деятельности. Если этих целей добивалась также советская власть, вводя «церковный НЭП», то надо сказать, что результаты в данном смысле получились совершенно определённые»[64].

Ставшие доступными в последние годы документы свидетельствуют о том, что проблема Катакомбной Церкви во второй половине 1940-х гг. продолжала оставаться достаточно острой. В справке отдела пропаганды и агитации Воронежского обкома ВКП(б) от 9 Апреля 1948 года, составленной в ответ на специальный запрос соответствующего управления ЦК, сообщалось: «Наряду с официально действующими Православными церквами в области существует большое количество тайных групп верующих Православного толка, из которых наиболее распространёнными течениями являются «Истинно-Православные христиане» ... «Истинно-Православные христиане» исповедуют Православную веру, но не

признают ныне действующих церквей, как связанных с «безбожной Советской властью и коммунистами». Основные кадры «Истинно-Православных христиан» состоят в основном из бывших монашек, монахов, черничек и религиозно настроенных бывших кулаков... За 1947 год и 3 месяца 1948 года Управлением МГБ вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп «Истинно-Православных христиан» с общим количеством арестованных 50 человек... Члены группы «Истинно-Православных христиан» систематически участвовали в тайных сборищах, где наряду с молениями, обсуждались вопросы форм ведения антисоветской деятельности среди населения. Распространялись провокационные слухи о якобы скорой войне СССР с Америкой и другими капиталистическими странами и гибели в этой войне Советского Союза. В период выборов в Верховные органы Советской власти призывали население не участвовать в них, не работать в колхозах, отказываться от уплаты налогов и госплатежей. Вели работу по вовлечению в антисоветские группы новых участников...» В документе говорилось о том, что в Воронеже и Воронцовском районе было выявлено несколько групп иоаннитов, численностью 70–80 человек. Через своих «курьеров» они поддерживали связь с «единомышленниками» ряда городов СССР: Новгорода, Калинина, Харькова и др.[65]

Аналогичные справки поступали и из ряда других районов страны: в Витебской области существовало 11 подпольных религиозных групп, в Пензенской – во многих сёлах незарегистрированные священники проводили службы в частных домах и т.д. А в Рязанской области на 1 Января 1948 года специальная проверка выявила действующие тайные молитвенные дома в 189 населённых пунктах, в том числе в городах Михайлов, Скопин и Касимов. Почти каждый из них обслуживал свой причт: архимандриты Андрей (Исаев), Гавриил (Хитров), Паисий, игумены Иоасаф, Паисий (Рожков) и др. Причём, в 91 из этих населённых пунктов верующие не подавали ходатайств об открытии в ней церкви[66].

Насильственное переселение в 1944 году более полутора тысяч Истинно-Православных христиан в Западную Сибирь и Алтайский край способствовали созданию и там крупных очагов Катакомбной Церкви. В докладной записке Управления МГБ по Алтайскому краю от 6 Апреля 1948 года указывалось: «Имеется некоторая часть Православных верующих, попавшая под влияние антисоветского элемента, которая бойкотирует вновь открытые

церкви, мотивируя тем, что в них совершается Богослужение за Советскую власть... Верующая, проживающая в Змеиногорском районе, заявила так: «Священники в этих церквах поставлены из партии, под ризой у них медали, службу они ведут сокращённо, не так как раньше была служба, они обновленцы, поэтому в церковь ходить никогда не надо, надо избегать этой церкви, крестики покупать также не надо, т.к. на них находили серп и молот, колоски, пятиконечную звезду и СССР...» В то же время деятельность Православных Церквей, молитвенных домов и тайных молитвенных сборищ резко сократилась. В 1946 году тайных групп церковников по краю насчитывалось 138, в то время как в настоящее время их имеется только 32. Резкое сокращение тайных групп произошло в результате проведения профилактических мероприятий со стороны МГБ...» Но и оставшие 32 группы Истинно-Православных христиан объединяли 1500 верующих. Кроме того в краю активно действовали Истинно-Православные христиане странствующие (ИС) – катакомбная ветвь старообрядцев, в том числе единоверцев, параллельная Истинно-Православным христианам[67].

Во второй половине 1948–1949 гг. ситуация ещё более осложнилась. В связи с новым изменением государственной церковной политики в худшую сторону, прекращением открытия храмов произошёл определённый «рост рядов» Катакомбной Церкви. 5 Августа 1948 года Г.Карпов писал в Совет Министров СССР, что Совет по делам РПЦ «находит нужным совместно с МГБ и МВД СССР разработать мероприятия по ликвидации всякого рода тайных отправлений религиозных служб и обрядов и тайных молитвенных домов». Карпов ссылался на большие масштабы подобной деятельности и указывал, что в Рязанской области при 86 официально действующих церквах в 193 населённых пунктах проводят службы незарегистрированные священники. Начальник Управления МГБ по Тульской области в Ноябре 1948 года сообщал об активизации в последнее время церковных нелегалов, бродячих монахов, отмечая деятельность 30 Православных священников не признающих Московскую Патриархию. В Гомельской области в 1949 году тайно служили 4 таких священника и т.д.[68]

25 Апреля 1949 года встревоженный Г.Карпов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову специальную секретную информационную записку «О религиозных пережитках, выража-

ющихся в исполнении обрядов и массовых молений по тайной (не стоящей на регистрации) церкви, и о лицах занимающихся тайной церковной деятельностью». В ней подчёркивалось: «Деятельность в течении многих лет таких тайных молитвенных домов, пещер, тайных избушек и т.п. представляют собой крайне политически вредные явления, т.к. организаторы этих молитвенных домов и их священнослужители нередко имеют благодатную почву для своей деятельности, а местные органы, в том числе и административные, не знают как с ними бороться». Борьба сильно затруднялась сложностью выявления тайных общин. Г.Карпов писал, что подавляющее большинство их существует на территории РСФСР. Так, в Рязанской области было выявлено 174 тайных молитвенных дома, Горьковской – 47, в г.Бугульме Татарской АССР – 3 и т.д. В другом документе Совета по делам РПЦ указывалось, что если в 1948 году в Рязанской области действовало 175 незарегистрированных молитвенных домов, то в 1949-м – уже 190, причём в них служило около 200 священнослужителей [69].

Особенно сильной активизация катакомбников в конце 1940-х гг. проявилась в областях Центрального Черноземья, прежде всего в Тамбовской. Некоторые советские историки считают её третьей, последней волной оживления Истинно-Православных христиан, новым этапом, характеризующимся усилением проповеднической деятельности и заметным ростом групп Истинно-Православных христиан[70]. Другие – А.Клибанов, З.Никольская, Л.Митрофин – оценивают это, как рождение движения Истинно-Православных христиан. Успеху агитации катакомбников способствовала высокая доля единомышленников среди сельского населения Тамбовской области – 10-15%, а также их лучшее по сравнению с колхозниками экономическое положение. В 1947–1948 гг. на Тамбовщине сложились 3 основных очага деятельности Истинно-Православных христиан в 13-ти, в основном, северных районах. На первом этапе большинство руководителей являлось выходцами из Липецкой области: В.Титов, П.Мордасов, П.Половинкин, Е.Прибытков и других священнослужителей было очень мало, и в качестве пастырей выдвинулись «проповедники» и «старшие братья по Духу», странствовавшие по области. Группы Истинно-Православных христиан включали в себя как правило жителей одного населённого пункта и состояли из 10-15 человек. Во главе их находились «старший брат» или «старшая

сестра» (только в 2 случаях). Общим руководителем Истинно-Православных Тамбовской и Липецкой областей считался В.Д. Титов, от которого исходила большая часть обращений и воззваний, широко расходившихся в списках. Но в его «Беседах о разных вопросах к сомневающимся на пути спасения» подчёркивалось: «Мы получили слова наставления от наших пастырей... Слово-проповедь было сказано во храмах ко христианам из уст епископа Уара и архимандрита Митрофана»[71].

Существенной особенностью тамбовских Истинно-Православных христиан являлось присутствие в их составе значительного количества молодёжи. Так, в Мичуринском районе в конце 1940-х гг. из 83 руководителей 53% были младше 30 лет, а старше 50-ти – 14,5%. В 7 районах области возникли так называемые группы «юношей» – в основном из детей Истинно-Православных или сочувствовавших им единомышленников. На них «проповедниками» возлагалась пророческая миссия, изложенная в «Новом Завете»: «И будет в последние дни... пророчествовать сыны ваши и дочери ваши и юноши будут видеть видения...»[72]. Молодые Истинно-Православные христиане, по свидетельству советских исследователей, являлись даже более нетерпимыми к установившимся в обществе порядками, чем большинство старых. Часть из них приняла обет безбрачия. Во многих отношениях они пересматривали прежнюю умеренную политику и в некоторых смешанных по возрасту группах брали на себя руководство. А.Демьянов отмечал, что если в 1930-е гг. считалось грехом участие только в колхозном производстве, то в 1940–1950-е гг. – во всех государственных предприятиях и учреждениях. До войны детям Истинно-Православных разрешалось учиться до 4 класса, а в послевоенное время в большей части семей учёба в школе запрещалась полностью. На этой почве возникли конфликты радикальных и более умеренных катакомбников, приведших к расколу некоторых групп[73]. Несомненно, что здесь советские авторы описывали процесс трансформации части иосифлян-«буевцев» в Истинно-Православных христиан и радикализации их взглядов под влиянием молодёжи принявшей традиционную идеологию Истинно-Православных христиан, относительно мало распространённую в 1930-е гг. в Тамбовской области. Высокая доля молодых людей среди Истинно-Православных христиан – от 30 до 60% существовала в конце 1940-х гг. и в других районах Центрального Черноземья. Так, в Липецкой области из 288 обследованных

катакомбников 116 – 40,5% были моложе 30 лет. А.Клибанов признавал: «Молодёжь составила весьма деятельную организаторскую и проповедническую силу Истинно-Православных христиан в Тамбовской и Воронежской областях»[74].

Местом общения Истинно-Православных христиан служили «святые источники», которых в Центральном Черноземье имелось около 80-ти: «Мамонтово озеро», «Источник и камень святого старца Симеона» и др. Источник «Трёх дубов» в с.Горелое Тамбовской области даже постепенно приобрёл значение постоянно функционирующего «храма». Здесь развесили иконы, а на время Богослужений устанавливалась деревянная разборная церковь. Отношение к местным властям было, как правило, враждебным, порой дело доходило до вооружённых конфликтов. Так, в 1949 году руководитель Истинно-Православных христиан в с.Устье Мичуринского района Силаев организовал покушение на председателя сельсовета, а 30 Августа 1953 года в с.Стаево произошло кровопролитное столкновение с группой В.Ряховских, в результате которого было сожжено 14 домов, убито и тяжело ранено 6 человек. Общая численность Истинно-Православных христиан Тамбовской области в конце 1940-х гг. по оценке советских исследователей составляла 1 тыс. человек, а в Центральном Черноземье около 3 тысяч. Эти цифры вероятно занижены во много раз, но можно в основном согласиться с мнением З.Никольской, что в начале 1950-х гг. количество Истинно-Православных христиан на Тамбовщине сократилось наполовину[75].

Дело в том, что в 1950–1953 гг. по всей стране прокатилась вторая после 1943–1946 гг. волна ожесточённых гонений на Катакомбную Церковь, затихнувшая со смертью Сталина. Только в Ноябре 1950 года Военные Трибуналы войск МВД осудили несколько десятков Истинно-Православных христиан: группу в Ярославской, 10 человек в Тамбовской и группу в Рязанской областях, причём в ходе операции по аресту членов последней группы было убито двое её руководителей[76]. Весной-летом 1951 года в Рязанской области специальную проверку провёл совет по делам РПЦ. В его итоговой докладной записке отмечалось, что количество выявленных тайных молитвенных домов сократилось по сравнению с 1949 годом в два с половиной раза: со 109 до 120 в 1950 году и 77 (с 77 незарегистрированными священнослужителями) на 1 Апреля 1951 года[77].

В Костромской области 27 Марта был арестован упоминавшийся священник Ф.А. Смирнов, в 1945 году освобождённый досрочно по болезни. Свящ. А.Артамонов дал на него следующие показания: «Смирнов убеждённый церковник-фанатик. Постоянного места жительства не имеет, ведёт бродячий образ жизни, всё время ходит по селениям Бертского, Ореховского и др.районов, он мне отвечал так: «По специальности фельдшера работать не буду, потому что не доверяю советской власти, снова подберут материал и попаду в лагерь. Служить в Церковь тоже не пойду, потому что не доверяю архиерею, он идёт вместе с советской властью и тоже через него могу попасть в лагерь...» В заключение можно добавить, что Смирнов среди церковников гор.Буй пользуется авторитетом...» 18 Октября арестованного приговорили к 10 годам лагерей. Одновременно по показаниям Артамонова было заведено дело 14 членов тайной женской монашеской общины[78] и т.п.

Но полностью искоренить катакомбников оказалось невозможно. Так, например, в начале 1953 года Советом по делам РПЦ отмечалась активная деятельность Истинно-Православных христиан в 4 районах Марийской АССР: «Тухоновцы – противники Советской власти, они не идут в колхозы, противятся всем новшествам, уклоняются от проведения выборов в Советы, уклоняются от переписи населения, учётов и др.»[79] А в Мартовской докладной записке Н.С. Хрущеву от заведующего отдела пропаганды и агитации и отдела науки и культуры ЦК КПСС подчёркивалось существование «большого количества бродячих (незарегистрированных) попов», сотни которых были выявлены в 1953 году[80]. Правда, подобных документов немного.

Новая активизация деятельности Катакомбной Церкви началась с середины 1950-х гг. Из лагерей оказались выпущены сотни, возможно тысячи её священнослужителей и проповедников-мірян, составлявшие значительную часть «узников за веру». Например, епископ Мануил (Лемешевский), освобождённый 7 Декабря 1955 года из лагеря Мордовской АССР, писал протопресвитеру Н.Колчицкому: «Сколько оскорблений от верующих выслушал я в последних Темниковских лагерях за то, что я подчинялся «коммунистическому советскому Патриарху», что я оставался верен ему и не ушёл в оппозицию»[81]. Епископ Афанасий (Сахаров) 2 Апреля 1955 года в письме Патриарху также отмечал: «Во время нахождения моего в заключении мне нередко приходилось встречаться и с

иереями и с мірянами, которые, ревнуя о чистоте веры, имели, как я считаю, ревность не по разуму. Такие ревнители, даже весьма благожелательно относившиеся ко мне, не принимали у меня благословения и не хотели быть со мной в молитвенном общении, как с епископом, возносившим на молитве имя Вашего Святейшества»[82].

Известны имена многих священнослужителей катакомбников, освобождённых в середине 1950-х гг. В 1956 году вышел на свободу иеромонах Тимофей (Несговоров), принявший монашеский постриг от андреевца схиепископа Петра (Ладыгина), скончавшегося 7 Февраля 1957 года в г.Глазове. О.Тимофей, разъезжая по России, обслуживал тайные общины до своей смерти в 1975 году. В 1955 году был выпущен из лагеря иеромонах Игнатий. Он стал служить тайно в Воронежской области, позднее его присоединил к своей епархии архиепископ Чилийский Леонтий. В Центральной части России обслуживал катакомбников и иеромонах Виссарион (Марков), освобождённый в 1956 году из Темниковских лагерей. Скончался он в 1979 году в г.Тамбове. В Сибири стали служить иеромонахи Сим и Александр, в Сумской и Харьковской областях иеромонах Назарий. Епископ Читинский и Забайкальский Даниил (Шестенников), вышедший на свободу ещё в конце 1953 года тайно поселился в Барнауле[83]. Упоминавшиеся монахи тайного Тянь-Шаньского монастыря, освобождённые в 1956 году, основали новую обитель в одном из кавказских ущелий. В нём поминали Патриарха Алексия, но официально монастырь не существовал[84].

Примерно с 1957 года доклады КГБ, партийных и государственных органов вновь запестрели сведениями о тайной деятельности Истинно-Православных. В Ноябре все ЦК компартий республик СССР прислали заведующему сектором агитации К.У. Черненко отчёты о состоянии религиозной жизни в их регионах. В них говорилось о существовании катакомбников. Например, в отчёте Казахстанского ЦК сообщалось о том, что вблизи г.Темиртау «образовался целый посёлок фанатиков Истинно-Православных христиан». В нём живут исключительно верующие, мужчины не стригутся и не бреются, женщины носят только длинные чёрные платья. «Газеты и книги не читают, в общественной жизни никто не участвует, детей в школе не учат, в выборах не участвуют, отказываются служить в Армии»[85]. 25 Ноября 1957 года

справку об активизации религиозных объединений и групп на территории СССР К.Черненко прислал и председатель Совета по делам религиозных культов А.Пузин. Он подчёркивал, что отколовшиеся от Русской Церкви, не признавшие советскую власть группы Истинно-Православных христиан имеются в Черниговской, Харьковской, Тамбовской и некоторых других областях[86].

20 Августа 1961 года КГБ направил в ЦК КПСС докладную записку об «изуверской деятельности церковников», предлагая активизировать борьбу с ней. В этом документе шла речь о иоаннитах, последователях ИПЦ, Истинно-Православных христиан и Истинно-Православных христиан странствующих, приводились многочисленные факты. Так, в г.Мариинске Кемеровской области в 1961 году было обнаружено несколько тайников на чердаках и в подвалах, в одном из них 3–4 года жили 3 молодые девушки. В Винницкой области долго действовали иоанниты, существовал тайный монастырь, насельницами которого являлись и 2 школьницы. Истинно-Православные христиане особенную активность проявляли в Полтавской области и Алтайском крае[87].

10 Ноября 1963 года председатель КГБ В.Семичастный отослал в ЦК КПСС ещё одну подобную справку с информацией о том, что в 1961–1962 гг. на территории Ивановской, Кемеровской, Пермской, Новосибирской, Челябинской области и Казахстана стали появляться представители Истинно-Православных христиан, в ряде случаев создавшие подполье. В с.Ногино Ивановской области они распространяли антисоветские письма среди населения, в пос.Тюлькубас под Чимкентом организовали «школу» по подготовке проповедников из молодёжи, в ней 2 монахини обучали 6 девушек-послушниц 18–28 лет. Деятельность ИПЦ также в основном носила «антиобщественный характер подполья», иногда перерастая в открыто враждебную властям : проповедник Котов во Владимірской и Горьковской областях распространял антисоветские листовки. А член его группы Зубков в ночь с 5 на 6 Ноября 1961 года повредил три памятника В.Ленина. В пос.Шексна Вологодской области существовала тайная молодёжная группа ИПЦ, и в Марте 1963 года там отказалось от участия в выборах в органы власти более 20 человек, в том числе депутат Никольского сельсовета[88]. Наконец, в ещё одной справке КГБ «о враждебных проявлениях» сект в Центральной Азии от 29 Января 1964 года сообщалось, что в Киргизии этой «враждебной работой» активно занималась тайная группа Истин-

но-Православных христиан, имевшая специальные схороны и тайники. Арестом руководителей и специальными профилактическими мерами её деятельность удалось прекратить[89].

Как-будто «прорвало» и советскую печать, в 1940–середине 1950-х гг. полностью замалчивавшей существование Катакомбной Церкви. Теперь эта тема, в свете набиравшей силу антирелигиозной пропагандистской компании, «стала дозволенной». И только за 1959 год в центральных и местных газетах и журналах появилось несколько десятков статей и заметок о деятельности Истинно-Православных христиан в Сумской, Кировской, Луганской, Воронежской, Саратовской областях, Мордовской АССР, городах Чимкенте, Алма-Ате, Чебоксарах, Черепаново, Воскресенске, посёлках и деревнях Лысманово, Четраново, Ковылкино, Жилино и т.д.[90] Часто публиковалась информация и об иоаннитах. В нескольких Декабрьских номерах газеты «Правда Украины» за 1959 год рассказывалось об их группе в с.Оситняжке Черкасской области, члены которой возносили моления «о царственном доме Романовых». О другом «иоаннитском гнезде», обнаруженном в Новосибирске, сообщала газета «Советская Сибирь». Руководитель этой группы Д.Кибаев организовал странствия последователей для «распространения учения Иоанна Кронштадтского»[91]. Когда в 1962 году сотрудники Музея истории религии и атеизма по заданию Ленинградского обкома КПСС изучали религиозную жизнь Гатчинского района, они выявили не только несколько тайных молитвенных домов, но и ряд групп иоаннитов[92].

Интересная, хотя и тенденциозная информация содержится в книге Ю.В. Гагарина о «религиозных пережитках» в Коми АССР в 1960-е гг. В ней говорится о 6 общинах Истинно-Православных христиан в различных населённых пунктах республики. Три из них – в городах Ухте, Воркуте и Инте сформировались в конце 1940-х–начале 1950-х гг. из приезжего населения (в основном ссыльных и арестантов), а также вовлечённых в «секту» Православных. Группа в Сыктывкаре и пригородной деревне Чит сложилась в конце 1940-х гг. из местных жителей на «базе осколков ИПЦ». Кроме того в середине 1950-х гг. освобождённые из лагеря проповедники В.И. Гачев и В.Е. Колесниченко организовали общины Истинно-Православных христиан в с.Керчемье и пос. Вой-Вож. Общая численность выявленных Истинно-Православных в 1958 году составляла 133 человека. У них уже не имелось своих свя-

щенников. Считалось, что общение с Богом может происходить или непосредственно или через так называемых «божьих людей» – проповедников, культ которых был очень развит. Кроме Истинно-Православных христиан в республике определённое распространение имели местная тайная разновидность Православия среди народа коми (бурсьылысь) и старообрядческие Истинно-Православные христиане странствующие[93].

В 1959–1961 гг. несколько экспедиций в Тамбовскую, Липецкую и Рязанскую области организовал Институт истории Академии Наук СССР. Они собрали богатейший, частично опубликованный материал о деятельности Истинно-Православных христиан. Выяснилось, что в Центральном Черноземье она в середине 1950-х гг. вновь заметно активизировалась. Сказалось временное прекращение гонений, возвращение из лагерей части арестованных ранее проповедников – В.Умрихина, Г.Дьячкова и др. Правда, агитация Истинно-Православных христиан среди других слоёв населения уже почти не проводилась и численность Истинно-Православных фактически не росла. Показательно, что если в конце 1940-х гг. властям были известны их группы в 13 районах Тамбовской области, то в конце 1950-х гг. только 9. Произошло определённое расслоение Истинно-Православных христиан. Почти все они являлись единоличниками и испытывали сильные материальные лишения: платили двухкратные налоги, были обязаны участвовать в аварийных работах, им не выделяли земли под огороды и до 1960-х гг. даже не продавали хлеба в сельпо. Угнетающе действовало и многолетнее отсутствие священнослужителей в большинстве общин. В результате у части Истинно-Православных христиан ослабевает система запретов по отношению к міру, вплоть до разрешения верующим поступать на временную работу в колхозы. В одной из письменных проповедей 1950-х гг. говорилось: «Возлюбленная семья во Христе, раньше в слове наставления никому совета не давали, чтобы идти временно в колхозе работать, потому что мы без колхозного двора могли находить себе работу и питание доставляли свободно, теперь такой совет мы даём»[94]. Изменилось отношение и к действующим храмам Московской Патриархии. Рязанская экспедиция 1961 года выявила появление новой тенденции посещения многими катакомбниками церквей, «истинность» которых по-прежнему отвергалась, в дни Пасхи, Рождества, Троицы[95].

В то же время другая часть Истинно-Православных христиан встала на путь дальнейшего углубления отчуждения от «міра», проповеди аскетизма, вплоть до половых запретов. С 1955 года на широкие слои участников движения распространилось требование целибата (безбрачия), а на семейные пары – запрещение деторождения. Как следствие, резко упала рождаемость. Объявлялось о близком конце света и несколько раз назначались его даты. Этому способствовали серьёзные волнения на почве отказа от паспортов при «хрущёвской паспортизации» деревни. Провозглашённый в 1959 году семилетний план, сопровождавшийся новым наступлением на Церковь, был расценен некоторыми Истинно-Православными христианами как начало правления антихриста перед страшным судом. В следствие этого произошло образование нескольких новых, относительно небольших, но крайне радикальных групп.

В 1959 году в Сосновском и Старо-Юрьевском районах Тамбовской области появились *седминцы*. Их проповедники – А.Мерзляков, А.Пенятин, О.Мерзлякова объявили, что библейская седмица, в которую надлежит свершиться всему, предсказанному Иисусом Христом, началась со Всесоюзной переписи населения и семилетнего плана развития народного хозяйства и должна закончиться в 1965 году, когда и произойдёт конец света. Всех верующих, прошедших перепись и не вышедших из колхозов до 1959 года они называли обречёнными на верную гибель. На этой основе седминцы порвали с основной, более умеренной частью Истинно-Православных христиан. В результате агитации их группы выросли в 23 раза. Был объявлен запрет на все промышленные и продовольственные товары, произведённые после 1959 года, в том числе выращенные на личных участках. Некоторое время седминцы питались только едой заготовленной до переписи населения или собранными грибами и ягодами. Самые истовые замучили себя голодом до смерти, большая часть порвала с ними после 1965 года, убедившись, что предсказанное не сбылось[96].

Ещё более ярко отчуждение от «міра» и крайний аскетизм проявлялись в деятельности движения *молчальников*, отказавшихся от общения с окружающим міром во имя спасения таким образом в загробной жизни. Молчальничество было основано в 1955 году в Сосновском районе Тамбовской области Л.Кисляковой. Её ближайшими помощниками стали вернувшиеся из заклю-

чения «активисты» Истинно-Православных христиан. В 1956–1957 гг. движение распространилось на 4 района области, число его участников равнялось 137, из них 30% составляли мужчины. Многие принявшие обет молчания жили в крайней нищете. Местные власти почти сразу же развернули активную борьбу с членами группы. Через народные суды они лишались родительских прав, дети отбирались и помещались в детдома. С 1958 года за каждой семьёй молчальников были закреплены агитаторы. Колхозы и сельсоветы северо-восточной части Тамбовщины создали специальный фонд для оказания материальной поддержки «одураченным вожаками». Л.Кислякову ещё в 1957 году отправили в психиатрическую больницу, лишив этим молчальников их главной руководительницы. В результате в начале 1970-х гг. осталось только 37 членов движения[97].

Таким образом, некоторые группы Истинно-Православных христиан приобрели отдельные внешние черты сект. Порой заменившим священников проповедникам из среды мірян в сознании верующих придавались черты новых святых. В конце 1950-х гг. ещё сохранилось прежнее деление Истинно-Православных христиан на *«духовников»* (около 30%), которые считали возможным перевоплощение Бога в человека и традиционалистов или *«книжников»* (остальные 70%) . Правда большинство групп «духовников» 1930-х гг. уже распалось – *чердашники, елоховцы, стефановцы,* и др. Однако в Центральном Черноземье ещё оставались *фёдоровцы и николаевцы*, или как их называли в Мордовской АССР «верноподданные Николая II». Кроме того, в восточные районы СССР и Центральную Россию пришло учение *міхайловцев* – последователей иеромонаха Міхаила (Ершова), в 1950-е гг. странствовавшего под видом самого Христа по Татарии, Куйбышевской и другим областям Поволжья и Прикамья[98].

Иеромонах Міхаил был одним из самых выдающихся деятелей Катакомбной Церкви. Впервые арестованный в 1931 году он в общей сложности около 40 лет провёл в тюрьмах и лагерях. В 1958 году на специальном судебном процессе над большой группой міхайловцев Ершов был приговорён к 25 годам лишения свободы. Умер он 14 Июня 1974 года в лагерной больнице. Предсмертное завещание о.Міхаила удалось передать на волю, и его напечатали в нескольких эмигрантских изданиях. В 1958 году у Ершова было 12 основных учеников (по числу Апостолов). Одним

из них являлся широко известный в Русской эмиграции Василий Калинин, ещё в 1930-е годы проповедовавший в кубанских сёлах о пришествии антихриста. В 1958 году он вместе с иеромонахом Міхаилом оказался приговорён к 25 годам заключения и до 1980-х гг. отбывал срок в мордовских лагерях. Один из узников этих лагерей вспоминал: «Множество ещё было и Истинно-Православных проповедников, из которых двое незабываемы: Иван Кривущёв и Василий Калинин. Не признавали они этой сатанинской власти и скрывать того не желали, но напротив: ходили вдоль по Волге и от села к селу несли весть о том, что спасение міру придёт только от борьбы с большевистским дьяволом, они призывали людей не работать на большевиков, уходить в леса, не служить в красной армии, не читать газет и книг сатанинских, ибо через них, кино и радио «большой соблазн приходит». Кривущёв получил свой последний 10-летний срок уже в восьмидесятилетнем возрасте. Калинин же не забывал при появлении любого чекиста или простого надзирателя осенять всё вокруг себя крестным знамением и провозглашать: «Изыди, сатана! Сгинь большевистская скверна!» Он совершенно не желал разговаривать с советчиками и говорил: «Если бы все люди отвергали этих коммисаров, то они не продержались бы у власти и года»[99].

Ещё один ученик Ершова монах Филарет отошёл от него после встречи, устроенной ему в 1960-е гг. в Казанской тюрьме с местным епископом. Ставший духовным сыном монаха в мордовском лагере для политзаключённых, Е.Вагин вспоминал: «Власти, КГБ, естественно, заинтересованы в том, чтобы всякими средствами «расколоть» ИПЦ, побудить хотя бы некоторых принять сторону Московского Патриарха. Они обещают даже досрочное освобождение тем «катакомбным» христианам, которые откажутся от своих заблуждений». Отсидев 15 лет из 25-летнего срока о.Филарет в 1973 году был освобождён. Он начал считать, что можно посещать Богослужения у некоторых особенно благочестивых священников Патриархии, но прихожанином какого-либо официально действующего храма не стал[100].

В Центральном Черноземье в конце 1950-х гг. количество міхайловцев не превышало несколько сотен. Общую же численность Истинно-Православных христиан установить практически невозможно. А.И. Демьянов полагал, что в Тамбовской области

в это время имелось свыше тысячи активных приверженцев Истинного Православия. Но сам тут же писал, что их деятельность сказывалась на трудовой дисциплине, и весной 1959 года в одном только Сосновском районе за 3 дня религиозных праздников на работу не вышло 28.266 человек. А.И. Клибанов в 1970-е гг. отмечал, что в 1959 году на Тамбовщине Истинно-Православных христиан было больше, чем считали участники экспедиции Института истории, и объяснял эту ошибку трудностью выявления[101].

В целом в СССР в 1950–1960-е гг. существовало 5 основных районов деятельности Истинно-Православных христиан. Первый – Центральное Черноземье и прилегающие области Украины – Ворошиловградская, Харьковская, Сумская. Причём, Истинно-Православные западных районов Орловской, Курской, Белгородской областей тяготели к украинским, а верующие восточных районов находились под влиянием липецких, воронежских, тамбовских Истинно-Православных христиан. Постоянную связь с Центральным Черноземьем поддерживали катакомбники Ростовской области, Краснодарского края и Северного Кавказа. Третий очень крупный «очаг» Истинно-Православных христиан, имевший собственные традиции, существовал в Поволжье на территории простиравшейся от Чувашской АССР до Саратовской области включительно. Много Истинно-Православных проживало в Ивановской, Ярославской, Горьковской, Костромской областях – традиционных иосифлянских местах. Наконец, последний основной «очаг» возник в 1940-х гг. на востоке в результате массовых депортаций Истинно-Православных христиан в Алтайский край и соседние Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области, Красноярский край. Кроме того, имелись ещё 5 сравнительно небольших районов, где имелись общины Истинно-Православных христиан: Средняя Азия (Караганда, Чимкент, Ташкент), Коми АССР, Брянская область, Северо-Запад России (часть Ленинградской и Новгородской областей) и Кировская область. Отдельные группы Истинно-Православных существовали и в других регионах СССР.

На оживление деятельности Истинно-Православных христиан власти отреагировали новым, третьим по счёту в послевоенные годы «походом» на Катакомбную Церковь. Он продолжался с 1958 по 1964 год. Расстрелы уже не применялись, и самые су-

ровые меры наказания «ограничивались» почти пожизненными сроками заключения в концлагерях, психиатрических больницах и ссылками. Тогда же помимо 25-летних приговоров начали широко применяться и небольшие сроки лишения свободы, которые безконечно продлевались и таким образом люди попадали «за решётку» на десятилетия. Ещё в конце 1930-х гг. основным местом заключения верующих стали лагеря Мордовской АССР. Там нередко проводились и массовые расстрелы. В середине 1950-х гг. они опустели, но не надолго. Например, в 1950–60 гг. в специальный женский лагерь строгого режима в Мордовии было отправлено около 300 мірянок и монахинь как Катакомбной, так и Патриаршей Церквей (за сопротивление закрытию храмов). В 1977 году за границу попало письмо, рассказывавшее о женщинах, отбывавших в Мордовских лагерях длительные сроки заключения за то, что оставляли в храмах записки, в которых просили духовенство и самого Патриарха отказаться от сотрудничества с советской властью[102].

К середине 1960-х гг. в Мордовии ликвидировали специальную зону для верующих, но они стали содержаться в известной зоне политзаключённых на ст.Потьма. По свидетельству очевидцев, ещё в 1968 году из полутора тысяч узников 11-го лагерного отделения значительную часть составляли священнослужители и міряне всех конфессий, в том числе катакомбники, в основном, с 25-летними сроками заключения[103].

Сохранились и яркие воспоминания одного из церковных диссидентов о пребывании «узников за веру» в психиатрических больницах: «Позже, когда я был в Сычёвской спецпсихбольнице МВД, видел я там подвижников Православных.Особенно я запомнил о.Владиміра (Карманова) из Еревана. Более 10 лет продержали его в Сычёвске, но от веры он не отказался, хотя и сам Рыбкин – главный психиатр МВД приходил к нему в камеру и клялся словом коммуниста: «Откажись – тут же выпущу на волю без комиссии, я тебя сам вывезу». Но не отказался Карманов и поехал в Армению уже стариком, отсидев 20 лет по лагерям и сумасшедшим домам. Другой священник из Гжатска в Смоленской области о.Владимір (Соловьёв) молился горячо и неустанно круглые сутки и непременно выстаивал на коленях часами, не обращая внимание на насмешки, подзатыльники санитаров, удары больных фанатиков-атеистов. И сколько раз его избивали и над-

зиратели, и сам главный «врач» майор Лямец. Освободили его через 12 лет пребывания в Сычёвском аду и ещё продержали больше года в Гедеоновской областной психлечебнице. Там была большая скученность больных и у многих не было даже своей койки. Главврач сразу сказал Соловьёву: «Ты же святой, можешь и без постели». И так пролежал о.Владимір на полу, даже без матраца, более года. Отправили его после выписки не в родную деревню возле Гжатска, а в сибирскую психколонию для стариков, где и суждено ему умереть»[104].

В 1961 году преследования подпольных христиан были официально узаконены. В «Инструкции по применению законодательства о культах», утверждённой постановлением Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов от 16 Марта 1961 года говорилось: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, Истинно-Православные христиане, Истинно-Православная Церковь, адвентисты-реформаторы, мурашковцы и т.п.». В других документах в число запрещённых «сект» включались также некоторые относительно самостоятельные группы Истинно-Православных: молчальники, леонтьевцы, краснодраконовцы, иннокентьевцы, иоанниты и фёдоровцы. Самым непосредственным образом коснулись Истинно-Православных христиан, не имевших никаких документов и не работавших в государственной системе, и указ 1959 года о «закрытии святых мест», запрете паломничества, а также закон от 4 Мая 1961 года о тунеядстве[105].

В результате репрессий движение Истинно-Православных христиан вновь понесло большие потери и значительно сократилось численно. Однако Катакомбная Церковь в целом в конце 1950-х – начале 1960-х гг. многократно выросла. Когда в результате антирелигиозных гонений и закрытия множества храмов около 4 тысяч священников осталось без мест и регистрации, большинство из них не отказалось от сана, а продолжало обслуживать духовные нужды верующих тайно от гражданских властей. Снова значительная часть Патриаршей Церкви ушла в подполье.

Существуют многочисленные свидетельства этого процесса. Так, в книге Ю.В. Гагарина отмечалось, что в конце 1960-х гг. в Коми АССР помимо 3 групп Истинно-Православных христиан

существовало около 20 незарегестрированных Православных общин с «неофициальными священниками», лишёнными приходов. В г.Кентау (Казахстан) после закрытия храма верующие стали в частном порядке собираться для совершения Богослужений[106]. Впечатляющие результаты дал единовременный учёт религиозных объединений в СССР 1961 года. Он выявил 6486 функционирующих незарегистрированных «неправославных» объединений и групп, к которым были отнесены и некоторые Истинно-Православные христиане, например, 21 объединение иоаннитов, 15 – иннокентьевцев и т.п.[107]. В то же время оказалось, что существуют и сотни тайных Православных общин, которые не относятся к Истинно-Православным христианам или ИПЦ.

2 Ноября 1962 года Совет по делам РПЦ принял постановление, в котором указывалось, что при проведении единовременного учёта в ряде областей – Горьковской, Ульяновской, Оренбуржской, Пензенской, Куйбышевской, Калининской, Татарской АССР, Казахской ССР и др. регионах выявлено значительное количество незарегистрированных религиозных обществ и групп Русской Церкви, возглавляемых заштатным духовенством, монахами. «Гастролирующие попы» совершали систематические Богослужения в частных домах, под открытым небом и т.п. Уполномоченным поручалось внести в облисполкомы предложения по прекращению их деятельности[108]. Согласно сведениям Совета на 1 Июня 1962 года в автономных республиках РСФСР было 170 официально действующих приходов и 199 тайных, в том числе 167 в Татарии. В остальной части России наибольшее количество неофициальных общин приходилось на Горьковскую область: 136 тайных и 50 зарегистрированных, Ульяновскую – соответственно 95 и 15, Оренбуржскую – 64 и 16, Пензенскую – 52 и 29 и т.д. В целом по РСФСР было 684 тайных прихода[109]. В дальнейшем их количество увеличилось.

В последний период «хрущевских гонений» некоторые иерархи Патриархии – митрополиты Никодим (Ротов), Иоанн (Вендланд), Леонид (Поляков), архиепископы Ярославский Платон и Уфимский Анатолий, опасаясь, что «видимую Церковь», как в 1930-е гг., почти полностью уничтожат, начали рукополагать значительное количество тайных священников для «катакомб». Только митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим рукоположил 150 таких священников. Принимал участие в катакомбных

процессах и митрополит Антоний (Блюм), который дал согласие на просьбу группы тайных священнослужителей считать его своим епархиальным архиереем. Существуют даже свидетельства о случае поставления владыками Платоном, Анатолием и Иоанном тайного епископа[110].

Одним из подобных священнослужителей был скончавшийся в 1995 году московский протоиерей Глеб Каледа. Являясь доктором геологических наук, крупным специалистом в области литологии, он в начале 1960-х гг. начал работу «Библия и наука о сотворении міра», в которой говорилось об отсутствии принципиальных противоречий между Библией и научными представлениями о возникновении Вселенной. Вскоре Г.Каледа организовал тайный христианский кружок для обучения детей знакомых, просуществовавший до 1990-х гг. В 1972 году митрополит Иоанн (Вендланд) тайно рукоположил его во диакона, а затем пресвитера. С того дня о.Глеб регулярно совершал Евхаристию в своей домашней церкви. Только в 1990 году он по благословению Патриарха вышел на открытое служение[111].

Имеется значительное количество свидетельств и о том, что сотни тайных монахинь были пострижены зарегистрированными епископами и получили от них благословение жить общинами в квартирах и зарабатывать на жизнь работой в больницах, поскольку канон разрешает монахиням пропускать службу только ради оказания жизненно важной помощи или спасения жизни. Они остались в Патриаршей Церкви и посещали её храмы. Священник К., в 1970-е гг. тайно обслуживавший в качестве неофициального духовника больницу в крупном городе, говорил, что «даже служит там тайно литургии по субботам. На эти службы верующие нянечки приводят верующих пациентов, которым они доверяют. Приходят и многие врачи»[112]. Известная диссидентка Т.Горичева подтверждала, что «многие её друзья-женщины, молодые ленинградские интеллектуалки, приносили обеты правящему епископу Патриаршей Церкви жить по-монашески в міру в тайных монашеских общинах»[113].

Ликвидация в конце 1950-х – начале 1960-х гг. десятков монастырей и изгнание их насельников также способствовали образованию тайных скитов и монашеских общин, не порвавших с Патриаршей Церковью. По свидетельству архимандрита Міхаила, в конце 1970-х гг. проживавшего в Греции, а до этого пребы-

вавшего в тайных скитах Урала и Сибири, многие катакомбники, как и он, были лояльны Патриархии[114].

Существование «незаконно» действовавших Православных общин, поддерживавших канонические связи с Патриархатом, подтверждается и разницей между официальным и действительным отношением руководства Патриархии к подпольному Православию. Известно, что когда в 1950-х гг. митрополит Киевский Иоанн (Соколов) пожаловался Патриарху Алексию, что в его епархии много катакомбников, первосвятитель даже прослезился и сказал: «Да вы должны Бога благодарить, что их у вас так много, так много подлинных молитвенников перед Господом за грехи наши»[115].

Следует отметить, что в 1960-е гг., также как и в 1930-е, усиление гонений на религию сблизило все течения Православного христианства. Преследования, которым подвергалась Патриаршая Церковь, подняли её авторитет в глазах Истинно-Православных. Кроме того, теперь они составляли относительно небольшую часть подпольного Христианства. Основная же масса катакомбников уже не отрицала законности официальной иерархии и считала опасным полностью отрываться от неё при всех её недостатках. Эмигрантский историк Д.Константинов справедливо писал: «К 1966 году вся страна покрылась сетью тайных церковных и вообще религиозных ячеек... В этом отношении в последние годы стала стираться разница между тайной РПЦ и собственно Катакомбной Церковью существующей с 30-х годов. И та, и другая находились на тайном положении, жестоко преследуемые властью. Разница в их каноническом «кредо» в условиях ожесточённых гонений потеряла свою остроту, ибо общая опасность и общая беда всегда и всюду сближает людей, а особенно единоверцев»[116].

О начале процесса частичного взаимопроникновения традиционной Истинно-Православной Катакомбной и официальной Церквей свидетельствует письмо 1962 года одного из тайных епископов. Обращаясь к своей пастве, он писал: «...Времена изменились: наших храмов теперь в СССР нет. Можем ли мы, ушедшие в свои одинокие кельи и обретающие там всё, чем питали нас храмы, запрещать тысячам верующих, не имеющим такой возможности, искать утешения и духовной пищи в имеющихся храмах и осуждать их за то, что они ходят туда?... И я го-

ворю вам: если не имеете других путей принимать участие в Богослужении и приобщаться таинствам, если томит вас жажда Церковного единения и молитвы и если посещение храмов даёт вам это – то не смущаясь идите туда и не бойтесь, что это будет грехом... Если вам захочется более близкого общения, то советую, как я и раньше говорил вам, избирать для этого священнослужителей истинных и нелицемерных, а таковые в храмах существуют»[117].

Подобная двойственная точка зрения присутствует и в важном документе самиздата «Россия и Церковь сегодня», созданном в 1970 году анонимными членами Катакомбной Церкви. С одной стороны авторы проклинают Московскую Патриархию как нового Иуду, лобзанием предающего Иисуса, но с другой отводят ей и положительную роль в обществе. Признаётся, что в официальной Церкви есть приличные епископы, и «церковное сознание стремиться найти своих достойных выразителей среди высших иерархов». Отмечается также, что неофиты воцерковляются, ища крещения и духовного руководства у законно служащих священников, которые хотя и «проводят политику Патриархии, лояльной к государству, но, с другой стороны, подвергают себя всяческим опасностям... тайно помогая вести людей в Церковь, давая им религиозную литературу»[118].

Другим потверждением процесса являются два самиздатовских письма, адресованных Зарубежной Русской Православной Церкви – единственные «катакомбные» документы, где её Cvнод признаётся высшим церковным авторитетом. В одном из них, датированном 1966 годом Патриаршая и Зарубежная Церкви рассматриваются как единая Русская Церковь. Подписавшиеся говорят о Патриаршем епископате как о своём собственном, хотя и критикуют его за слабость в противостоянии атеистическому государству. Другое письмо, опубликованное в 1977 году превозносит эмигрантский Cvнод, но за этим следует утверждение, что между Зарубежной и Патриаршей Церквами существует только внешний разрыв[119].

В результате всех указанных причин в Катакомбной Церкви в 1960–1970-е гг. произошли качественные изменения, её своеобразное внутреннее перерождение. В 1980-е гг. внутри её существовало уже около 8 разных группировок, имевших иерархическое возглавление, а также некоторое количество священников,

живущих без связи с каким-либо епископом. Почти все эти течения не имели канонического общения между собой. Большинство из них начало оформляться только в 1960–1970-е гг. и не было непосредственно связано с Истинно-Православными довоенных и первых послевоенных лет. Различались указанные течения и по их отношению к Московской Патриархии – от признавания себя в её юрисдикции до полного отрицания таинств, совершаемых священнослужителями Патриаршей Церкви.

Доля же традиционных Истинно-Православных христиан в Катакомбной Церкви постоянно сокращалась. Шёл непрерывный процесс уменьшения их численности (во многом из-за резкого падения рождаемости) и старения. Хотя в конце 1964 года после прекращения антирелигиозных гонений часть «патриархийных катакомбников» вновь перешла на тайное положение, а деятельность Истинно-Православных христиан активизировалась. В докладе председателя Совета по делам религии В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 16 Июля 1969 года отмечалось: «Имеются факты, говорящие об оживлении деятельности секты Истинно-Православных христиан, которые в ряде случаев ведут себя открыто и нагло. Так, возвратившиеся из заключения руководители Истинно-Православных христиан в Мудьюге Архангельской обл., некие Барышевы, организовали групповые моления, на которых присутствовали верующие и из других областей. Один из Барышевых объявил себя Богом Саваофом, он провозгласил, что наступает конец света и призвал верующих выбросить на улицу и сжечь все документы, деньги, книги, что и было сделано. Фанатизм накалили до того, что даже продукты питания были выброшены на улицу. Доставленный в дежурное отделение милиции «Бог Саваоф» Барышев сорвал со стены портреты Маркса, Энгельса, Ленина и изорвал их в клочья»[120].

В начале 1970-х гг. развернулась очередная кампания борьбы с Истинно-Православными христианами. Она была не такой жестокой, как прежде, но достаточно масштабной. Современный катакомбный епископ Готовский Амвросий (Сиверс) даже считает, что эта кампания оказалась «весьма успешной»: «КГБ смог сформировать и упрочить всякие псевдо-«катакомбы», а также утвердить своих агентов в исторических общинах Истинно-Православных христиан». Причём они со временем сумели внести разделение в среду катакомбников»[121].

Исследования, которые проводили в 1970–1973 гг. и начале 1980-х гг. в Центральном Черноземье экспедиции под руководством А.И. Демьянова выявили раскол Истинно-Православных христиан на несколько толков и общее затухание движения с середины 1960-х гг. В то же время почти исчезли исторические группы – не удалось обнаружить иоаннитов и еноховцев, молчальников осталось 37 человек, а фёдоровцев немногим более 100. А.Демьянов смог опросить в начале 1970-х гг. 1209 Истинно-Православных христиан в Тамбовской (501 человек), Воронежской (488), Липецкой (128) и Рязанской (93) областях, которые якобы составляли 90% проживающих там Истинно-Православных христиан. Кроме того, на территории Тульской, Орловской и Курской областей проводились выборочные исследования в 1-2 районах. Здесь был опрошен ещё 151 человек. В результате исследователь пришёл к выводу, что общая численность Истинно-Православных в Центральном Черноземье составила 1,5 тыс. и сократилась с конца 1950-х гг. на 40–50%. Правда они назывались представителями третьей крупнейшей религии в регионе. Если учесть, что в 1972 году его население составляло 8 млн. человек, то вероятно Истинно-Православных христиан было всё же больше, чем указывают советские авторы[122]. В начале 1980-х гг. А.Демьянову удалось выявить в Воронежской области только 262 Истинно-Православных и он посчитал, что за десятилетие их количество сократилось ещё почти вдвое[123].

Материалы, собранные экспедициями, показали ослабление в среде Истинно-Православных христиан эсхатологических и антихристологических настроений, изменение отношения к советским законам. Полностью не признавало их только около 20%, более 70% выполняли одни законы (платили налоги и т.д.), отвергая другие, заявляя: «Мы признаём Советскую власть, но смотря в чём. Что не греховно и не противоречит нашим убеждениям – мы выполняем, а что греховно, нас никто не заставит делать». Свыше 60% трудоспособных Истинно-Православных христиан уже работало на государственных предприятиях, в совхозах и колхозах. Усилился процесс «обмірщения». Почти вся молодёжь отказалась от обета безбрачия, исчезли запреты на обучение детей в школе, получение пособий и пенсий. Из 1209 обследованных в начале 1970-х гг. Истинно-Православных христиан 978 человек (81%) составляли женщины, в основном крес-

тьянки. 23% проживало в городах, но коренных горожан из них было лишь 20 человек. Имелось и 150 монахинь. Доля молодёжи от 18 до 30 лет за 1970-е гг. сократилась с 1,4% до 0,8%, количество людей старше 60 лет выросло с 52,4% до 76,3%[124].

Эти данные подтверждают исследования в 1969 году Истинно-Православных христиан в Коми АССР. С 1958 года их количество сократилось со 133 до 41 человека. Из них мужчины составляли 10,9%, а домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры – 69%. Лишь 2 человека были моложе 30 лет, а 32 старше 50-ти. Проповедники Истинно-Православных христиан уже давали в определённых ситуациях разрешение на работу в государственных учреждениях и на предприятиях[125]. Ослабление и старение традиционных Истинно-Православных подтверждал и сумевший в 1978 году эмигрировать из СССР катакомбный схимонах, а позднее митрополит Антоний (Чернов)[126].

Последние относительно массовые вспышки открытого неповиновения властям среди Истинно-Православных христиан произошли в 1981 году в связи с обменом паспортов. Верующие бойкотировали его на том основании, что новая формулировка гражданства совпадает с апокаллиптическим «числом зверя» – 666. Отказ от получения паспортов в некоторых районах приобрёл такой размах, что местные средства массовой информации предупреждали об уголовном наказании «отказников» и лишении их пенсии[127]. На 1980–1984 гг. пришлась заключительная волна гонений на «катакомбы», коснувшаяся главным образом молодёжи.

Большая часть общин Истинно-Православных христиан и ИПЦ до 1981 года окормлялась епископом Уфимским Владимiром (фон Штромбергом), последним в Катакомбной Церкви архиереем, имевшим всеми признанное рукоположение в 1920-х гг. Хотя он представлял андреевскую традицию, но руководил после смерти в 1964 году епископа Романа (Руперта) и рядом общин и в Ленинградской области: русских – протоиерея Міхаила Рожденственского, иеромонаха Никифора (фон Рихтер Меллина), священника Сергия Моно, немецкой – иеросхимонаха Василия (фон Ренне), финских Православных священников Илии, Иакова, Симеона и др. В 1981 году епископ Владимір скончался и у этих катакомбников началась полная автокефалия. Однако потом большинство из них перешло под омофор архиепископа Лазаря (Журбенко) – возглавлявшего одно из 8 основных течений Ката-

комбной Церкви последнего десятилетия. Иеромонах, затем епископ и архиепископ Лазарь стал руководить этим течением с 1966 года. Постепенно к нему стянулись многие представители кирилловской (к которой он сам принадлежал), иосифлянской и андреевской (в меньшей степени) традиций. Всего у архиепископа Лазаря насчитывалось более 50 тайных приходов, в основном на Кубани, Северном Кавказе, в Беларуси и на Украине. Он был рукоположен в 1982 году архиереем Зарубежной Церкви епископом Каннским Варнавой, и с конца 1980-х гг. стал представлять эту Церковь в СССР[128].

Уже говорилось о «патриархийных катакомбниках». Третье же основное течение тайной Церкви возглавил схимитрополит Геннадий (Григорий Яковлевич Секач). Он родился в 1898 г. в белорусском селе Акулино, в 1929 году впервые арестован и сослан[129]. При его участии была создана самая многочисленная катакомбная иерархия. В 1970-х – начале 1980-х гг. она насчитывала в общей сложности 24 архиерея. Сам Геннадий в 1962 году ушёл из Патриархии лишь вследствии того, что его лишили возможности законно служить. До своей смерти в 1987 году он получал пенсию Беларуской епархии, иереем которой прежде состоял, был знаком с Патриархом Пименом и пользовался его уважением. Рукоположил Геннадия во епископа в 1968 году или, по другим сведениям, в 1971 году полулегендарный архиепископ Серафим (Позднев), якобы сам тайно рукоположенный в начале 1920-х гг. Патриархом Тихоном. По не вполне проверенным сведениям владыка Серафим провёл в лагерях около 40 лет и в 1964 году тяжело больным был выпущен на свободу «умирать». Схимитрополит Геннадий жил в основном в Абхазии и на Северном Кавказе. В 1970-е гг. он основал в районе Нового Афона несколько общин, тайный монастырь в горах и даже тайные Богословские курсы. Три монастыря было создано и на Украине, четыре в Беларуси, два на Кубани. Схимитрополит лично постриг около 500 монахов. Его неоднократно арестовывали, последний раз в 1975 году. По сведениям, приведённым в журнале «Россия нового тысячелетия», там, в тюрьме Геннадий был посвящён в митрополиты Кутаиским митрополитом Малхазом с целым собором других заключённых архиереев[130]. После смерти владыки первоиерархом «геннадиевской» ветви Катакомбной Церкви стал схимитрополит Ставропольский Феодосий (Гуменников), а с 1991 года митрополит Могилёвский Епифаний. «Геннадиевцы» как и

некоторые другие течения катакомбников, самовольно называют себя «Истинно-Православной Церковью»[131].

Священнослужителями Московской Патриархии были ранее и основатели трёх других течений: епископ Викентий (Чекалин) диаконом, епископ Лазарь (Васильев) – священником, епископ Исаакий (Анискин) – иеромонахом. Последний был рукоположен во епископа «геннадиевским» схимитрополитом Ѳеодосием, но затем порвал с ним, учинив так называемый «исааковский раскол». Отколовшись от «геннадиевцев», он ужесточил свою позицию и по отношению к Московской Патриархии: стал запрещать пастве причащаться в её храмах (хотя таинства, совершаемые там, признавал), поминать всех архиереев и большинство иереев Патриаршей Церкви. А впоследствии епископ Исаакий вообще ввёл принятие в общение приходивших из Патриархии через покаяние[132]. Из «геннадиевского» течения выделился и фактически выродившийся в секту «Богородичный центр» во главе с архиепископом Иоанном (Береславским)[133].

Часть традиционных Истинно-Православных христиан, занявших враждебную позицию по отношению к Зарубежной Русской Церкви, вошли в последние два основных течения, связанных с греками-старостильниками. Одно из них возглавил епископ Гурий (Павлов), ещё в 1929 году рукоположенный во иеромонаха архиепископом Андреем (Ухтомским). Около 30 лет он провёл в лагерях и ещё 15 прожил, скрываясь в подполе крестьянской избы у своих духовных чад. Летом 1991 года Гурий был хиротонисан греческими архиереями. К началу 1990-х гг. представители других юрисдикций греков-старостильников (а всего их насчитывается 12) поставили митрополита Антония (Чернова), в схиме Епифания. Он основал ещё одну ветвь катакомбной иерархии[134].

Общая численность последователей тайной Православной Церкви в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. составляла по оценкам различных её представителей от 100 до 500 тыс. человек. Так, например, епископ Готовский Амвросий (Сиверс) писал о 250 тыс., а епископ Лазарь (Журбенко) утверждал, что только на территории Сибири и Татарии существуют около 750 общин с 80 тыс. верующих[135].

Можно с уверенностью сказать, что Катакомбная Церковь, особенно в лице общин Истинно-Православных христиан, была самой полной, последовательной формой массового сопротив-

ления советской власти за все её 70 с лишним лет. В определённом смысле существование такой Церкви несло в своей основе возрождение раннехристианской практики времён арианства, монофелитства, иконоборчества. Содержа в себе антиэтатизм, Истинно-Православные христиане являлись онтологическими противниками советского государства, понимаемого как «царство антихриста», которому следует сопротивляться всеми доступными способами. Соответственно и государство всегда подвергало их судебным и внесудебным репрессиям. Так, ещё в 1980-е гг. катакомбники привлекались по нескольким статьям Уголовного кодекса, касающихся: несоблюдения законодательства о культах, антисоветской агитации и пропаганды, безпаспортности, отсутствия прописки, тунеядства, бродяжничества, отказа от службы в армии и т.д.

Историю тайной церковной деятельности в СССР можно разделить на четыре основных периода. Первый продолжался с 1918 по конец 1920-х гг. В подполье в это время находилась небольшая часть Православных священнослужителей и мірян – в основном, Истинно-Православных христиан, а с 1928–1929 гг. и некоторые общины ИПЦ. Второй период приходится на 1930-е – середину 1940-х гг. В результате ожесточённых гонений происходит резкий рост рядов Катакомбной Церкви. На нелегальное положение перешло большинство приходов, основная часть которых сохранила верность Патриархии. В последние годы войны они снова вышли из подполья. Общее количество катакомбников многократно уменьшилось. Правда, в конце 1940-х гг. возросли активность и численность Истинно-Православных христиан, но в результате ожесточённых репрессий со стороны властей с 1950-х гг. в их среде начался спад.

1930–1950-е годы – наиболее таинственный период истории Катакомбной Церкви, когда всё в ней проходило под завесой молчания. Собирание безценного материала о духовном сопротивлении Православных христиан возможно было только за границей, а туда доходили лишь немногие обрывочные сведения. Все они нуждаются в серьёзной проверке, поскольку долголетняя спекуляция на Западе антисоветской темы порождала вымыслы и преувеличения. Шумиха вокруг небольшого числа известных имён должна была создавать впечатление «безпрерывной борьбы» на антисоветском фронте, тогда как подлинная картина об-

щественных настроений в СССР оставалась довольно туманной. На территории же Советского Союза даже сами катакомбники могли знать лишь узкий круг единомышленников – да и о них по причинам конспирации нельзя было оставить подробных письменных свидетельств. Таинственность движения породила о нём множество сенсационных слухов, которые подчас с излишней доверчивостью повторяют современные исследователи. Так, например, епископ Амвросий (Сиверс) в одной из своих статей поверхностно сводит всю суть катакомбного движения к принципам, тождественным известной ещё до революции секте странников. «При паспортизации 1933 года «катакомбные» архиереи благословили мірян советские паспорта не брать, пишет А. Сиверс – так как при оформлении документов выявлялись «бывшие», подлежащие репрессиям. Одновременно отказ от паспорта трактовался как отрицание печати антихриста, как объявление себя неграждданином СССР. «Безпаспортное движение» усилилось при хрущёвской паспортизации 1961 года, красные же паспорта образца 1975 года* просто игнорировались. Вновь пришедшие в «катакомбы» люди, уже имевшие паспорта, часто зачёркивали слово «гражданин», начертав вместо него «христианин», отчего выходило: «Паспорт христианина СССР»[136].

Движение отказа от советских паспортов действительно существовало (в том числе и среди членов Московского Патриархата), о чём чём уже упоминалось выше, однако, оно не было характерно для всей Катакомбной Церкви, имевшей в себе разные течения. Верующие, с риском для жизни укрывавшие тайных священников, предоставлявшие свои дома для подпольных Богослужений, должны были иметь и советские паспорта, и прописку, и постоянное место работы. Кроме того, уход в «катакомбы» не всегда означал крайнюю непримиримость с советским государством. Д.М. Поспеловский отмечает, что наряду с ИПЦ и ИПХ Катакомбная Церковь включала в себя: «1) православных христиан, которые не смогли получить разрешение на регистрацию официальной церковной общины и вынуждены были перейти на нелегальное положение; 2) тех, кто признавал необходимым поддерживать нелегальную жизнь Церкви, считая отношения меж-

---

* *Обмен советских паспортов происходил в конце 1970-х г.г.*

ду государством и Патриархией слишком хрупкими, а статус последней ненадёжным, кто боялся не сохранить Церковь в Ея легальном виде; и 3) тех, кто вообще не принимал официальную политику Патриархии, но признавал благодатность священства легальной Церкви и окормлялся у тех пастырей, которым лично доверял»[137]. Более существенно искажение внутренней сути катакомбного движения, которое допускает А.Сиверс: «В общем контексте стоит достаточный антипатриотизм «катакомбников», не считавших никак СССР своей земной родиной. Кроме того, не является секретом, что половина Истинно Православных христиан – представители немногочисленных народов (чувашей, мордвы), а русская половина напрочь отказывалась признать в советских людях «русских», в конце концов предпочитая называть себя в национальном аспекте – Истинно Православными христианами»[138]. Трудно понять, откуда историк берёт сведения о национальном составе Катакомбной Церкви при отсутствии аналогичной статистики даже по Московской Патриархии, где регистрировалось каждое крещение, но его утверждения об антипатриотизме людей, которые, собственно, затем и ушли в катакомбы, чтобы сохранить для России чистоту Православия, опровергают как исторические факты, так и сами катакомбные пастыри. «Постоянно занимайтесь чтением Слова Божия, Священного Писания и Святых Отцов, воспитывайте детей Ваших в заповедях Божиих и в любви к Богу и друг ко другу. Прощайте согрешения врагам Вашим личным, молитесь за обидящих, гнушайтесь врагами Божиими, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша. Сами и детей Ваших воспитывайте в любви к Святой Православной Церкви и многострадальному Отечеству нашему», – писал в Рождественском послании 1994 года архиепископ Истинно-Православной Церкви Лазарь (Журбенко)[139]. На протяжении десятилетий катакомбники возносили перед своими тайными алтарями сокровенные молитвы об освобождении России от ига безбожной власти, что было невозможно в официальной Церкви.

Вместе с тем, длительное существование в подполье, необходимость конспирации, невозможность для епископов поставить себе каноничных преемников порождали внутри катакомбного движения обстановку взаимного недоверия и сектантской замкнутости, в результате чего Катакомбная Церковь обрела черты, свойственные сектам: дробление на группировки, сознание собствен-

ного превосходства, самоизоляция не только от міра, но и от остальных поместных Православных Церквей. Свойства эти, естественные в эпоху гонений, ныне являются существенным препятствием для устранения раскола. В 1950-е годы катакомбникам удалось наладить связь с Зарубежной Церковью, «когда после тюремного заключения за границу выехал архиепископ Тамбовский и Моршанский Лазарь. Там же он был рукоположен. Позже Лазарь стал окормлять весь российский приход»[140].

Заключительный период охватывает конец 1950-х – начало 1990-х гг. Хотя общин Истинно-Православных христиан и ИПЦ становилось всё меньше, ряды Катакомбной Церкви вновь заметно выросли вследствии очередной кампании борьбы с религией в СССР. В «катакомбах» произошли качественные изменения: оформилось 8 основных течений, как на базе групп Истинно-Православных, так и главным образом на основе нового «пополнения». Таким образом к моменту падения советской власти тайная Церковь не только не перестала существовать, но и находилась на подъёме.

Когда в годы перестройки гонения на Церковь ослабли, а затем и вовсе прекратились, первоначально казалось, что Катакомбная Церковь, выйдя из подполья, сольётся с Зарубежной. Этому способствовало их единство по тем принципиальным вопросам, из-за которых они расходились с Московской Патриархией: отрицательное отношение к «сергианству», церковному модернизму и экуменизму, канонизация новомучеников. В Мае 1990 года в Джорданвилле состоялся собор епископов Русской Православной Церкви заграницей, в котором принял участие катакомбный епископ Лазарь (Журбенко). Собором были приняты два документа: *Положение о свободных приходах* и *Послание Архиерейского собора Русской Православной Церкви заграницей* [141]. Сенсацией и без того бурного 1990 г. стал переход под юрисдикцию Зарубежной Церкви православной общины в Суздале – первого «зарубежного» прихода на территории СССР. В Ленинграде община Зарубежной Церкви получила храм в бывшем Новодевичьем монастыре, впоследствии силой захваченный сторонниками Московской Патриархии. В начале 1990-х годов по всей стране начали возникать зарубежные приходы, которые посещали как выходцы из Патриаршей Церкви, так и катакомбники. Клирики Катакомбной Церкви получили право свободного вступления в юрисдикцию

Зарубежной Церкви, в отличии от духовенства Московской Патриархии, принимавшегося только через письменное и публичное покаяние. Однако, в последующие годы часть приходов, поначалу отошедших под юрисдикцию Зарубежной Церкви, вновь стали катакомбными. Священник Катакомбной Церкви о.Валентин (Мищенко) объясняет разногласия следующим образом: «Дело в том, что когда создавался Устав Православной Церкви за рубежом, которую сейчас возглавляет митрополит Виталий, то было решено, что как только будет возможность вернуться на Родину, то она прекратит своё существование. Гонения прекратились, но священники из-за границы не возвращаются. Понять их можно. Жизнь там лучше, а в России придётся жить на воде и хлебе. В Катакомбной Церкви не так давно прошёл Собор и мы постановили, что если священники из Православной Церкви за рубежом не вернутся, мы перестанем им подчиняться»[142]. Думается, причины разделения кроются глубже, чем просто нежелание зарубежных иерархов вернуться в Россию, поскольку существование Русских православных приходов и епархий в других странах всё равно было бы неизбежно при современной интенсивности эмиграции. Но, видимо, катакомбники успели ощутить на себе снисходительный априорный взгляд из-за рубежа на Россию, ея проблемы и страдания. Возник конфликт, хорошо знакомый по политической истории, когда пришедшие к власти местные борцы давали отставку правительству в изгнании, каким бы авторитетным оно ни было. Кроме того, «зарубежники» постепенно вытесняются из храмов, полученных в годы перестройки, фактически становясь катакомбниками.

Парадоксальным образом развиваются отношения Катакомбной Церкви с Московской Патриархией, где, несмотря на идейное сближение, по-прежнему отсутствует сближение организационное. Не принёс церковнаго міра и закон о том, что единственной юридической преемницей всего имущества дореволюционной РПЦ является Московская Патриархия. Тяжбы за передачу храмов той или иной юрисдикции, в ряде случаев вылившиеся в открытые столкновения, резко обострили межцерковные отношения. Нет единства и среди катакомбников.

Современный исследователь иеродиакон Иона (Яшунский) классифицирует 8 катакомбных групп, имеющих иерархическое возглавление, следующим образом:

1. Геннадиевская группа, куда входят последователи епископа Геннадия (см. выше). В настоящий момент группа насчитывает около десятка епископов. «В ведении каждого епископа находится в среднем по десятку священников, хотя у некоторых, например, митрополита Епифания, архиепископа Херувима, по нескольку десятков. Приходы маленькие – 10–15 человек, но почти у каждого священника, помимо прихожан, регулярно приходящх к нему на службы, есть пасомые в разных городах и весях, поэтому им приходится часто ездить в пастырские поездки»[143].
2. Группа епископа Исаакия. Имеет на Вологодчине скит, возглавляемый епископом Илларионом (Светловым).
3. Группа архиепископа Тамбовского и Одесского Лазаря (Журбенко). Имеет монастырь в Одессе, издаёт «Вестник ИПЦ».
4. Юрисдикции греко-старостильного происхождения.
5. Группа Антония (Чернова).
6. Группа Викентия (Чекалина).
7. Группа Лазаря Каширского (Васильева).
8. Катакомбные священники, рукоположенные иерархами Московской Патриархии[144].

По сведениям Ионы (Яшунского), только Геннадиевская группа могла бы претендовать на преемственность с основателями Катакомбной Церкви, но не имеет подтверждающих это документов. Остальные группы оформились сравнительно недавно. Но учитывая таинственность Катакомбного движения, недостаток или полное отсутствие документальных свидетельств по невыясненным вопросам, все подобные утверждения имеют спорный характер. Изучение прошлого Катакомбной Церкви будет продолжаться по мере раскрытия секретных архивов КГБ, собирания воспоминаний и документов самих катакомбников. Но преодоление ненормальной ситуации, когда на территории России существует несколько Русских Православных Церквей, воссоединение всех юрисдикций и групп – дело не одних историков, а всех Православных христиан, ныне разъединённых в результате трагического раскола и накопившихся за последующие десятилетия разногласий.

Примечания

1. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995. С.314.
2. *Иером. Иона (Яшунский).* Наши катакомбы. «Вестник Русского Христианского Движения» № 166. 1992. Париж–Нью-Йорк–Москва.
3. См.: *Ревуненков В.* Очерки по истории Великой французской революции. Л. 1983.
4. *Пикеринг Э.* Библейский сепаратизм. Германия. 1990. С.159–161.
5. *Клибанов А.И.* Современное сектанство в Тамбовской области (по материалам экспедиций Института истории Академии Наук СССР в 1959 году) // Вопросы истории религии и атеизма. Т.8. М. 1960. С.92.
6. *Криптон К.* К вопросу исторического прошлого Русской Православной Церкви // Вестник русского христианского движения (РХД). № 118. 1976. С.91; Его же. О тамбовском восстании 1921 года. Из записок очевидца // Вестник РХД. № 121. 1977. С.361–362.
7. *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. (Проблематика, методология, статистика). Вестник РХД. № 118. 1976. С.272.
8. Записано по устным воспоминаниям дочери прот. Леонида Алексеевича Никольского Надежды Леонидовны Никольской.
9. «Пришлось услышать о своем царском происхождении». Источник. № 6. 1995. С.41–49.
10. Записано по устным воспоминаниям монахини Пюхтицкого монастыря *м.Сергии (Клименко).*
11. Акты святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С.413.
12. «Церковные Ведомости». 1926. № 1718. С.67.
13. «Вестник ИПЦ». № 1. 1994. С.8–9.
14. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.316; истории «Ленинградской автокефалии» посвящён обстоятельное исследование *М.В.Шкаровского:* Петербуржская епархия в годы гонений и утрат: 1917–1945. С.Пб. 1996. С.75–173.
15. *Амвросий (Сиверс),* епископ. Государство и «катакомбы». М. 1994. Рукопись. С.12.
16. См.: *Зеленогорский (Гринберг) М.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (Ухтомского). М. Терра. 1991.
17. *Демьянов А.И.* Истинно-Православное христианство. Воронеж. 1977. С.16–17.
18. *Демьянов А.И.* Критика идеологии Истинно-Православного христианства(по материалам социологического исследования в Центральных областях РСФСР): Авт. дисс. канд. философ. наук. Л. 1974. С.8.
19. Его же. Истинно-Православное христианство, С.19, 81, 85–86; *Клибанов А.И.* Указ.соч., С.94.
20. *Никольская З.А.* К характеристике течения так называемых Истинно Православных христиан // Вопросы религии и атеизма. Т.9. М. 1961. С.164–165; *Демьянов А.И.* Истинно-Православное христианство. С.20.
21. *Иоанн (Снычёв),* митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, вікторианский и другие. Их особенности и история. Сортавала. 1993. С.158–159.

22. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж. 1977. С.136–137.
23. *Иоанн (Снычёв),* митрополит. Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С.23.
24. Там же. С.27.
25. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области (АХФСБ РФ МО). Ф. архивно-следственных дел. Д.28850.
26. Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф.263. Оп.1. Д.65744.
27. *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской Православной Церкви. Казань. 1970. С.335.
28. Цит. по: *Иоанн (Снычёв)*, архимандрит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия григорианский, ярославский, иосифлянский, вікторианский и другие. Их особенности и история. Куйбышев. 1966. Рукопись. С.5.
29. *Мещерский Н.А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л. 1982. Рукопись. С.24.
30. См.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945; Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф.263. Оп.1. Д.66923.
31. *Амвросий (Сиверс)*, епископ. История и связи Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1922–1992 гг.).М. 1993. Рукопись. С.24.
32. Его же. Государство и «катакомбы». С.5.
33. Там же. С.7.
34. *Краснов-Левитин А.* Лихие годы 1925–1941. Париж. 1977. С.222; *Мещерский Н.А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною.... С.102–106; Справка Управления ФСБ РФ по Ярославской области № 10/320 от 21 Июня 1995 года; Справка Главного информационного центра МВД Российской Федерации № 34/32127 от 6 Ноября 1994 г.
35. *Польский М.* Новые мученики иосифлянские. Т.2. Джорданвилль. 1957. С.285.
36. *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Истоки Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1922–1992 гг.). С.7.
37. И было утро... М. 1992. С.121–122.
38. И было утро... М. 1992. Ч.1
39. *Амвросий (Сиверс),* епископ. Указ. соч.. С.7.
40. *Андреев И.* О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. Доклад прочитанный 7 Декабря 1950 года перед Архиерейским Собором. Джорданвилль. 1951. С.13.
41. *Иоанн (Берестовский), епископ. Илья (Попов), игумен.* Тайный схимитрополит. Жизнеописание главы Истинно-Православной Церкви схимитрополита Геннадия (1898–1987). М. 1991. С.22; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 16. С.105; *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Государство и «катакомбы». С.13–14.
42. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф.3656. Оп.2. Д.2411-с.
43. Там же. Д.2413-с. Лл.50–51.

44. Два портрета (по воспоминаниям В.Я. Васильковой. Катакомбы XX века). Сообщение В.Глàзкова // Память. Исторический сборник. Вып.2. Париж: Имка-Пресс. 1979. С.498.
45. *Тропани Н.В.* Воспоминания. Владимір. 1965. Рукопись. С. 57; *Анушкина Е.В.* Воспоминания. Владимір. 1962. Рукопись. С.2526; *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж. 1979. С.355–360.
46. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р9401сч. Оп. 2. Д.65. Лл.305–306.
47. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.125. Д.181. Л.10.
48. Религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны (19431945 гг.). Публ. *М.И. Одинцова* // Отечественные архивы. 1995. № 3. С.62.
49. *Андреев И.* Указ.соч. С.910.
50. *Клибанов А.И.* Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М. 1967. С.13.
51. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф.5. Оп.33. Д.190. Лл.32–33, 36.
52. *Демьянов А.И.* Истинно-Православное христианство. С.13–14; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С.314.
53. *Демьянов А.И.* Указ. соч. С.70; *Его же.* Критика идеологии Истинно Православного христианства. С.15.
54. *Клибанов А.И.* Современное сектантство в Тамбовской области. С.95.
55. См.: *Никольская З.А.* Указ.соч.; *Митрохин Л.Н.* Реакционная идеология «Истинно-Православной Церкви» на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т.9. М. 1961. С.144–162.
56. *Афанасий (Сахаров)*, епископ. Можно ли посещать храмы Московской Патриархии? Из письма к духовной дочери // Вестник РХД. 1972. № 106. С.96.
57. *Тропани Н.В.* Указ. соч. С.89; *Апушкин Е.Б.* Указ.соч. С. 27–28; Крестный путь преосвященного Афанасия // Вестник РХД. 1973. № 107. С.170–211; Письмо еп.Афанасия (Сахарова) Патриарху Алексию от 2 Апреля 1955 года – Архив Научно-информационного центра «Мемориал». Санкт-Петербург. (Архив НИЦ «Мемориал» СПб). Ф.Р. П.5.
58. *Чаев П.О.* Катакомбные монастыри // Грани. 1982. № 123. С.190–191.
59. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.407. Л.40.
60. *Каргашинский Д.* Из краснодарской епархии // ЖМП. 1948. № 1. С.76–77.
61. *Сперанский М.* Из Тамбовской епархии // ЖМП. 1948. № 2. С.65-66.
62. *Alekseev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. № 4.: Researsh Program on the USSR. 1954. Mimeographed Series. № 61. P.58.
63. *Андреев И.* Указ.соч.. С.10–11.
64. *Константинов Д.В.* Православная молодёжь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен. 1956. С.44.
65. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.593. Лл.24–31.

66. Там же. Лл.10, 39–45, 63, 114.
67. Там же. Лл.121, 124–135.
68. Там же. Оп.132. Д.6. Лл. 88, 94, 244–252; Д.111. Лл.127–130.
69. Там же. Д.109. Лл.70–77; Д.497. Л.203.
70. *Демьянов А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж. 1984. С.99. *Его же*. Истинно-Православное христианство. С.166.
71. *Никольская З.А.* Указ.соч. С.166.
72. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки) М. 1969. С.173.
73. *Демьянов А.И.* Истинно-Православное христианство. С.39.
74. *Клибанов А.И.* Указ. соч. С.173.
75. *Никольская З.А.* Указ.соч. С.171,180; *Демьянов А.И.* Указ.соч. С.32,43.
76. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.132. Д.569. Лл.37.
77. Там же. Д.497. Л.203.
78. ЦДНИКО. Ф.3656. Оп.2. Д.2413-с. Лл.73–77,108.
79. ЦХСД. Ф.5. Оп. 16. Д.642. Л.23.
80. Там же. Д.650. Л.18.
81. *Иоанн (Снычёв)*, митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб. 1993. С.245.
82. Архив НИЦ «Мемориал». СПб. Ф.Р 5. Л.5.
83. Катакомбы // Русское Возрождение. 1982. № 20. С.136; 1983. № 21. С.186–200.
84. *Чаев П.О.* Указ.соч. С.191.
85. ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.90. Л.130.
86. Там же. Л.100.
87. Там же. Д.190. Лл.146–147.
88. Там же. Оп.55. Д.10. Лл.210–211.
89. Там же. Д.72. Лл.1,7.
90. *Беляев В.* Лик святых апостолов // Вечерняя Москва. 1959. 29 Июля; *Яковлев Е.* Подданные Николая II // Ленинское знамя. 1959. 5 Июля и др.
91. *Юдин Н.И.* Правда о петербургских «святынях». Л. 1962. С.45–46.
92. *Клибанов А.И.* Из міра религиозного сектантства. Встречи, беседы, наблюдения. М.:Политиздат. 1974. С.129.
93. *Гагарин Ю.В.* Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар; Коми изд-во. 1971. С.90. 143–159.
94. *Никольская З.А.* Указ.соч. С.172.
95. *Янкова З.А.* О некоторых методах конкретно-социального изучения религии (из опыта Рязанской экспедиции Института истории Академии Наук СССР) // Конкретное исследование современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М.: Мысль. 1967. С.113.
96. *Демьянов А.И.* Указ.соч. С.36–37.
97. Там же. С.43; *Никольская З.А.* Указ.соч. С.172–176.
98. *Демьянов А.И.* Указ.соч. С.85.
99. Христиане за решёткой. // Религия и атеизм в СССР. 1980. № 5. С.15.
100. *Вагин Е.* Изгнание правды ради. // Русское Возрождение. 1978. № 4. С.40–46.

101. *Демьянов А.И.* Указ.соч.. С.38; *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М. 1973. С.233.
102. *Вагин Е.* Религиозное инакомыслие в сегодняшней России // Русское Возрождение. 1978. № 1. С.53; О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни русского народа. Доклад Архиерейскому Собору 1959 года епископа Лос-Анжелосского Антония. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. 1960. С.49.
103. *Вагин Е.* Изгнание ради правды. С.33–35.
104. Христиане за решёткой. С.16.
105. Законодательство о религиозных культах. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». Нью-Йорк: Chalidze Publications. 1981. С.84; *Анисимов С.* Нравственный прогресс и религия. М.: Мысль. 1965. С.52; *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Указ.соч. С.13.
106. *Гагарин Ю.В.* Указ.соч. С.74–76; *Константинов Д.* Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк. 1967. С.349.
107. *Одинцов М.И.* Государство и Церковь в России. XX век. М. 1994. С.121–122.
108. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.452. Л.317
109. Там же. Д.288. Лл.41–43.
110. *Иона (Яшунский)*, иеродиакон. Наши катакомбы // Вестник РХД. 1992. № 166. С.255; Пресс-конференция депутатов Верховного Совета России священника Глеба Якунина и мірянина Пономарёва 20 Марта и «круглый стол» 22 Марта 1992 года // Вестник РХД. 1992. № 164. С.267; *Поспеловский Д.В.* Указ.соч. С.322–323.
111. ЖМП. 1995. № 5. С.60–61.
112. *Чаев П.О.* Указ.соч. С.195.
113. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.470.
114. Там же. С.156.
115. *Чаев П.О.* Указ. соч. С.190.
116. *Константинов Д.В.* Религиозное движение сопротивления в СССР. К 50-летию советской диктатуры. Лондон (Канада). 1967. С.12.
117. *Регельсон Л.* Указ. соч.. С.192–193.
118. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.324–327.
119. Там же. С.327.
120. О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 16 Июля 1969 года. М. 1969. С.24.
121. *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Указ. соч. С.3.
122. *Демьянов А.И.* Указ. соч. С.42; *Клибанов А.И.* По тому же маршруту, 1959–1971 // Наука и религия. 1972. № 3. С.55.
123. *Демьянов А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления. С.100.
124. Там же; *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. С.233–234; *Демьянов А.И.* Истинно-Православное христианство. С.44–49, 94.
125. *Гагарин Ю.В.* Указ. соч. С.145–147, 159.
126. Полвека служения России. Интервью А.А. Чернова «Посеву» // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1979. № 10. С.40–46.

127. Хроника // Посев. 1981. № 12. С.45.
128. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994. С.276–279; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.328; *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Истоки и связи Катакомбной Церкви в Петрограде и области (1922–1992 гг.). С.78; *Иона (Яшунский)*, иеродиакон. Наши катакомбы. С.250–251.
129. *А. Давыдов*. Церковь-мученица. // Россия нового тысячелетия. 1994. № 1. С.31–32.
130. Там же. С.32.
131. Там же. С.244–247; *Иоанн (Береславский)*, епископ, *Илья (Попов)*, игумен. Указ. соч. С.26–33; *Иоанн (Береславский)*, архиепископ. Соловки: Новомученики XX века (Ангельское Откровение о ссыльных архиереях Российской Православной Церкви). М.: Богородичный центр. 1993. С.29–31.
132. *Иона (Яшунский)*, иеродиакон. Указ. соч. С.247–250; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.328, 330.
133. См. Красная Патриархия. Волки в овечьей шкуре; Трагедия Красной Церкви; *Иоанн (Береславский), архиепископ.* Прощание с еврокультурой. М.: Богородичный Центр. 1993.
134. *Иона (Яшунский)*, иеродиакон. Указ. соч. С.251–253; *Амвросий (Сиверс)*, епископ. Государство и «катакомбы». С.4.
135. Там же; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.329.
136. *Амвросий Сиверс, епископ.* «Катакомбные» христиане – граждане Небесного Иерусалима. // «Смена». 26 Июня 1994.
137. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.324.
138. *Амвросий Сиверс, епископ.* Указ. статья.
139. «Вестник ИПЦ». № 1. 1994. С.4–5
140. *о.Валентин (Мищенко).* Священник должен быть националистом. // «Чёрный ящик» (Тамбов) № 6. 1995.
141. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С.328.
142. *о.Валентин (Мищенко).* Указ статья.
143. Иером. Иона (Яшунский). Указ. соч. С.247.
144. Там же. С.247–255.

Глава 19

Русская Православная Церковь за границей

К 1917 году Русская Церковь имела немало Своих учреждений за границей: епархии в Америке и Японии, духовные миссии в Китае и Корее, Православное общество в Палестине, многочисленные храмы в Западной Европе. Везде, где было Русское дипломатическое представительство или хотя бы небольшое поселение Русских – строился храм. Немало делалось и для Православной миссионерской деятельности – достаточно вспомнить служение равноапостольнаго святителя Николая Японского или епископа Тухона в Америке. И таким образом Русские храмы от великолепных соборов до скромных часовен можно было найти во многих уголках міра: от Стокгольма до Сиднея и от Афин до Буэнос-Айреса. К этому следует добавить, что в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, грабительского «Брестского мира», и развала Российской империи за рубежами теперь уже подсоветской страны оказались Православные епархии в Финляндии и Прибалтике, в Польше, на Волыни и в Бессарабии, также входившие в состав Русской Церкви. Мечтая о міровой революции и считая государственные границы делом временным, большевики щедро раздавали Российские земли, поощряя сепаратистские настроения, что вытекало также из ленинской теории «прогрессивного национализма» малых народов. Вследствии внешних причин, течение Церковной жизни в Русских зарубежных епархиях проходило иначе, чем в подсоветской России, причём в каждом отдельном регионе Церковная жизнь приобретала свои особенности. Случалось, что между Русской Церковью, находящейся на территории нашей страны, в лице Московского Патриархата и различными его зарубежными частями нарушалась не только физическая, но и каноническая связь. Но и в этом случае Православные русіяне независимо от своей юрисдикци-

онной принадлежности в осознании общих духовных и исторических корней почитают себя чадами одной Матери – Русской Церкви, радуясь Ея радостями и скорбя Ея скорбями. Поэтому история Русской Церкви новейшего периода должна рассматривать и те Русские Церковные образования, которые сложились за рубежом в последние десятилетия.

Ранее, в связи с рассмотрением деятельности Патриарха Тихона и его сподвижников и течения Русской Церковной жизни в начале 20-х годов, нами уже затрагивался вопрос об устроении Церковном в Русских епархиях за рубежом. Отмечалось, что некоторые из них оказались на территории новообразованных государств. При этом основная масса входящих в них Православных или хотя бы значительная их часть была не Русского происхождения и относилась к народности, составляющей данное государство. В интересах более успешного их Церковного развития Высшее Управление Русской Церкви предоставляло этим епархиям автономию. Так, в Феврале 1921 года такая автономия была предоставлена Православной Церкви в Финляндии, фактически управлявшейся на автономных началах ещё с 1919 года[1]. Тогда же, в 1921 году получили автономию Православные Церкви в Латвии и Эстонии[2]. Сложнее оказалось с решением Церковного Православного вопроса в Польше, где и в более благополучные времена отношения с католицизмом складывались напряжённо. Польское государство включало тогда в себя также территории Западной Беларуси и Волыни, где большинство населения являлось Православным. Кроме того, некоторое число Православных проживало в Вильне, центральной Польше и Галиции. Всего в Польше оказалось тогда до 5 миллионов Православных, а на ея территории продолжали существовать следующие епархии Русской Церкви: Виленская (частично), Волынская (большая часть), Гродненская, Брестская, Варшавская и Холмская. Между тем, в связи с невозможностью епископу Варшавскому Серафиму (Чичагову) выехать в Польшу, Патриаршим указом от 11 Октября 1921 года экзархом там был назначен архиепископ Георгий (Ярошевский), с возведением его в сан митрополита. Ещё ранее Польские власти требовали от Преосвященного Георгия и Русских церковных деятелей перехода Православной Церкви в Польше к автокефальному бытию, т.е. полному разрыву канонической зависимости от Московского Патриарха. Известно, что в Сентябре

1921 года Патриарх Тихон и Синод ради исключительности положения, в котором оказалось Православное Церковное управление в Польше, предоставили ему широкую автономию. Однако, на просьбу об автокефалии они должны были ответить отказом[3]. Для последней не было оснований – проживавшие в Польше Православные не были Поляками, а наиболее крупные епархии исторически принадлежали к Русской Церкви. Всё же, хотя и не совсем каноничным путём Православная Церковь в Польше пришла к автокефалии.

Формально Польское государство гарантировало всем религиозным меньшинствам право безпрепятственно исповедывать свою веру. Версальский договор от 28 Июня 1919 года определил полную свободу всех вероисповеданий и невмешательство государства в их внутренние дела. Религиозное равноправие польских граждан было подтверждено Конституцией Польской республики от 17 Марта 1921 года и позднейшей Конституцией от 23 Апреля 1935 года.

Тем не менее, Православные верующие в Польше были вынуждены терпеть национальные и религиозные притеснения. Как и в прошлые века Восточно-Славянские земли оставались для Ватикана «миссионерской территорией»[4], с которой планировалось вести наступление католицизма на Православный Восток. Несмотря на то, что в Российской Империи Православная Церковь находилась под защитой Государства, в Западных губерниях и тогда проблема сосуществования Православия и католицизма стояла весьма остро. Крушение Империи и Гражданская война привели в Польше к целому взрыву беззаконий в отношении к Православной Церкви со стороны католиков и униатов. Уже в 1919 г. по всей Польской территории начались многочисленные захваты Православных храмов и монастырей, разрушение и запечатывание храмов и соборов. Некоторые Православные храмы взрывались динамитом. «Генеральный комиссар Восточных Земель издал 22 Октября 1919 г. распоряжение (административное) о возвращении Римо-католическому духовенству 497 Православных храмов и часовен, якобы захваченных в прошлом у католиков для нужды Православного исповедания.

...Намеченные к отнятию у Православных храмы в большинстве принадлежали к тем святыням, которые были отняты у Православных Польско-Католической властью в годы свирепого на-

саждения унии, а впоследствии, после разделов Польши, возвращены Русіянам, покинувшим унию. Доказать эти обстоятельство в краткий срок не всегда представлялось возможным, католическая же ревность и чувство своей власти – не допускали промедлений»[5]. Исполнение распоряжения сопровождалось многочисленными эксцессами, когда ксёндзы провоцировали своих прихожан отнимать храмы силой.

После 1918 г. в независимой Польше осталось несколько Православных епископов. В 1922 г., подчиняясь нажиму Польских властей, варшавский Cvнод собрался под председательством митрополита Георгия для обсуждения вопроса об автокефалии. На заседании 14 Июня 1922 г., «при непосредственном участии представителей государственной власти, была условно принята автокефалия Русской Православной Церкви в Польше... Автокефалию не приняли архиепископы Елевферий, Пантелеимон, Владимір и епископ Сергий.

Польское правительство не замедлило расправиться с этими защитниками Православной Церкви. Трое были высланы за пределы Польши административным порядком, подобно тому, как в XVI столетии королевская власть выслала из пределов Литвы и Польши защищавших Православную Церковь от унии священников и мірян; архиепископ же Пантелеимон заточён в Жировицкий монастырь (Гродненской епархии)»[6].

Акт подписания автокефалии в условиях явной враждебности к Православию со стороны Католической Церкви и Польской государственной власти насторожил паству. «В этом акте виден крупный и чреватый тяжёлыми последствиями промах митрополита Георгия. Но всё же известие о насильственной смерти последнего потрясло всё Православное Русское население Польши: 8 Февраля 1923 года в Варшаве митрополит Георгий был убит (несколькими выстрелами) архимандритом Смарагдом (Латышенко), одним из многих противников автокефалии и всей установившейся Церковной политики*.

Это небывалое в истории Православной Церкви преступление многие Православные приняли как искупительную жертву и

**Архимандрит Смарагд был лишён сана и приговорён Польским судом к 12 годам каторжной тюрьмы. Отказавшись от досрочного освобождения (по болезни), он отбыл наказание полностью и в 1935 г. выехал в Чехию.*

вместе с тем как крайнюю степень протеста Русіян против твёрдо наметившегося похода на Православную Церковь»[7].

В результате религиозной политики Польского государства к 1936 г. католиками и униатами были захвачены храмы: по Волынской епархии – 15; Гродненской – 42; Виленской – 10; Полесской – 6; Варшавско-Холмской – 155; были запечатаны храмы: по Волынской епархии – 7; Гродненской – 23; Виленской – 7; Полесской – 7; Варшавско-Холмской – 89; были захвачены униатами монастыри: Турковицкий, Супральский, Вировский, Радочинский, Лесенский, Красностоцкий и Виленский женский. Все семь монастырей были основаны Православными и впоследствии отняты униатами в годы насильственного введения унии в Польше[8].

Однако, несмотря на притеснения сначала со стороны правительства Пилсудского, а затем коммунистических властей, Православная Церковь в Польше сохранила Своё влияние, особенно в восточных областях. Проживающие в Польше Православные и поныне остаются Русскими и по языку (на Русском языке печатается официальный орган Варшавской митрополии – «Православный вестник»), и по осознанию неразрывности своих духовных и исторических судеб с Матерью – Русской Православной Церковью.

Поскольку в 1918 году Бессарабия вошла в состав Румынского Королевства, за пределами нашей страны оказалась также большая часть Кишинёвской епархии. Архиепископом Кишинёвским и Хотинским в это время был видный Русский церковный деятель, активный участник Поместного Собора 1917–1918 гг. – Преосвященный Анастасий (Грибановский). В 1919 г. Румынские власти предложили ему покинуть Кишинёв, на его место был поставлен архиерей-румын, а епархия отошла в ведение Румынской Церкви.

Так обстояли дела с Церковным устройством на бывших национальных окраинах Российской Империи.

Вместе с тем, события революции и Гражданской войны явились причиной эмиграции из России сотен тысяч людей, остававшихся чадами Русской Православной Церкви. В разных источниках число бывших Российских граждан, оказавшихся в рассеянии, колеблется от 2 до 10 миллионов. В начале 20-х годов Русских эмигрантов в немалом числе можно было встретить в Париже и Берлине, Белграде и Софии, Лондоне и Нью-Йорке,

Вене и Праге, Каунасе и Буэнос-Айресе. Много их осело тогда в Китае, так что отдельные кварталы Харбина напоминали Русский город начала XX столетия. Судьбу наших Русіян разделили тогда и представители Русского духовенства – епископы и клирики, частью ещё до революции имевшие каѳедры и приходы за рубежом, частью отрезанные от России вследствии Гражданской войны и изменения границ. Многие священнослужители, связавшие свою судьбу с Белым движением были принуждены обстоятельствами покинуть свои епархии, оставшиеся на советской территории.

Вставал вопрос об организации Русского Церковного управления за рубежом.

Ещё в Мае 1919 года на Церковном Соборе в Ставрополе был образован единый орган для управления епархиями, оказавшимися на свободной от «товарищей» территории и потерявшими связь с каноническим центром в Москве[9]. По мере изменения положения на фронтах Гражданской войны, этот новый Церковный центр менял место своего пребывания, оказавшись в Новочеркасске, а в 1920 г. уже в Симферополе. 20 Ноября того же года Патриарх, Cvнод и Высший Церковный Совет приняли постановление о самоуправлении епархий в случае отсутствия канонического центра или невозможности связи с ним[10]. Это постановление автоматически распространилось на находившееся тогда в Симферополе Русское Временное Церковное Управление (РВЦУ), председателем которого был Киевский митрополит Антоний (Храповицкий). Сознавая неизбежность в скором времени эмиграции, РВЦУ назначило архиепископа Волынского Евлогия (вынужденного покинуть свою каѳедру) управляющим Русскими приходами в Западной Европе на правах епархиального архиерея. Себе же РВЦУ оставило управление Русской Церковью на Балканах и в Азии[11]. Вскоре РВЦУ эвакуировалось в Константинополь (Стамбул). «Прибывшие в Константинополь иерархи немедленно обратились к местоблюстителю Вселенского Престола митрополиту Прусскому Доротеусу с просьбой разрешить им продолжать окормлять свою Русскую паству. Разрешение было дано актом от 29 Декабря 1920 года»[12]. В 1921 году по благословению Сербского Патриарха Димитрия РВЦУ разместилось в местечке *Сремски-Карловцы* в Сербии. 8 Апреля 1921 года Патриархом Tvхоном и Cvнодом также было канонически санкционировано подчинение Русских за-

падноевропейских приходов, «до восстановления нормальных отношений с Петроградом (до революции они находились в ведении митрополита Петроградского) юрисдикции архиепископа Евлогия»[13].

8 Октября 1921 г. Патриарх Тихон поручил архиепископу Евлогию совершить поездку в Америку для ревизии дел в Северо-Американской епархии, временно управлявшейся епископом Александром (Никоневским, впоследствии митрополит Брюссельский, † 1960). Однако, в связи с предстоящим Церковным Собором в Карловцах он поехать туда не смог[14]. В Америку направился митрополит бывший Одесский Платон (Рождественский) – видный церковно-общественный деятель, некогда управлявший Северо-Американской епархией и хорошо известный как среди местной паствы, так и в эмигрантских кругах. Епископ Александр передал ему управление епархией, которое он возглавил на правах Митрополичьего округа. Это назначение также было канонически санкционировано Патриархом и Синодом[15].

Кроме того, оставались на своих кафедрах поддерживавшие каноническую связь с Патриархом архиепископы Японский Сергий (Тихомиров, с 1930 г. митрополит, † 1945) и Литовский Елевферий (Богоявленский, с 1928 г. митрополит, † 1940).

Русский Всезаграничный Церковный собор 1921 года в Карловцах и дальнейшие пути развития Русской Церковной жизни за границей

21 Ноября 1921 года в местечке Сремски-Карловцы в Сербии открылся Первый Русский Всезаграничный Церковный Собор. Его численный состав был не велик – всего 96 человек, представлявших, главным образом, Русскую эмиграцию в Западно- и Юго-Восточной Европе. Среди прибывших на него архиереев были митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископы Евлогий, Анастасий, епископы Вениамин (Федченков), Серафим (Соболев) и другие; клир был представлен настоятелями Русских (бывших посольских) храмов Парижа, Берлина, Рима, Лондона и ряда других приходов; присутствовали также представители Русского духовенства, оказавшиеся в эмиграции, как, например, известный церковно-общественный деятель, член Поместного Собора 1917–1918 гг. протоиерей Востоков. Интересен состав мірян, являвшихся значительной группой участников этого Собора. В ней преобладали видные

участники Освободительного Белого движения: генералы Солнцев и Экк, адмирал князь Путятин, атаман войска Донского Граббе, председатель Высшего монархического совета бывший руководитель Союза Русского Народа Н.Е. Марков, бывший председатель Совета Министров А.Ф. Трепов, бывшие обер-прокуроры Cунода князь А.А. Ширинский-Шихматов и А.Н. Волжин, член Государственной Думы Н.Н. Львов и многие другие. Состав Собора, в «мірской» его части, как полагают не в малой степени подобранный митрополитом Антонием, определил и его программу, послужившую причиной размежевания Русской церковной эмиграции. Что касается самого Преосвященного Антония, то, несомненно, будучи звездой первой величины на Русском церковном небосклоне, – тонким богословом и ревностным пастырем, глубоким философом и ярким публицистом, человеком большой духовности и редкого обаяния, – он, по мнению митрополита Евлогия, оказался «в политических вопросах детски наивным»[16].

Действительно, в начале 1920-х годов, когда Красная Армия добивала на далёких государственных окраинах последних своих вооруженных противников, может показаться наивной вера в восстановление в России монархии. Однако, митрополит Антоний – убеждённый легитимист – имел основания надеяться на возрождение в Русском народе монархических симпатий после нескольких лет кровавого безвременья. Об этом свидетельствовал и состоявшийся в 1922 г. Приамурский Земский Собор, который, впрочем, остался совершенно неуслышанным мировой общественностью. Действительно наивными были упования Русских эмигрантов на помощь или хотя бы понимание со стороны Западных держав. «Заграница» нам не помогла и на этот раз. Эгоизм «союзников», достаточно проявившийся ещё в годы Первой Міровой войны, остался прежним и на этот раз, и Русские беженцы тщетно взывали к сочувствию «цивилизованных стран». После поражения в Европе ряда революционных восстаний и провала похода Красной Армии на Варшаву, Западные державы поняли, что міровая революция им больше не грозит и заботились лишь о том, чтобы коммунистическая пропаганда не проникала на их собственные территории. Никого из европейских политиков не волновала участь многомиллионного народа.

Между тем, Русские эмигранты продолжали относиться к своему пребыванию за границей, как к временному вынужденному явлению. По этой причине большинство их отказывалось при-

нимать гражданство тех стран, в которых они оказались, чем порой навлекали на себя гонения властей и обвинения в сепаратизме. Сам митрополит Антоний вплоть до своей смерти продолжал называть себя «митрополитом Киевским и Галицким», хотя после него на Киевской каѳедре сменилось три иерарха[17]. Все свои чаяния, все надежды на будущее эмигранты связывали исключительно со своей оставленной Родиной. Надо ли говорить, что в такой ситуации Собор не мог ограничиться решением только Церковных вопросов – тем более, что для атеистического государства, где вера в Бога была равносильна отступлению от лояльности, грань между религией и политикой была весьма зыбкой. Большевики знали это и использовали выступления зарубежных иерархов для обвинений против всей Церкви[18].

Разногласия на Карловацком Соборе начались в первый же день его работы, когда большинством в $^{2}/_{3}$ было принято «Воззвание к чадам Православной Российской Церкви», в котором указывалось на необходимость восстановления в России монархического строя.

> «Карающая десница Господня простёрта над нами, – гласило послание, – За тяжкие грехи безмерно страдает Русь, рассеяны по всему свету Русские люди.
> Нет меры и границ преступлениям, осквернившим Русскую землю. Осквернены храмы, поруганы святыни, идёт борьба против Бога, льётся кровь.
> Пролита кровь даже и Помазанника Божия, мученически закончившего свой земной путь...
> Наш долг на чужбине, в рассеянии сохранивших жизнь и не знающих скорбей, которые истребляют родную землю и ея народ, – быть едиными в Христианском духе, собранными под знамёна Креста Господня. Под сенью Веры Православной, в устах Церкви Русской.
> Наша неотступная молитва к Богу Милосердому – да будет непрестанным воздыханием – да простит Господь и нам и земле нашей тяжкие грехи и преступления наши, да просветит наш разум светом истины, сердце – пламенем любви; да укрепит волю на путях правды.
> Издревле спасалась и в веках строилась Русская земля верою, молитвами святителей и подвижников, трудами царственных Помазанников своих.
> И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле Русской,

и да осенит Он сердце народное; да вернёт на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовию народа, законного Православного Царя из Дома Романовых»[19].

Позднее было опубликовано также принятое Собором Обращение к Міровой конференции, намеченной на весну 1922 года в Генуе. В нём участники Собора пытались обратить внимание Западных держав не только на бедственное положение Русского народа, но и на возможные роковые последствия для всей міровой цивилизации в случае укрепления большевиков: «Теперь пусть подумают вершители судеб человечества, какое гибельное оружие дают они в руки всех преступных, аморальных и безрелигиозных элементов своего населения, если Всемірная Конференция, заменившая теперь совет королей и папы, введёт в свою среду убийц и цареубийц, предателей своего отечества, разбросавших в чужие руки сотни тысяч квадратных километров своей территории и десятки миллионов населения, вовсе того не желавшего и временно примирившегося со своей фиктивной свободой только для того, чтобы не быть под пятой большевиков»[20].

Обращение заканчивалось призывом:

«Народы Европы! Народы Міра! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ Русский, попавший в руки міровых злодеев! Не поддерживайте их! Не укрепляйте их против Ваших детей и внуков! А лучше помогите честным Русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм – этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего міра. Пожалейте бедных Русских беженцев, которые за свой патриотический подвиг обречены среди Вас на голод и холод, на самые чёрные работы, которые принуждены забывать всё, чему учились и быть лишёнными даже таких необходимых удобств жизни, которые доступны последнему неграмотному чернорабочему. Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти с походом в Россию, чтобы выручить её из цепей постыдного рабства разбойников. Помогите им осуществить свой патриотический долг, не дайте погибнуть вашей верной союзнице – России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ея врагом»[21].

Обращение оказалось политически малоэффективным не только потому, что европейские правительства не были распо-

ложены к безкорыстной жалости. Благодаря большевикам, в «чужие руки» отошли огромные территории, возвращать которые никто не собирался. Свержение советской власти было чревато новым переделом Европы, и западные политики предпочитали пока иметь дело со щедрыми разбойниками, чем с законными хозяевами, бережно относящимися к своим богатствам. Лишь немногие предвидели будущее могущество советской империи и драматизм многолетнего противостояния двух міров.

Почти не принеся положительных результатов, Обращение было использовано большевиками, как повод для обвинений зарубежных иерархов в антисоветизме и военном подстрекательстве. Впоследствии бывший на этом Соборе митрополит Евлогий назвал Обращение «роковым»: «только злой дух мог продиктовать его», – сказал он [22].

Разумеется, дело тут не в тексте документа. Большевики выдвинули бы свои обвинения и воспользовались ими для гонений внутри страны даже если бы участники Собора воздержались от открытых политических призывов. Советская власть преследовала верующих не за вину зарубежных священнослужителей, а просто потому, что таков был ея политический курс, согласно которому даже самый просоветски настроенный «живоцерковник» не был застрахован от репрессий и гибели. Вместе с тем, большевики не могли не видеть духовной связи эмиграции с оставленной Родиной и продолжали использовать испытанную ещё в годы Гражданской войны систему заложников. На этот раз заложниками оказались миллионы подсоветских верующих. Ответственность за их участь перекладывалась на Русских эмигрантов. Такое моральное давление раскалывало эмиграцию, связывало руки многим деятелям, кто боялся, что любое выступление против советской власти – даже слово – отразится роковым образом на судьбах соотечественников.

34 члена Собора, в том числе Преосвященные Евлогий, Анастасий, Вениамин (Федченков) и некоторые другие, отказались от участия в голосовании, уточнив, что Церковный Собор не может принимать политических заявлений: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством Отдела Духовного Возрождения России постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и Династии носит политический характер и, как таковая, обсуждению Церковного Собрания не подлежит; посему мы в решении

этого вопроса и голосовании не считаем возможным принять участие»[23].

С этого времени в Русской Церковной эмиграции началось открытое размежевание между сторонниками политического нейтралитета (неизбежно компромиссного – ибо большевики соблюдать нейтралитет не собирались) и теми, кто, чувствуя духовное единство с гонимой Церковью, не желал признавать законной власть Ея гонителей.

Деятельность Карловчан, по времени совпавшая с голодом в Поволжье и последующими процессами в связи с изъятием Церковных ценностей, невольно доставила Патриарху, а также иерархам, клирикам и церковным деятелям в России немало тяжёлых минут. Достаточно сказать, что во время упомянутых судебных процессов об отношении подсудимых к Карловацкому Собору спрашивали порой чаще, чем по существу разбираемого дела. Против Церкви использовалось даже то, что зарубежные священнослужители продолжали сохранять свою верность Патриарху Тихону, открыто заявляя об этом. Особо подчёркивалось, что Собор открылся по благословению Патриарха (хотя последний предполагал проведение лишь чисто церковного организационного совещания), а политические заявления митрополит Антоний подписывал как «наместник Патриарха Тихона». Под нажимом советских властей, надеясь предотвратить этим новую волну репрессий, Церковный Совет выпустил указ от 5 Мая 1922 года (Постановление № 349), в котором Русское Высшее Церковное Управление за границей было упразднено, а реорганизация управления Русскими зарубежными приходами поручена Преосвященному Евлогию, возведённому 30 Января того же года в митрополиты[24]. Впоследствии Патриарх Тихон неоднократно выражал порицания Карловчанам за их высказывания политического характера[25]. Нельзя, однако, не принять во внимание, что делалось это в обстановке шантажа и насилия. Вероятно, не обходилось и без подлогов. В частности, у большинства исследователей вызывает сомнения подлинность «Завещания» Патриарха Тихона. По мнению специалистов, документ был составлен ГПУ, о чём свидетельствует и игнорирование его митрополитом Сергием – несмотря на всю политическую выгоду подобных ссылок[26]. Для подробного рассмотрения этого вопроса мы отсылаем читателя к труду канадского профессора Д.В. Поспеловского «РПЦ в

XX-м столетии» (М. Республика. 1995. Сс.126–128) (известного, впрочем, своими экуменическими симпатиями), где предпринимается попытка установить его истинное происхождение, а также к Сс.757–768 Актов... .

«Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божия, злоупотребляя своим церковным положением, отдаётся без меры человеческому часто грубому политиканству... Пользуясь Нашим именем, Нашим авторитетом Церковным они... создают там вредную и контрреволюционную деятельность, – говорилось в «Завещании» Патриарха Тихона. – Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам нашей Церкви действуют от Нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о Ея благе...»[27]

Документ носил явный политический характер. Его содержание сводилось к требованию подчинения большевикам всей Церкви, причём, виновные в нелояльности должны были не только прекратить всякую неугодную коммунистам деятельность, но и принести «раскаяние перед советской властью»[28]. Хотя подлинные авторы «Завещания» не раз лицемерно обвиняли зарубежных иерархов в «неканоничности» политических заявлений, они одновременно всячески стремились произвести раскол среди верующих – как в подсоветской России, так и за ея пределами. Большевики требовали от священнослужителей всё новых и новых идеологических компромиссов – вплоть до полного отождествления себя с безбожной властью.

В связи с постановлением Высшей Церковной власти, вменявшим митрополиту Евлогию заботу о правильном окормлении Русских заграничных приходов, последний в Сентябре того же 1922 года вновь отправился в Сремски-Карловцы для выяснения отношений с РВЦУЗ. Впрочем, на состоявшемся заседании была принята следующая резолюция: «отсрочить выполнение указа впредь до выяснений обстоятельств, при которых он был издан»[29]. Видимо, митрополит Антоний, с одной стороны, был уверен в правильности своих действий, а с другой стороны, последовавший сразу же после принятия этого постановления арест Патриарха и нарушение правильного функционирования органов Высшего Церковного Управления в Москве, вызвали недоверчивое отношение к документу со стороны большинства архиереев. Всё же зарубежные архиереи «частично» подчинились Патриар-

шему указу; РВЦУ за границей было упразднено, но вместо него Архиерейским Собором (так называлось это совещание) был образован Священный Синод Русской Православной Церкви за границей, которому, практически, пытались усвоить те же функции, что и упразднённому ВЦУ. При этом епископ Вениамин (Федченков) предлагал передачу всего управления митрополиту Евлогию без всякого Собора, а если и возникала необходимость сохранить созданный Синод, то тогда именно Преосвященный Евлогий, но не митрополит Антоний должен быть его председателем[30]. Впрочем, митрополит Евлогий, сохраняя за собой право разработки плана дальнейшего управления Русскою Церковью за границей, от председательства в Синоде отказался «ради братского отношения к собратьям, закинутым в эмиграцию, во имя любви к митрополиту Антонию, старшему зарубежному иерарху, с которым (его) связывала долголетняя духовная дружба»[31].

В Мае–Июне 1923 года в Карловцах вновь был созван Архиерейский Собор, на котором митрополит Евлогий представил свой проект управления Русской Церковью за границей, предусматривавший систему 4-х автономных церковно-административных округов: Западно-Европейский, Восточно-Европейский (включая Ближний Восток), Дальневосточный и Северо-Американский с ежегодным Архиерейским Собором (кворум 12-ти епископов) для выработки общих решений.

По этому проекту была принята следующая резолюция: Синод сохранить с подчинением ему церквей на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке; Западно-Европейский округ получает автономию (предполагалась автономия и Северо-Американского округа, но решения об этом не было принято ввиду отсутствия митрополита Платона). Синод должен действовать непрерывно между сессиями Собора, подготовлять и созывать Соборы, рассматривать брачные дела[32].

Между тем, ещё ранее зарубежный Синод (дело происходило во время ареста Патриарха Тихона) обсуждал вопрос о временном обладании Церковной властью над всей Россией вплоть до освобождения Его Святейшества Патриарха Тихона или до назначения его законного заместителя. Тогда же Синод постановил: «Доверить председательствующему в Архиерейском Синоде Его Высокопреосвященству митрополиту Антонию, вместе с правами временно замещающего Патриарха вплоть до созыва Всерус-

скаго Собора, право представлять Православную Церковь во всей России и, насколько это позволят обстоятельства, руководить Церковной жизнью и Церковью не только за пределами России, но и в самой России»[33]. Данное решение находилось в противоречии с Постановлением Патриарха, Cvнода и Высшего Церковного Совета №362 от 20 Ноября 1920 г., предусматривавшем лишь самоуправление епархий в случае временного прекращения функционирования Высшего Церковного Управления. Находилось это решение в противоречии и с посланием законного Заместителя Патриарха – митрополита Ярославского Агафангела. Впрочем, о последнем Карловчане могли и не знать. Во всяком случае, в Ноябре 1923 г. находившийся уже на свободе Патриарх Tvхон и Cvнод направили митрополиту Евлогию постановление №106 с запросом, какая церковная администрация существует под именем Архиерейского Cvнода, и с категорическим утверждением, что живущий за границей митрополит Антоний не имеет никакого права говорить от имени всей Русской Православной Церкви и всего Русского народа, как не имеющий на то полномочий[34].

Тем не менее, несмотря на попытки отдельных священнослужителей смягчить возникшие противоречия, размежевание среди зарубежных Русских церковных деятелей оказалось в дальнейшем неизбежным. 4–17 Сентября 1924 г. в Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор. На нём вновь были поставлены вопросы о присвоении зарубежному Cvноду функций временной высшей церковной влаоти и о временной административной независимости от Патриарха (дабы снять с него ответственность за политические выступления эмиграции), однако, с сохранением возношения его имени за Богослужениями. Правда, по этим вопросам у большинства собравшихся хватило благоразумия решения не принимать. Зато было решено отменить автономию Западно-Европейского округа. В связи с этим митрополит Евлогий выступил со следующим заявлением: «Указом Святейшего Патриарха Всероссийского №348 от 5 Мая 1922 года, управление всеми Русскими заграничными приходами сохранялось за мною, причём мне предлагалось представить соображения о порядке управления Русскими заграничными Церквами. Согласно этому указу, имея в виду идею Церковного единства, я предложил Русскому Архиерейскому Собору 1923 г. такую организацию управ-

ления вверенной мне епархии, при которой она, находясь в каноническом единстве с другими заграничными епархиями, сохраняла бы свою внутреннюю автономию; я полагал, что таким образом лишь в малой мере осуществятся те широкие полномочия, какие лишь мне одному были предоставлены Святейшим Патриархом. Только что принятое большинством голосов постановление я считаю существенным нарушением воли Святейшего Патриарха»[35].

Решительный протест митрополита Евлогия, покинувшего Собор, заставил его деятелей оставить прежнее положение «до окончательного решения Святейшего Патриарха»[36]. Но всё более разраставшуюся трещину между консервативным Cvнодом и митрополитом Евлогием заделать оказалось уже невозможно. Пытаясь, однако, найти согласие, представители Зарубежной Церкви обратились за советом к митрополиту Сергию (Страгородскому). На это последний в письме от 12/25 Сентября 1926 года отвечал: «Дорогие мои святители. Вы просите меня быть судьёй в деле, которого я совершенно не знаю... Может ли вообще Московский Патриарх быть руководителем Церковной жизни Православных эмигрантов... Польза самого Церковнаго дела требует, чтобы вы общим согласием создали для себя центральный орган Церковнаго управления, достаточно авторитетный для разрешения всех недоразумений и разногласий и имеющий силу пресекать недоразумение и всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке...» «То было последнее письмо митрополита Сергия, в котором он свободно писал то, что внутренно осознавал истинным» (Архиепископ Иоанн (Максимович)[37].

На проходившем в Декабре 1926 г. в Карловцах очередном Архиерейском Соборе митрополит Северо-Американский Платон и митрополит Евлогий заявили, что признают за Карловацкими Cvнодом и Собором лишь морально-общественное, но не каноническое и судебно-административное значение. При этом они покинули заседания Собора, не согласившись с порядком обсуждения вопросов. Собор постановил предложить митрополиту Евлогию официально признать не только моральное, но и каноническое право Карловацких Собора и Cvнода, предупреждая в случае отказа о прещениях. Однако, митрополит Евлогий и на этот раз не подчинился решению «незаконно присвоивших высшую власть в Русской Церкви»[38].

Следствием этого явилось постановление заграничного Синода от 13 Января 1927 года о «запрещении» митрополита Евлогия в священнослужении и разрыв с ним молитвенного общения. Оценивая этот документ, митрополит Евлогий говорил: «Своим запрещением они (Карловчане) хотели сокрушить меня, рассчитывая на смутность Церковного сознания, на неустойчивость моей паствы, на старую дореволюционную привычку видеть в Синоде высшую церковную инстанцию и считать его постановления для себя обязательными. Но расчёт оказался неверный. Моя паства каким-то безошибочным чутьём правды разобралась в сложном церковном положении»[39].

С тех пор Церковная жизнь Русского Западно-Европейского округа стала развиваться уже совершенно независимо от Русской Православной Церкви за границей, какое название усвоили себе Карловчане. Возникший раскол отрицательно повлиял на духовное единство Русской эмиграции и ещё более отдалил возможность будущего воссоединения западноевропейских приходов с Русской Церковью.

В 1927 году состоялся обмен письмами между митрополитом Евлогием и Вселенским Патриархом Василием III, причём последний указывал, что запрещения, наложенные Карловчанами на Преосвященного Евлогия и верное ему духовенство – «являются деяниями канонически беззаконными и никакой посему силы не имеющими, ибо и самое существо этого самозванного собрания в качестве органа управления канонически несообразное...» Митрополит Евлогий отмечал, что к этому мнению Вселенского Патриарха присоединились Патриарх Александрийский и Антиохийский, предстоятели Элладской, Латвийской, Финляндской Церквей и архиепископ Литовский[40]. Трудно, однако, не учитывать представительность Карловацкого Собора, присутствие на нём многих авторитетных влиятельных Церковных деятелей – священнослужителей и мірян. Очевидная необъективность Вселенского Патриарха в оценке деятельности Карловчан имела политические последствия, как и признание им обновленцев. Таким образом, Восточные Патриархи в очередной раз послужили катализаторами в ослаблении позиций Русской Церкви, поддерживая и углубляя расколы.

Следует также отметить, что сложное положение Карловацкого Синода усугублялось тем, что его решения распространя-

лись на территории, находящиеся в юрисдикции других поместных Православных Церквей (где имелись Русские эмигранты), что, естественно, вызывало порой протесты их предстоятелей. Так, архиепископ Афанасий Хризостом, не приняв присланного Карловчанами в Грецию епископа Гермогена, заявил, что митрополит Антоний и другие Русские епископы, сгруппировавшиеся вокруг него, «должны подчиниться Патриарху Сербскому, поскольку они не могут действовать канонически, так как не имеют епархий и уже заменены другими каноническими епископами в своих епархиях в России»[41]. Проигнорировали в 1926 году Карловчане и совет Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия, призвавшего зарубежных иерархов войти в состав поместных Православных Церквей[42]. «Между тем, находясь в Югославии в качестве гостей Патриарха Сербского, они в действительности могли обладать только теми правами, которые им предоставил бы Патриарх Сербский (во всяком случае эти права не могли выходить за географические пределы Патриархата). Вместе с ними и другие епископы, рассеянные не только в Югославии, но и на территории других автокефальных Церквей и даже в неправославных странах, стремились добиться полноты Церковной власти, которая принадлежит высшему руководству Поместной Церкви. Они считали себя канонически послушными Московскому Патриархату и в то же время призванными частично заменить Патриархат», – писал анонимный парижский автор, отмечая канонические дефекты Карловацкого Церковного управления[43].

Итак, в 20-е – первой половине 30-х годов в ведении Карловацкого Синода находились Русские приходы на Балканах (митрополит Антоний, архиепископ Анастасий и др. в Югославии, архиепископ Серафим (Соболев) в Болгарии) и на Ближнем Востоке (храмы и монастыри Русской Православной миссии в Палестине, общины в Александрии, Багдаде), а также в Китае (Харбинская, Пекинская, Хейларская епархии, которые возглавляли епископы Нестор, Виктор, Димитрий). Несмотря на то, что приходы в Германии должны были находиться в ведении митрополита Евлогия, Зарубежной Церкви всё же в 1927 г. удалось часть из них подключить к своему управлению (епископы Тихон (Лященко), Серафим (Ляде) из Русских немцев, выпускник Московской Духовной Академии, хиротонисан во епископа Карловчанами).

Также они подключили себе приходы в Швейцарии и Италии. К Русской зарубежной Церкви присоединилась и часть приходов во Франции, куда был назначен архиепископ Серафим (Лукьянов – бывший Финляндский). Под юрисдикцию «Карловацкой» Церкви перешли некоторые приходы Северо-Американского округа, которые возглавил епископ Тихон и Русские приходы в Южной Америке и Австралии[44]. В короткий срок Русская Православная Церковь за границей объединила большинство приходов Русского зарубежья. Успех, по-видимому, объясняется тем, что монархическая, антиассимиляционная программа Карловчан нашла живой отклик среди политических изгнанников.

Следует отметить, что Карловчане призывали к подчинению себе не только эмигрантских приходов, но и тех зарубежных епархий, где Русские эмигранты составляли лишь очень незначительную часть верующих. Такие требования были обращены, например, к митрополиту Японскому Сергию (Тихомирову). Причём в случае неподчинения ему угрожали смещением. Однако, он решительно отвергал эти предложения до конца своих дней († 1945), сохраняя каноническое общение с Московской Патриархией.

Однако, в Китае, где наряду с Православными Китайцами Церковные общины состояли из многочисленных Русских эмигрантов, порой, людей малоцерковных, но настроенных резко антисоветски, ни о каких политических компромиссах не могло быть и речи. Даже епископы, сохранявшие некоторое время каноническую связь с Московской Патриархией, в конце-концов вынуждены были уступить монархическим настроениям своей паствы (епископы Пекинский Виктор (Святин), Нестор (Анисимов))[45]. Иной была ситуация в «ближнем зарубежье». Церкви в изгнании не удалось привлечь на свою сторону митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского), до самой своей кончины († 31.12.1940) находившегося в каноническом общении с Московской Патриархией.

Обращаясь к последующей истории Русской Православной Церкви заграницей, следует отметить, что в Апреле 1934 года митрополитом Евлогием была предпринята попытка примирения с митрополитом Антонием, чтобы «успокоить взволнованные церковной смутой умы паствы и дать Cvноду (Карловацкому) загладить вину неосмотрительности и отсутствия братолюбия, которые довели его до неканонического постановления...»[46] Однако, Архиерейский Собор в Карловцах снял с Преосвященного

Евлогия запрещение «для пользы Церкви»[47]. Впрочем, у митрополита Евлогия к этому времени отсутствовали канонические отношения с Московской Патриархией в лице митрополита Сергия.

А 9 Июня 1934 года митрополит Сергий и Временный Патриарший Сунод при нём постановлением №50 сместили с занимаемых каѳедр и предали Соборному суду всех неподчинившихся митрополиту Сергию архиереев, причём 8 из них во главе с митрополитом Антонием с запрещением в священнослужении[48]. Нужно сказать, что ещё постановлением митрополита Сергия (№104) от 9 Мая 1928 года Карловацкий Сунод вновь был распущен. Всем зарубежным иерархам, желавшим находиться в каноническом общении с Московским Патриархатом, было предложено прислать письменное обещание в лояльности советской власти (что, по мнению митрополита Евлогия означало «невмешательство Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы церковный амвон превращался в политическую трибуну»)[49]. Ослушникам этого постановления митрополит Сергий угрожал запрещением в священнослужении и предании Соборному суду. Тех же, кто подчинится решению о роспуске Сунода, но не даст обещания в лояльности, ожидало исключение из послушания Московскому Патриархату и смещение с каѳедры[50].

Нетрудно было догадаться, от кого в действительности исходило это откровенно политическое требование. Оно внесло новую смуту в жизнь Русской эмиграции, но и на сей раз большевики не смогли взять под свой контроль Церковь Русского зарубежья. Спекулируя на миролюбивых настроениях священнослужителей, они в действительности хотели совсем иного, чем «невмешательство Церкви в политическую жизнь», ибо обязательные письменные клятвы верности советскому строю как раз и означали превращение церковного амвона в «политическю трибуну»[51]. Это не имело ничего общего с подлинным отделением Церкви от государства, принципы которого изложены в Памятной записке Соловецких епископов. Не имея возможности полностью игнорировать политические вопросы в момент острого противостояния двух міров, зарубежные священнослужители с возмущением отвергли навязываемое им идеологическое рабство. Маловероятно, чтобы и сами большевики верили в добровольный отказ от политической свободы всей Русской эмиграции. Требования лояльности в отношении советской власти носили скорее провокационный, нежели практический характер.

В Апреле 1933 года митрополит Сергий обратился с посланием к Сербскому Патриарху Варнаве, прося его посредничества в диалоге с Карловчанами. При этом последним предлагалось либо выполнить постановление 1928 года, либо перейти в юрисдикцию другой Православной Поместной Церкви[52]. Естественно, этот шаг также не нашёл отклика у зарубежных иерархов, о чём Патриарх Варнава писал в Москву. Спустя год, митрополит Сергий объявил, что «время увещеваний, ожиданий и назначений новых сроков прошло; наступило время перейти от слов к действиям»[53]. Тогда-то и было принято уже упомянутое постановление №50. Надо ли говорить, что оно не смутило Карловчан и не имело для них последствий. Вместе с тем, не смущало их и изолированное положение в среде Православных Церквей, в котором они находятся до сих пор...

Осенью 1935 г. в Карловцах вновь был созван Архиерейский Собор, причём на этот раз на нём присутствовали митрополиты Евлогий и Феофил, возглавивший Американский Митрополичий округ после кончины митрополита Платона в 1934 году. Но и эта всезарубежная встреча не принесла желанного единства:

> *«...Главное наше горе, – сказал митрополит Евлогий в своём выступлении на Соборе, – не в той или иной организации Церковного управления, а в том, что потеряно доверие друг к другу; вместо взаимной братской любви царит подозрительность, полное отчуждение... Если бы удалось восстановить нравственные начала нашего общения, тогда легко бы было найти и формы Церковного управления»*[54].

На Соборе был предложен архиепископом Болгарским Серафимом (Соболевым) вопрос о суде над протоиереем Сергием Булгаковым по обвинению в софианской ереси. Год спустя Карловацкий Собор признал учение о Софии проживавшего тогда в Париже и находившегося в юрисдикции митрополита Евлогия о.Сергия Булгакова ересью[55].

Архиерейский Собор 1935 г. одобрил создание единого фронта всего христианского мира для борьбы с безбожием и коммунизмом. Ещё ранее, 28 Августа 1932 г. Архиерейский Собор РПЦЗ анафематствовал масонство.

В 1936 году завершился земной путь бывшего митрополита Киевского Антония (Храповицкого).

На его место «первоиерарха Русской Православной Церкви за границей» Карловацким Собором был избран архиепископ бывший Кишинёвский Анастасий (Грибановский), получивший сан митрополита. Последний был присвоен ему Сербским Патриархом Варнавой. Следует заметить, что Сербская церковная общественность вследствии исторических причин с особенной любовью относилась к Русіянам и к памяти Русскаго Императорского Дома и естественно сочувствовала Зарубежной Церкви.

1938 год вновь привёл к резкому конфликту между Карловчанами и митрополитом Евлогием. Ещё в 1937 году Германское правительство признало Карловацкого епископа Тухона главой Православной Русской Церкви в Германии. А спустя несколько месяцев, 25 Февраля 1938 года рейхсканцлер А.Гитлер издал декрет о передаче всех церковных имуществ в распоряжение министра культов, что фактически означало передачу германских приходов Западно-Европейского Экзархата в Зарубежную Церковь. 30 Мая 1938 года в Берлине митрополитом Анастасием был освящён собор, построенный для Русіян Германским правительством, ассигновавшим на это первоначально 45,000 марок и далее по мере надобности.

В то время многие Русские эмигранты (да и не только эмигранты), отчаявшиеся и уставшие от безразличия к своим проблемам «демократических» правительств, искренне питали в себе надежду, что А.Гитлер является их главным и практически единственным союзником в борьбе за возрождение России. Архимандрит Иоанн (Шаховской), впоследствии епископ Сан-Францисский, в начале Великой Отечественной войны выпустил воззвание «Близок час», где приветствовал действия Германской армии, которую он считал освободительноцей России от большевизма:

> *«В крови и грязи пришедшее, уйдёт в крови и грязи. Человеконенавистническая доктрина Маркса, вошедшая в мір войной - войной исходит.[...] До каких дней желанных, под-Советской, и Зарубежной России довелось дожить. Не сегодня-завтра откроются пути свободной жизни, свободного исповедания веры Христовой, свободных слов о Боге. Пред своей кончиной в Москве, в начале большевизма, афонский старец Аристоклий сказал такия, буквально записанныя (людьми, автору сих строк близкими) слова: «Спасение России придёт, когда Немцы возьмутся за оружие». И ещё пророчествовал: «Надо будет Русскому наро-*

ду пройти через многия ещё унижения, но в конце он будет светильником веры для всего міра». Кровь, начавшая проливаться на Русских полях с 22 Июня 1941 года, есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч Русских людей, которые будут скоро выпущены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие Русские люди будут скоро отданы России. Лучшие пастыри будут отданы Церкви, лучшие учёные – Русской науке, лучшие писатели – народу, отцы – детям своим и дети – родителям; к жёнам вернутся с далёкаго севера любимые мужья; сколько друзей разосланных вновь соединятся... Невозможно себе представить сколько будет радости людям... Промысел избавляет Русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить своё предначертание.

Кровавая операция свержения Третьяго Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей Германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно. У каждаго народа есть свои качества и дары. Операция началась, неизбежны страдания, ею вызываемыя. Но невозможно было Провидению далее выжидать свержения безбожнаго интернационала рукою сосланных и связанных на всех своих местах Русских людей. Невозможно было долее ждать, что за эту задачу возьмутся те, так называемыя «христианския» правительства, которыя в недавней испанской борьбе были и материально и идеологически не на стороне защитников Христианской веры и культуры. Обезсиленные и закрепощённые по лагерям, заводам и колхозам Русские люди были безсильны подняться против международной атеистической силы, засевшей в Кремле. Понадобилась профессионально-военная, испытанная в самых ответственных боях, железно-точная рука Германской армии. Ей ныне поручено сбить красныя звёзды со стен Русскаго Кремля. И она их собьёт, если Русские люди не собьют их сами. Эта армия, прошедшая своими победами по всей Европе, сейчас сильна не только мощью своего вооружения и принципов, но и тем послушанием высшему зову, Провидением на неё наложенному сверх всяких политических и экономических разсчётов. Сверх всего человеческого действует меч Господень.

Новая страница Русской истории открылась 22 Июня, в день памяти Всех святых, в земле Русской просиявших. Не ясное ли это даже для самых слепых знамение того, что событиями руководит Высшая Воля. В этот чисто Русский (и только Русский) праздник, соединённый со днём Воскресения, началось исчезновение демонских криков «Интернационала» с земли Русской... Внутреннее воскресение зависит от сердца человеческаго; оно подготовлено многими молитвами и терпеливым страданием. Чаша исполнена до краёв. «Великое землетрясение» начинает «колебать основание темницы» и скоро «у всех узы ослабеют» (Деян16:26). Скоро, скоро Русское пламя взовьётся над огромными складами безбожной литературы. [...] Иван Великий заговорит своим голосом над Москвой и ему ответят безчисленные Русские колокола. Это будет «Пасха среди лета», о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостнаго духа пророчествовал великий святой Русской земли, преподобный Серафим.
Лето пришло. Близка Русская Пасха...

Архимандрит Иоанн»

«Новое Слово». № 227/356. 29 Июня 1941 года. Берлин».

Однако, геноцид славянских народов при нападении Германии на СССР резко изменил настроения Русской эмиграции, – как мірян, так и клириков. Например, митрополит Зарубежной Церкви Анастасий, который 12 Июня 1938 года выразил благодарность А.Гитлеру за закон об имуществе Русской Церкви в Германии и за ассигнование средств на строительство Православного Собора в Берлине, после нападения на Россию не издал ни одного письменного акта в поддержку его Правительства. Несмотря на давление и угрозу интернирования, он отверг предложение немецких властей выпустить специальное Воззвание к Русскому народу, указав что при неясности для него германской политики в отношении России он этого сделать не может[56]. Однако, в целом отношение Русских эмигрантов к Гитлеру оставалось неоднозначным: многие из них входили в Русскую Освободительную Армию генерала А.А. Власова и в созданный в 1944 г. Комитет Освобождения Народов России (К.О.Н.Р).

О личности и деятельности генерала А.А. Власова свидетельствует клирик Р.П.Ц.З. о.Александр Киселёв (в 1992 году перешедший в Московскую Патриархию и проживающий ныне

в Московском Донском монастыре): «Да, я действительно имел честь довольно близко знать генерала Власова и считаю его носителем весьма редкого, если не единственного случая в истории, когда патриот, находясь в плену врага, стремился искать пути для продолжения активной борьбы с этим врагом. Считаю позором, что у нас на Родине можно называть верного сына Отечества предателем. Генерал Власов хотел создать из безчисленного количества наших пленных Русіян, вывезенных немцами на работы в Германию, антисталинскую и антигитлеровскую освободительную армию. Они под этим флагом и шли: Р.О.А. – Русская Освободительная Армия. Я уверен, что наступит день, когда памятник генералу Власову будет поставлен рядом с памятником маршалу Жукову у Иверской часовни в Москве»*.

Граф Николай Дмитриевич Толстой-Милославский, много лет посвятивший изучению документов, свидетельств и материалов о насильственной репатриации – выдаче союзниками (англичанами и американцами) тех Русіян, которые воевали на стороне Германской армии органам НКВД, писал: «Со времени окончания Гражданской войны и до сего дня Андрей Власов – единственный Русіянин, который вёл открытую политическую и военную борьбу на Русской земле против советского режима. Оценка роли Р.О.А. грядущими поколениями будет зависеть от судьбы самой России»**.

Трагедия Русской эмиграции 1930-х годов заключалась в том, что она оказалась между двух огней: с одной стороны, её разлагали и пытались использовать в своих целях агенты НКВД, с другой – на неё имели собственные виды вожди рейха. Надо ли говорить, что и те и другие оказывали давление на безправных, отчаявшихся, забытых мировым сообществом людей. В этой ситуации лишь немногие из Русских эмигрантов сумели продолжить общественную деятельность, сохраняя политическую и духовную независимость.

В Августе 1938 года Карловацкий Собор принял резкое постановление против митрополита Евлогия[57]. А осенью был уволен на покой епископ Тухон (Лященко) и на его место назначен Серафим (Ляде) с титулом епископа Потсдамского. Между тем борьба за переход «евлогианских» приходов в ведение Карловчан в Гер-

---

** Газета «Радонеж». № 4(48). Февраль. 1997. С.8–9.*
*** Н.Д. Толстой. Жертвы Ялты. М. 1996. С.344.*

мании вступила в решающую фазу. Вот как характеризовал её митрополит Евлогий:

> «Немцам хотелось показать, что этот переход будет совершён добровольно, а не под насильственным давлением. Священника призывают в Министерство культов и там всячески уговаривают, даже с угрозами, чтобы они вместе с прихожанами переходили в Карловацкую юрисдикцию... Митрополит Анастасий пишет мне письмо («словеса лукавствия»...), что в моих приходах причты готовы меня покинуть и слово теперь только за мной, чтобы переход закрепить формально. Я отвечаю, что в вопросах веры и Церкви я больше всего ценю свободу совести; мои прихожане уже определили себя в Церковном отношении, их позиция мною одобрена, и я не считаю себя обязанным ломать их Церковные убеждения... Наших священников начинают вызывать в гестапо, изводят допросами... Будем бороться до конца, нас могут взять (как уже и берут) только насилием, и пусть на совести тех, кто прибегает к такого рода средствам, останется это недоброе, не Христианское, не Церковное «душеводство»[58].

История Карловацкой юрисдикции в предвоенный период характерна постепенным ослаблением связей с Московской Патриархией. Если в первые годы во всех храмах Зарубежной Церкви поминалось имя Патриарха Тихона, а позднее – Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Крутицкого), то Декларация митрополита Сергия с непременным требованием лояльности советской власти делали невозможным дальнейшее подчинение Московской Патриархии. Естественно, с годами к чувству духовной независимости подмешалась и доля гордыни, чрезмерная уверенность в собственном приоритете и даже полное неприятие Церкви Московской Патриархии, как «Сергианской ереси», что мы, к сожалению, и наблюдаем в наше время.

Вместе с тем, Зарубежная Церковь продолжала считать себя частью единой Русской Православной Церкви. Ежедневно в Православных храмах тех стран, где были колонии Русских эмигрантов, возносились молитвы за Россию, за страдающих от гонений братьев. В 1940-е годы тысячи советских граждан, волей судьбы оказавшихся на чужбине, нашли приют и утешение в лоне Зарубежной Церкви.

Русская Православная Церковь за границей. Послевоенное положение и устройство.

Вторая міровая война и сразу последовавший за ней период явились для Карловчан по преимуществу временем утрат.

Ещё в Феврале 1945 года многие представители Православного клира и паствы Берлина покинули город, ежедневно подвергавшийся ожесточенной бомбардировке союзной авиации, и двинулись на запад в ожидании прихода Англо-американских войск. К окончанию войны оказался в Мюнхене и митрополит Берлинский и Германский Серафим, впоследствии там скончавшийся. В 1945 году, после поражения фашистского правительства окормление приходами в Берлине и восточной части Германии взял на себя архиепископ Брюссельский Александр, ещё в 1940 году арестованный агентами гестапо и до конца войны находившийся под домашним арестом.

По окончании войны в советской зоне оккупации (до 1989 г. – территория ГДР) оказалось несколько Русских храмов, управление которыми осуществлял архиепископ Александр: 3 храма в Берлине, по одному – в Потсдаме, Лейпциге и Дрездене. Все они перешли в юрисдикцию Московской Патриархии, образовав, таким образом, основной костяк будущего Патриаршего Среднеевропейского Экзархата.

Изменилось положение и на Балканах. Митрополит Анастасий вынужден был перевести Карловацкое Церковное управление из Югославии сначала в Мюнхен, а затем (в 1948 г.) в США в г. Джорданвилль (штат Нью-Йорк – Jordanville, N.-Y.), где оно находится до сих пор. Русские приходы в Югославии перешли в полное ведение Сербской Церкви, а Русский храм в Белграде вскоре преобразовался в подворье Московского Патриархата. Перешёл в юрисдикцию Московской Патриархии и окормлявший Русіян в Болгарии архиепископ Богучарский Серафим (Соболев). Его каѳедральный (бывший посольский) храм в Софии также вскоре стал Русским Патриаршим Подворьем.

Митрополит Серафим (Лукьянов), возглавлявший 30 приходов во Франции, составлявших Карловацкую Западно-Европейскую епархию, в Сентябре 1945 г. во время пребывания в Париже митрополита Крутицкого и Коломенского Николая вступил в каноническое общение с Московской Патриархией. После кончины митрополита Евлогия он был назначен экзархом Московского

Патриархата в Западной Европе. Впрочем, не все окормлявшиеся им приходы пожелали признать новую юрисдикцию.

Существовавшее в Харбине (Китай) управление Дальневосточной Православной Церковью в лице митрополита Мелетия, архиепископов Нестора, Димитрия, епископа Ювеналия, окормлявших значительные массы Русского Православного населения в Китае, также 26 Июля 1945 года обратилось к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию с просьбой принять их в каноническое общение. В своём послании Патриарху эти Преосвященные, в частности, указывали: «Харбинская епархия, в течении всего своего существования с 1922 года, по милости Божией, пользовалась тишиной и миром во внутренней своей жизни: храмы умножались, приходы устроялись, насаждались рассадники духовного просвещения – Богословский факультет и Духовная семинария – и вся жизнь текла по указаниям Соборного определения 1917–1918 гг. и по заветам Патриарха Тихона. Но каждый из нас в эти долгие годы переживал великую душевную тяжесть, будучи оторван произошедшими событиями от нашей Святой Матери Российской Православной Церкви»[59]. 26 Октября 1945 г. в Харбине, куда по поручению Патриарха Алексия прибыл епископ Ростовский и Новочеркасский Елевферий, состоялся акт воссоединения. Был образован Патриарший Дальневосточный Экзархат, ставший впоследствии Автономной Китайской Православной Церковью.

Однако, архиепископ Шанхайский Святитель Иоанн (Максимович)*, остался верен Зарубежному Синоду. После прихода к власти коммунистов в конце 1940-х годов он вместе с 5000 Русских беженцев вынужден был покинуть Китай и разделил со своей паствой все тяготы изгнания.

Утратили Карловчане и часть Русских владений в Палестине, также перешедших в 1948 году в ведение Московской Патриархии и составивших части Русской Духовной Миссии в Иерусалиме[60]. В ведении РПЦЗ в Палестине остались Елеонский женский монастырь, Гефсиманская женская обитель, обитель в Хевроне при Мамврийском Дубе, Судные Врата и ещё несколько часовен.

**Известный своей святостью ещё при жизни, Святитель Иоанн был канонизован Архиерейским Синодом РПЦЗ 19 Июня 1994 г.*

«С образованием государства Израиль, церковное имущество, оказавшееся на израильской территории, было административным распоряжением, в нарушение закона, передано СССР (в благодарность за содействие созданию еврейского государства). СССР же значительную часть этих земельных участков и построек в 1960-е годы за безценок продал тому же Израилю: сделку назвали «апельсиновой», так как значительная часть ея была оплачена цитрусовыми. Однако, в результате затянувшейся стоянки в порту, товар оказался непригодным к употреблению, и по прибытии судна в Одессу полностью уничтожен. Часть владений советские власти передали представителям Московской Патриархии»[61].

В 1945 году пребывавший с паствой в Ираке и находившийся в ведении Карловацкого Cунода епископ Урмийский и Саламасский Иоанн просил Патриарха Алексия о воссоединении его с Московской Патриархией.

Следует отметить, что большое влияние на часть Русской церковной эмиграции, кроме изменения внешних условий в ряде зарубежных епархий, оказали некоторые изменения внешнего положения Православной Церкви в СССР. Собор в Москве в Январе 1945 г., восстановление Патриаршества и другие события, произведшие на людей, долгое время оторванных от действительности на Родине, сильное впечатление. Это не в малой степени способствовало увеличению числа сторонников установления канонических отношений с Московской Патриархией. Однако, нельзя упускать из виду и силовые методы: в тех странах, где устанавливалась советская власть, Зарубежная Церковь ликвидировалась автоматически.

Между тем, утратив Китай, Карловчане до некоторой степени восстановили упущенное, образовав обширную епархию в Австралии, куда после войны хлынул большой поток Русских из Китая (часть эмигрантов, в том числе много духовенства, переехало в СССР). В настоящее время многочисленное Русское поселение в Австралии (более 300 тысяч человек) окормляется исключительно Карловацким духовенством.

Нужно добавить, что после войны появилась вторая волна Русской эмиграции из так называемых перемещенных лиц, расселившихся, главным образом, в Австралии, Канаде, США, Южной Америке, а также частично осевших в Западной Германии.

Как правило, многие из них пополняли именно Карловацкую паству. Карловчане сохранили за собой большинство Русских приходов в Западной Германии и Швейцарии, в других западно-европейских странах.

После войны они заметно активизировались в Северной Америке, куда переехал Cvнод Зарубежной Церкви. В Троицком монастыре в Джорданвилле, где разместился Ея духовный центр, была открыта семинария и типография преподобного Иова Почаевского, где печатаются Богослужебные книги и множество Русской Богословской и Церковно-общественной литературы. Издаётся журнал «Православная Русь» и другая периодика. На территории США и Канады Зарубежной Церковью было образовано 5 епархий.

Кроме шести епархий РПЦЗ в Северной Америке, трёх епархий в Европе, имеются епархии в Южной Америке (Бразильская, Аргентинская, куда входят благочинические округа в Уругвай, Чили и Парагвае), в Азии (Палестина), в Африке и Австралии. Они также объединяют большинство проживающих там Православных Русского происхождения. Своё начало Карловацкие епархии в Южной Америке берут от Русской Православной общины в Буэнос-Айресе, которую возглавлял настоятель бывшего посольского храма протоиерей К.Изразцов, поддержавший в 20-е годы Карловацкий Cvнод.

Таким образом, Карловчане продолжают оставаться достаточно крупным Русским Церковным сообществом за рубежом. К концу 1970-х годов они имели 16 архиереев, 460 приходов, около 700 тысяч верующих. В Джорданвилле периодически собираются архиерейские и всезаграничные Соборы. После кончины *митрополита Анастасия* в 1964 году первоиерархом Зарубежной Церкви в сане митрополита был избран епископ Брисбейнский (Австралия) *Филарет (Вознесенский)*, который управлял Церковью до 1986 года.

Митрополит Филарет происходил из семьи священника, богословское образование, пострижение и священство получил в Харбине, где затем преподавал в семинарии и был законоучителем в Русской гимназии. После Второй Мировой войны его отец, тогда уже архиепископ бывший Хейларский Димитрий, вернулся на Родину, где вскоре скончался († 1.01.1947), а игумен Филарет уехал в Австралию, где в 1961 году был хиротонисан на Брисбейнскую каѳедру. Другим видным деятелем Карловчан являет-

ся архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний, уже весьма пожилой человек, помнящий ещё дореволюционную Россию.

В своей Церковно-общественной идеологии со времен митрополита Антония Карловчане практически не претерпели изменений. Их отношение к современной Московской Патриархии по-прежнему отличается ригоризмом и непримиримостью. Впрочем, это не значит, что внутри Зарубежной Церкви полностью отсутствуют стремления к преодолению расколов. Так, в 1974 г. на III-м Всезарубежном Соборе в Джорданвилле было принято важное решение о снятии клятв на «старые обряды»[62].

У истоков этой ветви Русской Церкви стоял такой выдающийся богослов, как митрополит Антоний (Храповицкий). Издаваемая Карловчанами богословская литература переправлялась, главным образом, на Родину в Россию, и какую радость и утешение доставляла тем христианам, которым она попадала, каким чувством благодарности преисполнялись тогда наши сердца, получая весточку из свободной Русской Церкви, сохраняющей нашу дореволюционную культуру!

Из сочинений интерес представляют труды епископа Бостонского Митрофана (Зноско-Боровскаго) по истории и догматике Римо-католичества, исследование архимандрита Амвросия (Погодина), посвящённое Флорентийской унии и деятельности Марка Ефесского, агиографические и канонико-полемические сочинения прот. М.Польского, написанный ещё в 30-е годы объёмный труд архиепископа Серафима (Соболева) с опровержением учения о.Сергия Булгакова о Софии. Особенное место в истории Русского Православия представляют труды англичанина по происхождению иеромонаха Серафима (Роуза).

Личность и труды Святителя Иоанна (Максимовича)

В 1920-е годы началось служение Святителя Иоанна (Максимовича), канонизованного Архиерейским Cvнодом в 1994 году.

Святитель Иоанн (в миру Михаил Борисович Максимович) родился 4 Июня 1896 г. Его родители были потомственными дворянами. Один из его предков – Святитель Иоанн, митрополит Тобольский – стал последним святым, канонизованным при Царемученике Николае II в 1916 г. Юный Михаил учился в Петровском

Полтавском кадетском корпусе, а затем на юридическом факультете Харьковского университета. В конце Гражданской войны семья Максимовичей, как и тысячи других Русских беженцев, оказалась в Сербии. Там Михаил поступил на Богословский факультет Университета Свят.Саввы, который закончил в 1925 г. Год спустя в монастыре Мильково Михаил был пострижен в монашество с наречением имени Иоанн – в честь своего святого предка – и посвящён в иеродиакона, а вскоре и в иеромонаха. Святитель Иоанн преподавал сначала в Сербской гимназии, а затем, с 1929 г. в Сербской семинарии св. Апостола Иоанна Богослова в г.Битоле. Он пользовался большой любовью воспитанников, был для них не только учителем, но и великим молитвенником. В 1934 г. Архиерейский Cynod РПЦЗ постановил возвести Свят. Иоанна в сан епископа с назначением его в Шанхай, викарным архиереем Пекинской миссии. Посвящение состоялось 28 Мая 1934 г. Свят. Иоанн был последним епископом, которого рукоположил митрополит Антоний (Храповицкий).

По прибытии в Шанхай (21 Ноября 1935 г.) молодому епископу предстояло завершить строительство собора в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных». Он успешно разрешил возникший в связи с этим юрисдикционный конфликт. В дальнейшем Свят. Иоанн всегда стремился к прекращению внутрицерковных распрей, смиренно перенося клевету и несправедливые преследования.

В Шанхае Святитель Иоанн возглавлял строительство храма, госпиталя, больницы для престарелых, общественной столовой. Он основал приют Святителя Тихона Задонского для сирот и детей нуждающихся родителей, число воспитанников которого достигало двухсот. Владыка сам собирал безпризорных детей на улицах и в трущобах Шанхая. Он неустанно посещал больницы, школы, тюрьмы, светския и военныя учреждения. Особое внимание Святитель Иоанн обращал на воспитание юношества в строго православном и Русском национальном духе. Своими трудами, святой жизнью и молитвенными подвигами он снискал безусловную любовь паствы. Когда во время японской оккупации были убиты два председателя Русского Эмигрантского Комитета, Свят. Иоанн, несмотря на опасность объявил себя временным главой русской колонии.

После окончания Второй Мировой войны и кончины митрополита Мелетия советское правительство усилило давление на

зарубежное духовенство, в результате чего почти все иерархи Дальнего Востока подчинились новоизбранному Патриарху Алексию. Но Свят. Иоанн, узнав, что вопреки слухам Зарубежный Cvнод продолжает действовать, заявил о своей верности РПЦЗ. После долгого молчания пришёл указ Архиерейского Cvнода о возведении епископа Иоанна в архиепископы с непосредственным подчинением Cvноду.

В конце 1940-х годов в Китае к власти пришли коммунисты. Это вызвало новый поток русских беженцев – на этот раз через Филиппинские острова в Австралию и Америку. Около 5000 эмигрантов из Китая нашли временный приют в лагере Международной Беженской Организации на острове Тубабао. В палатках, почти в первобытных условиях, под угрозой страшных океанских ураганов, они более двух лет ждали решения своей участи. Среди беженцев были воспитанники приюта Свят. Tvхона Задонского, старики, больные. Архиепископ Иоанн делил со своей паствой все невзгоды изгнания. Каждую ночь он обходил лагерь, осеняя его с четырёх сторон крестным знамением. Разрушительный тайфун налетел на остров лишь тогда, когда почти все беженцы были эвакуированы.

Ни одна страна не желала принять русских изгнанников. С большим трудом Свят. Иоанн добился у американских властей разрешения, чтобы обитатели лагеря смогли поселиться в США.

В 1951 г. Владыка был назначен главой Западно-Европейской епархии. Он постоянно объезжал приходы, служил Литургию на разных языках, приобщая к Православию французов, голландцев и других европейцев. Свят. Иоанн собирал сведения о некоторых древних святых. почитавшихся ещё до раскола Церкви. но забытых на Востоке.

Осенью 1962 г. Владыка прибыл в Америку в помощь состарившемуся архиепископу Tvхону, а после его кончины († 17 Марта 1963 г.ст.ст.) стал правящим архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским. Прежде всего он возобновил приостановленное (из-за нехватки средств и общинных распрей) строительство нового кафедрального собора в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радосте».

Служение Владыки, к сожалению, проходило в нездоровой обстановке внутрицерковных разногласий. Смиренно перенося человеческую зависть и клевету, он даже вынужден был один раз

появится в американском гражданском суде. В 1964 г. строительство самого большого храма РПЦЗ в Америке было, в основном, завершено.

Святитель Иоанн скончался в Сеаттле после совершения Божественной Литургии в Николаевском соборе. куда он сопровождал чудотворную Курско-Коренную икону Божией Матери. Произошло это 19 Июня (ст.ст.) 1966 г.

Осенью 1993 г. Архиерейский Cунод поручил специальной комиссии во главе с архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским Антонием освидетельствовать останки Свят. Иоанна. Владыка Антоний снял с лица Святителя воздух и все увидели нетленный лик Богом прославленного святого. На заседании Архиерейского Cунода 19 Июня (ст.ст.) 1994 г. – в годовщину его кончины – произошло прославление Святителя Иоанна, который сегодня почитается не только Зарубежной Церквью, но и многими верующими Московской Патриархии.

Русское Православие в Северной Америке

Известно, что эмиграция в Северную Америку из России, как и из других стран Старого Света, началась ещё до революции, и политические мотивы для подавляющего большинства переселенцев не играли при этом роли. Уже во время управления Американской Православной Церковью архиепископом Тихоном (будущий Всероссийский Патриарх), когда в 1907 году в Мейнфильде состоялся 1-й Всеамериканский Православный Собор, большинство Православных переселенцев в Америке были либо уже натурализовавшимися американскими гражданами, либо ставшими такими в перспективе, но сохранявшими Русские обычаи и память о своей исторической родине. Кроме того, продолжала действовать появившаяся ещё в XVIII веке миссия на Аляске, а также были случаи обращения американцев инославного происхождения. Всё это определяло дальнейшие пути развития американского Православия, в частности, совершенствование Церковного управления, развитие соборных начал, что и предусматривалось решениями первого и последующих Всеамериканских Соборов.

Преосвященного Тихона на посту американского правящего архиерея сменили архиепископы Платон (Рождественский) и с 1914 года Евдоким (Мещерский). Последний в 1917 году отбыл на Всероссийский Собор, оставив управление епископу Аляскинскому Александру, да так и остался в России, будучи сперва избранным на Нижегородскую кафедру, а после уйдя в обновленчество и, наконец, совсем оставивши всякое церковное делание[63].

В 1920 году в Америку вновь прибыл митрополит бывший Одесский Платон, получивший впоследствии благословение священноначалия Русской Церкви на управление Американской епархией[64]. Следует отметить, что в это время в США стала появляться Русская политическая эмиграция, пока не столь многочисленная как в Европе, но достаточно активная и предприимчивая. И хотя митрополит Платон не участвовал в Карловацком Соборе 1921 года и не нёс ответственности за его манифестации, всё же некоторые его выступления в последующие два года были расценены как политические, что вызвало необходимость у Патриарха Тихона в Январе 1924 г. уволить его от управления епархией и отозвать в Москву[65]. Однако, проходивший в этом же году в Детройте IV-й Всеамериканский Собор объявил со ссылкой на Патриаршее постановление №362 от 20 Ноября 1920 г. о временном самоуправлении или временной автономии Американского Митрополичьего округа. При этом в соборных решениях проводилась мысль о единстве Церкви Американской с Матерью Русской Православной Церковью, которой первая обязывалась дать отчёт в своих действиях в случае канонически созванного Всероссийского Церковного Собора[66]. В отношениях с Русским зарубежным Синодом (Карловчанами) Американский округ также держался принципов административно-канонической автономии, признавая необходимость «братского взаимоотношения и необходимой поддержки в делах церковных», о чём в 1926 г. митрополит Платон, а в 1935 г. митрополит Феофил доводили до сведения Карловчан на их Архиерейских Соборах, впрочем, к явному неудовольствию последних[67].

9 Марта 1933 года митрополит Сергий и Временный Патриарший Синод приняли постановление о командировании проживавшего за рубежом архиепископа Вениамина (Федченкова) в качестве временного экзарха Московской Патриархии «для обследования и упорядочения дел Северо-Американской епархии»[68].

Однако, у последнего нашлось тогда в Соединённых Штатах немного сторонников. В Августе того же года последовало постановление митрополита Сергия и Cynoда при нём об окончательном упразднении автономии Северо-Американской епархии и запрещении митрополита Платона в священнослужении[69]. Понятно, что ни для митрополита Платона, вскоре скончавшегося, ни для Американского Митрополичьего округа это постановление не могло сыграть реальной роли. Тогда же первоиерархом Русской Православной Церкви в Северной Америке был избран митрополит Феофил, возглавлявший Церковное управление до своей кончины в 1950 году. В Январе 1935 года Московская Патриархия распространила запрет, наложенный ранее на митрополита Платона, на всех епископов Митрополичьего округа[70], что, впрочем, опять не могло возыметь действий. VI и VII Всеамериканские Соборы (Нью-Йорк, 1937 и Кливленд, 1946) в основном подтвердили постановление прежних Соборов, касавшихся отношений к Православной Церкви в России и к Русской Церкви «в рассеянии сущей»[71]. Органами управления Митрополичьего округа явились Собрание епископов и Митрополичий Совет. Приходская жизнь проводилась в соответствии с Нормальным уставом, принятым на Архиерейском Соборе в Кливленде в 1934 году, предусматривавшем активное участие в Церковной жизни клириков и мірян. В свою очередь VI Всеамериканский Собор 1937 г. принял Положение об управлении Митрополичьим округом, определявшем его административно-каноническое устройство. Кливлендская семинария была в 1938 году переведена в Нью-Йорк и преобразована в высшее духовное учебное заведение; ей было присвоено имя св.Владиміра. Также была открыта Пастырская школа в Тихоновском монастыре в Пенсильвании. Юридическое признание властей отдельных штатов (Пенсильвания, Нью-Джерси, Нью-Йорк и т.д.) Митрополичий округ имел под названием *Russian Orthodox Graeco-Catholical Church of NOrth. America*[72].

Деятельность Преосвященного Вениамина, между тем, во время войны и сразу после неё заметно оживилась. Им предпринимались попытки восстановить общение Митрополичьего округа с Московской Патриархией с признанием за первым внутренней автономии (Собор в Кливленде, 1946). Однако, в конечном счёте они не достигли желаемого результата. Правда, некоторые приходы в США и Канаде всё же вошли в юрисдикцию экзарха Московского Патриархата. К 1948 году их было 50[73].

В 1947 г. в Америку прибыл митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий для переговоров с митрополитом Феофилом о воссоединении Митрополичьего округа с Московской Патриархией с определением прав и условий, даруемой ему «автономии». Предстоятель Митрополичьего округа не счёл тогда нужным встречаться с представителем Патриарха Алексия I. Однако, Московской Патриархии удалось в юридическом порядке закрепить за собой Свято-Никольский Собор в Нью-Йорке, причт и часть прихожан которого решили войти в юрисдикцию Патриаршего Экзархата. Для этого адвокат Патриархии Адлер сумел убедить Верховный Суд США, что находящееся в Москве Церковное управление является правоприемником Святейшего Cунода, на имя которого в своё время был записан этот храм. Это решение высшего федерального судебного органа фактически свело на нет принятый в Марте 1945 г. в штате Нью-Йорк закон №2439, предусматривавший правовую защиту институций и имущества Русской Православной Церкви в Америке (Митрополичий округ). «Церковь наша, – пишет канонист и историк Митрополичьего округа прот. И.Козицкий, – в суд не пошла: Она не пожелала насильственно удерживать в Своём составе такой приход, какой не умел ценить Ея многолетних забот»[74]. Впрочем, вопрос о возвращении Собора в дальнейшем подымался, но Верховный Суд США подтвердил своё решение[75].

В 1946 году Митрополичий округ имел 8 архиереев и 293 священнослужителя. В его ведении были высшая семинария, пастырская школа, 3 монастыря, женская обитель, сиротский приют и приходы во многих населённых пунктах Соединённых Штатов и Канады. Правда, после войны ему пришлось делить Православную паству Русского происхождения с Карловчанами, к которым отошёл Троицкий монастырь в Джорданвилле, и Экзархатом Московского Патриархата.

В 1947 году митрополит Вениамин окончательно покинул Америку, переселившись в Советский Союз, где занимал ряд каѳедр, а затем жил на покое в Псково-Печерском монастыре до своей кончины в 1961 году. Экзархом с титулом архиепископа Алеутского и Северо-Американского стал Преосвященный Макарий. В составе Экзархата было ещё три архиерея: архиепископ Филадельфийский и Карпато-Русский Адам, епископ Сан-Францисский Антоний и епископ Аргентинский Феодор (с 1956 г. проживал на покое

в Псково-Печерском монастыре). 11–13 Мая 1948 года в Никольском соборе в Нью-Йорке состоялся съезд духовенства и мірян Патриаршего Экзархата. Отныне он управлялся назначаемыми в Москве экзархами, в дальнейшем прибывавшими из Советского Союза.

Следует отметить, что к этому времени ни Митрополичий округ, ни другие Русские юрисдикции не были единственными представителями Православия в Америке. Ещё архиепископ Тихон (Беллавин) образовал викариат для Православных выходцев из Сирии и Ливана. На его основе в 20-е годы была образована крупная епархия Антиохийского Патриархата (к концу 1970-х гг. около 350 тысяч верующих, 3 архиерея, более 100 приходов)[76], во главе которой долгое время стоял видный иерарх, один из зачинателей участия Православных в экуменическом движении митрополит Антоний Башир. Кроме того, в 20-е годы в Америку хлынул поток Греческих эмигрантов. Во время Второй мировой войны и после неё он ещё более возрастал и, таким образом, Греки оказались самой крупной Православной общиной в Америке. В результате Экзархат Вселенского Патриарха в Северной и Южной Америке только в США имел около 2 млн. верующих, 512 приходов и 15 архиерейских кафедр[77]. Также в составе Константинопольского Экзархата находится Украинская Православная и Карпато-Русская Церковь. Другие Поместные Церкви – Сербская, Румынская, Болгарская, Албанская, Македонская и др., чада которых в разное время переселялись в Америку, также имеют там свои более или менее многочисленные епархии.

В 1945 году Митрополичий округ вступил в федеральную межконфессиональную христианскую организацию национальный Совет Церквей в США *Federal Concil of the Churches of Christ in America*, где до этого было лишь два православных члена – митрополия Антиохийской Церкви и Украинская Церковь[76]. С 1970 года Русская Православная Греко-кафолическая Церковь в Америке является членом Всемірного Совета Церквей.

Митрополичий округ содействовал и межправославному сотрудничеству в Америке. Его епископы всегда принимали участие в работе Постоянной конференции епископов в Америке (*SCOBA*).

Интересно отметить, что несмотря на известное отношение Московской Патриархии к Митрополичьему округу, представите-

ли Патриаршего Экзархата принимали участие в работе этой Конференции наряду с епископами – «феофиловцами». Об этом, например, свидетельствуют подписи как митрополита Леонтия, так и заместителя экзарха епископа Досифея под документом Конференции от 8 Августа 1961 г.[79] Всё же в это время какое-либо представительство Округа в Православных кругах воспринималось негативно.

Так, в 1967 г. Московский Патриарх Алексий дважды писал Константинопольскому Патриарху Афинагору по поводу Митрополичьего округа в Америке. Первый раз, в письме от 13 Мая (ЖМП. 1967. №8. С.7), в связи с намечавшимся посещением делегации Округа во главе с митрополитом Иринеем Иерусалимского и других восточных Патриархатов, он просил не допускать в храмах этих Патриархатов служения членов делегации как «находящихся в расколе с Церковью-Матерью» и подвергнутых запрещению Ея священноначалием. Во втором письме, датированном 2 Августа, Патриарх Алексий решительно протестовал против участия иерархов Константинопольского Патриархата (епископы Амфилопольский Сила и Левкийский Марк, возглавлявший Албанский округ в Америке) в епископской хиротонии архимандрита Феодосия (Лазора) (впоследствии митрополит всея Америки и Канады), имевшей место 6 Мая 1967 г. в Покровском соборе Митрополичьего округа (ЖМП. 1967. №9. С.3).

Эта переписка была одобрена постановлением Священного Cynода от 7 Октября 1967 г., в котором также выражался протест против совместного служения митрополита Фиатирского Афинагора (экзарх Константинопольской Патриархии в Западной Европе) с принадлежащим к Митрополичьему округу архиепископом Сан-Францисским Иоанном (Шаховским) в период заседаний Центрального комитета ВСЦ на о.Крит[80].

В 1950 году скончался митрополит Феофил. После него архиепископом Нью-Йоркским, митрополитом всех Соединенных Штатов и Канады (официальный титул предстоятеля Митрополичьего округа) был избран архиепископ Чикагский и Миниапольский Леонтий. А с 1965 г. Округ возглавил митрополит Ириней. К этому времени Округ насчитывал более миллиона верующих, более 350 приходов в США и Канаде, 15 архиерейских каѳедр (в том числе 2 – в Японии). После Второй Мировой войны, кончины митрополита Сергия (Тихомірова) и отставки в 1946 г. сменившего его епископа Николая, Японская Церковь, прервав канони-

ческое общение с Московской Патриархией, вошла в состав Американского Митрополичьего округа, где находилась до 1970 года. Это событие совпало с американской оккупацией Японии[81]. Активной была и приходская жизнь. Почти при каждом храме действовала воскресная школа, различные братства, молодёжные клубы и благотворительные общества. Общественно-церковная жизнь координировалась Федерацией Русских Православных клубов, издававшей свой журнал. Выходила в свет и другая периодика. Много богословской литературы выпускала Владимірская семинария, в которой в это время стали трудиться переехавшие из Парижа – профессор протоиерей А.Шмеман, профессор протоиерей И.Мейендорф, профессор Г.Федотов, А.Боголепов и др. В 1948–1955 гг. с семинарией была связана деятельность видного Русского богослова и экуменического деятеля, выдающегося историка Православной богословской мысли профессора протоиерея Георгия Флоровского († 11.VIII.1979).

Между тем, хотя объединяемая Митрополичьим округом Православная Церковь в Америке и носила указывающее на Ея исторические связи название – «Русская», она всё более внешне приобретала американский характер. Ея чада в подавляющем большинстве были уже не в первом поколении натурализованными американцами, лишь фамилии которых говорили об их далёком, главным образом, украинском происхождении. Немало оказалось среди членов этой Церкви и американцев инославного происхождения, принявших Православие. Богослужение почти во всех приходах Митрополичьего округа, а также преподавание в Духовных учебных заведениях и издание Церковной литературы к указанному периоду стало осуществляться почти исключительно на Английском языке.

В то же время к концу 60-х годов наметилось потепление в отношениях Митрополичьего округа и Московской Патриархии. В Мае 1968 года митрополит Ириней и Совет епископов Округа направили Патриарху Алексию послание по случаю 50-летия восстановления Патриаршества в России[82]. Между представителями двух юрисдикций завязался диалог. В 1969 году состоялись три встречи: две в Нью-Йорке в Январе–Феврале и одна в Женеве в Августе, а 31 Марта 1970 г. в Нью-Йорке состоялось подписание совместного соглашения. При этом Московская Патриархия была представлена митрополитом Ленинградским и

Новгородским Никодимом, а Митрополичий округ – архиепископом Филадельфийским и Пенсильванским Киприаном. Результатом переговоров явилось предоставление в Апреле 1970 года Священным Синодом Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) в расширенном составе (15 архиереев) – в качестве органа Высшего управления Матери-Церкви, – автокефалии Митрополичьему округу, получившему теперь наименование Автокефальная Православная Церковь в Америке[83]. Русский Патриарший Экзархат в Северной Америке был упразднён, а приходы, пожелавшие остаться в ведении Московской Патриархии, стали управляться одним из викарных епископов Патриархата. Таким оказался итог разрешения вопроса о каноническом устройстве Русской Церкви в Америке.

К этому следует добавить одно замечание. Хотя Американской Церкви и была дарована Церковью-Матерью в лице Московской Патриархии автокефалия, однако, последняя не получила общеправославного признания. Причину этого увидеть нетрудно: Митрополичий округ является теперь далеко не единственной и даже не самой крупной Православной общиной в Америке. Другие общины – Греческая, Арабская и другие, члены которых тоже давно натурализовались в Америке и где Богослужение и проповедь теперь также ведутся на Английском языке, развивая братские отношения и сотрудничество между всеми Православными американцами, всё же считают необходимым сохранять исторически сложившуюся каноническую связь со своими Патриархатами. Такого же мнения держится и священноначалие тех Церквей (Константинопольская, Антиохийская и другие), чада которых оказались на американской земле. Поэтому, сохраняя общение с Православной Церковью в Америке, многие другие Поместные Православные Церкви продолжают рассматривать её как самоуправляющуюся епархию Русской Церкви в Америке, а не как автокефальную Поместную Церковь.

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

Одним из известных русских церковных деятелей, оказавшимся после событий 1917-го года за пределами России, является митрополит Евлогий. Родился он (мірское имя его было Василий) 10 Апреля 1868 г. в Тульской епархии. «В молодые годы, – пишет митрополит Мануил, – он часто посещал Оптину пустынь

и великого старца этой обители Амвросия, который раскрыл ему духовную красоту иночества. Заложенное великим старцем было окончательно утверждено одним архипастырем (по-видимому, Антонием (Храповицким) – тогда ещё архимандритом – *авт.*), участвовавшим впоследствии в его хиротонии.

Он понял, что пастырство, как высочайшее служение любви Христовой, требует прежде всего от своих служителей самоотречения, что аскетизм является существенным, важнейшим свойством пастырской деятельности, понял, что служить делу духовного возрождения и спасения можно не иначе, как через умерщвление в себе себялюбивой жизни»[84].

В 1892 году он окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Затем три года трудился на ниве духовного образования в родной Тульской епархии, сначала помощником смотрителя Ефремовского училища, затем преподавателем Тульской семинарии.

В Январе 1895 г. он был пострижен в монашество ректором МДА архимандритом Антонием (Храповицким), 12 Февраля того же года рукоположен во иеромонаха и назначен инспектором Владимірской Семинарии. В 1897 г. он стал архимандритом, ректором Холмской семинарии.

«Будучи ректором семинарии, – указывает далее митрополит Мануил, – отец Евлогий начал входить в общение с будущей своей паствой, посещал сельские храмовые и местночтимые праздники, совершал Богослужения и произносил проповеди, так любимые народом, беседовал с крестьянами, знакомился с их бытом, воззрениями и нуждами. Сильное и глубокое чувство сострадания испытывал архимандрит Евлогий при виде Холмского простонародья, пережившего многовековое духовное и материальное иго Польской шляхты, почти утратившего Русское национальное самосознание, лишённого своих интеллигентных руководителей, уже начавшего забывать по местам свою родную речь.

И тогда же он исполнился твёрдой решительностью прийти на помощь этому народу, пробудить в нём Православное самосознание, просветить духовным светом и улучшить его материальное положение»[85].

12 Января 1903 года в г. Холме состоялась хиротония архимандрита Евлогия во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. С 18 Июня 1905 года он стал самостоятельным правящим епископом Холмским и Люблинским. Сделавшись

правящим архиереем, владыка Евлогий ревностно взялся за исполнение своих заветных желаний, преумножая труды предшественников. Вместо бедных храмов в короткое время были воздвигнуты благолепные Божии строения, к постройке и украшению которых привлекались щедрые благотворители как из России, так и местные. Быстро развивалась широкая церковно-просветительная деятельность, увеличилось число церковно-приходских школ разных типов, выходило 3 периодических издания. Оживилась деятельность приходских братств. По замыслу архипастыря и при его активном участии возникли благотворительные и просветительные организации: Холмское женское благотворительное общество, Народно-просветительное общество Холмской Руси и Холмская учёная архивная комиссия. Деятельно участвовал Преосвященный Евлогий и в общественной жизни края: различные Русские общественные съезды проходили, как правило, под его председательством. Он явился одним из учредителей трёх сельско-хозяйственных обществ, имевших целью улучшение материального положения Холмского крестьянства. Однако, при всей кипучей общественной деятельности владыка Евлогий был прежде всего пастырем. По нескольку раз им были посещаемы все приходы. Он имел всегда живую и непосредственную связь с пастырями и пасомыми, вникал во все стороны жизни духовных и светских школ, был щедрым благотворителем.

Любовь простого народа и доверие к своему архипастырю были безграничны. Поэтому, когда Русское население Холмщины и Подляжья получило право иметь своего представителя в Государственной Думе, то крестьяне на предвыборных собраниях и в Холмском избирательном собрании заявили о своём неуклонном желании избрать членом Думы епископа Евлогия. Преосвященный Евлогий был депутатом II и III Государственной Думы. Следует сказать, что деятельность духовенства в этом общероссийском представительном органе, его борьба за интересы народа и Церкви может быть темой отдельного обширного исследования[86]. Заметим только, что и здесь Преосвященному Евлогию принадлежала выдающаяся роль. Интересно отметить, что в одну из его многочисленных поездок по епархии, его, Православного епископа, благодарили крестьяне-католики за защиту интересов сельского населения в Государственной Думе. Три года (1909–1912) боролся епископ Евлогий в Думе за принятие

законопроекта о выделении Холмской Руси из состава Царства Польского. Наконец, после трёхлетних мытарств в Думе 22 Июня 1912 г. проект удостоился правительственного утверждения. Обездоленный и униженный до степени ничтожного уездного городка древний княжеский Холм стал губернским городом; Холмский край, искони Русский и Православный, с этого времени стал управляться и устрояться как того требовали интересы Русского населения[87].

20 Мая 1912 г. Преосвященный Евлогий был возведён в сан архиепископа.

С Февраля того же года он стал членом Предсоборного присутствия, где им проводилась большая работа по анализу и восполнению материалов Предсоборного совещания.

14 Мая 1914 г. он был назначен архиепископом Волынским и Житомирским. В обширную и древнюю Волынскую епархию Преосвященный Евлогий пришёл уже опытным архипастырем. Здесь он также снискал любовь духовенства и мірян, оставаясь по-прежнему для всех близким и доступным.

В 1915 г. он был награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

Пребывание архиепископа Евлогия на Волынской кафедре совпало с Первой міровой войной. Территория епархии непосредственно прилегала к театру военных действий, и архипастырю пришлось понести немало забот по организации помощи раненым и беженцам, по духовному утешению воинов и населения.

Близки были владыке Евлогию и нужды Православных галичан. По сложившейся традиции он, будучи архиепископом Волынским, являлся также экзархом Вселенского Патриарха в Галиции и Карпатской Руси. Их борьбе и преданности вере он посвятил специальное выступление на Соборе 1917–1918 гг.

В предреволюционный период архиепископ Евлогий приглашался к участию в сессиях Святейшего Синода, а на открывшемся в 1917 году Поместном Соборе Православной Российской Церкви ему было поручено возглавить отдел «Богослужение, проповедничество, храмы».

К этому времени он обладал уже значительным авторитетом, как архипастырь и церковно-общественный деятель.

Архиепископ Евлогий явился одним из деятельных участников Поместного Собора, где показал себя горячим поборником вос-

становления Патриаршества и преобразований в Русской Церкви в Апостольском духе Церковной свободы.

С образованием в 1918 году самостоятельного Польского государства большая часть Волынской епархии, включая духовный центр Волыни – Почаевскую Лавру, оказалась на территории, вошедшей в состав Польши. Желая до конца быть со своей паствой и как священноархимандрит Лавры, Преосвященный Евлогий остался в Почаеве, куда вернулся после Собора. Однако, Польские власти не пожелали терпеть ревностного архипастыря на оказавшейся подведомственной им территории, и в 1919 году архиепископ Евлогий был выслан за пределы тогдашней Польши. Тогда же были высланы Польскими властями и два других Православных епископа: Белостокский Владимір (Тихоницкий) и Бельский Сергий (Королёв), ставшие впоследствии ближайшими сотрудниками Преосвященного Евлогия в Западной Европе.

Ещё 1 Октября 1920 года Временное Русское Высшее Церковное Управление в Симферополе поручило находившемуся тогда в Берлине архиепископу Евлогию управление Русскими западноевропейскими приходами, бывшими до революции в ведении Петроградского митрополита. В Январе 1921 года ВРВЦУ, оказавшееся уже в Константинополе, утвердило назначение. Однако, желая придать своему будущему Церковному правлению большую каноническую завершённость, архиепископ Евлогий изыскал возможность получить на это благословение Высшей Церковной власти в лице Патриарха, Cvнода и Высшего Церковного Совета (Указ №424 от 8 Апреля 1921 г.) и согласие Петроградского митрополита Вениамина[88].

В 1922 году митрополит Евлогий перенёс свою каѳедру из Берлина в Париж – крупнейший центр Русской эмиграции в Западной Европе, превратив просторный храм во имя св.Александра Невского на *rue Daru,* выстроенный для духовных нужд Русіян, проживавших в Париже в эпоху Второй империи, в каѳедральный собор. В его архиерейский округ вошли Русские храмы во Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, Бельгии, Голландии и Скандинавии.

Хотя после Карловацкого Собора 1921 года Русское Высшее Церковное управление за границей было распущено (Постановление Патриарха, Cvнода и ВЦС №349 от 5.V.1922), а Преосвященному Евлогию, тогда уже митрополиту (с Января 1922 года),

имевшему в своём ведении все Русские заграничные приходы[87], давались достаточно широкие полномочия, как в отношении суждения о политической деятельности зарубежного духовенства[88], так и в отношении реорганизации Церковного управления за границей в целом (именно ему предоставлялось право представить предложения по этому вопросу Патриарху и Cvноду), он в своей деятельности избегал методов администрирования в отношении людей, оказавшихся противниками его курса. Он высоко ценил духовную свободу во Христе, никогда не связывая совесть своих пасомых в вопросах, не касавшихся непосредственно веры и нравственности. В то же время ревностно защищая насущные интересы вверенной его попечению Церковной области, он всячески старался избегать приёмов, которые бы могли быть расценены его «противниками» как небратские, внести смущение в сознание верующих или привести к разделениям.

Путь митрополита Евлогия был неоднозначным. Искренне стремясь к міру в Церкви, к истинному освобождению от политических страстей, он не раз сам становился их жертвой. Его курс на нейтралитет оказался выгодным не столько Церкви, сколько советским политикам, которые стремились использовать для раскола эмиграции как миролюбие одних, так и безкомпромиссность других. Ныне следует признать, что попытка митрополита Евлогия не замечать политических проблем в той ситуации была иллюзорной.

Особо следует остановиться на архипастырских трудах митрополита Евлогия в Западной Европе. Если до революции в ведении митрополита Петроградского (по Кронштадтскому викариатству) насчитывалось лишь около трёх десятков Русских западноевропейских приходов, то во время управления владыки Евлогия их число перевалило за сотню. Храмы появлялись во всех местах, где были колонии Русских эмигрантов. Часто это были тогда переоборудованные гаражи или скромные деревянные строения, созданные простыми Русскими тружениками в свободное от работы время. Церковную жизнь в своём округе митрополит Евлогий организовал в строгом соответствии с определениями Московского Собора 1917–18 гг. Действовали Епархиальные собрания и Епархиальный Совет в составе викарных епископов и избранных представителей клира и мірян, как постоянно действующий орган Церковного управления при правящем архиерее.

В свою очередь соответствующие представительные органы управления были в каждом викариатстве, на которые для более успешного духовного окормления был разделён Западно-Европейский Русский Церковный округ. Таким образом, решение вопросов, касавшихся текущей Церковной жизни округа происходило в духе свойственной природе Церкви соборности, в соответствии со священными канонами. Избегая вызывающих выступлений, митрополит Евлогий умел сохранять от внешних посягательств внутреннюю свободу верующих, что позднее привело к разрыву с Московской Патриархией.

К 1926 году, то есть ко времени окончательного размежевания между митрополитом Евлогием и Карловацким Cvнодом, «сферы влияния» в Западной Европе поделились таким образом, что у первого сохранились приходы во Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Чехословакии. Для более успешного управления ими и в соответствии с определением Собора 1917–18 гг. Западно-Европейский Церковный округ был разделён на викариатства (полусамостоятельные епархии). Париж и северная Франция остались в непосредственном ведении митрополита. Управляющим приходами на юге Франции стал архиепископ Владимір, в Брюсселе – с 1929 г. архиепископ Александр, в Чехословакии – епископ Сергий, а в Германии (б. Братство св.Владиміра) – епископ Тvхон. Кроме того, в 1926 году в ведении митрополита Евлогия оказалась частная Православная община в Выборге (Финляндия), а с 1927 года три Русские общины в Марокко.

Однако, Карловчане решили создать в Германии самостоятельную епархию, подчинённую Cvноду и назначили епископа Тvхона правящим архиереем. Это вызвало со стороны митрополита Евлогия протест, который и послужил причиной его «запрещения» Карловчанами «за неподчинение Cvноду». Впрочем, часть приходов в Германии – а в это время их стало открываться всё больше – продолжали сохранять верность митрополиту Евлогию. Во Францию Зарубежной Церковью был назначен архиепископ Серафим (б. Финляндский), которому удалось увлечь более двух десятков приходов.

Митрополит Евлогий сознавал, что нормальное течение Церковной жизни невозможно без развития богословской мысли, без подготовки будущих священнослужителей и церковных деятелей. Между тем, идея Духовной школы для Русской эмиграции была выдвинута ещё в 1922 году на конференции Всемірной Христиан-

ской студенческой федерации в Пекине. Среди Русских эмигрантов было немало лиц, составлявших цвет Русской богословской и церковно-сбщественной мысли. Некоторые из них уже начали свою научную и преподавательскую деятельность на Православных Богословских факультетах (Н.Н. Глубоковский, Н.И. Рождественский, М.Э. Поснов, – в Софии; В.Н. Бенешевич, А.П. Доброклонский, М.А. Георгиевский, Ф.И. Титов – в Белграде). В это время в Праге возникло Русское студенческое Христианское движение (РСХД), получившее благословение митрополита Евлогия. В его работе деятельное участие приняли о.Сергий Булгаков, В.В. Зеньковский, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский и др., также вынашивавшие идею создания Русской Богословской школы за рубежом, в частности, в Западной Европе. Известный мыслитель Н.А. Бердяев выступил тогда с проектом создания в Берлине Русской Богословской и философской Академии. Таким образом, проектов и идей было достаточно, требовалось лишь приступить к конкретным действиям. Большую помощь митрополиту Евлогию оказал в этом М.М. Оссоргин, подобравший в 1924 году в Париже помещение по *rue de Crimee 93*, где была затем открыта Богословская Академия, а также содействовавший ему в сборе средств для ея создания. Средства собирались не только среди Русских эмигрантов. Большую помощь в деле создания Русской Богословской школы в Париже оказали также зарубежные – американские, английские, немецкие и французские экуменические и филантропические организации.

1 Марта 1925 г. митрополит Евлогий освятил в помещении будущей Академии храм во имя Преподобного Сергия Радонежского. Первым ректором Академии, получившей наименование Православного Богословского института (*L'Institut de Theologie orthodoxe* или просто Института Преподобного Сергия) L'Institut de *Saint-Serge* стал митрополит Евлогий, инспектором епископ (б.Севастопольский) Вениамин (Федченков), читавший одновременно курс литургии, гомилетики и пастырского Богословия. Уже упоминавшийся профессор Петроградской Академии А.В. Карташёв стал читать в институте курсы истории Церкви, Священного Писания Ветхого Завета и древнееврейского языка. С.С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан) начал преподавать Священное Писание Нового Завета и Греческий язык, а П.Е. Ковалевский – Латинский, Французский и Немецкий языки. Следу-

ет сказать, что корпорация Института в течении 20–30-х годов постоянно возрастала как за счёт переезжавших в Париж Русских богословов и учёных, так и за счёт кадров, получивших в нём подготовку. 30 Апреля 1926 г. состоялось открытие Института, в который первоначально было принято 29 студентов[91].

Легализовав весной 1927 года своё Церковное управление, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергий обратился ко всем Русским иерархам за рубежом, чтобы они вместе с подведомственным им клиром прислали в Патриархию письменное обещание лояльности в отношении советской власти. Те, кто к 15 Сентября (впоследствии этот срок был перенесён на 15 Ноября) 1927 года не дали такого обещания, лишались права выполнять свои функции и считались уволенными из клира, подведомственного Московской Патриархии[92]. Между митрополитами Евлогием и Сергием завязалась переписка, в ходе которой было установлено, что термин «лояльность» в данном случае не означал законопослушность советскому правительству, поскольку ни митрополит Евлогий, ни подведомственное ему духовенство не были советскими гражданами, а предусматривал лишь невмешательство Церкви в политическую жизнь, в соответствии с рекомендациями ещё Патриарха Тихона. Отмечая, что Церковная власть не может никому навязывать никакой политической программы или стеснять свободу политических убеждений, митрополит Евлогий писал: «Сознавая свой долг по отношению к Матери-Церкви, во имя моей безконечной любви к Ней, я обещаю твёрдо придерживаться ситуации, установившейся у нас, и указаний Его Святейшества Патриарха Тихона о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать превращения Церковного амвона в храмах моего подчинения в политическую трибуну»[93]. Кроме того, митрополит Евлогий обратился со специальным посланием к своим клиру и пастве, а также созвал Епархиальный Совет, на котором была выработана принципиальная точка зрения по этому вопросу. Подтвердив невмешательство Церкви в политическую борьбу, принятый Советом документ также отмечал: «Православная Церковь стоит вне партий, и представители самых различных политических убеждений могут входить в Церковь, поскольку они соединены друг с другом в вере в Господа нашего Иисуса Христа и пребывают в Церкви во имя спасения души и вечной жизни.

Что касается антирелигиозной, антихристианской, безнравственной или нарушающей справедливость Божию деятельности (как в рамках индивидуальных, так и в рамках общества и государства), то Церковь сохраняет Свою полную свободу в суждении и борьбе». Далее приводились слова митрополита Евлогия: «Христианское истолкование жизни и религиозная и нравственная оценка ея явлений должна стать объектом деятельности духовенства. Церковь и Ея духовенство не могут отказываться от этого; в этой области (подчёркнуто в тексте – *авт.*) мы находимся в непримиримом противоречии с советской властью, целью которой является вырвать Бога из человеческой души»[94].

Митрополит Сергий со своей стороны выразил удовлетворение ответом митрополита Евлогия. В свою очередь последний к обусловленному сроку получил от подведомственного ему духовенства обещания по принятой форме, которые, впрочем, не стал отсылать в Москву, а по договоренности с Патриархией оставил в своей канцелярии.

Рассматривая эту переписку, следует отметить, что если митрополит Евлогий искренне рассчитывал на нейтральный курс Церкви, то митрополит Сергий уже мог понимать, что большевики потребуют не просто нейтральности, но идеологического подчинения.

Весной 1930 г. произошло событие, оказавшееся причиной административного разрыва между Западно-Европейским Церковным округом и митрополитом Сергием. Вот что писал по этому поводу митрополит Евлогий:

> «В начале поста 1930 г. архиепископ Кентерберийский пригласил меня в Лондон на однодневное моление о страждущей Русской Церкви. Я решил ехать. За нас будет молиться вся Англия, а я останусь в Париже безучастным свидетелем единодушного сочувствия всех Церквей к страждущей нашей Церкви. Невозможно! Моя совесть повелительно требовала моего участия в этих молитвах; так же несомненно, была настроена и моя паства.
>
> Я провёл в Англии с неделю. Давно я не испытывал такого светлого чувства братской Христианской любви между Церквами, какое испытал в эти незабываемые дни, когда вся церковная, верующая Англия коленопреклоненно молилась о прекращении тяжких страданий нашей Русской Православной Церкви... Политических

> целей я никаких в Англии не преследовал и с политическими речами нигде не выступал. Всюду, где мне приходилось говорить речи, я лишь благодарил за сочувствие, просил и впредь поддерживать нашу страдалицу Мать-Церковь своими молитвами. И вот эти выступления и послужили поводом к строгому запросу из Москвы от митрополита Сергия: на каком основании вы позволили себе разъезжать по Англии, призывая к протесту против СССР? Тут же было высказано требование свою поездку осудить и дать обязательство подобного рода выступления более не повторять... горько мне было читать эти несправедливые упрёки, продиктованные внушениями советской власти, и я резко ответил митрополиту Сергию, что моления в Англии имели не политический, а религиозный характер: это был протест религиозной и вообще человеческой совести против страшных гонений на Церковь в подсоветской России; доказательством тому – договор Английского правительства с СССР, заключённый как раз во время моего пребывания в Англии»[95].

Действительно, указанные выше события были восприняты в Москве резко негативно. Ещё ранее с призывом к христианам всего міра сделать 19 Марта 1930 г. – днём молитвы за гонимую Русскую Церковь выступил папа Римский Пий XI. В связи со столь широкой кампанией солидарности митрополит Сергий был вынужден дать два интервью – одно 15 Февраля 1930 г. для представителей советской, а другое – 18 Февраля для представителей иностранной печати, в которых выступил с отрицанием факта гонений на Церковь в СССР и преследований по религиозным мотивам[96]. Тогда же, 19 Февраля он обратился с памятной запиской о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР на имя председателя Культкомиссии при ВЦИКе Смидовича. Этот меморандум, правда, оставшийся без последствий, состоял из 21 пункта и содержал требования Церкви к государству[97]. Большинство из них уже неоднократно высказывалось ранее в пожеланиях, содержащихся в посланиях и иных документах Патриарха Тихона, митрополитов Петра и Сергия, в которых они свидетельствовали лояльность Церкви существующему общественному строю. Кроме того, там также вновь высказывалась просьба о прекращении дискриминационной практики в отношении институтов Русской Церкви и верного Патриаршему Местоблюстителю и его Заместителю духовенства.

В указанной ситуации митрополит Сергий в письме от 4 Апреля 1930 г. счёл возможным потребовать от митрополита Евлогия дать объяснение своему поступку и отмежеваться от своих действий в Лондоне, как от «политической манифестации в целях мобилизации не только общественного мнения, но и правительств всех европейских государств на крестовый поход против Советского Союза»[98]. Реакция Преосвященного Евлогия, выраженная в послании №1141 от 27 Апреля 1930 г. была естественным протестом против навязываемого коммунистической властью духовного диктата.

Между тем, митрополит Сергий и Временный Патриарший Синод при нём 10 Июня 1930 г. постановили (Постановление №1518): «Снять с Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия управление Русскими приходами в Западной Европе и поручить временно, вплоть до нового предписания, это управление Высокопреосвященнейшему архиепископу Владимиру (Тихоницкому) бывшему Белостокскому»[99].

Хотя митрополит Евлогий и предупреждался о подобной перспективе, всё же данное постановление явилось для Русской Церковной общественности в Париже достаточно неожиданным и произвело на всех весьма тягостное впечатление. Прежде всего архиепископ Владимир категорически отказался принять на себя управление епархией. 26 Июня 1930 г. состоялось заседание Епархиального Совета, который просил митрополита Евлогия «по-прежнему нести бремя управления заграничной паствой, которая осталась верной Русской Церкви и была поручена ему на законном основании Всероссийской Церковной властью в лице Его Святейшества блаженной памяти Патриарха Тихона и органов высшей Церковной власти при нём»[100]. 29 Июня произошло совещание епископов Западно-Европейского округа, которое в своём суждении отметило, что митрополит Евлогий, во-первых, не обвиняется ни в каком церковном преступлении; во-вторых, что ни он, ни подведомственное ему духовенство в отношении лояльности к советской власти не давали иных обещаний, помимо обещания не превращать церковный амвон в политическую трибуну; в третьих, молитва в Лондоне, в которой митрополит Евлогий принял участие вместе с экзархом Вселенского Патриарха в Западной Европе архиепископом Фиатирским Германом никоим образом не носила политического характера и не преследовала

целей, которые ей приписывают; в-четвёртых, архиепископ Владимір отказался принять на себя управление Русскими Западно-Европейскими приходами; и в-пятых, лишение митрополита Евлогия его функций может вызвать значительное смущение и расстройство в жизни Русских приходов в Западной Европе. В связи с этими соображениями, совещание просило митрополита Евлогия представить их Заместителю Патриаршего Местоблюстителя в целях отмены принятого им и Временным Cvнодом при нём постановления[101].

2 Июня имело место Епархиальное собрание, на котором было зачитано как постановление митрополита Сергия, так и суждение епископов Округа. Взявшие слово протоиереи Иаков Смирнов и Григорий Ломако просили митрополита Евлогия продолжать управлять епархией на основании уже известного нам Патриаршего Постановления №362 от 20 Ноября 1920 года. В решении по этому поводу говорилось: «Не нарушая канонических и духовных уз с нашей Церковью-Матерью в вере, молитве, любви, оставаясь верными решениям Собора 1917–18 гг. считать отношения с Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола и Временным Патриаршим Cvнодом при нём невозможными вплоть до восстановлений нормальной ситуации...»[102] При этом митрополит Евлогий подчеркнул, что речь может идти лишь «о временном и чисто административном нарушении контактов, при котором епархия должна придерживаться постановления Патриарха Tvхона от 20 Ноября 1920 г.»[103] Следует отметить, что ни митрополит Евлогий, ни кто другой из духовенства и церковных деятелей Западно-Европейского округа при этом не допускали никаких выпадов против митрополита Сергия и Церковного управления, находящегося в СССР. Однако, сознавалось, что постановление о смещении митрополита Евлогия было принято, хотя может и при объяснимых обстоятельствах, но в явное противоречие с принципиальными нормами канонического строя Русской Церкви (что могло иметь пагубные последствия как для Западно-Европейского округа, так и для Русской Церковной жизни вообще). При этом явно оказывалось постороннее давление на орган Церковного управления, созданный в ненормальных условиях церковного быта, на что неоднократно указывал и сам митрополит Сергий, говоря о временном его характере, впредь до нормализации положения. В данном случае этот орган (т.е. Времен-

ный Cvнод) не явился выразителем того, к чему был призван, и что обезпечивало бы действенность и каноничность его решениям – соборного сознания Церкви. Эти условия и определялись Епархиальным собранием как близкие к указанным в Патриаршем постановлении 1920 года. 21 Июля митрополит Евлогий написал в Москву, прося митрополита Сергия аннулировать постановление №1518, ссылаясь на «непреодолимые трудности, касающиеся его выполнения» и на «ошибочность его мотивов». При этом Преосвященный Евлогий указывал, что если постановление не будет аннулировано, то он «не разрывая молитвенно-канонического единства с нашей Русской Церковью-Матерью и Ея высшей властью, временно, в сфере внутреннего управления приходами, будет действовать независимо без взаимоотношений с ней вплоть до того момента, когда эти взаимоотношения станут свободными и безпрепятственными». «В наших условиях, – объяснял в другом письме митрополит Евлогий, – появление этого постановления означает фактичесий разрыв нормальных взаимоотношений нашей епархии с высшей Церковной властью Москвы и невозможность получать от неё свободное проявление ея воли»[104].

«Таким образом, – заканчивал митрополит Евлогий своё письмо, – оставаясь в единении с Вашим Высокопреосвященством в вере, в любви и в молитве, я вынужден, опираясь на пункты 2 и 4 указанного решения (Постановление №362 от 20.XI. 1920 г.), временно взять всю полноту власти, которую правила Церкви предоставляют епископу до восстановления регулярных, нормальных отношений с Высшей властью Русской Церкви, суждению Которой я предоставлю тогда всю мою церковную деятельность. Этой власти, т.е. будущему Патриарху и Поместному Собору, я и направлю тогда мой призыв о снятии решений постановления от 10 Июня 1930 г., если это постановление не будет аннулировано»[105].

Между двумя иерархами вновь завязалась переписка, опубликованная затем в парижском «Церковном вестнике» (1931, №3). Митрополит Сергий настаивал на выполнении постановления №1518, а митрополит Евлогий просил об его отмене. Наконец, 26 Декабря 1930 г. митрополит Сергий выступил с новым постановлением, подтверждающим Июньское и кроме того объявляющим Епархиальное управление в Париже распущенным. Согласно ему,

управление Русскими приходами в Западной Европе передавалось митрополиту Литовскому Елевферию[106].

Между тем, 27–29 Января 1931 г. в Париже состоялось совещание епископов Западно-Европейского округа. Митрополит Евлогий заявил на нём, что «решил просить Патриарха Вселенского о помощи и поддержке, не выходя из состава Русской Православной Церкви»[107]. Такая просьба была составлена. Видимо, ссылки при этом на 28-е правило Халкидонского Собора, исторически толковавшиеся в плане обладания Вселенским Патриархом особых прав в разрешении спорных вопросов за пределами своей канонической территории, в частности его особых прав на Православную диаспору, в каноническом отношении представляются достаточно проблематичными. Однако, следует иметь в виду и другое. В 1926 году, в момент так называемого григорианского нестроения, когда вопрос стоял о канонической целостности Церковной власти, митрополит Сергий советовал зарубежным иерархам вступить со своими епархиями в каноническое общение с Поместными Православными Церквами[108]. Позднее, в 1933 году такая же рекомендация через Сербского Патриарха Варнаву была дана им Карловчанам. И вот теперь митрополит Евлогий счёл возможным пойти на подобный шаг, дабы, как он полагал, не подвергать опасности каноническое устроение Церковной жизни во вверенной ему епархии, в сознании того, что применение Церковных канонов должно служить созиданию Церкви, а не Ея разрушению. В то же время ему никак не хотелось обострять отношения с митрополитом Сергием, и, сознавая трудность положения последнего, он спешил снять с него ответственность за события в Западной Европе.

Митрополит Евлогий отправился в Константинополь и вернулся оттуда 24 Февраля 1931 года, имея постановление Вселенского Патриарха Фотия II и Константинопольского Cvнода по данному вопросу. Согласно этому постановлению, «европейские Русские Православные приходы, сохраняя без изменения или умаления ту независимость, которой они пользовались до сих пор, как в организации, так и в свободном решении всех своих собственных дел, считаются впредь временно образующими на территории Европы единый и особый Экзархат Святого Патриаршего Вселенского Престола, непосредственно завися от него и находясь под охранением и руководством этого Престола во всём, что

касается Церковности, если в этом есть необходимость». Митрополит Евлогий получал при этом титул Патриаршего экзарха. За ним сохранялись его прежние права, а в округе, теперь Экзархате, продолжали действовать прежние нормы и положения. «Объявляя, наконец, – заканчивалось постановление, – что после осуществления нами (т.е. Вселенской Патриархией – *авт.*) канонического временного регламента церковного положения Русских Православных приходов в Европе, для этих приходов, их духовенства и верующих не могут иметь никакой силы решения или распоряжения – откуда бы они ни исходили, кроме Святого Патриаршего Вселенского Престола, мы молим Господа милостиво призреть и даровать быстрый мир и единство Святой Русской братской Церкви, Которая страдает непомерно, дабы тем самым возрадовались весь Русский Православный благочестивый народ и все Православные братские Церкви»[109]. Тогда же митрополит Евлогий обратился с архипастырским посланием к клиру и пастве. Отмечая, что испытание, с которым столкнулась епархия «завершилось удачным решением» и что отныне ни один запрет, исходящий от какой-либо Церковной власти (имелись ввиду как Московская Патриархия, так и Карловчане – *авт.*) не должен иметь никакого значения, он подчеркнул, что новый порядок носит временный характер. «Когда будет восстановлена признанная центральная Церковная власть и когда все условия жизни Русской Православной Церкви станут нормальными, мы возвратимся к прежней ситуации... Решив идти этим путём, мы, разумеется, не порываем и не отделяемся от нашей Матери Русской Церкви. Мы продолжаем уважать и почитать Её, а также любить нашу великую свидетельницу – Церковь исповедников и мучеников, единения с Которой мы не нарушаем. Мы обещаем представить Ея свободному суждению все наши действия, совершённые в период нашего внешнего недобровольного разделения. С Московской Патриархией мы остаёмся в общении веры, молитвы, любви. Мы не смеем осуждать митрополита Сергия, Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола; мы не утверждаем, что здесь, за пределами России невозможно следовать за ним и делать то, что он приказывает, поскольку это нарушает свободу Церковной жизни. Таким образом, это не разрыв с Русской Церковью. Это лишь временный разрыв официальных административных связей с митрополитом Сергием, который вы-

зван обстоятельствами нынешней жизни». Впрочем, из документа не совсем ясно, почему митрополит Евлогий решил порвать с митрополитом Сергием, если его указаниям можно следовать и за границей. В заключении послания митрополит Евлогий ещё раз отметил, что «Господь уберёг заграничную часть Русской Церкви (имелся в виду Западно-Европейский округ – *авт.*) от великой опасности, которая грозила дезорганизовать и полностью разрушить установившуюся Церковную организацию»[110].

Вопреки заявленному здесь, нельзя не подчеркнуть отрицательные последствия этого шага, внесшего очередной раскол в Русскую Церковь за рубежом и осложнившего задачу будущего воссоединения всех ветвей Русского Православия. Когда в Париже стало известно о запрете, наложенном Московской Патриархией 20 Мая 1931 года на митрополита Евлогия и сохраняющее подчинение ему Русское духовенство, то санкция уже не достигала своих целей. Правда, нужно сказать, что хотя почти все верующие Округа были против постановления митрополита Сергия о смещении Преосвященного Евлогия, всё же 6 членов Епархиального собрания выступили против решения последнего. Это «незначительное меньшинство» – как характеризует их анонимный составитель «Замечаний и материалов по истории Русской Церкви в Западной Европе», (члены Братства св.Фотия, среди которых особо видную роль играл известный религиозный мыслитель и популяризатор Православной богословской мысли на Западе В.Н. Лосский), настаивало на безусловном подчинении Московской Патриархии, как каноническому центру, даже в подобной ситуации. В дальнейшем, когда на епископском совещании в Январе 1931 г. был поставлен вопрос о временном переходе в юрисдикцию Вселенского Патриарха, к ним присоединился епископ Вениамин, несогласный с шагом своих собратьев. Эта небольшая группа и составила первоначально общину, сохранявшую административно-каноническую связь с Московской Патриархией. В Июне 1931 г. для организации церковной жизни в Париж прибыл митрополит Литовский Елевферий. Он провёл во Франции месяц и обратился с посланием к Русскому духовенству, сохраняющему верность митрополиту Евлогию, которое вместе с откликами на него было опубликовано в официальном органе нового Экзархата Вселенской Патриархии – «Церковном вестнике» (1931, №11).

Оценивая позицию, занятую духовенством и верующими Русского Западно-Европейского Церковного округа и, в частности, действия митрополита Евлогия, митрополиты Сергий и Елевферий, а также В.Н. Лосский в своих выступлениях неоднократно утверждали, что «не следует говорить о достаточности духовных уз без административного подчинения». «Одно невозможно без другого, – писал последний из упомянутых церковных деятелей, – и их противопоставление свидетельствует само по себе об утрате подлинного понимания единства Церкви, которое подменено ни к чему не обязывающим абстрактным пониманием»[111]. В свою очередь официальные документы Московской Патриархии того периода усматривали в действиях митрополита Евлогия и Вселенской Патриархии несоответствие Церковным канонам. В частности, указывалось на недопустимость принятия в юрисдикцию другой автокефальной Церкви епископа, привлечённого к суду епископов своей Церкви (Ап. пр.16 Собора св.Софии пр.1; Карфаг. пр.105) – имелся в виду частичный запрет, наложенный на митрополита Евлогия, продолжавшего управлять епархией вопреки постановлению митрополита Сергия и Временного Cvнода при нём (Пост. №261 от 24 Декабря 1930 г.). Однако, объективности ради, следует отметить, что кажущаяся безпрецедентность с историко-канонической точки зрения действий митрополита Евлогия не являлась чем-то исключительным и единичным в Русской церковной жизни того времени. Безпрецедентными, пожалуй, были скорее сами условия тогдашнего быта Русской Церкви, в которых приходилось действовать и принимать решения, исходя из различного, порой, понимания пользы церковной и митрополиту Евлогию, и митрополиту Сергию, и митрополиту Антонию. Что же касается приводимых выше канонов, то в исторической ситуации их появления они были направлены против врагов Церкви – еретиков или сознательных схизматиков. Между тем, Преосвященный Евлогий не был к моменту своего смещения Московским Церковным центром обвинён ни в одном церковном преступлении, ни с точки зрения вселенских правил, ни с точки зрения Российских соборных определений. В то же время он был лишён практически возможности обращаться к соборному сознанию своей Церкви, что, действуя согласно своей архипастырской совести, он намеревался сделать. Что же касается самого положения, в котором оказался Русский Западно-Ев-

ропейский церковный округ, то даже в рамках отечественной церковной истории оно не являлось чем-то безпрецедентным.

Когда в XV–XVII вв. Киевский митрополит в силу условий внешнего быта Русской Церкви в Польско-Литовском государстве носил титул экзарха Патриарха Константинопольского, то это не вызывало возражений тогда уже автокефальной Российской Церкви с каноническим центром в Москве, неотъемлемой исторической частью которой продолжали оставаться Православные земли Малоросии и Беларуси. Уже в совсем близкие времена, и Преосвященный Евлогий знал это на собственном опыте, архиепископ Волынский, находящийся в юрисдикции Русской Церкви и являвшийся как правило, членом Ея высшего управления в лице Святейшего Синода, вполне мог одновременно быть экзархом Вселенской Патриархии для Православных Галиции и Карпатской Руси. Это являлось уже данью традиции, сложившейся в условиях быта Православных, проживавших в государствах антагонистически настроенных к России и ея правительству.

Едва ли является существенным и тот упрёк в адрес митрополита Евлогия, что его, равно как и Патриарха Фотия, действия неправомочны, так как первый даже не является полноправным правящим архиереем, а лишь состоит временно управляющим частью Петроградской (тогда уже Ленинградской) епархии*. Но ведь в 1921 г. Высшее управление Русской Церкви с согласия Петроградского митрополита наделило Преосвященного Евлогия достаточно широкими правами в устроении Церковной жизни в Западной Европе. А то, что будучи даже возведённым в митрополиты, он не получил специального титула, а его управление признавалось временным, «до восстановления нормальных связей с Петроградом», явилось не столько желанием Патриарха Тихона, Синода или митрополита Вениамина, сколько стремлением самого Преосвященного Евлогия. Упрекнуть митрополита Евлогия можно в другом, а именно – в раскольнической деятельности внутри уже самой Зарубежной Церкви.

Думается, что больший интерес будет представлять попытка проанализировать позицию митрополита Евлогия, занятую в

---

* *Это, как и приводимые выше возражения, митрополит Сергий привёл в письме Патриарху Фотию II (№6288) от 8 Июня 1931 г. Текст в Церковном вестнике. 1931. №7; Замечания и материалы... Сс.147–151. Также ЖМП. 1932. №№7–8.*

отношении митрополита Сергия и возглавляемого им Церковного управления в Москве.

То, что единство веры, любви и молитвы возможно и без административных связей, очевидно из того, как это единство осуществляется Вселенской Православной Церковью, в Которой отдельные Поместные Церкви, равно как и входящие в них епархии, не соподчинены некоему административному центру. Другое дело, что нестроения, охватившие одну из поместных Церквей, могут быть в случае необходимости представлены Ею на суд авторитетного выразителя мнения Вселенской Церкви, каковым является Вселенский Собор. Достаточно хотя бы вспомнить историю Второго Вселенского Собора, одним из основных вопросов работы которого была ликвидация Антиохийской схизмы. Впрочем, чаще та или иная Поместная, в том числе и Русская Церковь (например, в деле Патриарха Никона) выносила Свои проблемы на суд и менее представительных соборов: главное, что Она видела в таком Соборе достаточно авторитетного выразителя Церковного мнения для решения этих проблем. Не случайно также и то, что определения иных таких чаще Поместных Соборов (например, Антиохийского и Карфагенского), принимались в дальнейшем вселенским соборным разумом в качестве канонов, имеющих важное значение в созидательной деятельности всей Церкви.

Иное дело, что в позиции митрополита Евлогия было нечто необычное с точки зрения современной «юрисдикционной» практики. Вынужденный прервать административные отношения с Москвой и перейти в юрисдикцию Константинополя, митрополит Евлогий всё же продолжал указывать: «Мы не утверждаем, что здесь, за пределами России, невозможно следовать за ним (митроп. Сергием – *авт.*) и делать то, что он приказывает, поскольку это нарушает свободу Церковной жизни. Таким образом это не разрыв с Русской Церковью».

То, что юрисдикционная зависимость не является чем-то навеки установленным, думается, нет необходимости пространно объяснять. Даже новейшая история Русской Церкви может дать нам примеры этого. Здесь многое зависит от внешних исторических причин. Например, когда территория Буковинской митрополии, традиционно входившей в состав Румынской Церкви, отошла к Украинской ССР, то она стала епархией Русской Церкви.

Более того, в рассматриваемом нами случае и Патриарх Фотий и митрополит Евлогий всячески подчёркивали временный характер статуса Русского Западно-Европейского Экзархата, принятого лишь ради Церковной икономии в сложившейся ситуации.

Главное, что Преосвященный Евлогий продолжал признавать за митрополитом Сергием каноническое преемство Церковного предстоятельства и рассматривать его в качестве духовно-канонического центра Русской Церкви. Другое дело, что он (митрополит Сергий) мог допускать в отдельных случаях трагические ошибки, исправление которых оказалось возможным лишь в исторической перспективе Русского Церковного бытия. Во всяком случае, от него продолжали ожидать действий, направленных на достижение единства Русской Церкви при сохранении Ея внутренней свободы.

Таковы были условия экклезиологические, историко-канонические и нравственные основания, приведшие к образованию Русского Западно-Европейского Экзархата Вселенского Патриархата.

Между тем, Церковная жизнь Экзархата шла своим чередом. Создавались новые общины, регулярно заседал Епархиальный совет и созывались приходские, викариальные и епархиальные собрания. Весьма бурной была в это время и Церковно-общественная жизнь, находившая выражение в деятельности многочисленных обществ, братств, кружков. Также, что ещё важнее, оживилась евхаристическая активность верующих, ведомых замечательной плеядой преданных своему делу, образованных и вдумчивых пастырей. Среди верующих Экзархата были такие выдающиеся деятели Русской культуры, как философ С.Франк, писатель И.Бунин, художник К.Коровин, композитор А.Глазунов, певец Ф.Шаляпин и ряд других. Последний неоднократно давал благотворительные концерты, сборы от которых передавал митрополиту Евлогию для помощи бедствующим Русским эмигрантам. Сам митрополит Евлогий совершал Богослужения не только в Александро-Невском соборе в Париже, но и регулярно объезжал Экзархат, посещая приходы в различных уголках Франции, Германии и Чехословакии. А в 1932 году он был даже в Марокко. В своей деятельности он прежде всего оставался пастырем. Ему всегда были близки духовные нужды своих пасомых, с которыми он находился в постоянном общении, всегда охотно всех принимая, а также посещая многих по домам. Уже в Европе им была

воспитана целая плеяда пастырей, воплощавшая в своём делании лучшие традиции Русского пастырства.

В предвоенный период достигает своего расцвета Институт Преподобного Сергия, ставший в это время подлинным центром Русской богословской мысли. Кроме упоминавшихся нами епископа Вениамина, проф. А.В. Карташёва, С.С. Безобразова и П.Е. Ковалевского, уже на следующий год существования Института в его корпорацию вошли – известный религиозный мыслитель и видный деятель Московского Собора, бывший профессор Московского университета протоиерей Сергий Булгаков, которому было поручено чтение курса догматического Богословия, бывший профессор Киевского университета В.А. Зеньковский, начавший читать лекции по философии, психологии, педагогике и апологетике, и его ученик В.Ильин, ставший преподавать литургику, историю религий и некоторые разделы истории философии. Вскоре также в Институт были приглашены Г.В. Флоровский для чтения лекций по патрологии, Г.И. Федотов, ставший читать курсы агиологии и истории западных исповеданий, Л.А. Зандер для преподавания логики и сравнительного богословия, Н.Н. Афанасьев для чтения лекций по каноническому праву и архимандрит Киприан (Керн) для преподавания пастырского Богословия, Греческого языка и некоторых разделов патрологии. И.В. Никаноров стал преподавать в Институте гомилетику и Славянский язык, М.М. Оссоргин – Богослужебный устав, а Б.П. Вышеславцев – нравственное Богословие. Затем в число профессоров Института были включены также Ц.В. Мочульский (история Западной Церкви) и В.В. Вейдле (история Христианского искусства). Впоследствии корпорация пополнялась выпускниками Института Преподобного Сергия, среди которых мы встречаем такие известные ныне имена, как Б.И. Сове, П.Г. Лиутов, Ф.Г. Спасский, А.П. Князев, С.С. Верховский, И.Ф. Мейендорф, А.Д. Шмеман. С Институтом поддерживали постоянные связи Н.Н. Глубоковский и видный канонист С.В. Троицкий, а также известные Русские мыслители П.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, неоднократно посещавшие его, читавшие там лекции, участвовавшие в его научных конференциях и публиковавшиеся в институтском периодическом издании «Православная мысль» (*Pensee orthodoxe*). В Институте был создан студенческий хор под руководством Ивана Денисова, который в течении 30-х годов объездил с

концертами почти всю Европу, знакомя западную публику с Русским церковным пением.

Особо следует остановиться на некоторых работах Богословов Института Преподобного Сергия, внесших значительный вклад в развитие Православной Богословской мысли. Так, в области новозаветной исагогики большую ценность представляет многолетнее исследование иеромонаха (впоследствии епископа) Кассиана (Безобразова) «Христос и первое Христианское поколение» (Paris. YMCA-Press. 1954), а также целый ряд других его публикаций. Замечательным вкладом в научную патрологию явились курсы лекций о.Георгия Флоровского, прочитанные в Институте и изданные затем в двух книгах «Восточные отцы IV века» (1931) и «Византийские отцы V–VIII веков» (1933). В дальнейшем о.Георгий выпустил прекрасный труд, посвящённый истории Русской Богословской мысли «Пути Русского богословия» (Paris. YMCA–Press. 1937). Традиции Русской патрологии продолжил и развил архимандрит Киприан (Керн). Плод его многолетних пастырских и научных трудов «Православное пастырское служение» (издано в Париже на Русском языке в 1957 г.) является лучшим современным пособием в этой области. Предметом особого интереса о.Киприана было также литургическое богословие. Его труд «Евхаристия. Историческое, Богословское и практическое объяснение Божественной литургии», опубликованный не только на Русском, но и на Французском языке (Paris. YMCA–Press. 1947) явился замечательной и весьма важной в наши дни попыткой богословского осмысления этого величайшего таинства Церкви, причём обращённой к самому широкому читателю. Плодом его глубоких интересов в области патристики явилось исследование «Антропология св.Григория Паламы» (Paris. YMCA–Press. 1950) и целый ряд других публикаций, посвящённых святоотеческому наследию. Большой интерес у западного читателя вызвала переведённая на Французский и Английский языки двухтомная «История Русской философии» Василия Зеньковского (1948–1950). Небезъинтересны поиски решения общечеловеческих проблем в области Христианской этики профессором Б.И. Вышеславцевым. Замечательным примером осмысления Русской Церковной истории являются лекции Антона Васильевича Карташёва (изданы на Русском языке в 2-х томах. Paris. YMCA–Press. 1959). Свежестью подхода отличались и его лекции по истории Древней Церкви. Его последняя работа, явившаяся результатом

многолетних исследований и размышлений «Вселенские Соборы» вышла в свет в 1960 г., день спустя после его кончины. Божественное и человеческое в природе Церкви, рассматриваемое через Ея историческую ретроспективу, является главным предметом его мыслей. Ученик Василия Васильевича Болотова и замечательного Русского гебраиста И.Г. Троицкого, человек огромного таланта и энергии, он оставил после себя курс лекций по Св.Писанию Ветхого Завета и гебраистики, ставший заметным вкладом Православной мысли в библейскую науку. Получила известность его речь «Библейская критика Ветхого Завета» (Paris. YMCA–Press. 1947), в которой было высказано немало интересных мыслей по проблемам научного изучения Библии. Большую ценность для богословского осмысления Истории Русской Церкви представляют работы Г.И. Федотова «Святые Древней Руси» (Paris. YMCA–Press. 1931), а также выпущенные им уже в Америке на Английском языке «Сокровища Русской духовности» (1948), переведённые на Русский язык в 1983 году в Санкт-Петербуржской Духовной Академии, и «Русская богословская мысль» (в двух томах, 1946 и 1953). Не оставались незамеченными и публикации Николая Афанасьева, посвящённые фундаментальным вопросам канонического права.

Мы здесь коснулись лишь некоторых авторов и лишь небольшого круга работ, подготовленных в Институте Преподобного Сергия в указанный выше период, но и они свидетельствуют о многосторонности богословских и научных поисков его сотрудников и плодотворности достигнутых результатов.

На трудах профессора-протоиерея Сергия Булгакова следует остановиться особо, поскольку они оказались в центре дискуссий в Русском Богословии 30-х годов. Ещё до революции он выдвинулся как религиозный мыслитель, посвятивший свой ум и яркий литературный талант на службу Церкви. Будучи профессором политэкономии Московского Университета, он активно участвовал в работе Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг., нередко выступая в дискуссиях и принимая участие в составлении соборных документов. Его деятельность находила общее признание, и по совету Патриарха Тихона он в 1918 году принял священный сан. Оказавшись за границей, он первоначально поселился в Праге, где читал лекции, сотрудничал в журналах, а также пытался установить диалог с различными религиозными кругами. Он горячо откликнулся на приглашение пре-

подавать в Православном Богословском Институте в Париже, в подготовке к открытию которого принял деятельное участие, и с 1926 г. вплоть до самой своей кончины в 1944 году состоял в нём профессором догматического Богословия. В центре богословской системы о.Сергия лежала концепция Софии – Премудрости Божией. Эта концепция, внесённая в Русскую религиозную мысль Владиміром Соловьёвым, нашла своё развитие в богословии о.Павла Флоренского, с которым Булгакова связывала дружба. Следует отметить, что воззрения о.Сергия Булгакова о Софии менялись в течении его жизни. В конце концов он пришёл к идее тождественности с Триипостасной Божественной Сущностью, несущей всю вечность міра, творимого Богом во времени. Хотя концепция о.Булгакова в своём конечном виде и выходила за пределы установившихся предметов спекуляции в Русском Богословии того времени, она во многом отразила общий поиск в области экклезиологии, а вместе с нею стремилась к уяснению вопросов в учении о Св.Троице, Христологии, пневматологии, мариологии и эсхатологии. Неслучайно поэтому большая трилогия, в которой о.Сергий изложил свои воззрения («Агнец Божий», «Утешитель» и «Невеста Агнца») получила название «О Богочеловечестве». Уже после войны Л.А. Зандер выпустил двухтомный труд, посвящённый философии и богословию протоиерея Сергия Булгакова «Бог и мір» (Paris. YMCA–Press. 1948). Что касается критики этого учения, можно порекомендовать работу Л. Перепёлкиной «Экуменизм – путь, ведущий в погибель» (С.-Пб., 1994).

Учение о.Сергия вызвало оживлённые дискуссии в Русских богословских кругах. Дело дошло до обвинения в «ереси». Более осторожные и вдумчивые богословы полагали, что хотя о сознательной ереси здесь говорить нельзя, однако, некоторая литературная увлечённость автора приводила его порой к терминологической неточности. Иных же порой пугали непривычные предметы его размышлений, впрочем, известные богословской мысли древности. С критикой воззрений Булгакова выступили В.Н. Лосский и архиепископ Серафим (Соболев), а митрополит Сергий выпустил о нём в 1935 г. специальный указ. В Декабре того же года в Париже при Экзархате была образована специальная комиссия под председательством протоиерея К.Смирнова, в которую вошли ведущие профессора Богословского Института, для разбора учения о.Сергия.

Независимо от оценки воззрения о.Сергия Булгакова, положительной стороной их публикации явилось оживление Русской богословской мысли, повышение интереса у читающих его труды к священным предметам Православной веры. Необходимо отметить, что с самого начала митрополит Евлогий выступал в защиту протоиерея С.Булгакова, полагая, что для плодотворного развития богословской мысли необходима свобода мнений в ясных пределах Православия.

Институт поддерживал широкие связи с Православными Богословскими факультетами, приглашавшими его профессоров для чтения лекций. Его представители участвовали в 1930 году в Конференции по проблемам религиозного воспитания в Фессалониках и в 1936 году в Конгрессе Православных богословов в Афинах. Кроме того, профессора Института часто приглашались для чтения лекций в университетах Англии, Ирландии, Германии, Нидерландов, Швейцарии, Соединённых Штатов и Канады, что являлось свидетельством интереса на Западе к Русской Церкви и Православной богословской мысли.

Если Зарубежная (Карловацкая) Церковь представляла консервативную часть Русской эмиграции (более многочисленную), то Западно-Европейский Экзархат объединял церковных либералов, что выразилось и в повышенном внимании к внешним, осуждённым позднее, экуменическим связям. Институт преподобного Сергия принял деятельное участие и в экуменическом движении. В 1932 г. в Конференции движения *Life and Work* (Жизнь и Труд), на которой рассматривалась тема «Церковь, народ и государство» принял участие о.Сергий Булгаков и профессора Федотов, Карташёв, Вышеславцев, Зандер и Зеньковский.

Важным событием в истории экуменического движения был конгресс движения *Faith and Order* (Вера и Устройство) в 1937 году в Эдинбурге. В работе конгресса этого движения, явившегося предшественником Всемірного Совета Церквей, деятельное участие принял митрополит Евлогий и профессора Института о.Сергий Булгаков, о.Георгий Флоровский, иеромонах Кассиан и Зандер. На этом конгрессе о.Булгаков был избран членом постоянного комитета движения, а оо.Кассиан и Флоровский вошли в организационную комиссию. Во время Эдинбуржского конгресса представители Русского Православия имели оживлённые контакты со многими представителями древневосточных Церквей и

протестантских исповеданий. Русские богословы приняли деятельное участие в разработке документа, представленного Православными участниками Конгресса, выражавшего их общее мнение об экуменическом движении и его возможных задачах.

Вторая міровая война явилась серьёзным испытанием для Русского Экзархата в Западной Европе. Осенью 1939 г., несмотря на начало войны, митрополит Евлогий распорядился начать учебный год в Институте Преподобного Сергия. Весной 1940 г. над Парижем нависла угроза немецкой оккупации. Многие Русские покидали Париж, эвакуируясь на юг Франции или в Северную Африку. Митрополит Евлогий и его ближайшие сотрудники остались в Париже. Во время оккупации он продолжал совершать Богослужения и окормлять оставшуюся паству. Несмотря на большие трудности, продолжались занятия в Богословском Институте, где осталось небольшое число студентов и профессоров, среди которых были о.С.Булгаков, архим. Киприан, Карташёв, Зеньковский, Зандер. Последний в Июне 1941 г. вместе с большой группой Русских интеллигентов был арестован оккупантами и отправлен в концлагерь возле Компьена. Вскоре за укрывание евреев были арестованы многие члены Церковно-общественной организации «Православное действие». Ея видный деятель священник Димитрий Клепитин мученически скончался в концлагере в Германии. Членов Епархиального управления и профессоров Института нередко вызывали на допросы в Гестапо. Агентами последней из библиотеки Института были изъяты книги по гебраистике и содержащие тексты на еврейском языке. Следует отметить, что духовенство Экзархата вело себя с достоинством, не идя на сотрудничество с оккупантами. В этих тяжелых условиях не прерывались и богословские труды. Протоиерей С.Булгаков написал свой «Апокалипсис Иоанна», архимандрит Киприан «Евхаристию», профессор Зеньковский, рукоположенный зимой 1941 г. митрополитом Евлогием во пресвитера, завершил свою «Историю Русской философии»[112].

Ещё зимой 1941 г. Совет профессоров избрал деканом Института протоиерея С.Булгакова, а проф. Карташёва инспектором. С 1943 г. Институт стал присуждать степень доктора. Первым её удостоился о.Сергий Булгаков, вторым в 1944 году – А.В. Карташёв.

В Июне 1944 г. исполнилось 25 лет священнослужения профессора-протоиерея Сергия Булгакова, а 13 Июля он скончался.

Должность декана перешла к о.Зеньковскому, а преподавание догматики, на первых порах, к ассистенту почившего А.Князеву.

Весной 1943 г. у Института установились регулярные контакты с руководством Католической Церкви Франции, когда митрополит Евлогий и о.Булгаков со всей корпорацией и студентами впервые принимали монсеньора Боссар, викария архиепископа Парижского.

Начало 1945 г. ознаменовало жизнь Экзархата новыми ожиданиями и надеждами. Подходила к завершению война. В Париж стали поступать сведения о возрождении религиозной жизни в России, о состоявшемся в Москве Поместном Соборе и выборах Патриарха. Оторванным многолетней эмиграцией от действительности на Родине людям всё это рисовалось в самых радужных тонах. Митрополит Евлогий, поддержанный духовенством и верующими, выразил желание возобновить канонические отношения с Московской Патриархией.

24 Августа 1945 г. в Париж прибыла делегация Московской Патриархии во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем. Понятно, что этот визит вызвал оживлённый интерес в Русских кругах.

29 Августа митрополит Евлогий созвал Епархиальное собрание, на котором митрополит Николай выступил с докладом, рассказав о Церковной жизни на Родине. Под впечатлением этого выступления было решено совершить 2 Сентября в Александро-Невском соборе торжественное Богослужение в знак воссоединения всех Русских Православных приходов во Франции с Московской Патриархией. Следует заметить, что к этому времени было достигнуто соглашение о воссоединении с Патриархией Карловацкого архиерея во Франции митрополита Серафима (Лукьянова), в ведении которого находилось 30 приходов.

Таким образом, митрополит Евлогий вместе со своими викариями архиепископом Владиміром и епископом Иоанном (архиепископ Александр и епископ Сергий, ставший экзархом Московского Патриархата в Средней Европе и имевший каѳедру в Вене, воссоединились с Патриархией позже) и оставшимися в их ведении 75 приходами во Франции с согласия Вселенского Патриарха Вениамина возобновили административно-канонические отношения с Московской Патриархией. Патриарх Алексий I-й и Священный Cунод в Москве назначили митрополита Евлогия своим экзархом в Западной Европе. В решении Cунода по этому

вопросу определялось: «Возблагодарив Господа Бога, считать митрополита Евлогия и его викариев архиепископа Владиміра и епископа Иоанна со всеми 75 приходами воссоединенными с Матерью-Церковью и принятыми в юрисдикцию Московской Патриархии и сохранить на будущее время Экзархат Западно-Европейских церквей в существующих его границах во главе с митрополитом Евлогием, как экзархом Московской Патриархии на основании, изложенном в соответствующем положении об управлении этими церквами. Считать митрополита Серафима и приходы его области воссоединёнными с Матерью-Церковью и принятыми в юрисдикцию Московской Патриархии и временно, впредь до окончательного канонического устроения Церковных дел за границей, сохранить за митрополитом Серафимом управление его областью при существующем составе его приходов. О чём послать преосвященным указы»[113].

В это время вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о возможности бывшим российским подданным вступить в советское гражданство, и вскоре Советское посольство в Париже выдало митрополиту Евлогию советский паспорт под номером 1.

Следует отметить, что действия митрополита Евлогия по восстановлению административно-канонических отношений с Москвой не всеми в Экзархате были встречены с одобрением. Однако, доверие к любимому архипастырю было столь велико, что большинство клириков и мірян сочло возможным его поддержать. Между тем, дни митрополита Евлогия клонились к закату, и 8 Августа 1946 г. на 79 году жизни он мирно отошел ко Господу. Великое множество верующих и духовенства собралось на его погребение в Александро-Невском соборе, чтобы отдать долг любви человеку и служителю Божию, столь много значившему в их жизни.

Русский Экзархат в Западной Европе в послевоенный период

После кончины митрополита Евлогия Московская Патриархия в административном порядке назначила своим экзархом в Западной Европе митрополита Серафима (Лукьянова). Однако, это решение было принято вопреки воле большинства духовенства и верующих Экзархата. Реальность оказалась суровее первона-

чальных радужных надежд. Былое воодушевление, к которому примешивались патриотические чувства, сменилось разочарованием. В чисто церковном плане в Экзархате усмотрели в этом решении Патриархии нарушение своего канонического права, закреплённого определением Московского Собора 1917–1918 гг., предварительного избрания правящего епископа клиром и паствою епархии. Архиепископ Владимір написал в Москву, что может принять этот указ лишь в качестве информации. Церковная общественность Экзархата вновь оказалась напуганной возможностью утраты Церковной свободы. 14 Августа 1946 г. архиепископ Владимір созвал Чрезвычайное пастырское собрание, на котором было решено просить Вселенского Патриарха Максима о возвращении в его юрисдикцию. 16–20 Октября 1946 г. состоялось Чрезвычайное епархиальное собрание, в котором приняли участие представители приходов, решивших вновь признать над собою юрисдикцию Патриарха Вселенского. Таких оказалось подавляющее большинство. Миссия командированного в Париж из Москвы в связи с этим событиями архиепископа Фотия (Тапиро) оказалась безуспешной. По этому поводу Священный Cvнод в Москве направил 27 Мая 1947 г. митрополиту Серафиму Постановление №275, в котором указывались следующие санкции:

> а) исключить архиепископа Владиміра и епископов Иоанна и Никона из иерархии Русской Церкви, лишить епископа Никона титула Сергиевского, который он получил от Русской Церкви;
>
> б) лишить упомянутых архиепископа и епископов, а также всё следующее за ними духовенство права называться служащими и служить в Русской Православной Церкви...»[114]

В связи с этим анонимный составитель «Замечаний и материалов» пишет: «Можно удивляться снисходительности этой меры и сравнивать её лишь с твёрдостью митрополита Сергия. Но мы не должны забывать о Церковной ситуации в Западной Европе, увязывая её с общим контекстом жизни Церкви (Русской – *авт.*)»[115]. Впрочем, последнее замечание во многом объясняет причину «снисходительности» Московской Патриархии. Хотя на этот раз «прещений» и не последовало, духовенство Экзархата «наказывалось» морально: исключение из ведомства Московской Патриархии предлагалось им как разрыв исторических связей с Русской Церковью.

Между тем в решении чрезвычайного собрания Экзархата указывалось следующее:

> «Бросая взгляд на период, который для Русской заграничной Церкви ознаменовался управлением митрополита Евлогия, Епархиальный съезд с признательностью усматривает в этом периоде, в течении которого мы находились под омофором Вселенского Патриарха, счастливое указание на единственно возможное поведение и организацию Церковной жизни, которые достаточно осторожны и соответствуют правилам.
> Это спасительное поведение, которое даровало нам более 15 лет мира и процветания, обнаружил митрополит Евлогий, ведя корабль Церкви нашей в спокойную гавань Патриарха Вселенского, где мы обрели основное и существенное благо Церковной жизни, духовную свободу, неизменный мир и независимость от всякого влияния, чуждого Церкви.
> Кроме духовной свободы и мира, пребывание под омофором Патриарха Вселенского даровало нам неоспоримую и крепкую каноническую основу организации нашей Церковной жизни...»

На основании правила Всероссийского Собора 1917–18 гг. Собрание предварительно единодушно избрало архиепископа Владиміра (Тихоницкого) правящим архиереем Экзархата и просило Вселенского Патриарха Максима канонически утвердить это избрание.

В заключении указывалось: «Чрезвычайный Епархиальный совет в духе мира и любви свидетельствует своё искреннее желание остаться в общении литургической молитвы и братского сотрудничества с Русской Церковью и всеми Русскими образованиями, которые в настоящее время находятся за границей»[116].

Нужно сказать, что в это время Экзархат прилагал усилия в целях единства всех Православных Русских за границей. Архиепископ Владимір обратился к первенствующему в Карловацком Сунноде митрополиту Анастасию с предложением совместно обратиться к Вселенскому Патриарху с просьбой назначить митрополита Анастасия экзархом, которому в этом случае архиепископ Владимір обещал своё повиновение. Однако, платформа для воссоединения, предложенная Карловчанами, оказалась неприемлемой, поскольку Зарубежная Церковь оставалась непримиримой в своём политическом курсе. «Единство может быть, – писал в связи с этим Карловацкий архиепископ Нафанаил, – лишь в борь-

бе с неблагочестивыми силами, правящими в Москве и с виновностью ныне правящей власти... Мы прежде всего хотим единства в этом делании, самом важном в нашей эпохе, т.е. единства в борьбе с неблагочестивыми силами»[117]. Правда, анонимный составитель «Замечаний и материалов» отмечает, что с 1947 г. имели место сослужения духовенства Экзархата с Карловчанами[118].

8 Июля 1947 г. архиепископ Владимір был возведён Константинопольским Патриархом в сан митрополита[119].

Следует заметить, что по-разному церковные деятели Экзархата и Зарубежной Церкви подходили и к самому принципу построения Церковного организма. Так, у последних доминировал не территориальный принцип построения Поместной Церкви, а национальный. После войны и связанных с нею потрясений, разбросанные по всему міру, они воссоздали Русскую Церковь, основными признаками Которой явились два: что большинство Ея чад Русіяне, сохранившие национальное самосознание, и что они находятся «за границей». Между тем Собрание Экзархата, проходившее в Октябре 1949 г., выдвинуло идею поместной Церкви (объединяющей Православных в Западной Европе), находящейся в каноническом ведении Вселенского Патриархата. В некоторых чертах это повторяло мысль митрополита Евлогия, высказавшегося ещё в 1921 году за территориальный принцип организации Русской Церковной жизни за рубежом. Также нужно отметить, что в послевоенный период изменился и национальный состав Православной эмиграции в Западной Европе, где до войны преобладали Русіяне. Теперь же в Западную Германию, Австрию, Францию, Великобританию, Бенелюкс и Скандинавию устремился поток Греков, Сербов, Болгар, Румын, Албанцев, а также выходцев из ближневосточных стран. При этом удельный вес Православных Русского происхождения в некоторых странах (Зап.Германия, Австрия, Великобритания) заметно снизился. Во всяком случае, руководство Русского Экзархата всегда стремилось изыскивать условия к братскому сотрудничеству всех Православных в Европе.

Немалую роль в этом сыграл Институт Преподобного Сергия. Так, в 1948 г. в Институт была принята группа Сербов. Вскоре к ним присоединилось несколько молодых Православных Ливанцев, членов Движения Православной молодёжи, посланцев Антиохийского

Патриархата. С 1952 года в Институте стали обучаться Православные уроженцы из европейских стран: Финляндии, Германии, Швейцарии. К концу 50-х годов появились студенты Греки, прибывшие из Греции и Кипра, а также представители Греческой эмиграции в Европе. Вскоре они составили значительную группу обучающихся в Институте.

В этот, а также в предшествующий период в Институте выдвинулось новое поколение профессоров, сыгравших заметную роль в современном Православном Богословии. Так, с 1943 г. курс Ветхого Завета стал читать Алексей Князев (впоследствии протоиерей, ректор Института). В 1946 г. Корпорацию пополнили Сергей Верховский, до 1950 г. читавший нравственное Богословие и некоторые разделы догматики, о.Александр Шмеман (история Церкви), о.Кирилл Ельчанинов (Древнееврейский язык, история древней и средневековой философии). Окончивший в 1949 г. Институт о.Иоанн Мейендорф приступил к чтению курса византологии и некоторых разделов патрологии. Впоследствии С.Верховский и оо.Шмеман и Мейендорф переехали в США, где трудились в Свято-Владимірской семинарии.

С 1952 г. курс нравственного богословия в Институте читал Павел Евдокимов († 1971), бывший среди его первых выпускников (1928) и преподававший до этого этику в различных Французских учебных заведениях, а также активно сотрудничавший с экуменическими организациями. Широкую известность получило вышедшее не Французском языке его исследование *«Dostoevsky et le probleme du mal», Lyon, 1944* («Достоевский и проблема зла»). В 50-е годы начал свою профессорскую деятельность в Институте Борис Бобринский, известный многими своими публикациями по Православной догматике и литургике в западных богословских изданиях. В 1958 г. в корпорации института впервые появился преподаватель не Русского происхождения – Киприот Андреас Фириллас. С тех пор она стала приобретать международный и межправославный характер.

После кончины митрополита Евлогия в 1946 г. высшее административное руководство Институтом осуществлял архиепископ Владимір, но после избрания его правящим архиереем Экзархата он пожелал передать свои административные функции по Институту одному из профессоров, избранному корпорацией. Ректором тогда был избран архимандрит Кассиан (Безобразов), хиротонисанный в Июле 1947 г. во епископа († 4.12.1966).

Указанный период в жизни Института ознаменовался появлением множества публикаций по вопросам библеистики, Православного Богословия, всеобщей и Русской Церковной истории, патрологии, литургики и этики, как в изданиях самого Института, так и в различных Православных, Католических и экуменических изданиях. В начале 50-х годов группа специалистов Института Преп. Сергия во главе с епископом Кассианом приняла участие в подготовке нового Русского перевода Нового Завета, начатого по инициативе Британского Библейского общества. Впрочем, эта попытка была позднее признана неудачной.

В 1950 году при Институте Преп. Сергия был создан Богословский семинар для женщин, организованный Валентиной Зандер. Он просуществовал более 12 лет, и читавшиеся на нём лекции профессоров Института получили широкое распространение.

Придерживаясь либерального направления церковной мысли, Институт присоединился к экуменическому движению. Его представители постоянно участвовали в Неделе молитвы о Христианском единстве, ежегодно устраиваемых по инициативе аббата Кутурье. Одновременно поддерживались контакты с Католическими учебными и научными центрами Франции и Бельгии. В Институте нередко читали лекции и участвовали в конференциях Католические и Англиканские ученые. С 1953 года в Институте ежегодно проводится неделя литургических изучений, привлекающая ученых из ряда стран.

За 50 лет существования Института Преп. Сергия в его стенах было подготовлено 250 священнослужителей, служивших и служащих ныне во всех частях света[120].

Во Франции наряду с Русскими Экзархатом Вселенского Патриарха продолжал существовать хотя и значительно меньший Западно-Европейский Экзархат Московского Патриархата. Сначала его возглавлял митрополит Серафим (Лукьянов), который в Ноябре 1949 года был освобождён от должности и уволен на покой[121]. До 1953 года Экзархат оставался без архиерейского возглавления, им руководил Совет сначала из трёх, а затем из пяти священнослужителей, осуществлявший связь с экзархами, находившимися сначала в Вильне, а затем в Берлине[122].

Касаясь Церковной жизни в Западной Европе, следует отметить, что идея поместной Церкви, поддержанная Константинополем, нашла своё отражение в титуловании служащих там епископов как Греческих, так и Русских, находящихся в юрисдикции Вселенского

Патриархата. Так, наряду с митрополитами, имеющими титул соответствующий названию страны, где находятся приходы его ведения (например, Германский, Галльский, Австрийский, Бельгийский, Шведский), другие архиереи носят титул древних каθедр Константинопольской Церкви. Например, Греческий экзарх в Западной Европе, находящийся в Лондоне, носит титул архиепископа Фиатирского. Русские архиереи получили от Константинопольского Патриархата титулы по названиям каθедр, некогда (до XI в.), входивших в состав этого Патриархата и находившихся в Западной Европе (южная Италия). Так, митрополит Владимір носил – как и его преемник – титул «Сиракузский», а Преосвященный Кассиан был в 1947 году хиротонисан во епископа Катанского[123].

18 Декабря 1959 года скончался митрополит Владимір. После предварительного избрания Епархиальным собранием Патриарх Афинагор назначил нового экзарха-архиепископа Георгия (Тарасова).

Нужно сказать, что начало 60-х годов характеризовалось интенсификацией межправославных контактов, как на двух, так и на многостороннем уровнях. Наиболее выдающимся событием в этом отношении явилось Всеправославное совещание на острове Родос в Сентябре 1961 г., целью которого была выработка тем для обсуждения будущего Предсобора. Одной из таких тем был вопрос о Православной диаспоре. Следует заметить, что по этой теме между Константинопольской и некоторыми другими Церквами имеются расхождения. Причём, что касается Вселенского и Московского Патриархатов, то своеобразным камнем преткновения в их отношениях был получивший отношение к данной теме вопрос о Русском Западно-Европейском Экзархате. Представители Москвы постоянно требовали от Константинополя упразднить Русский Экзархат в Западной Европе с передачей его приходов каноническому ведению Московской Патриархии. Эти усилия не остались безплодными. Вселенский Патриархат, между тем, стал подготавливать архиепископа Георгия и вверенные ему клир и паству к мысли о том, что ради достижения всеправославного согласия и сотрудничества им придётся вернуться в юрисдикцию Московского Патриархата. Наконец, Вселенский Патриарх Афинагор 22 Ноября 1965 года выпустил послание №671 на имя архиепископа Георгия, где, в частности, писал: «Учитывая... новые данные, единодушие и обширное сотрудничество Право-

славных Церквей, что необходимо в настоящее время для решения обширных Церковных проблем, имеющих историческое значение, после необходимой консультации с нашим Св.Cvнодом мы приняли решение (независимо от прав на диаспору, которые предоставлены нашему Пресвятому Вселенскому Патриаршему Престолу на основании священных правил) упразднить Временный Патриарший Экзархат Русских Православных приходов в Западной Европе, созданный в 1931 году... При этом мы уверены, что Православная Русская Церковь и Ея высокочтимый глава Блаженнейший Патриарх Московский Алексий сможет проявить и всегда будет проявлять отцовскую любовь, подобную той, которую мы до настоящего времени проявляли к его приходам, и позаботится о Вашем Высокопреосвященстве, Вашем духовенстве и Ваших благочестивых верующих, а также о Ваших нуждах...»

Постановление было достаточно осторожно, дабы не создать впечатления администрирования и недопустимого в Церкви произвола. Заканчивалось оно так: «...Мы никоим образом не сомневаемся в том, что, глубоко изучив причины, побудившие нас принять подобное решение, Вы добровольно и своевременно вступите в контакт с Его Блаженством, Патриархом Московским и всея России нашим возлюбленным во Христе братом Алексием, для решения всех этих вопросов»[124].

Однако, отношение в Экзархате к событиям Церковной жизни того времени в нашей стране было таково, что о возможности выполнения рекомендации Патриарха Афинагора никто всерьёз не думал. В эти годы из Советского Союза постоянно доносились известия о гонениях на верующих, и, естественно, зарубежные иерархи не могли желать подобной участи себе и своей пастве.

Архиепископ Георгий созвал 30 Декабря 1965 года расширенное заседание Епархиального совета, после которого обратился с посланием ко всем верующим своего округа, опубликованном в крупнейшей Парижской газете «Русская мысль» (от 6 Января 1966 года):

> «...Учитывая чрезвычайную опасность происходящего явления, – писал он в этом послании, – которое не имеет примера в Церковной истории и налагает на наше духовенство и наш народ особую ответственность и необходимость обратиться к Собору Православных Церквей; стремясь сделать по воле Божией всё воз-

можное и необходимое для продолжения, развития и укрепления литургического, пастырского, богословского, культурного и миссионерского действия этих храмов (т.е. б. Экзархата – *авт.*) там, где они находятся;...
учитывая имеющиеся плоды деятельности Православия в Западной Европе и, в частности, во Франции, где созданы местные приходы, общины, монастыри и высшая богословская школа;...
в полном соборном согласии с епископом Мефодием (викарий архиепископа Георгия – *авт.*), Епархиальным советом, духовенством, собравшимся 30 Декабря 1965 г. в каѳедральном соборе св.Александра Невского;
в полном согласии с догматической и канонической традицией Святой Православной Церкви, к которой мы принадлежим, являясь Ея верным и живым членом по благодати Божией –
Мы обновляем прежний Временный Экзархат Вселенской Патриархии, состоящей из Русских Православных приходов в Западной Европе независимой архиепископией Православной Церкви во Франции и в Западной Европе и созываем Епархиальное собрание для необходимого утверждения и необходимого статуса»[125].

Нужно заметить, что в начале этого послания архиепископ Георгий подчеркнул, что в связи с ликвидацией Экзархата Русская Церковная Западно-Европейская общность «не может ни войти в юрисдикцию Московской Патриархии, ни присоединиться к Cynодальной заграничной Церкви». Хотя при этом причина указывалась в слишком общих чертах: «в силу нашего независимого существования», нетрудно было догадаться о подлинных мотивах отказа.

Московская Патриархия не осталась безучастной к сложившемуся положению вещей. Ея экзарх в Западной Европе митрополит Сурожский Антоний (Блюм) в своём заявлении утверждал: «Одностороннее следование путём Церковной независимости является приятием временного или постоянного раскола; это приятие отчуждения от всей Церковной полноты Православия»[126]. По мнению составителя «Замечаний и материалов», совместное совершение литургии в этих условиях с архиепископом Георгием и вверенным ему духовенством «логически переставало быть нормой»[127].

Конечно, подобные оценки могли восприниматься Русской архиепископией как односторонние и мало ея смущать, тем бо-

лее, что она вновь могла попытаться обосновать правомерность своих действий, ссылаясь на Постановление Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета №362 от 20 Ноября 1920 года. Однако, само положение архиепископии несколько непривычное (если не считать опыта Карловчан) с позиций сложившейся к нашим дням Церковной практики, т.е. отсутствие канонической связи с автокефальной Поместной Церковью или же признанной автономии, возможно, несколько смущало архиепископа Георгия и других представителей Русской архиепископии. Во всяком случае, он неоднократно обращался к Патриарху Афинагору с просьбой о возвращении в юрисдикцию Вселенского Патриархата, хотя бы и на других условиях. И вот 22 Января 1971 года Патриарх Вселенский Афинагор направил архиепископу Сиракузскому Георгию письмо, которым извещал последнего о принятии вновь Русской архиепископии в Западной Европе в юрисдикцию Патриархата.

В этом письме говорилось, что Синод Константинопольской Церкви «изучил серьёзные причины, заставившие нас в Феврале 1931 года с присоединением упомянутых (т.е. Русских – *авт.*) общин к нашему Пресвятому Вселенскому Престолу... В то же время, – писал далее Патриарх Афинагор, – мы учли пожелания и надежды, продиктованные с Ноября 1965 года, временное упразднение Экзархата в целях необходимого согласия во всеправославном сотрудничестве и созыве Святого и Великого Собора. Взвесив нынешнее положение упомянутых общин, мы на заседании Синода решили присоединить их к Пресвятому, Апостольскому и Патриаршему Престолу, дабы не лишить их полностью высшего Церковного надзора и связи с административной системой Церкви в ожидании решения вопроса о Православной диаспоре на Святом и Великом Соборе в соответствии с требованиями канонического порядка»[128]. При этом новый статус Русских общин, входящих в юрисдикцию Вселенского Патриархата, определялся следующим образом:

> Они по-прежнему составляли самостоятельный Церковный организм, сохранявший свою внутреннюю автономию и прежнее каноническое устроение, в том числе право избрания правящего архиерея и других епископов. Однако, теперь связь этого Церковного организма, управляемого архиереем с титулом архиепископа, с Вселенским Патриархатом осуществлялась не непо-

средственно, как прежде, а через посредство митрополита Галльского. Последнему также, в случае необходимости, предоставлялось председательство на чрезвычайных генеральных ассамблеях Русской архиепископии «в качестве чрезвычайного Патриаршего экзарха и по особому поручению Патриарха Вселенского»[129].

Таким образом, в чисто внешнем плане Русская архиепископия в Западной Европе становилась чем-то вроде викариатства Греческой митрополии во Франции. Это проявлялось также в поминальной формуле за литургией: Патриарха мог поминать только архиепископ. Остальные Русские епископы, как и приходское духовенство, должно было на Великом входе теперь поминать первым Греческого митрополита Галльского, затем Русского архиепископа Сиракузского и т.д. Впрочем, Русское общество во Франции признало эту внешнюю форму, поскольку при нём вполне сохранялась сущность их Церковного бытия.

Заметим, что послание Патриарха Афинагора в качестве причины, заставившей Константинопольский Cvнод вновь принять Русские приходы в Западной Европе в свою юрисдикцию, указывало и на следующее: «Мы также решили распространить на них (Русские приходы – *авт.*) наше попечительство и пастырскую заботу, в силу права, которое мы имеем на диаспору согласно святым правилам и которым обладал наш Престол в силу его особого положения и моего долга оказывать помощь и содействие должным образом Церквам, находящимся в трудных обстоятельствах»[130]. Это заявление, но ещё более само действие Вселенского Патриарха вызвало демарш со стороны Московской Патриархии[131], впрочем, оставшийся без последствий. Существующее положение Русской архиепископии в Западной Европе, кажется, стало принимать стабильный характер.

К концу 1970-х годов Русская архиепископия в Западной Европе насчитывала 130 приходов при 175 тысячах верующих (для сравнения – Греческая митрополия во Франции имела лишь 23 прихода при 90 тыс. верующих). Их окормляло 5 епископов (архиепископ и 4 его викария) и более 80 священников. Имеются мужской и женский монастыри. Продолжает функционировать Богословский Институт Преподобного Сергия, издающий на Французском языке *«Le Messeger Orthodoxe»*. Свои издания на Русском языке имели также Церковно-общественные организации, состоящие из верующих Русских приходов (например, «Вестник Русского Христианского движения»). Русская богословская литера-

тура издавалась посредством экуменического издательства YMCA–Press. В ведении Русской Западно-Европейской архиепископии находилось также около 5 тысяч Православных Румын-эмигрантов в Западной Германии и Австрии[132].

Зарубежные Русские архиереи и общины, сохранявшие административно-канонические отношения с Московской Патриархией в 20–40-е годы нашего столетия.

Митрополит Литовский Елевферий и его деятельность в Литве и Западной Европе

Митрополит Литовский и Виленский Елевферий (в міру Димитрий Яковлевич Богоявленский) родился 14 Октября 1870 года в семье псаломщика в Курской епархии[133]. В 1889 г. он окончил Курскую Духовную семинарию и был назначен учителем в церковно-приходскую школу. В 1890 году, по вступлении в брак, он был рукоположен во священника к церкви с.Тростяницы Курской епархии. После 10 лет мирной семейной жизни он овдовел. В 1900 году отец Димитрий поступил в С.-Петербуржскую Духовную Академию, которую окончил со степенью кандидата Богословия в 1904 году. Время его учебы в Академии пришлось на ректорство епископа Ямбуржского Сергия (Страгородского), с которым у о.Димитрия установилась духовная близость на всю жизнь и который совершил его монашеский постриг, а в 1911 году возглавил его епископскую хиротонию. В 1904–1911 гг. о.Елевферий трудился на ниве духовного просвещения, сначала преподавателем Подольской семинарии, затем инспектором Холмской и, наконец, с 1909 года в сане архимандрита ректором Смоленской семинарии. 21 Августа 1911 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась его хиротония во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. В 1914 году ввиду военных действий он был переселён в Москву, где в течении года жил и совершал Богослужения в Донском монастыре. Затем он вновь был возвращён в свою епархию. В Июне 1917 года, когда архиепископ Литовский и Виленский Тихон был избран митрополитом Московским, Преосвященный Елевферий сделался правящим архиереем Литовской епархии. 28 Июня 1921 г. он был возведён в сан архиепископа. Когда по настоянию Польского правительст-

ва была провозглашена автокефалия Православной Церкви в Польше, то архиепископ Елевферий объявил ея незаконной, а Варшавский Cvнод самочинным. Митрополиту Георгию он заявил полный отказ признавать над собой и епархией власть его и Cvнода в Варшаве. Здесь нужно отметить, что до 1940 года Вильно с частью Литовской территории входили в состав Польского государства. О своём решении архиепископ Елевферий также поставил в известность Польское правительство. В Варшаве подобное поведение Православного архиепископа было воспринято весьма агрессивно, и после трёхмесячного заключения в одном из католических монастырей он был выслан в Литву, бывшую до 1940 года независимым государством. Здесь он поселился в столице республики Каунасе (Ковно), где, сохраняя административно-канонические отношения с Москвой в течении почти 20 лет руководил жизнью Литовской епархии.

В Октябре 1928 года ему удалось выехать в Москву, где он провёл более недели. Он сделал доклад митрополиту Сергию и Временному Патриаршему Cvноду о состоянии Церковной жизни в Литве и Польше. За это время он сумел, насколько возможно, ознакомиться с тогдашней Церковной жизнью в СССР, о чём затем написал в книге «Неделя в Патриархии» (Париж. 1933). Тогда же он хлопотал о переводе в Литву мощей свв. мучеников Литовских Антония, Иоанна и Евстафия, хранившихся в Богоявленском соборе, что в Елохове и находившихся в Москве со времен Первой Міровой войны. Впрочем, осуществить это намерение ему не удалось. В Ноябре того же года он был возведён в сан митрополита.

24 Декабря 1930 года после постановления митрополита Сергия об увольнении митрополита Евлогия от управления Русскими западно-европейскими приходами и отказа архиепископа Владиміра взять на себя руководство ими, митрополит Елевферий был назначен временно управляющим приходами в Западной Европе. 30 Апреля 1931 г. митрополит Сергий и Временный Cvнод в Москве утвердили его в должности управляющим ими.

В Июне 1931 г. митрополит Елевферий прибыл в Париж, где провёл более месяца. 9 Июля он обратился с воззванием к духовенству Русских Западно-Европейских приходов, с призывом покинуть митрополита Евлогия и вернуться в ведение Московской Патриархии. Как известно, общий отклик на это воззвание был

негативный[134]. В своих решениях митрополит Евлогий действовал не по своему произволу, а выражал соборное сознание своей Церкви. Естественно, что рассчитывать на отход от него подавляющего большинства клира, находившегося в тесном единстве, как со своими иерархами, так и с мірянами, не приходилось.

«Тщетными и излишними, – писал митрополит Евлогий, – являются призывы, с которыми к нам обращается митрополит Елевферий относительно нашей верности Русской Церкви. Мы не менее верны и преданы Ей, чем митрополит Елевферий и с помощью Божией останемся Ей верными вплоть до смерти; сохраняя эту верность, мы остаёмся невозмутимыми и останемся таковыми вплоть до конца в Ея спасительном лоне»[135].

Такова была коллизия тогдашней Русской Церковной жизни.

Между тем, Вселенский Патриарх Фотий II-й, взявший Русский Западно-европейский округ под своё покровительство, требовал от митрополита Елевферия «немедленно возвратиться в пределы своей епархии, не вмешиваясь впредь в дела, не касающиеся его области»[136].

Во время своего Парижского пребывания митрополит Елевферий занимался организацией Церковной жизни небольшой группы верующих, составивших братство св.Фотия и решивших сохранить административно-каноническое единство с Московской Патриархией. Это братство, возникшее в 1925 году, душою которого был известный религиозный мыслитель Владимір Николаевич Лосский, ставило перед собой миссионерские цели – распространение Православия среди Французов. Благодаря трудам этого братства в конце 20-х годов начала совершаться Православная литургия на Французском языке[137].

Митрополит Елевферий ещё неоднократно посещал Париж. Если на Рождество 1931/32 гг. ему приходилось совершать Богослужения на домах членов братства, то к Пасхе оно имело уже помещение, в котором был оборудован двухпрестольный храм: один престол во имя Трёх святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго), – в знак единства со Вселенской Церковью, а другой престол во имя святителя Тихона Задонского – в знак единства с Русской Церковью. Первым настоятелем этого храма, получившего наименование Трёхсвятительского Патриаршего подворья, до своего назначения в Америку в 1933 году был Преосвященный Вениамин (Федченков), возведённый в 1932 году в сан архиепископа[138].

Митрополит Елевферий предоставлял братству св.Фотия для публикации его документов страницы «Голоса Русской Православной Литовской епархии», издававшегося в Каунасе. Однако, вскоре братство стало выпускать свой скромный журнал «Православие».

Между тем группа верующих, входящих в братство св.Фотия, несколько возросла, хотя и продолжала оставаться немногочисленной. Во всяком случае, в 30-е годы у неё появились новые приходы, а также образовался Богословский Институт св.Дионисия. В 1937 году был учреждён благочиннический округ во главе со свящ. С.Бельским.

В.Н. Лосский постоянно находился в переписке с митрополитом Сергием, который весьма одобрительно смотрел на миссионерские устремления братства св.Фотия, давая необходимые указания в этом деле[139].

В начале 20-х годов во Франции появилась немногочисленная группа, отделившаяся от Старо-Католической Церкви и именовавшаяся «Католическо-евангелической Церковью». Во главе Ея стоял Л.Ш. Виннерт, католический священник, перешедший в 1921 г. в Старокатоличество, а на следующий год отделившийся от архиепископа Утрехтского и образовавший свою собственную общину, которая избрала его своим епископом. Тогда же в 1922 году он направился в Лондон для посвящения у некоего Веджвуда, епископа так называемой Католическо-либеральной Церкви Великобритании. В 1930 году Виннерт женился, в соответствии с правилами, принятыми у Англикан и других западных неримских конфессий. К середине 30-х годов его группа насчитывала 1500 человек и имела приходы в Париже, Руане, Брюсселе, Голландии и Риме.

В 1932 г. Виннерт представил Константинопольскому Патриарху меморандум с изложением вероучительной формулы своей группы и пожеланием присоединиться к Православной Церкви. Однако, ответа на этот меморандум не последовало. Тогда в 1935 году Виннерт поручил своему представителю вести непосредственные переговоры со Вселенской Патриархией, которые, впрочем, зашли в тупик. И вот в Марте 1936 г. Виннерт обратился к братству св.Фотия[140].

В своём меморандуме Виннерт воспроизводил старокатолическую вероисповедную формулу: Никео-Цареградский Cумвол веры (без *filioque*), признание правил семи Вселенских Соборов

и т.д. Виннерт безоговорочно принимал Окружное послание Восточных Патриархов 1849 года[141].

В братстве св.Фотия отнеслись к Виннерту и пожелавшим последовать за ним с вниманием и сердечностью, и вскоре его меморандум рассматривался в Москве на заседании Временного Патриаршего Синода.

Постановлением №75 от 16 Июня 1936 года митрополит Сергий и Временный Синод при нём признавали возможным принять Виннерта в единство Святой Православной Церкви на следующих условиях:

– епископство Виннерта не признавалось. В исключение из правил, основанном на исторических прецедентах (3-е пр.VI Вс. Соб.) за ним сохранялась степень пресвитера при условии расторжения брака и без права быть возведённым в следующую иерархическую степень;
– за Виннертом, возведённым в сан протоиерея или архимандрита, сохранялось управление его общиной, воссоединённой с Православной Церковью;
– конформированные члены общины присоединялись третьим чином, а неконформированные – вторым (через мурропомазание);
– духовенство общины, имевшее рукоположение от Виннерта, должны были быть перерукоположены Православным епископом;
– в Богослужении общине разрешалось сохранить западный обряд, однако, исправленный в соответствии с восточной традицией (квасный хлеб, причащение под обоими видами и т.д.);
– календарь должен содержать только тех западных святых, которые канонизованы до 1054 года; и т.д.[142]

Виннерт и все желавшие воссоединиться должны были подать прошения об этом митрополиту Литовскому Елевферию[143]. Когда такие прошения индивидуальные и коллективные были собраны, то в 1937 году в Шанделере произошло присоединение Виннерта (принятого с последующим возведением в сан архимандрита с именем Ириней) и ряда его последователей.

О.Ириней вскоре скончался, и его группа была доверена его ученику-иеромонаху (впоследствии архимандриту) Дионисию (Шамбо). Обряд этой группы, получившей наименование Западной Православной Церкви[144] (чаще их именуют Православными западного обряда – *авт.*), был принят временный, с целью его постоянной доработки.

Деятельное участие в литургических поисках группы и устроении так называемого Православия принял Русский священник Евграф Ковалевский, ставший настоятелем одного из Французских приходов.

Между тем, в самой епархии митрополита Елевферия назревали грозные события. 1 Сентября 1939 году Германия напала на Польшу. Началась Вторая Міровая война. Советский Союз приветствовал оккупацию Польши и под предлогом сохранения собственной безопасности ввёл свои войска в Виленский край, который вместе с древней Литовской столицей Вильнюсом (Вильно) был передан правительству Литовской Республики. Преосвященный Елевферий вновь получил возможность вернуться на свою историческую каѳедру. Но пробыть на ней ему пришлось недолго, немногим более года.

14 Июня 1940 года Литва вместе с двумя другими прибалтийскими государствами была включена в состав Советского Союза. К концу года в Прибалтику для выяснения церковных дел и воссоединения Православных Церквей в Латвии и Эстонии с Московской Патриархией из Москвы был командирован архиепископ Сергий (Воскресенский). В это время митрополит Елевферий тяжко заболел менингитом, и вечером 31 Декабря 1940 г. скончался[145].

Архиепископ Сергий совершил его отпевание в древнем Свято-Духовом монастыре, являющемся резиденцией Виленских архиереев, а вскоре сам получил назначение на Литовскую каѳедру с титулом экзарха Прибалтики.

События войны и немецкой оккупации явились серьёзным испытанием для Русских и Французов, входивших в приходы, находящиеся в ведении Московской Патриархии во Франции. Вместе со всем населением им пришлось пережить тяготы этого времени. Составитель «Замечаний и материалов по истории Русской Церкви в Западной Европе» отмечает заслуги двух Русских иеромонахов – Стефана и Афанасия, духовно окормлявших Русские общины в это время[146]. Ещё в Марте 1939 г. о.Стефан (Светозаров) возглавил единое Благочиние Западно-Европейских приходов Московского Патриархата.

К Августу 1945 года во Франции насчитывалось пять приходов, находившихся в административно-каноническом ведении

Московской Патриархии – 3 Русских и 2 Французских. Во главе одного из Французских приходов стоял игумен Дионисий (Шамбо), устроивший при своём Вознесенском храме иноческое общежитие, насчитывавшее тогда 4 монахов. Второй Французский приход с храмом во имя св.Иринея Лионского находился в самом центре Парижа на острове *Saint-Luis*, недалеко от знаменитого собора *Notre-Dame*. Настоятельствовал в нём Русский протоиерей Евграф Ковалевский, совершавший Богослужения на Французском языке по западному обряду. Действовал Французский Православный Богословский Институт св.Дионисия, организованный при содействии братства св.Фотия для распространения и углублённого изучения Православия среди Французов[147]. Немало для этого потрудился В.Н. Лосский, знакомивший западного читателя с Православным Богословием. Большинство его работ были опубликованы на Русском языке в сборниках «Богословских трудов» (выпуск 8-й специально посвящён его работам) и на страницах Журнала Московской Патриархии.

Эти 5 приходов явились тем ядром, на основе которого затем получил развитие Западно-Европейский Экзархат Московского Патриархата.

Митрополит Японский Сергий

В непрерывной канонической связи с Московской Патриархией вплоть до своей кончины в Августе 1945 г. находился также замечательный миссионер и богослов, продолжатель Апостольского подвига Святителя Николая (Касаткина) – митрополит Японский Сергий (Тихомиров).

Что касается его отношения к Московской Патриархии в 20–40-е годы, то здесь представляется возможным выделить следующие факторы: горячая любовь и преданность паствы, которая по преимуществу состояла из японцев. Это в известной степени держало её в стороне от Русских Церковных коллизий того времени и во многом позволили митрополиту Сергию в 20-е годы держать себя независимо. В дальнейшем его отношение к Церковному управлению в Москве во многом можно объяснить его преданностью и глубоким доверием митрополиту Сергию (Стра-

городскому), с которым его связывали давние сильные личные духовные узы*.

Со сведениями о третьем Русском зарубежном иерархе, сохранявшем административное подчинение Московской Патриархии в рассматриваемый период – митрополите Вениамине (Федченкове) и его деятельности в Париже и Америке мы ознакомились в других разделах настоящей главы**.

Православная миссия в Корее

В 1980 году Православная Церковь в Корее отметила 80-летие своего исторического бытия. Православная миссия в стране утренней свежести появилась сравнительно поздно. Лишь 17 Февраля 1900 года Русским архимандритом Хрисанфом (Щетковским) в Сеуле была совершена первая Православная литургия. В 1903 году там же появился Православный храм во имя Святителя Николая. Особенно успешной была миссионерская деятельность архимандрита Павла (Ивановского – впоследствии епископ Никольско-Уссурийский), переведшего Православные Богослужебные книги на Корейский язык. В 1912 году состоялась пресвитерская хиротония первого Православного корейца – Иоанна Кан Так. В 1917–1930 гг. Миссию возглавлял архимандрит Феодосий (Пере-

---

**Литература о жизни и трудах митрополита Сергия (Тихомирова) в Японии: 1) В Японии. ЖМП. 1946. №8. С.56–57. 2) Казем-Бек А. Православная Церковь в Японии (Сотрудники архиепископа Николая). ЖМП. 1960. №8. С.64–68. 3) Тыщук А., прот. Японская Автономная Православная Церковь. ЖМП. 1970. № №11–12. 4) Антоний, архиеп. Святой архиепископ Японский Николай. «Богословские труды». Вып.14. М. 1975. Кроме того материалы к биографии митрополита Сергия Японского имеются в Каталоге Русских архиереев митрополита Мануила (часть VI).*

***Кроме того, материалы о его жизни и деятельности имеются в следующих изданиях: 1) Правда о религии в России. Изд. Моск. Патриархии. М. 1942. 2) Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Изд. Моск. Патриархии. М. 1943. 3) Выступление митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1945 г. ЖМП. 1945. №2. Сс.47–48. 4) Вениамин, митрополит. Мои впечатления о России. ЖМП. 1945. №3. С.21–24. 5) Хибарин И. Митрополит Вениамин. ЖМП. 1961. №11. С.47–50. 6) А.М., составитель. Каталог Русских архиереев за последние 60 лет (1897–1957). Чебоксары. 1958 (машинопись). Ч.II. Тамже имеется подробная библиография трудов Преосв.Вениамина. 7). Вениамин, митр. На рубеже двух эпох. М. 1994.*

валов), вместе со священником-Корейцем Л.Кимом, неустанно трудившимся по укреплению Православной веры среди корейской паствы. Архипастырское окормление Миссии в 1923–1945 гг. осуществлял митрополит Японский Сергий. В 1936 году указом Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола митрополита Сергия в Сеул был назначен иеромонах Поликарп (Прийман – впоследствии епископ), с 1941 года начальник Миссии в сане архимандрита. К этому времени Православная Церковь насчитывала уже несколько сотен верных чад. Однородный в национальном отношении состав паствы, находившейся вдали от Русской Церковной жизни того времени, позволяли руководству Миссии держаться той юрисдикционной ориентации, которую оно признавало наиболее каноничной и полезной для Церковного созидания.

Однако, в конце 40-х годов, когда вследствии войны произошёл раздел Кореи и связь Миссии с Москвой была прервана, то перед отцом Поликарпом предстала альтернатива перейти в юрисдикцию Американского Русского митрополичьего округа. Но эта возможность была им отвергнута, и после неоднократных арестов южно-корейскими властями, он в 1950 году был выслан из страны и выехал в СССР.

Вскоре заботу о Православной Миссии в Корее взял на себя Греческий архимандрит Андрей Халкиопулос, посвятивший всю дальнейшую жизнь насаждению и укреплению Православия на Корейской земле. В 1953 году его усилиями и заботой Корейской паствы был восстановлен Никольский храм в Сеуле. В 1967 г. состоялось освящение нового Никольского храма и открытие Православного центра, построенного при помощи Элладской Церкви. Архипастырское окормление Корейской общины в дальнейшем осуществлял митрополит Новозеландский Дионисий (Вселенский Патриархат). При Православном центре были открыты катехизическая школа для оглашенных, Православные гимназия и лицей. Православная Церковь в Корее регулярно пополняется новыми чадами[148].

Так семена Православной веры, засеянные на Корейской земле Русскими миссионерами, дают ныне добрые всходы.

Примечания

1. По истории Православной Церкви в Финляндии см. очерк проф. *Скурата К.* «Финская Православная Церковь». ЖМП. 1979. №8–9.
2. История этих Церквей, вновь оказавшихся после войны в составе РПЦ на правах епархий, ещё ждёт своих исследователей.
3. Данные, относящиеся к начальному периоду истории Автокефальной Православной Церкви в Польше взяты из рукописи: «Доклад о Польской автокефалии» 1919–1926 и из публикации ЖМП, посвящённой этому вопросу. 1950. №8.
4. *Попов А.* Пора проснуться! С.-Пб.–Париж. 1993. С.18.
5. Там же. Сс.36–37.
6. Там же. С.34.
7. Там же. С.37.
8. Там же. С.45.
9. Об этом Соборе имеется, правда, весьма тенденциозная книга: *Кандидов Б.* Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в Мае 1919 г. М. 1930.
10. «Церковный вестник» (изд. Епарх. управления в Париже), 1922, №1; 1926 №17–19; его текст целиком приводится у проф. *Троицкого С.* в книге «Размежевание или раскол?». Париж. 1932. Сс.46–49.
11. *Евлогий, митр.* Путь моей жизни. Париж. 1947. Сс.375–376.
12. Архиепископ Иоанн (Максимович). Русская Зарубежная Церковь. Нью-Йорк. 1991. С.6.
13. Церк. вестн. 1922. №1.
14. *Евлогий, митр.* Указ. соч.. Сс.394–395.
15. Постановление от 8 Апреля 1921 г. Церк. вестн. 1922. №1; *Евлогий, митр.* Указ. соч. Сс.386–387 и др.
16. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.397.
17. Замечания и материалы по истории Русской Церкви в Западной Европе. Изд. Экзархата Московской Патриархии в Западной Европе. Париж. 1972 (пер. с франц., машинопись). С.4.
18. Характерны в этом отношении высказывания *М.Горева* в его брошюре «Карловацкий Собор». М. 1922.
19. *Прот.Митрофанов Г.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг. С.-Пб. 1995. Сс.88–89.
20. Там же. Сс.92–93.
21. Там же. С.94.
22. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.397.
23. *Прот.Митрофанов Г.* Указ. соч. С.90.
24. Церк. вестник. 1922. №12; ЖМП. 1945. №9; Евлогий, митр. Указ. соч. Сс.402–403.
25. «Известия» 1925. 15 Апреля.
26. *Назаров М.* Миссия Русской эмиграции. М. 1994. С.151.
27. *Прот.Митрофанов Г.* Указ. соч. Сс.111–112.
28. *Свящ. Міхаил (Польский).* Положеніе Церкви въ Советской Россіи. Очеркъ бежавшего изъ Россіи священника. Іерусалимъ. 1931. С.-Пб. 1995. Сс.89–90.

29. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.404.
30. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.605.
31. Там же.
32. *Евлогий, митр.* Указ. соч., Сс.606–607.
33. «Каноническое положение Русской Православной Церкви за рубежом». Изд. Епарх. Упр. Париж. 1927. Сс.17–20.
34. *С.В. Троицкий.* О неправде Карловацкого раскола. Париж. 1960. С.15.
35. *Евлогий, митр.* Указ. соч. Сс.607–608.
36. Там же.
37. *Иоанн (Максимович), архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. Jordanville. N.-Y. 1991.
38. *Евлогий, митр.* Указ. соч. Сс.612–613.
39. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.615.
40. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.617.
41. Церк. вестн. 1927. №1.
42. *Троицкий С.В.*, проф. «О неправде Карловацкого раскола». Париж. 1960. С.69.
43. Замечания и материалы... Сс.7–8.
44. Там же. Сс.11, 90–91.
45. Об этом писал митрополит Сергий Сербскому Патриарху Варнаве в Послании от 23 Марта 1933 года (№337); см. Замеч. и материалы... С.79.
46. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С.632.
47. Там же.
48. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1934. №22.
49. Замечания и материалы... С.72.
50. Там же. С.71.
51. *Священникъ Міхаилъ Польскій.* Указ. соч. С.89.
52. Там же. С.87.
53. ЖМП. 1934. №22.
54. *Евлогий, митр.* Указ. соч. Сс.637–638.
55. Там же. С.649.
56. Луч света в защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия. Ч.2. США. 1970. С.316.; *Троицкий С.В.* О неправде Карловацкого раскола. Париж. 1960. С.95.
57. Там же. С.647.
58. Там же. Сс.647–648.
59. ЖМП. 1945. №9.
60. Подробнее об этом см. *Никодим, иеромонах.* «История Русской Духовной Миссии в Палестине». «Богословские труды». Вып.21. М.1979.
61. *Назаров М.* Миссия Русской эмиграции. М. 1994. Сс.166–167.
62. Святитель Иоанн (Максимович) и Русская Зарубежная Церковь. США. 1996. С.59.
63. О Евдокиме Мещерском см. у митр. Мануила, Каталог Русских архиереев. Ч.II.
64. Указ Патриарха Тихона о поручении приходов в Америке М. Платону от 27.04.1922 смог быть направлен лишь в Сентябре 1923 г.; см. в Seraphim archim. The Quest for Orthodoxe March meet in America. №V. 1973. С.140.
65. ЖМП. 1934. №№18–19.

66. *Козицкий И.*, прот. «Американский Митрополичий округ в его современном положении и Собор 1923 г.». Нью-Йорк. 1946. С.1.
67. Это также было подтверждено определением VI Все-Американского Собора в Нью-Йорке в 1937 г. См. *Козицкий И.*, прот. Указ. соч. С.3.
68. ЖМП. 1933. №1, №4–15.
69. ЖМП. 1934. №№18–19.
70. «Правда о религии в России». Изд. Моск. Патриархии. М. 1943.
71. *Козицкий И.*, прот. Указ. соч. С.1.
72. Там же. С.5.
73. Съезд духовенства и мірян Русской Православной Кафолической Церкви в Америке (Моск. Патриархат) Нью-Йорк. 1948. Сс.4–5.
74. *Козицкий И.*, прот. Указ. соч. С.6.
75. В связи с этим интересно упомянуть также курьёзный случай, произошедший в 1924 году, когда командированный в США из Москвы обновленческий «епископ» И.Кедровский, естественно, не воспринятый серьёзно местным церковным обществом (он предъявил митрополиту Платону претензии на возглавление епархии), сумел всё-таки «отсудить» Свято-Никольский собор в Нью-Йорке с архиерейской резиденцией при нём, «доказав» в американском суде, что он, а не митрополит Платон является представителем законной Высшей Церковной власти в России. (См. *Ведёрников А.* Грех против Матери-Церкви. ЖМП. 1950. №7. С.70).
76. Данные сообщены в 1976 году митрополитом Нью-Йоркским Филиппом (Салиба) (Антиохийский Патриархат).
77. Данные сообщены в 1976 году епископом Амфилопольским Силой, викарием Экзархата Сев. и Южн. Америки (Вселенский Патриархат).
78. *Козицкий И.*, прот. Указ. соч. Сс.8–9.
79. Этот документ полностью приводится в книге *Seraphim archim. The Quest for Orthodox Church unity in America. №V. 1973.*
80. ЖМП. 1967. №11. С.10.
81. *Тыщук А.*, прот. Японская Автономная Православная Церковь. ЖМП. 1970. №18. Сс.46–50.
82. 50-летие восстановления Патриаршества. ЖМП. Специальный выпуск. М. 1971. С.58.
83. ЖМП. 1970. №5. Сс.6–7.
84. *А.М.* – сост. Каталог Русских архиереев. Ч.III. С.19.
85. *А.М.* – сост. Указ. соч. С.20.
86. Известно, что профессор МДА протоиерей *В.Рожков* написал исследование, посвящённое этому вопросу. См. Рожков В. прот., д–р канонич. права Папского Восточн. института. Церковные вопросы в Государственной Думе. Рим. 1975. С.453.
87. Данные по биографии митрополита Евлогия, относящиеся к этому периоду, взяты из Каталога Русских архиереев, *митроп. Мануила*. Ч.III. Сс.19–23.
88. Замечания и материалы по истории Русской Церкви в Западной Европе. Издание Экзархата Московской Патриархии в Западной Европе. Париж. 1972 (перевод с Франц. – машинопись). С.5.
126. Вестник Западно-европейского Экзархата Московского Патриархата. 1966. №53. С.6.
127. Замеч. и материалы... С.57.

128. Замеч. и материалы... Сс.198–201.
129. Там же.
130. Там же.
131. См. Послание Патриарху Константинопольскому Афинагору Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена от 31 Мая 1971 г. ЖМП. 1971. №7. С.2,3.
132. Статистические данные о современном состоянии Русской архиепископии в Западной Европе взяты из статьи проф. *Кошева Г.*: «Православната Църква в миналото и днес. I. Цариградска Патриаршия. Б. Сегашно състояние (организация, юрисдикция и диоцези)». «Духовна култура». 1978. Кн.1. С.14 (София).
133. Биографические сведения о митрополите Елевферии (Богоявленском) даются по Каталогу Русских архиереев. Ч.III. Сс.47–50.
134. Текст воззвания митрополита Елевферия и отклики на него были опубликованы в издаваемом Русским Западно-Европейским Экзархатом «Церковном вестнике» (1931. №11); Замеч. и материалы... Сс.134–137 и 34.
135. Там же.
136. «Церковный вестник». 1931. №7. С.5; Замеч. и материалы... Сс.35–36.
137. Здесь и далее данные о деятельности братства св.Фотия взяты из Замеч. и материалы... Сс.34–39.
138. *Хибарин И.* Митрополит Вениамин. ЖМП. 1961. №11. С.47.
139. См. «К вопросу о Западном Православии» – избранные письма митрополита Сергия В.Н. Лосскому: в сборнике «Патриарх Сергий и его духовное наследство». М. 1947. Сс.72–76.
140. Данные о группе Виннерта излагаются по Постановлению митрополита Сергия и Врем. Патр. Cvнода №75 от 16 Июня 1936 г., в Замеч. и материалы.... Сс.166–176.
141. Там же. Сс.167–168.
142. Там же. Сс.173–176.
143. Там же. Сс.175–176.
144. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947. Сс.227–228.
145. Замечания и материалы... Сс.37–38.
146. *Николай, митроп.* Наше пребывание во Франции. ЖМП. 1945. №10. Сс.14–25.
147. Там же.
148. Сведения по истории Православной миссии в Корее взяты из книги: Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М. 1958. Сс.163–164; и статьи: *Ta 80 cronia thz Orqodoxou ekklhsiaz sth notio Korea. EKKLHSIASTIKH ALIQIA. №102.* 01.01.81. Афины.

Глава 20

Русская Православная Старообрядческая Церковь: годы 1917–1996

«Произошло кровоизлияние из Русской Церкви. Она потеряла драгоценнейшую энергию и в анемическом ослаблении подверглась сильным инородным воздействиям, мешавшим ей до последнего времени даже осознать свою потерю XVII века» (А.В. Карташев) [1].

«Русская земля раскололась надвое – разорвалось надвое Русское народное сердце, надвое расщепилась, как вековое дерево, Русская народная мысль, и самая Русская жизнь с этих несчастных годов потекла по двум теченьям, одно другому враждебным, однодругое отрицающим» (Д.Л. Мордовцев) [2].

Историософскую суть проблемы едва ли кто выразил лучше, чем А.В. Карташев, нарисовавший яркую и трагическую картину нашего прошлого:

«Задача Третьего Рима в голове молодого царя Алексея Михайловича воспылала мечтой освободить Православных от Турок и войти в Цареград василевсом всего Православия, а его друга патриарха Никона – служить литургию в Святой Софии во главе четырёх остальных патриархов. Для этого спешно нужно было согласовать все книги и обряды с Греческими. Началась неграмотная и нетактичная ломка. А Греческим справщиком у патриарха Никона оказался Арсений, выученик униатской коллегии в Риме, а оригиналом для исправления новопечатные греческие книги, изданные в Венеции»[3]. Старообрядческое движение возникло как протест против Никоновских реформ. Это стало огромным несчастьем в жизни Церкви и народа, новой внутренней катастрофой в судьбах Святой Руси, раскололовшей душу народа и помрачившей национальное сознание.

Русская национальная идея «Москва – хранительница чистоты Православия, Москва – Третий Рим» была истолкована не в эсхатологическом, а в политическом, имперском смысле, что можно рассматривать как подлог национальной идеи и миссии. Политической подоплёкой никоно-алексеевской реформы (планированием создания Великой Греко-Российской империи) и объ-

ясняются сомнения в ея богословской и канонической необоснованность.

16 апреля 1905 года, накануне издания Указа о веротерпимости, старообрядцам были оказаны некоторые знаки официального внимания. Московский генерал-губернатор получил следующую телеграмму Государя Императора: «Повелеваю в сегодняшний день наступающего Светлого праздника распечатать алтари старообрядческих часовен Рогожскаго кладбища* и предоставить впредь состоящим при них старообрядческим настоятелям совершать в них церковныя службы. Да послужит это столь желанное старообрядческим міром снятие долговременнаго запрета новым выражением Моего доверия и сердечнаго благоволения старообрядцам, искони известным своею непоколебимою преданностью Престолу. Да благословит и умудрит их Господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям Русской Православной Церкви и прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только Церковь. Николай II»[4].

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 года постановил отменить клятвы (анафематствования), наложенные в XVII столетии на старые обряды и на придерживающихся их. Старые русские обряды были признаны спасительными и равночестными новым. Говоря точнее, Собор 1971 г. утвердил решение Священного Синода, принятое ещё в 1929 году, основанное, в свою очередь, на материалах многолетней дискуссии по старому обряду. Вот как это выражено в соборном определении:

«1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) Апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) Апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они не встречались и кем бы они не изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) Апреля 1929 года об упразднении клятв Московского

---

* *Алтари были запечатаны в 1856 году по настоянию митр. Филарета (Дроздова).*

Собора 1656 года и большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие»[5].

В докладе, зачитанном на Поместном Соборе, Никонова реформа была охарактеризована как «крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности». Основания для замены двоеперстия на троеперстие объявлены более чем сомнительными.

Деяния Поместного Собора 1971 г. в отношении старого обряда подтвердил Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1988 г. в специальном обращении к старообрядцам с призывом к братскому диалогу для достижения единства Церкви.

Но для достижения единства Церкви, для «умиротворения и уничтожения вековой распри между старообрядцами и новообрядцами; чтобы Русская Церковь по-прежнему стала единою, какою она была до патриаршества Никона» (Н.Ф. Каптерев), явно недостаточно решения Собора 1971 г. И вот почему. Вспомним возникновение обновленческого движения на заре советской власти. Вспомним, опять же, что это движение поначалу нашло сторонников среди чуть ли не половины иерархов РПЦ. Советская власть также оказывала всяческое покровительство обновленцам, а каноническую поддержку они получили от Константинопольского Патриарха. И это немудрено. В своё время Восточные Патриархи одобрили и реформы Патриарха Никона, и реформы Петра I (благо у них был стимул...). Иначе говоря – отношения с обновленцами у Патриаршей Церкви были приблизительно такие, как когда-то у ревнителей древляго благочестия с возобладавшими сторонниками Патриарха Никона.

Нельзя не признать того, что реформам сопротивлялись наиболее верные Православию люди. Так было в XVII столетии, так было и в 1920-е годы; то же происходит и в наши дни.

Но во времена Патриарха Никона победе реформ способствовал освященный Православной традицией авторитет Царской Власти. После же 1917-го года большевистская власть лишь обличалась кровью своих жертв. Мощная поддержка обновленцев со стороны богоборцев окончательно изолировала их от большинства верных чад Церкви, что и явилось причиной их «самоликвидации». Представим себе, в связи с этим, как бы мы посмотрели на обновленцев 1920–40-х гг., если бы они сняли все

наложенные ими на нас прещения и простёрли нам свои объятия. Вряд ли бы мы ответили раскольникам покаянными слезами умиления. Естественно, поэтому, что сдержанная реакция старообрядцев на решения Поместного Собора 1971 г. вполне объяснима.

Всем известны ужасы средневековой католической инквизиции на Западе, однако не все осознают, что у нас гонения старообрядчества органами государственной и церковной власти были не менее жестоки.

Видный историк старообрядчества И.Филлипов в своей книге «История Выговской пустыни» (С.-Пб. 1862) так описывает жуткую картину преследований: «Везде бряцали цепи, везде вериги звенели, везде никонову учению служили дыбы и хомуты. Везде в крови исповедников ежедневно омывались железо и бичи. И от такого насильственного лютого мучительства были залиты кровью все города, утопали в слезах сёла и города, покрывались плачем и стоном пустыни и дебри, и те, которые не могли вынести таких мук при нашествии мучителей с оружием и пушками, сжигались сами».

Этот тяжкий грех, до сих пор нераскаянный, тяготеет над всеми нами, тяготеет над Россией.

То, что сказал за рубежом в 1974 г. А.Солженицын, несомненно, относится ко всей Русской Церкви:

«Я осмелюсь остановить внимание собравшихся ещё на другом – дальнем, трёхсотлетнем грехе нашей Русской Церкви, я осмеливаюсь полнозвучно повторить это слово – грехе, ещё чтоб избегнуть употребить более тяжкое, – грехе, в котором Церковь наша – и весь Православный народ! – никогда не раскаялись, а значит, грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготеющем доныне и, по пониманию нашей веры, могущим быть причиною кары Божьей над нами, неизбытой причиною постигнувших нас бед. Я имею в виду, конечно, Русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древлего благочестия, угнетение и расправу над 12-ю миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников, жестокие пытки для них, вырывание языков, клещи, дыбы, огонь и смерть, лишение храмов, изгнание за тысячи верст и далеко на чужбину... И никогда не дрогнули наши сердца раскаянием?.. И это непоправимое гонение – самоуничтожение Русского корня, Русского духа, Русской целости продол-

жалось 250 лет (не 60, как сейчас) – и могло ли оно не отдаться ответным ударом всей России и всем нам?.. 250 лет было отпущено нам для раскаяния – а мы всего только и нашли в своём сердце: простить гонимых, простить им, как мы уничтожали их»[6].

Новый Собор, от лица официальной церковной иерархии, должен принести покаяние перед старообрядчеством, – и это представляется важным условием для будущего единения Русской Церкви. Пример частного покаяния даёт епископ Сиэтлский Нектарий (США), поехавший к старообрядцам в Орегон, сделавший перед ними земной поклон и попросивший прощения. Как пишет о.Пимен Соловьёв (Саймон), «также и многие другие иерархи выразили своё отвращение и сожаление по-поводу раскола и гонений»[7].

Что касается отношений старообрядчества с Русским Самодержавием, то оно не всегда было однозначным. Со времени освобождения крестьян в 1861 году и последовавших за тем других реформ Александра II (свобода предпринимательства, выборность священников и др.), старообрядчество перешло от оппозиции к Царскому Правительству к его поддержке. Так, группа старообрядцев Преображенского кладбища писала Александру II: «В новизнах Твоего царствования нам старина наша слышится».

Потерпели неудачу А.И. Герцен и Н.П Огарёв, а впоследствии и народники, пытавшиеся использовать Старообрядчество в революционном движении*.

Наконец, под впечатлением событий 1 Марта 1881 года (убийство народовольцами Александра II) Александр III составил охранную дружину в несколько десятков тысяч человек исключительно из старообрядцев различных согласий, как поповцев, так и безпоповцев[8]. Факт, что к тому времени старообрядцы уже стали надёжной опорой Царской власти.

А в период 1-й Русской революции 1905–1907 годов все основные старообрядческие организации заняли открыто монархические охранительные позиции.

Количество старообрядцев никогда не поддавалось точному учёту, поскольку у них во все времена были основательные причины к уклонению от переписи. Возьмём такой пример: если по данным всероссийской переписи населения на 1 Января 1912 го-

---

* *Например, известный народоволец Александр Михайлов некоторое время жил среди старообрядцев, безуспешно пытаясь их распропагандировать.*

да насчитывалось несколько более 2,2 миллионов старообрядцев, то по мнению современных исследователей их число до революции могло достигать 5 и даже 10 миллионов человек.

Известно, что ни одно религиозное направление в России не оказало такого влияния на развитие Русских промышленных отношений, как старообрядчество. Уже к середине XVIII столетия старообрядчество обладало «великими промыслами и торгами». Манифест 1762 года Екатерины II, призывавший старообрядцев из рассеяния на Родину, а также ряд указов, улучшавших их положение, дал толчок к быстрому росту старообрядческих общин в России и деятельному участию их в развитии экономики страны. Возникали старообрядческие прядильные мануфактуры в Павлове, Лыскове, Макарьеве, Самаре. К концу XVIII столетия главнейшие торговые пункты в Нижегородском крае и ниже по Волге и Оке, всё судостроение и торговля оказалась в руках старообрядцев. С Волги по Каме посадская старообрядческая колонизация проникла на Урал, став и там в авангарде промышленного развития (заводы Демидовых, Осокиных и других). Во главе духовного окормления старообрядческого промышленного люда как на Волге, так и на Урале стояли Керженецкие скиты, откуда посылались на места наставники и священство.

Текстильная промышленность Москвы и Центрального промышленного района, – наиболее передовая отрасль промышленности конца XVIII – начала XIX столетий, была также в значительной мере создана старообрядчеством. Возникшие в 1771 году при Рогожском и Преображенском кладбищах Москвы старообрядческие общины, впоследствии распоряжались многомиллионными капиталами. Таганка и Рогожская община простирали своё влияние до крайних пределов Российской Империи главным образом в хлеботорговле. Старообрядческие общины Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской и других хлебородных губерний имели постоянные деловые сношения с рогожской митрополией, ставили в известность о видах на урожай, о ценах на хлеб, помогали производить закупки. Донские, уральские и нижневолжские общины староверов играли такую же роль в рыбной торговле, а общины степных губерний – в торговле скотом. В руках рогожцев была вся Московская ямская слобода – почти все ямщики были старообрядцы. На крупных ярмарках (в Москве, Нижнем Новгороде

и других городах) цены на важнейшие товары устанавливали рогожцы, и их влияние чувствовалось не только в Иркутской губернии, но и в Бухаре, в Хиве[9].

Феномен старообрядческой предприимчивости объясняется многими причинами, в том числе социально-политическими. Большинство знатных боярских родов, сохранивших верность древлему благочестию, стали жертвами гонений и опалы. В условиях постоянных преследований и юридической незащищённости выжить могли те, кто сумел возвести себе и своим единоверцам защиту финансовую, гарантирующую определённую независимость от гонителей. Но немалую роль сыграл и сам консервативный уклад старообрядческих общин, их спаянность, царивший там культ трезвости и трудолюбия. Всё это способствовало возвышению в старообрядческой среде купеческого сословия. Несоответствие между правовым положением старообрядцев и их ролью в экономической жизни страны стало в конце концов очевидно и для их ярых противников.

Получив в 1905 г. возможность законного существования, Русское старообрядчество «заявило о себе столь повсеместно, глубоко и мощно», что привлекло к себе пристальное внимание российской общественности[10].

Если во второй половине XIX столетия ряд торгово-промышленных и финансовых предприятий были созданы на старообрядческие капиталы, то в начале XX столетия старообрядческие торгово-промышленные фамилии оказались «во главе экономического развития целого ряда отраслей промышленной и финансовой деятельности России»[11].

Это известные старообрядческие династии Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Солдатенковых, Хлудовых, Коноваловых и других, внесших огромный вклад в российскую экономику и культуру.

Знаток торгово-промышленной Москвы П.А. Бурышкин в своей книге «Москва купеческая» даёт характеристики почти 25 московским купеческим родам, почти половина из которых принадлежала к старообрядцам.

«С именем Морозовых, – пишет П.Бурышкин, – связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья, разделившаяся на несколько самостоятельных и ставших различными ветвей, всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благо-

творительных и культурных начинаний, диапазон культурной деятельности был чрезвычайно велик. Он захватывал и «Русские ведомости», и философское московское общество, и Художественный театр, и музей французской живописи, и клиники на Девичьем Поле»[12].

К началу XIX века пять поколений Морозовых активно участвовали в хозяйственной и культурной жизни России.

Не менее знаменитой была фамилия старообрядцев Рябушинских. П.П. Рябушинский (1871–1924) – московский промышленник и банкир, один из политических лидеров Русских промышленников начала XX века, издатель нескольких газет.

Банкирский дом братьев Рябушинских в 1912 году реорганизовался в акционерный Московский банк, который к 1917 году занимал 13-е место в списке ведущих российских коммерческих банков.

Перед войной род Рябушинских создает особую фирму – Российское льнопромышленное акционерное общество; утвердившись в льняной промышленности – в период войны – Средне-Российское акционерное общество, а также приобретает крупную лесоторговую фирму товарищества беломорских лесопильных заводов; намечается разведка месторождений нефти на Русском Севере в районе Ухты и др.[13]

Яркими личностями были все восемь братьев Рябушинских. Сергий и Степан известны как основатели в 1916 году Московского автомобильного завода (ныне завод им. Лихачёва). Они же были собирателями древнерусских икон, создателями одной из лучших в России коллекций, по свидетельству современника[14]. Именно по их инициативе в 1913 г. была открыта первая публичная выставка икон, давшая большой импульс к изучению и открытию древнерусского изобразительного искусства как духовного и художественного феномена.

Владимір, один из братьев, продолжит дело Степана и Сергия в эмиграции, основав в Париже общество «Икона» в 1925 году. За рубежом им был написан и опубликован ряд статей об иконописи: «Религиозный смысл Русской иконы», «Литургическое значение священного искусства» и др. Михаил Рябушинский являлся собирателем произведений изобразительного искусства в широком диапазоне – от старых мастеров до современных художников.

Фёдор Рябушинский организовал и финансировал научно-исследовательскую экспедицию на Камчатку, проведённую в 1908 – 1909 годах под эгидой Русского географического общества.

Дмитрий Рябушинский, основав в 1904 году в семейном имении Кучино Аэродинамический институт, своими научными трудами в области теории воздухоплавания получил европейскую известность. Уже в эмиграции, во Франции, он продолжил свою научную деятельность, где впоследствии был избран членом-корреспондентом Французской Академии Наук[15].

Глава рода Рябушинских Павел в 1910 году финансировал экспедиции в Монголию для изучения местного рынка, а также в Забайкалье (под руководством академика В.И. Вернадского), где велись поиски месторождений радия. В целях сближения деловых людей с ведущими интеллектуальными силами страны для выработки экономической и политической программы развития России, с 1908 года в особняке П.Рябушинского на Пречистенском бульваре проходили «экономические беседы» под председательством профессора С.А. Котляревского.

Перед революцией П.Рябушинский – председатель московского Военно-промышленного комитета[16].

Известна также династия старообрядцев Гучковых, хотя последний ея представитель (Александр Иванович) лидер партии Октябристов был более политиком, нежели предпринимателем. Московские деловые круги «не считали его совсем своим человеком»[17].

В 1870 году И.Е. Гучков, внук владельца шерстяной фабрики в Преображенском, стал одним из учредителей Московского учётного банка, где 30 лет занимал руководящие посты, а в середине 90-х годов стал председателем совета этого – второго по значению – коммерческого банка Москвы. В 1877 году потомственный почётный гражданин и купец первой гильдии И.Е. Гучков получил престижное звание мануфактур-советника, до конца жизни состоял гласным городской думы и несколько десятилетий выполнял обязанности почётного мірового судьи[18].

Н.И. Гучков в 1914 году участвовал в руководстве шести предприятий, в том числа Петербуржского международного банка, Нижегородско-Самаринского банка, Северного страхового общества, Частного Коммерческого банка и др.[19]

Москва начала XX века многим обязана Н.И. Гучкову, который, будучи городским головой (с 1906 по 1912 годы) «очень

много сделал для своего родного города; при нём городское хозяйство стало на тот широкий путь, который сделал Московское городское управление первым во всей России»[20]. В период Первой Міровой войны он возглавлял хлопчато-бумажный комитет, организуя поставки для нужд фронта. В 1907 году Н.И. Гучков получил чин действительного статского советника на посту Почётного мірового судьи Московского столичного округа и члена Совета Московской глазной больницы. В 1912 году он был награждён орденами св. Анны III степени, св. Владиміра III степени, св. Станислава I степени и Высочайшей благодарностью, а также медалями, в том числе за участие во Всероссийской переписи населения 1897 года[21].

Последний яркий и наиболее известный представитель династии Гучковых, – Александр Иванович, кроме своей политической деятельности (либерал, октябрист, Председатель Государственной Думы, военный и морской министр Временного правительства, председатель центрального Военно-промышленного комитета), известен также и как предприниматель – директор правления крупнейшего в стране страхового общества «Россия», управляющий Московского учётного и ссудного банка и прочее[22]. Смерть А.И. Гучкова в 1936 году в Париже нашла отклик во всех кругах Русской эмиграции. «На самих похоронах сочли необходимым присутствовать люди, которые в обычных условиях не подавали друг другу руки. У гроба стоял «весь Русский Париж»[23]. Присутствовали зарубежные делегации, в том числе и на правительственном уровне.

К.Т. Солдатенков, представитель одной из наиболее известных в России старообрядческих фамилий, был крупным пайщиком ряда мануфактур, банков и страховых обществ. Свою большую библиотеку и ценное собрание картин («огромная коллекция, где было не мало самых прекрасных образцов Русской живописи, как, например, эскиз картины «Явление Христа народу» А.А. Иванова) Козьма Терентьевич Солдатенков завещал московскому Румянцевскому музею. Но его главным вкладом в Русскую культуру была издательская деятельность. Целая серия изданий была посвящена классикам экономической науки, для чего делались специальные переводы. Эта серия носила название «Щепкинской библиотеки», по имени М.П. Щепкина, ближайшего сотрудника Солдатенкова по издательской работе. Владелец под-

московного имения Кунцево, К.Солдатенков много средств выделял на благотворительную деятельность, в частности, на постройку городской больницы.

Другой старообрядец-поморец В.А. Кокорев – один из видных представителей Русского делового міра XIX столетия, Русский самородок, человек «большого калибра» и «игры ума». «В Русской истории, – пишет П.Бурышкин, – он останется яркой фигурой человека, который хорошо знал нужды России и ея народный характер, угадывал ея потребности и подчас находил нужное решение». В.А. Кокорев был «одним из пионеров Русской нефтяной промышленности, создав ещё в 1875 году, в Сураханах, завод для извлечения из нефти осветительного масла и закавказское торговое товарищество, а впоследствии – Бакинское нефтяное общество. Он организует Волжско-Камский банк, сразу занявший видное место в Русском финансовом міре; утверждает Северное страховое общество; строит в Москве знаменитое Кокоревское подворье, где имеется и гостиница, и торговые склады... участвует в создании Русского Общества пароходства и торговли»[24].

Кокорев был также собирателем картин, часть которых впоследствии приобрел П.М. Третьяков для своей галереи.

Фамилия старообрядцев Хлудовых занималась хлопковой торговлей и хлопчатобумажной промышленностью. Один из основателей Кноповской кренгольмской мануфактуры, А.И. Хлудов известен также как коллекционер древних Русских рукописей и старопечатных книг, среди которых были и очень ценные. Хлудовская библиотека старинных рукописей (до 430 экз.) и старопечатных книг (до 624 экз.) поступила после кончины владельца, согласно его желанию, в Никольский Единоверческий монастырь в Москве.

А.И. Хлудов был членом коммерческого суда, почётным членом совета Коммерческого училища, председателем Московского Биржевого комитета (с 1859 по 1865 годы), в 1862 году был выбран председателем московских отделений департамента торговли и мануфактуры. Он был старшиной московского купечества, имея звание мануфактур-советника и орден св. Владиміра 3-й степени. Сын Алексея Ивановича – Иван – основательно изучил хлопковый рынок Англии и Северо-Американских Соединённых Штатов, после чего Торговый дом Хлудовых открыл в Ливерпуле свою контору. Торговля с Америкой не состоялась, поскольку в

это время там шла гражданская война. Хлудовы известны большой благотворительной деятельностью. Ими были созданы: богадельня, больницы, безплатные ночлежные дома, ремесленная школа и пр.[25]

На рубеже века старообрядчество выдвинуло тысячи талантливых деятелей на ниве российской экономики и культуры. К сожалению, имена многих из них забыты. Например, Я.И. Шишкин (умер в 1914 году), талантливый механик и химик (самоучка), «основал альбуминовое производство в России, построив заводы в Москве, Петербурге, Харькове, Одессе и др. городах; 80% производства этих заводов закупалось странами Европы»[26].

Благодаря старообрядческой купеческой династии Трындиных в России в XVIII веке появилось первое производство оптических и механических инструментов. С.Е. Трындин (умер в 1915 году) имел в начале XX века самое крупное Русское предприятие этого направления[27]. В.В. Ерохин (умер в 1915 году) – «хозяин известной фабрики художественного литья, выполнявшей заказы для Московского Кремля». Широкой благотворительной деятельностью прославились богатые купцы-благотворители В.А. Дубинин (Одесса), Н.А. Степунин (посад Клинцы) и многие другие[28]. Только одни Морозовы создали целый ряд благотворительных учреждений: «институт лечения рака и психиатрические клиники московского университета, детская больница, родильный дом, ремесленное училище, музей кустарных изделий, богадельня, кафедра текстильного дела и аналогичное производство при Техническом училище»[29].

Вклад старообрядчества в Русскую экономику, культуру и искусство трудно недооценить – это и освоение Сибири, и развитие судоходства на Волге, строительство в Русских городах больниц, библиотек, типографий, музеев, и многое другое. Да и могло ли быть иначе, ведь старообрядчество – это корни истинно Русской жизни.

В период революции 1917 года резко антибольшевистская позиция части старообрядчества логически вытекала из понимания новой власти как власти антихристовой. Многие руководители старообрядчества без обиняков объявили Ульянова-Ленина антихристом, а коммунистов и комиссаров – слугами антихриста. Красная пятиконечная звезда Соломона, – пентаграмма, – объявлялась символом антихриста.

В Августе 1917 года в Москве прошёл съезд старообрядцев всех согласий. Председателем был избран П.П. Рябушинский, который призвал всех «мощно встать на защиту нашей великой, глубоко несчастной России»[30].

В 1918 году в старообрядческом журнале «Голос церкви» была напечатана статья «Социализм и старообрядчество», где напоминалось о безрелигиозных корнях социализма, как политико-экономического учения. «Роберт Оуэн называет «троицею зла», от которого страдает человечество, – религию, собственность и брак. Этот английский социалист считает религию просто злом, от которого страдает человечество и от которого надо его избавить»[31].

Если идея социализма родилась на Западе, то Запад же дал и выдающихся критиков этого учения. Авторы статьи цитируют А.Болье («Христианство и социализм»): «Возьмём дух Христианства и дух современного социализма; они различны во всём – можно сказать, что они почти противоположны. Противоречие обнаруживается уже в языке: Христианство говорит главным образом об обязанностях, социализм говорит почти исключительно о правах... Нужно ли доказывать, что если дух Христианства есть дух мира, то дух современного социализма есть уже дух не мира, но міра. Там, где христианство проповедует любовь, братство, мир, социализм проповедует теперь, наоборот, ненависть, борьбу, войну... Противоречие так велико, – говорит этот американский учёный, – что его совершенно достаточно для объяснения антагонизма между воинствующим социализмом и Христианством».

А.Шеффле в «Квинтэссенции социализма» говорит: «Современный социалист иррелигиозен и враждебен Церкви до мозга костей». Далее он продолжает: «Церковь есть полицейское учреждение капитала. Она обманывает пролетариат «векселем на небо» и должна быть уничтожена».

Статья напоминает и высказывание отечественного мыслителя, Ѳ.М. Достоевского: «Социализм есть не только рабочий вопрос, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога не для достижения небес с земли, но для сведения небес на землю». (Напомним, что в 20–30-е годы в ходу был лозунг: «Борьба против религии – борьба за социализм»).

Итак, заключают авторы статьи, поскольку путь социализма – путь через разрушение религий, Церкви, то старообрядчество не может примкнуть ни к одной из социалистических партий. «Мы решительно против социалистов типа Маркса!»

Дух времени, текущий момент чётко виден из следующих слов: «Вспомните, чему учат наши социалисты, что вбивают в головы Русскому народу вот уже несколько месяцев. Нас заставляют забыть Родину, заменяя борьбу за Отечество борьбой за углубление революции. По Марксу, для рабочего нет и не должно быть Родины и национальных стремлений; все эти понятия он должен выкинуть из своей головы, для него есть и должен быть только союз рабочего класса всего міра. Имя этого вненационального союза – интернационал. Вот родина, вот бог, которому призывается служить рабочий! Во имя этого «священного интернационала» и ведётся борьба, благодаря этому понятию и гибнет Россия».

В этот критический момент Русской истории некоторые руководители старообрядчества отнюдь не призывали к пассивности, «уходу» от истории (объявить: «Церковь вне политики» и сесть «в келью под елью» в ожидании конца света – классический старообрядческий стереотип, придуманный А.В. Карташёвым и др.). Программная статья заканчивалась энергичным призывом: «Старообрядцы всех согласий должны образовать свою партию, основываясь в духовной, внутренней жизни на учении Христа, во внешней же, политической жизни – на своей политической программе. И в этом отношении кое-что уже сделано. Старообрядческая Русь покрылась сетью организованных ячеек, которые помогли во многих губерниях выступить со своими списками кандидатов в Учредительное Собрание... С удвоенной энергией должны мы продолжать работу по организации старообрядчества»[32].

Разгон Учредительного Собрания сделал невозможным мирное восстановление порядка. Красный террор развернулся уже в 1918 году. Враждебно относясь к христианству, большевики кроме того видели в старообрядцах могучую, спаянную и финансово оснащённую силу. Советская пропаганда изображала старообрядческую предпринимательскую элиту, как сборище эксплуататоров и міроедов. Все большевицкие газеты обошёл приписываемый Рябушинскому призыв задушить Россию «костлявой рукой голода».

В том же 1918 году незадолго до указанной программной статьи журнал «Голос Церкви» опубликовал «пастырское послание» главы Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия архиепископа Мелетия. В конце 60-х годов один из советских исследователей старообрядчества, назвал это послание «идеологической программой» контрреволюционного старообрядчества»[33].

В Русской революции архиепископ Мелетий видел разгул диких страстей и низменных инстинктов: «сам сатана ополчился на Христианство всеми силам своего ада». Архиепископ призывал Православных христиан ополчиться против врагов Божиих не вещественным, а духовным оружием[34]. И, как пишет В.Миловидов, «старообрядческие организации развернули активную контрреволюционную деятельность».

Широкая антибольшевицкая пропаганда шла через старообрядческие журнал «Голос Церкви» и через типографию Рябушинского.

В 1918 году в Кинешме на земском старообрядческом съезде был создан «Комитет освобождения Родины» – «контрреволюционная организация», по терминологии В.Миловидова, стремившаяся к объединению с участниками ярославского восстания. «Комитет освобождения родины» в подполье просуществовал до 1926 года.

В период Гражданской войны богатые старообрядцы-промышленники, особенно группа Рябушинского, оказывали всемерную поддержку белогвардейским армиям Деникина, Врангеля и Колчака, в рядах которых сражалось немало старообрядцев. В войсках Деникина был даже армейский старообрядческий священник (о.Иаков Никулин), окормлявший старообрядцев-казаков.

П.П. Рябушинский эмигрировал в Париж и стал одним из создателей контрреволюционного «Союза Русских промышленников» (эмигрировавшие представители российской деловой элиты). Союз развернул активную борьбу против советской власти. Д.П. Рябушинский в своих воспоминаниях о старшем брате сравнивал его со Столыпиным: оба они «ясно сознавали, что энергия крепких хозяйственных людей является тем главным запасом энергии, наличность которой необходима, чтобы государство могло правильно функционировать и развиваться»[35].

Как и Столыпин, Рябушинский считал, что путь к «Великой России» лежит через всемерное развитие частной инициативы в экономике, о чём он и писал в 1905 году: «Лишь индивидуализм

может в кратчайший срок дать внушительные результаты. Община с этой точки зрения вредна»[36].

Антибольшевицкая деятельность старообрядчества особенно ярко проявилась на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, то есть там, где было много староверов-переселенцев. Большинство из них были рачительными, крепкими хозяевами, «кулаками», – «социально вредным элементом» по терминологии новой власти. Старовер, исконный Русиянин, всегда отличался трудолюбием, строгостью и требовательностью в быту. Старообрядческое население с психологией крепкого хозяина и явилось естественной оппозицией новой власти.

Основой старообрядчества, как и всего Русского народа, было крестьянское сословие. Именно из этой среды, как правило, и выходили основатели старообрядческих торгово-промышленных династий, яркие выдающиеся деятели хозяйственно-культурной жизни. Старообрядческое крестьянство было более зажиточно и грамотно, нежели новообрядческое. Статистические данные, имеющиеся у нас сегодня, весьма внушительны. Эти данные приводит И.Поздеева в статье «Русское старообрядчество и Москва в нач.XX в.»

В 1907 г. в Нижнем Новгороде на очередном IX съезде старообрядцев белокриницкого согласия было решено изучить положение и потребности крестьянских хозяйств. Совет Всероссийских Съездов старообрядцев для этого дела привлёк ведущих ученых агрономии и статистики (на сельскохозяйственных курсах при Рогожской общине читал лекции и поныне знаменитый профессор Чаянов).

Анкета 1909 года убедительно подтверждала зажиточность крестьян-староверов: в 1908 году безземельных хозяйств среди них было всего 1,56 %, малоземельных (до 6 десятин) – всего 1,44 %. Купленных земель на каждый старообрядческий двор в среднем приходилось в 6 (!) раз больше, чем на нестарообрядческий двор (в Заволжье – в 12 раз, в Волжско-Донском регионе – в 17 (!) раз больше)[37].

Старообрядческое крестьянство было обезпечено лошадьми в среднем на 63,5 % больше, чем нестарообрядческое. Крупного рогатого скота в Европейской России на 100 душ населения у старообрядцев в 1908 году было больше, чем у нестарообрядцев на 33%.

Из анкеты следует, что «почти 90 % всех старообрядческих хозяйств по основным показателям должны быть в 1908 году отнесены к хозяйствам средним, владеющим более чем 2 лошадьми, примерно 6 коровами, более чем 20 десятинами земли... Маломощных хозяйств среди старообрядческих всего 4 %. Хотя зажиточных также немного – 6,6 %, но все их показатели значительно выше средних»[38].

«Таким образом, – заключает И.Поздеева, – старообрядческое крестьянское хозяйство перед революцией 1917 года на 90 % было крепким, средним или достаточно зажиточным хозяйством и, таким образом, по всем своим характеристикам значительно превышало «среднестатистическое хозяйство» остального сельскохозяйственного населения Империи... именно этот слой был устойчивой опорой, на базе которой мог успешно продолжаться начатый Февралём 1917 года новый этап Русской истории, и который так последовательно был уничтожен в 20 –30-х годах XX века»[39].

Красноречивые статистические цифры, нарисованная картина зажиточного старообрядческого крестьянства накануне революции объясняют дальнейший ход исторических событий. Толстовское непротивленчество было чуждо духу старого Русского Православия, наследниками которого являются староверы. Поэтому богоборческая власть встретила с их стороны активное сопротивление.

Ещё 8-летняя осада Соловецкого монастыря в XVII столетии дала яркий пример активной позиции старого Русского Православия в выборе и защите (порой даже и оружием) позиций добра по пониманиям Русского человека того времени. Русское дониконовское Православие было активно по своей природе. Журнал «Старообрядец» писал в 1917 году в Июньском выпуске: «На нас надвигается великая гроза – атеизм, и уже слышны раскаты грома... Великое преступление будет для пастырей, если они, получив безграничную свободу, окажутся бездеятельны»[40].

По переписи 1897 года в Сибири, включая Приамурье и Дальний Восток, было около четверти миллиона старообрядцев, в дальнейшем их число ещё больше выросло.

В 1918 году в Барнауле прошёл съезд старообрядцев Белокриницкой Церкви, положивший начало созданию единого фронта сибирского старообрядчества против большевицкой диктатуры. Позднее был создан Центральный исполнительный комитет

всех согласий старообрядчества для общего руководства в борьбе с революцией. Основной целью старообрядчества объявлялась борьба за возрождение «великой неделимой и независимой России». В Барнауле стал издаваться журнал «Сибирский старообрядец» с призывами к активной борьбе с революцией (серия статей: «Почему необходимо бороться с большевиками»). Старообрядцы Урала, Сибири и Дальнего Востока оказывали всяческую поддержку Белому движению. Между правительством Колчака и епископами Белокриницкой Церкви на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке был установлен тесный союз для борьбы с советской властью[41].

В 1919 году старообрядческий съезд Пермской епархии обратился с призывом к Колчаку: «Да поможет вам Всевышний на избранном вами тернистом пути донести взятое бремя до сердца России – Москвы и очистить святыню Русскую от коммунистической мерзости».

А.В. Колчак писал в ответ: «глубоко тронут приветствиями епархиального съезда старообрядческой Пермской епархии, жду от деятелей его активной и положительной работы по борьбе с большевизмом и его влиянием в Русском быту, одним из хранителей чистоты которого искони было старообрядчество»[42].

Правительство Колчака уравняло старообрядчество в правах с Православной Церковью. Старообрядческое духовенство было взято, как и Православное, на содержание Правительства. Деятельность старообрядческих военных священников контролировалась епископом Томско-Алтайской епархии Филаретом.

Монархическая направленность старообрядчества в конце XIX – начала XX столетий – явление, впрочем, не однозначное. Известно сочувствие и прямая финансовая помощь революционерам со стороны С.Т. Морозова, а будущий руководитель корниловского и калединского движения П.П. Рябушинский в своё время (1907 г.) был даже выслан из Москвы в административном порядке по распоряжению генерал-губернатора за «противоправительственное направление» его газеты «Утро». Партия прогрессистов, одним из лидеров которой был П.Рябушинский, призывала к установлению конституционной монархии. В черновике обращения к Царю на несостоявшейся аудиенции в 1915 году Рябушинский писал: «Объединённая в своей великой работе страна, и власть, не хотящая понять свою страну. В этом весь ужас

положения... Необходима скорейшая смена существующей власти»[43].

К сожалению, Гражданская война, расколов всё Русское общество, не могла не коснуться старообрядчества. Был случай в Удмуртии в 1919 году, когда старообрядцы деревни Балаки помогли красноармейцам. Как гласит политическая сводка из штаба действовавших в этом районе красноармейских частей: «Деревня Балаки... население старообрядцы, для революционного движения балакинцы дали добровольно молодёжь в красные ряды. Народ богомольный, просит преподавать в школах Закон Божий и о социализме»[44].

Балакинские староверы, по-видимому, поняли свою ошибку позднее, когда власти стали закрывать храмы, расстреливать священников, загонять в колхозы. В 1919 году старообрядчеством проводилась активная работа среди молодёжи через специальные кружки, целью которых было спасение России. Эти кружки в Томске, Омске, Тюмени, Новониколаевске, Екатеринбурге и других городах вербовали молодёжь в армию Колчака. Старообрядцы Урала и Сибири стали инициаторами создания добровольческих крестоносных дружин[45].

Текст листовки дружин Святого Креста гласил: «Братья! Кому дорога Христова Церковь и Святая Вера, кто Родину свою не хочет видеть иначе, как Святою Русью, поспешите записаться во фронтовые отряды Святого Креста с тем, чтобы по слову псалмопевца «с оружием в руках и духовными песнями на устах» выступить на фронт, защищая Веру, Церковь и Святую Русь».

На грудь дружинникам нашивался белый восьмиконечный крест, чтобы объединить православных и старообрядцев, которые традиционно признают крест только восьмиконечный[46].

В Омске на одном из собраний старообрядцев была образована специальная комиссия по организации старообрядческих дружин, которая выпустила воззвание к старообрядцам «брать в руки оружие и бить наёмников красных, богоотступников, воров и убийц».

По поводу этой инициативы Министр Внутренних Дел Правительства Колчака писал: «С большим патриотическим подъёмом в среде омских старообрядцев началось добровольное движение к организации крестоносной дружины. Уверенный в том, что ваш призыв и участие принесут огромную пользу и привлекут на служение святому делу спасения Родины всё старообряд-

ческое население, прошу оказать живое содействие порыву ваших единоверцев-патриотов»[47].

В течении трёх недель в Омске был сформирован и выступил на фронт батальон добровольческой старообрядческой дружины Святого Креста. Такие же воинские части из старообрядцев были быстро организованы и в других городах Сибири. В Новониколаевске в Сентябре 1919 года, по случаю организации крестоносных дружин, старообрядцы отслужили торжественный молебен, на котором епископ Филарет сказал слово «о даровании победы над богоотступниками-богохульниками большевиками». В день годовщины свержения в Сибири советской власти епископ Филарет в Новониколаевске участвовал в связанной с этой датой церемонии и провозгласил многолетия Верховному Правителю и «Сибирскому воинству».

В глухой тайге старообрядческим диаконом Журавлёвым ещё до революции был основан скит Ново-Архангельский. В 1917 году Журавлёв стал епископом Уральской епархии Амфилохием, где им вскоре была выпущена брошюра антибольшевицкой направленности. В 1921 году епископ Амфилохий переехал в свой скит (Томский округ). Вместе с ним туда прибыли Мельников, бывший представитель от старообрядческого духовенства в Сибирской областной думе, и Суворов, бывший редактор журнала «Сибирский старообрядец». Из Барнаула Суворов привёз в Томск типографское оборудование, которое на монастырских лошадях было отправлено в скит. Подпольная типография начала выпускать листовки с подписью «агитотдела сибирской боевой организации». Старообрядческий епископ Томско-Алтайской епархии Тихон снабжал скит бумагой и принимал участие в распространении листовок.

Листовки представляли из себя обращенія къ красноармейцамъ, рабочимъ, а то и непосредственно къ «красным комиссарам». Вот примеры их текстов.

«Товарищи красноармейцы!.. Вам дали имя красных орлов. Вы... растерзали Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Но чего вы этим достигли? Посмотрите, что делается в ваших родных гнёздах, в ваших родных сёлах и деревнях, что делается с вашими родными отцами и братьями, матерями и сёстрами. У них отбирают хлеб, картофель, мясо, овощи. Уводят скот, лошадей, коров, овец, забирают даже одежду и бельё. А самих гонят на ра-

боту, замучили разными нарядами и приказами. Разве вы из-за этого воевали, проливая свою кровь?.. Вернитесь к своим родным домам и стойте за свои родныя гнёзда. Тогда вы будете действительно орлами, славными защитниками Отечества».

А вот «Воззвание к рабочим»:

«Товарищи рабочие! Вот уже минуло три с половиной года, как мы установили в России советскую власть... Но улучшили ли мы своё положение? Счастливее ли мы стали?.. Положение наше безмерно ухудшилось. Страна наша разорена, промышленность погибла, фабрики и заводы стоят, земледелие понизилось, всё разрушено, повсюду царят новые самодержцы... Свирепствуют одни лишь насилия, расстрелы и казни... На міровую революцию нет никакой надежды... За границей нет таких дураков, которые решились бы разорять свои государства, убивать своих братьев, да и какая польза нам была бы от міровой революции?.. Не пора ли сбросить этого паразита (коммунистическую партию.– *авт.*) с нашего тела!»

А вот обращение непосредственно к властям, «самодержавным комиссарам»:

«Вы именуете себя народными комиссарами. Но какой народ избрал вас? Русский народ вас не избрал. Жиды да мадьяры – ваша опора, жидовским интересам вы служите. Русских же людей вы ограбили, разорили, убиваете их миллионами и всю страну превратили в кровавый ад... Помните, что народное терпение уже истощилось, и справедливый гнев народа но замедлит законно покарать вас, как самозванцев, как разбойников, злодеев. Уходите же, пока ещё можно, с ваших самозванных и самодержавных тронов!»[48]

Эти листовки и подобные им размножались, распространялись и, конечно, не могли не вызвать «головной боли» у «самодержавных комиссаров» всех рангов.

«В последующие годы, – пишет А.Долотов, – старообрядчество, если, может быть, на время и отказалось от открытой контрреволюции, то во всяком случае, вредительство социалистическому строительству из-за угла, путем скрытой «работы» и повседневной агитации считало своей задачей»[49]. А вот, по-видимому, прямой политический донос А.Долотова через его книжку, напечатанную в 1930 году.

Вот выписка из досье на старообрядческую верхушку в Тыштыпском районе Хакасии:

«Старообрядческий поп Снетрев в 1921 году в Бийском округе состоял в монархической подпольной организации».

«Аболин – бывший кулак, состоял в 1920 году в контрреволюционной организации по свержению советской власти на станции Б.Речка, Алтайской железной дороги».

«Самарин – состоял в монархической контрреволюционной организации в Урянихае».

«Бутаев – бывший кулак, принимавший активное участие в подавлении крестьянского восстания 1918–1921 годов».

«Житиков, старообрядческий поп, – состоял в контрреволюционной организации, участвовал в подавлении революционных восстаний»[50].

Старообрядческие скиты-монастыри в горах и глухой тайге становились укрытием для многих участников Белого движения. Таков был, например, безпоповский Верх-Ашпанакский скит на Алтае, где, во время Гражданской войны укрывалось, кроме белогвардейцев, большое количество хлеба и мануфактуры. Попечителями скита являлись богатые Бийские старообрядцы домовладельцы Завьялов, Мажаев, крупный тобольский торговец Ваганов и другие. Вокруг этого скита было разбросано несколько мелких скитов, один из которых, как сообщает Долотов, содержал «кулак, имевший крупную пасеку». Другой из таких скитов содержался богатым алтайцем, «имевшим 28 дойных коров и 2 больших дома». Но главным был Верх-Ашпанакский скит, «центр всевозможной контрреволюционной агитации»[51]. В 1928 году этот скит был ликвидирован властями.

Не случайно книжица А.Долотова «Церковь и сектантство в Сибири», изданная в 1930 году «Сибирским краевым советом Союза воинствующих безбожников», «украшена» эпиграфом: «Борьба против религии – борьба за социализм».

Старообрядцы Приамурья и Приморья выступали против красных партизан, снабжали белогвардейцев продовольствием. В Забайкалье старообрядцы-казаки поддерживали атамана Семёнова, много староверов было в отрядах барона Унгера. Отряд Сапожникова в большинстве своём состоял из старообрядцев.

В 1920 году состоялся съезд несоциальных организаций Дальнего Востока, в котором старообрядцы приняли самое активное участие. Выступивший на съезде старообрядческий представитель призвал всех верующих бороться с советской властью и

требовал «начать движение к поруганным святыням Москвы и Киева». Старообрядчество содействовало победе Белого движения в Приморье и образованию там 26 Мая 1921 года Временного Приамурского Правительства. Старообрядческое духовенство активно поддержало и генерала Дидерикса в Приморье.

В 1923 году в журнале «Дальневосточный старообрядец», издававшемся особым отделом управления военно-морского ведомства, раздавались призывы к борьбе с большевизмом.

Генералу Дидериксу старообрядцы преподнесли знамя с вышитым осмиконечным крестом и надписями «Сим победиши» и «С нами Бог», тем самым благословляя на борьбу с безбожной властью.

В свете этих фактов рушатся стереотипы о политической и общественной пассивности старообрядцев, встречающиеся в историографии и литературе:

Древян гроб сосновен,
Ради мене строен,
Буду в нем лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангели вострубят,
От гробов возбудят.

Так, А.В. Карташев цитирует это и говорит о «безумцах-самосожигателях» (противопоставляя их сынам века нынешняго): «Антихрист обошёл, ослепил, воцарился. Остаётся самосожигаться или ложиться в гроб в ожидании последнего суда. И ложились»[52].

Однако, нарисованная им картина крайне односторонне и поверхностно отражает лишь отдельныя явления.

На Русском Севере старообрядчество также активно сопротивлялось богоборческой власти. Как писал Ю.В. Гагарин, советский идеолог до 70 % старообрядцев (в том числе и беднейшая часть населения) на Средней Печоре и в Удорском крае участвовало в восстаниях против советской власти[53]. Среди руководителей восстания – несколько старообрядческих наставников.

Остатки Белого движения находили поддержку среди зажиточных старообрядцев и особенно скрытников, предоставлявших им убежища в глухих местах Предуралья.

После поражения Белого движения в Гражданской войне, когда стало очевидным, что новая власть стабильна, руководители основных старообрядческих течений в Декабре 1922 года при-

звали верующих к лояльности по отношению к советской власти. Если власть стабильна – значит от Бога, даже если и в наказание.

А в 1923 г. старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Мелетий и епископ Петроградский и Тверской Геронтий выпустили «Архипастырское послание к христианам Древлеапостольской Старообрядческой Христовой Церкви», в котором говорилось: «Теперь, слава Богу, у нас в России утвердилась рабоче-крестьянская власть»[54]. Подобные слова не случайно прозвучали в начале 1920-х гг. В этот период Советское правительство, делая вынужденные уступки в экономической политике, пыталось расширить свою социальную базу, прежде всего среди крестьянства. В этой связи 5 Октября 1921 г. Народный комиссариат земледелия принял Воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и заграницей». Фактическим автором этого документа был В.Д. Бонч-Бруевич, хотя в своих воспоминаниях он и приписывал всю инициативу В.И. Ленину: «В 1921 г., когда Владимир Ильич особенно усиленно был занят... устройством коллективных хозяйств в национализированных помещичьих имениях, он совершенно самостоятельно обратил внимание на сектантские и старообрядческие общины»[55]. В Воззвании Наркомзема проводилась аналогия между сектантами, старообрядцами и коммунистами в мировой истории. Старое государство якобы преследовало первых так же, как оно преследовало большевиков, и теперь их, как естественных союзников и единомышленников поддерживает советская власть: «Настало время, когда все сектанты... , а также из старообрядцев – крайние ответвления Спасова согласия, те, кого в просторечии называют нетовцами, бегунами, скрытниками и прочие тому подобные, решительно все могли себя вполне спокойно обнаружить и твёрдо знать, что за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать... Впервые за всё время существования России сектантам всех направлений и недавно ещё гонимым старообрядчеким согласиям, ушедшим достаточно далеко от только что господствовавшей и их угнетавшей государственной Православной Церкви, предоставлена полная возможность широкого объединения на трудовой почве в сельском хозяйстве»[56]. С целью создания религиозных земледельческих общин, артелей, коммун была создана специальная «Комиссия по заселению совхозов, свобод-

ных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами». Но результаты её деятельности оказались невелики, прежде всего из-за противодействия влиятельных противников в руководстве РКП(б) – Л.Д. Троцкого, И.И. Скворцова-Степанова, П.А. Красикова. Идея В.Бонч-Бруевича о том, что будущее России связано с «коммунистическими настроениями» религиозных сект и старообрядцев им были глубоко чужды. Острая полемика разгорелась в 1924 г. после смерти Ленина в контексте борьбы за его наследство. В обширной статье, опубликованной в «Правде» в Мае 1924 г. Бонч-Бруевич, явно завышая цифры, утверждал, что в стране насчитывается до 25 миллионов старообрядцев и 10 миллионов сектантов. Причём в последние годы старообрядцы-беспоповцы якобы настолько изменились, что их «громадное большинство почти слилось с так называемым сектантством»[57]. Сторонники «сектантской старообрядческой утопии» смогли в последний раз одержать верх на XIII съезде РКП(б) 1924 г. В подготовленных к съезду М.И. Калининым тезизах «О работе в деревне» имелся специальный пункт, призывавший партии к особому вниманию к сектантам (к которым относили и старообрядцев)[58]. Однако, уже вскоре курс властей в этом вопросе снова изменился. К началу 30-х годов были закрыты все старообрядческие монастыри, прекратили своё существование иконописные мастерские, благотворительные заведения. Почти полностью оказалась прекращена издательская деятельность (кроме выпуска церковного календаря). Ещё в годы Гражданской войны был ликвидирован Старообрядческий Духовный Институт и старообрядцы остались без своих учебных заведений[59].

Следует подчеркнуть, что широкие слои верующих в гораздо меньшей степени, чем церковное руководство были склонны к компромиссам с органами советской власти.

Так, северное старообрядческое население выступало против «социальных и культурных преобразований» советской власти. Например, Ермицкая волость в 1922 году отказалась содержать школу и фельдшерский медпункт («Бог велит – и так выздоровеем»). Из документов партархива узнаём, что к концу 1925/26 учебного года в селе Знаменское (Архангельская обл.) посещало школу всего двое-трое человек. В селе Трусово в том же учебном году из-за отсутствия учащихся школу пришлось закрыть до окончания срока учёбы. Аналогичные явления наблюдались и на Средней Печоре. В 1927/28 году большинство жителей деревень

Дёмино, Пашни, Митрофана и других отказались послать своих детей в савиноборскую школу, говоря, что там их «будут обучать безбожию». В первые годы советской власти школы в старообрядческих сёлах и деревнях зачастую пустовали. Старообрядцы не пускали детей в советскую школу и уж, конечно, не позволяли им вступать в пионеры и комсомол. «В деревне Скаляп учителям местной школы в течении многих лет не удавалось создать ни пионерского отряда, ни октябрятской звёздочки». Жители деревни Перединской на Средней Печоре в 1926 году заявили, что детей в школу не пустят, если там не будет преподаваться Закон Божий[60].

Враждебно встречалось открытие клубов, изб-читален, кружков ликбеза и тому подобного. В 1935 году Ермицкий сельсовет «был вынужден» даже оштрафовать 16 человек, отказавшихся «ликвидировать свою неграмотность».

Чердынское старообрядческое братство (Верхняя Печора) создало свою школу, где учили, что «рабоче-крестьянское государство» – порождение антихриста и враг религии. В результате, как зафиксировано в документах партархива, значительная часть населения Верхней Печоры не участвовала в 1926 году в выборах советских органов власти[61].

Ещё хуже дело обстояло с коллективизацией. В сёлах Знаменское и Трусово старообрядцы проводили свои собрания, где убеждали верующих в колхозы не вступать. В Усть-Илиме и Филиповской население ломало колхозный инвентарь. Были случаи, когда возмущение крестьян доходило до физических расправ над «активистами».

В деревне Чупрово вначале удалось вовлечь в колхоз 12 хозяйств из 112, в Муфтюге – 9 из 100. По выражению тогдашнего идеолога, «потребовалось решительное вмешательство партийных и советских органов». На принудительные меры властей последовала волна самоубийств: снова были «гари», как в старину, и отравления.

Старообрядческие наставники, особенно скрытники, развернули активную агитацию против советской власти и коллективизации, в результате чего десятки семей вышли из колхозов, забили отнятый скот и переселились в лесные трущобы. В начале 30-х годов в лесных избушках по Щугору, Подчерью и Илычу проживало до 500 человек (в их числе и из беднейшего населения).

Как гласит партархив, в 30-е годы в селениях Подчёрского, Савиноборского, Усть-Илычского сельсоветов агитация старообрядцев была «направлена на срыв лесозаготовок», и было «много случаев отказа от участия в лесозаготовках»[62]. Несомненно, среди узников ГУЛАГа процент старообрядцев был высоким.

Там где проживали староверы, успехи коллективизации не радовали партийные органы. В деревне Верхозерье (Удорский край) колхоз удалось создать лишь в 1935 году, причём из 33 хозяйств в него вступило только 13. В селениях Керчемского сельсовета Усть-Куломского района в 1939 году ещё насчитывалось 300 единоличников, в своём большинстве, староверов.

В починке Градобой (Вятская обл.) скрытники организовали сельскохозяйственное товарищество «Любители труда» с уставом сельхозартели. Однако на первом месте был устав монастырский с положенным кругом Богослужений, которые возглавлял председатель товарищества в молельне. Товарищество имело солидные доходы от земли, двух водяных мельниц, кожевенного производства, сапожной мастерской и, наверное бы процветало, если бы местные власти, «разобравшись» не ликвидировали его в 1927 году, как «лжеартель»[63].

По официальной статистике, к 1917 году в Коми крае было 11,3 тысяч старообрядцев. По мнению некоторых исследователей, в действительности было их в 1,5–2 раза больше. В Усть-Цильме в 1917 году было три частных молельни, содержавшихся зажиточными торговцами. В 1930 году в Усть-Цилемском районе насчитывалось 46 «служителей культа», в основном «кулаков».

Укрепляясь на местах, советская власть постепенно перешла в наступление на старообрядчество. В 1929–30 годах были закрыты единоверческие церкви в сёлах Усть-Цильма, Замежное, старообрядческая часовня в деревне Скитской. В 1933–34 годах власти закрыли все скрытнические молельни, а к началу 40-х годов ликвидировали скрытничество на Удоре, Летке и Печоре. По статистике 1973 года в Коми крае старообрядцев было не более 2,5 тысяч человек[64].

В одной из своих статей по атеистическому воспитанию Н.К. Крупская писала: «Борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством».

Против атеистического воспитания детей старообрядчество протестовало делом, предпринимая попытки создавать тайные

церковные школы, поскольку «в советских школах из детей делают коммунистов и безбожников»[65].

Во время перевыборов в местные органы советской власти руководители старообрядчества призывали верующих не участвовать в них, так как «порядочному человеку там работы не дадут». Сопротивление старообрядчества антинародному режиму большевицкая пропаганда представляла как «вредительство, саботаж, враждебную агитацию».

В 1926 году производилась «Всесоюзная перепись населения», которая, со стороны старообрядцев, естественно, встретила «саботаж»: целыми сёлами уходили староверы в лес ...

В 1929–1930 годах под лозунгом «ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации» была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением 6 миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек)[66]. Значительное число их принадлежало к старообрядцам. (Борьба с кулачеством – борьба со старообрядчеством, по-свидетельству самих насильников)

Весьма многих из «раскулаченных» без всяких средств к существованию ссылали на верную гибель в отдалённые дебри Нарыма, Васюгана, в тундру, в северные болотистые лесные пространства Сибири.

Старообрядческие наставники учили: «Колхозы – антихристовы гнезда, ни один верный в них входить не может, ибо этим самым он будет способствовать дальнейшему разгулу и укреплению антихриста. Тот, кто вступает в колхозы, будет проклят, ибо он отдаёт свою душу антихристу». Старообрядцев призывали не верить «товарищам», потому что «они знаются с антихристом»[67].

Большинство отказывались вступать в колхозы – или оставались единоличниками, или уезжали в города на заработки... И сегодня, к примеру, самая крупная в Москве старообрядческая община на Рогожской заставе состоит, в основном, из приезжих переселенцев и их потомков – тех, кто не захотел участвовать в рабском вымороченном труде советской деревни.

Была такая шутка уже где-то в 1960-е годы у уцелевших потомков сибирского казачества: увидев пробегающего волка, крикнуть ему в острастку: «В колхоз запишу!» – услышав это, серый испуганно улепётывал во все лопатки к общему удовлетворению...

Сотрудник Института атеизма В.Ф. Миловидов также утверждал, что в 1929 году «будущий глава Белокриницкой церкви еп. Викентий вместе с известным старообрядческим деятелем Ф.Е. Мельниковым участвовал в ряде антисоветских восстаний на Северном Кавказе»[68]. Однако утверждения эти нуждаются в проверке. Дело в том, что епископ Кавказский Викентий в 1934 году, после смерти архиепископа Мелетия, был определён местоблюстителем архиепископского престола и арестован был лишь в 1937 году после клеветнической статьи в одной из центральных газет (скончался в Бутырской тюрьме в 1938 году, по-видимому, расстрелян). Вряд ли чекисты позволили бы «участнику восстаний» 1929 года находиться на свободе целых восемь лет, да ещё возглавить Белокриницкую иерархию.

О Ф.Е. Мельникове известно, что после революции он часто выступал с лекциями, беседами на религиозные темы, участвовал в диспутах с атеистами, в том числе и с Н.Бухариным, который не сумел ничего возразить на приведённые Мельниковым доказательства бытия Божия[69].

Как сообщает издающийся в Австралии старообрядческий журнал «Церковь» (1991, №34), большевики искали убить Ф.Мельникова, но он успел эмигрировать в Румынию, где издал такие книги, как «Советский рай – всемірный свинарник», «Социализм – сатанинский опиум», «Коммунизм – сатанинское опьянение», «О безбожии и дьяволопоклонстве» и другие.

Особо необходимо отметить существование в СССР, начиная с 1920-х годов, тайной подпольной ветви старообрядчества – Истинно-православных христиан странствующих (ИПХС). Это течение получило определённое распространение в самых различных районах страны, что, судя по архивным документам, вызывало тревогу в ЦК КПСС даже в 1940-1960 годов[70]*.

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим, что, по-видимому, мы имеем дело с некоторым феноменом старообрядчества. Хотя старообрядческое руководство не избежало политических компромиссов с советской властью, рядовые верующие

**Следствием чего явился поголовный расстрел с вертолётов в начале 1960 -х годов целого старообрядческого поселения, скрывавшегося глубоко в тайге – несколько лет спустя их дома вместе с домашней утварью были выставлены в качестве музейных экспонатов в качестве образцового ведения натурального хозяйства.*

проявили такую активность в защите Христианской веры и Христианского образа жизни, такую принципиальную непримиримость в борьбе с большевизмом, что невольно с сожалением думается: если бы все остальные проявили такую же активность и ревность по вере, большевизм в России не смог бы удержаться... Призывы архипастырей встать на защиту Церкви и Веры (Патриарх Тихон, Послание 19 Января/2Февраля 1918 года) не возымели действия... Как писал глава военного духовенства армии Врангеля митрополит Вениамин (Федченков): «Синод, архиереи – были безсильны и совершенно неавторитетны в глазах военных. – «Эх! Ну, что там говорят попы! – сказали бы нам в ответ. – Одной безплодной проповедью и только»[71].

Впрочем, верующие понимают, что и антихристианская власть может быть попущена Богом за грехи всего народа. А нынешний старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Алимпий утверждает: «Синодальное православие» и привело к революции 1917 года»[72].

Однако, вернёмся к феномену старообрядчества и попытаемся уразуметь источники огромной энергии сопротивления этого «маленького орешка» в критический период Русской истории. Явление вдвойне удивительно ещё и тем, что старообрядчество не однородно – оно распадается на различныя согласия.

Старообрядчество делится, прежде всего, на *два основных образования* – приемлющих священство (поповцы) и не приемлющих священство (безпоповцы).

Вот приблизительные статистические приблизительные данные (некоторые явно занижены по оценкам позднейших исследователей) о количестве старообрядцев по состоянию на 1 Января 1912 года.

Общее число староверов – 2 296 621 человек. Число зарегистрированных общин – 1268. Число зарегистрированных священников и наставников – более 3000 человек. Число старообрядческих храмов – 639, молитвенных домов – 3161, скитов и обителей – 73.

Количество поповцев – 995 375 человек, в том числе приемлющих Белокриницкую иерархию – 787 983 человека, безпоповцев – 1 211 246 человек[73].

Безпоповское старообрядчество представляет сложную и пёструю картину. Хотя по данным дореволюционной статистики

безпоповцы составляли в старообрядчестве большинство, однако все они были разсеяны между многочисленными согласиями, которые, в свою очередь, распадались на всевозможные толки. Наиболее крупные образования в безпоповстве – поморы и федосеевцы. Кроме последних, в настоящее время сохранились лишь основные согласия: филлиповское, спасовское, странническое и часовенное. Более мелкие толки почти повсеместно исчезли (такие как аристовщина, адамантовы, ааронoвщина, лужковцы, лучкиновцы и другие).

Следует отметить, что безпоповство не было каким-то изобретением старообрядцев. Оно возникло, как говорится, не на пустом месте. Ещё до раскола в Русской Церкви существовал так называемый Поморский Богослужебный устав, который применялся более всего на Русском Севере – в Поморье, где один священник приходился на несколько приходов, и Богослужение часто совершалось в его отсутствие причтом местной часовни. Традиция использования Поморского богослужебного устава в пору оскудения священства в старообрядчестве была освящена авторитетом крупнейшего в Поморье в первое время раскола центра староверия – Выговского монастыря, а также оставшимися в живых и разсеявшимися после разгрома иноками Соловецкого монастыря – этого северного оплота древляго Русского благочестия... Первые старообрядческие безпоповские духовные наставники получили благословение именно от иноков Соловецкого монастыря.

Практика отправления Богослужения без священника (практически весь суточный круг, без литургии и без священнических молитв и возгласов) допускается уставом и современной Русской Православной Церкви. Это весьма актуально в наши дни при недостатке священнослужителей, особенно, опять же, на Севере и в Сибири, где, как и прежде, одному священнику приходится обслуживать несколько приходов, часто весьма удалённых друг от друга. Вместо литургии служится так называемая обедница, или изобразительны.

В *поповщине* преобладает Белокриницкое согласие, как наиболее массовое и организованное. До революции Древлеправославная Церковь старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, состояла из 23 епархий (в том числе 3 за пределами России), имела 19 епископов, около 3 тысяч священнослу-

жителей (священники и диаконы) и более 3 тысяч храмов. Можно сказать, что к 1917 году старообрядчество в России достигло своего расцвета, поскольку до 1905 года оно было фактически на нелегальном положении или в режиме постоянного ущемления, угнетения и притеснения. В 1905 году старообрядцы получили некоторые свободы (напомним, что закон о веротерпимости давал такие же свободы и сектам). И только после этого началось возрождение старообрядчества.

Мало было отпущено времени староверам – всего каких-то 12 лет. Однако за этот период были построены сотни храмов, появились новые епархии, открылись приходския и певческия школы, заработали типографии в Москве, Уральске, Киеве; начали издаваться журналы, календари, певческия печатные книги знаменного распева (издания Рогожского кладбища, Морозова – в Москве, Калашникова – в Киеве, громовского кладбища – в Петрограде). Перешли на легальное положение монастыри, в которых организовались замечательные хоры, особенно в Черемшанском (возле Хвалынска), Елисинском, который собрал в себя остатки разорённых Керженских скитов в Нижегородском крае и других. В 1912 году в Москве был открыт Старообрядческий богословско-учительский институт, куда принимались со всей старообрядческой Руси ученики различных согласий (как приемлющих священство, так и не приемлющих); он мыслился как учебное заведение всей старообрядческой России.

Впрочем, существовал ещё закон об уголовной ответственности за «совращение в раскол» и другие ограничения, велось широкое миссионерское наступление со стороны господствующей Церкви. Как вспоминал уже после революции архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский): «Вся наша казённая полемика со старообрядчеством всегда была сплошною клеветою на старообрядчество»[74].

За короткий период времени длиною в 12 лет, Русское старообрядчество окрепло настолько, что смогло оказать неожиданно стойкое сопротивление богоборческому режиму, воцарившимся в России после 1917 года. Однако сказалась здесь и почти трёхвековая привычка к гонениям, готовность быть духовной оппозицией любым чуждым веяниям.

Феномен старообрядчества заключается, по-видимому, ещё в самой структуре древнерусского Православия, в частности, в принципе соборности, подразумевающем активное участие мірян

в церковной жизни, начиная с практики выборности духовенства. Одним из главных преступлений никоно-алексеевской «реформы» и явилось попрание канонического принципа соборности Церкви.

Соборность лежала в основе всей организации Русского Православия с момента его возникновения. Решение всех вопросов церковной жизни производилось соборно на всех уровнях, начиная от прихода (члены церковного совета) и до митрополичьей или Патриаршей кафедры (церковный Собор, включающий и мірян).

«Действительное новшество Никона, – пишет современный исследователь старообрядчества А.Катунский, – состояло не в форме креста и поясных поклонах, а в применённых им методах управления церковными делами. Культовые новшества впервые вводились не собором, а единоличной властью патриарха. Своей «Памятью» Никон нанёс первый сокрушительный удар по соборности, по автономии местной церковной власти и по другим устоям Русского Православия... Именно эти притязания Никона на единоличное управление Церковью вызвали бурю протестов со стороны Аввакума и его единомышленников»[75].

Міряне в древнерусском Православии и в хранящем его традиции старообрядчестве никогда не были «безгласным стадом». «Духовный регламент» Петра I, превращающий Церковь в «Ведомство Православного Исповедания», и был направлен на воспитание «безгласного стада», что во многом удалось. Утеря принципа соборности, общее обмірщение, падение уровня духа Церкви во многом и привели к тому, что к 1917 году Церковь лежала в расслаблении.

И недаром архиеп. Андрей (Ухтомский) в целях оздоровления христианской жизни призывал: «Братие!.. восстанавливайте древлеправославную христианскую жизнь по правилам и практике св. Церкви дониконианской! Покайтесь!»[76].

По современным статистическим данным самих старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, в 1920-е годы число епископов доходило до 25, а «старообрядцев было несколько миллионов». Если в 1986 году Старообрядческая Церковь Белокриницкого согласия имела 3 епископа, 126 приходов, 54 священника и 8 диаконов, то в 1996 году – 5 епископов, более 250 общин (на 1992 г. приходилось 154), 60 священнослужителей (в их числе 4 диакона) и 3 монастыря (два из них женские Куничский (Мол-

давия) и Белокриницкий (Украина); один мужской – Николо-Улейминский (близ г.Углича Ярославской обл.). За последние годы учреждена новая епархия (Новосибирская и всея Сибири), восстановлена епархия Ярославская и Костромская. Общее количество старообрядцев Белокриницкого согласия, по их статистике на 1996 г. в России и так называемых странах ближнего Зарубежья – 4,6 млн. человек[77].

Автокефальная Румынская старообрядческая Церковь Белокриницкого согласия, объединяющая около 80 общин (5 епархий), возглавляется ныне митрополитом Браило-Тульчинским Тихоном. В юрисдикции Румынской Старообрядческой Церкви находятся также 3 старообрядческих общины в США, 4 – в Австралии, 1 – в Канаде и 1 – на Аляске.

Первосвятительскую кафедру Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия с 1915 г. возглавляли следующие иерархи. Архиепископ Мелетий (1915–1934), местоблюститель первосвятительского престола епископ Кавказский Викентий (1934–1938), архиепископ Иринарх (Парфёнов) (1941–1952), архиепископ Флавиан (Слесарев) (1952–1960), архиепископ Иосиф (Моржаков) (1961–1970), архиепископ Никодим (Латышев) (1971–1986), местоблюститель епископ Анастасий (Кононов) (1986), архиепископ Алимпий (Гусев) (с 1986 г.).

На освященном Соборе 1988 года в Москве была учреждена старообрядческая митрополия. Митрополитом Московским и всея Руси был избран архиепископ Алимпий, который и ныне возглавляет Русскую Православную Старообрядческую Церковь, приемлющих Белокриницкую иерархию.

Шесть епархий расположены на территории России и стран ближнего зарубежья: Московская, Киевско-Винницкая, Донская и Кавказская, Клинцовская и Новозыбковская, Кишиневская, Новосибирская и всея Сибири. Основная масса верующих проживает в юго-западной части СНГ: в Молдавии, в Черновицкой, Винницкой и Одесской областях Украины. Значительная часть старообрядцев белокриницкого согласия проживает в Москве и Московской области в Нижегородской, Волгоградской, Ростовской, Брянской, Костромской, Новосибирской, Томской областях, Ставропольском крае.

Борьба большевизма с религией особенно усилилась в конце 20 — начале 30-х годов. Повсеместно закрывались храмы, в том числе и старообрядческие, с уцелевших снимались колоко-

ла, массовыми тиражами издавалась и распространялась антирелигиозная литература. Накануне революции в Москве действовало 25 храмов и моленных Белокриницкого согласия. В 30-е годы все эти старообрядческие храмы, за исключением Покровского собора в Рогожском посёлке, были закрыты. Помещения использовались для различных целей гражданскими учреждениями, в том числе для столовых и пивных. Молитвенные дома (восемнадцать) были закрыты в первые же годы после революции.

У поморцев власти закрыли в Москве 3 храма (из 5) и все молитвенные дома (двадцать два). Закрыты были также единоверческие два монастыря (Никольский и Всех святых) с четырьмя действующими храмами и один приход[78]. Из закрытых старообрядческих храмов особо известны были храмы на Апухтинке, Остоженке, Тверской, Генеральной, Новокузнецкой, в Гавриковом переулке, Каринкинская и др. Они строились на взносы богатых старообрядцев-промышленников и купцов: Рябушинских, Морозовых, Рахмановых, Солдатенковых, Кузнецовых.

Первая волна разрушений храмов под предлогом реконструкции и расширения улиц прокатилась во второй половине 30-х годов, вторая – во времена «хрущёвской оттепели» в 60-е. Самый большой колокол старообрядческого кафедрального Покровского собора (весом более 4 тонн) в 20-годы попал в Московский Художественный театр. Он был возвращён МХАТом законному владельцу в 1988 году. («О еже гласном звения его утолимся...», – молились староверы, водружая его вновь на колокольню). Однако передача старообрядцам их собственности ещё не закончена. Например, расположенный на перекрёстке Серпуховского вала и Хавской улицы храм в честь св. князя Владиміра и Тихвинской иконы Божией Матери до сих пор не возвращён старообрядцам. Ныне в нём размещается испанский ресторан «Приют», а до 1996 года был увеселительный гриль-бар.

После ареста епископа Викентия в 1938 году первосвятительская кафедра пустовала около трёх лет. Во всём старообрядчестве на свободе оставался единственный епископ Савва Калужский, больной и престарелый. Часть старообрядческой иерархии погибла в годы гражданской войны, некоторые вынуждены были эмигрировать. Ещё два епископа, хотя и были живы, находились в заключении – епископ Иринарх Самарский и епископ Геронтий Ленинградский. В 1940 г. епископ Иринарх был освобождён и в

1941 г. возведён епископом Саввой Калужским в сан архиепископа Московского и всея Руси.

Начавшаяся война вынудила богоборцев на время ослабить гонения на религию. В первые дни войны часть старообрядческого духовенства была эвакуирована из Москвы – владыка Иринарх, настоятель Покровского собора протоиерей В.Королёв и ответственный секретарь архиепископии К.А. Абрикосов, потомок известных московских фабрикантов-кондитеров, которых упоминает в своей книге «Лето Господне» И.Шмелёв (Кстати, корни И.С. Шмелёва – старообрядческие. Его прабабушка Устинья и дедушка, похороненный на Рогожском кладбище, молились по старым книгам с «лестовкой», от них и сохранялись в роде Шмелёвых благочестивые старорусские, дониконовские обычаи, столь ярко и о любовью воспроизведённые писателем в его книгах. Отсюда, из старорусских корней чистота языка И.Шмелёва: «довеку», «вовеки», «крылос», «Иван богослов»... Недаром брат знаменитого лидера Русских промышленников начала XX века, тоже старообрядец, В.П. Рябушинский (о котором вспоминал митрополит Вениамин Федченков в книге «На рубеже двух эпох») отметил: «Чуем дух древнего благочестия и во многих писаниях современных авторов, особенно у Шмелёва»[79]).

Богослужения в Покровском храме продолжались и в осаждённой Москве. Очевидец, Г.Мариничева, вспоминает службу в честь Владимірской иконы Божией Матери 8 Сентября 1941 года: «Мы поём на клиросе богородичные стихиры, а нам аккомпанирует «оркестр» зениток, стоящих рядом с храмом и на стадионе... Выходим из храма. В небе яркие вспышки от выстрелов зениток. Слышно, как рядом шлёпаются на землю осколки снарядов...»[80].

С первых дней войны иерархи Старообрядческой Церкви обратились к пастве с воззваниями, в которых призывали всех верных патриотов встать на защиту Родины от «аспида и василиска Тевтонскаго». И старообрядцы откликнулись на эти призывы, активно участвуя в борьбе с общим врагом и на фронте, и в тылу. Проведя сбор средств, старообрядцы только Белокриницкого согласия пожертвовали в фонд обороны Родины более одного миллиона рублей. Многие староверы отдали свои жизни за победу на полях войны. Даже «главный гонитель» в стране Е.Ярославский в своей сентябрьской 1941 года статье «Почему религиозные люди против Гитлера» был вынужден положительно оценить патриотическую позицию архиепископа Иринарха[81].

Архиепископ Иринарх вернулся из эвакуации в 1942 году, а ещё через год возвратился из десятилетнего заключения епископ Геронтий. В 1945 году власти разрешили Старообрядческой архиепископии выпустить церковный календарь. В этом же году епископ Геронтий получил официальное извещение, что сын его, Геннадий Лакомкин, скончался в лагерях (открыто исповедуя христианскую веру, он получил в своё время дополнительный срок – 10 лет без права переписки, то есть расстрел).

Количество открывающихся общин после войны всё увеличивалось, в начале 50-х годов их было уже более ста. Однако возникла и новая проблема – не хватало священников. Одни погибли в лагерях и тюрьмах, другие ещё не вернулись из заключения, третьи были рассеяны на различных гражданских работах.

К 1948 году в Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия было уже 5 архиереев. С момента обретения гражданских и вероисповедных свобод в 1905 году на Освященных соборах неоднократно ставился вопрос о создании Старообрядческой Митрополии. Поднят был этот вопрос и в 1956 году, однако власти в последний момент неожиданно отказали (по-видимому, близилась вторая волна религиозных гонений, «хрущёвская»). Так, в 1958 году был закрыт монастырь в Молдавии, существовавший до Второй Міровой войны на территории Румынии. Далеко не все попытки Совета по делам религий и в последующие годы «работать» с Московской Патриархией заканчивались неудачей. Так, при архиепископе Никодиме (Латышеве) нередкими были запрещения в служении активным священникам, Церковь регулярно жертвовала в Фонд мира крупные суммы. Однако паства внутренне не принимала этого направления действий Владыки: во время чтения Посланий архиепископа люди демонстративно разговаривали в храме или покидали его. А община кафедрального собора в Москве даже обсуждала вопрос о лишении Владыки денежного содержания. В тот период значительной фигурой в старообрядческом духовенстве был о. Евгений Бобков, широко известный в «диссидентских кругах» 1970-х годов. За свою деятельность он был выслан из Москвы в Гомель. Загадочная гибель в автокатастрофе в 1984 году этого выдающегося проповедника во многом обезкровила едва возрождавшееся движение пастырства[82].

Необходимо подчеркнуть, что внутреннего раскола, подобного случившемуся в г. Карловцы, в Старообрядческой Церкви Бело-

криницкого согласия не произошло, хотя ея зарубежная часть с приходами в США, Канаде, Австралии и других странах и оказалась насильственно отколота. Несмотря на это обе части всегда ощущали духовное единство. И в 1988 году, во время празднования 1000-летия Крещения Руси, Поместным Собором было восстановлено каноническое единство и Митрополичью кафедру перенесли из города Браила (Румыния) в Москву. Митрополитом Русской Православной Старообрядческой Церкви (так звучит новое официальное название) стал архиепископ Алимпий[83].

Часть старообрядцев, не принявших белокриницкой иерархии, за которыми укрепилось название беглопоповцев (принимающих священников, переходящих от новообрядческой церкви), в 1923 году создали свою самостоятельную трёхчинную иерархию, начало которой положил обновленческий архиепископ Николай (Позднев) Саратовский и Петровский, присоединившийся к старообрядчеству вторым чином, через мyропомазание. (К концу 20-х гг. у бывших беглопоповцев было около 150 приходов.)

В дальнейшем к Старообрядческой Церкви Древлеправославных христиан (официальное наименование) присоединился, перейдя от новообрядной, епископ Свердловский Стефан. Архиепископия новообразованной церкви, ея организационный и духовный центр первоначально находился в Саратове, затем в Москве, с 1955 года – в Куйбышеве (Самара), с 1963 года – в Новозыбкове (Брянская область). За годы ея существования Новозыбковскую, Московскую и всея Руси Древлеправославную первосвятительскую кафедру возглавляли: архиепископ Иеремия (1963 – 1969), архиепископ Павел (1969 – 1979). С 1979 года первосвятительскую кафедру Древлеправославной Церкви возглавляет архиепископ Геннадий Новозыбковский Московский и всея Руси.

По состоянию на 1996 год Русская Древлеправославная Церковь имела 7 епископов и около 400 тысяч верующих (по оценкам самих староверов эта цифра может быть увеличена до полумиллиона и даже более). Основной состав старообрядцев этого согласия проживает в Поволжье, а также в областях Курской, Брянской, Пензенской, Воронежской, в низовье Дона и Кубани, на Урале и в Оренбуржье, в Красноярском и Алтайском краях, в Бурятии и Туве, в Дагестане, республике Коми, Москве, в Гомельской и Витебской областях Беларуси в Полтавской, Донецкой и

Харьковской областях Украины, в Казахстане. За последние годы построены новые храмы в Оренбурге, Бугуруслане, Вольске, Самаре и Волгограде, активно реставрируются старые храмы. Недавно открыты два Древлеправославных монастыря: мужской – в посёлке Каменке Злынковского района Брянской области и женский – в деревне Филипповской Борского района Нижегородской области.

Старообрядцы, относящие себя к Древлеправославным, проживают в Болгарии, США, Канаде, Австралии и других странах. В 1990 г. восстановлены церковно-каноническия связи с Румынскими старообрядцами (из казаков-некрасовцев), прерванные со времени Первой міровой войны. В 1991 году хиротонисан Древлеправославный епископ Румынии (Евмений).

При Архиепископии Новозыбковской, Московской и всея Руси в 1990 году было открыто Высшее Древлеправославное духовное училище со сроком обучения 4 года. Издательская деятельность при архиепископии началась в 1983 году: вышли в свет «Молитвословы», «Воскресная служба», «Духовный жемчуг» (3 выпуска из 10) и другая духовная литература, ежегодно издается «Древлеправославный календарь»[84].

По статистическим данным 1912 года беглопоповцев насчитывалось 206 950 человек, – цифра явно заниженная.

По числу религиозных общин в старообрядчестве, как и прежде, преобладает безпоповщина, но они, как правило, объединяют меньшее количество верующих, чем в поповщине и нередко не имеют даже специальных молитвенных помещений (Латвия, Литва, Эстония, Западная Беларусь, Западная Украина).

Среди безпоповцев наибольшее распространение и влияние имеют поморцы (Литва, Латвия). Ныне Древлеправославная Поморская церковь объединяет около одного миллиона человек верующих, по свидетельству самих поморцев[85].

На территории Литвы поморския общины управляются постоянно действующим органом – Высшим Старообрядческим Советом Литвы (г. Вильнюс), учреждённым в 1923 году. Кроме того, в конце 1980-х годов были созданы: Российский Совет Древлеправославной Поморской Церкви (Москва), опекающий поморцев России, Украины, части Беларуси, Молдавии, Киргизии и Казахстана, а также Центральный Совет Древлеправославной Поморской Церкви Латвии (Рига), опекающие более 60 латвийских общин и многия общины Эстонии и Беларуси. Распад СССР потре-

бовал создания единого (международного) центра поморского староверия.

В 1992 году представители центральных органов российских и латвийских поморских общин (литовские представители в Москву не приехали) большинством голосов приняли решение о необходимости создания Международного Совета Древлеправославной поморской Церкви. Был принят устав МС ДПЦ, избраны два сопредседателя и ответственный секретарь. Местопребывание канцелярии Международного Совета – Москва, Преображенский вал, 25. Международный Совет, согласно уставу, «являясь органом объединения и координации деятельности духовных центров, а также самостоятельных приходов и общин, не имеющих опеки духовного центра, осуществляет свою деятельность на основе Священного Писания и Предания... с целью церковного единения, братского общения и взаимопомощи»[86].

До революции у поморцев уже был центральный орган, аналогичный созданному Международному Совету. Название у него было «Совет Соборов и Съездов». Он просуществовал со времени получения гражданских свобод (1905 г.) до конца 1920-х годов и был ликвидирован большевиками.

В дальнем зарубежье у поморцев также имеются центральные органы, например, Высший Старообрядческий Совет Польши, Конференция старообрядческих общин США и другия.

В 1945 году в Вильнюсе прошёл съезд безпоповцев, в котором участвовали представители Москвы, Риги, Даугавпилса, Беларуси. На съезде был избран духовный суд.

По случаю 300-летия Старообрядчества в 1966 году в Вильнюсе было проведено расширенное юбилейное заседание Высшего Старообрядческого Совета Литвы. Заседание носило характер общесоюзного съезда безпоповцев с представителями из Латвии, Эстонии, Беларуси, Украины, России (Москва, Ленинград, Барнаул). Заместитель председателя ВСС И.И. Егоров в своём докладе «Старообрядчество в прошлом и настоящем» напомнил, что старообрядчество является хранителем культурных ценностей Русского народа в архитектуре, живописи, музыке, литературе и прочем. В конце XIX века, благодаря меценатской деятельности богатых старообрядцев, было положено начало многим ценнейшим собраниям Русской живописи и литературы, в том числе Третьяковской галлереи, ряду знаменитых библиотек.

На съезде поморцев в Вильнюсе в 1974 году отмечалось, что ВСС духовно опекает свыше 350 общин безпоповцев, проводилась мысль о соборности церковной организации поморцев, разъяснялось, что духовная комиссия при ВСС разрешает возникающие в Церкви канонические, Богословские и другие вопросы.

Федосеевцы по численности значительно уступают поморцам. Единая организация у них отсутствует, а Московская Преображенская община является по традиции наиболее влиятельной. Отличаются они от поморцев большим ригоризмом и консерватизмом в быту (у них ещё встречается обычай так называемой «мірской посуды») и тем, что отвергают брачный обряд (безбрачники). С конца XIX века начался процесс поглощения федосеевцев поморцами. Если в 1930-е годы большинство старообрядческих общин Прибалтики были федосеевскими, то в настоящее время преобладают поморцы, что объясняется, по-видимому, большей гибкостью и умеренностью последних .

Ещё в начале XIX века, как указывает профессор И.Нильский, «после Москвы и Петербурга, Рига занимала первое место по благоустройству старообрядческих организаций». Рижские купцы-старообрядцы К.Л. Хлебников и А.П. Гребенщиков, по имени которого и названа была впоследствии Рижская община, уже в начале 20-х годов прошлого столетия владели большой недвижимостью. С 1829 по 1881 гг. капиталы Старообрядческого общества увеличились почти в 20 раз. Многие прихожане Рижской Гребенщиковской общины были деятельными предпринимателями, промышленниками и купцами. Ещё в 1770 г. в Ульброке под Ригой Никита Артемьев основал кожевенный завод. К концу XVIII в. Савва Дьяконов там же создаёт один из крупнейших кожевенных заводов в России. Были известны в Риге хлопчатобумажные предприятия И.Л. Хлебникова, чугунно-литейные заводы Ф.Грязнова и Н.Иванова. Крупнейшим предприятием Риги был фарфоро-фаянсовый завод старообрядца Кузнецова, изделия которого и до сих пор помнят рижане. Почти все они были попечителями или жертвователями Гребенщиковской общины: на их средства содержалась моленная, богадельня, строились школы[87].

Расцвет старообрядчества в Латвии приходится на 20–30-е годы нашего века – время независимости Латвии. Демократические законы республики обезпечили равные права староверам с другими вероисповеданиями. Правительство оказывало помощь

в организации школ, выделяло средства для содержания и постройки новых храмов, назначало государственные пенсии наставникам.

С 1920 года в Резекне, Даугавпилсе, Екабпилсе регулярно стали собираться съезды старообрядцев. Был создан Центральный Комитет по делам старообрядцев Латвии – исполнительный и представительный орган, заботившийся о проблемах содержания школ, ремонта храмов, материальной поддержки старообрядческих общин, осуществлял связь со старообрядческими общинами за границей. При Комитете была образована Духовная комиссия, занимавшаяся вопросами, связанными с пастырской деятельностью наставников и духовной жизнью общин.

В.Миловидов называет поморскую церковь как бы формирующейся, занимающей промежуточное положение между безпоповцами и поповцами; наставников и старших наставников в Литве и Латвии поморцы нередко называют попами[88].

С 1927 года в Даугавпилсе, а затем в Риге стал выходить ежегодный Старообрядческий поморский церковный календарь, издающийся и поныне.

С 1928 по 1933 г. под редакцией известного ученого-старообрядца И.Н. Заволоко выходил старообрядческий журнал «Родная старина», который и ныне читается с большим интересом. По образованию юрист (Пражский университет), и в то же время большой знаток Русской истории и знаменного пения, И.Н. Заволоко для многих открыл богатство Русской культуры, организовав «Кружок ревнителей Русской старины». На заседаниях его делались и обсуждались доклады по истории староверия, Русской Церкви, иконописи, знаменного распева. В 30-е годы И.Н. Заволоко написал и издал два учебника для старообрядцев: «История Церкви Христовой» и «Учебник по закону Божию». Они переизданы рижскими поморцами в 1990 году. И.Н. Заволоко издал также несколько сборников духовных стихов, участвовал в издании старообрядческих журналов «Наставник», «Златоструй», церковного календаря и прочего.

В 1940 году после установления советской власти в Прибалтике всё церковное имущество было национализировано. Прибалтийские староверы, как и остальные верующие СССР, оказались гостями в собственных храмах. 1941 год начался с репрессий. Погиб в ссылке председатель Совета общины В.Г. Кудрячев,

18 лет провёл в лагерях и ссылке И.Н. Заволоко, пострадали и многие другие.

После окончания Второй міровой войны многие старообрядческие храмы в Латвии запустели. В 60-е годы, во время очередной атеистической кампании, «хрущёвской», у рижской общины были отняты здание богадельни, квартиры причта и подсобные помещения. Несмотря на это, Богослужения отправлялись ежедневно утром и вечером, почти круглосуточно читался Псалтырь.

До недавнего времени Рижская Гребенщиковская община считалась крупнейшей в міре безпоповской (поморской) старообрядческой общиной. В настоящее время численность староверов в Риге и ближайших окрестностях составляет около 25 тысяч человек. Среди них много тех, кто в своё время уехал в город, спасаясь от насильственной коллективизации и голода. По свидетельству самих старообрядцев, в Латвии их сегодня насчитывается 70–80 тысяч. Больше всего староверов в Даугавпилсе (6 общин), есть крупные общины в городах Резекне, Елгаве, Ливанах, Краславе, Екабпилсе, Прейли, Лиепая, однако подавляющее большинство старообрядцев живет в латвийских селах.

Установившаяся в 1940 году в Латвии богоборческая власть за полвека значительно подорвала религиозные устои старообрядчества.

В связи с известными политическими изменениями и ослаблением давления на Церковь, в 1989 году в Риге был создан Духовный центр, Центральный Совет Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, и в том же году открылось старообрядческое духовное училище. В 1994 году в училище обучалось 20 человек: 11 на дневном отделении, 9 – заочно. 5 девушек, из общего числа учащихся, подготавливались на должность причётниц староверских храмов и учительниц Закона Божия для детей.

В 1991 году представители Древлеправославной Поморской Церкви Латвии впервые после Второй міровой войны посетили четыре поморские общины США – в городах Милвиле (штат Нью-Джерси), Марианне (Пенсильвания), Эри (Пенсильвания), Детройте (Мичиган).

Первая волна эмиграции староверов относится к концу прошлого века. Прежде всего это были Русские выходцы из Польши, искавшие работы, которую они нашли на шахтах Пенсильвании. Первая поморская моленная в Америке появилась в 1908 году в селении Марианна.

Вторая міровая война вызвала новую волну эмиграции староверов в Америку. Это были беженцы из Латвии и Литвы, в основном уроженцы Двинска и Риги, в основном, состоятельные люди, не пожелавшие попасть в сталинские лагеря после присоединения Прибалтики к СССР. После войны в Милвилл приезжал один из выдающихся иконописцев XX века П.М. Софронов, расписавший за свою жизнь множество храмов, работавший в Риге, Париже, Праге[89].

В 1962 году возвратилась на родину из Турции значительная группа старообрядцев-некрасовцев, потомки донских казаков, эмигрировавших на территорию Османской империи в 1740 году.

К сожалению, не имея какого-либо иммунитета по отношению к антицерковному государству, некрасовцы во многом стали добычей богоборцев, благодаря «продуманной системе атеистических мероприятий», а также «правильным и глубоко продуманным мероприятиям советских и партийных органов». Прямых гонений не было, запретов тоже, методы борьбы с религией утончились. В эти годы коммунисты уже перешли к разложению религиозных общин изнутри. И в результате «продуманной системы мероприятий» отход от веры у старообрядцев-некрасовцев стал совершаться, по словам идеолога Миловидова, буквально на глазах. К наиболее общим методам воздействия относятся «вовлечение верующих в общественную жизнь, преодоление религиозного влияния семьи, индивидуальная работа»[90].

Кризис религии во всём міре, конечно, не обошёл стороной и старообрядцев. XX век сделал с ними то, что не могли сделать ни гонения, ни пытки: многие отошли от веры отцов. Ведь были уничтожены целые социальные слои, традиционно служившие опорой старообрядчества: торговцы, промышленники, кустари, мелкие предприниматели, кооператоры, крепкое крестьянство, казачество[91]. При Самодержавии, отнюдь не ставившем своей целью разрушение быта и социальной структуры, являющихся стержнем старообрядческой религиозной жизни, староверы сравнительно легко переносили дискриминацию и открытые гонения. Полное же разрушение быта и общественных связей в подсоветской России самым трагическим образом сказалось на состоянии старообрядчества.

Великий Русский раскол – *кровоточащая рана нашей Церкви.* Кризис старообрядчества – лишь часть общемірового религиозного кризиса. Но если секуляризация – процесс объективный, то

антицерковная государственная власть во много раз его ускорила и усилила, что можно видеть, в частности, на примере Русского Старообрядчества.

Всплеск национально-религиозной и общественной активности конца 1980–1990-х годов возродил интерес к Старообрядчеству. Общины разных согласий пополняются людьми всех возрастов. особенно молодёжью – причём, не только потомками староверов. Старообрядцы вновь становятся влиятельной силой российского общества. В настоящее время необходим конструктивный диалог о путях преодоления раскола и воссоединении всех Православных христиан. Шаги к этому уже делались в прошлом как Московской Патриархией, так и Зарубежной Церковью, которая в 1974 году на III-м Всезарубежном Соборе также сняла «клятвы на старые обряды»[92]. Но проблема пока остаётся, и на ея решение должны быть направлены все здоровые силы Русского Православия.

Библиография

1. *Карташев А.В.* Смысл старообрядчества. Париж. 1924. – Цит. по: жур. «Церковь». 1992. №2.
2. *Л.Д. Мордовцев*. Великий раскол. М. 1905. Цит по: *С.В. Бушуев* «История государства российского». М. 1994. С.231.
3. *Карташев А.В.* «Святая Русь» в путях России. – В сб. «Воссоздание Святой Руси. М.1991. С.42. (Париж. 1956).
4. Газ. «Русь православная». 1996. № 12.
5. Поместный Собор Русской Православной церкви (30 Мая –2 Июня 1971 г.). М. 1972.
6. *Солженицын А.И.* Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви. – Собр. соч. Т.9. Вермонт – Париж. 1981. С.188–189.
7. *о.Пимен Соловьёв (Саймон).* Письмо из Америки. – жур. «Церковь». 1992. №2. С.47.
8. *Миловидов В.Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.1969.
9. *Никольский Н.М.* История Русской Церкви. М. 1985. Сс.236–245.
10. *Поздеева И.В.* Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. – «Мир старообрядчества». Вып. 2. М. 1995. С.6.
11. Там же. С.24.
12. *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М. 1991. С.102.

13. *Петров Ю.А.* Павел Павлович Рябушинский. – В сб. «Исторические силуэты». М. 1991. С.112.
14. Там же. С.109.
15. Там же.
16. Там же. С.128.
17. *Бурышкин П.А.* Указ.соч. С.153.
18. *Боханов А.Н.* Александр Иванович Гучков. – В сб. «Исторические силуэты». М. 1991. С.66.
19. *Керов В.В.* Династии старообрядцев-предпринимателей. Гучковы. – В сб. «Старообрядчество: История, Культура, Современность». Вып.2. М. 1995. С.24.
20. *Бурышкин П.А.* Указ.соч. С.153.
21. *Керов В.В.* Указ. соч. С.24.
22. Там же. С.25.
23. *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.102.
24. *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С.175–177.
25. Там же. С.136–139.
26. *ПоздееваИ.В.* Указ. соч. С.26.
27. Там же.
28. Там же. С.27.
29. Там же.
30. *Миловидов В.Ф.* Указ.соч.
31. «Родина». 1990. №9. С.76.
32. Там же. С.77.
33. *Миловидов В.Ф.* Указ. соч.
34. Там же.
35. *ПетровЮ.А.* Указ. соч. С.148.
36. Там же. С.149.
37. *Поздеева И.В.* Указ. соч. С.21–23.
38. Там же.
39. Там же.
40. *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск. 1930.
41. *Миловидов В.Ф. У*каз. соч.
42. *Долотов А.* Указ. соч. С.62.
43. Цит. по: *Петров Ю.* П.П. Рябушинский.
44. *Ивонин Ю.* Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии.
45. *Долотов А.* Указ. соч. С.62.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же. С.66–68.
49. Там же. С.69.
50. Там же.
51. Там же. С.70.
52. Сб. «Воссоздание Святой Руси». С.232.
53. *Гагарин Ю.В.* Старообрядцы. Сыктывкар. 1973. С.49.
54. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М. 1991. С.263.
55. *Эткинд А.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича – Минувшее. Т.19. М.-СПб. 1996. С.305.
56. Там же. С.312, 313.

57. Бонч-Бруевич В.Д. Возможное участие сектантов в хозяйственной жизни СССР – Правда. 1924. 15 Мая.
58. Тринадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчёт. М. 1924. С.679.
59. *Священник Пётр (Коломейцев)*. Есть ли будущее у старообрядцев? – Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып.II. М. 1993. С.523.
60. *Гагарин Ю.В*. Указ. соч. С.51.
61. Там же. С.52.
62. Там же. С.53.
63. Там же. С.60.
64. Там же. С.135.
65. *Долотов А.* Указ. соч.
66. *Солоухин В.А.* При свете дня. М. 1992. С.219.
67. *Долотов А.* Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск. 1931. С.36.
68. *Миловидов В*. Указ. соч.
69. *Бусин М.* К вопросу о будущем России. «Церковь». Сидней. 1991. №34.
70. Российский центр хранения и изучения документов Новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.125. Д.593. Л.121, 124–135.
71. *Митр. Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М. 1994. С.159.
72. Газ. «Русь Православная». 1996. № 3.
73. *Миловидов В.Ф.* Современное старообрядчество. М. 1979.
74. Неопубликованные работы епископа Андрея (Ухтомского). – Приложение к книге *Зеленогорского М.Л.* «Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)». М. 1991. С.200.
75. *Катунский А.Е.*. Старообрядчество. М.1972.
76. *Зеленогорский М.Л.* Указ.соч. С.236.
77. Старообрядческий церковный календарь. М.1988. Приложение. С.9.
78. *Любимов И.М.* Судьба московских старообрядческих храмов. – жур. «Старообрядчество: история, культура, современность». М. 1995. №4; *А.Ю. Петров*. Некоторые данные по статистике старообрядческих храмов и моленных Москвы. – В сб. «Мир старообрядчества». М. 1995. №2. С.215.
79. *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и Русское религиозное чувство. Москва–Иерусалим. 1994. С.99.
80. *Мариничева Г.* В ожидании благовеста. – жур. «Церковь». 1992. №1. С.9.
81. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. 1992. С.184.
82. *Священник Пётр (Коломейцев)*. Указ. соч. С.522.
83. Там же. С.531.
84. *Священноинок Аполлинарий (Дубинин), священноархимандрит Александр (Калинин), священноиерей Александр (Соин)*. Церковь древлего Православия. – жур. «Наука и религия». 1994. № 6.
85. Старообрядческий церковный календарь на 1992 г. Рига. С.4.
86. Старообрядческие поморский церковный календарь на 1934 г. Москва. С.60–61.
87. *Пашнин М*. О староверческой общине в Риге. – Старообрядческий церковный календарь на 1991 год. Рига. С.34–40.
88. *Миловидов В.Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М. 1969.

89. *Пашнин М.* Новый свет и староверы. – Жур «Златоструй». 1992. №2.
90. *Миловидов В.Ф.* Старообрядчество и социальный прогресс. – Новое в жизни, науке и технике. М. 1983. №9. (Глава «Некоторые особенности атеистической работы среди старообрядческого населения»).
91. Антонов А.В. Старообрядчество и новое мышление. – На пути к свободе совести. М. 1989. С.333.
92. Святитель Иоанн (Максимович) и Русская Зарубежная Церковь. Джорданвиль. 1996. С.59.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНІЕ I

Декреты Совѣтской власти о новомъ правописаніи*

Декреты Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, касающіеся областей культуры и національнаго бытоваго уклада свидѣтельствуютъ о томъ, что большевики съ первыхъ шаговъ пытались установить контроль и подчинить своему вліянію всѣ стороны жизни россійскаго общества. Казавшіеся мягкими, второстѣпенными на фонѣ жестокихъ репрессивныхъ указовъ, эти законы вторгались въ каждый домъ, въ каждую семью, ломая привычный укладъ, косвенно воздѣйствуя даже на тѣхъ, кто пытался не замѣчать происходящее или находился на свободной территоріи.

Къ числу такихъ постановленій относятся декреты о введеніи западно-европейскаго (Григоріанскаго) календаря, о переводѣ часовой стрѣлки и о новомъ правописаніи. Едва придя къ власти, ещё не будучи убѣждёнными въ ея долговѣчности, готовые въ случаѣ неудачи бѣжать за границу (для чего въ личномъ сейфѣ Я.М. Свердлова хранились цѣнности и паспорта[1], новые правители торопились въ одночасье перекроить многовѣковой россійскій укладъ жизни, лѣто– и времяисчисленіе Россіи, традиціи, языкъ, письменность.

Некоторыя новшества не были изобретеніемъ большевиковъ (частности новыя правила Руской орѳографіи были разработаны Россійской Императорской Академіей Наукъ ещё въ 1916 году, но не встретили практически никакой поддержки). Новымъ являлось лишь насиліе, съ какимъ они вводились въ жизнь.

Такъ напримѣръ, двойное лѣтоисчисленіе практиковалось ещё задолго до революціи. Параллельное использованіе Юліан-

---

* *Эта глава приводится въ дореформенной руской орѳографіи. Слово «рускій» соотвѣтствуетъ его написанію въ словарѣ В.Даля.*

скаго и Грегоріанскаго календаря не вносило путаницы, подобно той, которая возникла послѣ полнаго перехода на западно-европейскій календарь. Декретъ появился всего 3 мѣсяца спустя послѣ прихода большевиковъ къ власти и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ разгона Учредительнаго Собранія. Подписанный предсѣдателемъ Совѣта «Народныхъ» Комиссаровъ В.Ульяновымъ (Ленинымъ), замѣстителемъ народнаго комиссара по иностраннымъ дѣламъ Г.Чичеринымъ, а также комиссарами А.Г.Шляпниковымъ, В.Петровскимъ, В.Алгасовымъ, В.Оболенскимъ, декретъ о введеніи западно-европейскаго календаря съ 1 Февраля 1918 года былъ опубликованъ 26 Января въ № 18 «Газеты Рабочаго и Крестьянскаго Правительства». Нетрадиціонное лѣтоисчисленіе вводилось форсированными темпами – на «переходный періодъ» отпускалось всего пять мѣсяцевъ: «до 1 Іюля 1918 года писать, послѣ числа каждаго дня по новому календарю, въ скобкахъ число по до сихъ поръ дѣйствовавшему календарю»[2]. Послѣ 1-го Іюля 1918-го года употребленіе стараго календаря прекращалось и преслѣдовалось.

Даже въ нынѣшнее время нерѣдко возникаетъ путаница въ опредѣленіи тѣхъ или иныхъ датъ, переводѣ ихъ на новое лѣтоисчисленіе. Можно себѣ представить, что творилось тогда, какая путаница возникла на всѣхъ уровняхъ – отъ государственныхъ указовъ до документовъ гражданскаго состоянія. Однако, большевики набрали уже достаточно силъ, чтобы игнорировать недовольство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они чувствовали нестойкость и непопулярность своихъ позицій въ этомъ вопросѣ, поскольку Православная Церковь не подчинилась диктаторамъ, продолжая проводить службы, отмѣчать праздники по старому календарю. Видя въ этомъ пассивный протестъ не только священнослужителей, но и милліоновъ вѣрующихъ, не придерживавшихся нововведенія, большевики неоднократно пытались вмѣшаться въ это сугубо внутреннее дѣло Церкви. Позднѣе, въ 1923-м году обновленцамъ, желавшимъ угодить правительству, удалось временно склонить Патріарха, только что освобождённаго изъ-под ареста, къ принятію Григоріанскаго календаря, но нововведенія не были приняты народомъ и вскорѣ Церковь вернулась къ традиціонно-

му лѣтоисчисленію. Даже обновленцы, учитывая мнѣніе паствы, вынуждены были во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ вернуться къ Юліанскому календарю.

Переводъ часовой стрѣлки на лѣтнее время былъ осуществлёнъ ещё при Временномъ правительствѣ, такъ что въ слѣдующемъ году стрѣлку уже перевели на 2 часа впередъ. «Въ цѣляхъ экономіи въ освѣтительныхъ матеріалахъ – гласило постановленіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ отъ 17/30 Мая 1918 года – Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановилъ перевести часовую стрѣлку на лѣтнее время по всей Россіи на 2 часа впередъ.

Настоящее постановленіе проводится въ жизнь въ 10 часовъ вечера по мѣстному времѣни 31 Мая новаго стиля.

Въ 1 часъ ночи съ 15 на 16 Сентября стрѣлка часовъ должна быть переведена назадъ лишь на 1 часъ, такъ что на зимнее время стрѣлка часовъ остаётся переведённой на 1 часъ впередъ»[3].

Любопытно, что это малозначительное на фонѣ другихъ вопросовъ постановленіе подписалъ самъ предсѣдатель СНК В.Ленинъ.

Но если декреты о новомъ календарѣ и переводѣ часовой стрелки были хотя бы отчасти подготовлены использованіемъ двойнаго лѣтоисчисленія и дѣйствіями Времѣннаго правительства, то новая орѳографія вводилась безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ. Хотя сами большевики и ихъ послѣдователи оправдывали поспѣшность тѣмъ, что реформа правописанія была разработана Академіей Наукъ ещё до 1917 года, въ дѣйствительности споры либеральныхъ учёныхъ о нѣкоторыхъ орѳографическихъ упрощеніяхъ были далеки до завершенія. Въ этомъ открыто признавались и тѣ, кто въ собственныхъ цѣляхъ ссылался на авторитетъ «буржуазной науки». Напримѣръ, Петроградскій комиссаръ печати требовалъ «введѣніе новаго правописанія, не введённаго только въ силу косности и сопротивленія буржуазныхъ органовъ, которые раньше стояли за новое правописаніе, но съ переходомъ власти въ руки рабочихъ и бѣдноты крестьянской усиленно сопротивляются»[4]. Дѣйствительно, либеральные интеллигенты, ратовавшіе за различныя нововведенія, зачастую не представля-

ли ихъ послѣдствій и теперь сами выступали противъ своихъ идей, доведённыхъ большевиками до логическаго абсурда.

Безусловно, народные комиссары знали о спорахъ, происходившихъ въ научномъ мірѣ, въ собственныхъ цѣляхъ сумѣли воспользоваться этими спорами, но курсъ на упрощеніе языка, культуры, быта былъ принятъ ими независимо отъ чьего-либо мнѣнія. Языкъ, которымъ были написаны геніальныя литературныя произведенія, красотой котораго восхищались классики, большевики сочли настолько примитивнымъ, что провели реформу наскоро, въ разгаръ гражданской войны, безъ серьёзной предварительной работы или хотя бы опроса мнѣнія народа, отъ чьего имѣни они дѣйствовали.

Первый декретъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ «О введеніи новой орѳографіи» былъ изданъ въ Декабрѣ 1917 года и сводился къ слѣдующему: «Въ цѣляхъ облегченія широкимъ народнымъ массамъ усвоенія Руской грамоты, поднятія общаго образованія и освобожденія школы отъ ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изученіи правилъ правописанія, предлагается всѣмъ, безъ изъятія, государственнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ и школамъ въ кратчайшій срокъ осуществить переходъ къ новому правописанію.

Порядокъ проведенія реформы въ жизнь

Всѣ правительственныя и государственныя изданія, періодическія (газеты и журналы) и не періодическія (книги, труды, сборники и т.д.), должны печататься согласно новому правописанію съ 1-го Января 1918 года»[5].

Объясненіе причины появленія декрета явно надуманно и нисколько не раскрываетъ подлинныхъ мотивовъ. Вопросъ объ упрощеніи обученія не былъ тогда актуаленъ. Въ разгаръ экономическаго, политическаго и военнаго кризиса число школьниковъ рѣзко сократилось. Многія школы закрылись, другія дѣйствовали номинально из-за нехватки учителей, лишённыхъ работы «за старорежимность». Дѣти голодали, хулиганили, бродяжничали. Ни о какомъ массовомъ обученіи грамотѣ взрослыхъ не могло быть и рѣчи: вся страна, отъ

всесильныхъ комиссаровъ до бѣдныхъ солдатскихъ вдовъ, боролась за выживаніе.

Искажавшій Рускую письменность декретъ былъ направленъ не на помощь неграмотнымъ, а на подавленіе уже грамотныхъ. Придирки къ правописанію давали возможность закрывать неугодныя изданія, запрещать книги, репрессировать тѣхъ, кто не желалъ или не могъ въ одночасье усвоить новыя правила.

Реформа орѳографіи сводилась къ механическому упрощенію письменности: изъ Рускаго языка устранялись буквы: Ѣ, Ѳ, V, I сокращалось примененіе Ъ, измѣнялись падежныя окончанія, вносились другія измѣненія. Такъ, напримѣръ, въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ, причастій, мѣстоименій стало писаться -ого, -его вмѣсто -аго, -яго; въ родительномъ падежѣ единственнаго числа мѣстоименіе личнаго женскаго рода стало писаться -её вмѣсто ея; въ имѣнительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа женскаго и средняго рода стало писаться -ые, - ие вмѣсто -ыя, -ія; вмѣсто онѣ и однѣ стало писаться они и одни. Что же касается нарѣчій, составленныхъ изъ сложенія существительных, прилагательныхъ и числительныхъ съ предлогами, (напримѣръ, встороне и в стороне, втѣченіи и в течение), то ихъ слитное и раздѣльное написаніе не опредѣлялось въ декретѣ никакими правилами и вмѣсто обѣщаннаго упрощенія вносило дополнительную путаницу.

Разумѣется, никакаго «освобожденія отъ ненужной и непроизводительной траты времени и труда» школа не получила. Передъ ней встала серьёзная проблема переучиванія уже грамотныхъ дѣтей и самихъ учителей. И хотя декретъ формально оговаривалъ, что «при проведеніи реформы не можетъ быть допущено принудительнаго переучиванія тѣхъ, кто уже усвоилъ правила прежняго правописанія»[6], на практикѣ это не соблюдалось да и не могло соблюдаться въ условіяхъ, когда отъ орѳографіи зависело опредѣленіе благонадёжности человѣка.

Большевики вскорѣ убѣдились въ фантастичности назначеннаго ими срока. До 1-го Января 1918 года новую орѳографію не смогли усвоить даже они сами, не говоря уже о мил-

ліонахъ служащихъ, учителей, типографскихъ рабочихъ, журналистовъ, школьниковъ и т.д. Революціонная ломка языка не прошла безслѣдно, и вопіющая неграмотность ворвалась въ документы и періодическія изданія того времени. Каждый писалъ такъ, какъ хотѣлъ. Разнописанія поощрялись и самимъ декретомъ, гдѣ указывалось, что: «Для всѣхъ учащихся и вновь поступающихъ остаются въ силѣ лишь тѣ требованія правописанія, которыя являются общими и для прежняго, и для новаго правописанія, и ошибками являются лишь нарушенія этихъ правилъ». Но поощряя путаницу въ новомъ правописаніи, большевики всё безпощадней преслѣдовали тѣхъ, кто придерживался старой орѳографіи. Въ особенности это касалось «буржуазныхъ газетъ», которыя теперь могли быть закрыты безъ всякой вины, только за «уклоненіе отъ декрета».

Этотъ важнейшій по значенію декретъ, пагубно повліявшій на всё дальнѣйшее развитіе Рускаго языка, не былъ подписанъ ни В.Ленинымъ, ни другими видными большевиками (какъ, напримѣръ, декретъ о переходѣ на европейскій календарь и даже о переводѣ часовой стрѣлки). Подъ руководствомъ поставили подписи всего два человѣка – «народный комиссаръ просвѣщенія» А.Луначарскій и секретарь Дм.Лещенко.

Къ серединѣ 1918 г. на территоріи совѣтской Россіи были закрыты всѣ прежнія низшія и среднія учебныя заведенія. Ихъ должны были замѣнить единыя трудовыя школы, начинавшія учебный годъ 1-го Сентября. Къ этому времени планировалось завершить окончательный переходъ на новое правописаніе. Съ этой цѣлью большевистское правительство негласно требовало отъ мѣстныхъ властей ускореніе темповъ. Поэтому въ провинціи сроки перехода оказывались болѣе жёсткими, нежели въ Москвѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и докладъ Комиссаріата печати, агитаціи и пропаганды Второму Областному Съѣзду Совѣтовъ Союза Коммунъ Сѣверной Области (Петроградъ): «Теперь, когда въ новомъ учебномъ году во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ введено обученіе на основахъ новой орѳографіи, является настоятельная необходимость ввести его вездѣ.

Провинція уже въ массѣ перешла на новое правописаніе.

Самодѣятельность пролетаріата лучшѣе средство для проведенія въ жизнь тѣхъ или иныхъ рѣшеній Совѣтской власти. Поэтому Комиссаріатъ печати созывалъ дважды рабочихъ печатнаго дѣла и, заручившись ихъ согласіемъ, рѣшилъ обязать съ Сентября всѣ органы печати выходить по новой орѳографіи. Рядъ переходныхъ мѣръ и подготовительныхъ шаговъ будетъ сдѣланъ за это время»[7*].

Въ Іюлѣ-Августѣ 1918 года Комиссаріатъ печати Сѣверной Коммуны выпустилъ несколько обязательныхъ постановленій, касающихъ перехода на новую орѳографію. Всѣ они имѣли запретительно-репрессивный характеръ. Такъ, напримѣръ, въ обязательномъ постановленіи № 31 говорилось: «Полное прекращеніе печатанія современныхъ изданій по старой орѳографіи будетъ введено, какъ обязательное, съ 1-го Сентября.

Послѣ 1-го Сентября всякое уклоненіе отъ печатанія по новой орѳографіи газетъ и журналовъ будетъ преслѣдоваться безпощадно»[8].

Другое обязательное постановленіе, опубликованное въ газетѣ «Сѣверная Коммуна» отъ 3 Августа 1918 года, также было радикальнѣе формальнаго декрета совѣтской власти, предписывавшаго обучать новому правописанію постѣпенно, начиная съ учениковъ младшаго отдѣленія начальной школы: «Съ сего дня предписывается всѣмъ типографіямъ больше не принимать къ печатанію по старой орѳографіи»[9]. 10 Октября 1918 года появился второй декретъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ о введеніяхъ новой орѳографіи, гдѣ срокъ окончательнаго перехода на «совѣтское» правописаніе былъ опредѣленъ 15-мъ Октября того же года, т.е. черезъ 2 дня послѣ опубликованія документа въ газетахъ[10]. Надо ли говорить, что это оказалось невозможнымъ. Скороспелая реформа надолго внесла путаницу въ правила орѳографіи, где лишь постѣпенно установилось некое единообразіе.

Характерной особеностью Рускаго языка новой эпохи стало бездумное употребленіе самыхъ немыслимыхъ «аббревіатуръ», не упрощавшихъ, а только засорявшихъ рѣчь.

** Стилистическія, грамматическія, временныя и интонаціонныя особенности даннаго текста указывают на то, что оригиналъ приведённаго отрывка былъ написанъ не на Русскомъ языкѣ. Этотъ текстъ – переводной.*

Сама по себѣ «аббревіатура» не есть изобретеніе большевизма. Ещё до революціи въ Рускомъ языкѣ использовались сложносокращённыя слова, более удобныя для произношенія: напримѣръ, МВД (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ), «Продаметъ» («Продажа металловъ») и др. Но послѣ 1917 г. употребленіе «аббревіатуръ» было доведено до такого абсурда, что его отмѣчали всѣ. Насмѣшки надъ уродливыми сокращеніями сохранились въ Рускомъ фольклорѣ и повсѣмѣстно встречаются въ сатирическихъ произведеніяхъ 1920-хъ годовъ.

Эксперименты надъ Рускимъ языкомъ (введеніе новыхъ уродливыхъ словъ, которыми была богата совѣтская эпоха - Наркомюст, то есть «Народный комиссаріатъ юстиціи», «главковерх», то есть верховный главнокомандующій, «замком по морде», то есть замѣститель командира по морскимъ дѣламъ и такъ далѣе, – неопредѣлённость и неустойчивость грамматическихъ правилъ) продолжались и въ послѣдующія десятилѣтія, а въ годы правленія Н.Хрущева едва не привели къ совершенно немыслимой реформѣ, которая въ случаѣ претворенія въ жизнь привела бы къ фактической гибели Рускаго языка. Замѣтимъ, что абсурдное предложеніе отмѣнить грамматическія правила и писать «какъ слышится» поддерживали не только партійные идеологи, но и некоторые лжеучёные.

Въ этихъ условіяхъ на долгіе годы единственными хранителями традицій Рускаго языка стали Рускіе эмигранты, которые отчётливо видѣли, что не забота о народной грамотности движетъ реформаторами, а стремлѣніе переиначить многовѣковой укладъ жизни Россіи, порвать связь съ Православной Церковью (ибо новое кривописаніе искажало смыслъ многихъ молитвъ, усложняло усвоеніе Церковно-Славянскаго языка), нарушить культурную преемственность поколѣній. Извѣстный Рускій писатель и философъ І.А. Ильинъ посвятилъ защитѣ Рускаго языка несколько своихъ работъ, въ томъ числѣ статьи «О Рускомъ правописаніи» и «О нашихъ орѳографическихъ ранахъ». «Революціонное кривописаніе погубило – писалъ І.А. Ильинъ – ... драгоцѣнную языковую работу цѣлыхъ поколѣній: оно сдѣлало всё возможное, чтобы напустить въ Рускій языкъ какъ можно больше безсмыслицы и недора-

зумѣній. И Рускій народъ не можетъ и не долженъ мириться со вторженіемъ этаго варварскаго упрощенія»[11].

Новая орѳографія оказала пагубное вліяніе на всѣ стороны Руской жизни. «Борьба за букву «Ѣ» ведётся въ Россіи уже болѣе 300 лѣтъ. Мы будемъ продолжать эту борьбу. Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана грамматика, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что «необходимо наперёдъ самимъ учителямъ различать «ять» съ «естемъ» и не писать однаго вмѣсто другаго», что «грамматическое любомудріе смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно» и безъ него «кто и мняся вѣдети, ничтоже вѣсть», что грамматика есть «руководитель неблазенъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному Богословію, блаженныя и всечестнейшія философіи открытіе и всенародное проразумѣніе» (см. Ключевскій «Очерки и рѣчи». С. 412).

Этотъ мудрый подходъ къ грамматикѣ объясняется тѣмъ, что въ то время формально-отвлечённая филологія, пренебрегающая главнымъ, живымъ смысломъ языка, – ещё не выработалась и не успѣла разложить и умертвить культуру слова. Съ тѣхъ поръ это извращеніе и несчастіе захватило науку языка (какъ и другія науки) и въ рѣзультатѣ интересъ къ предмѣтному смыслу уступилъ своё мѣсто соображеніямъ чисто историческимъ (какъ, напримѣръ, у Я.Грота) и демагогическимъ, какъ у сочинителей новаго кривописанія.

Отъ этаго пострадала и страдаетъ вся Руская культура. Вотъ доказательства.

Молитва: «Горе имеемъ сердца» (вмѣсто горѣ, ввысь, кверху, къ Богу, получается «горе»). «Миръ мірови твоему даруй». «О мирѣ всѣго міра». «Да празднуетъ же міръ, видимый же весь и невидимый».

Богословіе: «Я пришёлъ не судить міръ, но спасти міръ» (Ін. 12:47). Исаакъ Сиріянинъ: «міромъ называю страсти, которыя порождаются отъ паренія ума». «Мысль о смерти родитъ пренебреженіе къ міру» (тамъ же). «Всевѣдѣніе Божіе». Василій Великій: «Міръ есть художественное произведѣніе».

Философія: Всѣ проблемы міра, мірозданія, міровоззрѣнія; микрокосма, макрокосма; знанія и вѣденія и многія другія,

съ ними связанныя, обезсмысленны и погибли. Ни одного философа отнынѣ нельзя грамотно перевести на Рускій языкъ. Этика, онтологія, космологія, антропологія – лишены крыльевъ слова!

Наука: «Они все плодятся (вмѣсто «всѣ»). «В России много рек» (вмѣсто рѣкъ). «От сырости возникаетъ прение» (вмѣсто «прѣніе», кто же съ кѣмъ споритъ отъ сырости?). «Он не мог собрать вена» (вмѣсто «вѣна»), «лечу вены по венскому способу» (вмѣсто лѣчу, вмѣсто вѣнскому). «У васъ опухла желѣза, въ организмѣ железа не хватаетъ».

Стратегія: «Свѣденіе о сведеніи дивизій ещё не поступило». «Однородныя вѣсти рѣдко приходятъ». «Все на палубу!» (вмѣсто всѣ). «Откуда везти? Откуда вѣсти?» (въ первомъ случаѣ – везти, во второмъ – вѣсти). «Это не подлѣжитъ нашему вѣдѣнію».

Политика: Изъ коммунистическихъ стенограммъ. Троцкій на XI съѣздѣ: «В Западной Европе, если победит её пролетариат» (вмѣсто ея).

Зиновьевъ тамъ же: «международный рабочій классъ оселъ» (вмѣсто осѣлъ). На XIV съѣздѣ: «не все ещё понимают и не все еще верят» (вмѣсто всѣ). Тамъ же, рѣчь Гусева: «будемъ ставить точки надъ и» (вмѣсто і). Рѣчь Курскаго на XV съѣздѣ: «работа по статистикѣ должна быть поставлена у насъ на «ѣ«. Голоса съ мѣстъ: «читали все» (вмѣсто всѣ). «Наша цѣль – завоевать миръ» (вмѣсто міръ). Конституція РСФСР статья 3: «к ведению органов» (вмѣсто вѣдѣнію). Изъ газеты «Новое Руское слово» отъ 12.1.1942: «Мы – все. Нашъ верховный главнокомандующий, президентъ Рузвельтъ, можетъ быть увереннъ, что за ним идёмъ мы все!»

Погибшія Рускія пословицы: «У богатаго мужика – всѣ въ долгу, у барина – всё въ долгу». «Лезъ лѣсомъ, а бѣсъ бѣсомъ». «Сперва дѣлёжъ, а послѣ телёшъ». «Какая же честь, если нечего ѣсть». «На миръ бѣда, а воеводѣ нажитокъ». «И глухъ и нѣмъ, грѣха не вѣмъ». «Передъ судомъ всѣ равны, всѣ безъ откуда виноваты». «Міръ на дѣло сошёлся – виноватаго опить». «Воръ попалъ, а миръ пропалъ». «Дошёлъ тать въ цѣль, ведутъ его на рѣль». «Ищи на казнѣ, что на орлѣ, на первомъ

крылѣ». «Очи ушей вѣрнѣе». «Кто въ морѣ не тонулъ да дѣтей не рожалъ, тотъ отъ сердца Богу не маливался».

Искажённыя тексты Рускихъ классиковъ: Безсмысленны всѣ стихотворенія, поющія о мире и мірозданіи, изчислить ихъ невозможно. Вотъ образцы. *Пушкинъ:*

И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается из-за предѣловъ міра.

Лермонтовъ: «Но я безъ страха жду довременный конецъ. Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый». Тютчевъ: «Есть некій часъ всемірнаго молчанья». «На міръ таинственный духовъ». «Съ миромъ дремлющимъ смѣшай». «Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ» и др. Баратынскій: «Твой міръ, увы, могилы миръ печальный»... «На что вы, дни! Юдольный міръ явленья (Своя не измѣнитъ!) Всѣ вѣдомы, и только повторенья (Грядущее сулитъ».

А вотъ и иныя искаженья. Говоря о «младшихъ дѣвахъ», Пушкинъ риѳмуетъ «странѣ» и «онѣ», по кривописанію эта риѳма гибнѣтъ («они» вмѣсто онѣ). «Ея ланиты оживлялись». «Ея ничтожность разумѣю». Тютчевъ риѳмуетъ «ея» и «я» («Исторглась изъ груди ея – И новый міръ увидѣлъ я»). О мѣчтахъ: «Пускай въ душевной глубинѣ – И всходятъ и зайдутъ онѣ». У Мея гибнѣтъ цѣлое стихотвореніе, вдохновлённое Віктором Гюго и вдохновившее Рахманинова на чудный романсъ: «Спросили они» (мужчины) ... «онѣ отвѣчали» (женская мудрость, утоляющая мужское недоумѣніе). По кривописанію – «они» спрашиваютъ и «они» же отвѣчаютъ.

У Пушкина: «Всѣ говорятъ нѣтъ правды на землѣ...» «Делибашъ уже на пикѣ» (пике – есть особая хлопчатобумажная ткань). Изъ письма Гоголя къ И.И. Дмитріеву: «Въ дорогѣ занимало меня только небо, которое по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе». Гоголь пишетъ Языкову: «Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознеси горѣ; «немки... всѣ, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ», «въ пищѣ ѣсть побольше мяснаго»; «благословенный воздухъ ея уже дохнулъ»; «причина... внѣ... нашаго вѣдѣнія»... Достоевскій: «думалъ... вернуться, но удержался отъ невѣдѣнія». Мусоргскій: «Горѣ вознестися». Лѣсковъ: «А козочку я подоилъ и ея мо-

лочкомъ началъ дитя питать». Бальмонтъ: «Ты лёгкая волна, играющая въ морѣ“ (вмѣсто «въ чёмъ?» – «во что» – такъ играютъ въ теннисъ, въ шахматы, въ море). Айвазовскій назвалъ свою картину «На морѣ« (гдѣ?), изъ этаго сдѣлано «На море» (куда?).

Ко всему этому надо добавить, что новое кривописаніе искажаетъ и подрываетъ ту драгоцѣнную внутренюю работу, которую каждый изъ насъ продѣлываетъ надъ осмысливаніемъ словесныхъ корней. Прочтя слово «вѣщій», мы ассоціируемъ по смыслу къ «вѣщунья», «вѣдети», «вѣдѣніе», но прочтя слово «вещій» мы будемъ ассоціировать въ безсмыслицу къ «вещь», «вещественный». Что значитъ «вещій Олегъ»? Ничего не значитъ! Прочтя слово «пение», мы будемъ ассоціировать къ «пень», «пеня», «пенька», «пентюхъ»... Ближайшая ассоціація къ «намерению» будетъ «меринъ», къ «присмирев» – «рёвъ», къ «бессовестный» – «бесъ» и «вести»; къ «беда» – «бедуинъ», «бидонъ», «бедламъ»; къ «тело» – «телокъ», «телиться»; къ «поместье» – «мести», «месть», но отнюдь не къ мѣсто; къ «левша» – «левъ» и «вошь»... И такъ черезъ всю смысловую работу ассоціацій, которою живётъ и творится всякій языкъ.

Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творчествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: всё это нужно врагамъ національной Россіи. Имъ, именно имъ, и только имъ»[12].

На территоріи СССР также звучали голоса въ защиту дореволюціонной орѳографіи. Так, напримѣръ, въ 1928 году будущій академикъ Д.С. Лихачёвъ написалъ размышленія «На тему о старой, традиціонной, освященной, исторической русской орѳографіи, попранной и искажённой врагомъ Церкви Христовой и народа Россійскаго, изложенныя въ трёхъ разсужденіяхъ Дмитриемъ Лихачёвымъ. Февраля 3 дни 1928 г.». Они увидели свѣтъ только въ наши дни.

Въ наше время, когда массовый интересъ къ дореволюціонной Руской литературѣ, культурѣ и философіи, вызвалъ появлѣніе большого количества репринтныхъ изданій, возрождается и старая орѳографія. Образованная часть современнаго поколѣнія пассивно уже усвоила классическое Руское право-

писаніе. На волнѣ культурнаго и духовнаго возрожденія родилось движеніе за возрожденіе Рускаго языка, какимъ онъ былъ до пагубныхъ реформъ 1918 года. Однако, будучи противниками радикализма, сторонники этаго движенія рассчитываютъ не на моментальный скачёкъ въ прошлое, а на постѣпенное бережное возвращеніе традицій Руской письменности. Однимъ изъ плодовъ его дѣятельности явилась и состоявшаяся 13 Мая 1996 года встреча въ Санктъ-Петербургѣ въ домѣ-музее А.С.Пушкина, что на Мойкѣ 12, ведущихъ филологовъ со многихъ городовъ Россіи, гдѣ былъ предложенъ планъ возрожденія нормъ Рускаго языка. Событіе не осталось незамѣченнымъ Россійской и зарубежной прессой. «Главнымъ итогомъ конференціи – отмѣчаетъ Парижская газета эмигрантовъ третьей волны «Русская мысль» – стало подписаніе договора о совмѣстной дѣятельности съ некоторыми петербуржскими издательствами, въ которомъ предусмотрены различныя направленія работы, въ томъ числѣ и изготовленіе шрифтовъ, компьютерныхъ программъ для обезпеченія перевода современныхъ текстовъ на старую орѳографію, изданіе дореволюціонных учебниковъ, словарей, классической литературы и стиховъ, написанныхъ авторами съ использованіемъ дореволюціонных правилъ письма»[13]. Будутъ опубликованы и матеріалы конференціи.

Примѣчанія

1. Источникъ. 1994. № I. Сс. 3–4.
2. Собраніе узаконеній и распоряженій рабочего и крестьянского правительства. Отд. 1. 1918. № 19. Ст. 289.
3. Тамъ же. № 38. Ст. 497.
4. Собраніе Декретовъ и постановленій по Союзу Коммунъ Сѣверной Области. Вып. 1. Ч. I. П. 1919. С. 288.
5. Декреты и Декларацiи 2–го Всерос. Съѣзда совѣтовъ раб., солд. и крестьянскихъ деп. и Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. П. 1917. С. 104.
6. Тамъ же.
7. Сборникъ Декретовъ и постановленій по Союзу Коммунъ Сѣверной Области. Вып. 1. Ч. I. П. 1919. С. 288.
8. Тамъ же. С. 281.
9. Тамъ же.
10. Собраніе узаконеній и распоряженій рабочего и крестьянского правительства. Отд. 1. 1918. № 74, ст. 804.
11. *Ильинъ И.А.* Наши задачи. Т. 2. М. 1992. С. 98.
12. Тамъ же. Сс. 102–104.
13. Русская мысль. № 4127. 23–29 Мая 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
(Документы)

№ 1

УТВЕРЖДЕННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО СОБОРА от 21-го Февраля 1613-го года.

«Послал Господь Бог Свой Святый Дух в сердца всех православных христиан, яко единыма усты вопияху, что быти на Владимирском и Московском и на всех Государствах Российского Царства, Государем, Царём и Великим Князем всея Руси Самодержцем, Тебе Великому Государю Михаилу Феодоровичу.

Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержавца, за Благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Их Царския Дети, которых Им, Государям, впредь Бог даст, души своя и головы положити и служити Им, Государям нашим верою и правдою, всеми душами своими и головами.

Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царём.

И кто же пойдёт против сего Соборного постановления — Царь ли, Патриарх ли, и всяк человек, да проклянётся таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святыя Троицы.

И иного Государя, помимо Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержавца, и Их Царских Детей, которых Им, Государям, впредь Бог даст, искати и хотети иного Государя из каких людей ни буди, или какое лихо похочет учинити, то нам боярам, и окольничьим, и дворянам, и приказным людям, и гостем, и детям боярским, и всяким людям, на того изменника стояти всею землею за один.

Прочтоша сию Утвержденную Грамоту на Великом Всероссийском Соборе, и выслушав на большее во веки укрепление — быти так во всём

**Документы расположены в хронологическом порядке.*

по тому, как в сей Утвержденной Грамоте писано. А кто убо не похощет послушати сего Соборного Уложения, его же Бог благослови, и начнёт глаголати ино, и молву в людех чинити, то таковой, аще от священных чину, и от бояр, царских синклит и воинских, или ин кто от простых людей, и в каком чину не буди; по священным правилам Св. Апостол и Вселенских седми Соборов – Св.Отец, и Поместных, и по Соборному Уложению всего извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, и Святых Христовых Таин приобщения, яко раскольник Церкви Божией и всего православного христианства, мятежник и разоритель Закону Божию, а по Царским Законам месть воспримет, и нашего смирения и всего освященного Собора, не буди на нём благословения от ныне и до века. Да будет твёрдо и неразрушимо в будущая лета, в роды и не прейдёт ни едина черта от написанных в ней.

А на Соборе были Московского Государства изо всех городов Российского Царства власти: митрополиты, епископы и архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный Собор. Бояре и окольничие, чашники и стольники и стряпчие, думные дворяне и дияки и жильцы, дворяне большие и дворяне из городов, дияки из приказов, головы стрелецкие, и атаманы казачьи, стрельцы и казаки, торговые и посадские и великих чинов всякие служилые и жилецкие люди, и из всех городов, всего Российского Царства выборные люди.

Своеручные подписи.

А уложена и написана бысть сия Утвержденная Грамота за руками и за печатьми Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея России Самодержца, в царствующем граде Москве, в первое лето царствования его, а от сотворения мира 7121-го».

№ 2

СПИСОК СЛУЖАЩИХ СВ. СУНОДА*:

(со времени основания до 1917 года)

Обер-Прокуроры Св. Сунода

1722(19.06)–1725(11.05) – БОЛТИН И.В., полковник
1725(11.05)–1730(02.12) – БАСКАКОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ, гвардии капитан
1740(03.11)–1741(...) – КРЕЧЕТНИКОВ НИКИТА СЕМЁНОВИЧ, ген.-майор
1741(31.12)–1753(29.03) – кн. ШАХОВСКОЙ ЯКОВ ПЕТРОВИЧ, действ. ст. сов.
1753(18.12)–1758(17.04) – ЛЬВОВ АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ, ст. сов.
1758(17.04)–1763(09.06) – КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ СЕМЁНОВИЧ, ген.–майор
1763(10.06)–1768(24.10) – МЕЛИССИНО ИВАН ИВАНОВИЧ, действ. ст. сов.

** Сведения взяты из: Высшие и центральные государственные учреждения России XIX–начала XX вв. (1801–1917). Т.1.*

1768(24.10)–1774(12.05) – ЧЕБЫШЕВ ПЁТР ПЕТРОВИЧ, бригадир
1774(12.05)–1786(28.06) – АКЧУРИН СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, ст. сов.
1786(28.06)–1791(26.07) – НАУМОВ АПОЛЛОС ИВАНОВИЧ, ст. сов.
1791(26.07)–1797(27.06) – гр. МУСИН-ПУШКИН А.И., действ. ст. сов.
1797(09.07)–1799(06.06) – кн. ХОВАНСКИЙ В.А.
1799(10.06)–1802(07.10) – гр. ХВОСТОВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
1802(31.12)–1803(07.10) – ЯКОВЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ, действ. ст. сов.
1803(21.10)–1817(19.11) – кн. ГОЛИЦЫН А.Н., тайн. сов.
1817(24.11)–1833(02.04) – кн. МЕЩЕРСКИЙ ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ, действ. ст. сов.
1833(10.04)–1836(25.06) – НЕЧАЕВ СТЕПАН ДМИТРИЕВИЧ, действ. ст. сов.
1836(25.06)–1855(16.01) – гр. ПРОТАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ген.–адьют.
1855(22.01)–1856(30.10) – КАРАСЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, тайн. сов. (И.д.)
1856(30.10)–1862(28.02) – гр. ТОЛСТОЙ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
1862(28.02)–1865(03.06) – АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ, ген.–адьют.
1865(03.06)–1880(24.04) – гр. ТОЛСТОЙ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ
1880(24.04)–1905(18.10) – ПОБЕДОНОСЦЕВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ, действ. тайн. советник.
1905(20.10)–1906(24.04) – кн. ОБОЛЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
1906(26.04–09.07) – кн. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
1906(27.07)–1909(05.02) – ИЗВОЛЬСКИЙ ПЁТР ПЕТРОВИЧ, действ. ст. сов.
1909(05.02)–1911(02.05) – ЛУКЬЯНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, тайн. сов.
1911(02.05)–1915(05.07) – САБЛЕР ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ, действ. ст. сов.
1915(05.07–26.09) – САМАРИН АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ
1915(30.09)–1916(07.08) – ВОЛЖИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, действ. ст. сов.
1916(30.08)–1917(28.02) – РАЕВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, действ. ст. сов.
1917(02.03–24.07) – ЛЬВОВ В.Н.
1917(24.07–05.08) – КАРТАШЕВ А.В.

Товарищи Обер-Прокурора Св. Синода:

1864(19.04)–1865(01.01) – кн. УРУСОВ С.Н.
1866(14.01)–1878(02.01) – ТОЛСТОЙ Ю.В.
1878(14.01)–1892(11.05) – СМИРНОВ Н.П.
1892(20.05)–1905(06.05) – САБЛЕР В.К.
1905(06.05–21.10) – кн. ШИРИНСКИЙ–ШИХМАТОВ А.А.
1905(23.10)–1906(16.08) – ОСТРОУМОВ П.И.
1906(20.08)–1912(01.01) – РОГОВИЧ А.П.
1912(01.01)–1915(10.08) – ДАМАНСКИЙ П.С.
1915(10.08–17.10) – ИСТОМИН П.В.
1915(06.12)–1916(13.10) – ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Н.Ч.
1916(15.09)–1917(28.02) – кн. ЖЕВАХОВ Н.Д.
1917(20.03–24.07) – КАРТАШЕВ А.В.
1917(29.07–05.08) – КОТЛЯРЕВСКИЙ С.А.

Управляющие Канцелярией Св. Синода:

1839(16.03)–1854(21.06) – ВОЙЦЕХОВИЧ А.И. (в виде опыта заведывал Канцелярией с 1836 г.)
1854(19.06)–1858(17.10) – ПОЗНЯК Я.А.
1858(27.10)–1864(23.05) – САЛОМОН П.И.
1864(24.05)–1865 – ГАЕВСКИЙ И.С.

1865(23.11)–1868(19.12) – АВЧИННИКОВ В.И.
1868(26.12)–1883(27.07) – ВОЩИНИН К.А.
1883(27.07)–1892(20.05) – САБЛЕР В.К.
1892–1903(29.08) – КЕРСКИЙ С.В.
1903(29.08)–1912 – ГРИГОРОВСКИЙ С.П.
1912(12.11)–1917 – ГУРЬЕВ П.В.

Директора Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода:

1839(17.10)–1853(29.07) – СЕРБИНОВИЧ К.С.
1853(29.07)–1858(19.06) – ФРАНК К.Е.
1858(19.06)–1860(07.01) – ГАЕВСКИЙ П.И.
1860((07.01)–1862(07.06) – ТЮРИН А.Ф.
1862–1866(01.03) – АВЧИННИКОВ В.И. (И.д.)
1866(01.03)–1869(24.10) – СЕРГИЕВСКИЙ Н.А.
1869(31.10)–1889(14.12) – НЕНАРОКОМОВ И.А.
1890–1895 – СИДОРОВСКИЙ О.С.
1896(04.01)–1909 – СОЛОВЬЕВ Д.Н.
1910(11.01)–1917 – ЯЦИЕВИЧ В.И.

Первенствующие члены Комиссии Духовных Училищ:

1808(26.06)–1818(24.03) – АМВРОСИЙ, Митрополит Новгородский и С.-Петербуржский
1818(24.03)–1821(24.03) – МИХАИЛ, Митрополит Новгородский и С.-Петербуржский
1821(19.06)–1839(01.03) – СЕРАФИМ, Митрополит Новгородский и С.-Петербуржский

Директора Духовно-Учебного Управления при Св. Синоде:

1839(31.03)–1855(..01) – КАРАСЕВСКИЙ А.И.
1855(..01)–1856(12.06) – ДОМОНТОВИЧ И.И. (вице–директор, и.д.)
1856(12.06–04.07) – ГАЕВСКИЙ И.С. (И.д.)
1856(29.12)–1859(26.01) – СЕРБИНОВИЧ К.С.
1859((09.02)–1864(19.04) – кн. УРУСОВ С.Н.
1864–1866 – ДОМОНТОВИЧ И.И. (вице–директор, и.д.)
1866–1867(14.05) – СУХОТИН Ф.М. (заведующий)

Председатели Учебного Комитета при Св. Синоде:

1867(..05)–1881(27.12) – ВАСИЛЬЕВ И.В.
1882–1897(25.09) – ПАРВОВ А.И.
1897(30.09)–1905(03.01) – СМИРНОВ П.А.
1905–1907 – АРСЕНИЙ, епископ Псковский и Порховский
1907(..09)–1913 – БЕЛИКОВ Д.Н.
1913–1918 – СЕРГИЙ, архиепископ Финляндский и Выборгский

Председатели Училищного Совета Св. Синода:

1885–1895(18.12) – ГЕРМАН, епископ Кавказский и Екатеринодарский
1896–1900 – ГУРИЙ, епископ, управляющий ставропигиальным Донским монастырём
1900–1902 – БОРИС, епископ Ямбургский
1900–1917 – СОКОЛОВ П.И. (председательствующий)

Директора Хозяйственного Управления при Св. Синоде:

1839(18.05)–1841(20.11) – НОВОСИЛЬСКИЙ П.М.
1841(29.11)–1842 – СКРИПИЦЫН (И.д.)
1842–1852(23.08) – НОВОСИЛЬСКИЙ П.М.
1852(23.08)–1853(29.07) – КАНИЕВСКИЙ М.Л. (И.д.)
1853(29.07)–1856(29.12) – СЕРБИНОВИЧ К.С.
1856(29.12)–1860(07.01) – КАНИЕВСКИЙ М.Л.
1860(07.01)–1863(23.03) – ГАЕВСКИЙ П.И.
1863(23.03)–1875(27.01) – ЛАВРОВ В.А.
1875(10.02)–1878(14.01) – СМИРНОВ Н.П.
1878(14.01)–1896(24.04) – ИЛЬИНСКИЙ А.Г.
1896(24.04)–1905(25.10) – ОСТРОУМОВ П.И.
1905(18.11)–1909(13.11) – ПРАВЕДНИКОВ С.В.
1909(10.12)–1912(01.01) – ДАМАНСКИЙ П.С.
1912(01.01)–1917 – ОСЕЦКИЙ А.А.

Директора Контроля Св. Синода:

1867–1888(12.02) – ТЕРСИНСКИЙ И.Г.
1888(27.02)–1893(04.11) – ЧИСТОВИЧ А.Г.
1893–1895(28.04) – ЗИНЧЕНКО И.К.

Управляющие Контролем Св. Синода:

1895(28.04)–1902 – ЗИНЧЕНКО И.К.
1902–1909(10.12) – ДАМАНСКИЙ П.С.
1909(10.12)–1916(01.11) – ВИНОГРАДОВ Д.А.
1916(01.01)–1917 – ДЬЯКОНОВ М.А.

Председатели Издательского Совета при Св. Синоде:

1913(04.04)–1916(01.07) – НИКОН, архиепископ Вологодский
1916(01.07)–1917 – ВАСИЛИЙ, епископ Черниговский

Председатели Миссионерского Совета при Св. Синоде:

1913(04.04)–1915(14.01) – СЕРГИЙ, архиепископ Финляндский
1915(14.01)–1917 – ИННОКЕНТИЙ, епископ Полоцкий и Витебский

Главноуправляющие духовных дел разных вероисповеданий:

ГОЛИЦЫН Александр Николаевич (25 Июля 1810 г. – 19 Ноября 1817 г.)
ШИШКОВ Александр Семёнович (15 Мая 1824 г. – 25 Апр. 1828 г.)
БЛУДОВ Дмитрий Николаевич (25 Апр. 1828 г. – 2 Февр. 1832 г.)

Министр исповеданий:

КАРТАШЕВ Анатолий Владимирович (25 Сент. 1917 г. – 25 Окт. 1917 г.)

№ 3

Письмо А.А. Нейдгарта*

Троице-Сергиева Лавра
25 Декабря 1900 г.

Сердечно уважаемый Владимир Константинович.

«Не множество военных сил, не стены городов, не полки пеших, не крепость всадников, не снаряжение морских сил доставляют спасение Царю: ибо Господь поставляет Цари и преставляет (Дан. 22.) и несть власти, аще не от Бога учинена (Рим. 13.1). Посему спасется Царь не многою силою, но Божиею благодатию» (Василий Великий, Толкование на псалом 32).

«Примеры падения великих христианских государств, раззорённых Гуннами и Вандалами и порабощенных Магометанами, должны убедить нас в том, что одно имя христианское, без христианской жизни, не спасет новый мир от кары Божия правосудия. Промысл Божий найдет преемников современным христианским народам в обладании наследием Церкви Христовой, по слову Спасителя, сказавшего Иудеям: отнимется от вас Царствие Божие и дано будет народу, приносящему плоды его (Матф. 21.43)» (Речь Архиепис. Харьковскаго Амвросия 19 Ноября 1900 г.)

Наши беседы по Церковному вопросу доставили мне такое утешение, особенно ценное в конце безотрадного XIX века, что я решился даже письменно завершить обмен наших мыслей на пороге XX столетия, сего весьма таинственнаго незнакомца.

Оглядываясь на прошедшее, вникая в настоящее и опасаясь за будущее – смущает меня мысль о дальнейших судьбах дорогой России и ответственности нашего отечества, поставленнаго Провидением на страже Христовой Церкви.

Отпадение от нея папства, обратившагося исключительно к земному господству; холодный рационализм реформатства, отвергнувшаго Таинства, а с ними и путь ко Христу, указанный нам свыше; политическое и нравственное падение Греческаго востока, изменившаго Православию в лице Константинопольской Церкви, признавшей в 1432 году на соборе во Флоренции главенство папы при участии Императора Иоанна Палеолога, – всё это вместе взятое даёт нам основательный повод утверждать, что Кивот Новаго Завета волею Божиею перенесен ***к нам*** *и что таким образом нам доверены хранение и защита самаго драгоценнаго создания Творца – Его Святой Церкви. А между тем...*

**Нейдгарт Алексей Александрович – в последней четверти XIX в. занимал должность Управляющего Канцелярией Московской Синодальной Конторы. Письмо приводится в авторском написании.*

В 1453 году, при падении Константинополя, византийский орел, зачуя беду, поднялся со дворца Палеологов и сняв Крест со св.Софии и венец Православных царей с поверженной в прах головы убитаго Константина Палеолога, потянулся с дорогою ношей на дальний север и величаво опустился на скромный великокняжеский терем в Московском Кремле. С той поры Москва стала Третьим Римом, столицею и хранительницею вселенской правды, обитающей в Церкви Православной. До самаго Петра она управлялась правильно, при свободном общении между собой ея Епископов и при непосредственном участии Царя. Свободныя совещания Епископов на соборах, созываемых с его согласия и под его охраной Первосвятителем Церкви, т.е. старшим Епископом, а также и личныя с ним совещания Царя по делам Церкви, — вот краткая формула правильнаго церковнаго управления. Являясь блюстителем земного благосостояния Церкви, Царь ею освящается на сей высший подвиг возложением на его главу святительской руки во время его венчания (как при рукоположении во священство), получением вторично даров Духа Святаго чрез Св.Миропомазание и допущением к принятию Св.Таин по чину Иерейскому. Не забудем, что и чрез Епископское рукоположение низводится на Царя дар Духа Святаго (2 Тим. 1.6). Сие угодно Богу, ибо требуется святость для служения Его Святыне. Но тем не менее Царь не пастырь Церкви и пастырство в ней указано иным. «Внимайте убо себе и всему стаду» — восклицает Апостол Павел, обращаясь к Пастырям Церкви, — «в нем же вас Дух Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею» (Деяние XX. 28). Вот кто законные хозяева Церкви! Затем Вселенские Соборы вменили в строжайшую обязанность Епископам поместных Церквей в известные сроки сходиться на местные соборы для совещаний о делах веры и управления. Несоблюдение сего правила, т.е. уклонение от соборных совещаний, влекло для виновнаго Епископа даже отлучение от Церкви. Эти соборныя совещания настолько необходимы и важны для вселенскаго единства Церкви, что Никео-Константинопольским Символом соборность включена даже в состав догматов веры: «...верую во едину, Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Между тем Пётр, желая разбить сопротивление некоторых из Епископов его преобразованиям, вместе с их сопротивлением разбил и самую Русскую Церковь, лишив Её каноническаго управления, законнаго Первосвятителя и уничтожив созыв Соборов. По меткому и образному выражению Митрополита Филарета, Пётр ударил Церковь в голову и она разлетелась вдребезги, т.е. так можно понять это определение, — Пётр ударил в Патриаршество и оно раздробилось в синодальные осколки. Преследования Петра были тяжки. Не говоря уже о его глумлении над церковными обрядами и духовенством, чему ярким образчиком может служить безстыдная публичная процессия по Москве пьянаго «Князя-Папы» и его свиты, с возглашением, в присутствии Царя,

кощунственно переложенной Архиерейской присяги, даваемой ими при их хиротонии; Пётр отдал церковное управление в руки мирянина, Синодального Обер-Прокурора, захватил управление церковным имуществом, запретил Архиереям выезд из епархии, напрасно опасаясь их совещаний, наконец поручил своему льстивому советнику, недоброй памяти Феофану Прокоповичу, составить такую присягу для Синодальных Членов, которая прямо убийственна для Архиерейской совести. По этой присяге,* ***действующей и до ныне****, Архиереи обязывались признавать Русскаго Императора* ***Крайним Судьёю*** *Св.Синода, провозглашенного однако Духовным Регламентом «Собором» Российской Церкви. Не так давно я имел случай видеть черновой текст этой ужасной присяги, написанный рукою Феофана. По задворкам Истории ходит тёмная легенда о том, что Пётр умер насильственною смертью, отравленный Екатериною, по подговору Меньшикова.*

Деяния Екатерины II по отобранию в казну церковного имущества (чего не решился сделать даже Пётр) достаточно известны и комментарий не требуют. За протест против этой меры, осуждаемой канонами, Митрополит Ростовский, Арсений Мацевич, прозванный шутливою Екатериной «вралем», был лишён Архиерейства и сослан простым арестантом в ревельскую крепость, где и преставился, написав на стене своего каземата 71-й стих Псалма 118: «благо мне, что я страдаю, дабы научиться уставам Твоим». Есть сказание (я его даже читал в каком-то журнале), что на пути в Ревель была на ночь остановка в одном селе и больной Арсений, лёжа на соломе в арестантском тулупе, просил карауливщаго его офицера позвать сельскаго священника для приобщения Св.Тайн. Призванный Священник, не знавший ни имени, ни звания арестанта, выбежал в испуге к офицеру, заявив, что там лежит Архиерей в полном облачении, но встревоженный офицер усмотрел своего узника по-прежнему в тулупе. Я слышал от одного из наших учёнейших Иерархов, изучившаго основательно все обстоятельства суда над Митрополитом Арсением, что члены Синода, осудившие его в угоду Екатерине, умерли все в страшных муках. Другой Митрополит, Павел Тобольский, также гонимый Императрицею за крепкую защиту церковного имущества, ныне почивает в благоухании Святыни в Киево-Печерской Лавре, где я сам удостоился видеть Его в 1883 году с непокрытым ещё лицем. Угодна ли была жизнь самой «Великой» царицы Царю царствующих узнаем мы на Его страшном суде. Знаем только, что она умерла без покаяния.

Император Павел весьма своеобразно засвидетельствовал всенародно свои отношения к Церкви, Главою которой является никто иной, как Сам

** Только в царствование Александра II был разрешен Архиереям выезд из епархий и то только на восемь дней.*

Господь наш Иисус Христос (Ефес. V.23). Во время своей коронации Павел повелел тут же, в Успенском Соборе, огласить новый государственный акт о Престолонаследии, коим Русский Император провозглашается ***Главою Церкви****. (Прим. к 42 ст. I тома законов основных). Вероятно в силу этаго новаго закона, действующаго и поныне, Павел, обращаясь в 1797 г. к Св.Суноду по поводу новых штатов, нашёл возможным озаглавить свой указ так: «****Моему*** *Суноду». Нельзя без содрогания и глубоких размышлений вспомнить, что цареубийца поразил Помазанника ударом именно в голову.*

Император Александр I, названный Благословенным, воспитанник республиканца Лагарпа, вступив на Престол в 1801 году, в то время ещё не был знаком с Св.Евангелием, которое им впервые было прочтено в 1812 году. Замечательно, что одно близкое к Александру лицо, назначаемое им в начале царствования на должность, представляющую ему власть над Сунодом, отказываясь от этого назначения, объявил Императору о своем полном неверии и о том, что по этой причине ему не место при Церкви. Но это обстоятельство нисколько не остановило Александра и назначение состоялось. Терзаемый во всю вторую половину своего царствования таинственными душевными страданиями, он наконец не выдержал и ушёл от людей на крайний юг России, ища в уединении того успокоения совести, котораго он не мог обрести на Престоле в придворном блеске.

Император Николай I, благочестивой души и рыцарских чувств, вообще благоволивший к Церкви, чистосердечно сознавался в незнании ея канонов. Это объясняет почему он без колебаний утвердил все законопроекты Сунодального Обер-Прокурора Графа Протасова, бывшаго гусарскаго офицера. На основании новых правил управление Церковию, на этот раз уже окончательно, передавалось в руки чиновников. Сунодальныя учреждения перестроились по образцам министерских департаментов и самый исполнительный орган Сунода, его собственная канцелярия, была отдана в полное начальственное распоряжение Обер-Прокурора. Почти одновременно с Высочайшаго разрешения состоялось распоряжение о невызове более в сунодальные заседания двух светил Русской Церкви, Митрополита Филарета Московскаго и Митрополита Филарета Киевскаго, мешавших графу Протасову (1842 г.). Мне впоследствии передавала одна почтенная старица, из высших петербургских слоев, как к ней приехал хорошо ей знакомый Протасов, кажется прямо из Зимнего дворца, и радостно потирая руки, объявил ей: «felicitez moi, enfin je viens de me defaire de mes deux Philiberts». Так называл он Филаретов. Сей Обер-Прокурор тасовал Архиереями как картами, подбирая их затем масть к масти, что впрочем весьма успешно производится и в наше время. Покойный Александр Алексеевич Васильчиков (бывший директор Эрмитажа) слышал во Флоренции от Великой Княгини Марии Николаевны, что

она была убеждена в отравлении ея державного Отца, о чём впрочем упорно говорили в Петербурге вслед за кончиною Мощнаго Царя. Обыкновенно утром в девятом часу он гулял пешком вокруг Зимняго дворца и дойдя вдоль Зимней Канавки до Миллионной, проходил на Дворцовую площадь чрез временныя казармы 4-го батальона Преображенскаго полка (первые три батальона в 1855 г. были в походе), устроенныя тут же, в Манеже (ныне Архив Министерства Иностр. дел), так как казармы I-го батальона перестроивались после пожара. Хорошо помню, как однажды, незадолго до кончины Николая Павловича, следовательно приблизительно в Январе 1855 года я, в качестве дежурного по батальону офицера, вышел заранее наружу, чтобы встретить Государя с рапортом. Я видел, как он шёл от самой Невы, зрелище было тяжкое: он шёл неуверенно, задыхаясь, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться, на нём лица не было, он был бледен и казался изнеможенным. Да и удивительно ли, что гордый колосс, ещё недавно господствовавший в Европе, при зловещем освещении Севастопольскаго факела, внезапно узрел ошибки своего тридцатилетняго правления, в течении котораго, по замечанию Герцена, сверху вниз всё било, а снизу вверх всё лгало, узрел и в ужасе свалился в Севастопольскую бездну, куда уже рухнуло всё его царствование? Утром 18 Февраля, в день кончины Николая, когда стало уже известно, что он при последних минутах, нас спешно собрали в тот же манеж-казарму с запрещением отлучек, а людям выдали боевые патроны. В эти тяжелые часы товарищами вспоминались полковые разсказы, передаваемые от поколения поколению, как 1-й батальон полка был выведен на Дворцовую площадь 14 Декабря 1825 года, и, странное дело, мы все были в ожидании, что и нас сейчас потребуют на ту же площадь. Однако почему же, ведь законный Наследник был налицо? А потому, что страшна русская История, постоянно сворачивающая с пути, указаннаго ей свыше. Нет, тяжела не она, святая шапка Мономаха, а тяжела Петровская корона.

За сим вступил на престол Император Александр II.

По мнению Митрополита Филарета, переданному мне в шестидесятых годах его Викарием Леонидом, скончавшимся впоследствии Архиепископом Ярославским, Русская Церковь находилась в то время в периоде тайнаго гонения. Для лиц, не посвященных в церковныя дела, мнение это могло бы показаться мало основанным, не будь оно высказано таким авторитетом. Действительно, по-видимому всё обстояло благополучно: торжественныя служения не только не нарушались, но на них в известные дни присутствовали, не только все крупныя должностныя лица, но и сам двор; Иерархии оказывалось наружное почитание по требованию самой государственной власти; Архиереи получали рескрипты и в торжественных случаях приглашались к Высочайшему столу; по правительственному распоряжению даже служащие обязывались начальством

представлять свидетельство о ежегодном говении; из государственнаго казначейства отпускались суммы, хотя и не обильныя, на разнообразныя церковныя нужды. Вся эта наружная обстановка могла держать в заблуждении лиц, не знакомых с тайными пружинами Церковнаго управления и возбуждать в них удивление по поводу обвинения власти в гонении Церкви. Однако, оно на деле существовало, но, боясь осуждения, тщательно скрывалось за Правительственными кулисами, тем не менее, втихомолку разъедая тело Церкви. Нельзя, разумеется, обвинять государственную власть в намеренном вреде Церкви, нет всё это происходило от равнодушия к религии, непонимания ея задач, столь тесно связанных с задачами самой России.*

Приведу несколько примеров обращения с Церковью, нелицеприятная же История, разработав весь материал за XV III и XIX столетия, постановит приговор суровый. – Гонение в Остзейских губерниях на Православное духовенство и его паству из Латышей в течении царствования Николая I и Александра II, вследствие антинациональнаго направления Рижских Генерал-Губернаторов, в том числе князя Суворова и Графа Петра Шувалова, а также некоторых их предместников и преемников, в угоду баронам и Пасторам, было настолько сильно, что правдивый и обстоятельный о том всеподданнейший доклад Обер-Прокурора Победоносцева Императору Александру III в восьмидесятых годах, вызвал у покойнаго Государя бурю негодования. В Высочайшей резолюции действия тогдашних властей были названы «безобразными». Этот доклад состоялся по поводу ходатайства Г.Победоносцева о возстановлении приостановленнаго в предшествующее царствование закона, в силу котораго дети от смешанных браков, т.е. от браков Православных лиц с Иноверцами, подлежали крещению в Православную веру. Закон этот, когда-то изданный государством в ограждение Церкви, не люб был иноверцам, сильным своими всегдашними связями при русском дворе. Под их влиянием, при услужливом содействии Православных властей, закон был приостановлен секретным указом из Cунода, по Высочайшему повелению. Следовательно, требовалось скрыть эту меру от публики. Покойный Государь тотчас возстановил закон и твёрдо его поддерживал. В 1861 году последовало освобождение крестьян. Одновременно началось политическое брожение в губерниях бывшаго Царства Польскаго, в Литве и Юго-Западном крае. Всем известен так называемый Польский катехизис, попавшийся некоторое время спустя в руки Правительства, требующий, между прочим, от Поляков, находящихся на государственной службе, чтобы они вредили России всеми доступными им средствами. И вот, как раз в разгар мятежа 1863 года, появилась акцизная система прода-

---

** Где в течение двух веков в Правительственном high-life царствовал взятый с Запада принцип qu'il faut tenir les popes ferme. Будущия поколения с изумлением прочтут летописи о малоумии предков.*

жи питей, покрывшая всю Россию безчисленными кабаками, настеж открытыми только что освобождённому народу. Над этой реформой, под вывеской Министра Финансов Рейтерна и директора департамента Грота (впоследствии Статс-Секретаря и члена Государственного Совета), работал и её искусно направлял злобный поляк, вице-директор того же департамента, Огризко. Хотя за тайныя революционныя действия он был уже однажды, а именно в 1859 году, арестован, притом довольно оригинально на бале в Высочайшем присутствии у Авроры Карловны Карамзиной (на Большой Морской), но обстоятельство это нисколько не помешало Рейтерну и Гроту затем назначить его вице-директором и доверить ему такое опасное дело. Из вице-директоров Огризко был сослан в Сибирь, — но слишком поздно. Адский рассчёт удался вполне, народ, т.е. ядро могущества России, спился, разозлился и ослабел и мы ныне печалуемся нашими промахами, взирая на разнесенную и обездоленную деревню. Однако народ, после первых кабацких вакханалий одумался и по присущему ему здравому смыслу и чувству самосохранения стал озираться, ища опоры против окружающих его соблазнов. Тотчас Церковь, как и всегда, откликнулась на народную нужду. Повсеместно с Церковнаго амвона стала раздаваться проповедь против пьянства, чуть ли не каждый день по начинанию приходских священников возникали общества трезвости, члены котораго добровольно давали клятву бросить развращающий и разоряющих их порок, отовсюду полетели в Петербург прошения о закрытии кабаков, только что возникшее земство дружно поддержало Церковь и народ, о чём свидетельствуют повсеместныя постановления его того времени на земских собраниях. Словом, подъём был полный, Церковь, исполняя заветы Спасителя, спасала свою паству из когтей сатаны. Но государство поморщилось, министр Рейтерн потребовал прекращения проповеди духовенства, грозя в противном случае дефицитами, в которых он затем оказался великим мастером и без участия духовенства. Как быть, положение было деликатное, не могла же русская держава вслух миру связать Церковь в таком святом деле? Но вицмундир тотчас нашелся и придумал кулису. По Высочайшему повелению, без сомнения, лукаво испрошенному, были изданы из Синода тайные указы о прекращении проповеди, мешавшей Рейтерну. Вероятно, в Сибири Огризко потирал себе руки. Публике эти указы были не известны и она недоумевала пред воцарившим молчанием. И так, и в данном случае Церковь оказалась тайно гонимою, так сказать, при полном звоне Кремлёвских колоколов и под крики приветственнаго ура! В качестве члена Московского Губернскаго по Крестьянским делам Присутствия мне привелось в 1869 году объезжать волости для ревизии. В одной из них крестьяне приступили с недобрыми лицами и, указывая на кабаки и свои раскрытыя крыши, спросили меня: «что же и за это мы отвечать будем? Нет, это Правительство нам расставило ловушки». Далее: 5-го

Августа 1867 г. в Троице-Сергиевой Лавре был отпразднован 50-тилетний юбилей Архиерейства Митрополита Филарета. Вся Россия и весь Православный восток приветствовали великаго Святителя. Я был свидетелем прочтения на торжестве, с глубоким поклоном, Обер-Прокурором Графом Дмитрием Андреевичем Толстым рескрипта Императора Александра II о пожаловании юбиляру почти что патриарших почестей: второй панагии, креста на митру и предноснаго Патриаршаго креста при служении. Кроме того были пожалованы, для помещения в Митрополичьих покоях, алмазами украшенные и соединенные портреты Императоров Александра I, Николая I и Александра II, в царствования которых святительствовал Филарет (портреты эти ныне хранятся в ризнице Лавры). Но независимо от сего, радостным событием для Православных, тотчас показавшимся им знаменательным, явилось Царское разрешение семи епархиальным Архиереям принести лично, в Лавре, поздравление старейшему Епископу Русской Церкви. Такого Собора русские люди не видели с печальных дней поражения Петром Русской Церкви в самое ея сердце. — Не прекращается ли ныне, спрашивали себя некоторые, вавилонское пленение (так называли в Духовных Академиях Петербургский Церковный период), не наступают ли вновь канонические времена для Российской Церкви, вдовствующей по своем Патриархе? Увы, весь этот блеск, весь этот наружный почёт были только декорациями, из-за которых Старцу был нанесен жестокий удар. Несколько дней спустя я узнал от того же викария Леонида, что Гр. Толстой накануне кажется юбилея, оставаясь с Митрополитом глаз на глаз, объявил ему, что Архиерейский съезд Высочайше разрешен лишь для почёта ему, ***но что Его Величеству не угодно, чтобы на съезде были подняты и обсуждаемы церковные вопросы.***

Мне не известно действительно ли Государь дал подобнаго рода поручение Толстому, или же он говорил от себя, дерзко злоупотребив Царским доверием, но во всяком случае Толстой хорошо знал, что осторожный Филарет не станет разъяснять этого обстоятельства. 84-летний старец, стоявший в предверии вечности, был глубоко оскорблён оказанным недоверием ему, в течении полувека проявлявшему столько мудрой осмотрительности в делах церковных и государственных. Не думал он, беседуя не задолго до того со своим викарием о тайном гонении Церкви, что оно не оставит его даже накануне смерти (он преставился 19 Ноября того же 1867 года). Уже много лет спустя мой предместник по должности Прокурора Московской Синодальной Конторы, Г. Потёмкин, верный послушник гр. Толстого, мне рассказывал, что недоверие сего последняго и нелюбовь его к Архиереям были так упорны, что, уезжая из Лавры до окончания юбилейных дней, он вменил Потёмкину в обязанность не отлучаться, зорко следить за действиями съехавшихся Архиереев и ежедневно ему доносить о замеченном. Уместно здесь при-

помнить, что в число назначенных на съезде Преосвященных был включён, очевидно не без цели, один из недоброжелателей Филарета. Только что великий Старец закрыл глаза, гр. Толстой тотчас усилил свой поход против Церкви. Она ему обязана тем, что в России было закрыто более 300 церквей (а может быть и несравненно большее количество их) под предлогом соединения приходов для увеличения средств приходскаго духовенства.*

После осуществления этой безпримерной ломки, напоминавшей татарския нашествия, масса православных за дальностью церквей оставалась без церковных треб. Я слышал от сведующих людей, что, между прочим, в Таврической епархии были случаи, где православные просили татарских мулл прочесть свою молитву над покойником, за невозможностью добыть священника. Но этим гр. Толстой не ограничился. Им был предложен Синоду проект, клонящийся к изъятию церковного суда из юрисдикции Архиереев. Этот антиканонический проект, однако, не прошёл, иначе открылась бы пропасть новаго церковнаго раскола. К сожалению, мы плохо знаем нашу собственную Историю и неразрывно с нею связанную Историю Церкви. Без этой последней первая непонятна. Непогрешимый голос Церкви, раздающийся со вселенских Соборов, закрыт для нашего слуха нашим нелепым антинациональным воспитанием. Например, многие ли знают, что 12-м правилом 6-го Вселенского Собора воспрещается ставить во Епископа лицо, состоящаго в браке? Один только ***вселенский*** *Собор властен изменить это правило. Следовательно, касаться этого канона значило бы посягать на установление, освященное Св.Духом. Между тем, покойный Цесаревич Николай, без сомнения по незнанию Церковных правил, да и забыв, что по существующему издавна обычаю, освященному глубокою древностью, все православные Архиереи — монахи, — возвращаясь с перваго своего путешествия по России, где-то в Воронеже, Туле или Орле, за официальным обедом и имея перед собой местнаго Преосвященнаго, решился сказать, что он до тех пор не успокоится, пока не увидит в России женатых Архиереев! Цесаревича Николая Господь не допустил до Русскаго Престола. Дивны и страшны судьбы Твои, Господи; и кто проникнет в них и кто, познав их, по Твоей воле, не вострепещет?*

По указу блаженной памяти Великаго Государя, Патриарха Филарета Никитича, строго взирающаго ныне из своей гробницы в Успенском соборе на пустующее Патриаршее место, был отлит в Москве для Ивана Великаго большой колокол, почему-то названный Реутом. Так и записан Реут в колокольные списки. Под призыв этаго историческаго колокола в Первопрестольный Собор Русской Церкви стекалась вся православная Русь, молясь в ту пору единым сердцем и едиными усты, ибо ещё не было

** Нектарий Нижегородский (написано карандашом на полях).*

раскола. Старыя русския упорныя руки, отливая этого Реута, должно быть вместе с молитвой вложили в его медное тело и дух своего упорства, враждебнаго новшествам. Когда в 1812 году Наполеон пожелал взорвать Кремль, то мощная колокольня, Годуновым пущенная основанием в самый материк Кремля, не повиновалась взрыву и устояла, но Реут упал в землю, не желая вероятно впоследствии звонить новым веяниям, однако успев своим падением угрюмо провозвестить Наполеону его собственное близкое падение. Но упорнаго старовера подняли с земли и снова поместили на прежнюю службу по воле новаго начальства. 20 Февраля 1855 года, как раз во время присяги в Успенском соборе на верность новому Государю, Реут, этот старый патриарший послушник славнаго Романова, отказался участвовать в общем ликовании, сорвался с своих связей и пробив все каменные своды и убив несколько людей на пути своего падения, поклонился древнему Кремлю до самой земли. Тотчас по Москве заговорили о дурном предзнаменовании. К несчастью оно оправдалось. 1-го Марта 1881 года, мягкий нравом и добрый сердцем Александр II, названный не даром Освободителем, среди бела дня и окруженный конвоем, погиб на улице своей столицы, от руки русскаго крестьянина, им освобожденнаго.

17-го Октября 1888 года, при крушении поезда, вся династия была спасена от смерти Божиим милосердием. Но это знамение должно послужить всем нам предостережением. Смотри, русский ум, будь мудр, познай пути свои, воспряни к Богу.

В 1865 или 1866 году, во время одной из моих бесед с Митрополитом Филаретом, я его спросил правда ли, что в двадцатых годах им был составлен по поручению Александра I, проект введения в Русской Церкви двенадцати округов с Митрополитом во главе каждаго из них? Правда, ответил он мне, но это был собственно не проект, а лишь схема и какая участь постигла мою записку мне неизвестно, прибавил он. Некоторое время после этого разговора, мне говорил Андрей Николаевич Муравьев, известный писатель по церковным вопросам (брат Карскаго и Виленскаго), что Владыка искал в своем домашнем архиве свою черновую записку об округах и не нашёл. Подлинная записка должна находиться в о́дном из наших многочисленных архивов. Следовало бы однако её отыскать и воспользоваться ценными указаниями нашего знаменитаго богослова при дальнейших церковных преобразованиях. И так, в начале XIX века, когда паства была несравненно малочисленнее нынешней (теперь в России около 80 мил.православных) уже ощущалась потребность в децентрализации Церковнаго управления и в освобождении Синода от загромождения второстепенными делами, мешавшими правильному и современному разрешению дел важнейших. Притом следует иметь в виду, что подобные округа, в которых местный Митрополит в известные сроки созывал бы своих Епископов для совместнаго разрешения те-

кущих дел, вполне отвечали бы требованиям вселенских соборов. Позднейй, в 1888 или 1887 году, я имел случай в Петербурге неоднократно беседовать с Митрополитом Палладием, тогда ещё Архиепископом Казанским, о необходимости скорейшаго введения округов, между прочим, и для устранения страшной медленности в течении сунодальных дел. Он тогда же составил сжатую (на одном листе) прекрасно изложенную записку в этом смысле и передал её Обер-Прокурору. Но в тех местах имеются длинные ящики, и в одном из них записка Преосвященного Палладия мирно покоится уже более десяти лет.

Но в каком же положении находится в настоящее время наша Церковь, как она управляется и какие плоды принесло нам почти 200-летнее хозяйничание в ней чиновников?

*На основании существующаго порядка сунодальныя решения и распоряжения не имеют силы и не могут подлежать исполнению пока на протоколах, в которых излагается всё то, что происходило и определено в заседании Сунода, не появится, — **до** подписания протокола сунодальными Членами, помета рукою Обер-Прокурора: «читал»; а **после** подписей Преосвященных его же помета: «исполнить». Это ехидное: **исполнить** и есть та тончайшая и незримая для публики нить, которая накрепко окрутила благословляющия руки. Бывали случаи, когда подписанные Архиереями протоколы оставались долгое, очень долгое время без исполнения за отсутствием знаменитой пометы; вероятно, бывали случаи, что подписанные протоколы и вовсе не исполнялись. Эти протоколы изготовляются в Сунодальной Канцелярии чиновниками, безусловно подчиненными Обер-Прокурору. Точно также все дела, поступающия в Сунод от Епархиальных Архиереев и вообще вся их деловая с ним переписка, не попадают в руки Членов Сунода, а поступают прямо в Сунодальную Канцелярию, там разсматриваются и сортируются, а докладываются Присутствию когда и как прикажет Обер-Прокурор. Все правительственныя учреждения по всем делам, касающимся Церкви не ведают самого Священноначалия, а переписываются исключительно с Обер-Прокурором, от котораго в прямой зависимости направить дело, как ему самому заблагоразсудится. Первенствующий Член Сунода у Государя доклада не имеет, и все дела Ему докладываются Обер-Прокурором. Не естественно ли, что по спешным и важным делам Преосвященные слишком часто, минуя Сунод, обращаются письменно прямо к Обер-Прокурору и лично к нему являются? Как-то я на это указал моему бывшему начальнику К.П.Победоносцеву, а он мне ответил: «что же мне с ними делать, я их все посылаю к Исидору (Митрополиту), а они всё ко мне». Понятно, возразил я в свою очередь, они слишком хорошо знают, что властно двигающая рука не у Исидора, а у вас. За исключением некоторых отдельных, редких случаев, когда Императрица Елизавета Петровна призывала к себе того или другого из Сунодальных Чле-*

*нов для какого-нибудь не важнаго вопроса, в течении без малаго 2-х столетий русские Государи **никогда** не занимались делами Церкви непосредственно с ея Иерархами и совершенно удалились от личных с ними деловых общений. Впрочем, Император Александр I, кажется в 1801 году, приехал в Сунод, сел на Царский трон, помещённый в присутственном зале, выслушал одно дело, объявил своё повеление об освобождении духовенства от телесных наказаний и отбыл после благодарственной речи Первенствующаго Члена. Другой раз Император Николай I также был в Суноде с Наследником, сел на место Первенствующего Члена, рядом с собой посадил Наследника и, выслушав одно дело, отбыл. После этого Александр Николаевич был Высочайше назначен **Членом Сунода**, но никогда в его заседаниях не участвовал. Однажды, при Елизавете же, не выдержав притеснений Обер-Прокурора князя Шаховскаго, все Члены Сунода, добившись аудиенции, явились incorpore **во** дворец, **стали на колени** и умоляли избавить их от Шаховскаго. Елизавета их подняла, милостиво выслушала и Шаховскаго не сменила. Разумеется отчуждение наших Государей от Церкви тяжко отозвалось на ея положении и она, **не имея никогда прямаго доступа к ним**, впала в полное порабощение Обер-Прокурора и подчиненных ему должностных лиц. От покойноаго почтеннаго Протопресвитера Успенского Собора, Н.А.Сергиевскаго, я слышал разсказ, как знакомый ему Преосвященный, ещё довольно молодой и вызываемый впервые в Сунодальныя заседания, проезжая по направлению к Петербургу чрез один их губернских городов, заехал к мест-*

*ному Архиерею и спросил его как следует держать себя в Суноде? Умудренный опытом Старец ответил ему кратко: **«сиди и молчи»**. Как видно занятия не сложныя. Епархиальные Архиереи трепещут даже пред Начальниками Отделений и Столоначальниками Сунодальных учреждений (Сунодальная Канцелярия, Канцелярия Обер-Прокурора, Хозяйственное Управление, Контроль, Учебный Комитет), ибо каждое Архиерейское представление, каждый отчёт и прочия бумаги, попадая предварительно в руки этих чиновников, могут дать повод к тенденциозным придиркам их, не говоря уже о намеренных проволочках и искажениях в докладе дел, от чего могут страдать важные церковные интересы. Имей Первенствующий Член Сунода, котораго следовало бы назначить его Председателем, личный доклад у Государя, даже не постоянный, а только испрашиваемый по мере надобности, чем он пользовался бы с крайнею осмотрительностью, тотчас спали бы с Церкви ея тяжелыя цепи. Одна только возможность для Председателя Сунода иметь личныя объяснения с Государем, несомненно, наложит узду на своеволие чиновников. Разумеется, при обширности своих занятий Государю невозможно обойтись без помощника, скажем, Статс-Секретаря по Церковным делам, но помощник этот должен быть вдвинут в подобающие ему пределы, а не господствовать над Церковью и не носить в своем докладном портфеле*

совести русской паствы. К слову: название «Обер-Прокурор» сильно опротивело, да и вызывает для Церкви слишком тяжкие воспоминания. Из вышеизложеннаго обнаруживается с достаточною ясностью уничиженное положение в России той Церкви, которая вынянчила всё ея величие, дает ей всю ея крепость, евангельским учением утверждает Царскую власть, наконец, нет, прежде всего, низводит на русскую державу благословение Божие! Священноначалие Церкви безмолвствует; призванное Самим Господом право править слово Его истины в обширных пределах России, оно пребывает с загражденными устами, ибо голос Иерархии, сжатой в «Коллегии», передается и вверх, и вниз голосом и бумагою государственнаго чиновника. Между Синодом и Царём стоит Обер-Прокурор; между Синодом и подчиненными ему Архиереями, прямыми органами его церковнаго делания, стоит Обер-Прокурор и его свита; с другой стороны, между Епархиальным Архиереем и его паствой стоит владыка Консистории — ея Секретарь, безусловно, зависимый от воли Обер-Прокурора. Можно ли ожидать успеха от преграждения прямаго, свободнаго, живительнаго воздействия пастырей на паству, можно ли ожидать, чтобы слово Христово проникало в тайники наших душ и там созревало правдой, когда слово это отравлено мертвящим душу канцелярским формализмом, текущим ядовитою струёй по всем артериям церковного тела? Петровский Синод заслонил Христа от Его русскаго стада. Вот почему Русская Церковь, порабощенная, в узах поверженная в прах, так мертвенна в духовном своём делании. По сему все обвинения, направленныя отовсюду против Церкви, должны пасть на тех, которые её связали.

*Коль скоро умолкает слово Божие, коль скоро стесняется свободное делание Его Церкви, которая таким образом почти упраздняется, по самому свойству человеческой страстной природы, требующей постояннаго на неё воздействия добрых начал христианства, немедленно уступленное место занимается тёмными силами, в разнообразнейших их проявлениях. Не обладающее дарами Божественной благодати «немощная врачующая», к тому же у нас скроенное Петром по иностранным образцам, Государство, заменившее Церковь, не могло не растерять православной паствы. Оно не понимает духовных потребностей русскаго сердца, всегда и повсюду отыскивающаго Христа. **Последствия.** — Наверху по неведению дарованной нам Евангельской жемчужины (Матф. XIII.45.46), ушли в равнодушие, безверие, или, по неутоленной духовной жажде, пленились наружными декорациями папства, протестантства и иных лжеучений, даже пленились буддизмом; внизу массы народныя, ещё не порабощенныя западу, ринулись в раскол и секты, уповая там обрести хлеб жизни, взамен предлагаемаго им камня. Но пусть свидетельствует о положении Церкви тот, кому она официально доверена. В своём всеподданнейшем отчёте за 1896 и 1897 гг. (Церковн. Ведом.*

29 Января 1900 г. № 5) Сунодальный Обер-Прокурор, по поводу распространения сектантства и произведений его лжеучений, приподнимая завесу, между прочим докладывает следующее:

«Сектантские трактаты не ограничиваются областью веры, а останавливают мысль народа и на вопросах чисто общественнаго, социальнаго и государственнаго порядка и разрешают их хотя, по-видимому, на религиозной почве, при посредстве ряда ссылок на Библейские тексты, но в духе социализма и не везде даже прикровеннаго. Особенно часто затрагиваются в этих произведениях и тенденциозно разрешаются вопросы о благе всех людей, свободе, равенстве, братстве, о государственных повинностях, присяге, войне и судах. Результаты религиозно-сектантскаго анархическаго учения, излагаемаго в указанных рукописных произведениях и всё более и более проникающаго в сектантскую среду, крайне печальны. Как велика опасность для Церкви и Государства, какою грозят настойчивые попытки интеллигентнаго сектантства стать руководителями ***оторвавшихся от Православия*** *последователей существующих сект, ясно показало известное движение в среде закавказских духоборов, составивших преступное анархическое общество (партия постников), отрекшееся признавать верховную власть Царя, подчиняться поставленному от него начальству, отрицающее правительственныя учреждения и законы».*

В другом месте:

«В Таврической епархии одним Штундо-баптистом распространён был даже дерзкий слух, будто Государыня Императрица и Великий Князь Александр Михайлович принадлежат к секте баптистов, в которую перешло, будто бы, и 300 Православных пастырей».

Вот картина написанная официальным пером. И да не подумают, что приведённые нелепые слухи значения не имеют. Все они проникают в народныя массы и подтачивают как червь вековечные устои России. Картина грозная.

Если и единый волос не спадёт с головы человека без воли Божией; то подавно она господственно направляет судьбы народов и царств, ярко выступая в крупных событиях историческаго их бытия. Царства падают или от того, что они уже прошли предназначенное им Промыслом поприще, или же потому, что, невзирая на посылаемыя им знамения, предостережения, испытания и наказания, они оказываются недостойными исполнителями воли их Творца. Не уходит ли от нас Царствие Божие?

Да не будет!

Заря нашего обновления занимается. Уже раздался ободряющий голос Молодого Царя там, «где нетленно почивают угодившие Богу Святители среди гробниц венценосных собирателей и строителей земли Русской, в колыбели Самодержавия». Да услышит же Господь молитву

верных и вложит в душу Царя святую решимость, став державно на страже нашего спасения, ввести дорогую Россию в отверстыя уже двери новаго века под сенью Св.Церкви, водворяемой Им снова в ея древних строениях, Им обновляемых. Как благовест раздался бы по лицу Православнаго мира голос Царя, призывающий Первостоятеля Церкви к совместной работе, при ***личных*** *сношениях Царя со Святителем. Тогда спадут цепи с Дома Господня и новый век поклонится славой Новому Константину.*

Да будет!

С подлинным верно Ал. Нейдгартъ.*
3 Марта 1901 г.

РГИА. Ф.834. Оп.4. Д. 1199.

№ 4

Письмо Я.Брафманна к Государю.

Всеавгустейший Монарх
Всемилостивейший Государь!

Происходя от еврейских родителей, 34 года я погружён был во мрак суетных жидовских лжемудрований, и хотя проявлялось иногда во мне природное чувство любознательности, но оно вдруг подавлялось хитросплетенными жидовскими баснями и преданиями о Боге и Его правде, о человеке и его неправде. Душа отуманенная кабалистическими толкованиями, хотя иногда и вырывалась из мрака, чтобы подышать чистым благовеянием слова Божия и озариться лучами откровения, но родители, меламеды и раввины всякое подобное чувство и стремление, считая дерзким мятежом противу Бога, убивали оные при самом появлении, дабы, так сказать, не мог делать и шагу без их водительства и настроения.

Будучи связан узами мрака, хотя я иногда тайком и хотел заглянуть в Евангелие, но цель моя и всех моих братий состояла только в том, чтобы посмеяться над учением Спасителя, которое чуждо евреям, как потому, что оно написано не на простом удобопонятном жидовском языке, так и потому, что оно противно закоренелым основным фанатическим правилам их Богоповедения. Ибо по настоящему учению талмудическому (которое ныне между евреями существует) имя христианина, их вера, храмы и даже благодетельные распоряжения их Правительства в пользу евреев, как то: поощрение к земледелию, искусст-

---

* *Подпись сделана рукою Ал. А. Нейдгарта.*

вам и наукам, всё это считают ненавистным и богомерзким преследованием и угнетением религиозной свободы, проповедующей доныне приближение Мессии со всевозможными чувственными благами для евреев; а наказаниями, прещениями и местию для христиан. По достижении полнолетнего возраста, дающего евреям более свободы к чтению, я разбирал Евангелие в немецком языке и хотя чрез мрак заблуждений и фанатизма озарял иногда мою душу луч Божественной Истины, но он вдруг был помрачаем тучами талмудических и кабалистических толкований. Когда же я начал читать Божественное учение Иисуса Христа на знакомом мне древнееврейском языке издание Лондинских Миссионеров, то почувствовал удивительную в себе перемену.*

*Голос Небесной Истины гармонически отозвался в моей душе и звуки природного языка, убедительные и тёплые начали насаждать истину в моём самосознании. Согретый однажды неизъяснимым чувством радости и благодарности к Богу Иисусу Христу, я с жадностью приступил к источнику Божественного Его учения, почерпал неутомимо из него воду текущую в живот вечный. Наконец, я удостоился Св.крещения, в котором благодатию Пресвятыя Троицы, отряс еврейскую скверу** и омыл душу свою водами новозаветной благодати Сына Божия.*

*Взирая на прошедшее мое состояние и настоящее положение бывших братий евреев, храмляющих на обе плесни*** в вышепрописанном заблуждении, из любви к человечеству так громко проповедываемой Спасителем, соболезную об ослеплении нескольких миллионов евреев, погибающих в праздной жизни, мне ничего не остается желать, как молить Бога дабы Он благодатию Своею, призрел отверженного Израиля и приблизил время его спасения. Но чтобы не остаться праздным зрителем судеб Божиих о человеке; любовь христианская учит меня с своей стороны употреблять всё, что только можно для спасения заблужденных; если только попечительное о благе подданных Правительство признает это полезным и необходимым.*

Следуя мыслию за всеми мерами, какие только были принимаемы в России под мудрым скипетром Благочестивых Государей, чтобы просветить ослеплённых и ожесточённых всегда противу христиан евреев, я с болезнию души заметил, что меры сии остались не действительными; и со стороны евреев признаются только притеснением и угнетением, потому что народ, считающий себя временно-пленённым, из всех молитв признаёт единственною и святою только ту, которая состоит из самых ложных и гибельных мыслей: о скорейшем низпровержении существующего на земле порядка и о порабощении всех народов восстановле-

---

** Видимо, Лондонских.*
*** Скверну.*
**** Хромающих на обе ноги.*

нием скипетра Давида (что даже упоминается и в молитве составленной о благоденствии Царя); такой народ не способен наслаждаться благодетельными узаконениями христианского Правительства, никогда не может слиться с массою коренных жителей, заботиться о благе общем и быть полезным Государству. Что же остаётся с ними делать? Оставить ли их на произвол судьбы, в ухищренных силогизмах ими проповедываемой? Нет! я боюсь искушать Бога моего, и сложив руки, сомкнув уста, довольствоваться только своим счастием.

Сии ощущения, сия ревность по вере дали мне смелость к составлению проекта, каким бы образом успешнее можно было действовать на здешнего еврея, чтобы он сознал в себе силы быть полезным благу общему, чтобы он оставил тяжёлый труд в изучении вредного человечеству талмуда и кабалы, и принялся по христиански со всею охотою за земледелие, искусство и науки, и таким образом оставил презренный образ жизни, выманивать себе кусок хлеба, кровавым потом приобретаемый низшим классом народа. Настроенный только на сию дорогу еврей может позволить себе смелости послушать и христианское учение, а как юдаизм никаким образом не допускает еврея к нарушению даже в малейшем прописанной ему талмудической формы, потому еврей не может быть реформированным евреем, разве только христианином. А для сего необходимо нужно: а) открыть еврейское Миссионерство в Западной России, членам коего дозволить под защитою Правительства и местных властей везде где только может представиться удобный случай проповедывать на жидовском языке о заблуждении народа, об истинном просвещении и назначении человека, дабы могли понять не только мужчины, но даже женщины и дети, б) составить для сего перевод на таком простом языке Святых Книг нового завета, и в большом количестве пустить между евреями; что я могу принять на себя; и наконец в) Назначить в члены сего Миссионерства таких лиц, кои достаточно знают простой жидовский язык, образ их жизни, нравы, образ ихнего изложения науки, и риторических и талмудических форм; тогда можно надеяться, что при таких средствах ревностные деятели стяжали бы себе обильный плод трудов своих, и если бы меня Господь удостоил сего назначения, я мог бы поручиться, что труд мой не остался бы без благих последствий для пользы христианства, Царя и отечества.*

Вашего Императорского Величества
Верноподданный Яков Брафманн.

5-го Сентября 1858 года
Местожительство просителя в городе Минске.

РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.184.

**Так в тексте.*

№ 5

Выдержки из письма С.Шарапова Андроникову М.М.

Дорогой Князь, Михаил Михайлович!

Пусть это длинное послание не удивляет Вас. Мысли, высказанные здесь, я предполагал сначала поместить в нескольких главах «Моего Дневника» в ближайшей книжке «Сочинений». Но предмет так важен, а цензурные рамки так тесны, что я предпочёл форму частного письма, где наиболее наболевшее чувство может выразиться вполне свободно.

Поводом моего послания послужило давно жданное и желанное событие — рождение Наследника Престола. Единственный светлый луч в нашей общественной и государственной жизни за долгие месяцы, единственная улыбка судьбы! В виду огромной важности этого события рука сама берётся за перо.

Но к делу.

Историческое значение таких радостных и светлых минут. как рождение Цезаревича, заключается в том. что в народной массе стихийною волною поднимаются лучшие чувства любви, уповония и доверия к своему Царю, укрепляется могучая связь страны и Престола, а на Престоле, в центре и источнике всенародной радости. созревают новыя светлыя мысли, просветляется сознание, усиливается встречное чувство любви и доверия к народу и принимаются иногда великия исторические рѣшения.

Чтобы высказываемое мною ниже было понятным и не возбудило недоразумений, необходимо остановиться на минуту над вопросом: из каких главных элементов слагается политически и духовно наша Родина и в каком отношении каждый из этих элементов стоит к Верховной Власти и к современному Правительству?

Народная масса, составляющая огромный фон картины и фундамент государства, глубоко предана Государю, и сознательно, и стихийно. В лице Его чтут священный в народном сознании принцип Царского Самодержавия, коему ещё долго останется верен русский народ, свободный и обезпеченный гражданскими правами и землею только благодаря Самодержавию. Любят и Государя Николая-II-го лично, как светлаго, кроткаго и добраго Правителя, духовно близкаго народу, чтущаго и берегущаго его священные заветы и обычаи и не упускающаго случая показать и оттенить это духовное общение на почве веры и Церкви. Народ верит, что Государь его первый начальник и работник, что Он трудится, страдает и посвящает свою жизнь заботам о России, и не винит его в своих скорбях и бедствиях, ясно сознавая всю огромность и сложность задач, возложенных Провидением на Русскаго Царя.

С этой стороны Русский Самодержец, можно сказать, безконечно силен, как сильна воплощённая в Нём Россия.

Но эта сила есть лишь невесомая и неуловимая нравственная сила, действующая лишь тогда, когда она организована в государство, и проникает собою насквозь весь правящий аппарат. Сама по себе народная масса в исторической жизни выходит на сцену слишком редко и всегда пассивно. Действует активно, творит историю лишь та часть народа, которая составляет общество, верхний политический слой народа. И вот тут является второй великий вопрос: эта действующая часть что собою изображает?

Оставим инородческия окраины и исследуем только коренную земскую Россию, ядро и основу нашей государственности.

Огромное, подавляющее своей численностью большинство так называемаго общества, ныне, после сорока лет, состоит из спокойных и благоразумных людей средняго образования и достатка, коих вся деятельность посвящена упорному труду над добыванием средств для жизни и воспитания детей. Политическое мировоззрение всей этой обширной группы, сплошь читающей ежедневныя газеты, весьма бледное и неопределённое. С одной стороны это русския люди, сознающие вместе с народною массою, что Самодержавие наш великий исторический и дорогой принцип, который было бы опасно менять на что либо иное, неизвестное; западные парламентарные порядки в глазах русскаго общества достаточно скомпрометированы и не в эту сторону направлены чаяния здороваго большинства. Но не гоняясь за политическими мечтами, с искренней симпатией и любовью относясь к прекрасной личности Монарха, эти люди во всей своей массе полны глубокаго и нескрываемаго отчуждения, доходящаго до озлобления, по отношению к тому, что называется правительством и представляет окружающий Верховную Власть аппарат, посредством котораго совершается наша государственная жизнь и регулируется жизнь общественная.

Отсюда путаница взглядов и убеждений, бросающаяся в глаза.

Отрицательное отношение всей массы русскаго общества к правительству основано не на чьей либо зловредной проповеди, не на каких либо овладевших страною революционных течениях или стремлениях к конституциализму, политическим правам и свободе, а исключительно на неспособности нашего современнаго правящаго аппарата создать сколько нибудь сносныя духовныя и материальныя условия для существования русских граждан и на его принципиальной враждебности и нетерпимости ко всякому совбодному обществу почину, хотя бы и самому невинному и благонамеренному, причём эта нетерпимость и недоверие облекаются в самыя оскорбительныя и унизительныя формы запрета и полицейскаго контроля, делая правительство как бы воюющею страной по отношению к собственному народу.

Глубокий раскол между правительством и обществом начался со второй половины царствования Императора Александра II, лично пользовавшагося величайшею любовью и обаянием, и к настоящему моменту принял формы явно безнравственныя и решительно угрожающия Самодержавию, так как последнее, составляя силу нравственную, не может существовать в атмосфере отчуждения, озлобления и отрицания, с одной стороны, официальной лжи, лицемерия и холопства с другой.

Общественное сознание, стоящее инстинктивно ещё за Самодержавие, начинает в конце концов в его изверiваться и перестаёт от него ждать спасения для России, ибо видит, что Самодержавие всё теснее и теснее сливается с ненавистным стране бюрократизмом, всё более и более ищет в нём себе опоры, и в той борьбе, которая ведётся живыми силами общества со всеподавляющей бюрократиею, фатально становится на стороне последней.

Форма этого отчуждения общества от правительства пока чисто пассивная. Выделившиеся в особую группу революционные элементы, составляя ничтожное меньшинство, сильное единственно всеобщим равнодушием и полною невозможностью для правительства с ними справиться, объявили существующему строю упорную и истребительную войну, выражающуюся в возбуждении смут среди молодёжи, широкой и совершенно неуловимой литературной пропаганде и наконец целом ряде политических убийств. Легальная и благоразумная часть общества усвоила себе роль спокойных и совершенно равнодушных зрителей в этой борьбе и, как ни грусно в этом признаться, поскольку это касается министров и высших сановников, сочувствует едва ли не больше убийцам, чем растерянно мечущейся власти, из рядов коей один за другим вырываются наиболее усердные и крупные деятели.

Можно обвинять или оправдывать общество, но признать факт указаннаго равнодушия и с ним считаться необходимо. Это равнодушие в высшей степени гибельно для принципа Самодержавия. На нём воспитывается Россия вот уже третье десятилетие и в конце концов только среди весьма немногих мыслящих людей в России сохранилось ясное понятие, что по существу своему Царское Самодержавие и бюрократический правящий апарат не только не имеет между собою ничего органически общаго, но представляет начала по существу своему несовместимыя, связанныя между собою единственно в силу затянувшагося историческаго недоразумения. Так думают славянофилы, но таких мыслителей очень немного, в большинстве же распространяется и растёт мысль, проникая постепенно и в народную массу, что для Самодержавия нет и не может быть другой оболочки, другого правительственнаго аппарата, как сеть бюрократических «ведомств», а так как последняя для живого, свободного и уже очень выросшаго в гражданском отношении общества является совершенным анахронизмом, то и Самодержа-

вие вместе с нею осуждено на медленное угасание и ведёт последнюю борьбу за своё существование. Эта мысль усердно проповедуется лучшею, либеральною частью русскаго общества, воспитанною на поклонении Западу и может быть даже не подозревающею, что истинное русское историческое Самодержавие в своей свободной, нравственной и просвещённой форме, найдя надлежащие и здоровые органы для своего существования, может явиться самою могущественною, самою живою и свободолюбивою формою государственной власти, которая когда либо доставалась в удел великому народу.

Третьей общественной силой является наша молодёжь, выделяющая из себя и постоянно пополняющая активно-разрушительную группу анархистов, социал-демократов и разнаго иного наименования революционеров. За самыми ничтожными исключениями, каждый из образованных людей, ныне спокойных и благоразумныхъ, в своё молодое время, благодаря нелепой и вредной школе и нравственной анархии в русском обществе, отдал дань революционным веяниям, дойдя иногда до преступных крайностей, но в огромном большинстве ограничились демонстрациями более невиннаго свойства. Сквозь эту политическую школу прошло всё русское общество. /.../

/.../ Если этот обыватель знаком с учением Православной веры и канонами и искренне верует, он с ужасом будет смотреть на казённое ведомство, поглотившее его Церковь, выкравшее из Нея ея дух и обратившее служителей алтаря в чиновников. Он постарается стать подальше от карьеристов-архиереев, льстящих власти и рабствующих перед Обер-Прокурором Синода, и от нигилистов – молодых священников, надевших рясу с презрением, от того, что некуда было деваться, и вознаграждающих себя поборами с населения. Вся его связь с Церковью ограничится обязательными случаями. Вот откуда полный индифферентизм нашего общества, секты и расколы в народе! Вот что сделала бюрократия в самом священном месте национальнаго и государственнаго организма! /.../

Древняя русская земщина – городская и сельская – имела своею первою ячейкою приход, своими вожаками прежде всего из народа вышедшее излюбленное и выборное духовенство. Приход был живою церковною, административною единицею, истинной хранительницей государственных и исторических традиций, чистоты веры и народного духа. В приходе среди близкаго соседства упразднялась в земском деле сословность и когда был нужен истинно любимый народом умный и самоотверженный стоятель за мирские интересы, церковная община находила и называла его в своей среде без труда и ошибки. Церковь освящала и благословляла этот выбор. Вот почему земские люди старой Руси были совершенно не похожи на нынешних и между ними и правительством Самодержавного Царя никогда не возникало ни недоверия, ни недоразумений.

И сейчас, несмотря на весь политический разврат, широкими волнами идущий из бюрократическаго средостения, достаточно восстановить приход, как первую общественную ячейку, и в стенах Церкви дать народу возможность назвать его лучших людей, чтобы получить истинное земское представительство православной Руси.

Возстановление православной русской общины – церковного прихода сельского и городского, переустройство земской жизни на церковных православных началах, возвращение Церкви ея свободы и канонами опредeленнаго устройства – вот первый шаг на пути возрождения России и укрепления на вечные времена светлаго и свободнаго истинно русскаго Самодержавия.

Это единственный способ призвать весь русский народ к сознательному хранению старых русских политических заветов в новой свободной и разумной форме. На приходе возникнет истинно русская земщина, перед которой в ту же минуту рассеются, как дым, лишённые почвы враждебные государству разрушительные силы. /.../

1904 г. 15 Авг.

РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.29

№ 6

Программа Союза Русского Народа

За Веру, Царя и Отечество.
Русскому Народу.

«Объединяйтесь, Русские люди; Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому Народу удастся победить врагов России. Поблагодарите всех Русских людей, примкнувших к Союзу Русскаго Народа».

Царские слова Союзу Русскаго Народа, сказанные 23 Декабря 1905 года.

Союз Русскаго Народа поставляет себе целью объединение всех честных Русских людей, верных долгу присяги во имя Веры, Царя и Отечества.

Союз открыто заявляет, что вовсе не желает возвращения к бюрократическим порядкам последних годов, когда именем Царя на Руси творились всякия беззакония.

Союз как в жизни, так и в Государственной Думе, будет отстаивать следующия положения:

I. Православие.

Союз признает веру Православную, исповедуемую всем коренным Русским населением, основою Русской жизни, господствующею в России,

не делая в Православии никакого различия между последователями стараго и новаго обряда. К другим вероисповеданиям Союз относится с полной веротерпимостью и не препятствует людям иного вероисповедания молиться по своему.

II. Самодержавие.

Самодержавие Русских Царей, Православною Церковью искони освященное, по воле Государя Императора осталось и после 17 Октября незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России.

Самодержавный Государь есть высшая правда, закон и сила, а посему Союз приглашает всех Русских людей сплотиться вокруг своего Государя, решившаго при участии Государственной Думы и Государственнаго Совета, при полном общении со своим Народом, наилучшим образом разрешать все неотложные задачи о благоденствии Русскаго народа и могучем росте нашей родины.

III. Народность.

Союз Русскаго Народа исповедует, что Русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Русскаго государства, — есть народность державная; прочия народности в России пользуются правами гражданскаго равенства, за исключением евреев.

IV. Единство и неделимость России.

Союз Русскаго Народа твёрдо объявляет и всенародно исповедует неделимость Российской Империи в ея теперешних границах и поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоёванныя кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русскаго государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы.

V. Еврейский вопрос.

Евреи в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне выказали непримиримую ненависть к России и ко всему Русскому своё невероятное человеконенавистничество, свою полную отчуждённость от других народностей и свои особые иудейския воззрения, которыя под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан-гоев допускают всякия беззакония и насилия до убийства включительно.

Как известно и, как заявляли неоднократно сами евреи в своих «манифестах» и прокламациях, — переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России — с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг Царя и родины, — всё это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги.

Русский народ, сознавая всё это и имея полную возможность, пользуясь своим правом хозяина земли Русской, мог бы в течение одного дня подавить преступныя желания евреев и заставить их преклониться пред

его волей, пред волей державнаго хозяина земли Русской, но, руководясь высшими задачами христианскаго вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейскаго вопроса, являющагося одинаково роковым вопросом для всех цивилизованных народов.

Принимая во внимание, что в последние годы евреи сами всеми способами стремятся к переселению в Палестину и, главным образом, к образованию собственнаго государства, и находя, что выселение их из всех стран, в которых они ныне проживают, является единственным верным средством для избавления человечества навсегда от зла, какое для него представляют евреи, Союз Русскаго Народа будет всеми мерами стремиться, чтобы его представители в Государственной Думе прежде всего выдвинули вопрос об образовании еврейскаго государства, о содействии их выселению в это государство, каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от Русскаго народа.

Мало того, Союз Русскаго Народа обяжет своих представителей в Государственной Думе, идя навстречу желанию самих же евреев, обратиться к своему правительству с просьбой — войти в сношение с иностранными правительствами о всяческом содействии евреям для переселения их в свое царство.

Руководясь этим и веря в успешное осуществление даннаго проекта, идущего навстречу желаний самих евреев, Союз Русскаго Народа полагает, что близкая возможность осуществления этой мечты несомненно отразилась бы на нормальном выполнении евреями их гражданских обязанностей в странах, оказавших им гостеприимство, и не во вред народам, среди которых они живут.

А потому Союз Русскаго Народа обязывает своих представителей в Государственной Думе домогаться, чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами, но без каких бы то ни было прав и привиллегий, предоставленных всем прочим иностранцам. Такая мера, в связи с другими ограничительными мерами, несомненно поддерживала бы энергию евреев в деле скорейшаго переселения в собственное царство и обзаведения собственным хозяйством.

Исходя из всего вышеизложеннаго, Союз Русскаго Народа находит, что, ввиду предстоящаго переселения евреев в собственное царство, было бы не только неприятно для них, но вредно и для страны дальнейшее исполнение ими некоторых гражданских обязанностей, а потому считает своим долгом домогаться:

1. Чтобы евреи не могли быть допускаемы ни в армию, ни во флот, ни военнослужащими, ни по вольному найму, ни в строевыя части, ни в интендантство. Чтобы евреи не могли быть военными врачами, фельдшерами и фармацевтами.

С другой стороны, Союз находит справедливым и необходимым заменить для евреев отбывание воинской повинности – денежной; непрерывное же поступление этой денежной повинности возложить на всё еврейское население с круговой порукой.

2. Немедленнаго возстановления строгой черты еврейской оседлости в прежних пределах, с предоставлением подлежащим обществам, входящим в черту оседлости, права делать постановления о недопущении евреев в свои пределы, а равно и выселении из них.
Отмены всех законов, расширяющих черту оседлости евреев, дабы были возстановлены законы, действовавшие по ограничению евреев до 1903 года.
Отмены привилегии для евреев по образованию, ремеслам, предоставляющим им право повсеместнаго жительства.
Воспрещения евреям проживать и пребывать в портовых городах.
3. Недопущения евреев во все учебныя заведения, где обучаются дети христиан, и лишения их права основывать учебныя заведения высшия и средния.
Воспрещения евреям быть преподавателями и начальниками (директорами, инспекторами и т.п.) в казённых, общественных и частных учебных заведениях.
Воспрещения евреям быть домашними и сельскими учителями.
(Воспрещение это распространяется и на евреек).
4. Недопущения евреев на государственную и общественную службы.
Воспрещение евреям получать какия бы то ни было концессии и участвовать в каких бы то ни было общественных и казённых подрядах и поставках.
Воспрещения евреям быть судовладельцами и судоводителями и вообще службы в торговом флоте и на железных дорогах.
Воспрещения евреям принимать участия в выборах в общественныя учреждения и самоуправления, а равно иметь в оных своих представителей по назначению административной власти.
5. Недопущения евреев под каким бы то ни было видом в Государственный Совет и в Государственную Думу, ни к выборам в оные.
6. Воспрещения евреям содержать аптеки и аптекарские магазины, быть провизорами, управлять и служить в оных.
Воспрещения евреям производить торговлю медикаментами и медицинскими продуктами.
7. У евреев, уличённых в участии в революционных действиях, конфискации всякаго имущества, каковое поступает в казну.
8. Недопущения евреев ни в редакторы, ни в издатели периодических изданий.
Воспрещения евреям иметь книжные магазины, типографии и литографии.
9. Воспрещения евреям – иностранным подданным – пребывать в России.

VI. Земельный вопрос.

Союз Русскаго Народа будет домогаться всеми силами расширения крестьянскаго землевладения, памятуя, однако, великия слова Государя Императора Александра III, подтвержденные Императором Николаем II: «Всякая собственность, в том числе и земельная, должна быть неприкосновенна», откуда вытекает, что никакия меры, направленныя к улучшению быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности.

Союз будет домогаться:

1) Уравнения имущественных и семейных прав крестьянскаго и прочих сословий, не предпринимая притом никаких насильственных мер, ни против общины, ни против иных местных бытовых особенностей устройства крестьян.
Земельные участки крестьянских наделов (отведённые по закону 19 Февраля 1861 года и закону 1865 г.), находящиеся во владении каждаго отдельнаго крестьянина, должны быть признаны полной его собственностью с воспрещением отчуждения их в руки не крестьян.
2) Передачи малоземельным крестьянам на выгодных для них условиях всех годных для земледелия казённых земель.
3) Вследствие недостаточности казённых земель для удовлетворения земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, Союз будет добиваться покупки для той же цели за счет государства у частных владельцев добровольно продаваемых ими земель.
4) Продажи приобретённых за счёт государства земель нуждающимся в ней малоземельным крестьянам по ценам, доступным для крестьян, с принятием

в случае надобности разницы между ценой, по которой земля приобретена от частных владельцев, и ценой, по которой она будет предоставлена крестьянам, на счет общих государственных средств.

5) Увеличения помощи переселенцам, как для переезда на новыя места, так и для обзаведения на них.

6) Установления легкаго порядка продажи крестьянами, желающими переселиться или заняться каким-либо не земледельческим промыслом, принадлежащих им наделов.

7) Улучшения способов землепользования крестьянами на принадлежащих им ныне землях посредством разселения желающих, устранения черезполосности наделённых земель и сведения мелких земельных полос, находящихся во владении отдельных крестьян, в более крупные земельные участки.

8) Признания, что в обществах, которыя не производили переделов земли в течение 24 лет, земельные участки, состоящие в пользовании отдельных хозяев, составляют их неотъемлемую собственность и что, следовательно, переделы земли в таких обществах производимы быть не могут.

9) Предоставления в обществах, производящих переделы земли, отдельным крестьянам права выйти из общества и укрепить за собою свою частную собственность (участки общинной земли), сохранив за общиной право выкупать земельные участки выходящих из ея состава членов, уплатив им стоимость их деньгами.

10) Предоставления земельным обществам права вполне самостоятельно распоряжаться принадлежащими им землями, ограничив правительственный надзор наблюдением за тем, чтобы общества не нарушали требований закона.
В случаях черезполосицы крестьянских наделов с землями частных владельцев, необходимости устранения оной путём обмена или покупки при содействии казны.

11) Урегулировки законодательным порядком арендных отношений собственников земли к нанимателям для каждой местности.

12) Установления для каждой местности наименьшаго размера земельной собственности, не подлежащей принудительной продаже за долги владельца.

13) Выкупа всех сервитутных прав при содействии казны по существующей казенной оценке.

14) Устройства казённых зернохранилищ (элеваторов) для покупки крестьянскаго хлеба и выдачи под него ссуд, что освободит мелких землевладельцев от эксплуатации их скупщиками и комиссионерами и упорядочит заграничный вызов.

15) Учреждения и развития мелкаго государственнаго сельскаго кредита для поддержки мелких землевладельцев (крестьян), кустарей и потребительных обществ.

16) Всяческаго облегчения крестьянам и вообще мелким землевладельцам приобретения племеннаго скота и улучшенных сельскохозяйственных орудий.
Независимо от сего, принимая во внимание много раз оказанныя и теперь оказываемыя России историческия услуги славным казачеством, Союз Русскаго Народа признаёт необходимым употребить все силы для улучшения быта отдельных казачьих хозяев в земельном и денежном отношениях.

Кроме того, по тем же причинам Союз находит целесообразным добиваться, чтобы административныя и полицейския должности с присвоенными им окладами в настоящее смутное время замещались бы преимущественно казачьими чинами, состоящими на льготе или по войску.

Казачьи сословия, ныне расформированныя, прежних малороссийских новороссийских полков в Полтавской, Черниговской, Киевской и Бессарабской губерниях — должны быть уравнены в преимуществах и обязанностях с остальным казачеством.

VII. Рабочий вопрос.

Союз признает необходимым всеми мерами способствовать облегчению труда и улучшению быта рабочих. С этой целью Союз вменяет себе в обязанность содействовать:

а) Возможному сокращению рабочаго дня.

б) Устройству Русскаго государственнаго промышленнаго банка с целью облегчения образования рабочих и промышленных артелей и товариществ и снабжения их дешевым кредитом.

в) Добиваться государственнаго страхования рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости.

г) Добиваться упорядочения условий труда и взаимных отношений фабрикантов и рабочих.

VIII. Народное образование.

Союз Русскаго Народа будет требовать безплатнаго народнаго всеобщаго образования, главным образом земледельческаго и ремесленнаго. Признавая, однако, что школа, кроме образования, должна давать и надлежащее воспитание, Союз ставит своею целью заботиться о том, чтобы Русская школа — низшая, средняя и высшая — воспитывала бы юношество в духе Православных христианских начал: любви к Царю, Отечеству и преданности долгу, и чтобы школа была вполне национально-русскою.

IX. Торговля, промышленность и финансы.

Союз ставит себе задачей всеми мерами способствовать развитию русской торговли и промышленности, захваченной в настоящее время иностранцами и евреями, и переходу таковой в русския руки:

1) Союз будет добиваться увеличения количества денежных знаков путём уничтожения золотой валюты и введения национального кредитного рубля.
2) Союз считает своею обязанностью стремиться к тому, чтобы русские финансы вышли из подчинения иностранных рынков.
3) Союз должен всеми способами содействовать тому, чтобы призывать русских капиталистов к борьбе с еврейскими и иностранными капиталами и вызвать приток государственных капиталов на арену борьбы русских предпринимателей с еврейскими и иностранными.
4) Союз, признавая, что частные земельные банки служат к эксплуатации населения, будет домогаться уничтожения таковых и образования общегосударственнаго земельнаго банка.
5) Союз, признавая великим благом для народа положение о государственном страховании жизни, введённое в 1905 году, почтет своим долгом распространить его, возможно увеличив число видов страхования.
6) Союз будет настаивать на том, чтобы все без исключения казённые заказы исполнялись бы в России, а не за границей, и чтобы в промышленных и мореходных предприятиях, получающих правительственную поддержку, не допускались бы иностранцы.
7) Союз будет стремиться к упорядочению вывозной торговли посредством учреждения в местах ея получения русских арбитражных комитетов и посреднических контор.
8) Кроме того, Союз будет настаивать, чтобы правительственные заказы выполнялись отечественными заводами и не поступали к иностранным.

X. Правосудие.

Союз вменяет себе в обязанность добиваться всеми мерами устранения служебнаго произвола, судебной волокиты как по уголовному, так и гражданскому производству, удешевления такового и возстановления правосудия.

Преступления против государства, против жизни, грабёж, поджог, недозволенное приготовление, хранение, перевозка, ношение и употребление взрывчатых веществ и снарядов анархистами и революционерами, соучастие в этих преступлениях, укрывательство и пристанодержательство, насильственное снятие с работ и закрытие промышленных и торговых заведений, порча мостов, путей и машин с целью прекращения движения или остановки работ, вооруженное сопротивление властям, революционная пропаганда в войсках, подстрекательство женщин и малолетних к преступлениям выше перечисленным — должны караться смертной казнью.

Союз Русскаго Народа, признавая, что русский суд иногда находится под влиянием евреев и, благодаря этому, весы правосудия пристрастно наклоняются в их пользу, обязывается отстаивать интересы русскаго правосудия и Русскаго народа на суде, нещадно обличая в издаваемых им органах все неправильности, отстаивая чистоту русскаго правосудия.

Союз Русскаго Народа будет настаивать на том, чтобы в судебном ведомстве прекратились случаи покровительства революции. Поэтому должны быть устранены от должности те чины судебнаго ведомства, которые принимали участие в политических партиях, враждебных Православию, Самодержавию и Русской народности, и не должны быть допускаемы в адвокаты (присяжные поверенные, присяжные стряпчие, помощники присяжных поверенных и частные поверенные) евреи.

Настоящая избирательная программа выработана и единогласно принята Первым Всероссийским съездом уполномоченных отделов Союза Русскаго Народа и является, в силу этого, обязательною для всех отделов Союза по всей Российской Империи.

«Почаевский листок». Сентябрьский выпуск № 38. 1906.

№ 7

А. Открытое письмо Председателя Главного Совета Союза Русского Народа А.И. Дубровина Митрополиту С.-Петербуржскому Антонию, Первенствующему Члену Св.Синода.

Ваше Высокопреосвященство!

15 Ноября сего года, в беседе с представителями Главного Совета Союза Русского Народа, Председателем коего я имею честь состоять, Ваше Высокопреосвященство впервые, наконец, ясно и определенно вы-

сказали своё отношение к русским патриотическим партиям, союзам, громадам, собраниям, разбросанным в числе свыше четырехсот по всей России и ныне объединившимися под именем «Объединенного Русского Народа».

До настоящего времени Ваше Высокопреосвященство уклонялись от решительного осуждения патриотических организаций, а мы, их члены, в сознании чистоты и святости преследуемой нами цели, считали прямо невероятным допустить, чтобы Первосвятитель Русской Церкви, будущий Патриарх Всероссийский, мог отрицательно и враждебно относиться к тем единственным в России политическим организациям, ныне объединенным, которые во главу угла своего политического исповедания поставили Святую Православную Веру.

Мы просили Ваше Высокопреосвященство совершить у нас в Союзе Богослужение, по случаю сооружения и освящения хоругви и знамени Союза; мы ждали и жаждали первосвятительского благословения. Для людей нашего духовного склада ведь это так понятно, как, наоборот, совершенно непонятно представителям наших либеральных партий, которые, под видом и предлогом веротерпимости и свободы совести, давно стали свободны и от Веры и от совести. Оказалось, к удивлению, все Ваши симпатии тяготеют к последним. На просьбу нашу Вы ответили отказом приехать лично, но обещали «командировать» викария. Да и это неприветливое обещание Вы поспешили ещё более расхолодить и обесцветить: Вы тотчас же не преминули заявить, что для Вас безразличны все партии, что если бы к Вам обратились партии Мирного Обновления или 17 Октября с просьбой помолиться, то и в этом случае Вы также командировали бы и к ним викария, ибо Вы, по словам Вашим, хотя программ этих партий не читали, но знаете, что они разрешены Правительством. В этом формально-бездушном отношении к текущей действительности и к современному положению дел в нашем Отечестве, Вы, по Вашим словам, находитесь «выше и вне политики». И тем не менее Вы тут же нашли нужным скрыть свое отношение к патриотическим русским или, так называемым, правым партиям, и этим показали, что Вы не так мало осведомлены в политике и в группировке политических партий. Вы нам заявили: «правым Вашим партиям я не сочувствую и считаю Вас террористами: террористы-левые бросают бомбы, а правые партии, вместо бомб, забрасывают камнями всех с ними несогласных».

Но ведь я и наша депутация не спрашивали Вас, Владыко, о Ваших политических воззрениях, — Вы сами о них нам поведали. В то же время Вы хулили только патриотические правые партии, ничего не сказавши о других партиях, хотя и разрешенных Правительством. Очевидно, Вы им более сочувствуете.

Ваше Высокопреосвященство! Я вынужден своим положением дать Вам ответ на Ваше жесткое и несправедливое слово, столь неуместное в устах Первосвятителя по отношению к людям, ищущим покрова и утверждения Православия. Вы, конечно, понимаете, как трудно мне писать, как трудно подбирать выражения, мне, убежденному Православному Русскому человеку, в письменной беседе с Митрополитом. Я мучился, колебался – писать ли это письмо. Я решил было молчать, подавив в себе чувства негодования и обиды. И вот, на страницах бульварной газетки «Петербургский Листок» в № 329, я читаю статейку, которая под видом защиты Вашего Высокопреосвященства от ожидаемых обвинений со стороны Союза Русского Народа, рисует пред нами ярко весь смысл Вашей деятельности в последние два года: а факт публичного, цинически наглого заявления, возросшего под покровительством Вашим, Архимандрита Михаила о том, что он социалист, подтвердил всё то, что приписывает Вам, в виде заслуги, «Петербуржский Листок». Мы видим, что Ваше Высокопреосвященство своей деятельностью создали столь невозможное положение для верующих Русских людей, так обострили отношения между ними и официальной иерархией, которую Вы захолодили своим мертвящим бюрократизмом, что молчать долее значит совершать преступление. Я отвечаю. Ответ мой – вынужденный ответ.*

Я давний петербуржский житель и знаю Ваше Высокопреосвященство последние двадцать лет в столице: Ваша служба и деятельность у всех нас на глазах.

Ничем не выдающийся в науке, по отзывам товарищей, доцент Казанской Духовной Академии, получивший высшую богословскую степень только за новое, даже не переделанное, издание того же труда, который дал Вам и предыдущую ученую степень, против чего в свое время так горячо и справедливо протестовал в Синоде благочестивый митрополит Иоаникий. По-видимому, судя по Вашим же словам и действиям, никогда не читавший иных газет, кроме либеральных и прогрессивных; составитель бездушных проповедей с выглаженными фразами, не пробуждающими в верующих ни мысли, ни чувства; воспитанный в духе либеральных веяний 60 и 70-х годов, Вы, овдовевши, из профессорского фрака спокойно переоделись в рясу, но ряса не согрела Вас: и до сих пор Вы остались, в сущности, в том же фраке – бездушным, формальным исполнителем не духа, а буквы закона. Внешние обстоятельства для служебной карьеры Вам улыбались, и Вы быстро шли триумфатором, по ступеням иерархической лестницы, минуя заслуженных и поседелых

** Архимандрит Михаил (Семёнов) – профессор С.-Петербуржской Духовной Академии; открыто заявил о своих социалистических взглядах, опубликовав «Программу русских христиан-социалистов».*

иерархов, славных ученостью и умом, мужеством и даром проповедничества, как Амвросий, архиепископ Харьковский, славных молитвенным духом и заслугами миссионерскими, как Иркутский архиепископ Тихон, Томский архиепископ Макарий, Владимир, архиепископ Казанский; славных долголетним служением Церкви Божией, как Павел, бывший епископ Пензенский, Гурий, Феогност, архиепископ Кавказский, и многие другие старцы святители, выше которых и во главе которых Вы скоро стали. Вы поднимались на глазах умирающего Митрополита Исидора, пользуясь особым благоволением придворных сфер, на виду у покойного Императора, Самодержавию и Заветам которого Вы теперь изменили, в царствование его Августейшего Сына, вступив в Союз с графом Витте, преступным провокатором, деятелем столь печальной известности. Умер старец Исидор, Вы стали архиепископом Финляндским; для Вас лично создали эту ненужную кафедру только для того, чтобы держать Вас в Петербурге. Вы были постоянной угрозой Митрополиту Палладию, Вашему отцу и благодетелю, от коего Вы приняли монашеский постриг. Престарелый святитель всюду видел Вашу личность и следы искусно подготовляемого Вашего влияния — во дворце, в учебных заведениях, в общественных местах; его душу Вы отравили терзаниями, ревностью и подозрениями в домогательстве его митрополичьего престола.

Он умер, и его подозрения оправдались. Вы взошли бодро и необычайно быстро по ступеням амвона к его престолу, ничем особенным — ни личным благочестием, ни даром проповедничества, ни административным опытом, ни долголетним служением Церкви не заслуживши такого возвышения.

По-прежнему придворные сферы Вам особо покровительствовали; обер-прокуратура Св. Синода стояла за Вас; даже бдительный взор испытанного государственного мужа К.П. Победоносцева видел в Вас защитника Православия, Самодержавия и Русского народа. И как было не обмануться! При Императоре Александре III и в первые годы Царствования нынешнего Государя Вы ничем не выдавали своих старых свободных воззрений бывшего профессора и заурядного либерала 60 и 70 годов. Вы поддерживали направление К.П. Победоносцева, Вы проводили усердно все его меры; Вы везде стояли за исконные Русские начала; Вы были другом убитого доблестного Н.И. Бобрикова и говорили речь при его гробе, пока ещё не торжествовала крамола. Потом уже ни о Чухнине, ни о Сахарове, ни о Слепцове, ни о Козлове, ни о Мине Вы таких речей больше не говорили... Напротив, в разразившееся лихолетье, в эти последние два года, Вы всё более и более открывали свои планы и свои настоя-*

** В.К. Плеве, Г.П. Чухнин, В.В. Сахаров, С.В. Козлов, Г.А. Мин – русские государственно-политические и военные деятели, убитые в 1904–1905 гг. революционерами-террористами.*

щие свободные, а не показные воззрения, с которыми теперь так услужливо ознакомил нас «Петербуржский Листок». Ваших викариев по митрополии Вы уже давно усердно проводите на все выдающиеся кафедры, создавая себе из них будущих сторонников: но особое покровительство за последнее время Вы оказываете только крамольникам из духовных: Антонина, бывшего в лечебнице для душевнобольных и подавшего прошение о снятии священного сана архимандрита, за либерализм Вы поставили своим викарием; Исидора, запятнавшего иноческий сан и явившего себя сомнительными деяниями в Петербурге, на Кавказе Вы провели в епископы, воспитали Гапона; поддерживали и доселе поддерживаете еретика Григория Петрова, на которого нет управы: ведь, он находит в Вас могучего покровителя и защитника! Вы воспитали 32 бунтовщиков иереев: обратили постепенно «Церковный Вестник» и «Церковный Голос» в революционные органы; Духовные Академии введением автономии Вы обратили в революционные гнезда, наподобие светских высших учебных заведений.*

В Вашей Петербуржской Духовной Академии возрос и был профессором еврей, и архимандрит Михаил, открытый социалист. Вы его держали когда вся верующая Россия возмущалась его еврейскими брошюрками, растлевавшими Православие, пока, наконец, на днях в армяно-еврейской революционной газетке «Товарищ» не появилось его вторичное печатное заявление о том, что он социалист, и пока в дело не вмешался Св.Синод. Всё противоцерковное, противогосударственное в среде духовенства, как видите, выросло около Вас, пользовалось Вашим покровительством в столице, а внутри России, в надежде на Вашу поддержку, видя безнаказанность церковных бунтовщиков, подняло голову. Усиливалось освободительное движение, и Вы всё более и более выдавали себя. За последние три года Вы развернули перед нами, простыми верующими Русскими людьми, картину таких деяний и воззрений Ваших, от которых нас бросает в ужас и холод.

Всё началось с несчастной Русско-Японской войны. Её позор подготовил и завершил Ваш близкий друг, граф Витте.

Что делали Вы во время этой войны? Вы, первосвятитель Русской Церкви! — Вы стояли «выше и вне политики!..»

Страдал народ, умирали его сыны, лилась кровь, смута росла внутри, волновались окраины, неистовствовала печать, бранью Царя и Правительства она мутила население, издевалась над Верою, глумлением гасила патриотизм...

Я помню картину, появившуюся в одном из журналов в начале войны; Русский народ, окруживший Царя, обнажившего меч, а впереди всех,

---

** Петров Григорий Спиридонович — (р.1868) священник, лидер Кадетской партии, депутат Государственной Думы. За активную политическую деятельность лишён сана; восстановлен Поместным Собором 1917–18 гг.*

в порыве вдохновения, фигура митрополита Антония, высоко поднявшего свой Крест... Вот каким хотели Вас видеть Русские люди, не евреи и освободители, радовавшиеся позору Родины, а Русские патриоты. Какою это оказалось иронией по отношению к Вам, Ваше Высокопреосвященство! Вы ездили на заседания, подписывали бумаги, принимали посетителей, — бездушная, формальная работа Ваша шла по-прежнему в Синоде. Но Вы не явились к Царю, Вы не поднимали упавших в унынии душ Русских людей, Вы не согревали скорбных сердец, Вы не обратились к народу ни с единым призывом, Вы не ограждали его от развратностей. Вы были «выше и вне политики»!

Покровительствуемый Вами Гапон поднял восстание рабочих.

Покровительствуемый Вами Антонин в своих дерзких речах доказывал, что Самодержавие есть языческий строй жизни, растлевал священные догматы Святой Троицы, чтобы оправдать конституцию, звал и дозвался «Мордозаев» в Государственную Думу, а защитников и верных сынов Самодержавия он же сравнивал с поклонниками Далай-Ламы, целующими в хвост коня, на котором сидит их владыко. Дерзко он выбросил, наконец, из молитв церковных о Царе слово «Самодержавный» и всё-таки остался безнаказанным.*

Покровительствуемый Вами Петров сеял вражду, смуту, искажал Евангелие, проповедуя в одно и то же время и толстовщину и призывая крестьян к погромам. Покровительствуемый Вами архимандрит Михаил, профессорствуя в Академии, воспитывал будущих пастырей и учителей духовно-учебных заведений в духе социализма. Вы опять молчали: — Вы стояли и «выше и вне политики»!..

Но бывают времена и обстоятельства, когда молчание имущего власть хуже открытой, самой ожесточенной проповеди неверия, измены и безумия.

Только самый злобный враг Родины в дни внешней войны начнет заниматься внутренними реформами, этим занялся Витте, и к нему примкнули Вы. Граф Витте в роли спасителя Русской Церкви от «паралича»! Что может быть отвратительнее и чудовищнее этого зрелища!.. Но Вы читали в Комитете Министерств его записку; Вы, минуя Синод, отстранивши К.П. Победоносцева, воспользовались его болезнью, в Комитете Министров, в светском учреждении, где сидели и иноверцы, стали обсуждать реформы Церкви, отменять духовную цензуру на разврат верующих; безмолвно соглашались на умаление Православия и торжество сект, раскола и иноверия.

Только Воля Государя повернула дело и направила его к обсуждению в Синоде. В этих недоразумениях пострадала и идея Церковного Собо-

---

** В начале 1920-х гг. епископ Антонин (Грановский) примкнул к обновленчеству, возглавив созданный им «Союз церковного возрождения».*

ра, для всех нас дорогого, пострадала и идея Патриаршества, столь нам вожделенного, потому что эти идеи Вы выдвинули революционным путем и связали их с позорным именем Витте, который в них видел только средство более глубокого революционирования Русского народа.

При гласных и негласных пособиях гражданской и церковной власти, при Вашем безмолвии и потакательстве рясофорным крамольникам, дело революции шло успешно: бунтовал «Потёмкин», бунтовали запасные, бунтовали рабочие, бунтовали академии и семинарии, гибло народное достояние, поджаривая на горячих плитах Русских патриотов-рабочих, расстреливали губернаторов, солдат, казаков, полицейских. Шайки грабителей врывались среди бела дня в банки и общественные учреждения, в винные лавки и почтовые конторы, на фабрики и заводы, в магазины и жилища частных лиц и, нагло угрожая смертью, и часто зверски убивая, расхищали деньги и драгоценности. Прошло под такими знамениями и 17 Октября. Русская жизнь целиком потекла под аккомпанемент револьверных выстрелов и свист разрывающихся бомб. Человеческая кровь полилась как вода. В это время, друг Вашего друга Витте, князь Оболенский, из акциза перешел в Синод и стал обер-прокурором. Это был Ваш единомышленник. Тут Вы не стали «вне и выше политики!» Вы не протестовали против затей либерального обер-прокурора; Вы послушно, по его указке, писали послания, оправдывая умаление Царской Власти, пропускали безмолвно в синодальном органе «Церковные Ведомости» статьи, напоминавшие писания оскорбительных органов еврейского позора. Вы же, по указке князя Оболенского, постыдно передали на общецерковное глумление доблестного Московского митрополита за правдивое слово, которым он осудил бунты и измены. О, история не забудет, как подписывался этот позорный и ложный акт осуждения мужественного пастыря; как без заседания Синода по домам его членов вынужденного под давлением, под Вашей подписью, собрались поодиночке, подписи членов Синода, не знавших, что подписываемое ими определение уже печатается в «Правительственном Вестнике» для успокоения общественного мнения! Вы стояли «выше и вне политики!»

Один ли митрополит Московский пострадал? Гнали и гонят всякое духовное лицо, если оно выступит открыто за патриотическое дело. Услали в Соловки игумена Арсения; изгнали из Москвы епископа Никона; изгнали из Ярославля о. Илиодора, изгнали, опозорили, лишили мест и должностей многих других патриотов из духовных лиц, имена которых я не хочу упоминать, чтобы не подвергнуть их опять злобе и мстительности духовных кадет. Патриотов гнали, Антонин же на месте; Сергий, служивший крамольникам кощунственную панихиду по бунтовщику*

** Имеется в виду ректор С.-Петербуржской Духовной Академии епископ Сергий (Страгородский), будущий Патриарший Местоблюститель, а с 1943 г. Патриарх.*

Шмидту, на месте, и Вы его защищали даже тогда, когда у него обнаружилась в академии, по его вине, кража денег, Вы эти деньги пополнили; на месте и Исидор, который в течение 4 лет в трех епархиях не удержался в викариатстве и отовсюду переводился по усиленным просьбам епархиальных владык, не знающих, что делать с этим Вашим другом и приближённым, действующим в либеральных партиях, кадетствующим в Нижегородском «Белом Знамени», вопреки монархическим тенденциям его членов, похваляющимся письмами Витте и Вашими, проживающим во время частных приездов в Северную столицу на даче у митрополита Петербуржского в качестве его друга, приближенного и единомышленника...

Ещё повторяю: всё свободомыслящее и религиозное в среде церковных деятелей; всё, склонившееся к политиканству, в сторону левых и крайних партий, — всё это почему-то оказалось около Вас и укрывается теперь под Вашей защитой.

Между тем, Вы «вне и выше политики!» Но, в таком случае, не умываете ли Вы руки подобно Пилату? И водою ли? Не кровью ли Русского народа?! Можно ли, в самом деле, при переживаемых обстоятельствах стоять «вне и выше политики»?! И Вы не стояли вне её, но Вы имели свою политику, увы! пагубную для Русского духовенства, Вам подчиненного, и для Русского народа. Несчастное Русское духовенство, которое, в девяносто девяти случаях из ста, всё сплошь национально, патриотично и предано Самодержавному Монарху, сбито с толку этой Вашей политикой. Оно по настоящее время ещё не получило в сущности никаких разъяснений о том, какую политическую партию поддерживать: оно, по Вашему мнению, тоже должно быть «вне политики». Но, ведь оно избирается в Государственную Думу, в Государственный Совет; оно во всем должно руководить народом, кроме... участия народа в выборах в Думу. Намеренно, под Вашим давлением и по указаниям князя Оболенского, по указаниям Витте, духовенству нашему даны затемняющие дело разъяснения и указания, на чьей стороне стоять: стойте, мол, за тех, кто за Царя Православного и за Веру истинную. По-видимому, все здесь хорошо, но в сущности, — что это, как не высокой степени провокация! В то время, когда спор идет «о Самодержавии Царя», Вы подставляете вместо слова «Самодержавный» — «Православный», и на этом успокаиваетесь. Но, ведь в России, не только Православный, но и Самодержавный Царь. Наименование Царя Самодержавным вошло в Основные Законы; сам Царь заявил, что его Самодержавие остаётся таким же, как оно было встарь; из церковных молений не выброшен этот дорогой для Русского сердца титул Царя. И при всём том Ваше Высокопреосвященство, 16 Октября сего года, когда епархиальный съезд духовенства и мірян Вашей епархии вырабатывал текст телеграммы Государю, — Вы не включили в текст телеграммы слово «Самодержавный», находя, что

это «политика». Не слишком ли далеко Вы зашли в Вашей политике стоять «вне и выше политики»!? Один из членов съезда мирянин просил, молил съезд включить слово «Самодержавный» в телеграмму, просил занести его отдельное мнение об этом в протокол, ездил с председателем съезда к Вашему Высокопреосвященству — и остался ни с чем. Священники, отводя его в сторону, заявляли, что они с ним согласны, но... это, мол, неудобно, вероятно, потому, что может не понравиться митрополиту!..

Я оглашаю этот возмутительный факт, чтобы все видели и знали, какова политика «вне политики» у первенствующего митрополита и почему духовенство русское, в годину смуты, было остановлено в своем патриотическом порыве и бросило паству в разгар политической борьбы на произвол судьбы, по приказу и наказу свыше.

Русское духовенство, по воле Государя, призвано в Думу и Государственный Совет. В Государственном Совете оказались и Вы, Ваше Высокопреосвященство. Но как только там нужно было сказать ясное слово осуждения крамоле, Вы немедленно ушли из состава Государственного Совета, сославшись на обилие дел Синодских, которых у Вас было гораздо больше в то время, когда Вы соглашались пойти в члены Государственного Совета, чем тогда, когда Вы от этого звания отказались. Зато Вы милостиво принимали Огневых, Поярковых и Афанасьевых — крамольных иереев — членов Государственной Думы, из революционного её состава. Вы не спросили о. Афанасьева, почему он подписал проект о свободе неверия. А в Предсоборном Присутствии Вы заявили, — Слава Богу, один против всего Присутствия — о своем согласии с крамольной Думой в её намерении лишить Православную Церковь её первенствующего и господствующего положения.

Газеты оповестили тогда, что Вы это делали из служения чистой евангельской идее самоотречения и по своей глубокой религиозности. Так, по крайней мере, об этом поведали газеты.

Не по этой ли же идее Вы опозорили торжество открытия мощей Преподобного Серафима, предав гласности, на соблазн верующим, тайный по существу протокол осмотра останков Святого, как будто это был обычный полицейский протокол осмотра могилы. Не по этой ли идее Вы письмом в «Новое Время» (новая форма поучительного слова первосвятительского, Вами открытая), защищали мощи Преподобного и ссылались при этом, для большей убедительности, не на Слово Божие и учение Св.Отец, а на мнение либерального профессора. Мы же до сего времени полагали, что в вопросах религиозных, наоборот, профессора должны ссылаться на учительное и авторитетное слово первосвятителя.

Не по этой ли идее Вы, не сказавши даже поучения при открытии мощей Преподобного Серафима, скрылись от сотен тысяч Православного верующего народа, собравшегося к целебноносному источнику дивно-

го старца и действительно излучавшего и видевшего множество чудес и исцелений, и, на соблазн России, поспешили искать себе исцеления и утешения у другого, для Вас более привлекательного, источника в весёлом Кисловодске, по известной Вам и нам причине, Вами столь излюбленной. Да, там покойнее и веселее чем среди серого святого Русского люда, заветным святыням которого: Православию, Самодержавию и глубокому народному патриотизму Вы не сочувствуете, стоя вне политики, и не только сами не сочувствуете, но и «хотящих внити» препятствуете, запрещая Русскому духовенству основывать, утверждать, укреплять и поддерживать отделы преданного вере, Царю и Родине Союза Русского Народа. Для патриотов у Вас нашлось слово осуждения: они — террористы — они забрасывают камнями противников. Но на нашей совести, владыко, нет ни одного случая насилия: камней мы не бросали; между тем, для тех, у кого на совести бомбы, браунинги, грабежи и реки крови — для тех у Вас не нашлось слова осуждения, мы ещё не слышали этого слова из уст нашего Первосвятителя!.. Что это?

*Из суждений Предсоборной Комиссии видно, что Вы уверенно и надежно шествуете к Патриаршеству. Над каким же народом Вы будете Патриархом? Ведь, создалось такое положение: народ шёл к Вам, Вы от него; Вы идете к кадетам и всякого рода освободителям, а они от Вас. И кому же из святителей Русских вы захотели подражать? Святым Петру, Алексею, Ионе, Филиппу? Каким Патриархам Вы подражали: Гермогену, Филарету, Никону? Но Никон, хотя и из полуморд*овского рода, хотя и загнанный в ссылку и обиженный, не согласился всё-таки пойти ни к бунтовщику Стеньке Разину, ни даже в Киев на святительство, ибо «не мыслил зла Царю Богоданному» (даже обидчику) и народу Русскому. Не берёте же Вы примера с Игнатия, который, стоя некогда тоже «вне и выше политики», служил крамольникам Московским — Сигизмунду и Лже-Дмитрию — и помазал Марину?

Ваше Высокопреосвященство!

Как Русский патриот и Православный верующий человек, я не мог молчать и всё сказал, что требовало моё исстрадавшееся русское сердце. По моему глубокому убеждению, перед Вам два выхода: или станьте на высоте Вашего положения и дайте благословение Русским Православным людям, стоящим за Веру, Самодержавного Царя и Русский народ, призовите к этому же духовенство и не гоните его за патриотизм, или... или уйдите. Иных выходов нет; настоящее положение невыносимо, не гоните русских патриотов от родной Церкви, в которой Вы первостоятель и первосвятитель. Вы стали немощны телом. Может быть, в слабом теле Вашем уже не будет мощно действовать дух... Тогда уступите свое место иному, могущему.

Среди архипастырей русских найдутся, мы уверены, крепкие столпы Веры, патриотизма и преданности Царю Русскому, Самодержавно-

му, народу свято-Русскому, Православному. Пусть такой первосвятитель не угоден будет евреям и еврействующим, пусть бешено опрокинутся на него либералы, кадеты, революционеры, пусть даже мученически прольется его кровь от руки злодеев-крамольников! Лилась же и льется на Руси кровь Русских невинных людей и многих верных слуг царевых. Мы окружим такого первосвятителя благоговейной преданностью, мы станем около него стеной, а по смерти сама могила его станет нам источником живой силы и вечного воодушевления.

Я пока кончил. «Еже писах, писах!» Простите, владыко, за слово укоризны, за жесткое слово, невольно вырвавшееся у меня. Пред саном святителя я благоговею, а лично против Вас, как человека, у меня нет ни гнева, ни раздражения; но я буду бороться, не страшась ничего, до гробовой доски, отдам всю жизнь до последней капли крови за торжество священных для меня начал: Святой Веры Православной, Самодержавного Русского Царя и великого Русского Народа.

2 Декабря 1906 года
Александр ДУБРОВИН

«Русское Знамя». 6 Декабря 1906.

В. Ответ Митрополита Антония

Многоуважаемый Петр Петрович).*

На гнусное письмо г.Дубровина отвечать не буду. Оно все почти лживо и тенденциозно. Но мне хотелось Вас ознакомить с моими на него возражениями и вчера набросал я их бегло. Посылаю. Вас могут расспрашивать и самим Вам б.[ыть] м.[ожет] интересно узнать мои возражения. Если можно, — по миновании надобности мне их возвратите. Здоровье мое улучшилось. Предполагаю завтра приехать в Заседание.

Благослови и храни Вас Господь. С сердечным Вам почтением

Ваш покорный слуга Митрополит Антоний. 1906 Декабря 7.

По поводу письма Дубровина.

Отказался служить молебен по крайнему недосугу и указал пригласить викария. Это обычный порядок даже и в назначении богослужений в храмовые приходские праздники.

На вопрос: стали бы Вы служить Октябристам молебен, — ответил: тоже не мог бы. Затем, в виду недовольства Дубровина и сопут-

---

** Взято из: «Русское прошлое», историко-документальный альманах, книга 5. С.-Пб. Изд-во «Logos». 1994. Сс.20-29. За пояснениями к тексту мы отсылаем любознательного читателя к Сс.28-39 этого же издания, отметив лишь, что данный документ был адресован П.П. Извольскому, придворному Государя, бывшему в 1906-1909 гг. обер-прокурором Святейшего Синода. Полагаем, что оба эти документа — как письмо А.И. Дубровина, так и ответ на него Высокопреосвященнейшего Владыки Антония (Вадковского) достаточно характеризуют и личности и эпоху.*

ствовавших ему моим отказом, счёл необходимым заметить, что ими, очевидно, руководит не желание молиться, тогда и простой священнической службы было бы достаточно, – а тщеславие, – стремление выделить себя из других. При этом указал на их нетерпимость, употребление насилия и террора, разумеется газетную травлю достойнейших Архиепископов – Ярославского и Херсонского. В заключение высказал свой взгляд , что «для меня закон – самодержавная воля ГОСУДАРЯ. Он благоволил дать Манифест 17 Октября, и я обязан содействовать мирному его проведению в жизнь. Если же ГОСУДАРЬ отменит Манифест, буду всех учить повиноваться воле ГОСУДАРЯ».

На этом беседа окончилась, и она собственно относилась к Союзу Русского Народа, представители которого у меня были, а не к правым партиям вообще, – как утверждает Дубровин.

Утверждение, что я получил степень доктора [богословия – авт.] за то же сочинение, за которое удостоен степени магистра, – ложь. Утверждение, что я отравил терзаниями душу Владыки Палладия, – ложь. До последней минуты жизни он относился ко мне с любовию, как к сыну, и я чтил его, как отца.

Финляндскую епархию, по словам Дубровина, открыли для меня. А Новгородскую для кого? – Со смертию митрополита Исидора одновременно из митрополии выделили эти две епархии, в интересах пользы дела.

Бобрикова я знал лично и службу свою в Финляндии он начал при мне. Его хоронили в Сергиевой пустыни и я отпевал его и речь говорил. Тоже было и в отношении к Плеве. Чухнина, Сахарова, Козлова, Мина я совсем не знал, при погребении их не участвовал не по своему нежеланию, а потому и речей не говорил. Митрополитом я стал помимо многих заслуженных иерархов, но на это была воля ГОСУДАРЯ, а не какое-либо мое искательство.*

Дубровину угодно приписать меня к левым. – Это гнусная клевета. Никогда моих симпатий к ним не было и быть не может. Их стремления противны моему духу и моим убеждениям, как христианина и священника. Никакой формы самочиния я не люблю и не выношу.

За веру Православную, за ЦАРЯ Самодержавного и за народ Русский православный я душу отдам, но не под знаменем таких людей, как Дубровин и ему подобных.

Ко всем епископам имею братскую любовь. Своих викариев воспитываю в истинных слуг ЦАРЯ и Отечества. Я просил бы г.Дубровина указать из бывших моих викариев, теперь самостоятельных епископов, хоть одного неблагонадежного.

Петрова поддерживал не я, а аристократия, называвшая меня гонителем его. Теперь Петров состоит под судом. Гапона поддерживал тоже не я, а покойный Министр Плеве. Его пустили руководителем в

рабочие союзы не только без моего ведома, но и вопреки моему запрещению. Архимандрит Михаил выростал в Казанской Академии, — разумею студенчество его. В Петербуржскую же Академию был определён профессором, как подававший надежды молодой ученый. Как только обнаружилось его политическое направление, он немедленно уволен был со службы, и не по вмешательству Святейшего Синода, а по моему о том в Синод представлению.

Дубровин называет меня другом Витте. Но я и в знакомстве с ним никогда не состоял и не состою. В Комитет же Министров на три заседания был им приглашён с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения. О реформах Церкви рассуждений там не было. Синода я не миновал, но совещался с ним по вопросам, подлежавшим обсуждению в Комитете Министров.

Митрополит Московский глумлению никогда не подвергался. Протокол, правда, по домам разносили, но прежде чем его подписать, я его исправил так, чтобы никакой тени на митрополита не падало, ибо он был совершенно прав. А содержавшийся в протоколе призыв архиереев руководиться началами мира и любви разве позорен? Что протокол уже набирался в «Правительственном Вестнике», когда его ещё только подписывали, узнаю в первый раз от Дубровина.

Вор академический — бывший эконом; об этом идёт дело. Никого я тут не защищал, и денег не пополнял. Их должен внести виновный.

Факт о невнесении слова «Самодержавный» в телеграмму. Да разве в телеграммах полный титул ГОСУДАРЯ пишется? Вся телеграмма была проникнута верноподданическими чувствами и удостоилась ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО от ГОСУДАРЯ ответа.

Я принимал Огневых, Поярковых, Афанасьевых? Да, один раз принимал, но вместе с оо. Горчаковым и Буткевичем, чтобы отдать их под руководство сих последних, о чём Дубровин предусмотрительно умолчал.

Поучение при открытии св.[ятых] мощей в Сарове я говорил, — и тут Дубровин лжёт. От массы молящихся в Сарове не скрывался, а провёл среди них почти весь Июль месяц, подготовляя всё к торжеству открытиия св.[ятых] мощей. Уехал в Кисловодск лечиться, и не считаю грехом пользоваться Божиими дарами к облегчению болезни. Для меня нужны были воды, солнце и целебный воздух. Это мне известная причина поездки в Кисловодск, а какая известна г.Дубровину, — про то не ведаю.

По желанию Дубровина с[о] своего поста не уйду, а уйду когда повелит мне то ГОСУДАРЬ, возложивший на меня бремя моего нелёгкого служения.

1906 Декабря 6
Митрополит Антоний

№ 8

МАТЕРИАЛЫ К ПРОЦЕССУ БЕЙЛИСА.

А. Письмо сионистов-коммунистов А.С.Зарудному

Публикуемое ниже письмо сионистов-коммунистов, адресованное и переданное А.С.Зарудному в день чтения им лекции в г. Винницы (Подольской губ.) 27 Августа 1923 года, посвящено 10-летию процесса Бейлиса, потрясшего не только Россию, но и весь мир.*

20 Марта 1911 года возле завода Марка Зайцева в Киеве был найден труп 13-летнего Андрюши Ющинского, ученика Киево-Софийского Духовного училища. Множественность и особое расположение ранений на его теле заставили следствие предположить в этом убийстве наличие ритуальности. В совершении преступления был заподозрен приказчик завода Мендель Бейлис – последний, с кем видели Андрюшу. Защитниками Бейлиса на суде выступали знаменитые адвокаты Н.П.Карабчевский, Д.Н.Григорович-Барский, О.О.Грузенберг, В.А. Маклаков и А.С.Зарудный. Обвинителем Бейлиса был тов. прокурора Виппер, которому помогали гражданские истцы Г.Г.Замысловский, С.Н.Дурасович и, наконец, известный исследователь еврейского вопроса А.С.Шмаков.

*Во время Киевского процесса суду пришлось уделить много времени вопросам еврейской религии и, в частности, Талмуду. Было выявлено немало исторических свидетельств, как в России, так и в Европе, о существовании в хасидском движении изуверской секты, которая использовала для совершения определённых Каббалистических ритуалов кровь христиан. Это утверждала на суде богословская экспертиза в лице магистра богословия ксендза И.Е.Пранайтиса**.*

Несмотря на множество исторических свидетельств (их только в книге В.И. Даля приводится 134), все евреи, привлекавшиеся к следствию свидетелями или экспертами, в один голос отрицали существование изуверской секты. Расследование продолжалось с Марта 1911 г. по Октябрь 1913-го года. Дело получило поис-

---

** Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934) – присяжный поверенный, с Июля 1917 г. министр юстиции при Временном правительстве, затем член Ленинградской коллегии защитников. Проходил по делу об убийстве Александра II, но был оправдан; в 1905 г. участвовал в забастовке адвокатов, присоединившихся к общеполитической стачке. Выступал защитником на многих известных политических процессах над революционерами, мятежниками крейсера «Очаков», участниками еврейской самообороны и др. Особенно часто занимался делами, по которым привлекались евреи. В 20-е годы много ездил по стране с чтением популярных лекций о юридических сенсациях прошлого.*

*** Его книга «Тайна крови у евреев». М. 1913 г. Также в качестве богословской экспертизы были привлечены следующие сочинения: 1) Уранус «Убийство Ющинского и каббала». 1913 г.; 2) Монах Неофит «О тайне крови у Иудеев» 1913 г. Живший в XYIII веке монах Неофит сам состоял в секте хасидов, а после обращения в христианство обличал её изуверское учение; 3) В.И.Даль, известный составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», по приказанию Министра Внутренних Дел в 1844 г. написал записку «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (Переиздано в 1913 г. в Петербурге). В.И.Даль после обзора литературы по этому вопросу и исчисления изуверств, в которых подозревались евреи, начиная с IV в., писал, между прочим: «Изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения,весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов..., признающей один только Талмуд и раввинские книги..., но и тут составляет он большую тайну». (С.126–127).*

тине мировой отклик. Сам папа Римский поднял голос в защиту Бейлиса. Об этом деле многократно писал В.И. Ленин. Все газеты России и зарубежная печать публиковали ежедневные отчёты о ходе процесса. Общество оказалось как бы расколотым на два лагеря: защитники и обвинители Бейлиса. Те и другие предъявляли к следствию свои претензии, а на его участников оказывалось плохо прикрытое давление. Быстрому выявлению истины помешала и внезапная смерть главного свидетеля – 13-летнего Жени Чеберяка. Знаменитый процесс имел несколько двусмысленное (но нельзя сказать безрезультатное) завершение – убийство было признано ритуальным, но Бейлиса оправдали. Вопрос: «кто же убил Андрюшу» – остался без ответа.

Сразу после освобождения Бейлис с семьей эмигрировал из России. Евреи разных стран встречали его с рукоплесканиями, посвящали ему музыку, литературные произведения, статьи, записывали его мемуары. В поднятой шумихе, однако, нетрудно заметить не столько сострадание осужденному, сколько стремление извлечь выгоду из сенсации. Огромные пожертвования, посылаемые евреями всего мира Бейлису и его семье, далеко не всегда доходили по назначению.

Тем временем, во всех слоях Российского общества раздавались требования найти убийц мальчика. Следствие возобновилось, но ему помешали начавшаяся война и революция. По тем же причинам не была построена часовня в память Андрюши Ющинского, пожертвования на которую собирались по интициативе газеты «Русское знамя».

☩ ☩ ☩

Надпись на конверте:

Глубокочтимому всеми евреями России Александру Сергеевичу Зарудному, 27-го Августа 1923-го года в день его чтения лекции «дело Бейлиса» в Виннице в театре тов. Ленина от организации сионистской коммунистической молодёжи (Е.К.П.) Подолии[1]

25/VIII 23 г.

С приветом С и о н а

Дорогой Александр Сергеевич!

В момент, когда еврейское население города Винницы имеет возможность видеть и слышать человека, которому оно обязано благополучием прошлаго, разве было-б уместно со стороны этого населения ограничиться тихой любовью к этому человеку, безпредельным уважением, бережным хранением его портретов, внимательным прислушиванием к его словам и искренними и бурными рукоплесканиями? Нет. Это было б мало, очень мало с его стороны. 10 лет ушло с тех пор как разбиралось дело еврейства, по крайней мере русскаго еврейства, под названием «дела Бейлиса». 10 лет, и многое с тех пор уже изменилось в жизни еврейства. Еврейство не боится более «политической власти», ибо само оно в лице своих лучших сыновей стало у этой власти. Но евреи никогда не забывают прошлаго и отлично помнят все козни, которые направлялись в них и тех кто эти козни направлял, иль строил. «В них» направлялись стрелы. «Еврейству» строились козни, хотя только мы, евреи, это со-

знавали. Даже вы, многоув(ажаемый) Александр Сергеевич, в своей достойной работе этого не сознавали. Не сознавали, когда 8-го Ноября 1913 г. (нов. ст.) Вы сказали: «мы не еврейство защищаем, а Бейлиса». Мы на это смотрим обратно. Вот почему Вы так почитаемы нашим народом, вот почему Вы в каждом патриархальном доме рядом с портретами «великих во Израиле», рядом с дорогим О.О. Грузенбергом найдёте и свой портрет, вот почему сейчас за границей: в Америке, Польше, Англии, Палестине, Германии, Франции, одним словом, везде где бьется только пульс еврейской мысли, найдёте воспевающие Вас, вместе с остальными защитниками «еврейского дела 1913 г.», статьи, посвященные 10-ти летию «дела Бейлиса».

Тяжело было положение евреев России, когда Вам суждено было, хоть и косвенно, выступить в его защиту[2]*. Но тяжелее всего было тогда революционной, социалистической и сионистской молодёжи. Старики евреи со всем мирились и уповали на Бога, а за «защитников» молились в синагогах. Еврейские учёные вели споры и писали статьи, уповая на «разум» и «закон». Но что было делать еврейской молодёжи, самой революционной, самой страстной, самой пылкой и горячей в мире. Она осталась без действия? Нет она вела геркулесовскую работу. В одну ночь должна быть ошеломлена вся русская земля от плодов этой работы и взведён курок, когда раздался мощный звук «Стоп» и всё приостановилось. И во спасение ли евреев, еврейских жизней мы приостановили нашу работу. О нет, не потому ли мы оставили в 1913 г. в живых Виппера, Шмакова, Замысловского и К°. Не потому что боялись погрома, а потому что во I-х желали идейнаго крах русской чёрной сотни*[3]*, а во II-х не хотели сделать защитников жертвою нашего дела...*

Был тёмный осенний вечер, когда мы, сионистско-социалистическое студенчество собрались в одной из молелен гор. Василькова. Это было не первое собрание наше, но это было первое после оправдания Бейлиса. У нас всё уже было подготовлено. Мы лишь проверяли наши задачи. Мы не спорили, а когда мы разошлись, мы не сказали друг другу обычного «шалойм»[4]*, мы сказали — «через год в это время не будет Николая и его друзей»*[5]*, а когда мы после этого встречались, мы тоже говорили лишь — «Лейшоно-Габою» (через год...). Но через год был ещё Николай, но была и война и мы пошли в армию говоря «Зэ гадерех» (это путь...) и ещё через 2—3 года мы добились своего. Мы — еврейская молодёжь. И сейчас правы говорящии, что русская революция «дело рук жидовских», говорящии это забывают, что толчком к революции послужил процесс Бейлиса. Тихие еврейские юноши, вечно возившиеся с учебниками и книгами, при возникновении дела Бейлиса пришли к нам и сказали: «Мы сходимся с Вами, социалистами, в одном — в необходимости уничтожения царизма». Они шли к эсерам и говорили «Дайте бомбы и мы будем их бросать в кого угодно» и проч. и проч. — Вот как отразилось «дело Бейлиса» на евр(ей-*

ской) молодёжи и мудрено ли после этого, что эта молодёжь могла совершить революцию...

Дорогой Александр Сергеевич, мы-б рады были с Вами ещё больно больше говорить о «деле», хотя бы письменно, но ещё несколько минут и Вы начнёте чтение своей лекции, а затем уедете, мы не успеваем даже пересм(отреть) написанное.

Мы хотели Вас благодарить, но разве мы знаем как Вас благодарить. Мы не знаем. Мы можем Вам сказать лишь что никогда Вас не забудет ни один еврей и Ваше имя займёт одно из достойшейших мест в еврейской истории.

Глубокоуважающая Вас группа сионистов-коммунистов (Е.К.П.) гор. Винницы

подписи: Исроэли, Маркзон, Альман, Бек-Зеев, Бен-Гавигдор, Копытман и др. подписи на еврейском яз. (всего 15 подписей)

РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1434.

Примечания

1. Е.К.П. – Еврейская Коммунистическая Партия. После Октябрьской революции произошёл раскол российского филиала «Поалей Циона». Одна из групп «поалей-сионистов» образовала «Еврейскую Коммунистическую Партию Поалей-Цион» («ЕКППЦ»). Это была попытка сионистов, как указывает А. Малашко в кн. «Воинствующий национализм – идеология и политика империализма» (С.78), «под прикрытием коммунистической вывески удержать под своим влиянием массы, нейтрализовать критику палестинизма и использовать механизм Коминтерна для проникновения на Ближний Восток», представляя въезд евреев в Палестину как фактор «пробуждения Востока и приобщения его к коммунистической культуре». Е.К.П. просуществовала в России до середины 20-х годов.
2. О положении евреев в России см. ст. Евг. Щекатихина «Перешагивалась ли черта» («Ленинградская панорама». № 2. 1990)
3. Черная сотня – подробное объяснение см. в главе 1.
4. «Шалойм»(или «шалом») – еврейское приветствие.
5. «Николая» – т.е. Николая II.

Б. Письмо Прозорова Г., киевского священника, митроп(олиту) Флавиану

Канцелярия Синода

Секретные дела

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыка
Милостивый Архипастырь и Отец!

Наконец, Суд сказал своё слово. Ритуал признал, Бейлис оправдан. Милость и великодушие Русского народа сказались с особой силой. Оправдали несомненного участника в ритуальном мучении Андрюши Ющинского только потому, что злодей не захвачен на месте. Но возможно ли преступников такого рода захватить на месте!.. Из зала суда и граж-

данские истцы (Замысловский и Шмаков) передавали мне, что на счёт Бейлиса присяжные заседатели разделились пополам (6 и 6), значит, оправдание злодея довольно сомнительное... Евреи сначала ликовали. Но когда стали узнавать, что ритуальность убийства и совершение его на заводе еврея и около хирургической больницы еврейской признаны судом, ликование стало переходить в уныние.

Теперь евреи охотно отправили бы сотни Бейлисов на каторгу, только бы уничтожить обвинение в ритуальности убийства... Но дело их уже проиграно, кассация невозможна.

Возбуждение в Киеве было чрезвычайное, особенно вчера, т.е. 28 Октября. В 4 часа вечера в Софийском соборе отслужена была панихида по убиенном отроке Андрее. Панихида эта внесла большое успокоение в массы, заполнившие собор и Соборную площадь. Было более 5.000 народа. Я уверен, что если бы не исполнено было желание просивших отслужить панихиду, дело не обошлось бы без страстных попыток устроить погром...

Между тем, изолгавшийся «Киевлянин» в сегодняшнем № утверждает, что панихида была призывом к погрому... Можно быть лживым и наглым, но до такой наглости не доходила ещё ни одна, даже жидовская газета... Что сталось с «Киевлянином»! Есть надежда, что в Декабре месяце будет в Киеве новая Русская газета...

...Вчера вечером после приговора о Бейлисе в купеческом собрании все правые организации и просто добрые Русские люди устроили Шмакову и Замысловскому великое торжество. Герои подвижники за правосудие благословлены иконами. Сказано было до 10 речей-приветствий. Шмаков и Замысловский ответили поразительными речами... Маска с евреев чудом сорвана, и теперь Русские люди, как и Правительство, не могут закрывать глаза от той адской опасности, какая готовится им еврейством. Открыл суд и ту опасность, какая стоит перед Россией и каждым из нас в том печальном явлении, что и наука, и высокие чины, и низшие агенты власти, и даже Православные богословы состоят на услужении у еврейства...

Золото и сребренники обольщают и притягивают многих... Какая продажность и какой позор! Это опаснее самого иудаизма... Честь и слава «Новому Времени». Ни еврейское золото, ни всесветная еврейская реклама, ничто его не обольстило, ничто не усыпило и не устрашило. Чем в 1905 году был для нас «Киевлянин», тем в 1913 году стало для Русских киевлян «Новое Время».

24 Октября 1913 г.

Протоиерей Григорий Прозоров

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 739.

В. Статья «Убийство Ющинского и каббала»

На днях вышла в свет небольшая брошюрка г. Урануса: «Убийство Ющинскаго и каббала». Данныя, сообщаемыя автором, очень интересны и проливают новый свет на тёмное и запутанное дело. Брошюрка разделяется на две части. В 1-й приводятся каббалистические данныя к убийству мальчика Ющинскаго, как ритуальному убийству, — во 2-й разъясняется каббалистический смысл ритуального убийства.

Что же такое представляет собою каббала и где лежит ея начало? Существуют два мифа о происхождении каббалы. По первому каббала произошла от павших ангелов и заключает в себе те знания о божественных вещах, которыя были сообщены ангелами и изложены в аллегорической форме в писаниях Ветхаго Завета. В апокрифической книге Еноха (гл. VII и VIII) подробно рассказывается о падении ангелов, сынов неба, воспылавших любовью к «прекрасным лицом дочерям человеческим» и научивших их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав. Упоминается о любви ангелов к дочерям человеческим и в Библии (Быт. VI. 1—4). По этому каббалисты старались найти средства извлечь из Писания сведения о божественных вещах.

Другой миф, вавилонскаго происхождения, рассказывает, что Господь передал Моисею на Синае, кроме закона, ещё многое, только для посвящённых. Это и были 70-т старейшин, избранных Моисеем. Затем это Божественное откровение сохранилось через устную передачу среди немногих избранных, а в словах Пятикнижия оно было заключено в скрытом виде.

На самом деле каббала, что значит «предания», передавалась в течении очень долгаго времени в тесном кружке посвященных, пока всё учение не было собрано и записано несколькими авторами. Из таких сочинений до нас дошли только два: «Сефер Ецира», что значит «Книга о творении» и «Зехер», что значит «Блеск». От других трудов остались или одни названия, или отрывки, цитированные в позднейших сочинениях. Зехер появился в Европе только в XIII веке — его привёз в Испанию Еврей Моисей из Лиона. С большим вероятием можно полагать, что Сефер Ецира и Зехер написаны во II веке по Р.Х.

Методы, употреблявшиеся каббалистами для извлечения из простых слов закона его «души», заключались в особенностях еврейскаго алфавита. Он состоит из 22 букв, которыя, собственно говоря, все согласныя, гласные определяются точкой под буквой. В древних писаниях этих точек нет, поэтому произношение и смысл слов часто зависят от того, какия гласныя буквы к ним присоединяются. Благодаря такой особенности, каббалисты могли находить в словах новый смысл. Кроме того, не было особых знаков для чисел, что дало основание закону: всякое слово есть число и всякое число есть слово. Но мысли, находимыя каббалистами между словами Писания, были те самыя, что играли заглавную роль в халдейской и персидской религиях. В этом сказалось влияние вавилонскаго пленения. Каббалисты, почерпнувшие от мудрости халдеев, старались соединить её учением Ягве и тут получали ответы на мировыя вопросы: о сущности Божества и Его отношении к миру, о природе человека, судьбе человеческой души и т.д. Вместе с тем, они изучали различныя заклинания и разнесли это искусство по всему миру: сочинения по магии начала XVI столетия указывают, что вся магическая процедура взята у Иудеев.

Иудеи записали магические приёмы и формулы, что, конечно, имело очень близкую связь с объяснениями Сефер Ецира и Зехера, содержащими учение об ангелах и демонах, составляющаго основу приёмов заклинания. Поэтому самое искусство заклинаний и называется практической каббалой. «Каббала мансиа», практическая каббала есть настоящая магия (Вагензель «Сота» 592). Не следует забывать, что средневековыя волшебства были еврейскаго происхождения и все магическия формулы построены на еврейском алфавите. В самом Талмуде, завершённом в VI веке по Р.Х., приводится много колдовских советов и указаний. Вот напр<имер> заклятие, которое следует вырезать на палочке для известнаго магическаго действия: «Эгие ашер Эгие Иога гашам Цебаот амен, амен, селя». Замечу, что это «селя» заканчивает многие молитвы евреев. А колдовство требовало крови в очень многих случаях, ибо приписывались ей волшебные свойства.

Монах Неофит, бывший еврейский раввин, принявший христианство, свидетельствует, что кровь нужна Евреям как постоянная жертва ненависти к величайшим их врагам, христианам, она им нужна и потому, что сами раввины сомневаются, не был ли Иисус Христос истинным Мессией , и полагают, что в таком случае будут спасены кровью Его последователей и, наконец, потому, что как они убеждены, крови присущи магические свойства.

Книга «Зогар» указывает способ совершения ритуального убийства: «И смерть их (аммэ-гаарец – не-Евреев) пусть будет при замкнутом рте, как у животного, которое умирает без голоса и речи. В молитве же, так он (резник) должен говорить: «Нет у меня уст отвечать и нет чела, чтобы поднять голову». И он творит благодарственную молитву и даёт обет Святому, да будет Он благословен, что ежедневно должно быть его убиение во Эхаде, как при убиении скота – двенадцатью испытаниями ножа и ножом, что составляет тринадцать (Зогар ч. II, 119, а)»

Именно столько составляют числовыя значения буквы слова Эхад: алеф – 1, хет – 8, далет – 4, а всего – 13. Приводя этот текст, И.Е. Пранайтис говорит в своем заключении о тайне крови у Евреев: «Я считаю необходимым обратить внимание на сопоставление его (текста) с данными судебно-медицинскаго осмотра и вскрытия трупа Андрея Ющинскаго, а именно: при убийстве Ющинскаго, рот у него затыкался (следы повреждения слизистой оболочки рта зубами) и ему нанесена группа колотых ран в область правого виска, количеством тринадцать».

Что же говорит Уранус о каббалистических данных к убийству мальчика Ющинскаго, как ритуальному убийству?

Расположение ран на виске не случайное. Шесть ран, расположенных ниже, представляют из себя, во-первых, два разобщённых треугольника, т.е. разобщённую звезду Соломона. Каббалистически это читается: «разделить Бога от Его проявления, или смерть тому астральному явлению, против котораго восстает сознательный, или по традиции действующий изувер». Затем, переводя уколы на т.н. небесную азбуку Евреев, мы наталкиваемся прежде всего на группу из четырех точек, которыя Уранус читает, как алеф небесной азбуки. Это значит, что тот, кто употреблял его, признавал за собой овладение известными силами лишь в начальной форме, т.е. это не был высший член в иерархии сознательно или традиционно получивших каббалистическое преда-

ние. Две точки с боков этой группы точек читаются как вау и реш. Вау каббалистически соответствует тельцу; по идее сефирот — это тиферет, т.е. красота, идеализм, т.е. лозунги христианства. Реш каббалистически есть Сатурн, ему соответствует страшный суд, вечно всё присуждающее время. Расположение верхних семи точек иное. Здесь ясно видны три группы: левая из двух точек, средняя из трёх и правая снова из двух. Первая группа читается как далет, каббалистически Юпитер, власть, мощь. Трём средним точкам соответствует буква шин, перевернутая боком. Шин символизирует глупца, мир физический; эта же буква входит в слово Иисус; т.о. это двойным образом говорит о христианстве, характеризуя его как глупую утопию и как рождение от Иешоу — Иисуса.

Что еврейство именно так смотрит на христианство и даже ещё хуже, подтверждает всё тот же Зогар, повествующий о том, что в ином мире безбожники попадают в место, полное гадостей и нечистот. «Туда выбрасывают околевших собак и ослов; там хоронят христиан и турок;... ъ и Магомет, кои суть дохлые собаки, мерзость и лютый смрад, покрытые грязью и вонючие; род злой суть презренный сброд, приставший к Израилю... мертвые кости и нечистое мясо..., о чем написано: бросьте его псам!» (Зогар, ч. III, л. 282)

Последние две точки следует читать, как обращенный самех, что означает стрельца, дьявола. И так как буква опрокинута рогами вниз, то значит проявление дьявола, т.е. зла, должно сосредоточиться внизу, в сфере земли и ея бытия.

Таким образом, уколы на виске несчастного Андрюши могут быть прочтены так:

Нижняя группа:

Во имя каббалистической власти, но не первосвященной, я, знающий, предаю Судье времен тельца сего.

Верхняя группа:

Власть Твоя да воздействует на повергнутое, тут воплощенное христианство и да будет оно предано дьяволу земли.

Уколы эти могли быть сделаны или по точно сохранённой традиции или при знании каббалы. Конечно, из этого не следует, что всё иудейство вообще понимает и исповедует подобный ритуал. Но так называемое астральное клише создано, — зло живёт. Объяснению каббалистического смысла ритуального убийства и посвящена вторая часть брошюры Урануса. Убийство Ющинскаго, как приписываемое ритуальному изуверству Евреев, прежде всего относится именно к области запретных вековых тайн, к области оккультизма; и удивительнее всего, что экспертами вызваны все, кроме оккультистов, ибо к их числу нельзя отнести ни узко знающаго только гипноз проф. Бехтерева, ни признающаго себя лишь учёным гебраистом и талмудистом ксендза Пранайтиса.

Оккультизм, как таковой, совершенно не понят нашим современным обществом. Вокруг него накопилось очень много шарлатанства и многие убеждены, что во всем оккультизме нет ничего, кроме именно сознательного или бессознательного шарлатанства. Но упускается из вида философское содержание оккультизма, забывается, что оккультизм существует как религиозно-философская система, и вопрос может быть только в том, заключает ли в себе это учение, кроме метафизических теорий какое-либо реальное знание, или

нет. Оккультизм это целая система знания, сводящая в одно самыя противоположныя доктрины и учения; и для философии наук и религий он то же самое, что санскрит для сравнительной философии (А.Синнет). Разбираться в этом санскрите доступно очень немногим; попытку в этом направлении в отношении убийства Андрюши Ющинскаго и делает Уранус.

По учению оккультистов существуют известныя тонкия состояния материй получающияся от последовательнаго деления атомов и образующия взаимно-проникающие сферы, где и протекает наша психическая жизнь. Вибрации мозговых волокон передаются в тонкую материю, проникающую наше тело со всею сопутствующей атмосферой, производят колебания этой тонкой среды и создают психические волны и эманации. Сфера, наиболее близкая к физической называется астральной. При каждой мысли, при каждом чувстве, материя астральнаго тела приходит в колебание и, выбрасывая часть себя самой в свою атмосферу, одновременно с этим втягивает в себя некоторое количество материи своей сферы, либо грубой, либо тонкой, соответственно характеру мысли, желания или чувства, вызвавшего колебание. Таким образом, человек своими мыслями и чувствами строит себе психическое тело, — он развивает мысли, мыслеформы, почти живыя существа, стремящиеся принести вред или добро тому, на чьё сознание оне могут повлиять. Но так как всякое астральное тело притягивает к себе соответствующие элементы и отталкивают враждебныя, то ясно, что раз принятая в астральной сфере тенденция становится очень сильной, и совокупно думающие и действующие люди создают коллективную и психическую личность, питающуюся за их счёт их мыслями и чувствами. Это то, что называется духом народа или общества, или секты. И если это психическое существо, догмат, раз народилось путём известнаго мистическаго действия, то оно требует время от времени повторения этого действия, чтобы жить и продолжаться. Иначе наступает смерть идеи; она также законна и натуральна, как смерть особей; поэтому-то гораздо действительнее бороться с идеей, а не с людьми. Но отсюда, из жажды повторения, и ритуальныя жертвоприношения: астральное клише создано, оно живёт и действует, что и выразилось в наши дни в убийстве Ющинскаго.

Хаим Витал (Пери Эц Хайим 33, в) говорит, что сотворяя мир, Иегова заронил в живыя существа частицы своей Божественной святости, в виде искр. При создании доброй и злой сторон (клипот) часть искр Божества попала в злую сторону. Таких искр было 288. Освобождение этих искр из клипот и возвращение их в высь — к первоисточнику — ускоряет пришествие Мессии. Момент пришествия стоит в зависимости от освобождения всех 288 искр из клипот.

Это идея. Она требует освобождения искр. А как освободить эти искры? Конечно, через убийство, и непременно церемониальное, ибо в нём предполагается служение Божеству.

Уранус видит и доказывает существование астральнаго вампиризма в иудействе. Так это или не так — это другой вопрос. Но нельзя не согласиться с заключительными словами брошюры. «Сознательное иудейство, говорится в ней, должно понять необходимость эволюции нации в целом. И как некогда целые народы неохотно и невежественно, ведомые передовыми, восприняли идеи высшия, которыя несло христианство, так ныне отсталый член челове-

чества должен получить новую жизнь. Этот рак человечества должен быть вылечен. Ибо наш Бог Един, но боги (элогим) разны».

Вега.

Газета «Новое время». 10 (23) Октября 1913 г.

№ 9

Статья «Больной вопрос»

В Апреле 1911 г. покойному председателю Совета Министров П.А. Столыпину лицом, стоящим вне бюрократическаго мира, была подана одна весьма любопытная записка, отдельныя страницы которой и в данный момент не потеряли жизненнаго значения и достойны внимания в данный момент с точки зрения правой печати:

«Революционное настроение народных масс и их воспитание к новому движению не уменьшается, а увеличивается... Настоящее течение, если оно не будет приостановлено, через десять или двадцать лет может повести к разрушению государства, коль скоро какое-либо внешнее столкновение к этому даст сигнал.

Главными факторами, содействующими росту революционнаго настроения революционных народных масс являются: а) Разрушительная деятельность революционной и радикальной печати, б) Безнаказанность злоупотребления ораторскою трибуною Гос<ударственной> Думы для антигосударственных речей, поддерживающих в стране революционную пропаганду, и безнаказанность печатания этих речей; в) Пропаганда идей о существовании в России конституции и ограничении Самодержавной Власти; г) Существование разных, несоответствующих настоящему состоянию народа и стесняющих его жизнь законных порядков.

Разсмотрим каждый из этих факторов отдельно:

а) Разрушительная деятельность революционной и радикальной печати. К революционной и радикальной печати принадлежит большая часть органов печати. Ежедневная деятельность этой печати заключается в том, чтобы: вызывать неудовольствие существующими порядками, воспитывать вражду или презрение к существующим нравственным авторитетам и властям, подстрекать низшие классы, и особенно рабочий класс против высших, и распространять в народе веру в близкое торжество революции. Под свободою печати понимается не свобода высказывать своё мнение, а свобода для возбуждения народа безнаказанно лгать и клеветать. Эта печать почти никогда не даёт народу ни одного правильнаго политическаго понятия, а вводит его постоянно в заблуждение. Ея влияние совершенно парализует влияние всех правительственных репрессивных или просветительных мер, которыми предполагалось успокоить народ или разрушить влияние революционных идей. Главным образом, благодаря деятельности этой печати, в настроении и убеждениях народных масс с 1906 года поныне не произошло ни малейшаго изменения к лучшему, скорее

наоборот. В 1905 году народ был застигнут врасплох революциею и поддался давлению безсознательно. Ныне революционная печать его постоянно подготовляет, чтобы сделать его сознательно революционным. С названною печатью Правительство ведёт совершенно безуспешную войну.

Насколько народ в России легко может быть введён в заблуждение, доказал 1905 год, когда революционное движение овладело всеми частями государства без всякой долгой систематической предварительной подготовки, которая практикуется ныне посредством легальной революционной печати.

Членам нашей Г<осударственной> Думы дарована неограниченная свобода слова. Этою свободою самым опасным образом злоупотребляют члены социал-демократической фракции и другие радикалы, речи которых поддерживают в стране революционный дух и служат средством агитации. Произносящие эти речи члены Думы ныне не могут быть привлекаемы к ответственности. Равным образом, не может быть привлекаема к ответственности печать, распространяющая эти речи. Радикальная и революционная печать всегда передаёт эти речи целиком и отдельно. Факт, что такия речи безнаказанно могут быть распространяемы, — смущает народ. Авторитет Царский и правительственный, авторитет Церкви и государства с помощью этих речей и их распространения разрушается в читателях. Средством против этаго могла бы служить отмена безнаказанности преступных речей, произнесённых в Государственной Думе. Эта безнаказанность введена в ущерб государственным интересам и в явное нарушение принципа равенства всех пред законом: почему член Государственной Думы должен пользоваться правом безнаказанно клеветать, когда министр или другой высокий сановник может быть привлекаем к ответственности?

Во время прошедшей революции было заметно одно, на первый взгляд, странное противоречие.

С одной стороны — страна требовала преобразований, а когда Правительство даровало их и придерживалось самых либеральных принципов, возбуждение в стране росло. Ближе знакомясь с фактическими обстоятельствами, мы убеждаемся, что никакого противоречия не было. Население на самом деле требовало и требует преобразований, — но не тех, которыя были ему даны в последние годы. Население желало разных преобразований в экономическом, социальном и национальном отношениях и в местном самоуправлении, но оно совершенно было равнодушно к идее о парламенте и парламентарном образе правления. Этою идеею воодушевился какой-то тонкий слой более или менее образованных, хотя и политическаго развития не имеющих, лиц, надеющихся с помощью парламентаризма играть роль. А с другой стороны — им, как средством для своей цели, хотели пользоваться революционеры, стремящиеся к демократической или социал-демократической республике. Между тем, Правительство в течении истекших после революции лет, главным образом, занималось собственно конституционным вопросом, который мало интересует народныя массы, а действительно народу нужныя реформы откладывало или представляло их разрешение народным представителям, что равнялось их отсрочке на долгое время... Главная причина, почему вышеозначенныя меры Правительства вызвали или поощряли бы являлись признаком ослабления Царской и правительственной Власти. События последних лет доказали неопровержимо, что главное и почти единственное основание, на котором в России поко-

ится общественный и государственный строй, это — Царский и правительственный авторитет. Все другие нравственные авторитеты в сравнении с ним оказались слабыми. Так, например, авторитет народнаго представительства или Государственной Думы равняется нулю. Это должен подтвердить каждый мало-мальски знакомый со взглядами и чувствами народных масс; это подтверждает и то полнейшее равнодушие, с которым народ встретил роспуск как первой, так и второй Государственной Думы. По одному Царскому мановению народное представительство разлетелось, исчезло, и ни один палец в его пользу не пошевелился! Не пошевелился, несмотря на Выборгское воззвание... Народ не питает к Государственной Думе ни привязанности, ни уважения. Каждая партия или группа воодушевляется Думою лишь до тех пор, пока она служит интересам надлежащей партии; в противном случае, каждый от нея отворачивается. Подчиняться авторитету Думы самому по себе — никому не приходит в голову. Это видно даже из отношения к Думе левых партий, т.е. тех групп, которыя больше других освободились от стараго авторитета. Коль скоро Дума не служит их интересам, оне тотчас объявляют против нея свой «бойкот». Отсутствие авторитета Думы вполне понятно. Она является не исторически выросшим, древним учреждением, а совершенно новым институтом, искусственно созданным. Авторитет народнаго представительства создаётся лишь вековою его деятельностью, и о каком-то авторитете Русской Государственной Думы возможно будет говорить едва-ли раньше ста лет.

Имея в виду эти два неоспоримые факта, великую внутреннюю силу Царскаго и правительственнаго авторитета и полное отсутствие авторитета народнаго представительства, мы легко находим разгадку всех явлений последних лет.

Могущественный фактор как бы устранялся из русской государственной жизни, а слабый, неспособный фактор искусственно выдвигался. Это проявлялось в многочисленных «уступках» требованиям революционнаго и леваго движения.

В истории много примеров тому, что «уступки» содействовали миру и успокоению; однако, все эти уступки нашего Правительства не только не производили успокаивающаго действия, но прямо усиливали революционное движение. Это объясняется тем, что уступки касались не вышеупомянутых необходимых реформ, а являлись умалением Царской власти, Царскаго авторитета. Каждый удар, нанёсенный последнему, был и ударом существующему порядку, так как последний покоился главным образом на Царском авторитете. Революционное движение началось вследствие несчастий Японской войны. Недостатки стараго строя до войны хотя были заметны, однако, не чувствовались столь сильно, чтобы побудить население к революционному движению. Приверженцы революционных тенденций были малочисленны. Не будь потрясения Царской и правительственной власти, не было бы и революции. В виду того, что старый режим, несомненно, страдал некоторыми недостатками и что таковые прямо или косвенно содействовали революционному движению, Правительству в то время следовало, с одной стороны, решительно отстаивать Самодержавную Царскую Власть против всех попыток ея умаления или ослабления и, с другой стороны, столь же решительно провести нужныя стране экономическия, социальныя и тому подобныя реформы. Проведение реформ Само-

державною Царскою властью послужило бы к укреплению последней, к увеличению ея престижа и в силу этаго тоже к укреплению основ государственнаго порядка. Уступки же, сделанныя в пользу парламентаризма, совершенно наоборот, содействовали лишь росту смуты, так как считались доказательством ослабления Царской власти.

С того момента, когда Правительство стало отказываться от политики уступки революционному и парламентарному движению и стало энергически пользоваться своими компетенциями, население немедленно стало успокаиваться. С тех пор каждая мера, принятая в пользу парламентаризма, прямо подливала масла в огонь революции. Кто в подлежащее время жил среди народа, тот видел это на своих глазах. Так, например, объявление о назначении срока созыва первой Государственной Думы как по электрическому току во всей стране оживило уже издыхавшее революционной движение. Равным образом впоследствии каждая речь руководящих лиц и каждая оффициальная публикация, уверяющая намерение придерживаться конституционализма, поднимала дух революционеров и вселяла населению чувство безпокойства. Напротив, каждая решительная защита Самодержавия и правительственной власти производила успокаивающее влияние, распространяя уверенность в могуществе власти, защищающей порядок. Государственную Думу никто серьёзно не считал властью, способною заменить авторитет Царский и поддерживать порядок. Поэтому, коль скоро возникла возможность, что правление государством будет зависеть от Думы, а не от Царской власти, каждый в этом усмотрел возможность наступления новаго революционнаго потопа.

Одним из самых крупных доказательств веры народа в Царский авторитет было изменение избирательнаго закона в силу Манифеста от 3 Июня 1907 года. Изменение состоялось не только без участия Государственной Думы, но и прямо вопреки отстаиваемым Думою тенденциям. Повсеместное строгое выполнение и исполнение Высочайшаго указа неопровержимо доказывали, что народ в России знает только Царский авторитет и не имеет ни малейшаго уважения к авторитету народнаго представительства.

Но нельзя сказать, что сохранение Царскаго авторитета безпечно навсегда, если само Правительство терпит порядки, ведущие к потрясению этаго авторитета. Для создания Царскаго авторитета потребовалась работа многих столетий, но разрушение его может состояться и в течении 20 или 30 лет, если дают волю всем разрушительным элементам и отчасти этому содействуют сверху... Одним из факторов, прямо содействующих потрясению Царскаго авторитета и вместе с этим потрясению основ государства, это — пропаганда идей о существовании в России «конституции» или ограничении Царской Самодержавной власти.

Этой пропаганде, во-первых, содействует некоторая неясность в наших основных законах. С одной стороны, в них упоминается о Самодержавной Царской власти и Государь назван «Самодержцем», а с другой — в них установлено, что законы могут издаваться лишь с согласия Государственнаго Совета и Государственной Думы. Это постановление не только кадетами и левыми, но и октябристами толкуется, как признак существования в России «конституции». Оно даёт сильный повод к вышеупомянутой пропаганде, которая ведётся не только печатью, но, главным образом, Государственною Думою, а в новейшее время и Государственным Советом.

Я, конечно, не стану оспаривать, что конституционный или парламентарный образ правления при известных предположениях имеет свои преимущества и может давать хорошие результаты. Но в России этих предположений нет. Современный парламентаризм — ничто иное, как господство средних классов, и его естественным предположением является существование сильно развитых могущественных средних классов. Такия мы найдём во всех тех странах, в которых процветает парламентаризм. В России, однако, средние классы слабо развиты и во многих местах почти отсутствуют. Для того, чтобы в России выросли средние классы, как основание парламентаризма, потребуется ещё, по крайней мере, полстолетия или целое столетие. Другим препятствием для парламентаризма является сложившийся в силу историческаго прошедшаго и условий существований характер народа. Последний свыкся с правлением сверху, и у него нет элементов самоуправления и самоопределения. Какаго-нибудь так называемого «политическаго развития» у него вовсе нет. Это видно из его неумения различать дальновиднаго политика от любого крикуна. Политическое развитие народа заключается не в умении решать все политические вопросы (этаго не умеет ни один народ), а в умении найти лиц, на которых он может полагаться и которые достойны быть руководителями народа. А наш народ, как чисто Русский, так и инородческий, оказался совершенно неспособным к своей политической роли. Он превратился в орудие революционной агитации, и его выборные (первая и вторая Государственная Дума) прямо стремились к разрушению основ государства и порядка. Избирательный закон 3 Июня 1907 года, правда, устранил непосредственно опасность, что Государственная Дума приведёт государство к перевороту, но зато этот закон отнял у Думы характер народнаго представительства в современном его смысле, превращая её в представительство некоторых высших классов. Что такое превращение для спасения государства было признано нужным, это ясно доказывает невозможность сохранения у нас идеи народнаго представительства. Дума у нас может быть полезным учреждением, помогающим Правительству в контроле, собирающим нужныя данныя и представляющим добрые советы для решения государственных дел, — наконец, ареною, в которой проявляются политическия таланты, услугами которых Правительство может пользоваться. Другого значения Дума у нас, без ущерба для государства, иметь не может. А, несмотря на это, даже третья Дума стремится к тому, чтобы превратить Правительство в своего рода подчинённаго.

Наша Государственная Дума не может сделаться носительницею высшей Государственной власти и опорою порядка уже по неимению авторитета в народе. Такой авторитет, как уже выше было сказано, приобретается лишь долгою практическою деятельностью, приобретается великими услугами государству. Никогда он не получается в подарок. В настоящее время Государственная Дума пользуется значением лишь настолько, насколько таковое ей присвоено Самодержавною Царскою властью. В тот момент, когда Царская власть отнимает у Думы своё покровительство, последняя превращается в нуль. Такое учреждение неспособно исполнять обязанности носителя государственнаго здания, каковую роль поныне исполняло Самодержавие. Но разрушительную роль Дума играть вполне способна, если ея деятельность направлена к тому, чтобы ограничить и ослабить Царское Самодержавие, которое является настоящею опорою государственнаго порядка.

Дело в том, что отнятая у Самодержавия часть авторитета вовсе не переходит к Государственной Думе, а пропадает совершенно. Когда в 1789 году во Франции королевский авторитет был разрушен, то последний не перешёл к национальному собранию, которое после того оказалось столь же безпомощным против революции, как и прежде. За разрушением королевскаго авторитета последовала анархия. Парламент, не выросший исторически, никакого авторитета внезапно приобрести не может. Таким образом, все старания Государственной Думы создать в России не только конституцию, но и парламентарный образ правления, прямо направлены к ослаблению устоев государственности. До сих пор от подлежащих попыток Думы уже было то вредное последствие, что оне не дают населению успокаиваться. В разрушении «Самодержавия» все усматривают разрушение государственной власти вообще. Защитники парламента говорят, что, пользуясь конституционными свободами, народ в России со временем приобретёт политическое развитие, и русский парламент приобретёт надлежащий авторитет. Это верно: после полустолетия или целаго столетия конституционной практики народ может приобрести некоторый политический навык; но пока это будет достигнуто, государство с политически неразвитым народом под господством безавторитетнаго парламента давно будет разрушено.

Самодержавная Царская или вообще правительственная власть и дело порядка и успокоения не имели ни малейшей прибыли от деятельности Государственной Думы. Правительство возстановило свой престиж и порядок в стране, лишь благодаря своей собственной силе. Не говоря уже об антиправительственных и антигосударственных стремлениях первой и второй Государственной Думы, даже третья Государственная Дума ничего не прибавила к авторитету правительственной власти, напротив, как уже выше разъяснено, своими нападками на Самодержавие и своими попытками захватить власть лишь задерживала окончательное успокоение страны и поддерживала надежду революционеров на ослабление государственной власти и возможность переворота. Между Думою и страною, т.е. массою народа, нет никакой крепкой связи. Удовлетворение Думы решительно ничего не значит для удовлетворения страны. Поэтому, если ради удовлетворения Думы приносится в жертву часть правительственной власти и правительственнаго авторитета, то это может принести лишь вредныя, а не полезныя последствия. Соглашение с Думою не привлекло на сторону Правительства ни одного человека, который бы уже раньше на этой стороне не находился. Деятельность Думы осталась безвредною лишь настолько, насколько она ничего не делала, т.е. утверждала правительственные проекты; но коль скоро и она пыталась делать что-нибудь самостоятельное, она по большей части лишь портила дело.

Нужен ряд важнейших реформ, и Царская Самодержавная власть, проведя таковыя, не только искоренит поводы к неудовольствию, но и приобретает в глазах народа новый престиж.

Хотя вопрос, какия именно реформы нужны, столь крупный, что его основательно разсмотреть в настоящей записке невозможно, — однако, в виду часто встречающихся заблуждений в этом отношении, считаю уместным здесь сделать некоторыя общия замечания. Крупная ошибка, если к необходимым реформам причислят так называемыя «свободы» или проведение в жизнь прин-

ципов Манифеста 17 Октября 1905 года. Народ от этих принципов отказался, отвечая на Манифест революционным движением и ясно доказывая, что вполне неспособен благоразумно пользоваться дарованными свободами. Равным образом, строго нужно воздерживаться от реформ, отдающих власть в руки массы. В виду доказанной политической неразвитости и несамостоятельности народных масс, подобныя реформы содействовали бы лишь делу смуты, — так как народныя массы, как это было доказано выборами в первую и вторую Думу, легко делаются орудием революционных агитаторов и часто безсознательно служат делу революции или разрушения существующаго порядка.

Но зато в полной мере нужно удовлетворить основательныя потребности народных масс в экономическом, религиозном, национальном и, главным образом, в социальном отношениях. Самою настоятельною крупною реформою, например, является реформа сословная, которая важнее, чем все другия реформы вместе взятыя, и к которой по настоящее время серьёзно не приступали.

Кроме законодательной работы, большое значение имеет и административная практика, которая в настоящее время недостаточно заботится о монархическом интересе, — особенно на окраинах, где часто администрациею поддерживались или терпелись элементы, оказавшиеся впоследствии революционными».

Б.

«Петроградские ведомости». № 260. 19 Ноября 1915 г.

№ 10

Письма русских людей в Св.Синод

1.

*24 Июля 1917 г.**

В Святейший Правительствующий Синод
Господина нашего Святейшаго Митрополита
Святейший Синод,

Мы, православные христиане, усерднейше просим разъяснить нам в газете «Русское Слово», что означает в предстательстве перед Господом Богом присяга, данная нам на верность Царю, Николаю Александровичу? У нас идут разговоры, что ежели эта присяга ничего не стоит, то ничего не будет стоить и новая присяга новому Царю.

Так ли это, и как надобно всё это понимать? Мы обращались за разъяснением к своему брату, умному человеку, но он нам прислал ни

---

* *Дата поступления документа в Св. Синод.*

два, ни полтора, что вы сами увидите из писем этого человека, которые посылаем Правительствующему Синоду в суждение.*

Нам желательно не самим решить это дело, как нам советует наш знакомый человек, а Синодом Правительствующим, чтобы все это понимали как надо понимать, без разногласия. Потому что от разногласия жить стало нельзя и нету никакого порядка. Жиды говорят, что присяга – ерунда и обман, что можно и без присяги; попы молчат; а миряне каждый по-своему, а это не годится. Опять же стали говорить, что Бога нету совсем, а церкви скоро закроются по ненадобности. А мы по-своему думаем, зачем же закрывать, иному при Церкви жить лучше. Теперь сничтожили Царя – плохо стало, а ежели прикрыть Церкви – ещё хуже того будет, а нам надо, чтобы лучше было.

Потрудитесь нам, Святейшие Отцы наши, разъяснить для всех одинаково, как быть со старой присягой и с той которую принимать заставят? Какая присяга должна быть милее Богу, первая аль вторая? Потому как Царь не помер, а живой, в заточении находится.

И правильно ли что все церкви позакроются? Где же нам тогда молиться Господу Богу? Неужто идти к жидам в одну компанию и с ними молиться? потому как теперь вся власть и которою они над нами бахвалются. Ежели этак всё будет и дальше – то это нехорошо, и мы очень недовольны.

Православные христиане

2.

Любезный друг, Трофим Егорович,

я получил твое письмо, за которое тебе благодарен. Ты просишь меня написать тебе о крестьянских депутатах, которые где-то заседают в Петрограде и в Москве. Просишь объяснить, кто выбирал от нас этих депутатов. Но, голубчик мой, я столько же знаю об этих депутатах, сколько и ты. Думаю, что они просто сами себя выбрали, сами себя уполномочили говорить от нашего имени. Думаю также, что эти депутаты от крестьян ничего общего с нами, крестьянами, не имеют.

Я не совсем понимаю тебя, почему ты по интересующим Ваш край вопросам просишь меня навести справки в Св.Синоде? Те вопросы, которые ты возбуждаешь в своем письме, совершенно не касаются Св.Синода, за исключением вопроса о Присяге.

Всё это такие вопросы, которые относятся к области права гражданского, а не канонического, и должны быть обращены к новой гражданской власти. Ты вспоминаешь мои рассказы о покойном Победоносцев, который много занимался такими вопросами, и надеешься, что нынешний Обер-Прокурор мне всё объяснит, как объяснял Победоносцев. Но,

---

** Ответ этого человека (Коронева) приводится далее.*

во-первых, я не знаю лично нынешнего Об(ер-Прокурора) и не могу к нему обращаться. На машинке я тоже писать не умею, и опять-таки не понимаю, почему ты думаешь, что в Св.Синод надо писать обязательно на машинке? Если уж тебе так хочется написать в Св.Синод, то в случае я откажусь сделать это за тебя, то пиши как умеешь, только пиши правду, ничего не сочиняй из головы, так как важно не то, как ты напишешь, а то, что ты напишешь. По моему личному мнению всё дело в распущенности нашей деревенской и фабрично-заводской молодежи. Помнишь, как мы в 905—906 годах, организовав союз под моим руководством, подтянули эту молодежь? Теперь этого не было сделано нами самими, а одни попы тут ни при чём. Ты напрасно всё ставишь в вину только попам. Во всём происшедшем виновны больше всего гражданские власти. Царя окружали малоумные советники, а так как их было много, а Царь один, то ему ничего другого не оставалось, как отречься от престола, что Он и сделал. Конечно, Царь этим погубил не только Себя, но и нас всех, которые любят Царя и стоят за порядок. Ты правильно говорил, что народ и не собирался делать революцию, поняв всё её зло ещё в 1905 году, когда лично я объезжал всю Россию, давая всем вам указания какого берега нам держаться. Если бы народ в Феврале месяце желал революции, то уж мы-то с тобой первые знали бы его желания. Но в Феврале произошёл доселе невиданный солдатский бунт, к которому примкнули рабочие и те люди, которые давно мечтали взять в России власть в свои руки. Эти последние и использовали выгодно для них случайно сложившиеся обстоятельства. Ты удивляешься, почему я, как было 905—906 г.г. не посылаю в деревни от своего имени печатных писем, разъясняющих народу, чью руку он должен держать теперь, но, друг мой, у меня нету своей печатной машины, а в других типографиях мои письма к крестьянам не стали бы печатать даже за деньги. Когда мы с тобою повидаемся лично и поговорим в живой речи, я объясню тебе почему. Потом я должен напомнить тебе, что Сам Царь в своем акте отречения дал понять всем, что мы должны делать. Мы должны ради прекращения смуты подчиниться новому правительству. Всякая смута во время войны гибельна для России.

В Учредительное Собрание я не пойду. На родине я уже дал знать нашим, чтобы на меня не рассчитывали. Брата старшину пускай посылают, если хотят, но я нахожу, что мой брат стар и мало пригоден для какой-либо полезной работы в Учредительном Собрании. Что я буду делать в будущем, я ещё хорошо не знаю. Пока приехал из деревни в Москву, ради последнего сына, которому, как и старшим детям, стремлюсь дать высшее образование. Харчи, конечно, беру из деревни. В Москве такой грабеж, что жить здесь на покупное впору только миллионерам. Я очень рад, что ты выбран в Председатели, за твое материальное положение. Жалование, конечно, подспорье в хозяйстве. Но боюсь,

что ты сделал ошибку в политическом отношении. Видным в крестьянстве людям сейчас следовало бы от всего отстраниться и не расходовать жизненную энергию на переливание из пустого в порожнее. Пусть бы галдела пока одна сволочь, а там будет видно. Сейчас в этом пьяном угаре сумасшедших солдат можно только растерять все ценные и честные мысли, не принеся никакой пользы делу.

Ты, должно быть, позабыл всё то, чему я тебя, по дружбе к тебе, учил в былые годы. Я напомню тебе это, в немногих словах, чтобы поставить тебя на правильные рельсы, просто так, на всякий случай. Мы с тобой были всегда плохие граматеи и читали только одну книгу, книгу жизни. В этой книге написано про психологию сволочи вот что: когда ты сволочи говоришь хорошие слова, она слушает, запоминает эти слова. Когда она запомнила несколько слов, употребив на это немало времени, она помаленьку спорит с тобой самим о правильности запомнившихся слов; споря, сволочь смелеет, а, осмелев, тебя уже начнёт бить за эти слова, но не словами, а чем попало... Вот почему нам, людям опыта, знающим психологию сволочи, надо молчать. Пусть говорят в данное время все те, которым хочется быть избитыми жалование Председателя. Я говорю тебе это как другу, но ты волен поступать, как тебе нравится. Ртуть в градуснике прёт кверху. Это означает, что она будет опадать и книзу. И вот когда начнется её обратное падение, тогда и должны браться за дело рассудительные умные люди. Ты бы и себя поберёг.

Потом ты не смешивай меня с собою. Не сравнивай мои выступления перед тысячными толпами сволочи в 905 году с твоими участием в делах нынешних. Насколько я согласовывал свои действия с психологией того времени, настолько твои действия идут в разрез с психологией того, что происходит сейчас. Конечно, я могу и ошибаться в правильности моих выводов лишь по одному твоему письму, в котором ты освещаешь мне положение. Однако ты хорошо знаешь, часто ли я ошибаюсь... А это свое знание прими к сведению... Я доволен, что на всех собраниях православные вспоминают обо мне и выражают охоту знать, что бы сказал я, случайно заехав к вам. Передай всем от меня только следующие слова: искренне желаю им всем всякого добра. Но не пускайся ни в какие суждения со всеми о том, что пишу тебе в этом письме. Помни, что я твердо решил держаться ото всего в стороне. Для этого и приехал с сыном в Москву. Не хочу, чтобы теперь толпы ходили ко мне за разными советами. В Москве они меня не сыщут. Но тебе я дам свой настоящий адрес, чтобы твои письма приходили прямо ко мне. Вот мой правильный на всё время войны адрес: Москва, улица Зацепа, дом № 28, кв. № 6. Тут живёт мой старший сын Михайло, любимчик-то твой. Только его положение теперь очень скверное. Дело в том, что его произвели офицером. Этого офицера я теперь и должен охранять. В полку много

мужиков, которые, если не знали меня лично, то слышали про меня. А есть и мои старые приятели. От этого к моему Михайле солдаты всей душой. Сейчас он болен, похоже на чахотку — лежит в госпитале. От солдат нету отбою, из разных полков приходят ко мне справляться про здоровье. Я рад и не рад этим визитам, потому что не хватает и самим сахару, а чайком не попоить, сам знаешь, нельзя. Купил секретно 10 фунтов по 1 руб. 75 коп. за фунт и пою солдат, давая по кусочку. Некоторые приносят сахар с собою. Так что с этой стороны я чувствую себя неважно. Отбился от мужиков, уехав в Москву, не могу отбиться от солдат, благодаря Михайле. Все они идут с политикой, но я только слушаю, сам не высказываю никаких мыслей. От этого молодые солдаты, когда попадают ко мне со стариками, смотрят на меня, как на какое-то пугало. Но, увидав, что я всё молчу, не мешая им говорить, о чем они желают, уходят неудовлетворенными, разочарованными в моих знаниях и опыте. Но очень многие робеют от того, что я молчу.

Воевать не хотят. Ты спрашиваешь меня, как надо понимать слово «буржуй» и «буржуазия».

«Буржуазия» — это не русское слово, а французское. Во Франции это слово означает средний класс мещан — городских маленьких собственников. По образу своей жизни почти ничем не отличаются от нас, крестьян. Поэтому нас, крестьян, как маленьких собственников, в отличии от пролетариев, у которых на заднице одни штаны, и те рваные, также надо признать буржуазией.

Слово «буржуй», как бранное слово, употребляется в России неумными пролетариями против всех людей, у которых что-нибуди есть, кроме штанов. Однако пролетарии этим словом первоначально называли одних миллионеров, а теперь зовут всех, не понимая смысла этого слова. Вообще это слово в устах неумных и скверных людей получило широкое употребление вследствии недоедания и той разрухи в жизни каждого бедняка, которую нанесла нам всем эта ужасная война. Каждое лицо на вид полное здоровья теперь называется дураками «буржуйская морда». Не могу тебе ничего сказать на вопрос о том, за какой строй в будущем стоит большинство горожан. Я очень мало с кем вожусь, и не хожу ни на какие собрания. Этот вопрос буду решать не горожане, а мы — крестьяне. Многое будет зависеть от техники выборов, но, главным образом, от того, кому свои голоса доверит крестьянство. Будущее для меня ясно, но об этом поговорим при личном свидании. Всего не напишешь. Я и так, чтобы не остаться у тебя в долгу, на два твоих листа посылаю тебе два свои.

Что касается последняго твоего вопроса о том, имел Царь право отрекаться от престола и за своего Сына, то я затрудняюся дать тебе юридический анализ этого акта. Мне кажется, что как Царь он имел право делать всё. Но правильно ли он поступил как отец в отношении

своего сына, то тут разобраться мог только Он один в зависимости от тех чувств Отца к сыну, которые нам с тобой понятны лишь в своей жизни. Во всяком случае, акт отречения говорит сам за себя слишком многое. Он прежде всего говорит о том, что Царь очень сильно любил свою родину и пошел на всё, чтобы спасти её от смуты и завоевания немцами.

Потом акт отречения говорит о том, что Царь искренно поверил в то, что народ разлюбил Его. Конечно, это должно лечь на совести тех, кто убеждал Царя от имени народа. Подлинные свои мнения и чувства к Царю народ обнаружит не скоро и не ближе, пока соберется на выборах в Учредительное Собрание. Но мы с тобой вперед знаем эти чувства, и это наше знание должно нам служить ответом на вопрос о том, правильно ли Царь отрекся за Сына.

А насчет Присяги обратись уж лучше к Отцу Григорию, а если не веришь ему, пиши в Св.Синод. Неважно, если ты напишешь и без машинки. Но если в вашем уездном городе есть переписчики, попроси переписать написанное, конечно это будет почище и попонятливее в чтении. Митрополиты и Архиереи большей частью глубокие старцы. На машинке повидней. Но и лист бумаги уж ставь хороший. А то машинка да на грязном листе серой бумаги, всё одно, что бриллиант на куче навоза. Не знаю только захочет ли Синод отвечать частному лицу. Если бы был жив Победоносцев, тогда я, конечно, исполнил бы твою просьбу. Покойный мне отвечал на все мои письма. Но теперь я там никого не знаю, да и дух в Синоде не тот, что был. Ну будь здоров, кланяюсь твоей хозяйке. И сейчас вспоминаю, какие она вкусные лепёшки нам пекла, да как сливками с ягодами кормила. Любящий тебя

Коронев

Мая 12 дня 1917.

3.

Любезный друг, Трофим Егорович,

Получив твое письмо от 30-го Мая, я очень удивился тому, что ты неправильно понял мое письмо, в котором я по вопросу о присяге советовал тебе обратиться к отцу Григорию или даже в Св.Синод, как ты сам хотел это сделать. Я не потому дал тебе такой совет, что хочу от тебя скрывать свое мнение, а потому, что разъяснение такого вопроса было бы гораздо удобнее взять на себя отцу Григорию, чем мне. Но если, однако, ты непременно хочешь знать, как смотрю на вопрос о присяге, то изволь, я скажу тебе.

Как простой верующий человек, присягавший двум Государям, вследствие смерти одного из Них, я думаю, что присяга верующаго обязательна до перехода в неземную жизнь. Без этого сознания присяга явилась бы

ложью, добровольно направленной против себя. Таково мое личное убеждение, которого изменить я не могу без противоречия самому себе по моей вере в Бога. Сущность присяги я понимаю как акт духовно-связующий верующаго до самой смерти и, если хочешь, для доброй смерти, т.е. спокойного, с чистой совестью предстательства перед Тем, чьим Именем я клялся. Изменить присяге я нахожу невозможным, поскольку не могу допустить расхождения с верою отцов своих. Давать новую присягу Временному Правительству значило бы обманывать кого-либо из трех, а именно: Бога, прежнего Царя или новую власть. Может быть и есть такие люди, которые с лёгкостью способны на такой жуткий обман, но я не в состоянии этого сделать над собой.

А посему, оставаясь верным присяге, обусловленной сущности веры отцов, я повинуюсь новому Правительству. Миллионы людей верующих теперь должны переживать эту великую трагедию их духа, т.к. новое Правительство вправе требовать от всех граждан, чтобы они, не касаясь веры отцов, точно исполняли его волю в области гражданских регламентаций. Но мне думается, что меня не могут осуждать как те, кому я присягал, за то, что я подчинился силе новой власти, так и те, кому я подчинился — за то только, что я присягал, когда этой власти ещё не было.

Вот, дорогой Трофим Егорович, тебе мое совершенно искреннее мнение. Но отец Григорий, быть может, скажет тебе, что я и неправ. По этой только причине я в том письме и не высказывался, не желая тебе навязывать свое мнение, не зная хорошо того, какого мнения по этому вопросу держатся наши Иерархи.

Сам я ещё не говорил об этом с московскими священниками. Не говорил, потому что в переживаемое время не хочу ни с кем спорить. А такой вопрос без спора решить было бы нельзя. Лично мне думается, что наше духовенство, допуская присягу новому Правительству, впало в противоречие с Церковью Православной, и весьма сильно, не замечая того, подорвало основы религии. Но я ещё мало продумал это и не хочу утверждать, что буду прав, отстаивая такое мнение. Не хочу закреплять этого мнения и в твоих глазах. Подумай и реши сам, и как бы ты не решил этот вопрос, не навязывай своего решения другому-другим. Теперь смутное время, и, если духовенство сделало ошибку — спотыкнулось, то мы должны его поддержать от падения в пропасть.

Когда Цари умирали, то присяга их наследникам была естественной. В данное время этого нет. Было отречение, была передача Престола Брату, но был и условный отказ брата от Престола. Если предположить даже, что народ в Учред(ительном) Соб(рании) скажет — не надо Царя — то и тогда раз данная им присяга должна бы быть снята с народа особым постановлением высших служителей Богу и Церкви Православной. Но присяга, данная новой власти теперь, Временному Правитель-

ству, предрешает события и логически не может быть проведена без нарушений коренных начал канонического права.

Однако, опять-таки скажу тебе, что я не знаток Церковного Права, поэтому ты не должен признавать моего суждения правильным. Ведь если предположить, что знатоки Церковного Права впали в ошибку, то легче всего предположить, что не они, а я ошибаюсь, как не знаток этого права. Ты пишешь, что ты и все мужики согласны больше верить мне, чем О. Григорию, как своему же брату-мужику, потому что я вас никогда ничем не обманывал и всё знаю. А это неправильно. Я действительно вам никогда не лгал, а всегда говорил только то, что думал. Но ведь из этого можно сделать только один правильный вывод, а вывод будет в том, что я с вами как ваш брат-мужик был всегда искренен. Из этого же нельзя заключать, что я всё знаю. Нет человека на земле, который бы всё знал. По всем знаниям есть отдельные специальности. В вопросах Церковного Права, конечно, самыми знающими людьми являются Члены Св.Синода. И уж если вы не хотите положиться на знания О.Григория, хотя я нахожу, что он и должен разобраться правильно в мучающем вас, и особенно дезертиров, вопросе, то обратитесь в Св.Синод. Если же боитесь, чтобы вам за это не попало, то не подписывайтесь в бумаге, а попросите Св.Синод высказаться по этому вопросу в газетах. «Русское Слово», которое вы получаете, напечатает то, что скажет Св.Синод, и вам всё будет ясно.

Спасибо за поклоны от Фадея Семёновича и Гаврилы Фёдоровича. Взаимно им кланяюсь, и буду рад, когда со всеми вами увижусь. За присланные лепёшки твоей хозяйкою и масло очень благодарю и посылаю ей почтой фунт хорошего чаю. Прислал бы конфеточек, да теперь их нет. Кончилось правление Царя, кончились с Ним и конфетки.

Любящий тебя В.И. Коронев

3-го Июня 1917 г.

P.S. Ты спрашиваешь пишут ли мне – скажу прямо – одолевают, от этого задержал тебе и ответ.

РГИА. Ф.796. Оп.204. I отд. V ст. Д. 54.*

4.

В Святейший Правительствующий Синод

Крестьянина с. Покровскаго, той же волости Таганрогскаго округа О(бласти) В(ойска) Донскаго Тихона Ив. Минкина.

Смотря на бедствия Родины, осмелился по долгу своей совести донести Святейшему Синоду, почему пастыри и Архипастыри церкви мол-

---

**Архивная ссылка относится к письмам 1, 2, 3.*

чат, — почему не спасают Родины, зачем покрывают изменников, не предают их запрещению, где те пастыри, которые были в годины тяжких испытаний Родины: Святые Сергий Радонежский, Пётр Могила, Пётр митрополит Московский, Патриарх Гермоген, Дионисий Палицын и многие другие, которые не боялись молвы развратных людей в свое время, а словом и делом спасали родину, молились за неё всенародным молением к Господу и Пречистой Матери, хождением по сёлам и городам всем причтом церквей, со святостями и народом, и Господь внимал просьбам — щадил Отечество и спасал народ Русский от нашествий иноплеменников. Дорогие Архипастыри, умоляйте подведомственную Вам паству и пастырей священников ходить по сёлам и городам со святостями по Воскресным и праздничным дням с народом — с просьбою к Творцу нашему о спасении дорогой Родины России от нашествия Тевтонов-немцев, поверяйте их служение Овцам, добре ли они пасут стадо Христово, радят ли о Овцах. Уже много достоверно известно, что многие солдаты, даже части поздавались в плен Немцам добровольно. Почему они не предаются Проклятию как изменники своей родины, почему они покрываются. Народ невежественный проводит время в лени и играх, а высший класс правящий, интеллигенция и духовенство тоже сие творят; откуда же будет Спасение. Зачем сельские отцы-батюшки в своих проповедях не громят нас о нашей лени, неправдах, изменах солдат Родине, почему не говорят проповедей, как Апостол Павел говорит: «настой благовременне и безвременне, умоли, упрети, запрети, разъясни» и т.д. Почему Святейший Синод не делает попыток поддержки Временнаго Правительства и почему не слыхать его последняго вескаго слова, почему Церковь об опасности Родины ничего не говорит, последнее призвание Синода к народу и православным чадам известно только из газет, священники же в церквах нигде ничего не говорят, так как будто это послание Синода было только к редакторам газет. Народу надо говорить в церквах, да не раз или два раза, а сто раз, претить гневом Божиим как народу, воинам, так и начальникам, не радеющим о подчиненных людях и халатно относящихся к своим обязанностям. Дорогие Архипастыри спасайте Родину, призывайте всех опомниться. Напоминайте каждому об обязанности пред Отечеством. Почему на фронтах нет ни одного Владыки, который бы мог словом и делом вразумлять развратных воинов; почему Церковь не проникает в невежествия людские, чтобы знать как их врачевать. Зная мнение людей простых, заявляю, что они ахкают** о разрухе Государственной, говоря, зачем неразумному дают нож, которым он может обрезаться. Почему не обуздают молокососов и непрактитов*** в их бездельных речах о строительстве государственном,*

** Очевидно, «проверяйте».*

*** т.е. «ахают».*

**** Очевидно имеются в виду революционеры.*

только развращающих малознательный народ. Почему не запрещается пропаганда в Войсках большевиков и Ленинцев и в корне не истребляется сеятель ея; почему не вводится самая строгая диктатура для спасения Родины и не обуздывается язык лентяя и невежды. В настоящее время нужен II Иоанн Грозный, только таким путем можно спасти Россию от немцев, этого делового, умнаго, трудолюбиваго и дисциплинарного** тевтона народа. Все внутренние порядки надо оставить до конца войны, а по окончании, если устоит Россия, всё можно сделать и устроить. Простите меня, что осмелился сказать, Помоги Вам Господи, дорогие наши Архипастыри, спасать Отечество Россию.*

29 Июля 1917 года
Тихон Минкин

РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II отд. 3 ст. (1917). Д. 3. Л. 6–7.

5.

*9 Мая 1917 г.****

Христос посреди нас.
Слуги Христа!

*Я, слуга Божия, смею просить Вас обратить внимание нашего новаго временного Правительства на то, что творится войсках**** и по всей нашей дорогой родине; первое, о чём мы должны подумать — о помощи Божией, чем же мы её должны заслужить как не теплой и общей молитвой, а прежде всего исполнением заповедей Божиих и жизнью не по нашим хотеньям, а по воле Божьей. Господу угодно было допустить нашего бывшего царя взойти на царский престол, и потом быть низвержену с него и это всё было попущение Божие, но теперь мы все должны опять его восставить***** на престол, на то есть Воля Небесного Царя, потому что русский народ не должен быть без верховной власти, власти, получившей благословение от Господа. Враги Церкви и Христа не хотят, чтобы мы жили по воле Божьей, а жили по порядку французов, а поэтому, не бывши верноподданными, мы все виновны, а на одно лицо свалили, забывая, что один Бог без греха, одному лицу трудно справиться с такими некультурными людьми, какие мы есть. Мы каждый живём личной жизнью, не замечая, какая вокруг нас гадость, разврат, пьянство, беззаконие, и мы, видя это всё, остаёмся слепы. Духовныя наши очи закрыты, потому что у нас выдохся русский дух, мы все заразились от*

** т.е. «малосознательный».*
*** т.е. «дисциплинированный».*
**** Дата поступления документа в Синод.*
***** Так в тексте подлинника.*
****** Так в тексте подлинника.*

Франции, почему мы и не желаем иметь Царя, нам нужно лицо, которое не помазывалось Богом, а выбиралось людьми ни во что не верующими и живущими не по-Евангельски. Все беды в виде болезней в войсках, наводнения и междуусобия — всё доказывает, что мы все согрешили перед Богом и получаем по заслугам, а поэтому я, слуга Божия, прошу вас разослать по войскам по всей России воззвания том, чтобы все выбросили с головы идти против воли Божьей и не лить крови своих братий, а особенно на Кавказе, здесь надо, чтобы в каждом городе был бы миссионер, только не в одежде духовнаго, но в штатской и посещал бы народныя собрания, а также и в Церквах наставлял бы людей не быть трусами и мужественно идти коварному врагу Христианской жизни и Церкви, за что и на помазанника Божия наклеветали и загрязнили как только возможно, вся ложь, какую на него несут враги закона Божия и устава Св.Церкви, которую и врата ада не одолеют. Довольно радовать нам внешняго врага, который смеется над нами, называя нас, простите, дураками, что мы заставили своего царя оставить престол. Будем все верующия во Христа и Его Св.Церковь <молиться> о даровании нам мира внутренняго и внешняго; оставим, хотя на это тяжелое время, театры, клубы, био и другия развлечения, которыя не прекращались даже в дни Поста Господня: в храмах служение, а в театрах открыто позволяют играть, биллиардныя открыты, картежныя игры, не только взрослыя, а даже и дети на улицах собираются. На позициях войска проигрывают казённыя вещи, а до объявления свободы мало солдаты и старшия чины высылали домой казённые вещи, а царя обвиняют, что он ввел Россию в долги. Если бы у нас меньше было подлых людей, то у нас и Царь был бы хорош, а то мы сами гаденькие, вот и других гадим. Правды нет нигде, только у Бога, а поэтому, слуги Божии, прошу Вас эту грамоту прочесть Российскому народному комитету, а тот комитету рабочих и солдат. Что воля Божия требует* ***возвращения Царя на престол*** *и тогда на земли засияет заря справедливой жизни и всеобщей любви. Благодать Божия не оставит нас и мы соединимся с помазанником Божиим, потому что без него вы, рабы Божии, ничего не выработаете хорошаго. Вы сами видите, что с отречением дурака Царя, как его беднаго называет народ, на Кавказе Господь не стал нам давать ничего хорошаго. Когда будет мне свыше благословение, тогда я Вам объявлю ещё многое.*

Странница.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. V ст. Д. 9. Л. 27–28.

** Очевидно «о том».*

6.

9 Мая 1917 г.
Новгородская губ.

Ваше Превосходительство!

Глубокая скорбь души, боль, обида и страх за дорогую Родину побуждают меня писать Вам несколько слов.

Родина в опасности, она на краю гибели, это сознаёт всякий здравомыслящий человек!

Что же делает духовенство в этот грозный момент? Какую лепту своей моральной силы несёт оно на алтарь спасения Отечества?

В массе оно глухо (я не беру отдельных случаев). Оно упорно молчит, не зная куда стать и что сказать. Это молчание в городах, вероятно, проходит безследно, не оказывая видимаго влияния на массы. Другое дело село, деревня. Здесь ещё чутко прислушиваются к тому, что скажет «батюшка». А батюшка молчаливо вздыхает, не зная что сказать. Серая масса разсуждает так: раз батюшка молчит, значит дело что-то неладно и это молчание истолковывается, как отрицательное отношение к происходящим событиям. В массе пока народ ещё ждёт чего-то, напряжённо, мучительно, но ждёт. Между тем деревню наполняют теперь солдаты-дезертиры с фронта, но, к сожалению, не многие из них несут здоровые семена социализма, большинство несёт лозунг «долой», а что «долой», часто не могут дать реального ответа. Вот тут-то и должно бы выступить духовенство со своим «отрезвляющим» словом, но оно молчит. Молчит же оно потому, что нет предписания свыше, своей же инициативы у него нет, т.к. всю жизнь привыкло действовать по «бумажке». За свой риск и страх немногие решаются выступать. И вот возникает вопрос, почему свыше не дать твёрдое предписание выступать после каждаго праздничноаго богослужения с проповедью полного и безпрекословного повиновения Временному Правительству в данный опасный момент.

Поймите, что крестьянин напряжённо ожидающий, что будет дальше и солдат-дезертир, наполняющий села и деревни, по традиции в праздник утром идёт в церковь, быть может и не по религиозным мотивам, а просто за раз повидаться со всеми окрестными соседями, но всё-таки — в церковь.

И вот здесь ему нелишне было бы напомнить лозунги нашего Великаго Социалиста — Христа! Напомнить ему, что настал час, когда каждый из нас может и должен пойти по пути указанному Христом: «душу свою положить за други своя».

Наши союзники, французы и англичане в опасности и наш святой долг помочь им, иначе лице Господне отвернётся от нас и гнев Божий постигнет нас! Каждому христианину напомнить, что настал час, когда

из милосердия и любви к ближнему он должен принести посильную жертву и накормить армию! Напомнить всем и каждому, что «добрый Пастырь душу свою полагает за овцы, наёмник же бежит», что теперь именно у нас не наёмники, как было раньше, а «добрые пастыри», которых мы сами же избрали. Что только в повиновении этим Пастырям, Временному Правительству, мы сможем вывести нашу Родину на путь расцвета! Быть может Вы возразите, что нельзя церковь делать ареной политической борьбы. Совершенно верно. Но ведь не о борьбе партий я говорю. Пусть пастырское слово прозвучит бодро и твёрдо и разбудит совесть «взбунтовавшихся рабов»! Я очень извиняюсь, что отнимаю у Вас время, но голос совести не позволяет молчать в этот час. Если я направляю своё письмо не по адресу и если оно достойно внимания, то не откажите его направить куда следует. Поверьте, что оно рождено муками и страданиями наболевшего сердца.

Голос женщины из глухой деревни Новгородской губ.
Не пишу фамилии не потому, что хочу выступить анонимно, а просто потому, что моя фамилия никому ничего не скажет, т.к. я только пылинка из толпы.

РГИА. Ф. 797. Оп. 86, I отд. 1 ст. (1917). Д. 17. Л. 262.

7.

Пастыри Всероссийские!

Объявите народу да покается в грехах своих по примеру предков своих, которые переставали грешить, да, кроме того, налагали на себя трехдневный пост и пребывали в молитве; да не развращаются и современные народы, но да пребудут в посте тридневном и молении о даровании победы и мирнаго жития Российскому и союзному ея воинству.

Война зависит от людей; скорее покаются – скорее Всевышний перестанет наказывать, а начнёт оказывать Свою Всесильную Милость.

Да пребудет народ ещё раз в тридневном посте и молении о покаянии и о даровании победы воинству нашему и союзному нам.

По повелению Божию написал сие И.Полищук
1916 года Сентября 27 дня.

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д. 3. Л. 262.

Письма в Св.Сунод С.М. Булатова

Член Православнаго Исаакиевского Братства
Штабс-капитан С.М.Булатов
24 Ноября 1914 г.
г.Вознесенск

Святейшему Правительствующему Суноду

Прошу прилагаемое всеподданнейшее прошение об устройстве у нас православных прихода представить Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Ваше Императорское Величество,
Великий Государь Император Николай Александрович
Самодержавец Всероссийский Государь Всемилостивейший.

Просит Член Православного Исаакиевского братства Сергей Михайлович Булатов.

О нижеследующем:

В Декабре месяце 1907 г. Ваше Императорское Величество соизволили приказать Св.Пр. Суноду представить проэкт устройства прихода при Православной Церкви. Наиболее подходящий устав прихода для нас православных существует у наших православных Единоверцев старообрядцев, дарованный им Императором Николаем I указом 5 Апреля 1845 г., почему всеподданнейше умоляю Ваше Имеператорское Величество дать нам право теперь же устроить приход по такому же уставу. Творец мира за грехи наши оставил нас, смерть уже витает над нами, немцы, австрийцы, турки хотят нас уничтожить, и внутри России мы не в безопасности: иноверцы наши указали неприятелю наши слабые стороны. Все они сплочены, помогают друг другу и сообща губят православную Русь, поляки и немцы имеют приход, татары общину, жиды — кагал.

Только мы православные до сих пор лишены возможности предупредить намерения врагов родины, т.к. разрозненны между собою и не знаем друг друга в лицо. Без прихода умаляется Св.Вера Православная, сектантство уже грозит целости Государства, ***без прихода ослабнет в вере и выродится Православный народ, без прихода Русь не устоит!***

Верноподданный ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Шт.-капитан Сергей Булатов.
24 Ноября 1914 года г. Вознесенск, Херс. губ.

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д. 3. Л. 266.

9.

Член Братства при Исаакиевском Соборе,
Поручик С.М. Булатов.
10 Января 1916 г.
г.Гапсаль Эстляндск. Губ.

СВЯТЕЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СУНОДУ

И не выходишь, Боже, с войсками нашими? (Пс. 59–12) И нет победы! и не будет победы без помощи Твоей, Господи Боже наш!

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ пали!

Господь, Творец неба и земли не дал им помощи! Православные государства все разъединившись, лютеранские народы соединились приходами и бьют православных! В православных государствах Греции, Румынии, Болгарии выбраны на престолы подлые немцы-лютеране, которые делают смуту в народе и тем помогают Германии и Австрии.

Мы в Православном Государстве тоже все разъединены, и поэтому не представляем из себя силы – нас немцы бьют! Мы не только не знаем, что у нас делается, но мы даже друг друга не знаем! Если когда и объединяемся для совместной работы, то в обществах, союзах, клубах, ресторанах, трактирах, но не в Церкви! В Церковь только молиться ходим, когда когда вздумается! О делах оказания помощи и милосердия своим бедствующим Православным единоверцам собираемся и расзсуждаем в О(бщест)вах, клубах и т.д., но не в Церкви, ибо у нас нет, не получили права устроить Прихода! Дело помощи, дело любви Христовой у нас на последнем месте: холодный камень – сердце наше!

И странно: мы ждём победы, лепечем молитвы, думаем одурачить Господа Творца неба и земли, в каком-то ослеплении надеемся на свою силу, когда нет таковой! Сила или в крепком мече, или ещё вернее в милости Божией! Меч не докован, а милости Божией не получим, оттого что и сами не любим друг друга, и всему Православному народу не даём возможности устроить свою жизнь по заповеди Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия о любви к ближнему, т.к. сами не желаем возобновить Православный Приход!

Одумаемся! ведь мы погибаем!

Теперь все войска нападавшие на Сербию и Черногорию бросятся на нас! Мои многие солдаты в роте, только православные – совершенно неграмотны, цифр не знают, не могут правильно поставить прицел на ружье, т.е. не могут правильно стрелять по команде, т.е. не могут поражать противника, противник может подойти к такому стрелку! 20-летние парни, ищут как бы достать алкоголю, хоть бы денатурир(ованного) спирта, «Отче наш» не знают, воруют друг у друга деньги, ссорятся, и всё Православные; вот горе, которое произошло оттого,

что нет Прихода! да ещё в письмах из дома читают жалобы и про обиды, падают духом, а немец уже занял около 20 наших губерний!

О, Боже Милосердный! просвети наши сердца холодныя и каменныя, просвети наш ум и очи, чтобы мы вняли учению Твоему, размягчи наши когти, которыми мы, как хищные звери схватили пищу и сидим на ней, видим, что наши правосл(авные) братья умирают с голоду и не поделимся с ними куском хлеба, не даем им помощи в стенах Церкви Твоей Святой. Туда мы только для того ходим, чтобы показать другим народам, что и мы молимся! Не прокляни и не остави нас, Господи Боже!

С.Булатов

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д.3. Л. 267-268.

10.

Член братства при Исаакиевском соборе, Поручик С.М.Булатов.

19 Января 1916 г. г. Гапсаль

Предсоборному Присутствию.

Отцы и Мужи!

Прошу скорее поднести на утверждение Его Императорскому Величеству устав Прихода, выработанный прошедшим Предсоборным Присутствием, иначе мы не одержим победы над Германцами, и не освободимся у себя на родине от внутренняго немецкаго засилья! Все наши сектанты – это дело немцев заграничных и живущих у нас в России, а как вредны сектанты, особенно в войсках, многие и не подразумевают! Сектанты угашают в войсках веру в Милость Божию и заражают Православных воинов неверием и настраивают против защиты веры, Царя и России. Без Прихода нельзя бороться с сектантами, борьба будет безплодна! Ещё раз и ещё раз повторяю: без Прихода не одержим победы над Германцами!

Без Прихода, т.е. не устроивши Приходских просветительных и благотворительных учреждений мы издеваемся и смеёмся Господу Богу в Его Святой Невидимый Лик, плевать хотим на святые заветы Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия о любви к ближнему! Именно плевать хотим, т.к. если мы нагло, подло, как Иуда, правой рукой ставим 5 к. свечку пред Иконою Христа Спасителя и Его Святой Матери-Деве Марии, а левой снимаем последнюю рубашку с бедствующаго Православнаго христианина: беженца, жены или вдовы солдата с детьми, и если этого Церковь наша не осуждает в наше время, а я этого не слышал, хотя хожу в Церковь, то мы хуже Иуды Искариота – нечесть какая-то, гады в образе людей, и ещё безконечно хуже! Я и сам мерзкий грешник, но если бы был Приход и священники имели право говорить всё об учении Христа Спасителя – я не пал бы так низко и не омрачил душу

свою тяжкими грехами, и уверен – много людей православных жили бы лучше и более любили бы заветы Христа Спасителя, чем теперь; и может быть не прогневили бы Творца Вселенной и эта война была бы для нас не так несчастна, как теперь! Ведь мы висим на волоске; Германец летал уже на днях над г. Речицй на 1/2 дороги между городами Двинском и Псковом, а мы и сегодня ещё думаем нагло обмануть и Бога, и Царя, и русский народ! Православные христиане знают, отчего они несчастны и кто мешает им быть верными сынами Св.Православной Церкви. Когда будет приход: будут школы, приюты, больницы, богадельни и др. благотворительныя учреждения; Православный народ просветится, а не будет как теперь грамотен только на 20%. Иисус Христос говорит: «Я Свет пришел в мір, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Иоанна 12–46), а Святейший Синод, упираясь в Имя Христово говорит: довольно 20 грамотных на 100 православных! больше не надо! русские немцы говорят, что православный народ должно держать в темноте, и Святейший Синод, исполняя волю немцев – не строит школ!

Господи, уничтожь врагов Твоего учения!

С.Булатов.

РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 347. Л. 1–2.

11.

Член братства при Исаакиевском Соборе, поручик С.М. Булатов 20 Января 1916 г. г. Гапсаль Эст. Губ.

В Предсоборное Совещание

В телеграмме от 16 Января из Стокгольма сообщено, что Д-р Молин агитирует в пользу вооруженного выступления Швеции для отторжения Финляндии от России. Вот надвигается новая беда, и если Господь Бог не пошлёт Ангелов Своих умирить сердце новых врагов наших, будет нам ещё хуже, чем теперь!

Мужи братия и Отцы! Неужели же и теперь мы будем устраивать канитель и проволочки с возобновлением Прихода, будем дурачить весь Православный русский народ, что будто бы так тяжело составить устав прихода? Неужели же даже и в душе своей мы так омрачены, что думаем, что дело Прихода – дело любви Божией, требует каких-то особенных форм, которых мы никак не можем найти? Мы сами себя обманываем, так мы привыкли давить и обижать своих бедствующих православных единоверцев! Побольше милосердия к православному бедняку, поменьше форм и бумаги! Вспомним хоть теперь, в минуты вновь грозящей опасности, заветы о любви к ближнему Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия! Оставим обманывать Творца неба и земли! Мы думаем больше о жалованьи 29-го числа да об орденах и званиях, чем о

Христе Иисусе. Только Приход спасет Православный народ и от пьянства, от темноты, от бедности и малоземелья. 250 почти лет татары мучили наших пращуров за их недружную жизнь; Наполеон загадил наши Святыни, 200 лет нами управляют немцы и мы за награды от них держим в темноте Православный народ. Я принимал новобранцев, из православных попадалось на сотню 5–6 чел<овек> грамотных. Из 100 православных почти 1/2 сыновья совершенно безземельных крестьян, в то время как немцы-колонисты имеют каждый не менее 30–40 дес(ятин) земли. На немецкие деньги множилось и поддерживалось сектантство. Вильгельм лобызал издохшаго проклятаго Витте за спаиванье Православного народа, а водка окончательно губила наших бедных тёмных Православных крестьян, отрывала их от Церкви, пошли секты. И теперь Придворные немцы и их русские православные помощники нагло говорят, что Приход не так нужен, т.к. образовалось масса благотв<орительных> О<бщест>в.

Не будет Прихода сейчас же, теперь, на этих днях – заберёт Вильгельм Москву и Петроград! ибо Господь не помилует нас! Если так тяжело составить Устав Прихода, возьмем образец устава, существующий в Прав<ославных> Церквах Финляндии или у наших Православных старообрядцев-единоверцев.

Без Прихода мы погибнем! Мужи братия и Отцы! ведь мы у себя дома в России проданы нашими русскими немцами и не знаем друг друга, не знаем своего духовенства, духовенство не знает нас, а чтобы быть сильными надо всем нам соединиться во едино в Св<ятой> Прав<ославной> Церкви. Тогда мы исполним заповедь Иисуса Христа о любви к ближнему и Господь даст нам победу.

Повесьте меня, расстреляйте, отрубите голову или сошлите в вечную каторгу, если я говорю неправду. Без Прихода немцы разобьют нас наголову, окончательно, Церкви наши разрушат, и истребят всё население – стариков, женщин и детей.

С.Булатов.

РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 347. Л. 3–4.

12.

Святейшему Правительствующему Синоду

О бедствии православн(ых) беженцев в связи с вопросом о возобновлении Прихода.

Поручика по Адмиралтейству С.М. Булатова, Члена Братства Исаакиевского Собора.

РАПОРТ

Март и Апрель м-цы с/г я находился в служебной командировке и проехал с товарным поездом от г. Петрограда до г. Владивостока и

обратно в г. Петроград, и т.к. ехал медленно и подолгу останавливался на станциях ж. дорог, я имел возможность наблюдать бедствие Православных беженцев. Почти по всем станциям ж. дорог от г. Петрограда до г. Владивостока на 8156 верст разбросаны исключительно только Православные беженцы; об этом я также написал по просьбе Г. Секретаря Председателя Совета Министров И.Ф. Мануйлова, который обещал представить эти сведения Б.В. Штурмеру. Господь Бог знает, нам неизвестно, но я полагаю, что те земли, которыя заняли немцы для нас пропали, м.б. потом, но теперь мы их не отвоюем, поэтому следовало бы православных беженцев водворять на жительство, т.е. дать им землю и казён. лес на постройку изб.

Нет Прихода и некому позаботиться с христианским чувством к своим бедствующим единоверцам! Ни Государство, ни земства, ни частн. благотв. О—ва не справились с устройством беженцев, а Приход всех устроил бы, как это сделали лютеранские и польские приходы, жидовские кагалы и магометанские общины! И по сию минуту Православные беженцы и сироты льют горькия слёзы и эти слёзы во 100 крат отольются на врагах и задерживающих возобновление Прихода.

Не надо выборного духовенства, пусть по-прежнему остается при Церквах особо причтовый и церковный капитал, надо скорее возобновить Приход и собрать Приходский капитал, чтобы не дать умереть Прав. беженцам, вдовам и сиротам с голоду! «У Меня отмщение, Я воздам» — говорит Господь (Посл. к Евреям Гл.10, ст.30)

С.Булатов
25 Мая 1916 г.
адрес: г. Кронштадт, I Балт. Флотск. Экипаж.

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д. 3. Л. 144–145.

13.

В ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО БОРЬБЕ С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ.

Все мы, православные русские люди, находимся накануне гибели, так как не желаем считаться со следующей страшной опасностью: главная лютеранская немецкая консистория в Берлине в Мае месяце 1901 г. тайно объявила всем лютеранским немецким киркам в России, что все немцы, живущие и служащие на различных должностях в России и колонисты должны принять вторую присягу на верность службы Германии, что в 1901 и 1902 г.г. исполнили (тайно) почти все немцы, служащие и живущие в России; вместе с тем было объявлено, что нарушение присяги, данной на верность России не есть «грех», наоборот, таковое обязательно и будет оценено Германией; а на случай войны России с Германией все немцы, желающие добра своей родине (Германии) должны всеми силами

добиваться принять русское подданство и тем ввести русских в заблуждение, чтобы свободнее нанести наибольший по силе и возможности вред России.

Проведение этого (сатанинского) предательского плана посредством клятвы именем Божиим совершилось: множество немцев-лютеран, чтобы принести пользу своим шпионством Германии, поступило, поступает и теперь служит во всех министерствах Русскаго Правительства, причём очень многие немцы перешли из лютеранства в православие и, чтобы казаться совсем русскими, многие в течение этой войны переменили немецкия фамилии на русския. Я не могу сказать, что это сделали все русские немцы без исключения, но отличить тех, кто дважды присягал и Русскому Царю и немецкому королю от тех, кто не присягал немецкому королю – невозможно, так как присяга немецкому королю происходила в немецких кирках (приходах) тайно. Мы знаем, что с начала войны уже уличено в шпионстве и частью выслано в Сибирь около 50 чел. лютеранских немецких пасторов – духовных руководителей лютеран-немцев, поэтому будет ещё более затруднительно определенно сказать про какого-нибудь немца-лютеранина, если он ещё не пойман в шпионстве, изменник ли он России или нет! Мы также знаем, что все наши военные секреты и приготовления становятся задолго известны Германии, значит, без сомнения, среди нас живут немцы-изменники, служащие на государственной службе во всех министерствах. Мы не победим Германии, если наши планы будут известны немцам, поэтому я прошу Комитет просить Государя Императора уволить с государственной и общественной службы всех немцев-лютеран с военных и морских должностей от генеральских до штаб офицерских и со всех гражданских должностей, начиная с графа Фредерикса и Б.В. Штюрмера, так как на все эти освободившиеся должности хватит у нас православных русских военных и морских офицеров, гражданских чиновников, чиновниц и врачей. Без этой меры борьба с немецким засильем будет только обман русскаго народа и всё останется по-старому. Мы все присягали на верность службы Царю и России пред Св.Крестом и Св.Евангелием, поэтому для пользы и славы на многия лета св. веры Православной, Царя и дорогой России обязаны стараться очистить Россию от немецких убийц, воров и предателей. Кто из русских немцев пролил свою кровь (но не иначе) за Россию в эту войну, тому можно поверить, что он не присягал и не служит Германии!

Поручик С.Булатов
1 Июля 1916 г.
г. Петроград.

РГИА. Ф. 797. Оп. 202. Эксп. Д. 3. Л. 231–232.

14.

Святейшему Правительствующему Синоду

Почетный член О—ва трезвости, Поручик С.М. Булатов

18 Августа 1916 г. г. Гапсаль.

РАПОРТ

О борьбе с пьянством Православного народа

Германские и русские немцы-изменники, почувствовав свою слабость, добились разрешения продавать вина и пиво и из Аптек спирт, отлично зная, что когда Правосл(авный) рус(ский) народ нажрется алкоголю, то ослабеет умственно и физически, и несмотря даже на помощь Румынии — мы не отберём обратно тех 18 губерний, которыя заняли немцы! В моей роте в прошлом месяце умерло от денат(урированного) или древесного спирта 8 чел(овек) и ослепло 5, всего вышло из роты 13 чел(овек); из одной только роты 13 человек! Страх, ужас и проклятие! И несмотря на это Св.Синод палец о палец не ударит, чтобы сократить пьянство среди Прав. рус. народа! Знайте, что благодаря тому, что Св.Синод всячески тормозил, чтобы Прав. рус. народ был весь грамотный, вопреки слов Спасителя в Св.Евангелии от Иоанна гл. 12 ст. 46: «Я Свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме». Прав(ославный) народ спился, благодаря неумению прочесть Св.Евангелие. Прав(ославный) рус(ский) народ не знает, что пьянство грех! Мой тесть Священник Гдовского у. Петроградской губ. умер от пьянства, и многие другие, которых я знал! Ну как при таких примерах и незнании Св.Евангелия Прав. рус. народ не мог не спиться, и наши тёмные братья во Христе Иисусе спились! Да не поставит Господь в вину нам прежних грехов наших: покаемся и исправимся, братие и отцы! В О—вах трезвости и в Лаврах: Ал(ександро) Нев(ской), Киевской, Троицко-Сергиевской много напечатано листков и маленьких и дешевых книжечек против пьянства. Надо немедленно, помните, сейчас же, раздавать эту литературу по всем Православным Церквам по всей России, иначе нас побьют! Православный русский народ не умеет умеренно пить алкогольные напитки, редко кто из нас не нажрётся как свинья.

Господь Бог ждет нашего исправления! народ тёмен, надо его проповедями в Церквах остановить от пьянства! О—в Трезвости очень мало! Вся Прав. Церковь должна бороться с пьянством, как Церковь Христова Воинствующая против пьянства — обольщения дьявольского!

По долгу присяги пред Св.Крестом и учением Спасителя, изложенном в Св.Евангелии мы обязаны бороться с пьянством Прав. рус. народа для славы и счастья Св.веры православной, Царя, России и Прав. рус. народа на многие лета.

С. Булатов.

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д.3. Л. 269-270.

15.

Святейшему Правительствующему Синоду.

30-го Июня с.г. я был дежурным офицером по I-му Балтийскому Фл. Экипажу. Зайдя утром в общее помещение карцера для арестованных матросов и услышав их мерзкие анекдоты, я посоветовал им прочесть Воинские уставы и Св. Евангелие. На мой совет один из арестованных матросов, православный, ответил мне, что Св.Евангелие, принесенное им с собою, отобрано у него офицером заведующим карцерами Софроновым. Когда же я спросил Подпоручика Софронова, почему он отобрал Св.Евангелие, то он ответил мне, что сделал это по приказанию Командира I Балтийского Фл(ота) Экипажа Генерал-Майора Стронскаго.

Не кончив ещё дежурства, я подал по этому случаю рапорт и лично донёс Генералу Стронскому, что отбирать Св.Евангелия не следовало, т.к. все мы принимали присягу на верность службы св. вере Православной, Царю и России пред Св.Крестом и Св.Евангелием. Я просил Генерала Стронского вернуть арестованному матросу Св.Евангелие. 1 Июля я уехал в командировку, а 10-го вернулся в г.Кронштадт за своими вещами. Узнав, что Св.Евангелие не возвращено, я подал жалобу Г.Коменданту Кронштадтской Крепости Генералу Данилову, как самому старшему Начальнику в крепости Кронштадт, которую Генерал Данилов послал для отзыва Главному Командиру Кронштадтского Порта Адмиралу Роберту Карловичу Вирен (лютеранину из немцев), т.к. Адмирал Вирен подчинён Генералу Данилову. После этого в морские карцера были куплены Св.Евангелия для чтения арестованным матросам. Я считаю, что в столь тяжёлое время для России обязательно необходимо выдать каждому Православному матросу и солдату на передовых позициях и в тылу по Св.Евангелию, Св.Крестику, Молитвеннику и Образку, т.к. многие православные воины по бедности своей не имеют этих священных предметов на верность службы св. вере Православной, Царю и России пред Св.Крестом и Св.Евангелием, и тем более, что I § Устава воинской службы требует, чтобы каждый воинский чин был благочестив, помнил данную присягу и т.д.; а без чтения Слова Божия, изложенного в Св.Евангелии нельзя знать Заповеди Божественного Учителя! Кроме того, чтение слова Божия поможет нашим православным воинам исполнить воинскую дисциплину и послушание, а дисциплина в военной службе есть цемент и камень, на котором держится военная мощь России для защиты св. веры и Церкви Православной, Царя и родины от врагов.

Я не мог допустить, как Православный христианин, чтобы у Православного христианина, хотя и заключённого, отнимали Св.Евангелие; (это в Русском православном Государстве!)

За мою жалобу Адмирал Вирен (лютеранин из немцев) наложил на меня 7 дневный арест на гауптвахте, хотя я за всю службу офицером

не подвергался ни одному взысканию, был ранен в П(орт) Артуре и награждён 4-мя Крестами с мечами. Если бы Св.Евангелие сразу было возвращено – я не стал бы жаловаться, но т.к. такового по моей просьбе не вернули, я обязан был пожаловаться, иначе я не был бы христианином!

Но не о себе я беспокоюсь! Господь Бог не даёт нам победы! мы только это чувствуем и желаем победы. Я не стану говорить про развратную жизнь тыла, мы всё это видим, а вот на фронте устраивают солдатские театры и народные зрелища, но я утверждаю, что у многих православных воинов в окопах нет на шее Св.Креста, нет освящённой Иконки, нет молитвенника, нет Св.Евангелия! Мы не снабдили их этими священными предметами! Мы до сих пор не устроили Православного Прихода в угоду русским немцам: мы в своем церковном О–ве верующих не заботимся о вдовах и сиротах Православных воинов! И мы ждём победы? Не Ты ли, Боже, Который отринул нас, и не выходишь, Боже, с войсками нашими? Пс.59,12. Если и при всем том не послушаете Меня, то Я всемеро увеличу наказание за грехи ваши. Левит, гл. 26, ст. 18.

Я прошу поверить мне, что во время боя, когда люди падают, пораженные огнём врага кругом меня, нет спасительных слов: Господи, Иисусе Христе! Пресвятая Троица! Богородице, Дево! Боже Милосердный, помилуй нас! Я был в 3-х больших сражениях и остался жив! И в эти страшные минуты боя у православного воина нет Св.Креста на шее, нет освященной Иконки, нет Св.Евангелия! да многие из них по неграмотности своей и не прочли бы Слова Божия! Поневоле, без духовной поддержки сдаются Православные воины в плен! Не они, а мы виноваты!

Господь наш Иисус Христос говорит: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Св.Ев. от Иоанна гл. 12 ст. 46) В Ноябре 1914 г. будучи И<сполняющим> Д<олжность> Воинского Н<ачальника>ка и военного приемщика я принимал в Балтском у.Подольской Губернии от 4 до 8 грамотных новобранцев из 100 (исключительно православных); новобранцы жиды, поляки, лютеране-немцы-колонисты все были грамотны!

Отцы Духовные! Православная Россия на краю погибели! От православного христианина отнимают Св.Евангелие! Главные враги Православной Церкви русские немцы-лютеране. Св.Синод должен охранять всеми мерами св. Православную веру. Я никогда не позволю немцам оскорблять Православную Церковь и веру, но я мал званием и чином и потому прошу Св.Синод. Нас, православных, обманывают: в России господствующая религия не Православная, а лютеранская с проклятыми пасторами, изменниками и шпионами. Будем беречь наши Святыни, иначе Господь Бог не даст нам победы.

Поручик С.Булатов.

РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Эксп. Д. 3. Л. 300–301.

№ 11

Декрет Совета Народных Комиссаров Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви

1. Церковь отделяется от государства.

2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики.

Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяется.

В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от Церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами, не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной и центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

Подписали: *Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин). Народные Комиссары: Подвойский, Алгасов, Трутовский, Шлихтер, Прошьян, Менжинский, Шляпников, Петровский. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич.*

Распубликован в № 15-м Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 23 Января 1918 года.

Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. М. 1920. С.19.

№ 12

Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви от 2 Декабря 1917 года

Священный Собор Православной Российской Церкви признаёт, что для обеспечения свободы и независимости Православной Церкви в России, при изменившемся государственном строе, должны быть приняты государством следующие основные положения:

1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей, как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, Богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти и, руководясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления.

3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православною Церковью в установленном Ею порядке, со времени обнародования их церковной властью , равно и акты церковного управления и суда признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы.

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью.

5. Церковная иерархия и церковные установления признаются государством в силе и значении, какие им приданы церковными постановлениями.

6. Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке.

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными.

8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь.

9. Православный календарь признаётся государственным календарём.

10. Двунадесятые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями.

11. Свобода исповедания и проповедывания Православной веры, равно и свобода Православного Богослужения ограждаются государственною властью. Посему под страхом уголовного наказания воспрещается:

1) публичное поношение и поругание учения Православной веры, предметов религиозного почитания и священно-церковно-служителей её;

2) осквернение мест Богослужения и религиозного почитания;

3) насилие и угрозы для отвлечения из Православия.

12. Добровольный выход из Православия допускается не ранее достижения возраста, установленного для вступления в брак. Прежде достижения этого возраста дети могут оставить Православие только по желанию родителей, и притом лишь в случае оставления Православия самими родителями; от детей, достигших 9-летнего возраста, требуется их согласие.

13. Государственное законодательство относительно условий заключения брака лиц православного исповедания устанавливается сообразно с нормами церковного права.

14. Церковное венчание по православному чину признаётся законною формой заключения брака.

15. Церковно-судебные решения по делам о разводе и о признании совершенного Церковью брака незаконным или недействительным признаются в силе судебных решений.

16. Юридические условия и последствия смешанных браков, если один из брачующихся принадлежит к Православной Церкви, определяются согласно с законодательством последней.

17. Церковные методические книги ведутся согласно государственным законам и имеют значение актов гражданского состояния.

18. Учреждаемые Православною Церковью низшие, средние и высшие школы как специально богословские, так и общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании.

19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви; преподавание Закона Божия для православных учащихся обязательно как в низших и средних, так и в высших учебных заведениях, содержание законоучительских должностей в государственных школах принимает на счёт казны.

20. Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви, состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство.

21. Священнослужители, монашествующие и штатные псаломщики свободны от воинской и других личных натуральных повинностей. Служащие в учреждениях церковных пользуются правами государственной службы.

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации или отобранию, а самые установления не могут быть упраздняемы без согласия церковной власти.

23. Имущества, принадлежавшие установлениям Православной Церкви, не подлежат обложению государственными налогами, волостными, городскими и земскими сборами, если эти имущества не приносят дохода путем отдачи их в аренду или наём.

24. Православная Церковь получает из средств Государственного казначейства по особой смете, составляемой Высшим Церковным Управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах Её потребностей, представляя отчётность в полученных на общем основании.

25. Установления Православной Церкви, пользующиеся в настоящее время правами юридического лица, сохраняют эти права, а установления, не имеющие их или вновь возникающие, получают таковые права по заявлению церковной власти.

Богословский вестник. 1993. №1. Выпуск первый. С.145–147.

№ 13

Послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной. 19.(01.02).1918.

Смиренный Тихон, Божиею милостию Патриарх Московский и всея России, возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого. (Гал.1,4)

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви Христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И всё это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостию и беспощадною жестокостию, без всякого суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдалённых окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Всё сие преисполняет сердце Наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает Нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: «Согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут» (1 Тим. 5,20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властию, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «Измите злаго от вас самех» (1 Кор. 5,13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или

благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, — над Святою Церковью Православной. Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить наступление на Неё врагов неистовых?

Зовём всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над Нею и Её достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, зовём вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любве Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твёрдо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С. 82–85.

№ 14

Определение Священного Собора Православной Российской церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь

5 (18) Апреля 1918 года

1. Установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках.

2. Совершить торжественные моления: а) поминальное об упокоении со святыми усопших и б) благодарственное о спасении оставшихся в живых.

Примечание: таковые моления совершены соборным служением: заупокойное в храме духовной семинарии 31 Марта и молебное в храме Христа Спасителя 1 Апреля.

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 Января или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников.

4. Устроить в понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за веру и Церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти.

5. Преподать благословение от Священного Собора всем исповедникам.

6. Обратиться к Святейшему Патриарху с просьбой о выдаче благословенных Патриарших грамот пострадавшим за веру и Церковь.

7. Напечатать и раздать членам Священного Собора к их отъезду из Москвы краткое сообщение о пострадавших в нынешние дни гонений за Православную веру и Церковь для распространения среди православного народа.

8. Просить Святейшего Патриарха, чтобы, в случаях ареста гонимых за веру и Церковь, впредь, согласно уже применяемому ныне порядку, Его Святейшеством были делаемы непосредственные сношения с местными властями об освобождении арестованных и одновременно о сделанных сношениях были извещаемы местные епархиальные архиереи.

9. Поручить Высшему Церковному Управлению собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной веры.

10. Издать отдельно Соборное определение о правовом положении Церкви в государстве и необходимыми разъяснениями для широкого распространения среди населения правильных понятий о взаимоотношении

Церкви и государства, особенно необходимых в переживаемое смутное время враждебных Церкви течений.

11. Принять меры к возвращению всех отобранных имуществ церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций, в том числе, духовно-учебных заведений и консисторий.

12. Призвать от имени Собора приходские и епархиальные организации к защите гонимых и освобождению заключенных за веру и Церковь и к принятию мер для возвращения отобранного имущества церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций, в том числе зданий духовно-учебных заведений и консисторий.

13. Призвать всех православных, в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых:

а) образовывать при приходских храмах и монастырях особые братства из преданных Церкви людей, со включением в их состав членов приходских советов;

б) составлять на братских собраниях – приходских, окружных, благочинных, уездных и епархиальных соответствующие письменные, за собственноручными подписями участников собраний, приговоры (в 4 экземплярах) в защиту Церкви и Её достояния и представлять эти приговоры Высшему Церковному Управлению, местным и центральным органам власти, причём, в случае необходимости непосредственных сношений с последними, поручать эти сношения, ввиду явного преследования священнослужителей и церковных старост, братчикам-мирянам, а где нет братств – членам приходских советов из мирян;

в) лишать доверия и права представительства предателей из клира и мирян, сознательно действующих на пользу врагов Церкви, и

г) утвердить при Патриаршем Престоле Всероссийский Совет приходских общин (применительно к 10-й главе принятого Священным Собором Приходского Устава)*, который бы объединял все местные церковные силы и планомерно направлял их деятельность по защите Церкви.

14. Членам Священного Собора выдать особые удостоверения с предложением от имени Собора епархиальной власти оказывать им содействие в деле осведомления ими православного населения с деяниями Собора и в деле оказания ими с благословения епархиального архиерея и в единении с местными церковными деятелями помощи и руководства при устройстве приходских и других братств, союзов и содружеств для защиты интересов Церкви.

** Согласно Приходскому Уставу (глава X, п.III), управление и распоряжение храмовым и приходским имуществом и капиталами возлагалось на приходское собрание и приходский совет. (Богословский вестник. 1993. № 1. Вып. 2-й. С.194). Однако, их разрозненных усилий было уже явно недостаточно, чтобы противостоять произволу новых властей в деле защиты церковного имущества.*

15. Поручить Высшему Церковному Управлению изыскать способ к оказанию материальной помощи пострадавшим от гонений и их семьям.

16. Поручить образованной Священным Собором комиссии для сношения с народными комиссарами заявить последним требование об освобождении захваченных центральных и местных типографий духовного ведомства с тем, что они впредь будут обслуживаемы церковно-народными организациями, а не наёмным трудом.

17. От имени Священного Собора оповестить особым постановлением, что Священный Собор Православной Российской Церкви, возглавляемый Святейшим Патриархом и Преосвященными иерархами, состоящий из избранников всего православного народа, в том числе, и крестьян, есть единственный законный высший распорядитель церковных дел, охранитель храмов Божьих, святых обителей и всего церковного имущества, которое веками составлялось, главным образом, из добровольных приношений верующих людей и является Божьим достоянием. Никто, кроме священного Собора и уполномоченной им церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в Бога.

Богословский вестник. 1993. №1. Выпуск второй. С.213–216.

№ 15

Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни

6(19) Апреля 1918 года

Рассудив о некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, Её служителей, Её чад и достояние многоразличные беды, Священный Собор сим оповещает верных чад Церкви, во ограждение их веры и благочестия, а отпавших от истины церковной или колеблющихся в ней во увещание к покаянию, что таковых непокорников и противников церковных Священный Собор, последуя велениям Утешителя Духа истины, предложенным в Слове Божием и правилах апостольских, соборных и святых отец, осуждает, как благопротивников, и постановляет:

1. Епископ, противящийся высшей церковной власти и обращающийся при сем за содействием к власти гражданской, запрещается в священ-

нослужении с преданием церковному суду; и если засим, по троекратном приглашении, не явится лично на сей суд, то извергается из сана (Ап. 74; Двукр. 14).

2. Священнослужители, противящиеся своему епархиальному епископу, находящемуся в каноническом единении с высшей церковной властью, и обращающиеся при сём к суду гражданской власти или в своих пререканиях с начальствующими в церковной иерархии лицам по делам церковным обращающиеся за помощью к гражданской власти, запрещаются в священнослужении, с преданием церковному суду, и засим, в случае нераскаяния в вышеозначенных деяниях, извергаются из сана (Ап. 55; IV Вс. 8,9; VI Вс. 34; Карф. 12,29).

3. Священнослужители, состоящие на службе в противоцерковных учреждениях, а равно содействующие проведению в жизнь враждебных Церкви положений декрета о свободе совести и подобных сему актов, подлежат запрещению в священнослужении и в случае нераскаяния извергаются из сана (Ап.62; VII Вс. 12, 13; Петр. Ал. 10).

4. Низшие клирики, виновные в преступлениях, упомянутых во 2-й и 3-ей статьях, лишаются духовного звания.

5. Монашествующие, виновные в преступлениях, упомянутых во 2-й и 3-ей статьях, а равно в насилиях над начальствующими в обители лицами и самочинной смене их или таковом же избрании новых начальствующих лиц: а) состоящие в священном сане запрещаются в священнослужении, с преданием церковному суду, и засим, если не принесут покаяния, извергаются из сана; б) мантийные лишаются мантии и в) послушники и послушницы удаляются из обители и отлучаются от общения церковного впредь до раскаяния (IV Вс. 4, 8, 24; VI Вс. 34, 49).

6. Если братия и сестры какой-либо обители проявят противление распоряжениям церковной власти, заменив последнюю властью гражданской, то храмы таковой обители закрываются для Богослужения, и противники церковной власти — монашествующие священного сана запрещаются в священнослужении, другие же лишаются монашеского звания и впредь до раскаяния отлучаются от общения церковного с удалением из монастыря. Упорствующие в противлении церковной власти священноиноки извергаются из сана.

7. Состоящие на службе в церковных учреждениях, виновные в преступлениях, упомянутых во 2-й и 3-ей статьях, немедленно увольняются от службы, без права поступления их вновь в какие бы то ни было церковные учреждения; имеющие священный сан запрещаются в священнослужении с преданием церковному суду, и в случае нераскаяния извергаются из сана; миряне подлежат отлучению от Церкви.

8. Миряне, виновные в упомянутых во 2-й и 3-ей статьях преступлениях, подлежат отлучению от Церкви и лишаются права избрания на должности в какие бы то ни было церковные учреждения (IV Вс. 8; Премудр. 3).

9. Осквернение святых храмов прихожанами оных, проявление кощунственных со стороны их действий и поругание останков почивших христиан, допущение прихожанами грубого насилия над членами приходского клира, отобрание ими церковных земель и разграбление всякого рода церковного имущества, а равно всякое насильственное отобрание окрестными селениями имущества монастырей во всех его видах, влечет за собой закрытие приходских храмов сих селений и отозвание из последних членов клира впредь до раскаяния в упомянутых преступлениях всех виновных и до возвращения ими полностью похищенного достояния церковного или монастырского (VII Вс. 12; Карф. 42).

Примечание: мера, означенная в этой статье, должна быть применена в том случае, если дознанием на месте будет с несомненностью установлено, что перечисленные в этой статье действия явились результатом решения приходского собрания, приходского совета или, вообще, значительной группы прихожан, которой при том со стороны остальной части прихода не оказано никакого противодействия не только фактического, но и нравственного.

10. В случае учинения какого-либо насилия над епархиальным епископом и, в особенности, в случае насильственной смерти епископа, епархия, по надлежащем расследовании сего церковною властью, лишается права избрания епископа.

Примечание: епископ остается на кафедре, если канонический суд не усмотрит в его деяниях вины (Ап. 36).

11. Вышеизложенные меры осуществляются в отношении епископов и лишаемых сана священнослужителей постановлениями Священного Синода, а во всех прочих случаях решениями — епархиального епископа. В случае же особого затруднения для епархиального епископа провести в жизнь вышеизложенные меры Священный Синод, по просьбе епископа, командирует для означенной цели в помощь ему епископа же.

12. О незамедлительном проведении в жизнь Церкви вышеизложенных мероприятий поручить озаботиться Священному Синоду.

Богословский вестник. 1993. №1. Выпуск второй. С. 216–218.

№ 16

Декрет Совета Народных Комиссаров о введении нового правописания

В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания, предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию.

Порядок проведения реформы в жизнь.

Все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и не периодические (книги, труды, сборники и т.д.), должны печататься согласно новому правописанию с 1-го Января 1918 года.

Во всех школах Республики переход к новому правописанию должен быть произведен, согласно следующим основаниям:

1. Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы.
2. При проведении реформы не может быть допущено принудительного переучения тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.
3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего, и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил. Государственной комиссии поручается принять меры для проведения в жизнь нового правописания.

Изменения правописания и новые правила.

1. Исключить букву «ѣ» с последовательною заменою её через «е» (колено, вера, семя, в избе, кроме).
2. Исключить букву «ѳ» с заменой её через «ф» (Фома, Афанасий, фимиам, кафедра).
3. Исключить букву «ъ» в конце слов и частей сложных слов (хлеб, посол, меч. нят. куч, контр-адмирал), но сохранить её в середине слов в значении отдельного знака (съемка, разъяснить, адъютант).
4. Исключить букву «і» с заменой её через «и» (учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий).
5. Признать желательным, но необязательным употребление буквы «ё» (пёс, вёл, всё).
6. Писать приставки (из, воз, раз, роз, низ, без, чрез, через) перед гласными и звонкими согласными с «з», но заменять «з» буквой «с» перед глухими согласными, в том числе и перед «с» (извините, воззвание, низвергать, безвольный, чрезвычайно, – поставить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник).
7. Писать в род. пад. прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его* вместо *-аго, -яго* (доброго, пятого, которого, синего, свежего).
8. Писать в имен. и вин. пад. мн. женск. и ср. рода прилагательных, причастий и местоимений ые, ие, вместо ыя, ія (добрые, старые, синие, какие).
9. Писать они вместо онѣ, в имен. пад. мн.ч. женского рода.
10. Писать в женском роде одни, одних, одним, одними вместо однѣ, однѣх, однѣми.
11. Писать в род. пад. ед. ч. местоимения личного женского рода её (или её), вместо ея.
12. При переносе слов ограничиться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной, равным образом группа согласных в нача-

ле слов не отделяется от гласной. Буква «й» перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной, напр., надлежит переносить под-ходить, а не по-дходить, раз-вязать, а не ра-звязать.

13. Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами (встороне и в стороне, втечение и в течение, сверху и с верху, вдвое и в двое).

Народный Комиссар по просвещению А.В. Луначарский.

Секретарь Дм. Лещенко.

Декреты и Декларации 2-го Всерос. Съезда советов раб., солд., и крестьянских деп. и Совета Народных Комиссаров. П. 1917. С.104-105.

№ 17

Декрет Совета Народных Комиссаров о введении новой орфографии

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15-го Октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы 1-й ступени единой школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего, и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушение этих правил.

Новые правила правописания, разработанные Народным Комиссаром Просвещения

1. Исключить букву Ѣ, с последовательной заменой её через Е.

2. Исключить букву Ѳ, с заменой её через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить её в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ея через И.

5. Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через — перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.
6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений -ОГО, -ЕГО, вместо -АГО, -ЯГО.
7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений -ЫЕ, -ИЕ вместо -ЫЯ, -ІЯ.
8. Писать ОНИ вместо ОНЂ в именительном падеже множественного числа женского рода.
9. Писать в женском роде - ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ, вместо ОДНЂ, ОДНЂХ, ОДНЂМИ.
10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода Её вместо ЕЯ.
11. При переносе слов ограничиваются следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе гласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква Й перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная Й и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали: Заместитель Народного Комиссара Просвещения М. Покровский. Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич.
10 Октября 1918 года.
Распубликован в № 223 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 13 Октября 1918 года.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отд. 1. 1918. № 74. Ст. 804.

№ 18

Заслуги евреев перед трудящимися

Еврейский народ есть истинный пролетариат, истинный интернационал, не имеющий родины.

Без преувеличения можно сказать, что великая социальная революция была сделана руками евреев. Разве тёмные забитые крестьянские и рабочие массы могли бы сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма. Не только вели, но и сейчас советское дело находится в их надежных руках.

Мы можем быть спокойны, пока верховное руководство Красной Армии принадлежит тов. Троцкому. Правда, евреев нет в рядах Красной Армии в качестве рядовых, зато в комитетах и совдепах в качестве комиссаров евреи смело и бесстрашно ведут к победе массы трудового пролетариата. Недаром, повторяем мы, пролетариат выбрал себе главой еврея Бронштейна-Троцкого.

Символ еврейства, веками борющегося против капитализма, стал символом русского пролетариата, что видно хотя-бы в установлении «красной пятиконечной звезды», являвшейся раньше, как известно, символом и знаком сионизма-еврейства. С ним — победа, с ним — смерть паразитам-буржуям.

И пусть трепещут деникинцы, красновцы, колчаковцы — притеснители и палачи авангарда социализма — доблестного еврейского народа. Им не поможет угодничество перед трудящимися массами, и еврейские слезы выйдут на них кровавым потом!

М. Коган

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

Газета «Коммунист». г. Харьков. № 72. 12 Апреля 1919 г.

№ 19

«Во что бы то ни стало необходимо провести изъятие....»

Из архивов революции

Реквизиция церковных ценностей в 1922 г. являлась для её инициаторов важнейшим актом в плане повсеместного наступления государства на Церковь. Об этом свидетельствуют письмо В.И. Ленина, написанное 19 Марта 1922 г., и директивы об изъятии церковных ценностей, подготовленные Л.Д. Троцким и утвержденные Политбюро ЦК РКП(б) при участии Л.Б. Каменева, В.М. Молотова и И.В. Сталина. Тексты документов воспроизводятся по изданию: 14 новых документов В.И. Ленина. Известия ЦК КПСС. № 4. 1990. С.190–195.

А. Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 Марта 1922 г.

Строго секретно

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

Товарищу Молотову для членов Политбюро.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твёрдое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании

Политбюро 20-го Марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовлявшемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождём совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твёрдо. События в Шуе лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме

отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение, в особенности, ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т.е. эс-эрам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведём с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов.Калинин — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов.Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причём дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании

Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Полютбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т.Троцкого и т.Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквах.

Ленин. 19.III.22

Прошу т.Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основною каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин. 19.III.22

Приняла по телефону М.Володичева.

ЦПА ИМЛ. Ф.2. Оп.1. Д. 22947.

Б. Директивы об изъятии церковных ценностей

Утверждены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 20 Марта 1922 г.

1. В центре и в губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь губкома, либо заведующий агитпропотделом.

Примечание: в важнейших губерниях установить ближайшие сроки изъятия, в менее важных – более поздние, после того как сведения об изъятии в Петрограде и в других центральных губерниях распространятся по всей России.

2. Центральная комиссия должна состоять из председателя т.Калинина, Яковлева и Сапронова (после отъезда т. Сапронова в комиссию должен войти на правах его заместителя т.Белобородов, который должен войти в курс дела не позже среды, 22.III), т.Уншлихта, Красикова (заместителя Галкина), Винокурова, Базилевича. Комиссия имеет бюро, работающее ежедневно (Яковлев, Сапронов (заместитель Белобородов), Уншлихт, Галкин). Раз в неделю комиссия собирается при участии т.Троцкого.

3. В губернских городах в состав комиссий привлекается комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела.

4. Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации.

5. В каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя такой недели). Для этого подобрать лучших агитаторов и, в частности, военных. Агитации придать характер чуждый всякой борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим.

6. Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия.

7. Разумеется, наша агитация лояльных священников ни в коем случае не должна сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви».

8. На всё время кампании, особенно в течение недели, необходимо обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группах духовенства, верующих и пр.

9. В случае обнаружения в качестве организаторов выступления буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр. арестовы-

вать их заправил. В случае надобности, особенно, если бы черносотенная агитация зашла слишком далеко, организовывать манифестацию с участием гарнизона при оружии с плакатами: «Церковные ценности для спасения жизни голодающих» и пр.

10. Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми.

11. Наряду с агитационной работой должна идти организационная: подготовить соответственный аппарат для самого учёта и изъятия с таким расчётом, чтобы эта работа была проведена в кратчайший срок. Изъятие лучше всего начинать с какой-либо церкви, во главе которой стоит лояльный поп. Если такой нет, начинать с наиболее значительного храма, тщательно подготовив все детали (Коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости и пр.).

12. Везде, где возможно, выпускать в церквах, на собраниях, в казармах представителей голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей.

13. К учёту изъятых церковных ценностей при помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупица церковного достояния не получила другого назначения, кроме помощи голодающим.

14. В случае предложения со стороны групп верующих выкупки за ценности заявить, что вопрос должен быть рассмотрен в каждом отдельном случае в ЦК Помгола, ни в каком случае не приостанавливая при этом работы по изъятию. Опыт в провинции свидетельствует, что такие переговоры ведутся без серьезных намерений выкупить и вносят только неопределенность и деморализацию.

15. В Москве работа должна идти уже установленным порядком с тем, чтобы к изъятию приступить не позже 31 Марта.

16. Полагаю, что для Петрограда можно было бы установить тот же приблизительно срок по соглашению с т.Зиновьевым, ни в каком случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком.

17. Что касается губерний, то губкомы должны на основании этой инструкции, сообразуясь со сроком, назначенным в Москве, и под контролем Центральной комиссии назначить свой собственный срок, с одной стороны, обеспечив тщательно подготовку, а с другой стороны, не затягивая дело ни на один лишний день и с таким расчетом, чтобы важнейшие губернии пошли в первую очередь.

ЦПА. Ф.17. Оп.3. Д.283, Л.6–7.

№ 20

ДОКУМЕНТЫ ПО ОБНОВЛЕНЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ
Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 года (обновленческий).
(Бюллетени).

Ровно год тому назад – 12 Мая 1923 года – быв. патриарх Тихон (Белавин) сошёл со своего поста по требованию небольшой группы революционного белого духовенства и вручил им своё отречение от патриарших прав до Поместного Собора, – и весь пережитый год прошёл в напряжённой борьбе за этот Поместный Собор.

Вся реакционно настроенная церковная масса монашеского и старейшего городского духовенства, опиравшаяся на контр-революционные слои городской буржуазии и деревенских кулаков встала плотной стеной против пионеров нового направления церковной деятельности, провозгласивших новое отношение к жизни и революции.

Море клеветы, лжи и насилия обрушилось на тех, кто пошёл против двухсотлетнего церковного режима, получившего чуть ли не священный авторитет в сознании тёмных масс. Вековое освящение права неограниченной частной собственности и права единоличной государственной власти – возвело эти человеческие учреждения на священную степень догматов православной веры, наряду с учением о Святой Троице и Богочеловечестве Христа Спасителя. Православие и самодержавие казались органически в учении и жизни – слитыми друг с другом – и самая мысль о революции, самая идея преобразования, созданных общественной жизнью понятий и учреждений – казалась восстанием против веры, казалось ересью. В этом кроется причина тех нелепых речей и слухов, которые поднялись из тёмных глубин подавленного веками народного сознания при первых же известиях о церковно-революционном движении. Масса народная, как священнослужители, так и миряне, пытались представить себе в реальных формах церковную революцию. Прежде всего ждали обнаружения её в изменении богослужения – ломают иконостасы, разрушают престолы, сочиняют новую литургию, создают новый богослужебный чин, вводят новую службу. Во-вторых, чувствуя связь основоположений самодержавия с догматами православия, ждали разрушения основных истин вероучения – отвержения учения о Божественной природе Христа Спасителя, отвержения верования в Приснодевство Божией Матери, отвержения таинств церкви и вообще изменения православно-христианского вероучения.

Нужно было показать всей церковной массе церковную революцию в церковных формах, нужно было объединить и организовать носителей церковно-революционной идеи во всероссийском церковном масштабе, нужно было доказать, что церковная революция вполне приемлема для широких масс верующего народа.

И это великое историческое дело совершила группа православного белого, преимущественно сельского духовенства и трудовых слоев общества «Живая Церковь».

В первых номерах нашего журнала мы поставили лозунг церковной революции

– Белый Епископат,
– Пресвитерское управление,
– Единая Церковная касса –

и эти лозунги явились знаменами борьбы за церковную революцию, эти лозунги пронеслись по всей России; вспыхнули умы, вызвали бурю волнений — но они и утвердили церковную революцию. Они показали в чем она реально осуществляется, какие цели она преследует, чьи интересы она задевает и чьим желаниям она служит.

Рядовое духовенство, задавленное гнётом и архиерейским самовластием, захваченное в кабалу приходскими контр-революционерами, увидело в церковной революции своё собственное дело, свои собственные интересы. А трудовые верующие миряне увидели в ней часть общенародного дела — революционного преобразования всех сторон жизни общественной и вполне их одобрили.

Первый Съезд нашей группы в Августе 1922 года определил точно нашу программу, показал план осуществления этих лозунгов в повседневной церковной действительности, обнаружил врагов революционного церковного движения и сплотил и соорганизовал нашу группу на основании определённого устава.

Со времени этого Съезда началась борьба внутри обновленческого движения между революционерами — «Живоцерковниками» и реформаторами, менявшими несколько раз свои названия, свои лозунги и свои программы.

Занимая руководящее положение в Высшем Церковном Упр<авлении> — «Живая Церковь», 12—25 Сентября 1922 года в торжественном заседании провела постановление созвать Поместный Собор, назначив день его созыва 5—18 Февраля 1923 г. В результате этого постановления борьба разыгралась ещё с большей силой и 15 Октября 1922 г. составилась вторая сессия Высшего Центрального Управления, в котором «Живая Церковь» сохранила только одну третью часть голосов. Но и будучи в оппозиции, группа удержала революционное направление церковной жизни. Реформаторские тезисы Пр. А. Введенского не получили утверждения ВЦУ, а были разосланы только как материалы для предсоборных работ, но самый же план созыва Поместного Собора, характер его работ, основные его задачи были разработаны группою «Живая Церковь» и получили утверждение.

По этому революционному положению и собрался Поместный Собор 1923 г., на который сошлась вся Православная Русская Церковь. В его повестку вошли только Живоцерковные, революционные вопросы: — суд над патриарх<ом> Тихоном, отношение к Социальной революции, вопрос о заграничной контр-революции, белый епископат, монашество и монастыри, положение об управлении. Вопросы же реформационные пошли в информационном только порядке.

Весь интерес Собора сосредоточился на деле б<ывшего> патриарха Тихона. Несмотря на весьма умеренный темперамент Собора, что сказалось на вопросе о монастырях, — вопрос политический, вопрос о контр-революции — прошёл без прений. Так ясно, определенно и решительно поставила его жизнь, так ясно было его решение для всех членов Собора. Б<ывший> патриарх Тихон, осуждённый жизнью и оставленный всеми, был лишён звания патриарха, священного сана и монашества. Так же решительно отнесся Собор к заграничной контр-революции — члены Карловицкого* Собора, и Варшавский епископ Дионисий, изменивший Православию, отлучаются от Православной Церкви.

Остальные вопросы прошли уже без интересов, а вопрос об управлении отнесён на следующую сессию. Группа «Живая Церковь» победила и морально и материально. Морально она продиктовала все работы Собора, материально — получила большинство мест 10 из 18 в новом Высшем Церковном Совете. За время Собора она сплотилась, закалилась, окрепла и почувствовала свою силу при всех неблагоприятных обстоятельствах.

Собор оставил большой след в истории церкви. Он покончил прошлый контр-революционный период церковной деятельности, он осудил виновников прежнего церковного направления, но наступает новая задача — нужно на деле произвести революционное преобразование церкви, нужно углубить революцию, ввести её в церковную жизнь. И здесь откроется новый период борьбы революции и реформации, борьбы за догматы в вере, за единство церкви, за священное церковное предание.

Нужно соединить революцию и религию, нужно церковному православному обществу воспринять революцию, не нарушив своего православия. Задача эта нового междусоборного периода, задача высшей исторической важности. От правильного разрешения её зависит мировое значение русского церковного обновления. И оно должно пойти по строго революционному пути.

Объединение революционных элементов в церкви,

Революционное просвещение церковного народа,

Твёрдая непоколебимая борьба за православие и социальную революцию против всех противников.

Нужно надеяться, что группа «Живая Церковь» и выдержит эту борьбу, и доведёт Церковь до второй сессии Поместного Собора 1923 года.

Протопресвитер В.Красницкий.

Торжество открытия 2-го Поместного Всероссийского Церковного Собора 1923 года.

Второй Поместный Всероссийский Собор 1923 года открыт 29-го Апреля с.г., в г. Москве, в храме Христа Спасителя после Божественной Литургии и торжественного молебна, совершённых Митрополитом Московским и всея России Антонином в сослужении 8 епископов и 18 протоиереев — делегатов Собора, чтением грамоты Высшего Церковного Управления об открытии Собора, приветствием Правительству Республики и личным приветствием Председателя Высшего Церковного Управления Митрополита Антонина.

Грамота Высшего Церковного Управления.

(Читается Митрополитом Антонином).

Христос Воскресе! Высшее Церковное Управление Православной Российской Церкви с молитвенным воздеянием и мироустроящей Божественной Мудрости объявляет открытие 2-го Всероссийского Поместного Церковного Собора. Отечество наше совершает переустройство жизни нашей на новых началах. Изменяется уклад народного быта. Не доставало доселе этому перевороту внутреннего благодатного от веры осенения. Отечественная церковь, застигнутая революционной очистительной бурей, ужаснулась её и не нашла в себе бодрости выйти на путь деятельного участия в общественном строительстве. Под флагом напряжённого сопротивления напору действительных событий прошел недавний Собор 1918 года.

В сей ответственнейший час пред живою совестью православноверующих чад Российской Церкви мы стоим на вершине перевала, откуда открываются дали трогательных упований верующих сердец, ищу-

щих Божией Правды в судьбах человеческих. Прошлое осталось позади. В священном трепете за надежды будущего мы обращаем взор свой к светлому лику Христа, источнику правды и добра в жизни. Да придет на нас Дух Его благодати, подымет энергию нашей соборной мысли и согласит биения сердец в нашем соборном начинании утвердить совесть верующих и направить волю их на путь новой трудовой общественности, созидания счастия и благоденствия общего, т. е. выявления царства Божия на земле, да святится имя Бога нашего, дивного в Совете своем и Благого в откровении Своем, во веки веков. Аминь.

Присутствующие поют: «Тебе Бога хвалим».

Приветствие Правительству Российской Республики.

Высшее Церковное Управление Российской Православной Церкви в единении своём со всеми собравшимися на Собор верующими и всеми предстоящими изъявляет признательность Правительству Российской Республики за разрешение чрез Собор осуществить православно-верующему народу страны свои желания внутреннего устроения религиозной жизни — души общественности и трудового быта. В. Ц. У. в декрете Государственной Власти об отделении Церкви от Государства видит благородный мотив представления Церкви инициативы, т. е. свободы духа в религиозной области, раскрепощением её от охранно-полицейских обязанностей, почин высвобождения религиозной деятельности из-под служебного подчинения изменчивым политическим течениям и временным интересам. В принципе свободы совести В. Ц. У. находит условие роста религиозного авторитета в соприкосновении с группировками разных жизнепониманий и одушевляется желанием, чтобы дальнейшая церковная жизнь направляла энергию Православного культа в Российской Республике по принципу солидарности Церкви и Государства, в общеморальных достижениях увеличения жизненного блага граждан нашего отечества.

Российской Республике и Правительству ея многая лета (поется многая лета).

Приветствие Собору Председателя В.Ц.У. М<итрополита> Антонина.

Священному Собору Православной Российской Церкви пасхальное радование! Зарю ныне возсиявшего дня я предвидел ещё в 1905 году. «Высится, алтарь народной святыни, который обступим с благоговейным трепетом растроганной души». Но мог ли я предполагать, что тогдашний трепет моего сердца Господь превратит в расходящиеся круги нашей духовной бодрости и христианской силы и в мою десницу, тогдашнего еп<ископа> Нарвского — викария Петроград<ской> митрополии, вложит жезл, чтобы я ударил по волнующейся стихии веры народной и подвел нашу Прав<ославную> Отечественную Церковь ко крещению в бурлящих волнах совершающегося революционного очищения. Пять лет

тому назад мы пережили всеобщий момент стихийного подъёма. С тех пор идёт процесс рационализации, осмысления совершившегося переворота, жизненная, бытовая оценка его. Теперь мы подошли к идейному закреплению его, к разогреву нашего общесердечного, т. е. религиозного сочувствия сложившимся событиям. Настал для нашей Церкви момент выявления своего принципиального отношения или лица к отечественной революции, её основному рабоче-трудовому мотиву, осенения её прибоя и достижений христианской симпатией и влитием в её русло моральных сил, черпающих свою энергию в религиозных источниках. В лучах этих перспектив я кланяюсь 2-му Всероссийскому Поместному Церковному Собору.

Председатель В.Ц.У. Митрополит Антонин.

Протокол заседания 2-го Поместного Собора Российской Православной Церкви 1923 г.

2-го Мая в 7 часов 30 мин. вечера, митрополит Антонин (Председатель Высшего Церковного Управления) открывает 1-ое деловое заседание Собора молитвою «Христос Воскресе» и «Днесь Благодать Святого Духа нас собра».

Выборы Президиума.

От имени объединённого заседания трех обновленческих групп «Живой Церкви», «Древле-Апостольской Церкви» и «Союза Церковного Возрождения» председателем выдвигается митрополит Пётр Блинов, а почетным Председателем – Высокопреосвященный митрополит Московский Антонин. В члены Президиума избраны: прот. Владимир Дмитриевич Красницкий, прот. Александр Иванович Введенский, архиепископ Воронежский Пётр, Епископ Сибирской церкви Александр Введенский, прот. А.И. Боярский, прот. Д.М. Соловьев, прот. А.Дьяконов, прот. Д.Адамов, прот. магистр богословия Г.Добронравов, прот. Влад.Шаповалов, мирянин А.Новиков, профессор Киевской Духовной Академии Белоликов, мирянин Павлов, протодиакон Добров, прот. Павел Красотин, свящ. Троицкий (из Челябинска) и прот. Борис Дикарев.

Почётными членами Президиума избраны: Высокопреосвященный Митрополит Тихон Киевский, Митрополит Николай Харьковский, Архиепископ Вениамин Рязанский, профессор Боголюбский, профессор протопресвитер Филевский (Украина), прот. проф. Попов, прот. Павел Раевский, проф. А.И. Покровский, миряне Захаржевский и Трусевич и митрополит Одесский Евдоким.

По заслушании регламента и порядка заседания оглашаются приветственные телеграммы Собору. До 12 часов 2 Мая их поступило 42.

Выступления протоиереев Красницкого и Введенского.

В порядке приветствия выступали прот. В.Красницкий и прот. А.Введенский.

Протоиерей В.Д. Красницкий от имени группы «Живая Церковь» отметил исключительность условий, при которых группе пришлось работать. Ровно год тому назад группа взяла на себя исторический почин в деле церковного обновления.

Группа провела постановление о созыве Собора, наметив день его созыва, составила и провела через В.Ц.У. самый закон о его созыве и определила самый план соборных работ. Группа неизменно придерживалась революционной линии. Эта линия охватит всю Россию и создаст новые нравы.

Протоиерей А.И. Введенский охарактеризовал весь «религиозный ужас», который церковь переживала в течение 5 лет. Стихийный процесс против неправды тихоновской церкви вылился в определённый протест. И вот торжествует правда. Избранные сыны церкви собрались. «Декрет об отделении Церкви от Государства – благо для Церкви». В России нет гонения на веру. И никто не помешает Церкви отдаться чистоте религиозной жизни в её надмирном величии.

Приветствие ВЦИК-у.

Съезд посылает приветствие Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. Приводим его целиком:

«Второй Собор Русской Православной Церкви, открывая свои работы, шлёт свою благодарность Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету за разрешение собраться избранным сынам Церкви, чтобы обсудить назревшие вопросы. Вместе с этой благодарностью Собор шлёт и своё приветствие верховному вождю рабоче-крестьянской власти В.И. Ленину.

Великий октябрьский переворот государственными методами проводит в жизнь великие начала равенства и труда, имеющиеся и в христианском учении.

Во всем мире сильные давят слабых.

Только в Советской России началась борьба против этой стихийной неправды.

Собор полагает, что каждый честный гражданин должен активно стать среди этих борцов за человеческую правду, всемерно проводя в жизнь великие начала Октябрьской революции.

В.И. Ленину Собор желает скорейшего выздоровления, чтобы он снова стал впереди борцов за великую социальную правду».

Приветствие митрополита Антонина.

Дальше Собор заслушивает приветствие митрополита Антонина.

«Как председатель Московского Епархиального Управления, кланяюсь Собору. В 1918 году в Москве также заседал собор, но в то время

церковь была поражена склерозом. Собор этот не оказал влияния на церковную и общественную жизнь. Собор 1923 года всей полнотой своего авторитета призван освежить духовную мысль и вызвать энергию в сердцах всех верующих».

Приветствия епископа Блэйка.

От имени совета епископов методическо-епископальной церкви выступает американский епископ Блэйк.

Приветствуя Собор, епископ Блэйк отметил, что Собору предстоит великая задача. Церковь везде переживает величайший кризис. Древнейшие учреждения пали. Священное потоплено. Общий мотив — цивилизация гибнет. Ноты пессимизма берут верх. Есть люди, которые ожидают гибели всего мира. Но всякий кризис в природе — символ новой жизни. Революции и ломки не создаются из смерти. Они создаются для новой торжественной жизни. В настоящее время идет ломка церкви. Многие сомневаются в целесообразности культа. Научное мышление открывает новые истины. Ничто не ускользает от анализа науки. Церковь не должна закрывать глаза на достижения науки. Церковь должна выделить лучших своих людей и вооружить их знаниями. Старое отошло в область прошлого. Лозунгом всего мира станет: «Кто не трудится, тот не будет есть». Церковь не может существовать как роскошь. Церковь должна стремиться к свободе просвещения. Ненависть должна быть упразднена. Униженные требуют права на существование. В этой борьбе церковь не может стоять в стороне. Она должна собрать свои силы и повести их на путь народного просвещения. Россия переживает великий социальный эксперимент. В первый раз в мировой истории государство отдаёт все свои силы на служение униженному классу. Перед властью гигантская задача, слишком великая, чтобы можно было преодолеть её человеческими силами. В этом деле необходима помощь Бога.

Такую задачу Церковь может взять в настоящий момент. Она не может стоять вне великого движения. Она должна поднять униженную и подавленную массу.

Перед Русскою Церковью исключительная возможность. Новая эра — эра пророков. Нужно стать мудрыми, все разногласия должны быть устранены. Собор должен действовать единым фронтом. Учреждения церкви могут погибнуть, но сама религия не может быть устранена от жизни.

Заканчивая свою речь, Еп.Блейк сказал: «Люди смотрят на вас со всех концов мира и молятся за ваше преуспеяние. Примите те чувства, которые в моём лице выражает методическая епископальная церковь». Еп. Блэйк, по единогласному желанию Собора, приглашается как почётный гость Собора.

Заседание Собора закрывается молитвою «Светися, Светися» в 10 часов вечера.

Протокол заседания Всероссийского Поместного Церковного Собора 1923 г.

(Четверг, 3-го Мая 1923 г., 12 час. 30 м. дня).

Председатель Собора Митрополит Пётр предлагает пропеть молитву «Христос Воскресе», «Днесь благодать Святаго Духа нас собра» и, по предложению членов Собора, поётся Символ веры. На повестке дня стоит вопрос «О православной церкви, Социальной Революции, Советской Власти и Патриархе Тихоне».

Докладчиком выступает протоиерей А.И. Введенский.

Протоиерей Введенский говорит о том кризисе, который охватил не только православную церковь, но и всё христианство. Причину кризиса докладчик видит в том, что всё христианство, забыв своё прямое назначение – помощь обездоленным – пошло в союзе с капиталом. Своим богом, – восклицает оратор, – Церковь вместо Христа поставила Нокфаллера, Церковь, которая учит любви, братству и равенству, не проводила эти принципы в жизнь, а наоборот, стремилась к разжиганию ненависти, порабощению богатыми классами неимущих и трудящихся. Пришли новые люди, совершенно чужие религии, и стали без высоких слов и фраз проводить в жизнь равенство и братство. Православная же Церковь в лице патриарха Тихона, вместо поддержки их, предала этих людей анафеме и назвала их на первом поместном соборе сатанинцами. В своём Январском заседании 1918 г. п. Тихон призывал верующих к вооружённой борьбе с Советской властью. И результатом этого призыва погибло свыше 1000 жизней. В дальнейшем докладчик категорически отметает всю клевету тихоновской зарубежной печати, говорящей о гонении на православную церковь в Советской России. Останавливаясь на декрете об отделении Церкви от Государства, п. Введенский называет этот декрет редчайшим актом веротерпимости Советской власти по отношению к религии. Докладчик не причисляет антирелигиозную пропаганду к способам и приёмам гонения на религию, а считает обыкновенной борьбой, которую вправе вести каждый свободный гражданин свободной страны; если, говорит он, и случается, что церковники попадают на скамью подсудимых и несут ту или иную кару по суду, то кара эта является лишь последствием их политической контр-революционной работы. В заключение докладчик призывает Собор раз и навсегда покончить с вопросом о Тихоне и открыто заявить, что последний не является вождём православной церкви.

Речь по делу Патриарха Тихона прот. Вл.Дм. Красницкого.

«Ровно год тому назад глубокою ночью группа Петроградских и Московских священников явилась к патриарху Тихону и предъявила ему требование жизни изменить направление церковной политики и передать управление другому лицу. В то время грозный приговор высшей меры на-

казания повис над головами целого ряда священнослужителей и мирян, возбуждённых воззванием п. Тихона и доведённых им до столкновения с гражданской властью, непонявших долг спасения умиравших от голода людей. Нужна была глубокая вера в Церковь Православную, в рядовое священство и верующий народ, неповинный в контр-революционных деяниях представителей высшей своей иерархии, чтобы в ту ночь потребовать от п. Тихона удаления со своего поста и принять на себя великий крест Церковного Управления. И жизнь нас оправдала и осудила патр. Тихона и его ближайших сподвижников. Противодействие сдаче церковных ценностей было только последним актом измены своему пастырскому долгу, своему высокому званию. Я помню те надежды, которые возлагались на патриарха широкими массами верующего народа, мы надеялись видеть в патриархе отца, которому близки, дороги и понятны нужды и страдания народные, который будет действительно пастырем народным в великое время социальной революции, но мы получили только обыкновенного дореформенного архиерея, только патриаршее обличье без патриаршей души... Вспомните страшные месяцы блокады, вспомните ту страшную нужду, от которой терзались и умирали наши семьи и наши дети, вспомните, что в это время не раздалось патриаршего голоса, обращённого к империалистическим народам, железной рукой голода и нужды давившего нашу молодую революционную Россию. Я помню ту ночь, когда в трибунале, во время суда над московскими церковниками был предложен патр. Тихону вопрос — «имели ли право священники не исполнять его приказания или были обязаны его непременно выполнить». Он сказал: «нет... они могли не исполнить» и этими словами он предал на смерть своих подчинённых, этими словами он, подписавши своим патриаршим именем свое воззвание и отказавшись принять на себя ответ за него — он сам произнёс свой приговор. В этот момент окончилось не только патриаршество его, но и его священническое архипастырское достоинство.

Но вместе с этим встает вопрос вообще о патриаршестве. Этот институт не оправдал своих надежд. — Он не только не поднял энергии церковного народа, он её подавил. И в настоящее время, когда необходимо напряжение церковной энергии всех членов церкви, всех священнослужителей и верующих мирян — для того, чтобы восстановить жизнь церковную, чтобы восстановить утраченное влияние на жизнь общественную — этот институт вреден и не нужен.

А потому я предлагаю — институт патриаршества, как пережиток прошлого и как совершенно не оправдавший надежд и вредный для дела церковного обновления — упразднить навсегда.

Патриарха Тихона, изменившего архипастырскому долгу, употребившего свой высший церковный авторитет и народное доверие для поддержки врагов своего народа и явившегося духовной опорой гражданской

войны и идейным центром контр-революционного наступления на свой народ и свою родину — лишить звания патриарха, священного сана и монашества».

После доклада протоиерея Владимира Дмитриевича Красницкого председатель предоставляет слово в порядке очереди Митрополиту Антонину, который говорит о совершающемся суде истории над старой тихоновской церковью, о своём участии в церковно-обновленческом движении.

Вслед за тем зачитывается резолюция по докладам протоиереев А.И. Введенского и В.Д. Красницкого.

РЕЗОЛЮЦИЯ

«Заслушав доклад протоиерея А.Введенского и прот. Красницкого, Всероссийский Поместный Собор Православной Русской церкви свидетельствует пред лицом Церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распался на два класса: капиталистов-эксплуататоров и пролетариат, трудом и кровью которого капиталистический мир строит свое благополучие. Во всем мире лишь Советское государство России вышло на борьбу с этим социальным злом. Христиане не могут быть равнодушными зрителями в этой борьбе. Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина. В Советской власти Собор видит мирового вождя за братство, равенство и мир народов. Собор клеймит международную и отечественную контр-революцию, осуждает её всем своим религиозно-нравственным авторитетом.

Собор зовёт каждого честного христианина — гражданина России единым фронтом, под предводительсвом Советского правительства, выйти на борьбу с мировым злом социальной неправды.

Священный Собор Православной Церкви 1923 г., обсудив положение Церкви за время Революции, ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Начиная с лета 1917 года ответственные церковные вожди стали на определённую контр-революционную точку зрения. – «Церковь должна восстановить единство царской России» – вот лозунг, которым начала жить церковь (так тесно связанная до революции с царизмом). Собор 1917 года, состоящий, главным образом, из представителей реакционного духовенства, а также крупного дворянства, собственников и членов реакционных политических партий, с самого начала стал определённым политическим, контр-революционным сборищем, только прикрывавшим все эти деяния именем Христа Спасителя. Собор борется с революцией. Он не признаёт даже Временного Правительства, а после Октября эта борьба доходит до совершенно невероятных размеров.

После Собора патриарх Тихон продолжает контр-революционную деятельность. Он делается вождем и знаменем всех противников Советской Власти. Он вовлекает церковь в контр-революционную борьбу.

Священный Собор Православной Церкви 1923 года осуждает контр-революционную борьбу и её методы – методы человеконенавистничества. В особенности Собор 1923 года скорбит об анафематствовании Советской власти и всех,

её признающих. Собор объявляет анафематствование не имеющим никакой силы.
2. Собор 1923 года осуждает всех тех, кто шёл этим путем и других вёл за собой. И прежде всего это касается ответственного руководителя всей церковной жизнию – Патриарха Тихона, так как патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контр-революции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввёл в заблуждение широкие церковные массы, то Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви. На основании церковных канонов сим объявляет его лишённым сана и монашества и возвращённым в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Беллавин.
3. Деятели обновленческого церковного движения разорвали с контр-революцией и за это заслужили неодобрение реакционных церковников.
Священный Собор 1923 года объявляет все эти меры запрещения не имеющими никакой силы. Наоборот, Собор благословляет мужество этих людей и преданность церкви, которую они вырвали из рук контр-революции и отдают Единому Христу Спасителю.
4. Священный Собор призывает всех церковных людей бросить все попытки использовать церковь в земных политических расчетах. Церковь принадлежит Богу и Ему Единому служить должна. Контр-революции в церкви не должно быть места. Советская власть не является гонительницей церкви. Согласно Конституции Советского государства, всем гражданам предоставляется подлинная религиозная свобода совести.Декрет об отделении Церкви от государства обеспечивает эту свободу. Свобода религиозной пропаганды (наряду со свободой пропаганды антирелигиозных идей) даёт верующим возможность идейно отстаивать ценность своих чисто религиозных убеждений. Поэтому церковным людям нельзя видеть в Советской власти власть антихристову: наоборот, Собор обращает внимание, что Советская власть государственными методами одна во всём мире имеет осуществить идеалы Царства Божия. Поэтому каждый верующий церковник не только должен быть честным гражданином, но и всемерно бороться вместе с Советской властью за осуществление на земле идеалов Царства Божия.
5. Осуждая быв. патриарха Тихона, как вождя не церковного, а контр-революционного, Собор признаёт, что и самое восстановление патриаршества было актом определённо политическим, контр-революционным. Древняя Церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно, поэтому Священный Собор настоящим отменяет восстановление патриаршества. Отныне Церковь должна управляться соборно.
6. Осуждая контр-революцию в Церкви, карая её вождей, отменяя самый институт патриаршества, признавая существующую государственную власть, Собор создаёт нормальные условия для мирного течения церковной жизни. Отныне вся церковная жизнь должна быть построена на двух началах: 1) В отношении к Богу – на подлинной преданности церковных людей подлинным заветам Христа Спасителя и 2) в отношении к государству – на принципе отделения Церкви от государства.

Основываясь на этих двух устоях, Церковь станет тем, чем должна быть – любовно-трудовым объединением верующих в Бога, Его Христа и Его Правду.

Большинством принято, против одного, воздержавш. пять.

Протокол Заседания 2-го Всероссийского Поместного Церковного Собора 1923 г.

(Пятница, 4-го Мая 1923 года, 1 час дня).

После молитвы Председатель объявляет Заседание открытым. На повестке дня вопросы: «О белом женатом епископате» и «О второбрачии духовенства».

Докладчик архиепископ Воронежский Пётр Сергеев в своём докладе «О женатом епископате» подходит к вопросу со стороны канонической и со стороны историко-бытовой. Докладчик приводит ряд цитат из апостольских правил, из «Кормчей» книги, которыми доказывает, что епископ обязательно должен быть женатым. Одна из цитат говорит даже о том, что епископ ни в коем случае не имеет права, по религиозным соображениям, разводиться со своей женой, и если он нарушит такое правило, то подлежит лишению сана. Что касается вопроса о монахах – епископах, то каноны и практика древней церкви указывает, что монахи не имели права занимать епископские должности. Они должны были находиться в строгом повиновении у белого духовенства. Брачный епископат – говорит докладчик, – продержался в течение 7 веков, пока под давлением византийских императоров, Трульский собор, бывший чисто полицейским собором, вынес постановление о приоритете монахов-епископов.

После доклада слово предоставляется в порядке очереди епископу Петроградскому Артемию (монаху), который говорит о необходимости постановления белого епископата, вызванного хотя бы фактическою невозможностью пополнить ряды высшего духовенства из монахов, а, главным образом, в силу большей близости белого священника к народной массе. Петроградская епархия, свидетельствует епископ, признаёт необходимость белого женатого епископата и ждет на этот счёт положительного решения Собора.

Далее слово предоставляется епископу Леонтию Волынскому (монаху). Слишком слабое и путанное возражение.

Протоиерей Боярский опровергает всё сказаное епископом Леонтием, цитируя места творения Св. Отцов и приводя ряд соборных постановлений за женатый белый епископат.

Речь протоиерея Боярского прекращается внесением предложения о прекращении прений, ввиду ясности вопроса.

Для сведения членам Собора зачитывается резолюция совещания епископов следующего содержания: «Практика Российской Церкви досе-

ле следовала правилу безженного, в частности, монашествующего епископата. В настоящее революционное время прошёл в жизнь женатый Епископат. Высшее Церковное Управление благословило женатый Епископат в Воронеже, Соборное совещание Епископов в Заседании своём 1 Мая 1923 года приняло в каноническое общение женатых епископов Сибири. Ныне под напором жизненного запроса Соборное Епископское Совещание постановляет: не считать брачное состояние препятствием к епископскому служению, как одиноким, безженным, так и женатым».

Резолюция Поместного Священного Собора.

«Исходя из ясного и непреложного свидетельства Св. Писания (1 Тим. 3, 2-4; Тит. 1, 7-9), являющегося основным источником Христианской веры и благочестия; следуя указаниям древнейших памятников христианской письменности, правилам Св. Апостолов (пр. 5, 40, 51-е) и постановлениям Вселенских и Поместных Соборов (1-го Вселенского Собора, Карф. Собора, 4 пр. 3, 25, 71-е, 4-го Вселенского Собора 4 прав.), принимая также во внимание и практику Восточных Церквей и Церкви Греческой, даже до XII-го века, в которых брачный епископат был обычным явлением, учитывая, наконец, и современное положение Русской Церкви, осознать которое монашествующий епископат, за немногими исключениями, оказался неспособным, Собор признал решительно необходимым ввести в жизнь белый брачный епископат, наравне с лицами безбрачного состояния».

Резолюция ставится Председателем на голосование и принимается Священным Собором против трёх.

На очереди стоит доклад профессора протоиерея Н.Г. Попова «О второбрачии духовенства».

После перерыва проф. Попов приступает к докладу и указывает на огромное значение второбрачия в жизни белого духовенства.

Докладчик ссылается на канонические правила и приводит исторические примеры, которые решительно отвергают всяческие основания к запрещению второго брака для духовенства. Между прочим, профессор указывает, что второбрачие священников практиковалось в древней церкви почти до конца 7-го века.

На докладе профессора протоиерея Попова заседание Собора молитвою прекращается. Прения по вопросу переносятся на следующее соборное заседание.

Протокол заседания 2-го Всероссийского Поместного Церковного Собора 1923 года.

(Пятница, 4-го Мая 1923 года, 1 час дня).

После молитвы соборное заседание объявляется открытым. Открываются прения по докладу профессора протоиерея Попова «О второбрачии духовенства». Оппонентом выступает протоиер. Иоанн Антонинов

(Екатеринбургск. епарх.). Слабые и крайне несостоятельные возражения протоиерея Антонинова прерываются нетерпением и шумом Собора. Слово предоставляется мирянину Гомельской епархии Трусевичу. Трусевич всецело поддерживает точку зрения докладчика протоиерея Попова, подчёркивает значение духовного единения в браке, доказывает его законность и правду.

После Трусевича слово предоставляется мирянину Захаржевскому (от Украины), который говорит об ужасах и ненормальностях священнической жизни, вызванной невозможностью для священников второбрачия.

Вносится предложение о прекращении прений.

Докладчик профессор протоиерей Попов зачитывает резолюцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

«Принимая во внимание: 1) что ни в Священном Писании, ни в Священном Предании второбрачие не считается грехом или беззаконием, 2) что по 17 пр. Св. Апостолов воспрещается пребывание в клире не второбрачным, а состоящим в сожительстве с двумя женщинами (конкубинате), 3) что до конца VII века второбрачие священнослужителей допускалось нередко, 4) что суровый ложно-аскетическ<ий> взгляд на второбрачие проник в церковное общество под влиянием лжеучений, чуждых христианству, 5) что запрещение второбрачия священнослужителям установлено было 3 и 6 пр. Трулльского Собора под давлением светской власти и папских легатов с явно неправильным применением 17 пр. Св. Апостолов, 6) что второбрачие священослужителей в Византии имело место до XIII века, а на Руси в XIV – XVI и XVII вв., 7) что 3 и 6 правила Трул. Собора имеют лишь дисциплинарное значение, вызваны временными обстоятельствами и по 37 прав. Св. Апостолов, 2 пр. II Всел. Собора, Вас. Вел. пр. могут быть отменены, как отменялись и другие, 8) за это высказывались представители иерархии и ранее, 9) и что, наконец, теперь может смущать церковное общество не второбрачие священнослужителей, а скорее последствия его запрещения.

Священный Поместный Собор 1923 года определяет: 1) разрешить второбрачие священнослужителям, с ведения епархиальной власти, 2) Разрешить священнослужение женатым на вдовах или разведенных и 3) допустить к священнослужению тех, кто оставил его лишь вследствие вступления своего во второй брак».

Резолюция принимается Священным Собором в целом.

Председатель Собора Митрополит Пётр сообщает Священному Собору, что епископские совещания были заняты рассмотрением вопросов о лишении сана патриарха Тихона и подведением канонических оснований к соборному постановлению, а также и решением вопроса о белом женатом епископате. В дальнейшем собрания епископов самостоятельно созываться не будут.

На повестке дня стоит вопрос ***«О мощах»****, по которому выступает с докладом протоиерей А.И. Боярский.*

«Мощи, – говорит докладчик, – по учению православной церкви, есть всё то, что остаётся от тела угодников Божиих, в чём бы оно не состояло: кости, пепел, т. д. и т. п.

На Афоне понятие о мощах совершенно обратное русскому. Там неразложимость тела считают признаком греховности человека, а мощами признают лишь кости. Периодически каждые три года тела умерших монахов извлекаются из могил, и если они оказались нетленными или разложение их идёт медленно, то братия предаёт их снова земле и усиленно молится о скорейшем их разложении. На Западе останки святых хранятся в храмах без всяких гробниц, в их натуральном виде. Русская православная церковь установила совершенно другой подход к мощам. Из мощей русских святых некоторые сохранились в целом виде, и лучшие их экземпляры можно видеть на Петровке, в музее Наркомздрава. Всякий православный верующий, имевший представление о мощах как о нетленных телах, бывает глубоко потрясён их настоящим видом: иссохшие, обугливщиеся, во многих местах разложившиеся трупы. Стараясь подвести все мощи святых под ложное понятие нетленных тел, русская высшая иерархия прибегла к грубой фальсификации: так, вместо нетленного тела Тихона Воронежского, оказался голый череп, увенчаный митрой, вместо грудной клетки – железный каркас, кости рук и ног обтянуты чулками. Кости Питирима Тамбовского, с целью придания им контуров человеческого тела, – оказались залитыми воском. Для создания более удобной почвы для эксплуатации верующих сооружались драгоценные гробницы, в которые помещали несколько костей. Так, в раке Александра Невского в Петрограде, (90 пуд. серебра) найдены были 12 небольших костей разного цвета и конверт с пеплом. Небезызвестный Антоний Храповицкий соорудил в Житомире для головы мученицы Анастасии целую раку. Бывали случаи, когда монахи находили мощи «нетленные», а затем уже решали вопрос, какому святому их приписать. В дальнейшем докладчик указывает, что жизнь знает мощи нетленные далеко не святой жизни людей, так, например, в митавском замке хранится труп известного временщика Бирона. В западных монастырях, в сухих подвалах, где хоронили видных монахов, также далеко не безгрешных, мы находим много сохранившихся тел. Кроме того, церковь спекулировала ещё на частицах мощей. Так, например, наблюдается большое количество от мощей Авраама, Исаака, Иакова, избиенных вифлеемских младенцев, всех апостолов, волосы Христа, млеко Богородицы и т. д. В заключение докладчик говорит, что долг Собора поставить вопрос о том, чтобы все мощи были пересмотрены и все реликвии проверены. Необходима борьба с магизмом, эксплуатацией и игрой на вере народа.

Далее открываются прения. После ряда выступлений члены Собора обращаются к Преосвященному Митрополиту Антонину с просьбою высказаться на эту тему. Митрополит Антонин соглашается, прося перерыва в виду крайней ответственности в решении этого вопроса, требующего предварительного епископского обсуждения. Доклад Митрополита Антонина «О Мощах» переносится на вечернее заседание того же дня.

Экстренно зачитывается постановление Президиума Собора о назначении протоиерея А.И. Введенского Архиепископом Крутицким, викарием Московской епархии.

Председатель Митрополит Петр предлагает Собору принять и утвердить настоящее постановление Президиума. Голосованием Собора предложение принимается, против 35, воздер. 18.

Следующее заседание Собора назначается на 7 час.30 мин. вечера.

Молитва.

Вечернее заседание Священного Собора.

(Пятница 4-го 1923 года).

После молитвы слово предоставляется митрополиту Антонину.

Митрополит Антонин излагает свою точку зрения на мощи.

Мнение Антонина расходится с мнением докладчика протоиерея Боярского. Митрополит Антонин считает, что сохранность мощей происходит не от физической причины, а от внутренно-нравственной. Вместе с тем, оратор отмечает случай, когда мощи, вначале казавшиеся нетленными, в дальнейшем разлагались. Продолжая развивать свой взгляд на нетление мощей, оратор приходит к закону о сохранности сих.

Любовное и бережное отношение к дорогим святыням, говорит докладчик, необходимо. Важно присутствие тела. Молитва жарче над настоящим (не мысленным) гробом.

Предлагается резолюция по вопросу ***о мощах.***

«Мощи — суть останки угодников, которые святостью своей жизни, своим подвигом создали себе большую против обыкновенных людей тело неразложимость, освятили свои тела, но нетление их тел небезконечно; продолжается дотоле, доколе недостаточно ещё вошёл в массив верующего сознания, доколе не создал себе прочного авторитета. По мере выхождения и укрепления духовно-нравственной личности святого, документальность его святости, необходимость вещественных доказательств исчезает, и его останки предаются постепенному тлению, но всё же не до последнего физического атома, который остаётся реальным возбудителем живых, нравственных чувств в отдельных сердцах верующих. Акт вскрытия мощей надо отнести на счёт исторической необходимости, подготовленной корыстными мотивами прошлого, с одной стороны, и позитивным подходом современности к нравственным вопросам, с другой. Ликвидация этого печального явления намечается такая: открытость и безхитростность, с одной стороны, и благогове-

ние не столько к физическим останкам и телам святых, сколько к тем нравственным нежным чувствам уважения и почтения, которые остаются и живут в нас независимо от количества сохраняемого вещества — сохраняется ли тело в большом объёме или же только несколько косточек. Мы своих святых любим и чтим, они наши герои, светочи, наши нравственные руководители. Нам дорог их прах, их останки для нас хранители и действительные возбудители нравственной энергии в нас, и мы должны хранить их так, чтобы на нас не падало подозрение и укора в подделке святого материала ради торговли и барышей. Для чувства они остались такими же сияющими. Мать остаётся для каждого матерью, если её обрядят и в лохмотья. Мы пережили конфуз за неосторожное касание к нашей святыне. Но святыня эта для нашего сердца осталась. Кутания эти проистекали не столько из злостных побуждений обмана, а из чувства деликатности и бережного отношения к останкам тех, где это не переступало границ. Верчение кукол, кутание мощей вытекало из неправильной мысли, что нетление должно быть вечно нетленно. И раз видели, что тело разрушается, боялись, что с этим разрушится и обаяние святости. И этот гипноз необходимо отнести больше на счёт невежества, а не на счёт злостного обмана. Мы должны сказать: останки святых дороги нам, это — доказательство наших моральных ценностей, их выставлять в музеях не следует, это не мумии, а мощи, дорогие нашим сердцам, останки, которые доселе возбуждают в нас живые чувства любви, которые питают нас. Закутывать их ввиду того, что обвиняют нас в фальсификации, отсюда не следует. Пусть они лежат на виду, на вскрытии.

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1) Мощами по учению Св. Церкви являются останки св. угодников Божиих, которые почитаются нами за их праведную жизнь.

2) Собор осуждает всякую фальсификацию нетленности, каковые факты ясно установлены в революционное время.

3) Во избежание могущей быть и впредь фальсификации мощей — предавать их земле.

4) Сущие останки святых по вскрытии держать в простоте и на вскрытии.

5) Кости и другие реликвии недоуменного происхождения на поклонение не выставлять, а предать земле.

Доклад митрополита Антонина и резолюция приняты и встречены горячим воодушевлённым пением «Исполла эти деспота».

На повестке дня стоит вопрос ***о монастырях и монашестве.***

Докладчик по вопросу «о монашестве и монастырях» проф. протоиерей Н. Попов подходит к нему осторожно и старается завуалировать отрицательные стороны монастырской жизни. Его оппонентом выступает профессор Белоликов (Киевский), заявивший, что вопрос о мона-

шестве и монастырях нужно вскрыть до самой глубины. Излагает историю развития и культурную роль первых монастырей. Расхождение образа монаха «Молодой Руси» и монаха последнего времени. Бесчинство монахов, разоблачение многого, хранившегося в тайне. Оратор, между прочим, сообщает, что убийство Киевского митрополита Владимира, имевшее место 25 Января 1918 года, произошло при участии монахов Киево-Печерской Лавры. Профессор настаивает на удалении монахов из городов в пустыни для труда и молитвы.

Слабые прения, после прекращения которых Священным Собором принимается следующая резолюция:

1. Закрыть монастыри с укладом быта жизнеосужденного и отброшенного строем жизни.

2. Благословить союзы и братства христианско-трудовых общин в сохранившихся монастырских стенах вдали от шумных и многолюдных городов, как подвиг личного спасения и училища благочестия в единении людей на евангельских началах свободы, любви, труда, равенства и братства.

Протокол заседания второго Всероссийского Поместного Церковного Собора 1923 года.

(Суббота, 5-го Мая 1923 года, 12 час. дня).

После молитвы выдвигается очередной вопрос

«О Реформе календаря».

С докладом о реформе календаря выступает митрополит Антонин. Докладчик указывает, что первый Вселенский Собор не устанавливал никакого особого принципа для вычисления религиозных времен. Он просто взял существовавший тогда календарь. В дальнейшем докладчик доказывает возможность безболезненного перехода на Грегорианский календарь и знакомит Собор с правилами астрономического вычисления времени. Оказывается, что в связи с запаздыванием Юлианского календаря, православная церковь нарушила все правила Вселенского Собора и празднует теперь Пасху месяцем позднее, против того, как определил Собор. И потому, говорит докладчик, бросить старый стиль не только не грешно, но даже необходимо. Почин России в этом отношении может иметь международное значение, хотя идея введения Грегорианского календаря уже предвосхищена Финляндией, Эстонией и Грецией. Что касается вопроса о совпадении еврейской пасхи и православной, при условии перехода на Грегорианский календарь, то докладчик в этом не видит ничего страшного, а наоборот, считает это обстоятельство крайне важным для братского единения народов. При совпадении праздников, – говорит митр. Антонин, – у человечества будет хотя бы один

день в году, когда все во всём мире будут соединены одной мыслию: всепрощения, братства и равенства.

В настоящее время в Константинополе заседает православная конференция, под председательством константинопольского патриарха Мелетия и вырабатывает технику перехода на Грегорианский календарь. С своей стороны докладчик предлагает перейти на Грегорианский стиль с 12 Июня текущего года, но, причём для этого он предлагает в воскресение 21 Мая соединить два последующих воскресения и, кроме того, 10 Июня уплотнить два воскресения в одно.

Собор без прений соглашается с докладом митрополита Антонина и выносит следующую РЕЗОЛЮЦИЮ:

«Перейти на Грегорианский стиль с 12-го Июня 1923 года. Причём для этого в воскресенье 21-го Мая соединить два последующих воскресенья и кроме того, 10 Июня уплотнить два воскресенья в одно».

Участвовавший на Поместном Церковном Соборе в качестве почётного гостя американский епископ Блэйк произносит прощальное приветственное слово Собору, ввиду своего неотложного отъезда из Москвы. Митрополит Пётр отвечает ему благодарственной речью.

Заседание заканчивается молитвою.

Протокол заседания второго Всероссийского Поместного Собора 1923 года.

(Понедельник, 7-го Мая, 1923 года).

После молитвы, докладчиком по очередному вопросу «О духовной эмиграции», выступают архиепископ Александр (Введенский) и протопресвитер Владимир Красницкий.

Архиепископ Введенский излагает перед Собором историю Российской церковной эмиграции. Вслед за генералами, — говорит Введенский, — бежали и русские церковники, кровно связанные со свергнутым самодержавным строем. Бежали такие видные представители духовенства, как Антоний Храповицкий, архиепископ Евлогий, Востоков и др. Там они являлись активными участниками контр-революционных выступлений, благословляя белогвардейщину на кровавый бой с Советской Властью.

Эти контр-революционные выступления нашли яркое выражение в Карловицком соборе, где высказывались мысли, что церковь — армия, а духовенство — офицерство. Постановления собора, получившие одобрение Тихона, проникнуты ненавистью к восставшему народу и рабоче-крестьянской власти. Такие же съезды были в Висбадене и Париже. Этим заграничная церковная эмиграция окончательно дискредитировала церковь.

Всероссийский Церк. Собор, — говорит оратор арх. Введенский, — должен заявить во всеуслышание горячий протест этой церковной провокации и сказать всем участникам церковной контр-революции: «Мы не ваши и вы не наши. Мы политически честны, вы же политически бесчестны».

Доклад протоиерея В.Д. Красницкого.

В мою задачу входит представить документальные данные заграничной контр-революции, укрывшейся под церковными сводами и организовавшей борьбу против Революционной Советской России.

8 ноября 1921 года в сербском городе Карловицах собирались бежавшие за границу представители крупного землевладения и высшие православные иерархи — председатель Высшего Монархического Совета Н.Е. Марков, член того же Совета Н.И. Масленников, Бессарабский предводитель дворянства А.М. Крупенский, граф В.А. Бобринский, член Государственной Думы Н.Н. Львов, сотрудник «Нового времени» профессор Локоть, быв. обер-прокурор Св. Синода князь Ширинский-Шихматов, бывш. обер-прокурор Синода Волжин, быв. пред. сов. министров Трепов, наказной атаман войска Донского Грабе, журналист Никаноров, адмирал князь Путятин, прокурор Ненароков, Кваснов, Скаржинский, Бербель, Солнцев, редактор «Колокола» В.М. Скворцов, прот. Востоков, генерал Васильев, граф Граббе, граф Апраксин, настоятели церквей Парижа, Берлина, Рима и Лондона, от армии генерал Врангель, генералы Эк, Арангельский, Бобрович и Никольский. Митрополит Антоний, Архиепископ Евлогий, Епископ Вениамин, Епископ Анастасий, Серафим и другие.

Отдел духовного возрождения России выработал к чадам Православной Русской Церкви воззвание, напечатанное в № 1-м Церковных Ведомостей от 15/28 Марта 1922 года, издаваемых при Высшем Русском Церковном Управлении за границей. По настоянию Маркова, Крупенского, Бобринского, Апраксина и других — в него внесены определения политического характера — «да вернёт Он (Господь) на Всероссийский Престол Помазанника сильного, любовно народного, законного, православного царя из дома Романовых». Это требование вызвало раскол — 32 члена собора, в числе их пять епископов и 18 священников, возражали против внесения этого выражения в текст и отказались от голосования, но оно прошло большинством 53 голосов против 1, при 32 воздержавшихся. Из числа 53 голосовавших, 30 человек было бывших сановников и генералов, подобранных митрополитом Антонием и Марковым II-м. С определённой контр-революционной политической целью. От этого собора шли все указания всей внутренней борьбы с Советской Властью, которая разыгралась в период борьбы с небывалым голодом.

В № 3-м тех же Церковных Ведомостей от 13/28 Апреля 1922 года напечатано «послание Мировой Конференции Русского Всезаграничного

Церковного Собора», подписанное наместником патриарха Тихона Митрополитом Антонием. Здесь содержатся следующие слова: «Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев!

Дайте им в руки оружие! Дайте им своих добровольцев. Помогите изгнать большевизм — этот культ убийства, грабежа, богохульства из России и всего мира».

Здесь Священный Собор может усмотреть явный призыв и открытое возбуждение и подготовку нового наступления на Россию, и новые войны.

В №№ 6 и 7 тех же Ведомостей от 1/14 — 15/28 Июля 1922 года содержится указ Высшего Церковного Управления за границей от 28 Мая/10 Июня 1922 года № 259, где в п. 6 говорится: «Лишить всякого церковного общения Епископа Антонина и прочих епископов, клириков и мирян, восставших, в угоду большевикам, против своего святейшего отца и патриарха, осудить их действия, дав верным православным христианам характеристику этих изменников и призвать православных чад Русской Православной Церкви теснее сплотиться вокруг своих архипастырей и пастырей, верных своему патриарху, святейшему Тихону, о чём уведомить главенствующих иерархов Православной Церкви». А в пастырском послании этого управления, напечатанном в том же №, говорится: «А тех, именующих себя священнослужителями и даже епископами, которые пошли против своего пастыря, мы лишаем всякого церковного общения, мы воспрещаем с ними молиться, принимать их благословение, которое отныне не благословение, а суесловие. Упомянутые в революционном воззвании епископ Антонин, протоиереи, священники и клирики уже не священники, а раскольники, миряне. Молитва их будет во грех, таинство — не таинство, совершенная ими евхаристия не тело и кровь Христа, но пища демонов, крещёные ими или венчаные или исповеданные остаются некрещёными, невенчаными и неисповеданными, а кто последует сим раскольникам также будут лишены всякой чести, а монахи и миряне да отлучатся вовсе от церкви».

Эти последние слова полностью относятся ко всему настоящему Поместному собору, ко всей русской православной церкви, последовавшей за нами в деле обновления церкви и очищения её от контр-революции, но сами они, бежавшие от своих паств, принявшие на себя дела чисто гражданские и даже определённо военные, помимо даже своих кощунственных выражений, помимо преступного общенародного характера своей измены, за одни свои церковные преступления по 36, 81, 86 и 6 прав. Апостольских, 3 прав. 4-го Вселенского Собора и 10 прав. 7-го Вселенского Собора подлежат высшей мере церковного наказания, а потому предлагаю Священному Собору членов Карловицкого собора за измену своему народу, за предательство его в тягчайшую годину испытаний,

за стремление использовать его смертельную опасность для своих корыстных целей, за провокацию и возбуждение новой гражданской войны, отлучить от православной Российской Церкви.

Предложение прот. Красницкого принимается и зачитывается резолюция Пом. Собора:

«Исполняя долг пастырского служения всей православной Российской Церкви, мы, Высшее Управление Православной Российской Церкви, Собор всех членов заграничного Карловицкого Собора, бывшего в 1921 году в Ноябре месяце, митрополитов Антония, Платония, Дионисия, архиепископа Евлогия, Анастасия и др., мирян Владимира Маркова, А-ра Крупенского, Владимира Бобринского, Василия Скворцова и др. и всех с ними бывших виновных архиереев и протоиереев, явивших себя наёмниками, а не пастырями, бежавших от своих паств во время опасности, а всех вместе членов означенного Собора, составивших заговор с целью возбуждения русских людей к новой кровопролитной гражданской войне и противодействовавших Государственной Российской власти в деле спасения от голодной смерти миллионов людей, отлучаем от Православной Российской Церкви доколе не покаются пред постигшим их гневом Божиим и не придут на честную службу меньшим братьям своим».

Резолюция принимается единогласно.

На повестке дня стоит вопрос о ***«Реформах церкви»***.

С Докладом о реформах в церкви от имени Союза Общин Древле-Апостольской Церкви выступает Архиепископ Крутицкий Александр Введенский. Докладчик отмечает, что церковь уперлась в тупик и заняла схоластикой. Он категорически протестует против незыблемости канонов и считает необходимым влить в богослужение церкви новую струю творчества. Превыше всего для обновленческой церкви должны быть слова евангелия, а не каноны, написанные подчас малограмотными богословами. Архиепископ клеймит установившийся обычай церковных поборов.

После 15 минутного перерыва слово предоставляется прот. В.Д. Красницкому. (Председатель гр. «Живая Церковь»).

«Основные лозунги, говорит оратор, выставленные группой при начале движения, остаются неизменными, но нуждаются в дальнейшем углублении в жизни церковной.

Белый епископат и уже осуществлённый брачный епископат — только внешний знак сдвига народного миросозерцания, ослабление монашеской идеологии, господствовавшей в церкви в течение целых тысячелетий. Для успеха церковного дела в обществе необходимо разработать и ввести в сознание новое, материалистическое понимание христианства, т. е., если монашество отвлекало человека из мира, от действительной жизни в монастыри, в мир идей, душевных переживаний, то теперь необходимо разработать теоретически и показать на деле, практически, осуществление православного христианства в жизни, в обыкновенной

человеческой деятельности, силой личного подвига и самопожертвования ввести христианское влияние в общественную жизнь во всех её областях. Нужно воспринять революционное миропонимание, революционные стремления общества и оживить их и укрепить бодрящим влиянием христианства и его непоколебимой верой в торжество добра и правды.

Пресвитерское управление, необходимое для церкви в целях возвышения нравственного авторитета епископа, едва только входит в жизнь. В нём одном содержится священный принцип соборности и ликвидации единоличного деспотического владычества, от кого бы оно не исходило. В осуществлении этого лозунга залог развития церковных сил, церковного творчества всех живых душ, как духовенства, так и мирян, и для этого необходимо объединение этих революционных сил, сплочение их, дисциплинирование, сознательное отношение к делу церковной революции.

Единая церковная касса, против которой сильно восставали, остаётся единственным выходом из той церковной разрухи, в которой мы ныне находимся. Никто не желает посягать на чужие деньги, но в интересах церкви необходимо добровольное объединение церковных средств для достижения общецерковных просветительных, административных и археологических задач. Объединение средств и ликвидация права единоличной собственности на церковные средства — решительно необходимо для поднятия пастырского авторитета, освобождения духовенства от своевременного порабощения.

Группа всегда надеялась на духовенство рядовое и низшее; оно наиболее близко к революционным трудовым слоям народа. Оно и теперь пробуждает в нём пастырское сознание, церковное чувство, зовёт его стать во главе нарождающегося религиозного движения, — в полном убеждении, что кроме него некому руководить этим движением, а в самом духовенстве, задавленным вековым гнётом монашества и дворянства — но ещё живы, ещё велики могучие нравственные силы, достаточные для выполнения исторических задач современного движения.

Таковы внутренние силы, движущие нашу группу. Сама же программа церковных реформ всем известна — она напечатана в № 10 нашего журнала «Живая Церковь».

Слово предоставляется протоиерею Чернявскому с Ростова-на-Дону (принадлежит группе СОДАЦ). Соглашаясь принципиально с докладом архиепископа Александра Введенского, протоиерей Чернявский восстаёт против анархичности его взгляда. Считает необходимым сохранить гаммы, по которым могло бы строится религиозное творчество.

РЕЗОЛЮЦИЯ Поместного Собора.

«Священный Собор Православной Русской Церкви, заслушав доклады намеченные церковно-обновленческими группами о церковных преобразованиях, считает необходимым, не вводя никаких догматических и богослужебных об-

щеобязательных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно охранять единство Церкви; благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности».

Молитва.

Протокол заседания Всероссийского Священного Собора 1923 года.

(Вторник, 8-го Мая 1923 года.)

Молитва. На повестке дня – доклад протоиерея А. Диаконова «Об управлении Русской Православной Церкви».

В своем докладе протоиерей Диаконов излагает выработанный им проект церковно-приходской жизни, основанной на принципах нового церковного строительства, проект положения об Высшем Церковном Управлении, о его организации и составе, проект положений об епархиальных управлениях, викариальных управлениях, благочиннических советах.

После некоторого обмена мнений 2-й Всероссийский Поместный Собор ПОСТАНОВИЛ: изложенное докладчиком положение принять с поправками, внесёнными гражданином Новиковым по вопросу о благочинических советах и протоиереем Боярским о трудовом принципе в церкви, о диакониссах и о создании приходской единицы.

Председатель Собора после зачтения и принятия настоящего постановления объявляет перерыв на 15 минут.

После перерыва от имени президиума Собора делает внеочередное заявление секретарь Собора А.И. Новиков.

Президиум Поместного Собора, во внимание к трудам протоиерея В.Д. Красницкого в деле церковного обновления, 7 Мая сего года, постановил предложить Священному Собору назначить протоиерея В.Д. Красницкого архиепископом Петроградским. Предложение принимается единогласно при шумных знаках одобрения.

Протоиерей Красницкий благодарит Поместный Собор за высокий знак внимания к его трудам.

По его словам, в этом выражается особое одобрение всей группе «Живая Церковь» за все труды и за все подвиги, совершённые её членами в великом деле обновления Православной Церкви. От имени всей группы благодарит он Священный Собор, будучи представителем объединения среднего и низшего духовенства и трудовых слоёв верующего народа. Желая сохранить тесную и глубокую связь со всеми членами группы, прот. Красницкий от предложенной ему чести высокого звания архиепископа Петроградского определённо и решительно отказывается.

Весь Собор и все присутствующие гости поднимаются и торжественно несмолкаемо поют пр. Красницкому «Многая лета».

В виду отказа пр. Красницкого, секретарь Собора Новиков от имени Президиума Собора предлагает ему звание протопресвитера Православной Российской Церкви. Шумные голоса одобрения – «просим... протопресвитера всея Руси», Собор вновь поднимается и вновь поёт протоиерею Красницкому «Многая лета». Пр. Красницкий благодарит Священный Собор, принимает звание протопресвитера Православной Русской Церкви и в свою очередь возглашает многолетие православному рядовому белому духовенству и трудовому верующему народу.

Выборы пленума высшего совета Российской Православной Церкви.

Пленум состоит из 18 человек и составлен по принципу пропорциональности группировок: 10 членов от группы «Живая Церковь», 6 – от Союза Общин Древле-Апостольской Церкви и 2 – от Союза Возрождения.

Пленум состоит из следующих лиц: Митрополита Антонина, Митрополита Петра Блинова, протопресвитера Красницкого, архиепископа Александра Введенского, протоиерея Добронравова (ныне Епископ Дмитровский), протоиерея П.Красотина, протоиерея Дикарева, протоиерея Боярского, протоиерея Боголюбского, архиепископа Петра Воронежского, архиепископа Димитриевского (Сибирь), прот. Д.Адамова, протодиакона Доброва, прот. Шаповалова, прот. Диаконова, протоиерея Соловьёва, протоиерея Канарского, мирянина Новикова.

Кандидаты к ним: протоиереи Мещерский, Раевский, Волков, Трубин, Журавский, Митрополит Николай Федотов, священник Суворов, мирянин Владимир Николаевич Львов, профессор Покровский, псаломщик Радонежский.

Пленум В.Ц.С. утвержден Собором единогласно.

На повестке дня стоит вопрос об ***«Автокефалии Украинской Церкви»***.

Вопрос об автокефалии, принципиально решённый Президиумом Собора в положительном смысле, выдвигается на утверждение Соборного Пленума. Председатель предоставляет слово докладчику профессору протопресвитеру Филевскому. В докладе изложены в исторической перспективе причины, требования и мольбы Украины об автокефалии.

Открываются горячие прения. Особенно резкими оппонентами против автокефалии выступают архиепископ Пётр Воронежский и гражданин Новиков. Очередное слово предоставляется протопресвитеру Красницкому.

«Автокефалия Украинской Церкви, – говорит прот. Красницкий, – имеет исключительно внешний, формальный, административный характер. Посмотрите на представителей Украинской церкви. Это в полном смысле наши братья, это плоть от плоти и кость от костей наших. Если они желают самостоятельного назначения своих епископов, то в этом не нужно видеть никакой опасности, ибо они просят этого права, тогда как могли бы взять самостоятельно, революционным путём.

Они переживают особенно тяжёлое время борьбы с самовольной иерархией — липковщиной, и им нужно развязать руки, им нужно дать всю возможность, всю полноту власти, чтобы восстановить нарушенное церковное единство, восстановить общецерковную связь, и если для этого нужна формальная автокефалия — её нужно непременно дать. Но особенно упрощается вопрос об Украинской автокефалии, если принять во внимание, что Украинская церковь соединена единой групповой связью, уставом «Живой Церкви» со всей обновленческой Россией. Украина и Россия имеют единый Центральный Комитет группы «Живая Церковь», связываемый добровольными нравственными узами, которые сильнее всяких официальных и юридических. А потому вполне признаётся справедливым требование Украиной церковной автокефалии и, не видя в этом никакой опасности, я предлагаю Священному Собору автокефалию Украинской Церкви благословить и выдать им особую грамоту».

Снова открываются прения. Заседание принимает бурный характер, вносятся и зачитываются два предложения: 1) признать автокефалию принципиально допустимой, отложив решение до следующей сессии Собора; 2) предоставить ограниченную автокефалию (огранич. санкционирование от ВЦС намеченных на местах епископов).

Вопрос ставится на голосование. Большинсвом принимается первое предложение. Деловые Соборные Заседания Председателем Собора закрываются.

ЗАКРЫТИЕ СОБОРА.

В среду 9 Мая в 3 часа дня в храме Христа Спасителя состоялось торжественное молебствие по случаю закрытия Всероссийского Поместного Собора Российской Православной Церкви. Во время молебствия Сибирский епископ Александр произнес речь, в которой сказал: «Наш Собор только первое звено в длинном пути — впереди предстоит длинная и упорная работа за устроение церкви на новых началах». В единсве закончившегося Собора епископ Александр видит признак того, что эта борьба с церковной реакцией закончится полной победой.

Поместный Собор 1923 года. М. 1924.

№ 21

Воззвание Святейшего Патриарха Тихона и группы иерархов Православной Русской Церкви к верующим об отмежевании Церкви от контрреволюции (08. 1923.)

Ныне Церковь решительно отмежевалась от всякой контрреволюции. Произошла социальная революция. Возврат к прежнему строю невозможен. Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они не жили – дома или за границей, которые вспомнили о Ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы Ею (Церковью) воспользоваться для своих личных политических целей. Церковь признаёт и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога. Церковь возносит молитвы о стране Российской и о Советской власти. Православные епископы убеждены, что смута церковная прекратится только тогда, когда будет восстановлен канонический строй церковного управления и когда верующими в точности будут соблюдаться касающиеся Церкви законы государства.

Православное Церковное Управление прежде всего не должно вмешиваться в жизнь тех общин, которые не выразят свободного и добровольного согласия подчиниться его руководству. Православные общины, сознающие необходимость для них иметь законно-преемственную иерархию, сами вступят в духовный союз с Православным Церковным Управлением. Православное Церковное Управление должно считать для себя обязательным соблюдение церковных канонов и законов Российской Республики. Государственный строй Российской Республики должен быть основой для внешнего строительства церковной жизни. Церковь переживает важный исторический момент. Поэтому от всего церковного общества требуется проявить возможно больше церковной сознательности. Этой сознательностью должны, прежде всего, обладать руководители церковной жизни. Священники обязаны подробно выяснять себе и своим пасомым, что Русская Православная Церковь ничего общего не имеет с контрреволюцией. Долг пастыря довести до сознания широких масс верующего народа о том, что отныне Церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на стороне Советской власти.

(Подписали: Патриарх Тихон; Серафим Александров, архиепископ Тверской и Ржевский; Тихон Оболенский, архиепископ Уральский и Покровский; Иларион Троицкий, архиепископ бывший Верейский).

Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С. 296–298.

№ 22

Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание»). 14 апреля 1925 г.

Божией милостию, Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея Церкви Российския.

Благодать вам и мир от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжёлую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода.

Вступая в управление Русским государством, представители Советской власти ещё в Январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашённый Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу и в том числе и нашей Православной Церкви, права и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает прав общественного порядка и прав других граждан. А поэтому мы в своё время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и Рабоче-Крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устрояются», и принять всё происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против неё.

Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в её трудах для общенародного блага. Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть — действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть, а потому проч-

ная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковно-приходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренно расположенных к Советской власти. Деятельность православных общин должна быть направленна не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги Святого Православия – сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред Ей. Враги Церкви прибегают ко всякого рода обманным действиям, понуждениям и даже подкупам в стремлении достигнуть своих целей. Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где из 350 находившихся там церквей и монастырей осталось всего лишь 50. Остальные же или закрыты, или обращены в костелы, не говоря уже о тех гонениях, каким подвергается там наше православное духовенство.

Ныне Мы, с милостию Божией оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией, призываем вас, возлюбленные братья-архипастыри и пастыри, осудив ещё раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против неё умышления, мятежи и всякую против неё вражду, разделить Наш труд по умиротворению паствы Нашей и благоустроению Церкви Божией.

В сознании лежащей на Нас обязанности блюсти чистоту жизни Церкви, первее всего ищущей спасения людей и осуществления в жизни вечных Божественных начал, Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдаётся без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу Первосвятительского служения Нашего благословляем открыть действия особой при Нас комиссии, возложив на неё обследование и, если понадобится, и отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду Православного Собора.

Вместе с этим с глубокой скорбью Мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри, по разным причинам покинули Родину, занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви. Пользуясь Нашим именем, Нашим авторитетом церковным, они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у Нас нет с ними связи, как это утверждают враги Наши, они чужды Нам, Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам Нашей Церкви действуют от Нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о Её благе. Не благо принёс Церкви и народу так на-

зываемый Карловицкий Собор, осуждение коего Мы снова подтверждаем, и считаем нужным твёрдо и определённо заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с Нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора. Во избежание тяжких кар Мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией.

Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному православному сознанию. Особой комиссии Мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей и в особенности митрополитов: Антония (Храповицкого) – бывшего Киевского, Платона (Рождественского) – бывшего Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться Нашему призыву вынудит Нас судить их заочно.

Наши враги, стремясь разлучить нас с возлюбленными чадами, вверенными Богом нам – пастырям, распространяют ложные слухи о том, что Мы на патриаршем посту не свободны в распоряжении словом Нашим и даже совестью, что Мы засилены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения с паствою, Нами ведомою. Мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе Нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать Нашу Святительскую совесть и наше патриаршее слово. Небоязненно и с великим упованием взирая на грядущие пути Святого Православия, Мы смиренно просим вас, возлюбленные чада Наши, блюсти дело Божие, да ничтоже успеют силы беззакония.

Призывая на архипастырей, пастырей и верных Нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова Апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, – сущеетвующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).

Вместе с этим Мы выражаем твёрдую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит Нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст Нам возможность преподавать детям Наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы.

Всех же вас да укрепит Господь в преданности Святой православной вере, Церкви и Её иерархии.

Патриарх Тихон.

7 апреля 1925, г. Москва, Донской монастырь.

Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С. 361–363.

№ 23

Письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому). 12. 1929.

Ваше Высокопреосвященство, простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего Высокопреосвященства. Мне сообщают о тяжёлых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что (с должностью – Ред.) (нрзб.) заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл и в то же время был жив митрополит Агафангел. Поэтому же я и не счёл нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании местоблюстителя, таких больших шагов церковное сознание, конечно, одобрить не может. Не допустил я оговорок, ограничивающих обязанности замстителя, и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам, и прежде всего к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость. Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению: о чём раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от иерархов и мирян. Картина церковных разделений изображается потрясающей. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению, побуждая обратиться к Вашему Высокопреосвященству с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в унизительное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию её предстоятелей. Равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия. Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе

настроение в Церкви и успокоит измученные души чад её, а по отношению к Вам для общего нашего утешения сохранит то расположение, каким Вы заслуженно пользовались и как церковный деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами. Со своей стороны я, как первостоятель Церкви, призываю всех священнослужителей и церковных деятелей проявить во всём, что касается гражданского законодательства и управления полную лояльность. Они обязаны беспрекословно подчиняться правительственным распоряжениям, если те не нарушают святой веры и вообще не противны христианской совести; и не должны заниматься какой-либо противоправительственной деятельностью, не должны выражать ни в храмах, ни в частных беседах ни одобрения, ни порицания их действий и вообще вмешиваться в дело, не относящееся к Церкви. Смею, однако, надеяться, что действительность не может указать среди представителей православного епископата и клира случай подобной нелояльности. Ни в моё непосредственное управление, ни после не было слышно ни об одном политическом преступлении со стороны духовных лиц. Если бы эти преступления имели место, то, надо полагать, виновные подверглись бы гласному судебному процессу; но на судах политических преступников не упоминается о представителях духовенства. Я охотно готов признать, что и само правительство давно убедилось в аполитичности Православной Церкви, и Вы, Владыка, можете себе представить: с каким воплем у нас должны отнестись священнослужители, особенно томящиеся в тюрьмах и ссылках, к голословному заявлению о словах и делах, а затем и о постигшей многих горькой участи. Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел. О себе лично скажу, что я прошёл все виды страданий, которые можно себе представить, казалось, что у меня одно время года – время скорби, но Господь, видимо не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжёлыми условиями изгнания, и вносит в душу упокоение, которое, если и отравляется, то только болью о Церкви. Милость Божия да будет с Вами, Вашего Высокопреосвященства Послушник

М(итрополит) П(ётр).

Акты Святейшего Патриарха Тихона. М. 1994. С. 681–682.

№ 24

Перегибы в отношении религиозных чувств верующих*.

24 Апреля 1930 г. Совершенно секретно.

Процесс коллективизации и ликвидации кулачества как класса сопровождались на местах стремлением «ликвидировать» административными путями религиозные верования в крестьянстве. Это нашло выражение или в прямом закрытии церквей, или в обложении их непомерными налогами, или в «раскулачивании» служителей культа без полного к тому экономического основания, или же просто в издевательствах над служителями культа и церковными реликвиями. Такая политика вызвала резкое недовольство крестьянства и содействовала подрыву колхозного движения. Приводим илллюстрации.

Череповецкий округ – 2 Марта закрыта Крестовоздвиженская церковь Белозерского района. Секретарь ячейки КСМ Серов и председатель поселкового товарищества обыскали иеромонаха при церкви Пазгалева по дороге последнего в Череповец, сняли с груди крест, отняли антимис и съели «святые дары», которые были у Пазгалева на груди.

В Пустынском сельсовете Мяскинского района происходило собрание крестьян, на котором вынесено постановление о закрытии церкви с вызовом «на соревнование Ленинграда».

В Ольховском сельсовете Мяксинского района председателя сельсовета провёл опись имущества священника, изъяв нагрудной крест в «фонд индустриализации». То же сделано со священником Выскинской церкви Фергантовым.

В середине Марта в камеру помпрокурора по Устюженскому участку явилась делегация женщин из 11 деревень в числе 28 чел. и потребовала немедленного освобождения осуждённого судом по ст.74 священника Добролюбова. Мотивы – «батюшка» сидит невинно. После разъяснения делегация успокоилась и вернулась домой.

В Семутинском сельсовете при проведении коллективизации и закрытии церкви работники сельсовета и уполномоченный райисполкома произвели расстрел иконы Николая Чудотворца, запугивали арестом за отказ подписать контракционный договор и т.п. Осуждены по ст.109 УК на разные сроки.

Новгородский округ – привлечён к ответственности начальник райадмотдела Иванов и бригадники за закрытие церкви. Попытки к закрытию церкви были в ряде районов, но «не увенчались успехом».

** Из докладной записки руководителей административных органов Ленинградской области председателю облисполкома И.Д. Кодацкому о нарушениях законности при проведении коллективизации весной 1930 г.*
Докладная записка направлена также в Ленинградский обком ВКП(б), в наркоматы юстиции и внутренних дел.

«За последнее время мы имеем повальный отказ верующих от церквей, потому что их задавили налогами, на одном из президиумов окружного исполкома сразу рассматривалось 14 таких дел». (Из речи т.Бриллиантова – окружной адмотдел – на совещании новгородских судебно-прокурорских работников).

«В Новгороде три попа живут в одной квартире и с каждого из них берут плату за всю квартиру». (Из речи т.Торопова – ГПУ – на новгородском совещании судебно-прокурорских работников).

Новолочским сельсоветом Броницкого района было предложено обновленческому попу Матецкому внести в кредитное товарищество в однодневный срок 250 руб. и освободить амбар для хранения семфонда. Поп в связи с этим выехал из прихода, а сельсовет обратил взыскание на швейную машину и тарантас, сдав их в райисполком.

Три попа – Богоявленский в селе Броницы, Антоновский в рабочем поселке «Фабрика Пролетарий» и Назарецкий в дер.Белая гора – обложены на 350, 600 и 250 рублей. Эти суммы внесли прихожане.

В Сухлореченском сельсовете Чудовского района псаломщику Налюцкому вручили повестку следующего содержания: «Доводится до вашего сведения, что согласно постановления собрания бедноты вам предлагается бросить свою службу в культе верующих (псаломщика) в трехдневный срок со дня получения данной повестки, если же это постановление не будет исполнено, то все имущество, принадлежащее вам, будет конфисковано в пользу государства». Подпись председельсовета.

В том же Чудовском районе раскулачили 3 сестёр, быв. монашенок, в возрасте 60–71 лет, отобрали всё носильное бельё, продукты питания, два ведра и серебряную ризу, а более ценное имущество оставили. Ведется расследование.

Лужский округ – закрытие церквей происходит в большинстве случаев не вследствие антирелигиозных убеждений, а вследствие обложения непосильными налогами (выступление т.Александровича на Лужском совещании судебно-прокурорских работников).

Церковные двадцатки коллективно отказываются от дальнейшего пользования церквями, ссылаясь на тяжесть налогов и меньше на убеждения (сообщение т.Миньковича, Гдовский район, на совещании райадмотделов 24.III- с.г.).

Двадцатками до настоящего времени сданы 9 церквей, ссылаясь на то, что нет возможности уплачивать налоги (сообщение т.Федорова, Рудненский район, на том же совещании). Двадцатки подают заявления об отказе от церквей, ссылаясь на то, что налог и страховые платежи непосильны (сообщение т.Жукова, Лядский район, на том же совещании).

Боровичский округ – Устрицкий сельсовет Мошенского района раскулачил попа Сорокина и предложил выехать из района. Сорокин земли

не имел, и оснований к раскулачиванию не было. По протесту прокурора вещи Сорокину вернули и высылку отменили.

В Чернятском сельсовете Ореховского района ввиду эпидемии тифа сельсоветом было дано распоряжение о недопущении в церкви отпевания покойников и о выселении попа из пределов сельсовета, что последний и сделал, переехав в Пестовский район. Эти распоряжения вызвали брожения среди крестьян 5 сельсоветов. 30 Марта 500 крестьян явились к церкви и после разъяснений о неправильных действиях сельсовета мирно разошлись...

Кулацкий террор против колхозного движения и случаи сопротивления крестьянства ликвидации кулачества.

...В Березовском сельсовете Порховского района 2 Апреля при попытке милиции и ГПУ арестовать 3 чел. из церковной двадцатки за противодействие мероприятиям, связанным с распродажей имущества служителей культа за неплатеж налогов и сборов, населением было оказано сопротивление и арестовать не удалось. Толпа около 400 чел. прогнала представителей района и бригадников, разгромила канцелярию сельсовета, выставила около 70 чел. вооружённой охраны. На место для расследования выехал зам.окружного прокурора и зам.председателя окружного отдела ГПУ, представитель обкома ВКП(б) Яковлев и представители партийных и советских организаций Порховского района. По дороге из Порхова в Березовку бригада встретила разведчиков. По прибытию этих представителей в сельсовет у церкви уже была толпа в 300 чел., через час увеличившаяся до 700 чел. На предложение выделить уполномоченных для переговоров толпа потребовала, чтобы комиссия сама пришла к церкви. На повторное предложение комиссии был получен тот же ответ. Однако, постепенно у здания сельсовета образовалась группа граждан до 50 чел., с которыми и началось выяснение обстоятельств. Постепенно толпа у сельсовета увеличилась до 350 чел., остальные оставались у церкви. Толпа предъявила те же требования, что и ранее сельсовету – не закрывать церкви (хотя такого намерения и не было), возвратить имущество дьякона, проданное за неуплату налога, снять опись с имущества попа за неуплату индивидуального налога, с добавлением, чтобы в будущем не были арестованы ни поп, ни дьякон, ни члены двадцатки. После 4-часового разговора комиссия организовала следственную бригаду в составе пом.прокурора Ходинского, председателя Порховского горсовета Михайлова, зам.начальника ГПУ Гусева, от обкома ВКП(б) Яковлева и ещё несколько человек – членов партии. Расследование ведется...

Прокурор Ленинградской области Кондратьев
Председатель Ленинградского облсуда Грибов
Начальник обладмотдела Клюсек

ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.88. Д.9. Лл.16-19, 34-35. Заверенная копия.

№ 25

Телеграмма митрополита Алексия И.В. Сталину и ответ на неё.

13 Мая 1943 г.

Москва. Кремль. Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Ленинградская Епархия, выполняя данное Вам обещание всемерно продолжать свою помощь нашей доблестной Красной Армии и осуществляя Ваш призыв всячески содействовать обороноспособности нашей Родины, собрала и внесла дополнительно к ранее перечисленным 3 682 143 рублям ещё 1 769 200 рублей и продолжает сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Духовенство и верующие преисполнены твёрдой веры в близкую победу нашу над злобным фашизмом, и все мы уповаем на помощь Божию Вам и русскому воинству под Вашим верховным водительством, защищающему правое дело и несущему свободу нашим братьям и сестрам, подпавшим временно под тяжкое иго врага. Молю Бога ниспослать отечеству нашему и Вам Свою победительную силу.

Алексий Митрополит Ленинградский.

ЦГА Спб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 693. Л. 116. Заверенная копия.

Телеграмма И.В. Сталина от 17 Мая 1943 г.

Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской Епархии, собравшим кроме внесённых ранее 3 682 143 рублей, дополнительно 1 769 200 рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин.

ЦГА Спб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 4. Л. 15. Заверенная копия.

№ 26

Письмо псаломщика С.Д. Плескача митрополиту Алексию о положении Церкви во время оккупации (1944 г.).

Его Высокопреосвященству, Преосвященнейшему Алексию митрополиту Ленинградскому

25 Января 1944 г.

...В 1942 году был расцвет деятельности в Гдове, не имея русских священников, сюда начали приезжать вновь рукоположенныя Иерей, которые покрыли свою славу, как варвары, развратники и шпионы в пользу немецкой охраны. Первый священник был Роман (фамилии не знаю).

Этот священник никогда не имел представления о церковной службе. Первым делом он занялся шпионством и выдал немало людей, преданных русскому делу, и это понятно, ибо он бывал в домах, где крестил детей, а ведь мы знаем, что некрещённых детей были тысячи, поэтому он знал некоторых (из этих людей) настроение. Не только во Гдове, но потом поездки стал делать с Федором Ивановичем Юдиным[1] и по всему Гдовскому району, т. е. ездил за 60 км и д.

По каким соображениям, я не знаю, но в городе Гдове ему надоело и он взял Крапивницкий приход и заделался акушером и принимал больных. Тогда как он был плохим монтёром. Здесь нужно остановиться о его деятельности и преступлении. Могу только сообщить, что местные крестьяне, жаждав утехи в священниках и наставниках, ошиблись и получили безбожника в полном смысле этого слова и выгнали за распутство с прихода с треском и музыкой.

Так как Псковская губ. была оккупирована немецкими войсками, следовательно вся власть церковная перешла к Митрополиту Экзарху Сергию (из Москвы). Лично я не видел Митрополита Сергия, но фотографию видел. Это тучный человек и с большим самолюбием, властью и славой. Доверенная власть со стороны немцев была огромна. Везде, где он появлялся, были триумф и был тут вершитель судеб, не только на оккупированных областях, но и на гор. Ленинград и чуть ли на Всероссийский патриарший престол.

Тут была заминка, кого поминать на ектеньях? Во время службы русские священники, которые имели совесть, поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а Литовские священники поминали только одного Сергия и Архиепископа Нарвского Павла[2], т. к. Павел и гор. Нарва – Латвия (Эстония). Однако всем было известно, что Псковская Епархия принадлежит к Ленинградской Епархии, следовательно нужно поминать митрополита Алексия. Получился раскол. И служили так – кому как вздумается.

В Пскове после занятия немецкими войсками образовалась православная миссия, т.е. спасители русских храмов и христиан. Во главе миссии назначен Митрофорный протоиерей Кирилл Зайц[3]. Отец Кирилл – человек старый и от души добрый. Он никого не слушает – сам везде бывает и следит за делом и укажет то, что нужно сделать. По образованию, он миссионер, за что имеет заслугу по этим трудам. За свою деятельность побывал во всех частях света и хорошо владеет языками. Ему 78 лет, но он бодр и хорошо сохранился. Я лично бывал в миссии. Она находилась около Троицкого Собора – единственного, которого я видел за свою деятельность в церковной жизни. Миссия не только наблюдала за храмами, но и назначала вновь рукоположенных священников на те места, куда требовалось и где были исправные храмы. Конечно миссия разбирала и споры, ибо на въезд в Латвию требовалось особое разрешение немецкого командования.

В 1942 г. миссия взяла правление в свои руки. Она назначала и благочинных на все округа. Так: Гдовский, Порховский, Дновский, Гатчинский. В Гатчине был Александр (не помню его фамилия)[4]*, но он был в Никольском соборе ключарем при настоятеле о.Павле. Теперь он в 1942 г. немецкими властями казнён.*

Во Гдове был самый ярый приверженец к Митрополиту Сергию Иоанн Легкий[5]*.*

Этот молодой священник был проповедником, с одной стороны, и собирателем сплетен – с другой стороны. Его проповеди заключались – «Россия в безбожестве». Называя русских сатаною на земле, он ненавидел в душе не только христиан, но и духовенство русское. Всюду где бы он ни был, он всегда в разговоре проводил линию, как бы поскорее поехать в Ленинград и занять настоятельство в одном из видных столичных соборов. А те настоятели, которые сейчас – безбожники. С приездом благочинного Иоанна Легкого, появился другой – Виктор Першин. Этот священник был до рукоположения старшим кондуктором в трамвае в гор. Риге и пел в духовом хоре. Всё же правильно давал возгласы, а не мог разбираться в самых простых службах. Он на рожд[ество] Христова ухитрился начать службу с «благослови душе моя Госп[оди]», пропустив всю важность службы. На крещение тоже самое. Я невольно тут вспомнил настоятеля о.Павла, что было бы, если б это случилось в Никольском нашем соборе!

Когда-то до войны 1914 года в Новом Петергофе служил дворцовым священником Владимир Ирадионов[6]*. Снял сан в обновленчестве. Этот священник окон[чил] духовную Академию и Император[ский] Археологический институт, был взят князьями к себе служить и одарён всеми милостями и богатством того времени, последовала ссылка. Пробыв 10 л[ет] в ссылке он очутился на воле.*

Вначале он был беженцем в г.Луге, а потом пошел разыскивать потерянную семью. Прибыв во Псков, здесь он встретил и протодьякона Федора Ивановича Юдина, который помог ему найти семью в Гдовском районе. По приезде во Гдов он действительно нашел свою семью: жену, внука и дочь. Естественно, что он остался во Гдове, где стяжал к себе любовь христиан и всего прихода. Так как он был человек с большим образованием, то легко понять его уменье подойти к вопросу по служебному делу и любовь прихода. К 25 Сентября его послали в Ригу к Владыке Митрополиту Сергию с поздравлением с днём ангела и преподнести ему в подарок 5 тысяч рублей. Он (Митрополит) благодарил, но слежка за этим протоиереем была усилена, и благочинный Иоанн Легкий ищет время, чтобы его обличить в том, что когда-то он снял сан, а теперь он вновь служит. Собственно он не отвергает в том, что он всем говорит, что он служил в Стрельне. Я же его там никогда не видел. Может быть знает настоятель нашего собора о.Павел?

В бытность мою в гор. Гдове в качестве регента и псаломщика, мне пришлось пережить всевозможное течение народа. Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые, вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда всё было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и я чувствовал, что здесь люди искали утешение. Отсюда и понятно, что от духовенства требовалось особое внимание к народу и большое знание. А тут получилось наоборот. Один священник был развратник и шпион, а другой – Виктор Першин – был спекулянт. Он умудрился возить дрожжи на самогон и другие предметы первой необходимости, т.е. из России возил продукты, а из Риги – товары. Но где-то с товарами попался при обыске и он более в Россию не возвратился. После я слышал, что будто он был в Порхове священником, но это только для меня был слух. Лично я сам, имею музыкальное образование и некоторый дар к писанию музыкальных сочинений. Дана мне была задача: написать трехголосное сочинение литургию и всеночную, и я написал. Это трехголосное сочинение исполняли, когда мы, т.е. я, Фёдор Иванович Юдин и Виктор Першин , разъезжали по Гдовскому уезду. Исполнялось как во время службы, так и в деревнях среди народа и крестьян. Христиане конечно были очень благодарны.

Близ Гдова есть Николо-Конецкий погост. В 1943 г. туда приехал иеромонах Лин[7] – постриженец Иоанно-Богословского монастыря близ гор. Луги. Он был также в ссылке, но на одре смерти был освобождён. Где он был ещё и где скрывался? Но сюда он приехал из села Заянье, приехал потому, что там его беспокоили партизаны, а главное, тут было похлебней и приход был исправный и побогаче. Когда он приехал, то здесь не оказалось руков[одителя] хора (псаломщика). В Гдове мне тяжело было жить, а поэтому я с радостью переехал в Каменно-Конецкий приход, с разрешения Начальника миссии о.Кирилла. Это было 13-го Марта 1943 года.

Прошло с тех пор, как я покинул свой гор. Ленинград, 3 года. За три года плена видел всяких людей. Некоторые русские люди стали подражать немцам в жизни и в обиходе.

Русские люди стали изворачивать русский язык. Стал русский язык чуждым, стремясь вкладывать немецкие отдельные слова. Но так как из русского природного человека не скоро сделаешь немца, то в разговоре получались смешные слова и обороты речи. Тому, кому были нужны

немцы, тот их восхвалял в угоду их, а кому были враги, тот думал другое. Особенно духовенство. Духовенство не учло, что они христиане, и в проповедях восхваляли немцев, а ту сторону проклинали, называя безбожниками и предателями русского народа. Педагоги и учителя забегали потому, что их заставили преподавать Закон Божий. А как он будет преподавать, когда он был год тому назад настоящим передовым комсомольцем. Таким образом кадр учителей не был подготовлен, а потому здесь получился полный разрыв.

Перед началом 1943 года в Гдове образовалась комиссия, которая будет проверять знание учителей. Председателем этой комиссии был назначен Анатолий Михайлович Котон. В прошлом и родство я не знаю этого человека, но при разговоре он мне доложил, что он был иподьяконом у Владыки Архиепископа Николая Петергофского. Мать его впадала в крайность на религиозные убеждения, и в знак большой молитвенности она носила образок в виде панагии на груди с мощами преподобного Серафима Саровского. Но всё было гладко, пока было спокойно, а как только появился первый толчок, не в пользу немцев, эти верующие люди оказались предателями не только русского народа, но и православной церкви.

...Духовенства в Гдове находилось всего 3 человека, два священника — Владимир Ирадионов и Ливерий[8]*, вновь рукоположенный, с протодьяконом Федором Ивановичем Юдиным. А в Каменном Никольском приходе был иеромонах Лин. Они были конечно знакомы, но братского отношения к друг другу не имели. Иеромонах Лин, чувствуя за собой монашество и данный обет перед Спасителем, был всегда на стороне церковных канонических законов, тогда когда Гдовские имели только духовную личину, а в самом деле имели сатанинское намерение.*

Примерно в Мае месяце 1943 г. Гдовское духовенство прекратило поминать на ектеньях митрополита Алексия. Почему прекратило, мы не знаем, но прекратило, а иеромонах Лин продолжал поминать. Тогда его вызвали в Гдов, но он не поехал, а поехал я, и мне там дали такой выговор, что приходится теперь вспоминать с удовольствием.

После я узнал от протодьякона Ф.И. Юдина, что будто бы были какие-то листовки за подписью Владыки к немецким войскам с призывом прекратить бойню. В это время приехал новый благочинный из Латвии Алексий Ионов, который на литургии не поминал нашего митрополита, а только Сергия. Как только кончилась литургия и когда христиане подходили к кресту — не знаю почему, между иеромонахом Лином и новым благочинным получилась перекидка и иеромонах Лин пред всем народом уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах, за что иеромонах Лин чуть не поплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось. Однако положение было такое, что духовенство задумало уехать

вместе с немцами. Но как тут быть, ведь ехать за границу нужен пропуск от властей? А власти теперь отвернулись от русских. Нужно тут остановиться перед тем, как уехать за границу. По чьей власти и по какому приказу был приказ изъять оставшиеся церковные ценности? Протоиерей Владимир Ирадионов объявил по всем старостам, чтобы привезли то, что ценное. А они знали, где что есть. С Никольской нашей церкви приказали с Воскр[есения] Христ[ова] иконы снять серебр[яную] ризу, но не вышло дело. Я им не дал. С Павловского прихода – плащаницу с золотой оправой, это им удалось взять. С других приходов тоже забрали. Забрали всё, что возможно. С Гдовской Афанасьевской церкви ухитрились взять более ценные иконы, подаренные давно купцами.

Собрав всё вместе, они задумали вывезти за границу с немцами, но не вышло дело. Поздно было, эвакуация на завтра была в полном разгаре, а потому Гдовскому духовенству не вышло дело обворовать храмы Гдовского уезда. Конечно тут был причислен и иеромонах Лин. Воозвратился назад оттуда, когда власти разрешали на выезд. Получилось так, что теперь немцам не до духовенства. Поэтому протодьякон Юдин бросился ко всем с тем, чтобы помогли выехать, на что было дано разрешение для переговоров не только с эстонскими властями, но и преосвященным Павлом Нарвским, который разрешил приехать в Нарву. Получив разрешение с таким трудом, они выехали, а так как люди не желают оставлять память живую, они всеми силами заставили и меня взять документ на выезд. Но дело не вышло. Я не поехал, ибо я не был в штате духовенства, поэтому я и остался, зная, что в Эстонии будет им всем конец...

Писал доклад и.д. псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского уезда Сергей Дмитриевич Плескач.

Примечания

1. Юдин Фёдор Иванович (17.02.1900 – 28.02.1974) – протодиакон. Получил специальное музыкальное образование. 1919 г. – псаломщик церкви Серафимовского подворья, 1920 г. – псаломщик Петропавловского собора Петергофа, с 06.11.1922 г. диакон этого собора, 1927 г. – протодиакон, 1936-1937 гг. в штате Николо-Богоявленского собора, с 01.03.1938 г. в Князь-Владимирском соборе, 1940 г. – лето 1941 г. – в штате Николо-Богоявленского собора, в кон. 1941 г. – нач. 1944 г. служил в храмах Гдовского округа. Арестован 26.10.1944 г. в г. Таллине. Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа по обвинению в измене Родине 03.01.1945 г. приговорён к 20 годам ссылки на каторжные работы. Освобождён в сер. 1950-х гг. Служил в Рижском Кафедральном соборе, затем в Нарве. В 1958 г. заштатный протодиакон в Ленинграде, с 01.01.1959 г. в церкви Смоленского кладбища. С 1963 г. в Троице-Сергиевой Лавре.
2. Павел (Дмитровский, 15.01.1872-01.02.1946) – архиепископ. В 1894 г. окончил Таврическую Духовную Семинарию, проучился 3 курса в СПб ДА. С 06.05.1898 г. священник церкви с. Ивановское Ямбургского уезда, с 1914 г. военный священник. В 1920-е гг. преподавал Закон Божий в эстонских гимназиях. С 03.10.1937 г. епископ Нарвский. Принадлежал к Эстонской схизме. В 1939 г. воссоединился с Московской Патриархией.

С 25.12.1942 г. архиепископ. В Марте 1945 г. назначен правящим архиепископом Таллинским и Эстонским. В 1945 г. участвовал в Поместном Соборе РПЦ.
3. Зайц Кирилл Иванович (1869-?) – протопресвитер. В 1891 г. окончил Рижскую Духовную Семинарию. С Окт. 1896 г. священник. В 1917-1918 гг. член Всероссийского Поместного Собора. Затем священник в различных городах Латвии, Полоцке, Витебске. В 1930-е гг. протоиерей, настоятель Рижского кафедрального собора, духовный отец филиала «Русского христианского студенческого движения за рубежом» – «Единения русских православных студентов Латвии». С Авг. 1941 г. член Управления Псковской Миссии, с Окт. 1942 г. протопресвитер, начальник Управления. Экзарх предоставил ему право совершать литургию по архиерейскому чину. Арестован 28.07.1944 г. в г. Шауляе. По приговору Военного трибунала НКВД ЛВО за «измену Родине» от 12–15.01.1945 осуждён на 20 лет лишения свободы. Определением Военного трибунала ЛВО от 08.08.1956 г. приговор отменен и дело производством прекращено.
4. Петров Александр Михайлович (ок. 1891–1942) – протоиерей. В 1917 г. окончил СПб ДА. В 1929-1930 гг. священник Преображенской церкви в Урицке (Лигово). Арестован 29.01.1930 г. В процессе следствия обвинение в контрреволюционной деятельности не подтвердилось и 08.03.1930 г. был освобождён. В 1930-е годы служил в Николо-Богоявленском соборе. Оказался на оккупированной территории. В 1941-1942 гг. настоятель Павловского собора в Гатчине. За патриотическую деятельность расстрелян фашистами летом 1942 г.
5. Легкий Иван Саввич – священник. В 1930-е гг. священник Рижского женского Троице-Сергиева монастыря. С Авг. 1941 г. участвовал в работе Псковской Миссии, с Дек. 1941 г. администратор Рижского кафедрального собора, благочинный Рижского округа. В 1942–1943 гг. помощник начальника Управления Псковской Миссии, благочинный Гдовского округа, председатель Гдовского отделения «Народной помощи» – добровольной благотворительной организации. В настоящее время проживает в Аргентине.
6. Ирадионов Владимир Николаевич (30.06.1885- ?) – протоиерей. Окончил СПб ДА в 1907 г. и Императорский Археологический институт. Священник с 02.09.1907 г. Дворцовый священник в Новом Петергофе и Стрельне, с 28.02.1912 г. служил в Петропавловской придворной церкви мызы Знаменка Петергофского уезда. Арестован в кон. 1920-х гг., отбыл 10-летнюю ссылку, в 1930-е гг. снимал сан. С Сент. 1941 г. служил в храмах Гдова. В 1941 г. эвакуирован в Эстонию. В нач. 1945 г. вернулся в Ленинградскую область и 17.01.-11.06.1945 г. был настоятелем Петропавловской церкви в пос. Вырица.
7. Лин (Никифоров Леонтий Никифорович, р.1878) – иеромонах. Постриженец Иоанно-Богословского монастыря Лужского уезда С-Петербуржской губернии. В 1924-1925 гг. настоятель часовни Иоанна Богослова подворья этого монастыря в Ленинграде. Арестован 16.05.1930 г. по обвинению в сокрытии церковных ценностей, сожжении сельской школы. Постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 11.12.1930 г. сослан в Северный край на 3 года. Освобождён во второй пол. 1930-х гг. В 1941-1944 гг. служил в церквях с.Заянье и Николо-Конецкого пог. Гдовского района.В нач.1944 г. эвакуирован в Эстонию. В июне 1944 г. служил в храме с.Лосицы Лядовского района Псковской области.
8. Воронов Ливерий Аркадьевич (1914–1996) – протоиерей. В 1938 г. окончил Ленинградский химико-технологический институт. С 15.11.1939 г. по 01.09.1941 г. числился в его аспирантуре. Оказался на оккупированной территории. В 1942 – нач. 1943 г. псаломщик церкви св. Флора и Лавра в Оредежском районе Ленинградской области. 22.04.1943 г. посвящен в Св.-Троицком соборе г.Пскова митрополитом Сергием в сан диакона, а 26.04.1943 г. в сан священника. Зачислен в штат собора. 28.08.1943 г. переведен в г.Гдов. В нач. 1944 г. эвакуирован в Эстонию. Арестован 22.10.1944 г. в Таллине. Военным трибуналом войск НКВД ЛО 12-15.01.1945 г. приговорен по обвинению в измене Родине к 15 годам лагерей. Освобождён 23.04.1955 г. Реабилитирован 08.08.1956 г. С 02.06.1961 г. преподавал в Ленинградской ДА, с авг. 1965 г. профессор, с 02.10.1986 г. доктор богословских наук.

ЦГА Спб. Ф.9324. Оп.1. Д.7. Л.1об–5. Копия.

№ 27

Письмо Л.Берии – И.В. Сталину с просьбой санкционировать высылку «Истинно-Православных христиан».

№707/б
Совершенно секретно.
7 Июля 1944 г.
экземпляр № 3

ГКО товарищу Сталину И.В.

НКГБ СССР выявлена антисоветская сектантская организация «Истинно-православных христиан», состоящая в основном из бывших кулаков и ранее судимых за антисоветскую деятельность. Группы этой организации имеются в некоторых районах Рязанской, Воронежской и Орловской областей.

Активные участники организации находятся на нелегальном положении, а рядовые участники живут в домах с замурованными окнами, мужчины отпускают волосы, женщины отвергают брак, но в своей среде ведут распутный образ жизни.

Сектанты ведут паразитический образ жизни и проводят антисоветскую работу: налогов не платят, от выполнения государственных обязательств и от службы в Красной армии уклоняются, на вызовы в советские органы не являются, соответствующих документов не принимают.

Из-за боязни советского влияния на детей, участники организации не пускают их в школу и воспитывают в духе враждебности к Советской власти.

Аресты активных участников не оказывают должного воздействия на членов организации в силу существующего у них поверья: «Кто арестован и сидит в тюрьме, тот избран богом, находится на кресте и тому обеспечено царство небесное».

Учитывая разлагающее влияние этой организации на колхозы ряда районов Рязанской, Воронежской и Орловской областей НКГБ СССР принял решение – участников организации «ИПХ» вместе с членами их семей переселить в Омскую, Новосибирскую области, Алтайский и Красноярский края, рассредоточив их там в нескольких спецпоселениях, где они будут находиться под наблюдением НКВД.

Переселению подлежат: из 62 населенных пунктов десяти районов Рязанской области – 416 хозяйств – 1323 человека; из 18 населенных пунктов пяти районов Воронежской области – 99 хозяйств – 274 человека; из 7 населенных пунктов двух районов Орловской области – 22 хозяйства – 76 человек. Всего – 1673 человека.

Переселение будет проведено 15.VII-1944 г. по персональным спискам, составленным УНКГБ Рязанской, Воронежской и Орловской областей, на

основании проверенных данных, подтверждающих принадлежность переселяемых к организации.

Прошу Вашего согласия.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Л.Берия

Основание: докладная записка НКГБ СССР т.Меркулова № 1723/м от II.V-1944 г.

ГАРФ. Ф. Р-940/сч. Оп.2. Д.65. Лл.305-306. Копия.

№ 28

Справка И. Цедилина о деятельности «Истинно-Православных христиан» на территории Воронежской области

Секретно

Заведующему отделом пропаганды управления пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/ тов.Ковалеву С.М.

9 Апреля 1948 г.

По вашему запросу направляем справку о деятельности религиозных групп и сект на территории Воронежской области, а также справку об исключенных из рядов ВКП/б/ за совершение религиозных обрядов за 1946-1947 гг.

Приложение: упомянутое.

Секретарь обкома ВКП /б/ по пропаганде и агитации И.Цедилин

/... / Наряду с официально действующими православными церквами, в области существует большое количество нелегальных групп верующих православного толка, из которых наиболее распространённым течением является «истинно-православные христиане» /сокращенно «ИПХ»/.

«ИПХ» исповедуют православную веру, но не признают ныне действующих церквей, как связанных с «безбожной Советской властью и коммунистами».

Основные кадры «ИПХ» состоят в основном из бывших монашек, монахов, черничек и религиозно-настроенных бывших кулаков.

Течением «ИПХ» более поражены Р.Хавский, Молотовский, Боринский, Липецкий, Грязинский, Лосевский, Подгоренский, Новохоперский, Елань-Коленовский, Н.Усманский, Анненский, Лимановский, Папинский, Лискинский районы.

За 1947 год и 3 месяца 1948 г. Управлением МГБ было вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп «ИПХ» с общим количеством арестованных 50 человек.

В Грибановском районе антисоветской группой церковников руководил проповедник Самойлов Борис Михайлович, 1923 г. рождения, уроженец города Липецка Воронежской области.

Самойлов на территории Грибановского и смежных с ним районов Воронежской области сумел расположить к себе значительное количество верующих из отсталой части населения, среди которых проводил богослужения. Этому способствовало то обстоятельство, что до сентября 1946 г. в Грибановском районе церковь не функционировала, церковные обряды верующими совершались на дому.

Самойлов во время молебствий и бесед с верующими проводил активную агитацию.

Члены группы «ИПХ» систематически участвовали в нелегальных сборищах, где наряду с молениями обсуждали вопросы форм ведения активной деятельности среди населения. Распространяли провокационные разговоры о якобы скорой войне СССР с Америкой и другими капиталистическими странами и гибели в этой войне Советского Союза. В период выборов в Верховные органы Советской власти призывали население не участвовать в них, не работать в колхозах, отказываться от уплаты налогов и госплатежей. Вели работу по вовлечению в антисоветские группы новых участников. /.../

«Иоанниты».

Секта последователей Иоанна Кронштадтского /бывшего протоиерея Кронштадтского собора Ивана Сергиева/.

Члены этой секты исповедуют православную религию, но кроме этого Иоанна Кронштадтского признают как святого и в первую очередь поклоняются ему.

Так же, как и «ИПХ», «иоанниты» не признают ныне действующих церквей, как церквей связанных с Советской властью.

Отдельные группы «иоаннитов» выявлены в городе Воронеже и его окрестностях, а так же в Воронцовском районе. Общее количество «иоаннитов» в Воронежской области не превышает 70-80 человек.

Руководители их среди своих единомышленников ведут антисоветскую агитацию с клеветой на Советскую власть и восхваление бывшего царского строя России. Воронежские «иоанниты» через своих «курьеров» связаны с единомышленниками ряда городов Союза, как-то: Новгорода, Калинина, Харькова и других.

Секретарь обкома ВКП/б по пропаганде и агитации И.Цедилин

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп.125. Д.593. Лл.24, 26-27, 30-31.

№ 29

«Письмо из Советского Союза»

(Из послания группы ленинградских верующих зарубежным русским религиозным организациям).

Осень 1963 г.

С Июля 1961 года борьба с Церковью в Советском Союзе приняла новые беспощадные формы. Сокращается число духовенства. Например, Ленинградское духовенство было сразу сокращено на 40%.

Духовенству запрещено посещать мирян на дому под каким-либо предлогом, кроме смертельной болезни.

Запрещено совершать молебны или какие-либо требы на дому.

Запрещено совершать панихиды, отпевания или какие-либо виды погребения вне церкви.

Ранее в село, где нет церкви, вызывали священника из места, где есть церковь. Теперь это запрещается.

За малейшее нарушение правил священнику грозит лишение регистрации, т.е. возможности совершать богослужения даже у себя на дому.

За служение без регистрации священник карается тюрьмой, или, как теперь часто делают, заключением в сумасшедшем доме. Насколько строго проводится это в жизнь, видно из следующего.

Один священник, по старости находившийся на покое и потому лишённый регистрации, просил у Патриарха разрешить ему отслужить Литургию хотя бы у себя на дому в день пятидесятилетия своей хиротонии. Ему было отказано.

Ранее любой родственник мог принести ребёнка для крещения. По новым правилам только отец может просить о крещении своего ребенка и для того должен обратиться к старосте, указав своё имя, адрес, место службы. Кроме того, за крещение староста должен взыскать крупную сумму. Этим достигается двойная цель: ограничивается число крещений и компрометируется духовенство. Такая же процедура должна совершаться при венчании и церковном погребении.

Процесс закрытия церквей идёт усиленным темпом. В 1963 г. закрыто пять тысяч церквей. В Москве и Ленинграде власти избегают закрывать церкви.

Тем не менее в 1961 г. в Ленинграде закрыта Крестовая церковь, часовня над могилой блаженной Ксении и одна церковь в окрестностях города.

Но притеснения Церкви в Ленинграде всё усиливаются. Люди, приезжающие из Москвы, замечают, насколько в Ленинграде положение более тяжёлое.

Митрополит Пимен не имеет права проповедовать без предварительного просмотра текста проповедей. В Москве таких ограничений нет.

Запрещено служить ранние литургии. Прежде эти литургии служились ежедневно в 7 ч. утра, так что рабочие могли на них бывать и по будням. Всегда было много причастников.

Притеснения против Почаевской Лавры продолжаются. Но всё же под влиянием внимания, проявленного к Лавре на Западе, её не закрыли. Однако там оставлено всего тридцать четыре монаха.

В Апреле 1963 года всем архиереям был разослан правительственный указ. В нём духовенству и старостам предписывается не допускать детей школьного возраста к Причастию. Предписывается при нужде силой удалять детей из церкви. Предвидится, что эта попытка удаления детей из церкви вызовет сильное сопротивление верующих.

Невский Архив. М.-Спб. 1995. С. 155-156.*

№ 30

Из доклада протоиерея А.Медведского Ленинградскому уполномоченному Совета по делам РПЦ Г.С. Жаринову

Конфиденциально

19 Ноября 1963

Представляя настоящий доклад о положении Церкви в Ленинграде, согласно Вашему предложению, считаю долгом оговориться, что настоящий труд является плодом личных наблюдений и размышлений, так что его мысли и выводы не имеют абсолютной ценности и предлагаются лишь к Вашему сведению для лучшего понимания сложившейся в настоящее время церковной обстановки.

Для большего удобства содержание доклада распределено по рубрикам, в которых отражены различные аспекты церковной жизни.

Богослужение

Учитывая современную ситуацию, богослужение в Никольском соборе совершается, хотя и в соответствии с установленными традициями, но без излишней помпезности. Исключения делались для служений ленинградского митрополита и богослужений с участием иностранных делегаций.

**Взято из «Православный Вестник в Канаде»: Ежемесячный церковный печатный орган Канадской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 1964. №8 (20). С.6.*

Как бывший наш митрополит Пимен, так, по-видимому, и настоящий митрополит Никодим являются любителями обстановочного богослужения и за отсутствием иной церковной деятельности придают ему чрезвычайное значение, то есть его внешней торжественности.

В остальное время богослужение в соборе значительно упрощено: прекращены соборные служения акафистов и сокращено их количество (понедельник, вторник и пятницу акаф. не служатся). Литургии по воскресным дням служатся не соборно, а одним священником по недостатку духовенства, необходимого в эти дни для совершения треб. Церковный звон ограничен самыми необходимыми моментами и производится не более 10-15 минут, чтобы не мешать занятиям находящихся поблизости учреждений и учебных заведений, да и для церкви он утратил практическое значение, так как слышен лишь на небольшое расстояние и не может оповещать народ о начале богослужения и его торжественных моментах, и является сейчас лишь отражением далёких традиций.*

Проповедь

Проповедание в соборе значительно сократилось, даже в воскресные и праздничные дни оно не всегда имеет место.

Объясняется это тем, что проповеди необходимо представлять в письменном виде для проверки, что требует затраты времени и труда, да далеко не всякий из нас в состоянии излагать письменно свои мысли.

Со вступлением митрополита Никодима по докладу секретаря Прот. Румянцева, в котором было указано, что роль благочинных сведена в настоящее время только к проверке представляемых проповедей, указанный порядок проповедывания изменён и проповеди в письменном виде будут представляться ежемесячно митрополиту.

*По существу при новом порядке ничего не изменится, разве что священники будут писать свои проповеди ещё с большей осторожностью, так как духовенство уверено, что всякий документ, печатающийся и передаваемый в канцелярию митрополита, незамедлительно отправляется Уполномоченному. Кроме того, следует заметить, что когда проповеди не контролировались, они в подавляющем большинстве и не писались, умирая тотчас по произнесении, а отпечатанные несомненно будут иметь несколько копий, каковые будут направлены для чтения в народ для внебогослужебного чтения**.*

*Проверяя проповеди ленинградского духовенства, как благочинный, я был принуждён остановить своё внимание на проповеди священника Лесновской*** церкви Бориса Тихонравова, в которой последний, по-ви-*

** Это много. [Здесь и далее прим. Г.С. Жаринова]*
*** Виновные в этом будут наказываться.*
**** Лесновская церковь – церковь Воскресения Христова, находившаяся на углу Лесного и Гражданского пр. Снесена в 1968 г.*

димому, с целью усилить свою популярность в народе, обрушился на священников, которые не проповедуют, и в таких выражениях: «они не наставляют, не обличают вверенный им народ, погружённый в невежество своей веры и своих обязанностей, таковых пророк Исаия называет: «псы нелающие, псы немые».*

Получилось, что в данной церкви, где лаял только один Тихонравов, остальное духовенство — это не лающие псы. Такой метод раздувания своей популярности мною признан недобросовестным, и я письменно предупредил о.Тихонравова, чтобы он в дальнейшем в своих проповедях не восстанавливал людей против своих собратьев, а также остерегался нападать и на неверующих. Меня крайне удивило ещё и то обстоятельство, что, по слухам, впрочем, непроверенным, о.Тихонравов не сам составляет свои проповеди, а какая-то из его почитательниц. Проповеди, представленные мне для проверки в 1963 году, показывают их штамповочный характер, по темам они далеки от современности и вряд ли способны оставить после себя сильное впечатление. Впрочем, большая часть настоятелей проповеди не представляли, но их произносили, и судить о их содержании я не имею возможности. Думаю, не ошибаюсь, что причина тому не желание избежать проверки, а самолюбие, которое не позволило им считать себя ниже и малоопытнее благочинного.

Количество и состав молящихся

Я полагаю, что определение состава верующих: их количество абсолютное и по возрастному принципу ни Исп. Органы, ни духовенство сделать не могут и цифры подаваемых отчётов за год не пригодны для объективной статистики.

Обычно в каждом отчёте по храмам количество посетителей определяется на глаз весьма субъективно и в зависимости от религиозного настроения тех, кто предлагает показатели: человек, расположенный к Церкви, обычно преувеличивает цифры, а равнодушный преуменьшает. Так: при определении количества присутствующих в ограде Никол. собора в пасхальную ночь указывались цифры и 10 тыс. и 20 и 30 тысяч, где правда? Более вероятные показатели исходят из вместимости храмов, но и тут, возьмём, например, Никол. Собор, оба его храма вмещают от 8-ми до 10 тысяч, но полными до отказа эти храмы бывают лишь 5-6 раз в год, а в остальное время подсчёт посетителей опять будет на глаз.

С уверенностью можно засвидетельствовать, что подавляющее большинство наших прихожан престарелые женщины в возрасте от 45 и более лет, что мужчины составляют в общей массе не более 10%, а молодёжь, в особенности мужская, это единицы и к общему количест-

---

** Договориться, чтобы проповеди Тихонравова были взяты под особый контроль.*

ву они составят не более 1-го процента. Несомненно и то, что и старики с каждым годом убывают за смертью, а новых пополнением нет. По собору следует учесть и то обстоятельство, что в связи со строительством новых домов по бывшим окраинам города многие семьи получают там квартиры и туда переселяются, выбывая из соборного прихода. Насколько мне известно, количество молящихся по данной причине увеличилось в окраинных церквах: на Охте, у Кул[ича] и Пасхи, в Шувалове и Коломягах.

Самым объективным показателем развития или упадка церковной жизни является финансовый фактор и таковой в соборе показывает неуклонное падение по наклонной плоскости, как и в других крупных храмах Л-да.

Однако и тут надо учесть, что падение доходности не всегда связано в Церкви с падением религиозности. В 1963 году на снижение доходности несомненно повлияло прекращение продажи потребительских просфор, требование адреса при служении молебнов и панихид, а также строгое оформление крещений, весьма возможна и утечка налево.

Требование адресов при служении молебнов и панихид верующие рассматривают не как меру контроля над получаемыми за них суммами, а как психологическое устрашение для желающих помолиться. Поэтому многие перестали заказывать отдельные молебны и панихиды, удовлетворяясь общими, при которых адресов не требуется, но эти люди не выбыли из церкви.*

*Количество крещений падает катастрофически, но и тут желающие видеть детей своих христианами во многих случаях стали обходить возможность обнаружения крестивших: они поручают крещение детей бабушкам, и Церковь таких детей признаёт, так как верует «во едино крещение»**.*

Вообще же верующая масса весьма осуждает требование адресов при совершении треб, но обвиняет теперь не духовенство, а хозяйственников, которых считает агентами гражданской власти. Мне рассказывал Прот. Славнитский такой случай: к нему обратился его прихожанин, которого повенчали в соборе, с просьбой, чтобы он дал справку о том, что это не он венчался, и с этой целью чтобы изменил первую букву его фамилии. Славнитский не согласился, и раздражённый проситель сказал: «Значит, теперь из Церкви гражданская власть устроила ловушку для простодушных».

** Из церкви не выбыли, но доход церкви всё же уменьшился! Это тоже положительный фактор.*

*** Крещение, которое производят бабушки, – не так уж распространено, особенно в городе. Да и крещение это всё-таки не то, что в церкви. Сама церковь к такому крещению относится с пренебрежением и осуждением. Для нас же важно и то, что в этом способе крещения родители, как правило, не участвуют, а совершают его старухи тайно сами и тайно от родителей.*

Как показатель упадка веры мною был в прошлом указан наблюдаемый частый принос различных икон. Теперь их приносят гораздо меньше, что говорит о некоторой стабилизации религиозности.

Контингент молящихся можно подразделить на следующие категории:

1. Постоянные прихожане, живущие поблизости, таковые составляют сравнительно с приезжими из разных мест Ленинграда небольшую часть.

2. Посетители исключительно торжественных богослужений, почитатели митрополитов и архиереев. Это в большинстве бывшие люди из остатков дореволюционной интеллигенции, а иногда и молодые женщины, в особенности тогда, когда архиерей молод и производит впечатление импозантностью своего служения. Обычное, рядовое богослужение они не посещают и оно их не интересует. Перед каждым праздником они осаждают телефон собора с вопросом: будет ли служить владыка или нет. Впрочем, эта категория незначительна по своему количеству в общей массе верующих, но чрезвычайно претенциозна, требует себе особого почёта в церкви и, если такового не получает, то начинет писать жалобы митрополиту.

С каждым новым митрополитом представители данной группы стараются установить личный контакт и в приёмные дни стремятся попасть к нему.

3. Третья группа прихожан — это приезжие из провинции и не только из пригородов, но часто и из далёких мест, даже из Сибири. В Ленинград они прибывают по своим делам и во время такового пребывания являются постоянными посетителями храма, так как в местности, где они на постоянном жительстве, церкви нет.

4. Есть группа верующих, которую можно определить словом «путешественники». Это люди, которые странствуют по всем храмам Ленинграда из одного в другой, а также систематически разъезжают по монастырям и другим святым местам, от которых остались одни воспоминания, бывают даже в «Соловках» и на «Валааме». Чаще же всего эти путешествия распространяются на монастыри: Печерский, Пюхтицкий, Почаевская лавра и Троице-Сергиева. Этот контингент собирает по местам путешествий самые разнообразные сведения и слухи и разносит их по Ленинграду, причём в весьма преувеличенном и даже совершенно неправдоподобном виде. Именно из этого источника поступили сведения о гонениях на Церковь в Почаеве, где богомольцев высаживают из автобусов, запретили коренным жителям принимать их на постой, а монахам не продают хлеба в магазинах и выселяют из монастыря и в других местах не прописывают. В Печёрах и Пюхтицах несколько облегчено положение, так как туда из соображений придержать монастыри Пат-

риархия стала направлять иностранные делегации, которым надо показать монастыри в приличном виде и разгром там приостановлен.*

В частности передают, что епископ таллинский Алексий самолично отстоял перед местной властью колокольный звон и добился удаления репродуктора, направленного на монастырь из занятого под больницу монастырского помещения и смущающего сестёр весёлыми радиопередачами. Это в Пюхтицах. <...>

*Что касается Исп. Органов, то в большинстве это скрытые атеисты, привлечённые в Церковь соблазном лёгкого заработка и отсутствием ответственности по работе, которые в храме появляются на несколько часов раза три в неделю и которые абсолютно не уважаются народом**<...> Свой атеизм скрыть бывает довольно трудно, народ их быстро определяет и считает таковых ставленниками гражданской власти в целях взорвать Церковь изнутри. Впрочем, должен оговориться, что такое настроение в Исп. Органах не везде. Первый признак, по которому народ судит об Исп. Органах, это когда он не видит их молящимися с собою, а лишь подсчитывающими церковную выручку.*

Есть, конечно, в каждом храме костяк православный, который зорко следит за порядками в храме и протестует против нарушений церковных традиций Исп. Органами. Так например, в нашем соборе так называемый «комендант» (должность, до настоящего времени не бывалая в церкви) распорядился на время ремонта завесить иконостас нижнего храма старыми облачениями священников и дьяконов, что вызвало резкий протест, так как традиция церковная требует уважения, хотя бы и к негодным для употребления, священным для неё предметам.

Всякое нарушение: сокращение службы, пропуски всенощных на небольшие праздники и т.п. вызывают оппозиционные выступления знатоков и угрозы митрополитом.

В отношении религиозного сознания огромное преимущество перед православными имеют сектанты, в особенности «баптисты», у которых обучение религии стоит на первом месте, они прекрасно знают Свящ. Писание и каждый из них проповедник, да и настроены они не в пример фанатичнее и гораздо более сплочены между собою. Кроме того, самые их молитвенные собрания это не красочное богослужение, а пропаганда словом и пением сектантских стихов.

Есть и у православных фанатически настроенные элементы, но они здесь в незначительном количестве. Они тоже знают Писание и тоже проповедуют вне церкви, ведут религиозную пропаганду, отсутствую-

---

** Этот тип церковного актива наиболее реакционен и опасен. Важно, чтобы на местах предпринимались меры по выявлению контингентов таких верующих и пресечению их деятельности. Наиболее успешно эти «путешественники-паломники» могут выявляться в местах паломничества.*
*** К сожалению, это далеко не так.*

щую в храмах, большею частью этот элемент верующих принадлежит к разряду путешествующих.

Действие на верующих антирелигиозной пропаганды

Мне вспоминается годовой отчёт одного из настоятелей, который начинался словами: «С настоящего года в церкви начали бить стёкла». Поистине чеховский лаконизм, которым ясно определяется положение в данной местности. К сожалению, такого рода вульгарная пропаганда наблюдается и в Ленинграде, в частности в Никольском соборе, где стёкла выбиваются систематически из рогаток, камнями и пр. Виновники школьная молодежь. Объясняется это обстоятельство желанием помочь делу антирелигиозной пропаганды, но так как цивилизованные аргументы в голове отсутствуют, то прибегают к хулиганству. В пасхальную ночь стало обычаем у некоторой части молодёжи развлекаться тем, чтобы всякими способами мешать крестному ходу, и церкви принуждены совершенно непроизводительно тратить значительные средства на охрану порядка. Характерен и такой случай: группа школьниц [и] подростков собралась у собора и, встретив меня, стали обличать меня за то, что у меня хорошее пальто: «Вот как вы одеваетесь, это же вы ограбили народ, как вам не стыдно?»*

Дело происходило при свидетелях. Я принужден был заметить пропагандисткам: «Мне очень стыдно, но не за себя, а за вас. Вы учитесь и хотите принять непосредственное участие в антирелигиозной пропаганде, так сказать, связать теорию с практикой, но теоретических-то познаний у вас нет, и ступайте-ка лучше их приобретать, чем позорить свою школу при свидетелях».

Общеизвестно и заверено самим Никитой Сергеевичем Хрущёвым, что антирелигиозная пропаганда не имеет успеха, которого от неё ожидали, но совсем не потому, что агитаторы не стараются и оставили в покое верующих, хотя подготовлены они к делу действительно плохо, их лекции вызывают массу вопросов, которые они разрешить не могут. Совершенно верно сказал Н.С. Хрущёв: «Один священник сказал в проповеди: «Мы у себя проповедуем, и к нам безбожники не ходят, а мы не ходим на их лекции, так что мирное сосуществование»».

Но почему так? почему верующих не интересует антирелигиозная пропаганда? или им не хочется выявить истину?

Самая основная причина – это отсутствие возражений, пропаганда носит односторонний характер и атеизм преподносится как уста-

---

** Конечно, бывают и такие «методы» антирелигиозной пропаганды, но в этом разделе своего доклада Медведский явно утрирует и выявляет своё личное отношение к атеистической работе и особенно к атеистам – недавно находившимся в стане церкви. Отсюда и инсинуации против Кузина и Петухова. Здесь проявляется неприкрытая злоба церковника. Но некоторые мысли Медведского нам нужно учитывать.*

новленная истина. Представьте себе игру в футбол. Играет одна команда без противников, нет даже вратаря для защиты ворот. Команда забивает гол за голом в открытые, никем не защищённые врата. Кто пойдёт смотреть такую игру? Стадион будет пуст, и вы не увидете ни одного болельщика. Так и агитатор-антирелигиозник забивает гол за голом в церковные врата, открытые ему для нападения – такая борьба не интересна ни для верующих, ни для атеиста. Истина может выявляться лишь при соревновании аргументов, при разносторонних выступлениях, иначе пропаганда будет всегда встречена полным равнодушием, хотя бы агитаторы и проникли к верующему со стремлением обрести индивидуального прозелита атеизму в его квартиру.*

Такая пропаганда вызывает подозрение: значит, что-то можно возразить, если боятся противников.

Поэтому в первые годы революции, когда существовала свобода антирелигиозной и религиозной пропаганды и устраивались диспуты, то помещения были полны народа. Такие идеологические сражения, устраиваемые в центре города между представителями высшей культуры (Луначарский – Введенский) возбуждали огромный интерес, ораторов слушали с затаённым дыханием, их аргументы обсуждались затем в храмах и на домах.

Если с того времени верующих сильно поубавилось, то отнюдь не антирелигиозная пропаганда повинна в этом.

Молодёжь оторвала от Церкви школа, так как общеизвестна истина: у кого в руках школа, тот и хозяин молодёжной души и общественной мысли. Престарелые же люди – они не интересуются пропагандой и потому, что не хотят разочаровываться в религии, они хотят верить, и никакие аргументы на них не действуют. Им предлагаются сенсационные разоблачения жизни духовенства, они этим разоблачениям не верят, больше того, они считают, что те, кого разоблачают, это, значит, ценные для Церкви люди и их надо скомпрометировать. Ведь печатать можно против Церкви и духовенства всё, что угодно, не возразишь, статьи о «диффамации» у нас не существует.

Мне рассказал проф.Парийский Л.Н., когда я спросил его: «Скажите, как это в Берлине уживается арх.Сергий (Ларин) после тех разоблачений, которые мы читали в газетах?» Он мне ответил: «Чем больше в наших газетах порочат репутацию архиерея или священника, тем популярнее он становится за рубежом, значит хороший человек, вредный для атеизма. Вот если бы начали хвалить, тогда другое дело».

** Сравнение оригинальное, но не совсем верно отражающее действительность. На хорошо организованные атеистические лекции верующие ходят и слушают их с интересом. Возвращаться к диспутам, видимо, нет надобности, так как они мало чем себя оправдали, а вот вечера вопросов и ответов должны практиковаться шире.*

Так и у нас: возьмите дело Цыбулькина, кажется, некуда дальше идти, но вот что мне рассказал прот. С.Поляков, служивший в этом приходе и хорошо знакомый со всем, что связано с этим делом: «Представьте, ничему не верят, говорят: за Христа батюшка страдает, это мученик, на него напали потому, что уж очень хочется закрыть эту церковь». Прихожане каким-то образом, по словам того же Полякова, разыскали где-то Цыбулькина на работе, стали засыпать его приношениями, так что он принужден был сказать: «оставьте меня, вы меня совсем погубите».

Когда же пропагандист в лекциях вместо научных аргументов начинает порочить духовенство, то на такие выступления, если ему открыто и не возражают, то потом, рассказывая о выступлении, нам говорят: «Ничего серьёзного не сказал, посмотрел бы лучше на своих, посчитал бы, сколько руководителей — несомненно партийных — проворовались, брали взятки, спекулировали, так что же коммунизм в своей идее опорочен ими?»

Ещё Вл.Ил. Ленин говорил, что бороться надо не с распутным духовенством, а с фанатиками. Недостатки духовенства действуют на сознание верующих, когда не через печать, а сами непосредственно они их увидят, и чем больше служит на месте недостойный священник, тем больше пользы он принесет атеизму. Мне кажется, большую пользу атеизму оказал тот протоиерей, который, пользуясь своим авторитетом священника, набрал в долг значительную сумму денег, причём от людей, отдавших ему последнее, и не отдаёт долгов. Эти деньги произвели гораздо больший эффект, чем деньги, затраченные на плату за лекции антирелигиозников.*

Или поведение протоиерея Ладожской церкви, который уронил чашу с причастием и говорит: «О чём вы беспокоитесь, сейчас возьму бутылку кагора и причащу вас, какая разница?»

Вот такие факты смущают.

Антирелигиозная пропаганда не будет иметь успеха и в том случае, когда ведётся ренегатами, хотя бы и знающими дело. Передают, например, что при выступлениях Осипова на заводах и фабриках ему подавались реплики: «18 лет ты обманывал людей или теперь обманываешь, как в твоих убеждениях разобраться?»

Среди же церковников влияние лекций Осипова парализуется ещё и слухами о том, как происходило его отречение, идут эти слухи из Академии и Семинарии, будто бы в ночь перед отречением Осипов всю ночь молился перед иконой «Знамения», а перед тем как подать заявление ректору об уходе, он как ни в чём не бывало прочёл очередную лекцию

** Это верно. Здесь Медведский имеет в виду протоиерея Ишунина.*

по Ветхому Завету с религиозным освещением событий и с их церковной интерпретацией. Он, говорят, принуждён был отречься силою обстоятельств, не будем его судить слишком строго. Когда он служил в Эстонии священником, в то время, когда она была самостоятельным государством, он будто бы писал статьи антисоветского характера, они попали в руки МГБ и его припёрли. Недаром это случилось ни раньше ни позже как тогда, когда началось новое наступление на религию. Исходя из такого толкования поведения Осипова многие его просто жалеют. Об этом говорит хотя бы то письмо, которое опубликовал Осипов с негодованием: в нём корреспондентка благодарит его за то, что он был таким хорошим духовником и так много ей принёс утешения.*

Большое нравственное влияние на верующих оказывают и происходящие в мире события, в особенности различные катастрофы: ураганы, наводнения, землетрясения и др. бедствия, которые неизменно толкуются в апокалтическом смысле, а такие случаи, как самоубийство отрекшегося прот.Кузина и положение спившегося б. свящ.Петухова, — как наказание Божие за отречение.

*Весьма полезна для Церкви и наивная аргументация атеизма малосведущих агитаторов: Бога нет, иначе Его увидели бы космонавты во время полёта, но они Его не видели. В такой аргументации полностью отсутствует понимание существа христианской религии, которая устами апостола говорит: «Бога никто и никогда не видел и видеть не может». Отсутствие церквей в некоторых местностях также не уничтожает религиозного чувства, но порождает развитие самых разнообразных сект вплоть до изуверства**. <...>*

Будущее РПЦ

Глубоко верующие люди, оставшиеся в Церкви, мыслят ея будущее так: Церковь в Божьих руках, если Она переживает тяжёлые годы, то это не впервые. О будущем Церкви не надо заботиться, о Ней позаботится Сам Бог, страдать же верующим полезно и терпеть нужно...

ЦГА Спб. Ф.2017. Оп.1. Д.5. Л.8-17.

*** Такую интерпретацию обстоятельств разрыва Осипова с церковью я слышу впервые. Видимо, здесь много домыслов самого Медведского.*
*** Здесь Медведский прав.*

№ 31

Устные принципиальные указания И.В. Сталина о работе Совета по делам Русской Православной Церкви в ЦК КПСС*

а) Совет не решает, а обо всём докладывает и получает указания от правительства; б) Совету не представлять собою бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчёркивать самостоятельность церкви; в) председателю Совета установить такие отношения с патриархом, которые не давали бы церковному центру повода рассматривать председателя Совета как обер-прокурора. Обезпечить соответствующие встречи, приёмы, формы обращения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства, так как это испортит отношения между Советом и церковным центром и другими руководящими деятелями церкви, и считать это компетенцией органов Министерства финансов; д) не делать «булавочных уколов» группам верующих и при рассмотрении вопроса об открытии церкви, хотя и регулировать, но не зажимать; е) Совету обезпечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии и право архиерея распоряжаться церковными суммами; ж) не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.

Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф.5. Оп.16. Д. 669. Лл.4-5. Подлинник.

№ 32

Ходатайство Патриарха Сергия об амнистии заключенных священнослужителей

В Совет по делам православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. Председателю Совета Георгию Григорьевичу Карпову. Патриарха Московского Сергия (Страгородского Ивана Николаевича).

Заявление

Прошу Вас возбудить пред Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением.

**Указания даны Г.Г.Карпову в сентябре 1943 года и были представлены в письменном виде Н.С. Хрущёву 5 Мая 1954 года. Приложение к докладной записке председателя Совета по делам русской православной церкви в ЦК КПСС.*

Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побудит их (и даст возможность) приложить всё своё старание, чтобы показать свою лояльность Правительству СССР и без следа загладить прошлую вину.*

Сергий, Патриарх Московский и Всея Руси. 27 октября 1943 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д.5. Л.1. Подлинник.

№ 33

Письмо Г.Карпова о деятельности Ватикана

Совершенно секретно. Экз. 6.

Центральный Комитет ВКП(б) товарищу Кузнецову А.А.

Реакционная деятельность Ватикана, претендующего на роль международного штаба антидемократических сил, ведётся, как известно, в нарастающих темпах. Ватикан использует в своих целях не только свою армию духовенства, дипломатических представителей и монашеских орденов, но также прессу и многочисленные, находящиеся под эгидой церкви политические формирования (правое крыло католических партий, массовую организацию — «Акцио католик» и т.п.)

Пропорционально нарастанию агрессии в широких народных массах растёт недовольство политикой Ватикана, главным образом вследствии того, что он, игнорируя настроения массы, всё более откровенно ставит реакционную политику в качестве ведущего начала своей деятельности, фактически ликвидируя элементы церковности.

Подчинение интересов церкви интересам политическим уже не раз встречало осуждение деятельности Ватикана со стороны некатолических христианских церквей мира. Это осуждение высказывалось публич-

---

** К заявлению приложен список 26 священнослужителей, в который входили: митрополиты Евгений (Зернов), Павел (Борисовский), архиепископы Ювеналий (Масловский), Алексий (Кузнецов), Павлин (Крошечкин), Мефодий (Абрамкин), Онуфрий (Гагалюк), епископы Венедикт (Алентов), Григорий (Козлов), Тихон (Шарапов), Ираклий (Попов), Иннокентий (Никифоров), Онисим (Пылаев), Иннокентий (Тихонов), Макарий (Звездов), Серапион (Шевалеевский), Николай (Могилевский), Иоанн (Широков), Иннокентий (Клодецкий), Антоний (Панкеев), Вениамин (Иванов), Феодор (Смирнов), Вячеслав (Шкурко), Григорий (Козырев), архимандрит Афанасий (Егоров) и протоиерей Адаменко. Большая часть из них была уже расстреляна или погибла в лагерях ОГПУ-НКВД. Уцелевших, учтя ходатайство патриарха Сергия, освободили.*

но в прессе, на конференциях и съездах, но имело незначительный эффект, главным образом вследствии его неорганизованности.

Недовольство деятельностью Ватикана частично принимает организованные формы, правда пока слабые и среди католиков, в том числе среди духовенства.

Указанные ростки организованных сил, раскалывающих католицизм изнутри, имеют, однако, во всех случаях подчёркнуто церковную оболочку, сохраняя ортодоксально-католические ритуал и традиции. Они стремятся лишь к освобождению от папистского абсолютизма и объявляют борьбу только тем католическим догматам, которые этот абсолютизм устанавливают и укрепляют.

Следует сказать также, что попытка борьбы с католицизмом вообще как с вероисповеданием со стороны других религиозных культов, практического успеха не имеют.

Это объясняется видимо тем, что церковная догматика, некогда имевшая самодавлеющее политическое значение, в настоящее время его утратила и не может служить лозунгом в политической борьбе. В то же время борьба против привычного, устоявшегося ритуала и традиций, не оправданная логически и политически, вызывает лишь раздражение в массах, усиливая тем самым сопротивление.

Католическая церковь при условии очищения её от элементов прямо диктующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию, освобождённая от централизма и разделённая на национальные («автокефальные») церкви (по какому признаку и существуют православные, протестанские и прочие церкви) могла бы быть терпима на тех же основаниях, как и другие вероисповедания.

Эти обстоятельства и определяют по нашему мнению средства борьбы против Ватикана, заключающиеся во внесении организованности в существующее движение протеста против антицерковной деятельности папизма, на базе «чистой, освобождённой от политики» церкви.

Исходя из этого Совет по делам русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР представляют на Ваше рассмотрение план следующих конкретных мероприятий:

1. Русская православная церковь выступает инициатором международного христианского движения, направленного против участия церкви в политической деятельности. Движение базируется на известных евангельских изречениях: «дом мой домом молитвы наречется для всех народов, а вы сделали его вертепом разбойников», «царство Мое не от міра сего» и «Божие — Богу, кесарево — кесарю».

2. В качестве первого шага движения Русская православная церковь в лице патриарха, синода, всего епископата и представителей от священников и мірян издаёт «Обращение ко всем христианам міра», которое будет излагать следующие положения: а) папизм, подчинив своим

политическим интересам до предела централизованную иерархическую систему, совершил тягчайший «грех», обожествив человека; б) папизм извращает христианство, подчиняя христианские догматы политическим целям; в) попирая соборное начало церкви, папизм противоречит интересам верующих католиков; г) папизм – интернациональная политическая организация, являющаяся оплотом реакции; д) папизм борется против интересов человечества, выражая, поддерживая и развивая планы реакции, сеящие антагонизм среди народов, являясь тем самым одним из поджигателей войны; е) католическая церковь, освободившись от искусственно внесённой централизации и восстановив начала соборности на национальных основах, будет чужда реакционным планам папизма; ж) долг христиан всего міра помочь католикам освободиться от папизма; з) для этого должны быть объединены силы всех христиан, независимо от различий в вероисповедании.

Во второй части обращения языком церкви будут изложены программные установки движения: церковь – неотделима от народа и поэтому национальна; демократия – основа организации человеческого общества; церковь борется за мир во всем міре; церковь вместе со своим народом стремится к достижению экономического благосостояния и процветания всего человечества; церковь, как единение христиан, выражает, поддерживает и развивает интересы народных масс; церковь, как религиозная организация, стоит вне политики.

3. После опубликования обращения внутри страны, а также наиболее широко по всем каналам заграницей, к нему декларативно присоединяются другие христианские церкви. Присоединение христианских церквей, находящихся на территории СССР (Грузинская православная церковь, старообрядческие церкви всех толков, Армянская церковь, евангельские христиане-баптисты, протестанские церкви, адвентисты и пр.) происходит вскоре после опубликования обращения и может быть гарантировано.

Исходя из имеющихся материалов, можно предположить с большой долей вероятности, что через некоторое время к обращению присоединятся также и зарубежные христианские церкви (православные автокефальные церкви міра, протестанские церкви (лютеране, реформаты, пресвитериане, методисты), евангельские и баптистские церкви, национальные католические церкви (Польша, Югославия, Бразилия, США), старокатолические церкви (Швейцария, Франция, Германия, Польша, Югославия), коптская церковь (Эфиопия и Египет) и прочие, менее значительные христианские церкви).

Не исключено также присоединение к обращению и англиканской (епископальной) церкви.

4. Присоединения к обращению рассматриваются созываемым в Москве в сентябре 1947 года, ранее санкционированным для других це-

лей совещанием глав или их представителей всех православных церквей міра. Совещание призывает присоединившиеся к обращению церкви к сформированию исполнительного органа движения на началах пропорционального представительства.

5. Исполнительный орган, имеющий местопребывание в Москве, руководит текущей организационной и пропагандистской работой движения и подготавливает созыв (необязательно в СССР) международной конференции церквей, присоединившихся к движению. Средства на финансирование деятельности исполнительного органа ассигнуются присоединившимися к движению церквами.

6. Разрешить Московской Патриархии издание через Совинформбюро книги, главным образом для заграницы, разоблачающей Ватикан, под названием «Царство от міра сего». (Текст книги Патриархией в основном подготовлен).

Просим Ваших указаний.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР при Совете Министров СССР Г.Карпов
Зам. Председателя по делам религиозных культов Ю.Садовский
1 февраля 1947 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.506. Л.12-16. Копия.

№ 34

Из доклада в ЦК ВКП(б) Совета по делам русской православной церкви об итогах своей работы за 1946 г.

14 февраля 1947 г.

... Приниципиальные вопросы внешней работы.

Провед'нная значительная подготовительная работа заграницей позволяет использовать Московскую Патриархию для осуществления в 1947-1948 гг. ряда новых мероприятий, имеющих принципиальное и политическое значение.

К числу их Совет относит следующие:

1. Подготовка созыва в Москве предсоборного совещания и Вселенского Собора всех православных церквей міра.

Как известно, Русская православная церковь, получившая самостоятельность (автокефальность) в 1448 году, занимает среди всех автокефальных православных церквей мира лишь пятое место (в порядке очередности получения прав автокефалии).

Между тем, её удельный вес в православном мире и возросший в последнее время авторитет дают основания к тому, чтобы она заняла первое место, хотя и не без некоторой борьбы.

Разрешенное ещё ранее Правительством и намечаемое патриархом Алексием на сентябрь 1947 года предсоборное совещание в Москве глав или их представителей всех автокефальных православных церквей и преследует, в качестве основной цели, подготовку созыва в 1948 году (500-летие самостоятельности Русской православной церкви) не собиравшегося уже несколько веков Вселенского Собора (всемирного съезда) для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской.

Понимая политическую важность этого мероприятия и предвидя возможные трудности при его осуществлении, Совет в своей внешней работе в течение 1945-1946 гг. поэтому и преследовал цель расширения и укрепления влияния Русской православной церкви заграницей и привлечения подавляющего большинства автокефальных православных церквей на её сторону.

Кроме того, что эта работа должна проводиться и в дальнейшем, необходимо принятие мер к созданию более благоприятных условий для Московской Патриархии внутри страны.

В частности, патриарх ставит, а Совет считает желательным, чтобы в ближайшее время Московской Патриархии была полностью передана Троице-Сергиева лавра, где после соответствующего ремонта было бы возможно разместить Московские духовные академию и семинарию, типографию, издательство и некоторые другие учреждения патриархии, оборудовать помещения для прибывающих иностранных гостей и для проведения заседаний, а также разрешено предоставить в качестве подворий церкви для Восточных Патриархатов, Сербской и Болгарской православных церквей.

Наряду с вопросом о подготовке Вселенского Собора, на предсоборном совещании 1947 года будут обсуждены вопросы об организации более эффективной борьбы православных церквей с Ватиканом, об отношении к «зарубежному архиерейскому Синоду» митрополита Анастасия, об отношении православных церквей к так называемому «экуменическому движению» (инициатива и фактическое руководство которым находится в руках Англиканской церкви), а также ряд других вопросов.

2. Борьба с Ватиканом.

Как уже отмечалось выше, на Поместном Соборе Русской православной церкви в 1945 году и при обмене мнениями во время поездок делегаций Московской Патриархии заграницу, вопрос о необходимости сплочения православных церквей для борьбы с Ватиканом встретил одобрение со стороны почти всех автокефальных православных церквей.

Русская православная церковь занимает в этом вопросе ведущую организационную роль и уже провела в 1945-1946 гг. большую работу по ликвидации в западных областях Украины греко-католической (униатской) церкви, добившись перехода в православие 1997 бывших униатских

церквей. Предстоит решить и провести примерно такую же работу в Закарпатской области УССР, где имеется 399 приходов греко-католической (униатской) церкви, возглавляемых архиепископом Ромжа.

Учитывая в то же время, что Ватикан продолжает проявлять активность в распространении своего влияния на некоторые православные церкви (предложения заключить союз с Румынской и Сербской православными церквами, оказание материальной помощи представителю «карловацкой» ориентации на Ближнем Востоке архимандриту Антонию Сенкевичу и т.д.) и внести, тем самым, раскол в православный мир, а также принимая во внимание, что Ватикан в последнее время превратился в антидемократическую, политическую организацию, — Совет считает, что православные церкви должны и имеют возможности к более активной борьбе против Ватикана.

В этом плане можно провести следующие мероприятия:

а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР;

б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых других странах заграницей (например, в Чехословакии, Югославии);

в) на предсоборном совещании 1947 года сделать более сильное осуждение папизма с догматической точки зрения;

г) выпустить специальный сборник для заграницы против Ватикана;

д) создать альянс христианских церквей в виде международного движения, во главе с Русской православной церковью, для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания.

3. Об Англиканской церкви.

Вопрос о взаимоотношениях с Англиканской церковью, в этой связи, представляет для Московской Патриархии определенное значение.

Прерванная в 1917 году связь Русской православной церкви с Англиканской церковью начала восстанавливаться лишь в 1943 году, когда в Москву приезжала делегация этой церкви во главе с архиепископом Йоркским доктором Гарбетт.

Позднее, в 1945 году митрополит Крутицкий Николай с делегацией сделал ответный визит в Лондон к архиепископу Кентерберийскому доктору Фишер. Этот обмен делегациями позволил выяснить, что Англиканская церковь, также как и Русская православная церковь отрицательно относится к Ватикану и готова принять участие в тех или иных мероприятиях, направленных против Ватикана, хотя и занимает пока в этом вопросе пассивные позиции.

Так как конкретно этот вопрос в тот период не обсуждался и учитывая выгодность привлечения Англиканской церкви в антиватикановский церковный блок, Совет считал бы целесообразным разрешить Московской Патриархии приглашение в 1947 году в Москву архиепископа Кентерберийского на предмет получения согласия последнего о совместных действиях против Ватикана.

4. Об участии в «экуменическом движении».

Вполне возможно, что во время пребывания в Москве архиепископ Кентерберийский поднимет вопрос об участии Русской православной церкви в так называемом «экуменическом движении», которое возглавляется Англиканской церковью и формально ставит своей целью объединение всех церквей для разрешения чисто церковных вопросов, а фактически прежде всего занимается политикой.

По мнению Совета, Московская Патриархия должна в этом вопросе дать Англиканской церкви четкий ответ и предъявить свои условия, на которых она может принять участие в «экуменическом движении».

Дело в том, что согласно действующему положению православным церквам вообще в руководящих органах «экуменического движения» предоставлено всего лишь 17 мест из общего количества 90, а в совещаниях 85 из 450 мест.

Естественно, что при таком положении ни Русская, ни какая другая православная церковь не сможет сколько-нибудь серьезно влиять на линию деятельности этого движения.

Между тем, по имеющимся в Совете сведениям, «экуменическое движение» во главе с Англиканской церковью все более и более скатывается на реакционные политические рельсы, оставляя церковные вопросы на заднем плане.

Об этом особенно красноречиво говорят принятые на последнем заседании «экуменистов» в Женеве в 1946 году решения с требованием пересмотра потсдамских решений в отношении Германии, борьбе с марксизмом и т.д.

Учитывая эти обстоятельства и заинтересованность определенных политических кругов Англии в использовании «экуменического движения» через Англиканскую церковь в своих политических целях, Московская Патриархия должна предъявить Англиканской церкви два условия, на которых она примет участие в «экуменическом движении»:

а) отказ «экуменистов» от политических выступлений и обеспечение чисто церковной деятельности этого движения;

б) значительное расширение представительских мест для православных церквей во главе с Русской церковью.

Принимая во внимание, что Московская Патриархия получила заверения от многих автокефальных церквей о единой линии отношения к «экуменическому движению», удовлетворение приведенных выше условий Московской патриархии позволит ей обеспечить влияние на «экуменическое движение» в нужном нам направлении.

В том же случае, если эти требования неприемлимы для Англиканской церкви, Московская патриархия должна по-прежнему занимать роль наблюдателя...

Если линия работы Совета будет признана Правительством правильной, а указанные выше мероприятия в принципе одобрены, — Совет представит на рассмотрение конкретные предложения по каждому разделу.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпов

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 34-39, 42. Подлинник.

№ 35

Письмо Г.Г. Карпова В.М. Молотову о передаче мощей.

Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР

Секретно

Совет Министров Союза ССР 21 мая 1947 г. товарищу Молотову В.М.

№ 279 с

В течение последних 6-8 месяцев в Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР поступил ряд ходатайств епископов и групп верующих о передаче некоторых «мощей» церквам. В частности, такие ходатайства поступили в отношении «мощей» Иоасафа Белгородского, Иннокентия Иркутского, Иоанна Тобольского, Анны Кашинской, Иакова Боровичского, группы «мощей» Муромских и других.

Как правило, указанные «мощи» находятся в краеведческих, бывших антирелигиозных и других музеях, о чем известно заявителям.

Относясь к передаче «мощей» отрицательно, поскольку это способствовало бы оживлению религиозного фанатизма и паломничества, а также увеличению доходов духовенства, Совет под благовидным предлогом оттягивал передачу «мощей» церквам.

Патриарх Алексий в ряде случаев своими письмами в Совет поддерживал указанные ходатайства о передаче «мощей». Об этом на одном из приемов мною было доложено товарищу Ворошилову К.Е. и получено указание провести беседу с патриархом Алексием, во время которой в неофициальной обстановке высказать свое отрицательное мнение.

К этому времени поступило на мое имя письмо патриарха Алексия, в котором он, делая ссылку на предстоящее 800-летие Москвы, обратился с просьбой о перенесении в патриарший Богоявленский собор гор. Москвы из Успенского собора Кремля «мощей» митрополита Московского Алексия.

В соответствии с указаниями товарища Ворошилова, мною была проведена беседа с патриархом Алексием, однако патриарх Алексий заявил, что он продолжает поддерживать свою просьбу и просьбы других

епископов о «мощах» и хотел бы знать по этому вопросу мнение Правительства.

Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР продолжает считать нежелательным удовлетворение просьб Московской Патриархии о передаче церквам «мощей», но ввиду принципиальности вопроса просит Ваших указаний.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпов

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 105-106. Копия.

№ 36

Из доклада Совета по делам русской православной церкви о совещании глав и представителей автокефальных православных церквей мира

Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР 3 августа 1948 г. № 642/с
*ЦК ВКП/б/ товарищу Маленкову Г.М.**

<...>На совещании были подвергнуты обследованию вопросы:

а) Ватикан и православная церковь;

б) Экуменическое (вселенское) движение и православная церковь;

в) Об англиканской иерархии и

г) О церковном календаре.

Вся работа в течение 6 дней комиссий совещания проходила гладко, в дружественной обстановке, без больших дебатов и прений, и решения были приняты на пленарном заседании единогласно.

В резолюции по докладу о Ватикане совещание осудило активную роль Ватикана «в разжигании новой войны и вообще в политической борьбе с мировой демократией». Папы римские «всегда были на стороне могучих «мира сего»... Все христиане, без различия наций и вероисповеданий, не могут не заклеймить за это политику Ватикана, как антихристианскую, антидемократическую и антинациональную».

По вопросу о так называемом экуменическом (вселенском) движении совещание признало необходимым отказаться от участия в августе с.г. в г.Амстердаме в Генеральной Ассамблее, созываемой «Всемирным Советом Церквей», рассматривая экуменическое движение не столько как церковное, сколько как политическое и антидемократическое.

** Маленков Г.М. в то время занимал должность секретаря ЦК, заместителя Председателя Совета Министров.*

До совещания по вопросу отношения к экуменическому движению не было единства среди православных церквей. Особенно активным участником этого движения на протяжении двадцати лет был Болгарский экзарх Стефан. И даже, прибыв в Москву, он, несмотря на обещание т.т.Димитрову и Коларову поддерживать Московскую Патриархию, заявил о намерении выступить в защиту участия православных церквей в экуменическом движении. Однако, встреча митрополита Стефана с членами Чешской делегации и беседы с ним членов Московского синода привели его к поддержке Московской Патриархии в этом вопросе. После этого попытки Константинопольского экзарха Германоса склонить митрополита Стефана к защите экуменизма не имели успеха. Решающим моментом, определившим поведение экзарха Стефана, была телеграмма министра иностранных дел Болгарии т.Коларова, подтвердившая принципиальное согласие Болгарского правительства на установление патриаршества в Болгарии.

В резолюции по докладу «Об англиканской иерархии» решено признание действительности англиканской иерархии считать возможным, «если между православною и англиканскою церквами предварительно установится формально выраженное единство веры и исповедания».

По вопросу о церковном календаре совещание приняло решение праздновать пасху только по старому (юлианскому) стилю, а неподвижные праздники – по существующим в автокефальных церквях календарям<...>

<...>Наблюдение за поведением прибывших на торжества делегаций и высказывания в конфиденциальных беседах отдельных глав и членов делегаций помогли установить, что экзарх Болгарский Стефан, хитрый, прожженный политикан, типичный хамелеон, поддерживал в Москве связи с Константинопольским экзархом митрополитом Германосом и главой Греческой делегации митрополитом Хризостомосом, с которыми вел конспиративные беседы.

По мнению Совета, прибытие Константинопольской и Греческой делегаций вызвано желанием разведать силы, сплачивающиеся вокруг Московской Патриархии, крепость этого объединения и не собирается ли Московское совещание присвоить патриарху Алексию прерогативы Вселенского в ущерб Константинопольскому патриарху. Беспокойство это вызвано и тем, что американцы второй год шантажируют и вынуждают через греков и турок Константинопольского патриарха Максимоса уйти в отставку, чтобы посадить на его место Нью-Йоркского архиепископа Афиногораса-грека, намеревающегося переменить американское подданство на турецкое.

Известная Совету близость митрополита Стефана к английской миссии в Софии заставляет думать, что прибытие на торжества в Москву этих делегаций организовано англо-американцами не без участия Стефана.

Об антисоветских высказываниях Совет располагает только в отношении члена Сербской делегации митрополита Скоплянского Иосифа, который, касаясь достижений Советского правительства и благоустройства Москвы, заявил, что «все это построено на крови и страданиях народа». Митрополит Иосиф известен Совету с 1945 г., как ярый реакционер, находящийся в оппозиции к Сербскому патриарху Гавриилу и ориентирующийся на Запад.

Многие из прибывших в Москву делегатов намерены получить субсидии и церковные награды (белые клобуки, панагии) от Московского патриарха Алексия.

Экзарх Болгарский Стефан собирается просить у патриарха 1 млн. рублей (100 млн. болгарских лей). Ранее он получил уже 50 млнлей. Он же просил Совет оказать содействие в отпуске ему 150 тонн воска на свечи.

Грузинский патриарх Каллистрат просил у патриарха Алексия 1 млн. рублей на строительство дома, но получил 500 тыс. рублей.

Митрополит Эмесский Александр передал патриарху Алексию письмо патриарха Антиохийского Александра, в котором тот просил ходатайствовать перед правительством СССР о защите арабов. Это письмо патриархом Алексием оставлено без ответа.

В ходе церковных торжеств Сербской, Болгарской и Антиохийской церквам были переданы приготовленные для них храмы-подворья и выработан проект положения, которым предусматривается полное содержание этих храмов и причта Московской Патриархией<...>

<...>В результате проведенных мероприятий по созыву вышеуказанного совещания, по мнению Совета, вытекают следующие выводы и предложения:

1. Несмотря на попытки некоторых восточных церквей (Греческой, Александрийской) сорвать Московское совещание, — оно состоялось и прошло успешно.

2. В результате работы совещания глав автокефальных православных церквей достигнуто объединение и сплочение вокруг Московской патриархии автокефальных православных церквей Грузии, Сербии, Румынии, Болгарии, Албании, Польши и Антиохии, согласованное принятие ими решений по повестке дня, усиление влияния и авторитета в международной церковной жизни Русской православной церкви.

3. Совещание выработало единую линию отношения православных церквей к Ватикану и экуменическому движению и предотвратило участие большинства православных церквей в предстоящей в августе месяце с.г. Амстердамской Ассамблее, тем самым расстроив планы англо-американской реакции, пытавшейся вовлечь в экуменическое движение православные церкви.

4. Совещание показало настоятельную необходимость периодических встреч глав автокефальных православных церквей в тех или других странах по вопросам реализации принятых решений Московского совещания и для координации деятельности православных церквей в борьбе с Ватиканом, экуменическим движением и по другим общецерковным вопросам.

5. В целях парализации попытки создания блока православных церквей Ближнего Востока и ограничения сферы действий Греческой церкви, целесообразно периодическое оказание денежной помощи православным церквам: Антиохийской, Александрийской и Иерусалимской со стороны Русской церкви.

6. Считать желательным в будущем проведение консультаций с представителями государственных органов, занимающихся церковными вопросами в странах новой демократии.

7. Ознакомление с прибывшими на совещание экзархами и другими представителями Московского патриарха за границей показало полную непригодность и неспособность большинства из них к широкой миссионерской работе в соответствии с задачами, вытекающими из решений Московского совещания.

Все они являются эмигрантами, активно боровшимися против Советской власти, частью перешедшими в иностранное подданство (митрополит Серафим Парижский, архиепископ Макарий Нью-Йоркский и другие), частью принявшими советское подданство в силу перехода в юрисдикцию Московской Патриархии.

В связи с этим, если необходимо и в дальнейшем усиление позиций Русской церкви за границей, во всей остроте встает вопрос о подготовке специальных кадров духовенства на руководящую заграничную работу из числа духовенства и учащихся духовных академий в СССР.

Подготовка этих кадров потребует как пересмотра положений об экзархатах и представительствах Патриархии, так и укрепления их, оказания им значительно большей материальной помощи для выполнения ими стоящих перед ними задач.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпов

Разослано:
товарищу Сталину И.В., товарищу Молотову В.М., товарищу Маленкову Г.М., товарищу Ворошилову К.Е.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 99-107. Подлинник.

№ 37

Доклад секретного осведомителя, профессора протоиерея А.Осипова* Ленинградскому уполномоченному А.И. Кушнареву о положении в Московской Патриархии.

Июнь 1951 г.

В мире духовном.

1.

В 1942 году, когда в условиях Великой Отечественной войны, оказалось полезным, при консолидации всех сил страны против наступавшего фашизма, учесть религиозные настроения верующей части населения Союза – руководство Патриаршей (т.е. Тихоновской) православной церкви сочло это за прерасный повод к упрочению позиций церкви в Советском государстве. К тому же всенародный патриотический подъем был так велик, что останься церковь от него в стороне, верующие массы могли отвернуться от своего церковнического руководящего состава**. И потому, хотя огромное большинство епископов и старого духовенства, не говоря уже о людях из двадцаток, где, как правило, концентрируются самые реакционные последыши старого мира, было реакционно настроено – они пошли за Митрополитом (а затем Патриархом) Сергием, который призвал верующих молитвами, трудом и жертвенностью бороться за победу над врагом.

В этот период происходит сбор средств на оборону,постройка танковой колонны, появляется ряд патриотических воззваний и т. д.

В это же время идет, однако, и «использование момента» и через низовых церковников проводится линия подогрева народных «требований» об открытии церквей. Многие «дальновидные» попы делают себе имя и зарабатывают уважение местных советских органов активной личной жертвенностью. В тоже время в 1943-44 годах среди верующих

** Осипов Александр Александрович (1911–1967). Родился в Таллине в семье священника. Закончил богословский факультет Тартусского университета. К 1940 г. протоиерей, магистр богословия. С 1947 по 1959 годы последовательно исполнял должности ректора Ленинградских ДА и ДС, инспектора ЛДА, а затем профессора Академии. 2.12.1959 г. написал заявление о своём уходе из Православной Церкви. Стал активным пропагандистом-антирелигиозником. С 1960 по 1967 годы работал сначала гл.библиотекарем отдела фондов Гос.Публичной библиотеки, а затем ст.научным сотрудником Музея религии и атеизма. В 1966 г. получил степень кандидата философских наук. Умер в Ленинграде 25.10.1967 г. Данный доклад отличается тенденциозностью, поэтому не все факты и характеристики, приводимые в нём заслуживают доверия.*

*** Пометка А.Кушнарева – «Это уже продолжение советского патриотизма церковников».*

распространяется через монашек мнение о недолговечности «перемены отношения власти к церкви». Это мнение подкреплялось изустно, передовавшимся «пророчеством преподобного Серафима» о том что:

«Будет время страшное – придет на Русь мужик и топор... потом, после гонений и утеснений, наступит светлое торжество. И в Сарове будет четверо мощей открыто... Но не надолго... А затем новая, доселе невиданная скорбь и это – царство Антихриста, перед вторым пришествием...»

Это и ряд других подобных «пророчеств», неизменно «на ушко» передавались из уст в уста, поддерживали среди верующих настороженно-тревожное настроение и питали почти не прекращавшуюся неприязненность церковников к Советской власти. Главными проводниками их были монашки, а в Ленинграде, в частности, верующие фанатички из бывшего Чуковского института и бывшие поклонницы Митрополита Вениамина[1]. Первые концентрируются ныне вокруг Митрополита Григория[2], а вторые, главным образом, вокруг Академического храма.

Война, экономические трудности и другие бедствия перенесенного лихолетья, потери близких, неуверенность в завтрашнем дне, царившие в людских душах долгое время – все это вызвало большой подъем религиозных настроений. Верующие женщины развивали огромную активность среди молодежи и даже комсомола и немало неустоявшихся душ поддались религиозному психозу.

Послевоенное время, казалось бы, должно было бы внести в умы успокоение и поставить все на свои места, но, как и следовало впрочем ожидать, верующая среда, как наименее развитая и наиболее реакционно мыслящая, оказалась наиболее податливой на пропаганду «холодной войны», которую повели заокеанские империалисты.

В среде верующих возникает «теория» за «теорией» о близости войны, о непобедимости заокеанской и вообще западной техники и т.п. (напр. еп. Симеон[3] и все его окружающие, Макаровский[4], Купресов[5] и др. в Академии). Поддерживая эти настроения, круги фанатиков-церковников не дают ослабевать религиозной настроенности в народе. Тем не менее состав верующих за эти годы несколько изменился:

а) Приток молодежи комсомольского возраста, очень явный во время войны, по показанию самих священников, резко уменьшился. Особенно сказывается это в сельских местностях, где молодежь в церкви почти не ходит (массовые показания священников из студентов заочников Академии и Семинарии). В городах молодежь бывает чаще, но так же уже не в таком количестве, как прежде. Исключение составляет храм при Духовной Академии. Ограничение пуска людей, проведенное в последнее время, снизило и здесь % молодежи.

б) Очень резко уменьшилось посещение мужчин. По показаниям священников в сельских местностях ходят в церковь одни женщины. В городах сохраняется небольшой процент мужского состава молящих-

ся, но они принадлежат, главным образом, к лицам старше 45-50 летнего возраста.

в) Снизился процент интеллигенции в храмах. В городах упорна в посещении церквей только остаточная интеллигенция дореволюционного периода.

г) Пожалуй, стало больше женщин рабочего типа. Улучшение жизненных условий высвободило многих женщин от работы и они стали свободны. Ушла необходимость подолгу стоять в очередях, думать и «колдовать» над каждой картофелиной. Более свободные и, в тоже время, не достаточно вовлеченные в общекультурное дело эти «домашние хозяйки», малозанятые работники тех профессий, где сутки дежурят, а двое не работают – стали отводить душеньку по церквам, которые заменяют им клубы, чтение и все, чем дарит человека культура.

Эта – та масса и наполняет в основном нынешние храмы. Она падка до слухов, она не восприимчива к глубокой философии, её легко держать в приятном сознании «большего дела душеспасения», ей радостно чувствовать себя трудящимися «в молитве, посте и бдении», им хорошо, когда церковный календарь разнообразит и регулирует их часто мелко-мещанское и «неприбранное» прозябание.

Только дробная, большая работа с этим обширным слоем населения городов и с женским населением сельских местностей ослабит позиции церкви. Слой этот живуч. Вчерашние комсомолки превращаются в домашних хозяек и, попадая в подобную среду, легко проходят разлагающую обработку через соседок и втягиваются в тот же допотопный порочный круг узких, оторванных от современности и больших дел современной жизни, интересов.

Все, что делается сейчас в области борьбы за раскрепощение человека от религиозных пережитков – издание брошюр, лекции, доклады, идеологические диспуты и дискуссии – по существу, затрагивает среду уже почти очистившуюся от религиозных пережитков и проходит мимо этого современного медвежьего угла, современного «темного царства». А в нем цитадель всей церковности. И хотя и не так энергично, как в годы войны, а тянутся таки оттуда до сих пор липкие щупальца и в среду школьников и студентов и в комсомол и порой даже в души отдельных партийцев... И уж полностью разрушительно и тонко владычествует эта среда в такой податливой и поддающейся любой обработке сфере, как дошкольники. С этой средой заигрывают двадцатки, на нее опираются священнослужители, и «грошики» (а *de facto* сотни тысяч рублей) создают «благолепие храмов», благополучие духовенства, сибаритство архиереев, поддерживают рассадники поповства – 8 Семинарий и 2 Академии. Это узкое место всей постановки идеологической пропаганды. Это резервуар всех темных сил.

2.

Но верующий народ остался бы только верующим народом и не представлял бы опасности для прогресса, если бы у него не было веду-

щей головки. Как приходилось наблюдать в городах много раз, где нет приходов, верующие люди держат дома иконы, творят про себя молитвы, на пасху пекут куличи и варят пасхи (впрочем, у нас в Союзе это, как обычай исполняют часто и неверующие и евреи и с религией он, по существу, уже ничего общего не имеет, вроде масленницы), но от общей жизни страны не отгораживаются, а чутко реагируют на все её радости и печали. Другое дело, если есть на лицо религиозная организация – приход. Тут уж обязательно образуется, как бы государство в государстве, совет в совете и в любом приходе можно слышать разговоры, где четко разграничиваются «они» и «мы». «Они» -это «внешняя» «безбожная» власть, большевики, Советы, а «мы» -это «спасенные души», «гонимая и святая Русь». Все эти термины взяты из действительных разговоров и разговорчиков повседневности. Тут то и городится тот забор, которым незаметно отгораживают верующего советского гражданина, простого честного труженика от всего широкого простора Родной Страны и её Великого Созидательного дела.

Что же такое эта ведущая головка церкви:

Это:

1) Двадцатки.

2) Мелкий обслуживающий церкви персонал.

3) Певчие.

4) Духовенство приходское.

5) Епархиальные архиереи и их окружение.

6) Московский центр.

7) Духовные школы, как школы «подковки» и «перековки» будущих кадров церкви.

Остановимся сначала на первых трех перечисленных нами категориях.

1) Двадцатки. Сами церковные руководители, как много раз приходилось слышать, разделяют членов двадцаток на две категории: на людей «для числа и фасона» и на людей «действия». Первых вербуют среди верующих, стараясь получить побольше незапятнанных мужчин из числа пенсионеров, бывших рабочих и служащих, кустарей одиночек, мелких служащих и т.п. Этих лиц убеждают примерно так:

«Молиться желаете – надо церковь открывать. Без двадцатки ей не быть. Больше как раз в год на собрании побывать от вас ничего не потребуется, а православные вам спасибо скажут.»

Они и на деле остаются простыми молящимися – не больше.

Всем заправляет и вертит группа людей «действия» или актив. Теперь архиереи и батюшки стали опасливее и явных контрреволюционеров – раскулаченных, б. политкаторжан и прочих редко можно встретить в двадцатках, но дела это почти не меняет. Актив – это профессионалы церковной выручки. Это люди, которые не хотят работать в советских учреждениях и предприятиях, но крепко ценят несчитанные

«возможности» церковных кружек, «общей свечи» и других благ. Церковная власть в лице архиереев и протоиереев знает, что они систематически воруют, но поскольку ворует и сама и знает, что без них ей не прожить – многое им прощает, за верность и ревность «святому православию». Все они люди запасливые. Книжки заводят не на себя, а на родных, любовниц и других связанных с ними лиц, держат деньги во многих кассах понемножку, часть (основную) просто в кубышках, играют на золотом займе, заводят недвижимости. Наиболее зарывающихся из них порой одергивают, но до суда дела эти почти никогда не доходят. Деятели выручки боятся друг друга, связаны круговой порукой шайки. Да и их понятие «честного» и «нечестного» слишком далеко от закона. У них, например, честно все, что оформлено документами, хотя бы и заведомо фальшивыми, только бы для прокурора они были «неугрызимы» и деятелей в случае чего «вывезли». Ведь не секрет, что масло в лампадах струит благодать краденую, таинства совершаются на муке чаще всего незаконнокупленной, чистые свечи состоят из воска и парафина, получаемого на 50% нечистым путем. И в вопросах ловкости использования подкупа, «смазки», разложения аппарата, запутывания следов сложная организация церковников может порой поспорить с гангстерскими шайками Америки.

Опытных старост, казначеев, помощников архиереи ценят на вес золота и передают при переводах друг другу особым списком, как золотой фонд.

В огромном большинстве все эти «активисты» люди с большим стажем церковной работы, прошедшие, что называется, «огонь, воду и медные трубы». Но нельзя сказать, что их состав не обновляется. Есть и приток. Порой сравнительно молодыми людьми. Их поставщиками является вторая категория – мелкий обслуживающий персонал и их семьи.

Но прежде, чем перейти к этой второй категории, спросим: а честных людей среди активистов нет?

Конечно, есть. Это либо фанатики, либо герои веры. Но они одиночки. Такие герои (в Молотове пришлось знавать одного такого – старого рабочего кузнеца, инвалида труда Я.Г.Махнева), доходя до отчаяния, борются с окружающим их разбоем. Иногда им удается подобрать группу энтузиастов. Тогда возникает приход, который, казалось, может мир удивить своими качествами, но... неизбежно возникают конфликты честной двадцатки с жадностью духовенства. А так как «свой своему поневоле друг» и архиереям черные рясы ближе, чем пиджачки, то эти герои нередко оказываются ещё и в виноватых. И только узость их собственного кругозора не дает им возможности понять, что самая борьба их обличает и показывает, что нельзя оживить труп, привив к нему кусок здорового тела.

Изменяется ли положение в двадцатках на продолжении последних лет? Состав остался тот же. Но пирог стал более тощим. И надзор уве-

личился. Так что воруют теперь виртуознее. Жизнь научила совершенствовать методы. Но думать, что гнойное скопление дельцов, злопыхателей советской власти и разложившихся элементов может начать ослабевать само собой, было бы ошибкой. Эту часть можно только оперировать. Иначе не обезвредишь.

3.

2) Мелкий обслуживающий церкви персонал:

Каждый приход имеет свои кадры обслуживающего персонала. Сюда входят пономари, свечницы, алтарники и алтарницы, просворни и т.п. Состав их вербуется из наследственных церковников, монашек и монастырских прихлебателей, мелких дармоедов и остатков «белой гвардии» людей «бывших». Всех их объединяет крайняя узость взглядов, даже в области веры, постоянная и напряженная неприязнь к власти и Советскому строю и жадная зависть по отношению к тем, кто получает и распоряжается доходами «кружки» и «выручки».

Здесь фабрикуются легенды о чудесах, святых старцах и старицах, пророчества и предсказания, здесь соответственно перетолковываются все события мировой политики и общественной жизни, но неизменно в разрезе одной, нерушимой для них аксиомы: «У Советов хорошего ничего быть не может».

Нельзя сказать, что эта среда только шипяще враждебна, но не активна. Наоборот. М сама по себе, являясь орудием высших церковников – именно эта среда активнейшая в приходах. Её зоркие соглядатели высматривают каждую женщину с заплаканными глазами, чтобы воспользовавшись человеческим горем, опутать душу мистикой и «ввести её в ограду церкви». Эти же глаза следят за каждой молодой фигурой заглянувшей в церковь и при первом же случае подвергают обработке и уговорам. Это у них как в инкубаторе подбираются кадры для семинарий, коверкаются и запутываются молодые души.

У нас, обычно, обращают основное внимание на духовенство, меньше на двадцатки и их активы, и почти не смотрят на это окружение, на армию при помощи которой духовенство и актив командуют народом. И это в корне не верно. Армия учит нас, что без кадрового младшего командного состава командиры как без рук, а бойцы как тело без костей. И вот эти-то совсем незначительные на вид приходские работники являются, по существу, младшим комсоставом церкви во много раз больше, чем дьяконы и псаломщики. Последние больше на виду, зарегистрированы, подконтрольны в некоторой мере и потому держат себя более подтянуто и не дают волю языку и чувствам, тогда как первые чувствуют себя чуть ли неуязвимыми в цитадели своих храмов и, не плохо конспирируясь, ведут самую разнузданную пропаганду и именно там, где она наиболее опасна – в широких массах верую-

щих. И корректные проповеди с амвона там комментируются и раскрываются, приобретая самый воинственный тон.

Вокруг этого мелкого обслуживающего персонала всегда концентрируется неписанный, но подлинный актив прихода. Они знают по фамилиям и со всеми анкетными данными постоянных прихожан и их настроения, кто на что способен и ловко используют свои знания. Это сила. И тем более грозная сила, что прикрытые внешним бессилием, они оставлены, по существу, без должного внимания.

А между тем, достаточно сказать, что эпитеты: «пострадавший», «сидевший», «репрессированный», «бывший», «дворянка», «купчиха», являются лучшими паспортами на допуск в эту среду и гарантиями на её доверие.

Одним из зловреднейших явлений в этой среде являются монахини и тайные монахини, которых значительно больше, чем это кажется. Это люди, не связанные ни чем, готовые на все ради своего фанатизма и во имя своей ненависти.

Архиереи прекрасно понимают значение этой среды, и каждый из них окружает себя несколькими представителями её, через которых общается с низами городских, загородных и более отдаленных приходов и тем самым оказывается в силах учитывать подлинное духовное состояние своей паствы.

3). Певчие. Эта категория близко соприкасается с ранее разобранной. Певчие в приходах делятся на две группы – мужчин и женщин. Большая часть мужчин в городах – люди, которые не прочь подработать. Сюда относятся главным образом артисты. Они веруют, но активность их не велика. Встречаются и просто верующие любители пения. Во всяком случае, мужчины в хорах -элемент уважаемый, но приходски не активный. Правда, многие из них к старости начинают мечтать о дьяконстве и псаломщичестве, ради обеспеченной старости. Некоторые из них ради этого поступают в Семинарии и проходят кое-как 1-2 класса. На этом активность мужчин исчерпывается. Другое дело женщины. И здесь есть искатели легких заработков и приработков, но в большинстве это люди актива, близкие к ранее описанной среде, чутко реагирующие на жизнь прихода. Из них нередко выходят лица обслуживающего персонала и церковные деятельницы. Для таких хор служит преддверием служения церкви. Действие хороших церковных хоров в пропагандистском смысле очень велико. Иногда люди неверующие, или ещё чаще индифферентные приходят «послушать пение», а втягиваются и становятся верующими. Это хорошо знает духовенство и верхушка церкви и потому регенты везде в чести, с хорами носятся и на них идут везде не малые средства. И даже там, где средств нет, а певчие любители – их стараются подбадривать особыми знаками внимания – премиями, грамотами, чествованиями, подношениями просвор и т.д.

4) Приходское духовенство.

В момент оживления деятельности церковников во время Великой Отечественной войны положение с кадрами священнослужителей было следующее: в существовавших приходах ютилось духовенство либо цепко державшееся за церковь, как за источник прихода и за привычную профессию, либо затаенно фанатическое. Последнего было много меньше. Очень большое число священнослужителей к этому времени состояло на гражданской службе и по существу порвало с церковью. Ряд служителей и проходимцев из духовенства отошли от церковной работы как бегут крысы с тонущего корабля из боязни «как бы чего не вышло»... Когда началось широкое открытие приходов и в народе заговорили о «перемене курса» (такие разговоры в церковной среде в 1942-3 годы были повсеместны) сразу же возникла острая нехватка кадров. Архиереи начали разыскивать заштатных священнослужителей. В народе стали говорить, что вот де скоро вернутся многие «из заключения» и тогда «настанет великое спасение». Но упование на возвращение репрессированных в свое время фанатиков-пропагандистов не оправдалось. Тогда усилилась агитация среди бывших священнослужителей за их возврат на приходы. Агитация эта возымела результат далеко не сразу. Священники колебались, многие отказывались, многие предпочитали выжидать. Решающее значение здесь имели материальные трудности военного времени и перспектива с возвращением на приходы получить обеспеченное существование. Раньше всех откликнулись старики, потом люди среднего возраста. Тормозом для многих, в свою очередь, явилось общественное положение их детей, которым эти «бывшие священники» боялись «повредить». В конечном итоге это возвращение продолжалось на протяжении 3-5 лет и ныне уже полностью завершилось. Процент не вернувшихся к церкви по-видимому очень не велик. решающее значение имели второбрачия у некоторых таких священников, но было не мало случаев, когда в погоне за обеспеченностью второбрачие старались скрыть. Целый ряд внутрицерковных процессов и следствий по подобным делам возникают и продолжаются ныне. Значительно раньше начали слетаться к церковному «пирогу», те, кто в свое время бежал из церкви «страха ради иудейска». Такие люди, тщательно маскируя порой даже формальное отречение от веры через печать, первые пополнили кадры церкви и заняли открывшиеся приходы.

Архиереи вскоре почувствовали, что с кадрами далеко не благополучно. Колоссальные доходы духовенства и низменные мотивы служения большинства «пастырей» породили в сочетании друг с другом чудовищные явления. Дела епархий и Патриархии и поныне разбухают от доносов, следствий и т.п. Пьянство – вековой грех русского поповства, разгул и разврат (ведь уж веками русский народ зовет попов «жеребячей породой»), мания величия и погоня за роскошью, жадное накопле-

ние богатства – все это расцвело махровым цветом во всей церкви. Сознательный постоянный обман финорганов стал законом.

Сам патриарх со смешком рассказывал у себя за столом в присутствии Киевского Митрополита Иоанна[6], Л.Н.Парийского[7] и других:

«Рассказывал мне один владыка: был я в гостях в одном доме и повстречался с «фином». Тот жалуется: обманывают меня ваши батюшки... Вот один показал две тысячи дохода в месяц, а я чую, что он не меньше трех получает. А я ему в ответ: что вы, откуда ему столько заработать? А сам думаю: дурак, ты, дурак... Да он тридцать тысяч в месяц в карман кладет, а ты – три тысячи...»

И патриарх и архиереи весело смеялись. То, каковы доходы городского духовенства трудно себе даже представить. И тысячами путей деньги эти льются в поповские бездонные карманы.

Священник Л.Л.Поляков[8], студент Академии, через два месяца после получения священства уже хвастал студенту Н.Заболотскому[9], которому подарил материю на костюм: «Я доволен, я свои 20 000 в месяц уж получаю».

Темные случаи вроде гаремов «отцов духовных» Н.Фомичева[10], Филофея Полякова[11], В.Раевского[12], Н.Ливанова и др. «им же несть числа» стали явлением повседневности. Пьянки – вроде П.Тарасова[13] и К° вообще больше не волнуют.

Все прощается – было бы «шито-крыто».

Секретарь Митрополита Григория – Евгений Лукин[14] говорил: «Опять на одного дьякона донос... Третью жену имеет. Весь город знает об этом. Но что поделаешь, и человек наш – верный... Придется под сукно положить донос...»

Когда в семинарии один из поступающих подал биографию, в которой сообщал, что он «почти из духовного звания – сестра моей матери – вторая жена дьякона Охтенской церкви», то Митрополит Григорий, узнав об этом, приказал «помалкивать» – «служит себе тихо и пускай служит – и так дел неприятных много».

Конечно, мирится с таким положением церковным верхам трудно. Отсюда – повсеместные попытки собрать и создать вокруг церкви новые кадры фанатически «преданных православных верных и достойных пастырей». Для этой цели архиереи:

1) Стали стягивать в города на большие приходы лучших из сельских пастырей.

2) Стали посвящать после небольшой домашней подготовки отдельных энтузиастов – фанатиков, из среды верующих.

3) Стали заботливо выискивать таких же фанатиков-энтузиастов среди семинаристов и студентов Академии и до окончания курса двигать их в приходы.

4) Стали лучших из священников вооружать знаниями для пропагандистской работы через заочный сектор Лен. Дух. Академии и Семинарии.

И надо сознаться, что кадры эти действительно понемногу формируются. И церковники с удовольствием отмечают, что уровень духовенства во многом «повысился морально, культурно и идейно». На эти примеры ссылаются, на них базируются, обрабатывая народ. Укрепление этих кадров несомненно укрепляет позиции церковников. И это опасное явление должно учитываться.

Особое положение занимает сельское духовенство. Его материальное положение не завидно, а часто и скудно. Люди служат здесь потому, что они ни к чему другому не приучены, или потому, что ответственности меньше, или по идее. Среди сельского духовенства процент фанатиков очень велик. Их настроения сугубо реакционны. Сплошь и рядом здесь вера в Птоломеевский геоцентризм, грубое спекулирование чудесами, снами, предсказаниями и непремиримое отношение ко всему новому, «советскому» – переплетены в нераспутываемый узел. У сельского духовенства часты столкновения с местными властями. Базируется оно исключительно на женщинах, не брезгует «раскулаченными».

Особо надо сказать об «отцах» диаконах. За редкими исключениями – это публика разгульного образа жизни, невежественная и грубая. В народе их редко, когда уважают.

Псаломщики же бывают и подстать диаконам и худшему духовенству и наоборот, люди не без культуры, из «бывших». Псаломщики шире общаются с народом. Не нося рясы, они незаметны и потому часто могут позволить себе действовать в целях религиозной пропаганды шире, чем иные «пастыри», которых по пословице: «попа в рогожке видно», слишком легко заметить.

В диаконы часто идут певчие, ищущие сытой старости. Нередки певчие и среди псаломщиков.

Какие сдвиги произошли в общем в духовенстве между 1941-1951 годами?

А) Кадры духовенства окрепли. Явился новый костяк фанатизма.

Б) Часть духовенства безнадежно разложилась.

В) Низших священнослужителей до сих пор маловато и уровень их очень неопределенен, а состав пестр.

Какие могут быть отсюда сделаны практические выводы? Явление разложения, конечно, срывают во многом усилия фанатиков развивать, раздувать дело религии. Но надо сказать, что верующие настолько претерпелись к этим безобразиям, что они скорей могут воспрепятствовать вербовке новых членов церкви, чем образумить старых. Фанатики опасны и с точки зрения их внутренней и со стороны внешней миссии. И их со счетов скидывать или уравнивать разложившимися нельзя. Это сила активная, живучая и тенденции к самоубийству не обнаруживающая. И лояльными (не говоря уже о благорасположенности – это логически немыслимо и невозможно) к Советской власти они никогда и не в чем не будут.

5) Епархиальные архиереи и их окружение.

Над широким кругом духовенства стоят епархиальные архиереи. У каждого из них имеется большее или меньшее окружение.

Московская Патриархия обладает небольшим кругом архиереев с долголетним стажем службы. Это, по большей части, люди, побывавшие в заключении за фанатическую пропаганду религии, люди – внешне подчеркнуто лояльные, но внутренне старых монархических тенденций, вздыхающие по «добром старом времени», но сознающие его невозвратимость (Митрополит Григорий, сам Патриарх и ряд других).

К эти основным кадрам присоединятся три других категории архиереев: б. обновленцы, возвращенцы и новоставленные.

Б. обновленцы Патриархией держатся на подозрении. В них видят часто агентов МГБ, людей неустойчивых и в церкви ищущих своих собственных целей и выгод (Еп. Сергий Ларин[15] и др.).

Возвращенцев из бывших эмигрантов очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места. (Митр. Вениамин б. Американский[16], Еп. Иоанн б. Карлсбадский[17], Ювеналий Хайларский[18] и др.). Эти архиереи, в основном старики, – идеалисты с оттенком фанатизма. Остатки старой гвардии Синодской церкви старой России.

Новоставленные архиереи в настоящее время составляют основную массу епископов. Их вербуют из вдовых протоиереев, монахов и архимандритов. Здесь производится строгий выбор и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики. Правда, с точки зрения образованности – это все люди невысокого полета. Но для укрепления костяка церкви – подбора нового, фанатически преданного церкви духовенства, эти архиереи делают очень много.

По сравнению с 1941 годом в этой области позиции церкви стали много сильнее. В три, если не четыре раза.

Вокруг архиереев создается окружение из сильнейших представителей духовенства и церковников. Сильно здесь влияние и монашеской клики. Это штабы епархий. Их влияние весьма велико. Через свое окружение архиереи имеют возможность следить как за духовенством и администраций приходов, так и за настроениями верующей массы и даже шире – политически.

В общем среда архиереев не однородна. Здесь есть и фанатически преданные своим идеям мечтатели и идеалисты высокого полета:

Архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий)[19] – неокантианец, мечтающий о соединении религии и науки.

Архиеп. Гурий Ташкентский[20] – аскет, насадитель старчества и иночества, борец за нравственное перерождение духовенства и за расширение влияния церкви.

Митроп. Варфоломей Новосибирский[21] – борец за укрепление кадров духовенства.

Архиеп. Ювеналий Челябинский – того же сорта и ряд других.

Есть наоборот и архиереи тщеславные гордецы:

Еп. Сергий (Ларин) – владелец целых вагонов имущества, напыщенный до тошноты и ему подобные.

Но больше всего архиереев середнячков, которые живут в общем тихо и незаметно, но именно они, пожалуй, оказывают наибольшее влияние на укрепление церковничества. (Сергий Смоленский[22], Михаил Велико-Лукский[23], Иоанн Молотовский и т.п. и т.п.)

Огромная организующая-укрепляющая роль архиереев в церкви чрезвычайно ясно осознается Патриархией, которая идет на любые жертвы только бы увеличить ряды епископов, только бы сохранить их и укрепить. Даже проступки архиереев покрываются насколько это бывает возможно, ради сохранения их авторитета. На это направлены все силы.

6) Московский центр.

Это Патриарх Алексий (Симанский) и подчиненное ему управление.

Сам Патриарх, как личность, представляет собою своеобразное смешение аристократического сибаритизма с затаенным фанатизмом. Он любит хорошо поесть, остр на язык, любит роскошь и покой. Но вместе с тем фанатически предан постам, ненавидит обновленцев, преследует все новшества и влюблен в благочестие 16-го века. Он очень умен и умеет лавировать между отдельными церковными партиями. Партии эти представляют собою Григорьевцы (Митрополит Григорий и его клика), Николаевцы (Митрополит Николай[22] и его клика). С Патриархом великолепно ладит Управделами Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий[23]. Это очень умный и осторожный дипломат, крепко преданный интересам церкви. На Патриарха имеет осторожное, но сильное влияние. Своеобразную партию проходимцев возглавлял в Патриархии Л.Н.Парийский – мелкий фанатик-уставщик, эгоист-себялюбец, злобный, мстительный мещанин. От него Патриарх избавился, ловко подготовив назначение в Ленинград. Митрополит Григорий является в Патриархии министром просвещения. Но сильно влияет и на ряд других дел. Патриарх ему доверяет едва ли не больше всех других. Митрополита Николая затаенно ненавидит, но боится, считая его ставленником большевиков. Митр. Николай имеет основное влияние на «Журнал Моск. Патриархии» и дела издательские. В «Ж.М.П.» после прот. Смирнова[23] и Л.Н.Парийского обосновались два бывших профессора Моск. Дух. Академии, которые ведут свою линию сколачивания «своих людей» вокруг этого «куска пирога», пользуясь покровительством Митр. Николая.

Сильное влияние в последнее время в Патриархии играют представители Хоз. Управления – борцы за режим экономии.

Настроения Патриархии в последние годы претерпели большие изменения: в 1945 году цвели мечты о создании «Московского Вати-

кана» (слова самого Патриарха Алексия), о постройке дворца, широком международном триумфальном шествии и внутренним расширении «до размеров доброго старого времени» (слова Митр. Григория). Теперь настроения изменились: «Нам бы прожить тихо мирно ещё десяток лет, а там история покажет. Надо экономить и сокращаться... вот, если война будет, так, пожалуй, и снова церкви открываться начнут». Общий лозунг, передаваемый из центра на ушко архиереям, а от тех священникам: «Тише, незаметнее, спокойнее...»

Что характерно для Патриархии: здесь много людей из бывших, но мало образованных богословов. Здесь ставка на сохранение старины в быту, в богослужении, в формах духовной жизни во что бы то ни стало. Здесь вздохи об угасании иноческого духа. Парийский из Москвы привез такое наставление Патриарха: «Пусть все кругом меняется — мы должны застыть такими, какими были сотни лет назад. Пусть наша неизменяемость, неподчиняемость духу времени символизирует вечность церкви. Нам радостно видеть, что нас и ныне окружает тоже самое в церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда».

Этот лозунг проводится Патриархом во всем: в обращениях к новоставленным архиереям, в обращениях и проповедях студентам, тонко проводится в Патриарших посланиях, лично и через других проводится во всех более интимных беседах и разговорах.

Возле Патриарха есть свой кружок активистов церковников, свои основные кадры «приближенного» духовенства. Через них он ведет осведомительные линии к низам и широко по епархиям. Через них «обоняет», что несет и чем грозит церкви жизнь.

Патриарх лично мог бы быть очень опасным фанатиком, но его вредность ослабляет его сибаритство, его сознание, что в конце концов, «только бы мне было мирно и хорошо, а там хоть потоп».

Международную линию своей работы Патриархия за эти годы провела до крайности неумно и близоруко и почти везде провалила. Журнал ведет из рук вон плохо, делает его посмешищем перед заграницей. Ведь в нем часто «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», а научные статьи чаще всего бывают мелки, отсталы и ничтожны*.

Среди верующих о Патриархии смутные представления. Но многие разочаровываются линией потакательства архиереям и крупным попам.

** Это утверждение далеко от действительности. Реально Московская Патриархия во второй половине 1940-х г. добилась довольно больших успехов на международной арене. Другое дело, что Советское руководство ставило в тот период перед ней совершенно нереальные и невыполнимые задачи – вплоть до превращения во всемирный христианский центр – «Московский Ватикан». Подобная тенденциозность характерна для многих выводов доклада А.Осипова. На уровне журнала же в первую очередь сказывалась жесточайшая цензура государственных органов (прим.авт.)*

И нередко приходится слышать мнения: «Ну да, рыба ведь всегда гниет с головы.»

6.

7. Духовные школы.

Во второй половине Отечественной войны, церковь, в какой-то степени нормализовавшая свои взаимоотношения с Государством, получила возможность открыть Духовные школы для обновления и упрочения кадров своего духовенства. В первоначальные планы входило открытие трех Академий (Московской, Ленинградской и Киевской) и большого числа Семинарий, чуть ли не в половине епархий, но вскоре жизнь показала, что план этот нереален. В части Академий удалось открыть Московскую и немного позднее (1946 г.) Ленинградскую, но с Киевской ничего не вышло. Во-первых, здесь сказалась глубокая некультурность и косность Киевского Митрополита Иоанна, интересовавшегося только собственной особою, украшением своих палат и стяжанием денег, во-вторых, оказалось, что почти невозможно найти необходимое для трех Академий число учащихся. Отсутствие преподавания Закона Божьего в советских школах сделало то, что и люди с высшим образованием, желавшие поступить в Академию, не могли слушать Академического курса. Большое затруднение вызвал и набор преподавателей.

Что касается Семинарий, то оказалось, что и здесь трудно осуществить планы. Многие архиереи (большинство) не считали Семинарии необходимыми учреждениями, чтоб возиться с ними и тратить на них средства. Трудно в большинстве епархий было и с преподавателями. А потом выяснилось, что и желающих поступить учится далеко не так много, как первоначально казалось.

В результате в течение нескольких лет удалось открыть 8 Семинарий: в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Ставрополе, Минске, Луцке и Саратове.

Из этих Семинарий слабейшими оказались Ставропольская и Саратовская. Здесь в большинстве своем преподавателями явились местные священники, больше заботившиеся о своих приходах и учебе отдававшие время – «если останется». Учеников тоже подобралось по три-четыре десятка, так что Семинарии скорее представляют собою небольшие стационарные курсы.

Недалеко от них отстоит Киевская Семинария, которую Митрополит Иоанн держит в «черном теле».

Лучше оказалось поставлено дело в Одессе, Минске и Луцке (на Волыни). Здесь учащихся подобралось больше и больше преподавателей специально подобранных. Но количество учеников и здесь колеблется в каждой Семинарии между 50-ю и 100-ней.

Несравненно лучше оказались обставленными преподавателями, с точки зрения условий и по количеству учеников Ленинградская и Мос-

ковская Семинарии, организованные при Академиях. Так как, таким образом, эти две Семинарии представляют высшее, чего достигла церковь в постановке учебного духовно-воспитательного дела, возьмем к примеру Ленинградскую Духовную Семинарию и Академию и посмотрим на их примере (со ссылками на аналогичные события и положения в других духовных школах), какой путь (вверх, в смысле развития или вниз, в смысле угасания) проделали эти две тесно связанные между собою, Духовные школы.

Начало Лен. Дух. школ было положено в 1945/6 уч. году, когда были основаны богословско-пастырские курсы. На эти курсы было принято 24 ученика. Эти 24 ученика представляли собою совершенно особые кадры. Сюда пошли люди выкристаллизовавшиеся при приходах как преданные церковники, по большей части немолодые. К ним, в незначительном числе, примешался элемент случайных лиц.

С самого начала в числе принятых образовалось две партии – «отцов» и «детей». «Отцы» – старшие – оказались строрежимно-настроенными фанатиками, мечтавшими к тому же скорее попасть на приходы, а «дети» – младшая по возрасту группа, составилась главным образом из лиц, пришедших в Семинарию в поисках «непризывного» положения, ради стипендии, и некоторые, как обработанные в приходах, где работали или служили их родичи. Эта группа в 24 человека вместе с вновь принятыми в 1946 году осенью, составила тот фундамент, на базе которого развернуты были Лен. Дух. Семинария и Академия, а затем и Заочное Отделение при них.

<...> Особо следует сказать о выпускниках Академии. Их за два года оказалось пятнадцать человек.

<...> здесь является основным моментом явное нежелание идти на приходы (у некоторых с явным же нежеланием принимать сан). В случае, если преподавательских мест не будет выпускники готовы идти на светскую работу. (Так Афанасьев не пожелал сниматься на «табло» выпускников, чтобы не подчеркивать своей принадлежности к «церковному миру».)

Эта тенденция в связи с тем, что Семинарии слабеют и скорей готовы свертываться, чем расти – весьма беспокоит церковное руководство. Оно склонно видеть, в данный исторический момент, основную цель обеих школ в подготовке кадров духовенства и только. А студенты осмеливаются заявлять и спрашивают: какая же разница между выпускниками Семинарии и Академии?

В связи с вопросом о посвящении в «священный сан», к которому стремится администрация Духовных школ и церковное руководство, необходимо отметить и ещё одну важнейшую для церковников проблему: вопрос о «матушках».

Опыт церкви показал, что священник безбрачник, т.е. целибат это, как правило, источник соблазна и скандальных историй и похождений. Тоже относится и к молодым монахам на приходах. Отсюда тенденция

посвящать женатых. А отсюда вопрос: откуда семинаристам брать матушек? Семинарист духовно «обработан» в школе. А его невесту никто не обрабатывал. Молодежь стремится венчаться по любви, а потом оказывается, что их жены не выдерживают условий поповской жизни и уходят. Архиереи молодых посылают в «медвежьи углы», а жен эти молодые берут городских. Это первая подоплека конфликтов. Затем «попадья» попадает между молотом и наковальней: в деревне, когда им хочется повеселиться – в клубах их встречают как мракобесок и молодежь их чурается, а старухи-церковницы шипят на них за их «светскость». Муж хоть занят чем-то, ему тужить некогда, а «попадье» достаются одни щелчки да сплетни. Да и материально жизнь в деревнях у «попадьи» не весела. Вот и бегут.

Это явление настолько серьезно, что в один из приездов Патриарха с Колчицким в Ленинград, они, при посещении духовных школ, специально распрашивали «как дела с матушками» и тужили, что в Москве налицо целая серия драм. И в Ленинграде их не мало.

В вопросе о воспитанниках Духовных школ необходимо отметить и ещё одно явление: явное уменьшение притока новых учащихся и все растущее оскудение кадров, побуждают администрацию школ и начальство церковное делаться все более терпимыми по отношению к проступкам и недостаткам учащихся, терпеть тупиц и лиц с признаками ненормальности или разложения.

Начальство говорит: «церковь по любвеобильности прощает многие грехи, почти все, кроме измены вере и ересей» (Парийский) и «нам полезнее двадцать серых посредственных попиков, чем один талантливый студент, который, того и гляди, начнет слишком много рассуждать и впадет в ересь» (профессора Московской Академии Доктусов[24], Ветроградов, Попов и в Ленинграде тот же Парийский).

<...> Это ведет к тому, что наряду с вербовкой фанатиков и укреплением кадров церкви – их нехватка и кризис духовных школ (в смысле систематического падения числа желающих поступить), и через Духовные школы происходит новое засорение рядов духовенства неполноценными элементами и сеются семена дальнейшего разложения церковной среды.

И наконец, последний вопрос по части учащихся. Откуда же все-таки они в основном приходят? Ответ дает такая табличка о учащихся Лен. Дух. Семинарии по состоянию на 1 октября 1950 года.

А. Из детей духовенства и работников церквей 20% (15 чел.)
Б. Прислуживающих при приходах 30% (23 чел.)
В. Через монастыри (послушников) 10% (7 чел.)
Г. Съагитированных духовенством 15% (11 чел.)
Д. Из религиозных семейств 5% (4 чел.)
Е. Прочих 20% (14 чел.)
Всего 74 чел.

Отсюда видно, что 75% молодежи приходит в Семинарию через приходы. Вне приходов религиозная пропаганда ничтожна.

Следующая табличка поясняет и ещё кое-что в этом роде.

Городских 47.....65%

Сельских 27.....35%

Понятно, что в деревнях агитация попов заметнее и потому им труднее смутить молодую душу. Да и молодежь, будучи на виду, не так беспрепятственно ходит в храмы. В городах, где надзор чрезвычайно затруднен, обработка молодежи совершается проще и безнаказаннее.<...>

Костяком Духовных школ является профессура. В Ленинграде на 1 июня 51 года было:

4 профессора (Парийский, Успенский[25], Осипов, Купрессов)

8 доцентов (Углянский[26], Зеленецкий[27], Миролюбов[28], Макаровский, Русаков[29], Козлов[30], Сергеенко[31], Сборовский[32]

6 преподавателей (Федоров, Вознесенский[33], Чуб, Шишкин[34], Нелидова, Бояновская[35]

Они не только преподают – они создают новые учебники, широко распространяющиеся через Заочный Сектор, где их переписывают, перепечатывают, копируют служители.

Они пишут статьи в «ЖМП».

Они участвуют в церковно-общественной жизни (Парийский, Макаровский, Шишкин).

Помогают в международных сношениях церкви (Сергеенко, Парийский, Шишкин, Баяновская).

Дают консультации Патриархии (ряд профессоров).

Они имеют большое пропагандное значение, т.к. через библиотеки и в порядке научных работ связываются с работниками Академии Наук, Госуниверситетом, Публичной библиотекой, Консерваторией и т.п.

Они имеют влияние и на интеллигенцию, которая любит диспуты на защите диссертаций, непрочь посетить Академический храм и т.п.

Среди профессуры есть лица архиреакционных взглядов (Ректор еп. Симеон, Парийский, Углянский, Макаровский, Миролюбов), есть мечтающие о примирении коммунизма и религии (Сергеенко), есть лица, приемлющие современность, но сочетающие с нею наивную веру (Сборовский, Шишкин, Успенский).

Самое существование среди церковников ученых сил, является для верующих, особенно интеллигенции, могучим подкреплением. Этим сознанием они бронируются против квалификации религии, как мракобесия и состояния несознательности.

Эти же чувства питает и бытие при Академии огромной (более 100 000 томов) библиотеки с большим (совсем ненужным при малом круге обслуживаемых библиотекою лиц) персоналом.

Этому же служит внешняя помпезность здания Академии и Семинарии. В сознании значения здесь показного момента, в разрез со все-

ми призывами к режиму экономии, на это дело тратятся все новые суммы, щедро выделяемые Митр. Григорием из перенапряженных средств и возможностей митрополии. Особую ставку на помпезность делают такие фанатики церкви, как инспектор Л.Н.Парийский и эконом А.П.Прилежаев.

Эта же помпезность играет свою роль и через Академический храм. Его значение очень велико.

Храм, где поют семинаристы (мужской хор, не в пример другим церквам, очень многих привлекает), они же читают и прислуживают – привлекает во множестве женскую молодежь. Сюда ходит верующая часть интеллигенции. Самое значение слов «Академия», «Высшая школа церкви», «Академическая церковь» – очень велико. Чуть ли ни ежедневно можно бывает слышать, как в митрополичьем садике верующие женщины объясняют: «А тут вот наша Академия и наш храм. Да, да! Все, как в любом Вузе – и профессора, и доценты и все для церкви. Готовят пастырей... Сходите, увидите...»

И ходят, и смотрят, и убеждаются.

По праздникам толпы собираются у дверей Академии, ибо храм не вмещает всех желающих.

Здание Академии является культурным средоточием всей жизни Митрополии. Здесь устраиваются духовные концерты, общие собрания духовенства в связи с подписанием воззвания о мире и т.п., сюда в первую очередь привозят почетных гостей. Годовые акты Академии – это смотр Ленинградского и пригородного духовенства и церковных активов. Здесь выковывается чувство церковного коллектива, единство в служении церкви.

Уже упомянутый неоднократно Заочный Сектор, раздвигает эти рамки общения и единения до самых границ Союза. Всех прибывающих заочников студентов, как правило, заставляют служить в Академическом храме и сводят широко со всем коллективом Духовных школ. И слава и влияние Лен. Дух. школ растет с каждым днем. Внешним знаком служит рост самих заочников. Это уже не просто курсы повышения квалификации. Это подковка пропагандистских сил и реальное научение духу единства и духовно-церковного коллективизма или, что тоже, – соборности.

При Академии выковалась и своя группа обслуживающего персонала, свой церковный актив служащих, многие из которых затем переходят в приходы и там пополняют ряды активистов церкви. Этому содействует то, что в Академическом здании помещены просворная и свечная Митрополии. Сюда приходят люди со всей Митрополии и здесь из обстановки простой мастерской окунаются в атмосферу большого духовно-просветительного учреждения. Они несут вдаль и вширь славу Дух.школ, а Духовные школы, в свою очередь, придают им сил, бодрости и уверенности в борьбе за «Христово дело».

Духовные школы обходятся церкви около 10-ти миллионов рублей ежегодно, но дальновидное руководство Патриархии прекрасно сознаёт их значение и в настоящем и для будущего и хотя и раздаются голоса о необходимости экономить средства в конечном итоге Духовным школам выделяются все необходимые суммы. И даже там, где количество учащихся в Семинарии смехотворно мало, их поддерживают и не дают им умереть «своею смертью» ради их пропагандного значения, ради престижа церкви, ради борьбы за душу каждого будущего пастыря, а через пастыря за каждый приход, за каждого верующего человека в нём. Церковники хотят жить и трезво оценивают, что им надо, чтобы продлить своё существование.

ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 37. Л. 62-84. Подлинник.

Примечания

1. Вениамин (Казанский В.П., 1874–1922) – с 13.08.1917 г. митрополит Петроградский и Ладожский. В 1922 г. арестован по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей. Расстрелян в ночь с 12 на 13.08. В 1992 г. канонизован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви.
2. Григорий (Чуков Н.К., 1870–1955) – с 1945 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. Доктор богословия. Прошёл ссылки, тюрьмы и аресты. Скончался в Москве 5.11.1955.
3. Симеон (Бычков С.И., 1882–1952) – епископ. Прошёл тюрьмы и ссылки. С 30.03.1947 г. еп. Лужский. С 04.1948 – 06.1952 г. ректор ЛДА и С.
4. Макаровский А.И. (1888–1958). С 09.1949 г. доцент кафедры истории Русской Церкви ЛДА. С 11.1951 г. магистр богословия, профессор. Член Учебного комитета при Св.Cvноде.
5.Купресов С.А. (1887–1965) – В 1912 –1918 г. преподавал в СПбДС. С 1918–1946 г. преподаватель военных училищ и институтов Ленинграда. С 1946 г. доцент ЛДА, с 12.02.1951 г. профессор, магистр богословия. Заведывал заочным сектором ЛДА.
6. Иоанн (Соколов, 1877–1968) – митрополит. В 1896 г. окончил МДС, с 1901г. священник. В 1912 г. окончил институт археологии и защитил кандидатскую диссертацию. С 1944 г. митр. Киевский и Галицкий, экзарх Украины. В 1964 г. уволен на покой по болезни. Скончался в Киеве 29.03.1968 г.
7. Парийский Лев Николаевич (1892–1972). В 1911 г. окончил СПб ДС, в 1915г. СПб ДА, кандидат богословия. С 1915 г. преподавал в Калужской и Минской ДС. В 1922 г. арестован и приговорён к 5 годам лишения свободы. В 1930-е годы псаломщик и регент различных храмов Ленинграда. С 1941 по 1944 г. бухгалтер Князь-Владимирского собора. С 05.1944 г. секретарь Патриаршего местоблюстителя митр. Алексия, бухгалтер Патриархии. В 1945–1950 г. секретарь Патриарха, регент хора его домовой церкви. До 1952 г. был секретарём Учебного комитета при Св.Cvноде и редакции ЖМП. С 1950 г. инспектор ЛДА, доцент, с 25.01.1951 г. профессор, магистр богословия. Один из первых экуменических деятелей Патриархии. С 1967 г. на пенсии.
8. Леонид (Поляков Л.Л., 1913–?) – митрополит. С 1949 г. священник в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда. В 1952 г. окончил экстерном ЛДА со степенью кандидата богословия. В 1952 г. пострижен в монашество. С 1953–1957 г. доцент ЛДА, с 1957 г. архимандрит, инспектор МДА и ДС, с 1958 г. магистр

богословия, профессор МДА. С 1959 по 1966 г. был последовательно архиереем на кафедрах Курской, Можайской, Ярославской, Пермской. В 1964 г. присвоена учёная степень доктора церковной истории. С 1966 г. архиеп. Рижский и Литовский, с 1979 г. митрополит.
9. Заболотский Н.А. С нач. 1960-х г. преподаватель ЛДА, доцент. Член богословской комисии ХМС.
10. Никон (Фомичёв Н.В., 1910–1995) – архиепископ. С детства прислуживал в ленинградских храмах, в 1923–1932 г. иподиакон. В 1928 г. закончил среднюю школу, до 1931 г. работал на заводе, в 1936 г. окончил институт железнодорожного транспорта, работал инженером-электриком. С 1945 г. диакон, с 1946 г. священник. В 1950 г. закончил экстерном ЛДА, кандидат богословия. Служил в храмах Ленинградской епархии. Петрозаводска, Житомира, Великих Лук. с 1962 г. настоятель Троицкого собора в Ленинграде. С 1962 по 1982 г.г. последовательно занимал кафедры Выборжскую, Лужскую, Рижскую, Архангельскую, Калужскую, Пермскую. В 1984 г. за постоянные конфликты с уполномоченным уволен на покой. Скончался в СПб.
11. Поляков Филофей Петрович (1893–1958) – протоиерей. С 1921 г. священник, был последователем митрополита Иосифа. Арестовывался несколько раз ОГПУ. В сер. 1930-х г. перешёл в Патриаршую церковь. Служил в различных ленинградских храмах, в 1950-е г. до смерти настоятель Спасо-Парголовского храма.
12. Раевский Василий Васильевич (1889–1974) – протоиерей. Служил в обновленческих храмах Ленинграда. В Марте 1935 г. выслан из Ленинграда. До 1938 г. служил в Казанском храме в Луге, работал на гражданской службе. С 1946 г. свящ. Николо-Богоявленского собора г.Ленинграда, с 1953 г. благочинный. С 1966 г. за штатом.
13. Тарасов Павел Петрович (1899–1971) – протоиерей. В последние годы жизни настоятель церкви Волковского кладбища г.Ленинграда.
14. Лукин Евгений Палович (1885–1967) – протоиерей. Член епархиального Совета. до 1952 г. секретарь Лениградского митрополита. С 1951–1962 настоятель Князь-Владимирского собора в Ленинграде. С 1962 г. за штатом.
15. Сергий (Ларин С.И., 1908–1967) – архиепископ. В 1930 г. окончил Богословский обновленческий институт. С 1933 г. монах Тихвинского мон. Арестован ОГПУ в 1933 г., получил условное заключение. В 1935 г. служил в Пантелеймоновской церкви г. Ленинграда, вновь арестован и осуждён за дачу взятки к 3 годам заключения. Освобождён досрочно. Служил в московских обновленческих храмах. С 1941 г. занимал последовательно кафедры Звенигородскую, Ташкентскую. В 1943 г. принёс покаяние и принят в Московскую Патриархию монахом. С 1944 г. занимал различные кафедры, последняя из которых Ярославская и Ростовская. С 1962 г. магистр богословия.
16. Вениамин (Федченков И.А., 1880–1961). С 1919–1920 г. еп. Белой армии и флота. Подготовил Карловацкий Собор. С 1927 г. включён в клир Московской Патриархии, с 1933 г. экзарх Патриархии в США. В 1946 г. получил советское гражданство. С 1947 г. занимал кафедры Рижскую и Латвийскую, Ростовскую и Новочеркасскую, Саратовскую и Балашовскую. В 1958 г. уволен на покой с пребыванием в Псково-Печерском монастыре, где и скончался в 1961 г.
17. Иоанн (Лавриненко, 1899–?) – архиепископ. В 1920 г. эмигрировал с Белой армией в Турцию. Служил в Виленской еп. С 1931 г. магистр богословия Варшавского университета. С 1935 г. в юрисдикции Московской Патриархии. С 1941 г. занимал последовательно кафедры Ковельскую, Брестскую и Кобринскую, Полесскую и Брестскую, Карлсбадскую, Пермскую, Алма-Атинскую, Челябинскую, Костромскую. С 1961 г. проживал на покое в г.Херсоне.
18. Ювеналий (Килин И.К., 1875–1958) – архиепископ. С 1896 г. послушник Белгородского монастыря. С 1916 г. архимандрит. В 1919 г. уехал на Дальний Восток и в 1920 г. эмигрировал в г.Харбин. Создатель и настоятель Казанско-Богородицкого мон. в Харбине. С 1935 г. еп. Синьцзянский, с 1941 г. еп. Цици-

карский. В 1947 г. переехал в СССР. С 1947 г. последовательно занимал кафедры Челябинскую, Иркутскую, Омскую, Ижевскую. Перед смертью принял схиму с именем Иоанн.
19. Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф., 1877–1961) – архиепископ. С 1921 г. священник. В 1923 г. тайно хиротонисан во еп. Ташкентского и Туркестанского. Арестован, отправлен в ссылку. С 1925 г. снова еп. Ташкентский, затем – Елецкий. С 1927 г. в ссылке. С 1942 г. архиеп.Тамбовский и Мичуринский. За свои медицинские книги удостоен Сталинской премии первой степени, с 1946 г. архиеп.-Симферопольский и Крымский. Скончался в Симферополе в 1961 г.
20. Гурий (Егоров В.М., 1891–1965) – митрополит. В 1917 г. закончил ПгДА, кандидат богословия. С 1922 г. архимандрит. С 1922 по 1925 гг. в ссылке. С 1925 г. настоятель Лаврской киновии в Ленинграде С 1928 г. арестован и пять лет провёл в ссылке на строительстве Беломорканала. До 1944 г. не служил. работал счетоводом. С 1945 г. наместник Троице-Сергиевой Лавры. С 1946 г. последовательно занимал кафедры Ташкентскую, Саратовскую и Среднеазиатскую, Черниговскую и Нежинскую. Днепропетровскую и Запорожскую, Минскую и Белорусскую, Ленинградскую и Ладожскую, Симферопольскую и Крымскую. Скончался в Симферополе в 1965 г.
21. Варфоломей (Городцов С.Д., 1866–1956) – митрополит. В 1890 г. окончил СПбДА со степенью кандидата богословия. С 1942 г. занимал различные кафедры, последние из которых Иркутская, Новосибирская, Семипалатинская.
22. Николай (Ярушевич Б.Д., 1892–1961) – митрополит. Закончил ПгДА. С 1914 г. монах, на фронте полковой священник. С 1915 г. преподаватель ПгДА, магистр богословия. С 1919 г. наместник Александро-Невской Лавры. С 1922 г. еп. Петергофский. Возглавлял «Петроградскую автокефалию», боролся с обновленцами. С 1923 г. в ссылке. С 1927 г. временно управлял Ленинградской, а затем Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 г. последовательно занимал кафедры Волынскую и Луцкую, Киевскую и Галицкую. С 1941 г. митрополит Крутицкий. С 1946–1960 гг. председатель Отдела Внешних Церковных Сношений Патриархии. За сопротивление антицерковным гонениям освобождён от всех постов. Умер в Москве 13.12.1961 г., возможно, был убит в больнице по заданию КГБ.
23. Колчицкий Николай Федорович (1890–1961) – протопресвитер. В 1915 г. окончил МДА, кандидат богословия. Служил в Харькове, затем в Москве с 1924 по 1961 гг. был настоятелем храма Богоявления в Елохове. В 1941–1956 гг. управляющий делами Московской Патриархии, с 1945 г. протопресвитер. В 1956–1961 гг. председатель Учебного комитета при Св.Cvноде.
24. Доктусов Николай Петрович (1883–1959). В 1907 г. закончил Казанскую ДА, кандидат богословия. С 1950 г. магистр богословия, профессор, секретарь Совета МДА и С, до 1955 г. их инспектор. С 1955 г. секретарь Учебного комитета при Св.Cvноде и заместитель председателя Отдела Внешний Церковных Сношений. Скончался в Москве.
25. Успенский Николай Дмитриевич (1900–1987). Родился в семье сельского священника Новгородской губ. Окончил ДУ в Старой Руссе, Новгородскую ДС. В годы Гражданской войны служил в Красной армии. В 1920-е г. учился в Пг Богословском институте, в 1937 г. окончил Ленинградскую консерваторию. С 1946 г. преподавал в ЛДА, возглавлял кафедру литургики. С 1949 г. магистр богословия, профессор, с 1957 г. доктор церковной истории. Почётный доктор Фессалоникийского университета и Православной Духовной Семинарии св.Владимира в Нью-Йорке.
26. Углянский А.А. Окончил Казанскую ДА, кандидат богословия. В 1949–1952 гг. доцент ЛДА.
27. Зеленецкий И.И. (1893–1972). В 1917 г окночил ПгДА и Пг археологический институт, кандидат богословия. С 1917 г. на преподавательской должности. С 1949 г. доцент ЛДА.
28. Миролюбов Г.П. (1884–1964). Родился в семье священника. Окончил Оренбургжское ДУ, Смоленскую ДС, в 1908 г. МДА, кандидат богословия. В течении

40 лет преподавал древние языки и русскую литературу, работал научным сотрудником в области архивного дела. С 1949 г. преподаватель догматического богословия в ЛДА, с 1949 г. доцент. С 1964 г. профессор. Умер в пос. Рощино Ленинградской обл.

29. Русаков М.Ф. (1891–1979). В 1911 г. окончил Тульскую ДС, в 1915 г. Пг историко-филологический и археологический институты, кандидат филологических наук. С 1944 г. эконом Московской Патриархии, с 1948 г. преподаватель древних языков в ЛДА. С 1967 г. профессор, секретарь Совета ЛДА и С.

30. Козлов И.С. (1887–1971) – протоиерей. В 1920 г. окончил МДА, кандидат богословия. Занимался миссионерской деятельностью в Олонецкой епархии. С 1949 г. преподавал сектоведение, расколоведение, каноническое право в ЛДА, доцент. С 1956 г. профессор МДА. Скончался в Москве.

31. Сергеенко А.А. (1902–1973)– протоиерей. В юности оказался в эмиграции. Закончил юридический факультет в Праге и Русский Богословский институт в Париже. С 1928 г. священник. Основатель Свято-Духовского скита под Парижем. В 1939 г. вступил добровольцем в санитарную часть французской армии. С 1945 г. перешёл в Московскую Патриархию, издавал журнал «Духовные беседы», в 1947 г. – редактор «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». В 1948 г. вернулся в СССР и стал преподавать догматическое, пастырское и нравственное богословие в ЛДА, с 1955 г. кандидат богословия. В 1958–1966 гг. приходской священник в Иваново, Горьком, Александрове, сотрудник Отдела Внешних церковных сношений. С 1966 г. преподаёт в МДА, с 1969 г. магистр богословия, профессор. Скончался в Москве.

32. Сборовский К.А. (1883–1965). Окончил в 1908 г. СПбДА, в 1910 г. СПб Университет. Занимался преподавательской деятельностью в различных ВУЗах. С 1946 г. доцент ЛДА, преподавал основное богословие. С 1952 г. магистр богословия, секретарь Совета ЛДА и С. Выступал с лекциями в Великобритании и ФРГ.

33. Вознесенский Д.Д. (1890–1970). В 1913 г. окончил СПбДА, кандидат богословия. До 1946 г. преподавал историю и географию в школах Ленинграда. С 1946 г. преподавал древние языки, историю Русской Церкви, библейскую историю и катехизис в ЛДА и С.

34. Шишкин А.Ф. (1897–1965). Закончил Екатеринбуржскую ДС и историко-филологический факультет Пермского университета. Служил в Красной армии. Уклонился в обновленчество После возвращения в Патриаршую церковь с 1944 г. председатель приходского совета Преображенского собора Ленинграда. В 1951 г. сдал экстерном экзамены за курс ДА, кандидат богословия, доцент. В 1947 г. секретарь экзарха Московской Патриархии в Чехословакии. С 1961 г. член ЦК Всемирного Совета Церквей.

35. Бояновская Е.Н. (1887–1956). Жена расстреляного органами НКВД обновленческого митрополита Ивановского Александра (Боярского). Преподавала иностранные языки в ЛДА.

№ 38

«ПОЧЕМУ ВЫ ПОРВАЛИ С РЕЛИГИЕЙ»?

Открытое письмо свящ. Сергия Желудкова* бывш. священнику П.ДАРМАНСКОМУ**

По поводу его статьи «Почему я порвал с религией» ***

1958 г.

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ. Не знаю, с чего начать, как к Вам обратиться. Недавно я услышал разговоры, что вот – выступал по радио молодой священник из Ленинграда: он был неверующим, а служил священником, говорит, что все обман и т.п. С тоской и возмущением верующие передали мне это. Когда я попросил припомнить фамилию бывшего священника и узнал, что это – Вы, Дарманский, я очень удивился. Ведь я Вас помню, Вы были на II и III курсах Академии, когда я занимался в Семинарии. Вы производили тогда на меня, да и на всех хорошее впечатление. ЧТО с ним случилось, кто его обидел, что было причиной такой страшной душевной катастрофы? – думал я. Это было загадочно.

И вот я достал наконец Вашу статью, читаю – и не могу взять в толк ничего. Ну, что из того, например, что в неканонической книге «Эсфирь» не упоминается слова «БОГ»? Б о г – с теми, кто проявляет смирение, самоотвержение, верность: это и видно в книге «Эсфирь». Считают, что это – отрывок из персидской летописи. Тем лучше, значит, это подлинная история. Не нравится Вам «Песнь Песней» и «Экклесиаст» – и пусть Ваши недоумения искренни и серьезны. Но любые недостатки Ветхого Завета – какое они могут иметь значение для Нашей веры в Христа Спасителя? Мы смотрим на Ветхий Завет ретроспективно, ОБРАТНО из христианства – и многое в нем отвергаем, например, кровавые жертвы. Апостол Павел пишет, что Бог через Христа «ДАЛ НАМ СПОСОБНОСТЬ БЫТЬ СЛУЖИТЕЛЯМИ НОВОГО

**Свящ. Сергий Желудков (1914–1984). В 1958 г. закончил ЛДА. Служил в храмах Смоленской, Кировской, Псковской епархий. Печатался в эмигрантских кругах. В 1976 г. выведен за штат.*

***Дарманский Павел Федорович (р.1928). В 1946 г. возглавлял баптистскую общину. В 1955 г. окончил ЛДА, кндидат богословия. До 1958 г. служил в ц. прав. Иова на Волковом кладбище в Ленинграде. 11.02.1958 г. написал заявление уполномоченному Совета по делам РПЦ об «окончательном разрыве» с Церковью. 22.02.1958 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано его антирелигиозное письмо. Выступал с атеистическими лекциями.*

**** Пометка Ленинградского уполномоченного Совета по делам РПЦ: «Желудков доказывает, что в среде исповедающих религию были известные учёные, которым религия не мешала двигать науку вперёд, а даже помогала им в большом труде. Эта же мысль в стихотворении «Новый Иуда».*

ЗАВЕТА, НЕ БУКВЫ, НО ДУХА потому, ЧТО БУКВА УБИВАЕТ, А ДУХ ЖИВОТВОРИТ» (2 Кор.III.6).

Далее Вы приводите пример разноречия Евангелий в сказаниях о Рождестве Христовом. Но и это, и многие другие разноречия Евангелий – драгоценное свидетельство их подлинности и святости Церкви, принявшей Евангелия в том виде, как они были записаны, без всякой подгонки. Апостол Павел пишет: «Вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, ОБНИЩАЛ ради нас, дабы не обогатились Его нищетою» (2 Кор.VIII.9). Христос ОБНИЩАЛ ради нас, чтобы не ослепить, не подавить нас Своей сверхъестественной славой, но СВОБОДНО ПРИВЛЕЧЬ нас к Своей божественной ЖИЗНИ. Он обнищал непритворно, Он – Человек нас ради, и слово Его, и слово о Нем находится в обычных исторических условиях передачи человеческого слова. Евангелия не протоколы и стенограммы, а воспоминания и сказания. Разноречия Евангелий могут быть для нас источником не уныния, а благоговейного подъема духа: ведь это и есть спасительная НИЩЕТА Иисуса Христа. Неужели я именно поэтому перестану любить Его, неужели посмеюсь над бедной одеждой моего Спасителя?

И святыми отцами Вы недовольны: почему у них разногласия между собою. Не могу поверить – неужели Вы серьезно считаете, что все они должны были твердить одно и то же? Ведь Вы знаете, что и у апостолов были разногласия. Полное единодушие, сказал кто-то, царит только на кладбище.

Вас возмущает, что Библия называет небо шатром и что в видениях Апокалипсиса звезды падают на землю. Но с таким же успехом Вы можете порицать любого современного писателя: «солнце восходит», «луна сияет» и т.п. – все это по Вашему «противоречит науке».

«БРАТИЯ! НЕ БУДЬТЕ ДЕТИ УМОМ: НА ЗЛОЕ БУДЬТЕ МЛАДЕНЦЫ, А ПО УМУ БУДЬТЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНИ» (1 Кор. XIV. 20). Когда читаешь Ваши рассуждения о науке и религии, то приходится колебаться между заключениями либо о Вашей, извините, необразованности, либо о Вашей, извините, неискренности. С начала XX века уже не один раз проводились АНКЕТЫ среди выдающихся УЧЕНЫХ всего мира по вопросу об их отношении к религии. Оказывалось каждый раз, что подавляющее большинство ученых – ВЕРУЮЩИЕ люди. Это же можно установить, если взять УЧЕБНИКИ естествознания и справиться о личных убеждениях ученых, сделавших крупные вклады в науку: большинство из них – ВЕРУЮЩИЕ люди. Некто наглядно изображал дело так: если бы вырвать, говорил он, из учебников астрономии, математики, физики, химии страницы, которые вписали туда своими открытиями ВЕРУЮЩИЕ ученые – у нас остались бы едва-ли не только обложки... Мне особенно запомнилось, что отец астрономии КОПЕРНИК был... СВЯЩЕННИК. Он принял священство уже в пожилых годах и служил ревностно. Он не потерял веру от того, что Библия называет небо шатром... А вот ИСААК НЬЮТОН, по слову Ляг-

ранжа – «величайший из гениев и самый счастливый, ибо система мира одна и открыть её можно было только однажды» – этот великий из великих Ньютон имел [такую] живую веру в Бога, что благоговейно снимал шляпу каждый раз, когда ему случалось в разговоре произносить имя Божие. Он пробовал толковать Апокалипсис и не смущался, что в видениях его звезды падают на землю... Великий КЕПЛЕР заканчивает труд по астрономии благодарственной молитвой. В связи с этим именем известно, что в 1603 году появилась новая ЗВЕЗДА, необычайно яркая – это был спаренный блеск Юпитера и Сатурна, ставших почти в одну линию. И вот Кеплер сделал вычисления и нашел, что такое же сочетание этих планет Было около времени Рождества Христова – вероятно, это и была РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА Евангелия: «ибо мы видели ЗВЕЗДУ Его на Востоке и пришли поклониться Ему» (Мф. II.2)... Отец микробиологии ЛУИ ПАСТЕР писал: «Чем больше я изучаю природу, тем с большим удивлением останавливаюсь перед деланиями Творца. Я молюсь во время работы в лаборатории». – «Я много изучал, а потому ВЕРУЮ, КАК ПРОСТОЙ КРЕСТЬЯНИН»...

Ленинградцы помнят, что наш русский физиолог Павлов ходатайствовал, чтобы не закрывали храм, в котором он молился. Ваш земляк знаменитый окулист ФИЛАТОВ был ВЕРУЮЩИМ человеком... Это ничтожная часть того, что известно. Таковы живые свидетельства истинных представителей науки.

Верующий ученый понимает, что Божество неприступно для научного познания. Нельзя «открыть» Бога в природе, ибо БОГ, выражаясь весьма условно, ВЫШЕ природы. Да и сама природа бесконечно таинственна. Великий Ньютон говорил, что самому себе он представляется мальчиком на берегу неведомого океана истины. Безграничность познания есть вечная граница непознаваемого и чем больше расширяются теперь пределы науки, тем более ВОЗРАСТАЕТ это иногда невыносимо волнующее нас чувство ТАЙНЫ мира. Простой пример – звездное небо:

«Открылась бездна, звезд полна:
Звездам числа нет, бездне – дна».

(Лермонтов)

Всякий раз, когда мы пытаемся понять, что эта бездна действительно БЕЗ ДНА, бесконечна, совершенно беспредельна, -мы остро чувствуем недоступность нашему рассудку самых основ бытия. Не к Богу ли обращена эта вечно невидимая нам сторона природы во всех областях знания?... Что и говорить: жизнь – ТАЙНА, которую никто не разгадает до смерти, и это одинаково ТАК и для самого простого, и для самого ученого человека.

Нельзя научно ДОКАЗАТЬ бытие Божие. Но нельзя НАУЧНО доказать и обратного. Какая СВОБОДА для нашего выбора! Но вот мы решили – заметьте, не РАССУДКОМ, а ВОЛЕЮ – решили, что Бога «нет», и пробуем дать себе отчет, что же такое – мир без Бога. МИР?

Это вечная пропасть бесконечности, пустого мрака и смерти, слепой процесс без начала и без конца, без цели и смысла. Может быть, «ЭТО» все-же куда-то «развивается»? Нет, этот Процесс ведь совершается вечно, вечно, и следовательно всякое развитие в нем уже совершилось и только повторяется вечно, вечно... Невозможно до конца осознать этот кошмар, невыразимый ужас такого, с позволения сказать, решения мировой тайны. НЕВЕРИЕ В БОГА ЕСТЬ ВЕРА В БЕЗУМИЕ МИРА, – с такой верою никогда не примирится свободный разум человека: нет, нет НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, чтобы сущность жизни была так отчаянна, нелепа! «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс.XIII,1). Вот вам атеизм перед судом разума.

Вы написали:

...«Спасение души? От чего или от кого спасаться? И зачем спасаться, если, по учению церкви, Христос всех спас? А если приходится спасаться каждому своими силами, значит Христос не спас никого. Почему вера должна быть выше рассудка? Если Бог создал человека «по образу и подобию» своему, значит рассудок, знания – выше веры, ибо Бог, как учит церковь, все знает, а не всему верит»...

Я отвечу Вам от души, своими словами, Христос спасает меня от подлости, если я свободно захочу этого. Христос дарует нам вечную божественную жизнь, если мы проявим свободную ВОЛЮ к божественной жизни. Эта воля есть деятельная вера – «ВЕРА, ДВИЖИМАЯ ЛЮБОВЬЮ» (Гал.V.6). Бог – все знает и человек способен знать, постигать рассудком все, что НИЖЕ его самого. Высшая, божественная действительность не открывается без любящей веры. Я вижу, что Вы совсем не понимаете идеи С В О Б О Д Ы, центральной в христианском мировоззрении. СВОБОДА, – вот образ Божий в человеке. Мы свободны веровать нам или не веровать, поклониться нам Богу или не поклониться. С этой позиции мы можем понять, что ОТКЛОНИТЬСЯ нашему рассудку без веры – для Бога значило бы умертвить нашу свободу, ПРИНУДИТЬ нас к поклонению Себе. Казалось бы, это и хорошо: «пусть Бог ДОКАЖЕТ Себя – и мы Ему поклонимся!» Но Бог не рабства, а величия СПАСЕНИЯ нашего ищет. Он изволит сделать нас «ПРИЧАСТНИКАМИ БОЖЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА» (2 Петра 1.4). «УСЫНОВИТЬ нас Себе через Иисуса Христа» (Еф. 1.5). Сын Божий приходит к нам без славы, без всякого внешнего принудительного могущества, но во всем страшном величии Своей духовной красоты. Во Христе божественная любовь обращается к нашей свободе и страдает от нашей злобы. Христос является нам в полнейшем человеческом уничижении – и однако же именно благодаря этому приобшает нас к самой СУЩНОСТИ божественной жизни – к Своей ЛЮБВИ. «Через Христа Бог стал родным и близким человеку» (Н.А.Бердяев). Я верую – это значит: Я ЛЮБЛЮ БОГА, то есть, я хочу, ЧТОБЫ ОН БЫЛ И ЦАРСТВОВАЛ НАД МИРОМ. Царь небесный чтит нашу свободу и взывает к нашей люб-

ви, Он не хочет царствовать над нами иначе, как по свободному избранию нашего сердца... Вот свобода! «БЛАЖЕННЫ НЕ ВИДЕВШИЕ И УВЕРОВАВШИЕ» (Ио.XX,29). По силам ли нам это? – Да, ибо сама божественная благодать помогает нам на пути свободной веры. Б о г е с т ь, и бытие Божие определяет наше религиозное сознание. Но это совершается не принудительными доказательствами рассудка, а неисповедимыми путями, в сокровенном опыте жизни, в таинственных движениях души, ВНУТРИ нашей свободы. «ЖАЖДЕТ ДУША МОЯ К БОГУ КРЕПКОМУ, ЖИВОМУ» (Пс.41.2).

Ещё место из Вашей статьи:

«...Нет возможности в рамках газетной статьи раскрыть перед читателями широкую картину всего, что довелось мне услышать, увидеть, пережить и передумать за три года пребывания в числе служителей религиозного культа. С уверенностью могу только сказать, что христианства, каким его тщатся изобразить церковники, в практической жизни человека нет и, как свидетельствует история, никогда не было. Христианство живет только в богословских книгах и в устах церковных деятелей. Слова же и дела их расходятся абсолютно».

О духовенстве: если мы ведем себя недостойно, то это обратным способом показывает глубочайшую жизненную правду святыми, которая не умирает в душе народа вопреки всему нашему недостоинству. Но я лично знаю и Вы лично знаете многих священников, которых Вы незаслуженно публично оскорбили этим заявлением. Об истории: Вы сами знаете, что пишите НЕПРАВДУ, отрицая христианство мучеников и подвижников всех времен и народов... О современном христианстве: ОНО ЖИВЕТ И ДЕЙСТВУЕТ! Христос – Ч е л о в е к, и христианство есть истинная человечность, и где она проявляется, мы видим божественный свет. Христианство не вмещается в книгах, оно в самой жизни, в святом материнстве, в безвестном будничном подвиге простого человека, в самозабвенной любви, в мужественном страдании, в смирении, в верности, в искренности, в свободном творчестве и труде, в стремлении человека к духовной красоте и свободе, в человеческих законах, – во всем, что дорого и свято нам в жизни! Все священные идеи человечества – из христианства, они не мыслимы и нелепы без христианства; христианство – соль земли, кислород в воздухе, которым мы дышим, сами не замечая этого. В Ваших словах я почувствовал горечь сознания, что христианство во всей силе и полноте не проявляется в практической жизни отдельного человека. Иначе и быть не может, это-то как раз и показывает, что христианство – БОЖЕСТВЕННО. Но есть Ч е л о в е к, который за ВСЕХ НАС осуществил в Себе божественную человечность – Иисус ХРИСТОС. Те, кто свободно полюбил Христа в Его человеческом уничижении, в Его страданиях и смерти, – те сроднились с Ним навеки. Любовь же не знает расчетов, она живительна, она чудотворна – и божественная слава Сына Человеческого становится ОБЩИМ достоянием, СОБСТВЕННОСТЬЮ всего верующего в Него человечества. Так в хорошей СЕМЬЕ мы страдаем друг за друга, радуемся друг за друга, бесконечно прощаем друг другу, духовно ис-

целяем друг друга... Эта спасающаяся во Христе семья человечества есть Ц Е Р К О В Ь, «Которую ОН ПРИОБРЕЛ СЕБЕ КРОВИЮ СВОЕЮ» (Дн.XX, 28), таинственное бессмертное тело Христово (Еф.1,23). Кто в Церкви – тот не погибнет для вечной жизни. АМИНЬ!... Вот глубочайшая тайна религии, которую Вы отвергли.

...Почему Вы «порвали с религией»? Вчитываясь в Вашу статью, я сделал открытие: да ведь Вы и НЕ БЫЛИ в христианской религии. Вы верили – что Христос – не человек и что человек – не свободен, что Ветхий Завет – не отменен, что Библия учебник естествознания, что небо шатер, что диавол – с хвостом и т.д.... Это была религия страха и невежества. Понятно, она стала разваливаться от посещений лектория. Но каковы бы ни были заблуждения Вашего рассудка, если бы христианство действительно обитало когда-нибудь в Вашем сердце, оно оставило бы по себе воспоминание бесконечно святое и заветное. Можно потерять веру, иногда это бывает нужно по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек оплевывать и публично поносить то, что ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО ЕГО СВЯТЫНЕЮ. А Вы это сделали.

Вы утверждаете, что христианство калечит душу, а сами являете живой [пример] души, искалеченной атеизмом. Мы знаем много людей неверующих, заслуживающих глубокого уважения. Я убежден, что Ваше выступление было и для них оскорбительно. Ведь Вы действуете теперь как представитель атеизма, атеистической морали. Посмотрите же на Ваше поведение со стороны, как оно представляется по Вашей собственной газетной исповеди.

... Вот он уже окончательно решил, что он – АТЕИСТ; он испытывает, как он сам пишет, не просто разочарование, а прямо-таки НЕНАВИСТЬ К РЕЛИГИИ и ... продолжает служить СВЯЩЕННИКОМ, воистину народ обманывает, не в силах оторваться от церковного пирога, и он делает это с начала 1957 года по февраль 1958 года – в течение целого Г О Д А... Потом он решает отцепиться наконец от Церкви. Он мог бы сделать это более или менее прилично, стыдясь верующих и неверующих, поступить на гражданскую работу, уехать на целинные земли и т. д. Нет, он устраивает всесоюзный скандал, исповедуется в газете, выставляет на всеобщее обозрение не только свою бедную душу, но и посторонних невинных людей, имевших несчастье с ним встретиться – девушку, которая любила его шесть лет, с именем и фамилией, свою жену, преподавателей, духовников... Он смеётся над святыней родного народа, которая была и его святыней с детства.

Он хвастается, что его посвящали в кафедральном соборе, что он кончил Академию успешно, что ему «присудили» кандидатскую степень, сообщает даже название своего кандидатского сочинения – все это с единственной объяснимою целью, набить цену своему отступничеству. Разве это МОРАЛЬНО? ... Русский верующий народ Вас приютил, кормил и одевал в церковной школе ВОСЕМЬ ЛЕТ; никто не принуждал

Вас идти в священники, Вы сами этого просили, хотя нужно было Вам по совести не спешить, посомневаться вволю и найти себе прочное мировоззрение; Вам поверили, народ, Вы пишите, хорошо Вас обеспечил... И за все это ВЫ НАПЛЕВАЛИ В ДУШУ этому народу – и верующим и не верующим – да, и не верующим, потому что это позорит Вас уже не в качестве священника, а в качестве АТЕИСТА. Все равно, как если-бы Вы попросились в приличный дом и, извините, на рояле нагадили. И ведь, выступая в роли обличителя церкви, Вы заранее знали, что Церковь будет молчать, что не выступит вслед за Вами по радио златоустый Митрополит Николай, или негодующий любящегневный протоиерей Козлов, или другой кто-либо из Ваших бывших учителей и товарищей. Воображаю, ЧТО бы это было!... Эта черта заведомой безнаказанности в Вашей ругани против безмолвствующей церкви была особенно отвратительна. Конечно, неверующие осудят эту, извините, пропаганду подлости, с которой Вы выступили от имени атеизма: как же мы будем строить лучшее ОБЩЕСТВО, если КАЖДЫЙ из нас будет так низок!

... А верующим было очень-очень больно. Вот Вам «человеческий документ» – письмо, которое получил некто по поводу Вашей статьи:

«...В городе я услышала об этой статье, а вчера передавали по радио. Обегав всю деревню, нашла наконец эту газету и прочитала. Вы наверно этого мерзавца знаете? Вот уже целый вечер как я плачу. Родной друг мой, что бы не случилось с нами, мы всегда с Богом».

Это – одна капля в море возмущения народа. Ах, молодой человек, ЧТО Вы наделали, страшно подумать, какие душевные муки испытаете Вы, когда поймете уродство Вашего несчастья. Променять Христа на Дулумана*! Одна мысль об этом – и то тошнотворна... «БОЖЕНЬКА ВСЕ ВИДИТ, БОЖЕНЬКА НАКАЖЕТ» – так смеетесь Вы, учили Вас Ваши родители. Они были правы, Вы это увидите. Только не понимайте, пожалуйста, наказание Божие в смысле кары и мести. По-гречески «Бог наказывает» – значит «БОГ ВОСПИТЫВАЕТ». Боже избави меня посмеяться над Вашей бедою, в которой несомненно повинна отчасти и дурная система нашей церковной школы. Я Вас хорошо помню, я надеюсь, что Ваше развитие на этом не остановится. Я призываю Вас не отчаиваться, перестрадать все терпеливо и верить, что у Бога – море любви.

В неделю Жен Мироносиц, 1958 г.

ЦГА СПб. Ф.9324. Оп.2. Д.74. Л.165-174. Копия.

** Дулуман Евгений Константинович (р.1928). В 1951 г. окончил МДА, работал преподавателем Саратовской ДС, в 1952 г. демонстративно покинул семинарию и выехал в Одесскую обл., где написал в обкоме КПСС заявление о разрыве с религией. Работал бригадиром в колхозе. 24.03.1957 г. в «Комсомольской правде» была опубликована его статья «Как я стал атеистом».*

№ 39

Стихотворение «Новый Иуда»*

Начало 1958 г.

Верьте, не верьте, а сделалось чудо:
Снова в наш мир возвратился Иуда!
Только уже не за тридцать монет
Бога – Христа продает он, о нет!
Глупыми баснями ловко торгуя,
В этом наживу немалую чуя,
Сеет безбожье, безверье, туман
Новый Иуда – Евграф Дулуман.
Если б был жив Ломоносов великий,
Он бы сказал ему: «Янус двуликий!
Я размышлял о величии Божьем,
Ты лишь клевещешь!
О! Как ты ничтожен!
Духом убогий, земная козявка
Лаешь на Господа, глупая шавка!»
«Бог» – так Державин свой стих озаглавил,
И тем он могущество Бога прославил:
Мысли его и душа глубока,
Светом торжественным озарена!
Лишь с головой непокрытою мог
Ньютон сказать слово светлое «Бог»!
Миру известно – наш славный Суворов
Не заводил о религии споров,
Милости Божьей и помощи ждал,
С Богом всегда и везде побеждал!
Ну-ка! Поищем среди дулуманов
Светочей разума, мысли титанов,–
И не пытайтесь!
Подобных примеров
Не существует среди лицемеров!
Светом свечи можно ль солнце затмить?
Камешком можно ли гору накрыть?
Так и ничтожною тенью своей
Бога закрыть не сумеешь, пигмей!
Первый Иуда, предавший Христа,
Чувствовал – совесть его нечиста,
Мучился точно в кипящем котле
И успокоился только в петле.
У Дулумана иная сноровка.
Совести нет, не нужна и веревка –
Был бы лишь туго набитый карман...
Умер духовно Евграф Дулуман.

ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.228. Л.21. Копия.

** Стихотворение является ярким примером «религиозного самиздата» конца 1950-х годов. Оно было написано неизвестным ленинградцем – священнослужителем или мірянином и в рукописном виде получило широкое распространение среди учащихся Ленинградской духовной академии и семинарии.*

№ 40

Анонимное письмо от группы верующих Патриарху Алексию*.

Москва. Июль 1961 г.

Святейший Владыко!

Настоящим инициативная группа верующих по спасению Русской православной церкви от ея физического истребления просит и Вас поднять Ваш авторитетный голос, прося наше правительство пресечь все насилия, учиняемые повсеместно по всему союзу местными уполномоченными по делам церкви и другими новоявленными инквизиторами над церковными общинами, у которых одно за другим отбираются и закрываются церковные здания при невыразимой скорби простых верующих людей. И это делается в то время, когда по всей нашей планете простые, ранее порабощённые народы становятся свободными от колониального рабства и дышат подлинной демократией, а простые русские люди насильственно лишаются элементарного права свободно исповедывать свою веру и иметь для сего соответствующие храмы.

Мы собрали многочисленный материал о уже закрытых храмах, монастырях и духовных школах. Нами зафиксированы все фактические подробности и мельчайшие данные о «механизме» этих насильственных закрытий.

Пусть знают все инквизиторы, которые посягают на святыни простого русского народа, что никакая бесчестная макулатура с намалеванными «подписями», насильственно взятыми у малодушных, запуганных епископов, не обелят их в глазах мировой общественности, простых людей всей земли и если вы, Святейший Владыко, бессильны оградить церковь нашу от уничтожения, то мы вынуждены будем передать все эти фактические данные о физическом истреблении нашей церкви на нашей Родине, на форум ООН, чтобы простые люди всей планеты узнали о большом горе, постигшем русских верующих людей и своим могучим голосом оградили Русскую Православную Церковь от уничтожения.

Инициативная группа верующих.

ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.308. Л.31. Копия.

** Передано в КГБ 31 июля 1961 г.*

№ 41

Характеристика на митрополита Ленинградского и Ладожского Пимена

(Извекова Сергея Михайловича, 1910 года рождения, русского, гражданина СССР)*.

15 октября 1963 г.

За время своего нахождения в качестве правящего архиерея Ленинградской епархии с конца 1961 года, митрополит Пимен зарекомендовал себя опытным администратором, сумевшим добиться уважения и авторитета среди подчиненного ему духовенства. Многие из местных Ленинградских священников неоднократно высказывали мнение, что после митрополита Григория (умер в 1956 году), Пимен первый из Ленинградских архиереев, кого они безоговорочно признают за своего архиерея и подчиняются ему.

По прибытии в Ленинград, Пимен установил контакт с Уполномоченным Совета и все вопросы своей административной деятельности согласовывал с ним. Нужно сказать, что в этой части Пимен проявлял полное понимание и не было таких случаев, чтобы с его стороны высказывалось несогласие рекомендациям Уполномоченного по всем принципиального характера вопросам, которые подлежат согласованию.

Так, по прибытии в Ленинград, Пимену сразу же пришлось занять определенную позицию в вопросе перевода духовенства на твердые оклады. Не принимая сам деятельного участия в осуществлении этого мероприятия, Пимен советовал духовенству положительно к нему отнестись. Правильно разъяснялись духовенству и вопросы, связанные с передачей исполнительным органам религиозных обществ административно-хозяйственных функций, вопросы организации в церквах учета треб и соблюдения прав родителей при совершении обряда крещения. Достаточно легко с Пименом решать вопросы целесообразных перемещений духовенства, воздержания от назначений священников в экономи-

---

** Пимен (Извеков Сергей Михайлович, 1910–1990). После окончания средней школы в 1920-х регент в храмах Москвы, с 1927 г. монах пустыни Св.Духа Параклита, с 1931 г. иеродиакон, с 1932 г. иеромонах. В 1935 г. арестован. В 1945–1946 г. свящ. Благовещенского соб. г. Мурома, затем казначей Одесского Ильинского монастыря. С 1949 г. игумен, секретарь еп. Ростовского и ключарь Ростовского кафедрального соб. С 1950 г. архимандрит, наместник Псково-Печерского монастыря. С 1954 г. наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. С 1957 г. еп. Балтский Одесской епархии, затем еп. Дмитровский, управляющий делами Московской Патриархии. С 1961 г. архиеп. Тульский и Белевский, затем митроп. Ленинградский и Ладожский, с 1963 г. митроп. Крутицкий и Коломенский. С 1971 г. Патриарх Московский и всея Руси.*

чески слабые церковные приходы. Правильное поведение и реакция самого Пимена способствовала тому, что при закрытии ряда церквей, в том числе часовни Ксении Блаженной, не было нежелательных проявлений со стороны духовенства и верующих. При содействии Пимена в Ленинградских церквах сократилось количество акафистов и так называемых ранних обеден. Усилился контроль за проповеднической деятельностью духовенства, что в конечном счете привело к сокращению произносимых проповедей. Проповеди и выступления самого Пимена носят в основном патриотический характер.

С тактом, умением и достоинством Пимен устраивал приемы посещавших Ленинград иностранных церковных делегаций. В своих беседах и выступлениях перед иностранцами Пимен всегда подчеркивал патриотические стороны деятельности Русской церкви и духовенства, правильно освещал вопросы положения церкви в Советском Союзе. Положительны также отзывы о Пимене, как о члене Советского и Ленинградского комитетов защиты Мира.

Излагая положительные стороны деятельности митрополита Пимена, следует также отразить и наблюдающиеся у него некоторые отрицательные свойства, стороны поведения и характера.

По отзывам близко знающих Пимена лиц и из личных наблюдений, человек он весьма замкнутый и скрытный. В свои намерения, даже если они относятся к вопросам деятельности церкви, он из своего окружения никого не посвящает, бывали случаи, когда он уезжал в дальние приходы или Москву, не ставя об этом в известность даже епархиального секретаря. Скуп и мелочен. Стремясь показать себя ревнителем дисциплины и порядка, составил расписание обязанностей каждому из сотрудников епархиального управления, вплоть до шофера, курьера и машинистки. Некоторые из сотрудников высказывали жалобы на грубость в обращении с ними. Любя преклонение и подобострастие перед ним, сам придерживался таких же правил по отношению к тем лицам, от которых он может быть зависим. Очень боялся, чтобы о нем не говорили чего плохого в Москве (Совете, Патриархии), особенно избегал попасть в немилость к Даниле Остапову. Всячески критикуя и понося его за глаза, при каждом удобном случае старался льстить ему и даже преподносить подарки.

Пимен любит служить в церквах и во время своего пребывания в Ленинграде воскресил давно уже забытые Ленинградским духовенством обряды. В частности, им были восстановлены так называемый чин «торжества православия» (первая неделя великого поста) и церемония «омовения ног» в «великий четверг» на «страстной неделе». Когда Уполномоченный порекомендовал Пимену воздержаться от совершения этих обрядов, он сослался на то, что эти обряды совершаются в церквах Моск-

вы и если в Патриархии узнают, что он их не совершает, то он будет иметь неприятности.

Существенным недостатком Пимена является и то, что он слабо восполняет имеющиеся у него пробелы в общем и духовном образовании, недостаточно повышает свой культурный кругозор.

Несмотря на наличие перечисленных недостатков, в целом личность митрополита Пимена с нашей точки зрения выглядит положительно.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Ленинграду и Лен[инградской] области

Г.Жаринов

ЦГА СПб. Ф.9324. Оп.2. Д.93. Л.37-39. Копия.

№ 42

Открытое письмо Святейшему Патриарху священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина

История написания документа

Открытое письмо священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана было написано в результате продолжительной работы большой группы людей. Первоначальный, очень краткий вариант подготовил религиозный писатель Анатолий Краснов-Левитин. Он был существенно переработан и расширен о. Николаем Эшлиманом при участии Георгия Эдельштейна (в настоящее время настоятеля Воскресенской церкви с.Карабаново Костромской епархии). Эта рукопись составила основу первой части окончательного варианта, над которым ещё несколько месяцев работали міряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Участие о. Глеба Якунина в подготовке письма ограничилось высказыванием ряда общих идей. Однако заслуга подписавших данный документ священников заключается прежде всего в том, что они поставили свои подписи и отказались в дольнейшем снять их несмотря на оказываемое давление. Сначала предполагалось, что это будет совместное письмо епископов, священников и возможно нескольких диаконов (мірян не хотели включать) – своего рода соборное обращение к Патриарху. Но затем почти все из 15–20 выражавших предварительное согласие священнослужителей отказались дать свои подписи. Первоначально предполагалось, что документ подпишет и Архиеп. Гермоген Голубев. Но «потом его реакция была жёсткой»; он считал, что священник не имеет права так разговаривать со своим правящим архиереем. Через несколько месяцев Архиеп. Гермоген направил Патриаху собственное послание, носившее более келейный характер, хотя и содержало ряд общих с письмом идей. Это послужило причиной его дальнейшей опалы – высылки в Жировицкий монастырь, где он и окончил свои земные дни. Письмо было размножено в 100 экземплярах и разослано всем правящим архиереям Московской Патриархии. И некоторые из них, например, митрополит Сурожский Антоний (Блюм) прислали одобрительные

телеграммы. А 15 Декабря они направили копии письма Председателю Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному, Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину и генеральному прокурору СССР Руденко (Из интервью с о. Георгием Эдельштейном 22.10.1996. Архив Научно-Информационного центра «Мемориал»).

«Камень, Его же небрегоша зиждущий, Сей бысть во главу угла: от Господа бысть Сей и есть дивен во очесех наших» (Мф. 21.42)

Ваше Преосвященство!

Авторы «Открытого письма Святейшему Патриарху» считают необходимым адресовать это письмо также и Вам, как правящему Епископу Русской Православной Церкви, который несет ответственность за Её настоящее и будущее, – во свидетельство в День, «воньже со славою Судия всех приидет, и коегождо деяния обнажаться...»

13 Декабря 1965 г.

Вашего Преосвященства недостойные Богомольцы, священники:

подписи: Николай Эшлиман, Глеб Якунин.

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси, Алексию

Священников:
Николая Эшлимана, служащего в храме Покрова Пресвятыя Богородицы, что в Лыщиковом пер. г. Москвы.
Глеба Якунина, служащего в храме Казанской иконы Божией Матери, что в г. Дмитрове Московской Епархии.

Открытое письмо.

Копия «Открытого письма Святейшему Патриарху» адресуются нами правящим Архиереям Русской Православной Церкви.

Одновременно авторы «Открытого письма», как граждане СССР, направляют в высшие Органы государственной власти и Генеральному Прокурору Советского Союза заявление с протестом против незаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, при Совете Министров СССР.

(Копия заявления прилагается к настоящему письму)

«Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света» (Рим. 13.12)

Ваше Святейшество!

Плодом прилежных молитв, душевной борьбы и тяжких раздумий явилось это письмо, с которым мы, принуждаемые христианской совестью и пастырским долгом, сочли необходимым обратиться к Вам и в Вашем лице к общей Матери нашей – Русской Православной Церкви.

21 Ноября 1944 года Вы произнесли исполненные духовной мудрости слова, к несчастью оказавшиеся пророческими:

> «... Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступим однажды по какому-либо произвольному рассуждению, то уж трудно будет определить, где тот предел, далее которого нельзя итти. Один шаг через рубеж правил подвергает опасности многое и подает ревнителям повод к серьезным и основательным нареканиям» *.

И вот ныне горькой истиной, очевидной для каждого человека, любящего Христа и Его Церковь, стало то, что Русская Церковь тяжело и опасно больна, и болезнь Её всецело оттого, что церковная власть уклонилась от исполнения своего долга, отступив за тот предел, «далее которого нельзя итти».

Великое обетование Христово: «Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют Её» (Матф. 16,18), Русская Церковь относит к себе, как к части Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Вся тысячелетняя история Её, вплоть до сегодняшего дня, является ярким тому свидетельством. Церковь неодолима для внешних и никакое давление извне не в силах препятствовать Её пути следования за Христом и служения Его Истине.

Но та же история нашей Русской Церкви, равно, как и любой иной отдельной поместной Церкви, учит нас, что в вопросах внутреннего устроения она бывает несвободна от ошибок – «... она иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда всплывает на веслах исповедания...».

Все мы, образующие ныне собою Православную Русскую Церковь в особенности архипастыри и пастыри, ответственны перед Богом за те тяжкие нестроения, которым Она ныне подвержена.

Поэтому, следуя призыву Вашего Святейшества к архипастырям и приходским пастырям: «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопившихся в ней по нашему нерадению» **, мы, приходские пастыри Русской Православной Церкви, сочли невозможным долее умалчивать о тех шагах Церковного управления за рубежи правил церковных, которые подвергли опасности

---

* *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. «Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи». Изд. Московской Патриархии. 1948. С.98.*

** *«... В Бозе почивший Патриарх Сергий оставил нам завет «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопившихся в ней по нашему нерадению». К этому же обязуюсь и я призвать всех чад нашей Православной Церкви, наипаче же преосвященных архипастырей и приходских пастырей. Им все ведомы современные нестроения в церковной жизни, ведомо и повеление Апостола о внимании прежде всего себе, а затем и всему стаду». Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. «Слова и речи...». Москва. 1948 г. С.111.*

многое и стали источником всевозрастающей тревоги, предметом постоянной заботы и поводом для соблазна и смущения всей Вашей паствы.

Сознавая свое человеческое недостоинство и духовную немощь, мы долгое время ожидали, пока какой-либо ревнитель более достойный чем мы, нарушит узы греховного молчания и обратится к Вам и в Вашем лице к Соборному самосознанию Русской Церкви, ища в нем исцеления церковных недугов.

Светлейший образ Христа изъязвленного властно повелевает нам не откладывать далее и принять на себя бремя сего тяжкого долга.

Опорой в этом служит нам упование на Господа Всемогущего, Который не только человеку, созданному по Его Образу и Подобию, но и бессловесной ослице может дать власть «остановить безумие пророка».

I

«...И на стенах твоих Иерусалиме, приставих стражи весь день и всю нощь, иже до конца не премолкнут поминающие Господа». (Исаия. 62.6).

«Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков». (1 Кор. 7.23).

Около двух тысяч лет назад прозвучали слова Господа нашего Иисуса Христа, установившие должное отношение между религиозной и гражданской жизнью человеческого общества – «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мр. 12.17).

Эти слова Спасителя положили предел притязанию языческого государства на неограниченную власть над человеком. Духовная жизнь человека, его отношение к Богу, его мораль, определения его совести были навсегда изъяты из-под власти кесаря.

Впервые в истории христианское учение провозгласило безграничную ценность человеческой личности. За человеком раз и навсегда было признано священное право на религиозную свободу.

На этом основании Христова Церковь с первых дней Своего исторического бытия сознавала Себя особым духовным Царством, избранным от мира и подвластным Одному Богу.

«...вы род избранный, царственное священство, народ святый, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий...» (1 Петр. 2.9–10).

В то же время Св.Православная Церковь всегда признавала за государством суверенное право на руководство гражданской жизнью общества и потому всегда вменяла своим членам необходимость повиноваться мирским властям по совести.

Безусловное невмешательство государства во внутреннюю жизнь Церкви, с одной стороны, и свободное сотрудничество Церкви и государства в гражданской сфере, если государство этого пожелает, с другой – таков принцип истинного взаимоотношения Церкви и Государства.

Основные законодательные документы Советской власти, определяющие отношение Советского государства к Церкви – декрет «Об отделении Церкви от государства»... и 124 ст. Конституции СССР, провозглашающая свободу совести и признающая за гражданами СССР право на свободу религиозной жизни – создают определенные основания для осуществления этого принципа.

Кроме того, для контроля за соблюдением законов, определяющих отношение государства к Церкви и для посредничества между Церковью и государством в гражданской сфере, при Советском правительстве учрежден специальный орган – Совет по делам Православной Церкви.

В условиях безрелигиозного государства, когда Церковь заинтересована в строжайшем соблюдении принципа отделения Церкви от государства, существование специального органа, обеспечивающего осуществление этого принципа, с точки зрения Церкви вполне целесообразно, важно только, чтобы этот орган не искажал своих функций и не превышал своих полномочий.

Однако, за период с 1957 по 1964 гг., под личным давлением Хрущёва, допустившего «субъективизм и администрирование в руководстве», впоследствии осуждённые Коммунистической Партией и Советским правительством, Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией.

Ныне в Русской Церкви создалось такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от активного административного вмешательства со стороны Совета по делам Р.П.Ц., его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви!

Благоговея перед таинственным величием Архипастырского сана, со страхом Божиим в сердцах своих, сознавая своё человеческое недостоинство, но тем не менее побуждаемые неодолимым требованием христианской совести, мы считаем своим долгом сказать, что подобное положение в Церкви могло сложиться лишь вследствие попустительства Высшей Церковной Власти, которая уклонилась от исполнения своих священных обязанностей перед Христом и Церковью и в нарушение Апостольского завета явно «сообразовалась веку сему».

Сугубая вина Церковного Управления состоит в том, что оно пошло по пути подчинения неофициальным устным распоряжениям, которые, в нарушение гласного советского законодательства, Совет по делам Р.П.Ц. избрал средством систематического и разрушительного вмешательства в жизнь Церкви.

Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения – вот та атмосфера нездоровой таинственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам Р.П.Ц.

И если «Духовный регламент» Петра I, поставивший во главе Святейшего Cvнода верующего мирянина – чиновника, вызвал законный протест христианской совести, то тем более возмущение вызывает положение, при котором деятельностью Московской Патриархии негласно руководят чиновники-атеисты.

Ваше Святейшество!

Мы вполне сознаем всю исключительную ответственность наших обвинений, но твердо уверенные в их истинности, за каждое из них мы готовы дать ответ перед Судом Божиим.

На основании своей пастырской практики мы твёрдо знаем, что Совет по делам Р.П.Ц. действительно вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, что это вмешательство направлено на разрушение Церкви, что оно действительно осуществляется путем неофициальных устных распоряжений и что церковная власть этим распоряжением безоговорочно повинуется.

Длинный ряд фактов подтверждает каждый пункт наших обвинений.

1. Незаконная регистрация крестин и прочих треб.

Можно ли представить себе, чтобы во дни апостольской проповеди, когда по слову первых учеников Христа крестились многие тысячи народа, перед совершением таинства избранные члены церковной общины по соизволению Апостолов записывали всех желающих креститься, а потом передавали эти списки в руки римской или иудейской администрации?

Греховность такого помысла очевидна! Между тем, как это ни горько сказать, именно такое положение существует ныне в Русской Церкви и Её пастыри циркуляром Вашего Святейшества от 22/12–1964 г. за № 1917, принуждаются, долгом послушания архипастырскому слову, активно содействовать этому греху.

Безоговорочное подчинение существующему беззаконию, к чему призывает циркуляр, ставит пастыря в положение доносчика на тех, кто вверил себя покровительству Матери-Церкви.

Дело в том, что за последние годы в подавляющем большинстве приходов введен такой «порядок», при котором таинство крещения совершается только после предварительной неизбежной регистрации. Каждый, желающий принять Св.Крещение или крестить своих детей, обязан предварительно предъявить свой паспорт представителю церковного совета, который регистрирует его (или свидетельство о рождении) по определенной форме. Сверх того, при крещении детей требуется непременное присутствие обоих родителей.

Такой же незаконной регистрации подвергаются и другие требы: Венчания, Соборования, и Причастие на дому, Отпевание.

Управлению Московской Патриархии известно, что акты регистрации крестин и других церковных треб систематически просмат-

риваются местными органами власти и, до недавнего времени, использовались антирелигиозниками для грубой травли крестившихся, родителей, крестивших своих детей, венчавшихся и т.п. Их «прорабатывали» по месту работы или учебы, подвергали «административному давлению», на них помещались карикатуры наравне с пьяницами, развратниками и бездельниками, их имена с нелестными комментариями склонялись в прессе и т.д.

В настоящее время антирелигиозники продолжают использовать регистрацию церковных треб, которую местные органы власти получают из первых рук церковных советов, для идеологической борьбы с Церковью и для незаконного вторжения в личную религиозную жизнь граждан*.

Управлению Московской Патриархии всё это хорошо известно, как и то, что практикующийся «порядок» регистрации крестин и других треб, противоречит христианской совести, Каноническому Праву**, и пастырскому долгу, что он является вопиющим беззаконием и произволом, попирающим принцип свободы вероисповедания.

Откуда же взялась эта практика? Где закон или хотя бы письменные распоряжения, церковные или гражданские, вводящие её в жизнь приходов***?

Их нет!

Более того – регистрация крестин представителями церковных советов является грубым нарушением советского законодательства, ибо член совета – частное лицо и не имеет права проверки и, тем более, регистрации документов.

Противозаконная практика регистрации крестин внедрена в жизнь приходов Советом по делам Р.П.Ц., который путем устного диктата навязал её исполнительным органам церковных советов.

Отчетливо сознавая противозаконность такого административного давления и неприятные последствия возможных законных протестов, уполномоченные Совета, через которых это давление практически осуществлялось, категорически отказываются письменно подтверждать свои распоряжения. В то же время уполномоченные требуют неукоснительного исполнения этих распоряжений, лишая регистрации те церковные советы, которые не желая нарушать гласное законодательство, отказываются подчиняться устной инструкции.

Очевидно – повсеместная практика противозаконной регистрации крестин и других церковных треб является неопровержимым свидетельством вмешательства Совета по делам Р.П.Ц. во внутреннюю жизнь

** Один из примеров: «Советская Россия» ст. «Вокруг купели» 12/8–65г.*

*** Правила Св.Церкви повелевают, что в случае крайней нужды крещение может быть совершено и вне храма и даже мирянами.*

**** Циркуляр Его Святейшества за № 1917 не вводит регистрацию крестин, а лишь обязывает священников подчиняться уже существующей практике.*

Церкви и беспрекословного подчинения Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов.

Кроме этого не лишним будет сказать и следующее. Беззаконная практика регистрации церковных треб подрывает доверие народа к Матери-Церкви и полагает серьезное преткновение на пути тех, кто стремится принять Св.Крещение или крестить своих детей.

Таким образом Московская Патриархия, активно способствуя этой беззаконной практике, берёт на себя тягчайший грех, порождая духовный соблазн и отталкивая человеческие души от Спасительной Благодати.

Может ли христианская совесть остаться безучастной к такому вопиющему беззаконию?

2. Массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ.

Православный народ издревле возлюбил Божии храмы. Всю глубину и красоту своего христианского мироощущения, евангельскую мудрость и духовную силу, светлое чувство гармонии и богатые дарования свои вложил он в созидание храмов Божиих. Сооружение и сбережение христианских храмов всегда почитал он делом первостепенной важности и благочестия. «...возлюбил благолепие дома Твоего и место селения Славы Твоея», ибо Православный храм есть подлинно дом Божий, средоточие церковной жизни, духовная трапеза, окормляющая верных нетленными дарами Божественной Благодати, место встречи Божественного и человеческого, сердце христианской общины. «Как драгоценна милость Твоя, Боже! Сыны человеческие под кровом крыл Твоих покойны. Насыщаются от изобилия Дома Твоего, (в тексте: «...от тука дома...») и от потока сладостей Твоих Ты напояешь их» (Пс. 35.8–9). «Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтобы он жил во дворах Твоих». «Насытимся благами дома Твоего, святаго храма Твоего». (Пс. 64.5).

Но не только религиозно-культовое значение имеет православный храм, он имеет и важное значение церковно-социальное. С тех пор, как государство и общество признали легальное существование Церкви, православный храм стал местом публичного и законного собрания христианской общины (экклезия).

Без храма никакая церковная власть, стоящая на позиции легальности, не может осуществлять своего пастырского служения. Такая церковная власть, теряя храмы, лишает Церковь не только очагов духовного бытия, но и опорные пункты своего легального существования. Тем самым Она лишает «словесное стадо» церковной ограды, предает его на расхищение «волкам и татям».

Согласно действующему в нашей стране законодательству, все церковные здания являются общенародной собственностью. Каждая православная община, имеющая в своем составе не менее двадцати человек, имеет право на получение в пользование церковное здание. Права общины на пользование храмом ограждены законом:

«Передача здания культа, находящегося в пользовании верующих для других надобностей (ликвидация молитвенного здания) допускается исключительно по мотивированному постановлению Центрального Исполнительного Комитета автономной Республики, краевого или областного Исполнительного Комитета, если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей. О таком постановлении сообщается верующим, составившим религиозное общество».

«Если верующие, составившие религиозное общество, в двухнедельный срок со дня объявления им постановления о ликвидации молитвенного здания обжалуют это постановление в Президиум Верховного Совета СССР, то всё дело о ликвидации молитвенного здания пересылается в Президиум Верховного Совета СССР. Договор с верующими теряет силу и здание культа изъемлется из их пользования только после утверждения соответствующего постановления Президиумом Верховного Совета СССР»*.

За последние сорок лет Русская Церковь пережила два периода массового закрытия храмов. В первый раз это было во времена становления культа личности Сталина, второй раз – во время правления Хрущёва. За краткий период 61–64 гг. были закрыты тысячи православных храмов. Закрыты вопреки желанию верующих, в нарушение гласного законодательства, без соблюдения предусмотренной законом процедуры.

Тяжкое бедствие постигло Русскую Церковь. Одна утрата следовала за другой: Глинская пустынь, древнейшая святыня земли Русской – Киево-Печерская Лавра, Свято-Андреевский собор, в котором почивали св. мощи великомученицы Варвары, кафедральный собор в Новгороде, Св.скит Почаевской лавры, тысячи храмов Украины и Белоруссии, монастыри Закарпатья и Молдавии, святые храмы России! Беда обрушилась и на очаги христианского просвещения: одна за другой были закрыты семинарии в Киеве, Ставрополе, Саратове, Волыни, Жировицах. Горестный вопль потряс Русскую Церковь! В эту минуту тяжкого испытания с надеждой на помощь обратились сердца верующих людей к своим Пастырям. Ибо кому как не Пастырю должно полагать душу свою за овцы, ограждая стадо от расхищения?

Поток жалоб и заявлений, подписанных тысячами православных, хлынул к епархиальным архиереям и в Управление Московской Патриархии. Сотни ходатаев переполняли в эти дни канцелярии правящих епископов. За тысячи километров приезжали посланцы бедствующих приходов и монастырей в Москву, ища защиты и покровительства Святейшего Патриарха.

Увы, напрасны были надежды!

** О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК от 8.4.1929 г. №№ 36, 37.*

С вежливым равнодушием, с холодным бессердечием, как докучливых просителей встречали епархиальные канцелярии ходатаев церковного горя!

Имея возможность оказать действенную помощь, большинство епископов Русской Церкви не нашли в себе мужества встать на защиту своей паствы. Мы говорим не о тех немногих, которые сознательно служили беззаконию, лично помогая безбожникам закрывать храмы – о таких сказано «...да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем, и епископство его да приимет ин» (Деян. 1.20). Но даже те архиереи, которые в сердце своем скорбели о церковном бедствии, беспомощно разводили руками, как бы говоря: «... оставил Господь землю сию и не види Господь» (Иез. 9.9).

Так ли это?

Разве священный долг архипастыря не повелевает ему полагать душу свою за овец стада Христова? Епископы обязаны были защищать храмы, тем более, что гласное советское законодательство дает достаточное объективное основание для защиты храмов силою закона! Епископы имели полную возможность не только направить протест верующих по законному руслу, но и самим ходатайствовать перед гражданской властью о пресечении беззакония.

Пример такого епископа, как Преосвященный Ермоген, Архиепископ Калужский, на архипастырской совести которого нет ни одного закрытого храма, показывает, что, там где Епископ проявлял достаточно мужества и усердия в деле защиты своей паствы, беззаконие отступало!

10.000 закрытых храмов и десятки закрытых монастырей непререкаемо свидетельствуют о том, что Московская Патриархия не исполнила своего долга перед Христом и Русской Церковью, ибо только заручившись молчанием высшего Церковного Управления могли безбожники закрывать Божии храмы!

Если бы противники Церкви не были уверены в том, что Московская патриархия откажется от законной защиты своей паствы, они никогда не посмели бы лишать православные общины законных прав на своё легальное существование. Таким образом, массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ непререкаемо свидетельствует о безоговорочном подчинении Московской Патриархии негласному диктату чиновников-атеистов. А сотни тысяч христианских душ на огромных просторах нашей Родины, лишённых церковного окормления, будут свидетельствовать пред Господом об этом беззаконии.

3. Фактическое прекращение треб на дому и панихид на кладбищах.

Православная Церковь призвана освящать Божественной благодатию все стороны жизни своих верных чад. Поэтому издревле в Православной Церкви сложился духовный обычай помимо основного Богослужения в храме совершать по нужде верующих особые Богослужения

вне храма: крестные ходы, молебны в домах и на полях, панихиды на кладбищах, освящение домов, стад, колодцев, пчелиных ульев и т.д.

Согласно ныне действующему в нашей стране гражданскому законодательству, совершение Церковных Богослужений вне Храма разрешается при следующих условиях: для совершения Богослужения под открытым небом, если оно не является неотъемлемой частью Богослужения, требуется специальное разрешение местных органов власти, для совершения Богослужения связанного с похоронами и, тем более, для совершения Богослужений в частных домах никакого специального разрешения не требуется. («О религиозных объединениях». Постановление ВЦИК и СНК от 8 Апреля 1929 г. ст.58–61).

На основании этого законодательства пастыри Русской Церкви до последних лет имели возможность беспрепятственно совершать панихиды на кладбищах и требы на дому: молебны, освящения домов, парастасы и панихиды.

Примерно пять лет назад совершение треб на дому и панихид на кладбищах было фактически прекращено. Однако, напрасно стали бы мы перелистывать своды законов, отыскивая основания для прекращения треб. В законах такого основания нет. Как и всегда в подобных случаях, прекращение треб на дому и панихид на кладбищах было следствием неофициального диктата уполномоченных Совета по делам Р.П.Ц., незаконно вторгающихся во внутреннюю жизнь Церкви и грубо отметающих действующее гражданское законодательство. Так, например, в Московской епархии при перерегистрации духовенства в 1961–62 гг. всем священникам было предложено подписать негласное распоряжение Совета по делам Р.П.Ц., предписывающее совершать требы на дому и панихиды на кладбищах только по разрешению местных властей (которое практически никогда не дается), причём уполномоченный Совета по Москве и Московской области – Трушин выдавал священникам регистрационные справки только после того, как они расписывались в том, что будут выполнять это распоряжение. Важно отметить, что при этом «распоряжение» оставалось на руках у Трушина, а расписавшиеся священники не получили даже его копий.

Таким образом, хотя в данном случае диктат уполномоченного осуществлялся путем письменного распоряжения, это был всё тот же незаконный диктат, идущий вразрез с гласным законодательством и не только попирающий провозглашенную Конституцией свободу совести, но на сей раз прямо вторгающийся в личную жизнь граждан. Ибо по прямому смыслу указанного «распоряжения» никакой гражданин Советского Союза не может без специального разрешения местных органов власти пригласить к себе в дом священника для совершения молебена о здравии своего больного ребёнка или панихиды о упокоении своих почивших родителей, не рискуя при этом поставить священника, своего пастыря и гостя, перед угрозой лишения регистрации!

Управлению Московской Патриархии всё это хорошо известно, и в данном случае Высшая Церковная власть своим беспринципным молчанием покрывает беззаконные действия направленные на всемерное удушение церковной жизни.

4. Принудительное удаление детей от Церкви.

Священное Писание рассказывает, что во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, к Нему приносили маленьких детей, чтобы Он благословил их. «Ученики же не допускали приносящих. Увидев то, – повествует Евангелие – Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие». (Мр.10, 13–14).

Верная заповедям Спасителя, Св.Православная Церковь всегда уделяла большое внимание приобщению детей Божественной благодати. Ради этого Св.Церковь установила практику крещения младенцев, благословила христианское воспитание детей в семье, постоянно заботилась о духовном воспитании подростков.

Вековой опыт Церкви свидетельствует о том, что чистая детская душа особенно восприимчива к светлой красоте Православия и его Богослужения и что верующие дети охотно принимают в нем деятельное участие.

Идя навстречу религиозным потребностям детской души, чадолюбивая Мать – Православная Церковь – всегда благословляла практическое участие детей в храмовом Богослужении. В России издревле существовали детские церковные хоры, и верующие мальчики охотно допускались к деятельному участию в церковной службе.

Нет ни одного пункта Советского законодательства, который не только запрещал бы, но хотя бы как-то ограничивал участие детей в церковной жизни. Более того, декрет «Об отделении Церкви от государства», отделяя школу от Церкви в то же время предоставляет право всем гражданам обучать и обучаться религии частным образом.

Однако за последние годы в Русской Церкви установилась антиевангельская бессердечная и незаконная практика принудительного удаления детей от церковной жизни. Выше мы уже писали о том, как незаконная регистрация крестин препятствует принятию детьми святого крещения. Но это далеко не всё! За последние годы уполномоченные Совета по делам РПЦ путем устных распоряжений Епископам, настоятелям храмов и старостам церковных советов запретили какое-либо участие детей и подростков до 18-ти лет в храмовом Богослужении. Более того, во время Великих церковных праздников милиционеры и дружинники зачастую вовсе не допускают христианскую молодежь в храмы. Наконец, «детоборческая» практика, навязанная Русской Церкви, дошла до того, что в некоторых епархиях под давлением уполномоченных Совета священнослужители отказывают детям в приобщении Святых Тайн!

Все эти факты принудительного удаления детей от Церкви являются грубейшим нарушением Конституционной свободы совести и действующего в нашей стране гражданского законодательства.

В силу этого Московская Патриархия имеет полную возможность на законном основании защищать религиозную свободу верующих детей.

Это ли не долг пастырский?

Однако и в данном случае Высшая Церковная власть уклоняется от исполнения своего долга!

Более того, вопреки негодующему предостережению Самого Господа, Московская Патриархия участвует в бессердечной и незаконной практике, препятствующей детям приходить ко Христу.

Примечание: Здесь уместно привести ещё один пример разрушительного вторжения Совета в жизнь Церкви, которое на сей раз было обращено прямо против детей. До 1961–62 г.г. многие приходы на законном основании имели рядом с храмом здания, специально оборудованные для крещения. Это давало возможность совершать крестины младенцев в самых благоприятных условиях. Теперь эта возможность отнята негласным распоряжением Совета, без всякого законного основания запретившим совершать крещение вне здания храма. Это вторжение Совета во внутреннюю жизнь Церкви внесло серьёзное неудобство в практику Богослужения (особенно в маленьких сельских храмах) и весьма неблагоприятно отразилось на обстановке, в условиях которой совершается крещение младенцев. К несчастью, церковная власть и на этот раз безропотно повиновалась беззаконию!

5. Вмешательство «мирских начальников» в постановление духовенства.

Для отеческого руководства церковной жизнью, для таинственного служения Божественному Домостроительству, ради хранения и духовного воспитания своей паствы, Господь установил в Св.Церкви пастырскую иерархию. Сугубое значение пастыря в том, что он является проводником и раздаятелем Божественной благодати. Через пастырей спасительные дары Божественной благодати изливаются на всю Церковь.

Поэтому вмешательство «мирских начальников» в постановление духовенства всегда рассматривалось Церковью как величайшее кощунство – дерзновенная попытка насилия над Святым Духом, по справедливости приравнивалось к «симонии» – гнусному приобретению священства за деньги и подвергалось строжайшему осуждению. «Потому что нет ничего хуже того, кто Божественную Благодать, как вещь продажную, добывает за деньги или через мирских властей, равно как и того, кто продает её. Ибо при сем продается дар Св.Духа, как нечто служебное. По свидетельству соборного послания, писанного Тарасием, Святейшим Патриархом Константинопольским, к папе древнего Рима Адриану, гораздо извинительнее Македоний и прочие духоборцы. «Ибо они пустословят, аки бы Святый Дух есть творение и раб Бога и Отца, а те, как мнится, делают Его своим рабом... Столь нетерпи-

мы сии грехи! и посему-то получившие священство через деньги или через власть мирских начальников, а равно и преподавшие оное таким образом, вместе с извержением из клира, совсем изгоняются и из Церкви»*.

Решительно пресекая это великое нечестие и бережно охраняя Св.Церковь от проникновения в пастырскую иерархию нецерковных сил, Правила Святых Славных и Всехвальных Апостолов и Святых семи Соборов повелевают:

> «Аще который Епископ, мирских начальников употребив, через них получит Епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним. (Правила Св.Апостолов – 30).
>
> «Всякое избрание во Епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет не действительно»... (Правило 3.7-го Вселенского Собора).

Авторитетнейший церковный канонист, Патриарх Антиохийский Фёдор Вальнасон, в своих толкованиях на это правило пишет: «4 Правило дает постановление не об избраниях, совершаемых самими начальниками, а об избраниях епископов, происходящих по власти начальников, и об избраниях, то есть хиротониях пресвитеров, или диаконов, происходящих по начальническому же повелению. Итак, правило говорит, что хотя, по-видимому, они производятся архиереями, имеющими власть, но поелику происходят под влиянием власти и по насилию, то должны быть недействительны и отменяемы».

Таким образом, Церковные каноны категорически запрещают какое бы то ни было вмешательство гражданских властей в постановление духовенства.

Действующие в нашей стране законы, регулирующие отношение государства к Церкви, никак не посягает на неотъемлемое право Епископов Церкви рукополагать духовенство по своему усмотрению. Советские законы не предусматривают со стороны гражданской власти никакой предварительной санкции в случаях рукоположения священства, либо его назначения и перемещения.

Однако, в последние годы в Русской Церкви установилась такая практика, при которой ни одна хиротония во Епископа, или пресвитера или диакона не совершается без неизбежной предварительной санкции чиновников Совета по делам Р.П.Ц. Используя всё те же испытанные методы негласного диктата, чиновники Совета всячески препятствуют рукоположению тех лиц, в которых Совет видит потенциальную силу, способную в дальнейшем противостоять беззаконным действиям безбожников, направленным на разрушение Св.Церкви. Руководствуясь этим принципом, чиновники Совета производят тенденциозный отсев абитуриентов духовных учебных заведений, лицемерно прикрываясь заботой о благе Церкви, препятствуют рукоположению достой-

---

* *Канонист Зонара. Толкование на 30 Правило Св.Апостолов.*

ных ставленников, не имеющих духовного образования, не позволяют лицам, имеющим высшее светское образование отдать свои силы на служение Св.Церкви и т.д.

Кроме того, Совет по делам Р.П.Ц. способствует проникновению в ряды пастырей и дальнейшему продвижению по службе лиц, нравственно неустойчивых, маловерных, а иногда и вовсе беспринципных, способных служить злому делу – разложению Св.Церкви, а в подходящий момент и вовсе отречься от Христа.

Несомненно – такое вторжение чиновников Совета в священную область хиротонии стало возможны только вследствии попустительства Высшей церковной власти, которая ради угождения «мирским начальникам» допустила попрание церковной свободы.

Пытаясь оправдать существующее положение, некоторые ссылаются на то место послания к Тимофею Ап.Павла, в котором Св. Апостол, перечисляя достоинства, необходимые для кандидата в сан, говорит:

> «Подобает ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание и сеть диавольскую» (1 Тим. 3.7).

Приведенный текст ни в какой мере не может служить оправданием вмешательства чиновников Совета в постановление духовенства. Имеется в виду свидетельство о доброй жизни ставленников, а не формальное «удостоверение», причём «внешних» Св.Апостол отнюдь не отождествляет с властями, а имеет в виду «непринадлежащих к Церкви Христовой верующих, иудеев и эллинов. Иметь свидетельство не значит, чтобы надлежало добыть форменное свидетельство от не своих и предоставить своим, но чтобы избираемый во ЕПИСКОПА пользовался доброй славою и среди неверующих. В каком отношении? Конечно, не по внешнему положению, но по всем известной доброй нравственности и житейским добродетелям»*.

Подводя итоги всему вышеизложенному, очевидно следующее.

I. Противозаконная регистрация крестин, ставящая пастыря Русской Церкви и церковные советы в положение доносчиков на тех, кто вверил себя покровительству Матери-Церкви.
II. Массовое закрытие Св.Храмов, монастырей и духовных школ.
III. Фактическое прекращение треб на дому и панихид на кладбищах.
IV. Антиевангельская, бессердечная и незаконная практика принудительного удаления детей от Церкви, и наконец,
V. Пагубное вмешательство безбожников в поставление духовенства.

Таковы горькие плоды и несомненные свидетельства безоговорочного подчинения Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов.

** Епископ Феофан. Толкование пастырских посланий Св. Апостола Павла. М. 1894. С.293.*

Увы! Высшая Церковная власть не исполнила своего долга перед Христом и Церковью. Как написано у пророка:

«И было ко мне слово Господне: Сын человеческий! Изреки пророчество на пастырей Израилевых, изреки пророчество и скажи им, пастырям: так говорит Господь БОГ: горе пастырям Израилевым, которые пасли самих себя! Не стадо ли должны пасти пастыри?

Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец заклали, а стадо не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью.

И рассеялись они без пастыря, и рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому.

Блуждают овцы Мои по всем горам и по всякому высокому холму земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них, и никто не ищет их.

Посему пастыри выслушайте слово Господне.

Живу Я! говорит Господь Бог; за то, что овцы Мои остались не расхищенные и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли – за то пастыри выслушайте слово Господне. Так говорит Господь Бог: вот, Я – на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их». (Иез. 34.1–10).

«Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! говорит Господь. Посему так говорит Господь Бог Израилев к пастырям, пасущим народ Мой: вы рассеяли овец Моих и разогнали их и не смотрели за ними; вот Я накажу вас за злые деяния ваши, говорит Господь». (Иер.23.1–2).

II.

«...Поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Мф. 26.31).
«...А наемник не пастырь»... (Иоанн. 10.12).

В Апреле 1961 г. Совет по делам РПЦ известил Священный Cvнод РПЦ о том, что Совет Министров СССР указал на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов, и именно в вопросе восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с гражданским законодательством о культах.

Вместо того, чтобы в ответ на пожелание об упорядочении действительно упорядочить жизнь приходов в духе воли Божией, «благой, угодной и совершенной», недвусмысленно явленной в Апостольских правилах и Соборных канонах, Священный Cvнод, явно стремясь сообразоваться «с веком сим» (Рим. 12,2), поспешно отозвался на это указание об упорядочении постановлением от 18 Апреля 1961 г., которое внесло принципиальное и, к несчастью, антиевангельское

изменение в иерархическую структуру Св.Церкви – неприкосновенную сферу пастырства.

В связи с тем, что постановление Священного Cvнода вызвало справедливое возражение со стороны нескольких архиереев (ЖМП, № 8 за 1961 г., С.6), указавших на то, что это постановление отменяет ряд существенных пунктов «Положения об управлении РПЦ», принятого Поместным Собором 1945 г., в Июле 1961 г. был созван Собор архиереев, который, к несчастью, утвердил постановление Cvнода.

В IV разделе Соборного Положения 1945 г., который cvнодальное постановление от 10 Апреля 1961 г. фактически отменило, говорится следующее:

№35. Во главе каждой приходской общины верующих стоит настоятель храма, назначаемый Епархиальным Архиереем для руководства верующими и управления причтом и приходом.

№40. Настоятель храма является по своей должности непременным членом приходской общины и председателем исполнительного её органа (церковного совета)...

№41. Исполнительный орган приходской общины верующих, под непосредственным руководством и наблюдением настоятеля храма и при ответственности перед гражданской властью за сохранение здания и имущества храма, ведет церковное хозяйство... является ответственным распорядителем денежных средств прихода...

№44. Церковные суммы вносятся на хранение в банк или сберкассу на имя данного храма и получаются по чекам за подписью настоятеля и казначея прихода. Приходские средства учитываются путем ведения приходских книг.

№45. Ведомость о приходе и расходе церковных сумм по полугодиям настоятель храма представляет Епархиальному Архиерею.

№46. В случае незаконных действий исполнительного органа... настоятель храма доносит об этом Епархиальному Архиерею...

№47. Настоятель храма имеет свою печать и штамп, зарегистрированные подлежащей гражданской властью.

В IV разделе Соборного Положения нет ничего, что могло бы помешать Церковной власти исполнить пожелание Совета Министров о внесении надлежащего порядка в жизнь приходов, не нарушая при этом Церковных Канонов, так как Соборное Положение 1945 г. ничем не ущемляет права церковных советов и ни в чем не противоречит гражданскому законодательству о религии и Церкви.

Однако, Высшее Церковное Управление, вместо того, чтобы упорядочить административно-хозяйственную жизнь прихода на основе Соборного положения 1945 г., соответствующего Каноническому праву и традициям Церкви, пошло на ненужный и опасный пересмотр Соборных установлений.

В журнальном постановлении Cvнода, утвержденном Архиерейским Собором 1961 г. взамен IV раздела Соборного Положения 1945г. говорится:

а) Православная приходская община Русской Православной Церкви... состоящая в каноническом ведении епископа, создается по добровольному согласию верующих... под духовным руководством избранного общиной и получившего благословение епархиального архиерея, священника...*

б) Приходская община является частью РПЦ, а вместе и Вселенской Христовой Церкви и имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами.

в) Для управления делами прихода организуются... два органа: церковно-приходское собрание, как орган распорядительный (собрание членов учредителей двадцатки), и церковно-приходской совет, как орган исполнительный... Для постоянного наблюдения за состоянием церковного имущества, за движением церковных сумм... избирается ревизионная комиссия... При наличии злоупотреблений, недостачи имущества или денежных средств ревизионная комиссия составляет акт и препровождает его в местный горсовет или сельсовет.

(Прямое нарушение декрета «Об отделении Церкви от государства»...) – примечание наше.

г) Приходское собрание в составе лиц, подписавших договор на пользование храмом и культовым имуществом, созывается по мере надобности с разрешения местных горсоветов или райсоветов и решает все вопросы, связанные с управлением и жизнью этих общин.

д) Исполнительный орган приходской общины верующих, ответственный за свою деятельность перед общеприходским собранием, в период между двумя приходскими собраниями осуществляет руководство хозяйственно-финансовой жизнью прихода. Он несёт ответственность перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма, ведет церковное хозяйство... Исполнительный орган является ответственным распорядителем денежных средств прихода... Он делает взносы и отчисления на церковные и патриотические нужды; оплачивает содержание священнослужителей...

ж) Денежные средства религиозной общины вносятся на хранение в Государственный банк на имя данной общины и получаются по чекам за подписью председателя (старосты) и казначея церковного совета...

з) Исполнительный орган религиозной общины имеет свой штамп и печать, зарегистрированные подлежащей гражданской властью.

**Согласно Православной традиции, община может избирать ставленника (кандидата), причём Епископу принадлежит право утверждения или отвода его кандидатуры, но никоим образом не может избрать самого священника. Предоставление общине права избирать священника и «оплачивать его содержание» (см. пункт «д»), узаконивает антиевангельское превращение пастыря в наемника.*

и) Настоятель прихода и прочие священники (где они есть) суть пастыри прихода(!?), которым поручено епископом совершение Богослужения и церковных треб, преподание церковных таинств по церковному Уставу и руководство их в жизни Христианской. Они ответственны перед Богом и своим Епископом за благосостояние прихода со стороны его религиозной настроенности и нравственного преуспеяния.

к) Настоятель храма, памятуя слова Апостолов: «А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян. 6.2–4), осуществляет духовное руководство... и своевременно доводит до сведения Исполнительного органа общины о нуждах, связанных с нормальным отправлением Богослужения, треб и церковных Таинств (ЖМП. 1961. № 8. С.15–17).

Таким образом, Соборное Положение 1945 г. и постановление 1961 г. находятся в прямом противоречии, совершенно по разному определяя положение священника на приходе и объем его пастырского служения.

Собор 1945 г. видит пастыря отцом и главой прихода, имеющего попечение не только о литургической стороне церковной жизни и благочинии причта, но и осуществляющего духовный контроль и управление всей административно-хозяйственной жизнью вверенного ему стада.

В противоположность этому Cvнодальное постановление, лишая священника административно-хозяйственного управления приходом, фактически низводит пастыря до положения наемника, на договорных началах совершающего Богослужения и требы и находящегося в прямой зависимости от исполнительного органа.

Практически это ведет к тому, что совет мирян не только освобождается от пастырского руководства, не только получает возможность оказывать на священника материально-административное давление, но и приобретает немыслимое в Церкви Христовой право по своему произволу увольнять своего духовного отца.

Разумеется, что такое положение в корне противоречит церковному учению о пастырстве.

Пастырь Христов – основа Церкви.

На нем, в лице Апостола, утвердил Господь Церковь и ему вверил попечение о Ней.

> «...И Азъ же тебе глаголю яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолеютъ ей».
>
> «И дамъ ти ключи Царства Небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ разрешено на небесехъ» (Матф. 16.18–19).

Только Господь, вручивший пастырскую власть Апостолу и в его лице Епископу и Пресвитеру – Пастырь стада, и никто более!

Всякая попытка ограничить иерархическую власть в Церкви, передать её функции в руки пасомых – действие антицерковное, анти-

евангельское. Пастырская ответственность за стадо всеобъемлюща и включает в себя не только литургическую сторону церковной жизни, но и административно-хозяйственную, так как без активного контроля над этой сферой со стороны пастыря, он не может в полной мере следить за чистотой вверенной ему паствы, своевременно предупреждать нестроения и охранять стадо от «волков и татей».

Пастыреначальник, показуя пример такого попечения о стаде и о чистоте церковной, бичём изгнал торгующих из храма (Иоан. 2.13–16). Подражание Христу во всем всегда считалось Церковью высшей добродетелью-преподобием*. Но если бы ныне пастырь Русской Церкви попытался – не говорим бичём изгнать, – но хотя бы словом пастырским препятствовать волкам расхищающим стадо, превращающим храм в дом торговли, то он неизбежно навлек бы на себя обвинение во вмешательстве в запретную для него – по нынешнему положению – область. Если же «волки» эти числятся членами двадцатки, а тем паче членами церковного совета, то тогда пастырь неизбежно, административным путем, извлекается из среды стада и едва ли не лишается «регистрации», что, как известно, делает у нас невозможным продолжение пастырского служения.

Вслед за Св.Евангелием, пример Апостольский также указует на необходимость пастырского контроля над материальной стороной жизни общины. В книге «деяний» не раз повествуется о подобной ревности Святых Апостолов или – как это было бы квалифицированно в духе Cvнодального постановления – подобного «вмешательства пастыря в сферу финансово-хозяйственной деятельности прихода». Достаточно вспомнить грозный пример с Ананием и Сапфирою (Деян. 5.1–11), а также знаменательную передачу попечения «о столах» (хозяйстве) рукоположенным диаконам (Деян. 6.1–6), на которую некстати ссылается Cvнодальное постановление, совершенно искажая смысл этого акта, о чем нам ещё придется говорить ниже.

Таким же примером, говорящим о постоянном «вмешательстве» Св.Апостолов в хозяйственную жизнь общины служит сбор подаяний в пользу Иерусалимской Церкви, которым на протяжении многих лет непосредственно руководил сам Св.Апостол Павел (I Кор. 16.1–4; II Кор. гл.8–9; Гал.2.9–10), более других потрудившийся в «служении слову» (II Кор. XI.23–XII.6.).

Недвусмысленно на этот счет и суждение Канонического Права: Правила Святых Апостолов XXXVIII и XII, а также Анкирского Собора XV и Гангрского Собора VII и VIII согласно свидетельствуют о том, что руководство и управление административно-хозяйственной жизнью принадлежат пастырям.

> Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах, и оными да распоряжает, яко Богу назирающу. Но не позволительно ему присваивать что-либо из оных,

---

* *Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу». (1 Коринф. 4.16).*

или сродникам дарить принадлежащее Богу. Аще же суть неимущии, да подает им, яко неимущим: но под сим предлогом да не продает принадлежащее Церкви.

Пр. Св.Апостол XXXVIII.

Повелеваем епископу имети власть над церковным имением. Аще бо драгоценные человеческие души ему вверены быть должны: то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжал по своей власти, и требующим через пресвитеров и диаконов подавал со страхом Божиим, и со всяким благоговением: (аще потребно) и странноприемлимых братий, да не терпят недостатка ни в каком отношении. Ибо Закон Божий постановил, да служащии алтарю от алтаря питаются: якоже и воин никогда не подъемлет оружия на врага на своем пропитании. (Пр. Св. Апостол 41–е).

Как явствует из приведенных выше примеров и Правил, Св.Церковь никогда не мыслила духовную власть ограниченной в своих функциях «служением слову», подобно тому, как она не мыслит тела без подчинения душе. Существующее же ныне в церковном организме разделение «души и тела» – отделение и неподчинение материально-хозяйственной сферы сфере духовной – явная болезнь, чреватая весьма опасными последствиями.

Cvнодальное постановление нанесло по каноническому ограждению Церкви удар, открывший в нем свободный проход для вторжения антицерковных сил, и действие этих сил не замедлило сказаться в самой активной форме. Так, исполнительные органы церковных советов, избираемые и действующие без пастырского благословения, получив тем самым независимость от канонически правильной церковной власти Епископа и священника, совершенно попали в подчинение местным гражданским властям и уполномоченным Совета по делам Р.П.Ц.

Сейчас, по прошествии четырех лет со времени введения в жизнь Cvнодального постановления, налицо его плачевные результаты: в подавляющем большинстве приходов духовная жизнь в значительной степени разстроена, единство стада разрушено – исполнительный орган превратился в проводника нецерковных, а зачастую и антицерковных влияний, стремясь подчинить своему диктату алтарь, беспрепятственно сея искушения и соблазн, порождая распри и всяческие нестроения, ставшие ныне характерной чертой приходской жизни.

Вследствии cvнодального постановления приходы Русской Церкви стали жертвой губительного принципа – разделяй и властвуй. Сугубое возмущение вызывает тот факт, что этот разрушительный для всякого единства принцип внедрен в церковную жизнь и узаконен Высшей церковной властью, призванной охранять единство стада!

Естественно возникает вопрос: на каком основании Архиерейский Собор 1961 г. утвердил журнальное постановление Священного Cvнода, столь вредное для церковной жизни?

Всякого, кто знакомится с Деяниями Собора 1961 г. (ЖМП. 1961. № 8. С.5–17), поражает отсутствие правильной канонической аргумен-

тации: несерьезные ссылки (на) безымянных канонистов, голословные и совершенно бездоказательные церковно-исторические соображения, необоснованное перенесение в сферу церковно-иерархических отношений принципов «широкой демократизации» – вот те зыбкие «основания», которые отцы Собора пытаются противопоставить Апостольским и Соборным правилам (см. там же, С.10).

Ваше Святейшество!

Во вступительной речи на Соборе 1961 г. Вы указали на то, что освобождение пастырей от участия в «хозяйственно-финансовой деятельности общины... находит свое оправдание в известном из книги Деяний Свв. Апостол Апостольском решении служителям Церкви пребывать в «молитве и служении слова», а заботу о столах (хозяйстве) передать «избранным из среды церковной лицам» (Деян. 6.2–3). Мы недоумеваем, каким образом можно исключить из состава служителей Церкви Свв.Архидиаконов – первомученника Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена, и Николая Антиохийца?!

Каждому христианину хорошо известно, что семь мужей сих, избранных от народа «изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости... были поставлены» пред Апостолами, и они, помолившись, возложили на них руки (Деян. 6.3–6). Таким образом только после хиротонии во диакона избранные мужи получили власть распоряжаться церковным хозяйством!

Пример избрания и поставления семи диаконов не только не дает основания для «освобождения» пастыря от руководства хозяйственно-административной деятельностью общины, но, напротив того, непререкаемо свидетельствует о том, что подчинение всех сфер церковной жизни иерархическому началу есть подлинное Апостольское Предание.

Таким образом, Cvнодальное постановление, утвержденное Архиерейским Собором 1961 г., является дерзновенным нарушением Апостольского Предания и Церковных канонов. Говоря Вашими словами, оно переступило через рубеж правил церковных, подвергло опасности многое и подало повод к серьезным и основательным нареканиям.

Особо следует оговорить вопрос о церковных финансах.

По разумению Церкви имущество церковной общины принадлежит Богу и находится в каноническом ведении Епископа, «яко Богу назирающу» (Правила Свв.Апостол XXXVIII и XII).

Согласно государственному законодательству, здания храмов и культовое имущество являются национализированными и передаются церковным общинам на договорных началах; в отличие от культового имущества, финансы общины не являются национализированными и никоим образом не учитываются государственными органами.

Cvнодальное постановление, учредившее самостоятельный характер церковной общины в управлении хозяйством и финансами, нарушило дух и букву Церковных канонов. Более того, освободив ис-

полнительные органы приходских общин от финансовой ответственности перед епископом, оно под видом финансовой «автокефалии» прихода, фактически отдало принадлежащее Богу в распоряжение местных органов гражданской власти, которые воспользовались отказом епископата от канонически принадлежащего ему права распоряжаться церковными средствами, совершенно незаконно присвоили себе право контроля за движением церковных сумм и влияния на финансовую жизнь общин, систематически обращая это во вред Церкви.

Это тем более возмутительно, что гражданское законодательство на церковные финансы не претендует (О религиозных объединениях». Постановление ВЦИК и СНК от 8.4.1929 г. №55, 56).

Таким образом, Cvнодальное постановление не только не упорядочило финансовую жизнь приходов в «соответствии с законодательством о культах», но грубо нарушило Церковные каноны и привело к нарушению гражданского законодательства.

Подводя итоги всему вышеизложенному, должно сказать следующее: безоговорочное подчинение Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов с одной стороны, и поддержанное Архиерейским Собором 1961 г. Cvнодальное постановление, исторгнувшее административно-хозяйственную власть из рук Церковной Иерархии и фактически передавшее её в руки местных органов гражданской власти, с другой, целенаправленно осуществляет один и тот же греховный и богопротивный замысел – постепенное превращение Церкви Христовой в служебный придаток безрелигиозного государства.

ДА НЕ БУДЕТ!

«...Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской...» (Матф. 16.6).

«...Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой». (Марк. 8.15).

Изложив картину бедственного положения Русской Церкви, естественно задать вопрос: каким образом это положение могло возникнуть? Почему Высшая церковная власть превратилась в послушное орудие в руках чиновников-атеистов? Зачем русские архипастыри и пастыри, в большинстве своем искренние и чистые люди, непонятным молчанием покрывают это вопиющее беззаконие?

Отвечая на эти вопросы, следует прежде всего указать на то, что в настоящее время в Русской Церкви есть ряд епископов и пресвитеров, которые сознательно служат беззаконию. Это те, кто стяжал недобрую славу усердных закрывателей православных храмов, те, кто любое распоряжение местного уполномоченного почитает более Евангельского слова и Церковных Канонов, это те, кто отлучает детей от Святого Причастия, кто ругается Церковной Святыне*, кто

**Вопиющим тому примером может служить кощунственное захоронение Св.прославленных мощей Святителя Феодосия Черниговского, совершенное епископом Игнатием по требованию местного уполномоченного.*

предавал своих братий – те кто вовсе потеряв страх Божий, – помогают антирелигиозникам в их стремлении разрушить Святую Церковь.

Все эти люди хорошо известны, но дело не только в них. Мы считаем своим сугубым долгом обратить внимание Вашего Святейшества на тот факт, что сейчас в Русской Церкви действует целая группа епископов и священников, которые под видом благочестия сознательно и активно искажают дух Русского Православия. Эти люди возымели лукавый помысел развратить Русскую Церковь – насадить в ней дух теплохладности, дух раболепия и фарисейства, тлетворный дух «мира сего», а Высшее церковное управление они хотели бы превратить в чиновничью канцелярию, в своего рода «министерство по делам православного вероисповедания», уполномоченное сдерживать и регулировать религиозные эмоции верующих граждан.

Дух самоуверенного благополучия на фоне общей тревоги, быстрое преуспеяние на официальном поприще, «стопроцентная» готовность служить «веку сему», податливая и гибкая совесть – вот что отличает этих людей. Все они как бы повторяют суетные слова предстоятелей Лаодикийской Церкви: «...я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды...» (Откр. III, ст.17). Они имеют «вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2 Тим. 3,5).

Эта активная и всё возрастающая группа «недобрых пастырей» является сейчас главной опасностью для Русской Церкви.

Вторая немалая опасность заключается в том, что подавляющее большинство даже тех епископов и пресвитеров, которые крайне недовольны нынешним положением Русской Церкви, молчат и своим тяжким молчанием способствуют его ухудшению. Говоря это, мы имеем в виду не тех, которые молчат, скованные страхом или пораженные унынием – эти мотивы сами по себе столь предосудительны, что не требуют специального опровержения, – нет, мы говорим о тех епископах и пресвитерах, которые пытаются оправдать свое молчание «высшими соображениями». Иные архиереи серьезно считают, что они своим молчанием спасают Русскую Церковь, «ибо – рассуждают они – если мы будем протестовать против незаконных действий Совета нас лишат регистрации и тогда наши опустевшие кафедры захватят преуспевающие противники церковной свободы и «что сие последнее будет горше первого».

В самом деле: если для опасения своих кафедр от «недобрых пастырей» епископы, принявшие на себя «миссию» спасения Церкви, молчат и своим молчанием сами попустительствуют злому делу – попранию церковной свободы чиновниками Совета и позволяют «волкам» разгонять и расхищать стадо, то какой в этом смысл? И кого кроме самих себя спасают эти епископы? Не навлекают ли они на себя грозное Слово реченное через пророка: «...так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри» (Иез. 34.2).

Порочная «тактика молчания» противоречит тому, чему учит нас основополагающий пример Св.Апостолов и великих церковных исповедников. Св.Апостол Павел хорошо знал и ясно засвидетельствовал, что после него придут в Церковь «волки, не щадящие стада» и тем не менее не только не оберегал себя, но, вопреки настойчивым мольбам своих возлюбленных чад, мужественно шел на свой великий исповеднический подвиг. (Деян. 20.17–38).

Полезно напомнить пастырям, полагающим, что они спасают Церковь, и то, что не мы слабые чада Её, – епископы, пресвитеры и миряне, спасаем Христову Церковь, а что Она, чадолюбивая наша Матерь, спасает нас, Церковь же спасает Христос!

Христос основал Свою Церковь не на слабой и удобоподвижной воле человека, а на Своей всемогущей и неизменной благодати и потому никому не следует надмеваться пустым помышлением о своей спасительной роли, но смиренно и мужественно исполнить свой долг верности Матери Церкви, постоянно моля Христа Бога нашего о помощи свыше и твёрдо уповая, что только Он, по слову Своему пребывающий с нами до скончания века, вершит судьбы наши.

Кроме ложных помыслов о «спасении» Церкви, бытует среди русских пастырей и другой соблазн, поражающий в основном пастырей приходских. Многие хорошие и деятельные священники, видя бедственное положение Русской Церкви и тягостное безмолвие архиереев, искренно сокрушаются об этом, но тем не менее сами пребывают в молчании, успокаивая свою совесть тем, что стараются сделать многое для насаждения и поддержания доброй христианской жизни в своих приходах.

Эти священники, к несчастью, забывают, что Церковь есть единый организм – Тело Христово и что если, по слову Апостола Павла, болезнь одного члена есть вместе с тем и болезнь всей Церкви (I Кор. XII.26), то тем более болезнь всей Церкви есть и болезнь каждого Ея члена. На этот счет не приходится обманываться – в больной Церкви не может быть здорового прихода.

Те приходские пастыри, которые, видя общую болезнь, тем не менее молчат, должны знать, что они своим неправедным молчанием прикрывают беззаконие и тем самым оказывают желанную услугу всем противникам Святой Церкви. Можно ли такой ценой приобретать право на пастырское служение? Не противоречит ли это словам Господа: «не может...дерево злое приносить плоды добрые» (Матф. 7.18).

Распространённая в Русской Церкви фраза: «надо молчать, не то снимут с регистрации» – есть порочное самооправдание, недостойное христианского пастыря. Не о сохранении регистрации должно помышлять священнику, а о хранении верности Христу и Церкви.

Но церковный партикуляризм, узко-приходской взгляд есть духовная болезнь – потеря целостного видения Церкви, забвение вселенских задач христианского домостроительства. Развитие этой болезни неминуемо ведёт к сектантству.

Тяжко страдает Русская Церковь! Велики её скорби, горьки её печали, но мы глубоко уверены, что болезнь сия не к смерти, но к славе Божией!

Ибо и не для того Пресвятая Владычица приняла Русскую Церковь под свой милостивый Покров, не для того проповедывали славянские первоучители, не для того светлый сонм Русских святых предстоит в Церкви и «невидимо за ны молится Богу», не для того просиял в сердце земли Русской великий угодник Божий – Преподобный Сергий, не для того обильно излилась священная кровь Русских мучеников, не для того тысячу лет звучит над Русской землей пасхальный благовест, с такой всепобеждающей силой, с какой не звучит он нигде в мире – чтобы всё это духовное богатство, весь этот священный залог, вся эта красота и слава завершились жалкой канцелярией – покорным орудием нецерковных сил!

ДА НЕ БУДЕТ!

Ваше Святейшество!

Не только о бедственном положении Русской Церкви хотим мы свидетельствовать перед Вами в этом письме, пришло ныне время свидетельствовать и о том, что милостию Божиею есть и в Русской Церкви тысячи мужей, «которые не преклонили колена свои перед Ваалом» (Рим. 11.4) и которые ныне являют собой внутреннюю ограду Церкви, духовно противостоящую беззаконию.

«И на стенах твоих Иерусалиме приставих стражи весь день и всю нощь, иже до конца не премолкнут поминающе Господа» (Исаия 62.6).

«Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12.2).

Следуя за Христом трагическими путями человеческой истории, Св.Церковь постоянно вникает в таинственные глубины данного Ей Божественного Откровения, находя в Нём неоскудевающий источник своего духовного обновления и учительского слова, обращенного к многомятежному миру: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11.28).

Содержание хранимого Церковью Божественного Откровения существенно неизменно, всегда самому себе равно и торжественно неподвижно. Оно ни в чём не сообразуется веку сему, но, как «Столп и утверждение Истины» (I Тим. 3.15) непоколебимо возвышается над бушующим морем природной и социальной жизни.

Но те формы, в которые Церковь, умудряемая Духом Святым, облекает вечное содержание Божественного Откровения, дабы сделать его всемерно доступным человеческому роду, подлежат постоянным изменениям. Церковь всегда стремится к тому, чтобы быть понятой всеми, поэтому Она всегда старалась говорить на том языке, выражать Своё учение в тех образах, понятиях и категориях, которые наиболее доступны тем, к кому непосредственно обращено Её

учительское слово. Подобно великому Апостолу языков, Она для всех сделалась всем, «чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I Коринф. 9.22).

Богословское стремление находить наиболее точные формы для выражения неисследимых глубин Божественного Откровения, с одной стороны, и пастырское стремление сделать эти формы наиболее доступными для восприятия и наиболее действенными для Христианского преображения жизни, с другой – вот два основных мотива постоянного обновления многообразных форм Церковного Учительства.

Учение Церкви всегда остается неизменным, учительство Церкви постоянно обновляется.

Двадцатый век – трагический век мировых войн и великих социальных потрясений, век стремительного развития науки и всё возрастающей технической мощи, век великих открытий и не менее великих заблуждений – поставил Святую Церковь перед духовной необходимостью нового творческого преобразования Христианского Учительства. В наше время необходимость такого преобразования остро переживается всем Христианством. Наиболее ярко свидетельствует об этом II Ватиканский Собор Католической Церкви и деятельная подготовка Мирового Православия ко Вселенскому Собору.

Нет никакого сомнения в том, что к великому вселенскому делу нового Христианского Возрождения Русская Церковь имеет особое призвание. В этом убеждает нас многое.

Русская Церковь, несмотря на своё бедственное положение, о котором мы говорили ниже, до сих пор остаётся самой крупной из всех Православных автокефальных Церквей и самой мощной представительницей Вселенского Православия среди других Христианских исповеданий.

Историческая судьба Русской Церкви неразрывно связана с судьбой Русского народа, роль которого во всемирной истории непрестанно возрастает вот уже в течение пятисот лет.

С первых дней своего возникновения, Русская Церковь всегда находилась под особым покровительством Божией Матери. Под Её Благим Покровом, на протяжении своей тысячелетней истории, Русская Церковь собрала великое и неоскудевающее сокровище: духовный опыт Святых, поразительное по глубине и силе Церковное искусство, мощную и проницательную Богословскую мысль.

Кроме того, Русская Церковь имеет исключительные заслуги перед гражданской историей своей Родины, а следовательно огромный опыт практического Христианского Учительства – нравственного руководства народной жизнью.

Хорошо известно, что Православная Церковь принесла на Русскую землю не только религиозное, но и общеобразовательное просвещение. Под духовным покровом Киевской Митрополии расцвела блестящая культура домонгольской Руси.

В тяжкие времена татарщины Русская Церковь поддерживала в народе сознание национального единства, воспитывала мужество и вселяла веру в грядущее освобождение.

Духовный подвиг Св.Преподобного Сергия и его учеников идейно подготовил объединение национальных земель вокруг Московского княжества, вызвал мощное возрождение Русской культуры на Московской почве и вдохновил народ на решительную борьбу с татарами.

Не будет преувеличением сказать, что Московское государство было буквально выпестовано Русской Церковью, монашеская колонизация вдохнула культурную и хозяйственную жизнь в обширнейшие необжитые районы Русского Севера.

В трагическую эпоху второй половины XVI в., когда все сословия безмолвно трепетали перед кровавым своеволием Ивана Грозного, Церковь в лице Своего великого предстоятеля Св.Митрополита Филиппа нашла в Себе силы публично обличить бесноватого царя.

Во время смуты и великого разорения Русской земли Св.Патриарх Ермоген и монахи Св.Троице-Сергиевой Лавры духовно возглавляли борьбу Русского народа с иностранной интервенцией и национальной разрухой.

На протяжении всего XVII в. Русская Церковь, возглавляемая Святейшими Патриархами, активно способствовала углублению общественного начала в жизни Русского Государства (Земские Соборы), самоотверженно трудились над собиранием сил Вселенского Православия и духовно подготавливала сближение России с Западом (Киево-Могилянская академия).

Наконец, мощный расцвет Русской культуры XVIII–XX вв. был глубоко связан с тем новым подъёмом Русской Церковной жизни, на вершине которого кротко сияет озаренный образ Св.Преподобного Серафима.

Здесь следует сказать, что на протяжении своей тысячелетней истории Русская культура трижды переживала периоды пышного цветения.

Первый период – домонгольский, в основном Киевский.

Второй – Московский XIV–XV вв.

Третий – Общерусский.

Каждому из периодов пышного цветения Русской культуры последовательно предшествует один из трех периодов высшего подъема Русского монашества, духовно оплодотворяющей национальную жизнь:

В XI–XII вв. – Св.Митрополит Илларион и Святые подвижники Киево-Печерского монастыря;

В XIII–XV вв. – Св.Преподобный Сергий с учениками, Московские Святители и заволжские старцы Св.Нила Сорского.

Со второй половины XVIII в. – Св.Тихон Задонский, Паисий Величковский с учениками, преподобный Серафим, великие старцы Оптиной пустыни и Святитель Феофан затворник.

В эту последнюю эпоху непосредственное благодатное воздействие Оптинских старцев испытали на себе такие выдающиеся деятели Русской культуры, как Хомяков, И.Киреевский, Гоголь, Достоевский, К.Леонтьев и Владимир Соловьев. Сюда же, в Оптину пустынь, бежал перед смертью замученный сомнениями Лев Толстой.

В противовес примитивному утилитаризму секулярной цивилизации, нахлынувшей в Россию в результате петровской реформы, Благодать Божия воздвигала в нашем Отечестве славное воинство христианских мыслителей, художников и ученых.

Известно, что отец новой Русской культуры Михаил Васильевич Ломоносов был не только верным сыном Православной Церкви, но и блестящим апологетом Христианства.

Когда французские «просветители» обрушили на Церковь свою безумную злобу, лукаво прикрываясь разумом и наукой, гениальный Ломоносов решительно ополчился против этого соблазна. Вслед за Апостолом Павлом (Рим. 1.19–25) утверждал он родственные отношения между Верой и Наукой.

> «Наука и религия – писал он – суть родные сестры, дщери Всевышнего Родителя; они никогда между собою в распри придти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклепнёт. Напротив наука и вера взаимно дополняют и подкрепляют друг друга. «Обои обще удостоверяют нас не токмо о бытии Божием, но и о несказанных к нам Его благодеяниях».
>
> «Что святее и что спасительнее быть может, – вопрошал Ломоносов, – так поучаясь в делах Господних, на высокий славы Его престол взирать мысленно и проповедывать Его величество премудрость и силу? К сему отворяет астрономия пространное рук Его здание; весь видимый мир сей и чудных дел Его многообразную хитрость физика показует, подая обильную и богатую материю к познанию и прославлению Творца от твари».
>
> «Ибо и натура есть некоторое Евангелие, благовествующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не только небеса, но и недра земные поведают славу Божию».
>
> «Чем глубже до самых причин столь чудных дел проницает рассуждение, тем яснее показуется неизъяснимый всего бытия Создатель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мир есть первый, общий и неумолчный проповедник».

Вслед за Ломоносовым под священную хоругвь Христовой Церкви встали десятки выдающихся деятелей отечественной культуры.

В светлом озарении воспевал Державин величие и любовь Божию:

«Твое созданье я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и Царь!» (ода «Бог»)

Пройдя путь от языческого легкомыслия юности «к Сионским высотам» Христианства, гениальный Пушкин озарил поэтическим светом все стороны природного и человеческого бытия, утверждая

онтологическую незыблемость, обаяние и торжествующую красоту христианского идеала.

К свободному служению Богу призывал Пушкин творческую мощь человека: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». И все лучшие силы Русской культуры откликнулись на этот призыв.

Гениальные поэты и провидцы земли Русской – Гоголь, Достоевский, Тютчев, Владимир Соловьев и Вячеслав Иванов, пророчески предвидя приближение «времён страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную» (Лук. 21.26) камня веры, звали отпадающее от Христа человечество вернуться в Дом Отчий – Церковь Божию.

Во Имя Божие духовно воинствовала на Руси когорта прославленных мыслителей: Хомяков, Киреевский, Леонтьев, Владимир Соловьев, Сергей и Евгений Трубецкие, Эрн, священник Павел Флоренский, протоиерей о. Сергий Булгаков, Лосский, Шестов, Франк, Бердяев.

Благодатное воздействие Православия испытали на себе почти все выдающиеся деятели Русской науки и искусства, среди которых отметим крупнейших:

Карамзин, Крылов, Жуковский, Грибоедов, Глинка, Погодин, Баратынский, А.Иванов, Щепкин, отец и сыновья Аксаковы, Пирогов, Ю.Самарин, С.Соловьев, Острожский, Ушинский, Ап.Григорьев, Гончаров, Перов, А.К. Толстой, Суриков, Ап. Майков, Лесков, Менделеев, С.И. Танеев, Боткин, Голубинский, Захарьин, Чайковский, Ключевский, Болотов, Васнецов, Ф.И. Успенский, Тураев, Ермолова, Врубель, Скрябин, академик Павлов, Ипполитов, Иванов, В.Вернадский, Гречанинов, Нежданова, Филатов, Нестеров, Б.Пастернак, Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), Н.А. Обухова, Н.К. Кончаловский, Софроницкий.

Как мать младенца, Православная Церковь родила и вскормила Русскую культуру!

Итак: обращение к Евангелию восточных славян и других народов, населяющих огромную территорию нашей Родины, сонмы святых угодников, великое церковное искусство, возвышенное мистическое Богословие и религиозная философия, многовековое нравственное руководство народной жизнью, духовное оплодотворение национальной культуры, наконец, вселенское свидетельство Православия – таковы плоды христианского учительства Русской Церкви.

Но как не велики были богатства русского церковного учительства, как ни прекрасны были его плоды, какие светлые надежды не вселяли они в христианское сердце, Русская Церковь и в прошлом не могла считать Себя безупречной и вполне готовой для исполнения Своей христианской миссии в исключительных условиях нового времени, ибо было в русской церковной истории и нечто такое, что омрачало Её светлый образ.

Двести лет Русская Церковь страдала тяжёлым недугом, в значительной степени парализовавшим Её духовную активность. Суть

этого недуга – в слабости пастырского руководства. Эта слабость имела два основных проявления: печальную склонность русских Архиереев подчиняться незаконным притязаниям мирских начальников и сравнительно низкий авторитет приходского пастыря.

Поучительно вспомнить, что первым серьезным проявлением этого недуга было попустительство Архиереев монаршему произволу Петра I, отменившего незаконно государевым указом Патриаршество и навязавшего Русской Церкви «Духовный регламент», подчиняющий церковное управление царской власти.

В нарушение Евангельского завета «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мр. 12.17) и Церковных канонов, русский Царь был признан официально главой высшего церковного управления – Святейшего Cvнода Русской Православной Церкви.

Попустительство Архиереев незаконному вторжению Царя во внутреннюю жизнь Церкви создало опасный прецедент и в значительной степени подорвало Церковное самосознание.

Трагическая вина русского Епископата оказалась в том, что во время церковной реформы Петра I, в его составе не оказалось ни одного Епископа, который был повторил подвиг св.Митрополита Филиппа. И вот единожды совершённый грех безропотного повиновения незаконным притязаниям мирских властей, рассылал свои губительные метастазы, подрывая духовные основы пастырства.

Однако, к чести Русской Церкви надо сказать, что на протяжении всего «cvнодального периода» в Ней не угасло сознание того, что «Духовный регламент» Петра I, нечестиво низводящий высшую церковную власть до положения прислужников государства, искажает образ Православия.

Уже во время царствования Петра II, архиепископ Ростовский Георгий Дашков поднял вопрос о восстановлении Патриаршества. Затем, в 1742 г. два члена cvнода – митрополит Ростовский Арсений Мациевич и Новгородский архиепископ Амвросий, сделали открытое официальное заявление о необходимости отмены Cvнодального Управления. В 1811 г. великий русский историк Н.М. Карамзин писал: «Церковь Российская искони имела главу сперва в Митрополите, наконец в Патриархе. Пётр объявил себя главою Церкви, уничтожив Патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного...

Если Государь председательствует там, где заседают главные сановники Церкви; если он их судит или награждает мирскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним вера». («Записки о новой и древней России»).

В 1874 г. о том же писал епископ Енисейский Никодим Казанцев: «Российский Cvнод изобретен... властию мирскою и потому не имеет достоинства правильного Церковного Собора... Cvнод, по идее Петра, есть учреждение политико-церковное, параллельное всякому

другому государственному учреждению, а потому состоящее под полным верховным повелительным надзором государя. Идея реформаторская, но приложимая к Православию, ложная. Церковь сама по себе царица. Глава Её – Христос Бог наш. Закон – Евангелие...» (Богословский Вестник. 1905 г.).

Знаменитый славянофил И.С. Аксаков также указывал на отрицательные последствия синодального строя: «...убыла душа; подменён идеал, т.е. на месте идеала Церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдою формальной, внешней. Церковь со стороны Своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярскою ложью порядки... канцеляризма к спасению стада Христова».

Об этом же писал и Владимир Соловьев: «Официальная Церковь, управляемая гражданскими чиновниками, есть только государственное учреждение, второстепенная отрасль бюрократической администрации».

Постоянный протест церковного самосознания против «Духовного регламента» Петра I привёл, наконец, к тому, что с первых лет XX века началась деятельная подготовка к созыву Всероссийского Церковно-Поместного Собора, который и был созван в Августе 1917г.

Восстановление Патриаршества на Всероссийском Соборе, подготовленное Православным возрождением XIX – начала XX вв., было великим и благодатным событием в истории Русской Церкви. Этот Собор явился свидетельством того, что Русская Церковь вышла из критического состояния и положил начало возрождению церковной самостоятельности.

Здесь важно отметить, что вслед за этим последовал Декрет Советской власти об отделении Церкви от Государства – 23 Января 1918 г.

Восстановлением Патриаршества Божий Промысел даровал Русской Церкви исцеление от Её долголетнего недуга – низведения высшего церковного управления до уровня государственного ведомства, а законодательное отделение Церкви от Государства создало необходимую предпосылку для осуществления Святой Церковью Своего спасительного служения в условиях безрелигиозного государства.

Отныне первейшей задачею Церковной власти стало строжайшее соблюдение великого Евангельского принципа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». (Мрк. 12.17).

Вся деятельность избранного Собором XI Всероссийского Патриарха – Святейшаго Тихона – была направлена на осуществление этого принципа. Призывая верных чад Русской Церкви подчиниться пришедшей новой власти не за страх а за совесть, ибо «несть власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13.1), Святейший Патриарх Тихон в то же время последовательно и неуклонно отстаивал внутреннюю независимость Церковной жизни – «...Поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу свя-

тительскую совесть и наше Патриаршее слово». (ЖМП. 1965. №4. С.22).

Сорок лет назад, 7 Апреля 1925 г., в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, после семи лет своего Первосвятительского Служения, Святейший Патриарх Тихон почил смертью праведника. Перед смертью Святейший Владыка, обращаясь к своей Всероссийской пастве, писал: «Только в верности Истине и твёрдом стоянии в ней – всепобеждающая сила Божия, «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (I Ин. 5.4).

Недопущение вмешательства «мирских начальников» во внутреннюю жизнь Церкви, с одной стороны, и строгое соблюдение Церковной Властью гражданского законодательства, с другой, вот основной принцип гражданского бытия Церкви, который Святейший Патриарх Тихон, истинный выразитель Соборного разума Русской Церкви, завещал своим преемникам.

Однако, история Русской Церкви за последние сорок лет неоспоримо свидетельствует о том, что, начиная со времени продолжительного местоблюстительства митрополита Сергия (Страгородского) высшее церковное руководство попрало Патриарший завет и самочинно изменив курс, пошло по пути прямой ликвидации церковной свободы.

Отвергнув Благодать Божию, даровавшую Русской Церкви исцеление от Её долголетнего недуга, руководящие церковные деятели «сергиевского» периода, прикрытием Патриаршества, фактически возродили «синодские» порядки, на сей раз в несравненно более тяжкой форме – ибо на месте чиновника-христианина, стоявшего во главе Святейшего Синода, у кормила церковного правления фактически оказались чиновники-атеисты.

К церковным деятелям этого периода можно по праву отнести гневные слова Апостола Петра: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пётр. 2.21).

К великому несчастью, этого же упрека не может избежать нынешнее Церковное управление, ибо, получив очевидную историческую возможность послужить великому делу Церковного возрождения, Московская Патриархия не использовала эту возможность в главнейшем духовно-каноническом пункте. Вместо того, чтобы отказаться от бесплодной и пагубной тактики «сергиевского» периода, позволившей поставить Русскую Церковь перед угрозой полного уничтожения всех легальных форм Её гражданского существования и возвратиться на спасительную стезю, завещанную Патриархом Тихоном, современное Церковное управление возвело порочную практику «сергиевского» периода в руководящее правило своей деятельности.

Современное управление Русской Православной Церкви утратило многое из тех духовных сокровищ, которые передали нам наши предки, но духовный недуг наших предков Московская Патриархия не только возродила, но и значительно приумножила.

В этом смысле подчинение Московской Патриархии негласному устному диктату чиновников-атеистов и поддержанное Архиерейским Собором 1961 г. Cvнодальное постановление, поставившее пастыря в положение наемника, нанесло Русской Церковной жизни удар, какого не наносили ей такие противники церковной свободы и насильники Святой Церкви, как Пётр I и Екатерина II.

Ваше Святейшество!

Мы написали Вам всё это «не потому, чтобы Вы не знали истины, но потому, что Вы знаете её, равно как и то, что всякая ложь не от истины» (I Иоанн. 2.21).

Мы не сомневаемся в том, что найдутся лукавые люди, которые будут лжесвидетельствовать на нас, отрицая обоснованность наших обвинений.

Заранее ожидая этого, мы выносим всё дело на суд Божий: перед лицом всей Церкви мы готовы скрепить наши обвинения церковной присягой на Кресте и Евангелии!

Такой же присяги пред лицом Церкви мы требуем от каждого, кто будет обвинять нас в неправде.

Иного свидетельства Церковь не приемлет, а клянущихся ложно судит Бог! Как написано: «... всякий, клянущийся ложно, истреблён будет». (Зах. 5.3).

Ваше Святейшество!

Неисповедимым судом Божиим Вы поставлены во главе Великой Российской Церкви. Христос вручил Вам великую власть и возложил на Вас великие обязанности.

Безмерно велика Ваша ответственность перед Богом за вверенную Вам Церковь. Никто не смеет осудить Вас судом человеческим, ибо никакой человеческий суд не в силах измерить всей глубины Вашей ответственности. Мы не дерзаем вникать в то, что чувствует Патриарх, когда отягощенный бременем всего народа, стоит на молитве пред Лицем Божиим. Священный страх охватывает нас, когда мы думаем о столь великом служении! Кто мы, чтобы давать Вам советы !?

Но в тот момент, когда сознание своей человеческой немощи связывает наши уста, в душе нашей раздаются слова Господа: «...Аминь, аминь, глаголю вам: прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь» (Иоанн. 8.58). Тот, Кто безмерно превышает всякое различие, Тот пред лицем Которого все мы малые чада, Отечески повелевает нам не смущаясь говорить правду.

И мы, исполняя Его святую волю, говорим Вам:

«... отдайте Богу Божие...»

Только Христу принадлежит власть в Церкви. Он стяжал Её Честною Своею Кровию. Она – Его возлюбленная Невеста, Его дом, Его живое Тело.

Тот, кто «мирской власти» позволяет вторгаться во внутреннюю жизнь Церкви, предаёт растлению деву, оскверняет храм, терзает Христово Тело.

Подобно Иоанну Предтече, Патриарх поставлен быть Другом Жениха*, полагающим душу свою ради целомудрия Невесты**.

Охранение внутренней жизни Церкви от вторжения «кесарева» есть не только дело канонической правды, но и первейший долг христианского благочестия! Друг жениха смеет равнодушно слушать стоны невесты: «Встретили меня стражи, обходящие город; избили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены» (Песн. песн. 5.7).

III

«Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12.2).
«Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» (2 Кор. 6.2).

Ваше Святейшество!

Страждущая Церковь с надеждой обращает к Вам свои взоры.

В Ваших руках жезл Первосвятительской власти. Единым Патриаршим словом Вы в силах прекратить беззаконие!

Сделайте это!

Положите конец долее нетерпимому вмешательству «кесарева» во внутреннюю жизнь Церкви!

Восстановите канонические нормы церковной жизни!

Созовите новый Церковно-Поместный Собор с самым широким представительством, дайте возможность свободно прозвучать голосу Церкви, ибо душа Её истомилась в молчании; подвига деятельной любви жаждет Церковь – благословите Её, ибо Она не в силах более уклоняться от исполнения Божией воли.

Благословите Её и мы не сомневаемся в том, что Соборный разум Русской Православной Церкви, движимый Духом Святым, не только найдёт способы исцеления церковных болезней, но и откроет перед Русской Церковью путь к новому и великому возрождению.

«БУДИ, БУДИ !»

**Призывая Апостола Петра к первоверховному служению, Спаситель спрашивал у него: «... друг ( ) ли ты мне? (В русском переводе: «...любишь ли ты Меня?» (Иоанн. 21.17).*

***Св. Апостол Павел писал, обращаясь к своей пастве : «Ибо я ревную вас ревностью Божиею, потому что обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою Девой». (2 Кор. 11.2).*

Отдайте Богу – Божие, и кесарь сполна получит своё!

Ибо подлинно – интересы Церкви в гражданской сфере совпадают с интересами свободного и правового Государства.

Но только положив конец вмешательству «мирских начальников» в святую область «Божия», Русская Церковь сможет нелицемерно и действенно послужить нашему Отечеству.

Самим фактом Своего свободного бытия Она будет свидетельствовать перед всем миром о том, что в нашей стране действительно осуществляется священное право человека на религиозную свободу.

Только такое свидетельство может иметь вес в глазах миллионов людей доброй воли во всех странах мира, и свидетельство это не возможно подменить ложью; ибо никакие дипломатические ухищрения Иностранного отдела Московской Патриархии, никакие интервью и «авторитетные» заявления, никакое участие русских Архиереев в международных движениях не в силах доказать того, чего нет! – свободного бытия Русской Церкви.

Но то, чего не может сделать ложь, сделает правда!

Только будучи свободной, Церковь способна воспитать своих чад в духе подлинного патриотизма, не из корыстного страха перед властями, но из любви к Отечеству.

Только будучи свободной, Церковь может оказать действенную помощь государству во всех его благих начинаниях.

Церковь реальная, это благая и неустранимая сила, и в интересах государства, чтобы эта сила была свободной!

Ваше Святейшество!

Пришло время услышать глас Божий!

«Вот зима уже прошла; дождь миновал, перестал;
Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей»;
Христос зовёт Свою Церковь и нет силы, могущей помешать Церкви выйти к Нему навстречу! Ибо –
«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её»
Христос зовёт Свою Церковь и Она выходит к Нему навстречу! («Песнь Песней, VIII. 7).

С каждым днём обостряется сознание нетерпимости дальнейшего подчинения беззаконию; с каждым днём в Русской Церкви нарастает спасительная жажда очищения от той скверны, которая накопилась в ней по вине церковной власти; с каждым днём углубляется в Церкви жажда подлинного соборного общения; наконец, с каждым днём в нашей Церкви нарастает чувство ответственности за те души, которые по вине пастырей Церкви, не просвещены Евангельским словом и несмотря на свою пробудившуюся религиозную жажду пребывают вне Церковной ограды.

«Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!... Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать Того, Которого любит душа моя» (Песнь Песней. 2.10; 3.2).

«Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твоё». (Втор. 30.19).

Высшая церковная власть стоит ныне перед неизбежным выбором: либо решительными действиями искупить свою тяжкую вину перед Русской Церковью, либо окончательно перейти в лагерь Её врагов, ибо «никто не может служить двум господам...» (Матф. 6.24).

Если высшая власть Русской Церкви пожелает избрать путь жизни, то она окажется перед очевидной необходимостью совершить следующее:

1. Сейчас, когда во всех областях гражданской жизни в нашей стране исправляются те ошибки, которые были допущены в прошлом, было бы весьма уместным, если бы Вы, Ваше Святейшество, во главе Священного Cvнода, вошли с ходатайством в Правительство Союза ССР:

Об искоренении последствий «субъективизма и администрирования в руководстве», допущенных и в отношении к Церкви.

О строжайшем недопущении каких бы то ни было действий, нарушающих декрет «Об отделении Церкви от Государства» и 124 статью Конституции СССР.

При этом должна быть немедленно прекращена противозаконная практика регистрации крестин и других церковных треб.

Русской Церкви должны быть возвращены все храмы, монастыри и духовные школы, незаконно закрытые в период 1961–64 гг.

Должно быть восстановлено право священников беспрепятственно совершать требы на дому и панихиды на кладбищах. Должна быть немедленно и решительно пресечена, грубо попирающая священный принцип свободы совести, бессердечная практика принудительного удаления детей от Церкви и, наконец, должно быть решительно прекращено вмешательство каких бы то ни было «мирских начальников» в постановлении духовенства.

Кроме того, Московская Патриархия должна твёрдо и недвусмысленно заявить руководству Совета по делам РПЦ, что впредь никакие устные распоряжения Совета и его уполномоченных Русская Церковная власть исполнять не будет.

2. Очевидна необходимость немедленно созвать Собор Преосвященных Архиереев для отмены канонически неправильного решения Архиерейского Собора 1961 г., утвердившего cvнодальное постановление, разрушающее иерархический строй церковной жизни.

3. Памятуя о том, что в «Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – административная, законодательная, судебная – принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому в составе Епископов, клириков и мирян» (Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным

Собором 31 Января 1945 г.), Московская Патриархия обязана начать немедленную подготовку к созыву очередного Всероссийского Церковно-Поместного Собора с самым широким представительством.

Созыв Поместного Собора в ближайшее время диктуется необходимостью общецерковного суждения о деятельности церковного управления и насущной потребностью скорейшего решения исторически назревших вопросов Церковной жизни и Церковного учительства.

Для того, чтобы новый Поместный Собор не оказался послушным орудием в руках нецерковных сил, необходимо, чтобы в подготовке к этому Собору могла принять деятельное участие вся Русская Церковь.

Для этого Собору должны предшествовать приходские собрания и епархиальные съезды.

Только в этом случае на Собор смогут попасть клирики и миряне, действительно представляющие собой, вместе с лучшими Епископами Русской Церкви, полноту церковного сознания.

Новому Поместному Собору несомненно предстоит великое поприще – возрождением русской Церковной жизни, активно послужить новому Вселенскому Возрождению Христианства.

«И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: Аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель; возрадуемся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых». (Откр. 19.6–8).

«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её (Песнь Песней. 8.7) – движение за созыв нового Всероссийского Церковно-Поместного Собора, действительно являющего собой светлый лик Русской Церкви, началось, и милостию Божией, не прекратится до тех пор, пока Собор этот не будет созван.

21 Ноября 1965 г.
Подписи.

P.S.

Ваше Святейшество!

Предвидя, что некоторые недобросовестные советники Ваши будут побуждать Вас ответить на наше искреннее письмо Архипастырским прещением, мы хотим напомнить Вам величественные слова нашего Господа:

«Если Я сказал худо, покажи что худо; а если хорошо, что ты бьёшь Меня?» (Ин. 18.23).*

** Документ распространялся в списках. Сохранился в машинописи в домашнем архиве М.Б. Данилушкина.*

Дополненіе к Приложеніям*

№ 43

Письмо митрополита Кирилла (Смирнова) къ іеромонаху Леониду

†

23/8 III 37 г.

Милость Господня да будетъ съ Вами, боголюбивый о. іеромонахъ Леонидъ!

19/4 III получилъ письмо Ваше и переводъ на 10 р. Спаси Васъ, Господи, за попеченіе о моихъ нуждахъ, только смотрите, чтобы это не было самому себѣ въ обиду и липеніе чего-нибудь необходимаго.

По-поводу Вашихъ недоуменій относительно Сергіанства могу сказать, что тѣ же самые вопросы и въ такой же почти формѣ были обращены ко мнѣ изъ Казани десять лѣтъ тому назадъ, и тогда я отвѣчалъ на нихъ утвердительно, потому что считалъ всё сдѣланное м. Сергіемъ ошибкой, которую онъ самъ сознаетъ и пожелаетъ исправить. Къ тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся въ происшедшемъ, и нельзя было требовать отъ нихъ рѣшительнаго и дѣятельнаго сужденія о событіяхъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Ожиданіе, что м. Сергій исправитъ свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательныхъ < вѣрующихъ >** членовъ Церкви было довольно времени, побужденій, и возможности разобраться въ происходящемъ, и оч. многіе разобрались и поняли, что м. С-ій отходитъ отъ той Православной церкви, какую завѣщалъ намъ хранить Св. патріархъ Тихонъ, и слѣдовательно для православныхъ нѣтъ съ нимъ части и жребія. Происшествія же послѣдняго времени окончательно выявили обновленческую природу Сергіанства. Спасутся ли пребывающіе въ Сергіанствѣ вѣрующіе, мы не можемъ знать, потому что дѣло Спасенія вѣчнаго есть дѣло милости и благодати Божіей, но для видящихъ и чувствующихъ неправду Сергіанства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительнымъ лукавствомъ закрывать глаза на эту неправду и тамъ искать < духовнаго руководства> удовлетворенія духовныхъ своихъ <нуждъ> потребностей съ совѣстію, сомнящеюся въ возможности такого удовлетворенія. Всё,

---

* *Три публикуемыхъ нижѣ документа поступили въ редакцію уже послѣ того, какъ была свёрстана книга, но въ силу ихъ идейной важности, редакція сочла необходимымъ помѣстить эти письма въ отдѣльное «Дополненіе». Данные матеріалы предоставлены докторомъ историческихъ наукъ М.В. Шкаровскімъ. Публикуются впервые.*

** *Въ угловых скобкахъ приведены вычеркнутыя рукою митр. Кирилла слова.*

что не отъ вѣры, – грѣхъ. Ложь нельзя исправлять ложью и <никоим образомъ> стало быть нельзя предпочитать Григорьевство Сергіанству.

Съ митрополитомъ Іосифомъ я нахожусь въ братскомъ общеніи, благодарно оцѣнивая то, что съ его именно благословенія былъ высказанъ отъ Петроградской епархіи первый протестъ противъ затѣи м.Сергія и дано было всѣмъ предостереженіе въ грядущей опасности. Съ правосл. предстоятелями. <У предстоятелей этой епархіи искали и находили руководство по смерти епископа Виктора послушные ему вѣрующіе Вятской епархіи. Правда, среди нихъ проявляются иногда крайности въ отношеніяхъ къ Сергіанству (напр., перекрещиваніе крещённыхъ), но эта ревность не по разуму представляется мнѣ не какъ принятое у викторовцевъ исповѣданіе, а как печальная случайность, порождённая личнымъ темпераментомъ отдѣльныхъ неразумныхъ рѣвнителей.> Сей епархіи <Церкви> находился въ постоянномъ общеніи еп. Викторъ при своей жизни; у нихъ же <после его смерти > искали и находили руководство <послушныя ему> послѣ смерти еп. Виктора послушные ему вѣрующіе Вят. епархіи.

(На этомъ письмо обрывается.)

Примѣчанія

Митрополитъ Кириллъ (Смирновъ Константинъ Илларіоновичъ) родился 26.04.1863 г. въ г. Кронштадтѣ въ семьѣ псаломщика. Въ 1887 г. окончилъ С.–Петербуржскую Духовную Академію и былъ рукоположенъ во священника. Служилъ въ храмахъ Кронштадта. Въ 1902 г. принялъ монашескій постригъ. 06.08.1904 г. хиротонисанъ во епископа Гдовскаго, викарія С.–Петербуржской епархіи. Съ 1909 г. еп. Тамбовскій и Шацкій, въ 1913 г. возведёнъ въ санъ архіепископа. Участникъ Помѣстнаго Собора 1917–1918 гг. Назначенъ митрополитомъ Тифлисскимъ и Бакинскимъ (01.04.1918 г.), но къ мѣсту назначенія не прибылъ. Въ 1919 г. арестованъ въ Москвѣ, черезъ 2 мѣс. освобождёнъ. Въ 1919 г. назначенъ митрополитомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ. Подвергался арестамъ въ Казани въ 08.1920 и 01.08.1922 г. Приговорёнъ къ 3 годамъ ссылки въ Коми–Зырянской авт.обл. Въ 1924–1925 гг. членъ Св. Сунода при Патриархѣ Тихонѣ. Первый кандидатъ на должность Патріаршаго Мѣстоблюстителя по завѣщательному распоряженію Патріарха отъ 07.01.1925 г. Въ концѣ 1920–хъ – 1933 гг. отбывалъ ссылку въ Красноярскѣ. Въ Декабрѣ 1929 г. за оппозицію митрополитомъ Сергіемъ (Страгородскимъ) отстранёнъ отъ занимаемой каѳедры съ преданіемъ суду соборомъ епископовъ, послушныхъ митр. Сергію, и запрещёнъ въ служеніи. Въ 1933 г. освобождёнъ, проживалъ въ г. Гжатскѣ. Вновь арестованъ 14.07.1934 г. и сосланъ въ Казахстанъ. Арестованъ 07.07.1937 г. въ г. Чимкентѣ за участіе «въ контръ–революціонной подпольной организаціи церковниковъ». Приговорёнъ тройкой УНКВД по Южно–Казахстанской обл. 19.11.1937 г. къ высшей мѣрѣ наказанія. Расстрелянъ въ г.Чимкентѣ.

Публикуемое письмо митрополита Кирилла, по–видимому, являлось черновикомъ. Письмо интересно тѣмъ, что въ опредѣлённой стѣпени мѣняетъ устоявшіеся представленія о церковной позиціи митрополита Кирилла. До сихъ пор считалось, что онъ принадлежалъ къ наиболѣе «мягкому» по отношенію къ митрополиту Сергію теченію «непоминающихъ». Но къ концу жизни, какъ видно изъ этаго письма, его взгляды претерпели эволюцію и сблизились съ позиціей упоминаемыхъ въ письмѣ митрополита Іосифа (Петровыхъ) и епископа Виктора (Островидова) – руководителей іосифлянскаго и викторіанскаго раздѣленій. Митрополитъ Ленинградскій Іосифъ (Петровыхъ Иванъ Семёновичъ, 15.12.1872 – 20.11.1937) былъ расстрелянъ вмѣстѣ съ Владыкой Кирилломъ, а епископъ Глазовскій Викторъ (Островидовъ Константинъ Александровичъ, 20.05.1875 – 02.05.1934) скончался въ ссылкѣ въ пос. Усть–Цильма Коми АССР.

№ 44

Письмо протоіерея А. изъ Сибири митрополиту Кириллу(?).

9/II 37 г.

Любимый Владыко!

Возвратившіеся депутаты сообщили печальную новость. Волею Божіей, Владыка м. Пётръ Крутицкій, 11 сентября 1936 года скончался. Невѣдомо, отпѣтъ ли онъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и отъ чего послѣдовала смерть, и кто былъ въ этотъ моментъ при умирающемъ. Одно только несомненно вѣрно, это то, что онъ лишёнъ былъ своевременной молитвенной помощи вѣрующихъ, служенія сорокоустовъ, чтенія псалтири и панихидіальнаго служенія по нёмъ, ибо москвичи до сихъ поръ въ недоумѣніи почему не стали возносить имя его за богослуженіями. Циркулируютъ слухи, что не во всѣхъ храмахъ московскихъ возносятъ м. Сергія. Есть версія, что митрополита Петра вывезли изъ Хе въ Тобольскъ больнымъ и тамъ будто бы онъ скончался. Много разговоровъ, но ничего опредѣлённаго. 23-го Января, разсказываютъ депутаты, мы были за всенощной у Преподобнаго Сергія на Рогожской, гдѣ на нашъ вопросъ о причинахъ измѣненія возношенія, отослали насъ къ отсутствующему настоятелю. Однако одинъ изъ членовъ Цер. Совѣта, узнавъ, что мы Сибирскіе делегаты, сказалъ одному изъ насъ, что м. Пётръ умеръ. Подробностей онъ не знаетъ и разглашать объ этомъ не слѣдуетъ. 24/I были за литургіей у Богоявленія на Елоховой, гдѣ мѣстоблюстителемъ поминали м. Сергія. Литургія закончилась благодарственнымъ молебномъ по случаю 80-лѣтія со дня рожденія м. Сергія и предъ отпустомъ имъ сказана краткая рѣчь. Онъ сравнивалъ себя съ путникомъ, взбирающимся на высокую гору съ непосильной ношей, тяжесть которой увеличиваютъ некоторые подкладываніемъ. Просилъ молитвъ для укрепленія преклоннаго возраста и облегченія бремени лежащихъ на нёмъ трудовъ, «чтобы въ моментъ Суда, представъ предъ престоломъ Судіи, дерзновенно дать отчётъ въ трудахъ своихъ». Въ отвѣтной рѣчи, Прот. Николай Кульчицкій*, выражая молитвенно пожеланія на дальнѣйшіе труды по мудрому управленію Церковію на основѣ каноновъ, въ свою очередь просилъ молитвъ Святителя за паству. Въ заключеніе отъ лица всей паствы, не снимая митры съ головы поклонился ему въ землю. Вечеромъ 24/I была бесѣда съ однимъ изъ Московскихъ протоіереевъ. Отъ него узнали, что м. Пётръ скончался 11 Сентября 36 г. Поминовеніе его возможно совершать лишь путёмъ записи въ сунодикъ на ряду съ прочими не выдѣляя (?). О м. К<ириллѣ> высказано соображеніе, что ему принимать участіе въ управленіи Ц-ію нельзя (?), такова обстановка времени. Словомъ, «нужды

---

* *Имѣется въ виду прот. Колчицкій Николай Ѳеодоровичъ.*

ради премѣненіе закона бываетъ». 25/I въ канцеляріи на подворьѣ, управдѣлами Протоіер. Александръ Лебедевъ, прежде чѣмъ дать ауді енцію съ м. С<ергіемъ> грубо и оскорбительно допросилъ насъ всѣхъ. Познакомившись съ нашими мандатами всё же спрашивалъ кто мы и зачѣмъ явились. Назвалъ бунтарями и на заявленіе одного изъ насъ, что новая формула возглашенія вызвала отхожденіе къ Григоріанамъ сказалъ «и пусть идутъ». Чрезъ часъ послѣ доклада, принялъ насъ м. Сергій. «Ахъ сибиряки сибиряки, что это Вы тамъ мудрите, что Васъ смущаетъ?» Благословилъ и сказалъ: «Владыка Пётръ скончался 11 Сентября 36 года. Изъ поминовенія его не дѣлаемъ демонстрацію, принятіемъ на себя мѣстоблюстительства, не идёмъ на какую-то авантюру». Произнёсъ ещё несколько успокаивающихъ фразъ, благословилъ насъ. Бесѣда длилась 3-4 минуты. Мы замѣтили руки его опухли отъ водянки. Идя отъ него міряне тутъ же подошли подъ благословеніе къ управдѣлами, но тотъ отвернулъ лицо отъ нихъ, махнулъ въ воздухѣ рукой и громко сказалъ: «довольно и такъ наполучались благословеній». Мы ушли огорчённые. У насъ раздаются слабые протесты на беззаконія. Міряне записываютъ въ поминанники мѣстоблюстителемъ указаннаго 1-мъ по Патріаршему завѣщанію и въ возбуждённыхъ объясненіяхъ съ духовными, отстаиваютъ его права. Нѣкоторые изъ лицъ духовныхъ поговариваютъ о заштатѣ и переходѣ на свѣтскую службу, много вѣрующихъ перестали посѣщать храмы или ушли къ Григоріанамъ, гдѣ и сейчасъ поминаютъ м. Петра, не смущаясь извѣстіемъ о смерти его. Очень прошу Васъ, Владыко, Вашего отвѣта на слѣдующіе вопросы:

1) Какъ, по чьему почину состоялось бы приглашеніе на будущій Соборъ и его организація, если бы къ тому времени не оказалось ни одного законнаго преемника по завѣщанію?

2) Какъ бы хотѣлось, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ католическимъ правомъ передачи преемства, въ которомъ, какъ я слышалъ, обличалъ м<итрополита> покойный Владыка Григорій Яцковскій?

3) Зафиксированъ ли былъ Соборомъ 17-18 гг. наказъ Патріарху Тихону о Завѣщаніи и другихъ предусмотрительныхъ мѣрахъ на возможные случаи, и не является ли Указъ Ноябрьскій 1920 г. № 362 слѣдствіемъ этаго?

4) Будутъ ли въ общеніи съ м. С. Восточные Патріархи, узнавъ объ узурпаціи м. С. и необходима ли ихъ санкція вообще?

5) Можно ли признать крещеніе младенцевъ, совершаемое обновленцами и допускать ли ихъ къ пріобщенію?

Помолитесь о насъ грѣшныхъ. Низко кланяюсь и прошу молитвъ м. Е.*

Простите и благословите Любящаго Васъ

Протоіерея А.(подпись неразборчива).

** Возможно, имѣется въ виду находившийся в ссылке вмѣстѣ съ митр. Кириллом (Смирновым) и митр. Іосифомъ (Петровыхъ) епископ Ростовскій, викарій Ярославскій Евгеній (Кобрановъ), расстрелянный 22 Ноября 1937—го года въ Чимкентской тюрьмѣ.*

№ 45

Изъ протокола Допроса священника Павла Арсеньевича Боротинскаго отъ 28-го Декабря 1931-го года*.

<...>

Моя идеология, отношение к существующему строю – наиболее подробно изложены мною в моей брошюре – небольшом труде без названия. Окончил этот труд я в 1927 или 1928 году, помню, это было в день памяти 40 мучеников Севастийских, почему и сделана мной в конце брошюры соответствующая отметка. Приступил я к составлению этой брошюры после воззвания м. Сергия, призывавшего к полной солидарности с соввластью (формула «Ваша радость – наша радость» и т.п.), вследствии чего этой деятельности м. Сергия уделено в брошюре достаточное внимание. Привожу отдельные выдержки из этой брошюры:

1. В течении вот уже 10 лет ни один из православных русских архиереев не дерзнул разобрать больной для всех вопрос о взаимоотношениях между Церковью и нынешней гражданской властью с точки зрения нравооучения Православной Церкви.

Церковь <должна> быть аполитична, но только тогда, когда будетъ жить въ пустыне, доколе же она живёт в государстве, аполитичной она быть не может и вопрос о взаимоотношениях между Церковью и государством оставаться открытым не может, а раз так, то нужно ставить вопрос ребром – можно ли Христианину признавать так называемую соввласть.

Решение этого вопроса весьма затемняется тем, что мы отождествляем понятие признания власти с понятием о повиновении власти, тогда как эти понятия далеко не тождественные... Когда мы попадаем в плен к разбойникам, мы повинуемся им, если нас заставляют мыть полы, стряпать и т.п. – поскольку их требования не идут в разрез с христианской совестью, но это отнюдь не значит, что исполняя эти требования мы считаем себя членами их шайки или признаём их, то есть те задачи и цели, к которым направлена их деятельность – это не значит, что их «радость и успехи» мы признаём за свои.

Признавать власть – значит солидаризироваться с нею и оправдывать те задачи и цели, к достижению которых она стремится, как таковая, и считать противление ей противлением Самому Богу (Рим 12:2)**. Солидаризироваться, это, конечно, не всегда распространяется на практические способы их осуществления.

**Данный текстъ мы публикуемъ, насколько это возможно, въ совѣтской орѳографіи, за необходимыми исключеніями. Въ угловыхъ скобкахъ приведены отсутствующія по смыслу слова.*

*** На самомъ дѣлѣ см. Рим. 13:1–5.*

Теперь, когда карты большевиков раскрыты и ими самими и некоторыми исследователями, едва ли можно оспаривать, что сравнение их с шайкой разбойников является лишь слабым подобием печальной действительности, что эпитет разбойника в отношении идеологии, способов осуществления и происхождения большевистской власти является слишком мягким, что гораздо ближе к истине было бы характеризовать их как сатанистов, как и предполагалось на соборе 1917–1918-х годов. Проводя параллель между соввластью и шайкой разбойников, мы легко уясняем себе, что повиновение им допустимо под влиянием насилия в пределах заповеди «Повиноваться подобает Богови паче, нежели человеком».

Признание же ихи добровольное служение им во всех видах совершенно недопустимо, как недопустимо признание и служение (добровольное, конечно) разбойникам. Тем чудовищнее представляется признание соввласти – властью от Бога со стороны нашего епископа. Подобно этому, хотя апостол и говорит, что несть бо власть, аще не от Бога, но из этого не следует заключать о приложимости этих слов к соввласти.

Таким образом, по разуму св. отец, апостол Павел относит к Богу происхождение лишь института власти, которая имеет добрые цели и задачи; власть же, имеющая какие-либо «худые виды» по мысли Златоустаго – не от Бога. Государственная власть от Бога, пастырство от Бога, но не всякий пастырь от Бога...

Что эти слова непреложимы к соввласти видно из того, что основные задачи и цели, к осуществлению которых стремится соввласть – уничтожение религии и насаждение анархии таковы, что всякий христианин обречён на борьбу с ними, и творя «сие благое» ждать должен не похвалы, а меча... Если пастырь будет, исполняя пастырский долг, объяснять пасомым, что гражданский брак с христианской точки зрения есть блуд, а аборты убийство или если же он будет удерживать их от воспитания детей в безбожных филантропических учреждениях – детских домах, то за это он, конечно, не похвалу получит.

2. «Религия есть опиум для народа» – центр всей философии научного марксизма и все последователи его первой своей обязанностью считают не только отступление от Бога, но борьбу против Него.

«Союз безбожников», море антирелигиозной литературы, наводняющей большевистское царство, не выдумка, а яд, действие которого могут видеть, без антирелигиозной борьбы немыслимо даже сушествование соввласти.

Отвергая даже идею всякой власти и имея целью похищение Божеской и человеческой власти, большевистское законодательство всё пропитано классовой ненавистью, направленной в сторону насаждения анархических начал, как в области международного государственного права, так и в области гражданских взаимоотношений

в нём. Кодекс уголовный возводит в степень важнейшего государственного преступления – всякое действие, направленное в сторону борьбы против начал безбожия и анархизма, карая эти преступления со всей строгостью и безпощадностью. Поэтому соввласть и является в собственном смысле и единственной на протяжении всей міровой истории противницей и разрушительницей Богомъ установленной власти и потому самому не может происходить отъ Бога, ибо Бог Себе Самому противиться не станет, и говорить после этого о происхождении соввласти от Бога всё равно, что утверждать и говорить: «несть бо блудник, пьяница, убийца – аще не от Бога», так как в смысле попущения и они от Бога, но если такое выражение недопустимо, как явно кощунственное, то в отношении большевиков оно тем более недопустимо, чем больше разница между убийцей, пьяницей и блудником – с одной стороны и сатанистом, анархистом и богоборцем – с другой.

3. Может ли быть Христианин участником будущей войны, когда знает, что целью ея является защита завоеваний революции, то есть сатанизма. Конечно нет. Христианин не может себя считать даже гражданином советско-сатанинского государства. Всё, в чём он повинуется соввласти, он делает не за совесть, а за страх, исключительно как пленник. Если идеологически мы враги друг другу, то такими останемся и при осуществлении каждой стороной своей идеологии. Если под лойяльностью разуметь лишь то, что мы не выступаем с оружием в руках против соввласти, то мы в этом случае не можем быть лойяльными. Плох тот Христианин, который не молится о скорейшем ниспровержении этого мерзкого и богохульнейшего нового сатанинского царства.

4. Вопрос об отношении к Большевизму – есть такой вопрос, который имеет значение не только для Христианства, но и для нехристианского міра, и, следовательно, является по-преимуществу Вселенским, ибо всем государствам міра впервые на протяжении всей міровой истории пришлось встретиться с учением, которое стремится подорвать религиозные и гражданские основы.

Чтобы избежать смерти от большевистской инфекции, было бы лучшим следование указаниям Патриаршего послания (анафематствование советской власти – от 19 Января 1918-го года) и Постановлениям Собора от 22 Января 1918-го года.

В начале 1928-го года, точно не помню когда именно это было, мне стало известно о так называемой Ярославской оппозиции группы архиереев по отношению к митрополиту Сергию (Ярославские – Агафангел и Евгений Кабаранов*, митрополит Иосиф, назначенный впоследствии на Ленинградскую кафедру, Серафим Углицкий, пято-

---

* *Имѣлся въ виду преосв. Евгеній (Кобрановъ), епископъ Ростовскій, викарій Ярославскій. О нёмъ см. примѣч. къ документу № 44.*

го не помню), осуждавшей митрополита Сергия за его декларативную, лойяльную деятельность по отношению к соввласти и почти одновременно я узнал об образовании новой церковной ориентации Ленинградского духовенства – во главе с митрополитом Иосифом и епископом Гдовским Димитрием (Любимовым). Не помню точно каким путём, от кого именно, но я получил от паломников Саровской пустыни обращения Ярославской оппозиции и упомянутого епископа Димитрия (Любимова) об организации самостоятельной иосифовской ориентации. Между этими обращениями была полная аналогия – то и другое вызваны одной причиной – лойяльными декларациями митрополита Сергия.

Поскольку эта линия поведения, в частности, митрополита Иосифа и епископа Димитрия (Любимова) до известной степени совпадала с моей идеологией, я поехал в Ленинград для выяснения полной платформы иосифовской ориентации, имея намерения в случае совпадения идеологий, присоединиться к иосифовцам. В Ленинграде я был летом 1928-го года имел разговор с епископом Димитрием Любимовым и профессором Андреевым Феодором. Оказалось, что о моей идеологии они знали до моего приезда к ним, так как кто-то из паломников, бывших у меня в Дивеево – списал копию с моей брошюры и передал им (речь идёт о брошюре, некоторые из пунктов которой изложены выше. Для простоты изложения буду называть её в дальнейшем «Отношение к советской власти с точки зрения православного нравоучения»). Разговор имел совершенно откровенный характер, это была «игра в открытую». Андреев и Димитрий в основном согласились с моей платформой. Однако, я их обвинял в том, что они не ставят вопрос об отношении к советской власти прямо, тушуя его употреблением слова «лояльность», что они должны были бы своё разоблачение начать не с митрополита Сергия, а с патриарха Тихона и его заместителя митрополита Петра Крутицкого – по существу первых начинателей лояльного отношения к соввласти, а не молчать об этом и больше того, признавать руководителем православной русской церкви – Крутицкого – что было мною установлено в разговоре с ними. По этим вопросам я с ними разошёлся и независимо от моего предположения, что они из тактических соображений не провозглашают открыто платформу, совпадающей в основном, как я выше уже сказал, с моей платформой, из стремления потерять легальность на первых порах своей организационной деятельности, я всё же счёл мои расхождения принципиальными. Они больше ссылались на авторитет митрополита Иосифа и его платформу, но с последним мне не представился случай разговаривать несмотря на то, что такое желание у меня было.

Имея ориентировку на эмигрировавшего в заграницу митрополита Антония Храповицкого и желая узнать новости о последних его проявлениях в эмиграции, с Андреевым и Димитрием я также разго-

варивал и о нём, то есть о Храповицком. Насколько мне помнится, собеседники отнеслись пренебрежительно к деятельности Храповицкого – по мотивам какого-то неправильного его учения об одном из Православных догматов, в котором они усматривали даже ересь*.

О политической деятельности Храповицкого вопрос как будто нами не обсуждался, так как в то время его линия не была ещё известна. Разговор с Андреевым и Димитрием Любимовым происходил, если не ошибаюсь, на квартире последнего, при чём других присутствующих при этом не было. В Ленинграде я пробыл одни сутки – останавливался по адресу, полученному ранее от кого-то из паломников в Дивеево. Адреса сейчас не помню, помню только, что квартирохозяйка – женщина пожилая, бывавшая в паломничестве в Дивеево.

Несколько позднее я получил в Дивеево от одного из паломников обращение митрополита Антония Храповицкого из-за границы, которое в своей политической, идеологической части полностью совпадает с моей платформой. Не совпадает только отношение к митрополиту Крутицкому, которого Храповицкий считает законным местоблюстителем Православной Церкви, но это, видимо, мнение у него составилось из-за недостаточной информации о действительной роли Крутицкого.

Из паломнических источников знаю, что профессор Лосев** относился одобрительно к имяславцам, гнездо которых было на Северном Кавказе, больше о нём ничего не слышал.

Не помню, разговаривал ли с профессором Новосёловым, проживающим в Москве, но знаю, что он разделяет иосифовскую платформу, но источников об этом не помню.

Со своим братом (старшим) Евгением, проживающим в данное время в Финляндии – г. Ваза – переписывался до последнего времени. В письмах я пытался информировать его о действительном положении Церкви в России, то есть о появлении обновления, о перемене линии Патриарха Тихона, не отрицаю, возможно, что в этих письмах (в первых) писал о взаимоотношениях Церкви с государством в разрезе своей идеологии. Употребляю слово «пытался» потому, что

** Имѣется въ виду «Катехизисъ» митр. Антонія Храповицкаго, гдѣ онъ выдвинулъ рядъ новыхъ тезисовъ объ Искупленіи, основывавшихся на «внутреннемъ смыслѣ Гефсиманской пачеестественной молитвы Бого-человѣка». Ученіе было официально осуждено Московской Патріархіей, послѣ обстоятельнаго изученія при участіи митр. Елевферія и архіеп. Веніамина (Федченкова). Между тѣмъ, въ 1925 г. митр. Евлогій съ одобренія Св. Синода предложилъ замѣнить въ школахъ Катехизисъ митр. Филарета (Дроздова) Катехизисомъ митр. Антонія.*

*** Лосевъ Алексѣй Ѳеодоровичъ, (1893–1988) выдающийся Русскій философъ, спеціалистъ по античному періоду. В своихъ трудах проводил апологію ученія «имяславцев», осуждённаго Святѣйшимъ Синодом Р.П.Ц. въ началѣ нынѣшняго столѣтія.*

не уверен, что такие письма доходили до адресата. Из информации брата я понял, что в Финляндии дело со взаимоотношениями Церкви с государством обстоит лучше, так как Правительство там соблюдает декрет о свободе совести и не вмешивается в церковные дела, чего, разумеется, нельзя сказать про советское государство.

Живя в Дивеево, я, начиная с 1922-го года до последнего времени в храмах не служил по мотивам, изложенным мною выше, то есть отрицательного отношения к официальной церкви. Служил у себя в доме – для себя, родственников и тех знакомых, которые приходили в то время ко мне.

Ко мне в дом до ликвидации монастыря и после заходило много паломников, многие приносили мне различные листовки и брошюры, часть из которых оставалась у меня для ознакомления. Таким образом, мною было получено упомянутое обращение митрополита Антония Храповицкого.

Приходилось с паломниками обсуждать те или иные листовки, паломники задавали вопросы и чаще всего такие:

а) можно ли служить у советской власти?

б) можно ли работать в праздничные дни?

в) можно ли участвовать в революционных демонстрациях? и т.п.

На все эти вопросы мною давались ответы и пояснения, исходя из моей идеологии, то есть отрицательные.

Имевшиеся у меня листовки я давал списывать паломникам, в том числе и брошюру «Отношение к соввласти с точки зрения православного нравоучения», обращение Антония Храповицкого и другие.

Помню, что моим братом Николаем была написана брошюра «Тайна семи Ассирийских церквей» – содержание которой сводится к доказательству о том, что 7-я церковь – это церковь настоящая, т.е. при советском государстве – в период церковно-государственной анархии и наконец, что существующее время последнее, после чего наступит конец мира. С другой стороны брошюра критикует научный марксизм.

До закрытия монастырей в Дивеевской местности (Дивеевского и Понитаевского женских монастырей) до 1927 года жили три епископа – Серафим и Зиновий в Дивеевском и Арсений* – в Понитаевском монастыре. Серафим и Зиновий после ликвидации монастыря были арестованы и высланы: первый – в гор.Миленки, второй – в гор.Муром, Нижегородского края неподалёку от Дивеева. Арсений некоторое время жил в Арзамасе. Знаю, что Серафим и Зиновий придерживались Сергиевской ориентации. Об Арсении же точно сказать не могу, он не служил в церквах, в том числе и сергиевских –

---

* *Серафимъ (Звѣздинскій), еп. Димитровскій, викарій Московской еп.; Зиновій (Дроздовъ), архиеп. Тамбовскій; Арсеній (Жадановскій), еп. Серпуховской, викарій Московской еп.*

видимо относился отрицательно к официальным церквам, служил на дому, но вместе с тем я знаю, что верующим он разрешал ходить в сергиевские церкви.

Боротинский.

ДОПРОСИЛ: Уполномоченный III-го отд. СПО ПП ОГПУ СВК
<подпись> (Бартошевич)

Архив Управления ФСБ РФ по Самарской области, фонд архивно-следственных дел. Д. П-17773. Т.4. Л.207–210.

Примѣчанія

Боротинскій Павелъ Арсеньевичъ родился въ 1887–мъ году въ г.Гавастгусъ (Финляндія). Окончилъ Петроградскую Духовную Семинарію. Принялъ санъ священника. Въ 1918–мъ году переѣхалъ въ с. Дивеево. До Августа 1922–го года служилъ въ храмѣ Дивеевскаго женскаго монастыря Арзамасскаго раіона Нижегородскаго края. Въ 1927–мъ году отдѣлился отъ митр. Сергія (Стра–городскаго). Продолжалъ служеніе тайно. Поддерживал связь съ ленинградскими и самарскими іосифлянами. Арестованъ близъ Дивеево 29 Ноября 1931–го года. Проходилъ по дѣлу самарскихъ «непоминающихъ», а затѣмъ «Всесоюзнаго центра Истинное Православіе». 14 Іюля 1932–го года приговорёнъ коллегіей О.Г.П.У. къ 10–ти годамъ лагерей. Отбывалъ Бѣломорбалтлагѣ. Постановленіемъ Коллегіи О.Г.П.У. отъ 22 Февраля 1933–го года изъ лагеря освобождёнъ и высланъ въ Сѣверный край на оставшійся срокъ. По дорогѣ въ ссылку бѣжалъ. Скрывался у монахинь б.Дивеевскаго монастыря, продолжая тайное служеніе. Арестованъ 03 Февраля 1938–го года. Перевезёнъ въ Москву. 15 Сентября 1938–го года Военной Коллегіей Верховнаго Суда С.С.С.Р. къ высшей мѣрѣ наказанія. Въ тотъ же день расстрелянъ. Похороненъ въ Бутово.

Данный документъ представляетъ особый интересъ какъ подлинные *Actae Martyros* XX–го столѣтія.

Список приложений

ПРИЛОЖЕНІЕ I Декреты Совѣтской власти о новомъ правописаніи и календарѣ 726

ПРИЛОЖЕНИЕ II (Документы)

№ 1 Утвержденная грамота Великаго Московскаго Собора от 21-го Февраля 1613 года 739

№ 2 Список служащих Св. Cvнода 740

№ 3 Письмо А.А. Нейдгарта 744

№ 4 Письмо Я.Брафманна к Государю. 758

№ 5 Выдержки из письма С.Шарапова Андроникову М.М. 761

№ 6 Программа Союза Русского Народа 765

№ 7 А. Открытое письмо Председателя Главного Совета Союза Русского Народа А.И. Дубровина Митрополиту С.-Петербуржскому Антонию, Первенствующему Члену Св.Cvнода. 771

Б. Ответ Митрополита Антония 781

№ 8 *Материалы к процессу Бейлиса* 783

А. Письмо сионистов-коммунистов А.С.Зарудному 784

Б. Письмо Прозорова Г., киевского священника, митроп(олиту) Флавиану 787

В. Статья «Убийство Ющинского и каббала» 789

№ 9 Статья «Больной вопрос» 793

№ 10 Письма русских людей в Св.Cvнод 799

№ 11 Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства и школы от Церкви 822

№ 12 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви от 2 Декабря 1917 года 823

№ 13 Послание Святейшего Патриарха Тvхона об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной. 19.(01.02).1918. 826

№ 14 Определение Священного Собора Православной Российской церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь 828

№ 15 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни 830

№ 16 Декрет Совета Народных Комиссаров о введении нового правописания 832

№ 17 Декрет Совета Народных Комиссаров о введении новой орфографии 834

№ 18 Статья «Заслуги евреев перед трудящимися» 835

№ 19 «Во что бы то ни стало необходимо провести изъятие....»
Из архивов революции 836

№ 20 *Документы по обновленческому движению*

Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 года (обновленческий). Бюллетени 842

№ 21 Воззвание Святейшего Патриарха Тихона и группы иерархов Православной Русской Церкви к верующим об отмежевании Церкви от контрреволюции (08. 1923.) 868

№ 22 Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание»). 14 апреля 1925 г. 869

№ 23 Письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому). 12. 1929. 872

№ 24 Перегибы в отношении религиозных чувств верующих 874

№ 25 Телеграмма митрополита Алексия И.В. Сталину и ответ на неё 877

№ 26 Письмо псаломщика С.Д. Плескача митрополиту Алексию о положении Церкви во время оккупации (1944 г.) 877

№ 27 Письмо Л.Берии – И.В. Сталину с просьбой санкционировать высылку «Истинно-Православных христиан» 884

№ 28 Справка И. Цедилина о деятельности «Истинно-Православных христиан» на территории Воронежской области 885

№ 29 «Письмо из Советского Союза» (Из послания группы ленинградских верующих зарубежным русским религиозным организациям) 887

№ 30 Из доклада протоиерея А.Медведского Ленинградскому уполномоченному Совета по делам РПЦ Г.С. Жаринову 888

№ 31 Устные принципиальные указания И.В. Сталина о работе Совета по делам Русской Православной Церкви в ЦК КПСС 898

№ 32 Ходатайство Патриарха Сергия об амнистии заключенных священнослужителей 898

№ 33 Письмо Г.Карпова о деятельности Ватикана 899

№ 34 Из доклада в ЦК ВКП(б) Совета по делам русской православной церкви об итогах своей работы за 1946 г. 902

№ 35 Письмо Г.Г. Карпова В.М. Молотову о передаче мощей 906

№ 36 Из доклада Совета по делам русской православной церкви о совещании глав и представителей автокефальных православных церквей мира 907

№ 37 Доклад секретного осведомителя, профессора протоиерея А.Осипова Ленинградскому уполномоченному А.И. Кушнареву о положении в Московской Патриархии 911

№ 38 «Почему Вы порвали с религией»? Открытое письмо свящ. Сергия Желудкова бывш. священнику П.Дарманскому 933

№ 39 Стихотворение «Новый Иуда» 940
№ 40 Анонимное письмо от группы верующих Патриарху Алексию 941
№ 41 Характеристика на митрополита Ленинградского и Ладожского Пимена 942
№ 42 Открытое письмо Святейшему Патриарху священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина 944

Дополнения к Приложениям

№ 43 Письмо митрополита Кирилла (Смирнова) къ іеромонаху Леониду 23/8 III 37г.....982
№ 44 Письмо протоіерея А. изъ Сибири митрополиту Кириллу(?) 9/II 37г. 984
№ 45 Изъ протокола Допроса священника Pavла Арсеньевича Боротинскаго отъ 28-го Декабря 1931-го года 986

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов В., министр ГБ СССР – 427
Аболин, контрревол. – 697
Абрикосов К.А., секр. старообряд. Архиепископии – 711
Аввакум, протопоп, ревнитель древняго благочестия, мученик за старую веру – 13
Аверкий (Кедров), архиеп.Троицкий и Сиракузский – 143
Авчинников В.И., упр. Канц. Св. Cvнода – 742
Агафангел (Преображенский), митр. Ярославский – 181–182, 203, 205, 207, 234, 279, 283-285, 301, 311, 524-526, 598, 872, 988
Адам (Филипповский), архиеп.Филадельфийский и Карпато-Русский – 376, 620
Адаменко, протоиер. – 899
Адамиани Каций (см. Ярославский Е.) – 320
Адамов Д., протоиер. – 846, 866
Аджубей А.И. – 448, 500
Адлер, адвокат Патриархии – 620
Айвазовский, художник – 737
Аксаковы, Рус. писатели – 973, 975
Акчурин С.В., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Алгасов В., комиссар – 727, 823
Александр I, Русск.Император – 747, 751, 753, 755
Александр II, Русск.Импер. – 23, 26, 28, 36, 58, 71–72, 680, 746, 748–749, 751, 753, 763, 784
Александр III, Русск.Импер. – 32, 44, 75, 680, 749, 768, 774
Александр (Дернов), протопресв. – 88
Александр (Калинин), священноархим. – 722
Александр (Никоневский), митр.Брюссельский – 590, 610, 630
Александр (Рождественский), свящ. – 60
Александр (Соин), свящ. – 722
Александр (Толстопятов), еп.Молотовский – 339
Александр (Филиппенко), архим. – 542
Александр III, Патриарх Антиохийский – 327, 376, 909
Александр Михайлович, Великий Князь – 757
Александр Невский, св. блгв. Вел. Князь – 316
Александр (Немоловский), архиеп. – 618,651
Александр (Авдентов), обновленч. еп. «Новосибирский» - 867
Александр, иером. – 553
Александр, митр.Эмесский – 909
Александра Федоровна, Императрица – 145, 162
Александров А. – 32, 34, 75
Александрович, сов. суд.-прокур. работник – 875
Алексеев В.А., советск. историк – 202, 342, 445–446, 516, 518, 721, 722
Алексеев В.И., историк – 546, 579
Alekseew W. – 580
Алексей (Буй), еп.Козловский – 301, 532
Алексей (Сергеев), еп. – 308
Алексей Михайлович, Царь – 12, 15, 676
Алексей, Цесаревич – 132, 145, 523
Алексий (Голицын), архиеп.Куйбышевский – 339–340
Алексий (Готовцев), еп.Серпуховской - 301
Алексий (Громадский), митр. – 334
Алексий (Кузнецов), архиеп. – 899
Алексий (Сергеев), архиеп.Рязанский – 339
Алексий I (Симанский), Патриарх Московский и всея Руси – 182, 244, 295, 311, 320, 325, 326, 328–329, 338–342, 344–357, 362, 364, 371-373, 376, 377-381, 400, 405, 409-410, 412-417, 420, 422, 430-431,

434, 437, 439, 440, 451, 453, 458, 462, 463, 465, 469, 480-481, 485, 491, 496-498, 500, 501, 510-511, 530, 541, 544-545, 553, 565, 611-612, 616, 620, 622-623, 651, 659, 877, 878, 881, 903, 906, 908-909, 922-923, 929, 941, 945, 946

Алексий II (Редигер), Патриарх Московский и всея Руси – 893

Алексий, иеросхимон., старец Зосимовой пустыни – 135, 311

Алексей, св. митр. Моск. – 780

Алимпий (Гусев), старообр. митр. Моск. и всея Руси – 705, 709

Альбинский И., протоиер. – 231

Альман, сионист-коммунист – 787

Амбарцумов Владимир, свящ. – 311

Амвросий (Погодин), архим. – 614

Амвросий, архиеп.Харьковский – 744, 774

Амвросий, митр.Новгор. – 19, 742, 997

Амвросий, старец Оптиной Пустыни – 624

Амфилохий Иконийский – 221

Амфилохий (Журавлёв), старообр. еп. – 695

Анастасий (Александров), еп.Ямбуржский – 358

Анастасий (Грибановский), митроп. Кишинёвский – 106, 186, 588, 590, 594, 601, 605, 607, 609-610, 613, 641, 654,861, 863, 903

Анастасий (Кононов), старообр.еп., местоблюст.Архиеп.престола – 709

Анастасия, Великая Княжна – 132, 146, 523

Анастасия, мученица – 856

Анатолий (Грисюк), митр. Одесский – 295, 311, 347

Анатолий, архиеп. Уфимский – 563, 564

Андреас Киприот, преподаватель – 656

Андреев И. (Андреевский), проф. – 536, 537, 541, 579, 580

Андреев Ф., проф. – 989, 990

Андрей (Исаев), архим. – 547

Андрей (князь Ухтомский), архиеп.Уфимский – 527, 529, 533, 571, 578, 707–708, 722

Андрей (Комаров), архиеп.Казанский – 339

Андрей (Шептицкий), униатск. митр. Львовский– 394-395

Андронников М.М. – 761

Анисимов С., сов.идеолог – 582

Анна Кашинская, св.благ.вел.княг. – 906

Антоний (Абашидзе), схиархиеп.Таврический – 533

Антоний (Башир), митр. Антиох.Патриархата– 621

Антоний (Блюм), митр. Сурожский – 569, 571, 573–574, 578–579, 582–583, 660, 660, 944

Антоний (Вадковский), митр.С.-Петерб.– 67, 69, 79, 126, 225, 278, 771, 781, 783

Антоний (Панкеев), еп. – 899

Антоний (Пельвицкий), еп.Станиславский - 398-401

Антоний (Храповицкий), митр.Киевский – 79, 83, 91, 94, 98, 106, 186, 196, 311, 590-592, 595-598, 601-604, 614-615, 625, 856, 860-861, 863, 871, 990, 991

Антоний (Чернов), катакомб. митр. ?– 569, 571, 577

Антоний (Сенкевич), архим. – 904

Антоний, еп.Монреальский – 376,

Антоний, еп. – 399–401

Антоний, архиеп.Женевский и Зап.-Европейский – 614

Антоний, архиеп.Зап.-Американский и Сан-Францисский – 446, 582, 617, 620

Антоний, св.муч.Литовский – 664

Антонин (Грановский), обновленческий еп. – 181–184, 231–232, 235–238, 242, 245–248, 250, 253–254, 262-263, 775, 776, 844-847, 851, 857, 859, 862, 866

Антонинов Иоанн, протоиер. – 854–855

Антонов А., организатор антибольш.крест.восстания – 522

Антонов А.В., совр.старообр.деятель – 723

Антоновский, свящ. – 875

Анушкина Е.В., член Катакомб.церкви – 580

Аполлинарий (Дубинин), иером. – 722

Апраксин, граф – 861

Аркадий (Копылов), иером. – 490

Арсений, иером., правщик книг– 676

Арсений (Жадановский), еп.Серпуховской – 311, 533, 991

Арсений (Мацевич), митр.Ярославский и Рост. – 19, 104, 115, 746, 974

Арсений (Стадницкий), митр.Новгор. – 88, 100, 106, 138, 207, 287, 292, 345, 347

Арсений, еп.Псковский и Порховский – 742

Арсений, игум. – 777

Арсентий, игум. – 80

Артамонов А., свящ. – 552

Артемий (Ильинский), обновленч. «еп.Петроградский» – 853

Артемьев Н., старообр., кожезаводчик – 716

Архангельский, генерал Русской армии – 861

Аскольдов С., философ – 536

Ататюрк – 258

Афанасий (Егоров), архим. – 899

Афанасий (Сахаров), еп. Ковровский – 297, 311, 381, 533, 536, 539, 552, 544–545, 580
Афанасий (Хризостом), архиеп. – 601
Афанасий, иеромон. – 668
Афанасьев Н.Н., проф.Канон.права – 645, 647
Афанасьев, иерей – 779, 783
Афинагор, архиеп.Севастийский – 376
Афинагор, митр.Фиатирский – 622
Афинагор, Патриарх Конст. – 425, 498, 499, 622, 658–659, 661–662, 675
Афиногорас, архиеп.Нью-Йоркский – 908
Афонин И., протопресв. – 513
Ахматов А.П., обер-прок. Св.Cvнода – 741

Б

Базилевич, член комис. по изъят.церк.цен. – 840
Базилос, коптск. архиеп. – 462
Бакунин, доктор – 198, 201
Бакшеев А., атаман Забайк. казачьего войска – 165
Бальмонт К.Д., рус.поэт – 737
Банников С., зам. пред. КГБ – 502–503
Баратынский Е.А., рус.поэт– 973
Бартошевич, уполн. ОГПУ – 992
Барышевы, сектанты – 567
Баскаков А.П., обер-прок. Св.Cvнода – 740
Батый, хан – 316
Безобразов С.С. (см. еп. Кассиан)
Бейлис М. – 784–786, 788
Бек-Зеев, сионист-коммунист – 787
Белевцев Иоанн, проф.-протоиер. – 408, 514
Белков Е., свящ. – 180, 226, 231, 238
Белков Христофор, протоиер. – 226
Белобородов А.Г., один из инициаторов убийства Царской семьи, в 1922 г. зам. пред. комиссии по изъят. церк. цен. – 840
Белоликов, проф. – 846, 858
Белых Г. – 190
Беляев В. – 581
Беляев Яков, мон. – 42
Бен-Гавигдор, сионист-коммунист – 787
Бендера С. – 396
Бенедикт XV, папа Римский – 403
Бенешевич В.Н., проф. – 631
Бербель – 861
Бердяев Н.А. – 936, 973
Бердяев П.А., мыслитель – 645
Берия Л.П., Нарком Внутр. дел СССР – 435, 540, 884
Бернштам М. – 578
Бестужев, граф – 18
Бехтерев, проф. – 791
Бирон – 856
Блудов Д.Н., Главноупр. духовных дел – 743
Блэйк Э., амер.еп. – 249, 439, 848, 860
Бобков Е., свящ. – 712
Бобков Ф.Д., полковник КГБ – 506
Бобриков Н.И. – 734
Бобринский Б. – 656
Бобринский В.А., граф – 861, 863
Бобрович, ген. – 861
Богданов Владимир, свящ. – 538–539
Боголепов А.А. – 446, 623
Боголюбов Д.И. – 84
Боголюбский, проф. – 846, 866
Богословский Д.Я., - 663
Богоявленский Л.К., протоиер. – 179
Богоявленский, свящ. – 875
Болотов А.Т., рус.естеств. – 973
Болотов В.В., гебраист – 647
Болтин И.В., обер-прок. Св.Cvнода – 740
Больe А., фр. критик социализма – 688
Бонч-Бруевич В.Д., упр.делами СНК – 121, 436, 699–700, 721, 722, 823, 835
Борис (Рукин), еп.Можайский – 201, 281
Борис (Тихонравов), свящ. – 889, 930
Борис, еп.Ямбуржский – 742
Борис (Вик), экзарх Американской Правосл. Церкви – 473
Боротинский П.А., протоиер. – 986–992
Боротинские – 990–991
Боткин С.П., Рус.терапевт – 973
Боткин Е., доктор – 146
Боханов А.Н. – 721
Бояновская Е.Н., преподаватель – 927, 932
Боярский А., протоиер. – 178, 180, 230–231, 238, 259, 846, 853, 856, 857, 865–866, 932
Бражник И.И., инстр. отд. проп. ЦК КПСС – 489
Брафман Я. – 72, 758, 760
Бриллиантов, сотрудник окруж. адмотдела – 875

Брусилова – 176
Булатов С.М., поручик – 812–821
Булацель П.Ф., юрист – 78
Булгак Иосафат – 393
Булгаков Сергий, филос. – 261, 604, 614, 631, 645, 648-651, 973
Булганин Н.А., пред. Сов. Мин. – 440–441
Булыгин А.Г., мин. внутр.дел – 76
Бунин И., писат. – 644
Бурышкин П.А., писатель – 682, 686, 720-721
Бусин М. - 722
Бутаев, старообр. – 697
Бутка, униат. еп. – 395
Буткевич, свящ. – 783
Бухарин Н.И., сов. парт. деят – 170, 704
Бушуев С.В., историк – 720
Быстреевский Константин, протонер. – 219

В

Ваганов, старообр. – 697
Вагин Е., христ.публиц. – 559, 581–582
Валентин (Мищенко), свящ. – 576, 583
Варлаам (Лазаренко), еп.Майкопский – 532
Варлаам (Ряшенцев), архиеп. – 539
Варнава (Накропин), архиеп.Тобольский – 90
Варнава, Патриарх Сербский – 304, 314, 604–605, 638, 673
Варсонофий (Плиханков), схиархим.Оптинский – 6
Варфоломей (Городцов), митр.Новосибирский – 339, 921, 931
Василевская В.Я., родств. А.Меня – 536
Василий (Дохтуров), еп. Каргопольский – 531
Василий (Кривошеин), еп.Брюссельский и Бельгийский – 223, 437, 515, 517
Василий (Ратмиров), архиеп.Калининский – 339
Василий (фон Ренне), иеросхимон. – 569
Василий III, Вселенский Патриарх – 600
Василий Великий, св., учитель Церкви – 744, 665
Василий Димопуло, архим. – 302
Василий (Богоявленский), архиеп.Черниговский – 88, 743
Василий (Лебедев), обновленч. «еп». – 249
Василий (Преображенский), еп.Кинешемский – 324, 343
Васильев В. – 464
Васильев И.В., Предс. Уч. Комитета при Cvноде – 742
Васильев, ген. – 861
Васильева О.Ю., историк – 342, 445
Василькова В.Я. – 580
Васильчиков А.В., бывш.дир. Эрмитажа – 747
Васнецов В.М., худож. – 973
Введенский А.И., глава обновленцев, «митрополит» – 177–178, 180, 182, 184, 230–231, 238–242, 246–247, 250, 256, 258, 259, 262, 346, 843, 846-847, 849, 851, 857, 860-861, 863-864, 866
Введенский А., обновленч. «еп. Сибирский» – 846
Введенский А.И., проф., Председ. С.-Петерб. филос. об-ва – 210,
Введенский А., сов. истор. – 262
Введенский В., церк. исслед. – 262
Ведерников А.В., исслед. – 130, 158, 373, 404, 674
Вейдле В.В., проф. – 645
Венедикт (Алентов), еп. – 899
Венедикт (Плотников), еп.Кронштадский – 179, 368
Вениамин (Иванов), еп. – 899
Вениамин (Казанский В.П.), митр.Петроградский – 91–92, 135, 154, 177–182, 189, 203, 231, 241, 243, 244, 251, 260, 346, 363, 367, 526, 675, 912, 929
Вениамин (Муратовский), обновленч. «митр. Ленинградский» – 258, 846
Вениамин (Тихоницкий), еп.Кировский – 339
Вениамин (Федченков), митр. – 304, 375, 436, 590, 594, 597, 618–620, 628, 631, 642, 645, 665, 670, 705, 722, 921, 930
Вениамин (Новицкий), архиеп.Иркутский – 475
Вернадский В.И., акад. – 684, 973
Верховский С.С., проф. – 645, 656
Верюжский В., проф.-протоиер. – 299, 381, 407, 529–530
Ветроградов, проф. – 926
Викентий (Чекалин), еп. – 571, 577
Викентий, старообр. еп.Кавказский – 704, 709, 710
Викентий, Патриарх Сербский – 439, 452
Виктор (Островидов), еп.Глазовский – 300, 983
Виктор (Святин), еп.Пекинский – 602

Виллебрандс И., секрет. комис. по содейств. христи. единства – 500–501
Вильбушевич М.В., деятельница Бунда – 58
Вильгельм II, Герм.император и Прусский король – 816
Виннерт, Л.Ш., католич.свящ. – 666–667, 675
Винокуров, член комис. по изъят. церк. цен. – 840
Виппер, тов. прокурора – 784, 786
Вирен Р.К., адмирал – 820
Виссарион (Марков), иером. – 553
Виссет Хуфт В.А., ген. секр. ВСЦ – 465
Виталий (Введенский), архиеп. Дмитровский – 258, 261, 355
Витте С.Ю., Рус. гос. деятель – 38, 58, 66, 774–778, 783, 816
Вишняков, свящ. – 176
Владимир (Карманов), свящ. – 561
Владимир (Путята), архиеп.Пензенский – 229, 233, 262
Владимир (Соловьев), свящ. – 561–562
Владимир (Тихоницкий), митр. – 587, 628, 630, 635, 636, 651, 652–656, 658
Владимир (фон Штромберг), еп.Уфимский – 569
Владимир, еп.Мукачевский – 356
Владимир, архиеп.Казанский – 774
Владимир, митр.Киевский и Галицкий – 79, 88, 92, 102, 106, 120, 136, 859
Владимир, св. равноап. кн. – 14, 80
Владимирцев, лектор – 436
Власов А.А., генерал, организатор Р.О.А.– 607–608
Вознесенский Д.Д., доц. – 922, 932
Войков П.Л., сов. посол в Польше, один из виновников гибели Импер. Семьи – 293
Войцехович А.И., Упр. Канц. Св. Cvнода – 741
Волжин А.Н., обер-прок. Cvнода – 591, 741, 861
Волков, протоиер. – 866
Волконский М.Н., кн. – 77, 80
Володарский М.М., нарком печати – 145
Володичева М., парт. работ. – 839
Вороничев Н.Ф., уполн. по делам религ. в Узбекистане – 467
Воронков К., секр. прав. Союза писат. – 505
Воронов Ливерий, проф. протоиер. – 408, 514, 881, 883
Ворошилов К.Е., маршал СССР – 426–427, 437, 454, 465, 906, 910
Воскобойников, руководитель вооруж. формир. «Истинно-прав. христ.» – 538
Востоков В., протоиер. – 188, 590, 860, 861
Восторгов В., протоиер. – 203
Восторгов Иоанн, протоиер. – 79, 82, 148
Вострышев М.И., церк. истор. – 158–159, 185, 203, 263
Вощинин К.А., упр. канц. Cvнода – 742
Врангель П.Н., ген.-лейт., руковод. Белого движ. – 162, 690, 695, 705, 861
Врубель М.А., Рус. худож. – 973
Всехсвятский Константин , свящ. – 536
Вышеславцев Б.П., проф. – 645, 646, 649
Вышнеградский И.А., министр – 38
Вячеслав (Шкурко), еп. – 899

Г

Гавриил Белостоцкий, св. – 536
Гавриил (Хитров), архим. – 547
Гавриил (Красновский), еп. – 281
Гавриил, Патриарх Сербский – 414, 422, 909
Гагарин Ю.В., исслед. старообрядч. – 555, 562, 581, 698, 621–622
Гаевский И.С., упр. канц. Cvнода – 741, 742
Гаевский П.И., дир. Дух.-Уч. Упр. при Св.Cvноде – 742, 743
Галкин, член комис. по изъят. церк. цен. – 840
Гапон Г.А., свящ. – 61–62, 775–776, 782
Гарбетт, англиканск. архиеп.Йоркский – 351, 904
Гардинер Р., христ. деят. – 211, 223
Гарковенко Ф.И., филос. – 262–263, 313, 517–518
Гароди Р., фр. коммун. деят. – 508
Гачев В.И., проповедник – 555
Геннадий, старообр. архиеп. Новозыбковский и всея Руси – 713
Геннадий (Секач), катакомбн. схимитр. – 570, 577, 579
Георг, король Англии – 355, 362
Георгиевский Г.И., проф. – 378, 379
Георгиевский М.А., преподователь – 631
Георгий (Дашков), архиеп. Ростовский – 19, 974
Георгий (Конисский), архиеп. – 392

Георгий (Тарасов), экзарх Моск. Патр. за рубежом – 658–661, 664
Георгий (Ярошевский), архиеп. – 197, 585, 587
Герасим, иером. – 42
Герман, архиеп. Финлянд.Прав. Церкви – 416
Герман, еп. Кавказский и Екатеринодарский, Предс. Учил. Сов. при Cvноде – 742
Германос, митр. Фиатирский – 376, 635, 908
Гермоген, архиеп. – 403
Гермоген (Голубев), архиеп. Калужский – 408, 467, 474, 511–512, 518, 944, 953, 971
Гермоген (Долганов), еп. Тобольский – 139, 150
Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси – 4, 11, 102, 138, 148, 151, 353, 780, 807
Геронтий, старообр. еп. Петроградский и Тверской – 699, 710, 712
Герцен А.И., основоположник народничества, писатель – 680
Герценштейн М.Я., экономист – 73
Гитлер А., глава фашистск. Герм. гос-ва и вождь Герм. народа – 31, 605, 607, 711
Глазков В. – 580
Глазунов А., композитор – 644
Глинка М.И., композитор – 973
Глубоковский Н.Н., Рус. богослов – 631, 645
Гневушев Макарий – 148
Гоголь Н.В., Рус. писатель – 736, 972, 973
Годунов Борис, Рус. Царь – 9, 753
Голицын А.Н., тайн. сов., обер-прок. Cvнода – 741, 743
Голосов Л., актив. противн. никоно-алексеев. реформ – 12
Голубинский Е.Е., историк– 973
Голубцов А.П., проф. – 210
Гончаров И.А., Рус. писатель– 973
Горазд, еп. – 414
Гордиенко Н.С., сов. философ – 262
Гордин Я., основатель «Дух.-Библ. братства» – 74
Горичева Т., правосл. филос. – 564
Городцев Сергий, протоиер. – 324
Горчаков, свящ. – 783
Граббе, атаман войска Донского – 591, 861
Грановский А. А. – 245
Гребенщиков А.П. – 716
Гредескул, проф. – 248
Гречанинов А.Т., композ.– 973
Грибов, предс. Леноблсуда – 876
Грибоедов А.С., Рус. писатель – 973
Григорий (Граббе), еп. – 455, 861
Григорий (Козлов), еп. – 899
Григорий (Козырев), еп. – 899
Григорий (Лебедев), еп. – 514
Григорий (Чуков), митр.Ленинградский – 219, 229–330, 339, 351, 355-356, 365, 369–370, 378, 406, 413, 416, 418, 424, 433, 436, 442, 448, 620,
Григорий (Яцковский), архиеп.Екатеринбуржский – 205, 281–282, 313, 983, 985
Григорий IV, Патриарх Антиохийский – 345
Григорий VII, Вселенский Патриарх – 195, 221
Григорий Богослов, св., учитель Церкви – 665
Григорий Палама, св. – 646
Григорий, просветитель Армении – 369
Григорий, деревенск. свящ. – 804–806
Григорий, свящ. – 79, 104
Григорович В., мирянин – 445
Григорович-Барский, адвокат – 784
Григоровский С.П., упр. Канц. Св.Cvнода – 742
Григорьев Ап.А., Рус. писатель– 973
Герингер М.Ф., обер камер-фрау – 47
Грингмут В.А., основат. Рус. монарх. партии – 46, 53, 76–78, 84
Громадка И., проф. – 473, 498, 503
Громыко А.А., мин.иностр.дел СССР – 452
Грот Я., дир. Департамента – 734, 750
Грузенберг О.О., адвокат – 784, 786
Грязнов Ф., старообр., заводчик– 716
Губонин М.Е., правосл. архивист-исследователь – 159
Гурий (Павлов), еп. – 571
Гурий Феогност, архиеп.Кавказский – 774
Гурий, еп. , предс. Учил. Сов. Св.Cvнода – 742
Гурий (Егоров), митр.Ленинградский и Ладожский – 484,921, 931
Гуриков С., протодиак. – 355
Гурьев П.В., упр. Канц. Св.Cvнода – 742
Гусев, рев. деят. – 735
Гусев, зам. нач. ГПУ – 876
Гучковы – 682, 684, 685, 721
Гюго В., Франц. писатель – 736
Grossman J. – 446

Д

Давыдов А. – 583
Даль В.И., Рус.лингвист – 726, 784
Даманский П.С., товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741, 743
Дамаскин (Цедрик), еп.Глуховской – 311
Дамиан (Воскресенский), еп.Переяславский – 282
Даниил (Шестенников), еп.Читинский и Забайкальский – 553
Данилов С. – 106
Данилов, генерал – 820
Данилушкин М.Б. – 981
Данилушкина М.Б. – 262
Дантон М. – 48, 53
Дармаский П.Ф., свящ. – 469, 933
Девитин А.Э. – 517
Демидовы, Рус. заводчики – 681
Демьянов А.Н. – 527, 543, 550, 559, 568, 578, 580–582
Деникин А.И., Рус. генерал – 690, 695
Денисов Иван – 645
Державин, Рус. поэт – 972
Дзержинский Ф.Э. председатель ВЧК – 839
Диаконов А., протоиер. – 846, 865–866
Дикарев Борис, протоиер. – 846, 866
Димитрий (Градов), еп.Ульяновский – 339
Димитрий (Градусов), архиеп. – 315, 324
Димитрий (Любимов), архиеп.Гдовский – 299–300, 530–531, 533, 989, 990
Димитрий Донской, св. князь – 316, 321, 362, 877
Димитрий Ростовский, св. – 317
Димитрий, архиеп.Томский – 282
Димитрий (Вознесенский), еп.Хейларский – 601, 611, 613
Димитрий, Патриарх Сербский – 186
Димитров Г., сов. агент, глава ком. партии в Болгарии– 908
Дионисий (Валединский), митр.Варшавский – 251, 414
Дионисий (Шамбо), архим. – 662, 669
Дионисий, митр.Новозеландский – 671
Дитерикс М.К., генерал-лейтенант Рус. армии в Приамурье – 146, 164, 698
Дмитриев И.И. – 736
Дмитриевский, проф. – 219, 407
Дмитрук К.Е. – 403
Добров, протодиак. – 846, 866
Доброклонский А.В. – 631
Добролюбов Д.И. – 53
Добролюбов Н.А. – 49
Добролюбов, свящ. – 176, 874
Добронравов Г. (обновленч. еп.Дмитровский) – 846, 866
Добрынин М., преподаватель ЛДА – 348–349, 372–373
Доктусов Н.П., проф. – 926, 931
Долотов А. – 696, 697, 721, 722
Доменак, Французск. писатель – 507
Домонтович И.И., дир. Дух.-Уч. Упр. при Св.Cvноде – 742
Досифей, еп. – 622
Достоевский Ф.М., крупнейш. Рус. правосл. писатель, идеолог патриотизма – 27, 320, 342, 688, 736, 972–973
Дубинин В.А. – 687
Дубровин А.И., врач, предс. Союза Рус. народа – 78, 771-783
Дудко Д., свящ. – 491
Дулуман Е. – 469, 939
Дурасович С.Н., истец – 784
Душенов К. – 363, 473, 517
Дьяконов Савва – 716
Дьячков Г., проповедник – 556

Е

Евгений (Зернов), митр. – 899
Евгений (Кобранов), еп. – 217, 985
Евдоким (Мещерский), архиеп.Нижегородский – 182, 193, 254, 258, 280, 618, 673
Евдоким, митр.Одесский – 846
Евдокимов П. – 656
Евлогий (Георгиевский), экзарх Моск.Патр. в Европе – 83–84, 99, 106, 144, 158, 186–187, 189, 203, 303-304, 314, 370, 415, 417, 589-591, 594-605, 608-610, 624-644, 649-652, 654, 656, 665, 672, 673, 860-861, 863
Евмений, старообр. еп.Румынский – 714
Евстафий Виленский, св. – 536, 664
Егоров А., свящ. – 230, 260
Егоров И.И., зам.предс. Высш.Старообр.Сов. – 715

Екатерина II, Императрица – 42, 115, 681, 746, 977
Елачич Н.А., проф. – 179
Елевферий (Богоявленский), митр.Литовский – 283, 303, 308, 313, 488, 587, 590, 602, 638, 640, 663-668, 675
Елевферий (Воронцов), митр. Ленинградский и Ладожский – 339, 414, 430, 611
Елена, юродивая – 9
Елизавета Петровна, Императрица – 754–755
Елизавета Феодоровна, Вел.Княгиня – 146
Ельчанинов Кирилл – 656
Енох – 789
Епифаний, катакомбн. митр.Могилёвский – 570, 577
Ербиньи М.Д., проф. – 248
Ермаков Василий, прот., - 3
Ермоген - см. Гермоген
Ермолаев М.К. – 43
Ермолова – 973
Ерохин В.В. – 687
Ершов Михаил – 527

Ж

Жаринов Г., уполн. Лен.совета по делам Р.П.Ц. – 888–889, 944
Жданов А.А., член Политбюро Ц.К. В.К.П.(б)– 422
Жевахов Н.Д. – 314
Жели Луиза, невеста Дантона – 48
Желудков Сергий, свящ. – 491, 933
Желябов А., руковод. террор. организации « Народная воля» – 49
Жиромский В. – 314
Житиков, свящ. – 697
Жаботинский В. (Зеев), лидер рос. сионистов – 71, 84
Жуков – 875
Жуков Г.К., маршал – 608
Жуковский В.А., Рус. поэт – 973
Журавский И., протоиер. – 866

З

Заболотский Н.А., преподаватель – 919, 930
Завитневич В. – 403
Заволоко И.Н. – 717–718
Завьялов – 697
Зайончковский Н.Ч., товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741
Зайц К.И., протопресв. – 878, 880, 883
Залецкий Иван – 12
Замысловский Г.Г., присяж.поверен. – 784, 786, 788
Зандер Л.А. – 645, 648–650, 657
Заозерский, свящ. – 176
Зарудный А.С., присяж. поверенный – 784–787
Заруцкий, атаман – 165
Засецкий И., актив. противн. никоно-алексеев. реформ – 12
Захаржевский – 846, 855
Захария (Лобов), еп. – 216
Захарьин – 973
Зеленицкий И.И., доцент – 927, 931
Зеленогорский М., (Гринберг), историк – 578, 722
Зеньковский В.А. – 645
Зеньковский В.В. – 631, 645, 646, 649–651
Зернов М., свящ. – 355 Зиновий (Дроздов), архиеп. Тамбовский – 991
Зиновьев Г.Е., предс.Коминтерна – 145, 170, 180, 268, 841
Зинченко И.К., Упр. Контролем Св.Cvнода – 743
Златоустый, см. Иоанн Златоустый
Зонара, канонист – 957
Зубатов С.В., жанд. полковн. – 38, 58–59
Зубков – 554
Зыбковец В.Ф., сов. исслед. – 124, 159

И

Иаков Боровичский, святой – 906
Иаков, свящ. – 569

Иван Константинович, Великий Князь – 146
Иванов А.А., художник – 685, 973
Иванов А.И., проф. – 158, 408, 445
Иванов В.И., писатель. – 973
Иванов И.И., работник Совета по делам Р.П.Ц. – 439, 443
Иванов К., активн. противн. никоно-алексеев. реформ XVII ст.– 12
Иванов Н. – 716
Иванов Р. – 106
Иванов, нач. райадмотд. – 874
Игнатий, еп. – 966
Игнатий (Киприот), Патриарх Московский и Всея Руси, признал Лжедимитрия Царём и повенчал с ним Марину Мнишек, не крестив её по-православному. Собором Русских иерархов был лишён первосвятительского престола – 780
Иеракс (Бочаров), иеромон. – 536, 539
Иеремия, старообр. архиеп. – 713
Иероним (Захаров), еп.Кишиневский – 355
Иерофей (Афоник), еп.Никольский – 531
Извольский П.П., обер-прок. Св.Cvнода – 741, 781
Иларий Пиктавийский – 221
Иларион, митр.Киевский, автор «Слова о законе и благодати» – 971
Иларион Новый, игум.Пелекитский – 210
Иларион (Светлов), катакомбн. еп. – 577
Иларион (Троицкий), еп.Верейский – 191, 193, 204, 206, 209–213, 223, 282, 311, 313, 868
Илиодор, монах – 777
Илия (Салиба), митр. гор Ливанских – 327–332
Илия, свящ. – 569
Ильин В., преподаватель – 645
Ильин И.А., писатель и философ – 733, 738
Ильинский А.Г., Дир. Хоз. Упр. при Св.Cvноде – 743
Ильичев Л.Ф., зав.отд.проп. ЦК – 448, 456, 489, 492, 502, 504–506, 509
Илья (Попов), игум. – 579, 583
Иннокентий (Клодецкий), еп. – 899
Иннокентий (Никифоров), еп. – 899
Иннокентий (Тихонов), еп. – 899
Иннокентий Иркутский, святитель – 906
Иннокентий (Фигуровский), архиеп.Пекинский – 252
Иннокентий (Летяев), еп.Клинский – 181
Иннокентий, (Ястребов), еп.Полоцкий и Витебский – 743
Иннокентий, иеромон. – 56
Иоаким (Левицкий), архиеп.Нижегородский – 88
Иоаникий, митр. С.-Петербургский – 773
Иоанн (Берестовский), архиеп. – 571, 579, 582
Иоанн Богослов, Апостол – 615
Иоанн (Братолюбов), архиеп.Сарагульский – 339
Иоанн (Вендланд), митр. – 506, 563–564
Иоанн Златоустый, св., учитель Церкви – 665, 987
Иоанн Кан Так, свящ. – 670
Иоанн (Картушин), архиеп. – 43
Иоанн (Красовский), униатск. еп. – 393
Иоанн Кронштадтский, св. – 50, 54–55, 200, 214, 527, 555, 886
Иоанн (Лавриненко), архиеп. – 921, 922, 930
Иоанн (Ложков), еп. Псковский – 537–538
Иоанн (Максимович), архиеп. – 507, 599, 611, 614–616, 672–673, 723
Иоанн (Маслов), архим. – 343
Иоанн Палеолог, Император – 744
Иоанн (Поммэр), архиеп. – 197, 229
Иоанн Предтеча, св. – 978
Иоанн (Разумов), архим. – 341, 409
Иоанн Русский, св. – 515
Иоанн (Снычев), митроп. С.-Петербуржский и Ладожский, правосл. идеолог Рус. национ. возрождения – 223, 299–300, 312–313, 578–579, 581
Иоанн (Соколов), митр.Киевский и Галицкий – 339–340, 378, 398, 400, 565, 919, 924, 929
Иоанн Тобольский, св. – 614, 906
Иоанн, еп. Зап.-Европ.экзархата– 651, 652
Иоанн (Шаховской), еп. Сан-Францисский – 605, 622
Иоанн (Широков), еп. – 899
Иоанн IV Васильевич Грозный, Царь – 9, 808
Иоанн XXIII, папа Римский – 500–502
Иоанн, еп.Среднеевропейский – 487
Иоанн, еп.Урмийский и Саламасский – 612
Иоанн, свмч. Литовский – 664
Иоанникий (Соколовский), архиеп.Харьковский – 196
Иоасаф (Журманов), еп.Тамбовский и Мичуринский – 545
Иоасаф (Попов), еп.Бахумский и Донецкий – 531
Иоасаф Белгородский, св. – 906
Иоасаф, игум. – 547

Иоасаф, иеромон. – 42
Иов (Кресович), архиеп.Казанский – 474
Иона, св. – 780
Иона (Яшунский), иерод. – 576–578, 582–583
Иона (Орлов), еп.Воронежский и Острожский – 378
Ионов А., свящ. – 881
Иосиф (Моржаков), архиеп. – 709
Иосиф (Петровых), митроп. Ленинградский и Новгородский – 208, 217, 285, 298, 299, 301, 311, 349, 360, 526, 529–533, 985, 988, 989
Иосиф (Слипый), униат. митр. – 395, 403, 419, , 502
Иосиф Волоцкий, преп. – 7, 17
Иосиф, еп. Аржешский – 376
Иосиф, митр. Греко-католической Церкви – 376
Иосиф, митр. Скоплянский – 376, 909, 929
Иосиф, Патриарх Московский и всея Руси – 12
Иоффе А.А., сов. дипломат – 266
Ипатьев Н.Н., инженер-капитан – 145
Ипполитов, учёный – 973
Ирадионов Н., протоиер. – 879, 881–883
Ираклий (Лисовский), униатск. митр. – 393
Ираклий (Попов), еп. – 899
Иринарх (Парфенов), архиеп. – 708, 710–712
Ириней Лионский, св. – 223
Ириней, архим. – 667
Ириней, митр.Иерусалимский – 622–623
Исаак Сириянин, преп. – 734
Исаакий (Анискин), еп. – 561, 577
Исидор (Никольский), митр. С.-Петербуржский и Новгородский – 754, 774–775, 778, 782
Исроэли, сионист-коммунист – 787
Истомин П.В., товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741
Ишунин, протоиер. – 896

К

Казем-Бек А. – 158, 670
Казенс Н., миссионер – 500
Каледа Глеб, протоиер. – 564
Калинин Василий, проповедник – 559
Калинин М.И., предс. президиума Верх. Совета С.С.С.Р. – 170, 173, 181, 202, 700, 836, 838–840
Калиновский С., свящ. – 230, 246, 260
Каллистрат, Патриарх Грузинский – 909
Каменев Л.Б., член Политбюро ЦК КПСС – 170, 836
Каминский, руководитель вооруж. формир. «Истинно-прав. христ.» – 538
Канарский, протоиер. – 866
Кандидов Б. – 203
Каниевский М.Л., Дир. Хоз. Упр. Св.Cvнода – 743
Каннегисер Л., убийца М.С. Урицкого – 147
Капитанчук В. – 944
Каптерев Н.Ф. – 678
Каптерев Н.Ф., проф. – 210
Карабчевский Н.П., адвокат – 784
Каракозов Д., террорист – 28, 39
Карамзин Н.М., русск.историк – 21, 53, 973–974
Карамзина Аврора Карловна – 750
Карасевский А.И., обер-прок. Св.Cvнода – 741, 742
Каргашинский Д. – 580
Карелин Ф. – 944
Карл XII, Король Шведский – 316
Карпов Г.Г., полковник НКГБ, председатель Совета по делам РПЦ – 337–338, 352, 377, 381, 397, 400, 412, 415, 419–420, 422-423, 425, 427-428, 431-432, 434-436, 445, 450, 454-455, 460-461, 464-4665, 467, 469-471, 540, 545, 548-549, 898-899, 902, 906-907, 910
Карташёв А.В., обер-прок. Св.Cvнода – 92, 631, 645-646, 649, 650, 676, 687, 698, 720, 741, 743
Кассиан (Безобразов), еп. , ректор Прав. Богос. ин-та в Париже – 219, 631, 645, 649, 656-657, 658
Катков М.Н., публицист – 26
Католикос Каллистрат – 376
Катунский А., исслед. – 708
Кацевич Н., протоиер. – 378
Кашеваров А.Н., историк, – 93, 269
Квасков – 861
Кедровский И., обновленч. «еп. » – 674
Келлер, граф – 143
Кеплер, астроном – 930
Керов В.В. – 721
Керский С.В., Упр. Канц. Св.Cvнода – 742
Ким Ир Сен, руководитель Корейской ком. партии – 31, 38
Ким Л., свящ. – 671
Киприан (Керн), архим. – 645-646, 650
Киприан (Зернов), архиеп. – 355

Киприан, архиеп. Филадельфийский и Пенсильванский - 624, 631, 646, 650
Киреевский И. – 972–973
Кириленко А.П. – 495
Кирилл (Смирнов), митр.Казанский – 106, 194–195, 205, 207, 214–217, 284, 301, 311, 524-525, 533, 872, 982–985
Киселёв Александр, протопресвитер – 607
Кислякова Л. – 557–558
Клеман О., писатель – 507
Клепитин Димитрий, свящ. – 650
Клибанов А.И. советск. исследователь – 543, 549, 551, 560, 578, 580–582
Климент (Зедергольм), иеромон.Оптиной Пустыни – 33
Клюсек, нач. Лен.обл.адм.отдела – 876
Ключевский В.О., русск.историк – 11, 52, 344, 734, 973
Князев А.П., протоиер. – 645, 651, 656
Ковалев С.М., зав. отд. проп. ЦК – 884
Ковалевский Евграф – 668–669
Ковалевский П.Е., проф. – 631, 645
Коверда Б., гимназист, убийца П.Войкова – 293
Ковшаров И.Н., юрист, новомуч. – 179
Коган М. – 836
Кодацкий И.Д., председ. облисполкома – 874
Козицкий И., протоиер. – 674
Козлов – 774, 782
Козлов И.С., проф. – 927, 932
Кокорев В.А. – 686
Коларов, Министр иностр. дел Болгарии – 908
Колесников Н. – 522
Колесниченко В.Е., проповедник – 555
Колчак А.В., адмирал, главноком. Белой Рус. Армии – 144, 160, 690, 693–695
Колчицкий Н.Ф., протоиер. – 341, 352, 353, 355, 362, 378–380, 405, 410, 455, 552, 922, 926, 931, 984
Кондратьев, прокурор Лен. обл. – 876
Коноваловы – 682
Константин Константинович, Великий Князь – 146
Константин Палеолог, Визант. Император – 745
Константин, архим. – 53
Константин (Дьяков), еп.Сумский – 296
Константинов Д.В., историк – 546, 565, 580, 582
Кончаловский – 973
Коперник, астроном – 934
Копытман, сионист-коммунист – 787
Коровин К., худ. – 644
Королев В., протоиер. – 711
Коронев В.И., рабочий – 800, 804
Костельник Гавриил, протопресв. – 396, 398–401, 403, 419
Косыгин А.Н., член Политбюро ЦК КПСС – 330, 510
Котляревский С.А., проф. – 682
Котов, проповедник – 554
Котон А.М. – 881
Кохно, мирянин – 257
Кошев Г. – 675
Красиков П.А., советск. гос. деятель – 700, 840
Красников – 262
Красницкий В.Д., обновленч. «протопресвитер» – 177–178, 184, 194–195, 215–226, 231–232, 235–236, 239, 242-247, 249-250, 254-263, 844, 846, 847, 849, 851, 860, 861, 863, 865, 866
Краснов-Левитин А., церковный писатель – 491, 579, 944
Красотин П., обновленч.«протопресв.» – 257, 846, 866
Кречетников Н.С., обер-прок. Св.Cунода – 740,
Криволучский Владимир, свящ. – 536
Кривущев Иван, проповедник – 559
Криптон К., историк – 522, 578
Крупенский А.М., предв. Бессарабского дворянства – 861, 863
Крупская Н.К., жена В.И. Ленина – 702
Крылов И.А. – 973
Крючков Г., протопресв. – 513
Крючков Дмитрий, свящ. – 536
Ксения (Гришанова), монахиня – 539
Ксения Блаженная – 943
Кудрячев В.Г., предс.Совета Старообрядч. общины – 717
Кузин, протоиер. – 894, 897
Кузнецов А.А., секретарь ЦК ВКП(б) – 899
Кузнецов Ю., сов. писатель – 322
Кузнецовы – 710, 716
Купресов, проф. – 912, 927, 929
Куроедов В.А., предс. Совета по делам Р.П.Ц. – 471–472, 474–476, 480, 490, 496–497, 512, 567, 582
Курочкин П.К. – 262
Кутузов Б.П., соврем. правосл. Рус. исслед. знамен. пения, церк. писатель – 53
Кутюрье, аббат – 657
Кушнарев А.И., уполн. Совета по делам Р.П.Ц. в Ленинграде – 911
Kollazz W. – 445

Л

Лаврентий (Проскура), архимандрит, старец Черниговский, – 335, 343

Лавров В.А., Дир. Хоз. Упр. при Св.Cvноде – 743

Лагарп, республиканец – 747

Лазарь (Васильев), катакомбн. еп. – 571, 577

Лазарь (Журбенко), катакомбн. архиеп. – 569–571, 574–575, 577

Лакомкин Г. – 712

Лебедев Александр, протоиер., управделами митр. Сергия (Страгородского) – 985

Ленин В.И., гос. преступник, председатель Совнаркома – 31, 75, 84, 99, 142, 145, 147, 151–152, 161–162, 170–171, 179–180, 202–203, 554, 567, 699, 727, 728, 731, 785, 823, 836, 839, 847, 896

Леонид (Поляков), митроп, – 563, 919, 929

Леонид, архиеп.Ярославский – 748, 751

Леонидов А.А. – 378

Леонтий (Филиппович), архиеп. Чилийский – 538

Леонтий (Туркевич), архиеп.Чикагский – 622

Леонтий, еп.Волынский – 853

Леонтьев К.Н. – 32–35, 972, 973

Лермонтов М.Ю., Рус. поэт – 935

Лесков Н.С., Рус. писат. – 736, 973

Леточинский Е., свящ. – 400

Лещенко Д., секр. наркома просвещ. – 731, 834

Лже-Дмитрий, самозванец, объявивший себя законным Царём, сыном Иоанна IV Грознаго– 9–10, 780

Ливанов Н. – 919

Лин (Никифоров Л.Н.), иеромон. – 880–881, 883

Лисавцев Э.И., сов.исслед., инструктор ЦК КПСС – 319, 342, 508

Лиутов П.Г. – 645

Лихачев Д.С., академик – 737

Локоть, проф. – 861

Ломако Григорий, протоиер. – 636

Ломоносов М.В., ученый – 972

Лосев А.Ф., академик – 990

Лосский В.Н., проф. – 514, 640–641, 645, 648, 665–666, 669, 973

Лука (Войно-Янесецкий), архиеп. – 311, 339–340, 379, 391, 410, 436, 467, 580, 921, 931, 973

Лукин Е.П., протоиер. – 919, 930

Лукьянов С.М., обер-прок. Св.Cvнода – 741

Луначарский А.В, нарком просвещения – 731, 834

Львов А.И., обер-прок. Св.Cvнода – 740

Львов В.Н., обер-прок. Св.Cvнода – 741, 866

Львов Н.Н., член Госдумы – 861

Любимов И.М. – 722

Лягрант – 934–935

Лямец, майор – 562

Лятышевский, униат. еп. – 395

Lowri D. – 517

М

Мажаев – 697

Майков Ап., поэт – 973

Макарий (Булгаков), митр. – 10, 14, 52

Макарий (Васильев), схиеп. 527

Макарий (Даев), еп.Можайский – 341, 411

Макарий (Звездов), еп. – 899

Макарий (Ильинский), архиеп. Алеутский и Северо-Американский – 620, 910

Макарий (Невский), митроп. Московский – 88, 90, 210, 527

Макарий(Оксиюк), митроп. Варшавский и всея Польши – 398–399, 401, 415

Макарий (Телегин), иеромон. – 176

Макарий, архиеп. Томский – 774

Макаровский А.И., проф. – 912, 927, 932

Маклаков В.А., адвокат – 784

Максим (Жижиленко), еп. – 531

Максим V, Патриарх Константинопольский – 413, 421

Максим Грек – 408, 445

Максим, Патриарх Вселенский – 400, 654

Максимович Михаил Борисович – 614

Малашко А. – 787

Маленков Г.В., предс. Совета Министров СССР – 422, 427–428, 432, 435, 437, 548, 907, 910

Малхаз, митр.Кутаисский – 570

Мануил (Лемешевский), митр. – 128–129, 158, 182, 191, 203–204, 218, 223, 254-255, 279, 347, 374, 432, 484, 552, 581, 624, 670, 673, 674

Мануил (Тарновский), еп.Владимиро-Волынский – 334

Мануйлов И.Ф., Секр. Предс. Сов. Мин. – 817
Мао Цзе Дун, руководитель ком. партии Китая – 31
Марина Мнишек, супруга Лже-Димитрия I-го – 780
Мариничева Г. – 711, 722
Мария Николаевна, Великая Княгиня – 747
Мария Феодоровна, Императрица – 47, 166
Мария, Великая Княжна – 132, 145, 523
Марк Ефесский, св. – 614
Марк, Апостол – 371
Марк, еп.Левкийский – 622
Маркзон, сионист-коммунист – 787
Марков Н.Е., предс. Высш. Монарх. Совета – 591, 861, 863
Маркс Карл, Еврейский экономист, создатель коммунист. идеологии – 30, 75, 567, 605, 607, 689
Марцинковский В.Ф., писатель – 84
Масленников Н.И., член Высш. Монарх. Совета – 861
Масса Исаак, голл.торговец – 9
Матецкий, свящ. – 875
Махнев Я.Г. – 915
Медведский А., протоиер. – 888, 894, 896–897
Мей, поэт – 736
Мейендорф И., проф. протоиер. – 623, 645, 656
Мейер А., философ – 536
Мелетий, Вселенский Патриарх – 197
Мелетий (Заборовский), митр. Харбинский – 415, 611, 615
Мелетий, старообрядч.архиеп. – 690, 699, 704, 709
Мелиссино И.И., обер-прок. Св.Cунода – 740
Мельников – 695, 704
Менделеев Д.И., химик – 973
Менжинский В.Р., председатель ОГПУ, нарком – 823
Мень Александр, свящ. – 536
Мень Е.С. – 536
Меньшиков Д.Д. – 746
Мерзляковы, проповедники – 557
Меркулов, нарком. НКГБ СССР – 885
Мефодий (Абрамкин), архиеп. – 899
Мефодий (Герасимов), архиеп.Харбинский и Манчжурский – 165
Мефодий, еп. – 660
Мечев Алексей, протоиер. – 218
Мечев Сергий, свящ. – 311, 533
Мещерский В.П. – 77
Мещерский Н.А. – 579
Мещерский П.С., обер-прок. Св.Cунода – 741
Мещерский, протоиер. – 866
Миловидов В. – 690, 704, 720–723
Мин – 774, 782
Минин К. – 78
Минин, ополченец – 132
Минкин Тихон – 806
Минькович – 875
Миролюбов Г.П., проф. – 927, 931
Миролюбов Никандр, проф. – 165
Миронович, греко-униат.свящ. – 399
Митрофан Воронежский, святитель – 328
Митрофан (Зноско-Боровский), еп.Бостонский – 614
Митрофан (Симашкевич), еп.Донской – 279
Митрофан, архим. – 550
Митрофанов Г., протоиер. – 672
Митрохин Л. – 543, 549, 580
Михаил (Ермаков), архиеп. – 196
Михаил (Ершов), иеромон. – 527, 558–559
Михаил (Мельник), еп. Драгобычский – 396, 398, 403
Михаил (Свидерский), еп. Велико-Лукский – 922
Михаил (Семенов), архим. – 773, 775–776, 782
Михаил Феодорович Романов, Царь – 132, 739–740
Михаил (Чуб), архиеп. – 408
Михаил (Богданов), архиеп.Владивостокский и Приморский – 165
Михаил, архим. – 564
Михаил, архим. Сербской Пр. Церкви – 96
Михаил, Великий Князь, отрёкся от Рус. престола в пользу «Временного Правительства» до созыва Учредительного Собрания – 68, 87
Михаил (Мельник), еп. Самборско-Драгобычский, – 398, 400–401
Михаил (Ермаков), митр.Киевский – 88, 208
Михаил (Десницкий), митр.Новгородский и С.-Петербуржский – 742
Михайлов А., народоволец – 680
Михайлов Т., террорист – 37
Михайлов, предс. Порховкого горсовета – 876
Могульский Ц.В. – 645

Моисей, пророк – 789
Молин, доктор – 815
Молотов В.М., Зам.Пред. Совнаркома – 170, 395, 337, 353, 418, 437, 540, 836, 839, 906, 910
Моно Сергий, свящ. – 569
Мордасов П., свящ. – 549
Мордовцев – 676, 720
Морозовы – 682, 686, 693, 710
Мунехин Мисуро – 5
Муравьев А.Н., писатель – 753
Муретов М.Д., проф. – 210
Мусин-Пушкин А.И., обер-прок. Св.Cунода – 741
Мусоргский М.П., Рус. композ. – 736
Муссолини Б., основатель фашистской партии в Италии, избавил страну от опасности соц. революции. Народом Италии был принят как национальный герой – 31

Н

Надеждин, свящ. – 176
Назаревский Б.В. – 77
Назарецкий, свящ. – 875
Назарий, иеромон. – 553
Назаров М. – 672–673
Налюцкий, псаломщик – 875
Наполеон, фр.Император – 316, 753
Нафанаил, архиеп. Р.П.Ц.з. – 654
Нежданова – 973
Нейдгарт А.А., управ.канц.Моск.Cунод.конторы – 38, 39, 744, 758
Нектарий Нижегородский, архиеп. – 752
Нектарий, еп.Сиэтлский – 680
Нектарий, старец Оптиной Пустыни – 311, 334–335, 526
Нелидова, доцент – 927
Ненароков, прокурор – 861
Неофит, мон. – 784, 790
Неру Д., президент Индии – 440
Нестеров – 973
Нестор (Анисимов), митр. – 143-144, 303, 410, 441, 484, 602, 611
Нестор (Сидорук), еп.Уманский – 356, 401, 414
Нечаев С.Г., террорист – 36
Никандр (Феноменов), митр.Ташкентский – 347
Никаноров И.В. – 645
Никаноров, журн. – 861
Никитин Сергий, свящ. – 311
Никифор (фон Рихтер-Меллин), иеромон. – 537, 569
Никодим, старообряд., строитель Троицкой пустыни – 42
Никодим (Латышев), старообрядч.архиеп. – 709, 712
Никодим (Казанцев), еп. Енисейский – 974
Никодим, Патриарх Румынской Пр. Ц-ви – 96, 355, 414
Никодим, иеромон. – 673
Никодим (Ротов), митр.Ленинградский и Ладожский – 408, 473, 477, 487, 498, 500–502, 506, 509, 515, 563, 624, 889
Николай (Касаткин), архиепископ Японский – 271, 515, 584, 669
Николай (Могилевский), еп. – 899
Николай (Позднев), старообрядч. архиеп.– 713
Николай (Ярушевич), митр.Крутицкий и Коломенский – 308, 320, 325, 336, 339–341, 350, 353, 355, 357, 358–364, 373, 380, 415, 420, 429, 432, 434, 436, 437, 450, 452, 454, 461, 462, 464-465, 469-470, 472-474, 487-488, 490, 497, 517, 610, 651, 675, 880, 922, 931, 939
Николай I, Император – 40, 747–749, 751, 755, 812
Николай II, Император – 47, 61–62, 64, 84, 86–87, 93, 121, 132, 145–147, 160–162, 523-524, 527, 558, 581, 614, 677, 761, 768, 786-787, 799, 812
Николай Антиохиец, св. – 965
Николай Николаевич, Великий Князь – 166
Николай (Федотов), митр. – 866
Николай (Добронравов), архиеп.Владимирский – 282
Николай, еп. – 403
Николай, обновленч. митр. Харьковский – 846
Николай (Юрик), митр. Львовский и Тернопольский – 400, 405, 410
Николай, Цесаревич – 752
Никольская З.А. – 543, 549, 578, 580–581
Никольская Н. Л. – 578
Никольский Л. А., протоиер. – 523, 578
Никольский Н.М. – 720
Никон (Фомичев), архиеп. – 919, 929
Никон, архиеп.Вологодский – 743
Никон, еп.Серпуховской – 79, 777
Никон, Патриарх Московский и всея Руси – 12–13, 15, 41, 51, 136, 353, 543, 676–677, 708, 780
Никулин Иаков, свящ. – 690

Нильский И., проф. – 716
Ницше Ф., философ – 30, 75
Новиков А. – 846, 865–866
Новицкий Ю.П., проф., новомуч. – 177, 179
Нокфаллер – 849
Нуждин Николай – 334
Нумеров, секр. Cvнода – 181
Нусбаум Ж. – 421
Ньютон И., учёный – 934

О

Оболенский – 777
Оболенский А.Д., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Оболенский В., комиссар – 727
Обухова Н.А. – 973
Огарёв Н.П., поэт, писатель, бунтовщик – 680
Огнев Н.Ф., проф. – 179
Огнев, иерей – 779, 783
Огризко, вице-директор – 750
Одинцов М.Н., историк – 342, 403, 445, 517, 580
Олещук Ф.Н. – 436
Ольга, Великая Княжна – 14, 80, 132, 145
Ольденбург С.С., проф. – 86, 93–94
Онисим (Пылаев), еп. – 899
Онуфрий (Палалюк), архиеп. – 899
Орлов, свящ. – 176
Орнатский Философ, протоиер., наст.Казанского собора – 148
Осецкий А.А. – 84, 90, 93, 105, 124, 743
Осипов А. – 374
Осипов А.А., протоиер., отреченец – 433, 468, 469, 896–897, 911, 927, 923
Осокины, Рус. заводчики – 681
Оссоргин М.М. – 631, 645
Остапов А., проф. протоиер. – 372, 373
Остапов Даниил Андреевич, секр. Патриарха Алексия I – 357, 458
Острожский – 973
Остроумов Н.И. – 84
Остроумов П.И., тов. обер-прок. Св.Cvнода – 741, 743

П

Павел (Борисовский), митр. – 296, 347, 899
Павел (Дмитровский), архиеп. Нарвский – 878, 882
Павел (Доброхотов), еп. – 365, 366
Павел (Ивановский), еп.Никольско-Уссурийский – 670
Павел (Кратиров), еп.Старобельский – 531
Павел I, Император – 20
Павел VI, папа Римский – 502
Павел, Апостол –370, 807, 958, 963, 968, 972, 978
Павел, старообрядч. (новозыбковский) архиеп.Московский и всея Руси – 713
Павел, еп. Пензенский – 774
Павел, митр. Тобольский – 746–747
Павлин (Крошечкин), митр. – 899
Павлов, обновленец – 846
Павлов С.П. – 448
Павлов И.П., академик – 935, 973
Павлосюк Н., свящ. – 401
Пазгалев, иеромон. – 874
Паисий (Водица), архим. – 414
Паисий Величковский, св. – 971
Паисий, архим. – 547
Палей Владимир Павлович, князь – 146
Палеолог Морис, фр.посол – 89, 93
Палладий (Шерстенников), еп.Ржевский – 216
Палладий, архиеп.Львовский – 474
Палладий, митр. – 754, 782
Пантелеев Л., писатель – 190
Пантелеимон (Рожновский), митр. – 333–334, 587
Парийский Л.Н., проф. – 895, 919, 922–923, 926–929
Пармен, св.архидиакон – 965
Пастер Луи, микробиолог – 935
Пастернак Б. Л., российск. поэт – 973
Пашкевич Константин, келейник – 201
Пашнин М.О. – 722–723
Пельвецкий Антоний, прот. – 396, 398
Пенятин А. проповедник – 557
Перепелкина Л. – 648
Перов, худож. – 973
Першин Виктор, свящ. – 879, 880, 883
Пётр (Блинов), обновлен. «митр. всея Сибири» – 183–184, 250, 846, 849, 855, 857, 860, 866
Пётр (Зверев), архиеп.Воронежский – 311, 846, 853, 866

Пётр (Коломейцев), свящ. – 722
Пётр (Ладыгин), схиеп. – 553
Пётр(Могила), святитель – 807
Пётр (Полянский), митр.Крутицкий, св. – 198, 201, 205–208, 216, 222, 258, 268, 280, 281, 283, 284, 305-306, 311, 524-527, 530, 531, 533, 541, 544, 609, 634, 807, 872, 873, 984, 985, 989
Пётр I, Император – 6, 14, 17–18, 21, 47–48, 51, 85, 328, 678, 708, 745–746, 751, 756, 949, 974-975, 977
Пётр II, Император – 19, 974
Пётр, Апостол – 85, 328, 370, 976, 978
Пётр, катакомбн. еп. – 545
Пётр, митр.Московский, св. – 136, 780
Петров А.М., протоиер. – 879, 883
Петров Г.С., свящ. – 775–777, 782
Петров Ю.А. – 720–722
Петровский В., комиссар – 727
Петровский Г.И., нарком – 823
Петухов, свящ. – 894, 897
Пий XI, папа Римский – 403, 643
Пий XII, папа Римский – 395, 403
Пикеринг Эрнст, амер.пастор – 521
Пилсудский Б.И. – 28
Пимен (Извеков), Патриарх Московский и всея Руси – 485, 570, 675, 888–889, 942–944
Пимен, архиеп. Тульский и Белевский – 485
Пирогов Н.И., хирург – 973
Писарева Е.М. – 139
Питирим (Свиридов), еп.Калужский – 339
Питирим Тамбовский, св. – 214, 856
Питирим, еп.Курский и Белгородский – 378
Питирим, митр.Крутицкий и Коломенский – 464, 484, 509
Питирим, митр.Минский и Белорусский – 464
Плаксин Р.Ю. сов.историк – 124, 159, 262
Плансон Н.А. – 36
Платон (Рождественский), митр.Северо-Американский – 92, 197, 251, 304, 590, 597, 599, 604, 618–619, 673, 861, 868
Платон, архиеп.Ярославский – 563–564
Платон (Левшин), митр.Московский – 20
Платонов Николай, свящ. – 260
Платонов С.Ф. – 52
Плеве В.К., министр – 64, 774, 782
Плескач С.Д., псаломщик – 877, 882
Победоносцев К.П., обер-прок. Св.Cунода – 74, 79, 741, 749, 754, 774, 776, 800, 804
Погодин – 973
Подвойский Н.И., нарком – 823
Подгорный Н.О, сов. парт. и гос. деят. – 456, 945
Подобедов, лейтенант КГБ – 305
Пожарский Д.М., князь, рус.полководец – 132
Поздеева И. – 690–691, 720–721
Покровский А.И., проф. – 846, 866
Покровский М., зам. Наркома просвещ. – 835
Поликарп (Прийман), еп. – 671
Поликарп (Сикорский), еп.Владимиро-Волынский – 334
Полищук И. – 811
Половинкин, свящ. – 549
Польский М., протопресвитер. – 445, 579, 614
Поляков Л.С., банкир – 73
Поляков С., протоиер. – 896
Поляков Филофей , протоиер. – 919, 930
Полянский И.В. – 395
Помяловский Н.Г., писатель – 24
Пономарев – 582
Пономарев Б., секр. ЦК КПСС – 502
Понтий Пилат – 778
Попов А. – 672
Попов, проф. МДА – 926
Попов И.В., проф. – 221, 222, 233, 514
Попов Н.Г., проф. протоиер. – 100, 846, 854–855, 858
Попов Тихон, проф. протоиер. – 378, 379, 403
Поповский М. – 391, 580
Поскребышев А.Н., секр. И.В. Сталина – 320
Поснов М.Э. – 631
Поспелов П.Н. – 448, 460
Поспеловский Д.В., историк РПЦ – 187, 222, 312, 343, 445, 460, 519, 573, 578, 582–583, 595
Потапов, свящ. – 216
Потемкин Г.А., князь – 42, 751
Поярков, иерей – 779, 783
Праведников С.В., Дир. Хоз. Упр. при Св.Cуноде – 743
Пранайтис И.Е., ксендз – 784, 790–791
Преображенский П., протоиер. – 223
Прибытков Е., свящ. – 549
Прилежаев А.П. – 927
Прозоров Г., протоиер. – 787
Прокофьев А., протопресв. – 513
Протасов Н.А., обер-прок. Св.Cунода – 741, 747
Проханов И. – 259
Прохор, св. – 965

Прохоров И.С. – 44, 84
Прошьян П.П., нарком – 923
Пузин А., предс.Совета по делам религ. культов – 508–509, 554
Пуришкевич В.М. – 86
Путятин, адмирал – 591, 861
Пушкин А.С., Рус. поэт – 53, 736, 738, 972–973
Powell D. – 517

Р

Рабинович И., основат. секты «Новый Израиль» – 74
Радонежский, псаломщик – 866
Раев Н.П., обер-прок. Св.Cvнода – 87, 741
Раевский В.В., протоиер. – 919, 930
Раевский П., протоиер. – 231, 846, 866
Разин Степан, предводитель народнаго восстания – 780
Раина П. – 342
Ракова Е.С. – 159
Распутин Г.Е. – 82, 85–86, 90, 160
Рахманинов С.В., Рус. композ. – 736
Рахмановы – 710
Ревуненков В., историк – 578
Регельсон Л., историк Р.П.Ц. – 491, 944
Резникова И.А. – 223
Рейслер М. – 106
Рейтерн, министр финансов – 39, 750
Робеспьер – 48
Рогович А.П., Товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741
Рождественский Михаил, протоиер. – 569
Рождественский Н.И. – 631
Рожков В. – 674
Розанов В.В. философ – 25, 32, 34
Роман (Руперт), еп. – 569
Роман, свящ. – 877
Ромжа, униатск. архиеп. – 904
Роханов – 176
Руденко Р.А., Ген. Прокурор СССР – 490, 945
Ружицкий К., проф. протоиер. – 377, 399, 403
Русаков М.Ф., проф. – 927, 932
Рутенберг П.М. – 61
Рушанов Василий, свящ. – 537
Рыбаков А., сов.писатель – 322
Рывкин О., один из основат. РКСМ (ВЛКСМ) – 265
Рыков А.И., председатель Совнаркома – 170
Рябушинский П.П. – 682–684, 688–690, 693, 710, 711, 721–722
Ряховских В., проповедник – 551

С

Саблер В.К., обер-прок. Св.Cvнода – 45, 741, 742
Савва старообрядч. еп. Калужский – 710
Савинова И. – 203
Савич А.А. – 312
Сагарда А.И., патролог – 407
Садовский Е., протоиер. – 403
Садовский Ю., зам. предс. Совета по делам религ. культов – 902
Сазонов Е., эсер – 64
Саломон П.И., Упр. Канц. Св.Cvнода – 741
Самарин – 697
Самарин А.Д., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Самарин В. – 517
Самарин Ю. – 973
Самойлов Б.М. – 885–886
Сапожников – 697
Сапронов – 840
Сарычев В.Д., проф. – 514
Сахаров – 774, 782
Сборовский К.А., проф. – 927, 932
Свентковский Г., Польский министр юстиции – 415
Свенцицкий Валентин, свящ. – 218
Свердлов Я.М., председатель ВЦИК – 161, 726
Святогор Алексей, поэт-анархист – 239
Святополк-Мирский П.Д. – 62
Севастиан, архим. – 490
Севастиан (Вести), архиеп.Костромской – 292
Семёнов Г.М., атаман Белаго Движения, Русск. национальн. герой – 697
Семичастный В.Е., предс. КГБ – 448, 490, 504, 554
Серапион (Шевалеевский), еп. – 899

Серафим (Александров), архиеп. Тверской и Ржевский – 193, 195, 295, 868
Серафим (Батюков), архим. – 536, 539
Серафим (Звездинский), еп. Дмитровский – 311, 533, 991
Серафим (Лукьянов), архиеп. Финляндский – 192, 415, 602, 610, 630, 651–653, 657, 910
Серафим (Ляде), митр. Берлинский и Германский – 537, 601, 608, 610
Серафим (Мещеряков), митр. Ставропольский – 182
Серафим (Поздеев), архиеп. – 570
Серафим (Роуз), иером. – 610
Серафим (Руженцев), обновленч.«митр.Ленинградский» – 260
Серафим (Самойлович), архиеп.Угличский – 268, 286, 311, 988
Серафим (Соболев), архиеп. – 590, 601, 604, 610, 614, 648, 861
Серафим (Чичагов), митроп. Ленинградский – 197, 311, 347, 360, 585
Серафим Вырицкий, иеросхим. – 372
Серафим Саровский, преподобный – 331, 779, 912, 971
Сербинович К.С., дир. Канц. обер-прок. Св.Cvнода – 742, 743Соловьёв(Сайман)
Пимен , свящ. – 680, 720
Сергей Александрович, Великий Князь – 58
Сергей Михайлович, Великий Князь – 146
Сергиевский Н.А., Дир. Канц. обер-прок. Св.Cvнода – 742
Сергиевский Н.А., протопресв. – 755
Сергиенко А.А., проф. – 927, 932
Сергий Валаамский, преп. – 270
Сергий (Воскресенский), митроп. – 308, 333, 668, 878-879
Сергий (Гришин), архиеп.Горьковский – 296, 339–340
Сергий (Дружинин), еп.Нарвский – 300, 530
Сергий (Королев), еп.Бельский – 628, 630, 666
Сергий (Ларин), архиеп. – 203–204, 227, 232, 234, 237, 256, 260, 262, 263, 355, 378, 587, 895, 921, 922, 929
Сергий Радонежский, преп. – 323, 406, 409, 430, 438, 466, 484, 631, 807, 971
Сергий (Румянцев), обновленч. еп. Ладожский – 261, 312
Сергий, еп. Смоленский – 922
Сергий (Страгородский), Патриарх Московский и всея Руси – 83–84, 88, 91, 268-287, 290-292, 295, 298-307, 310-311, 314-315, 317, 320-321, 324, 336-343, 350-351, 356, 361, 369-370, 373, 406, 417, 525-526, 529-531, 536-538, 544, 599, 601, 603-604, 609, 618, 632-641, 643, 648, 663-664, 667-669, 675, 742, 743, 777, 872, 883, 898-899, 946, 976, 982–989, 992
Сергий (Тихомиров), митроп. Японский – 303, 376, 590, 669–670, 671–672
Сергий (Шеин), архим., новомуч. – 179
Сергий, еп. – 651
Сергия (Клименко Т.И.), монахиня Пюхтицкого м-ря – 256, 263, 300, 524, 578
Сивенков И.И. – 460–461
Сигизмунд, Польск. Король – 780
Сидоровский О.С., Дир. Канц. обер-прок Св.Cvнода – 742
Сила, еп.Амфилопольский – 627, 674
Силаев – 551
Сильвестр (Братановский), архиеп.Вологодский – 295
Сим, иеромон. – 553
Симеон (Бычков), еп. Лужский– 912, 927, 929
Симеон Новый Богослов, св., учитель Церкви – 515
Симеон, свящ. – 569
Синнет А., философ – 792
Скаржинский – 861
Скворцов – 46, 53
Скворцов В.М., редактор «Колокола» – 861, 863
Скворцов-Степанов И.И. – 233, 700
Скрипицын, дир. Хоз. Упр. при Св.Cvноде – 743
Скрябин А. Н., композ. – 973
Скурат К.Е., проф. – 204, 672
Славнитский, протоиер. – 891
Слепцов – 774, 782
Словский В. – 106
Смагард (Латышенко), архим. – 587
Смидович П.Г., предс. комиссии по делам культов ВЦИК – 307, 634
Смирнов А., протоиер. – 325
Смирнов Д., свящ. – 539
Смирнов Иаков, протоиер. – 636
Смирнов К., протоиер. – 648, 926
Смирнов Н.П., товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741, 743
Смирнов Ф.А., свящ. – 552
Снетрев, свящ. – 697
Сове Б.И. – 645
Соколов Н.А., следов. по особо важным делам – 146, 160
Соколов П.И., Предс. Уч. Совета Св.Cvнода – 742
Соколов, свящ. – 176
Солдатенковы – 682, 685, 686, 710

Солженицын А.И., Россійск. писатель, разоблачавший большевистско-коммунист. «порядок» – 679, 720
Солнцев, генерал – 591, 861
Соловьёв В.С., философ – 74, 648, 972-973, 975
Соловьёв Д.М., протоиер. – 846, 866
Соловьёв Д.Н., дир. Канц. обер-прок. Св.Cvнода – 742
Соловьёв(Сайман) Пимен, свящ. – 680, 720
Соловьёв С.М., историк – 52, 973
Солоухин В.А., русск. писатель – 722
Сорокин В., проф. протоиер. – 408
Сорокин, свящ. – 875–876
Софроний, еп.Иркутский, св. – 103
Софроницкий – 973
Софроницкий – 973
Софронов, подпоручик – 820
Спасский А.А., проф. – 210
Спасский Николай, протоиер. – 469
Спасский Ф.Г. – 645
Сперанский М. – 580
Спиридович А.И. – 58, 61, 84
Спиридонов В., член Совета по делам Р.П.Ц. – 443
Ставру Ф.Г. – 579
Стадник С., псаломщик – 180
Сталин (Джугашвили) И.В., ген. секр. ЦК КПСС – 31, 319, 320, 329–330, 336–338, 350, 352–354, 371, 373, 396–397, 400, 409, 411-412, 419-420, 422-428, 431, 434, 441, 443, 445, 505, 510, 836, 877, 884, 898, 910
Станиславский А.К., протоиер. – 379, 403
Степанов (Русак) В., церковн. писатель – 516, 518
Степунин Н.А. – 687
Стефан (Бех), еп. – 527, 535
Стефан (Проценко), архиеп.Уфимский – 339
Стефан (Светозаров), иеромон. – 376, 668
Стефан, св.архидиак. – 965
Стефан, еп.Свердловский – 713
Стефан, экзарх Болгарский – 352, 355, 413, 422, 908–909
Столыпин П.А., министр – 85, 690, 793
Стронский, ком. I Балтийского Флота – 820
Струве П.Б. – 631, 645
Stroyen W. – 517
Struve N. – 446
Суворов, старообрядец – 695
Суворов А.В., граф, Рус. полководец – 749
Суриков В.И., Русск. живописец – 973
Суслов М.А., секр. ЦК КПСС – 424, 427, 236, 448, 454, 460, 504, 510

Т

Талантов Б. – 491
Танеев С.И. – 973
Тарасов П.П., протоиер. – 919, 930
Тареев М.М., проф. – 210
Татищев В.Н., историк – 14
Татьяна, Великая Княжна – 132, 145, 524
Терсинский И.Г., Дир. Контроля Св.Cvнода – 743
Тимон, св. – 965
Тимофей – 958
Тимофей (Несговоров), иеромон. – 553
Титлинов Б.В. – 100, 159, 233, 236, 262
Тито И.Б., маршал – 355, 422, 452
Титов В. – 549
Титов Ф.И. – 631
Тихомиров – 176
Тихомиров Л. – 23, 29, 50, 53
Тихомиров Сергий, протоиер. – 219
Тихон (Белавин), Патриарх Московский и всея Руси – 88, 91, 98, 101, 103, 116, 120, 125-146, 148-151, 153-156, 158, 168, 170-174, 176, 180-185, 187-198, 200-202, 204-207, 212, 215, 217-218, 221-222, 227, 230, 234, 241, 245, 248-251, 253-254, 257, 264, 268, 277, 278, 280, 284, 291, 298, 339-340, 344, 368, 381, 394, 411, 524-526, 536, 578, 570, 584, 586, 589-590, 595, 597-598, 609, 611, 617-618, 621, 634, 642, 647, 661, 663, 673, 705, 826-827, 839, 842-843, 849-852, 862, 868, 869, 871, 975, 976, 983, 989, 990
Тихон (Лященко), еп. – 601–602, 608, 616, 630
Тихон (Оболенский), митр. Уральский – 193, 195, 204, 207
Тихон (Шарапов), еп. – 899
Тихон Задонский, св. – 126, 615–616, 856, 971
Тихон, архиеп. Иркутский – 774
Тихон (Василевский), обновленч. митр. Киевский – 846
Толок В., город. глава Никольска-Уссурийска – 165
Толстой А.К., Рус писатель – 973
Толстой А.Н., литератор – 319, 342
Толстой А.П., обер-прок. Св.Cvнода – 741

Толстой Д.А. – 751–752
Толстой Л.Н., писатель – 34–35, 279, 972
Толстой Ю.В., Товарищ обер-прокур. Св.Cvнода – 741
Толстой-Милославский Н.Д., граф – 608
Торез Морис, Французск. коммунист – 508
Торопов, ГПУ – 875
Трегубов И.М. – 35
Трепов – 861
Трепов А.В., пред. Сов. Миин. – 591
Третьяков П.М. — 686
Трифон (Туркестанов), еп. – 218
Троицкий И.Г. – 647
Троицкий С.В., проф. – 159, 313, 373, 645,
Троицкий, свящ. – 846
Тропани Н.В. – 539, 580
Трофим Егоров, мч. – 800, 804
Троцкий Л.Д., сов. парт., гос. и воен. деятель – 162, 169–170, 179–180, 192, 204, 318, 342, 700, 735, 836, 838–840
Трубецкие, Сергей и Евгений – 973
Трубин, протоиер. – 866
Трусевич – 846, 855
Трутовский, нарком – 823
Трушин, московск. уполномочен. по делам Р.П.Ц – 954
Трындин С.Е. – 687
Туберовский А.М. – 210
Туницкий Н.Л. – 210
Тураев Б., академик – 973
Тучков Е.А., уполн.ГПУ по делам религий – 180, 185, 191, 207–208, 239, 244, 249
Тыщук А., протоиер. – 670, 674
Тюрин А.Ф., Дир. Канц. Обер-прок. Св.Cvнода – 742
Тютчев Ф.Н., Русск. поэт – 973

У

Уар (Шмарин), еп. – 550
Уборевич И.П., сов. воен. деят – 162
Углянский, доц. – 927, 931
Умрихин Е., проповедник – 556
Унгерн фон Штернберг Р.Ф, барон, генерал Белаго Движения – 697
Уншлихт И. С., сов. воен. деятель – 839–840
Уранус – 784, 789–792
Урицкий М.С., предс. Петр. ЧК – 147
Урусов С.Н., Товарищ обер-прок. Св.Cvнода – 741, 742
Успенский Н.Д., проф. – 365, 369–371, 374, 408, 445, 927, 931
Успенский Н.Ф., проф. – 16
Успенский Ф.И. – 973
Ушинин Д. (псевдоним историка Д.Поспеловского) – 517
Ушинский К.Д., педагог – 973

Ф

Федоров – 875
Федоров, преподаватель – 927
Федотов Г.И., проф. – 623, 645, 647, 649
Феодор (Вальнасон), Патриарх Антиохийский – 957
Феодор (Поздеевский), архиеп. – 193, 210, 311, 526
Феодор (Рыбалкин), мон. – 559
Феодор (Смирнов), еп. – 899
Феодор (Текучев), еп.Аргентинский – 620
Феодор, еп.Пензенский – 210, 229
Феодосий (Гуменников), митр.Ставропольский – 570–571
Феодосий (Лазор), архим. – 622
Феодосий (Перевалов), архим. – 670
Феодосий VI, Патриарх Антиохийский – 464
Феодосий Черниговский, святитель – 966
Феофан Затворник, святитель – 31, 48, 971
Феофан (Прокопович), еп. – 746
Феофан, еп. – 958
Феофил (Пашковский), митрополит, глава Америк. Церкви – 418, 604, 618–620, 622
Фергантов, свящ. – 874
Филарет (Вознесенский), еп.Брисбейский – 613
Филарет (Дроздов), митр.Московский – 27–28, 40, 345, 677, 745, 747–748, , 751–753, 780
Филарет, еп.Казанский – 165,
Филарет, митр.Киевский – 747

Филатов В.П., окулист – 935, 973
Филевский, проф. протопресв. – 846
Филипп (Салиба), митр. Нью-Йоркский – 674
Филипп (Ставицкий), архиеп.Астраханский – 352, 380
Филипп, старообрядч. еп. - 695
Филипп (Гумилевский), архиеп.Звенигородский – 296
Филипп, св.митр. Московский – 353, 780, 965, 971, 974
Филиппов Н., историк – 679
Филофей (Нарко), митр. – 334
Филофей, старец Псковского Елизарова м-ря – 5
Фирилас Андреас – 656
Фишер Д, амер. журналист – 395
Фишер, архиеп. Кентерберийский – 904
Флавиан (Слесарев), архиеп. – 709
Флавиан, митр. – 787
Флоренский Павел, свящ. – 210, 220–221, 514, 648, 973
Флоровский Георгий, проф. протоиер. – 623, 631, 646, 649
Фотий (Тапиро), архиеп.Орловский и Брянский – 414, 653
Фотий II, Патриарх Вселенский – 638, 642, 644, 665
Франк К.Е., дир. Канц. обер-прок. Св.Cvнода – 742
Франк С.Л., философ – 644–645, 973
Фредерикс, граф – 818
Фридлянд Ц. – 48, 53
Фрунзе М.В., сов. воен. деят. – 162
Фрязинов, свящ. – 176
Фуллон И.А., генерал – 62
Фурцева Е.А., секр. ЦК КПСС – 448, 454, 460
Fletcher W., амер. историк – 445, 450, 516, 517

Х

Хаим Витал (Цери Эц Хайим) – 792
Хайле Силассие I – 462
Хакилев Николай – 527
Халкиопулос Андрей, архим. – 671
Хвалин А. – 166
Хвостов Д.И., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Херст В.Г., газетный магнат – 448
Херувим, катакомбн. архиеп. – 577
Хибарин И. – 670, 675
Хлебников К.Л. – 716
Хлудовы – 682, 686
Хованский В.А., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Ходинский, пом. прок. – 876
Хомышин, униатск. еп. – 395
Хомяков А.С., рус.рел.филос.– 972–973Хризостом, митроп. - 908
Хрисан (Щетковский), архим. – 670
Христофор, Папа и Патриарх Антиохийский – 376
Христофор, Патриарх Александрийский – 438
Хрущёв Н.С., 1-й секретарь ЦК КПСС – 395, 396, 400, 407, 418, 434–437, 441, 443, 447, 448, 451–455, 460, 462, 467, 469, 472, 474, 477, 479-480, 490-492, 499-500, 508, 517, 552, 733, 894, 898, 948

Ц

Цветков Н.В., протоиер. – 173
Цедилин И., секр. Обкома ВКП(б) – 880
Цейтлин Е., один из основат. РКСМ (ВЛКСМ) – 265
Циоп И.Ф., публицист – 38
Цыбулькин – 896

Ч

Чаев Н.О. – 580–582
Чайковский П.И., композ. – 973
Чаянов, проф. – 691
Чеберяк Женя – 785
Чебышев П.П., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Чельцов М.П., проф. протоиер. – 179, 219, 225–226, 262
Чемеринский Н.Н. – 407
Черкасов, барон – 18
Черненко К.У., ген. секретарь ЦК КПСС – 553–554
Чернецкий, униатск. еп. – 395
Чернов А.А. – 582
Чернова Т. – 539

Черносвитов И.В. – 262–263
Чернышевский Н.Г., писатель – 28, 238
Чернявский, протоиер. – 864
Чертков А. – 469
Четыркин В.В. – 407
Чистович А.Г. – дир. Контроля Св.Cvнода – 743
Чичерин Г.В, зам. наркома по иностр. делам – 727
Чуб Михаил, свящ. – 408
Чуков Н.К., проф. протоиер. – 179, 219, 365–369
Чуриков И.А., основатель секты трезвенников («Чуриковцев»), приобщаются водой – 259
Чухнин – 774, 782

Ш

Шабанин И.Н., проф. – 403
Шавров В. – 491
Шаляпин Ф.И., певец – 644
Шаповалов В., протоиер. – 846, 866
Шаповалова А., биограф – 358, 373
Шапошникова В. – 454
Шарапов С. – 761
Шаховской Я.П., обер-прок. Св.Cvнода – 740, 755
Шелепин А.Н., предс. КГБ – 436, 448, 468
Шепилов Д.Т., сов. парт. деятель – 428, 436
Шестов – 973
Шеффле А. – 688
Шик Михаил, свящ. 311
Шик Сергий, свящ. – 220
Шипков Петр – 536, 539
Ширинский-Шихматов А.А., обер-прок. Cvнода – 591, 741, 861
Шитов Алексей – 523
Шишкин А.А., сов. исслед. – 194, 2620263, 313, 579
Шишкин А.Ф., доцент ЛДА – 927, 932
Шишков А.С., главупр. дух. дел разных вероисповед. – 743
Шкаровский М.В., докт.ист.наук – 578
Шлихтер А.Г., нарком – 823
Шляпников А.Г., нарком – 727, 823
Шмаков А. – 454
Шмаков Л.С., исслед. – 784, 786, 788
Шмелев И., писатель – 711
Шмеман А., проф. протоиер. – 623, 645, 656
Шмидт, лейтенант – 778
Шпиллер В., протоиер. 506
Штурмер Б.В. – 817
Шувалов Петр, граф – 749

Щ

Щавельский Г., протопресвит. – 231, 240, 262
Щастный А.М., команд. Балт.флотом – 145
Щекачихин Е. – 787
Щепкин – 973
Щепкин М.П. – 685

Э

Эдельштейн Георгий, свящ. – 944
Экк, генерал – 591, 861
Элипсон Стефан, свящ. – 218
Эллис Д. – 516, 518
Эммануэль П. – 507
Энгельс Ф., один из основоположников коммун. идеологии – 567
Эрн – 973
Эткинд А. – 721
Эшлиман Н., свящ. – 491, 511–512, 944, 945

Ю

Ювеналий (Килин), архиеп. Хайларский – 611, 921, 930
Ювеналий (Масловский), архиеп. – 311, 899, 922
Ювеналий, иеромон. – 355
Юденич Н.Н., генерал Белаго Движения – 695
Юдин Н.И. – 581

Юдин Ф.И., протодиак. – 878, 879, 881, 882
Юрик Е., свящ. – 400
Юстиниан, Патриарх Румынский – 414
Юсупов Ф.Ф., князь – 86
Ющинский А. – 784–785, 787–792

Я

Языков – 736
Яковлев – 840
Яковлев А.А., обер-прок. Св.Cvнода – 741
Яковлев Е. – 581
Яковлев Н. – 93
Яковлев, член Ленобкома ВКП(б) – 876
Якунин Глеб, свящ. – 491, 511–512, 582, 944, 945
Янкова З.А. – 581
Ярославский Емельян, руководитель «союза воинствующих безбожников» – 266, 318, 320, 342, 711
Яциевич В.И., дир. Канц. обер-прок. Св.Cvнода – 742

Список сокращений

АХФСБ РФ МО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области

АУФСБ РФ по СПб и ЛО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

РГИА – Российский Государственный Исторический Архив

РЦХИДНИ – Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории

ЦГА СПб – Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга

ЦДНИКО Центр документации новейшей истории Костромской области

ЦХСД – Центр хранения современной документации

Акты... – Акты Святейшего Патриарха Тvхона. М. 1994.

БТ – Богословские Труды

ЖМП – Журнал Московской Патриархии

Оглавление

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ 3

ВВЕДЕНІЕ 5

Глава 1

Проблемы Русской Православной Церкви в начале XX столетия 54

Глава 2

Русская Православная Церковь и отречение Государя Императора 85

Глава 3

Деятельность Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов 94

Глава 4

Основные определения Собора 107

Глава 5

Патриарх Московский и всея Руси Тихон и эпоха Гражданской войны 125

Глава 6

Земский Собор 1922 года в Приамурье и его роль в развитии идеи Русской Государственности 160

Глава 7

Деятельность Патриарха Тихона в 1921 – 25 гг. 168

Глава 8

Сподвижники Патриарха Тихона 205

Глава 9

История обновленческого раскола 224

Глава 10

Развитие атеистической пропаганды в подсоветской России 264

Глава 11

Русская Православная Церковь после Декларации митрополита Сергия 270

Глава 12

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 315

Глава 13

Жизнь, деятельность и личность Патриарха Алексия 344

Глава 14

Церковные Соборы 1940-х годов 375

Глава 15

Ликвидация унии на Западной Украине 392

Глава 16

Церковная жизнь в послевоенный период (1945 – 1958 годы) 405

Глава 17

Русская Православная Церковь в 1958 – 1970 годах 447

Глава 18

Русская Катакомбная Церковь 519

Глава 19

Русская Православная Церковь за границей 584

Глава 20

Русская Православная Старообрядческая Церковь: годы 1917–1996 676

ПРИЛОЖЕНІЕ I

Декреты Совѣтской власти о новомъ правописаніи и календарѣ 726

ПРИЛОЖЕНИЕ II (Документы) 739

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЯМ 982

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 996

ОБРАЩЕНІЕ

Съ 21 марта 1995 года въ Санктъ-Петербургѣ начала свою дѣятельность первая въ исторіи Россіи
«Русская Православная Академія Богословскихъ Наукъ и Научно-Богословскихъ Изслѣдованій».

Цѣлью ея является обрѣтеніе церковнаго единства со Старообрядческой и Зарубежной Церквами, возрожденіе Отечественнаго Богословія во всѣй его полнотѣ; и, поскольку Евангеліе служитъ руководствомъ къ жизни не только Церковной, но и гражданской – Богословское осмыслѣніе соціальныхъ сторонъ жизни для послѣдовательнаго воздѣйствія на неё въ соотвѣтствіи съ духомъ Православной Церкви, который есть «...служеніе примиренія» (2 Кор. 5: 18) въ любви. Въ задачи Академіи входитъ и возрождѣніе Русскаго языка, какимъ онъ былъ до пагубныхъ реформъ 1918 года.

Въ раскрытіи духовныхъ сокровищницъ святоотеческаго наслѣдія, нетлѣнно сохранившагося лишь въ лонѣ Православной Церкви, и, какъ естественное слѣдствіе, въ возрожденіи подлинной общинно-приходской жизни Академія видитъ истинное и дѣйственное освобожденіе отъ захлестнувшихъ нашу Святую Русь волнъ оккультизма, раскольничества и сектантства. Спасеніе нашей Родины – въ единеніи Православной Церкви.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, кромѣ научныхъ цѣлей Академія намѣрена осуществлять миссіонерскую и просвѣтительскую дѣятельность, для чего ей необходимы большіе матеріальные и техническіе ресурсы. Поэтому Академія обращается ко всѣмъ, кто имѣетъ возможность оказать посильную помощь, въ томъ числѣ полиграфической техникой, бумагой для изданія книгъ, автотранспортомъ, денежными средствами и строительными матеріалами.

Обращаться съ предложеніями можно по адресу:

195027, Санктъ-Петербургъ, а/я 129.

Для пожертвованій:

Реквизиты: т/с 200700220
к/с 800161609
МФО 044030809 въ Церковномъ филіалѣ
АКБ «Петровскій» ЦРЦ ГУ ЦБ РФ по Санктъ-Петербургу.
ИНН 7801061287

«Радонежъ»

– православное аналитическое обозреніе.
На его страницахъ публикуется полная и достовѣрная информація для всѣхъ православныхъ Христіанъ и для тѣхъ, кто хочетъ больше знать о жизни Церкви и Ея отношеніяхъ съ міромъ: репортажи, обзоры, рецензіи и комментаріи ведущихъ учёныхъ и богослововъ Русской Православной Церкви.

Индексъ въ каталогѣ Роспечать – 32510

Слушайте Радіо «Радонежъ»

– православное вѣщаніе для Россіи и соотечественниковъ за рубежомъ.
Москва СВ 612 кГц, 846 кГц,
Санктъ-Петербургъ СВ 1323 кГц.
Ежедневно съ 21.00 до 23.00

Издательство «Воскресение»
сердечно благодарит Концерн «РОСЭНЕРГОАТОМ»
за содействие в издании этой книги

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.
Отъ восстановленія Патріаршества до нашихъ дней.
ТОМЪ 1: годы 1917–1970.

Главный редакторъ: Данилушкинъ Міхаилъ Бориславичъ
Рецензентъ: протоіерей Владиславъ Цыпинъ
Научные консультанты:
священникъ Владиміръ Дмитріевъ
Шкаровскій Міхаилъ Вітальевичъ,
докторъ историческихъ наукъ
Компьютерный наборъ: Богатырёвъ Павелъ Вікторовичъ
Компьютерная вёрстка: Данилушкина Марина Борисовна
Художникъ: Рейпольскій Алексѣй Дмитріевичъ
Корректоръ: Ѳёдоровъ Алексѣй Валентиновичъ
Составленіе Приложеній II:
Шкаровскій Міхаилъ Вітальевичъ
Данилушкина Марина Борисовна
Никольская Татьяна Кирилловна

Лицензія ЛР № 063336 отъ (7) 20.04.94 г.

Подписано къ печати 3(16).03.97. Бумага офсетъ № 1
Форматъ 60x88/16. Печать офсетная. Объёмъ 64 п.л. Тиражъ 3.000 экз.
Заказъ № 550
Отпечатано съ готовыхъ діапозитивовъ
въ ордена Трудоваго Краснаго Знамени ГП «Техническая книга»
Комитета Россійской Федераціи по печати.
198052, Санктъ-Петербургъ, Измайловскій проспектъ, домъ 29.

Грамота
Всероссийского Земского Собора
о Восстановлении Самодержавной Власти На Руси.

Принята 1922 г. Западного Р.Н.Г.